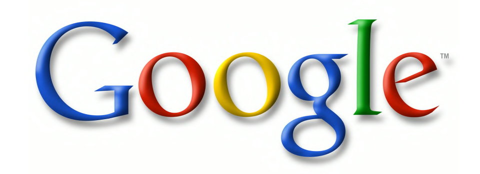

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

[redacted]

ВОПРОСЫ

Voprosy obshchestvennoi gigieny

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ

В. ПОРТУГАЛОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Моригеровскаго, Надеждинская улица, д. № 39.
1873.

ПЬЯНСТВО, КАКЪ СОЦІАЛЬНЫЙ НЕДУГЪ.

Der Mensch ist, was er isst.
Feuerbach.

Иногда какое-нибудь наше обыденное понятіе, переходя въ область науки, принимаетъ въ ней болѣе широкіе размѣры и получаетъ болѣе обширное значеніе, чѣмъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Такъ, понятіе объ ядѣ въ общежитіи чрезвычайно ограниченно. Всякій легко согласится, что мышьякъ, сулема, челябуха—яды, но всякій непремѣнно иронически улыбнется, если назвать вино или вообще спиртные напитки — ядомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, называть ядомъ вещество, которымъ упивается человѣчество, отъ котораго отказаться—все равно что отказаться отъ многихъ незамѣнимыхъ благъ жизни, отъ чрезмѣрныхъ наслажденій. Вѣдь почти немыслимо, чтобы человѣчество захотѣло поглубже вдуматься и признать ядомъ то, что составляетъ чуть-ли не для большинства лучшую отраду жизни. Все это мы очень хорошо знаемъ и все-таки рѣшаемся заявить здѣсь свое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Мы сами сознаемъ всю цѣнность хорошаго вина. Россійская глушь вездѣ бѣдна въ этомъ отношеніи и рюмка хорошаго вина въ русскихъ захолустьяхъ составляетъ такую цѣнную рѣдкость, что нисколько не удивительно, если она иногда выпивается съ наслажденіемъ. Но между этою простою и разумною умѣренностью и противоположными крайностями—лежитъ цѣлая пропасть, къ сожалѣнію, весьма часто легко и удобно переходимая. Вотъ объ этихъ-то крайностяхъ мы намѣрены поговорить здѣсь.

Районъ нашихъ наблюденій не великъ пространствомъ, не обиленъ числомъ, не богатъ фактами, бьющими въ глаза; предметъ нашихъ изслѣдо-

ваній страдаетъ большими недостатками и важными пробѣлами, извинительными развѣ въ силу физической невозможности или скудостью провинціяльной обстановки. И все-таки мы рѣшаемся говорить о данномъ вопросѣ, который мы изучали преимущественно съ соціальной точки зрѣнія.

При разнаго рода реформахъ послѣдняго времени, вопросъ о пьянствѣ требуетъ всесторонняго разбирательства и тщательной разработки. Судебный врачъ и администраторъ одинаково должны быть знакомы съ причинами пьянства и со всѣми его послѣдствіями. Гигіенистъ и представитель земства должны между собою соперничать въ прісканіи средствъ къ предупрежденію и въ принятіи мѣръ къ излѣченію этого страшнаго недуга, этой злокачественной язвы. На сколько это возможно,— увидимъ ниже.

Съ одной стороны, въ русской публикѣ господствуетъ убѣжденіе, что климатъ — виновникъ всѣхъ бѣдствій, всѣхъ золъ, всѣхъ болѣзней; съ другой стороны, въ народѣ укоренилось понятіе, что природа его организаціи не сокрушима ничѣмъ. Одинъ дьячекъ атлетическихъ размѣровъ и горькій пьяница увѣрялъ насъ, что «русскій желудокъ не только вино, а положи въ него долото, онъ и долото сваритъ». А между тѣмъ мы имѣли возможность безчисленное множество разъ убѣдиться, какъ русскій человѣкъ, отчасти по невѣденію, отчасти какъ-бы завѣдомо, нарочно портитъ свою дѣйствительно атлетическую организацію, губитъ свою природу, сокрушаетъ ее, вырождаетъ ее.

Патологія человѣка, излагаемая въ спеціальныхъ руководствахъ, описываетъ намъ, при каждой болѣзни, тѣ причины, которыя порождаютъ данную болѣзнь. Для общественно-гигіенической и соціальной же цѣли практичнѣе другой методъ, именно тотъ, по которому данный моментъ, стимулъ, обстоятельство изображается и выводится какъ причина цѣлаго цикла болѣзненныхъ явленій, страданій, вырожденій.

Исходя изъ той точки зрѣнія, что каждое явленіе въ природѣ человѣка имѣетъ свои законныя причины, мы глубоко убѣждены въ томъ, что пьянство — соціальный недугъ, паренхиматозно коренящійся въ соціальныхъ основахъ гражданственности, и мы намѣрены указать здѣсь, какія именно явленія соціальной жизни законнымъ и естественнымъ образомъ влекутъ за собою неизбѣжно пьянство, какъ причина — слѣдствіе. Разсмотрѣвши вопросъ о пьянствѣ съ этой точки зрѣнія, мы скажемъ, съ своей стороны, о томъ, какими мѣрами устранить пьянство какъ соціальный недугъ.

Причины пьянства. Организмъ человѣка требуетъ для своего питанія, возобновленія, возстановленія потерянныхъ и израсходованныхъ частицъ

извѣстнаго рода пищу въ опредѣленной пропорціи и опредѣленнаго качества, хотя индивидуально и различной, и maximum и minimum потребляемаго въ пищу не могутъ быть нарушены безъ дурныхъ послѣдствій для каждаго индивида. Новѣйшая физіологія несомнѣннымъ образомъ доказала, что для человѣка лучше всего и цѣлесообразнѣе питаться смѣшанною пищей. Къ этому мы прибавимъ, что только питающіеся смѣшанною пищей, а не одной исключительной растительной или животной, удовлетворяютъ вполнѣ человѣческимъ требованіямъ, нужнымъ для правильнаго физическаго и умственнаго развитія человѣка. Но почти всѣ физіологи отказываются опредѣлить ту норму, которая означала бы типическое сочетаніе питательныхъ веществъ въ количественномъ отношеніи, т. е. физіологи отказываются установить норму, сколько именно нужно для человѣка, какъ животнаго всеяднаго, употребляющаго притомъ питательныя вещества въ измѣненной формѣ,—бѣлка, жиру, углеводовъ, воды и минеральныхъ веществъ для поддержанія его жизни.

Впрочемъ, хотя и трудно опредѣлить типическое сочетаніе питательныхъ веществъ въ количественномъ отношеніи, однако же, многія наблюденія привели большую часть современныхъ физіологовъ къ тому положительному заключенію, что пища раздѣляется на *существенную* (бѣлковыя вещества) и *несущественную* (жиры и крахмалъ). Первыя безусловно необходимы для сохраненія жизни; вторыя хотя и важны, но не безусловно необходимы. Отсюда ясно, что хлѣбъ и говядина составляютъ самую существенную пищу. Всѣ же остальные матерьялы, содержащіе бѣлковыя вещества, хотя бы даже и въ большей пропорціи, чѣмъ хлѣбъ, напримѣръ, все-таки будутъ лишь слабыми суррогатами хлѣба и говядины. Но, говоритъ Гексли *), «хлѣбъ и говядина тогда только могутъ пріобрѣсти значеніе здоровой, физіологической пищи, когда они потребляются вмѣстѣ въ отношеніи 200:75, т. е. два фунта хлѣба на $^3/_4$ фунта говядины ежедневно». Далѣе изъ сочиненія Льюиса мы знаемъ, что раціоны, выдаваемые солдатамъ въ англійскомъ королевскомъ флотѣ, представляютъ слѣдующее краснорѣчивое сочетаніе питательныхъ веществъ: каждый солдатъ долженъ ежедневно получить фунтъ хлѣба, фунтъ свѣжаго мяса, одинъ галлонъ пива, одну унцію какао, полторы унціи сахару, полфунта овощей

*) Уроки элементарной физіологіи, стр. 184.

и $1^1/_2$ унціи чаю. А ежедневное продовольствіе рядового въ Великобританіи состоитъ изъ одного фунта хлѣба и $^3/_4$ фунта мяса въ день *).

Не довольствуясь этими положительными данными, мы установили нѣкоторыя домашнія наблюденія и отправились за справками къ весьма компетентнымъ въ этомъ отношеніи личностямъ, именно къ хозяйкамъ нѣкоторыхъ знакомыхъ намъ домовъ, къ заботливымъ и экономнымъ матерямъ семействъ. Отъ нихъ я узналъ за положительно вѣрное, что каждый членъ семейства ежедневно потребляетъ, среднимъ числомъ, втеченіи года полфунта говядины, или суррогаты ея въ видѣ телятины, птицъ, дичи. Это количество мяса потребляется въ такихъ семействахъ, гдѣ всѣ члены утромъ пьютъ чай или кофе съ хорошими сливками и съ сухариками, кренделями, шаньгами, ватрушками или сдобными булочками; потомъ иной разъ завтракаютъ; къ завтраку подаются: селедка, голландскій или швейцарскій сыръ, колбаса, сардинки, икра и проч., далѣе непремѣнно обѣдаютъ; обѣдъ состоитъ изъ двухъ, трехъ блюдъ: супа или щей, жаркого и соуса, иногда пирожнаго; нерѣдко запиваютъ все это рюмочкой хорошей домашней наливки или какого-нибудь вина, хотя бы и внутренняго приготовленія. Очень часто другъ къ другу ходятъ въ гости, причемъ подаются варенье, конфекты, орѣхи, пряники, пьютъ квасъ, водичку и иногда и самое шампанское, такъ какъ каждый день кто-нибудь да имянинникъ. Вечеромъ чай съ тѣми же неизбѣжными принадлежностями, какъ и утромъ, и день завершается хорошимъ ужиномъ. Если при такой скромной обстановкѣ и умѣренномъ образѣ жизни, каждый членъ семейства, среднимъ числомъ, въ скоромные дни потребляетъ полфунта говядины **), то мы смѣло рѣшаемся смотрѣть на этотъ полуфунтъ говядины, какъ на ежедневно необходимую и несокрушимую норму для каждаго человѣка втеченіи круглаго года. Если люди, свободные отъ физическаго (а можетъ быть, и умственнаго) труда и не увлекающіеся поэтому излишнимъ напряженіемъ мышечной и мозговой системы, а только изрѣдка совершающіе кое-какой моціонъ для переваренія пищи, потребляютъ каждый день полфунта говядины, то люди труда, люди чернорабочіе, люди, вынуждаемые силой обстановки на чрезмѣрныя физическія упражненія, необходимо должны еже-

*) Льюисъ. Физіологія обыденной жизни, стр. 137.

**) Говядина въ провинціи обыкновенно покупается съ костями, которыя идутъ въ супъ или щи. Стало быть, чистой говядины потребляетъ каждый $1^1/_2$ ф., съ костями же вмѣстѣ на каждаго придется не менѣе фунта.

дневно потреблять, какъ минимумъ, по крайней мѣрѣ, полфунта говядины, если не болѣе. То государство смѣло могло бы назвать себя счастливѣйшимъ, каждый подданный котораго съѣдалъ бы за обѣдомъ каждый день полфунта говядины...

Но если нѣтъ этого полфунта говядины, неужели его нельзя замѣнить соотвѣтственно вознаграждающимъ количествомъ хлѣба, рѣпы, картофеля? Никакъ нельзя; судите сами. Въ физіологіи Германна на 113 страницѣ находится таблица, по которой значится, что въ 1,000 частяхъ мяса $174,_{63}$ бѣлковыхъ веществъ, а въ пшеницѣ $135,_{17}$, крахмалу же въ мясѣ вовсе нѣтъ, а въ пшеницѣ его $568,_{64}$. Какая страшная разница въ работѣ для нашего желудка! Во-первыхъ, говядина удобоваримѣе хлѣба, во-вторыхъ, для того, чтобы организмъ извлекъ изъ хлѣба потребное для него количество питательныхъ веществъ, онъ долженъ несравненно больше трудиться и работать, чѣмъ при употребленіи говядины. Организму тогда приходится имѣть дѣло съ огромнымъ грузомъ крахмальныхъ веществъ и тратить много излишняго труда для возстановленія своихъ потерь; между тѣмъ какъ при употребленіи говядины онъ скорѣе и вѣрнѣе и съ меньшею потерей времени и при менѣе значительномъ усиліи возстановляетъ утраченное имъ въ физическомъ трудѣ.

Со всевозможною точностью и математическою вѣрностью опредѣлить, сколько говядины потребляетъ каждый житель необъятной Русской имперіи каждодневно и втеченіи цѣлаго года, — мы не имѣемъ никакой возможности, никакихъ особенно вѣрныхъ данныхъ; ни одна статистика еще не дошла до такого совершенства и, при теперешнемъ ея состояніи, она никакъ не можетъ дать отвѣта на такіе важные вопросы. Данныя, находящіяся у Гауснера, можно считать лишь приблизительными. По Гауснеру, среднее потребленіе мяса всѣхъ сортовъ во всей Европѣ (исключая Балканскій полуостровъ) доходитъ до $22,_7$ килограммовъ на одного человѣка или $45,_4$ фунта. Въ Великобританіи каждый житель потребляетъ 78 килограммовъ или 156 фунтовъ; maximum въ Англіи 93 килограмма или 186 фунтовъ (нашъ идеалъ!), minimum въ Ирландіи 32 килограмма или 64 фунта. Въ Бельгіи приходится на одного жителя 42, въ Голландіи 36, въ Баваріи 34, въ Швейцаріи 30 килограммовъ. Въ Россіи же на каждаго жителя приходится лишь 11 килограммовъ или 22 фунта *). Возьмемъ

*) Гауснеръ. T. II, стр. 431.

другой источникъ. Изъ статьи неизвѣстнаго автора, помѣщенной въ прибавленіяхъ къ «Биржевымъ Вѣдомостямъ» подъ названіемъ «государственная роспись на 1866 годъ», мы сдѣлаемъ слѣдующее извлеченіе, подтверждающее наше предположеніе. «Сельское населеніе въ Россіи, говоритъ неизвѣстный авторъ, потребляетъ весьма мало мясной пищи и крестьянинъ, вѣроятно, никогда не покупаетъ скотины для собственнаго потребленія. Слѣдовательно, продаваемыя съ этою цѣлью животныя назначаются для отправленія въ города или въ промышленныя мѣстности. Но и въ городахъ потребленіе мяса довольно ограниченно, сколько по неимуществу большей части ихъ жителей, столько же по причинѣ продолжительныхъ постовъ».

«Въ Лондонѣ приходится на каждаго жителя по 6, въ Парижѣ по 4, въ Берлинѣ по 3 пуда мяса въ годъ, а въ нѣкоторыхъ мелкихъ прусскихъ городахъ, благодаря взимаемому съ мяса акцизу, не болѣе 25 фунтовъ на душу. Полагая, что въ нашихъ столичныхъ городахъ, а также въ Ригѣ и Одессѣ потребляется каждымъ жителемъ столько же мяса, столько въ Берлинѣ, т. е. по 3 пуда, а всего въ этихъ городахъ отъ 3 до 4 милліоновъ пудовъ, и что остальнымъ населеніемъ, питающимся покупнымъ скотомъ, котораго наберется еще милліоновъ до 10, потребляется по 1 пуду, всего 10 милліоновъ пудовъ, все количество мяса поступающаго въ продажу въ Европейской Россіи (за исключеніемъ Польши и Финляндіи) ограничивается 13 милліонами пудовъ *)». Конечно, все это въ высшей степени гадательно. По нашему разсчету необходимо, чтобы въ Россіи каждый житель ежедневно потреблялъ бы minimum $^1/_2$ фунта говядины, что составитъ среднимъ числомъ ежегодно 183 фунта или $4^1/_2$ пуда. По Гауснеру же, каждый житель Россіи потребляетъ лишь $^1/_2$ пуда втеченіи цѣлаго года; а четырехъ пудовъ необходимой, неизбѣжной, ничѣмъ незамѣнимой пищи недостаетъ русскому человѣку! Что это нисколько не преувеличено, легко убѣдиться, если вспомнить и взвѣсить, какъ строго посты соблюдаются въ Россіи повсемѣстно простымъ народомъ, сколько этихъ постовъ въ году и какъ велика бѣдность вездѣ и всюду, когда цѣлыя губерніи голодаютъ и страдаютъ отъ неурожаевъ, наводненій, засухъ и тому подобныхъ бѣдствій.

Но если принять во вниманіе, что въ Россіи все-таки обитаетъ извѣстная масса людей состоятельныхъ, потребляющихъ говядину ежедневно и

---

*) Государственная роспись на 1866 г., стр. 23.

притомъ болѣе $1/2$ фунта въ день, то большая часть этой статистической цифры отойдетъ на долю людей благоденствующихъ и de facto сплошная масса населенія останется почти что непричемъ. Не только крестьянинъ, но во всѣхъ городахъ, гдѣ намъ приходилось жить и присматриваться, и большая часть мѣщанъ только въ большіе праздники разрѣшаютъ себѣ поѣсть говядины, разумѣется, послѣдняго сорта. Казалось бы, что, на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, одна лишь Англія достигла требуемаго нами идеала въ потребленіи говядины, такъ какъ тамъ приходится на каждаго обитателя среднимъ числомъ 186 фунтовъ въ годъ, слѣдовательно, полфунта въ день. Но мы, съ другой стороны, знаемъ, какія страшныя двѣ крайности населяютъ эту страну, мы знаемъ какъ великъ пролетаріатъ Англіи и какая тамъ ужасная бѣдность, совершенно чуждая потребленія говядины. Гауснеръ говоритъ (т. I, стр. 77), что еслибъ можно было имѣть вѣрную статистику бѣдныхъ и нищихъ, то она была бы самою интересною и самою поучительною. Но такъ какъ бѣдность—понятіе относительное и такъ какъ не вездѣ бѣдные пользуются одинаковымъ попеченіемъ общества, то число ихъ не вездѣ опредѣлено и часто смѣшивается съ нищими. Во всей Европѣ, по Гауснеру, 9,182,900 бѣдныхъ или 1 бѣднякъ приходится на 30,8 жителей. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ Англія. Во всей Великобританіи 1,328,800 бѣдняковъ, изъ которыхъ 249,000 нищихъ. Въ Россіи же 753,000 бѣдняковъ и въ томъ числѣ 300,000 нищихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти цифры не только не преувеличины, но, напротивъ того, далеко не выражаютъ настоящую бѣдность, а потому эти данныя могутъ лишь подтвердить тѣ предположенія, которыя мы желаемъ вывести.

Мы положили нормой потребленія говядины въ Россіи полфунта на каждаго человѣка. Но, принимая во вниманіе, что состоятельный классъ въ Россіи, съ одной стороны, избавленъ отъ физическаго труда, съ другой стороны,—люди состоятельные, какъ извѣстно, пьютъ чай, кофе, потребляютъ сахаръ, овощи, лакомства, одѣваются тепло и притомъ все-таки съѣдаютъ въ день полфунта говядины;—принимая все это во вниманіе, окажется, что эта норма, этотъ полуфунтъ говядины чрезвычайно недостаточенъ для человѣка рабочаго, не знакомаго ни съ сахаромъ, ни съ чаемъ и кофе и другими житейскими благами; этотъ полуфунтъ говядины долженъ быть conditio sine qua non существованія рабочаго человѣка. Ибо рабочій человѣкъ каждый день трудится, работаетъ, стало быть, потребляетъ ткани своего собственнаго организма, тратитъ физическія силы.

Этотъ процессъ требуетъ возобновленія, требуетъ питанія, требуетъ вознагражденія потери и возстановленія истраченной силы. Откуда же взять это? До сихъ поръ физіологія не можетъ разъяснить совершенно удовлетворительно загадочное дѣйствіе спиртныхъ напитковъ. Извѣстно только, что жидкости, содержащія алкоголь, съ одной стороны возбуждаютъ и усиливаютъ кровеобращеніе, дыханіе, а съ другой стороны на короткое время поддерживаютъ силы, замѣняютъ извѣстное количество пищи, уменьшаютъ, такимъ образомъ, потребность въ пищѣ и замедляютъ сгораніе тканей *). Эти качества спиртныхъ напитковъ — просто кладъ для бѣднаго, нуждающагося, трудящагося и голодающаго люда. Отсюда понятно, что всякій, кто ознакомится съ этими достоинствами спиртныхъ напитковъ, хотя бы безсознательно, непремѣнно почувствуетъ къ нимъ особенное влеченіе, сочтетъ ихъ за лучшее и постоянное подспорье или изберетъ ихъ даже средствомъ своего существованія. Отсюда ясно, что для бѣднаго, въ потѣ лица трудящагося и голодающаго люда спиртные напитки составляютъ роковую необходимость. Гаусперъ говоритъ (т. 2, стр. 436), что «Франція потребляетъ относительно въ 9 разъ больше спиртныхъ питій, чѣмъ Норвегія. Но эти данныя не даютъ и малѣйшей точки опоры для опредѣленія большаго или меньшаго пьянства той или другой страны, потому что водка превосходитъ вино и пиво по крѣпости въ 5 и 10 разъ.

---

*) Алкоголь *усиливаетъ способность охлажденія тѣла*, что зависитъ нѣсколько отъ усиливаемой алкоголемъ передачи тепла тѣломъ окружающей средѣ, но преимущественно отъ такихъ же измѣненій въ просвѣтѣ сосудовъ, какія замѣчаются при перерѣзкѣ нервовъ спинного мозга или сосудистыхъ. Никотинъ (табакъ) расширяетъ периферическіе сосуды, если не производитъ сильныхъ судорогъ; изъ этого понятно, какимъ образомъ онъ способствуетъ охлажденію тѣла. Подобнымъ же образомъ дѣйствуетъ отравленіе кураре и алкоголемъ. Въ особенности же важно это дѣйствіе алкоголя, такъ какъ народное вѣрованіе приписываетъ водкѣ, въ противоположность означенному ея дѣйствію, согрѣвающее свойство. Бѣднякъ, вмѣсто того чтобъ топить свое жилище, пьетъ водку. Субъективное ощущеніе согрѣванія тѣла отъ водки зависитъ отъ расширенія сосудовъ, производимаго алкоголемъ. Вслѣдствіе этого расширенія, къ озябшимъ частямъ тѣла проводится на мгновеніе больше теплоты, вообще же запасъ теплоты въ тѣлѣ потребляется при этомъ чрезмѣрно быстро. Поэтому алкоголь можетъ продолжительнымъ образомъ согрѣвать только хорошо и тепло одѣтыхъ и полныхъ людей. Смертные случаи отъ замерзанія зимой въ огромномъ большинствѣ случаевъ относятся, напротивъ, къ (плохо одѣтымъ) *пьянымъ* людямъ (Физіологія Ранке, стр. 471).

Стало быть, Россія, Пруссія, Швеція и другія водкой опивающіяся страны имѣютъ несравненно больше пьяницъ, чѣмъ Франція, Испанія, Италія, Баварія и другія пивомъ и виномъ наслаждающіяся страны».

Принимая въ Россіи 70,000,000 жителей и полагая, что каждый изъ нихъ съѣдаетъ ежедневно по полуфунту говядины и что средняя цѣна говядины въ Россіи 3 к. с. за фунтъ, мы найдемъ, что втеченіи 365 дней каждый житель съѣдаетъ $182\frac{1}{2}$ фунта говядины, т. е. на $5\frac{1}{2}$ р. сер. въ годъ и что 70,000,000 жителей потребляютъ ежегодно говядины на 385,000,000 р. сер. или на 1,540,000,000 франковъ. По Гауснеру же, мы знаемъ, что въ Россіи 28,670 винокуренныхъ заводовъ, которые выкуриваютъ ежегодно 16,360,000 гектолитровъ водки, и что изъ всѣхъ странъ Европы, по обилію производства водки, первое мѣсто занимаетъ Россія, надѣляя каждаго подданнаго $25,_2$ литрами водки. Не смотря на это, водка эта обходится Россіи всего въ 560,000,000 франковъ и на каждаго жителя расходъ на водку падаетъ въ размѣрѣ 8 франковъ 40 сантимовъ. Слѣдовательно, пить все-таки въ *три* раза дешевле, чѣмъ ѣсть говядину.

«Никакое вещество не можетъ такъ вѣрно предохранить отъ быстраго обмѣна азотъ и углеродъ содержащія органическія ткани, какъ алкоголь, и вотъ причина, почему алкоголь потребляется въ такомъ количествѣ тѣми сословіями, у которыхъ недостаетъ богатой азотомъ пищи. Эти люди въ силу того, что имъ недостаетъ мясной пищи и что они никоимъ образомъ не могутъ добыть ея, вынуждены пить водку» *).

«Отсюда слѣдуетъ, говоритъ далѣе Беккеръ, — книжка котораго заслуживаетъ полнаго вниманія по ясности изложенія интересующаго насъ здѣсь вопроса, — что, соотвѣтственно климату, занятію, индивидуальной конституціи, а главное, сообразно съ составомъ пищи, приходится пополнить большій или меньшій дефицитъ. Не должно также упускать изъ виду, что способность приспособленія, т. е. способность организма примѣниться къ внѣшнимъ обстоятельствамъ и переносить разныя невзгоды у одного больше, а у другаго меньше. Отсюда понятно, что потребность замедлить обмѣнъ веществъ у одного наступаетъ раньше, у другаго позже; понятно, что однихъ раньше, а другихъ позже побуждаетъ непреодолимое стремленіе къ горячимъ напиткамъ, почему одни почти ежедневно, другіе чрезъ

---

*) Boecker. Ueber eine Ursache des Brantweingenusses, стр. 55.

недѣлю, третьи чрезъ еще болѣе длинные промежутки прибѣгаютъ къ этимъ напиткамъ» *).

«Отсюда далѣе понятно, почему, напримѣръ, извощики, ямщики, которые хотя и питаются иногда говядиной, однако, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ напряженій на открытомъ воздухѣ, очень легко пристращаются къ водкѣ, хотя и среди этихъ людей лишь тѣ становятся пьяницами, которые ведутъ бѣдный образъ жизни. Не удивительно поэтому, что въ союзъ, основанный въ 1843 г. въ Берлинѣ для ограниченія пьянства и состоявшій изъ 903 членовъ, вступило 130 портныхъ, 67 сапожниковъ, ведущихъ сидячій образъ жизни, между тѣмъ какъ въ то-же общество вступило лишь 4 кучера, 1 кузнецъ, 3 кожевника, которыхъ трудъ несравненно напряженнѣе.

«Отсюда, наконецъ, понятно, что женщины, подверженныя вообще болѣе легкимъ напряженіямъ, чѣмъ мужчины, не такъ легко и скоро предаются горячимъ напиткамъ, такъ какъ у нихъ обмѣнъ веществъ совершается медленнѣе и такъ какъ ихъ легкія воспринимаютъ несравненно меньше кислорода. Средній возрастъ, въ которомъ дыхательный аппаратъ достигаетъ своего полнѣйшаго развитія, наиболѣе такимъ образомъ склоняется къ употребленію водки.» (Беккеръ, стр. 57).

Зная, такимъ образомъ, физіологическое значеніе алкоголя для нашего организма и его дериватовъ, сознавая потребность въ немъ человѣчества, нечего удивляться, что народъ избралъ его средствомъ, замѣняющимъ ему недостатокъ мясной пищи. Вотъ, значитъ, первая, главнѣйшая, коренная причина того, что народъ, по своей бѣдности и невѣжеству **), обратился къ горячимъ напиткамъ и преимущественно къ водкѣ, какъ наиболѣе доступной его средствамъ и скорѣе, вѣрнѣе ведущей къ желаемой цѣли. Съ полною увѣренностью мы высказываемъ свое убѣжденіе, что мы только потому не пьяницы, что хорошо и плотно ѣдимъ, притомъ разнообразную, питательную, удобоваримую и преимущественно богатую азотомъ пищу, тепло одѣваемся и живемъ въ теплыхъ зимою домахъ.

Если каждый житель Россіи, по своему экономическому положенію, вмѣсто 182 фунтовъ говядины потребляетъ среднимъ числомъ лишь $20^1/_2$ фунт., стало быть, если народъ имѣетъ потребность въ удобоваримой,

*) Boecker, 1. c. стр. 56.

**) А невѣжественъ онъ опять таки главнымъ образомъ потому, что бѣденъ.

мотистой, питательной пищѣ и большую часть своей жизни вынужденъ питаться растительной, мало питательной и менѣе удобоваримой пищей, то нечего проповѣдывать ему трезвость и воздержаніе, нечего цвѣтами поэзіи раскрашивать пагубное вліяніе и гибельныя послѣдствія пьянства, а нужно проникнуть въ самую суть дѣла и помочь ему болѣе радикальнымъ лѣченіемъ—улучшеніемъ его экономическаго положенія.

Преимущественное или почти исключительное потребленіе растительной пищи русскимъ народомъ указываетъ еще на одну весьма важную физіологическую потребность, въ которой онъ также не мало нуждается. Мы разумѣемъ соль и большой недостатокъ въ ней. Докторъ Рейхъ говоритъ, что люди, потребляющіе мало соли съ пищей, страдаютъ разстройствами пищеваренія и недостаточнымъ питаніемъ» *). Онъ приводитъ опыты Буссенго, который замѣтилъ, что рогатый скотъ, лишенный соли, становился лѣнивымъ и терялъ бодрость и силу. «Когда Кукъ и Форстеръ, говоритъ Льюисъ (стр. 76), высадились на Отаити, то они удивляли туземцевъ тѣмъ, что ѣли все съ *бѣлымъ порошкомъ*. Дикари, не употребляющіе бѣлаго порошка, ѣдятъ рыбу и варятъ мясо въ морской водѣ, богатой солью. Во многихъ частяхъ Африки за людей платятъ солью. На Золотомъ берегу изъ всѣхъ удобствъ жизни соль самое драгоцѣнное. На берегу Сіерра-Леоне туземецъ продаетъ сестру, жену и дѣтей за соль, потому что онъ не умѣетъ добывать ее изъ моря.»

До сихъ поръ физіологія еще не вполнѣ разъяснила значеніе поваренной соли для нашего организма; изъ опытовъ Версона и Штрикера **) пока извѣстно, что воздерживавшійся впродолженіи 8 дней отъ употребленія соли «чувствовалъ себя довольно дурно, температура его тѣла была повышена, въ желудкѣ ощущалось чувство полноты, за которымъ наступала значительная усталость. Въ послѣдніе дни опыта явленія эти скорѣе усилились, чѣмъ уменьшились.» Авторы эти приходятъ къ тому заключенію, что недостаточное содержаніе хлора въ организмѣ есть такой же раздражитель (Reiz), какимъ служитъ, по опытамъ Розенталя, недостаточное содержаніе кислорода въ крови для дыхательныхъ центровъ. Вслѣдствіе раздраженія наступаетъ усиленное потребленіе бѣлковинныхъ тѣлъ и на этомъ то и основано чувство усталости. Далѣе, изъ повседнев-

---

*) Reich. Die Ursachen der Krankheiten, стр. 234.

**) «Архивъ судебной медицины», мартъ 1868 г. Смѣсь, стр. 37.

ной жизни извѣстно, что соль—необходимѣйшая приправа пищи, что она содѣйствуетъ пищеваренію, содѣйствуетъ важнѣйшему процессу эндосмоза, и чѣмъ пища менѣе питательна, чѣмъ менѣе она удобоварима, чѣмъ болѣе она состоитъ изъ растительныхъ, а не животныхъ веществъ, тѣмъ болѣе организмъ нуждается въ соли для ея претворенія. Такъ какъ русскій народъ преимущественно питается растительною пищей: хлѣбомъ, кашей, грибами, картофелемъ, рѣпой, капустой, то мы нисколько не преувеличимъ, если положимъ нормой для каждаго такого индивида полфунта соли на недѣлю, потому что, по нашимъ наблюденіямъ, въ домахъ, обилующихъ богатою животною пищей, потребляется каждымъ индивидомъ около половины этого количества. Если еще принять во вниманіе, что соль также необходима для прокормленія скота, что молоко, мясо и проч. несравненно вкуснѣе при кормленіи скота солью, то количество соли, потребное на каждаго обитателя, увеличится чуть не вдвое. А между тѣмъ, по Гауснеру, мы знаемъ слѣдующее: во всей Европѣ на каждаго человѣка приходится $16,_8$ килограммовъ соли или 32 фунта. Онъ дѣлитъ Европу въ этомъ отношеніи на три категоріи. Великобританія у него занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ въ ней на каждаго жителя приходится 55 килограммовъ соли. Россія же занимаетъ у него шестое мѣсто во второй категоріи съ посредственнымъ потребленіемъ, такъ какъ въ Россіи на каждаго жителя приходится всего $6,_8$ килограммовъ соли или 12 фунтовъ. По нашему же разсчету, каждому русскому необходимо по крайней мѣрѣ 25 фунтовъ въ годъ. Слѣдовательно, больше половины недостаетъ.

Это, такъ сказать, матерьяльная сторона дѣла. Разсмотримъ теперь, хотя мелькомъ, такъ называемую моральную сторону. Сфера, въ которой намъ пришлось вращаться впродолженіи нашей дѣятельности въ качествѣ практикующаго врача, обыкновенно состояла изъ опредѣленнаго штата чиновниковъ, опредѣленнаго числа купцовъ, духовенства, мѣщанъ, ремесленниковъ и крестьянъ. Процентъ людей съ университетскимъ образованіемъ ничтоженъ,— капля въ морѣ. Классъ чиновниковъ (за ничтожнымъ исключеніемъ) представлялъ тогда собою людей съ самымъ поверхностнымъ образованіемъ. Слегка усвоивъ плоды внѣшней цивилизаціи, они устремляютъ всѣ свои желанія къ достиженію своего жизненнаго идеала, состоящаго исключительно въ заявленіи себя обладателями вещей внѣшней цивилизаціи, предметовъ роскоши. Но такъ какъ, при существующемъ порядкѣ вещей, этотъ идеалъ легко достижимъ и очень легко удовлетворяется, то на такой процессъ не приходится тратить слишкомъ много умственной,

мозговой работы, а пустое, досужее время надо чѣмъ нибудь наполнить. Страшнѣйшая провинціяльная болѣзнь, господствующая теперь повсемѣстно эпидемически и въ которой провинціалы иногда не сознаются, эта болѣзнь—тоска, бездѣлье, незнаніе куда дѣвать себя и свое время. Чиновники мало сходятся съ остальными сословіями по очень простой причинѣ, именно потому, что жизнь остальныхъ сословій еще скучнѣе, еще однообразнѣе, еще монотоннѣе и еще болѣе изобилуетъ самодурствомъ. Между собою чиновники находятся исключительно въ служебныхъ отношеніяхъ и никакихъ другихъ быть не можетъ, потому что кромѣ службы ихъ ничто не связываетъ. Какіе бы то ни было, общественные, литературные, ученые интересы имъ совершенно чужды. Политическіе интересы по самому свойству для нихъ немыслимы. Выписываются въ провинціяльномъ городкѣ иногда два, три журнала, та или другая газета, но не какъ потребность, а скорѣе какъ вещь той же внѣшной цивилизаціи, и потому большею частью не читаются. Совершенно обезпеченные матерьяльно и живя болѣе или менѣе комфортабельно, не знакомые ни съ физическимъ трудомъ, ни съ удовольствіями умственной работы, они проводятъ жизнь вяло, скучно, безалаберно. Но физіологическія потребности человѣка далеко не такъ просты. Каждый важный органъ нашего тѣла требуетъ соотвѣтствующей пищи: легкія—кислорода, желудокъ—съѣстного, сердце—крови, а мозгу нужна умственная или духовная пища. На этотъ позывъ немногіе въ состояніи чѣмъ нибудь отвѣтить, а потому всѣ остальные бросаются въ одну изъ двухъ крайностей: или интриги, сплетни, козни и проч. составляютъ насущную пищу такихъ субъектовъ, или они стараются заглушить, подавить, усыпить, залить мозговыя потребности излишнимъ потребленіемъ вина, наливокъ, водки. Отсюда та масса провинціяльныхъ обычаевъ, отсюда та вѣчно повторяющаяся вереница имянинъ, родинъ, крестинъ, требующихъ выпивки; отсюда тѣ частыя попойки, оргіи и другія увеселенія, обыкновенно оканчивающіяся какимъ-нибудь увлеченіемъ, скандаломъ. При такой обстановкѣ, послѣ цѣлаго ряда годовъ такой жизни, вдругъ какой нибудь индивидъ этой расы лишается службы, мѣста, куска хлѣба, и если такой субъектъ еще обремененъ гурьбой чадъ, сантиментальною женой, проиграетъ казенныя деньги или свое богъ-вѣсть какими путями благопріобрѣтенное, то что больше остается дѣлать такому господину, какъ не обратиться къ знакомому цѣлебному напитку? Гдѣ у такого субъекта возьмется энергія, воля выйти изъ бѣдственнаго положенія? Для него трудъ немыслимъ, физическое занятіе непостижимо, умственное напряженіе фи-

зически невозможно, не въ натурѣ, непривычно; а тутъ подъ рукой цѣлебный искуситесь, доставляющій забвеніе. Итакъ, забвенія, забвенія!

Сельское духовенство пребываетъ въ очень незавидномъ состояніи. Проголодавъ нѣсколько лѣтъ сперва въ бурсѣ, а потомъ въ семинаріи, молодой семинаристъ женится обыкновенно на молоденькой священнической дочери и сразу попадаетъ въ убогую крестьянскую среду, насчетъ которой ему приходится жить и гдѣ онъ вынужденъ питаться чуть не подаяніемъ изъ рукъ людей грубыхъ, невѣжественныхъ, не менѣе его знакомыхъ съ нуждою. Съ одной стороны, постоянныя требы, съ другой стороны, опять-таки отсутствіе всякихъ общественныхъ и умственныхъ интересовъ, всегдашняя зависимость отъ прихода и сознаніе по временамъ своей пригодности къ лучшей доли, нерѣдко пробуждающееся чувство желанія лучшей участи — все это заставляетъ сельскаго священника угоститься то тутъ, то тамъ, согрѣваться еще съ семинаріи знакомымъ напиткомъ. Въ той полосѣ пермской губерніи, гдѣ намъ пришлось практиковать, рѣдко можно встрѣтить женатаго священника. Большая часть изъ нихъ вдовые. Долго мы вдумывались и не могли себѣ объяснить этого печальнаго по своимъ послѣдствіямъ явленія въ силу существующихъ узаконеній. При относительномъ благосостояніи казалось, что женамъ священниковъ особенно слѣдовало отличаться продолжительнымъ срокомъ жизни. Выходитъ наоборотъ, и, кажется, вотъ почему: рожденныя отъ отцовъ въ большинствѣ случаевъ, злоупотреблявшихъ спиртными напитками, онѣ являются на свѣтъ божій довольно слабыми, вскармливаются на рожкѣ или соской, коровьимъ молокомъ; выходятъ замужъ очень молоденькими за семинаристовъ, голодныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, ежегодно рожаютъ дѣтей, ведутъ лично все свое хозяйство, страшно истощаются, впадаютъ въ чахотку и дѣлу конецъ. Овдовѣвъ, священникъ не видитъ другого исхода, ищетъ средства заглушить свое одиночество, свое горе и большею частью находитъ его въ винѣ.

Городскія сословія, состоящія изъ купцовъ и торгующихъ мѣщанъ имѣютъ свой особенный, имъ однимъ свойственный колоритъ. Коммерческіе обороты, разныя коммерческія ухищренія требуютъ извѣстнаго рода мозговой работы. Но разъ дѣло направлено, и купцу не остается болѣе ничего дѣлать; онъ этимъ ограничивается, остается in statu quo и въ другія сферы умственной дѣятельности онъ не суется. Вслѣдствіе этого купецъ, разжившись и не довольствуясь чаемъ, начинаетъ прохлаждаться винцомъ и кончаетъ водкой. Кончилась ярмарка и Титъ Титычъ, говорятъ, ужъ «разрѣшилъ», если ярмарка была хороша — съ радости, если дурна — с

горя. Оборвался, промотался, обанкрутился купецъ,—значитъ, фортуна измѣнила и онъ «разрѣшаетъ» и ничѣмъ тогда не остановить его самодурства, ничѣмъ нельзя вразумить его. А почему? Потому что все-таки въ этомъ сословіи нѣтъ ни малѣйшей солидарности, никакихъ взаимныхъ интересовъ, никакихъ соціальныхъ и интеллектуальныхъ отношеній. Все живетъ по установленному разъ обычаю и торгуетъ врозь. Малѣйшая неудача и единственный выходъ—общій благодѣтель водка.

Волостные писаря, большею частью выскочки изъ крестьянъ и мѣщанъ, въ короткое время легко наживаются, зазнаются, начинаютъ важничать, угощаютъ господъ, пьютъ вмѣстѣ съ ними и кончаютъ сивухой.

Крестьяне, шесть лѣтъ натрудившись въ потѣ не только лица, но всего корпуса, несутъ въ праздничный день свой двугривенный въ кабакъ изъ опасенія подчасъ, что онъ все равно перейдетъ въ чужія руки. Прибавимъ ко всему этому, что люди всякаго труда любятъ отдохновеніе, развлеченіе, увеселеніе. Но что даетъ наша провинціяльная *жисть* въ отвѣтъ на этотъ неумолимый запросъ? Ровно ничего. А потому совершенно естественно, что крестьянинъ отправляется въ свой клубъ — кабакъ, гдѣ онъ пропиваетъ свое убогое имущество (богатые крестьяне, конечно, не пьяницы), свое здоровье, здоровье своего потомства, нерѣдко и самую жизнь свою. А потому совершенно понятно, что отъ крестьянина до чиновника всѣ ищутъ развлеченія, увеселенія, наслажденія и, главное, забвенія въ винѣ и водкѣ.

Наслѣдственность расположенія не менѣе важный моментъ въ исторіи развитія и распространенія этого недуга. Мы видѣли семейства, которыхъ члены въ послѣдовательномъ порядкѣ и цѣлымъ рядомъ поколѣній становились жертвами этой пагубной страсти до погашенія рода.

Мы никакъ не рѣшаемся объяснить это явленіе однимъ лишь дѣйствіемъ примѣра, одинаковой обстановкой и воспитаніемъ; напротивъ, мы имѣли случаи убѣдиться, что явленіе это повторялось даже при отсутствіи вышеупомянутыхъ условій и ничѣмъ другимъ не беремся объяснить какъ только наслѣдственностью расположенія. Мы представимъ рѣзкій примѣръ тому. Молодой человѣкъ, лѣтъ 25, кончилъ курсъ въ семинаріи, побывалъ въ университетѣ, откуда былъ удаленъ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ; очутившись въ провинціи, онъ поступилъ въ гражданскую службу. Отецъ его былъ сельскимъ священникомъ. Вѣчно пьяный, онъ палъ отъ руки своихъ же духовныхъ чадъ; мать—кроткая женщина. Молодой человѣкъ отличался веселымъ, довольно юмористическимъ настроеніемъ ду-

ха; былъ довольно начитанъ, чрезвычайно развитъ, отрѣшенъ отъ всякаго рода предразсудковъ, независимъ, самостоятеленъ, безукоризненной честности на службѣ и внѣ службы, какъ человѣкъ усвоившій современныя европейскія понятія о чести и нравственности. Онъ никогда не искалъ общественныхъ увеселеній и всегда предпочиталъ имъ разумную бесѣду за стаканомъ чаю въ кругу людей, его близко знавшихъ и любившихъ его юморъ и неподкупную правоту. Никогда ничѣмъ не увлекаясь, онъ очень хорошо зналъ, какъ и отчего кончилъ жизнь его отецъ, и всегда помнилъ это; очень хорошо зналъ и понималъ пагубныя послѣдствія пьянства. Онъ настолько былъ развитъ, что вполнѣ понималъ, на сколько этотъ порокъ не достоинъ порядочнаго и развитаго человѣка. Онъ неоднократно видѣлъ предъ собою примѣры, которые имѣли самый плачевный исходъ и всегда производили на него самое тяжелое впечатлѣніе; онъ рѣзко порицалъ этотъ недостатокъ въ каждомъ человѣкѣ, а самъ иногда до безобразія напивался простою водкой. На другой день послѣ такого событія, болѣе всего непріятнаго для него самого, онъ жестоко каялся, давалъ слово и клятвенныя обѣщанія и себѣ и другимъ, что это въ послѣдній разъ, обличалъ всю гнусность поступка, гнушался самого себя и невольно снова при первомъ удобномъ случаѣ забывалъ всѣ требованія своего развитого ума, подчиняясь единственно наслѣдственной расположенности организма къ пьянству. Пока онъ еще вращался въ кругу людей, чуждыхъ этому пристрастію и удерживавшихъ его отъ увлеченій, онъ рѣдко прибѣгалъ къ зловредному и ненавистному напитку, но едва только онъ вышелъ изъ этой сферы, какъ совершенно отдался своей страсти и, можетъ быть, погибъ безвозвратно.

«Подъ именемъ наслѣдственности, говоритъ Морель, мы не разумѣемъ одну и ту же болѣзнь, перешедшую отъ родителей къ дѣтямъ, вполнѣ развитую и вполнѣ сходную по припадкамъ; какъ физическимъ, такъ и моральнымъ, замѣченнымъ у предковъ, но подъ именемъ ея мы разумѣемъ передачу органическихъ расположеній отъ родителей къ дѣтямъ. Чтобы доказать существованіе этой передачи, вовсе не нужно добиваться точнаго воспроизведенія болѣзни родителей въ дѣтяхъ; для этого достаточно уже и того, чтобы послѣднія были одарены несчастнымъ органическимъ предрасположеніемъ, которое становится точкой исхода цѣлаго ряда патологическихъ преобразованій. Связь и взаимная зависимость послѣднихъ, разумѣется, способны произвести совершенно другія болѣзни, какъ въ сферѣ

...ическихъ отправленій, такъ и въ сферѣ моральныхъ, а иногда и въ ...ѣихъ вмѣстѣ *).

«Законъ, который, кажется, не допускаетъ исключеній и который ста...итъ въ весьма бѣдственное положеніе дѣтей, унаслѣдовавшихъ, съ одной ...тороны, дурное органическое расположеніе, съ другой стороны, родив...шихся подъ гибельнымъ вліяніемъ порочныхъ или безнравственныхъ свойствъ ...воихъ родителей,—этотъ законъ, если угодно, есть *законъ двоякаго опло...дотворенія, передающаго физическое и моральное зло.* Я неоднократ...но замѣчалъ, что дѣти, родившіяся при такихъ условіяхъ, носятъ на себѣ ...эту двойную печать своего происхожденія. Алкогольная отрава родителей, ...какъ наиболѣе извѣстный намъ примѣръ, одна изъ причинъ вырожденій, ...цѣликомъ входящая въ составъ этого закона двоякаго оплодотворенія, пе...редачи физическаго и нравственнаго зла. Легко понять, почему именно это ...такъ, коль скоро извѣстно, что пьянство родителей тѣсно связано съ без...численными условіями вырожденія, порождаемаго бѣдностью, безнравствен...ностью и отсутствіемъ всякаго сколько-нибудь полезнаго наставленія» **).

Полагаютъ еще, что сурово-холодный сѣверный климатъ побуждаетъ ...къ частому и даже къ немалому употребленію спиртныхъ напитковъ; но ...если это даже и такъ, то дѣло опять-таки объясняется скорѣе тѣмъ, что ...обитатели сѣверныхъ странъ преимущественно питаются растительною пи...щей, а не животной, не мясной. Что въ этомъ вся суть, а не въ кли...матѣ,—доказываетъ то обстоятельство, что жители Остъ-Индіи, потребляю...щіе огромное количество риса, бѣднаго азотистыми элементами, также ...сильно преданы спиртнымъ напиткамъ ***). Ниже мы увидимъ, какъ обман...чивъ и какъ гибеленъ предразсудокъ, будто необходимо на сѣверѣ пить ...больше, чѣмъ на югѣ.

Итакъ, вызванная тѣмъ или другимъ побужденіемъ потребность въ ...спиртныхъ напиткахъ становится мало по малу привычкой. Физіологиче...ская потребность исподоволь превращается въ патологическую потребность, ...которая влечетъ за собою патологическія преобразованія физической и ...психической дѣятельности организма. Физіологическое удовольствіе, доста...вляемое первоначально спиртными напитками, переходитъ потомъ въ неот...вязчивую патологическую привычку. «Когда мы постепенно образуемъ свои

*) Morel: Traité des dégénérescences, стр. 565.

**) Morel. Ibidem, стр. 567.

***) Boecker. l. c. стр. 59.

привычки и привыкаемъ желать извѣстнаго дѣйствія или извѣстнаго поведенія ради доставляемаго ими удовольствія, то мы, наконецъ, продолжаемъ желать ихъ безъ всякаго отношенія къ удовольствію. Хотя бы мы вслѣдствіе какой-нибудь перемѣны въ нашихъ обстоятельствахъ и перестали находить удовольствіе въ дѣйствіи или, можетъ быть, ожидать удовольствія, какъ его послѣдствія, мы, однакожъ, продолжаемъ желать дѣйствія и потому совершаемъ его. Такимъ образомъ происходитъ, что привычки къ вредному излишеству продолжаютъ исполняться, хотя онѣ давно перестали приносить удовольствіе» *).

Послѣ всего вышесказаннаго безпристрастный читатель легко убѣдится, что причина потребленія спиртныхъ напитковъ чисто физіологическая, внутренняя, органическая. Она, съ одной стороны, зависитъ отъ недостатка соли и мясной пищи, зависитъ отъ преобладанія пищи растительной въ силу бѣдности, нищеты и народнаго убожества, въ силу суевѣрія, религіозныхъ требованій, невѣжества и полнѣйшаго отсутствія какихъ-либо гигіеническихъ знаній; съ другой стороны, отсутствіе всякихъ общественныхъ и интеллектуальныхъ интересовъ, пустота и безсодержательность семейной и соціальной жизни, грубое непониманіе настоящихъ и хорошихъ сторонъ жизни, отсутствіе всякихъ духовныхъ удовольствій и развлеченій, вѣчное переливаніе изъ пустого въ порожнее, полнѣйшій недостатокъ какихъ-бы то ни было положительныхъ знаній, полнѣйшее отсутствіе самоувѣренности, самодѣятельности и самостоятельности, вѣчная зависимость отъ разъ установленной рутины обычаевъ, нравовъ, обрядовъ, понятій и безнадежное отсутствіе иниціативы къ прогрессивному движенію впередъ,—вотъ тѣ черты, которыя характеризуютъ русское провинціальное общество и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ которыхъ должно явиться излишнее пристрастіе къ горячимъ напиткамъ, собственно говоря еще мало распространенное, въ силу этихъ условій, по недостатку матерьяльныхъ средствъ и инстинктивному стремленію человѣчества къ самосохраненію. Такимъ образомъ, мы пришли къ тому несомнѣнному и положительному заключенію, что пьянство—соціальный недугъ, глубоко коренящійся въ основахъ самого общества и вытекающій, какъ неизбѣжное слѣдствіе, изъ чисто физіологическихъ, соціальныхъ причинъ.

---

*) Д. С. Милль. Система логики. Логика нравственныхъ наукъ. Томъ 2, страница 414.

Статистико-антропологическое распространеніе пьянства.

Желать точной статистики смертности отъ пьянства и точной статистики распространенія пьянства среди живыхъ — почти физически невозможно, немыслимо. Мы a priori объявляемъ, что въ этомъ отношеніи не довѣряемъ ни одной статистикѣ, потому что данныя, представляемыя ими, рѣшительно недостаточны, такъ какъ неизвѣстно, какіе смертные случаи сосчитываются въ данномъ случаѣ. Мы прямо увѣрены, что если г. Шелгуновъ въ одной изъ своихъ статей въ «Русскомъ Словѣ» показываетъ, что въ Россіи ежегодно умираетъ отъ пьянства 40,000 человѣкъ,—цифра, достойная любого Ватерлоо,—то это, вѣроятно, лишь число такъ называемыхъ сгорѣвшихъ отъ вина и въ составъ этого числа нисколько не входитъ число умершихъ отъ безчисленнаго множества другихъ болѣзней, составляющихъ непосредственное слѣдствіе пьянства, хотя бы субъекты эти въ послѣднее время и не употребляли водки. Сумма же послѣднихъ неисчислима.

Даже у Эстерлена весьма мало данныхъ по этой части. «Число умершихъ отъ пьянства, говоритъ онъ *), было въ Англіи съ 1849 по 1853 среднимъ числомъ ежегодно 2,705 мужчинъ и 581 женщина, всего 3,286 или $4{,}_5$ на 100,000 жителей. Съ 1850 по 1859 г. умерло въ Англіи отъ пьянства и delirium tremens 8,090; среднимъ числомъ 809 или $4{,}_3$ на 100,000 жителей. Въ Женевѣ съ 1838 по 1847 и съ 1853 по 1855 г. ежегодно умирало 55 мужчинъ и 3 женщины, всего 58 или 7 на 100,000 жителей. Такимъ образомъ, въ Англіи умиралъ одинъ изъ 23,000 человѣкъ, а въ Женевѣ одинъ изъ 14,000. Въ Англіи въ 5, а въ Женевѣ въ 20 разъ больше мужчинъ, чѣмъ женщинъ. Наибольшая смертность случалась тамъ въ возрастѣ отъ 35 до 45 лѣтъ, а потомъ въ возрастѣ отъ 45 до 55. Вліяніе пьянства на общую смертность постоянно возрастаетъ вплоть до 35-ти и 45-ти-лѣтняго возраста, въ которомъ достигаетъ высшей степени, а съ 55-ти-лѣтняго возраста смертность постоянно уменьшается. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что вредное вліяніе спиртныхъ напитковъ обнаруживается преимущественно въ этомъ возрастѣ; напротивъ того, вредное его вліяніе усиливается съ дальнѣйшимъ возрастомъ; отсюда

*) Oesterlen. Medicinische Statistik., стр. 718.

лишь слѣдуетъ, что пьянство больше всего развито въ этомъ возраст что пьянство съ юности постоянно возрастаетъ до зрѣлой поры, достиг етъ полнѣйшаго развитія именно въ этомъ возрастѣ и съ этого време начинаетъ уменьшаться». Распространеніе пьянства въ Европѣ обнаруж вается, съ одной стороны, производствомъ водки, съ другой—потреблен емъ ея. Производство водки Гауснеръ *) отказывается опредѣлить точностью, ибо, напримѣръ, въ южной Германіи существуетъ множест мелкихъ винокурень для домашняго обихода. Во всей Европѣ число вин куренныхъ заводовъ простирается до 198,632. Изъ этого числа на до Австріи приходится 97,294; собственно Германія имѣетъ 25,075, Рос имѣетъ 28,670 винокуренныхъ заводовъ и въ 1862 году въ ней бы 89,887 питейныхъ заведеній, а въ 1864 г. 288,023 кабака. Великобр танія имѣетъ 16,550 винокурень; Франція — 10,450; Пруссія — 8,26 Швеція и Норвегія—5,370; Испанія—1,850; Голландія—1,650; Данія 652; Бельгія — 483; Швейцарія—380; остальныя государства Европы около 2,000 винокуренныхъ заводовъ.

Но чтобы показать рѣзкую разницу, характеризующую винокурни, д статочно указать на тотъ фактъ, что русская винокурня производит среднимъ числомъ, 575 гектолитровъ **) водки, бельгійская 595, а бава ская всего 17; виртембергская какихъ-нибудь 7 гектолитровъ. Произво ство водки ежегодно во всей Европѣ равняется 26,720,000 гектолитра Изъ этого количества Россія производитъ больше всѣхъ: именно—16,360,0 гектолитровъ.

Пруссія	2,390,000	гект.	Бельгія	240,000	ге
Австрія	2,280,000	»	Голландія	220,000	
Великобританія	1,560,000	»	Швейцарія	52,000	
Франція	820,000	»	Италія	50,000	»
Испанія	616,000	»	Малыя герм. госуд.	1,086,000	»
Швеція и Норвегія	580,000	»	Больш. » »	3,073,000	
Данія	383,000	»			

Во всей Европѣ на каждаго жителя приходится около 10 литровъ водк Гауснеръ дѣлитъ Европу въ этомъ отношеніи на три категоріи. Перв

---

*) Гауснеръ, т. II, стр. 241—293.
**) Гектолитръ или 100 литровъ = $8_{,13}$ русскимъ ведрамъ.

мѣсто въ первой категоріи занимаетъ Россія съ $25,_2$ литрами водки на человѣка.

Въ Польшѣ.	$17,_8$ литра на человѣка.
» Даніи.	$14,_1$ » » »
» Пруссіи.	$13,_6$ » » »
» Швеціи	$12,_1$ » » »

Это—страны съ сильнымъ производствомъ водки.

Вторая категорія содержитъ 9 странъ. Изъ нихъ въ Норвегіи приходится на каждаго жителя $6,_7$, а въ Австріи $6,_5$, въ Великобританіи $5,_3$.

Къ третьей категоріи принадлежатъ страны съ ничтожнымъ производствомъ водки, какъ, напримѣръ, Франція, гдѣ на каждаго приходится $2,_2$ литра, Швейцарія съ $2,_1$ литра и послѣднее мѣсто занимаетъ Италія съ $0,_{28}$ литра. Итакъ, производство водки въ Россіи въ 90 разъ сильнѣе, чѣмъ въ Италіи, въ 11 разъ больше чѣмъ во Франціи, въ 6 разъ больше, чѣмъ въ Испаніи, въ 5 разъ больше, чѣмъ въ Великобританіи, въ 4 раза больше, чѣмъ въ Австріи и вдвое больше, чѣмъ въ Пруссіи.

Производство водки. Во всей Европѣ производится водки на 1,205,500,000 франковъ. Одна Россія производитъ водки на 560,000,000 франковъ; Великобританія на 212,000,000; Австрія на 90,000,000, Пруссія на 80 мил. франковъ, на столько же Франція.

Каждому жителю Европы производство водки стоитъ 2 франка и 25 сантимовъ: британцу — 7 фр. 30 сант., русскому — 8 фр. 40 сант., въ Швеціи и Норвегіи обходится каждому 5 фр. 70 сант., въ Пруссіи—4 фр. 80 сант., въ Италіи—14 сантимовъ.

Производство пива (Hausner, B. II, стр. 287). Трудно опредѣлить число пивоваренъ и различное ихъ достоинство, потому что онѣ крайне разнятся между собою. Такъ, напримѣръ, пивоварня Барклея въ Лондонѣ производитъ 600,000 гектолитровъ пива и занимаетъ 1,800 рабочихъ; пивоварня Дреера занимаетъ 800 работниковъ и производитъ 220,000 гектолитровъ пива, между тѣмъ какъ въ Пруссіи бываютъ пивоварни, гдѣ работаетъ всего одинъ человѣкъ. Число пивоваренъ въ Пруссіи 6,834, въ Баваріи, классической странѣ пива,—5,385; въ Австріи—3,230; во Франціи—3,120; въ Великобританіи—2,568 большихъ и 37,256 домашнихъ пивоваренъ. Въ Россіи—не знаемъ сколько.

Количество варимаго пива во всей Европѣ равняется 74,120,000 гектолитрамъ. Одна Великобританія вывариваетъ почти половину всего европейскаго производства, именно 33,000,000 гектолитра.

Австрія	7,800,000 гект.	Швеція.	430,000 ге
Баварія	6,300,000 »	Швейцарія	500,000
Франція	5,600,000 »	Италія	250,000
Бельгія.	3,800,000 »	Малыя нѣмецк. гос.	11,300,000
Пруссія	3,600,000 »	Больш. » »	20,000,000
Россія.	1,500,000 »		

Во всей Европѣ на каждаго жителя приходится 27,1 литровъ пи Гауснеръ дѣлитъ Европу въ этомъ отношеніи на три категоріи. Пер мѣсто въ первой категоріи, какъ и слѣдовало ожидать, подобаетъ класс ческой странѣ пива—Баваріи, гдѣ на каждаго баварца приходится 1 литра; потомъ слѣдуетъ Великобританія, гдѣ каждому можетъ достат 113 литровъ, въ Виртембергѣ приходится 104 литра, въ Бельгіи — литровъ. Къ третьей категоріи принадлежитъ Россія, гдѣ на долю ка даго приходится всего $1^1/_2$ литра. Стоимость пива во всей Европѣ еж годно равняется 1,378,000,000 франковъ. Одна Великобританія трати на пиво 825,000,000 франк. и 193,000,000 собственно Германія. Б варія пропиваетъ 130,000,000 франк., Австрія — 102,500,000 фра Франція—74,000,000, Пруссія—50,000,000, Россія—17,000,000 фр ковъ на пиво, а вмѣстѣ съ медомъ она тратитъ 70,000,000 франков

Производство винограднаго вина. Исключая Турцію и Румынію, Е ропа ежегодно производитъ 127,880,000 гектолитровъ вина. Здѣсь пер мѣсто занимаетъ Франція, которая производитъ 45,800,000 гект. ви потомъ слѣдуютъ:

Италія съ производствомъ	24,400,000	гектолитр.	вина.
Австрія »	23,200,000	»	»
Испанія »	22,900,000	»	»
Россія »	800,000	»	»

Во всей Европѣ приходится на каждаго жителя 47 литровъ ви Здѣсь три категоріи: первое мѣсто въ первой категоріи занимаетъ Ва сія; тамъ приходится 240 литровъ вина на каждаго жителя; въ кант Шафгаузенъ — 222 на человѣка; въ Испаніи — 142 литра на челов въ Венгріи—138 лит.; во Франціи—123; въ Италіи—112; въ Росс 1,3 литра на человѣка. Послѣднее мѣсто занимаетъ Бельгія съ произв ствомъ въ 0,06 литра на человѣка. Такимъ образомъ, житель Вале имѣетъ къ своимъ услугамъ въ 4,000 разъ больше вина, чѣмъ бельгіе испанецъ имѣетъ въ 110 разъ больше, чѣмъ русскій. Стоимость ви граднаго вина во всей Европѣ ежегодно = 2,360,900,000 франко Отсюда:

Франція	производитъ	на.	916,000,000	франковъ	вина.
Испанія	»	».	423,000,000	»	»
Италія	»	».	405,000,000	»	»
Австрія	»	».	405,000,000	»	»
Швейцарія	»	».	23,000,000	»	»
Россія	»	».	9,600,000	»	»

Итакъ, во всей Европѣ ежегодно выпивается вина, водки и пива на 4,944,400,000 франковъ. Пять тысячъ милліоновъ франковъ потребляетъ христіанская и цивилизованная Европа для своего хроническаго отравленія! Этихъ цифръ совершенно достаточно для того, чтобы убѣдиться, что прежняя aqua vitae давнымъ давно обратилась въ aqua mortis.

Теперь мы хотимъ указать на одно особенное свойство спиртныхъ напитковъ, именно на то свойство, по которому спиртные напитки служили въ рукахъ европейцевъ средствомъ особаго рода цивилизаціи и завоеванія въ другихъ частяхъ свѣта. Съ этою цѣлью мы обратимся къ антропологіи Вайтца.

По всему западному берегу Африки негры сильно преданы горячимъ напиткамъ и особенно во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они приходятъ въ близкое соприкосновеніе съ европейцами *). Негры Золотого берега большіе пьяницы. Въ Дагомеѣ пьянство влечетъ за собою наказаніе и возбуждаетъ презрѣніе. (Т. II, стр. 150.) Готтентотовъ постоянно посѣщаютъ бѣлые торговцы, соблазняютъ ихъ водкой и дѣлаютъ пребываніе тамъ миссіонеровъ совершенно безполезнымъ. (Т. II, стр. 338.) Обыкновенное питье кафровъ вода: водка прежде всѣмъ имъ была противна, какъ и цулусамъ теперь, и если кой-гдѣ и встрѣчается пьянство, то этотъ порокъ сильно распространенъ только среди тѣхъ, которые живутъ по близости капской колоніи (Т. II, стр. 401.). Мальгаши и гавасы до того преданы спиртнымъ напиткамъ, что послѣднимъ пришлось ихъ запретить подъ страхомъ смертной казни (Т. II, стр. 437.) Фула живутъ обыкновенно очень умѣренно и презираютъ спиртные напитки, только близь англійскихъ факторій на берегахъ Гамбіи они почти исчезли отъ пьянства (Т. II, стр. 467.).

«Извѣстно, говоритъ Вайтцъ, какія страшныя опустошенія производило пьянство между индѣйцами, и нѣкоторые авторы въ своихъ сужденіяхъ доходили до ложныхъ толкованій, что будто индѣйцы питаютъ къ горячимъ напиткамъ непреодолимую наклонность. Оказывается совершенно

---

*) Вайтцъ, Т. II, стр. 86.

наоборотъ: почти повсемѣстно стоило чрезмѣрныхъ усилій ввести (Т. III, стр. 83.). Сѣверные индѣйцы и чепеваи не очень падки къ во и теперь, а туземцы Гудсонбая никогда бы не желали имѣть ее и томъ за такую дорогую цѣну. Новайосы также не слишкомъ пред пьянству (но все-таки преданы). У племени Канзасъ и Пани еще до 182 пьянство было рѣдко и служило предметомъ насмѣшекъ и майоръ Йо справедливо сомнѣвается, чтобъ индѣйцамъ можно было приписывать родное влеченіе къ спиртнымъ напиткамъ. Кромѣ миссіонеровъ, епис квебекскаго и нѣкоторыхъ колонистовъ, индѣйцы Канады прежде ч сами протестовали противъ торговли водкой, но французскій губерна покровительствовалъ ей. Туземцы Делавара еще въ 1670 г. усердно сили прекратить эту торговлю; тѣ же заявленія дѣлали многія пле Новой Англіи; всѣ они хлопотали о томъ, чтобъ воспрепятствовать возу спиртныхъ напитковъ; но все напрасно: торговля водкой была сл комъ прибыльна для бѣлыхъ. Все-таки въ 1635 г. нашли нужнымъ претить употребленіе водки въ Новой Англіи, также какъ и въ Пенс ваніи при Пеннѣ; а въ Коннектикутѣ угрожали торговцамъ водкой ными наказаніями; но все напрасно: всѣ эти мѣры не имѣли ника успѣха. «Пошлите ваше вино и вашу водку въ тюрьму», сказалъ о индѣецъ, «не мы, а она виновница всѣхъ бѣдствій и золъ, какія чаются съ нами». Сообразно съ этимъ взглядомъ, что въ самой в обитаетъ духъ, побуждающій пьющаго говорить и дѣйствовать, всѣ оск ленія и проступки, совершенные въ пьяномъ образѣ, оставались безн занными, такъ какъ ихъ нельзя было приписывать совершившему; а тому иногда случалось, что нѣкоторые нарочно напивались, чтобы бе казанно отомстить своему врагу чѣмъ нибудь.

Въ сѣверной Каролинѣ, гдѣ до прибытія бѣлыхъ пьянство вовс было извѣстно, повторилась та же исторія, какъ и въ другихъ мѣст былъ заключенъ договоръ, запрещавшій ввозъ рому, и, разумѣется, н не думалъ соблюдать таковой договоръ».

Итакъ, индѣйцы тутъ ровно непричемъ, и только благодаря безсов нымъ торговцамъ пьянство привело индѣйцевъ въ полнѣйшее раззор Изображая яркими красками политику Соединенныхъ Штатовъ отн тельно индѣйцевъ, Вайтцъ (Т. III, стр. 272) говоритъ, что пьянство родило у туземцевъ разбои и смертоубійства и что торговцы водкой пользовались этимъ порокомъ, чтобы раззорить ихъ въ конецъ. Не см на это, политика Соединенныхъ Штатовъ не предпринимала никакихъ

дикальныхъ мѣръ противъ этихъ гнусностей. Племена Йова и Озага сильно преданы пьянству. Послѣднія до 1820 г. жили еще въ первобытномъ состояніи: о деньгахъ и водкѣ они не имѣли ни малѣйшаго понятія, но торговцы научили ихъ браниться, играть въ карты, и тѣмъ окончательно погубили ихъ (Т. III, стр. 293.). Нѣкоторыя племена, однакоже, чувствуютъ, насколько для нихъ гибельны эти отравляющія зелья, и всячески стараются отъ нихъ отдѣлаться. Такъ шоктовы и шикоровы, благодаря стараніямъ миссіонеровъ, рѣшили въ 1821 г. въ полномъ своемъ собраніи учредить вездѣ школы и воспретить продажу водки (Т. III, стр. 297.).

Распространеніе водочной цивилизаціи русскими среди азіятскихъ народовъ не уступитъ по силѣ и послѣдствіямъ тѣмъ же подвигамъ англо-саксонской рассы. Одною изъ могущественныхъ причинъ неимовѣрнаго исчезанія алеутовъ Вельяминовъ считаетъ распространеніе пьянства, (Т. III, стр. 314). Хинонки, не смотря на то, что спиртные напитки и вообще пьянство были имъ въ высшей степени противны, все-таки кончили тѣмъ, что цѣликомъ отдались этому пороку (Т. III, стр. 337).

Не только англо-саксы въ Америкѣ, русскіе въ Азіи, но и испанцы не отставали въ рвеніи распространенія этого рода цивилизаціи. Такъ, карибы рѣдко употребляютъ въ пищу мясо и вовсе не употребляютъ соли, но зато у нихъ и мужчины и женщины научились у европейцевъ приготовлять всякіе хмѣльные напитки и сильно преданы пьянству (Т. III, стр. 377). Индѣйцы Гвіаны обязаны европейцамъ невѣдомымъ дотолѣ болѣзнямъ, а пьянство довершило ихъ паденіе и окончательное исчезновеніе вблизи колоній (Т. III, стр. 398). Индѣйцы пампасовъ сильно преданы пьянству, вслѣдствіе чего между ними часто случаются убійства и господствуетъ вѣчная распря (Т. III, стр. 499). Въ Чили само правительство прилагаетъ все свое стараніе для того, чтобы обезсилить аракуанцевъ продажей водки (Т. III, стр. 525). Хиквитосы очень любятъ всякія пиршества съ музыкой и танцами, причемъ они напиваются особымъ напиткомъ, приготовляемымъ изъ маиса (Т. III, стр. 530). Тоже нужно сказать о племени Моксосъ (Т. III, стр. 637). Габиты и холоны очень распутны и большіе пьяницы (Т. III, стр. 543). Индѣйцы провинціи Майнасъ нѣсколько цивилизованнѣе, они одѣваются нѣсколько лучше, посѣщаютъ церковь, послушны пастору, но нечистота, лѣность и пьянство процвѣтаютъ у нихъ точно какъ у цивилизованнаго народа (Т. III, стр. 548).

У первобытныхъ мексиканцевъ пьянство жестоко наказывалось, хотя народная мораль приписывала поступки опьянѣвшаго не ему собственно,

а винному божеству. Употребленіе спиртныхъ напитковъ, особенно пульке *), возможно было только съ разрѣшенія военноначальника и судьи. Пульке употреблялось лишь какъ лекарство и не иначе, какъ людьми не моложе 50-ти-лѣтняго возраста. Но, по завоеваніи страны испанцами, пьянство сдѣлалось всеобщимъ. При большихъ празднествахъ, на свадьбахъ и проч. 30-ти-лѣтнимъ мужчинамъ дозволялось выпивать двѣ чашки пульке; кто особенно усиленно трудился, тому тоже дозволялось вкусить этого напитка. Но вообще пьянство было презираемо; кто ему предавался, того стригли на-голо, домъ его разрушали и онъ лишался права занять какую нибудь должность. Дворянинъ, хотя-бы однажды замѣченный въ пьянствѣ, наказывался смертью, а простолюдинъ — лишь при повтореніи этого проступка (Т. IV, стр. 85). Ничего нѣтъ удивительнаго, что въ теперешнихъ мексиканцахъ трудно узнать прежнихъ трезвыхъ дикарей. Съ уничтоженіемъ язычества сразу были прерваны всѣ политическія и соціальныя связи. И хотя христіанство и было введено, но пьянство легче, сильнѣе и скорѣе привилось, усвоилось и произвело полнѣйшую деморализацію, немыслимую при ихъ прежнихъ учрежденіяхъ (Т. IV, стр. 188). Шошони на берегахъ Green River (рукавъ Колорадо) живутъ хорошо, потому что питаются мясомъ буйволовъ и презираютъ спиртные напитки (Т. IV, стр. 213). За то куманхи, которые прежде ненавидѣли водку и называли ее «дурацкою водой», теперь окончательно отдались пьянству (Т. IV, стр. 214).

Что касается калифорнійцевъ, то они, собственно говоря, ненавидятъ ромъ и другіе крѣпкіе напитки, называя ихъ «сѣверною водой». Но въ миссіяхъ очень часто случаются пьянство, воровство и убійства (Т. IV, стр. 242). Индѣйцы Никорагвы также сильно преданы пьянству и считаютъ его качествомъ, достойнымъ храбраго воина (Т. IV, стр. 279). Въ Гондурасѣ приготовляютъ хмѣльные напитки изъ ананасовъ, платановъ и другихъ плодовъ, разжовываемыхъ женщинами. И эти возбудительные напитки привели ихъ въ послѣднее время въ сильнѣйшій упадокъ (Т. IV, стр. 240). Въ Перу, Экуадорѣ свѣтскія и духовныя власти до того разграбили и раззорили перуанцевъ, что они сильно пали нравственно и о христіанствѣ тамъ нѣтъ и помину; всѣ ихъ празднества исполнены пьянства и оргій. Духовенство предано лишь своимъ личнымъ интересамъ, прибѣгаетъ къ самымъ унизительнымъ средствамъ стяжанія денегъ и удаляется изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оно теряетъ виды на ихъ добываніе. Оно

*) Пульке—напитокъ, приготовленный изъ выброженнаго сока растенія агавы.

лишь ловко умѣетъ пользоваться наклонностью туземцевъ къ горячимъ напиткамъ: заключаетъ съ ними условія, даетъ имъ впередъ деньги, закрѣпляетъ условія водкой, позволяетъ себѣ обсчитывать рабочихъ при разсчетѣ и тѣмъ привело ихъ въ такую зависимость отъ себя, которая развѣ только названіемъ отличается отъ настоящаго рабства (Т. IV, стр. 498).

Послѣ этихъ подробностей излишнимъ кажется доказывать, что обвиненіе индѣйцевъ Америки въ излишнемъ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ падаетъ всею своею тяжестью на европейскихъ и христіанскихъ цивилизаторовъ.

«Часто, говоритъ Вайтцъ, упрекали туземцевъ Америки и выставляли пьянство, какъ нравственную порчу, особенно свойственную краснокожимъ и неизбѣжно ведущую ихъ къ гибели, къ неумолимому вымиранію. То же самое утверждаютъ и о многихъ другихъ первобытныхъ народахъ. Но это скорѣе явленіе полнѣйшей несостоятельности, какую обнаруживаетъ человѣкъ въ первобытномъ состояніи, когда имъ овладѣваютъ страсти и должны овладѣвать тамъ, гдѣ господствуютъ всеобщая и полнѣйшая беззаботность о будущемъ и отсутствіе сознаванія въ этомъ порокѣ чего нибудь безнравственнаго или недостойнаго. Не говоря уже о томъ, что индѣйцы Сѣверной Америки во множествѣ случаевъ обнаруживали самообладаніе въ высокой степени и многія отдѣльныя личности дѣлали серьезныя усилія устранить тлетворное пьянство, лишь только они убѣдились, насколько оно вредно, — не говоря объ этомъ, мы напомнимъ, что и среди европейцевъ пьянство производитъ не маловажное истребленіе. Въ низшемъ классѣ обитателей Капской колоніи всѣ почти отчаянные пьяницы. Большая часть поселенцевъ на рѣкѣ Дервентѣ въ Вандименовой землѣ погибла отъ того-же порока. Въ Новомъ Южномъ Валисѣ двѣ трети всѣхъ доходовъ этой колоніи получались отъ вина и на каждаго взрослаго приходилось тамъ въ 1820 г. 6 галоновъ, а въ 1829 г. 9 галоновъ вина, исключая напитковъ, дистиллируемыхъ на мѣстѣ. Въ одномъ Сиднеѣ отъ 200 до 300 кабаковъ и тамъ, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ больше пьютъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ той-же страны» (Т. 1, стр. 378).

Вотъ чѣмъ служила водка въ рукахъ европейцевъ, отправлявшихся съ высокою миссіей цивилизаціи въ новооткрытыя земли. И послѣ всего этого удивляются быстрому и неимовѣрному вымиранію первобытныхъ племенъ! И послѣ всего этого еще сомнѣваются въ гибельномъ и отравляющемъ дѣйствіи спиртныхъ напитковъ на человѣческій организмъ!

Вліяніе пьянства на организмъ вообще. Разнообразные мотивы и индивидуальныя особенности, вызывающіе побужденіе къ злоупотребленію спиртными напитками, естественнымъ образомъ влекутъ за собою и разнообразныя послѣдствія. Одна и та-же причина — излишнее употребленіе вина или водки—смотря по организаціи, той или другой предрасположенности, той или другой конституціи тѣла, вызываетъ у различныхъ индивидовъ различныя страданія. Мы не будемъ говорить здѣсь въ подробности объ индивидуальныхъ послѣдствіяхъ пьянства, такъ какъ намѣреваемся разсмотрѣть болѣе тѣ послѣдствія его, которыя отражаются на обществѣ.

Цѣлая цѣпь разнообразнѣйшихъ страданій, порождаемыхъ виномъ и водкой, заставляетъ насъ смотрѣть на нихъ, какъ на ядъ, и самыя страданія считать послѣдствіями отравленія. Эти послѣдствія бываютъ ближайшія и отдаленныя. Ближайшія раздѣляются на острое отравленіе алкоголемъ и на хроническое. Относительно остраго отравленія мы здѣсь сообщаемъ весьма плодотворныя изслѣдованія Лудимора Германа *). Наблюденія и опыты, сдѣланные въ этомъ отношеніи Германомъ, какъ нельзя болѣе подтверждаютъ, до чего алкоголь страшный ядъ. Нѣкоторыя вещества, дѣйствующія ядовито на животный организмъ при непосредственномъ соприкосновеніи съ кровью, не оказываютъ такого вреда при внутреннемъ употребленіи чрезъ желудокъ. Это Германъ объясняетъ тѣмъ, что ядовитость какого-нибудь вещества зависитъ еще и отъ количества яда, находящагося въ крови; но количество яда въ крови зависитъ отъ двухъ противуположныхъ процессовъ: всасыванія и выдѣленія. Если ядъ не на долго остается въ крови и пребываетъ тамъ не въ большомъ количествѣ, если по мѣрѣ накопленія его процессомъ всасыванія онъ извергается мочей, потомъ, вообще процессомъ выдѣленія, тогда не произойдетъ отравленія, тогда оно невозможно; въ противномъ случаѣ отравленіе не замедлитъ проявить себя. Такъ, напримѣръ, кураре, соли калія, змѣиный ядъ, попадая непосредственно въ кровь, дѣйствуютъ очень ядовито и чрезвычайно быстро; но, будучи приняты внутрь, они не оказываютъ этого дѣйствія, потому что, по мѣрѣ всасыванія ихъ слизистою оболочкой желудка, они выдѣляются слизистою оболочкою почекъ; присутствіе ихъ въ крови

---

*) Archiv für Anatomie und Physiologie, von Reichert und Du-Bois-Reymond. 1867. I, стр. 67 по 73.

кратковременно и не въ значительной дозѣ, а потому они и не причиняютъ организму особеннаго вреда. Германъ подтверждаетъ это положеніе чрезвычайно поучительнымъ опытомъ. Кроликамъ можно дать внутрь довольно большія дозы кураре и они переносятъ его безвредно. Но стоитъ лишь предварительно перевязать почечные сосуды и тѣмъ остановить процессъ выдѣленія, какъ весьма умѣренная доза кураре, впущенная въ желудокъ, быстро убиваетъ ихъ при самыхъ характеристическихъ явленіяхъ отравленія кураре. Тоже самое должно сказать и объ алкоголѣ. По мѣрѣ того, какъ этотъ ядъ всысывается слизистою оболочкою желудка, онъ выдѣляется тремя путями: преимущественно легкими, затѣмъ кожей и почками. Винный запахъ изо рта пьяницъ происходитъ не изъ желудка, а испаряется изъ легкихъ. Если-бы воспрепятствовать выдѣленію этого яда, то онъ также немедленно подѣйствуетъ убійственно. Германъ подтверждаетъ и это самымъ блистательнымъ опытомъ. Онъ взялъ двухъ кроликовъ одинаковой величины, отравилъ ихъ одинаковымъ количествомъ алкоголя 50% и одного изъ нихъ подвергнулъ дѣйствію холода, оставивъ его на воздухѣ въ морозный день, а другого оставилъ у теплой печки; первый впалъ въ спячку и скоро околѣлъ; второй-же спустя нѣсколько часовъ оправился. Холодъ воспрепятствовалъ выдѣленію алкоголя легкими и кожей и ускорилъ поэтому смерть. «Втеченіи моей практики, говоритъ Германъ, мнѣ раза два случалось быть приглашеннымъ къ паціентамъ, съ которыми отъ суроваго зимняго холода, послѣ весьма умѣреннаго, не превышавшаго обычной порціи количества вина (разъ вина, другой разъ водки), дѣлались апоплексическіе припадки и опытные врачи увѣряли меня, что подобные случаи нерѣдко повторяются во время холодныхъ зимъ». Германъ объясняетъ это тѣмъ, что холодъ замедляетъ испареніе алкоголя легкими и кожей, задерживаетъ алкоголь въ крови, послѣдній скопляется въ ней и дѣйствуетъ, какъ отрава. Отсюда понятно, почему такъ часто сторожа у лавокъ и вообще плохо одѣтые нищіе такъ легко погибаютъ при незначительномъ даже холодѣ и отъ не слишкомъ значительнаго количества вина. Отсюда также ясно, что тѣ, которые въ сильный холодъ, отправляясь въ дорогу, выпиваютъ, чтобъ согрѣться, по нѣскольку рюмокъ вина или рому, водки, сильно рискуютъ своимъ здоровьемъ и самою жизнью.

Противуположныя наблюденія приводятъ къ тому-же заключенію. Усиленное выдѣленіе алкоголя также препятствуетъ отравленію. Въ этомъ отношеніи интересно наблюденіе Пеппига, приводимое Германомъ. Пеп-

пигъ именно замѣтилъ, что на Андахъ, на возвышенныхъ высотахъ,
ловѣкъ, нисколько не привыкшій къ вину и водкѣ можетъ безвредно
пить большое количество того или другого. То же самое замѣтилъ Ул
на Андахъ къ Квито. Тамъ, чтобы достигнуть желаемаго опьянѣнія,
обходимо выпить большія дозы вина, что влечетъ за собою, какъ и ве
самыя плачевныя послѣдствія. «Въ Церро-де-Паско, разсказываетъ П
пигъ, поселившіеся англичане, найдя здѣсь отечественный климатъ, об
тились съ наступленіемъ суровой зимы къ вину, но чувствовали отъ н
лишь усиленное кровеобращеніе и не ощущали ни теплоты, ни устало
ни оглушенія. Обманувшись въ разсчетѣ и въ томъ предположеніи,
недостатокъ крѣпости въ винѣ можно и слѣдуетъ пополнять все больш
и большимъ количествомъ его, многіе изъ нихъ стали горькими пьяниц
и многіе поплатились жизнью за это обманчивое увлеченіе.» Такимъ
разомъ, уменьшенное давленіе атмосферы способствуетъ скорѣйшему вы
ленію алкоголя, не даетъ ему скопляться въ крови и тѣмъ препятству
отравленію. Германъ хотѣлъ и это подтвердить нагляднымъ опытомъ н
кроликами, но до сихъ поръ еще не пришелъ къ положительнымъ зак
ченіямъ и обѣщаетъ сообщить о своихъ дальнѣйшихъ наблюденіяхъ.

*Вліяніе пьянства на продолжительность жизни, заболѣваемо
и смертность.* Эстерленъ приводитъ изслѣдованія объ этомъ Нейс
и отзывается объ нихъ съ особенною похвалой. Мы позволяемъ себѣ
мѣстить ихъ здѣсь. Нейсонъ собралъ данныя о 6,111 пьяницахъ и п
шелъ къ такимъ заключеніямъ: смертность пьяницъ была почти во вс
возрастахъ несравненно больше, чѣмъ общая смертность всего народо
селенія Англіи; въ возрастѣ отъ 21 по 30 годъ она была больше въ
разъ, а въ возрастѣ отъ 30 до 50 лѣтъ въ 4 раза. И въ то вре
какъ, судя по общей дани, приносимой смерти населеніемъ Англіи,
числа пьяницъ должны были бы умереть 110 (еслибъ они не были п
ницами), ихъ умерло 357; т. е. смертность ихъ была въ 3 раза боль
чѣмъ смертность общаго населенія страны въ томъ же возрастѣ. Вѣро
ная продолжительность жизни была, такимъ образомъ, въ возрастѣ:

отъ 20	лѣтъ	у пьяницъ	$15,_{5}$	лѣтъ,	у всего	же	населенія	Англіи	$44,_{2}$
» 30	»	»	$13,_{18}$	»	»	»	»	»	$36,_{41}$
» 40	»	»	$11,_{76}$	»	»	»	»	»	$28,_{7}$
» 58	»	»	$10,_{78}$	»	»	»	»	»	$21,_{32}$
» 60	»	»	$8,_{79}$	»	»	»	»	»	$14,_{12}$

Итакъ, непьяница въ возрастѣ 20-ти лѣтъ имѣетъ вѣроятіе прожить е

44 года, тогда какъ пьяница того же возраста можетъ разсчитывать всего на 15 лѣтъ жизни или имѣетъ на 35% меньше надежды прожить. Отсюда видно, что изъ числа всѣхъ злоупотребленій, могущественнѣйшимъ образомъ уничтожающихъ жизнь, самое могущественное—пьянство!

Далѣе, изъ данныхъ Нейсона вытекаютъ еще весьма важныя и замѣчательныя соображенія о различномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ на смертность и продолжительность жизни, смотря по роду напитковъ, по тѣлосложенію, образу жизни и т. д. Средняя продолжительность жизни, отъ начала пьянства, была такимъ образомъ у пьющихъ пиво $21,_7$ и изъ ста умирало ежегодно $4,_{59}$ у пьющихъ водку — $16,_7$ и изъ ста умирало ежегодно $5,_{29}$; а у пьющихъ и то и другое—$16,_1$ и изъ ста умирало ежегодно—$6,_{19}$. Этимъ подтверждается старинный опытъ, что водка опаснѣе и вреднѣе дѣйствуетъ, чѣмъ пиво или вино, а чрезмѣрное употребленіе обоихъ еще вреднѣе, чѣмъ того или другого отдѣльно взятого (примѣчаніе). Не менѣе различно проявленіе вліянія пьянства на разные классы людей, ибо средняя продолжительность жизни отъ начала пьянства у такъ называемыхъ рабочихъ классовъ равняется 18-ти лѣтъ, у торгующаго класса 17, у образованнаго сословія 15, а у женщинъ всего 14. На послѣднихъ пьянство дѣйствуетъ, такимъ образомъ, гибельнѣе, чѣмъ на кого-либо, и образованный классъ сильнѣе страдаетъ, чѣмъ рабочій и ремесленный. Наконецъ, Нейсонъ сопоставляетъ различныя болѣзни, какъ причины, заканчивающія и закончившія жизнь этихъ пьяницъ. Изъ числа 357 пьяницъ умерли: 1) отъ нервныхъ болѣзней, отъ пораженій мозга и нервной системы, какъ то апоплексіи, delirium tremens, mania, воспаленія, паралича — 97; 2) отъ болѣзней дыхательнаго аппарата (съ чахоткой включительно) — 82; 3) отъ болѣзней желудка и кишекъ — 7; 4) отъ болѣзней печени, водянки—83; 5) отъ болѣзней мочевыхъ органовъ—6; 6) отъ болѣзней сердца, ревматизма—11; 7) отъ лихорадки и тифа—13; 8) отъ холеры и поноса—4; 9) отъ разныхъ другихъ болѣзней—45; 10) отъ самоубійства — 9; всего 357. Такимъ образомъ, умирало больше всего отъ болѣзней мозга (особенно апоплексіи и delirium tremens), потомъ отъ болѣзней печени и, наконецъ, отъ болѣзней дыхательныхъ органовъ (чахотки, пневмоніи). Отсюда ясно видно, что пьянство особымъ образомъ и очень значительно располагаетъ организмъ къ заболѣванію разными цимотическими болѣзнями, инфекціонными, воспалительными, горячечными и т. д., какъ объ этомъ согласно свидѣтельствуютъ всѣ компе-

тентные авторы: Вирховъ, Гиршъ, Гризингеръ, Бамбергеръ, Нимейеръ, Фалькъ, покойный Канштаттъ и проч.

Итакъ, алкоголь и его дериваты — могущественнѣйшій ядъ, отравляющій нашъ организмъ. Ни одинъ органъ не пощаженъ, ни одна ткань не избѣгаетъ вреднаго дѣйствія этого яда. И чѣмъ органъ важнѣе для нашей жизни, чѣмъ выше его физіологическое значеніе въ животной экономіи, тѣмъ сильнѣе и разнообразнѣе его страданія, тѣмъ глубже, пространнѣе и объемистѣе его пораженія. Пьянство, правда, продуктъ нищеты, невѣжества, грубости, ложной цивилизаціи, но въ свою очередь пьянство ведетъ къ еще большему раззоренію, къ еще большей нищетѣ. Оно разстроиваетъ здоровье, убиваетъ и раззоряетъ благосостояніе, губитъ семейственность и соціальное благо, развращаетъ нравы, доводитъ своихъ кліентовъ до скамьи подсудимыхъ, до тюрьмы, преступленій, самоубійства, вырожденія, уничиженія, ничтожности, безличности. Уничтожить пьянство — значитъ увеличить благосостояніе страны, увеличить среднюю продолжительность жизни, улучшить семейственность, возстановить нравственность, уничтожить апатію и возбудить общность интересовъ, уничтожить могущественнѣйшую причину множества физическихъ болѣзней, нравственныхъ мукъ и людскихъ страданій.

Мы разсмотримъ чуть-ли не самое гибельное, чуть-ли не самое важное послѣдствіе пьянства; мы разумѣемъ—вырожденіе (degeneratio) отъ пьянства.

Морель въ своемъ знаменитомъ: Traité des dégénérescences цитируетъ классическое сочиненіе шведскаго врача Магнуса Гусса о хроническомъ алкоголизмѣ и приводитъ свои собственныя наблюденія по этому предмету. Мы надѣемся поговорить о вырожденіяхъ отдѣльно, а потому ограничимся теперь лишь указаніемъ на это сочиненіе, какъ на богатый матерьялъ для изслѣдованій этого рода. Прежде всего мы должны здѣсь замѣтить то, что втеченіи нашей практики мы имѣли возможность сдѣлать нѣкоторыя не безъинтересныя наблюденія на этотъ счетъ; именно, мы замѣтили, во-первыхъ, то, что значительная часть пользовавшихся у насъ отъ пьянства паціентовъ мужского и женскаго пола были совершенно бездѣтны.

Но здѣсь еще можетъ родиться сомнѣніе и вопросъ можетъ быть поставленъ въ обратномъ смыслѣ: не потому-ли эти субъекты пили, что были бездѣтны. Лично мы убѣждены въ первомъ, такъ какъ были знакомы съ организаціей нашихъ субъектовъ. Но вотъ болѣе крупный фактъ,

неподлежащій для насъ уже ни малѣйшему сомнѣнію: извѣстное число нашихъ паціентовъ было плодотворно только на извѣстное время и до извѣстной поры. Такъ, напримѣръ, если мужья заболѣвали этимъ недугомъ (т. е. пьянствомъ), а жены между тѣмъ оставались совершенно здоровыми, то они производили дѣтей только въ первые годы супружеской жизни впредь до заболѣванія, до начала пьянства. Съ усиленіемъ же пристрастія къ горячимъ напиткамъ половая производительность ихъ потасала и во время самаго процесса хроническаго алкоголизма способность къ оплодотворенію, повидимому, совершенно исчезала, такъ что при развитіи кахексіи отъ пьянства мы не можемъ себѣ припомнить ни одного случая дѣторожденія. А если бы и представился такой случай, то насъ взяло бы сомнѣніе другого рода.... Наконецъ, намъ случилось видѣть нѣсколько такихъ примѣровъ, гдѣ у больныхъ отъ злоупотребленія спиртными напитками дѣти были или идіоты, или очень бездарныя. Насъ поразило еще одно печальное, безотрадное явленіе, именно: въ одно время почти всѣ сыновья мѣстныхъ чиновниковъ одного изъ уѣздныхъ городовъ были исключены изъ трехъ окрестныхъ гимназій за лѣность, неспособность и дурное поведеніе. Хотя отцы нѣкоторыхъ изъ этихъ молодыхъ людей и не были пьяницами, но сами они попивали, такъ какъ сфера-то была вообще пьющая.

Морель того убѣжденія, что алкоголь, какъ ядъ, способствуетъ вырожденію прямымъ непосредственнымъ образомъ, поражая субъектовъ, преданныхъ пьянству, такъ жестоко, что они въ его глазахъ не считаются уже нормальными существами, и путемъ наслѣдственности искажая послѣдующія поколѣнія и физически, и нравственно. Онъ различаетъ четыре категоріи искаженныхъ существъ, вырождающихся отъ алкогольныхъ излишествъ. «Одни изъ нихъ, говоритъ онъ *), претерпѣвъ цѣлый рядъ пораженій нервной системы, проявившихся, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, доходятъ до общаго паралича. Другіе съ глубоко-пораженною нервною системой неподвижно остаются въ этомъ состояніи и влачатъ жалкую жизнь, характеризуемую, съ одной стороны, особаго рода худосочіемъ и маразмомъ, съ другой стороны — проявленіемъ самыхъ гнусныхъ тенденцій и полнѣйшею животностью».

«Къ третьей категоріи относятся тѣ, которыхъ болѣзненное искаженіе

*) Morel: Traité des dégénérescences, стр. 113.

развилось непосредственно подъ вліяніемъ наслѣдственныхъ условій. 1) Дѣти могутъ непосредственно унаслѣдовать отъ своихъ родителей склонность къ горячимъ напиткамъ, и такъ какъ они обыкновенно рождаются с ограниченными способностями, или такъ какъ ихъ воспитаніе обыкновенно бываетъ дурно направлено, то будущность этихъ жертвъ очень печальна какъ въ отношеніи физическаго, такъ и въ отношеніи умственнаго развитія. Въ этихъ случаяхъ искаженіе (degeneratio) есть болѣзненно установившееся состояніе, и искаженное существо, предоставленное самому себѣ впадаетъ въ прогрессивное изнеможеніе; оно не только теряетъ способность поддержать въ человѣчествѣ связь и передачу прогресса, но, напротивъ того, само становится величайшею помѣхой прогресса въ силу своего соприкосновенія съ здоровою частью населенія. 2) Вовсе нѣтъ необходимости чтобы потомки пьяницъ предавались чрезмѣрнымъ излишествамъ для проявленія въ нихъ типа прогрессивнаго упадка. Одни изъ нихъ при самомъ рожденіи приносятъ съ собою зародышъ полнѣйшаго искаженія или вырожденія и являются на свѣтъ божій идіотами или глупцами. Другіе умственно развиваются только до извѣстнаго возраста, потомъ останавливаются и все болѣе и болѣе впадаютъ въ состояніе, которому нѣтъ другого названія, какъ идіотизмъ. Наконецъ, вотъ главныя фазы существованія такихъ искаженныхъ существъ: едва и съ трудомъ добившись свободнаго положенія, научившись съ неменьшимъ трудомъ какому-нибудь ремеслу, они не только неспособны къ дальнѣйшему прогрессивному движенію въ своемъ собственномъ дѣлѣ, но даже неспособны выполнять какъ слѣдуетъ своихъ, подчасъ самыхъ жалкихъ, обязанностей Тогда эти несчастные субъекты, жалкіе еще болѣе, какъ невольныя жертвы наслѣдственнаго порока, находятся въ самомъ опасномъ положеніи: они переживаютъ критическую фазу, которая безвозвратно опредѣляетъ условія ихъ существованія въ будущемъ. Такъ, развитіе возмужалости, вмѣшательство случайныхъ болѣзней, какъ физической, такъ и моральной сферы, для нихъ суть тѣмъ болѣе опасные и критическіе моменты, что эти несчастные не могутъ почерпать соотвѣтствующихъ гигіеническихъ или профилактическихъ мѣръ, или элементовъ возрожденія, въ неблагопріятной средѣ, ихъ окружающей и окружавшей. Во всѣхъ этихъ случаяхъ роковой исходъ, ихъ ожидающій,—неизбѣжный и неизлѣчимый переходъ въ идіотизмъ.»

Морель далѣе говоритъ: «Я предчувствую возраженіе, которое мнѣ могутъ сдѣлать, и спѣшу отвѣтить на него. Всѣмъ извѣстно, могутъ мнѣ сказать, что много есть такихъ дѣтей, которыхъ родители были преданы спирт-

нымъ напиткамъ, и все-таки дѣти ихъ не представляли ни одной черты искаженія или вырожденія. Мало того, иногда замѣчаются въ такихъ дѣтяхъ такія интеллектуальныя наклонности, что вовсе нечего опасаться наслѣдственной передачи испорченной натуры. Отвѣтъ здѣсь легокъ и мнѣ представляется удобный случай разобрать вопросъ съ самой широкой и философской точки зрѣнія. Прежде всего я спрошу, обнаружилось-ли токсическое дѣйствіе алкоголя на родителей въ тѣхъ формахъ, какія я описалъ. Но, даже оставивъ въ сторонѣ это неизбѣжное условіе для проявленія полныхъ наслѣдственныхъ вырожденій, развѣ необходимо на самомъ дѣлѣ, чтобы вырожденіе, искаженіе (degeneratio) немедленно и непосредственно обнаружилось въ своихъ крайнихъ формахъ? Развѣ мы не видѣли такія несчастныя семейства, въ которыхъ спиртное отравленіе, заявивъ себя спеціальною болѣзнью въ потомкѣ, непосредственно слѣдовавшемъ за отцомъ, преданнымъ спиртнымъ напиткамъ и излишествамъ, доканчивало истребленіе этой породы лишь въ четвертомъ поколѣніи? Но, даже оставивъ въ сторонѣ эти крайніе и рѣзкіе случаи, развѣ можно вопросъ о наслѣдствѣ ограничить и включить въ какія-нибудь опредѣленныя рамки и непреодолимыя преграды? Не учитъ-ли насъ ежедневный опытъ, что нѣтъ ни одного вопроса, который возбуждалъ бы такія трудныя, загадочныя задачи и, скажу болѣе, задачи грозныя? А потому, не остановимся на этомъ, не ограничимся поверхностнымъ взглядомъ на вещи и станемъ смѣло на почву точныхъ наблюденій, — на единственную арену, гдѣ наши изысканія дѣйствительно могутъ оказаться плодотворными. Только наблюденіе побудитъ насъ разъяснить всѣ невѣроятности, порождаемыя самыми лучшими теоріями, только благодаря наблюденію, мы въ силахъ будемъ ввести въ теорію такіе факты, которые, повидимому, не вяжутся съ ней.»

Въ доказательство того, на сколько справедливы эти слова Мореля, высказанныя имъ въ 1857 г., мы могли бы привести множество фактовъ, но ограничимся двумя, тремя, взятыми изъ сочиненія Гирша, цитирующаго того же Гусса, громкаго своимъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ. Двѣ господствующія теперь болѣзни, составляющія язву современнаго общества, излѣчимую только улучшеніемъ породы, увеличеніемъ благосостоянія, поправленіемъ быта,—золотуха и хлорозъ обязаны вполнѣ своимъ происхожденіемъ, съ одной стороны, дурному и недостаточному питанію, а съ другой — излишеству въ спиртныхъ напиткахъ. Такимъ образомъ, мы здѣсь находимъ случай подтвердить то, что золотуха есть болѣзнь вырожденія.

«Ренци, говоритъ Гиршъ *), считаетъ причиной чрезмѣрнаго развитія золотухи въ Неаполѣ то обстоятельство, что тамъ даже дѣти преданы лишнему употребленію спиртныхъ напитковъ. Врачи Голландіи провоз шаютъ причиной большого количества золотушныхъ преимущественно требленіе растительной пищи и спиртныхъ напитковъ. Гуссъ считаетъ ною изъ существенныхъ причинъ эндемическаго господства золотух Шопенѣ,—плодороднѣйшей и богатѣйшей провинціи Швеціи **),—несоот ствующую пищу и злоупотребленіе водкою, распространенной по всей I ціи. Блашке ***) высказывается положительно, что причиной частаго явленія золотухи въ Новоархангельскѣ служитъ чрезмѣрное употреб водки.

«Весьма важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, говоритъ Ги что въ новѣйшее время чрезмѣрное употребленіе водки сдѣлалось п всеобщимъ, причемъ не только взрослые, но и дѣти предаются этому року въ страшныхъ размѣрахъ, и въ этомъ-то обстоятельствѣ Маг Гуссъ видитъ причину столь частаго проявленія chlorosis, сдѣлавш почти всеобщею болѣзнью молодого поколѣнія Швеціи» ****).

Къ четвертой категоріи Морель относитъ дѣтей, которыя родились людей, страдающихъ душевными болѣзнями, и въ которыхъ проявляется бужденіе къ вину безъ наслѣдственной его передачи. «Справедливость буетъ, говоритъ Морель (I. с. стр. 139), разсмотрѣть вопросъ выро нія посредствомъ алкоголя до послѣднихъ его развѣтвленій; мы дол сказать, что есть группы субъектовъ, въ которыхъ страсть къ пьян проявляется самостоятельно, подъ двоякимъ вліяніемъ: съ одной сторон случайныхъ болѣзней, а съ другой—наслѣдственности, состоящей въ п дачѣ болѣзненной наклонности другого рода. Въ самомъ дѣлѣ, дѣти, денныя отъ умалишенныхъ родителей, наслѣдуютъ роковыя инстинктив предрасположенія, подъ вліяніемъ которыхъ неудержимо и довольно предаются всѣмъ порокамъ, въ томъ числѣ и пьянству, влекущим собою деградацію человѣка». (Morel, стр. 140).

Пьяное состояніе родителя въ минуту оплодотворенія и зачатія важнѣйшая болѣзнетворная причина, губящая ребенка, говоритъ Ре

*) Hirsch. T. I, стр. 507

**) Ibidem. стр. 509.

***) Ibidem. стр. 510.

****) Ibidem, стр. 557.

Ocellus Lukanus упоминаетъ о вредномъ вліяніи неумѣренности въ винѣ родителей для потомства. Плутархъ видѣлъ много слабоумныхъ дѣтей у пьянствовавшихъ родителей и разсказываетъ, что Діогенъ, однажды встрѣтя слабоумнаго юношу, сказалъ ему: «твой отецъ былъ пьянъ, когда породилъ тебя!» (Reich: Die Ursachen der Krankheiten, стр. 153).

Наконецъ, человѣчество пріискало еще одно средство къ своему вырожденію и истребленію, обязанное своимъ происхожденіемъ отчасти пьянству. Въ статьѣ о дѣтоубійствѣ г. Шашковъ *) говоритъ: «пьянство, распространенное особенно въ массахъ городского населенія,—пьянство, которому въ средѣ пролетаріевъ предаются и мужчины, и женщины, и дѣти, часто также доводитъ людей до дѣтоубійства. Оно, по словамъ Цезаря Контини играетъ важную роль въ печальной драмѣ дѣтоубійства, во-первыхъ, по тѣмъ несчастнымъ случайностямъ, которыя оно ведетъ за собою, какъ, напр., заспаніе ребенка въ постелѣ, потомъ по нравственному и умственному паденію, въ которое оно повергаетъ родителей. Напившійся до бѣшенства отецъ нерѣдко убиваетъ въ изступленіи своего ребенка, а пропившійся до нитки бросаетъ его на произволъ судьбы».

Вотъ какими широкими путями пьянство ведетъ человѣка къ вырожденію, истребленію, искаженію и вымиранію его рода, его племени. Ряды поколѣній впродолженіи вѣковъ, предаваясь пьянству, нищаютъ, вырождаются, вымираютъ. Послѣ всего этого что же удивительнаго, что человѣчество такъ разнообразно и сильно хвораетъ и какія же еще нужны, для его заболѣванія, климатическія, геологическія и разныя космическія условія?

Достаточно, кажется, и одной такой могучей причины, чтобы ввергнуть цѣлый народъ въ безъисходную нищету, въ неизлѣчимую хворость, и обречь его на преждевременную смерть, на неумолимое вырожденіе и искаженіе.

Мѣры противъ пьянства. Не весела картина, нарисованная нами, на грустныя и тяжелыя размышленія наводитъ она. И неужели нельзя помочь горю? Мы вѣримъ, что всякое зло устранимо, что причины, порождающія зло, должны быть вполнѣ изслѣдованы и по возможности замѣнены другими, лучшими условіями.

Было время, когда противъ пьянства принимались мѣры строгости; было

---

*) Дѣло. Май 1868 г., стр. 37.

время, а именно въ столь любимыя нынѣ классическія времена и въ классическихъ странахъ Греціи и Рима, что пьянство наказывалось смертью, розгами, обрѣзываніемъ членовъ и т. д. Минули эти блаженныя, воспѣтыя поэтами времена, минули и мѣры строгости, такъ какъ онѣ не привели къ желанной цѣли. Наши времена требуютъ другихъ мѣръ, болѣе раціональныхъ, болѣе логическихъ.

Мы дѣлимъ средства противъ пьянства на гигіеническія, соціальныя и на терапевтическія. Общество, сознающее свои недостатки и болѣзни, должно лѣчить само себя и по собственной иниціативѣ, не дожидаясь административной. На нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ мы намѣрены здѣсь указать; это главнымъ образомъ и побудило насъ взяться за этотъ вопросъ.

Въ началѣ нашей статьи мы сказали, что недостатокъ вообще мясной пищи составляетъ одну изъ могущественнѣйшихъ причинъ пристрастія къ вину. Мы повторяемъ еще разъ, что водка у людей голодающихъ, недостаточныхъ, преимущественно питающихся растительною пищей, является вознагражденіемъ убыли ихъ тканей, что водка задерживаетъ процессъ обмѣна веществъ и замѣняетъ, такимъ образомъ, часть недостающей пищи. Либихъ говоритъ *), что это исключеніе, если человѣкъ, имѣющій хорошую пищу, дѣлается пьяницей. Онъ же передаетъ, что особы, привыкшія къ употребленію вина, теряютъ охоту къ нему, какъ скоро онѣ начинаютъ принимать тресковый жиръ. Со времени учрежденія обществъ трезвости, во многихъ англійскихъ хозяйствахъ сочли справедливымъ вознаграждать служителей деньгами за пиво, которое они прежде получали ежедневно, и отъ котораго должны были отказаться, сдѣлавшись членами обществъ трезвости. Но скоро замѣчено было, что потребленіе хлѣба увеличилось въ огромной пропорціи, такъ что приходилось два раза платить за пиво: разъ деньгами, а другой разъ равноцѣннымъ количествомъ хлѣба. Владѣлецъ гостинницы «Россія» во Франкфуртѣ на Майнѣ сдѣлалъ замѣчательное наблюденіе по случаю собранія въ этомъ городѣ мирнаго конгресса. Къ его чрезмѣрному удивленію, въ гостинницѣ оказался совершенный недостатокъ въ извѣстныхъ кушаньяхъ, именно въ мучныхъ, въ пуддингахъ и т. п., — дѣло не слыханное въ домѣ, въ которомъ количество кушаній, необходимыхъ для стола на опредѣленное число лицъ,

---

*) Либихъ. Новыя письма о химіи, стр. 340.

издавна установлено и извѣстно. Это произошло оттого, что гостинница была наполнена друзьями мира, которые всѣ принадлежали къ обществамъ трезвости и не пили вина. Соргъ замѣтилъ, что лица, воздерживающіяся отъ вина, ѣдятъ относительно больше; оттого въ земляхъ, производящихъ виноградъ, цѣна вина всегда включается въ цѣну обѣда и тамъ считается справедливымъ требовать въ трактирахъ платы за вино у лицъ, которыя его вовсе не пьютъ *).

Такимъ образомъ, всѣ наблюденія согласны въ томъ, что водка и всѣ вообще спиртные напитки замѣняютъ часть недостающей пищи. Но эта замѣна ложная. Организмъ долго не можетъ подвергаться безнаказанно этому обманчивому питанію и раньше или позже скажется обманъ: или человѣкъ заболѣваетъ, или онъ берется за надлежащее питаніе. «Но водка, говоритъ Беккеръ **) — весьма недостаточный эквивалентъ пищи, вынужденное подспорье, при отсутствіи соотвѣтствующей пищи. Организмъ въ замѣнъ рабочей траты не пріобрѣтаетъ въ водкѣ новаго матерьяла для вознагражденія убыли, какъ это слѣдовало бы; въ извѣстной степени, слѣдовательно, потребность въ надлежащей пищѣ остается и только тогда глохнетъ, когда нервы, приводящіе представленіе объ этой потребности къ сознанію, подвергаются ненормальному раздраженію, къ которому они исподоволь и привыкаютъ. Если, такимъ образомъ, инстинктъ, привычка, или продолжительный опытъ не пособятъ пріискать надлежащую мѣру, то въ силу приведенныхъ обстоятельствъ организмъ станетъ потреблять излишекъ, и это тѣмъ скорѣе случится, чѣмъ большую нужду испытываетъ организмъ. Человѣкъ на тощакъ и съ пустымъ желудкомъ скорѣе пьянѣетъ, чѣмъ предварительно поѣвшій. Чѣмъ хуже образъ жизни въ какой-либо странѣ, тѣмъ больше тамъ пьянства. Ларошъ изъ Бинина письменно извѣщаетъ меня, что низшіе классы въ этой мѣстности питаются почти исключительно картофелемъ, кислою капустой, рѣдко хлѣбомъ (!) и изъ году въ годъ не видятъ говядины. Оттого-то въ этой мѣстности пьютъ водку немилосердно и число пьяницъ тамъ неисчислимо. Если же мы отсюда отправимся въ сосѣднія мѣстности, житницы Гельвега, гдѣ крестьяне питаются изрядно, то тамъ очень рѣдко увидимъ особенную склонность къ водкѣ, да нужно пройти нѣсколько часовъ пути, чтобы по-

*) Либихъ. Н. п. о химіи, стр. 341.
**) Becker: Ueber eine Ursache des Brantweingenusses, стр. 66.

пасть въ кабакъ. Я зналъ такія деревни, гдѣ безъ всякихъ обществъ трезвости не было вовсе кабаковъ» *).

Мѣры, предлагаемыя нами на основаніи всего вышесказаннаго, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Долго искали суррогата водки, но мы убѣждены въ томъ, что *лучшій суррогатъ водки — говядина*. А потому общества трезвости и всѣ проповѣдники воздержанія никогда не достигнутъ цѣли, если они ограничатъ свои требованія голословными фразами и не позаботятся о снабженіи своихъ членовъ нужными питательными веществами, замѣняющими вино. Лучшими обществами трезвости будутъ тѣ, которыя позаботятся снабдить нуждающихся хорошею пищей вообще, и въ особенности говядиной. Не пьянство влечетъ за собою бѣдность, какъ думаютъ нѣкоторые русскіе quasi-публицисты, а совершенно наоборотъ, голодъ и нищета влекутъ за собою, какъ неизбѣжное слѣдствіе,—пьянство. Итакъ, первая и самая радикальная мѣра противъ пьянства состоитъ въ снабженіи нуждающихся говядиной. Необходимо сдѣлать говядину предметомъ общаго потребленія. Священники должны сами кормить свои семьи говядиной, имъ первымъ подобаетъ подать собою мірянамъ примѣръ, они сами должны сдѣлать говядину преимущественною своею пищей и внушать всѣмъ своимъ прихожанамъ, что хорошею пищей, и особенно говяжей, они излѣчатся отъ пагубнѣйшаго порока, раззоряющаго ихъ. Служащіе по акцизамъ увѣряютъ, что акцизный доходъ во время постовъ и особенно во время великаго поста уменьшается чуть не на половину противъ обыкновеннаго; между тѣмъ какъ послѣ постовъ доходъ быстро возрастаетъ. Если дѣйствительно подтвердится, что во время постовъ акцизный доходъ уменьшается, а послѣ постовъ удвоивается, то это, разумѣется, послужитъ лучшимъ доказательствомъ, что проголодавшійся организмъ спѣшитъ возстановить свои силы и потраченныя, израсходованныя ткани всякими путями, и чистыми и нечистыми. Итакъ, пусть учреждаются мясныя общества съ цѣлью потребленія и распространенія говядины. Это будутъ лучшія общества трезвости въ мірѣ. Правительство же отъ этого нисколько ни потеряетъ, потому что при хорошей пищѣ каждый день рюмка водки за обѣдомъ и рюмка водки за ужиномъ человѣку, трудящемуся физически, можетъ принести не малую пользу. Это составитъ на 70 милліоновъ жителей, по крайней мѣрѣ, двойное количество ведеръ водки т. е. 140,000,000

*) Becker S. 67.

и, считая по 2 рубля акцизу, составитъ 280,000,000 руб. сер., —сумму, вдвое превышающую ту, которую теперь получаетъ правительство. Такое правильное потребленіе водки никоимъ образомъ не повредитъ фиску.

Прибавимъ къ этому, что пора же, наконецъ, публикѣ и народу отрѣшиться отъ предубѣжденій противъ *конины*, которая могла бы во многихъ мѣстахъ пополнить недостатокъ говядины. Мы сами отвѣдали, напр., оленину и нашли ее довольно вкусною. Медвѣжій окорокъ тоже довольно лакомое блюдо. Словомъ, всѣ сорта мяса могутъ идти въ пищу человѣку. А, напр., въ Пермской губерніи народъ ни за что не станетъ ѣсть ни зайцевъ, ни раковъ, ни голубей и т. д.

2) Чтобы еще вѣрнѣе отучить общественный организмъ отъ спиртныхъ излишествъ, необходимо *усилить потребленіе чая и кофе* въ народѣ. Какъ вещества азотистыя и возбуждающія, чай и кофе питаютъ организмъ и составляютъ отличный суррогатъ недостающей пищи. Водку вполнѣ можно замѣнить чаемъ и кофеемъ. А потому распространеніе *чайныхъ заведеній* — великое народное благо. Было бы истиннымъ благомъ, если бы мы вправѣ были сказать, что число чайныхъ заведеній въ Россіи превышаетъ вдесятеро число кабаковъ и что, по мѣрѣ увеличенія числа чайныхъ пропорціонально уменьшается число кабаковъ.

3) *Распространеніе грамотности*. Мы снова поднимемъ недавній возгласъ, впервые раздавшійся изъ устъ нашего великаго учителя Н. И. Пирогова, что «грамота также нужна народу, какъ и хлѣбъ». Но мы разумѣемъ грамотность въ обширнѣйшемъ значеніи слова. Распространеніе утилитарныхъ, реальныхъ знаній въ народѣ—такое же противоядіе противъ пьянства, какъ гидратъ желѣза при отравленіи мышьякомъ. Считаемъ совершенно излишнимъ долго останавливаться здѣсь на этомъ, такъ какъ это вполнѣ понятно всякому просвѣщенному человѣку и такъ какъ этотъ вопросъ нельзя изложить на одной какой-нибудь страничкѣ.

Вотъ тѣ гигіеническо-соціальныя мѣры, которыя мы считаемъ необходимыми, неизбѣжными для уменьшенія пьянства въ Россіи.

ИСТОЧНИКИ БОЛѢЗНЕЙ.

Русское общество, въ послѣднее время столь близко принимавшее
сердцу разные вопросы и столь же быстро охладѣвавшее къ нимъ, ве
мало обращало вниманія на одинъ изъ важнѣйшихъ, именно на воп
о своемъ собственномъ здоровьи. Одному философу разъ сказали, чт
домъ горитъ. «Это не мое дѣло, отвѣтилъ онъ, скажите моей же
Домъ, по мнѣнію этого философа,— спеціальная принадлежность жен
публика считаетъ свое здоровье спеціальною принадлежностью врачей,
доставляетъ имъ вѣдаться со всѣми своими болѣзнями, сама же за
болѣе серьезными дѣлами, болѣе высокими матеріями. И въ самом
лѣ, къ чему намъ заботиться о своемъ здоровьи, что за особенная
если я или сосѣдъ умремъ преждевременно. Вѣдь на что же тогда
чи и аптеки? Врачъ, конечно, вылечитъ, если только больной не воз
да не умретъ. Ну, умеръ, значитъ, такъ ужъ на роду написано
такъ или иначе, а отъ смерти вѣдь не отдѣлаешься.

Казалось бы, что же для человѣка дороже его здоровья и физиче
благоденствія. И поверхностно судя, можно бы подумать, что публика
не такъ равнодушна къ своему здоровью. Прислушайтесь, напримѣр
бесѣдамъ большинства провинціяльной публики. Какъ только сойдутся
три барыни въ такъ называемой гостиной, разговоръ обыкновенно
нается, во все время бесѣды продолжается и даже кончается разск
о собственной болѣзни, о болѣзняхъ дѣтей, родныхъ, родственниковъ,
комыхъ. Эти симпатичныя бесѣды прерываются развѣ только для пе
довъ и сплетней, этихъ неизбѣжныхъ спутниковъ пустой и скукой за
мой захолустной жизни.

И это взаимное участіе и заботливость въ сущности ложны. Предоставивъ врачамъ вѣдать и лечить болѣзни, публика сидитъ себѣ сложа руки и требуетъ голосъ врача только въ скучаѣ надобности, обращается къ нему только по нуждѣ и знать ничего не хочетъ о томъ, чтобы устроить жизнь свою получше, чтобы предупреждать свои тифы, горячки, чахотки, скарлатины, чтобы по возможности меньше хворать. Совѣтоваться съ врачемъ, какъ устроить свой домъ, какъ воспитать ребенка, какъ держать себя въ дорогѣ, какъ устроить свою семейную жизнь—войти въ такія интимности съ врачемъ—значитъ просто компрометировать себя. Въ рѣшеніи такихъ задачъ каждый считаетъ себя самого вполнѣ компетентнымъ судьей и дѣлать посторонняго человѣка соучастникомъ своихъ семейныхъ дрязгъ было бы верхомъ нелѣпости и непристойности.

Итакъ, всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Всякій врачъ долженъ умѣть распознать и вылечить болѣзнь. Больше отъ него не требуется. Остальное не его ума дѣло. Но увы и ахъ! Новѣйшая медицина, прогрессивно подвигаясь впередъ, съ каждымъ днемъ все больше и больше отрѣшается отъ узкихъ понятій и нелѣпыхъ требованій публики. Съ каждымъ днемъ мы все больше и больше убѣждаемся, что мы, врачи, вовсе не обладаемъ такимъ чудеснымъ талисманомъ, какой приписываетъ намъ публика. Нѣтъ отрасли знанія, гдѣ бы господствовалъ большій хаосъ, какъ въ медицинскомъ мірѣ. Системы леченія быстро смѣняютъ другъ друга и, сталкиваясь, производятъ лишь путаницу. Мы мечемся, какъ угорѣлые. Каждое новое открытіе становится для насъ, по выраженію Бэкона, идоломъ, на котораго мы молимся, которому мы поклоняемся, какъ золотому тельцу, и котораго безъ всякаго милосердія ниспровергаемъ при первой неудачѣ, при еще болѣе новомъ открытіи. Разсказываютъ, что африканскіе дикари охотно обожаютъ любого божка, но за малѣйшій неуспѣхъ сѣкутъ его розгами и вытуриваютъ вонъ. Въ жизни врача бываютъ нерѣдко такіе же моменты.

Очень интересно и весьма поучительно, въ какія страшныя и уморительныя крайности бросаемся мы подъ часъ. Вотъ мы, напримѣръ, нашли, что какое нибудь лекарство помогло отъ такой-то болѣзни; положимъ, отъ хины прошла лихорадка, ну, давай шарить по всѣмъ угламъ земного шара и пріискивать специфическія лекарства отъ всякой болѣзни, и до того увлекаемся своею вѣрою въ воображаемый принципъ, что дѣйствительно находимъ желаемыя лекарства, и знать ничего не хотимъ и допустить не можемъ, чтобъ мы тутъ сколько нибудь ошибались. Но вотъ вдругъ подъѣдетъ какой нибудь скептикъ и начинаетъ увѣрять пуб-

лику, что большая часть болѣзней проходятъ вовсе безъ лекарствъ и безъ всякаго вмѣшательства врачей; тогда мы бросаемся въ совершенно противуположную крайность и лечимъ всѣ болѣзни такъ называемымъ выжидательнымъ методомъ, т. е. ровно ничего не дѣлаемъ, и съ высоты Олимпа величественно созерцаемъ, какъ человѣчество дохнетъ, стонетъ, болѣетъ и вымираетъ по всѣмъ правиламъ науки. А прежде-то?

Еще и теперь живо въ памяти людей то блаженное время, когда позвать врача значило «кровь пустить». Каждый врачъ былъ непремѣнно вооруженъ хорошимъ ланцетомъ или даже двумя, и при всякомъ удобномъ случаѣ кровь человѣческую проливали, какъ какую-то дрянь. Несчастное тѣло любого паціента было любимой ареной, на которую всякій врачъ съ удовольствіемъ отправлялъ наполеоновскія арміи пьявокъ. И теперь живы субъекты, которымъ на спину, животъ или другія части тѣла ставили втеченіи жизни нѣсколько сотъ пьявокъ или банокъ. Кровожадность врачей въ то время доходила до какого-то звѣрства. Просто не знали пощады, сплошь и рядомъ, и малымъ и большимъ, и виновнымъ и невиннымъ дѣлали кровопусканія изъ руки, изъ ноги, изъ висковъ и разныхъ другихъ жилъ. Эта кровожадность и теперь подчасъ даетъ себя чувствовать самымъ жестокимъ образомъ. Не будь итальянскіе врачи такіе кровопійцы, кто знаетъ, можетъ быть, единая Италія давнымъ давно владѣла бы своею завѣтною мечтой—Римомъ, и благородное сердце новозавѣтнаго Гарибальди не облилось бы кровью Ментанскаго пораженія. Семь кровопусканій, сдѣланныхъ Кавуру, сведшихъ его въ могилу, стоили навѣрное человѣчеству нѣсколько лишнихъ кровопролитныхъ битвъ. Но отъ Кавура и до бѣдняка, лежащаго на казенной койкѣ, въ казенной больницѣ,—разстояніе громадное. Если Кавуръ дѣлается жертвой медицинскаго шарлатанства, то что же сказать о тѣхъ тысячахъ и милліонахъ бѣдняковъ, которые просятъ у лекаря, какъ милости, скорѣйшаго окончанія своихъ страданій. Кровопусканіе, однакожъ, безпощадно, оно отнимаетъ здоровье, но оставляетъ жизнь. Дѣйствительно, множество вытянутыхъ, исхудалыхъ, блѣдныхъ, безкровныхъ физіономій и теперь еще носятъ на себѣ неизгладимые слѣды недавней кровожадности нашихъ врачей. Но теперь врачи стали осторожнѣе, теперь уже рѣдко можно встрѣтить врача, вооруженнаго ланцетомъ, онъ больше не въ модѣ; его, впрочемъ, замѣнилъ другой варваръ мучитель, съ которымъ мы познакомимъ читателя послѣ. Кто не помнитъ, какого шума на бѣломъ свѣтѣ надѣлало электричество. Вѣдь мы ухватились за него обѣими руками, какъ за якорь спасенія, и

съ такимъ необычайнымъ энтузіазмомъ, какого давно не испытывало человѣчество. Врачъ, запасшійся Дюшеновскимъ аппаратомъ, машинами Румкорфа, Штерера и особенно Миддельдорфа, смотрѣлъ на себя съ такою же гордостью, съ какою Людовикъ XIV смотрѣлъ на себя, когда произнесъ: il n'y a plus des Pyrénées. «Нѣтъ болѣе болѣзней, думалъ себѣ тогда такой врачъ-волшебникъ,—все въ моихъ могучихъ рукахъ!» Но хотя и самые Пиренеи не вѣчны, однако, они долго еще останутся на своемъ мѣстѣ и торжество электричества едва-ли переживетъ ихъ.

Не менѣе шатка была всегда слава лекарствъ. Чуть появится какое нибудь лекарство, и имъ начинаютъ пичкать всѣхъ больныхъ и при всѣхъ возможныхъ обстоятельствахъ, авось-де поможетъ. Полюбилась, напримѣръ, врачамъ ртуть; ее сейчасъ же возвели въ божество, окрестили Меркуріемъ, стали призывать на помощь при всякаго рода болѣзняхъ, давали въ лихорадкѣ, при всѣхъ воспаленіяхъ, въ холерѣ, при всѣхъ возможныхъ страданіяхъ дѣтей; а главное, поставили ее лицомъ къ лицу съ другимъ божествомъ—Венерой и довели ихъ до самой ожесточенной борьбы, которая съ перемѣннымъ счастіемъ то на той, то на другой сторонѣ обошлась человѣчеству въ нѣсколько поколѣній вырожденія и до сихъ поръ сильно свирѣпствуетъ и долго еще не прекратится. Но кумиръ уже сверженъ; значительная партія врачей съ ужасомъ отшатывается отъ этого ложнаго божка. Полюбились врачамъ хина, желѣзо, іодъ, опій, и куда не повернешься, все суютъ то одно, то другое; будущее, говорятъ, рѣшитъ—кстати или не кстати *). Чтобы ввести въ организмъ лекарство, придумывались разные способы, пролагались разные пути: вводили лекарство чрезъ ротъ, носъ и всякія другія отверстія, не пощадили и нашего чувствительнѣйшаго органа — кожу; ее терзали мушками и, снявъ кожицу, бередили свѣжую рану, присыпая ее лекарствомъ, обращеннымъ въ мельчайшій порошокъ. Наконецъ, все это показалось малымъ, недостаточнымъ, не удовлетворяло требованіямъ. Теперь господствуетъ совершенно новый путь введенія лекарствъ въ нашъ организмъ, именно прямо *подъ* кожу особымъ инструментомъ,—шприцомъ, и приводятъ, такимъ образомъ, лекарство въ непосредственное соприкосновеніе съ кровью. Этотъ путь, несмотря на всю свою новизну и несмотря на то, что онъ причиняетъ довольно чувствительную боль, грозитъ сдѣлаться всеобщимъ, грозитъ вытѣснить всѣ осталь-

*) Теперешнее время въ медицинѣ носитъ названіе карболоваго періода.

ные пути, грозитъ подорвать довѣріе къ желудку и уничтожить кредитъ электричества. Посмотрите и полюбуйтесь современнымъ эскулапомъ. У него въ одномъ карманѣ непремѣнно porte-caustique и ляписъ, пальцы непремѣнно запачканы ляписомъ и черны, а въ другомъ карманѣ мѣсто рутиннаго ланцета замѣнилъ шприцъ Праватца, безъ котораго современный врачъ не мыслимъ. Онъ вооруженъ всевозможными зеркалами. Онъ теперь уже не довѣряетъ своимъ собственнымъ глазамъ, какъ прежде, ему необходимы глазное, ушное, носовое, горловое зеркало, ему необходимъ стетоскопъ и плесиметръ. Пульсъ паціента заявляетъ для него свои движенія посредствомъ особаго инструмента, называемаго сфигмографомъ Моррея. Онъ ужь не глазомѣрничаетъ по старинкѣ, а измѣряетъ математическими единицами, взвѣшиваетъ, обнюхиваетъ, ощупываетъ, отвѣдываетъ, анализируетъ, пускаетъ въ ходъ всѣ свои внѣшнія чувства и внутреннія соображенія, да, онъ просто мученикъ у постели больного, пока не распознаетъ точно его болѣзнь и, подчасъ не смотря на все это, онъ становится въ тупикъ и самъ не знаетъ, съ чего начать и что предпринять.

Хаосъ, господствующій въ медицинѣ, изумителенъ. Одинъ аллопатъ, другой гомеопатъ, третій гидропатъ; специализація доведена до мелочей: есть терапевты, акушеры, хирурги, глазные, ушные, зубные врачи, спеціалисты по части дѣткихъ болѣзней, женскихъ болѣзней, мужскихъ секретныхъ болѣзней. Казалось, чего же больше желать? Академіи, университеты, госпитали, больницы, аптеки, комитеты народнаго здравія—все это доказываетъ, что человѣчество, повидимому, далеко не равнодушно къ своимъ недугамъ и принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы устранить зло. Кромѣ того ни одна человѣческая профессія не имѣетъ столько ложныхъ претендентовъ, какъ медицина. Шарлатанство разныхъ самозванцевъ, знахарей, множество самородныхъ лечителей доказываетъ, съ одной стороны, недовѣріе публики къ медицинѣ и врачамъ патентованнымъ, съ другой стороны, служитъ указаніемъ, что и медицина, особенно практическая, не можетъ еще похвастаться такими основными началами, какими изобилуютъ другія позитивныя науки, какъ астрономія, физика и даже химія. Жалкое и оскорбительное положеніе врачей въ обществѣ объясняется самымъ характеромъ господствующей медицины. Самый поверхностный наблюдатель легко можетъ удостовѣриться и собственнымъ опытомъ убѣдиться, что въ медицинѣ на первомъ планѣ выступаетъ элементъ *карательный*, между тѣмъ какъ *предупредительный* элементъ далеко отодвинутъ на задній планъ. Карательная медицина, несмотря на то, что она дѣйствуетъ орудіями, да-

стойными пытки, люба, дорога человѣчеству и нравится ему сильно. Человѣчество до того привыкло ко всѣмъ этимъ микстурамъ, порошкамъ, пилюлямъ, каплямъ, горчишникамъ, мушкамъ, припаркамъ, примочкамъ, банкамъ, пьявкамъ, клистирнымъ трубкамъ, клизопомпамъ, катетрамъ, зондамъ, что еслибъ вдругъ пришлось отрѣшиться отъ всего этого, человѣчеству стало бы скучно и тоскливо. Да чѣмъ бы тогда наполнялось время докторскихъ визитацій? Да о чемъ бы тогда толковали во время взаимныхъ визитовъ? Даже подумать трудно.

Есть еще одна весьма печальная сторона въ медицинѣ, сильно компрометирующая ее. Это—ея отрицательное значеніе и достоинство чисто-паллiятивное. Всѣ медицинскія системы, всѣ улучшенные способы леченія при всемъ ихъ разнообразіи не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на смертность людей. Лечите людей какими угодно средствами и методами, или вовсе ничѣмъ не лечите, смертность и въ томъ и въ другомъ случаѣ почти одинакова. Хотя это кажется невѣроятнымъ, ужаснымъ, но это такъ. Знаменитый Н. И. Пироговъ въ своемъ классически-знаменитомъ сочиненіи «Начала Военно-Полевой Хирургіи» говоритъ, что онъ «убѣжденъ въ томъ, что всѣ наши врачебныя средства и пособія едва колеблютъ общую цифру смертности». Это положеніе ясно доказываетъ общая статистика, а медицинская статистика на каждомъ шагу пикируетъ насъ этимъ. Статистика—это бѣльмо на глазу у медицины. Она насъ приводитъ въ отчаяніе. Она злѣйшій врагъ нашъ. Возьмите, напримѣръ, Вѣну и Пензу или Вологду. Даже обидно сравнивать въ ученомъ отношеніи какую нибудь Вологду съ Вѣной, гдѣ сосредоточена такая масса медицинскихъ знаменитостей, гдѣ врачебныя средства и пособія доведены до высочайшей степени совершенства: просто грѣхъ и смѣшно проводить параллель между Вологдой и Вѣной, куда стекаются со всѣхъ концовъ Европы поучиться и усовершенствоваться въ медицинѣ и особенно полечиться въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ никакая Вологда не въ состояніи помочь. А между тѣмъ разверните превосходную статистику Отто Гауснера и вы увѣритесь собственными глазами (на 246 стр.), что въ Вѣнѣ смертность сильнѣе, чѣмъ въ Вологдѣ и какой нибудь Пензѣ. Въ то время какъ въ Вѣнѣ умираетъ одинъ на 24, въ Вологдѣ или въ Пензѣ умираетъ одинъ на 25. Никто, конечно, не сомнѣвается, что Петербургъ во сто разъ богаче медицинскими пособіями, чѣмъ какая нибудь Полтава, а между тѣмъ въ то время какъ въ Петербургѣ, снабженномъ всѣмъ нужнымъ для того, чтобы спастись отъ смерти, умираетъ одинъ на 25, а въ Полтавѣ, гдѣ чуть ли не

вся обстановка приспособлена къ тому, чтобы скорѣе умереть, только одинъ изъ 28 жителей пользуется этимъ удобствомъ.

Такіе крупные факты сильно подрываютъ кредитъ карательной медицины. Но мы этимъ ничуть не хотимъ сказать и изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы карательная медицина и ея представители врачи были совершенно безполезны и излишни. При теперешнемъ строѣ общества, при существующемъ соціальномъ порядкѣ вещей, врачи и особенно врачи раціоналисты и экспериментаторы вполнѣ необходимы. Положимъ, что у васъ воспаленіе, жаба въ горлѣ—болѣзнь въ сущности пустая. Посидите въ теплѣ и это пройдетъ само собою. Но воспаленіе можетъ усилиться до того, что сдѣлается нарывъ въ горлѣ. Дѣло это уже нѣсколько серьезнѣе. Если вы во время призвали карателя-врача, онъ навѣрное вымажетъ вамъ горло ляписомъ; штука тоже, кажись, нехитрая, но эта нехитрая штука можетъ, въ большинствѣ случаевъ, предупредить образованіе и развитіе нарыва. Во-первыхъ, это нужно знать, во-вторыхъ, вѣдь не позовете же вы съ улицы всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, чтобъ показать ему свое горло, а посылаете за врачемъ, какъ за своею собственностью, какъ за своимъ слугой, и за оказанную услугу суете ему въ руку, какъ лакею на водку, три или пять рублей.

Но если карательная медицина нисколько не колеблетъ цифры смертности, то это не ея вина, не ея призваніе, не ея назначеніе, не ея обязанность, наконецъ. Разъ навсегда человѣчество должно свыкнуться съ идеей, что роль карательной медицины чисто-палліятивная. Это, однакожъ, никоимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ не ведетъ къ фатализму. Мы рѣшительно далеки отъ того, чтобы утверждать, что такъ или иначе человѣчество должно хворать и вымирать въ извѣстной опредѣленной пропорціи, въ опредѣленной срокъ, въ извѣстномъ возрастѣ, по неизмѣннымъ, незыблемымъ законамъ. Напротивъ, мы твердо вѣримъ въ детерминизмъ вещей. Мы убѣждены, что степень заболѣванія и смертности человѣчества совершается въ силу существующихъ условій соціальнаго быта, что условія эти могутъ видоизмѣняться до безконечности и безпредѣльно въ хорошую и дурную сторону, и что съ перемѣною этихъ условій въ ту или другую сторону, и явленія, отъ нихъ зависящія, т. е. заболѣваемость и смертность, непремѣнно перемѣнятся. Мы хотимъ этимъ сказать, и сказать отъ глубины души нашихъ убѣжденій, что хворость и смертность людей до извѣстнаго предѣла въ ихъ собственныхъ рукахъ, въ непосредственной ихъ власти и въ полнѣйшей и несомнѣнной отъ нихъ

зависимости. Мы хотимъ убѣдить, и убѣдить съ полнѣйшею вѣрою въ нашу правоту, что не карательная медицина, какого бы совершенства она ни достигла, спасаетъ человѣчество отъ пожирающаго его зла, а лишь предупредительная, состоящая въ улучшеніяхъ соціальнаго быта. Чѣмъ инымъ прикажете объяснить такіе факты, что Россія и Норвегія, почти при одинаковыхъ климатическихъ условіяхъ, имѣютъ совершенно различную смертность. Чѣмъ инымъ прикажете объяснить, какъ не лучшимъ состояніемъ соціальнаго быта, что въ Норвегіи умираетъ одинъ на 53, а въ Россіи одинъ на 29? И по мѣрѣ того какъ предупредительная медицина или соціальная гигіена будетъ входить въ свои права и распространять свою силу, по мѣрѣ того, какъ будетъ возрастать ея вліяніе, значеніе, а главное, примѣненіе въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, по мѣрѣ всего этого карательная медицина будетъ ослабѣвать и все болѣе и болѣе становиться ненужною и безполезною.

Въ чемъ же заключается предупредительная медицина? Мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ однимъ словомъ: это—культура. Но мы немножко разъяснимъ это слово.

Жизнь человѣка и вообще всего живого есть продуктъ взаимнодѣйствія двухъ элементовъ: живого организма (отъ малѣйшей былинки до царя творенія—человѣка) и окружающей среды. Тѣсная связь и зависимость этихъ двухъ элементовъ не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ лучше обставлена и обусловлена внѣшняя среда, тѣмъ лучше, продолжительнѣе и правильнѣе протекаетъ жизнь организма; чѣмъ хуже внѣшнія условія существованія, тѣмъ кратковременнѣе, жалче, хилѣе длится мучительное прозябаніе организма. Отсюда два ряда совершенно противуположныхъ явленій: съ одной стороны улучшенная культура ведетъ организмъ къ усовершенствованію, съ другой стороны недостатки культуры, отсутствіе ея или нищенская культура влекутъ за собою вырожденіе. Это могучій и незыблемый законъ природы, такъ плодотворно и геніально разработанный Дарвиномъ. Дарвинъ съ непоколебимою ясностью провелъ этотъ законъ по всему животному и растительному царству. Мы убѣждены, что законъ этотъ одинаково вѣренъ и относительно человѣка.

Поэтому мы обратимся къ Дарвину и позаимствуемъ изъ его хорошей книги *) нѣкоторые факты, которыми онъ доказываетъ могущество куль-

*) «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія».

туры. При этомъ намъ нужно заручиться благосклонностью читателя. Если ему дорого его собственное здоровье, если онъ испыталъ въ жизни удовольствіе, лаская здороваго и красиваго ребенка, если онъ желаетъ своимъ дѣтямъ хорошей умственной и физической будущности, онъ насъ выслушаетъ до конца; онъ не соскучится подробностями, которыми не брезгаютъ ученые.

Итакъ, Дарвинъ говоритъ (стр. 55), что лошадь можетъ процвѣтать и достигать крайней степени совершенства, какъ при сильной жарѣ, такъ и при значительномъ холодѣ, какъ въ Аравіи счастливой и сѣверной Африкѣ, такъ и въ туманной Англіи. Но этой породистости и совершенства въ лошадяхъ можно достигнуть не иначе, какъ хорошимъ уходомъ и естественнымъ подборомъ; въ противномъ случаѣ, лошади значительно уменьшаются въ величинѣ и измѣняютъ свой внѣшній видъ, что зависитъ отъ недостатка питательной и разнообразной пищи. «Всѣмъ извѣстно, говоритъ онъ (стр. 54), какъ малы и шершавы пони на сѣверныхъ островахъ и въ гористыхъ мѣстностяхъ Европы. Въ Корсикѣ и Сардиніи есть свои пони, а на нѣкоторыхъ островахъ, близь береговъ Виргиніи, существовали, а можетъ быть, существуютъ и теперь, пони совершенно схожія съ лошадками Шотландскихъ острововъ, которые, какъ полагаютъ, выродились вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій».

Но вотъ бѣда, заговоривъ о лошадяхъ, намъ приходится имѣть въ виду нашу почтенную публику. Но толковать о лошадяхъ и при этомъ «кивать на Петра», еще куда ни шло; лошадь все-таки благородное животное, которымъ иной британскій лордъ столько же дорожитъ, сколько своими наслѣдственными гербами, но проводить параллель между человѣкомъ и... просто сказать стыдно... и осломъ достойно всякаго порицанія, это признакъ самого дурного тона и притомъ еще какое дерзкое сопоставленіе. Дарвинъ позволяетъ себѣ утверждать, что осла можно значительно улучшить относительно величины и силы тщательнымъ подборомъ и хорошей пищей, и это даетъ ему полное право предположить, что и прочія качества осла (не умственныя ли?) также могутъ быть улучшены подборомъ. «Малая величина осла въ Англіи и въ сѣверной Европѣ зависитъ гораздо больше отъ плохого ухода, нежели отъ холода». До чего только не договариваются ученые; по Дарвину, чего добраго, осла-то можно преобразить въ философа, и на оборотъ!..

Ученіе Дарвина, факты, имъ собранные, и выводы, имъ добытые, дали совершенно новое направленіе изученію естественныхъ наукъ, сообщили

[…]особенный интересъ и сильно подвинули впередъ значеніе и искуство […]туры. Безъ преувеличенія можно сказать, что вещи, прежде считав[…] немыслимыми, теперь совершенно въ порядкѣ вещей. Послѣ Кювье […] и думать не смѣлъ посягать на цѣлостность и неизмѣняемость […]въ, населяющихъ нашъ міръ. Все существующее казалось сотво[…]мъ такимъ отъ вѣка и казалось останется и *должно* остаться та[…]до скончанія вѣковъ. Къ счастью для прогресса и для блага всего […]твующаго, это ложное ученіе въ конецъ теперь разбито и опроверг[…] Человѣкъ по своему произволу, по одному лишь капризу можетъ […] измѣнять различныя части организма животныхъ и приспособлять […]ь свою пользу. Это, такъ сказать, матеріяльная выгода. Но этого […] Ученіе это привело насъ къ тому несомнѣнному убѣжденію, что […]зація животнаго не имѣетъ въ себѣ ровно ничего постояннаго, ни[…]вятого, разъ навсегда установленнаго и никоимъ образомъ неизмѣ[…]о. Даже черепъ и его содержимое — мозгъ подвергаются, въ силу […]ныхъ условій, столь рѣзкимъ измѣненіямъ, что только скромность […]воляетъ намъ высказать свои соображенія о будущихъ проявленіяхъ […]овой силы въ рукахъ человѣка. Послушайте-ка, какія интересныя […] напримѣръ, разсказываетъ чудакъ Дарвинъ. «Натузіусъ, говоритъ […]тверждаетъ за положительно вѣрное, какъ о результатѣ всеобщихъ […] собственныхъ опытовъ, что изобиліе пищи въ раннемъ возрастѣ […]ствуетъ непосредственно къ расширенію и къ укорачиванію головы […], а недостатокъ пищи производитъ совершенно противуположный […]татъ. Онъ сильно напираетъ на тотъ фактъ, что всѣ дикія и по[…]рученныя свиньи, раскапывая землю своимъ рыломъ, должны въ […] возрастѣ упражнять этимъ шейныя мышцы, прикрѣпляющіяся къ […] части головы. Въ высоко-развитыхъ домашнихъ породахъ привычка […] примѣняется къ дѣлу, вслѣдствіе чего форма задней части черепа […]ется, а это ведетъ за собою перемѣны въ другихъ частяхъ. Едва […]жно сомнѣваться, что такое значительное измѣненіе привычекъ по[…]ъ за собою и измѣненіе черепа» (стр. 75).

[…]новимся здѣсь и переведемъ дыханіе. Вѣдь это ни съ чѣмъ несо[…]о. Слышите ли! Измѣненіе черепа зависитъ отъ привычекъ! Вѣдь […]арвинъ хочетъ этимъ намекнуть, что кто не живетъ своей головой, […]ается трудами рукъ своихъ, у того можетъ будто бы произойти […]ченіе головы и уподобленіе свиньѣ, то намъ остается только удив[…] его неблагопристойности и заподозрить его въ неблагонамѣрен-

ности. Впрочемъ, мы рѣшились терпѣливо сносить до конца и про
этому старику его оскорбительные намеки. Однако же, Дарвинъ, до
быть, вовсе не шутитъ. Онъ серьезно доказываетъ, что культура обо
острое орудіе, которымъ нужно только умѣть пользоваться для с
блага, что систематическимъ подборомъ можно просто производить чу
что обильная пища втеченіи многихъ поколѣній имѣетъ непосредст
ное вліяніе на увеличеніе размѣровъ породы и многое другое въ э
родѣ. Съ Дарвиномъ, дѣйствительно, шутить нечего и идеи, имъ пр
вѣдуемыя, провѣрены такимъ обиліемъ фактовъ, что не вѣрить ему не
Пусть же на него обрушится и вся отвѣтственность за всѣ его то
ванія. Безъ его подстрекательства мы не позволили бы себѣ пугать
тателя такими смѣлыми сопоставленіями и угощать его такими отрез
ющими дозами морали, какими поражаетъ подчасъ Дарвинъ. Вотъ
одинъ такой образчикъ: «Принимая въ соображеніе, говоритъ этотъ чу
что одомашненные кролики, *живя въ неволѣ*, не имѣли возможности
кать въ ходъ свой умъ, инстинкты, чувства и произвольныя движенія
цѣлью избѣгать разныхъ опасностей и отыскивать себѣ пищу, мы им
полное право заключить, что мозгу ихъ представляется чрезвычайно
упражненія и что, вслѣдствіе этого, развитіе его пострадало. Та
образомъ мы видимъ, что самый важный и сложный органъ во всей
низаціи также подверженъ общему закону уменьшенія массы вслѣд
неупотребленія» (стр. 134). Другими словами, отсюда слѣдуетъ, что
роды, живущіе въ рабствѣ, не могутъ умственно развиваться и дост
той степени цивилизаціи, какой достигаетъ свободный народъ, и что
ловѣкъ, неупражняющій своихъ мозговъ соотвѣтствующей пищей, ту
и глупѣетъ.

Такова сила и мощь культуры!

Когда такой ученый, какъ Дарвинъ, задавшись серьезнымъ вопро
хочетъ провѣрить его, онъ не брезгаетъ никакими мелочами. Самый
тожный, повидимому, фактъ, нестоющій съ виду вниманія, получаетъ
его глазахъ должную цѣнность и стоимость. Онъ не подбираетъ одни
годные, отбрасывая неподходящіе. Онъ собираетъ ихъ en masse,
умѣетъ систематизировать и группировать ихъ такъ, чтобъ каждый
убѣдиться въ истинномъ ихъ значеніи. Это не адвокатъ, стараю
выдвинуть одни лишь крупные аргументы въ процессѣ своего кліент
заслоняющій его темныя стороны, лишь бы выиграть процессъ; напро
такой ученый, какъ Дарвинъ, не присяжный повѣренный, а безп

...ростый толкователь истины, а потому онъ одинаково хорошо относится къ фактамъ, какъ къ крупнымъ, такъ и къ мелкимъ; ему они одинаково дороги. Если бы его кто нибудь захотѣлъ поразить какимъ нибудь чудомъ, если бы для того предъ его глазами сдѣлали изъ мухи слона, то онъ нисколько не удивился бы и записалъ этотъ фактъ также спокойно, какъ передаетъ онъ всякій другой. Такъ онъ разсказываетъ, что «плоды дикаго крыжовника вѣсятъ 120 гранъ, а въ 1786 г. былъ выставленъ крыжовникъ, вѣсившій 240 гранъ, слѣдовательно, ровно вдвое большій; въ 1817 дошли до 641 грана; до 1825 не было успѣха, но тутъ вѣсъ плодъ достигъ 760 гранъ; въ 1830 г. крыжовникъ Teazer вѣсилъ 781 гранъ, а въ 1841 Wonderful — 784; въ 1844 крыжовникъ, подъ именемъ London, вѣсилъ 852 грана, а въ слѣдующемъ году 870 гранъ. Въ 1822 въ Стафордширѣ плоды той же разновидности дошли до поразительного вѣса въ 895 гранъ. Вѣсъ этотъ въ 8 разъ больше вѣса дикаго плода» (стр. 379). Развѣ это не слонъ изъ мухи?

И какіе, подумаешь, пустяки занимаютъ подчасъ этихъ господъ ученыхъ... При этомъ интересно и очень любопытно, какъ они другъ друга упрекаютъ въ увлеченіяхъ, и чѣмъ бы вы думали? Вѣдь, право, не угадать ни за что! Они возлагаютъ свои надежды на махровыя розы! «М-ръ Риверсъ, говоритъ Дарвинъ (стр. 392), увлекается до того результатами скрещиванья и видоизмѣненія, что ожидаетъ дня, когда всѣ наши розы, даже махровыя, будутъ вѣчно зелены, будутъ давать блестящіе, душистые цвѣты и притомъ цвѣсти съ іюня до ноября». Эка радость! Очень нужно... Еще интереснѣе заключеніе: «это, говоритъ м-ръ Риверсъ, кажется отдаленной мечтой, но настойчивость въ садоводствѣ сдѣлаетъ чудеса, какъ, конечно, дѣлала ихъ во многихъ случаяхъ». Ну, не забавный ли народъ эти ученые? Мы думаемъ, что кто истинно-русскій патріотъ, тотъ, навѣрное, не усомнится, что у насъ «настойчивость въ садоводствѣ», о которой мечтаетъ м-ръ Риверсъ купно съ своимъ пріятелемъ Дарвиномъ, достигла высокой степени развитія и самыхъ блестящихъ результатовъ. Вспомнимъ лишь и достойно возгордимся нашимъ огородничествомъ, пріобрѣтшимъ всероссійскую извѣстность. Вспомнимъ наши нѣжинскіе огурцы, астраханскія дыни, украинскіе арбузы, ярославскій сладкій горошекъ, крымскія яблоки и виноградъ — вѣдь что это за прелесть! А наши бобы? Вѣдь это верхъ совершенства! Но вообразите себѣ, что Дарвинъ (разумѣется, изъ зависти), еще не зная о нашемъ восхищеніи бобами, вдругъ

враждебно взываетъ: «Но какая разница между виндзорскими и русскими бобами!» (стр. 347).

Дарвинъ этимъ не ограничивается. Мало того, что онъ доказалъ всю силу и значенiе культуры, какъ средства улучшить и усовершенствовать породу, мало того, что культура даетъ всѣ средства противустоять всѣмъ внѣшнимъ невзгодамъ, но и способность примѣненiя къ разнообразнѣйшимъ внѣшнимъ условiямъ есть лишь результатъ хорошей культуры. За то пренебреженiе культурой, недостаточное и безтолковое примѣненiе ея, ведетъ къ совершенно противуположному явленiю въ животной и растительной экономiи. Все то, что не пользуется благами культуры, естественнымъ ходомъ событiй возвращается къ первобытному, дикому, грубому, хилому состоянiю. Это явленiе Дарвинъ называетъ закономъ реверсiи. Какъ хорошiй сыщикъ, онъ по цвѣту пера въ хвостѣ голубя, по полоскѣ на спинѣ лошади узнаетъ ея нестолбовое происхожденiе и приводитъ массу данныхъ, доказывающихъ, что голубиныя породы, при отсутствiи всякой заботы о нихъ, начинаютъ вырождаться, и что наши лошади, переходя въ дикое состоянiе, становятся болѣе или менѣе полосатыми.

Сила культуры не ограничивается улучшенiемъ и усовершенствованiемъ одного лишь животнаго и растительнаго мiра. Человѣкъ также подверженъ, какъ улучшенiямъ и усовершенствованiямъ своей физической и моральной природы въ силу культуры, путемъ ея прогрессивнаго развитiя, такъ и закону реверсiи, т. е. возвращенiю въ первобытное состоянiе. И если Дарвинъ не касается человѣка, если онъ настолько скроменъ и деликатенъ, что не хочетъ сопоставить человѣка съ остальнымъ органическимъ мiромъ, то это ужь такая манера ученыхъ англичанъ. Но все-таки это сопоставленiе видно на каждой страницѣ его знаменитаго сочиненiя. А чтобы насъ не заподозрили въ излишней догадливости и въ навязываньи другому такихъ идей, которыхъ онъ вовсе не намѣренъ былъ высказывать, мы приведемъ изъ антропологiи Вайтца рядъ фактовъ, подтверждающихъ нашу мысль и вполнѣ гармонирующихъ съ вышеприведенными фактами изъ животнаго и растительнаго мiра. Вайтцъ говоритъ (стр. 82), что «еслибъ у насъ были вѣрныя изображенiя и точные портреты тѣлеснаго сложенiя различныхъ индивидовъ изъ разныхъ перiодовъ жизни одного и того-же народа, то по сравненiю этихъ изображенiй легко можно было-бы доказать, что внѣшнiя особенности народа вполнѣ соотвѣтствуютъ прогрессу, застою или регрессу его культурнаго развитiя.

Начнемъ съ того, что почти всѣ естествоиспытатели твердо убѣждены въ

томъ, что форма черепа и его образованіе — надежнѣйшій признакъ происхожденія. И несмотря на то, почти всѣ согласно допускаютъ, что индивидуальныя различія въ черепахъ тѣмъ рѣзче выступаютъ, чѣмъ выше образованіе народа. У дикихъ народовъ уклоненія отъ первобытнаго типа чрезвычайно рѣдки, у цивилизованныхъ народовъ, напротивъ, очень часты. Latham составилъ таблицу измѣреній, которыми доказывается, что вмѣстимость черепа шотландцевъ въ прежнее, древнее время меньше была, чѣмъ въ позднѣйшее, теперешнее, что онъ считаетъ прямымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ цивилизаціи. Старые негритянскіе черепа, выкопанные въ Нью-Іоркѣ, гораздо толще и обнаруживаютъ, говоря языкомъ френологовъ, гораздо меньшее умственное развитіе, чѣмъ черепа новѣйшаго времени. Все это даетъ право І. Мюллеру и Энгелю утверждать, что форма черепа существенно зависитъ отъ степени культуры и вмѣстѣ съ нею видоизмѣняется. Отсюда вполнѣ понятно, по увѣренію аббата Frère'a, что чѣмъ первобытнѣе раса людская, тѣмъ сильнѣе развитъ затылокъ и тѣмъ площе лобъ, и что съ успѣхами цивилизаціи лобъ становится выпуклѣе, а затылокъ, наоборотъ, болѣе плоскимъ. Очень естественно, что такія капитальныя измѣненія совершаются чрезвычайно медленно, также медленно, какъ медленно подвигаются успѣхи цивилизаціи. Вотъ почему они такъ незамѣтны и мало бросаются въ глаза, въ особенности за короткій срокъ историческаго времени. Съ другой стороны, не нужно забывать, что такого рода наблюденія установлены лишь въ недавнее, такъ сказать, въ новѣйшее время.

Нужно замѣтить, что черепъ считался самою постоянною частью нашего организма, но приведенные нами факты окончательно отняли у него эту привиллегію. О непостоянствѣ и видоизмѣненіяхъ остальныхъ частей организма наука еще болѣе изобилуетъ фактами. De Salles утверждаетъ, что дикіе народы имѣютъ сравнительно большій ротъ и болѣе толстыя губы, чѣмъ цивилизованные народы. Утонченные нравы, разносторонняя дѣятельность и подвижность характера смягчаютъ грубое, полируютъ жесткое и округляютъ угловатость формъ. Но чѣмъ ниже умственное развитіе народа, чѣмъ первобытнѣе его состояніе, тѣмъ сильнѣе онъ подверженъ вліянію внѣшней окружающей природы, тѣмъ могущественнѣе отражается на немъ господство внѣшнихъ условій существованія.

Справедливость этого легко подтвердить многими фактами. Такъ, если условія существованія ужь слишкомъ просты и вся внутренняя дѣятельность цѣлаго народа однообразно направлена лишь къ тому, чтобы удо-

влетворить своимъ грубымъ физическимъ или животнымъ потребностямъ то всѣ индивиды такого народа представляютъ чрезвычайно интересно внѣшнее сходство; ибо незначительная подвижность мозгового отправленія кладетъ печать однообразія и на выраженіе лица и не придаетъ особыхъ оттѣнковъ: только съ развитіемъ и распространеніемъ образованія проявляется большее различіе и богатство разнообразія. Отсюда понятно мнѣніе Гумбольдта, что варварскіе народы имѣютъ скорѣе племенную или табунную физіономію, чѣмъ индивидуальную. Это явленіе повторяется и на нашихъ домашнихъ животныхъ, которыхъ физіономія несравненно благообразнѣе, чѣмъ у дикихъ ихъ соотчичей, что, конечно, зависитъ вполнѣ отъ болѣе близкаго соприкосновенія домашнихъ животныхъ съ человѣкомъ. Насколько сильна культура, можно также легко видѣть изъ противуположныхъ фактовъ. Такъ извѣстно, что если европейцы какъ нибудь затеряются среди дикихъ народовъ Америки, Ново-Зеландіи, то, усвоивъ нравы и образъ жизни этихъ дикарей, они въ то же время становятся похожими на нихъ чертами лица, и такихъ европейцевъ подчасъ очень трудно отличить отъ дикихъ индѣйцевъ, среди которыхъ они жили. Съ другой стороны негритянскія дѣти, родившіяся на свободѣ въ Сіерра-Леоне, имѣютъ лучшія черты лица, болѣе выразительные глаза, болѣе свободное обращеніе и болѣе нѣжное тѣлосложеніе, чѣмъ изъ рабства возвратившіеся родители ихъ. Тоже различіе замѣтили уже давнымъ давно между маронами и неграми-рабами на Ямайкѣ, которые заслуживаютъ особенное вниманіе по тому обстоятельству, что чувство ихъ собственнаго достоинства возрастаетъ по мѣрѣ эмансипаціи. «Не слѣдуетъ теперь оскорблять черныхъ, какъ прежде; они теперь умѣютъ мыслить, слышать и видѣть не хуже бѣлыхъ, они умнѣе прежняго стали и дальше еще умнѣе будутъ», сказалъ одинъ негръ Льюису на Ямайкѣ. Все это доказываетъ, что структура негритянскаго организма далеко не такъ постоянна, какъ этого желали бы многіе, и что натура его столько же измѣнчива, сколько имѣнчивы убѣжденія многихъ нашихъ quasi-публицистовъ. Если не во всѣхъ, то въ этомъ отношеніи эти послѣдніе гораздо ниже негровъ. Такъ Ляйель утверждаетъ, что въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки негры, приходящіе въ близкое и частое столкновеніе съ бѣлыми (за исключеніемъ любовныхъ сближеній), мало-по-малу типомъ приближаются къ европейцамъ, какъ строеніемъ черепа и всего организма, такъ и нравственной стороной. Ляйель приводитъ также наблюденіе д-ра Ганкока, что высшая культура съ теченіемъ времени совершенно измѣняетъ выраженіе физіономіи у негровъ въ Гвинеѣ.

у которыхъ нижняя челюсть меньше выступаетъ и даже форма черепа видоизмѣняется. Основываясь на наблюденіяхъ этого рода, Ward даетъ себѣ право утверждать, что негры въ 200 или 300 лѣтъ безъ всякой посторонней помѣси съ другими расами, единственно въ силу лучшихъ физическихъ и нравственныхъ условій, теряли и теряютъ свои отвислыя губы и выдающіяся челюсти и что вообще всѣ особенности, характеризующія ихъ, мало-по-малу сглаживаются. Стенгопъ Смитъ положительно увѣряетъ, что хорошо содержимые домашніе рабы изъ негровъ теряютъ свой специфическій запахъ, что волоса ихъ становятся гладкими и сплетаются въ косичку. Онъ даже передаетъ фактъ почти невѣроятный, но все-таки подтверждаемый авторитетами, что одинъ негръ безъ всякой болѣзни, а единственно въ силу хорошаго ухода, совершенно побѣлѣлъ и волосы его стали гладкими. Въ Нью-Джерсеѣ встрѣчаются очень часто негры съ прямымъ носомъ, хорошо сформированнымъ лбомъ и съ отвѣсными зубами. Таковы результаты культуры, обращенной на человѣка! Но мы сказали, что человѣкъ подверженъ, какъ усовершенствованію, такъ и реверсіи, то-есть возвращенію въ первобытное состояніе. Карлъ Фохтъ собралъ матеріялы и обработалъ ученіе о микроцефалахъ, то-есть о людяхъ съ маленькими, мало-развитыми головами и съ количествомъ и качествомъ мозга, уподобляющимъ этихъ субъектовъ животнымъ. Онъ видитъ въ нихъ стремленіе человѣческой природы возвратиться подчасъ вспять и считаетъ это явленіе возможнымъ при недостаткахъ культуры, какъ крайнюю форму, до которой можетъ довести человѣка дурная обстановка цѣлаго ряда поколѣній. Явленіе въ высшей степени грустное и въ то же время поучительное. Оно должно служить указаніемъ, до чего можетъ быть извращена человѣческая природа. Если человѣчество возбуждаетъ полнѣйшую симпатію и внушаетъ глубокое уваженіе къ себѣ за то, что оно доросло втеченіи своего долгаго существованія до такого колоссальнаго ума, какъ Дарвинъ, и до такого нравственнаго совершенства, какъ Гарибальди, то оно, съ другой стороны, возбуждаетъ ужасъ и отвращеніе за то обиліе идіотовъ, кретиновъ, микроцефаловъ, которыми кишитъ весь цивилизованный міръ. Вотъ два пути, по которымъ идти совершенно зависитъ отъ человѣка: путь усовершенствованія, культуры и путь вырожденія, реверсіи...

Итакъ культура, *) въ обширномъ значеніи слова, даетъ человѣку

*) Подъ именемъ культуры мы разумѣемъ изученіе внѣшнихъ условій существованія человѣка и обращеніе ихъ себѣ на пользу.

возможность жить подъ всѣми широтами, какъ у полюсовъ, такъ и под тропиками, даетъ ему средства существовать и на высокихъ горахъ, и в низкихъ долинахъ, подъ полярными сугробами снѣга, и на знойныхъ пе скахъ пустынь. Весь земной шаръ, со всѣми его подраздѣленіями, рѣк озера, моря, самый океанъ служатъ жилищемъ человѣку единственно в силу культуры. Культура научила его устроивать себѣ жилища, соотвѣтст вующія разнообразнѣйшимъ климатамъ, и превратила для него значен климата почти въ ничто. Культура научила его обработывать и обращат въ собственность матеріялы всѣхъ царствъ природы, особенно же расти тельнаго и животнаго міра, научила его выдѣлкѣ разныхъ тканей, кото рыми онъ облекаетъ себя соотвѣтственно времени года, и тѣмъ дала ем возможность сохранять свою естественную теплоту и поддерживать вс отправленія организма въ нормальномъ состояніи, несмотря ни на како время года; вопреки различію погоды, сдѣлала человѣка равнодушнымъ, обезпеченнымъ противъ всевозможныхъ невзгодъ внѣшнихъ космическихъ условій. Средствами культуры онъ также счастливо живетъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ жить, какъ въ Исландіи или Березовѣ, такъ и въ Италіи или на Мысѣ Доброй-Надежды; средствами культуры онъ достигаетъ своего нормальнаго роста и одинаково хорошо развивается и физически, и умственно при всѣхъ возможныхъ климатическихъ условіяхъ внѣшней среды, почти одновременно достигаетъ половой зрѣлости, и если есть въ этомъ отношеніи небольшія уклоненія, то единственно въ силу недостатковъ культуры. Питаніе, ростъ, всѣ физіологическія отправленія и мозговая работа совершаются одинаково удовлетворительно на всемъ земномъ шарѣ, несмотря на все разнообразіе внѣшнихъ условій, одними лишь силами культуры. Еслибъ насъ спросили, чѣмъ отличается человѣкъ отъ прочихъ животныхъ, и потребовали бы отвѣтъ въ одномъ словѣ, мы, не затрудняясь, отвѣтили бы:—культурой. Культура дѣлаетъ человѣка властелиномъ природы; онъ господствуетъ надъ ней, онъ подчиняетъ ее себѣ подавляетъ ее, видоизмѣняетъ ее, приспособляетъ ее къ своимъ потребностямъ и все это единственно средствами культуры. Таковы блага ея! Но за т малѣйшій недостатокъ ея сильно даетъ себя чувствовать человѣку; при малѣйшемъ недостаткѣ ея природа беретъ верхъ надъ человѣкомъ и изгоняетъ ег съ пира. Кто не пользуется благами культуры, тотъ становится жертвою борьбы съ внѣшней окружающей природой; кто не обладаетъ могучими средствами ея, тотъ и борьбы вести не можетъ и падаетъ подъ ударами *не судьбы*, а внѣшней обстановки, падаетъ отъ слабости, отъ соціаль-

той неурядицы, отъ соціальной грѣховности. Мы намѣрены здѣсь показать, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ ведутъ два недостатка культуры: голодъ и нищета, какое страшное зло порождаютъ эти два элемента, эти два страшнѣйшіе бича соціальной неурядицы въ физическомъ благосостояніи человѣка. Конечно, гдѣ голодъ и нищета, тамъ, собственно говоря, вовсе нѣтъ культуры; но мы намѣрены указать здѣсь на то, что тамъ, гдѣ одни лишь пользуются благами культуры, а другіе прозябаютъ въ голодѣ и нищетѣ, нѣтъ полной культуры, и что послѣдніе подрываютъ и портятъ благо первыхъ. Мы, слѣдовательно, желаемъ поговорить о голодѣ и нищетѣ, проявляющихся *среди* культуры и прикрытыхъ ея лоскомъ.

Съ недавняго времени ученіе о причинахъ болѣзней вступило въ новую фазу развитія. До послѣдняго времени врачи сваливали незнаніе настоящихъ причинъ болѣзней на разныя климатическія условія. Вездѣ, гдѣ нельзя было докопаться до положительныхъ знаній, въ изысканіи причинъ происхожденія болѣзни, старались обвинять въ появленіи той и другой болѣзни тотъ или другой климатъ. Словомъ, климатъ былъ во всемъ виноватъ. Но тщательное изученіе географическаго распространенія болѣзней возбудило сомнѣніе въ слишкомъ большой виновности климата и пошатнуло это ветхое зданіе. Врачи, видите-ли, сидѣли себѣ сложа руки, спокойные тѣмъ, что со стихіями вѣдь ничего не подѣлаешь, не бороться же съ климатомъ. Они не задавались вопросомъ, почему же климатъ такъ благосклоненъ къ однимъ, а другихъ губитъ и враждебно преслѣдуетъ. Они утѣшали себя и другихъ тѣмъ, что отыскивали лекарства отъ всѣхъ болѣзней, порождаемыхъ и порожденныхъ климатомъ, и не вникали въ самую суть дѣла, не повѣряли разъ установленное понятіе о гибельномъ значеніи климатическихъ условій для жизни человѣка. Только сравнительное изученіе болѣзней въ разныхъ концахъ міра показало, что однѣ и тѣ-же болѣзни господствуютъ при совершенно противуположныхъ климатическихъ условіяхъ, и заставило врачей искать источникъ зла въ другомъ мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчателенъ трудъ одного ученаго нѣмца, нѣкоего Гирша, капитальное сочиненіе котораго «Историко-географическое распространеніе болѣзней» проливаетъ совершенно новый свѣтъ на этотъ вопросъ. Собравъ обширный и богатый матеріялъ по этому предмету, сличивъ данныя о людскихъ страданіяхъ изъ разныхъ областей земного шара, сопоставивъ въ систематическомъ порядкѣ всѣ параллельные и противорѣчивые факты, Гиршъ пришелъ къ тому убѣжденію, что весь земной шаръ—юдоль плача, что болѣзни не прикрѣплены

строго къ опредѣленнымъ условіямъ мѣстности, и что человѣчество хвораетъ и страдаетъ не потому, что оно живетъ въ той, а не въ другой мѣстности, а потому, что оно живетъ не такъ, какъ ему слѣдуетъ жить. Потерпѣвъ здѣсь неудачу и видя всю шаткость основанія въ взваливаніи всей вины людскихъ страданій на климаты, естествоиспытатели-врачи направились въ другую сторону и обратили все свое вниманіе на соціальный бытъ и здѣсь-то нашли болѣе широкое поле для своихъ изысканій, встрѣтили болѣе обширное оправданіе своихъ предположеній и лучшее примѣненіе и благороднѣйшее оправданіе своихъ гуманныхъ обобщеній и гигіеническихъ тенденцій. Ученіе это еще слишкомъ ново, чтобы отъ него ожидать полнаго удовлетворенія всѣмъ требованіямъ и вѣрнаго отвѣта на всѣ могущіе представиться вопросы, но тѣмъ не менѣе счастливая будущность этого ученія несомнѣнна; оно и не можетъ слишкомъ быстро подвигаться впередъ, потому что оно слишкомъ щекотливо задѣваетъ многія стороны соціальной жизни и забирается въ такія мѣста, гдѣ его появленіе многими далеко не желательно.

Для правильнаго и нормальнаго существованія человѣка, для хорошаго физическаго и умственнаго развитія его неизбѣжно нуженъ цѣлый рядъ опредѣленныхъ условій внѣшней окружающей среды. Человѣку нужно съ перваго дня рожденія и во все время его существованія опредѣленное количество пищи и притомъ извѣстнаго качества. Пища, кромѣ того, по количеству и качеству, должна соотвѣтствовать его возрасту, времени гога, но никакъ не степени его благосостоянія. Благосостояніе или его недостатки отнюдь не могутъ контролировать физіологическихъ потребностей и не имѣютъ права руководить ими. Первое удовлетворяетъ ихъ, а второе развѣ лишь подавляетъ. А потому если хозяйка дома отбираетъ лучшую говядину и лучшую муку для себя, а худшіе и негодные сорта откладываетъ для *людей*, то это никакъ нельзя объяснить разницей физіологическихъ потребностей и точнымъ знаніемъ ихъ хозяйкой, а только разницей соціальнаго положенія. Человѣку нужно съ перваго дня рожденія и во все время его существованія опредѣленное количество чистаго воздуха и опредѣленнаго качества жилище, кровъ, помѣщеніе. Ему также нужны одежда и обувь.. Все это, конечно, должно строго соотвѣтствовать, какъ возрасту и полу, такъ въ особенности времени года. Человѣку еще нужно правильное чередованіе труда и покоя: какъ покой, такъ и трудъ—строгія физіологическія потребности, необходимыя для нормальнаго физическаго и умственнаго отправленія организма. Каждый человѣкъ, желающій хорошо

и дольше прожить на свѣтѣ, долженъ трудиться и соотвѣтственно труду вознаграждать утраты и потери организма опредѣленнымъ количествомъ пищи и достаточной мѣрой отдыха, успокоенія, сна. Голодъ или недостатокъ пищи, или скудная пища, или дурная пища, или не соотвѣтствующая пища не даютъ человѣку быть вполнѣ человѣкомъ. Кровь его не получаетъ потребныхъ элементовъ, питаніе его совершается скудно, кровеобращеніе и дыханіе недостаточны; мозги, не получая слѣдуемаго питанія, не отправляютъ своей обязанности какъ должно; онъ слабѣетъ физически и морально; силы его уменьшаются, онъ тупѣетъ, истощается, становится малокровнымъ, нервы его возбуждены, онъ дѣлается раздражительнымъ, завистливымъ, недовольнымъ. Говорятъ, что великая французская революція была послѣдствіемъ голода и нищеты народной... Тощій голодный человѣкъ плохо развивается и физически и умственно, онъ или вовсе не производитъ потомства, или производитъ потомство слабое, хилое, быстро-вымирающее. — Даже люди состоятельные, когда ихъ обуреваетъ чувство голода, находятся въ какомъ-то раздраженномъ состояніи. Возвращаясь со службы и проголодавшись, мужья обыкновенно въ дурномъ расположеніи духа. Нѣкоторыя догадливыя жены знаютъ это и хлопочутъ о томъ, чтобъ до прихода мужа все было готово къ столу и никогда не обращаются ни съ какими распросами и ни съ какими просьбами къ своимъ мужьямъ до обѣда. Когда же мужъ хорошенько набьетъ желудокъ нѣсколькими порціями довольно лакомыхъ и сытныхъ блюдъ и притомъ до того туго, что приходится растегнуть платье, и онъ ложится на кушетку *отдохнуть*, тогда нравъ его кротокъ и мягокъ, характеръ его уступчивъ, легкая улыбка на устахъ свидѣтельствуетъ объ удовлетвореніи настоятельной потребности организма и тогда-то коварная жена пристаетъ съ своими просьбами, вполнѣ увѣренная въ успѣхѣ.

Если человѣкъ не удовлетворяя чувству голода какихъ нибудь два, три часа, находится въ такомъ раздраженномъ и возбужденномъ состояніи, если это безпардонное чувство, неумолкающее на самое короткое время, не располагаетъ человѣка къ самымъ близкимъ, дорогимъ, кровнымъ существамъ, къ женѣ и дѣтямъ, къ которымъ онъ подчасъ относится даже враждебно; если улыбка довольства и кротость нрава проявляется такъ быстро и по всему существу разливается какая-то мягкость и уступчивость немедленно вслѣдъ за удовлетвореніемъ этого животнаго чувства; — то представьте себѣ, въ какомъ состояніи духа долженъ находиться человѣкъ по-

стоянно испытывающій это непріятное чувство, часто подверженный этому мучительному неудовлетворенію.

Другой факторъ «нищета» лишаетъ человѣка возможности завести себѣ хорошую одежду и обувь, отнимаетъ у него средства держать свое тѣло въ теплѣ, въ надлежащей чистотѣ и опрятности, заставляетъ его прозябать въ жалкой и убогой лачугѣ, тѣсной, сырой и холодной. Недостатокъ одежды и обуви подвергаетъ его всѣмъ случайностямъ непогоды и дѣлаетъ его чувствительнымъ ко всѣмъ измѣненіямъ барометра и термометра. Нищета, задерживая физическое и умственное развитіе человѣка, какъ и цѣлыхъ массъ, влечетъ человѣка къ крайностямъ, къ излишеству отравляющихъ напитковъ; ведетъ его неминуемо въ кабакъ, а оттуда въ столь благодѣтельныя учрежденія, какъ суды, полиція, тюрьмы, остроги, поселенія, каторги; ведетъ его къ вырожденію, къ вымиранію. Голодъ и нищета, съ одной стороны, подготовляютъ, удобриваютъ, унавоживаютъ почву для развитія разныхъ отравляющихъ веществъ, съ другой стороны, располагаютъ человѣческіе организмы къ воспріятію этихъ отравъ. Такимъ образомъ, голодъ и нищета порождаютъ множество болѣзней, множество страданій. Трудно и невозможно въ бѣгкомъ очеркѣ описать всѣ послѣдствія голода и нищеты, и потому мы ограничимся указаніемъ лишь на нѣкоторыя.

Одна изъ болѣзней, порождаемыхъ голодомъ и нищетой, обратила на себя въ послѣднее время особенное вниманіе врачей и филантроповъ: это—именно тифъ. Хотя есть нѣсколько видовъ тифа, но голодъ причиняетъ особый видъ тифа, называемый *голоднымъ тифомъ*. Тифъ самъ по себѣ не есть удѣлъ лишь современной цивилизаціи: самая глубокая древность была уже знакома съ нимъ. Отецъ медицины, Гиппократъ, бывшій очевидцемъ афинской чумы, уже упоминаетъ о тифѣ. Слово *тифъ* обозначаетъ *дымъ* или туманъ и фигурно онъ характеризуетъ такое состояніе мозга, при которомъ отправленіе его затруднено, сознаніе отуманено, по выраженію простого русскаго народа: «голову обноситъ«. Чтобы убѣдиться, къ какимъ страшнымъ послѣдствіямъ ведетъ голодъ, мы воспользуемся прекрасной брошюрой знаменитаго профессора Вирхова, этого замѣчательнаго реформатора современной медицины, и приведемъ нѣсколько цитатъ изъ этой брошюры, посвященной имъ голодному тифу. «Почти втеченіи цѣлыхъ двухъ столѣтій, говоритъ профессоръ Вирховъ,—Ирландія считается главнымъ мѣстопребываніемъ голоднаго тифа. Смѣло можно сказать, что, какъ въ Египтѣ чума, такъ и въ Ирландіи съ 1788 года безпрерывно повторяются сильнѣйшія эпидеміи тифа. Ни одна страна во всемъ свѣтѣ не

можетъ сравниться съ Ирландіей въ этомъ отношеніи. Съ 1817 по 1819 годъ свирѣпствовала такая сильная эпидемія, что 44,000 человѣкъ погибло отъ нея и восьмая часть всего ирландскаго населенія заболѣла. Отсюда эпидемія распространилась дальше и поразила Эдинбургъ и Лондонъ. Съ тѣхъ поръ только небольшіе промежутки времени отдѣляли одну эпидемію отъ другой, а въ 1846 году и вплоть по 1848 самая тяжелая эпидемія бичевала этотъ несчастный островъ. Дурной урожай картофеля предшествовалъ ея появленію и болѣе милліона (!) людей подверглись ея нападенію, въ одномъ Дублинѣ число больныхъ было болѣе 40,000. Цѣлыми толпами оставляли свой зеленый островъ несчастные ирландцы, но они уносили съ собой и заразу, и вездѣ, гдѣ они появлялись, являлся и неизмѣнный спутникъ ихъ—тифъ. Мачиха-Англія тоже, конечно, не избѣгла этихъ преслѣдованій заразы и за угнетеніе зеленаго острова поплатилась болѣе чѣмъ 300,000 больныхъ, изъ коихъ въ одномъ Ливерпулѣ умерло до десяти тысячъ. Въ 1847 году семьдесятъ пять тысячъ ирландцевъ выселились въ Канаду, но болѣе десяти тысячъ умерли отчасти въ дорогѣ, отчасти въ карантинахъ, нисколько не предохранивъ тѣмъ многіе американскіе города отъ занесенія болѣзни».

Въ Англіи всѣ того убѣжденія, что каждая эпидемія непремѣнно имѣетъ своимъ мѣстомъ возникновенія—Ирландію. Извѣстный наблюдатель Рорһаm увѣряетъ, что тифъ преслѣдуетъ ирландца всюду, куда тотъ ни направитъ свои стопы и куда, ни занесетъ онъ свою нищету; и дѣйствительно, болѣзнь не только постоянно заносится изъ Ирландіи въ приморскіе города сѣверной Америки, въ большіе торговые пункты Шотландіи и Англіи, но здѣсь еще эти пристанища ирландцевъ, эти грязныя, бѣдностью и порокомъ переполненныя лачуги становятся, въ добавокъ къ прежнему горю, вѣчнымъ средоточіемъ заразы, изъ котораго болѣзнь никогда вполнѣ не исчезаетъ и откуда она, подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, распространяется на сосѣднія области.

Одновременно съ появленіемъ этой эпидеміи въ Ирландіи, свирѣпствовалъ голодный тифъ во Франціи и въ Верхней Силезіи. Во Фландріи благосостояніе сельскаго населенія уже съ 1836 года пошатнулось, послѣ того, какъ фабрикація подорвала цвѣтущее состояніе ткацкаго ремесла. Въ 1845 г. машинная работа одержала полнѣйшую побѣду надъ ручною. Къ этому присоединился въ 1846 году полнѣйшій неурожай картофеля и весьма посредственный сборъ хлѣба. Нужда дошла до того, что во мно-

гихъ мѣстахъ жители питались лишь рѣпой, морковью, листьями капусты испорченнымъ картофелемъ и только изрѣдка кускомъ чернаго хлѣба. Нѣ которыя семейства не въ состояніи были даже добыть себѣ и этой пищ на каждый день. Вдругъ обнаружилась эпидемія и произвела въ населені такое опустошеніе, что въ концѣ 1857 г. населеніе западной Фландрі уменьшилось отъ многочисленныхъ смертныхъ случаевъ до численности 184 года, а въ восточной Франдріи населеніе возвратилось къ численност 1842 года. Изъ 60,377 заболѣвшихъ умерло 11,900, слѣдовательно, поч ти 20%!

Верхняя Силезія уже въ 1845 г. испытала сильнѣйшій неурожай кар тофеля. Въ 1846 г. неурожай повторился и нужда достигла такой степен что мѣстныя власти нашлись вынужденными обратиться въ займамъ и до ставлять бѣднымъ муку. Присоединеніе вольнаго города Кракова къ Ав стріи и возникшія вслѣдствіе того таможенныя притѣсненія сразу унич тожили цвѣтущую дотолѣ льняную и шерстяную промышленность малень кихъ городовъ. Бѣдняки были вынуждены продать своихъ коровъ; запас капусты — любимѣйшая пища низшихъ классовъ общества — истощился и ничего болѣе не осталось, кромѣ зеленаго клевера и еле-годныхъ пло довъ. Лѣто 1847 года сначало подавало большія надежды, но потом пошли обильные дожди, произошло разлитіе рѣкъ, картофель еще болѣ загнилъ, и жатва окончательно не удалась. Тогда-то обнаружилась бо лѣзнь. Тогда-то опустошительная эпидемія и ужаснѣйшій голодъ совмѣст свирѣпствовали среди бѣднаго, невѣжественнаго и отупѣвшаго населені Втеченіи одного года въ округѣ Плессъ умерло 10 процентовъ населені отъ города и болѣзней, а въ округѣ Рибникъ въ теченіе восьми мѣсяцев заболѣло 14 проц. населенія тифомъ, и изъ нихъ 20 проц. умерло; 3 врача, множество священниковъ, братья милосердія и многіе другіе забо лѣли и не мало изъ нихъ поплатились жизнію. Число умершихъ отъ го лода и тифа дошло до 20,000.

«Я прежде очень часто наблюдалъ тифъ, говоритъ докторъ Рейх лучшій европейскій врачъ-публицистъ *), — но я всегда въ очію могъ убѣ диться, насколько соціальная нищета и бѣдственныя условія быта соста вляютъ преимущественный источникъ этой болѣзни».

---

*) См. его превосходное сочиненіе о причинахъ физическихъ и моральных болѣзней человѣка, стр. 391.

Другой, столь же, если еще не болѣе гибельный бичъ, истребляющій человѣчество—холера—также глубоко коренится въ соціальной нищетѣ. «Въ высшей степени важный моментъ къ заболѣванію холерой, говоритъ профессоръ Дитль,—на который обращено еще такъ мало вниманія, есть *бѣдность*. Бѣдность съ цѣлою ватагою своихъ нераздѣльныхъ спутниковъ, каковы: печаль, забота о кускѣ хлѣба, изнурительная работа, плохая пища, обжорство и пьянство, неопрятность, невѣжество, плохая, недостаточная одежда, сырыя, набитыя народомъ жилища, равнодушіе, прилѣлость, фатализмъ, пренебреженіе полезной помощи и страсть къ самымъ превратнымъ и вреднымъ средствамъ,—преимущественно предрасполагаетъ къ холерѣ и составляетъ такой разительный поводъ къ заболѣванію ею, что заслуживаетъ особеннаго вниманія всего образованнаго человѣчества».

«Гдѣ менѣе всего соблюдены правила общественной и частной гигіены, гдѣ имѣетъ мѣсто физическая и нравственная гниль, тамъ—плодороднѣйшая почва для холеры» (Reich).

Тѣ же самыя условія нищеты и голода служатъ лучшей подготовительной почвой для проявленія цѣлаго ряда страшныхъ болѣзней, истребляющихъ преимущественно дѣтскіе организмы—эту самую живую связь людей. Корь, оспа, скарлатина особенно гнѣздятся тамъ, гдѣ нищета тѣсно связана съ нечистотой, гнилью, развратомъ, вонью и т. д. «Если организмъ, говоритъ далѣе Рейхъ,—постоянно нуждается въ пищѣ, то питаніе его, стремленіе къ рожденію и отправленіе всей нервной системы претерпѣваютъ такое сильное измѣненіе, что естественнымъ слѣдствіемъ этого должны быть болѣзнь, вырожденіе и смерть. Люди, голодающіе, такъ сказать, цѣлые годы, не могутъ достигнуть надлежащаго развитія, мало расположены къ семейнымъ удовольствіямъ и любовнымъ наслажденіямъ, страдаютъ чрезмѣрнымъ возбужденіемъ нервовъ и суть по истинѣ несчастнѣйшія созданія этого міра. Голодъ—страшнѣйшее чудовище, и кто попадаетъ въ когти этого страшилища, страдаетъ больше, чѣмъ отъ всякой другой пытки. Непреодолимое чувство голода и возбуждаемое имъ отчаяніе приводятъ человѣка къ самымъ ужаснымъ поступкамъ: къ самоубійству, къ преступленіямъ, къ пороку, къ возстанію противъ властей, къ сумасшествію, и вноситъ въ семью величайшія бѣдствія». «Изгоните голодъ, взываетъ Рейхъ, и вы удалите, по крайней мѣрѣ, половину всего того, что ваши кодексы называютъ преступленіемъ, ваша мораль — порокомъ, ваше сердце — несчастьемъ!» Рука объ руку съ голодомъ, съ недостаточнымъ питаніемъ

организма всегда происходитъ уменьшеніе животной теплоты; каждый человѣкъ можетъ на себѣ провѣрить этотъ опытъ: стоитъ лишь строго поститься цѣлый день. Но это уменьшеніе животной теплоты располагаетъ организмъ ко всѣмъ возможнымъ простуднымъ болѣзнямъ. Составъ крови также измѣняется и кровь становится бѣдною существенными принадлежностями, что влечетъ за собою цѣлый рядъ *болѣзней вырожденія*, какъ-то: малокровіе, золотуху, скорбутъ, чахотку, блѣдную немочь и всевозможныя нервныя болѣзни. «Люди, которые не ѣдятъ до сыта, становятся мечтателями, фантазерами, страдаютъ видѣніями, галлюцинаціями и, въ большинствѣ случаевъ, падаютъ жертвами эпидемическихъ болѣзней.»

Всѣ политико-экономы безспорно и единодушно согласны въ томъ, что населеніе каждой страны строго соотвѣтствуетъ производительнымъ силамъ самого населенія. Согласно съ этимъ закономъ, бѣдный и угнетенный народъ, лишенный возможности заниматься хлѣбопашествомъ и промышленностью и чуждый свободы, представляетъ также и незначительное число рожденій: населенія, состоящія изъ рабовъ, скорѣе уменьшаются, чѣмъ увеличиваются въ числѣ. Положительно извѣстно, что на островѣ Санъ-Доминго въ 1788 году среди черныхъ на три брака приходилось два рожденія, между тѣмъ какъ у бѣлыхъ каждый бракъ среднимъ числомъ производитъ три рожденія. Такимъ образомъ, мы видимъ, что плодовитость значительно убываетъ отъ недостатка въ пищѣ и продукты нищеты слабы, хилы, жалки и недолговѣчны.

Чтобы убѣдиться, какое вліяніе имѣютъ голодъ и нищета на средній ростъ человѣка, нужно сравнить населеніе различныхъ департаментовъ Франціи. На сѣверѣ этой страны населеніе представляетъ самый большой ростъ, но здѣсь же и сосредоточено наибольшее богатство и довольство: а въ Бретани, гдѣ земледѣліе и промышленность плохо развиты, тамъ и люди несравненно меньшаго роста, чѣмъ во всѣхъ другихъ частяхъ Франціи. Исключительное употребленіе одной и той же пищи, содержащей мало питательныхъ элементовъ, дѣйствуетъ на человѣка также вредно, какъ и недостатокъ пищи. Отсюда легко объясняется, почему прислуга вездѣ и повсюду обвиняется въ лѣности и страсти украдкой пользоваться хозяйскими лакомствами. Прислугу вездѣ кормятъ картофелемъ, овощами и вообще пищей, бѣдной азотистыми и бѣлковинными веществами, между тѣмъ какъ, находясь въ постоянномъ движеніи и въ трудѣ, прислуга нуждается въ самой питательной пищѣ. Недостаточная, исключительная и мало-питательная пища индуса самымъ выгоднымъ образомъ располагаетъ его къ

особенно же индуса подготовляетъ къ холерѣ исключительное упо- испорченнаго риса. Такой индусъ не заслуживаетъ названія здо- еловѣка. Этотъ бѣдняга, получая въ пищу одинъ лишь испор- никуда негодный рисъ, все равно, что голодаетъ, тѣмъ болѣе, что ъ рисѣ важнѣйшіе питательные элементы, какъ-то бѣлковина, на и крахмалъ до того измѣняются отъ сырости и жара, что еличайшимъ трудомъ можетъ переварить желудокъ и онъ возбу- наклонность къ рвотѣ, поносамъ. Отсюда, кажется, ясно отноше- ой пищи къ холерѣ. Наконецъ, съ пищей тѣсно связано увели- уменьшеніе народонаселенія и соотвѣтственно количеству и каче- ци возрастаетъ или убываетъ состояніе общественнаго и частнаго ; ибо хорошо и сытно питающіеся народы крѣпки и здоровы, а олодь живущіе убоги, жалки, физически и нравственно бездѣ- часто нравственно испорчены. Дурное питаніе ведетъ къ стра- пищеваренія и къ болѣзнямъ питанія, влечетъ за собою испор- кровь и подавляетъ нервную и мышечную дѣятельность. Органи- теплота, мужество и энергія убываютъ и замѣняются чувствомъ ья, недомоганья и наклонностью къ апатическому спокойствію. И о образомъ дурная пища — мать всего злого, печальнаго и

рь невольно рождается вопросъ: почему же хроническій голодъ и влекутъ за собою такое разнообразіе болѣзней, и почему они въ лучаѣ порождаютъ одну болѣзнь, а въ другомъ случаѣ другую? ать категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы должны раз- здѣсь читателю, что ученіе о настоящихъ причинахъ болѣзней въ е время пріобрѣло нѣсколько весьма интересныхъ данныхъ, кото- тъ ему совершенно новый поворотъ и грозятъ вверхъ дномъ оп- все старое зданіе этого ученія. Искони вѣковъ, впрочемъ, уче- неученымъ мерещилось, что есть что-то такое странное, непонят- римое, но вреднее, которое, попадая въ нашъ организмъ, въ нашу ричиняетъ большой вредъ. Эту вредную матерію, неуловимую, нную, древніе называли *міазмой*—«нечистой». Но видѣть никто не міазму, и что она такое—никто не зналъ.

нашему мнѣнію, всѣ болѣзни, поражающія человѣка, могутъ быть ы на три разряда: 1) на болѣзни, происходящія вслѣдствіе от- организма ядами; 2) на болѣзни вырожденія и 3) на болѣзни отъ ка приспособленія организма къ внѣшнимъ окружающимъ усло-

віямъ среды. Ядами или отравами мы называемъ не только мышьякъ, сулему или синильную кислоту, но алькоголь, табакъ и вообще все, что чуждо организму и дѣйствуетъ на него разрушительно. Къ числу такихъ ядовъ мы относимъ и такъ называемые міазмы, паразиты, грибки, которые, попадая въ нашу кровь, дѣйствуютъ на нее, какъ сущій ядъ. Уже и прежде неоднократно были замѣчены случаи отравленія низшими породами грибовъ. Emile Boudier, въ сочиненіи, удостоенномъ преміи французской Академіей *), собралъ много такихъ случаевъ, изъ которыхъ мы здѣсь передадимъ нѣкоторые. Два бочара вычищавшіе бочку, покрытую внутри плесенью, захворали головною болью, рвотой и головокруженіемъ и припадки эти исчезли у нихъ послѣ кровопусканья и легкаго лимонада. Далѣе онъ сообщаетъ случай, какъ заболѣли рабочіе, занятые срѣзываніемъ камыша, на которомъ по изслѣдованіи оказался чужеядный грибъ, родственный спорыньѣ. Если пыль такого грибка попадаетъ на какую нибудь часть тѣла или вдыхается, то онъ причиняетъ сильную головную боль, опухоль лица, сопровождаемую образованіемъ пузырьковъ. Проглоченная такая пыль вызываетъ всѣ явленія остраго воспаленія желудка. Perrochel наблюдалъ ребенка, который поѣлъ смородины, покрытой пылью грибка, отчего у ребенка сдѣлались сильнѣйшая колика, ознобъ, головная боль, тоска и конвульсіи, за которыми послѣдовалъ упадокъ силъ. Еще интереснѣе слѣдующій случай, изслѣдованный самимъ Boudier въ іюлѣ 1860 г. въ одномъ крестьянскомъ семействѣ. Мать и двое дѣтей одновременно страдали сильными болями въ желудкѣ и въ кишкахъ; при этомъ у нихъ приключилась рвота, спазмы, обильныя отдѣленія, конечности похолодѣли; словомъ, обнаружились всѣ припадки холерины, и все это послѣ того, какъ они поѣли вишень, имѣвшихъ болѣзнь, извѣстную подъ именемъ vert-de-gris. Болѣзнь эта заключается въ томъ, что въ дождливые годы плоды набухаютъ, трескаются, и въ трещины отлагается зеленоватая плесень. Здѣсь именно интересно и важно то, что тѣ же лица постояннно подвергались тѣмъ же припадкамъ и каждый разъ послѣ употребленія тѣхъ же плодовъ. Такія же наблюденія сдѣланы и по поводу виноградной болѣзни, причиненной грибомъ, котораго нельзя было не окрестить названіемъ, взятымъ изъ классическаго языка (Oidium Tuckeri).

---

*) Die Pilze von Emile Boudier, aus dem Französischen überhebgen von Dr. Huzemann, 1867. Berlin, ст. 5. 173 и слѣд.

Сюда же относятся многочисленные случаи отравленія испорченой, заплесневѣлой пищей. Колбасный ядъ прежніе авторы принимали за сарцину, а въ новѣйшее время Hoppe-Seyel доказалъ, что это вибріоны; U. Hessling утверждаетъ, что кишечныя страданія искуственно вскормленныхъ дѣтей зависитъ отъ грибковъ, развивающихся въ молокѣ, рожкѣ и соскѣ. Достойно упоминанія въ этомъ отношеніи сообщенное E. Straks'омъ отравленіе 70 человѣкъ совершено свѣжимъ пивомъ, въ которое пивоваръ лишь наканунѣ влилъ дрожжей; пиво это вызвало сильнѣйшую лихорадку, поносъ, рвоту, обильную испарину, безпамятство и т. д. (Huzeman). Всѣ эти наблюденія заставляли догадываться, что скоро-скоро будетъ открыто то загадочное *нѣчто*, которое не давало покоя ученымъ. Тогда-то обнародовалъ докторъ Сэлисбери изъ Огіо свои изслѣдованія, открывшія собою новую эпоху въ исторіи человѣческихъ страданій. Первое по времени замѣчательное открытіе доктора Сэлисбери состоитъ въ томъ, что онъ изслѣдовалъ міазму болотныхъ лихорадокъ посредствомъ микроскопа и нашелъ, что это ни больше, ни меньше, какъ водоросли. Онъ называетъ ихъ спорами пальмелы. Ему удалось на опытѣ убѣдиться, что эти водоросли или споры ихъ производятъ лихорадку у совершенно здоровыхъ людей и притомъ въ странахъ, совершенно свободныхъ отъ болотныхъ лихорадокъ. Онъ взялъ изъ болота нѣсколько кусковъ дерна, изобиловавшаго этими растительными паразитами и расположилъ ихъ на окнахъ и на балконѣ верхняго этажа одного дома, всѣ жильцы котораго вслѣдъ за этимъ захворали лихорадкою. Потомъ онъ изслѣдовалъ микроскопомъ мокроту, отхаркиваемую этими людьми, и нашелъ въ ней тѣ же водоросли. Далѣе Сэлисбери доказалъ, что по захожденіи солнца споры эти поднимаются надъ поверхностью земли, преимущественно ночью, вмѣстѣ съ холодными и сырыми испареніями почвы; послѣ же восхода солнца эти споры опадаютъ на землю, исчезаютъ изъ воздуха, и такимъ образомъ, при солнечномъ сіяньи устраняется главная, настоящая и единственная причина перемежающихся лихорадокъ. Отсюда теперь ясно, какъ божій день, что лихорадку причиняетъ чужеядный растительный паразитъ, который, попадая въ нашу кровь, отравляетъ ее и производитъ въ организмѣ особенный патологическій процессъ, называемый лихорадкой.

Тотъ же докторъ Сэлисбери изъ Огіо сдѣлалъ потомъ другое, не менѣе важное наблюденіе. Онъ нашелъ, что солдаты, спавшіе на затхлой соломѣ, заболѣли корью и притомъ въ такое время, когда объ этой болѣзни въ другихъ мѣстахъ не было и помину. Сэлисбери заподозрилъ, что причина

этой болѣзни — чужеядный паразитъ или грибъ, развившійся на гнилой соломѣ. Онъ изслѣдовалъ микроскопомъ солому, нашелъ въ ней чужеядные грибки, срисовалъ ихъ, потомъ привилъ ихъ 13 особамъ и по истеченіи двухъ дней у нихъ обнаружилась корь. Точь въ точь такое наблюденіе посчастливилось сдѣлать и доктору Кеннеди. Въ послѣднее время этотъ неутомимый изслѣдователь, докторъ Сэлисбери, силится доказать, что и ревматизмъ причиняетъ растительный паразитъ или грибъ, котораго споры и нити онъ срисовалъ, и которыя, попадая въ нашу кровь, отравляютъ ее особымъ образомъ. Наконецъ, докторъ Сэлисбери еще доказываетъ, что на кошкахъ и собакахъ проявляются особые паразиты, которые, будучи перенесены на человѣка, причиняютъ особенныя накожныя болѣзни; онъ даетъ имъ особенныя спеціальныя названія, для непосвященнаго въ латинскую мудрость не интересныя, и даже пріискалъ средства къ умерщвленію этого паразита и, слѣдовательно, къ излеченію этихъ накожныхъ страданій.

Другое, можетъ быть, еще болѣе важное наблюденіе сдѣлано относительно холеры. Уже прежде неоднократно было замѣчено, что неурожай риса всегда предшествовалъ или совпадалъ съ появленіемъ холеры. Robert Fytler, бывшій въ Остъ-Индіи въ 1817 г. во время страшной эпидеміи холеры, приписывалъ возникновеніе болѣзни употребленію гнилого и испорченнаго рису. Онъ, такимъ образомъ, предчувствовалъ, въ чемъ состоитъ настоящая причина этого страшнаго бича человѣчества. Уже Kiehl доказывалъ, что какъ у насъ рожь, испорченная чужеяднымъ грибомъ (спорыньей), причиняетъ злую корчу, такъ и рисъ, испорченный особаго рода паразитомъ, способенъ причинять холеру. Потомъ Юлій Клобъ занимался изслѣдованіемъ этого вопроса, и, наконецъ, Эрнстъ Галлье своими положительными изысканіями и многочисленными опытами сдѣлалъ въ высшей степени вѣроятнымъ, что настоящая причина холеры — растительный паразитъ, отравляющій нашу кровь. Докторъ Рейхъ говоритъ, что онъ ни на одно мгновеніе не сомнѣвается въ дѣйствительности этого факта *).

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что ближайшую причину тифозныхъ болѣзней также составляетъ растительный паразитъ. И хотя его до сихъ поръ не ощупали руками, не осязали глазами, микроскопомъ, но всѣ явле-

---

*) Reich. Ueber die Entartung des Menschen. S. 165.

ія тифозныхъ болѣзней громко говорятъ въ пользу этого не *предполо-женія*, а предчувствуемаго факта. Эти факты даютъ полнѣйшую возмож-ность объяснить происхожденіе, появленіе и распространеніе всѣхъ этихъ эпидемическихъ ужасовъ, истребляющихъ человѣчество. Множество другихъ наблюденій подтверждаютъ это ученіе такими очевидными данными, что самый безпощадный скептицизмъ не можетъ устоять противъ нихъ. Изы-сканія этого рода начались, такъ сказать, со вчерашняго дня и имѣютъ уже своихъ адептовъ во всѣхъ концахъ ученаго міра. Такъ, профессоръ Боткинъ того мнѣнія, что такъ называемая возвратная горячка, столь немилосердно истреблявшая петербургскій пролетаріатъ и бѣдное его на-селеніе, происходитъ отъ употребленія въ пищу гнилого картофеля. И это въ высшей степени вѣроятно. Нѣтъ сомнѣнія, что на самомъ картофелѣ развивается особаго рода растительный паразитъ, порождающій болѣзнь картофеля. И если такой картофель входитъ въ составъ пищи человѣка, то очень вѣроятно, что онъ самъ, или болѣзненный паразитъ его, причи-няетъ возвратную горячку. Сюда также слѣдуетъ отнести новѣйшую ра-боту доктора Бинца, въ которой онъ силится доказать, какъ разныя ле-карства, въ томъ числѣ и хининъ, отравляютъ и умерщвляютъ парази-товъ нашего организма и тѣмъ излечиваютъ болѣзнь. Этимъ, вѣроятно, разъяснится и дѣйствіе лекарствъ противъ разныхъ болѣзней, такъ что медицина должна будетъ совершенно переродиться и сдѣлаться новою...

Такое направленіе обѣщаетъ блестящую будущность нашей соціальной наукѣ и служитъ самымъ отраднымъ явленіемъ, особенно если вспомнить, что недалеко то время, когда, при появленіи эпидемій, раздраженный на-родъ, подстрекаемый фанатиками, искалъ отравителей колодцевъ и нахо-дилъ ихъ то въ евреяхъ, то въ колдуньяхъ, то въ другихъ безвинныхъ личностяхъ. Впрочемъ, и наше время также довольно богато такими клас-сическими невѣждами, которые въ каждомъ несчастьи готовы обвинить Богъ вѣсть кого.

Если теперь читатель спроситъ, почему же заболѣваютъ тифомъ, холе-рой и т. п. люди хорошо питающіеся, люди богатые; почему прояв-ляется тифъ въ арміяхъ, въ тюрьмахъ, острогахъ, на корабляхъ; отчего такое множество и разнообразіе тифовъ: и голодный тифъ, и военный тифъ, и тюремный и т. д., то мы на этотъ вопросъ отвѣтимъ, что го-лодъ лишь подготовляетъ людей къ воспріятію яда, а нищета, тѣсное по-мѣщеніе, спертый воздухъ суть условія, при которыхъ происходитъ вся-каго рода гніеніе, и среди этой гнили зарождаются разные грибки, па-

разиты, которые не щадятъ уже никого, не разбираютъ ни чиновъ, ни званій, и одинаково поражаютъ всякаго, въ кого только попадутъ. Когда армія, сосредоточиваясь въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ, располагается въ тѣсныхъ жилищахъ, лишенная привычныхъ передвиженій и неснабженная всѣмъ нужнымъ для существованія, тогда заводится въ ея средѣ гниль и нечистота, тогда зарождается въ ней ядъ, поглощаемый легкими и отравляющій кровь. Отсюда военный тифъ. Но, разъ образовавшись, тифъ уже не щадитъ никого. Имъ поражаются не только солдаты, но и офицеры, полковники и даже генералы. Имъ поражаются и начальники штабовъ, которымъ особенно подобаетъ смотрѣть за здоровьемъ солдатъ. Мы приведемъ поразительное доказательство, насколько благотворна чистота и опрятность въ арміяхъ. «Если сравнить крымскую войну, говоритъ профессоръ Вирховъ, съ великою сѣверо-американскою войною, то мы увидимъ рѣзкую разницу. Въ то время, какъ въ крымскую войну армія тысячами гибла отъ тифа, голода и другихъ болѣзней, армія сѣверо-американскихъ штатовъ почти ничего этого не знала. Но за то съ тѣхъ поръ, какъ родъ человѣческій существуетъ, еще никогда ни одна нація такъ не позаботилась о благосостояніи арміи и снабженіи ея всѣмъ нужнымъ для лучшаго ея здоровья и всяческаго благосостоянія, какъ великая сѣверо-американская нація. Вотъ почему ея армія не знала голода, не знала нищеты, не видѣла скудости, не ощущала гнили, не гибла отъ тифа.» То же самое можно сказать и относительно тюремъ, остроговъ, жалкихъ, убогихъ лачужекъ, гдѣ копошится мизерный людъ въ нищетѣ, гнилости, неопрятности, и становится очагомъ зарожденія всякихъ міазмъ, паразитовъ, чужеядныхъ грибковъ et tutti quanti. Вѣтеръ, воздухъ переноситъ все это и заноситъ и въ большіе хоромы, или міазмы передаются и сообщаются чрезъ соприкосновеніе. А такъ какъ богатые и высшіе классы общества не могутъ себя изолировать настолько, чтобъ не дышать одною и тою же атмосферою съ остальными смертными, или чтобы вовсе не приходить въ столкновеніе съ этимъ людомъ, то волей-неволей происходитъ зараженіе и гибель людей болѣе состоятельныхъ, болѣе привиллегированныхъ. Недостаточно поэтому заботиться лишь о своей собственной утробѣ; въ прямомъ интересѣ людей состоятельныхъ, богатыхъ, въ жизненномъ интересѣ ихъ, касающемся лучшаго дара—жизни и здоровья,—особенно заботиться и о благосостояніи такъ называемыхъ меньшихъ братій. «*Лишь-бы мнѣ было хорошо, а тамъ хоть трава не рости*» не только безнравственный принципъ, но и вредный принципъ, и

едный именно для тѣхъ, которые его проповѣдуютъ. Противуположный же принципъ, выработанный современною наукою, заключается въ томъ, *«мнѣ можетъ быть хорошо лишь тамъ, гдѣ всѣмъ хорошо»*. этотъ принципъ могущественнѣйшимъ доказательствомъ за себя имѣетъ деміи, какъ нарушеніе гигіеническихъ соціальныхъ условій быта.

Какими же средствами, какими путями устранить это «царюющее зло», ъ безцеремонно истребляющее поколѣніе за поколѣніемъ? «Чтобы воспятствовать возникновенію холеры въ Остъ-Индіи, говоритъ докторъ ch *), необходимо улучшить обработку риса или, лучше, замѣнить рисъ дѣлываніемъ другихъ питательныхъ растеній, которыя, въ случаѣ исченности риса, могли-бы служить питательнымъ матеріяломъ; необхоо возвысить и поднять политико-экономическое и моральное положеніе уса уничтоженіемъ ихъ поповщины, политическаго деспотизма, образоваъ оживленіемъ торговли, разработкой гигіеническихъ условій и признаъ человѣческихъ правъ за индусами всѣхъ слоевъ общества. Этими ами удастся достигнуть уничтоженія кастъ, этого тормаза физическаго равственнаго преуспѣянія индѣйцевъ на пути прогресса! Этимъ сдѣтся невозможными голодъ и нищета, и народъ въ состояніи будетъ осить испорченный рисъ, и тѣмъ устранить причину заболѣваній. ода вопросъ непосредственнаго истребленія холернаго гриба въ Остъін—вопросъ чисто-экономическій; вопросъ же посредственнаго воспрествованія возникновенію холеры — вопросъ политическій, моральный и ническій. Впрочемъ, тѣ же средства пригодны противъ всѣхъ эпидеблагосостояніе, образованіе, попеченіе о здоровьи — главныя условія отраженія эпидемій. А посмотрите, что дѣлаетъ англійское правительство ндусами: оно не хочетъ, чтобы туземцы владѣли такими средствами, тому индусъ долженъ обѣднѣть, обнищать и, такъ или иначе, пасть вой холеры. Тамъ, гдѣ тормозятъ правильное развитіе богатства, тамъ ды вымираютъ и становятся добычей эпидемій. А потому основа шнаго противодѣйствія эпидеміямъ — *богатство*, а потому богатѣйнаціи суть и самыя образованныя и самыя здоровыя націи, и натъ. Если Лондонъ самый здоровый городъ въ мірѣ, то онъ этимъ анъ лишь богатству своихъ жителей.

о касается тифозныхъ эпидемій, то докторъ Reich говоритъ, что

Reich. Ueber die Entartung. S. 166.

тифозныя болѣзни будутъ невозможны тогда, когда люди станутъ рачительно заботиться о пищѣ, одеждѣ, чистотѣ жилищъ, занятіяхъ и морали, когда люди введутъ обширнѣйшую и тщательную дезинфекцію всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ происходитъ разложеніе органическихъ веществъ, когда люди не допустятъ переполненія тѣсныхъ помѣщеній большими массами людей. Искоренить эпидемическій тифъ возможно будетъ лишь тогда, когда сдѣлаются невозможными война, голодъ, нищета, нечистота, зачумленіе, деспотизмъ, суевѣріе, когда позаботятся о развитіи разума, когда будетъ остановлено неистовство дикихъ страстей; словомъ, когда направленіе людей будетъ заключаться въ томъ, чтобы быть свободными, самостоятельными, образованными, когда люди будутъ стремиться къ облагороженію и къ сохраненію своего здоровья. Въ военное время усиливаются условія развитія тифа въ высшей степени. Какъ ни хитри, но тифъ всегда будетъ бичомъ армій и войнъ, а потому еслибъ люди серьезно вздумали искоренить тифъ, то необходимо было бы прежде всего отказаться отъ удовольствій войны. Но развѣ мыслимъ человѣкъ, это дикое животное безъ войны! (Reich, стр. 172).

«Логическій отвѣтъ, говоритъ профессоръ Вирховъ, на вопросъ, какимъ образомъ въ будущемъ предупредить появленіе эпидемій, очень легокъ и простъ: это—ввести *просвѣщеніе съ его спутниками: свободой и благосостояніемъ*.

Итакъ, резюмируя вкратцѣ все нами вышесказанное, мы приходимъ къ тому положительному убѣжденію, основанному и провѣренному данными науки, что голодъ и нищета суть два могущественные элемента соціальнаго быта, причиняющіе человѣку сильнѣйшія страданія и ведущія къ вырожденію и къ вымиранію народныхъ массъ, самыхъ необходимыхъ основъ всякаго человѣческаго общества. Мы въ то же время доказали, что эгоистическая заботливость о своемъ собственномъ благѣ не ведетъ къ цѣли, а что необходима коллективная заботливость о всеобщемъ благосостояніи всѣхъ слоевъ, объ удовлетвореніи нуждъ большинства. Мы также хотѣли здѣсь указать, что культура, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова, ведетъ къ усовершенствованію породы, какъ животныхъ, такъ и человѣка, что недостаточность культуры ведетъ къ вырожденію цѣлыхъ поколѣній, и что только силою культуры возможно устранить человѣческіе бичи—эпидеміи, заразы, міазмы, паразиты. Да вспомните, читатель, что цивилизація и культура задавили чуму на собственной родинѣ ея — въ Египтѣ. Мы, такимъ образомъ, приходимъ къ весьма поучительному оправданію за-

ьнаго принципа Герберта Спенсера, «что всякое измѣненіе сопро-
ся болѣе нежели однимъ измѣненіемъ». Перефразируя этотъ прин-
ы закончимъ нашу статью заключеніемъ, что всякое благотвор-
ѣненіе культуры сопровождается болѣе чѣмъ однимъ улучшеніемъ
іаго быта человѣка.

тикуя нѣсколько лѣтъ среди русскаго народа въ крѣпостное еще
посѣщая его смрадныя избы, въ которыхъ, по выраженію г. Шел-
атмосфера такого рода, что въ ней свободно можно топоръ повѣ-
іиъ приходитъ на мысль желаніе поэта:

Хоть дѣтей бы рокъ нашъ трудный
Миновалъ, не повторясь,
Чтобъ у нихъ былъ плодотворенъ
Вешній дождь и лѣтній зной,
Нивы колосъ многозеренъ,
Днемъ веселымъ трудъ проворенъ,
Миренъ сонъ въ тиши ночной.

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ ГИГІЕНЫ.

Говорятъ, что король Альфонсъ X кастильскій однажды выразилъ свое неудовольствіе существующимъ порядкомъ и отъ души сожалѣлъ, что съ нимъ не посовѣтывались при сотвореніи міра. Вселенная имѣла бы тогда лучшій и болѣе простой планъ. Современная гигіена имѣетъ гораздо больше правъ претендовать на такое значеніе среди человѣчества. Прочтите любое сочиненіе по гигіенѣ и вы убѣдитесь, что вы во многомъ отступаете отъ правилъ ея, что все васъ окружающее не только не сообразуется съ ея требованіями, а напротивъ того, все совершается какъ будто на перекоръ разумнымъ ея началамъ. Еще печальнѣе то обстоятельство, что громаднѣйшее большинство публики смотритъ на правила гигіены, на ея разумныя и опытныя требованія, какъ на вздоръ, какъ на чистѣйшіе пустяки. Врачу въ особенности часто приходится жутко. Каждый разъ, какъ врачу нужно обратить особенное вниманіе на нарушеніе гигіеническихъ условій, онъ становится въ какое-то неловкое, щекотливое положеніе. Попробуйте—будь вы хоть семи пядей во лбу—указать любой барышнѣ на искаженіе и вредъ современной моды, обратите вниманіе хозяйки дома на нелѣпость нѣкоторыхъ установленныхъ обычаевъ, на дурныя послѣдствія общепринятыхъ формъ жизни и вы этимъ наживете себѣ злѣйшихъ враговъ, васъ не послушаютъ, примутъ всѣ ваши толкованія Богъ знаетъ за какой вздоръ и поспѣшатъ обратиться къ тому, кто скромно излагаетъ свои мнѣнія въ формѣ микстуръ, порошковъ, пилюль и «не суется не въ свое дѣло.» А между тѣмъ теперь настало такое время, когда наука видитъ все спасеніе человѣчества лишь въ гигіенѣ, въ обширнѣйшемъ значеніи этого слова. Мы хотимъ здѣсь познакомить читателя съ далеко не преувеличенными претензіями этой отрасли знаній и указать, какія ве-

лыя надежды возлагаетъ она на будущее и на развитіе людского здраваго смысла.

Всѣ стремленія и побужденія человѣчества направлены къ достиженію возможно большаго благосостоянія. И въ этомъ вся суть прогресса. Замѣчательно еще то, что прогрессъ тѣмъ выше, чѣмъ большее число индивидовъ пользуются житейскими благами, чѣмъ выше благосостояніе массъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не видѣть рѣзкой разницы между древней и новой цивилизаціей. Идеалъ древней общины — государство. Личность сама по себѣ была ничтожна, не существовала; все приносилось въ жертву государству. Масса голодала, нищенствовала, развратничала, истреблялась эпидеміями, заразами, вымирала, — но Римъ процвѣталъ, Римъ утопалъ въ роскоши и нѣгѣ, грабилъ и пировалъ, и великодушно утолялъ голодный народъ хлѣбомъ и зрѣлищами. Идеалъ современной общины— личность, наибольшее развитіе ея физическихъ и умственныхъ силъ, наибольшее ея благосостояніе. Вся суть гигіены сводится къ тому же. Принципъ ея — отправленіе и свободное развитіе всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла. Отсюда вытекаютъ два главныя стремленія гигіены: съ одной стороны, въ ея интересѣ охранять здоровье, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ массъ, съ другой стороны, она всячески стремится усовершенствовать человѣческую расу во всѣхъ отношеніяхъ и въ этомъ случаѣ она не знаетъ границъ, она безпредѣльна. Такое значеніе гигіена получила только въ послѣднее время; до сихъ же поръ на нее смотрѣли какъ на ничтожную вѣтвь медицины и смѣшивали ее съ медицинской полиціей. Гигіена была отдана административнымъ порядкомъ въ руки полиціи! Въ древнемъ мірѣ гигіена также имѣла въ виду чисто-государственныя цѣли. Упражняя юношей въ борьбѣ, бѣганьи, развивая ихъ физическія силы, государство заботилось преимущественно о томъ, чтобы приготовить хорошихъ воиновъ, сильныхъ защитниковъ отечества. Съ другой стороны, молодежь упражнялась въ произношеніи рѣчей, въ ораторскомъ искуствѣ. Все это, конечно, давало хотя и односторонніе, но все-таки хорошіе результаты. Поэтому древній міръ дѣйствительно можетъ похвастать своими атлетами, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ мірѣ, и смѣло можетъ подтвердить, что упражненіе, какъ тѣлесныхъ, такъ и умственныхъ силъ съ извѣстною сноровкою, въ опредѣленномъ наукою направленіи, превращаетъ человѣка изъ животнаго въ разумное существо. Средніе вѣка, погрязшіе въ невѣжествѣ и фанатизмѣ, совершенно забыли о настоящей цѣли человѣческаго существованія. Мис-

тицизмъ, возведенный въ идеалъ человѣческаго совершенства, поставилъ задачею своей умерщвленіе плоти. Слѣды этой слѣпоты и теперь довольно осязательны, но это печальное отступленіе отъ законовъ природы съ каждымъ днемъ все больше и больше уступаетъ успѣхамъ и свѣту науки. И въ настоящее время не вся Европа можетъ похвастать всестороннимъ развитіемъ, а главное, сколько нибудь разумнымъ примѣненіемъ всѣхъ требованій гигіены. Да это само собою понятно. Полное развитіе гигіены вовсе не такая легкая вещь. Для ея всесторонняго процвѣтанія необходимъ такой соціальный порядокъ, который теперь составляетъ лишь pium desiderium для большинства европейскихъ государствъ. Между тѣмъ во многихъ мѣстахъ Европы «куда ни кинь — все клинъ». Потому-то всякое разумное стремленіе гигіены натыкается на такія непреодолимыя преграды и препятствія, что полнѣйшее осуществленіе блестящихъ ея надеждъ до лучшей поры, до иного времени—не мыслимо. «Американцы, англичане, французы и голландцы, говоритъ Эдуардъ Рейхъ *), начинаютъ въ широкихъ размѣрахъ изучать и примѣнять правила этой высокой науки. Нѣмцы же еще не поняли значенія гигіены; они смотрятъ на нее, какъ на второстепенное дѣло, смѣшиваютъ ее съ другими отраслями медицины и удѣляютъ ей чуть не послѣднее мѣсто въ своихъ медицинскихъ системахъ.»

Познакомить русскую публику съ современнымъ значеніемъ и современными требованіями гигіены, по нашему крайнему разумѣнію, — настоятельнѣйшая необходимость. Русское общество отличается отъ другихъ европейскихъ обществъ именно тѣмъ, что въ немъ все наплывное, нѣтъ несокрушимыхъ традицій, оно легко отрѣшается отъ привитыхъ ему ложныхъ понятій, не отстаиваетъ обветшалыхъ формъ жизни, и если не имѣетъ за душой ни твердыхъ убѣжденій, ни великихъ истинъ, то не имѣетъ за собой и многихъ ложныхъ системъ и научныхъ заблужденій. Какъ бы то ни было, но всѣ реформы послѣдняго времени имѣютъ въ виду благосостояніе не отдѣльныхъ классовъ общества, а цѣлыхъ массъ. И если государство беретъ въ основу всѣхъ своихъ задачъ благосостояніе массъ, если оно ставитъ конечно цѣлью всѣхъ своихъ стремленій процвѣтаніе каждой отдѣльной личности, если оно для достиженія такихъ великихъ цѣлей призываетъ лучшихъ людей своихъ, то эти лучшіе люди должны до тонкостей знать науку общественной жизни — соціологію; они, какъ свои

---

*) Die Hygiene und ihr Studium. Von Eduard Reich. 1868, стр. 3.

тъ пальцевъ, должны знать народное хозяйство и его экономическій тъ; они подробно должны изучать нравы и обычаи и весь умственный ладъ своего народа, его индивидумныя особенности, его антропологію, и тщательно должны ознакомиться съ окружающею его природою и взаимными межъ ними отношеніями; они должны собирать всѣ свѣденія, касающіяся его общественной и частной жизни; они должны составлять го статистику; они должны заботиться о сохраненіи его здоровья, о предупрежденіи эпидемій, о продолженіи его рода, объ усовершенствованіи его поколѣній. Велика эта задача и трудно ея исполненіе. Мы утверждаемъ что гигіена даетъ полнѣйшіе и удовлетворительнѣйшіе отвѣты на всѣ эти вопросы, она правдиво и честно разрѣшаетъ всѣ эти задачи. И пусть читатель въ виду такой сложной задачи не подумаетъ, что она ему не подъ силу, что она не его ума дѣло, что она требуетъ спеціальнаго изученія и спеціально ей посвященныхъ тружениковъ. Это своимъ чередомъ. Хотя въ такомъ предположеніи читателя и есть доля правды, но онъ жестоко ошибется, если онъ на этомъ основаніи будетъ сидѣть сложа руки и откажется отъ всякаго ознакомленія съ необходимымъ для него предметомъ и предоставитъ это дѣло спеціалистамъ. Мы и не намѣрены навязывать ему, чтобы онъ спеціально занялся изученіемъ фоліантовъ по части гигіены какого нибудь Эстерлена или Мишеля Леви. Съ него вполнѣ будетъ достаточно, если онъ на первый разъ прочитаетъ «Популярную Гигіену» профессора Реклама, совершенно справедливо названную «настольной книгой для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа.» Книга эта научитъ нашего читателя многому хорошему. Она научитъ его, когда онъ долженъ встать и что онъ, вставши, прежде всего долженъ сдѣлать. Она научитъ его, какъ онъ долженъ одѣться и что носить въ разное время года и при различныхъ обстоятельствахъ; она научитъ его, что и какъ кушать и въ какое время дня, чтобъ онъ зналъ, что ему полезно и что вредно для его здоровья и нормальнаго труда; она научитъ его, чѣмъ и какъ заниматься втеченіи дня, когда и какъ отдыхать, когда ложиться спать, какъ поставить свою кроват (извините, читатели, мы убѣждены, что вы и этого не знаете), какую устроить постель, чѣмъ прикрываться, что читать на сонъ грядущій. Она научитъ его, какую себѣ выбрать квартиру, или какъ устроить домъ, какъ его отапливать и чѣмъ освѣщать, какъ поддерживать въ немъ чистоту воздуха, эту ничѣмъ незамѣнимую пищу легкихъ; какія предпочитать общественныя увеселенія, какой выбрать родъ службы, въ какомъ возрастѣ жениться; читательницу на-

учитъ (если эта хорошая книга, паче чаянія, попадетъ въ руки какой нибудь провинціяльной читательницы), въ какомъ возрастѣ выйти замужъ, и даже научить, какого выбрать жениха. Смѣемъ увѣрить читателя и читательницу, что инстинктъ въ этихъ случаяхъ — глупѣйшая штука и не ведетъ къ добру, а раціональныя знанія одни способны руководить человѣкомъ для устройства своего семейнаго счастья. Эта книга научитъ нашего читателя и читательницу, какъ вести себя въ первое время брачной жизни и во все послѣдующее время: какъ свить гнѣздо будущему птенцу, какой костюмъ ему приготовить, какія принадлежности запасти для его индивидуальной жизни. Эта книга научитъ нашу читательницу, что она сама должна кормить своего ребенка и какъ надлежащимъ образомъ къ этому приготовиться. Она научитъ нашихъ читателей, какъ воспитывать своихъ дѣтей, какія игрушки имъ давать, когда приступить къ грамотѣ, какія предпочесть знанія, какъ подавать имъ примѣръ нравственности и въ какое заведеніе отдать ихъ, къ какому роду жизни ихъ приготовить; книга эта научитъ читателей, къ кому и когда обратиться въ случаѣ болѣзни, какого выбрать врача, кому довѣрить свое здоровье и сердечныя страданія. Книга эта даетъ наставленія, какъ себя держать въ дорогѣ, куда предпринимать путешествія и съ какою цѣлью, какое для этого нужно платье, чѣмъ заниматься въ дорогѣ, какія занимательныя и интересныя сочиненія выбрать для того, чтобы путешествіе не было пустою тратою времени, а было бы употреблено съ пользой.

А если читатель углубится въ чтеніе и прочтетъ эту книгу со вниманіемъ, съ интересомъ къ самому себѣ и къ окружающимъ его, то онъ найдетъ въ ней чрезвычайно много дорогихъ наставленій. Онъ найдетъ въ ней физіологически доказанную аксіому, что каждый человѣкъ долженъ трудиться физически или умственно, что онъ долженъ жить своимъ трудомъ и что жить на чужой счетъ, выѣзжать на чужой шеѣ не только безнравственно, но и вредно для здоровья, да, вредно, т. е. разстраиваетъ физическое и умственное здоровье. Эта книга научитъ его, на худой конецъ, уважать чужой трудъ, уважать мозолистыя руки милліоновъ тружениковъ, чернорабочихъ, мастеровыхъ, землепашцевъ; научитъ его смотрѣть съ уваженіемъ на согбенную спину и поясничную боль литературныхъ рабочихъ. Эта книга, кромѣ того, научитъ читателя, какъ не бросаться въ крайности, какъ держаться средины, мѣры, не напрягать своихъ физическихъ или умственныхъ силъ до чрезмѣрности, до излишества. Словомъ, эта книга научитъ читателя быть хорошимъ человѣкомъ. Одна молодая дама,

умирая, сказала намъ: «я мало жила, но я много жила!» Какъ мало, но какъ много сказано этими словами: быть хорошимъ человѣкомъ! Повторяемъ, что всякій, кто прочтетъ, а главное, кто, прочитавши Популярную гигіену Реклама, будетъ строго слѣдовать всѣмъ требованіямъ этой соціальной науки, — смѣло можетъ претендовать на это великое титло, на это лучшее званіе: «хорошій человѣкъ».

Отсюда ясно, что гигіена всеобъемлюща и далеко не составляетъ отрасли медицины. Она скорѣе поглощаетъ въ себѣ медицину, какъ цѣлое часть. На всемъ пространствѣ Европы отъ праваго берега Рейна и вплоть до Уральскаго хребта (а за хребтомъ, конечно, не лучше), говоритъ Эдуардъ Рейхъ *), тщетно стали бы мы искать какое нибудь ясное, опредѣленное пониманіе нашей науки. Тѣхъ немногихъ единичныхъ послѣдователей, которые готовы на указанномъ пространствѣ споспѣшествовать ея процвѣтанію и примѣнять ея истины въ такихъ же широкихъ размѣрахъ, какъ это дѣлаютъ американцы и западники, — общественная рутина не терпитъ, даже преслѣдуетъ, ненавидитъ, подозрѣваетъ. Въ университетахъ нѣтъ каѳедры для гигіены, преподаютъ лишь медицинскую полицію и діететику и то поверхностно и какъ-бы мимоходомъ. Что гигіена имѣетъ болѣе обширный объемъ, чѣмъ медицина, что успѣшное ея примѣненіе предполагаетъ такія диковинныя вещи, которыя членамъ медицинскихъ факультетовъ даже и не снились, объ этомъ знаетъ развѣ одинъ изъ тысячи тѣхъ, коимъ объ этомъ вѣдать надлежитъ. Микроскопія, патологическая анатомія и т. д. вещи очень почтенныя и даже необходимыя; но ради ихъ пренебрегать гигіеной, которая все-таки альфа и омега всей медицины и всей соціологіи, презирать ея представителей и считать ихъ литературной сошкой, отказывать ея притязаніямъ на вмѣшательство въ дѣло цѣлебнаго искуства, воспитанія, государственнаго управленія и общественнаго устройства — это не то что близорукость, это просто безуміе!»

Такимъ образомъ, гигіена есть наука о томъ, какъ разумно жить на бѣломъ свѣтѣ. И чтобы это опредѣленіе не показалось преувеличеннымъ, мы позволимъ себѣ изложить здѣсь сущность главнаго принципа этой всеобъемлющей науки. Мы выше сказали, что, по нашему крайнему разумѣнію, сущность главнаго принципа гигіены заключается въ томъ, чтобы каждый органъ нашего тѣла получалъ соотвѣтствующую пищу, совершалъ-бы соотвѣтствующее отправленіе и соразмѣрнымъ упражненіемъ достигалъ

*) Die Hygiene und ihr Studium, стр. 18.

бы дальнѣйшаго развитія и совершенствованія. Условіе sine qua non этого принципа — уловить и установить норму нашихъ физіологическихъ потребностей, строго помня, что каждое нарушеніе, всякое изнасилованіе этой нормы не можетъ пройти безнаказанно, становится источникомъ большаго или меньшаго ряда физическихъ и нравственныхъ страданій, влечетъ за собою послѣдствія, подчасъ непоправимыя. Такъ, мы знаемъ, на сколько человѣческое существованіе зависитъ отъ количественнаго и качественнаго состава пищи. Мы знаемъ, мы увѣрены, что вопросъ въ борьбѣ за существованіе человѣка сводится на пищу. Мы знаемъ, что для питанія организма, для образованія крови существуетъ особый, довольно сложный аппаратъ органовъ—пищеварительный аппаратъ. Мы должны доставлять въ этотъ аппаратъ опредѣленное количество пищи, во-первыхъ, для того, чтобы пища подверглась въ немъ такимъ химическимъ измѣненіямъ, которыя превращаютъ ее въ кровь и выработываютъ изъ нея матеріалъ, годный для питанія всего организма, а во-вторыхъ, этимъ самымъ доставляется работа аппарату, аппаратъ развивается и совершенствуется, аппаратъ приспособляется ко всѣмъ тѣмъ условіямъ, которыя неминуемо его встрѣтятъ въ жизни. Или, лучше сказать, *условія* жизни приспособляютъ себѣ вашъ пищеварительный аппаратъ. Вотъ тутъ и происходитъ борьба. Если условія жизни успѣютъ приспособить организмъ, если вашъ пищеварительный аппаратъ выдержитъ съ ними борьбу, вы просуществуете долго и просуществуете въ добромъ здоровьи, въ противномъ случаѣ вы падаете жертвой борьбы. У васъ родился ребенокъ. Теченіемъ вѣковъ и естественнымъ подборомъ, организація его унаслѣдовала потребность питаться человѣческимъ молокомъ, и даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ пищеварительный аппаратъ долженъ выдержать нѣкоторую борьбу съ этимъ новымъ, невѣдомымъ дотолѣ условіемъ жизни. Но вотъ вмѣсто материнскаго молока, въ силу разныхъ обстоятельствъ, вы начинаете кормить его то коровьимъ молокомъ и подчасъ прокислымъ, да еще изъ рожка или соски, то хлѣбными крошками, картофелемъ и т. д. Условія измѣнились, стали сложнѣе, борьба запутаннѣе, опаснѣе, побѣда сомнительнѣе, наступаетъ критическій моментъ, пищеварительный аппаратъ не въ силахъ выносить эту работу и несоотвѣтствующую ему пищу, онъ извергаетъ все въ него вводимое, его рветъ и слабитъ и въ большинствѣ случаевъ ребенокъ умираетъ; оттого такая страшная смертность на дѣтяхъ въ первые дни ихъ слабаго существованія, особенно въ безпредѣльныхъ дебряхъ нашего обширнаго отечества.

Но вотъ ребенокъ выросъ и сталъ взрослымъ человѣкомъ; въ силу соціальной обстановки онъ трудится физически 12 часовъ въ сутки и потребляетъ количество пищи, недостающее на питаніе его организма и невознаграждающее его физическую работу; онъ слабѣетъ, истощается, вымираетъ или прибѣгаетъ къ непитательной качествомъ, но обильной количествомъ пищѣ, обременяющей пищеварительный аппаратъ излишней работой, или употребляетъ вещества, задерживающія питаніе, какъ алкоголь,— и вотъ снова источникъ цѣлаго ряда страданій. Но нѣтъ, вы снабжены всѣмъ нужнымъ; вы владѣете большими капиталами, или множествомъ кабаковъ, или строите желѣзную дорогу — вы спокойны на счетъ питанія; вы даже не знаете, откуда и какимъ волшебствомъ являются на вашъ столъ эти сдобныя булочки и сахарныя печенья, какъ по щучьему велѣнью столъ вашъ покрывается изысканнѣйшими блюдами и лучшими заморскими винами; вы не привыкли садиться за столъ безъ шампанскаго; кажись, чего же лучше?—вашъ органъ вкуса соблазняетъ васъ и увлекаетъ васъ, вы поѣдаете слишкомъ много; вы задаете своему пищеварительному аппарату такую сложную задачу, что онъ съ крайнимъ усиліемъ разрѣшаетъ ее и едва успѣваетъ покончить ее, какъ вы снова налагаете на него ту-же обязанность; онъ всячески протестуетъ противъ такихъ насильственныхъ и самовольныхъ распоряженій съ нимъ, и вы становитесь предметомъ постоянной заботливости врача; аптекарскіе счеты разстраиваютъ вашъ карманъ, а можетъ быть, и безъ того разстроенное здоровье; вы перебѣгаете отъ одного эскулапа къ другому, отечественныя и заграничныя минеральныя воды записали ваше имя на страницахъ своихъ скудныхъ содержаніемъ лѣтописей; вы съ жадностью читаете всѣ кумысо-воздухо-минерально-лѣчебныя зазыванія и вездѣ являетесь вы ихъ гостемъ и все напрасно; пищеварительный аппаратъ вашъ не превозмогъ обиліе матеріяла, которымъ вы его нагружали, втеченіи всей своей жизни вы не знали ни мускульнаго, ни мозгового труда, которые научили бы васъ не давать волю органу вкуса; ваша организація одрябла, вы тяготитесь собственной жизнью, которая была ничто иное, какъ ошибка, жалкій продуктъ собственной неумѣренности, незнанія, безполезнаго существованія. Среди этихъ крайностей является благодѣтельная гигіена и своимъ могущественнымъ сводомъ научныхъ правилъ устанавливаетъ норму, научаетъ васъ регулировать потребность пищеварительнаго аппарата съ мышечной работой и указываетъ вамъ «предѣлъ, его же не прейдеши.»

Вопросъ о пищѣ настолько важенъ и сложенъ, что мы посвятимъ ему

особенную статью. Здѣсь мы его коснулись лишь ради первостепеннаго его значенія. Перейдемъ къ другимъ потребностямъ человѣческаго организма. Скажите любому гастроному, что вино имъ потребляемое поддѣльно, что въ немъ есть подмѣси, не то чтобъ вредныя его здоровью, а портящія его вкусъ, и онъ возопіетъ противъ такого зла, онъ проклянетъ администрацію, обязанную заботиться о чистотѣ и безпримѣсности вина, онъ готовъ въ три-дорога заплатить за настоящее, цѣльное вино, за отсутствіе всякой подмѣси. Скажите тому же господину, что безъ вина еще можно обойтись и что онъ долженъ употребить нѣсколько лишнихъ рублей для того, чтобы у него въ домѣ воздухъ былъ почище, чтобъ его дворъ можно было пройти, не затыкая себѣ носъ и ротъ, и вы легко убѣдитесь, что такой господинъ отнесется ко всѣмъ вашимъ совѣтамъ довольно равнодушно, сочтетъ все это излишнею затѣей. Да и есть ли гдѣ нибудь въ Россіи такое людское мѣстожительство, гдѣ воздухъ былъ бы совершенно чистъ, безъ всякихъ амміачныхъ et tutti quanti примѣсей? мы сомнѣваемся. И сомнѣваемся, конечно, не безъ причины. Собственнымъ опытомъ удалось намъ убѣдиться, что въ нѣсколькихъ городахъ пермской губерніи нельзя пройти ни по одной улицѣ, гдѣ мѣстами не пришлось бы зажать носъ и ротъ отъ нестерпимой вони. Во всѣхъ городахъ пермской губерніи, въ которыхъ намъ пришлось пожить, почти всѣ дома устроены такъ, что ретирады находятся у главнаго входа въ домъ, рядомъ съ парадными дверьми, и куда бы вы ни зашли, васъ прежде всего поражаетъ отвратительнѣйшій запахъ. Въ городѣ Шадринскѣ существуетъ обычай, на улицѣ, передъ домомъ, копать помойную яму, куда сливаютъ всѣ нечистоты и тѣмъ дѣлаютъ улицы буквально неудопроходимыми. Въ домахъ же постоянная духота и невыносимо чѣмъ-то пахнетъ. Форточка въ окнахъ — величайшая рѣдкость, исключительная достопримѣчательность; печи непремѣнно чадятъ; постоянно и повсемѣстно слышишь жалобы на головную боль отъ угара, который въ суровыя зимы свирѣпствуетъ повально. Если гдѣ есть плита, то вы о существованіи ея узнаете во всякое время дня и отъ передней до гостиной. Несмотря на всѣ наши назиданія, намъ удалось только немногихъ убѣдить устроить у себя печи съ герметическими заслонками. Утверждаютъ, что о цивилизаціи народа легче всего можно судить по его умѣнью удалять свои нечистоты. Мы не знаемъ, на сколько въ этомъ отношеніи далеко ушла западная Европа, но намъ случилось видѣть такія спальни, изъ которыхъ извѣстный сосудъ не выносится по цѣлымъ днямъ. Такова повсемѣстная заботливость о воздухѣ. А между тѣмъ чистый воз-

духъ такая же необходимая пища для нашего организма, какъ хлѣбъ и мясо, такая же безусловно неизбѣжная потребность нашихъ легкихъ, какъ молоко для грудного младенца. Даже трудно опредѣлить, что важнѣе для человѣка—пища или воздухъ. Извѣстны случаи, что люди проводили болѣе или менѣе продолжительное время безъ пищи. Но жизнь не мыслима при полномъ отсутствіи воздуха. Здоровая жизнь тоже немыслима при дурномъ воздухѣ. Хорошій чистый воздухъ, освѣжаемый здоровою и роскошною растительностью, — неизсякаемый источникъ нашего физическаго благосостоянія. Но воздухъ городовъ, въ которыхъ вѣчно пыль стоитъ столбомъ и вы движитесь какъ въ облакѣ; но воздухъ нашихъ учебныхъ и увеселительныхъ заведеній; но воздухъ нашихъ каменныхъ палатъ съ потными испареніями, перемѣшанными даже французскими парфюмеріями; но воздухъ нашихъ жалкихъ квартиръ, въ которыхъ сушатся дѣтскія пеленки и въ каждомъ углу хранится то мокрая тряпка, то грязное бѣлье; но воздухъ нашихъ ресторановъ, переполненныхъ удушливымъ табачнымъ дымомъ, но воздухъ нашихъ тавернъ, нашихъ кабаковъ, насыщенныхъ спиртными испареніями и дымомъ махорки; но воздухъ нашихъ крестьянскихъ избъ, въ которыхъ гніютъ вонючія онучи, гдѣ все потѣетъ, гдѣ сѣроводородъ и амміакъ и другіе непривлекательные газы оспариваютъ другъ у друга первенство—все это страшно дурной воздухъ, все это убійственный воздухъ, все это такой воздухъ, что избави Богъ всѣхъ хорошихъ людей отъ такого дурного воздуха! Но есть еще болѣе худшій воздухъ, это воздухъ нашихъ мастерскихъ разнаго рода. Вообразите себѣ, какова атмосфера тѣхъ лабораторій, въ которыхъ работаютъ по нѣсколько сотъ человѣкъ у горновъ и печей, расплавляющихъ желѣзо и мѣдь и при температурѣ внѣшняго воздуха отъ 30 градусовъ тепла до 35 градусовъ холода. Вся фабрика переполнена угольной пылью, или частицами соли, или парами азотной, сѣрной и соляной кислотъ, или испареніями ртути, свинца, хлора, брома. Мастеровые работаютъ до величайшаго изнеможенія, рубашка на нихъ мокромъ, потномъ тѣлѣ покрывается кристаллами пота, и въ такомъ кромѣшномъ аду они остаются съ 5 часовъ утра до 6 вечера. Трудная задача для легкихъ. Они и не выносятъ. И вотъ куда пробирается чахотка, этотъ величайшій бичъ рода человѣческаго, истребляющій людей en masse. И не только чахотка, а теперь положительно доказанная вещь, что всѣ народныя эпидеміи: тифъ, холера, дизентерія, корь, оспа, скарлатина и коклюшъ имѣютъ своимъ источникомъ происхожденія «дурной воздухъ». Послѣ всего этого «кто же станетъ еще сомнѣваться, говоритъ

Карлъ Рекламъ *), что въ дурномъ воздухѣ заключается настоящая причина вырожденія человѣческой расы, что *дурной воздухъ*—злѣйшій врагъ человѣческаго рода...» Чуть не каждому врачу приходится выслушивать упреки почтеннѣйшей публики, почему мы до сихъ поръ не изобрѣли и не нашли средства противъ чахотки, противъ холеры. Разные европейскіе и азіятскіе Тамерланы и Наполеоны, которыхъ набѣги на человѣчество были не менѣе опустошительны, чѣмъ эпидеміи холеры и чахотки, позназначали даже преміи тому счастливцу, который откроетъ средство противъ чахотки. Рѣдкій годъ проходитъ, чтобы не опубликовали въ газетахъ, что вотъ-де найдено вѣрнѣйшее средство отъ чахотки, отъ холеры, отъ рака. И что же? человѣчество преспокойно продолжаетъ умирать сотнями и тысячами, не взирая на всѣ эти открытія и изобрѣтенія. А между тѣмъ мы готовы были бы поклясться, что противъ всѣхъ этихъ бѣдъ средства въ рукахъ людей, еслибъ были увѣрены, что намъ повѣрятъ, что захотятъ выслушать насъ и выполнить наши требованія. Средства эти съ непогрѣшностью математическихъ доводовъ предлагаетъ человѣчеству—гигіена «Наука имѣетъ многія средства къ улучшенію воздуха въ загороженныхъ пространствахъ, на открытыхъ площадяхъ; можно было бы даже устроивать *фабрики воздуха* **)—большіе магазины, выпускающіе ночью въ густо населенные города чистый воздухъ, чтобы вытѣснить испорченный; можно было бы указать многочисленныя средства сдѣлать безвредными нездоровыя примѣси атмосферы,—но прежде чѣмъ человѣческій родъ не расплодится до такой степени, что придется драться за каждую струю воздуха, прежде чѣмъ болѣзни, нужда, отчаянье не заставятъ людей взяться за умъ, прежде чѣмъ многія тысячи не погибнутъ, вслѣдствіе недостатка воздуха для дыханія,—до тѣхъ поръ люди не вспомнятъ о раціональномъ удовлетвореніи естественной потребности — потребности дыханія» *). Ко всѣмъ такимъ воззваніямъ, ко всѣмъ такимъ разумнымъ научнымъ требованіямъ человѣчество относится равнодушно; слишкомъ просты эти указанія, чтобы человѣчество сразу уразумѣло ихъ и послѣдовало имъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, согласиться вдругъ завести фабрики воздуха,—вѣдь это не винокуренные заводы, которые дадутъ огромнѣйшіе барыши. Довольно и того, что заботятся, чтобы улицы были привильны; довольно и того,

---

*) Карлъ Рекламъ «Популярная Гигіена», стр. 408.
**) Карлъ Рекламъ, «Популярная Гигіена», стр. 200.

ихъ хоть немножко подметутъ къ пріѣзду начальства. Но, говоритъ ъ Рекламъ *), чтобы сохранить городъ въ здоровомъ состояніи и авить легкимъ его жителей весь нужный воздухъ или, выражая мысль еще осязательнѣе для читателя, чтобы спасти часть людей, цѣлыми ячами помирающихъ ежегодно отъ чахотки въ каждомъ большомъ го-, чтобы избавить отъ горя и отчаянья, какъ одного больного, такъ и семью, чтобы сократить число вдовъ и сиротъ, чтобы сдѣлать людей е сильными и болѣе охочими къ работѣ, чтобы этимъ путемъ увели- сумму заработка и житейскихъ радостей каждаго, чтобы открыть государства возможность болѣе значительныхъ доходовъ, наконецъ, бы создать довольныхъ и вѣрныхъ гражданъ, — для всего этого недо-точно, чтобы полиція имѣла надзоръ за постройкою жилищъ, запре-а устраивать слишкомъ тѣсныя квартиры, жить въ подвалахъ, преду-ждала порчу воздуха и старалась по возможности о сохраненіи его тоты посредствомъ засыпанья канавъ, очищенія улицъ хорошей систе- клоакъ, перенесеніемъ кладбищъ за черту города и другими сред-ами; нѣтъ, здѣсь прежде всего необходимо, чтобы *дома* и *улицы* го-а были *«хорошо вентилированы»*.

И такъ, читатель, оставьте хоть на время нашего короткаго лѣта вашъ ный кабинетъ, вашу удушливую гостиную, вашъ пыльный городъ, по-шите въ лѣсъ, подальше отъ большой дороги, гдѣ не несетъ падалью, подышите, широко раскрывъ грудь, на свободѣ, чистымъ, безпримѣснымъ духомъ, вы тогда почувствуете себя инымъ человѣкомъ.

Человѣческій организмъ вполнѣ подтверждаетъ общій всему живущему онъ природы, что движеніе — жизнь и, наоборотъ, жизнь — движеніе. дце человѣка начинаетъ совершать свои правильныя ритмическія дви-ія въ первые же дни утробной жизни. Малѣйшая остановка его про-одитъ обморокъ; болѣе продолжительное прекращеніе движенія сердца словливаетъ смерть. Кровь находится въ безпрерывномъ движеніи и въ тоянномъ обращеніи, малѣйшій застой причиняетъ мучительнѣйшія бо-зни, томительнѣйшія страданія. Всѣ соки нашего тѣла также въ по-янномъ движеніи и обращеніи. Весь обмѣнъ веществъ, обусловливающій знь, совершается въ силу закона безостановочнаго движенія. Отъ силы степени этого движенія зависятъ степень и прочность нашего здоровья,

*) Карлъ Рекламъ, «Популярная Гигіена», стр. 204.

энергія нашего характера, направленіе нашихъ стремленій. Вотъ съ этой-то цѣлью человѣческій организмъ снабженъ особымъ, довольно сложнымъ аппаратомъ, которымъ приводится въ движеніе весь механизмъ нашего тѣла. Этотъ аппаратъ состоитъ изъ разнообразнѣйшихъ группъ мускуловъ, дающихъ намъ возможность совершать всякаго рода передвиженія, принимать различныя удобныя позы, даетъ намъ возможность совершать механическую работу и заработывать ею кусокъ хлѣба. Отсюда понятно, какъ важно правильное регулированіе этого отправленія. Но что мы видимъ вездѣ? Совершенное искаженіе этой физіологической потребности человѣка. Привилегированные классы общества въ провинціяльныхъ городахъ ведутъ буквально сидячій образъ жизни. Только въ большихъ губернскихъ городахъ высшая публика прогуливается непродолжительное время въ разныхъ загонахъ или крошечныхъ садикахъ и, разумѣется, вовсе не съ цѣлью удовлетворить физіологической потребности движенія, а совершенно въ иныхъ видахъ. И то это случается лишь въ праздничные дни. Въ будни же считается весьма предосудительнымъ гулять чуть не всею провинціяльной публикой, за весьма небольшимъ исключеніемъ. Большинство городовъ такъ устроены, что въ нихъ даже нѣтъ ни садовъ, ни парковъ, гдѣ можно бы расправить свои члены, а потому публика средней руки, купечество и мѣщанство отправляются въ поле попить чайку. Въ поле отправляются, разумѣется, въ экипажахъ, а не пѣшкомъ и пьютъ не одинъ чай, а и вино et caetera и не совершаютъ тамъ движеній, а тоже больше сидятъ. Въ каждомъ уѣздномъ городѣ пермской губерніи рѣдкій домохозяинъ не имѣетъ своей собственной лошади, и ходить пѣшкомъ считается признакомъ дурного тона. У иного во флигелѣ живутъ квартиранты въ 10 шагахъ отъ дому, но контръ-визитъ своимъ квартирантамъ хозяйка дома дѣлаетъ непремѣнно въ экипажѣ. Нѣкоторыя даже въ баню, находящуюся при каждомъ домѣ, отправляются не пѣшкомъ, а на лошади. Какъ тутъ не разъѣхаться до размѣровъ египетской пирамиды? Только и слышны жалобы: «докторъ, у меня одышка, совсѣмъ задыхаюсь». — Гуляйте побольше, сударыня.—«Да гдѣ же гулять-то? По улицѣ неприлично, и скучно, и ноги болятъ.» Весь провинціяльный чиновный классъ въ силу своей обстановки обреченъ на сидѣнку, а потому сибирскіе желудки изъ рукъ вонъ что такое. Рѣдкій членъ привилегированнаго сословія въ уральскомъ районѣ не страдаетъ брюшнымъ полнокровіемъ, завалами и т. д. Къ этому еще присоединяется, что они не знаютъ никакого физическаго труда; большинство барышень — кисейныя;

...кая съумѣетъ сшить себѣ что нибудь. Еслибъ мы позволили себѣ за...тить иной барышнѣ на ея жалобу, что горничная дура, потому что ...умѣетъ выгладить юбку съ плойками, что не мѣшало бы ей самой ...гладить или, по крайней мѣрѣ, научить горничную, то мы за такое ...мѣчаніе попали бы въ число самыхъ неприличныхъ господъ.

Говорятъ и толкуютъ у насъ о женскомъ трудѣ. Нужно бы нѣсколько ...нѣе опредѣлить, какимъ именно женщинамъ готовятъ эту обязанность. ...е крестьянское населеніе Россіи, разумѣется, нисколько не нуждается ...этой заботливости. Женское крестьянское населеніе въ потѣ лица *стра...етъ* чуть не круглый годъ, оттого крестьянскія бабы и отличаются ...рошею мускулатурой, способной выносить всякій трудъ. Высшаго ари...кратическаго сословія мы не имѣемъ права коснуться. Во-первыхъ, ...о очень немногочисленно, во-вторыхъ, всякій трудъ съ ихъ стороны былъ ...лишеніемъ куска хлѣба, отниманіемъ заработка у бѣднаго человѣка. ...тается среднее сословіе, женщины котораго дѣйствительно нуждаются, ...къ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ трудѣ. Человѣку средняго ...ловія дѣйствительно необходимо имѣть жену, которая брала бы на свою ...ю опредѣленную часть труда. Человѣкъ средняго сословія можетъ внѣ ...а лишь заработывать деньги; мелкіе чиновники, купцы средней руки, ...теля, врачи—люди большею частью занятые внѣ дома. Полнымъ власте...номъ домашняго хозяйства остается жена. Вовсе не малый трудъ поза...титься о томъ, чтобъ былъ приготовленъ хорошій, удобоваримый, сыт...й и соотвѣтствующій средствамъ обѣдъ, присмотрѣть за чистотой, одѣть ...бятишекъ, *сшить* для нихъ предметы первѣйшей необходимости, удо...творить ихъ желаніямъ, во время уложить ихъ спать. Правда, для ...го этого есть и стряпка и нянька; но у насъ нѣтъ и не скоро будетъ ...такихъ стряпокъ, которыя знали бы, что именно и какъ приготовить, ...такихъ нянекъ, которыя знали бы правильный уходъ за дѣтьми. Все ...о женщина средняго сословія при теперешней соціальной обстановкѣ ...лжна умѣть сдѣлать собственными руками. Мы знаемъ безчисленное мно...жество семействъ, гдѣ каждый день происходятъ непріятности изъ-за пу...яковъ въ родѣ того, что обѣдъ плохъ, что много денегъ истрачено. ...авда, все это пустяки, но вѣдь вся жизнь изъ пустяковъ. Женщина ...едняго сословія необходимо должна еще обладать такими знаніями, ко...рыя дѣлали бы ее независимою отъ всякихъ случайныхъ обстоятельствъ ...приключеній. То она вовсе замужъ не выходитъ, то она остается мо...дой, безпомощной вдовой съ гурьбою ребятъ, то она не можетъ вы-

нести самодурства своего властелина; во всѣхъ этихъ случаяхъ, имѣй она въ рукахъ независимый физическій или умственный трудъ, и она свободна; она не умретъ съ голода, и въ борьбѣ съ окружающими обстоятельствами бодро выйдетъ побѣдительницей. Прибавимъ теперь, что такой трудъ для нея физіологически необходимъ. Трудъ именно даетъ ей здоровье. Она тогда больше будетъ въ движеніи, больше на открытомъ воздухѣ; мускулатура ея будетъ въ постоянной работѣ, не будетъ такой дряблой, какъ у большинства теперь. Такой трудъ возбудитъ у нихъ и установитъ правильный аппетитъ и, при умѣньи удовлетворить его должнымъ количествомъ пищи, предупредитъ у нихъ безкровіе, малокровіе, всякія дѣвичьи немочи, которыя мы потомъ съ трудомъ поправляемъ цѣлыми пудами желѣза.

Если непріятно и печально смотрѣть на праздно-шатающихся тунеядцевъ, если внушаютъ къ себѣ отвращеніе разнаго рода лежебоки и лентяи, то съ другой стороны еще печальнѣе, еще грустнѣе видѣть наше фабричное и заводское рабочее сословіе, истощающее свои физическія силы, свою мускулатуру напряженнымъ 12-часовымъ трудомъ. Всякое физіологическое отправленіе совершается въ предѣлахъ возможнаго и можетъ длиться лишь опредѣленное время безъ ущерба организму; въ противномъ случаѣ всякое усиленное напряженіе влечетъ за собою ослабленіе, усталость, истощеніе, изнеможеніе, болѣзнь, смерть. Какъ въ машинѣ опредѣленное количество каменнаго угля даетъ соотвѣтственное количество пара, стало быть, и соотвѣтственное количество работы, такъ и организмъ человѣка, потребляя опредѣленное количество пищи, можетъ совершать лишь опредѣленное количество труда, которое еще зависитъ и отъ степени напряженія. Живая сила ничто иное, какъ переходъ химическаго процесса, превращаемаго пищей въ нашемъ организмѣ въ движеніе. Если человѣкъ втеченіи года принимаетъ въ свой организмъ около 3,100 фунтовъ матеріялу и вѣсъ его за это время не увеличивается, потому что такое же количество матеріяла имъ и выдѣляется, то изъ этого ясно слѣдуетъ, какъ дважды два четыре, что онъ можетъ дать силу движенія лишь въ 3,100 фунтовъ, которую онъ и заявляетъ соотвѣтственнымъ количествомъ работы. Но живой организмъ отличается отъ машины тѣмъ, что его нельзя заставить потреблять двойное количество пищи и совершать двойное количество работы. Да объ этомъ никто и не думаетъ заботиться, до этого никому ровно никакого дѣла нѣтъ. Напротивъ того, всякій норовитъ взвалить на рабочаго человѣка какъ можно больше

да при возможно меньшей платѣ, лишающей средствъ возстановить ери организма потребнымъ количествомъ пищи. Отсюда самое непраьное распредѣленіе труда: наилучше питающіеся наименѣе трудятся и боротъ; отсюда та страшная смертность рабочаго класса отъ изнуельныхъ болѣзней. Отсюда, наконецъ, безотлагательная потребность въ вильномъ распредѣленіи труда въ физіологически-законномъ регулироіи его, въ необходимомъ чередованіи труда и отдыха. Ясно теперь, ь важна гигіена въ этомъ случаѣ и чему она учитъ. Ясно, насколько ны и справедливы ея требованія. Чтобы расходъ организма не превыъ его доходовъ, она требуетъ вести имъ строгіе счеты, а потому она буетъ движенія, какъ необходимую физіологическую потребность оргаа, требуетъ мышечнаго труда и даетъ возможность совершенствовать улатуру для различныхъ случаевъ жизни въ цѣлой системѣ гимнаескихъ упражненій, которыя безусловно должны сдѣлаться однимъ изъ нѣйшихъ элементовъ воспитанія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Порите, до чего неуклюжъ, неотесанъ русскій мужикъ, какимъ чурбаь смотритъ подчасъ русскій купчикъ, до чего угловаты и непривлеьны манеры нашихъ ученыхъ, большинства семинаристовъ, огромнаго жества студентовъ. Непріятна также сутуловатость и кривобокость щъ; особенно же какъ-то жалко и больно смотрѣть на юную грудь, кую, какъ аспидная доска; глаза рѣжетъ отсутствіе тѣхъ выпуклыхъ ъ на ней, которыя придаютъ особую прелесть женщинѣ и указыъ на ея прекрасное назначеніе быть кормилицей грядущихъ поколѣ- Но вотъ, даже грубая выправка дѣлаетъ изъ мужика-вахлака браолдата; посмотрите, какимъ молодцомъ возвращается онъ въ родное и какъ онъ тамъ ловеласничаетъ. Оттого у насъ до сихъ поръ въ ствѣ пользовались преимуществомъ военные, щеголявшіе своею осани удальствомъ. Даже Чичиковъ придавалъ большое значеніе своему нью повернуться на одной ножкѣ съ ловкостью «почти военнаго челоа». Все это доказываетъ, что извѣстная степень граціи необходима, ь мужчинѣ, такъ въ особенности женщинѣ. Мы ниже объяснимъ, по- это физіологически необходимо. Пока-же скажемъ, что граціозность достигается лишь систематическимъ упражненіемъ мускуловъ—гимнаой. Превосходная книга профессора Реклама предлагаетъ наставленія, ъ самымъ удобнымъ образомъ, во всякомъ мѣстѣ, легко и скоро можно иться гимнастикѣ, вполнѣ достигающей цѣли—употреблять свои мыныя движенія съ пользой для организма, для жизни.

Однимъ изъ элементовъ для опредѣленія степени культуры и цивилизаціи того или другого народа мы между прочимъ взяли бы количество мыла, потребляемаго среднимъ числомъ тѣмъ или другимъ народомъ, какъ для обмыванія своего собственнаго тѣла, такъ и для чистки бѣлья. Такія цифры, кажется, могли бы служить приблизительно вѣрнымъ масштабомъ для опредѣленія чистоплотности какого нибудь народа. Къ сожалѣнію, имѣющіяся у насъ подъ рукою статистики не даютъ намъ отвѣта на этотъ любопытный вопросъ, но личный опытъ убѣдилъ насъ, что въ Россіи дѣло это обстоитъ очень плохо. Кожа, покрывающая наше тѣло, имѣетъ довольно сложное и въ высокой степени важное физіологическое отправленіе. Кровь, въ обиліи притекающая къ кожѣ, обмѣнивается здѣсь газами, то есть окисляется кислородомъ воздуха. Это накожное дыханіе или, какъ оно обыкновенно называется, перспирація имѣетъ столь важное значеніе, что уничтоженіе его убиваетъ животное, еслибъ мы вздумали покрыть кожу животнаго лакомъ; потомъ кожа усѣяна безчисленнымъ множествомъ микроскопическихъ отверстій, такъ называемыми порами, чрезъ которыя выдѣляется потъ, кожное сало et caetera. Выдѣленія эти сопровождаются потерей теплоты въ организмѣ, а потому кожа есть важнѣйшій регуляторъ температуры въ организмѣ. Такое высокое значеніе кожи и объясняетъ намъ причину, почему она такъ нуждается въ тщательномъ уходѣ. Кожное сало и всѣ выдѣленія пота смываются мыломъ, поры кожи прочищаются, раскрываются, такимъ образомъ облегчается кожная перспирація, а этимъ поддерживается постоянное и правильное соотношеніе между температурой тѣла и температурой внѣшней окружающей атмосферы. Отсюда становится яснымъ, какъ важенъ правильный уходъ за кожей и неизбѣжнымъ спутникомъ ея — волосами. Но и здѣсь, какъ во всемъ остальномъ, касающемся гигіены, мы видимъ двѣ рѣзкія противуположности, двѣ грустныя крайности. По всей пермской губерніи почти при каждомъ домѣ баня. Баня, какъ извѣстно, безусловная потребность русскаго человѣка. Но баня у русскаго человѣка далеко не имѣетъ гигіеническаго назначенія. Во-первыхъ, онъ посѣщаетъ ее разъ въ двѣ-три недѣли; во-вторыхъ, онъ парится въ ней, натирается въ ней рѣдечнымъ сокомъ и тому подобными гадостями; въ-третьихъ, никогда почти не отправляется въ баню одинъ, а непремѣнно съ женой. За то русскій человѣкъ носитъ по цѣлымъ недѣлямъ одну рубаху, не перемѣняя и не сбрасывая ее нерѣдко втеченіи одной, двухъ и даже трехъ недѣль. Остальное же платье онъ носитъ подчасъ до послѣдней возможности, до

тили. Мастеровые потѣютъ во время работъ до того, что на рубашкахъ образуются кристаллы, выдѣляемые потомъ, какъ кора изъ соли, и все-таки они эту рубаху носятъ на своемъ тѣлѣ цѣлую недѣлю. Утверждаютъ, что негры нестерпимо воняютъ; думаемъ, что простой русскій людъ немногимъ уступитъ въ этомъ отношеніи неграмъ. Въ качествѣ практикующаго врача, намъ, конечно, нерѣдко приходилось выслушивать грудь, многострадальную грудь большинства хворающихъ русскихъ людей, и подчасъ мы буквально задыхались въ атмосферѣ, заключающейся между влажной рубашкой и потной грудью. Далѣе извѣстно, какъ любитъ русскій человѣкъ пить чай. Мы знали одного субъекта, который выпивалъ по 40 стакановъ чаю въ сутки, одѣтый притомъ въ полушубокъ, и вотъ, напотѣвшись вдоволь, чаепійца выбѣжитъ на улицу и т. д. Спрашивается, какое значеніе можетъ имѣть при такихъ условіяхъ баня? Какую пользу можетъ она приносить, употребляемая такъ рѣдко и такъ несогласно съ правилами гигіены?

Не говоря уже объ отсутствіи всякихъ экономическихъ соображеній, такъ какъ, вмѣсто дрянной бани для всякаго домохозяина, можно было бы устроить общія, наиболѣе комфортабельныя, не говоря о томъ, что любая баня служитъ какъ бы memento mori пожара, каждая баня какъ будто нарочно приспособлена къ тому, чтобы въ ней удобнѣе простудиться. Но не одно простое сословіе такъ небрежно обращается съ своею кожею, намъ иногда случалось упрашивать барышню смыть грязь съ шеи; что же касается до остальной кожи, то намъ очень рѣдко случалось видѣть чистоплотнаго мужчину или женщину изъ купеческаго и чиновнаго класса средней руки. Подчасъ сверху шелки да бархаты, а снизу самая грязная рубашка и еще болѣе грязныя остальныя принадлежности. Естественно, что демократическіе паразиты находятъ себѣ обильную и богатую почву на кожѣ низшаго и средняго сословій. А накожныя болѣзни, чесотка et caetera, проникаютъ даже и въ болѣе благородный слой общества.

Другою крайностью мы считаемъ то обиліе духовъ, парфюмерій, помадъ, натираній, пудръ и особенно румянъ и бѣлилъ, къ которымъ прибѣгаетъ извѣстная масса людей обоего пола для приданія своей кожѣ лучшаго лоску, для произведенія искуственнаго румянца и бѣлизны. Это полнѣйшее искаженіе чувства изящнаго мало того что не ведетъ къ цѣли, но приноситъ положительный вредъ. Помада лишь грязнитъ голову, парфюмеріи лишь заглушаютъ, а не уничтожаютъ тѣ непривлекательные запахи, которые отдѣляются на кожѣ, и въ добавокъ они портятъ воздухъ, ру-

мяна же и бѣлила имѣютъ иногда гибельное вліяніе на здоровье человѣка. Недавно одинъ докторъ имѣлъ двухъ паціентокъ, которыя страдали сильнѣйшими болями въ разныхъ мѣстахъ тѣла, и одна изъ нихъ была безплодна. Врачъ послѣ тщетныхъ изысканій убѣдился наконецъ, что паціентки его страдаютъ хроническимъ отравленіемъ. Румяна и бѣлила ядовито дѣйствовали на ихъ организмъ, причиняли имъ невыносимыя страданія и мѣшали дѣторожденію. Съ прекращеніемъ этого злоупотребленія прекратились боли и одна изъ паціентокъ вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалась матерью *). Мы знали одну почтенную даму, которая румянила свою семилѣтнюю дочку каждый разъ, какъ ее нужно было показывать гостямъ.

Гигіена грозно возстаетъ противъ всѣхъ этихъ крайностей, она требуетъ лишь чистоты и утверждаетъ, что чистота и простота — красота и что никакія искуственныя украшенія не могутъ восполнить физическихъ, а тѣмъ паче иныхъ недостатковъ. За то она также требуютъ, чтобы человѣкъ не лишалъ себя естественныхъ красотъ. Мы помнимъ то время, когда всѣ, претендовавшіе на званіе образованнаго, цивилизованнаго человѣка, брили бороду. Потомъ борода вдругъ стала фигурировать, какъ признакъ либерализма; вслѣдъ за этимъ она опять стала подвергаться гоненію. Все это проистекало отъ грубаго непониманія разумныхъ требованій гигіены, отъ искаженія и профанированія физіологической связи между различными частями нашей организаціи. Профессоръ Рекламъ утверждаетъ, что «*борода*, согрѣвая небо, предохраняетъ отъ катарральныхъ воспаленій зѣва и отъ опуханія миндалевидныхъ желѣзъ; по опыту извѣстно, что у мужчинъ, носящихъ бороды, болѣзни эти бываютъ несравненно рѣже, чѣмъ у безбородыхъ и у женщинъ» **). Далѣе онъ снова возвращается къ этому и увѣряетъ, что «въ тѣхъ полкахъ, гдѣ введено общее ношеніе бородъ, болѣзни дыхательныхъ органовъ случаются рѣже, чѣмъ въ бритыхъ командахъ ***).» Желательно было бы, чтобы борода перестала играть политическую роль и ей возвращено было бы лишь физіологическое ея значеніе, какъ охранительницы горла и зубовъ отъ ненужныхъ и мучительнѣйшихъ страданій.

Старое, обветшалое положеніе, что человѣкъ ѣстъ для того, чтобы жить, а не живетъ для того, чтобъ ѣсть, хотя и оправдывается рѣдко на дѣлѣ,

---

*) См. Medicinische Neuigkeiten, 1869, № 74.
**) Рекламъ. «Популярная Гигіена», стр. 212.
***) Ibidem, стр. 448.

ъ сущности оно, собственно говоря, должно бы быть такъ. Большин- людей главную цѣль своего существованія видитъ въ ѣдѣ, но они сякомъ случаѣ ѣдятъ и питаются для того, чтобы подольше продлить жизнь, которая доставитъ имъ удовольствіе побольше съѣсть. Самое езначительное меньшинство поддерживаетъ питаніе своего организма того, чтобы жить по преимуществу своими мозгами. Мы назовемъ ъ первыхъ — животною, а вторыхъ — разумною. Присматриваясь къ мъ, мы пришли къ тому убѣжденію, что въ каждомъ человѣческомъ ектѣ преобладаетъ одинъ какой нибудь органъ, одна, такъ сказать, ція, для большаго благоденствія которой приспособлена вся остальная низація. Большинство людей имѣютъ точку своего соприкосновенія въ ѣ, меньшинство—въ мозгахъ. Слова нѣтъ, что и у первыхъ есть мозги, е какъ у вторыхъ желудокъ. Но у первыхъ функція мозговая отно- я къ брюшной, какъ 1 къ 100; у вторыхъ же, наоборотъ, функція вая относится къ брюшной какъ 100 къ 1. Читатель жестоко оши- ся, если прочтетъ въ нашихъ физіологическихъ размышленіяхъ упрекъ ымъ и похвалу послѣднимъ. Вовсе не это имѣемъ мы въ виду ска- : люди, цѣлыхъ 12 часовъ въ сутки тратящіе свою мускульную силу физическомъ трудѣ, не могутъ уже быть заняты умственнымъ трудомъ, огутъ работать мозгами. Имъ остается лишь подумать о питаніи тѣла возстановленіи потраченныхъ силъ. Мозги ихъ служатъ лишь прихо- сходчикомъ физіологическихъ отправленій и рады, если на ихъ долю ается достаточная доза питанія. Они, правда, посредничаютъ между нами чувствъ и внѣшнимъ міромъ, но впечатлѣнія, воспринимаемыя этимъ путемъ, остаются голыми впечатлѣніями, не обобщаются, не гъ выводовъ. Оттого такіе люди понимаютъ лишь интересы минуты и особны заглядывать въ даль, неспособны къ апріористическимъ воз- іямъ. Нервы у нихъ мало развиты и мало впечатлительны. Органъ са и даръ слова не соотвѣтствуютъ одинъ другому. Первый неизмѣримо вышаетъ второй; лексиконъ ихъ не богатъ словами, слѣдовательно, и ятіями. Въ нихъ больше преобладаетъ первобытный языкъ жестовъ. это, конечно, потому, что мозги не получили должнаго развитія, над- жащаго упражненія. Изъ президентовъ, каковое званіе имъ наиболѣе личествуетъ, они разжалованы въ экономы. Не даромъ говорятъ о мно- ъ людяхъ, что у нихъ царя нѣтъ въ головѣ. Это вѣрно относительно къ, которыхъ мозги не самостоятельны, не привыкли къ саморазвитію, тины и скорѣе составляютъ продуктъ общественной поверхностности,

чѣмъ индивидуальнаго усовершенствованія. Такова крайность, обусло ваемая соціальной рутиной. Но... Тибо-Саибъ велѣлъ написать на сп своего трона большими буквами изъ разноцвѣтныхъ каменьевъ слѣду афоризмъ: «лучше нѣсколько мгновеній существованія молніи, чѣмъ лѣтіе жизни червяка».

Суть жизни, по нашему крайнему разумѣнію, заключается въ с леніи понимать окружающую природу и извлекать изъ нея всевозмо пользу, сколько для себя, столько же и для другихъ. Это высшее жизни, это разумнѣйшая ея цѣль. Природа дала намъ для этой сп ности особый органъ — мозги. Мозги отличаются отъ остальныхъ орга нашего тѣла особаго рода питаніемъ. Собственно говоря, почти ка органъ нашего тѣла имѣетъ двойное питаніе: одно заключается въ стоянномъ притокѣ свѣжей крови, другое—спеціальное для каждаго ор Такъ, желудокъ самолично питается кровью, а спеціальная его потреб пища; легкія питаются кровью, а спеціальная ихъ потребность кислородъ скулы питаются кровью, а спеціальная ихъ потребность движеніе, питаются кровью, а спеціальная ихъ потребность понятія или зн Алмазъ шлифуется лишь алмазомъ, умъ человѣческій — продуктъ м вой, шлифуется лишь тѣмъ же умомъ, то есть знаніями, понятіями, обрѣтенными человѣчествомъ путемъ опыта втеченіи тысячелѣтій. спросите, читатель, неужели всѣ должны быть учеными? Положимъ, но всѣ *должны* обладать знаніями. Нѣтъ профессіи въ жизни чело шагу нельзя сдѣлать безъ предварительной подготовки, безъ пред тельныхъ знаній. Чѣмъ больше знаній, тѣмъ шире пониманіе, тѣмъ можнѣе пользованіе природою, тѣмъ правильнѣе и справедливѣе отно къ окружающему, тѣмъ развитѣе мозги, тѣмъ они здоровѣе, тѣм лучше функціонируютъ. Отсюда ясно, какъ божій день, что знанія же физіологическая потребность нашего организма, какъ хлѣбъ и говя Но если это такъ, скажетъ читатель, почему же такъ много люд свѣтѣ безъ знаній? На это мы отвѣтимъ любознательному читател во-первыхъ, одни лишь кретины и микроцефалы, люди съ ничто мозгами, безъ всякихъ знаній, а во-вторыхъ, вѣдь проводятъ же т людей всю свою жизнь впроголодь, вѣдь питаются же многіе ми кореньями, глиной и всякой дрянью.

Такимъ образомъ, чѣмъ большими знаніями обладаетъ каждый ин дуумъ и чѣмъ больше такихъ индивидуумовъ въ массѣ, тѣмъ эта считается выше, образованнѣе, цивилизованнѣе, счастливѣе. Такихъ

ю-счастливыхъ массъ до сихъ поръ въ природѣ не встрѣчали, но такія сительно счастливыя массы вполнѣ возможны и желательны. Да въ ь одномъ и заключается весь прогрессъ. Итакъ, мы доказали, что ія—физіологическая потребность, физіологическая пища мозговъ. Фи-гія требуетъ для мозга—знаній. Гигіена указываетъ, каковъ долженъ выборъ знаній. Какъ не всякая пища пригодна для желудка, такъ какія знанія особенно питательны для мозга, хотя потребность эта бѣжно должна быть удовлетворяема. Въ такихъ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ иногда къ сплетнямъ, которыя никогда не выражаютъ ю, будто люди интересуются другими людьми, а служатъ дѣйстви-ымъ выраженіемъ физіологической потребности какимъ нибудь мате-омъ шевелить мозги. Посмотрите на любое провинціяльное общество, лушайтесь къ предмету и содержанію ихъ разговоровъ и вы скоро итесь, что въ большинствѣ случаевъ бесѣды страдаютъ полнѣйшимъ тствіемъ знаній, и что постоянный ихъ колоритъ самая грустная ску-ь содержанія. Какъ часто приходилось намъ въ провинціи видѣть ую гостиную дамъ, безмолвно проводящихъ цѣлый вечеръ, считающихъ е неприличіемъ заявить себя чѣмъ инымъ кромѣ *да* или *нѣтъ*. У рѣшительно говорить *не умѣютъ* и *не имѣютъ* о чемъ говорить. ъ знаній и нѣтъ общихъ интересовъ, а потому разговоровъ быть не етъ. Нечѣмъ обмѣниваться, нечѣмъ шлифовать свои мозги, кромѣ по-енія въ тысячный разъ какого нибудь изношеннаго анекдота или свѣже-ченной сплетни. У насъ обыкновенно толкуютъ, что вотъ-де какой-то ь умный человѣкъ, скромно себя держитъ, то есть очень мало гово-ь, но за то много дѣлаетъ, и такой-то вертопрахъ много глаголетъ, все это слова, фразы, а на дѣлѣ ничего. Думаемъ, что и то и другое—ность. Русское общество именно на такой степени историческаго раз-ія, что ему нужны, во-первыхъ, люди съ знаніями, а во-вторыхъ, о, чтобъ эти люди говорили и дѣлали столько, сколько они говорятъ, оворили бы настолько, насколько они дѣлаютъ. Гигіена считаетъ не-аведливостью, что одни люди обладаютъ слишкомъ обширными позна-и, не дѣлятъ ихъ съ другими, загромождаютъ ими мозги и слишкомъ отаютъ ими въ ущербъ другимъ функціямъ, особенно мышечной. Съ гой стороны, гигіена указываетъ на то несправедливое распредѣленіе да, въ силу котораго рабочій классъ исключительно работаетъ муску-и въ ущербъ мозгамъ. Отсюда гигіена доходитъ до справедливаго и зіологически оправдываемаго требованія, чтобъ *«всякій разумный че-*

ловѣкъ былъ работникъ» и чтобъ *«всякій работникъ—былъ разумный человѣкъ.»*

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе органы нашего тѣла, мы опредѣлили физіологическое отправленіе ихъ, мы обозначили гигіеническія условія ихъ процвѣтанія и благоденствія. Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго неминуемо слѣдуетъ, что изученіе или, по крайней мѣрѣ, знакомство съ гигіеной необходимо для всѣхъ слоевъ общества; что гигіена должна лечь въ основаніе всякаго воспитанія, должна быть предметомъ преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ; что для народа и для такъ называемой образованной публики должны по преимуществу издаваться популярныя сочиненія по части гигіены. Ни по какой отрасли знаній популярныя книжки не могутъ быть такъ общедоступны, такъ понятны, такъ полезны, такъ близки интересамъ и сердцу публики, какъ популярныя книги по части гигіены. Извѣстно, что обновленная жизнь Россіи началась съ того момента, какъ она получила самый чувствительный урокъ и, оглянувшись кругомъ, увидѣла въ себѣ полнѣйшаго невѣжду. Вскорѣ затѣмъ обнаружилась потребность и стремленіе ознакомиться съ окружающей природой. Первымъ по времени популярнымъ сочиненіемъ, появившимся на Руси, была Физіологія обыденной жизни Льюиса. Четыре изданія этого сочиненія прочла съ тѣхъ поръ Россія. Съ легкой руки Льюиса пошли переводы и другихъ quasi-популярныхъ сочиненій. Льюиса читали, читали по нѣскольку разъ, читали и не понимали, не понимали и все-таки читали. Не понимали потому, что популярныхъ физіологій нѣтъ и быть не можетъ, а читали потому, что вещь-то была чрезвычайно новая и затрогивала самыя чувствительныя стороны жизни. Хотя провинціяльный читатель или читательница, въ жизни ничего другого не читавшіе кромѣ собранія иностранныхъ романовъ, вдругъ по увлеченію людей или по указанію заѣзжаго студента натыкались на Льюиса и прочитывали цѣлыя страницы, ничего не понимая, но за то другія страницы были совершенно понятны, заинтересовывали, вызывали на лицахъ читавшихъ выраженіе: «ахъ, какъ пріятно и хорошо все это знать!» Лѣтъ съ десять такъ шутили и забавлялись и все-таки дошутились вѣдь до Сусловыхъ, Гончаровыхъ (ужь, разумѣется, не автора «Обрыва»), Каше-варовыхъ etc. Вотъ, собственно говоря, послѣдствія популярныхъ книжекъ по части естественныхъ наукъ. Классицизмъ этимъ похвалиться не можетъ. Но признаемся откровенно, что за то теперь, такъ сказать, и минуло время такихъ популярныхъ книгъ, какъ Физіологія обыденной жизни Льюиса

она была и осталась для большинства книгой не вполнѣ, и далеко не вполнѣ, понятной. Физіологію безъ руководства, физіологію безъ предварительной подготовки понять нельзя и польза отъ нея лишь настолько существенна, что побуждаетъ къ болѣе подробному и дальнѣйшему изученію предмета. И въ этомъ отношеніи, по личному опыту, мы не знаемъ ни одной вполнѣ удовлетворительной книги. Если Льюисъ для многихъ—темная вода, то физіологическія письма Карла Фогта еще менѣе понятны и еще труднѣе изучать ихъ, а какіе-нибудь физіологическіе эскизы Молешота и подавно. По нашему мнѣнію, всякій, желающій ознакомиться съ строеніемъ человѣка, благоразумно поступитъ, если онъ предварительно прочтетъ при чьей либо помощи «Руководство къ изученію анатоміи, физіологіи и гигіены» Джона Дрепера, хоть даже въ плохомъ переводѣ доктора Симонова, а потомъ уже возьмется за Льюиса. Онъ тогда, конечно, обогатится знаніями, но едва ли еще съумѣетъ приложить ихъ къ дѣлу, примѣнить ихъ себѣ же на пользу. Всю эту рѣчь мы ведемъ къ тому, чтобы выставить превосходство въ этомъ случаѣ популярныхъ книжекъ по части гигіены. Трудно опредѣлить, что у насъ больше пользы и отрезвляющаго здраваго смысла принесли: «Физіологія обыденной жизни» Льюиса или «Будьте здоровы» доктора Бока? Думаемъ, что кто читалъ и то и другое, больше вынесъ отъ второго, чѣмъ отъ перваго. То-же самое мы должны сказать о «Популярной гигіенѣ» профессора Реклама; книга эта почти не требуетъ предварительной подготовки, читается легко, вполнѣ общедоступна, не грѣшитъ многословіемъ, но съ каждой прочитанной страницей читатель пріобрѣтаетъ новыя, полезныя знанія, легко примѣнимыя на практикѣ и богатыя своими чуть не чудотворными послѣдствіями.

До сихъ поръ мы говорили о гигіенѣ отдѣльнаго лица, объ индивидуальной гигіенѣ, но есть еще гигіена соціальная, общественная, регулирующая отношенія лица къ обществу и обязанности или отношенія общества къ лицу. Какъ первая изъ нихъ или индивидуальная гигіена строго основана и опирается на данныхъ частной физіологіи, такъ и вторая или соціальная гигіена основана на данныхъ общей физіологіи. Отсюда вытекаетъ тѣсная связь гигіены съ общей физіологіей или антропологіей. Мы выяснимъ это примѣромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ столкновенія отдѣльнаго лица съ обществомъ есть бракъ. Цѣль природы, какъ извѣстно, безостановочное продолженіе всего живущаго. Люди безсознательно повинуются этой цѣли природы, которая для достиженія ея избрала могущественнѣйшее средство, одно лишь бросающееся въ

глаза близорукому человѣчеству. Это средство, это всесильное орудiе—любовь. Но далеко не этимъ мотивомъ руководится человѣчество при совершенiи своихъ бракосочетанiй. Тутъ господствуютъ совершенно иные законы: экономическiе, физiологическiе, словомъ, соцiологическiе. Кетле первый подмѣтилъ, а Бокль провѣрилъ, что ежегодное число браковъ зависитъ вовсе не отъ приходи людской. «Число браковъ, ежегодно совершающихся, опредѣляется не характеромъ и желанiями частныхъ лицъ, а общими фактами надъ которыми частныя лица не имѣютъ никакой власти. Теперь извѣстно, что число браковъ находится въ постоянномъ и опредѣленномъ отношенiи къ цѣнамъ на хлѣбъ. Въ Англiи опытомъ послѣдняго столѣтiя доказано, что число браковъ вмѣсто того, чтобы имѣть отношенiя къ личнымъ чувствамъ, опредѣляется просто уровнемъ заработковъ массы народа; такимъ образомъ, это важное общественное и религiозное установленiе находится не только въ зависимости, но въ полномъ подчиненiи отъ цѣны на съѣстные припасы и отъ заработной платы.» *) Но если это физiологическое отправленiе въ зависимости отъ колебанiя рыночныхъ цѣнъ на хлѣбъ, то оно еще больше зависитъ отъ физiологической зрѣлости организма. Такъ какъ большинство браковъ совершается какъ alliance par convenance, *то физiологическая зрѣлость организма* вовсе не принимается во вниманiе при совершенiи бракосочетанiй. Въ простомъ классѣ общества, гдѣ преимущественно уважается и цѣнится трудъ, тамъ необходимо прiобрѣсть работницу и потому, какъ только парень подросъ, его сейчасъ же женятъ. Здѣсь рѣдко обращаютъ вниманiе на то, что невѣста старше или моложе жениха. Это почти безразлично, лишь бы нашлась невѣста и дѣло въ шляпѣ. Въ высшемъ классѣ общества всякую шестнадцатилѣтнюю дѣвицу вамъ охотно отдадутъ замужъ. Мы согласны съ тѣмъ, что каждая 16-лѣтняя барышня, какъ барышня, можетъ быть и очень умна и мила и т. д. Но если дѣвица шестнадцати лѣтъ становится женой и матерью, то мы глубоко убѣждены, что такая особа, какъ жена и мать, положительно глупа. Скажите на милость, что знаетъ, чему успѣла научиться дѣвица въ 16 лѣтъ? Ровно ничему. Часто еще люди здѣсь руководствуются закономъ противуположностей, который утрируютъ до nec plus ultra. Такъ, часто старики женятся на молодыхъ дѣвушкахъ, юноши влюбляются въ взрослыхъ дѣвицъ, а старухи любятъ краснощокихъ юношей. Но тутъ-то яв-

*) Бокль. Исторiя цивилизацiи, т. I, стр. 23.

ляется статистика и побиваетъ камнемъ всѣхъ этихъ физіолого-отступниковъ. Статистика въ-очію доказала, что слишкомъ ранніе и слишкомъ позднiе браки чрезвычайно гибельны и влекутъ за собою или преждевременную смерть молодыхъ супруговъ, или такіе браки безплодны или, наконецъ, дѣти, рождающіяся отъ такихъ браковъ, въ высшей степени болѣзненны и недолговѣчны. Такимъ образомъ, статистика въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, какъ Эстерленъ, Кетле и другіе, установляетъ срокомъ для бракосочетаній: для дѣвицъ возрастъ отъ 20 до 26 лѣтъ, а для мужчинъ отъ 25 до 35 лѣтъ. Эти данныя статистики подкрѣпляются и получаютъ еще большую силу изысканіями антропологовъ. Вейсбахъ взвѣшиваніями мозговъ пришелъ къ тому заключенію, что у женщинъ мозги достигаютъ полнаго развитія въ 20 лѣтъ, а у мужчинъ въ 30. Отсюда становится яснымъ, что при совершеніи бракосочетаній и при выборѣ невѣсты или жениха нужно обладать нѣкоторыми знаніями, установленными и провѣренными наукою. Гигіена является здѣсь полнѣйшей руководительницей. «Частная физіологія изучаетъ процессъ оплодотворенія; общая физіологія или антропологія обнимаетъ этотъ процессъ цѣликомъ и занимается изслѣдованіемъ результатовъ и условій скрещиванія разныхъ породъ; а гигіена опредѣляетъ тѣ правила, по которымъ этотъ процессъ должно сохранять въ нормальномъ состояніи, какъ улучшить родъ человѣческій физически и нравственно, какъ предохранить его отъ вырожденій *)». Антропологическія изысканія по вопросу о бракахъ между близкими родственниками и по вопросу о скрещиваніяхъ между различными расами цѣликомъ входятъ въ составъ гигіены. Гигіена положительно воспрещаетъ первые и одобряетъ нѣкоторыя стороны послѣднихъ. Наслѣдственное расположеніе, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, бываетъ иногда довольно рѣзко-выраженною причиною пьянства и ничѣмъ инымъ не можетъ быть объяснено. Кромѣ того извѣстно, какъ сильно дѣйствуетъ примѣръ родителей на дѣтей и потому мы думаемъ, что одною изъ хорошихъ мѣръ противъ пьянства, такъ сильно распространеннаго почти во всѣхъ слояхъ русскаго общества, было бы скрещиванье пьющихъ съ непьющими племенами. Кажется, что минуло безвозвратно то классическое время, когда исторія считала чернымъ пятномъ на памяти великаго Казиміра, что онъ былъ женатъ на красавицѣ Эстеркѣ. Гражданскіе и церковные законы

---

*) Ed. Reich. Die Hygiene und ihr Studium. Стр. 5.

совершенно воспрещаютъ бракосочетанія между русскими и единоплеменниками Эстерки и, сколько намъ кажется, въ отношеніи гигіены къ полнѣйшему вреду первыхъ. Такимъ же образомъ повсемѣстный упадокъ аристократическихъ семействъ указываетъ на необходимость освѣженія крови, по крайней мѣрѣ, породою средняго сословія. Этимъ мы имѣли въ виду выразить отношенія гигіены къ антропологіи и ту важную роль, какую играетъ гигіена въ вопросѣ о бракѣ.

Послѣдствіями брака обыкновенно бываютъ дѣти, и съ перваго дня рожденія до вступленія въ званіе гражданина они составляютъ предметъ семейной и общественной заботливости, они тотъ матеріялъ, изъ котораго соціальная обстановка и та или другая система воспитанія могутъ слѣпить, изваять, выточить тотъ или другой образчикъ, ту или другую форму хорошихъ или дурныхъ людей. Никто, конечно, не станетъ сомнѣваться, что въ каждомъ новорожденномъ человѣкѣ имѣются прирожденныя, индивидуальныя, наслѣдственныя свойства, но «уловить ихъ нѣтъ никакой возможности, потому что въ неизмѣримомъ большинствѣ случаевъ характеръ психическаго содержанія на 999 тысячныхъ дается воспитаніемъ въ обширномъ смыслѣ слова и только на одну тысячную зависитъ отъ индивидуальности» *). Педагогика, какъ наука, занимающаяся воспитаніемъ дѣтей и человѣка, разумѣется, въ конечныхъ результатахъ своихъ стремится создать здоровыхъ, умныхъ, крѣпкихъ и честныхъ субъектовъ. Гигіена стремится во всѣхъ своихъ предначертаніяхъ къ тому же. Понятно, что въ основу педагогики должна лечь гигіена и только гигіена. Но вся система воспитанія, которую намъ самимъ пришлось пережить и вынести, знать ничего не хочетъ о требованіяхъ и правилахъ гигіены и скорѣе представляетъ полнѣйшее искаженіе, рѣзкое противорѣчіе всѣмъ здравымъ понятіямъ гигіены. Въ былое время всѣ старанія учителей и родителей направлены были лишь къ тому, чтобы ученики выучили твердо урокъ и хорошо выдержали бы экзамены; какихъ бы это усилій ни стоило юношѣ, сколько бы ни пострадало отъ этого физическое здоровье юноши, родителямъ и учителямъ почти до этого не было никакого дѣла. Вся суть воспитанія и обученія была не наука, не знанія, а достиженіе цѣли: полученіе диплома и право на служебную карьеру. Воспитанія же въ строгомъ смыслѣ вовсе не существовало. Школа не давала никакого воспитанія;

---

*) Сѣченовъ. Рефлексы головного мозга. Стр. 182.

служила лишь зазубриваніемъ латинскихъ склоненій и спряженій.
ихъ мало вынесешь нравственныхъ правилъ и честныхъ стремленій.
же воспитаніе было самое жалкое. Судите, какое воспитаніе полу-
ынъ, проведшій два-три года въ гимназіи и пріѣхавшій на вака-
время домой, гдѣ онъ видѣлъ какъ папаша, состоящій на службѣ,
ничего не дѣлалъ, по цѣлымъ суткамъ игралъ въ карты, напивался
ъ до безобразія, выкуривалъ по четверткѣ табаку; обращался по
ебельски не только съ прислугой, но и съ мамашей. Какого толка
отъ мальчика, когда онъ видѣлъ, что папаша его, обладая еще
ми познаніями, чѣмъ онъ самъ, третьяго класса гимназистъ, и,
ничѣмъ не занимаясь, тратитъ, однакожъ, большія деньги, не нады-
на свою пару лошадей, живетъ припѣваючи и комфортабельно, Богъ
откуда пріобрѣтая все это. Ну, а если мальчикъ подросъ уже, знаетъ,
паша получаетъ 1500 руб. въ годъ и проигрываетъ въ одну ночь
пять! И рвется бѣдный мальчикъ изъ гимназіи скорѣе домой; цѣ-
чь не спитъ; все зубритъ mensa, mensae, mensarum, а въ го-
омашнія радости и забавы: катанье, ничего недѣланье, жранье, ло-
идіотическое уженіе рыбы и другіе соблазны и рюмки водки и т. д.,
. Хотите, чтобы ваши дѣти получили хорошее воспитаніе, ведите
ебя лучше и не подавайте дѣтямъ своею жизнью примѣръ всего
, въ противномъ случаѣ, не взыщите и не пеняйте на учителей, на
ю, что вашъ мальчишка плохо учится и мало успѣваетъ. Это дома.
те, чтобы вашъ сынъ выдержалъ гимназическій курсъ, отдайте его
ъ то заведеніе, гдѣ учатъ гимнастикѣ и сколько нибудь сообра-
съ правилами гигіены. А если такихъ заведеній нѣтъ, вы, какъ членъ
ы, просите, чтобъ ихъ завели. Докторъ Гиллере (Hillairé) въ своемъ
ѣ министру народнаго просвѣщенія во Франціи говоритъ: «Спра-
ость требуетъ сказать, что гимнастика, наука, вразумляющая дви-
ъ, обусловливаетъ правильное развитіе тѣла, возрастаніе и равновѣ-
хъ силъ организма». И далѣе онъ говоритъ: «Раціональная педагоги-
гимнастика необходима для хорошаго воспитанія; она тѣсно свя-
ъ интеллектуальнымъ воспитаніемъ, котораго она составляетъ по-
шее и неизбѣжное дополненіе. Это до того вѣрно, что всюду, гдѣ
ое просвѣщеніе довольно распространено, преподаваніе гимнастики
рука объ руку съ нимъ. Такимъ образомъ, если мы возьмемъ карту
, разрисованную различными красками, соотвѣтствующими развитію
аго просвѣщенія, то на первомъ планѣ увидимъ одинаково преуспѣ-

вающими и въ томъ и другомъ Пруссію, Саксонію, Баварію, великое гер-
цогство Баденское, Виртембергъ, Швейцарію, Голландію, Данію и Швецію:
въ этихъ странахъ гимнастика въ большомъ почетѣ, она входитъ въ со-
ставъ программы большинства учебныхъ заведеній, въ которыхъ она своимъ
научнымъ и раціональнымъ направленіемъ возведена на такую же степень,
на какой находится интеллектуальное воспитаніе. На второмъ планѣ мы
увидимъ Францію, Англію, Бельгію, на третьемъ Австрію, Италію и Грецію
и, наконецъ, на послѣднемъ планѣ Россію, Испанію и Папскую область.
Всюду одна и та же параллель. Вѣдь это поучительно.» *) Изъ физіологіи
мы знаемъ, что каждый органъ обнаруживаетъ болѣе значительную
склонность къ заболѣванію именно въ то время, когда онъ быстро растетъ
и развивается. Въ юношескомъ возрастѣ, конечно, всѣ органы болѣе или
менѣе растутъ и развиваются, а тутъ имъ школа на каждомъ шагу по-
мѣха, они дышатъ самымъ тлетворнымъ воздухомъ, не дѣлаютъ никакого
движенія, сидятъ по нѣскольку часовъ сряду въ спертыхъ удушливыхъ
классахъ, напрягаютъ свои неокрѣпшіе мозги и выходятъ изъ школы
вялыми, безжизненными, блѣднолицыми, безкровными, страдаютъ сердцебіе-
ніемъ, преждевременнымъ геморроемъ, разстраиваютъ свою грудь, нажи-
ваютъ чахотку и становятся жертвой ложной педагогики. «Никогда не
надобно забывать, говоритъ профессоръ Рекламъ, что сидѣніе есть про-
тивуестественное, ненормальное положеніе, вынужденное тѣснотою нашихъ
жилищъ, что вслѣдствіе сидѣнья пищеварительные органы всегда стѣс-
няются и отправленіе дыхательныхъ органовъ встрѣчаетъ препятствія, что
слѣдовательно, сидѣніе при всѣхъ обстоятельствахъ *нездорово* и, потому
обнаруживающемуся при немъ напряженію спинныхъ мускуловъ, а также
давленію на животъ надобно противодѣйствовать тѣлесными упражненіями
холодными умываніями и купаньемъ.» **) Въ другомъ мѣстѣ онъ къ этому
прибавляетъ: «Никогда не должно соединять двухъ-часовыхъ, одинъ за
другимъ слѣдующихъ уроковъ, послѣ которыхъ часъ времени хорошо по-
святить легкимъ тѣлеснымъ упражненіямъ и рекреаціи.» ***) Разсказы-
ваютъ, что когда Гумбольдту показали программу нашихъ кадетскихъ кор-
пусовъ, то онъ будто выразился, что не въ состояніи былъ бы по ней

---

*) См. Annales d'Hygiene publique et de Medicine l'égale, Deuxieme serie. Avril 1864. 62 Numero. Стр. 464—467.

**) Карлъ Рекламъ. «Популярная Гигіена», стр. 63.

***) Ibidem, стр. 59.

выдержать экзамена. Анекдотъ этотъ во всякомъ случаѣ доказываетъ, до чего сложно и многообильно было преподаваніе въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, что, конечно, никакъ не ведетъ къ цѣли, не даетъ многосторонне-образованныхъ людей, а только набиваетъ голову никуда ненужнымъ хламомъ; большинство не выдерживаетъ гимназическаго курса и бросается куда попало, значительное меньшинство, едва попадаетъ въ университетъ, гдѣ также большая половина «убоявся бездны премудрости», удаляется вспять и ищетъ службы, и рѣдко кто, побывавши въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, пріобрѣтаетъ въ нихъ любовь къ наукѣ, къ занятіямъ, даже къ чтенію. Въ доказательство мы приведемъ, что вездѣ слышны жалобы на недостатокъ людей, десятки кафедръ въ университетахъ некѣмъ замѣстить, цѣлые факультеты закрываются и что провинціи почти ничего не читаютъ. Въ провинціи очень рѣдко встрѣтишь домъ, въ которомъ выписывается журналъ и то развѣ для того, чтобы прочесть какой нибудь *«Обрывъ»*. Серьезныхъ же статей вообще не читаютъ. Еще рѣже въ провинціи встрѣтишь человѣка, который выписывалъ бы и читалъ серьезную книгу, у котораго была бы физіологическая потребность къ чтенію, къ пріобрѣтенію знаній. А отчего все это? Да оттого, что наши учебныя заведенія, со всѣми своими уроками и зазубриваніями, своими репетиціями и экзаменами, отбиваютъ охоту и отъ науки, и отъ просвѣщенія, и отъ чтенія.

Гербертъ Спенсеръ, разсуждая о вырожденіи современныхъ поколѣній, говоритъ: «Многіе утверждаютъ, что между образованными классами подростающее поколѣніе не такъ хорошо сложено и не такъ сильно, какъ его предки. Сначала мы были склонны отнести это къ одному изъ многихъ проявленій старой тенденціи—превозносить прошлое въ ущербъ настоящему. Вспоминая факты въ родѣ того, что размѣры старыхъ доспѣховъ доказываютъ, что современные мужчины рослѣе древнихъ, что таблицы смертности показываютъ не уменьшеніе, а увеличеніе продолжительности жизни, — мы не обратили вниманія на то, что казалось намъ ни на чемъ не основаннымъ вѣрованіемъ. Но болѣе тщательное наблюденіе поколебало наше мнѣніе. Оставляя въ сторонѣ земледѣльческіе классы, мы замѣтили, что въ большинствѣ случаевъ дѣти не достигаютъ роста родителей; по массивности склада, принимая въ разсчетъ различіе возрастовъ, они, повидимому, тоже отстаютъ. Медики говорятъ, что современный народъ далеко не можетъ переносить тѣхъ кровопусканій, которыя дѣлались въ старину. Преждевременныя лысины встрѣчаются чаще теперь, чѣмъ

прежде. Ранняя порча зубовъ встрѣчается поразительно часто въ возрастающемъ поколѣніи. Въ общемъ складѣ контрастъ также замѣчателенъ. Прошлыя поколѣнія, живя бурно, переносили болѣе настоящаго поколѣнія, которое живетъ скромно. Люди пили много, не вели регулярной жизни, не хлопотали о свѣжемъ воздухѣ, мало заботились о чистотѣ, но оставались способны на продолжительныя занятія до пожилыхъ лѣтъ, и безъ вреда для себя: посмотрите лѣтописи суда и адвокатуры. Мы же, которые думаемъ много о нашемъ физическомъ благосостояніи, мы, которые ѣдимъ умѣренно, не пьемъ черезъ мѣру, мы, которые заботимся о вентиляціи и опрятности, мы, которые дѣлаемъ ежегодныя экскурсіи и пользуемся большимъ медицинскимъ знаніемъ, — мы постоянно сламываемся подъ нашими трудами. Обращая большое вниманіе на законы здоровья, мы кажемся слабѣе нашихъ дѣдовъ, которые во многихъ отношеніяхъ дѣйствовали вопреки законамъ здоровья. А судя по внѣшности и частымъ болѣзнямъ возрастающихъ поколѣній, они, повидимому, будутъ еще менѣе крѣпки, чѣмъ мы. Отчего же это происходитъ? Не оттого ли, что прежнее перекармливаніе, какъ взрослыхъ, такъ и дѣтей было менѣе вредно, чѣмъ недокармливанье, которое мы встрѣчаемъ такъ часто теперь? Не отъ недостаточности ли одежды, введенной ложной теоріей закаливанья? Не отъ того ли, что, во вниманіе къ ложной утонченности, мы оставляемъ дѣтскія игры? На основаніи нашихъ разсужденій можно заключить, что каждая изъ этихъ причинъ имѣла, вѣроятно, свою долю участія въ порожденіи зла. Но тутъ существуетъ еще другое вредное вліяніе, можетъ быть, самое сильное изъ всѣхъ — это чрезмѣрная умственная дѣятельность» *). О, если бы родители знали и видѣли, какой цѣной физическаго здоровья достаются ихъ сыновьямъ золотыя медали, похвальные листы при переходѣ изъ класса въ классъ, еслибъ они предвидѣли, какими грустными послѣдствіями изнеможенія и умственнаго разслабленія угрожаютъ имъ въ жизни ночное бдѣніе и усидчивыя занятія; еслибъ они все это взяли въ толкъ, они не гонялись бы тогда за этой мишурой и предпочли бы, чтобъ ихъ дѣти знали поменьше ненужныхъ классиковъ, да обладали бы лучшимъ здоровьемъ и большимъ здравымъ смысломъ. Отъ души желаемъ, чтобы Популярная Гигіена профессора Реклама попала въ руки учащейся

*) Гербертъ Спенсеръ: «Умственное, нравственное и физическое воспитаніе». Т. III, стр. 188 и 189.

одежи. Число отличныхъ, но слабыхъ учениковъ, быть можетъ, уменьшилось бы, но за то увеличилось-бы число здоровыхъ и уменьшилось бы число тупыхъ педантовъ *). Но гигіена учитъ, какъ согласить и развить здоровье и умъ. Изъ вышеприведенной цитаты Герберта Спенсера читатель легко можетъ понять, что причиною вырожденія современныхъ поколѣній одно нарушеніе и искаженіе гигіеническихъ правилъ. А потому только гигіена въ силахъ поправить это великое зло. И потому мы снова съ полнѣйшимъ правомъ повторяемъ, что въ основу педагогики должна лечь гигіена и только гигіена.

Теперь мы предположимъ, что девять десятыхъ молодого поколѣнія вступаютъ въ жизнь и составляютъ общину, одни лизнули науки и бросили; другіе вовсе не вступали даже въ предверіе этого храма; третьи достигли высшихъ ея ступеней. Вступая въ общину или составляя ее, человѣкъ на каждомъ шагу приходитъ въ столкновеніе съ соціальною или народною экономіей, съ соціальнымъ устройствомъ. Кто изъ насъ молодъ не бывалъ? Кто, усвоивъ въ университетѣ честныя понятія, убѣжденія и стремленія, при столкновеніи съ дѣйствительной жизнью, не терпѣлъ на каждомъ шагу пораженій своимъ самымъ завѣтнымъ мечтамъ, не разочаровался во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, не уходилъ изъ борьбы истерзаннымъ вопіющими несправедливостями историческаго недоразвитія? Соціальное устройство требуетъ самыхъ точныхъ правилъ гигіены. Раціональное сельское хозяйство, правильное лѣсоводство, улучшенные способы обработки земли— все это имѣетъ въ виду и конечною цѣлью благосостояніе человѣка. Къ тому же несомнѣннымъ образомъ стремится и гигіена. Въ дѣятельности земскихъ управъ не видно и слѣда санитарныхъ мѣропріятій. А казалось бы, что это чуть ли не главнѣйшая ихъ обязанность. Помилуйте, расчистить лѣсъ и сберечь его, какъ источникъ очищенія воздуха и добыванія чистаго кислорода, осушить болота и тѣмъ уничтожить заразу, провести хорошую и удобную дорогу сообщенія, снабдить народонаселеніе хорошей, чистой водой, улучшить способы обработки земли, то есть улучшить пищу края, чье же это дѣло, какъ не земщины? У насъ же понадобилось устроить гостинный дворъ и вотъ лучшая площадь въ городѣ, отѣненная

*) Близко намъ знакомый учитель уѣзднаго училища и женской гимназіи увѣрялъ насъ, что онъ пришелъ къ тому убѣжденію, что „чѣмъ хуже учатся ученики, тѣмъ полезнѣе для ихъ здоровья“.

деревьями и служившая мѣстомъ отдохновенія, прогулки и для лучш обмѣна воздуха застраивается балаганами. Въ иномъ городѣ хорошеньк сосновая роща; вмѣсто того, чтобы ее расчистить, устроить, сдѣла удобной для прогулокъ, купечеству необходимо расширить рынокъ и во хорошенькая роща падаетъ жертвой купеческаго невѣжества. Такой богат городъ, какъ Казань, не имѣетъ воды, пьетъ какую-то муть изъ Кабанн озера, въ которомъ водяныя вши кишатъ миріадами. Тутъ же подъ н сомъ богатѣйшіе ключи, но провести ихъ и сдѣлать хорошіе водопровод будетъ стоить нѣсколькихъ тысячъ. Гдѣ же ихъ взять? Очень прос Людямъ состоятельнымъ привозятъ хорошей воды отъ 30 до 50 коп. бочку, люди богатые пьютъ дистиллированную воду, зельтерскую вод лимонадъ газесъ, шампанское, а масса-то вся пьетъ кабанную воду, пер полненную всевозможными гадостями.

По нашему крайнему разумѣнію, каждая земская управа должна имѣ своимъ непремѣннымъ членомъ санитарнаго врача. Безъ его совѣта и од бренія ни одно деревцо въ его районѣ не должно быть срублено, никак площадь не должна быть застроена; ни одно общественное зданіе не долж быть воздвигнуто, ни одна дорога не должна быть проложена безъ совѣт безъ наблюденія санитарнаго врача. Онъ предлагаетъ управѣ, какъ об регать лѣса, какъ осушать болота, какъ завести водопроводы, какъ пр ложить дороги, какъ устроить канавы, какъ истреблять нечистоты и с хранять здоровый воздухъ. Все это дѣло санитарнаго врача, члена земск управы. Такая роль будетъ гораздо существеннѣе и полезнѣе всѣхъ во можныхъ больницъ, на которыя такъ накинулись земскія управы. Если б въ земскихъ управахъ участвовали врачи, и еслибъ они знакомы были с такими сочиненіями, какъ, напримѣръ, книга Георга Марша «Человѣкъ природа» или «вліяніе человѣка на измѣненіе физико-географически условій природы» и съ такими капитальными твореніями, какъ нача Военнополевой хирургіи нашего умнаго учителя Н. И. Пирогова, то он съ одной стороны, знали бы, какія послѣдствія влекутъ за собою истре ленія лѣсовъ, а съ другой стороны, знали бы, какой вредъ приносят иногда у насъ больницы. Н. И. Пироговъ, завѣдывавшій на своемъ мног опытномъ вѣку сотнями госпиталей, увѣряетъ, что наименьшую смертнос даже въ самыхъ важныхъ хирургическихъ операціяхъ и при другихъ самы невыгодныхъ условіяхъ онъ видѣлъ въ своемъ имѣніи въ жалкихъ и бѣ ныхъ лачугахъ крестьянъ и именно потому, что никогда въ такой лачуг не лежало больше одного больного и воздухъ, слѣдовательно, не портился

какъ въ нашихъ больницахъ. Въ красноуфимскую городскую больницу мы каждый разъ входили, зажимая себѣ и ротъ и носъ. Каково-то было тамъ лежать больнымъ!?

А Георгъ Маршъ говоритъ, что «съ истребленіемъ лѣса все мѣняется. Одно время земля, испуская свою теплоту въ воздухъ, терпитъ въ ней недостатокъ, а другое время года чрезмѣрно нагрѣвается отъ безпрепятственнаго дѣйствія солнечныхъ лучей. Вслѣдствіе того происходятъ климатическія крайности и земля попеременно страдаетъ то отъ лѣтняго зноя, то отъ зимняго холода. Холодные вѣтры, получивъ безпрепятственный доступъ къ ея поверхности, сметаютъ съ нея снѣгъ, который долженъ былъ бы служить ей охраною отъ морозовъ, и эсушаютъ ея и безъ того уже скудную влагу. Атмосферическія осажденія становятся также не постоянны, какъ и температура; воды, образующіяся отъ тающаго снѣга и отъ весеннихъ дождей, не поглощаются, какъ прежде, рыхлымъ и губчатымъ растительнымъ слоемъ, а быстро стекаютъ по замерзшей поверхности и вмѣсто того, чтобы увлажнять землю и служить запасомъ для питанія постоянныхъ водныхъ теченій, стремятся въ долины, а изъ долинъ въ моря. Почва, утративъ свое лиственное покрывало и лишившись той сѣти корней, которая прежде ее скрѣпляла, сохнетъ и обращается въ порошокъ. Ручьи мельчаютъ, испаряются отъ дѣйствія солнца и сохнутъ. Большія рѣки перестаютъ быть судоходными, устья ихъ заваливаются и въ гаваняхъ, гдѣ прежде находили убѣжище большія суда, образуются опасныя мели».

«*Лишаясь своего растительнаго слоя*, земля становится все менѣе и менѣе производительна, а вслѣдствіе этого и менѣе способна охранять сама себя посредствомъ новой растительности и мало-по-малу дѣлается совершенно голою. Воды смываютъ съ безплодныхъ камней горъ покрывавшую ихъ богатую органическую почву и заносятъ ее въ сырыя низменности, гдѣ вслѣдствіе этого является роскошная водяная растительность, *разложеніе которой производитъ лихорадки и другія болѣзни* и, такимъ образомъ, земля становится непригодной служить мѣстомъ обитанія для человѣка».

«Но природа мститъ за нарушеніе своихъ порядковъ рано или поздно, и неразсчетливое истребленіе лѣсовъ должно неминуемо сопровождаться своимъ естественнымъ послѣдствіемъ, т. е. ухудшеніемъ почвы и климата *).»

---

*) Георгъ Маршъ. „Человѣкъ и природа“, стр. 227—229.

Таковы послѣдствія истребленія лѣсовъ и невѣжественнаго обращенія съ ними. Отсюда также очевидно, насколько здѣсь важна гигіена, какъ необходимы земству санитарные врачи. Да и не только по отношенію къ лѣсамъ, а и вообще вся соціальная обстановка нуждается въ улучшеніяхъ. Возьмите любой уѣздной городокъ, вы въ немъ не найдете куска хорошаго бѣлаго хлѣба, вы по цѣлымъ недѣлямъ будете сидѣть безъ куска говядины, безъ куска рыбы; въ единственной лавкѣ, эксплуатирующей весь околодокъ, только послѣ Макарьевской ярморки найдете свѣжій товаръ, къ концу же года и сыръ швейцарскій испортился, и икра испортилась, колбаса заплесневѣла, всѣ мучные припасы и разнаго рода крупа протухли; сушенные фрукты, какъ винныя ягоды, финики, черносливъ, погнили, конфекты поиспортились. Вина всѣ отъ безчисленнаго множества подмѣсей и подкрашиваній перекисли и отвратительны. Извольте тутъ лакомиться и радоваться. Да, въ уѣздныхъ пакостныхъ городишкахъ положительно бываютъ времена, когда буквально ѣсть нечего. Въ городкѣ же живетъ 20 или 30 чиновныхъ семействъ, пить-ѣсть нужно; потребности болѣе или менѣе все-таки развиты и — ничего, большею частью сидятъ сложа руки, безпомощные, не умѣя взяться за умъ и пособить горю. Вся надежда лишь на эксплуататора-купца, который за всякую малость деретъ съ нихъ въ три дорога, а они, въ свою очередь, тоже ужь никакъ не остаются въ долгу у него: берутъ все въ кредитъ, и благо, если заплатятъ десять процентовъ по принципу, высказанному Бомарше, что кто долговъ не платитъ, тотъ ихъ не имѣетъ. Противъ всѣхъ этихъ бѣдствій мы видимъ спасеніе лишь въ учрежденіи сколько нибудь порядочныхъ обществъ потребленія, въ устройствѣ ассоціацій, которыя въ состояніи будутъ вести дѣло для общей пользы, какъ съ экономической, такъ и съ гигіенической точки зрѣнія, и предохранять своихъ членовъ и ихъ семейства отъ отравленія мышьяковыми конфектами, колбаснымъ ядомъ, гнилой рыбой, тухлой говядиной, дурно прокопченой ветчиной, отъ которой въ свѣтлое Христово Воскресенье рветъ всѣхъ отъ мала до велика. Ассоціація путемъ усовершенствованія и развитія сдѣлается, наконецъ, современемъ такимъ центромъ, такой средой, гдѣ каждый образованный человѣкъ обезпечитъ себѣ кусокъ насущнаго хлѣба и отъ безуспѣшныхъ заботъ, отъ вѣчнаго шатанья по переднимъ чело его не покроется преждевременными морщинами. Ассоціація оцѣнитъ способности и трудъ каждаго и приспособитъ ихъ къ дѣлу. А то эта вѣчная погоня за кускомъ хлѣба подламываетъ не одну жизнь. «Едва-ли есть обстоятельствс, которое такъ быстро подрывало бы

жизнь образованнаго человѣка, какъ забота о кускѣ хлѣба. Пролетарій переноситъ эти заботы съ чувствомъ какого-то рокового, неизбѣжнаго фатализма, въ нѣмомъ и глухомъ раздумьи; для образованнаго же человѣка эти заботы — червь зловредный, который его постоянно гложетъ, разъѣдаетъ и подтачиваетъ корни самаго цвѣтущаго здоровья до основанія» *).

Мы кончили. Мы старались показать физіологическое значеніе каждаго органа нашего тѣла, мы намекнули на гигіеническія условія ихъ цвѣтущаго развитія. Мы пробовали доказать, что человѣкъ долженъ употреблять хорошую пищу, дышать чистымъ воздухомъ, упражнять свои мускулы, обмывать свою кожу, шлифовать знаніями свои мозги, развивать свой органъ рѣчи, во время запастись женой, разумно воспитать дѣтей, быть членомъ ассоціаціи и хорошимъ гражданиномъ. И чѣмъ лучше будутъ условія и обстоятельства, его окружающія, для достиженія этой цѣли, тѣмъ лучше, тѣмъ выше, тѣмъ совершеннѣе будетъ его организація; тѣмъ вѣрнѣе онъ предохранитъ себя и избавитъ свое потомство отъ всякихъ напастей, отъ злыхъ недуговъ, отъ болѣзней. Ясно, что гигіена безпредѣльна. И такой усовершенствованный организмъ будетъ обладать хорошими и честными убѣжденіями, въ силу своихъ положительныхъ знаній имѣть твердый характеръ и здравую волю, потому что, говоритъ Фейербахъ, «мое существо не есть слѣдствіе или продуктъ моей воли, а напротивъ того, моя воля есть слѣдствіе, есть продуктъ моего существа» **). Бернгардъ Котта въ своихъ геологическихъ картинахъ рисуетъ намъ планъ зданія, въ которомъ зритель сразу могъ бы обозрѣть всѣ фазы геологическаго развитія земли и который былъ бы украшенъ принадлежностями различныхъ формацій: плесіозаврами, ихтіозаврами и преродактилями. Увлеченные этой картиной, мы намѣрены съ нашимъ читателемъ пуститься въ идеальныя страны. Мы знаемъ, какое мизерное существо былъ человѣкъ въ эпоху пещерныхъ животныхъ, въ эпоху свайныхъ построекъ и кухонныхъ объѣдковъ. Посмотримъ теперь на идеалъ будущаго усовершенствованнаго человѣка. Предъ нами мужчина среднихъ лѣтъ, красавецъ собою, съ черными, какъ смоль, волосами, съ черными, красивыми, выразительными глазами, съ рѣзкими, характеристическими чертами лица. Онъ высокаго роста, физически хорошо

*) De Neufville. Lebensdaauer und Todesursachen 22 verschiedene. Stände in Francfurt, стр. 23.

**) Feuerbach. Gottheit, Freiheit und Unsterblichkeit. Стр. 106.

сложенъ, голосъ у него звучный, рѣчь его плавная, движенія граціозны, станъ осанистый, мускулы его крѣпки и превосходно развиты: онъ можетъ поднять большія тяжести, онъ безъ устали можетъ пройти нѣсколько верстъ. На немъ нѣтъ жира и фигура Бентинга ему противна. Онъ родился отъ здоровыхъ и крѣпкихъ родителей, мать сама вскормила его своею грудью, ни разу не пеленала его, каждый день сама его купала, обмывала, чесала, зубы у него прорѣзались безъ малѣйшей боли и безъ всякихъ поносовъ. Онъ сталъ на ноги, постоянно проводилъ время на воздухѣ съ своею матерью; его научили гимнастикѣ и грамотѣ. Такъ онъ росъ, выросъ и сталъ человѣкомъ. Теперь онъ владѣетъ хорошимъ кускомъ земли, которую обработываетъ теперь сообща съ другими при помощи разныхъ машинъ, онъ членъ управы и завѣдуетъ техническою частью своей общины, онъ спеціально знаетъ свое дѣло, но онъ хорошо знакомъ съ окружающею природой. Всѣ явленія ея ему понятны, ему они также знакомы, какъ характеръ родной матери. Онъ членъ разныхъ ученыхъ обществъ; онъ пайщикъ разныхъ ассоціацій и обществъ потребленія. Онъ питается хорошей пищей съ нѣкоторымъ избыткомъ, шампанскаго не пьетъ, въ карты не играетъ, табаку не куритъ, онъ большей частью въ движеніи на открытомъ воздухѣ, занятъ дѣломъ, онъ живетъ трудами рукъ своихъ, онъ техникъ, механикъ и землеработникъ. Онъ не владѣетъ капиталомъ и не копитъ его. Ему капиталы не нужны, ему нуженъ трудъ. Ему 28 лѣтъ. Настала пора жениться. Онъ встрѣтилъ блондинку, хорошо сложенную, съ округленными формами, съ свѣтло-голубыми глазами и съ поразительно-бѣлыми и чистыми зубами. Ей 22 года. Онъ женился, не получивъ приданаго. Онъ любитъ ее до глубины своей честной и благородной души. Ихъ связываетъ физическое здоровье и прелесть тѣлесныхъ формъ; ихъ сплотили во едино общность понятій, идей, убѣжденій, стремленій. Онъ любитъ ее въ силу одинаковости интеллектуальнаго развитія. И вотъ передъ ними рѣзвится коренастый, краснощекій мальчишка кудряшка съ материнскими глазами и съ отцовскимъ складомъ головы и съ нимъ шалитъ сестренка, стройная, гибкая брюнетка. Жена его не надоѣдаетъ ему семейными дрязгами; ей не нужно шиньоновъ и другихъ дикообразныхъ украшеній. Онъ доставляетъ ей лишь средства. Она хорошо знаетъ аримфметику и умѣетъ распредѣлить эти средства. Она знаетъ уходъ за дѣтьми лучше самаго Комба. Онъ человѣкъ открытый, прямой непоколебимой твердости въ убѣжденіяхъ и каждый свой шагъ совершаетъ въ силу извѣстныхъ принциповъ. Его познанія разнообразны; его понятія—

…альны: его выводы — строго логичны. Онъ не споритъ никогда, онъ …бѣждаетъ, онъ снисходителенъ къ людскимъ несправедливостямъ, онъ все …нимаетъ физiологически. Онъ въ жизни никогда не хворалъ и никогда … лечился, для него аптеки не нужны, касторoваго масла въ глаза не …алъ. Врачъ — его лучшiй другъ, но врачъ этотъ санитарный, гигiе…итъ, членъ земской управы. Они оба вмѣстѣ самые полезные дѣятели …ества. Онъ проживетъ сто лѣтъ и будетъ процвѣтать. Вы поражены, …татель, вы увѣрены, что это невозможно, что это небожитель? Оши…аетесь! этотъ субъектъ именно и заслуживаетъ, чтобы вы на него ука…зали пальцемъ и сказали бы: Ecce homo!

Человѣческiя заблужденiя, суевѣрiя, предразсудки, несправедливости, по…грѣшности! Ваша участь рѣшена. Наука произнесла надъ вами свой стро…гiй, неумолимый приговоръ. Вамъ исчезнуть—ей цвѣсти. И гдѣ бы вы ни …прятались, куда ни скрылись бы, въ какихъ трущобахъ ни коснѣли бы, …вездѣ разыщутъ васъ лучи науки и вытѣснятъ васъ, сокрушатъ васъ. Не …устоять вамъ противъ критики разума, противъ анализа науки. Вездѣ и …всегду побѣда надъ вами несомнѣнна, потому что, рано или поздно, но …тьма должна уступить свѣту.

ВСЕОБЩЕЕ ОПЛОДОТВОРЕНІЕ ИЛИ ПАНГЕНЕЗИСЪ ДАРВИНА

„Холодная дѣйствительность науки успо-
коиваетъ воображеніе, вмѣсто того что-
его возбуждать".

I.

Грустная картина повсемѣстной общественной неурядицы способна повер-
гнуть въ глубочайшее уныніе всякаго мало-мальски впечатлительнаго че-
ловѣка. И въ самомъ дѣлѣ, озираясь кругомъ, легко замѣтить, что ка-
кая-то тоска овладѣла всѣми. Нововведенія послѣднихъ лѣтъ застали врас-
плохъ чуть не все общество; они потребовали новыхъ людей, а ихъ-то
нѣтъ. Большинство провинціяльнаго общества, какъ рой спугнутыхъ мухъ,
потревоженное съ своихъ завѣтныхъ мѣстъ, въ виду новыхъ порядковъ и
требованій, осталось совершенно за штатомъ и видитъ себя кругомъ ни-
куда негоднымъ, не способнымъ за что нибудь взяться. Какая-то апатія
и разрозненность разобщили весь провинціяльный міръ и держатъ его въ
какомъ-то недоразумѣніи. Даже капиталъ не выступаетъ теперь такъ дерзко
и бойко, какъ въ былыя времена. Онъ какъ бы совѣстится щеголять среди
повсюднаго безденежья. Отправляясь дальше, сердце сжимается при видѣ,
какъ пала наша литература, какъ безцвѣтно ея содержаніе. Мутно, вя-
скучно кругомъ, и не у насъ только, но и по всей Европѣ. Вся Европа
чего-то ждетъ, а главное, жаждетъ, желаетъ чего-то лучшаго, иного, но-
ваго, обновляющаго, освѣжающаго. Повидимому, нѣтъ ничего утѣшитель-
наго въ этомъ натянутомъ переходномъ состояніи. Куда спрятаться отъ
этой ледяной сферы? Гдѣ тотъ уголокъ, въ которомъ можно отдохнуть
привольно, взглянуть съ надеждою на будущее, отбросить отчаяніе, от-

[illegible]ться отъ охватившей всѣхъ апатіи, отъ сокрушающей тоски, стрях[illegible] ярмо лѣни и безнадежья и преисполниться желанія идти впередъ и [illegible]редъ, безъ оглядки и безъ возврата? Этотъ уголокъ—наука,—наука не [illegible]твыхъ, не филистеровъ и буквоѣдовъ, а наука жизни, неупускающая [illegible] виду ни на одну минуту облегченія человѣческихъ страданій. Смѣло [illegible]звѣваетъ она свое покрытое слâвою знамя и привѣтливо созываетъ сво[illegible] честныхъ вождей и поклонниковъ. И любо смотрѣть, какъ вездѣ, гдѣ [illegible] ни появится, волей-неволей отдаютъ ей должный почетъ. Да и она [illegible]къ побѣдоносно шествуетъ! Она сокрушила вѣковые предразсудки и [illegible]стила человѣческія понятія отъ неимовѣрной тины суевѣрій, цѣлыя [illegible]сячелѣтія мучившихъ человѣчество. Она установила новыя, небывалыя [illegible]лѣ отношенія между людьми и раскрыла пути къ самымъ плодотвор[illegible]мъ сближеніямъ. Она разъяснила средства къ усовершенствованію самого [illegible]ловѣка и къ увеличенію его счастія. Она возвела въ принципъ физи[illegible]скій и умственный трудъ и указала ему первенствующее мѣсто въ со[illegible]іальной экономіи. Она подорвала кредитъ меча *), и гулъ пушекъ не [illegible]рельщаетъ больше практическое ухо человѣчества, слишкомъ занятаго [illegible] матеріяльными нуждами, слишкомъ увлеченнаго неумолкаемыми [illegible]тересами минуты. Она вытащила изъ рабства женщину и поставила ее [illegible]домъ съ мужчиной равноправнымъ членомъ общины, такъ что она больше [illegible] нуждается въ средневѣковомъ рыцарскомъ покровительствѣ могучаго [illegible]стелина, потому что вмѣсто златошвейной иглы въ рукахъ этого сла[illegible] существа очутились хирургическіе ножи и резекціонная пила. Наука [illegible]перь всеобъемлюща, всестороння, вездѣсуща, всемогуща и всевѣдуща. И [illegible]шій ея выразитель въ наше время никто иной, какъ Чарльзъ Дар[illegible]нъ, сказавшій послѣднее ея слово.

[illegible]ся окружающая насъ природа и мы сами, какъ часть ея или какъ [illegible]дуктъ ея, представляемъ ни больше, ни меньше, какъ безпрерывный [illegible]ъ постоянно смѣняющихся явленій матеріи. Обобщить эти явленія, по[illegible]гнуть законы, по которымъ они совершаются, проникнуть въ сокро[illegible]шость ихъ взаимныхъ отношеній и проникающей ихъ связи, уразумѣть [illegible] смыслъ и значеніе, добиться руководящей нити и плодотворныхъ вы[illegible]овъ, провѣрить ихъ справедливость и дать вѣрную имъ оцѣнку—есть [illegible] величайшихъ геніевъ. Къ числу этихъ геніевъ мы причисляемъ Дар-

*) Такіе молодцы, какъ Бисмаркъ, воюютъ не ради войны, а ради грабежа и [illegible]етъ.

вина. Предъ нами два его сочиненія: «О происхожденіи видовъ» и «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Самое заглавіе какъ будто не обѣщаетъ ничего особеннаго. Да если даже въ концѣ каждаго сочиненія пробѣжать глазами оглавленіе, то легко убѣдиться, что рѣчь идетъ о коровахъ, собакахъ, свиньяхъ, голубяхъ, гусяхъ, букашкахъ, мушкахъ, каракашкахъ, о разныхъ травкахъ-муравкахъ и тому подобныхъ мелочахъ; Дарвинъ, правда, занимался этой мелюзгой болѣе 30-ти лѣтъ (Слышите-ли — тридцать лѣтъ!), онъ собралъ наблюденія лучшихъ естествоиспытателей, посѣтилъ нѣсколько частей свѣта, работалъ надъ своими идеями день и ночь, можетъ быть, втеченіи всей своей жизни ни на минуту не разставался съ интересовавшими его вопросами; но за то онъ докопался до такихъ грандіозныхъ результатовъ, до какихъ человѣчество если и доходило, то, во-первыхъ, весьма рѣдко, а во-вторыхъ, всегда дѣлало послѣ нихъ продолжительный роздыхъ, едва переводя дыханіе отъ потрясающаго впечатлѣнія. Изучая природу, группируя ея явленія, Дарвинъ переходилъ отъ одного обобщенія къ другому, отъ одного умозаключенія къ другому, и рядомъ такихъ процессовъ создалъ ученіе особенно новое, свое собственное, Дарвиново ученіе. Положимъ, онъ воспользовался ученіемъ предшественниковъ, но онъ все переработалъ по-своему, переиначилъ, перестроилъ, пересоздалъ всѣ прежнія ученія. Изъ грубыхъ и массивныхъ кусковъ разнаго рода матеріяла, валявшагося здѣсь и тамъ почти безъ всякаго употребленія, изъ хлама, отброшеннаго невѣжественными руками, изъ разныхъ мелочей, необращавшихъ на себя ничьего вниманія, изъ бездѣлицъ, попадавшихся всякому подъ ноги, онъ воздвигъ величественное зданіе, въ которомъ всякая мелочь нашла свое мѣсто, всякая бездѣлица пріобрѣла значеніе, всякій кусокъ пригнанъ должнымъ образомъ, и весь хламъ ушелъ на незамѣнимыя украшенія и дополненія цѣлаго. Въ этомъ и заключается величіе и искуство архитектора. Мало того, что ученіе Дарвина разъяснило намъ окружающія насъ явленія; оно раскрыло намъ пути, какъ видоизмѣнять наилучшимъ и наивыгоднѣйшимъ для насъ образомъ эти явленія. И въ этомъ отношеніи ученіе Дарвина не можетъ быть сравниваемо ни съ однимъ изъ прежнихъ. Ньютонъ показывалъ намъ законы обращенія небесныхъ свѣтилъ. Онъ научилъ безошибочно и съ математической вѣрностью предузнавать явленія передвиженія астрономическихъ тѣлъ. Но Дарвинъ не только разсказалъ намъ законы, какъ видоизмѣняются животныя и растенія, онъ насъ научилъ, какъ по своему произволу видоизмѣнять и тѣхъ и другихъ себѣ на пользу или в

льзу животному. До такихъ плодотворныхъ результатовъ еще не дохо-дило ни одно ученіе. Должно быть, однакожъ, что Дарвины не вездѣ воз-можны. Только такая страна, какъ Англія, способна была воспитать и выдѣлить изъ своей среды такой необыкновенный умъ, какъ Дарвинъ. Для того, чтобъ такія личности были возможны въ странѣ, ей необходимо пройти цѣлый рядъ историческихъ ступеней прогрессивнаго развитія; обла-дать такими огромными средствами, какими обладаетъ Англія; накопить и приготовить тотъ матеріялъ, коимъ могъ воспользоваться Дарвинъ въ своей странѣ, и представить тотъ знаменитый рядъ предшественниковъ и совре-менниковъ, какимъ не всякій народъ можетъ по справедливости гордиться. Мы твердо убѣждены, что въ какомъ нибудь Пустозерскѣ или Нижнеко-лымскѣ такія личности, какъ Дарвинъ, невозможны и немыслимы. Вели-чайшій естествоиспытатель древности, которому равнаго новѣйшая наука можетъ лишь представить въ лицѣ Дарвина, положившій прочное начало біологическимъ наукамъ, Аристотель, занимался зоологическими изслѣдова-ніями при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, какія когда либо вы-падали на долю натуралиста. По свидѣтельству Атенея и Плинія, Алек-сандръ далъ Аристотелю сумму въ 900 талантовъ для того, чтобъ облег-чить ему собрать матеріялы для его исторіи животныхъ, и предоставилъ въ его распоряженіе нѣсколько тысячъ человѣкъ, которые, по его прика-занію, занимались ловлею звѣрей и птицъ и вообще собирали ему нуж-ныя свѣденія *). Понятное дѣло, что при такихъ средствахъ и при та-комъ содѣйствіи могущественной власти, такому генію, какъ Аристотель, легко было достигнуть той степени знанія и значенія, какимъ онъ и до сихъ поръ пользуется въ глазахъ современныхъ ученыхъ. Другой замѣ-чательный предшественникъ Дарвина, его знаменитый соотечественникъ Гар-вей, желая продолжать изслѣдованія своего учителя Аквапенденте по ча-сти эмбріологіи, пріобрѣлъ могущественнаго покровителя въ лицѣ Карла I, который предоставилъ въ его распоряженіе много беременныхъ звѣрей и птиц въ Виндзорскомъ паркѣ, чтобъ дать ему средства дѣлать опыты, нужные для его цѣли. Да, много значитъ сфера, среди которой воспиты-вается человѣкъ, большое значеніе имѣетъ почва, на которой онъ выро-стаетъ, не маловажна среда, выдѣляющая геніевъ. Шутка ли сказать, сколькихъ вождей науки создала Англія. Какой народъ еще представитъ

---

*) Уэвелль, т. III, стр. 465.

такой блестящій рядъ производителей и творцевъ науки, какъ Ньютонъ, Гарвей, Чарльзъ Бэлль, Сиденгамъ, Гентеръ, Кавендишъ, Фарадей, Дэви, Пристлей, Овэнъ, Гексли, Бокль, Д. С. Милль, Гербертъ Спенсеръ и, наконецъ, Дарвинъ. Немудрено, что такая масса ума, пущенная въ ходъ и въ обращеніе втеченіи двухъ, трехъ вѣковъ, группируется въ одно стройное гармоническое цѣлое и олицетворяется въ *формѣ* Дарвина. Понятно послѣ этого, съ какимъ уваженіемъ Англія относится даже и къ иностраннымъ ученымъ. Швеціи Богъ далъ великаго ученаго Линнея, но линнеевское общество существуетъ въ Лондонѣ. И странное дѣло, послѣ смерти славнаго Линнея шведское правительство не успѣло пріобрѣсть его гербарій и коллекцій, и какой нибудь Эдвардъ Смитъ закупилъ все это и отвезъ въ Англію. За нимъ, правда, погнались, чтобы отнять купленное, но не могли настигнуть, такъ что слава Линнея досталась все-таки Англіи. Уэвелль, впрочемъ, хочетъ насъ увѣрить, что Линней пользовался хорошимъ положеніемъ. Это дѣйствительно видно изъ того, что Линней въ 1753 г. получилъ изъ рукъ своего государя орденъ полярной звѣзды,— награда, которая прежде никогда не давалась за ученыя заслуги. Кромѣ того въ 1756 году былъ возведенъ въ шведское дворянское достоинство съ титуломъ фон-Линней *) и это отличіе было даже утверждено сеймомъ. Ну, а коллекціи все-таки достались Англіи, разумѣется, коварной.— Матеріяльнымъ богатствомъ страны мы называемъ накопленіе вѣками труда человѣческихъ рукъ. Страна можетъ изобиловать богатѣйшими залежами драгоцѣнныхъ металловъ, огромнѣйшими копями каменнаго угля, алмазными горами, плодороднѣйшими полями и пастбищами и все-таки быть бѣдною по недостатку человѣческихъ рукъ и отсутствію знанія. Страна можетъ обладать такимъ обиліемъ водъ и плодородныхъ долинъ, какъ Бразилія, она можетъ имѣть такія же золотыя розсыпи, какъ Калифорнія, такія же алмазныя розсыпи, какъ Индія, такія же плантаціи, какъ Куба или Китай, и все-таки умирать съ голоду и быть нищею. А Англія, разумѣется, потому и богата, что она все-таки скопила у себя трудъ всѣхъ этихъ милліоновъ людей; трудъ этотъ и возвелъ ее на степень первенствующей державы. То же мы видимъ и въ наукѣ.

Природа не дѣлаетъ скачковъ, но за то она постепенно прогрессируетъ. Исторія индуктивныхъ наукъ, такъ сухо изложенная Уэвеллемъ, тѣмъ и

---

*) Уэвелль. Т. III, стр. 424

ѣе доказываетъ намъ, что наука подвигается впередъ очень медленно, она въ тѣсной зависимости отъ массы фактовъ, отъ накопленія зна- Какой нибудь Аристотель вмѣщалъ въ себѣ всѣ знанія своей патріар- ьной эпохи. Запасъ былъ не великъ. Любой гимназистъ обладаетъ теперь ьшимъ. Но разница въ томъ, что гимназистъ получаетъ все готовымъ своиваетъ все не переработывая. Аристотель не только собралъ всѣ ія своего времени, но онъ самъ положилъ начало многимъ новымъ от- ямъ знанія, провѣрилъ личнымъ опытомъ знанія предшественниковъ, уппировалъ все это, обобщилъ и создалъ теоріи. Мы хотимъ этимъ ска- ь, что идеи, возникавшія въ головѣ Аристотеля, и теоріи, имъ создан- , не могли быть иными при томъ скудномъ запасѣ свѣденій, какимъ адалъ тогдашній ученый міръ, состоявшій всего на всего чуть не изъ од- о и того-же Аристотеля. Но по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтаются новыя нія, накопляются новые факты,—порождаются въ силу ихъ новыя идеи, выя теоріи. Отсюда должно быть понятно, что Дарвинъ не могъ явиться ьше нашего вѣка и Аристотель только потому и не Дарвинъ, что ему доставало всего того, чѣмъ снабдили Дарвина цѣлыя поколѣнія мыслите- , преемственно работавшихъ въ области реальнаго знанія. Изъ этого, акожъ, не слѣдуетъ, что такъ всему этому и конца не будетъ, что ѣдъ за Дарвиномъ появится новый, еще лучше его, и переиначитъ все добытое. Утверждать это было бы несправедливо. Есть ученія, тео- которыя составляютъ поворотъ въ наукѣ и всѣ дальнѣйшія изыска- служатъ лишь къ разработкѣ частностей, къ развитію результатовъ. предшествовавшія тогда исчезаютъ, стушевываются, становятся не- ными. Онѣ, правда, объясняли явленія окружающей природы по сво- , онѣ даже, быть можетъ, и удовлетворяли любознательности своихъ ременниковъ, но онѣ не высказывались окончательно, оставались про- ы, недомолвки, недоразумѣнія, неясности, открывавшіе просторъ но- ъ системамъ, новымъ теоріямъ. Теорія Ньютона стоитъ непоколебимо, го дальше его не пошелъ; дальше Дарвина не скоро пойдутъ, да и дутъ ли еще, потому что Дарвинъ договорился до послѣдняго резуль- и не оставилъ ничего недосказаннаго. Съ этой точки зрѣнія, мы аемъ должную дань удивленія и уваженія всѣмъ предшествовавшимъ іямъ, всѣмъ приготовительнымъ трудамъ, безъ которыхъ, конечно, было невозможно появленіе такого ума, какъ Дарвинъ. Мы вполнѣ вѣримъ, что уги Цезальпина, перваго основателя научной классификаціи растеній, вычайно важны. Невѣжественный мракъ, такъ спокойно царившій во все

время среднихъ вѣковъ и такъ сладко убаюкивавшій аскетовъ и фил стеровъ, былъ неожиданно прерванъ потрясающимъ ознобомъ отъ Де картовскаго: «сомнѣваюсь во всемъ». Понятно, что было отъ чего при въ ужасъ. Но рядомъ съ этимъ «сомнѣваюсь» нисколько не пошатнулос убѣжденіе въ положительное, реальное знаніе. Мы теперь имѣемъ въ ру кахъ ученіе Дарвина готовымъ и подчасъ относимся къ нему равнодушн Иной профанъ осмѣливается даже заявить грубое мнѣніе въ родѣ того что Дарвинъ не сказалъ ничего новаго. Но если подумать и поразмыс лить, какимъ процессомъ развитія человѣчество дошло до ученія Дарвина сколько времени, труда и жизни потрачено на изученіе всего органиче скаго міра, то сдѣлаются понятными заслуги людей мыслящихъ. Прислу шайтесь къ говору публики и вы легко убѣдитесь, что въ ея средѣ многихъ предметахъ господствуютъ понятія богатырскихъ временъ Ерус лана Лазаревича. И теперь любой крестьянинъ является къ вамъ за три девять земель, обсказываетъ вамъ хворость своей бабы, оставшейся дома и проситъ у васъ цѣлебнаго зелья. Поднимитесь нѣсколько ступене выше и вы встрѣтите ту же безусловную вѣру въ разные порошки, пи люли и въ другія варіяціи на то же зелье. Какой нибудь Феофрастъ вѣ ритъ, что есть трава, отъ прикосновенія которой клинъ, вбитый дрово сѣкомъ въ дерево, выскакиваетъ самъ собою *). То было въ древност слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ, но и теперь у насъ находятся многіе мил ліоны субъектовъ, которые готовы искать «разрывъ-траву». Но вѣдь Фе офрастъ считался первымъ великимъ ботаникомъ! Судите же, какая безд раздѣляетъ фантастическія бредни этого великаго ботаника древности перваго систематическаго классификатора Цезальпина. Переходъ отъ ска зочныхъ знаній Феофраста къ систематизаціи Цезальпина такъ былъ р зителенъ, что втеченіи цѣлаго столѣтія человѣчество отдыхало на не и не шевелилось дальше; не явилось человѣка, который былъ бы въ с стояніи послѣдовать за нимъ тѣмъ путемъ, который онъ открылъ и кот рый велъ къ системѣ и симметріи **). Какъ ни были безплодны эти си метріи, но онѣ все-таки облегчили дальнѣйшія изысканія и расшири научное поле. Пытливость человѣческаго ума, стремленія проникнуть таинства природы всегда были удѣломъ науки. Всякому хотѣлось добит до всей сути. Мы здѣсь позволимъ себѣ маленькое отступленіе.

---

*) Уэвелль. Исторія индуктивныхъ наукъ. Т. III. стр. 349.

**) Уэвелль. И. и. н. Т. III. стр. 381.

Въ разное время развитія естественныхъ наукъ возникало ученіе о конечныхъ причинахъ или о цѣлесообразности въ природѣ. Ученіе это находило своихъ жаркихъ поклонниковъ преимущественно среди метафизиковъ и среди естествоиспытателей съ метафизическимъ складомъ ума, но въ то же время теорія эта подвергалась сильнымъ нападкамъ со стороны другихъ натуралистовъ. Когда Кювье утверждалъ, что въ природѣ каждое животное должно играть извѣстную опредѣленную роль, то противникъ его, Жоффруа, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ни одного такого животнаго въ природѣ. Эта теорія «о цѣлесообразности въ природѣ» отъ времени до времени всплываетъ на поверхность житейской суеты, волнующей ученый міръ. Мы здѣсь хотимъ ее коснуться вслѣдствіе отношенія этой теоріи къ ученію Дарвина. Уэвелль горячій ея поклонникъ. Онъ говоритъ, что части тѣла животныхъ сдѣланы для того, чтобы исполнять назначенное для каждаго изъ нихъ дѣло. «Это есть убѣжденіе, на которое мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на неизмѣнный принципъ философіи организаціи, если мы обратимъ вниманіе на то, что онъ постоянно и полновластно дѣйствовалъ на умы зоологовъ и анатомовъ всѣхъ вѣковъ и не только какъ предположеніе, но и какъ руководство, отъ указаній котораго они не могли уклоняться» *). Далѣе Уэвелль говоритъ: «Конечныя или цѣлесообразныя причины представляются намъ не только какъ извѣстныя строенія, приспособленныя для извѣстныхъ цѣлей, но и какъ видоизмѣненія даннаго общаго плана, для спеціальныхъ данныхъ цѣлей» **). Ученіе Дарвина самымъ положительнымъ образомъ опровергаетъ эту теорію. На основаніи ученія Дарвина мы положительно вѣримъ, что всякое органическое существо есть продуктъ внѣшнихъ условій, внѣшнихъ обстоятельствъ. Всякій органическій атомъ или аггрегатъ атомовъ есть слѣдствіе, а не причина окружающихъ условій. Функція же каждой органической клѣточки, самомалѣйшей былинки есть слѣдствіе, а не причина этой организаціи. Съ видоизмѣненіемъ внѣшнихъ условій видоизмѣняются и органическія существа и ихъ отправленія. Если поэтому сегодня внѣшнія условія направили органическую матерію къ тому, чтобъ она обратилась въ крыло птицы, то это крыло и его функція летать есть продуктъ этихъ условій, а не наоборотъ.

---

*) Уэвелль. И. и. н. Т. III, стр. 606.
**) Уэвелль. И. и. н. Т. III, стр. 615.

Но Уэвелль все еще сносенъ. Гораздо возмутительнѣе статья Шафгаузена въ «Антропологическомъ Архивѣ» о цѣлесообразности въ природѣ. Читая статью Шафгаузена, глазамъ своимъ не вѣришь и удивляешься, какимъ образомъ въ такой серьезный и ученый журналъ могла попасть такая пустая и безсодержательная статья, точно переводъ изъ «Домашней Бесѣды» Аскоченскаго. Шафгаузенъ утверждаетъ, что природа надѣлила всѣхъ тварей земли соотвѣтственнымъ костюмомъ для сохраненія животной теплоты, только человѣкъ обиженъ природой и остался нагъ. Но въ его глазахъ и это цѣлесообразно. Бѣлому медвѣдю достался въ удѣлъ богатый и пушистый мѣхъ, а человѣкъ долженъ своимъ умомъ добывать себѣ защиту отъ холода. Но, по ученію Дарвина, медвѣдь не сразу пріобрѣлъ такой мѣхъ, а только въ борьбѣ за существованіе, силою естественнаго подбора и путемъ наслѣдственности; слѣдовательно, природа не создала бѣлыхъ медвѣдей съ пушистою шерстью, съ спеціальною цѣлью жить на сѣверномъ полюсѣ, а напротивъ того, сѣверный полярный климатъ втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ приспособилъ къ своимъ условіямъ бѣлаго медвѣдя цѣлымъ рядомъ измѣненій его организаціи, сдѣлавшихъ возможнымъ его тамошнее существованіе. «Внутреннее строеніе животной организаціи особенно человѣка, говоритъ Шафгаузенъ *), *почти* во всѣхъ частяхъ являетъ примѣры цѣлесообразности». Что значитъ это почти? Значитъ есть части и не цѣлесообразныя? «Органъ вкуса, по Шафгаузену, контролируетъ пищу». Но мышьякъ сладокъ на вкусъ, и въ этомъ случаѣ языкъ былъ бы плохой руководитель. Далѣе Шафгаузенъ восторгается какъ цѣлесообразно защищены всѣ наши важнѣйшія внутренности. Но, по видимому, Шафгаузена не коснулись знаменитыя наставленія, преподанныя извѣстнымъ юмористомъ Фрайгеромъ фон-Мельтицемъ, утверждавшимъ, что мальчикамъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ необходимо внушить, что «глаза даны человѣку не для того, чтобъ видѣть, а для того, чтобы спать; уши—не для того, чтобъ слышать, а для того, чтобъ ихъ затыкать ватой; ротъ—не для того, чтобъ говорить, а для того, чтобъ ѣсть, и вся голова не для того, чтобъ думать, а для того, чтобъ на ней носить колпакъ». После этого краткаго отступленія возвратимся къ Дарвину.

Біологія—наука о жизни въ обширнѣйшемъ значеніи слова. О. Контъ въ своей знаменитой классификаціи наукъ указалъ ей четвертое мѣсто въ ряду основныхъ знаній, непосредственно вслѣдъ за химіей и впереди со-

*) Archiv für Antropologie. T. III, стр. 95.

біологіи, уразумѣніе и правильное изученіе которой немыслимо безъ біологіи. Оставимъ послѣдователямъ Биша, де-Бленвиля, Кольриджа, Шеллинга и самому Герберту опредѣлять, что такое жизнь. Мы предполагаемъ, что читателю болѣе или менѣе понятно самое значеніе этого термина; мы лишь согласимся съ читателями, что біологія обнимаетъ собою всю совокупность жизненныхъ явленій всего органическаго міра, жизнь растеній, животныхъ и самого человѣка. Основные законы этой сложной жизни и существенное значеніе ихъ изучилъ и глубоко провѣрилъ Дарвинъ, величайшій біологъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Въ двухъ его сочиненіяхъ мы различаемъ, съ одной стороны, строго-логическое ученіе, а съ другой стороны, замѣчательно остроумную гипотезу, чрезвычайно удовлетворительно и съ особенной вѣроятностью разъясняющую многія важныя біологическія явленія. Строго говоря, безъ гипотезъ въ наукѣ обойтись нѣтъ возможности. Разумѣется, чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ лучше. Но иногда гипотеза прямо служитъ къ разработкѣ вопроса въ извѣстномъ направленіи. Интересно еще то, что гипотеза можетъ на долго оставаться гипотезой, между тѣмъ какъ выводы, изъ нея вытекающіе, и принципы, на ней построенные, подтверждаются чуть не ежедневнымъ опытомъ. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ послужить теорія Ньютона. Прямымъ и непосредственнымъ путемъ никто, конечно, не возьмется доказать, что земля вокругъ солнца обращается, но астрономическія наблюденія каждый день подтверждаютъ вѣрность и непогрѣшимость законовъ тяготѣнія. «Гипотеза, говоритъ Д. Ст. Милль *), есть какое либо предположеніе, дѣлаемое нами для попытки вывести изъ него заключенія, согласныя съ фактами, о которыхъ извѣстно, что они дѣйствительно существуютъ. Предположеніе дѣлается въ убѣжденіи, что если заключенія, къ которымъ приводитъ гипотеза, суть извѣстныя истины, то сама гипотеза—непремѣнно или, по крайней мѣрѣ, вѣроятно—истина. Если гипотеза касается причины или способа произведенія явленія, то, будучи допущена, она послужитъ къ объясненію такихъ фактовъ, выводъ которыхъ изъ этой гипотезы окажется возможнымъ. И объясненіе это составляетъ цѣль многихъ, если не большей части гипотезъ. Но въ научномъ смыслѣ объяснить—значитъ разложить единообразіе, несоставляющее закона связи причины съ слѣдствіемъ, на подобные законы, изъ которыхъ оно вытекаетъ, или разложить, сложный законъ связи причины слѣдствіемъ на простѣйшіе и болѣе общіе законы, изъ которыхъ сложный

---

*) Дж. Ст. Милль. «Система логики». Т. II, стр. 8.

законъ можетъ быть полученъ путемъ вывода. Если не существуетъ извѣстныхъ законовъ, которые удовлетворяли бы этому требованію, то мы можемъ вообразить или изобрѣсти такой законъ. Это значитъ построить гипотезу.»

Къ такимъ гипотезамъ мы относимъ замѣчательную гипотезу Дарвина, названную имъ Пангенезисъ, которой онъ силится объяснить біологическіе законы, составляющіе сущность его ученія. Мы поэтому наше изложеніе ученія Дарвина и начнемъ съ изложенія его правдоподобной гипотезы, чтобы, такимъ образомъ, облегчить себѣ ознакомленіе съ самымъ ученіемъ. При этомъ насъ на минуту останавливаетъ вопросъ: къ чему и для кого мы взяли на себя обязанность популяризировать Дарвина? Вѣдь всякій легко можетъ себѣ выписать его сочиненіе, прочесть его и тѣмъ принести себѣ въ тысячу разъ больше пользы, чѣмъ чтеніемъ всякихъ популярныхъ статей. Совершенно справедливо. Но, во-первыхъ, не всякій въ состояніи выписать сочиненіе Дарвина, которое для нашего нищенскаго кармана все-таки стоитъ дорого; во-вторыхъ, мы имѣемъ въ виду не тѣсный кругъ спеціально образованныхъ людей, а разнообразную массу публики, которой доступны только тѣ истины, которыя сообщаются ей не въ видѣ ученаго сырого суррогата, а въ видѣ предварительно переработанныхъ въ мозгу писателя и ясно изложенныхъ теорій. Ничего не можетъ быть легче, какъ дураку прикинуться мудрецомъ, спрятавъ свою глупость за туманнымъ и дубовымъ изложеніемъ яко бы философскаго трактата, но не такъ легко примѣниться къ степени развитія читателя и заставить его слушать себя, говорить съ нимъ понятно и увлекать его за собой. Мы адресуемся не къ мертвымъ, не къ тѣмъ, кто потерялъ способность что нибудь слушать:

Для тѣхъ, на комъ преданій цѣпи,
Жизнь кончена, порѣшена;—

мы преимущественно имѣемъ въ виду подростающее поколѣніе, которому легче всего достать журналъ, которому доступнѣе всего журнальная статья, и на которое еще можно разсчитывать, что оно хоть сколько нибудь не останется глухимъ къ современнымъ переворотамъ, совершающимся въ наукѣ. Что же касается *нашего* отживающаго поколѣнія, то оно, во-первыхъ, слава Богу, отживающее; во-вторыхъ, на него, по выраженію нѣмцевъ: Hopfen und Malz verloren (хмѣль и солодъ напрасно потрачены). Мы всегда, впрочемъ, были того убѣжденія, что какъ отцы не вправѣ требовать отъ насъ, чтобъ мы раздѣляли ихъ убѣжденія и были соучастни-

ками ихъ образа дѣйствій, такъ и мы не вправѣ требовать отъ отцовъ, неполучившихъ ни того образованія, которое мы получили, неусвоившихъ тѣхъ знаній, съ которыми намъ пришлось столкнуться, чтобъ они раздѣляли наши убѣжденія, симпатизировали нашимъ стремленіямъ. Чѣмъ горшокъ пропитанъ, тѣмъ отъ него и несетъ, и новыя идеи, убѣжденія и понятія, выработанныя тяжелымъ путемъ опытныхъ наукъ, требуютъ и новыхъ сосудовъ, хорошо прокаленныхъ въ горнилѣ реализма, и насквозь прохваченныхъ цементомъ положительныхъ знаній такой прочности, чтобъ объ нее искрошились зубы самаго злого и яраго обскурантизма.

Пангенезисъ — вѣроятнѣйшая гипотеза. Строгая зависимость научныхъ теорій отъ обилія и разнообразія фактовъ яснѣе всего видна изъ процесса развитія анатомическихъ знаній. До открытія микроскопа вполнѣ удовлетворялись знаніемъ внѣшняго устройства органовъ и ихъ осязательнымъ наглядныхъ отправленіемъ. Микроскопъ сразу открылъ глазамъ естествоиспытателей новый, невѣдомый дотолѣ міръ знаній и поразительнымъ образомъ подвинулъ впередъ всѣ теоріи и обобщенія. Благодаря микроскопу, ученые дошли до заключенія, что прототипъ всего органическаго, какъ растительнаго, такъ и животнаго міра, есть клѣточка (cellule). Клѣточка сдѣлалась исходнымъ пунктомъ многочисленныхъ изслѣдованій. Вся жизнь была сведена на жизнь клѣточки, всѣ отправленія были сосредоточены въ ней, всѣ теоріи были на ней основаны, всѣ надежды были возложены на нее, она должна была выяснить, опредѣлить, распутать, раскрыть все темное, непонятное, загадочное. Образовалась цѣлая школа ученыхъ, которые прониклись глубокимъ убѣжденіемъ, что клѣточка самый простой и въ то же время самый неприкосновенный элементъ всего животнаго царства, что всѣ ткани, изъ которыхъ состоитъ организмъ, есть не больше и не меньше, какъ только разнообразное видоизмѣненіе и развитіе клѣточки, что въ силу этого весь организмъ ничто иное, какъ аггрегатъ, собраніе клѣточекъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свою индивидуальную силу, значеніе, жизнь, и что жизнь цѣлаго организма есть лишь сумма жизней клѣточекъ, составляющихъ организмъ. Очень и очень удивлялись, когда открыли и въ первый разъ узрѣли маленькихъ существъ, наливочныхъ животныхъ, также претендующихъ на жизнь. Тогда-то окончательно было принято и утверждено ученіе, провозглашенное еще Гарвеемъ, что всѣ живыя существа происходятъ изъ яйца, «omne vivum ex ovo». Этимъ открытіемъ надѣялись рѣшить, что не только яйцеродящія животныя вылупляются изъ яицъ, но что и всѣ живородящія проявляютъ тотъ же про-

цессъ, что у нихъ дѣло тоже начинается съ клѣточки, съ пу
который выходитъ изъ яичника, слѣдовательно, и живородящія, собс
говоря, также рождаются изъ яицъ, какъ рыбы, птицы и пресмыкаю
Еще болѣе радовались этимъ открытіямъ потому, что ими уничто
предполагавшееся происхожденіе живыхъ существъ безъ родителей (
мѣръ, червей въ гніющихъ веществахъ), ученіе, названное generatio
tanea, которое, по увѣренію Уэвелля, отвергается всѣми лучшими
логами новѣйшихъ временъ *); ученіе, которое, впрочемъ, и до сих
служитъ яблокомъ раздора двухъ враждующихъ партій. Но на этом
не остановилось. Если Франція считается родиной политическихъ во
если она всегда служила и служитъ колыбелью соціальныхъ преоб
ній, то Германія, по всей справедливости, можетъ быть названа с
умственныхъ переворотовъ, научнаго прогресса. Какъ Вольтеръ своей
тельной сатирой «сжегъ въ Европѣ костры невѣжества и фанатизма»
Кантъ своей критикой чистаго разума преобразовалъ міровоззрѣні
ученаго міра. Въ этой-то странѣ науки по преимуществу нѣсколько
тому назадъ выступилъ великій реформаторъ медицины Вирховъ
валъ новое ученіе, целюлярное, клѣточковое. Уже до него всѣ ф
сводили всѣ жизненныя явленія къ клѣточкѣ, но болѣзни, сперва
щавшіяся въ органахъ, потомъ въ тканяхъ, были имъ сведены всѣ
въ клѣточку. Онъ создалъ целюлярную патологію; онъ сгруппирова
страданія человѣческаго организма опять въ той же клѣточкѣ. Его
опрокинуло вверхъ дномъ всѣ прежнія медицинскія теоріи. Все за
его голосомъ; все вѣрило въ его авторитетъ; да онъ дѣйствительно
величайшимъ авторитетомъ, да онъ дѣйствительно и повелъ всю м
и всѣ молодыя поколѣнія медиковъ по новымъ проложеннымъ имъ
хотя и не было имъ устроено вселенскаго собора, но тѣмъ не мен
молодое поколѣніе врачей торжественно провозгласило Вирхова свои
ховнымъ авторитетомъ. Онъ явился также сильнымъ защитникомъ
скаго принципа «omne vivum ex ovo» и придушилъ на время н
вое generatio spontanea, то и дѣло прорывавшееся на свѣтъ б
теперь, какъ во дни оны, этотъ вопросъ стоитъ поперегъ горл
сильныхъ партій. Съ одной стороны, химикъ Пастеръ видитъ вс
переполненною зародышами животнаго и растительнаго міра; съ
стороны, Пуше, Жоли и Мюссе цѣлымъ рядомъ блестящихъ опытовъ

*) Уэвелль. Т. III, стр. 534.

въ грозномъ величіи въ виду всей французской академіи и пугаютъ ее постоянно своими несокрушимыми доводами самопроизвольнаго зарожденія непосредственно изъ матеріи. Странно лишь то, что всѣхъ утверждающихъ произвольное зарожденіе готовы преслѣдовать, какъ какихъ-то преступниковъ. Ярость противниковъ самопроизвольнаго зарожденія доходитъ до какого-то фанатизма. А впрочемъ, какая же новая и прогрессивная идея вошла въ міръ безъ борьбы съ рутиной, когда же это было, чтобы свѣтлая человѣческая мысль легко завоевала себѣ поле битвы у торжествующаго невѣжества и лицемѣрія?

Какъ бы то ни было, но клѣточка пріобрѣла важное значеніе и съ научной, и съ философской точки зрѣнія. На ней была основана сперва целюлярная физіологія, потомъ целюлярная патологія, а отсюда вытекла даже особая целюлярная философія. Все это сущая правда: противъ всего этого мы не беремся возражать; все это мы принимаемъ за истину, за научные результаты. Но тѣмъ не менѣе, все это недостаточно опредѣляетъ и выясняетъ жизнь всего органическаго міра. Во всей этой целюлярной сферѣ остались нѣкоторые пробѣлы, недомолвки, даже непростительныя натяжки. Какъ люди, вообще увлеченные идеей, защитники целюлярныхъ теорій какъ бы умышленно умалчиваютъ о томъ, что клѣточка не обнимаетъ всего міра жизненныхъ явленій. Въ чаду отъ успѣховъ и славы, горячіе поклонники Вирхова яростно встрѣчали всякое противорѣчіе и малѣйшее сомнѣніе въ святости ученія своего непогрѣшимаго учителя. Тѣмъ не менѣе, мало-по-малу, угаръ прошелъ, туманъ сталъ разсѣяваться и истина снова озарила умы. Самъ Вирховъ вынужденъ былъ сознаться, что въ организмѣ человѣка существуютъ ткани, какъ серколемма-неврилемма, ткань Десцемета и другія, которыя никогда и не думали состоять изъ клѣточекъ. Появилась цѣлая фаланга ученыхъ, какъ Беннетъ, Баумгертнеръ, которые въ одинъ голосъ заревѣли, что эти ткани даже и не произошли отъ клѣточекъ, сами ихъ никогда не содержали, а не смотря на это, онѣ все-таки живутъ и живутъ, какъ часть организма. Тогда-то оказалось, что въ каждомъ организмѣ кромѣ клѣточекъ есть еще такъ называемыя свободныя зерна, одаренныя своею собственною, особенною силою, далеко не маловажною. Этимъ зернамъ нашлись вынужденными оказать должное уваженіе и принять во вниманіе ихъ посильное участіе въ жизни организма. Ихъ назвали молекулами. Жизнь и силу, имъ свойственную, назвали молекулярной, и они стали пользоваться обширными правами гражданства въ общей экономіи организма. Теперь уже клѣточка потеряла свои исключительныя права и при-

вилегіи. Для яснаго пониманія жизни всего органическаго уже недостаточно было изученіе отправленія однѣхъ клѣточекъ. Молекулы были признаны такими же полноправными и полновѣсными элементами, какъ и клѣточки. Какъ и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, отрѣшеніе отъ прежнихъ увлеченій слѣдовало за отрѣшеніемъ. Роллетъ прямо доказалъ, что кровь человѣческая, самая важная и самая основательная ткань, не состоитъ изъ клѣточекъ. Кровяные шарики оказались пластинками, тѣльцами, необладающими существенными принадлежностями клѣточки, т. е. безъ оболочки и безъ ядра. Кровь безпозвоночныхъ животныхъ оказалась просто какою-то мутью, въ которой плаваютъ безцвѣтныя тѣльца разнообразнѣйшей формы. Все питаніе организма совершается, какъ извѣстно, превращеніемъ пищи въ такъ называемый млечный сокъ. Но этотъ млечный сокъ не имѣетъ клѣточекъ, а состоитъ изъ молекуловъ, которые потомъ преобразуются въ кровь и въ ткани. И если Вирховъ прежде утверждалъ, что жизнь организма тогда только разъяснится, когда въ немъ найдется такой форменный элементъ, который можно будетъ признать исходнымъ пунктомъ всѣхъ новообразованій, то онъ теперь долженъ въ свободномъ молекулѣ признать искомый элементъ. Такимъ образомъ, намъ будетъ ясно, что жизнь организма есть сумма жизней не однѣхъ только клѣточекъ, но и молекуловъ, входящихъ въ составъ организма; намъ будетъ ясно, что законы, по которымъ совершаются всѣ жизненныя явленія, суть законы общіе всему строю природы, именно законы физико-химическіе; намъ должно быть ясно, что принципъ всего жизненнаго въ природѣ одинъ общій молекулярный принципъ.

Но если мы придадимъ такое значеніе каждому молекулу, фигурирующему въ организмѣ, если мы признаемъ за нимъ существенную роль, если мы приписываемъ ему силу и жизнь, то мы имѣемъ полное право предполагать, что въ природѣ прямо существуютъ животныя не только въ формѣ клѣточки, какъ всѣ наливочныя инфузоріи, но и въ формѣ молекула, какъ амеды или корненожки, въ которыхъ, по увѣренію профессора Гексли, «никакой наблюдатель, хотя бы онъ пользовался самымъ совершеннымъ микроскопомъ, не нашелъ бы въ этихъ формахъ животной жизни рѣшительно ничего достойнаго назначенія организаціи. Въ тѣлѣ многихъ изъ нихъ, говоритъ профессоръ Гексли, нельзя различить ничего, кромѣ студенистой массы, которую можно сравнить съ маленькой частичкой жидкаго клея. Не то, чтобъ этотъ студень соотвѣтствовалъ послѣднему по составу, но онъ имѣетъ такой же характеръ и внѣшній видъ, т. е. не имѣетъ ни-

строенія, никакихъ органовъ и вообще никакихъ организованныхъ
Тѣмъ не менѣе студень этотъ обладаетъ всѣми существенными
ами и признаками жизненности; онъ происходитъ изъ тѣла, подоб-
иому себѣ, способенъ усвоивать пищу и производить движенія, иногда
бразуетъ раковину, необыкновенно сложную и чрезвычайно кра-
*)». Животное это для насъ чрезвычайно утѣшительное явленіе.
съ убѣждаетъ, что какая нибудь ничтожная частичка матеріи, ли-
всякой клѣточковой организаціи, способна, однакожъ, жить, дви-
и проч. Но для насъ совершенно непонятно, почему это ничтожное
іе побудило профессора Гексли думать, что оно служитъ подтверж-
ъ «основательности ученія, часто защищаемаго самимъ Гентеромъ,
изнь не есть слѣдствіе, а причина организаціи;» **) Гербертъ Спен-
до того былъ ослѣпленъ этимъ ничтожнымъ событіемъ, что онъ окон-
ьно заврался. Ему этотъ фактъ указываетъ на то, «что отправленіе
о считать предшествующимъ строенію. ***) Отсюда, конечно, ясенъ
ъ, что жизнь производитъ организацію. Но, позвольте, вѣдь въ этомъ
ужъ никакого смысла. Девять мѣсяцевъ лежитъ зародышъ въ
тѣ матери, девять мѣсяцевъ легкія его, предназначенныя для дыха-
лежатъ безъ всякаго отправленія и только по рожденіи на свѣтъ они
инаютъ функціонировать. Кажется, ясно, что организація предшествуетъ
авленію. Далѣе, половые органы совершенно сформированы у утробнаго
енца, но они начинаютъ совершать свои отправленія довольно поздно,
организмъ достигъ полнѣйшаго развитія и можетъ, такъ сказать,
лять изъ себя избытокъ потребленія на продолженіе рода. Ясно, ка-
ся, что организація вполнѣ предшествуетъ отправленію. Да это иначе
мыслимо. Вѣдь тогда пришлось бы согласиться, что летаніе пред-
твуетъ крылу, что плачъ предшествуетъ слезамъ, питаніе принятію
, Ватерлоо Наполеону и самодурство русскому купечеству. Такія не-
ля толкованія прямо противорѣчатъ детерминизму вещей, противорѣ-
тому, что всякое жизненное явленіе есть результатъ довольно слож-
процесса разнаго рода условій, изъ коихъ первенствующее все-таки
жде всего матерія, организація, хотя бы простѣйшая, какъ корненожка,
которой немыслимо проявленіе жизненности.

*) Гексли, Сравнительная Анатомія, стр. 12 и 13.
**) Гексли; Сравнит. Анатомія, ibid.
***) Основаніе Біологіи, стр. 155 и 156.

Молекулярный принципъ, прослѣженный нами отъ обособленной въ видѣ корненожки до почтенной роли значительнаго дѣятеля въ низмѣ человѣка, ведетъ насъ прямо къ принятію ученія о самопро номъ зарожденіи въ ограниченной, условной формѣ. Положимъ, чт изслѣдованія естествоиспытателей помощью микроскопа довели ихъ дѣла, обозначеннаго клѣточкой; положимъ, что клѣточка, при наши перешнихъ орудіяхъ, есть дѣйствительно элементарное звѣно въ органическаго творенія; но спрашивается, откуда же берется клѣт откуда взялась первая клѣточка? Не можетъ быть ни малѣйшаго нія, что первобытная клѣточка все-таки родилась непосредствен окружающей матеріи въ силу существовавшихъ условій. И притом изъ двухъ, или эти условія лишь разъ существовали, и мы не въ со воспроизвести ихъ, или эти условія существуютъ и теперь, но мы знаемъ, и они помимо насъ продолжаютъ превращать молекулы в точки и ея дальнѣйшія осложненія.

«Живыя существа, говоритъ докторъ Густавъ Лебонъ, которы даются въ растворахъ, содержащихъ органическую матерію, не обра прямо изъ всякой всячины. Они происходятъ изъ яицъ, которыя зуются произвольно на счетъ элементовъ, содержащихся въ раст тѣмъ же самымъ образомъ, какъ образуется яйцо, на счетъ эле яичника. Произвольное проявленіе яйца въ органической средѣ трудно понять, какъ столь же произвольное проявленіе яйца въ яи Это два совершенно одинаковыхъ явленія. Многіе думаютъ, что ге нисты допускаютъ, будто въ различныя эпохи жизни земного шар шія животныя, какъ, напримѣръ, слонъ, произошли произвольно изъ жающей матеріи. Ни одинъ натуралистъ никогда не утверждалъ по дичи. Высшія существа суть продуктъ времени, и, чтобы достигнуть решней степени развитія, нужна была не одна тысяча вѣковъ. клѣточкой, какъ началомъ зародыша, и зародышемъ, достигшимъ п ней степени развитія, промежутокъ всего какихъ нибудь 9 мѣсяце эти метаморфозы, которыя такъ быстро слѣдуютъ теперь одна за есть наслѣдство отдаленнаго прошлаго. Каждое поколѣніе кое-что щало послѣдующему и изъ этихъ послѣдовательныхъ усовершенств повторявшихся втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ, произошли современны формы. Самопроизвольное зарожденіе есть, слѣдовательно, въ резу одинъ изъ способовъ воспроизведенія, къ которымъ прибѣгаетъ п для умноженія органическихъ существъ. Высшія существа размнож

посредствомъ яицъ; стоящія ниже распложаются посредствомъ яицъ и почками; стоящія еще ниже—посредствомъ яицъ, почками и дѣленіемъ. Наконецъ, стоящія на самой низкой ступени животной лѣстницы обладаютъ всѣми этими тремя способами размноженія и въ добавокъ могутъ рождаться произвольно изъ органической матеріи, безъ содѣйствія родителей» *). Если Шлейдену благоугодно будетъ исключить доктора Лебона изъ числа естествоиспытателей за то, что онъ отстаиваетъ произвольное зарожденіе, то мы все-таки скорѣе готовы отрѣшиться отъ предвзятыхъ предубѣжденій Шлейдена, чѣмъ отъ правдивыхъ стремленій доктора Лебона, котораго цитируемое здѣсь сочиненіе заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія. Желательно было бы, чтобы наша популярная переводная литература обогатилась этимъ прекраснымъ физіологическимъ сочиненіемъ и тѣмъ принесла бы незамѣняемую пользу учащейся молодежи. Если объ этомъ сочиненіи до сихъ поръ нигдѣ въ русской литературѣ ничего не упомянуто, то это еще ровно ничего не доказываетъ. Русской читающей публикѣ отчасти извѣстно громкое имя извѣстнаго психіатра Бріеръ де-Бомона. Мы потому спѣшимъ заявить предъ русской читающей публикой, вѣрющей преимущественно въ авторитеты, что этотъ громкій авторитетъ, Бріеръ де-Бомонъ, отозвался о сочиненіи доктора Лебона самымъ лестнымъ образомъ въ іюльской книжкѣ «Annales d'Hygiène Publique et de Médecine légale» за 1870 годъ. Мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи разсказать здѣсь, какое обстоятельство послужило поводомъ доктору Лебону написать это по-истинѣ полезное сочиненіе. «Два года тому назадъ, разсказываетъ онъ, случай привелъ меня въ амфитеатръ, гдѣ мой ученый наставникъ и другъ, докторъ Auzoux, преподаетъ анатомію около 40 лѣтъ. Профессоръ тогда читалъ и собраніе было многочисленное. Между слушателями я замѣтилъ дамъ изъ высшаго круга, литераторовъ, администраторовъ, чиновниковъ и разныхъ другихъ лицъ, которыхъ никакъ не ожидалъ встрѣтить въ такомъ мѣстѣ. Вся лекція была посвящена физіологіи рожденія и профессоръ изъяснялъ явленія этого процесса съ такой простотой, какъ будто аудиторія его состояла исключительно изъ медиковъ. По окончаніи лекціи, я подошелъ къ профессору, поздравилъ его, но въ то же время далъ ему замѣтить, что я нѣсколько удивляюсь его

*) Le docteur Gustave le Bon. Physiologie de la génération de l'homme et des principaux êtres vivans. Стр. 389—391.

успѣху. Двѣ дамы, присутствовавшія при этомъ, поняли мой намекъ. «М
лостивый государь, сказала мнѣ старшая, двадцать лѣтъ тому наза
моя мать привела меня сюда слушать лекціи профессора; сама сдѣлавш
матерью, я привела сюда мою дочь, убѣжденная въ томъ, что гора
лучше, чтобъ женщина узнала изъ устъ ученаго тѣ свѣденія, какія ей
обходимо знать, чѣмъ почерпнула ихъ изъ устъ профановъ, которые мог
лишь во зло употребить ея невѣжество. Думаю, прибавила мать, что
лодная дѣйствительность науки успокоиваетъ воображеніе, а не возбу
даетъ его». Да, прибавляетъ Бріеръ де-Бомонъ, можно утвердительно с
зать, что было бы гораздо меньше безразсудствъ, ошибокъ, болѣзней
смертей между юношествомъ нашихъ школъ, еслибъ оно изучало анато
и физіологію» *).

Надѣемся, что послѣ лестнаго отзыва Бріеръ де-Бомона о докторѣ
бонѣ никто не заподозритъ его обширныхъ знаній физіологіи и не искл
читъ его, въ угоду Шлейдена, изъ цеха естествоиспытателей. А докт
Лебонъ провѣрилъ лично знаменитые опыты доктора Mantegazza и впол
убѣдился въ возможности произвольнаго зарожденія. Положимъ, что по
жительными опытами нельзя еще всякаго убѣдить въ истинности про
вольнаго зарожденія, но читатель, конечно, знаетъ самъ, что много так
вещей, въ которыхъ мы вполнѣ убѣждены, но которыхъ доказать не
жемъ. Вопросъ о произвольномъ зарожденіи далеко не заслуживае
чтобы на него махнули рукой. Не даромъ такъ горячо его отстаив
великій предшественникъ Дарвина, Ламаркъ. И хотя Дарвинъ самъ ни
о немъ не заикается, но кто прочелъ его знаменитое твореніе «О п
рученныхъ животныхъ» и кто знаетъ, какой дилеммой онъ заканчива
свое плодотворное ученіе, тотъ не усумнится, что ученіе Дарвина в
детъ въ полную силу и пріобрѣтетъ должное значеніе лишь съ разрѣ
ніемъ, хотя приблизительнымъ, этого вопроса. Если точная наука,
пристрастная къ выводамъ и результатамъ, еще не можетъ положите
нымъ и рѣшительнымъ образомъ высказаться въ пользу этого вопроса,
положительная философія, единственно возможная теперь и достой
исключительнаго господства, вполнѣ на сторонѣ его.

Мы видѣли, что целюлярный принципъ, что клѣточка съ своими ат

---

*) Annales d'Hygiène et de Médecine légale, отдѣлъ Bibliographie. Juil
1869, 63 №, стр. 238.

бутами, т. е. оболочкой, ядромъ, ядрышкомъ, недостаточны для полнаго разъясненія всѣхъ жизненныхъ, всѣхъ органическихъ явленій матеріи, мы поэтому склонились на сторону молекулярнаго принципа, общаго всѣмъ естественнымъ наукамъ, общаго всѣмъ міровымъ явленіямъ; мы теперь хотимъ убѣдить читателя, что и гипотеза Дарвина сводится къ тому же принципу. Мы лишь предварительно попросимъ читателя подарить намъ нѣсколько минутъ серьезнаго вниманія и вчитаться въ ученіе Дарвина. Понять ученіе Дарвина не шутка, уразумѣть смыслъ, глубоко сокрытый въ его научныхъ воззрѣніяхъ, — не бездѣлица. Мы намѣрены разсказать его теорію собственными словами и развѣ позволить себѣ нѣсколько сократить его поучительный разсказъ.

Не признавая клѣточковое ученіе, целюлярную теорію вполнѣ доказанною, Дарвинъ естественно долженъ былъ искать другой элементъ, который давалъ бы ему возможность и удобство разъяснять тѣ явленія въ области біологіи, которыя ставили въ тупикъ всѣхъ его предшественниковъ, потому что попытки въ этомъ родѣ Бюффона (его органическія частички), Боне (его зародыши), профессора Овена (его зародышевыя клѣточки) и Герберта Спенсера (его физіологическія единицы) никоимъ образомъ не удовлетворяли всѣмъ требованіямъ логической гипотезы, и ими нельзя было разъяснить все то, что оставалось непонятнымъ въ біологіи. Раньше Дарвина всѣ ученые физіологи были того убѣжденія, что клѣточки, не измѣняясь въ своей сущности, размножаются дѣленіемъ, то есть, каждая клѣточка распадается сперва на двѣ, потомъ на четыре, потомъ на восемь и т. д., что въ концѣ концовъ ведетъ къ преобразованію клѣточки въ ткань. Но Дарвинъ предполагаетъ, что кромѣ этого процесса, вполнѣ вѣрнаго и справедливаго, есть еще одинъ процессъ, совершающійся рядомъ съ первымъ; а именно: прежде чѣмъ клѣточка перейдетъ въ законченную ткань, она отдѣляетъ отъ себя мельчайшія частички или атомы (по нашему, на этотъ разъ, молекулъ). Эти атомы (молекулы) свободно обращаются по всему организму, обладаютъ такою же способностью, какъ и клѣточки, размножаться посредствомъ дѣленія и, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, онѣ могутъ въ свою очередь превратиться въ клѣточки, сходныя съ тѣми, отъ которыхъ сами произошли. Дарвинъ называетъ эти атомы, эти молекулы зачатками (gemmelles). Откуда же они берутся? Очень просто. Читатель пусть вспомнитъ, что каждая клѣточка состоитъ изъ оболочки и содержимаго. Содержимое, кромѣ зерна и зернышка, состоитъ изъ мельчайшихъ частичекъ, наполняющихъ клѣточку. Эти-то ча-

стички и составляютъ зачатки Дарвина, его gemmelles. Они, по мнѣнію Дарвина, обладаютъ способностью при столкновеніи съ клѣточками, такъ сказать, оплодотворять ихъ, то есть возбуждать ихъ къ развитію въ сообщенномъ ими направленіи, отсюда и гипотеза его получила названіе пангенезисъ (всеоплодотворяющій, всеобщее оплодотвореніе). Итакъ, каждая клѣтка отдѣляетъ зачатки. Они такъ ничтожны по величинѣ, что ихъ можетъ накопиться въ любомъ организмѣ огромнѣйшая масса. ,Такимъ образомъ они передаются родителями дѣтямъ и развиваются въ нихъ, фигурируя въ дѣтяхъ въ той же роли, какую они разыгрывали у родителей. А иногда они въ дѣтяхъ пролежатъ цѣлый вѣкъ въ покоѣ, скрываютъ свое присутствіе, такъ что никто не заподозритъ даже ихъ злокозненности, и только лишь во внукахъ или еще далѣе проявятъ себя такими же агитаторами нашего существованія, какими знали ихъ наши самые отдаленные предки. Дѣйствительность этой гипотезы можетъ уже потому всякому показаться шаткою, что, допустивъ ее, мы должны смотрѣть на каждый организмъ, 'какъ на бездонную пропасть, въ которой кишатъ миріады благодѣтельныхъ и враждебныхъ намъ элементовъ; но Дарвинъ не пугается такихъ возраженій, онъ утверждаетъ, что треска мечетъ 6,000,000 яичекъ, что круглая глиста мечетъ до 64,000,000 яичекъ, что есть растенія, которыя даютъ столько же милліоновъ семянъ, что частица оспенной матеріи, несмотря на свою ничтожность, для того, чтобъ привить эту болѣзнь человѣку, должна размножиться въ несмѣтное число тысячъ невидимыхъ молекулъ, что ничтожное количество слизистаго выдѣленія зачумленнаго животнаго, введенное въ кровь здороваго быка, до того быстро размножается, что вся масса крови, въ нѣсколько фунтовъ, въ самое короткое время заражается и ничтожныя частицы этой-то крови, въ свою очередь, заключаютъ въ себѣ настолько яду, что могутъ въ 48 часовъ заразить другое животное. Если мы далѣе примемъ во вниманіе дѣленіе матеріи съ физической точки зрѣнія, какъ одна доля кармина примѣтнымъ образомъ окрашиваетъ цѣлое ведро воды, какъ одна капля розоваго масла придаетъ пріятный запахъ цѣлой банкѣ помады, какъ одинъ гранъ стрихнина, растворенный въ 12,000 частяхъ воды, дѣлаетъ ее всю нестерпимо горькою,—если мы все это примемъ во вниманіе, то легко согласимся съ Дарвиномъ, что это возраженіе противъ его гипотезы само собою рушится, не имѣетъ никакой доказательной силы, не выдерживаетъ провѣрочной критики. Но допустивъ, съ одной стороны, безконечную дѣлимость матеріи, съ другой, возможность безпредѣльнаго размноженія зачатковъ, намъ станутъ ясными многія до-

непонятныя явленія. Намъ теперь должно быть совершенно понятно, ему нѣкоторыя зловонныя животныя заражаютъ воздухъ на пространнѣсколькихъ миль именно тѣмъ, что выдѣляютъ органическія частикоторыя, несмотря на ихъ безконечную малость, все же сильно дѣйютъ на наше обоняніе. Отсюда намъ (медикамъ) должно быть теперь ясно дѣйствіе міазмъ на человѣческій организмъ, должны быть вполнѣ тны сила и степень распространенія эпидемическихъ болѣзней. Какъ явленій поясняетъ эта вѣроятнѣйшая гипотеза Дарвина! Но Дарвинъ нъ не останавливается, онъ, разумѣется, идетъ далѣе. Онъ полагаетъ, каждая часть организма во всѣ періоды его развитія отдѣляетъ соѣтствующіе зачатки. Мнѣніе это подтверждается чуть не всею физіоло. Подумайте только, какъ велико разнообразіе тканей, соковъ и разжидкостей, выдѣляемыхъ и обращающихся въ нашемъ организмѣ, а, у тѣмъ, они всѣ берутъ свое начало изъ общаго источника—крови. видѣли, что человѣкъ начинаетъ свое бытіе съ маленькой клѣточки; ственно, что въ этой клѣточкѣ должны быть зачатки для будущей ни, для будущихъ мозговъ, почекъ, легкихъ, мускуловъ, костей, ныхъ желѣзъ, и т. д. Кровь вездѣ одна и та же, но вы не коойтесь, клѣточки почки не хватятъ вмѣсто мочевины желчи или ы, и каждая знаетъ свою обязанность, каждая отправляетъ свою альную службу и знать ничего не хочетъ объ обязанностяхъ другихъ очекъ, какъ многочисленная прислуга въ большомъ господскомъ домѣ, кучеръ не станетъ стряпать, а поваръ не станетъ запрягать лошадей. подтверждается еще тѣмъ, что различныя ткани нашего организма тъ неодинаковое отношеніе къ различнымъ ядамъ. Такъ, извѣстно, что кураре, или стрихнинъ, дѣйствуетъ преимущественно на нервы, послѣдособенно поражаетъ спинной мозгъ; ядъ упасъ и наперстянки, или талисъ преимущественно поражаетъ сердце; ядъ шпанскихъ мушекъ тъ почки; ядъ оспы, кори, скарлатины предпочитаетъ нашу кожу, любитъ гнѣздиться въ ткани желѣзъ и т. д. То же можно сказать хоткѣ, о тифѣ, холерѣ, дизентеріи и др. На этомъ совершенно вѣроснованіи Дарвинъ рѣшается придавать полнѣйшую самостоятельь не только тканямъ, но и каждой клѣточкѣ нашего организма. съ перваго дня зачатія и до конца жизни организмъ увеличивается размѣрахъ (мы нарочно не говоримъ *ростетъ*): число клѣточекъ, его авляющихъ, увеличивается каждый день въ количествѣ; каждая клѣа или, по крайней мѣрѣ, каждая серія клѣточекъ выдѣляетъ изъ своей

среды соотвѣтствующіе зачатки на всякой ступени развитія организма и вся эта масса зачатковъ или, по крайней мѣрѣ, депутаты отъ всякой серіи передаются зрѣлымъ организмомъ плоду. Вотъ теперь-то нашъ весь интересъ сосредоточенъ на этомъ плодѣ. Въ немъ-то какой нибудь зачатокъ самой ранней эпохи оплодотворяетъ соотвѣтственную клѣточку; послѣдняя развивается и размножается, образуется второе поколѣніе клѣточекъ, которыя оплодотворяются зачатками второй эпохи развитія; послѣднія, въ свою очередь, развиваются, размножаются; получается третіе поколѣніе клѣточекъ, которыя опять оплодотворяются зачатками соотвѣтственной эпохи родительскаго организма, и такъ далѣе до безконечности. Отсюда намъ станетъ ясно, что мнѣніе Дарвина, будто ребенокъ не выростаетъ въ человѣка, совершенно справедливо. Жеребенокъ, говоритъ онъ, не выростаетъ въ лошадь, а развивается въ нее, и притомъ каждая часть отдѣльно; клѣточки ноги оплодотворяются зачатками ноги и развиваются въ ногу, клѣточки мозговыя оплодотворяются зачатками мозговыми и развиваются въ мозгъ. Слѣдовательно, ростъ есть лишь увеличеніе размѣровъ, и развитіе заключается въ измѣненіи самаго строенія ткани. Оттого-то, для того, чтобъ мозги могли функціонировать сознательно, необходимо имъ пройти цѣлый рядъ процессовъ развитія клѣточекъ и оплодотворенія ихъ зачатками соотвѣтственной эпохи. Оттого-то нѣкоторые, какъ, напримѣръ, половые органы нашего тѣла не сразу, съ перваго момента рожденія на свѣтъ младенца, начинаютъ совершать свои отправленія, а имъ приходится выждать соотвѣтственной эпохи, когда клѣточки этого органа, видоизмѣняясь, развиваясь и оплодотворяясь зачатками разныхъ эпохъ, наконецъ, достигнутъ должной степени совершенства и сойдутся съ зачатками, сродными имъ по свойству и давно выжидавшими этой вождѣленной минуты. Если бы все это такъ шло безпрерывно, если бы этому такъ-таки и не было конца, то, съ одной стороны, это было бы очень хорошо, а съ другой очень дурно. Очень хорошо было бы потому, что тогда хотя прогрессъ и былъ бы возможенъ, но онъ былъ бы весьма односторонній; очень дурно было бы потому, что тогда и думать не смѣй о какомъ нибудь измѣненіи ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Къ счастію, это не такъ. Какъ ни самостоятельна всякая клѣточка, но все-таки она не можетъ отдѣлаться отъ вліянія внѣшнихъ условій. Всякое внѣшнее обстоятельство, какъ, напримѣръ, свойство пищи, усиленное или уменьшенное упражненіе, вызывающее болѣе или менѣе постоянное измѣненіе въ строеніи, обнаруживаетъ могущественное вліяніе на самую клѣточку, которая, такимъ образомъ, должна

измѣниться, и измѣнившись, она выдѣляетъ и видоизмѣненные зачатки. Такой видоизмѣненный зачатокъ передается плоду. Онъ себѣ и лежитъ до поры до времени, но лишь только настало время ему дѣйствовать, какъ онъ, отыскавъ сродную ему клѣточку, спѣшитъ заявить себя и при этомъ нежданно, негаданно выкинетъ такую штуку, что ума не приложить, откуда все это взялось. Такъ, у бабушки, вслѣдствіе дурной пищи, образовался ракъ на языкѣ. Бабушкѣ было лѣтъ сорокъ тогда, и она тогда родила сына, да вскорѣ послѣ того и умерла. Сынъ выросъ, женился и у него родилась дочь. Вотъ у этой то внучки, полвѣка спустя, глядь, тоже образовался ракъ па языкѣ, на томъ же самомъ мѣстѣ, въ томъ же возрастѣ и тоже уложилъ бѣдную въ могилу. Вотъ оно что значитъ носить въ себѣ зародышъ затаенной болѣзни! Вотъ оно какъ нужно остерегаться-то въ жизни. Каковы зачатки!

Важность Дарвиновой гипотезы, громадное значеніе пангенезиса заключается именно въ томъ, что ею объясняется не одинъ какой нибудь процессъ, а цѣлый рядъ совершенно противуположныхъ процессовъ находятъ въ пангенезисѣ свое законное оправданіе и поясненіе. Такъ, измѣнчивость и постоянство признаковъ, прогрессивное развитіе и возвратъ къ прежнему быту или реверсія одинаково понятны на основаніи пангенезиса и вполнѣ удовлетворительно объясняются гипотезой Дарвина. Измѣнчивость, говоритъ Дарвинъ, зависитъ, по крайней мѣрѣ, отъ двоякаго рода причинъ. Во-первыхъ, или отъ недостатка, избытка, сліянія и перемѣщенія зачатковъ, которые до того времени находились въ состояніи оцѣпенѣнія, лежали въ бездѣйствіи. Самые зачатки при этомъ могли остаться безъ всякаго измѣненія, не претерпѣли ничего существеннаго, но такая перетасовка зачатковъ и различныя ихъ комбинаціи совершенно достаточны, чтобъ произвести безчисленное множество видоизмѣненій и вызвать самую разнообразную измѣнчивость, чѣмъ, вѣроятно, и можно объяснить отчасти явленія индивидуальности. Во-вторыхъ, если на организмъ имѣли вліяніе внѣшнія обстоятельства, въ силу которыхъ организмъ претерпѣлъ существенное измѣненіе, то измѣненные органы отдѣляютъ, конечно, въ такомъ разѣ и измѣненные зачатки, которые, размножаясь, сами развиваются въ новые самостоятельные, но измѣненные организмы; этимъ процессомъ дополняется объясненіе явленій индивидуальности. Если, наконецъ, внѣшнія измѣняющія обстоятельства простираютъ свое дѣйствіе до того, что совершенно уничтожаютъ какую нибудь часть или какой нибудь органъ, и это повторяется въ цѣломъ рядѣ поколѣній, то дѣло можетъ дойти до того, что органъ,

подвергшійся опалѣ или оказавшійся лишнимъ въ экономическомъ отношеніи, совсѣмъ исчезнетъ; и тогда, или современемъ, какой нибудь завалявшійся зачатокъ снова вызоветъ къ жизни давно утраченную часть или исчезнетъ всякій слѣдъ зачатковъ преслѣдуемаго органа навсегда, безъ малѣйшей надежды на воспроизведеніе. И это совершенно понятно. Сила солому ломитъ. Вѣдь зачатки между собою тоже въ борьбѣ. Ясное дѣло, что зачатки тѣхъ органовъ, которые благоденствуютъ и процвѣтаютъ, затрутъ, замнутъ, возьмутъ перевѣсъ, пикнуть не позволятъ зачаткамъ гонимыхъ судьбою органовъ.

II.

Законъ наслѣдственности и его явленія. Наибольшую важность въ нашихъ глазахъ гипотеза Дарвина имѣетъ со стороны полнѣйшаго разъясненія столь могущественно распространеннаго закона наслѣдственности и его разнообразныхъ явленій. Законъ наслѣдственности, какъ основной законъ біологіи, былъ до сихъ поръ камнемъ преткновенія для большинства ученыхъ. Читатель, конечно, догадывается, что здѣсь рѣчь идетъ не о той наслѣдственности, о которой нѣкій поэтъ поспѣшилъ Богу молебствіе принесть за то, что у него наслѣдственное есть, но о той наслѣдственности, которая проявляется вопреки всякимъ юридическимъ постановленіямъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что юридическія постановленія о наслѣдственности пользуются всею своею силою, между тѣмъ какъ пренебреженіе естественно-научными законами наслѣдственности въ соціальномъ быту чувствуется чуть ли не на каждомъ шагу. Разрозненность общества прямо ведетъ къ тому, что при стремленіи къ размноженію рода никто никогда не справляется, какими наклонностями и индивидуальными особенностями обладаютъ будущіе производители. А между тѣмъ это такъ важно и подчасъ непоправимо. Сельское хозяйство, огородничество и другія отрасли сельскаго быта положительно страдаютъ отъ отсутствія всякихъ теоретическихъ и практическихъ знаній улучшенія породы, въ силу закона наслѣдственности. А между тѣмъ законъ наслѣдственности можно назвать основнымъ закономъ культуры и въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ границъ.

На основаніи источниковъ, которыми мы въ силахъ были располагать,

основаніи нѣкоторой собственной опытности, мы полагаетъ возмож- подвести явленія наслѣдственности къ тремъ господствующимъ ъ. Думаемъ, что наслѣдственность бываетъ или консервативная, прогрессивная, или регрессивная. Консервативною мы назовемъ ту фор- слѣдственности, которая, разъ установившись, неизмѣнно повторяется зконечномъ ряду поколѣній безъ всякаго измѣненія ни въ хорошую, дурную сторону. Это, такъ сказать, самая частая, самая обыден- наслѣдственность. Къ ней, повидимому, наиболѣе расположенъ весь ическій міръ, какъ растительный, такъ и животный, и въ томъ чис- е человѣчество. Ею объясняется однообразіе флоры въ той или дру- мѣстности изъ вѣка въ вѣкъ; ею объясняется постоянство и неизмѣ- ость видовъ дикихъ животныхъ впродолженіи цѣлыхъ геологическихъ ъ; ею, наконецъ, объясняется табунная физіономія и случайное одно- зіе дикихъ первобытныхъ народовъ впродолженіи тысячелѣтій. Соб- нно говоря, не будь внѣшнія окружающія обстоятельства и условія нчивы, наслѣдственность могла бы сдѣлаться исключительно кон- тивною, такъ какъ изъ всѣхъ формъ наслѣдственности она все- пользуется преобладающею силою. И въ самомъ дѣлѣ, такъ или е, но родители всегда передаютъ плоду, первородной клѣточкѣ, зачат- всѣхъ частей своего организма, и потому онъ долженъ бы походить на хъ родителей, какъ двѣ капли воды. Если какое нибудь органическое ество, состоящее изъ одной одиночной клѣточки, окрашено, положимъ, красный цвѣтъ, то каждый его атомъ, каждая его частица, каждый токъ, отдѣлившись отъ родителя и развиваясь въ организмъ, долженъ нѣ сохранить форму, цвѣтъ и строеніе своего первообраза. Но внѣш- окружающія обстоятельства и условія до того измѣнчивы и разно- зны, и до того сильно дѣйствуютъ на процессъ происхожденія, что дый организмъ можетъ значительно уклониться отъ первобытной фор- и притомъ или въ хорошую, или въ дурную сторону. Мы, конечно, ра- ѣемъ хорошее и дурное относительно и условно. Мы понимаемъ подъ ошимъ какое нибудь полезное улучшеніе породы, большее или меньшее ближеніе къ абсолютному идеалу, къ усовершенствованному типу и, на- ротъ, уклоненіе отъ этого идеала, возвращеніе отъ усовершенствован- формы къ прежней прародительской ничтожности, безцвѣтности, гру- ти, недостаточности мы называемъ дурнымъ.

Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть наслѣдственность прогрессивную, во второмъ регрессивную. Какъ та, такъ и другая возможна до извѣст-

наго предѣла, котораго достигнувъ, она становится, въ свою очередь, к сервативною. Доказательствами консервативной наслѣдственности, неимѣ щей ни прогрессивнаго, ни регрессивнаго значенія, мы приведемъ нѣко рые примѣры. Такъ, докторъ Годжкинъ разсказывалъ Дарвину, что въ одн англійскомъ семействѣ, втеченіи многихъ поколѣній, нѣсколько член имѣли одну прядь волосъ, окрашенную отлично отъ всей остальной мас Дарвинъ зналъ одного ирландца, у котораго на правой сторонѣ гол была небольшая бѣлая прядь среди темныхъ волосъ; этотъ ирландецъ у рялъ Дарвина, что его бабушка имѣла такую же прядь, на той же с ронѣ, а его мать на противуположной. Всякому понятно, что почеркъ висить отъ весьма замысловатой комбинаціи тѣлеснаго сложенія, умст ныхъ способностей и воспитанія, и несмотря на то, весьма часто м встрѣтить полнѣйшее сходство въ почеркѣ отца и сына, такъ что н возможности отличить одинъ отъ другого. Случается даже такъ, что глійскія дѣти, обучавшіяся писать во Франціи, навсегда сохраняли с англійскую манеру писать. Походка, жесты, голосъ, манера держать все это консервативно-наслѣдственно до рутинности, до установленія, уп ченія и увѣковѣченія кастическихъ индивидуальныхъ особенностей и с образностей. Мы узнаемъ купца, военнаго, семинариста, чиновника, слу теля алтаря, извозчика, студента, мастерового и даже педагога по походкѣ, складу понятій, выраженій, манерѣ выражаться. Переходя рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, и распространяясь на бол и большія массы, эти особенности мало-по-малу становятся преоблад щими, господствующими, выражаютъ собою національность, ея свойств отличительный характеръ ея. Только путемъ наслѣдственности францу ка дошла до того, что можетъ перейти черезъ грязную улицу, не зам кавъ башмака. Ея кокетство и esprit fort, чопорность и холодная р счетливость англичанъ, флегматическая сантиментальность нѣмцевъ, т называемая широкая русская натура,—все это плоды консервативной н слѣдственности. Особыя манеры, говоритъ Дарвинъ, обращаются въ п вычку и можно привести много случаевъ наслѣдственности ихъ. Многіе а торы приводятъ случай, что нѣкій отецъ имѣлъ обыкновеніе спать спинѣ, скрестивъ правую ногу на лѣвую, и что дочь его, будучи еще р бенкомъ въ колыбели, подражала вполнѣ этой привычкѣ, несмотря на п пытки отучить ее отъ этого. Красота и всякія безобразія наслѣдствен какъ въ семействахъ, такъ и въ цѣлыхъ націяхъ и притомъ довольно пр должительное время. Нѣтъ сомнѣнія, что среди еврейской націи и тон

...ются такія же хорошенькія Ревеки и Рахили, какъ во времена ...ъ праотцевъ, и много еще вѣковъ пройдетъ, прежде чѣмъ выведутся ...усской націи жирныя до безобразія купчихи. Носъ Бурбоновъ, das ...reichische kaiserblau Маріи Терезіи, наслѣдственное косоглазіе Мон... вошли въ пословицу. Продолжительность жизни, долговѣчность, ...ское здоровье и плодовитость тоже большею частью консервативно... ...ственны. «Семейство Тюрго, говоритъ Лебонъ, не переживало 50-ти... срокъ. Когда министръ, составлявшій славу этой семьи, вспомнилъ, ...риближается роковой терминъ, онъ поспѣшилъ привести въ порядокъ ...ои дѣла, хотя и пользовался полнѣйшимъ здоровьемъ. И на 53 году ...а его смерть». Предчувствіе случайно сбылось. Самые вѣроятные ... на болѣе продолжительную жизнь основываются на происхожденіи ...кого семейства, котораго члены умирали въ глубокой старости. Ан... ... страховыя общества въ своихъ разсчетахъ всегда очень большое ...іе обращаютъ на возрастъ родныхъ, предковъ и ближайшихъ род... ...ковъ. Часто всѣ члены семьи имѣютъ бѣлые волосы или сѣдѣютъ ...ней молодости, или теряютъ способность къ дѣторожденію въ весьма ...ь возрастѣ. Во многихъ семействахъ замѣчательна особенная плодо... ... Первые четыре Гиза имѣли 43-хъ дѣтей. Сынъ и внукъ великаго ... имѣли ихъ 13. Прадѣдъ 10. Ахиллъ де-Гарсей, отецъ перваго пре... ... парижскаго парламента, имѣлъ 9 дѣтей; отецъ его имѣлъ 10, а ...18. Наслѣдственность идіосинкразій, т. е. особенныхъ предрасположе... ...твращенія или пристрастія, бываетъ подчасъ довольно любопытна. ...люди, которые наслѣдуютъ отъ родителей непреодолимое отвращеніе ...кимъ нибудь яствамъ, напиткамъ или снадобьямъ. Проспeръ Люкасъ ...зываетъ, что одинъ молодой человѣкъ ни за что не соглашался по... ...ь себѣ промывательное, утверждая, что родители его не могли этого ...ъ. Его заставили повиноваться, и онъ умеръ (Le Bon. 312). Во всѣхъ ... случаяхъ консервативной наслѣдственности, зародышевая клѣточка ...ала въ себѣ, повидимому, зачатки всѣхъ отдѣльныхъ частей пред... ...вавшаго организма, и самъ организмъ, а слѣдовательно, и его за... ... не подверглись никакимъ внѣшнимъ измѣняющимъ условіямъ. Но ...какъ существованіе каждаго организма вполнѣ зависитъ отъ окру... ...ихъ условій, легко измѣняющихся, то поэтому въ природѣ возможна ...ственность прогрессивная. Если садоводъ выбираетъ самый красивый ...ъ или дерево, дающее самые лучшіе плоды, и соединяетъ ихъ съ ... же, то онъ достигаетъ улучшенія въ породѣ и можетъ добиться

того, что это улучшеніе сдѣлается наслѣдственнымъ. Одинъ заводчи
четъ, чтобъ его скотъ отличался мясистостью и особымъ качество
другой хочетъ накопить побольше жиру, третій стремится, чтобъ
его животныхъ была какъ можно тоньше и нѣжнѣе, каждый из
легко можетъ достигнуть этого перемѣною пищи и другихъ внѣшних
вій и сдѣлать эти качества наслѣдственными въ своемъ стадѣ. Од
бятъ лошадей съ длинной шеей, другіе съ короткой; тѣ цѣнятъ в
цахъ пѣніе, другіе цвѣтъ перьевъ, и все это легко достижимо в
закона наслѣдственности, въ силу пангенезиса. Этимъ путемъ можн
сто создавать новыя породы, a priori, сочиненныя по предполож
плану, такъ что каждая часть животной организаціи будетъ предст
какое нибудь полезное улучшеніе для человѣка или для лучшаго
ствованія самого животнаго. Все это мы называемъ прогрессомъ в
животныхъ и растеній. То же самое можно сказать и о человѣк
наслѣдственны красота, безобразіе, цвѣтъ волосъ, физическое здор
особенности тѣлесныхъ формъ, такъ наслѣдственны интеллектуал
моральныя качества. Аристократизмъ породы имѣетъ свою значит
долю правды. Если отъ родителей къ дѣтямъ переходятъ такія чер
рактера, какъ гордость, честолюбіе, легкомысліе, сознаніе достоинст
знаніе столбового дворянства и другія кастическія понятія, то э
житъ лучшимъ доказательствомъ тому, что психическія отправленія
душевныя качества физіологически связаны съ мозгомъ и наслѣдую
добно всякому тѣлесному качеству. Но прогрессивная наслѣдств
отличается тѣмъ, что какое либо качество, проявившись въ отцѣ,
вается въ сынѣ въ усовершенствованной формѣ. Бокль сомнѣвается
слѣдственной передачѣ геніальныхъ способностей и талантовъ и объ
это случайнымъ совпаденіемъ, но большинство физіологовъ и мн
фактовъ, собранныхъ самыми точными и безпристрастными наблюда
совершенно противорѣчатъ ему. Такъ, извѣстно, что въ нѣкоторых
ствахъ проявляются и потомъ наслѣдуются во многихъ поколѣніях
дѣленныя умственныя способности, какъ, напримѣръ, къ математи
эзіи, музыкѣ, ваянію, медицинѣ, естествознанію, философіи и пр
семействѣ Баха было 22 человѣка, одаренныхъ замѣчательнымъ
томъ *).

---

*) Геккель. См. «Архивъ судебной медицины и общественной гигіены
1869 г., статья Геккеля «Наслѣдственность и ея законы», стр. 88.

ецъ Рафаэля былъ хорошимъ живописцемъ. Мать Ванъ-Дика рисо-
цвѣты; Іосифъ Верне, сынъ его, Карлъ Верне, и внукъ, Горасъ Верне,
извѣстны своимъ наслѣдственнымъ талантомъ. Оба брата Тиціана и
ынъ были живописцами. Въ семействѣ Эсхила было восемь поэтовъ,
ившихъ трагедіи. Вайтцъ полагаетъ, что складъ понятій и самое строе-
ѣла можетъ видоизмѣняться подъ вліяніемъ *произвольно возника-
хъ особенностей*, которыя потомъ передаются наслѣдственно въ цѣ-
рядѣ поколѣній и становятся отличительною принадлежностью цѣлой
, признакомъ способности человѣка къ прогрессивной наслѣдственности.
онъ относитъ развитіе инстинктивныхъ чувствъ у дикарей. Полине-
ь безбоязненно бросаетъ въ воду свое дитя, еще ни разу непробо-
ее плавать, а горецъ оставляетъ своего ребенка на скалистыхъ обры-
высокихъ горъ съ такою же самоувѣренностью, съ какою городской
ель покидаетъ свое дитя въ гостиной. Дѣти туземцовъ Питкоирна сво-
о плаваютъ въ возрастѣ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ. Трехлѣтнія дѣти
совъ въ южной Америкѣ сами бросаются въ воду и плаваютъ, четы-
ѣтнія дѣти гаучосовъ въ южной Америкѣ—отличные наѣздники. Все
доказываетъ, что даже благопріобрѣтенныя особенности, свойства, ка-
ва и привычки тоже наслѣдственны изъ рода въ родъ *). Прогрес-
ая наслѣдственность продолжается лишь извѣстное время и потомъ
ходитъ въ ряды обыкновенной повседневной посредственности. Боль-
ство великихъ людей не повторялись въ потомствѣ. Это скорѣе всего
но объяснить теоріей пангенезиса: такъ какъ плодъ есть продуктъ
хъ производителей, то смѣшеніе зачатковъ того и другого можетъ ком-
ироваться такимъ образомъ, что перевѣсъ будетъ то на одной, то на
гой сторонѣ. Положимъ, геніальный человѣкъ женится на женщинѣ са-
о обыкновеннаго ума, тогда дѣти ихъ, вполнѣ похожія въ физическомъ
ошеніи на отца, умственно и нравственно уподобляются матери. «Это
орить Лебонъ, случилось съ знаменитымъ авторомъ Фауста. Онъ былъ
связи съ своей стряпкой и имѣлъ отъ нея сына, похожаго на него
зически, но умственно сынъ походилъ на мать. Нѣмцы называли его:
ынъ служанки».

Поэтому, подбирая производителей, можно достигнуть того, что получишь
ивотныхъ совершенно отличныхъ отъ той расы, отъ которой они произо-

*) Вайтцъ, Т. 1. Стр. 90—102.

шли. «Если бы такую же операцію можно было бы производить и среди людей, говоритъ Лебонъ, то есть, если бы можно было соединить геніальныхъ индивидовъ, или одаренныхъ одинаковыми способностями личностей, то, повторяя эту подтасовку впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній, легко дойти до усовершенствованной породы людей, обладающихъ исключительными способностями; то есть, можно создать расу великихъ живописцевъ, великихъ поэтовъ, великихъ математиковъ. Жанъ-Жакъ Руссо, который былъ вѣрнѣе философъ, чѣмъ физіологъ, предполагалъ, что дѣти рождаются безъ наклонностей и что всѣмъ дѣтямъ безъ исключенія подобаетъ одинаковое воспитаніе. Но это ужасное заблужденіе! Дитя наслѣдуетъ отъ родителей не только характеръ, темпераментъ, но даже добродѣтели и пороки. Правда, воспитаніе и среда могутъ все это видоизмѣнить, но съ величайшимъ трудомъ. Подчасъ же всѣ старанія безсильны побѣдить наслѣдственныя наклонности» *).

Мы видѣли, что первоначальныя клѣточки должны въ себѣ содержать зачатки всѣхъ частей организма; мы тоже видѣли, что если какая нибудь часть претерпѣваетъ какое нибудь полезное измѣненіе, то и тогда клѣточки содержатъ въ себѣ зачатки измѣненной части и въ свое время заявляютъ себя въ потомствѣ. То же самое можетъ случиться, когда какая нибудь часть организма, въ силу внѣшнихъ условій, претерпѣваетъ какое нибудь вредное измѣненіе, тогда первоначальныя клѣточки содержатъ, конечно, зачатки и этой измѣненной части и это вредное уклоненіе можетъ повториться въ цѣломъ ряду поколѣній. Такимъ образомъ, легко можетъ случиться, что въ то время, какъ большая часть организма соблюдаетъ условія консервативной наслѣдственности, одна какая нибудь ничтожная частица портитъ все дѣло и становится наслѣдственнымъ недостаткомъ. Такое явленіе мы называемъ явленіемъ регрессивной наслѣдственности. На бѣду всего человѣчества, этотъ видъ наслѣдственности самый упорный. Оттого-то глупость людская такъ вѣковѣчна. По нашему мнѣнію, всѣ недостатки, уклоненія отъ нормальнаго типа, всѣ болѣзни, ведущія къ вырожденію, къ истребленію, къ гибели цѣлаго рода, всѣ пороки и уродства, приносящія вредъ организму — все это явленія регрессивной наслѣдственности, самой причудливой и многосторонней изъ всѣхъ видовъ наслѣдственности. Разнообразіе проявленій этой формы наслѣдственности превосходитъ всякое вѣроятіе. Такъ, почти всѣ авторы при-

* Le Bon, стр. 317.

дятъ примѣръ цѣлаго семейства, по имени Ламбертъ, которое жило въ прошломъ столѣтіи въ Лондонѣ и носило названіе *людей-дикобразовъ*. Эдуардъ Ламбертъ или «человѣкъ ежъ», родившійся въ 1717 г., отличался совершенно необычайнымъ и уродливымъ образованіемъ кожи; все тѣло его было покрыто роговидною корой, толщиною въ дюймъ, и изъ этой коры выходило безчисленное множество иглообразныхъ и чешуеобразныхъ ростковъ длиною слишкомъ въ дюймъ. Ламбертъ передалъ это уродливое образованіе кожи своимъ сыновьямъ и внукамъ наслѣдственнымъ путемъ. Лицо и тѣло, покрытыя длинными волосами, вмѣстѣ съ недостаткомъ зубовъ, встрѣчались въ трехъ послѣдующихъ поколѣніяхъ одного сіамскаго семейства. Дарвинъ слышалъ объ одномъ семействѣ, въ которомъ, какъ родители, такъ и дѣти имѣли до такой степени длинныя вѣки, что не могли ничего видѣть, не откинувши голову назадъ. Близорукость не всегда бываетъ прирожденнымъ недостаткомъ; однако, разъ появившись въ юности вслѣдствіе продолжительныхъ занятій, она передается родителями дѣтямъ. Если, паче чаянія, оба родителя близоруки, то, по замѣчанію авторитета въ этомъ дѣлѣ, Баумена, недостатокъ этотъ усиливается въ дѣтяхъ. То же можно сказать и о косоглазіи, о катарактахъ, о темной водѣ. Дневная слѣпота, ночная и куриная слѣпота и неспособность видѣть предметы иначе, какъ при сильномъ свѣтѣ, — тоже наслѣдственны. Кювье разсказываетъ случай, что 85 членовъ одного семейства впродолженіи шести поколѣній страдали этимъ послѣднимъ недостаткомъ. Странная неспособность различать цвѣта, называемая дальтонизмомъ, тоже наслѣдственна; ее прослѣдили черезъ пять поколѣній, причемъ она ограничивалась только женскимъ поломъ. Лишніе пальцы на рукахъ и ногахъ (полидактилизмъ) строго наслѣдственны. Появленіе лишнихъ пальцевъ представляетъ сильное отступленіе отъ нормы, потому что и въ животномъ мірѣ, въ средѣ млекопитающихъ, птицъ и современныхъ пресмыкающихся рѣдко бываетъ больше пяти пальцевъ. Тѣмъ не менѣе лишніе пальцы строго наслѣдственны и замѣчались случаи передачи ихъ втеченіи пяти поколѣній. Интересно еще то, что часто срѣзываютъ такіе лишніе пальцы вскорѣ послѣ рожденія и, слѣдовательно, они не могутъ усиливаться упражненіемъ и все-таки наслѣдуются. Докторъ Струтерсъ приводитъ слѣдующій примѣръ: въ первомъ поколѣніи добавочный палецъ появился на одной рукѣ, во второмъ — на обѣихъ, въ третьемъ — у трехъ братьевъ обѣ руки были шестипалыя, а у одного изъ нихъ одна шестипалая нога; въ четвертомъ — всѣ четыре конечности были шестипалыя. Лишніе пальцы замѣчались,

какъ у негровъ, такъ и у другихъ племенъ и у многихъ изъ низшихъ животныхъ. Шесть пальцевъ были замѣчены на заднихъ ногахъ саламандры, а также и лягушки. У собакъ шесть пальцевъ на заднихъ ногахъ передавались втеченія трехъ поколѣній и Дарвинъ слышалъ о существованіи породы шестипалыхъ кошекъ. У нѣкоторыхъ породъ куръ заднiй палецъ двойной. У животныхъ, имѣющихъ въ нормальномъ состояніи менѣе пяти пальцевъ, число это увеличивается до пяти, въ особенности на переднихъ ногахъ. Такъ, собаки имѣютъ собственно четыре пальца на заднихъ ногахъ, но у большихъ породъ развивается обыкновенно, хотя и не вполнѣ, пятый палецъ. Самый интересный фактъ, касательно лишнихъ пальцевъ, это случайное отрастаніе ихъ послѣ операціи. М-ръ Уайтъ описываетъ ребенка трехъ лѣтъ отъ роду, у котораго большой палецъ былъ двойной. Онъ отрѣзалъ лишній, снабженный ногтемъ, но, къ его удивленію, онъ снова выросъ и покрылся ногтемъ. Ребенку тогда вторично отрѣзали этотъ лишній палецъ, что называется съ корнемъ, но онъ все-таки выросъ снова и снова покрылся ногтемъ. Въ одномъ семействѣ, состоящемъ изъ трехъ братьевъ и одной сестры, всѣ родились съ лишнимъ пальцемъ на всѣхъ конечностяхъ. Родители этого семейства не имѣли этого уродства, и даже въ семьѣ не было никакого преданія, а въ деревнѣ, гдѣ жило семейство, не помнили никого, кто бы страдалъ подобнымъ недостаткомъ. Одному изъ нихъ еще ребенкомъ отрѣзали оба добавочные пальца на рукахъ, но одинъ изъ пальцевъ снова отросъ; ему дѣлали вторично операцію на 33-мъ году. Онъ имѣлъ 14 дѣтей, изъ которыхъ трое наслѣдовали добавочные пальцы и у одного изъ нихъ лишній палецъ былъ срѣзанъ извѣстнымъ хирургомъ, когда ребенку было всего 6 недѣль отъ роду. Добавочный палецъ снова отросъ, его снова отрѣзали и онъ теперь снова отростаетъ. Въ одномъ испанскомъ семействѣ лишній палецъ замѣчался у 40 индивидовъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ лишній палецъ исчезаетъ самъ собою черезъ нѣсколько поколѣній, потому что шестипалые люди соединяются съ пятипалыми. Но если бы семейство шестипалыхъ соединялось и размножалось только между собой, еслибъ шестипалые мужчины женились на шестипалыхъ женщинахъ, то, чрезъ постоянную передачу этой уродливости, произошла бы особая порода шестипалыхъ людей. Юристамъ, однакожъ, не мѣшаетъ знать, что такъ какъ шестипалые женятся на пятипалыхъ, то не всѣ дѣти могутъ унаслѣдовать эту уродливость. Въ одномъ испанскомъ семействѣ всѣ дѣти, кромѣ самаго младшаго, имѣли по шести пальцевъ на рукахъ и на ногахъ; только самый младшій имѣлъ

нормальное число пальцевъ на рукахъ и на ногахъ, и на этомъ основаніи шестипалый отецъ не хотѣлъ признать его своимъ (Геккель).

Наслѣдственность аномалій чрезвычайно часто встрѣчается. Заячья губа, хромота, грыжа переходятъ изъ рода въ родъ цѣлыми поколѣніями. Беннетъ разсказываетъ объ одной женщинѣ, которая, послѣ двухъ трудныхъ дѣторожденій, погибла при третьемъ, не будучи въ состояніи разрѣшиться младенцемъ, унаслѣдовавшимъ отъ отца широкія плечи. Женщина съ узкимъ тазомъ, выходя за мужъ за широкоплечаго мужчину, прямо подвергается опасности лишиться жизни при разрѣшеніи отъ беременности. Въ одной части Іоркшира фермеры долго подбирали скотъ съ большими задними частями, пока не произвели породу съ громадными окороками; но громадные размѣры окороковъ у теленка оказывались часто гибельными для коровы и множество матокъ умирало ежегодно въ родахъ. Случайныя и искуственно производимыя нарушенія цѣлости организма также передаются наслѣдственно. Вайтцъ говоритъ, что Талмудъ напоминаетъ евреямъ о случаяхъ, гдѣ операція обрѣзанія ненужна и невозможна, такъ какъ иногда у нихъ родятся дѣти съ готовой операцій. Дѣти офицера, который нечаянно раздробилъ себѣ мизинецъ правой руки и залечилъ его искривленнымъ, унаслѣдовали отъ отца этотъ недостатокъ. Извѣстно множество случаевъ, гдѣ у кошекъ и собакъ были отрѣзаны хвосты или повреждены конечности и онѣ производили потомковъ съ такими же недостатками. Просперъ Люкасъ приводитъ такой длинный списокъ наслѣдственныхъ поврежденій, что ему трудно не повѣрить. Такъ, корова отъ поврежденія, за которымъ слѣдовало нагноеніе, потеряла рогъ. Три теленка, рожденные ею, не имѣли роговъ на той же сторонѣ головы. Никто больше не сомнѣвается, что костяные наросты на ногахъ у лошадей, появляющіеся вслѣдствіе долгой ѣзды по твердымъ дорогамъ, наслѣдственны. Но самый замѣчательный случай приводитъ Браунъ-Секаръ. Онъ производилъ операцію надъ множествомъ морскихъ свинокъ, которая влекла за собою особую конвульсивную болѣзнь въ родѣ падучей. Всѣ онѣ производили потомство съ наслѣдственною падучей болѣзнью. Но ни въ одной отрасли вредныхъ уклоненій такъ сильно не проявляется регрессивная наслѣдственность, какъ въ болѣзняхъ, поражающихъ, истребляющихъ и вырождающихъ, дегенерирующихъ человѣчество. Общее убѣжденіе лучшихъ современныхъ врачей, что золотуха прямой и наслѣдственный потомокъ сифилиса. Бичомъ, истребляющимъ человѣчество цѣлыми поколѣніями, по всей справедливости, можно назвать чахотку. Пиду утверждаетъ, что въ четверти случаевъ чахотка

наслѣдственна. Чахотка—болѣзнь, пожирающая ежегодно въ Парижѣ болѣе 8,000 жертвъ, а въ Лондонѣ до 40,000. Населеніе Франціи приноситъ ей, какъ дань, пятую часть всего числа жителей. Ракъ, ужаснѣйшее страданіе, стоящее еще внѣ предѣловъ медицинскаго искуства, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, также наслѣдственная болѣзнь. Между тѣмъ во Франціи три на сто изъ общей суммы смертности падаетъ на долю рака. По нашимъ личнымъ наблюденіямъ, зобъ заслуживаетъ названія наслѣдственнаго уродства по-преимуществу. Такъ, въ Чердыни мы видѣли зобатую женщину Прасковью Можаеву, изъ деревни Лобиковой. Мать ея была зобата. Три дочери и два сына ея также были зобаты; но нужно прибавить, что и мужъ ея былъ также съ зобомъ. Нервныя болѣзни, какъ истерика, падучая болѣзнь, параличи, мигрень и другія страданія этого рода, въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственны. Всѣ виды умопомѣшательства, всѣ формы душевныхъ болѣзней переходятъ обыкновенно изъ поколѣнія въ поколѣніе, и нѣкоторые случаи наводятъ ужасъ своимъ постоянствомъ. Такъ, у одного хирурга братъ, отецъ и четыре дяди, съ отцовской стороны, были всѣ помѣшаны и самъ хирургъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. У одного еврея отецъ, мать, шесть братьевъ и сестра—всѣ были помѣшаны. Эскироль изъ 265 больныхъ умопомѣшательствомъ 140 считалъ наслѣдственными.

У 200 душевно-больныхъ Якоби полагалъ, что наслѣдственность проявлялась въ пропорціи, какъ 1 къ 5-ти. Морель пятую часть всѣхъ подмѣченныхъ имъ случаевъ считаетъ наслѣдственными; такъ что всѣ психіатры прямо принимаютъ, какъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ душевныхъ болѣзней,—наслѣдственность. Отецъ Дарвина разсказывалъ ему объ одномъ случаѣ 4 братьевъ, умершихъ между 60 и 70 годами, въ одномъ и томъ же самомъ чрезвычайно замѣчательномъ летаргическомъ состояніи. Докторъ Деве разсказываетъ, что два брата женились на двухъ родныхъ сестрахъ—своихъ двоюродныхъ сестрахъ. Никто изъ этихъ четырехъ субъектовъ, а также никто изъ ихъ родственниковъ не былъ альбиносомъ; но семь дѣтей, родившихся отъ этого двойного брака, были всѣ совершенно альбиносы; такіе случаи нельзя иначе объяснить, какъ только самымъ отдаленнымъ наслѣдствомъ.

Дурные наклонности, пороки и даже преступность, въ большинствѣ случаевъ, наслѣдственны. Нѣкоторыя семейства проводятъ всю жизнь свою въ тюрьмахъ, въ каторгѣ, на поселеніи, и вслѣдъ за отцомъ является сынъ на эшафотѣ; и хотя дурной примѣръ родителей, недостатокъ воспи-

танія извращаютъ эти несчастныя жертвы, но тѣмъ не менѣе въ нихъ можно видѣть развитіе наслѣдственныхъ наклонностей. Съ какою энергіею нѣкоторые инстинкты передаются наслѣдственно, покажетъ намъ интересный случай, цитируемый докторомъ Проспероиъ Люкасомъ. Онъ разсказываетъ исторію одной молодой дѣвушки, которой отецъ былъ увлеченъ непреодолимою наклонностью ѣсть человѣческое мясо, такъ что это заставило его убивать людей. Разлученная съ отцомъ, приговореннымъ къ смертной казни, прежде чѣмъ ей исполнился годъ, и воспитанная среди почтенныхъ людей, эта дѣвушка, несмотря на все это, все-таки впала въ этотъ порокъ и поддалась непобѣдимому стремленію пожирать человѣческое мясо *). Столкновеніе дикихъ народовъ съ цивилизованными служитъ также очевиднымъ доказательствомъ наслѣдственной передачи умственныхъ способностей и особенностей. Только путемъ долговременной культуры европейскія понятія о цивилизаціи могутъ прививаться къ коснѣющему мозгу дикарей и только послѣ различныхъ комбинацій и помѣсей цивилизація овладѣваетъ ими. Спору нѣтъ, что человѣкъ, рождаясь на свѣтъ, не обладаетъ никакими познаніями; но онъ наслѣдуетъ мозговой складъ и способности своихъ родителей, а потому дикарь и наслѣдуетъ умственный складъ дикаря (Le Bon, стр. 319). Всѣ эти явленія регрессивной наслѣдственности, по нашему крайнему мнѣнію, совершенно понятны на основаніи теоріи пангенезиса. По теоріи пангенезиса именно ткани тѣла въ силу непосредственнаго дѣйствія измѣненныхъ условій непосредственно измѣняются, а слѣдовательно, и отдѣляютъ измѣненные зачатки, которые передаются со вновь пріобрѣтенными особенностями потомству. Съ этой же точки зрѣнія легко объяснить, какимъ образомъ могутъ наслѣдоваться послѣдствія употребленія или неупотребленія органа или вліяніе физическихъ и умственныхъ привычекъ. Едва ли существуетъ болѣе загадочная, болѣе запутанная задача; но она совершенно разрѣшается, если допустить, что нѣкоторыя клѣточки измѣняются не только въ отправленіяхъ, но и въ стремленіи, и что онѣ отдѣляютъ измѣненные же зачатки. Это можетъ случиться во всякомъ періодѣ развитія и измѣненіе унаслѣдуется въ соотвѣтствующій же періодъ, потому что въ обыкновенномъ случаѣ измѣненные зачатки соединятся съ соотвѣтствующимъ по времени порядкомъ клѣточекъ и, слѣдовательно, разовьются въ томъ же періодѣ, въ которомъ это измѣненіе

*) Лебонъ.

возникло. Что касается умственныхъ привычекъ или инстинктовъ, то мы должны допустить, что если какая либо привычка или умственная способность или сумасшествіе передаются по наслѣдству, то это значить, что передается дѣйствительное измѣненіе въ строеніи, и что молодой организмъ дѣйствительно получилъ зачатки измѣненныхъ нервныхъ клѣточекъ (Дарвинъ, стр. 427). Послѣ всего этого Дарвинъ имѣетъ полнѣйшее право допустить такой выводъ, что «каждое живое существо слѣдуетъ разсматривать, какъ микрокозмъ, какъ маленькій міръ, образованный легіономъ саморазмножающихся организмовъ, безконечно малыхъ и безчисленныхъ, какъ звѣзды небесныя» (Дарвинъ стр. 435).

Совершенно излишнимъ теперь будетъ положить палецъ въ ротъ читателя, для того, чтобъ онъ понялъ важность значенія закона наслѣдственности и теоріи пангенезиса, на которой онъ фундаментально основанъ. Изъ всего, нами здѣсь приведеннаго, ясно видно, что всякое частное явленіе изъ физическаго и нравственнаго міра можетъ быть передано по наслѣдству съ силою, пронизывающею цѣлый рядъ поколѣній. Эти факты имѣютъ глубокое соціальное значеніе, и еслибъ знаніе этихъ фактовъ, этой теоріи было больше распространено въ массѣ, люди не искали бы въ людяхъ, съ которыми они разсчитываютъ составить свое семейное счастье, ни знатности рода, ни богатства, ни другихъ случайныхъ отличій, а искали бы прежде всего хорошихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Мы выше сказали, что аристократизмъ рода имѣетъ свою долю значенія, мы и теперь не намѣрены опровергать относительную справедливость этого взгляда, но, съ другой стороны, мы также должны прибавить, что одностороннее воспитаніе и искуственное отчужденіе отъ другихъ сословій развиваетъ въ привилегированныхъ сословіяхъ, какъ болѣзни, такъ и разныя дурныя свойства, тѣневыя стороны человѣческой природы, которыя влекутъ за собою отупѣніе, односторонность, тѣлесные недуги. Въ концѣ концовъ, все это, передаваясь наслѣдственно, ведетъ къ вырожденію строго замкнутыхъ кастъ и сословій, вырождаемость ихъ составляетъ непреложный физіологическій законъ. «По образцу многихъ древнихъ законодательствъ, говоритъ Проспeръ Люкасъ, многія новѣйшія законодательства должны бы разъяснить всѣ физическія уклоненія, препятствующія бракосочетанію, и объявить недѣйствительными всѣ тѣ браки, гдѣ были скрыты такого рода уклоненія. А между тѣмъ сплошь и рядомъ видимъ самыя ужасныя злоупотребленія этого рода. Постоянно стараются скрыть, что юноша или дѣвица, руки которой ищутъ, одержимы падучей болѣзнью, или бугорчаткой,

ли что въ нихъ проявлялись признаки умопомѣшательства, или что они поражены какими нибудь другими аномаліями. Тщательно скрываютъ болѣзни и порокъ предковъ, покрываютъ густымъ покрываломъ таинственности семейные недостатки; надуваютъ на каждомъ шагу, такъ что не знаешь, съ какою личностью имѣешь дѣло.»

Всѣ три вида наслѣдственности, какъ консервативной, такъ и прогрессивной и регрессивной проявляются еще въ особенныхъ формахъ, изъ коихъ мы здѣсь упомянемъ о наслѣдственности, ограничиваемой поломъ, и наслѣдованіи тѣхъ или другихъ особенностей въ соотвѣтствующіе періоды жизни. Иногда у того или другого пола появляется какой либо новый признакъ и передается исключительно тому же полу. Такъ, въ семействѣ Ламберта роговидные наросты кожи передавались отъ отца только сыновьямъ и внукамъ; то же замѣчено и въ появленіи лишнихъ пальцевъ и нѣкоторыхъ болѣзняхъ, какъ, напримѣръ, наклонности къ смертельнымъ кровотеченіямъ отъ ничтожныхъ пораженій. Случается и наоборотъ: были примѣры, что матери передавали только дочерямъ лишніе пальцы, слѣпоту и другіе недостатки. Бываетъ еще иначе. Такъ, расположеніе къ смертельнымъ кровотеченіямъ (геморофилія) замѣчалось у однихъ мужчинъ втеченіи пяти поколѣній, хотя и передавалось чрезъ женщинъ; но иногда это расположеніе не наслѣдуется прямо отъ отцовъ, а дочери передаютъ эту скрытую склонность, такъ что недостатокъ этотъ проявляется только у мужскихъ потомковъ этихъ дочерей. Такимъ образомъ, отецъ, внукъ и правнукъ могутъ представлять эту особенность, переданную бабушкою, дочерью и праправнучкою въ скрытомъ состояніи. Такіе и подобные факты, собранные Проспером Люкасомъ, Седжвикомъ и другими, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что особенности, появляющіяся у какого либо пола, хотя и не связаны необходимо съ этимъ поломъ, стремятся передаваться по наслѣдству потомкамъ того же пола, хотя часто и передаются въ скрытомъ состояніи противуположнымъ поломъ. Сынъ наслѣдуетъ отъ отца густую или рѣдкую бороду, большую или меньшую сѣдину и преждевременную лысину, между тѣмъ какъ дочь наслѣдуетъ отъ матери болѣе или менѣе длинную косу. Преобладающее значеніе пола бываетъ иногда довольно курьезно и можетъ быть интересно. Часто случается, что мужчина производитъ такое сильное вліяніе на женщину, что даже дѣти отъ другого брака бываютъ похожи на перваго мужа. Еслибъ, напримѣръ, дѣвица была въ связи съ мужчиной и родила бы отъ него ребенка, который вскорѣ померъ бы, а потомъ вышла замужъ за другого и вдругъ родила бы отъ второго мужа

ребенка, вполнѣ похожаго на перваго мужа, связь съ которымъ она тщательно скрывала. мужъ могъ бы ее заподозрить въ постоянной связи съ первымъ мужчиной и былъ бы неправъ. Въ старину это можно было объяснить заглядываньемъ... но теперь это явленіе требуетъ болѣе точныхъ объясненій.

Что касается наслѣдственности въ соотвѣтствующемъ періодѣ, то примѣромъ тому могутъ намъ опять послужить члены семейства Ламбертъ, въ которомъ дикобразные наросты появились у отца и у сыновей въ одномъ возрастѣ, именно около девяти недѣль послѣ рожденія. Весьма важныя болѣзни появляются только въ извѣстномъ возрастѣ; такъ, напр., пляска святого Витта въ юности, чахотка въ ранней молодости, подагра въ зрѣломъ возрастѣ, апоплексія въ старомъ. Какъ у отца, такъ и у сына, внука и правнука болѣзни эти обыкновенно проявляются въ тотъ же періодъ жизни, въ который онѣ появились у родителей. Существуютъ многія другія болѣзни, несвязанныя съ какимъ либо особымъ возрастомъ, но которыя очевидно стремятся проявиться у ребенка въ томъ же періодѣ жизни, въ который онѣ появились у родителей. Вотъ почему Піорри совѣтуетъ врачамъ тщательно осматривать дѣтей въ тѣ періоды жизни, въ которые какая либо важная наслѣдственная болѣзнь появилась у родителей. Докторъ Просперъ Люкасъ также утверждаетъ, что разнаго рода болѣзни, хотя и не исключительно свойственныя какому либо особому періоду жизни, стремятся проявиться у потомковъ въ томъ же возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились въ первый разъ у родителей. Эскироль приводитъ нѣсколько поразительныхъ случаевъ помѣшательствъ, появившихся въ томъ же возрастѣ, какъ, напр., одного дѣда, отца и сына, совершившихъ самоубійство на 50 году отъ роду. Интересны еще слѣдующіе примѣры: Всѣ члены одного семейства помѣшались на 40 году. Одна женщина умерла отъ апоплексіи на 63 году отъ роду; одна изъ ея дочерей умерла на 48 году, а другая на 87 году отъ той же болѣзни; у послѣдней женщины было 12 дѣтей, которыя всѣ умерли отъ бугорчатаго воспаленія мозговой оболочки. Этотъ случай интересенъ особенно потому, что онъ служитъ примѣромъ, какъ самый характеръ наслѣдственной болѣзни измѣняется, хотя онъ и касается того же органа. Одышка появлялась у разныхъ членовъ одного семейства на 40 году. Самыя разнообразныя болѣзни, какъ, напр., грудная жаба и различныя накожныя сыпи, появлялись у послѣдующихъ поколѣній приблизительно въ одномъ и томъ же возрастѣ. У одного человѣка мизинецъ отъ какой-то неизвѣстной причины сталъ рости внутрь,

этотъ же палецъ у его двухъ сыновей началъ въ томъ же возрастѣ ..но такимъ образомъ загибаться внутрь. Странныя и необъяснимыя нерв... страданія поражали какъ дѣтей, такъ и родителей въ одинаковый ...ріодъ жизни. Дарвинъ приводитъ еще два другихъ случая, весьма инте...ныхъ въ томъ отношеніи, что они указываютъ на исчезновеніе, также ...къ и на появленіе болѣзни въ томъ же возрастѣ. Два брата, ихъ отецъ, ...да, съ отцовской стороны, семь двоюродныхъ братьевъ и дѣдъ по отцу— ... страдали одинаковою накожною болѣзнью, извѣстною подъ именемъ ...чоночныхъ пятенъ; болѣзнь эта ограничивалась мужскимъ поломъ (хотя ...передавалась черезъ женщинъ), появлялась обыкновенно въ возмужало... ... и исчезала между 40 и 45 годами. Второй случай касается 4 брать...ь, страдавшихъ на 12 году отъ роду почти ежедневно сильными голов...ми болями, которыя облегчались только лежаніемъ на спинѣ въ темной ...натѣ. Ихъ отецъ, его братья, дѣдъ по отцу, и всѣ его братья точно ...кже страдали отъ такихъ головныхъ болей, которыя прекращались на ... или на 55 году у всѣхъ доживавшихъ до этого возраста; никто изъ ...нщинъ этого семейства не былъ подверженъ этому недугу. (Дарвинъ, т. ... стр. 82 и 83).

Читатель можетъ насъ упрекнуть въ томъ, что мы преимущественно ...бирали примѣры изъ области медицины, и будетъ совершенно правъ. ... мы, съ одной стороны, готовы оправдываться своею спеціальностью, ... другой стороны, считаемъ примѣры изъ области медицины самыми на...дными и рельефными. И если Льюисъ сердится, зачѣмъ до сихъ поръ ...тали лишь врачей способными заниматься біологіей, то онъ только ...части правъ. Мы сами того убѣжденія, что не то, чтобъ исключительно ...рачи, а непремѣнно люди, знакомые съ медициной, болѣе всего были спо...бны къ уразумѣнію біологическихъ явленій. Всѣ эти разнообразные слу...и наслѣдственности, ограниченные тѣмъ или другимъ поломъ и про...ляющіеся въ соотвѣтствующемъ возрастѣ, опять-таки скорѣе всего по...тны на основаніи теоріи пангенезиса. Мы должны здѣсь допустить, что ... силу внѣшнихъ условій органы претерпѣли извѣстное измѣненіе и вы...ѣлили тогда же измѣненные или пораженные зачатки, которые, выждавъ ...лагопріятный моментъ въ развитіи организма, заявили себя точно та...имъ же образомъ въ потомкѣ, какимъ его видѣлъ предокъ.

Наконецъ, намъ необходимо разсмотрѣть еще одно явленіе наслѣдствен...сти, самое интересное и, быть можетъ, самое ужасающее. Мы разу...мѣемъ реверсію или атавизмъ. Мало того, что сынъ въ большинствѣ слу-

чаевъ наслѣдуетъ отъ отца или отъ дѣда тѣ или другія особенност случается еще такъ, что какой нибудь отдаленный потомокъ вдругъ, н съ того, ни съ сего, проявляетъ свойства, наклонность, привычку, уро- ство или органическій недостатокъ отъ такого отдаленнаго предка, кото- рый предшествовалъ своему потомку сотнями и тысячами поколѣній. Та- кой возвратъ къ ветхозавѣтной, допотопной, доисторической дѣдовщи называется атавизмомъ. Такъ какъ прогрессъ заключается въ усоверше- ствованіи и въ улучшеніи породы, то атавизмъ, какъ возвратъ къ дѣд щинѣ, какова бы она ни была, говоря вообще, не можетъ быть прогре- сивнымъ, и мы на этомъ основаніи относимъ его къ регрессивной наслѣ- ственности. Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами атавизма изъ раст- тельнаго и животнаго міра, чтобъ сосредоточить все свое вниманіе н атавизмѣ въ человѣчествѣ, заявляющемъ себя подчасъ въ ужасающей жалкой формѣ. Отсылаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ ориг- нальнымъ сочиненіямъ Дарвина и Карла Фогта. Въ нихъ читатель на- детъ полное удовлетвореніе своей самой ненасытной любознательности. С вопросомъ реверсіи тѣсно связанъ вопросъ о скрещиваніи и естественно подборѣ. Мы поэтому будемъ имѣть случай подробнѣе говорить о расти- тельной и животной реверсіи въ статьѣ о скрещиваньи. Но для болѣ нагляднаго уразумѣнія атавизма здѣсь будутъ кстати нѣкоторыя курье- ныя формы реверсіи. Такъ, въ различно окрашенныхъ породахъ голубе иногда проявляются сизые экземпляры со всѣми примѣтами, характери- зующими дикаго полевого голубя. Такъ, извѣстно, что ноги дикаго прар- дителя осла были испещрены полосками. Если теперь встрѣчается домаш- вій оселъ съ такими же полосками на ногахъ, то смѣло можемъ приият это за явленіе простой реверсіи. Иногда такой возвратъ бываетъ далек непрошенымъ гостемъ. Домашній скотъ въ дикомъ первобытномъ состояні, безъ сомнѣнія, обладалъ рогами. Но сельскимъ хозяевамъ, разнымъ Бэ- куэлямъ, удалось добиться камолой, безрогой породы. Если среди так камолой породы вдругъ появляется рогатая скотина, то она причиняет большую непріятность своимъ хозяевамъ, которые, конечно, спѣшатъ отдѣ латься отъ нея самымъ безцеремоннымъ образомъ, принося ее въ жерт своимъ предвзятымъ стремленіямъ. То же встрѣчается и въ растительно мірѣ. Такъ, изъ сѣмянъ, собранныхъ изъ самыхъ отборныхъ сортовъ ан тиныхъ глазокъ, выростаютъ совершенно дикіе цвѣточки. Наиболѣе извѣст ный случай реверсіи, именно тотъ, на которомъ, повидимому, основываетс вѣра въ постоянство возвращенія къ дикому состоянію, составляютъ свинь

ти животныя одичали въ Вестъ-Индіи, Южной Америкѣ, на Фалкландскихъ островахъ и повсюду пріобрѣли темный цвѣтъ, толстую щетину и большіе клыки дикаго кабана, а поросята стали родиться покрытые продольными полосками. Нѣкоторые случаи реверсіи бываютъ большимъ несчастіемъ для сельскихъ хозяевъ. Такъ, извѣстно, что у коровъ въ естественномъ состояніи вымя развивается очень мало, и онѣ даже приблизительно не даютъ столько молока, сколько наши одомашненныя животныя, и вотъ иногда случается, что отъ лучшихъ альдернійскихъ породъ получаются телята никуда негодные въ этомъ отношеніи. За то совершенно обратное явленіе мы наблюдаемъ иногда у нѣкоторыхъ женщинъ, у которыхъ появляются лишніе сосцы, способные отдѣлять молоко, число которыхъ иногда доходитъ до пяти. Если ихъ четыре, то они расположены симметрично по обѣимъ сторонамъ груди, а у одной женщины, которой мать имѣла лишніе сосцы, развился лишній сосецъ, дававшій молоко въ паховой области. Случай этотъ весьма знаменателенъ. Если мы вспомнимъ расположеніе сосцовъ на груди и въ паховой области низшихъ животныхъ, то мы должны смотрѣть на появленіе лишнихъ сосцовъ у женщинъ, какъ на явленіе реверсіи. Случайное развитіе у человѣка хвостовыхъ позвонковъ въ видѣ короткаго и свободнаго хвоста должно также быть разсматриваемо, какъ явленіе реверсіи. Такъ какъ дикіе народы все-таки стоятъ ближе къ животному міру, чѣмъ цивилизованные, то очень вѣроятно, что среди дикарей эта форма атавизма, то есть, короткій хвостъ, встрѣчается гораздо чаще, и очень вѣроятно, что это обстоятельство послужило поводомъ къ утвержденію, будто существуютъ цѣлыя племена съ хвостами, въ чемъ до сихъ поръ путешественники и антропологи не могли убѣдиться. Но лишній сосецъ въ паху или сзади торчащій хвостикъ еще можно скрыть, спрятать, бѣда еще не велика. Бываютъ казусы несравненно хуже.

Ничѣмъ такъ родители не любятъ хвастать, какъ тѣмъ, что у нихъ умный ребенокъ; ничто такъ не огорчаетъ ихъ родительское чувство, какъ глупость и въ особенности дураковатость дитяти. Отъ мужчинъ обыкновенно не требуютъ, чтобъ онъ былъ красавецъ; мужчина, говорятъ, можетъ быть не лучше чорта; отъ него лишь требуютъ, чтобъ онъ не былъ дикъ. Даже красота женщинъ въ послѣднее время и въ глазахъ развитыхъ людей теряетъ свое прежнее обаяніе; кромѣ смазливости ищутъ, чтобъ женщина имѣла, по крайней мѣрѣ, выразительное лицо. Въ высшей степени оскорбительно для человѣка, когда его обзовутъ скотомъ,

осломъ, свиньей; но ничѣмъ онъ такъ не оскорбляется, какъ слово
ракъ. И нѣтъ того дурака на свѣтѣ, который не находилъ бы
глупѣе себя. Изъ всего этого ясно видно, что умъ — лучшій и
важный атрибутъ человѣка. «Умная голова» чуть ли не лучшая п
человѣку; «дѣльная голова» — лучшее достояніе, лучшее украшеніе
вѣка. «Идіотъ!»—казалось бы, что можетъ быть хуже этого? Оказыв
что бываетъ хуже, но очень рѣдко.

Есть порода людей, называемыхъ кретинами и живущихъ въ уще
и долинахъ Альпійскихъ горъ, въ Пиринеяхъ и другихъ мѣстахъ Е
Есть кретины и у насъ, въ долинѣ рѣки Лены, о чемъ намъ, ко
менѣе извѣстно, чѣмъ о кретинахъ европейскихъ. Они отличаются
что черепъ у нихъ малъ, низокъ, плосокъ, какъ бы сжатъ, — это
отвѣтствуетъ и уменьшенное количество мозга, а слѣдовательно, и ж
умственное отправленіе, уподобляющее ихъ отчасти животнымъ. Н
все-таки обладаютъ даромъ слова и могутъ быть приспособлены къ к
нибудь механическому труду. Весь организмъ этихъ субъектовъ уро
Они небольшого роста, съ искривленными ногами, большею частью з
и, несмотря на это, они иногда доживаютъ до 50 лѣтъ. Самую же
шую породу людей, которую только потому и причисляютъ къ чело
ству, что они родились отъ вполнѣ нормальныхъ и полноправныхъ
данъ, представляютъ такъ называемые микроцефалы или малогол
Изслѣдованіемъ ихъ антропологическаго значенія въ послѣднее врем
нялся Карлъ Фогтъ, представившій объ нихъ весьма капитальный
татъ, удостоенный преміи и напечатанный въ «Антропологическом
хивѣ». Онъ называетъ ихъ микроцефалами или *обезьяны-люди*—«А
Menschen». Ихъ всего извѣстно теперь, по словамъ Геккеля, до пя
сяти. Карлъ Фогтъ изслѣдовалъ ихъ всего 40. Отличительнымъ пр
комъ человѣческаго черепа отъ черепа животныхъ при первомъ и с
поверхностномъ взглядѣ считается преобладаніе черепного свода над
цомъ. Чѣмъ выше людская порода, тѣмъ лицевая часть головы ме
изящнѣе и менѣе объемиста сравнительно съ черепною частью голо
животныхъ наоборотъ. Разсматривая рисунки, приложенные къ сочи
Карла Фогта о микроцефалахъ, вамъ невольно бросается въ глаза ж
ный типъ ихъ головъ. Если лицевая часть у нихъ и не преобла
надъ черепной, то нельзя того же сказать, чтобъ черепная часть
обладала надъ лицевой. Черепъ маленькій, сжатый. У какого н
Якова Мегле, несмотря на то, что ему отъ роду 10 лѣтъ, объемъ г

сравненно меньше, чѣмъ у новорожденнаго ребенка. Черепъ плоскій, или голова посрединѣ вдавлена, лобъ плоскій, лицо же большое, ротъ большой. Такому искаженному черепу, конечно, соотвѣтствуетъ самое жалкое количество мозга. И дѣйствительно, у господина Якова Мегле количество мозга еще меньше, чѣмъ у молодого шимпанзе. Судите же теперь сами, какое существо такой субъектъ, котораго строеніе черепа и количество мозга ставятъ еще ниже человѣкоподобныхъ обезьянъ, а между тѣмъ все остальное въ порядкѣ; тѣло хорошо развито, располагаетъ отличнымъ здоровьемъ, физической силой и способно къ движеніямъ. Дальнѣйшій анализъ разъяснитъ намъ это явленіе. Извѣстно, что мозги человѣческіе состоятъ изъ большаго мозга и маленькаго мозжечка. Въ первомъ полагаютъ вмѣстилище души и всѣхъ интеллектуальныхъ отправленій, а второй считаютъ центромъ, служащимъ для регулированія движеній и ощущеній. Кромѣ этого мы знаемъ, что человѣческіе мозги отличаются отъ мозговъ животныхъ, кромѣ вѣса, формой, красотою и обиліемъ извилинъ и присутствіемъ особенныхъ частей, невстрѣчающихся въ мозгахъ животныхъ. Карлъ Фогтъ своими изслѣдованіями убѣдился, что у всѣхъ микроцефаловъ малый мозгъ или мозжечекъ и вообще задняя часть мозга очень развита, и въ этомъ отношеніи микроцефалы даже превосходятъ шимпанзе. Такимъ образомъ, мозжечекъ, какъ и строеніе всего остального организма, соотвѣтствуетъ человѣческому типу. За то подгулялъ большой мозгъ, который въ отношеніи массы развитія не только не превосходитъ соотвѣтственныя части обезьяны, но подчасъ даже уступаетъ ей. Такъ, мозги низшихъ животныхъ совершенно гладки, не имѣютъ извилинъ; мозги обезьяны имѣютъ самое незначительное развитіе извилинъ; мозги негра отличаются значительнымъ ихъ развитіемъ, такъ кольми паче мозги образованнаго европейца. Мозги же микроцефала сильно приближаются въ этомъ отношеніи къ мозгамъ обезьянъ. Далѣе, мозги обезьяны имѣютъ отростки, придатки, которые не встрѣчаются въ мозгахъ людей, а между тѣмъ судьба надѣлила ими мозги микроцефаловъ. Есть въ мозгу такъ называемая Сильвіева борозда. Физіологи приписываютъ ей особенное значеніе. Положимъ, хотя эта Сильвіева борозда хотя и проложена въ мозгахъ обезьяны, но она не такъ глубока, не такъ хорошо прорыта, да и вообще не имѣетъ той формы, въ какой она красуется въ человѣческихъ мозгахъ. На бѣду и микроцефалы оплошали. У нихъ Сильвіева борозда вполнѣ сходна только не съ человѣческою, а съ обезьяньею. Какъ тутъ быть? Такія и еще болѣе подробныя изслѣдованія даютъ полное право Карлу Фогту на-

дѣяться, что его не упрекнутъ въ утрировкѣ и придирчивости. Что т
сдѣлаешь? Передъ нимъ на столѣ три пары мозговъ: европейца, ми
цефала и обезьяны. Чѣмъ же онъ виноватъ, что мозги микроцефала о
чаются отъ мозговъ европейца, какъ небо отъ земли, и во всемъ сх
съ мозгами обезьяны? Въ остальномъ строеніе и отправленіе ихъ орг
заціи то напоминаетъ обезьяну, то подходитъ къ человѣку. Почти
микроцефалы имѣютъ обыкновенную величину тѣла, которое, въ б
шинствѣ случаевъ, хорошо физически развито, хотя развитіе ихъ со
шается несравненно медленнѣе, чѣмъ у другихъ дѣтей. Микроцефалк
есть женщины изъ микроцефаловъ, заявили тѣ женскія особенности,
торыя указываютъ на способность ихъ къ продолженію рода. Движ
микроцефаловъ быстры, живы и вполнѣ правильны; мускульная сила
громадна; они настолько подвижны, что ихъ часто сравнивали съ
цами. Скакать и прыгать ихъ обыкновенное любимое движеніе. Они
особеннымъ удовольствіемъ любятъ карабкаться по мебели и лазит
деревьямъ; въ ихъ обычаѣ безцѣльныя движенія — рвать бумагу и ра
матеріи въ куски. Они постоянно гримасничаютъ и гримасы эти мѣня
на ихъ лицѣ съ быстротою молніи. Походка и осанка какъ у обезь
голова поникнута, спина равномѣрно согнута, руки отвислы, колѣни
сколько согнуты. При особенныхъ обстоятельствахъ, напр., когда
нужно взобраться на лѣсницу, они ползутъ на четверенькахъ и пособл
себѣ руками. Чувствительность кожи въ нѣкоторыхъ случаяхъ значит
понижена, въ большинствѣ же вообще нормальна. Органы чувствъ
вильно развиты, они хорошо видятъ и слышатъ. Нѣтъ также осно
отказать имъ въ чувствѣ обонянія. Вкусъ у нихъ также развитъ, п
что они предпочитаютъ одни блюда другимъ. Всѣ отправленія раст
ной жизни у нихъ совершенно въ порядкѣ; пищевареніе, дыханіе, к
обращеніе и выдѣленія совершаются правильно, могутъ достигнуть
няго возраста и умираютъ не раньше остальныхъ людей. Что кас
ихъ умственнаго развитія, то существенная черта ихъ характера —
постоянство. Никто не можетъ не признать въ ихъ тѣлодвиженіяхъ
формѣ и способѣ выраженія ими своихъ чувствъ и желаній полнѣй
сходства съ обезьянами. Вниманіе привлекается на мгновеніе и то
же исчезаетъ; самыя противуположныя чувства смѣняются безпрер
безъ остановки, не переводя дыханія. Любовь и ненависть возбужда
безъ малѣйшаго основанія. Такъ же скоро забываются, какъ и возб
ляются, радость и отчаяніе, гнѣвъ и довольство, безпричинная ве

нѣяшая преданность къ постоянной и смѣшной игрѣ. Интеллигенція еще ниже, чѣмъ у обезьянъ. Непосрѣдственныя впечатлѣнія и вос- нтія, безъ сомнѣнія, вполнѣ затемнены. Отвлеченныя же понятія и лучшія овныя качества, которыми обладаетъ человѣкъ и которыми онъ по раведливости гордится, и которыя, наконецъ, составляютъ отличительную ту человѣка отъ животныхъ, микроцефаламъ неизвѣстны, незнакомы, сто недоступны. Наконецъ, они всѣ лишены дара слова. Не то что ло-нѣмые, они мычатъ, какъ животное, произносятъ кой-какіе звуки, къ до, до, до или ау, ау. У нихъ прямо недостаетъ той части мозга, которой, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, локализируется рѣчь. Карлъ тъ утверждаетъ, что интеллигенція микроцефаловъ ниже обезьянъ. Онъ ается, что если сравнить душевныя проявленія микроцефаловъ съ тѣми шевными свойствами, которыми заявляютъ себя шимпанзе и орангъ- анги въ европейскихъ звѣринцахъ, то легко можно будетъ убѣдиться, къ сильно микроцефалы проявленіями чувствъ и страстей напоминаютъ зьянъ. Въ отношеніи же интеллигенціи они несравненно ниже обезьянъ ъ нихъ не видно ни малѣйшей человѣческой способности, даже въ ой простой обыкновенной формѣ, которая хотя на волосъ приближала ихъ къ той благородной породѣ, отъ которой они происходятъ.

Таковы результаты изслѣдованій Карла Фогта о микроцефалахъ, быв- ихъ въ рукахъ другихъ ученыхъ. Онъ собралъ и сличилъ черепа и со- ставилъ біографіи, сдѣланныя прежними наблюдателями. Но ему удалось трѣтиться съ живымъ субъектомъ изъ этой породы, и онъ посвятилъ ой особѣ значительную долю своей проницательности, вниманія и на- юдательности. Изъ его разсказа очень ясно видно, что онъ особенно дъ этой дорогой встрѣчѣ. Эта живая микроцефалка окрещена, какъ рочно, греческимъ именемъ мудрости. Марія-Софія Виссъ имѣла 16 лѣтъ ъ роду тогда, когда ее изслѣдовалъ Карлъ Фогтъ. Это было 26 ок- бря 1866 года. Она теперь живетъ въ пріютѣ для бѣдныхъ, близь рна. Отецъ ея простой работникъ въ Оллонѣ. Въ пріютѣ ее просто ываютъ Софьей. Ростъ ея—одинъ метръ и 410 миллиметровъ. Глаза ея ѣтло-сѣроголубые, невыдающіеся и на подобіе миндалинъ; волосы темноко- шневаго цвѣта, некурчавые, просто расположенные до половины спины; чти прямой носъ, на верхушкѣ нѣсколько смотритъ шишкой; толстыя, сколько вздутыя губы; сильно выдающійся ротъ и подбородокъ; широ- скулы; большія отстающія уши безъ ушныхъ мочекъ; прелестные зубы, коихъ передніе самые косые, — вотъ черты лица и паспортныя при-

мѣты этого милаго созданія. Директоръ приказалъ позвать ее, и вотъ она является въ сообществѣ съ двумя дѣвочками, которыя ее очень любятъ и никогда ничего дурного ей не дѣлаютъ. Неуклюжая, неповоротливая и крѣпко наступая ногами, она ходитъ согнувшись и съ поникшей головой, съ отвислыми руками, съ согнутыми колѣнями и видимо радуется всякому звонкому отголоску. Всѣ движенія ея крайне быстры, торопливы и прытки, голова и глаза въ постоянномъ движеніи; руки преимущественно внутрь согнуты, какъ у зародыша; голова наклонена нѣсколько кпереди. Спинной хребетъ просто согнутъ кзади, какъ у обезьянъ, но за то недостаетъ поясничнаго сгиба. Движенія рукъ, головы, зубоскальство и мимика все обезьянье. Старуха, которая наблюдаетъ за нею болѣе 6 мѣсяцевъ, говоритъ, что она не имѣетъ наклонности лазить, но прыгаетъ за то очень высоко съ вытянутыми ногами, особенно когда разгнѣвается; мало спитъ; она въ постоянномъ безпокойствѣ; вѣчно возится съ тряпками и платочками, но вообще проводитъ ночь спокойно. Она большая охотница раздавать звонкія плюхи, толчки и т. д. Карлъ Фогтъ присутствовалъ при томъ, какъ ее кормили; она все же употребляетъ ложку, ѣстъ въ торопяхъ, но чинно себя держитъ; прежде, бывало, разбрасывала пищу, но ее отъ этого отучили. Одѣться и раздѣться сама все-таки не можетъ. Тѣло ея хорошо развито, руки недурны, чисто человѣческія, и вся верхняя конечность крѣпка, сильна, округла, нормальной длины; грудь нѣсколько плоская. Судя по ея возрасту, груди довольно хорошо развиты, но нѣсколько отвислы. Она обладаетъ необыкновенной физической силой, и когда она разозлится, то бьетъ самыхъ крѣпкихъ баб... Пульсъ съ трудомъ можно ощупать, бьетъ 72 удара въ минуту, число дыханій доходитъ до 20. Хотя ей было тогда 16 лѣтъ, но она не имѣла регулъ. Она постоянно слюнитъ, и когда ужь очень запачкается, то обтирается передникомъ. Болѣе подробныя изслѣдованія нравятся ей, они какъ будто доставляютъ даже ей удовольствіе. Она садится; встаетъ по востребованію, позволяетъ поворачивать голову, но когда хочешь раскрыть ей ротъ, то она сопротивляется, впрочемъ разѣваетъ его широко, если только предварительно покажешь ей этотъ пріемъ. Вниманіе ея постоянно чѣмъ нибудь занято; блестящія бездѣлушки привлекаютъ ее. Она старается надѣть кольцо на палецъ, что ей наконецъ удается; часы для нея большая радость, она указываетъ на циферблатъ, прикладываетъ часы къ щекамъ, ко лбу, но не къ ушамъ, указываетъ на цѣпочку и ключикъ, дѣлая видъ, что заводитъ ключикомъ; потомъ она всовываетъ часы въ

карманъ жилета и показываетъ, что и у другихъ есть часы. Гораздо меньше ее радуетъ красная мѣрка и циркуль съ шариками, и когда Фогтъ окончилъ свои измѣренія и сложилъ циркуль, чтобъ его спрятать, она выдвинула голову впередъ и указала на скулы, куда его прежде прикладывала.

По окончаніи осмотра, ее очень безпокоили растрепанные волосы; она гладитъ ихъ, хочетъ ихъ сплести и отбрасываетъ ихъ отъ лица. Принесли яблоко (она охотно ѣстъ плоды и даже дикій каштанъ какъ-то хотѣла съѣсть), она показываетъ, чтобъ Фогтъ его очистилъ. Пока Фогтъ занимался этимъ, она набила полонъ ротъ кожицей, туда же всунула свои волосы, которыхъ никакъ не можетъ отдѣлить, такъ что они раздражаютъ ее до рвоты. О своихъ нѣкоторыхъ нуждахъ она даетъ знать знаками; прежде она очень мало стѣснялась въ этомъ отношеніи, — но розга (о, воспитательный элементъ!) отучила ее отъ такихъ непристойностей. Голодъ и обжорство она рѣдко проявляетъ. Она способна проводить цѣлые часы съ улыбающейся физіономіей, съ глазами, обращенными къ небу, и, какъ медвѣдь въ клѣткѣ, качается во всѣ стороны. Подчасъ она для этого закрываетъ свою голову платкомъ.

Вотъ она занялась нѣсколькими бумажками, развертываетъ ихъ, точно хочетъ читать что-то, издавая при этомъ свои горловые звуки, которые сильно напоминаютъ кудахтанье курицы, го, го, го, го, и съ благочестивымъ выраженіемъ глазъ, обращенныхъ къ небу. Наконецъ, громко произноситъ: амъ! складываетъ бумажку, комкаетъ ее и съ обезьяньей яростью впихиваетъ ее въ карманъ К. Фогта. Очевидно, что она подражала молитвѣ, трижды въ день повторяемой, и амъ означаетъ аминь. Единственное слово, произносимое ея устами. Все, что ей говорятъ, она обсуждаетъ какъ животное, не по содержанію, а по интонаціи; запрещенія и угрозы необходимо сопровождать указательнымъ пальцемъ, въ противномъ случаѣ она на нихъ не обращаетъ вниманія.

Чувства стыдливости нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; шорохъ, раздавшійся при попыткѣ снова надѣть ей башмаки, подалъ ей поводъ къ взрыву неимовѣрной веселости и, чтобы надѣть башмаки, она до того безцеремонно обошлась съ своими прелестями, что ее, наконецъ, нельзя было заподозрить въ стыдливости.

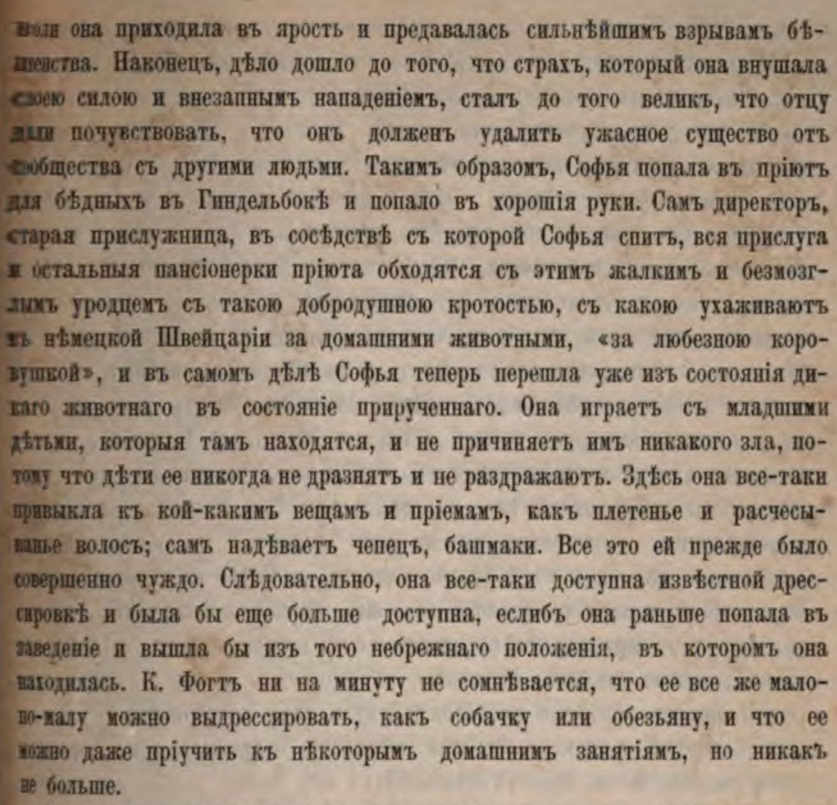
Оставляя домъ, ей нужно было пройти ступеньку, къ которой она не привыкла. Она указываетъ старухѣ, чтобъ та ей предшествовала, потомъ К. Фогту; приближается къ ступенькѣ, цѣпляется за перила, издаетъ

ужаснѣйшій ревъ э, э, э! словомъ, ни за что не хочетъ сойти. Дѣвушка хочетъ ее свести, она отталкиваетъ ее, впрыгиваетъ ей на спину, чтобъ та ее снесла.

На дворѣ новые нечаянные курьезы. Старая, отвратительная кретинка хочетъ поправить ея платье, которое пришло въ безпорядокъ при изслѣдованіи. Съ ревомъ и скрежетомъ зубовнымъ, она бросилась на нее: кретинка тоже оскалила единственный свой зубъ. «Софья Виссъ терпѣть не можетъ этой кретинки», сказала старуха. Тогда приблизилась другая старуха, добродушная и съ страдальческимъ выраженіемъ лица. «Эту Софья любитъ», сказала прислужница. «Что ты дѣлаешь, Софья?» сказала ей старуха, и Софья къ ней приблизилась, посмотрѣла на нее нѣжно, приложила свою щеку къ щекѣ старухи съ неподражаемымъ выраженіемъ, и стала лизать ей щеку, точь въ точь, какъ собака лижетъ руку.

К. Фогтъ даетъ старухѣ тайно отъ другихъ какую-то бездѣлицу въ руки. Но Софья, которая, по выраженію лица старухи, вертитъ постоянно головой, какъ птичка въ клѣткѣ, и слышитъ, какъ мышонокъ, замѣтила это. Она старается раскрыть руку старухи, шаритъ по карманамъ, куда та спрятала руки, съ полнымъ намѣреніемъ отыскать что нибудь съѣстное, потому что, когда ей показали монету, то она, обнюхавъ ее со всѣхъ сторонъ, преравнодушно отбросила ее въ сторону! Счастливая! Она, видимо, не знаетъ цѣны деньгамъ.

По всей вѣроятности, Софья вовсе не чувствительна къ погодѣ, и между тѣмъ физическую боль она ощущаетъ вполнѣ. При одномъ изъ своихъ быстрыхъ поворотовъ, она сильно ушиблась о спинку дивана, скорчила лицо и стала внимательно разсматривать палецъ; К. Фогтъ взялъ палецъ, погладилъ его и подулъ на него, какъ это дѣлаютъ часто съ дѣтьми: тогда она улыбнулась. Кромѣ всего этого интересны слѣдующія подробности. Отецъ Софьи, крѣпкій и здоровый работникъ, послѣ смерти жены и по удаленіи остальныхъ дѣтей, не былъ въ состояніи заботиться о своемъ уродливомъ дѣтищѣ, бывало, одѣнетъ дѣвочку поутру, вечеромъ раздѣнетъ ее, а въ остальное время предоставлялъ ее самой себѣ. Въ деревнѣ это дитятко было ужасомъ собакъ, которыхъ Софья преслѣдовала, какъ только, бывало, замѣтитъ у нихъ во рту что нибудь съѣстное, чтобы отнять у нихъ кусокъ. Она, бывало, вскочитъ собакѣ на спину и бьетъ ее до тѣхъ поръ, пока та не выброситъ кусокъ, который Софья тогда вмигъ проглатывала. Дѣти въ деревнѣ, бывало, бѣснуются съ нею, какъ съ домашнимъ животнымъ, но изъ-за малѣйшихъ пустяковъ и за малѣйшее нарушеніе ея

вали она приходила въ ярость и предавалась сильнѣйшимъ взрывамъ бѣшенства. Наконецъ, дѣло дошло до того, что страхъ, который она внушала своею силою и внезапнымъ нападеніемъ, сталъ до того великъ, что отцу даже почувствовать, что онъ долженъ удалить ужасное существо отъ сообщества съ другими людьми. Такимъ образомъ, Софья попала въ пріютъ для бѣдныхъ въ Гиндельбокѣ и попало въ хорошія руки. Самъ директоръ, старая прислужница, въ сосѣдствѣ съ которой Софья спитъ, вся прислуга и остальныя пансіонерки пріюта обходятся съ этимъ жалкимъ и безмозглымъ уродцемъ съ такою добродушною кротостью, съ какою ухаживаютъ въ нѣмецкой Швейцаріи за домашними животными, «за любезною коровушкой», и въ самомъ дѣлѣ Софья теперь перешла уже изъ состоянія дикаго животнаго въ состояніе прирученнаго. Она играетъ съ младшими дѣтьми, которыя тамъ находятся, и не причиняетъ имъ никакого зла, потому что дѣти ее никогда не дразнятъ и не раздражаютъ. Здѣсь она все-таки привыкла къ кой-какимъ вещамъ и пріемамъ, какъ плетенье и расчесыванье волосъ; самъ надѣваетъ чепецъ, башмаки. Все это ей прежде было совершенно чуждо. Слѣдовательно, она все-таки доступна извѣстной дрессировкѣ и была бы еще больше доступна, еслибъ она раньше попала въ заведеніе и вышла бы изъ того небрежнаго положенія, въ которомъ она находилась. К. Фогтъ ни на минуту не сомнѣвается, что ее все же мало-по-малу можно выдрессировать, какъ собачку или обезьяну, и что ее можно даже пріучить къ нѣкоторымъ домашнимъ занятіямъ, но никакъ не больше.

Если теперь поближе обратить вниманіе на остальныя душевныя ея свойства, то легко убѣдиться, что они поразительно сходны съ свойствами другихъ микроцефаловъ, бывшихъ предметомъ наблюденій.

Характеристичны то постоянное безпокойство, та торопливость и внимательность, съ какой она перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому, нони на чемъ долго не останавливается; чувства въ ней постоянно смѣняются; все заявляется самою живою игрою гримасъ, чѣмъ она вполнѣ и уподобляется обезьянѣ. «Она не знаетъ покоя, сказала объ ней старуха, — ей слезы и смѣхъ одинаково ничего не стоятъ». К. Фогтъ хотѣлъ снять съ нея фотографію, чтобы имѣть вѣрное изображеніе такого интереснаго существа, но долженъ былъ отложить свое намѣреніе, зная хорошо, что ее трудно будетъ заставить соблюсти покой, хотя на одно мгновеніе. Малѣйшее движеніе фотографа, машины, окружающихъ, малѣйшій шорохъ — все это помѣшало бы сдѣлать сколько нибудь правильный снимокъ.

Само собою понятно, что при такой особенности память ея не мож воспринять никакихъ впечатлѣній. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя впечатлѣ сохраняются послѣ неоднократныхъ повтореній. Софья узнаетъ тѣ ли которыя объ ней заботятся; она однихъ любитъ, а другихъ ненавиди она усвоила понятіе и значеніе нѣкоторыхъ тѣлодвиженій, напр., подня указательнаго пальца старухи; «если я не подниму пальца, то она за м не послѣдуетъ», сказала старуха; она припоминала употребленіе часов ключика, по всей вѣроятности, потому, что она каждый вечеръ видѣ какъ ея отецъ заводилъ часы. Это запоминаніе проявлялось также въ стремленіи къ подражанію, которое у ней развито въ высшей степени. С слѣдила за всѣми движеніями посѣтителей съ обезьяньею внимательност пыталась нѣсколько разъ вѣрно копировать и подражать имъ, но п ражанія движеніямъ рукъ и ногъ удавались ей рѣдко. Казалось, что необходимо нѣсколько разъ повторить ихъ, чтобы усвоить должную с мускуловъ и пріобрѣсти умѣнье управлять ими. Что касается способно къ подражанію, то извѣстно, что ни одно животное не обладаетъ э способностью въ такой мѣрѣ, какъ обезьяна, и Софья въ этомъ отноше совершенно находится на степени обезьянъ. Всякое впечатлѣніе, кото наблюдатель обнаруживаетъ на своемъ лицѣ, отражается на ея лицѣ т часъ же; всякое движеніе мгновенно, съ быстротою молніи воспринима и, если она въ хорошемъ расположеніи духа, даже повторяется; подраж молитвѣ вполнѣ объясняетъ въ ней стремленіе подражать рѣчи, удар и тону голоса. И въ другихъ отношеніяхъ она также сильно напомина обезьяну. Ночью, такъ какъ она очень мало и безпокойно спитъ, она п водитъ цѣлые часы въ завязываньи узелковъ изъ лентъ на чепцѣ, разрываньи бумаги и лоскутковъ въ мелкіе кусочки, и въ заведеніи сто большого труда отучить ее отъ этой привычки, причемъ прибѣгали такимъ же пріемамъ, какъ съ животнымъ.

О членосоставной рѣчи, о какомъ нибудь пониманіи ея нечего и тол вать. Нѣтъ и слѣда ничего этого. Разговоръ для нея имѣетъ знач гула; она не постигаетъ смысла сказаннаго, но догадывается по тону, которымъ произнесено сказанное, по мимикѣ, какою сопровождаютъ рѣ въ ласкающемъ тонѣ и съ улыбкой произнесенныя угрозы она воспри маетъ, какъ ласку; въ угрожающемъ тонѣ и съ приподнятымъ указате нымъ пальцемъ высказанную ласку она считаетъ угрозой. Она слѣд за движеньями рта, когда съ ней говорятъ, въ какомъ-то остолбенені съ изумительнымъ удивленіемъ, по очень простой причинѣ, потому что

понимаетъ ни цѣли, ни смысла разговора. «Мы всегда полагали, ска-
ла старуха, что у нея языкъ приросшій и еслибъ ей и теперь его под-
ѣзать, то она навѣрное могла бы лучше говорить; по крайней мѣрѣ,
роизносила бы нѣкоторыя слова, но она не можетъ хорошенько высунуть
зыкъ». К. Фогтъ показалъ ей, что языкъ Софьи совершенно нормальный,
что она облизывалась имъ, когда ѣла яблоко. Старуха тогда поняла,
о дѣло не въ языкѣ; что она нѣма потому, что ничего не понимаетъ.
Аминь — единственное половинчатое слово, которое ее пріучили произ-
осить въ пріютѣ, и то она его произноситъ не вполнѣ; она выговари-
етъ его: аммъ.
Софья Виссъ, такимъ образомъ, въ умственномъ отношеніи приближается
ъ обезьянѣ. Черепъ и спинной хребетъ у нея обезьяньи, лицо косозубое,
тѣломъ — хорошо сформированное человѣческое дитя *). Таковъ живой
бразчикъ той породы существъ, которыхъ ни одинъ безпристрастный и
обросовѣстный естествоиспытатель не рѣшится причислить къ человѣче-
кому роду, а между тѣмъ, Софья Виссъ считается въ числѣ жителей
Швейцаріи, она дочь свободной страны. Откуда же берется такое страшное
скаженіе человѣка и какъ оно является на свѣтъ божій? Повидимому,
овольно странно. Родители, родственники и даже предки, можетъ быть,
амые отдаленные, всѣхъ этихъ микроцефаловъ совершенно здоровые люди,
е представляютъ ничего ненормальнаго, ничего болѣзненнаго, ничего вы-
одящаго изъ ряду вонъ, и вдругъ среди группы другихъ дѣтей, вполнѣ
еловѣческихъ, является существо, которое назвать человѣкомъ — значитъ
скорблять человѣческое достоинство всякаго, а причислить къ животнымъ
нѣтъ никакихъ юридическихъ правъ, потому что оно рождено отъ людей.
Должна же быть въ природѣ какая нибудь серьезная причина этому груст-
ному явленію. Нужно же отыскать ему какое нибудь разумное объясненіе.
Карлъ Фогтъ видитъ въ этомъ случаѣ проявленіе отдаленнѣйшей наслѣд-
ственности. Въ природѣ, впрочемъ, встрѣчаются примѣры такой странной и
отдаленной наслѣдственности, что съ перваго разу даже повѣрить трудно.
Такъ, Шмитбергеръ своими наблюденіями надъ травяными вшами убѣдился,
что имъ нужно пройти пятнадцать поколѣній, чтобы возвратиться къ пер-
воначальному производителю, и только 16-й членъ вполнѣ похожъ на первый,

*) Archiv für Antropologie. 2 Band. 2 Heft. 1867. Ueber die Microcephalen
oder Affen-Menschen, von Carl Vogt.

способный снова начать ту же процедуру. А потому К. Фогтъ имѣлъ
нѣйшее основаніе прійти къ тому заключенію, что *микроцефалы час
проявленіе атавизма*, что они представляютъ собой возвратъ къ
первобытной породѣ, слѣды которой надо искать въ отдаленнѣй
эпохахъ и съ которой можно было бы найдти непосредственную
человѣка, если бы наука обладала всѣми необходимыми фактами дл
ченія этой постепенной градаціи развитія... Мы здѣсь видимъ полн
явленіе реверсіи, мы здѣсь видимъ, что когда-то, вѣроятно, существ
такая порода существъ, и что отъ нихъ перешли къ потомству нѣко
зачатки, которые лежали въ оцѣпенѣніи и выжидали благопріятнаг
чая для проявленія. Что зачатки эти не всегда проявляются — эт
виситъ отъ того, что передача и развитіе ихъ хотя и параллельныя
но совершенно независимыя. Мы можемъ унаслѣдовать всякіе зачатк
развитіе ихъ можетъ зависѣть отъ многихъ внѣшнихъ условій, котор
гутъ быть устранены и не дать этимъ зачаткамъ развитія. «Если прид
ваться ученія о реверсіи, говоритъ Дарвинъ, то зародышъ становится с
удивительнымъ предметомъ, такъ какъ, кромѣ видимыхъ перемѣнъ,
рымъ онъ подверженъ, мы должны предположить, что онъ наполнен
видимыми признаками, свойственными обоимъ поламъ и цѣлому дл
ряду мужскихъ и женскихъ предковъ, раздѣленныхъ сотнями и даж
сячами поколѣній отъ настоящаго времени, и всѣ эти признаки,
письмена, писанныя на бумагѣ невидимыми чернилами, лежатъ, г
развиться подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ или неизвѣс
условій.»

Мы прослѣдили великій законъ наслѣдственности во всѣхъ фаза
развитія, мы видѣли могущественное распространеніе его въ природ
пытались убѣдить, что лучшимъ и вѣроятнѣйшимъ разъясненіемъ е
жетъ послужить лишь одна теорія пангенезиса, столь лучезарно ос
ющая всѣ таинственныя складки и всѣ темные изгибы этого запут
вопроса. Передъ нами теперь вопросъ о наслѣдственности ясенъ, какъ
день, и научно раскрытъ, разработанъ. Но этого мало. На осн
теоріи пангенезиса и въ силу великаго закона наслѣдственности, м
перь въ силахъ разъяснить и прослѣдить столь сложное явленіе ск
ванья и принципъ естественнаго подбора—этого вопроса могуществ
закона біологіи, раскрытаго Дарвиномъ. Такъ плодотворно это кап
ное ученіе. Такъ величественно зданіе, воздвигнутое въ наше врем
востепеннымъ европейскимъ умомъ Дарвина. Вся палата ученых

[redacted]

ѣнно преклонилась и сознательно приняла преобразовательный билль, ный въ палату лучшимъ ея представителемъ, Дарвиномъ. Только рые лорды науки, въ родѣ Агасица, еще отстаиваютъ свое мишур- молюбіе, но уже раздаются голоса, что «не нужно намъ палаты лор- и билль торжественно пройдетъ вездѣ и всюду. Всѣ отрасли знаній, ія какое либо отношеніе къ біологіи, должны будутъ проникнуться ією Дарвина. И не только европейскій ученый міръ, но отдален- пункты обитаемаго міра озарятся свѣтомъ этого ученія. Всѣ изыс- пойдутъ по новымъ, проложеннымъ Дарвиномъ, путямъ. Вездѣ, гдѣ проявится и куда только проникнетъ пытливый умъ человѣка, тамъ оснуется и установится это замѣчательное ученіе, это послѣднее енное слово современной намъ науки. Птица несетъ завалявшееся въ отдаленнѣйшія пустыни и оплодотворяетъ его; то же дѣлаетъ и тамъ, гдѣ не отвергаетъ, не преслѣдуетъ ее своекорыстная партія человѣческая глупость и упорство.

ПОДБОРЪ ВЪ ПРИРОДѢ.

«Ни одно міровое событіе въ жизни человѣчества не совершилось безъ страсти.»

Величественное зданіе науки, которымъ теперь человѣчество по справедливости гордится, воздвигнуто не со вчерашняго дня. Тяжелымъ путемъ испытаній ознаменовалась вѣковая исторія ея медленнаго развитія. Въ самой глубокой и отдаленной древности зародышъ ея уже былъ встрѣчаемъ то иронической улыбкой, то жестокимъ преслѣдованіемъ и гоненіями. Какой нибудь Аристотель долженъ былъ бѣжать отъ своего царственнаго покровителя, чтобъ избавиться отъ насильственной смерти. Величайшій мудрецъ древности Сократъ за свое глубокое пониманіе долженъ былъ выпить горчайшую чашу цикуты. И съ легкой руки этого безчеловѣчнаго событія и до настоящаго времени многимъ послѣдователямъ Сократовыхъ тенденцій достаются на долю то язвительная иронія, то подобныя же гоненія. Но этимъ не остановить порывистаго стремленія науки впередъ и, безпристрастная въ своихъ изысканіяхъ и изслѣдованіяхъ, она не остановится передъ внѣшними преградами и не отвернется ни отъ какихъ выводовъ. Смѣло и прямо должны мы поэтому смотрѣть ей въ глаза, смѣло и честно должны мы воспринимать ея истины, провѣренныя лучшими современными умами, стойко и вѣрно должны мы отстаивать ея вѣрные и непогрѣшимые законы, какъ наши лучшія убѣжденія, какъ наше единственное, самое дорогое и самое утѣшительное достояніе.

Всѣ предшествовавшіе намъ вѣка были богаты хорошими наблюденіями; во всѣ времена были люди, тщательно подмѣчавшіе явленія, собиравшіе факты и стремившіеся къ плодотворнымъ изысканіямъ. Но только рѣдко удавалось людямъ науки докапываться до несомнѣнныхъ обобщеній. Пока

жили отдѣльными группами, мало интересовавшими другъ друга, довольствовались самыми ограниченными міровоззрѣніями, успокои-ь обычнымъ ходомъ своей жизни, и этотъ ходъ жизни, эта ая муть казались каждой отдѣльной группѣ людской единственно ой и непогрѣшимой нормой житейской. Такъ, напримѣръ, религія, относительное человѣческое понятіе, разнообразится чуть не съ каж- градусомъ широты и долготы всего земного шара. Но до всеобъем-аго мірового обобщенія идеи о Богѣ и повсемѣстнаго ея распростра- человѣчество не скоро еще дойдетъ, хотя необходимость этой ис- дознана теперь лучшими передовыми умами. Вообще говоря, масса кая неспособна отрѣшаться отъ отдѣльныхъ фактовъ и восходить до манія научныхъ обобщеній. Между тѣмъ какъ вся суть-то въ нихъ. ь же девятнадцатый вѣкъ по преимуществу богатъ широкими и пло-рными обобщеніями, возведенными первоклассными умами на степень ныхъ законовъ, научныхъ истинъ. Къ числу таковыхъ обобщеній мы имъ подмѣченный Дарвиномъ въ органической природѣ естественный оръ.

вершенно напрасно мы успокоиваемся на томъ фактѣ, что мы стоимъ ровнѣ европейскаго образованія. Сила и качество умственной куль- народа опредѣляются не мертвой массой разрозненныхъ научныхъ овъ и наблюденій, а силой и вѣрностію ихъ обобщенія. Но что же томъ отношеніи мы внесли новаго въ общую сокровищницу европей- науки? Ровно ничего. Заявили ли мы себя хотя однимъ какимъ ни- знаменательнымъ обобщеніемъ въ общей экономіи европейской мысли? о никакимъ. И не только самобытнаго творчества у насъ доселѣ мѣтно, но даже усвоеніе европейской науки происходитъ крайне енно. Какъ же, когда лучшія европейскія сочиненія переводятся и ются въ числѣ какихъ нибудь 1000 или 2000 экземпляровъ, рас-щихся преимущественно въ столицѣ, гдѣ они на половину гніютъ въ зинахъ. Какой тутъ можетъ быть толкъ, когда сочиненіе какого ни- Милля или Дарвина печатается въ нѣсколькихъ стахъ экземплярахъ 0 милліоновъ жителей. Посмотрите, съ какой ироніей, злобой, под- негодованіемъ встрѣчаютъ въ провинціи всякую новую мысль, имъ давно ставшую на Западѣ избитой фразой. И если среди этой бщей апатіи кой-гдѣ мелькнетъ свободный мыслитель, скромный па-къ европейской науки, то положеніе его самое незавидное, самое ое. Жертва научнаго развитія, онъ мечется какъ угорѣлый и мается

весь свой вѣкъ, какъ безпомощная, ненужная вещь, какъ излишняя кошь, какъ алмазъ въ навозной кучѣ, попираемый пѣтушьими н высокомѣрныхъ провинціяльныхъ невѣждъ. Понятно, что при таком стояніи и настроеніи общества, трудно добиться снисходительности, манія, а тѣмъ паче усвоенія европейскихъ обобщеній. Мы хотимъ указать, насколько отъ этого въ убыткѣ сама же публика.

Всякое усовершенствованіе организаціи, приносящее пользу живот улучшающее его существованіе или могущее продлить его жизнь, или лать ее менѣе подверженною внѣшнимъ невзгодамъ или менѣе стро висимою отъ внѣшнихъ условій,—всякое такое улучшеніе органи животнаго и притомъ не по отношенію къ намъ лично, а по отно къ самому животному, хотя бы и несознаваемому вполнѣ самимъ ж нымъ,—мы вправѣ назвать прогресомъ въ животной сферѣ, не иск человѣка. Если жизнь сама себя имѣетъ цѣлью, то это же самое сказать и относительно растительнаго міра. Но если принять во вни что всѣ существа животнаго міра одарены способностью ощущать, тѣмъ какъ растенія, вѣроятно, лишены этой способности, то намъ т становится опредѣлить, что такое прогрессъ въ мірѣ растеній? Да упускаетъ этотъ вопросъ и мы, конечно, не въ силахъ дополнять вел Дарвина. Мы считаемъ лишь нужнымъ упомянуть здѣсь, что мы д отъ натур-философской точки зрѣнія, по которой все въ природѣ с исключительно на пользу и въ утѣху человѣчеству. Даже трудно и то нехочется допустить другую натур-философскую точку зрѣнія, п торой вся органическая матерія въ природѣ стремится преобразов въ ткани, одаренныя самосознаніемъ, почему будто-бы растенія охотно превращаются путемъ питанія въ животныхъ, а тѣ и д вмѣстѣ взятыя, облагораживаются, возвышаются и достигаютъ в своего счастія, предѣла своихъ стремленій, преобразившись въ чело ское самосознаніе. Такъ или иначе, но Дарвинъ касается прогрес мірѣ животныхъ и растеній лишь по отношенію къ человѣку. Для всякое улучшеніе организаціи, полезное человѣку и безвредное живо или растенію, — уже прогрессъ. Природа мало того что любитъ и д каетъ такія улучшенія, она еще, какъ экономная хозяйка, стремитс хранить всякое такое улучшеніе и всячески старается сберечь в прогрессивное усовершенствованіе, чтобы не пришлось вторично трат и понапрасну расходовать свои силы. Изъ предыдущей нашей статьи татель уже знаетъ, какой блестящій путь для достиженія этой

ала природа и какъ ловко и наглядно разъяснилъ намъ этотъ путь вйнъ въ своей теоріи пангенезиса. По этой его теоріи мы уже знаемъ, всякое улучшеніе организаціи сопровождается отдѣленіемъ улучшенъ зачатковъ. Улучшенные зачатки ждутъ лишь хорошей почвы и удоб- момента проявить себя и развиться въ новую, улучшенную форму. этому каждое существо стремится сблизиться съ другимъ существомъ, ходящимъ къ нему подъ пару, чтобы путемъ наслѣдственнымъ пере- ь потомству благопріобрѣтенные хорошіе элементы и задатки; каждая рь ищетъ себѣ подходящую пару, чтобъ подольше сохранить всѣ по- ныя приспособленія своей организаціи, которыя стоили ей труда всей зни. Но въ то же время всякая тварь избѣгаетъ встрѣчи, боится лкновенія съ несоотвѣтственной личностью, съ неподходящей парой, бы, чего Боже упаси, полезныя уклоненія ея организаціи не погибли, исчезли бы даромъ. Всякая тварь готова отнестись враждебно къ каж- личности, которая можетъ лишь содѣйствовать къ охраненію однихъ ь вредныхъ уклоненій организаціи. Пусть они лучше погибнутъ—всѣ вредныя уклоненія, природа любитъ, чтобы у нея все *было на под- ръ*. Вотъ это стремленіе сохранить полезныя стороны и уничтожить дныя Дарвинъ называетъ естественнымъ подборомъ, великимъ закономъ ироды. Подбору, этой чудотворной силѣ природы, человѣчество обязано чшими произведеніями культуры животной и растительной сферы. Чего, о не измѣнилъ, чего, чего не передѣлалъ человѣкъ въ окружающей обстановкѣ, единственно благодаря этой силѣ. Всѣ принадлежности и дробности его стола, отъ изысканнѣйшихъ блюдъ самаго взыскательнаго стронома до незатѣйливой, но удобоваримой пищи современнаго просто- дина, всѣ диковинки его разнообразнѣйшей одежды, отъ тончайшихъ аней тщеславной аристократіи до будничнаго костюма послѣдняго бур- а,—все это продуктъ той многосторонней силы, которой и конца ни- кого не предвидится; всѣмъ этимъ человѣкъ обязанъ способности орга- ческой матеріи видоизмѣняться до безконечности, смотря по обстоятель- вамъ, за все это человѣкъ долженъ сказать сердечное спасибо одному шь подбору. Предки наши, прозябавшіе въ непривлекательныхъ свай- ыхъ постройкахъ на озерахъ Швейцаріи, понятія не имѣли и думать не мѣли о той роскоши стола, которымъ теперь наслаждается чуть не каж- ый путешественникъ въ любой европейской гостинницѣ за умѣренную лату. Наша пшеница, овесъ, ячмень, горохъ, бобы, чечевица и макъ астолько превосходятъ по величинѣ и по качеству сѣмена этихъ злаковъ,

которыми питались обитатели бронзоваго періода, что намъ просто стыдно признать этихъ грубыхъ дикарей своими предками. А что сказалъ бы такой дикарь, еслибъ ему показали, какъ его грубое яблоко преобразилось въ наше сочное, душистое яблоко, и какъ его терпкая груша, которую пришлось отвѣдать даже Плинію, превратилась въ нашу тающую, разсыпчатую грушу. Еще не далеко то время, говоритъ Дарвинъ, что четырехъ-фунтовыя утки считались чуть не рѣдкостью, а теперь уже самое обыкновенное явленіе—шести-фунтовая утка. У какого нибудь заводчика стадо овецъ; онъ отбираетъ изъ своего стада на племя тѣ особи, у которыхъ самое тонкое руно, а остальныя истребляетъ. Совершая такой подборъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ и чрезъ цѣлый рядъ поколѣній, онъ достигаетъ, наконецъ, своей цѣли: цѣлыхъ 12 шерстинокъ любой его овцы равняются по толщинѣ одной шерстинкѣ отъ овцы чужого стада. Такова сила подбора! Таково умѣнье пользоваться этой силой. И этого достигаютъ въ какой нибудь Австріи. Подите же, толкуйте тутъ, вамъ сейчасъ же скажутъ, что мы еще не доросли до этого... Въ маленькой Саксоніи подборъ животныхъ на племя считается такимъ важнымъ и серьезнымъ дѣломъ, что лучшіе скотоводы не довѣряютъ самимъ себѣ рѣшеніе этого вопроса и поручаютъ это дѣло особымъ спеціалистамъ. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія сила подбора настолько была практически извѣстна въ Англіи, что одна маленькая птичка, именно канарейка, удостоилась особенной чести: для нея былъ установленъ *образецъ совершенства*, которымъ руководствовались лондонскіе любители.

Съ тѣхъ поръ и въ наукѣ, и въ практической жизни сдѣланы громадные успѣхи въ искуственномъ усовершенствованіи природы посредствомъ могущественнаго орудія—подбора. Поэтому Дарвинъ и даетъ такую великую важность этому вопросу. Онъ изслѣдовалъ все то, что хотя намекаетъ на его ученіе во всей классической литературѣ. Кромѣ того, во время своего путешествія на кораблѣ «Бигль» и изъ другихъ разныхъ источниковъ, онъ ознакомился съ положеніемъ этого вопроса не только у цивилизованныхъ народовъ, но и у дикарей и у полуцивилизованныхъ обитателей разныхъ самыхъ отдаленныхъ закоулковъ нашей планеты. Такимъ образомъ, онъ изучилъ интересовавшій его вопросъ, такъ сказать, во времени и въ пространствѣ. И, наконецъ, онъ убѣдился, что подборъ—чрезвычайно разнообразное явленіе въ природѣ, что человѣкъ бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ весьма остроумнымъ и тонкимъ наблюдателемъ, что онъ, слѣдовательно, поэтому подмѣтилъ это явленіе въ природѣ, воспользовался

силой и нашелъ для себя въ этой силѣ неисчерпаемый источникъ аждденія, богатства, улучшенія быта, увеличенія средствъ существои и разнообразнѣйшее примѣненіе многостороннихъ своихъ потребнос- Такимъ образомъ, Дарвинъ дошелъ до убѣжденія, что подборъ совертся во всей природѣ, и притомъ, въ большинствѣ случаевъ, разумѣется, имо воли человѣка, но что человѣкъ по своей волѣ, по своему усмот- даже по своей прихоти можетъ руководить этой силой рѣшительно ъ ему вздумается. Отсюда Дарвинъ систематизируетъ принципъ пода въ три господствующія формы. Подборъ, по его убѣжденію, бываетъ одическій, безсознательный и, наконецъ, естественный. Еслибъ читатель счелъ съ нашей стороны за величайшую дерзость дѣлать свои замѣча- еслибъ онъ былъ настолько снисходителенъ, что не обвинилъ бы насъ святотатствѣ за наше личное мнѣніе, за продерзость смѣть свое сужіе имѣть, то мы позволили бы себѣ сказать, что если не необходиь, то своеволіе и самодурство человѣка побуждаютъ его довольно часто ршать, такъ сказать, еще и *неестественный подборъ*. Методическій боръ тѣмъ хорошъ, что вы можете силою его достигнуть выполненія ой нибудь предвзятой идеи, заранѣе задуманнаго плана. Вы можете ою этого способа не только улучшить ту или другую часть въ люъ животномъ или растеніи, но вы можете просто измѣнить всю его анизацію, переиначить, передѣлать, пересоздать его по-своему. У васъ до рогатаго скота съ длинными рогами; почему-то вамъ это не понраось, или длинные рога для васъ невыгодны; но вамъ не хочется сразу статься съ своимъ стадомъ, вы съ нимъ свыклись, наконецъ, это стадо очникъ вашего благосостоянія, а потому, не торопясь, вамъ нужно ь вооружиться на время извѣстной долей терпѣнія и проникнуться дуъ какого-либо Блекуэля, у васъ въ рукахъ могущественное средство, бладаете значительною силою помочь своему горю, поправить дѣло,— этого вамъ стоитъ обратиться къ систематическому подбору. Вы вытe изъ своего стада только лишь тѣ экземпляры, у которыхъ рога меньшіе, вы ихъ отдѣляете въ отдѣльную группу и не допускаете смѣія съ длиннорогими. Съ остальными экземплярами вашего стада вы упаете, по-прежнему, по своему благоусмотрѣнію: часть продаете, а льные лишь ваши временные гости. Такимъ образомъ, силою подбора изолированной половинѣ вашего стада вы можете достигнуть того, что асъ появятся экземпляры съ самыми короткими рогами, вы начинаете ножать ихъ и мало-по-малу, наконецъ, достигаете того, что ваше преж-

нее длиннорогое стадо теперь никто уже узнать не можетъ: оно сдѣ
короткорогимъ. Чудо это совершилось силою методическаго или сист
ческаго подбора. Силой того же подбора въ Англіи произведены изм
въ конструкціи свиньи. Англичане того убѣжденія, что для свиньи
совершенно лишняя вещь, и довели своихъ свиней до того, что у них
совершенно укоротились, такъ что животъ тащится у нихъ по
Пусть кто нибудь сравнитъ дикаго кабана съ улучшенною отборною
ей, восклицаетъ торжественно Дарвинъ, и всякій легко убѣдится,
успѣшно укорочены ноги у цивилизованной свиньи. Восточныя о
нашей обширной земли, столь богатыя и изобилующія всякаго род
томъ, снабжаютъ большинство своихъ жителей говядиной, имѣюще
свойства старой подошвы, но какой нибудь англійскій мясоторговец
подбора дошелъ до того, что отъ его отборнаго скота получаетс
съ замѣчательно тонкой волокнистостью и насквозь пропитанное ж
такъ что такое мясо таетъ во рту. Другой довелъ такимъ же путе
ихъ овецъ до того, что вся брюшная полость у нихъ переполнена
отличнѣйшаго качества. Искуство разнообразить животныхъ и по
произволу видоизмѣнять ихъ подчасъ доходитъ просто до смѣшного.
малось иному любителю, чтобъ у пѣтуха гребень на головѣ стоялъ
и вотъ чрезъ пять, шесть лѣтъ всѣ хорошіе пѣтухи имѣли прямые
Иному захотѣлось, чтобъ у куръ была борода, и вотъ въ 1860 г
Хрустальномъ дворцѣ были выставлены пятьдесятъ семь куръ съ
ми. Такимъ же образомъ достигли того, что коровы въ обиліи да
локо и притомъ богатое существенными составными частями. Од
нихъ особенно пригодны для производства сыра, другія для до
масла, третьи приспособлены для доставленія хорошаго молока и с
Англійскія скаковыя и ломовыя лошади, англійскія охотничьи соба
таются чуть ли не лучшими въ мірѣ. И все это достигнуто сило
дическаго подбора. Въ мірѣ растеній подборъ произвелъ положи
чудеса. Читатели наши помнятъ, какъ изъ дикаго крыжовника, к
вѣситъ 120 гранъ, силою подбора получили крыжовникъ London
грановъ вѣсу, т. е. въ восемь разъ больше вѣса дикаго плода. Въ
года мистеръ Бекманъ, при помощи воздѣлыванія и заботливаго
превратилъ пастернакъ, выращенный изъ сѣмянъ дикаго растенія,
рошую и съѣдобную разновидность. Вслѣдствіе подбора впродолже
гихъ лѣтъ горохъ заставили созрѣвать на 20 дней раньше обы
наго. Еще болѣе интересный случай представляетъ свекловица; кот

ени ея воздѣлыванія во Франціи стала давать почти вдвое болѣе са-
, чѣмъ давала прежде. Это было достигнуто заботливымъ подборомъ;
ильно взвѣшивали и испытывали удѣльный вѣсъ корней и лучшіе
и сохраняли на сѣмена. И не только образованные и цивилизованные
ды пользуются силою подбора и заботятся объ улучшеніи своихъ жи-
ыхъ и растеній, но даже дикіе народы разныхъ частей свѣта созна-
но подбираютъ для своихъ надобностей соотвѣтственныхъ животныхъ.
знали малороссійскаго помѣщика, который упивался своей четверкою
ихъ лошадей. Эскимосъ счастливъ и гордъ, когда вся его собачья
яжка одинаковой масти. Старыя дѣвы и нервныя бездѣтныя барыни
необыкновенною любовью привязываются къ разнымъ птицамъ, кош-
ъ, что, конечно, доказываетъ, насколько въ человѣкѣ сильна потреб-
ь любить и привязываться къ кому нибудь и къ чему нибудь. Иной
исной охотникъ скорѣе готовъ разстаться съ женой, чѣмъ съ любимой
акой. Индѣйцы турума въ Гвіанѣ очень высоко цѣнятъ своихъ собакъ;
нъ и цѣна за хорошую собаку такая же, какъ цѣна, платимая за
у, и они содержатъ своихъ собакъ въ особыхъ клѣткахъ, какъ циви-
ованные народы содержатъ своихъ женъ въ особыхъ клѣткахъ, назы-
ыхъ спальнями и гостиными. Даже во внутренней Африкѣ дикари за-
тся о разведеніи крупныхъ и сильныхъ животныхъ; Ливингстонъ раз-
ываетъ, что дикіе африканцы малоколы пришли въ неописанный во-
гъ, когда онъ имъ обѣщалъ прислать хорошаго быка. Племя дамара
ребляетъ всѣ усилія, чтобъ у него все стадо цѣликомъ было одного
а. И если наше купечество такъ же высоко цѣнитъ жирныхъ лоша-
какъ и жирныхъ женъ, то оно въ этомъ отношеніи не далеко ушло
дикихъ племенъ Южной Африки, которыя также цѣнятъ свой скотъ,
и своихъ женъ, и столько же гордятся породистостью своихъ жи-
ыхъ, какъ мы породистостью своихъ женъ и мужей. «Но самый инте-
ый случай подбора у полуцивилизованнаго народа или даже вообще у
го бы то ни было народа, разсказываетъ Дарвинъ *), приводится
илласомъ де-ла-Вега, потомкомъ инковъ, и производился въ Перу до
ренія этой страны испанцами. Инки ежегодно устраивали большія
ы, во время которыхъ всѣ дикія животныя сгонялись изъ огромнаго
та къ одному центральному пункту. Сначала уничтожались всѣ хищ-

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя, Т. II, стр. 227.

ные звѣри, какъ вредные. Дикихъ гуанако и вигоней стригли, ст
самцовъ и самокъ убивали, другихъ выпускали на волю. Осматривали
личные роды оленей; старыхъ самцовъ и самокъ равнымъ образомъ
вали; но молодыхъ самокъ и нѣкоторое число самцовъ, выбранныхъ
самыхъ красивыхъ и сильныхъ, выпускали на свободу. Здѣсь, слѣ
тельно, мы имѣемъ подборъ искуственный, помогающій естественному под
Такимъ образомъ, инки слѣдовали системѣ совершенно противупол
той, которой слѣдуютъ шотландскіе охотники, постоянно убивающіе
шихъ оленей и тѣмъ обусловливающіе вырожденіе всей породы.»

Когда человѣкъ отбираетъ самыхъ цѣнныхъ субъектовъ своего с
и сохраняетъ ихъ и уничтожаетъ, истребляя негодныхъ безъ всякой
гой предвзятой идеи, безъ намѣренія измѣнить породу, тогда происх
безсознательный подборъ. Иному чудаку вздумается достигнуть того,
все его стадо овецъ было бѣло, какъ молоко. Какъ только у него
ляется овечка съ малѣйшимъ чернымъ пятнышкомъ, или съ цвѣтомъ
сти не вполнѣ бѣлымъ, онъ немедленно уничтожаетъ ее, такъ что
слѣда ея не было. Если при такихъ его стараніяхъ какъ нибудь
скользнетъ овечка, которая въ силу уже знакомаго нашимъ читат
атавизма среди всеобщей бѣлизны носитъ гдѣ нибудь на тѣлѣ т
клокъ волосъ, то это для него кровная обида и онъ успокоивается
тогда, когда это несчастное животное, нарушающее его воображаемую
монію, не падетъ жертвой его же собственнаго аппетита. Сила без
тельнаго подбора въ рукахъ человѣка—страшная сила, подчасъ даже
ная сила. Онъ ею можетъ по произволу уродовать любое животное и
самого человѣка. Читатели наши помнятъ, до чего довели іоркширскіе
меры своихъ коровъ, подбирая телятъ съ широкими окороками. Послѣ
оказались гибелью большей части несчастныхъ матерей, которыя уми
въ родахъ. Но искажать животныхъ еще куда ни шло; а то бываютъ
же эксперименты и надъ человѣкомъ. Наполеонъ I можетъ, по всей с
ведливости, быть названъ великимъ экспериментаторомъ человѣчества.
своихъ опустошительныхъ войнъ, которыми онъ такъ усердно цивилизо
европейское человѣчество, ему, конечно, необходимы были самые ро
французы. На бѣду случилось такъ, что немногіе изъ солдатъ фра
ской арміи возвращались обратно во Францію. Трескучіе морозы 12
уложили въ могилу не одну тысячу. Такимъ образомъ, Наполеонъ св
наборами истребилъ все рослое населеніе Франціи и оставилъ на
однихъ лишь низенькихъ и маленькихъ французиковъ, вслѣдствіе чего х

, необходимую для поступленія въ армію, пришлось понизить раза
или три. А еще удивляются, почему теперь французы такіе малень-
Да если бы судьба одарила Европу на цѣлое столѣтіе такими экс-
ментаторами, каковыми были Наполеонъ I или сумасшедшій отецъ
риха Великаго, вербовавшій великановъ не на племя, а для опусто-
льныхъ войнъ, то мы теперь — чего добраго — увидѣли бы Европу на-
ною лиллипутами. Да, подборъ — благодѣтельная сила въ рукахъ образ-
наго и умнаго человѣка, и опасная сила въ рукахъ безумнаго деспота.
время оно, когда Англіей правилъ суровый пивоваръ Оливеръ Кром-
тогда еще тамъ понятія не имѣли о томъ, что такое хорошая ска-
я лошадь. Но въ это время привезли туда трехъ извѣстныхъ восточ-
жеребцовъ, которые произвели рѣшительное вліяніе на всю по-
англійскихъ лошадей. Тогда считалось величайшимъ счастіемъ имѣть
скую лошадь, но никому и въ голову не приходило, что настанетъ
я, когда англійскія лошади будутъ считаться лучшими въ мірѣ и что
ать англійскую кровную породистую лошадь для многихъ владѣльныхъ
Европы будетъ такимъ же страстнымъ желаніемъ, какъ нѣкогда для
йскаго лорда пріобрѣтеніе арабскаго коня.

ы должны обратить здѣсь вниманіе читателя еще на то обстоятель-
которое онъ отнюдь не долженъ упускать изъ виду, именно, что
оръ дѣйствуетъ не только на внѣшнія свойства животнаго, но и на
реннія. Конечно, овцу никто не станетъ цѣнить за ея быстроту, но
за шерсть, никто не станетъ восхищаться смышленостью свиньи, а
толстымъ слоемъ на ней сала, но всякій станетъ любоваться бы-
тою бѣга скаковой лошади, или силою ломовой, или смышленостью
й собаки. Теперь посмотрите, какая разница въ животныхъ, смотря
ребованіямъ человѣка. На островахъ Полинезіи и въ Китаѣ собакъ
ребляютъ въ пищу и цѣнятъ ихъ за мясо; тамъ эти животныя чрез-
йно тупоумны. У насъ же не рѣдкость встрѣтить охотника, который
адышется на свою борзую и каждый разъ приходитъ въ восторгъ,
вспомнитъ, какъ она мастерски дѣлаетъ «стойку». Но если бы можно
прослѣдить весь длинный рядъ предковъ, отдѣлявшихъ борзую собаку
ея волкообразнаго прародителя, то мы легко могли бы убѣдиться,
она прошла цѣлый рядъ незамѣтныхъ измѣненій то въ одномъ приз-
, то въ другомъ, и прошла цѣлую цѣпь ступеней прежде, чѣмъ до-
ась до теперешняго усовершенствованнаго типа. Дарвинъ, напримѣръ,
жительно убѣжденъ, что нашъ теперешній персикъ прямой неизмѣн-

ный потомокъ миндаля; но если это такъ, судите сами, какой длинный рядъ поразительныхъ перемѣнъ долженъ совершиться въ строеніи персика и въ ядрѣ миндаля. При этомъ надо замѣтить, что здѣсь перемѣна происходила одновременно въ разныхъ частяхъ миндаля, вслѣдствіе тѣсной и взаимной связи между отдѣльными частями. Такимъ образомъ, человѣкъ, измѣняя одну какую нибудь часть въ животномъ или въ растеніи, тѣмъ самымъ невольно заставляетъ измѣняться и другую соотвѣтствующую часть. Если положеніе Вейсбаха оправдается, если дѣйствительно подтвердится, что количество мозга въ человѣкѣ соотвѣтствуетъ его росту, и если малорослые мужики обладаютъ наименьшими мозгами, то французы смѣло тогда могутъ поблагодарить Наполеона I за то, что онъ во время своихъ хищническихъ набѣговъ истребилъ все рослое населеніе Франціи и оставилъ однихъ лишь малорослыхъ, чѣмъ онъ, конечно, ухудшилъ породу, ослабивъ въ ней общую массу интеллектуальной силы.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ заключить, что каждая часть, или каждый признакъ, или всякій органъ, который больше всего цѣнится,— будутъ ли это листья, стебли, клубни, луковицы, цвѣты, плоды, сѣмена, или ростъ, сила, быстрота, волосистое одѣяніе или смышленость у животныхъ,—всегда могутъ быть усовершенствованы, развиты какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи. И такой результатъ мы смѣло можемъ приписать тому, что втеченіи длиннаго ряда поколѣній человѣкъ сохранялъ полезныя для себя измѣненія и пренебрегалъ другими *). Но если человѣкъ такой знаменитый мастеръ творить чудеса, то природа далеко не остается такимъ равнодушнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ чудесъ. Даже трудно сказать, кто у кого позаимствовался ума-разума. Думаемъ, что во всякомъ случаѣ человѣкъ, какъ тонкій наблюдатель и опытный политикъ, подмѣтилъ эту сторону природы и воспользовался ею для удовлетворенія своихъ хорошихъ и дурныхъ наклонностей. Разница лишь развѣ въ томъ, что человѣкъ любитъ увлеченія, природа же спокойно идетъ къ своей цѣли. Но общаго въ этомъ между ними то, что и природа подвигается такими же медленными, небольшими и сомнительными шагами на своемъ великомъ пути усовершенствованія и развитія **).

Здѣсь намъ необходимо остановиться на выводѣ изъ вышеизложенныхъ

---

*) Дарвинъ. Прируч. живот. Т. II, стр. 240.
**) Дарвинъ, Ibidem, стр. 141.

мктовъ. Безпредѣльное продолженіе своего рода—неизмѣнная цѣль всей рганической природы, какъ растительной, такъ и животной. Прослѣдите ю цѣпь творенія отъ самомалѣйшей былинки до величайшаго представителя природы—человѣка, и вы убѣдитесь, какъ могущественно это стремленіе въ природѣ, какъ несокрушимы ея самыя настоятельныя въ этомъ отношеніи требованія. Посмотрите, что дѣлается вокругъ насъ. Двѣ заботы написаны на лицѣ всего животнаго царства: питаніе и воспроизведеніе себѣ подобныхъ. По нашему мнѣнію, вторая забота выступаетъ сильнѣе и окончательно пренебрегаетъ всѣми препятствіями для достиженія своей цѣли. Есть существа, которыя, по достиженіи своей цѣли, охотно разстаются съ жизнію. Во время любовнаго свиданія лягушекъ, когда любовникъ въ объятіяхъ своей возлюбленной, вы можете отрѣзать ему голову, ту или другую лапку, щипать его, сколько вашей душѣ угодно, жечь его калеными щипцами, вы можете подвергнуть его всѣмъ пыткамъ инквизиціи, но онъ все-таки не разстанется съ обожаемымъ предметомъ. Вездѣ, гдѣ раздается пѣніе птицъ (а оно раздается вездѣ, гдѣ не спитъ природа), тамъ вы слышите любовный призывъ, призывъ къ счастью, къ наслажденью. И къ какимъ хитростямъ не прибѣгаетъ природа для достиженія своей цѣли. Одни стараются заявить себя своею внѣшностью: райскія птицы собираются толпами вокругъ своихъ самокъ, и развертываютъ свои великолѣпныя перья, пока, наконецъ, самка не выберетъ себѣ такого жениха, который ей больше нравится. Другіе стараются заявить свое мужество, храбрость, отвагу. Львы и тигры съ опасностью собственной жизни вступаютъ между собою въ кровавыя битвы за обладаніе самкою. Олени самцы наносятъ другъ другу смертельныя раны въ борьбѣ за самку. Рога оленя, шпоры пѣтуха, клыки вепря, грива льва, разноцвѣтныя перья птицъ имѣютъ лишь значеніе приманки. И человѣкъ, въ большинствѣ случаевъ, немногимъ превосходитъ въ этомъ отношеніи животныхъ. Недалеко то время, когда первенствующее значеніе въ нашемъ обществѣ имѣли шпоры и густые эполеты. Шпоры для любой уѣздной барышни—были идеаломъ и цѣлью всѣхъ стремленій. И что такое вся наша костюмировка, украшенія, декольтэ, manches courtes, ассамблеи, балы, маскарады, собранія, къ чему все это, какъ не въ видахъ достиженія извѣстной, опредѣленной цѣли природы. Вездѣ природа одинакова, вездѣ она остается себѣ вѣрна. Но это стремленіе природы продолжать свой родъ, этотъ неумолкаемый порывъ къ создаванію себѣ подобныхъ тѣсно связанъ съ другимъ стремленіемъ улучшить свой родъ, усовершенствовать его, сдѣлать его болѣе прочнымъ,

болѣе приспособленнымъ къ внѣшнимъ условіямъ существованія. Оба эти стремленія, вмѣстѣ взятыя, и формируются у Дарвина въ особый міровой законъ; оба эти стремленія, вмѣстѣ взятыя, и составляютъ то великое обобщеніе, которое онъ назвалъ *подборомъ*. Въ силу этого закона каждая тварь земная старается быть лучше окружающихъ и пріискиваетъ себѣ наилучшую, наиболѣе подходящую пару. Это великій міровой законъ. Съ этой общей точки зрѣнія, дѣло обстоитъ очень просто. Нигдѣ въ природѣ не видно, чтобъ это простое отношеніе двухъ различныхъ половъ, двухъ совершенно обособленныхъ и независимыхъ индивидовъ, связывало ихъ какими нибудь исключительными условіями, налагало на нихъ какія нибудь, а тѣмъ болѣе исключительныя права и обязанности, устанавливало бы между ними какія нибудь обязательства. Еще меньше видно, чтобъ это взаимное отношеніе, это взаимное одолженіе вело къ рабству, къ порабощенію одного пола другимъ. Тѣмъ не менѣе природа здѣсь достигаетъ своей цѣли, и ей ни до чего другого дѣла нѣтъ. У птицъ и у млекопитающихъ семейная жизнь составляетъ почти общее правило. Если наши домашнія животныя составляютъ изъ этого рѣзкое исключеніе, то это, во всей вѣроятности, зависитъ отъ прирученія. Гораздо сильнѣе потребность семейной жизни и вообще чувство общественности въ естественномъ состояніи животныхъ. Большая часть животныхъ живутъ въ моногаміи, самецъ и самка въ такомъ случаѣ продолжаютъ жить вмѣстѣ и послѣ вывода дѣтенышей; оба они взаимно помогаютъ и защищаютъ одинъ другого и супружество прекращается лишь со смертью. Многоженство существуетъ только у немногихъ животныхъ, а фактъ, что одна самка имѣетъ многихъ мужей, чрезвычайно рѣдокъ въ животномъ царствѣ. Изъ сопоставленія этихъ двухъ рядовъ фактовъ слѣдовало бы придти къ заключенію, что естественное состояніе скорѣе располагаетъ къ изолированной, замкнутой семейной жизни, между тѣмъ какъ прирученіе, одомашненіе, такъ сказать, цивилизація ведутъ къ совершенно противуположному явленію. Словоохотливый Вундтъ доказываетъ, что чѣмъ животное умственно развитѣе, чѣмъ оно выше стоитъ на животной лѣстницѣ, тѣмъ меньше у нихъ деспотизма во взаимныхъ отношеніяхъ, тѣмъ они свободнѣе достигаютъ своей цѣли: «У млекопитающихъ, говоритъ Вундтъ, взаимныя отношенія бываютъ обыкновенно менѣе задушевны. Эти животныя ведутъ болѣе свободную жизнь, рѣдко устраиваютъ свои жилища сами и потому менѣе связаны другъ съ другомъ. Къ тому же и половое побужденіе у этихъ животныхъ сильнѣе и потому легко преступаетъ границы строгаго брака. Это можно ска-

», напримѣръ, о собакахъ, обезьянахъ, тюленяхъ, козахъ, которые утъ или вовсе безъ брака или въ полигаміи». Потомъ онъ прибаетъ: «Обычай брака вполнѣ зависитъ отъ степени умственнаго развитія отныхъ. Большая часть тѣхъ птицъ и млекопитающихъ, у которыхъ ествуетъ самая замкнутая семейная жизнь, не принадлежатъ къ наиѣе одареннымъ. Голубь стоитъ по уму ниже ворона, волкъ ниже собаки. *рность, проистекающая изъ чувства, очевидно, не имѣетъ ничего ило съ соображеніемъ разсудка*; нечего, слѣдовательно, восхищаться убиною нѣжностью и каждый разъ ставить людямъ въ примѣръ, какъ они ятъ себѣ рядкомъ другъ возлѣ друга и безчисленное множество разъ уются носиками. Нечего людямъ ставить въ укоръ голубиную вѣрность, осхищаться, какъ одинъ изъ супруговъ не можетъ пережить смерть другого. идтъ утверждаетъ, что это происходитъ у нихъ отъ недостатка умствено развитія. Притомъ это явленіе, эта вѣрность вовсе не такъ поинна и безусловна, какъ это кажется съ перваго раза: «Если, говоритъ идтъ, нельзя сомнѣваться, что бракъ животныхъ вытекаетъ большею ію изъ свободнаго выбора, который доказывается другими проявленіячувства въ животномъ, то многія явленія впродолженіи существованія ка показываютъ, что для брака животныхъ не существуетъ тѣхъ неѣнныхъ отношеній, какія здѣсь такъ часто считаютъ необходимымъ дположить. У животныхъ также бываютъ весьма различныя степени сужеской вѣрности. Одна голубка по смерти своего супруга умираетъ съ ки; другая утѣшается и беретъ другого. У птицъ встрѣчается довольчасто нарушеніе супружеской вѣрности и кажется, что чувство у птицъ не разсудокъ и не разумъ, конечно) возстаетъ противъ этого, какъ проъ тяжкаго преступленія» *). Такое воззрѣніе бываетъ удѣломъ и безленнаго множества людей. Аналогія въ этомъ случаѣ доходитъ иногда поразительнаго сходства, такъ что трудно рѣшить, кто у кого позаимвался житейской мудрости и логической послѣдовательности. Такъ, раззываетъ Вундтъ: «объ аистахъ, извѣстныхъ своею строгой семейной нью и своимъ заботливымъ попеченіемъ о дѣтяхъ, передаютъ факты, аведливость которыхъ, повидимому, достаточно гарантирована. Одна самка то имѣла свиданія съ молодымъ аистомъ, посѣщавшимъ ее въ отсутіе мужа, и каждый разъ уничтожала слѣды своей любовной интриги

Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Т. II. Стр. 245.

посредствомъ ванны, которую принимала въ сосѣднемъ колодцѣ. Но злые наблюдатели спустили однажды воду изъ этого колодца, то во тившійся злосчастный рогоносецъ, повидимому, тотчасъ смекнулъ, въ дѣло, и открылъ невѣрность своей супруги: онъ удалился, потомъ нѣсколько времени возвратился со многими товарищами и нарушитель супружеской вѣрности была ими истерзана до смерти». Насколько пр въ этомъ анекдотическомъ разсказѣ,— предоставляемъ отвѣчать за эт мому Вундту; а мы только замѣтимъ, что такое варварское наказані пружеской невѣрности наблюдается и у дикихъ народовъ. — не по чтобы чувство любви играло здѣсь такую трагическую роль, а потому, что щина для дикаря благопріобрѣтенная вещь или самка. Цивилизація вн смягчающія вліянія во взаимныя отношенія людей вообще и во отно супруговъ въ особенности. Но эта реформа совершается медленно и с вождается въ своемъ развитіи множествомъ случайныхъ и произволь воззрѣній, которыя не всегда соотвѣтствуютъ кореннымъ требованіямъ вѣческой природы. Вся комбинація внѣшнихъ условій, до которыхъ родѣ и ея великому обобщенію подбора ровно никакого нѣтъ дѣла, мулируется людьми въ особое понятіе о взаимномъ сожительствѣ. По это далеко неабсолютно, а напротивъ того, также разнообразно, какъ человѣческій, и видоизмѣняется до безконечности, смотря по степени к туры, цивилизаціи, просвѣщенія. Отъ отсутствія всякихъ брачныхъ усл какъ у австралійскихъ дикихъ папуасовъ, до европейскаго поняті бракѣ, возведеннаго въ религіозный идеалъ, тянется цѣлая градація реходящихъ формъ, краткое изложеніе которыхъ наполнило собою дово объемистый томъ, составленный неутомимымъ и лучшимъ европейскимъ чомъ-публицистомъ, Эдуардомъ Рейхомъ. Мы не станемъ перечислять з всѣ формы брака и всѣ сложныя условія, которыми сопровождается jure, но не всегда de facto это отношеніе людей, такъ какъ предп гаемъ, что читатели наши достаточно знакомы съ этими фактами изъ ст Эли Реклю, напечатанной въ «Дѣлѣ». Но тѣмъ не менѣе мы позво себѣ упомянуть здѣсь о двухъ-трехъ крайнихъ формахъ этого естес наго отношенія людей. Фуку разсказываетъ, что и теперь въ сѣве Австраліи можно встрѣтить общества мужчинъ самцовъ, живущихъ отд но, и общества женщинъ, соединенныхъ въ отдѣльную группу и съ мѣреніемъ удаляющихся отъ мужчинъ. Эти негры-папуасы живутъ о и рыбной ловлей. Негритянки блуждаютъ отдѣльными шайками, от ваютъ раковины и разныя растенія, которыя едва встрѣчаются на

скудной почвѣ. Собравши провизію, они ее прячутъ въ своихъ лачугахъ, убогихъ хижинахъ, еле-еле защищающихъ ихъ отъ нападенія хищныхъ людей. Весной половой инстинктъ возбуждается; самцы тогда предпринимаютъ погоню за самками; дѣтей, рожденныхъ отъ такой дикой встрѣчи, матери выкармливаютъ грудью, и послѣ того, если они не принадлежатъ къ женскому полу, ихъ выпроваживаютъ на всѣ четыре стороны, какъ только они способны стать на свои ноги. Эта соціальная форма, съ различными варіяціями, вѣроятно, господствовала на всемъ земномъ шарѣ въ первобытную эпоху у дикихъ племенъ *). Среди индѣйцевъ республики Чили жилъ долгое время извѣстный путешественникъ Пеппигъ; онъ лично убѣдился, что у нихъ браки совершаются безъ всякихъ гражданскихъ и религіозныхъ формальностей. Отъ этихъ крайнихъ формъ до брака въ строгомъ современномъ значеніи, конечно, цѣлая бездна, которую, такъ или иначе, переходитъ всякій цивилизованный народъ.

Человѣческому воображенію трудно придумать какую нибудь особенную форму брачныхъ отношеній, которая не существовала бы въ исторіи человѣка. Безъ преувеличенія можно сказать, что всякая религіозная секта и всякая господствующая установленная религія имѣютъ свою собственную брачную форму. Мало того. Въ любомъ народѣ это отношеніе еще разнообразится безчисленными кастическими и сословными предразсудками и міровоззрѣніями. Благодаря отсутствію той же прочной основы, мы находимъ странное разнообразіе и сбивчивость понятій въ брачныхъ отношеніяхъ людей. Всѣ людскія старанія были всегда устремлены къ тому, чтобы какъ можно больше ограничить, съузить свободныя отношенія половъ. Эти ограниченія всею своею тяжестью всегда падали почти исключительно на женскій полъ. Только въ рѣдкихъ, немногихъ случаяхъ законъ принималъ покровительственный тонъ относительно женщинъ. Рейхъ и Фюстель де-Куланжъ согласно свидѣтельствуютъ, что афинскій законъ именемъ религіи запрещалъ человѣку оставаться холостымъ. Въ Спартѣ наказывали не только тѣхъ, кто вовсе не женился, но и тѣхъ, кто опаздывалъ женитьбой. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ всѣ брачныя постановленія всегда клонились къ тому, чтобы женщины считались собственностью, принадлежностью своего господина, который воленъ въ выборѣ, воленъ въ способѣ владѣнія своею вещью, своею собственностью, воленъ отвергнуть эту вещь, когда она сдѣлается для него негодною, ненужною.

---

*) Foucou, Histoire de travail. Стр. 384.

Ложная обстановка и не вполнѣ правильное пониманіе обществомъ своихъ отношеній породило, между прочимъ, немаловажное зло — то обиліе старыхъ дѣвушекъ, которыхъ теперь встрѣчаешь чуть не на каждомъ шагу, незнающихъ, куда дѣвать себя и свое досужее время. Если значительная доля изъ нихъ остается за штатомъ потому, что природа дѣйствительно отказала имъ въ соотвѣтствующемъ подборѣ, то остальная часть положительно обязана своимъ одиночествомъ ложному пониманію взаимныхъ соціальныхъ отношеній. Личнымъ опытомъ мы убѣдились, что въ провинціяльномъ нашемъ обществѣ женщины нисколько не хуже мужчинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Если онѣ, съ одной стороны, служатъ хранилищемъ рутины и застоя, если, по справедливому замѣчанію Карла Фохта, гораздо легче измѣнить правленіе государства, чѣмъ малѣйшее хозяйственное обыкновеніе, топку кухоннаго очага, то, съ другой стороны, женщины даже въ нашей сонной провинціи всегда служили и служатъ лучшими проводниками истинныхъ понятій и гуманныхъ міровоззрѣній. Онѣ-то больше всего сознаютъ и убѣждаются на опытѣ, что въ нашу семейную жизнь крѣпостное право внесло много темныхъ элементовъ, искажающихъ нормальныя отношенія супруговъ. Народная мудрость русскаго человѣка выработала довольно нелестный взглядъ на русскую женщину. Русскій человѣкъ убѣжденъ, «что баба мѣшокъ: что въ него положишь, то онъ и носитъ.» Такъ или иначе, но это воззрѣніе остается, въ сущности, у всѣхъ европейскихъ народовъ. Мы ужасаемся, когда намъ разсказываютъ о бѣдственномъ положеніи женщины у дикарей. И въ самомъ дѣлѣ, «грубое, чтобъ не сказать жестокое, обращеніе дикарей съ своими женами, говоритъ Лебокъ, есть черное, неизгладимое пятно, характеризующее дикарей. Въ ихъ глазахъ слабый полъ состоитъ изъ существъ низшаго сорта, коихъ назначеніе быть домашними труженницами, рабынями. Вѣчный трудъ, суровая обстановка — вотъ ихъ участь. И ни усталость, ни страданія не встрѣчаютъ никакого вознагражденія со стороны тѣхъ, для которыхъ онѣ истощаютъ всѣ свои жизненныя силы. Алгонкины не имѣютъ въ своемъ языкѣ даже слова для выраженія *любви*, и индѣйцы типпо не имѣютъ словъ, чтобъ сказать *милый* и *любимый*. Я попробовалъ, говоритъ капитанъ Лекруа, вразумить Нанетъ, предполагая, что должны же они съумѣть сказать, «моя милая жена, моя милая дочь.» Когда она, наконецъ, меня поняла, она мнѣ сказала: «никогда мы такъ не говоримъ: мы говоримъ: моя жена, моя дочь» *).

*) Lebbock. L'Homme avant l'histoire. Стр. 474.

Таково положеніе женщины у дикарей, ну а развѣ у такъ называемыхъ цивилизованныхъ народовъ нѣтъ такихъ же дикарей? Когда какой нибудь шалопай, избѣгая семейной жизни и ея обязанностей, пускается въ легкій развратъ и, усталый отъ изнеможенія, рѣшается, наконецъ, удостоить неопытную отроковицу своего имени и сана, конечно, не безъ разныхъ разсчетовъ на большое денежное вознагражденіе за эту жертву и честь, когда таковая отроковица, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла, увлекается потомъ своими горячими побужденіями, то шалопай ей указываетъ на дверь и общественное мнѣніе клеймитъ ее позорнымъ именемъ. Почему же большинство мужчинъ, положительные проституты, имѣютъ право всю свою жизнь развратничатъ сколько душѣ угодно, а малѣйшее увлеченіе, какое себѣ позволитъ женщина, преслѣдуется?

Какими же мотивами должно руководствоваться человѣчество для того, чтобы избѣгнуть искаженія великаго мірового обобщенія — подбора? Самымъ главнымъ, а можетъ быть, и единственнымъ контролемъ половыхъ отношеній между людьми должна быть любовь, взаимная привязанность, взаимное пониманіе, обоюдное согласіе, обоюдное уваженіе и притомъ въ истинномъ смыслѣ, а не на словахъ только. На такомъ взаимномъ влеченіи основанное сожительство, если оно при этомъ не противорѣчитъ разумнымъ требованіямъ гигіены и проникнуто истинною любовью, по справедливости, можетъ быть названо источникомъ всего хорошаго, истиннаго, благороднаго, также какъ, съ другой стороны, антигигіеническое и несчастное сожительство есть источникъ всего дурного и тяжелаго въ жизни. «Бракъ безъ любви, говоритъ Эдуардъ Рейхъ *), таитъ въ себѣ тысячи зародышей физическихъ, нравственныхъ и душевныхъ страданій, и такой бракъ положительно и несомнѣнно вреденъ потомству». Пробѣгая реэстры преступниковъ и самоубійцъ, легко убѣдиться, что въ нихъ самую важную роль играетъ бракъ безъ любви, основанный не на нравственныхъ симпатіяхъ, а на какихъ нибудь чисто-внѣшнихъ и своекорыстныхъ соображеніяхъ. Въ домахъ умалишенныхъ безчисленное множество больныхъ обязаны своими тяжкими страданіями несчастному браку — отсутствію любви. Несмѣтное число нервныхъ страданій, брюшныя страданія, неумѣренность, расточительность, азартныя игры и распутство суть послѣдствія несчастнаго брака. Люди, нелюбящіе другъ друга и всю жизнь прикованные другъ къ другу, похожи, въ моихъ глазахъ, на собаку и кошку въ одномъ

*) Reich. Die Ursachen der Krankheiten. Стр. 151.

мѣшкѣ; они взаимно отравляютъ свою жизнь, хворают физически и н
ственно, маются весь свой вѣкъ и рады покончить мучительную жи
Истинная любовь — приправа жизни, и природа требуетъ, чтобъ л
сближала взаимная страстность, а не холодное исполненіе своихъ обя
ностей. Стоитъ сравнить дѣтей, производимыхъ людьми, соединенными
силу общественной обстановки, въ силу приличій, съ такъ называе
незаконнорожденными, чтобъ убѣдиться, насколько первыя лишены эн
и способности къ проявленію кипучей дѣятельности. Браки, безъ взаи
склонности и составленные по строгимъ арифметическимъ разсчетам
выкладкамъ, производятъ самыхъ жалкихъ умственныхъ и нравствен
субъектовъ, между тѣмъ какъ дѣти любви искони вѣковъ считаются
дающимися по своей живости, смышлености, находчивости, а подча
по геніальности. Наша alma mater природа надѣлила людей этимъ
городнымъ чувствомъ во всѣхъ углахъ обитаемой нами планеты, и со
шенно ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что горячая любовь и стр
лишь удѣлъ того или другого климата, той или другой расы. По по
этого мы приведемъ слова Эрнста Вибры, цитируемыя Рейхомъ въ его
красномъ сочиненіи о брачной жизни: «Вообще люди склонны приписы
жителямъ южныхъ странъ большую страстность и чувственность,
обитателямъ сѣверныхъ, холодныхъ полосъ. Толкуютъ о горячей кров
необузданныхъ страстяхъ, о пылкости, которая блеститъ въ жгу
взглядахъ южанъ. Я не могу повѣрить этому послѣ всего, что я ви
въ жаркихъ и холодныхъ мѣстностяхъ. Я думаю, что сѣмя грѣховн
завѣщанной намъ прародительницей Евой, одинаково равно распредѣ
въ сердцахъ всѣхъ людей, все равно, блондины ли это, брюнеты
смуглые, и сынъ холоднаго сѣвера также склоненъ къ запретной лю
какъ и дитя тропическаго солнца. Но за то гораздо больше скрытн
проявляетъ сѣверянинъ, всякое необузданное побужденіе прикрыва
тамъ покровомъ благонравія и благопристойности и острый язычекъ
лицемѣрной бабенки порицаетъ въ сосѣдкѣ то, въ чемъ она сама по
погрязла. Поближе къ экватору не слишкомъ серьезно стараются ск
свою страстность, тамъ менѣе таинственно грѣшатъ, и поэтому, дѣй
тельно, учиняютъ меньше грѣховъ, потому что менѣе лгутъ, менѣе
мѣрятъ» *). Вотъ выраженія, которыя слѣдовало бы имѣть въ виду
шимъ теоретикамъ-моралистамъ.

---

*) Reich. Das Eheliche Leben, стр. 452.

Итакъ, взаимное сближеніе двухъ половъ и неизбѣжное послѣдствіе такого сближенія, выраженное появленіемъ дѣтей, ставятъ каждаго человѣка въ новыя соціальныя отношенія къ обществу, для которыхъ семейная жизнь служитъ первымъ и главнымъ звѣномъ. Это обязываетъ каждаго выяснить это отношеніе въ разумной и честной формѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это отношеніе, эта форма должна опираться на строго-экономическихъ началахъ. Такимъ образомъ, мы сводимъ всю суть брачныхъ отношеній къ двумъ незыблемымъ началамъ: взаимная привязанность, или естественное влеченіе, глубоко и искренно уважаемое нами во всѣхъ его видахъ, формахъ и проявленіяхъ, и строго-экономическое опредѣленіе и выясненіе взаимнаго сотоварищества. «Что придаетъ преимущественно половымъ отношеніемъ животныхъ прочную связь, говоритъ Вундтъ, такъ это любовь къ дѣтямъ, и послѣдняя высказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе требуютъ дѣти тщательнаго и продолжительнаго ухода. Сверхъ того, потребность взаимной защиты и помощи между супругами связываетъ ихъ и на остальное время, слѣдующее за воспитаніемъ дѣтей. Это въ особенности можно сказать о всѣхъ животныхъ, устраивающихъ гнѣзда и жилища для обитающихъ въ пещерахъ. Съ этой стороны бракъ животныхъ имѣетъ существенную связь съ условіями физической организаціи»*).

Вникая глубже въ смыслъ ученія Дарвина, легко убѣдиться, что законъ подбора имѣетъ въ виду двоякую цѣль: продолженіе рода и усовершенствованіе породы, цѣль, составляющую настоящую суть прогресса. Въ мірѣ животныхъ эта цѣль достигается всѣми тремя формами подбора, но человѣкъ, обставленный искуственными и самыми сложными соціальными условіями, въ большинствѣ случаевъ, совершенно упускаетъ изъ виду эту цѣль. Рейхъ опредѣляетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ условія счастливаго сближенія людей. «Для того, говоритъ онъ, чтобъ супружество было счастливо и удовлетворяло бы всѣмъ разумнымъ требованіямъ подбора, необходимо: полное различіе, противуположность, контрастъ половъ въ сложеніи тѣла, въ темпераментѣ, въ національностяхъ и расахъ; такой контрастъ придастъ союзу гораздо болѣе прелести и гораздо большую приманку и несравненно сильнѣе закрѣпляетъ семейное счастье, чѣмъ однородность обѣихъ половинъ. Такъ ужь оно, значитъ, въ природѣ человѣка, что все болѣе или менѣе чужое, постороннее проявляетъ и воз-

*) Вундтъ. Душа человѣка и животныхъ. Т. II, стр. 243.

буждаетъ болѣе или менѣе продолжительное привлеченіе, между тѣмъ какъ тутъ же находящееся, близкое вообще отталкиваетъ. Каждый день легко убѣдиться, что потомство людей различныхъ по племени и національности несравненно свѣжѣе, коренастѣе, здоровѣе, сильнѣе, чѣмъ потомство людей одной породы. Я считаю помѣсь породъ и національностей за весьма существенную и неизбѣжную потребность для физическаго и соціальнаго преуспѣянія народа, для его духовнаго и нравственнаго возрожденія. До чего доходятъ племена, совершенно изолированныя, перемѣшивающіяся исключительно между собою и удаляющіяся отъ всякаго близкаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ, до чего доходятъ такія несчастныя племена, ясно можно видѣть, если взглянуть на жалкихъ обитателей Альпійскихъ горъ, доставляющихъ однихъ лишь кретиновъ и идіотовъ: это полное вырожденіе человѣка, въ физическомъ, нравственномъ, умственномъ и всякомъ другомъ отношеніи» *). «Взаимная любовь супруговъ такое же неизбѣжное условіе ихъ счастья, какъ твердость характера, великодушіе, стойкость въ критическія минуты, соотвѣтствующія степень умственнаго образованія и развитія, здравый взглядъ на міръ и людей, снисходительность при обсужденіи взаимныхъ слабостей, извиненіе, когда эти слабости выходятъ наружу, взаимное пониманіе, устраненіе и отрѣшеніе отъ предразсудковъ и, наконецъ, сообразное съ человѣческимъ достоинствомъ воспитаніе дѣтей. Въ рукахъ родителей пріуготовить счастливыя супружества своихъ дѣтей разумной заботой при воспитаніи; во власти общества устроить супружеское счастье населенія устраненіемъ вредныхъ предразсудковъ, вредныхъ обычаевъ и глупыхъ кастическихъ принциповъ, введеніемъ соотвѣтственной народной экономіи, распространеніемъ здравыхъ понятій для сохраненія физическаго здоровья, хорошимъ общественнымъ воспитаніемъ и образованіемъ и, наконецъ, предоставленіемъ людямъ по возможности большей свободы въ жизни» **).

Гдѣ же то европейское общество, которое руководствовалось бы этими разумными требованіями подбора? Напротивъ того. Монотонность физіономій, стадность обычаевъ, самое скудное однообразіе понятій, пустота и безсодержательность семейной жизни, вѣчный разладъ, царящій, за ничтожнымъ исключеніемъ, во всѣхъ сферахъ общества и въ каждой отдѣльной

---

*) Reich. Das Eheliche Leben. Стр. 531.
**) Reich. Das Eheliche Leben. Стр. 532.

ьѣ—все это служитъ доказательствомъ, что, при существующемъ порядкѣ щей, при скудости естественно-научныхъ понятій въ большинствѣ такъ ываемаго образованнаго общества, могущественный законъ подбора приится въ жертву совершенно постороннимъ разсчетамъ. Исключительное оженіе женщины отчасти мѣшало правильному примѣненію подбора. вися до сихъ поръ экономически отъ произвола мужчинъ, недопускаея ни до какой умственной и общественной дѣятельности, замкнутая въ ную сферу кухонной и семейной обыденности, ей было трудно, скамъ больше, физически невозможно стать въ уровень и идти рука объ у съ мужчиной въ интеллектуальномъ и соціальномъ развитіи. Она этому оставалась позади, и терялъ отъ этого больше всего нашъ братъ жчина. Вотъ почему лучшіе европейскіе умы оставались, большею частію, ъ подбора и проводили жизнь въ скучномъ и однообразномъ одиночеѣ. Декартъ, Спиноза. Лейбницъ, Кантъ, Гегель, Маколей и величай- естествоиспытатель первой половины нашего столѣтія, Гумбольдъ,—всѣ колоссы ума и науки провели жизнь чуждые «семейнаго счастья», мейнаго очага» или, лучше сказать, не могли отыскать себѣ среди нскаго населенія соотвѣтственнаго подбора; и человѣчество отъ этого, ечно, не мало потеряло, что первоклассные европейскіе умы не проели усовершенствованнаго потомства только потому, что не нашлось ходящихъ женщинъ. Въ русскомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, до сихъ ръ, трудно указать на такія же блестящія исключенія изъ женщинъ, кія проявлялись среди мужчинъ. И пока общество не пойметъ всѣхъ ественныхъ требованій подбора, до тѣхъ поръ нечего ожидать улучнія породы. А этого можно будетъ достигнуть только распространемъ въ публикѣ естественно-научныхъ знаній, потому что другими средами до сихъ поръ не достигли цѣли. Вся беллетристика, всѣ драмаческія произведенія, всѣ трагедіи и комедіи — все это варіаціи на одну у же тему, все это клонилось и клонится къ тому, чтобъ вызвать въ телѣ сочувствіе къ любви и ея различнымъ комбинаціямъ. И казаь бы, что та публика, которая проливаетъ слезы сочувствія къ траескому положенію лицъ, выводимыхъ на сцену, должна была бы быть сходительной и отнестись разумно къ такимъ же явленіямъ въ дѣйтельной жизни. Но на дѣлѣ выходитъ совершенно наоборотъ. Такъ, и какой нибудь молодой аристократъ pur sang, блондинъ, съ голуи глазами и нѣсколько вялаго флегматическаго темперамента влются въ молоденькую, хорошенькую жидовочку брюнетку, съ черными

глазами, съ живымъ, подвижнымъ и пылкимъ характеромъ, то этотъ р
кій контрастъ какъ разъ содержитъ въ себѣ всѣ элементы для са
сильнаго природнаго влеченія, для самаго страстнаго и жгучаго поже
нія, которое смолкнетъ лишь при полнѣйшемъ удовлетвореніи всѣмъ т
бованіямъ пламенной любви, но невѣжество, руководясь своими рут
ными принципами—noblesse oblige, position oblige—вооружается в
силою своихъ предразсудковъ при видѣ явленія, выходящаго изъ ко
повседневныхъ событій, и всячески вредитъ дѣлу природы, дѣлу подбо
Но природѣ ровно никакого нѣтъ дѣла до предразсудковъ человѣчес
и все, что мѣшаетъ прогрессивному стремленію подбора, то выживает
вымираетъ. И если бы природа и подборъ руководствовались глупост
людской, съ которой и боги напрасно воюютъ, то человѣчество давн
давно вымерло бы цѣликомъ или возвратилось бы въ какую нибудь
историческую форму существованія, но въ этомъ-то и счастье для вс
человѣчества, что прогрессивное улучшеніе—въ интересахъ самой приро
а потому вырождается и вымираетъ лишь все отсталое, негодное, оста
щееся за штатомъ, а успѣвшее улучшиться продолжаетъ совершенст
ваться и помимо воли человѣка, а иногда вопреки всѣмъ его стара
ямъ и неумѣстному вмѣшательству. Тогда на сцену выступаетъ во в
оружіи сила естественнаго подбора. «Если, говоритъ Дарвинъ, *) че
вѣкъ можетъ достигнуть и несомнѣнно достигъ значительныхъ резуль
товъ методическимъ и безсознательнымъ подборомъ, то чего не мож
достигнуть природа? Человѣкъ можетъ дѣйствовать лишь на наружн
видимые признаки. Природѣ дѣла нѣтъ до наружности, развѣ она та
заключаетъ въ себѣ элементъ, полезный организму. Природа можетъ д
ствовать на всякій внутренній органъ, на всякій оттѣнокъ строені
склада, на всю совокупность жизненнаго механизма. Человѣкъ подбир
лишь то, что ему полезно; природа лишь то, что полезно охраняем
ею организму. Всякій подобранный ею признакъ тотчасъ находитъ
ложеніе и организмъ имъ приспособляется еще болѣе къ жизненнымъ у
віямъ.» Мы убѣждены, что Дарвинъ хочетъ сказать, что всякій п
бранный природою признакъ вытекаетъ изъ естественныхъ ея потреб
стей и есть выраженіе приспособленія организма къ жизненнымъ усл
ямъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ человѣкъ является съ своимъ не

*) О происхожденіи видовъ, стр. 67.

мъ вмѣшательствомъ, тамъ терпитъ онъ рѣшительное фіаско, потому раньше или позже, а природа возьметъ свое; разница лишь во вре-; природа дѣйствуетъ слишкомъ медленно, не торопясь, слишкомъ ренная въ своемъ могуществѣ, въ своемъ успѣхѣ; она снисходительно воляетъ человѣку побаловаться, утрировать ея свойства, видоизмѣнять, ьзоваться ея благами, отступать отъ ея апріористическихъ предна-таній, но въ концѣ концовъ она все-таки возвращается къ своимъ ыблемымъ планамъ и навсегда остается вѣрна себѣ. «Безъ преувели-ія можно сказать, говоритъ Дарвинъ, что естественный подборъ еже-вно, ежечасно, ежеминутно, въ каждое данное мгновеніе отыскиваетъ всемъ свѣтѣ всякое уклоненіе, даже самое ничтожное; отбрасываетъ дурное, сохраняетъ и накопляетъ все хорошее, неслышно и незамѣтно удясь надъ усовершенствованіемъ всякаго организма, какъ въ отноше-органическихъ, такъ и въ отношеніи неорганическихъ условій его зни и притомъ всюду, гдѣ бы и когда бы ни представился къ тому учай. Отъ насъ сокрытъ медленный ходъ этого процесса; лишь по про-ствіи долгихъ временъ насъ поражаютъ его результаты» *).

Человѣкъ, этотъ пигмей въ искуствѣ творчества, тѣмъ не менѣе боль-й хвастунъ. Онъ готовъ хвастаться всякою малостью, онъ готовъ при-дить въ восторгъ, когда ему удастся превратить простой цвѣтокъ въ хровый; онъ столько же гордится тонкими ногами своей породистой шади, сколько медалью на шеѣ. Но что значатъ всѣ его подвиги въ авненіи съ творческой силой природы? И еслибъ мы могли прослѣдить сь историческій ходъ, весь длинный процессъ естественнаго подбора въ ироде, еслибъ мы могли присутствовать при томъ, какимъ подборомъ лоненій развивался человѣкъ, еслибъ мы могли видѣть его во всѣхъ азахъ его развитія, но въ обратномъ порядкѣ, то предъ нашими гла-ми предстало бы чрезвычайно интересное зрѣлище.

Однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для достиженія многосто-нихъ задачъ подбора служитъ скрещиваніе породъ. Этимъ путемъ ловѣкъ достигъ неимовѣрныхъ результатовъ въ прогрессѣ, въ улучше-и животныхъ и растеній. И не только улучшенія, но безъ преувеличенія жно утверждать, что путемъ скрещиванья созданы чуть не новыя по-ды животныхъ и растеній. Въ рукахъ человѣка это могущественный

*) Дарвинъ. О происхожденіи видовъ, стр. 68.

способъ, которымъ онъ можетъ просто творить чудеса. Онъ можетъ создать породу, онъ можетъ уничтожить ту или другую. Онъ можетъ черное сдѣлать бѣлымъ и бѣлое превратить въ черное. Такъ, европейцы взяли на острова Тихаго океана въ такомъ множествѣ своихъ свиней и собакъ, что туземныя породы совершенно исчезли втеченіи пятидесяти или шестидесяти лѣтъ. И такая исторія легко повторится всякій разъ, какъ только одна изъ смѣшивающихся породъ значительно превзойдетъ своей численностью или качественностію другую; тогда послѣдняя вскорѣ непремѣнно исчезнетъ и будетъ вполнѣ поглощена первою. Смѣшивая породы въ различныхъ комбинаціяхъ, можно произвесть весьма интересные физіологическіе опыты даже и надъ людьми. Такъ, Дарвинъ утверждаетъ, что если бы образовалась колонія изъ равнаго числа черныхъ и бѣлыхъ людей, и мы предположили бы, что они женятся безразлично, что они одинаково плодородны и что $^1/_4$ всего населенія ежегодно умираетъ и рождается, тогда чрезъ 65 лѣтъ число бѣлыхъ, черныхъ и мулатовъ было бы одинаково. Черезъ 91 годъ бѣлыхъ было бы одна десятая, черныхъ одна десятая, а мулатовъ или промежуточныхъ степеней было бы восемь десятыхъ всего числа. Чрезъ три столѣтія не осталось бы даже и $^1/_{100}$ части бѣлыхъ людей *) У васъ, читатель, износилось платье и превратилось въ тряпку, вы сдаете свой старый халатъ въ складъ тряпья для производства бумаги и фабрика превратитъ вашъ халатъ въ листъ почтовой бумаги, на которомъ вы напишете любовное письмо или составите какой нибудь юридическій актъ, имѣющій силу и значеніе на всю вашу жизнь. Казалось бы, что это очень мудреная метаморфоза, но вѣдь это такъ просто, что изъ тряпокъ дѣлаютъ бумагу, что никто этому уже не удивляется. Также просто и обыкновенно посредствомъ скрещиванія и при помощи тщательнаго подбора впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній какую нибудь старую породу овецъ, собакъ, свиней, голубей превратить въ новую разновидность съ совершенно новыми отличными свойствами и качествами. Такъ, напр., лордъ Орфордъ скрестилъ однажды свою знаменитую стаю борзыхъ собакъ съ бульдогами, причемъ эта порода была выбрана на томъ основаніи, что она лишена чутья и снабжена нужными качествами: храбростью и неутомимостью. Послѣ шести или семи поколѣній всѣ внѣшніе признаки наружной формы бульдога совершенно исчезли, но

---

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя. Т. II, стр. 92.

брость и выносливость остались. Преподобный Фоксъ сообщаетъ Дар-
у, что онъ скрещивалъ понтеровъ съ гончими и лисьими собаками, чтобы
дать имъ больше стремительности и быстроты. Какія то оксфордшир-
і овцы считаются въ Англіи образцовой установившейся породой, но
еалогія ихъ породистости и рядъ скрещиваній, посредствомъ кото-
ъ ихъ довели до современнаго образцоваго состоянія, не уступитъ, быть
етъ, генеалогіи любого англійскаго лорда. Потрудитесь распутать
шную вереницу фамилій, съ которыми смѣшивался какой нибудь домъ
боновъ, или происхожденіе мелкопомѣстнаго германскаго князька. По
аженію Берне, нужно быть цыганкой, чтобъ понять и разгадать ли-
Рейсъ, Грейсъ, Шлейцъ, такъ что таблица умноженія здѣсь—недоста-
ное подспорье. Оксфордширскія овцы въ этомъ отношеніи счастливѣе.
тко записано, что онѣ произошли въ 1830 году (замѣтьте хронологію
го важнаго историческаго событія) отъ скрещиванія гамширскихъ и
тдаунскихъ овецъ съ котсвальдскими баранами, а котсвальдскіе бараны
изошли отъ лестерскихъ, а эти послѣдніе еще отъ другихъ и т. д.;
ъ что теряешься въ этомъ фамильномъ спискѣ, точно дѣло идетъ не
аранахъ, а о феодальныхъ баронахъ. Множество подобныхъ курьезовъ
ало поводъ какому-то Спунеру придти къ заключенію, что разумнымъ
риваньемъ скрещенныхъ животныхъ возможно произвести новыя породы.
чается иногда такъ, что сановитыя особы съ тщательною заботли-
тью слѣдятъ за исторіей скрещиванья разныхъ породъ скота и дру-
ъ животныхъ и слѣдятъ за этимъ съ такимъ же интересомъ, какъ за
витіемъ какого нибудь историческаго вопроса. Пальма первенства въ
мъ отношеніи принадлежитъ вюртембергскому королю, который, послѣ
дцатипятилѣтняго старательнаго размноженія, т. е. послѣ шести или
и поколѣній, произвелъ новую породу скота отъ скрещиванья меж-
голландскими и швейцарскими породами, съ примѣсью другихъ
одъ.

Но то, что старая Европа испробовала на различныхъ породахъ жи-
ныхъ, Америка примѣнила къ людямъ. Да, Америкѣ суждено раскрыть
за людямъ на многое. Старая Европа съ своими предубѣжденіями
упитъ раньше или позже тому лучезарному свѣту, который мерцаетъ
ерь уже на всѣхъ пунктахъ заатлантической жизни. Тамъ скрещи-
ья между тремя различными племенами приведутъ къ такой новой по-
ѣ людей, которая положительно современемъ вытѣснитъ всѣ осталь-
. Европа пришла бы въ ужасъ отъ тѣхъ перекрещиваній людскихъ

породъ, какія имѣютъ мѣсто въ Америкѣ. Даже въ такой странѣ, Бразилія, пропитанной католическимъ лицемѣріемъ іезуитовъ, часто вершаются помѣси мулатокъ съ бѣлыми мужчинами.

И какъ ни старается бразильское дворянство, чтобъ избѣгнуть с новенія съ темнокожими женщинами, какъ ни хлопочетъ оно о чтобъ не дать имъ проникнуть въ свою замкнутую и привилегирова среду, но природа, по пословицѣ, выгоняемая въ дверь, лѣзетъ въ и въ концѣ концовъ обходитъ аристократическую спѣсь. Кастеръ сказываетъ, какъ часто иной юноша, изъ богатой и знатной фам влюбляется въ молодую мулатку; климатъ тамъ жаркій и всякіе зрѣютъ скоро,—мулатка беременна, юноша беретъ ее себѣ, она заним мѣсто метрессы, окружающіе мало-по-малу свыкаются съ этимъ; нако это становится обыкновеннымъ, и когда уже имѣются на лицо нѣско дѣтей, они узаконяютъ юридически свой бракъ и родня принимаетъ съ должнымъ уваженіемъ. Интересно то, прибавляетъ Кастеръ, что и такіе браки самые счастливые и что такихъ субъектовъ соединяетъ раздо сильнѣйшая привязанность, чѣмъ супруговъ первоклассныхъ ф лій. «Да, на всемъ свѣтѣ таже исторія повторяется, прибавляетъ Р что въ насильственныхъ и противуестественныхъ бракахъ немысл взаимное семейное счастіе, между тѣмъ какъ самыми счастливыми зываются именно браки, въ которыхъ истинная любовь сближаетъ дей, несмотря на различіе сословій, званій и состояній». Морисъ Руг разсказываетъ, что «браки между бѣлыми мужчинами и цвѣтными щинами въ низшемъ и среднемъ сословіи весьма часты и не возбужд ничьего удивленія. И даже въ высшемъ сословіи случаются такіе бр Бракъ такого рода только тогда обращаетъ на себя всеобщее вним когда жена бѣлая и принадлежитъ къ слишкомъ богатой и знатной фам а кожа мужа ужь очень темнаго цвѣта. Всѣ такіе браки не возб даютъ порицанія, а бросаются нѣсколько въ глаза, какъ что-то ст ное». Далѣе онъ продолжаетъ: «Помѣсь американской съ бѣлой р все-таки случается рѣдко, потому что индіянки мало привлекательн бѣлая и въ мысляхъ своихъ не допускаетъ сближенія съ индѣйцемъ. первыя времена открытія и завоеванія Америки помѣсь европейцев американцами совершалась чаще, отчасти вслѣдствіе недостатка бѣ и черныхъ женщинъ, отчасти, быть можетъ, потому, что индіянки т были привлекательнѣе. Весьма часто встрѣчаются потомки негров индіянками, потому что послѣднія предпочитаютъ негровъ мужьямъ с

собственной расы; индѣйцы же презираютъ негровъ и сочли бы для себя за безчестіе сойтись съ негритянкой» *). Нѣкоторые заводчики, разсказываетъ Дарвинъ, съ упорнымъ суевѣріемъ придерживаются ученіи о чистокровности, считая его единственнымъ ковчегомъ спасенія и, разумѣется, попадаютъ въ просакъ. Такіе же рутинные взгляды господствуютъ въ большинствѣ стараго, отживающаго европейскаго общества и ведутъ къ тѣмъ же печальнымъ результатамъ. Купечество, наприм., съ неимовѣрнымъ тупоуміемъ отстаиваетъ свои сословные недостатки и свой жиръ; кастическія предубѣжденія востока и замкнутость его сословій породили какую-то вѣковую тупость, табунную физіономію, однообразіе и скудость понятій и такой китаизмъ, апатію и застой интеллектуальныхъ силъ, что подчасъ страшно становится за человѣка и теряешь вѣру въ возможность его будущаго прогрессивнаго движенія. Тоже самое повторяется, въ нѣсколько иныхъ формахъ, и въ европейскомъ обществѣ. Эту изолированность кастъ и сословій, отчужденность и предубѣжденія, господствующія между національностями, наука теперь признаетъ положительно вредными. Она осуждаетъ ихъ въ интересахъ каждаго народа отдѣльно и человѣческаго рода вообще. Напрасно законодатели и политики пренебрегаютъ этимъ серьезнымъ вопросомъ; онъ заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Рутинная замкнутость обезсиливаетъ народъ, обезличиваетъ его индивидуальныя черты и не возбуждаетъ той страстности, той игры чувствъ, той энергіи впечатлѣній, какія необходимы въ конкретномъ случаѣ для полнаго примѣненія широкихъ требованій подбора. Это особенно подтверждается скрещиваніемъ породъ въ слишкомъ тѣсныхъ границахъ. Такъ какъ законъ всегда вѣренъ для всего растительнаго и животнаго міра, не исключая и человѣка, то, основываясь на опытахъ съ животными и растеніями, наука громко возстаетъ противъ всякихъ попытокъ кровосмѣшенія и считаетъ это самымъ тяжкимъ физіологическимъ грѣхомъ, самой уродливой ошибкой. Спариванье между животными отца и дочери или матери и сына, или братьевъ и сестеръ впродолженіи нѣсколькихъ поколѣній,—такія неестественныя совокупленія влекутъ за собою въ животномъ мірѣ уменьшеніе роста, ослабленіе конструкціи тѣла, безплодіе или развиваютъ наклонность къ самымъ причудливымъ уродствамъ. Природа мститъ за оскорбленія, наносимыя ея

*) Reich. Das Eheliche Leben. Стр. 438.

законамъ. Самые компетентные судьи въ этомъ дѣлѣ полагаютъ, что спариванье брата и сестры еще хуже, чѣмъ отца и дочери. Дарвинъ приводитъ опытныя наблюденія самыхъ лучшихъ и практическихъ заводчиковъ, слишкомъ заинтересованныхъ, конечно, въ способѣ улучшенія и размноженія своихъ животныхъ,—онъ цитируетъ Сибрайта, Андрю, Найта, Натузіаса, Уайта, Проспера Люкаса, къ которымъ лично относится съ глубокимъ уваженіемъ. Всѣ эти заводчики (кромѣ Проспера Люкаса) были заинтересованы въ томъ, чтобы не смѣшивать кровныя породы своихъ стадъ съ какими нибудь посторонними животными, дорожили чистотой крови и аристократичностью своихъ породистыхъ животныхъ не менѣе любого англійскаго лорда, а потому они избѣгали смѣшенія съ другими стадами и разводили своихъ животныхъ въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, не выходя изъ предѣловъ своего стада, и въ концѣ концовъ вынуждены были отказаться отъ этой системы. Нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось горько раскаяться въ своихъ узкихъ воззрѣніяхъ, потому что всякія болѣзненныя наклонности, свойственныя производителямъ, при такомъ тѣсномъ скрещиваніи усиливаются въ потомствѣ и влекутъ за собою вырожденіе, вымираніе или безплодіе цѣлаго стада. Волей-неволей всѣ эти владѣльцы и любители животныхъ, искушенные опытомъ, прибѣгали къ скрещиванію съ посторонними породами и замѣчали тогда быстрое улучшеніе своихъ стадъ. Стадо Бэтса считалось самымъ знаменитымъ въ мірѣ. Тринадцать лѣтъ онъ размножалъ свой скотъ самымъ тѣснымъ образомъ и чуть не сгубилъ его. Поэтому онъ въ послѣдующія семнадцать лѣтъ постепенно сталъ подмѣшивать къ своему стаду свѣжей крови, ибо уменьшающаяся плодовитость его стада убѣждала его въ томъ, что имѣть слишкомъ возвышенное мнѣніе о достоинствѣ своего стада нѣсколько нелѣпо и такой педантизмъ убыточенъ и даже раззорителенъ. Интересно и то обстоятельство, что заводчики скота, долгое время придерживавшіеся спариванья въ тѣсныхъ границахъ и потомъ скрещивавшіе свое стадо съ другой породой, выручали на выставкахъ наибольшія цѣны за животныхъ, полученныхъ отъ скрещенныхъ породъ. Нужно, однако же, сознаться, что вопросъ спариванья животныхъ въ довольно тѣсныхъ границахъ имѣетъ своихъ ярыхъ защитниковъ, и тѣ, которые не видятъ дальше своего носа, могутъ дѣйствительно представить факты, на первый взглядъ будто говорящіе въ ихъ пользу. Иной заводчикъ увѣряетъ, что пятидесяти-лѣтній опытъ спариванья овецъ въ тѣсныхъ предѣлахъ не повлекъ за собою вырожденія стада. Но такія увѣренія и мнимыя противорѣчія должны

ыть принимаемы съ большою осторожностью; во-первыхъ, стадо было до-
льно многочисленное, а во-вторыхъ, спариванье производилось не между
лишкомъ близкими родственниками. Въ старыхъ англійскихъ паркахъ
ани подвергались довольно тѣсному спариванью, и что же оказалось?
орода эта такъ измельчала и ослабла, что примѣшиваніе свѣжей крови
дѣлалось неизбѣжнымъ. Мало того, что такою примѣсью достигали улуч-
енія въ размѣрахъ и въ организаціи, но бѣдныя животныя избавля-
ись этимъ путемъ отъ многихъ мучительныхъ болѣзней, которымъ под-
ергало ихъ слишкомъ тѣсное спариванье. Всѣ наблюдатели легче всего
бѣдились на свиньяхъ. Свиньямъ больше всего пришлось испытать на
себѣ всю тяжесть вреда отъ слишкомъ родственнаго спариванья. Извѣстно,
какую непримиримую національную вражду питаютъ другъ къ другу
евреи и свиньи, но природа одинаково относится къ ихъ тождественной
грѣховности. Извѣстный заводчикъ м-ръ Урайтъ скрестилъ борова съ
дочерью, внучкою, правнучкою и т. д. вплоть до седьмого поколѣнія.
И что же? Потомство оказалось безплоднымъ, то оно было слишкомъ
недолговѣчно, то оно производило такихъ идіотовъ, которые не умѣли
даже сосать или ходить, какъ слѣдуетъ. Очевидно, кровосмѣшеніе отозва-
лось слишкомъ пагубно на умственныхъ способностяхъ свиньи и на ея
воспроизводительномъ отправленіи. Ниже мы увидимъ, что къ такимъ же
послѣдствіямъ привело кровосмѣшеніе и евреевъ. Но мы не кончили бы
никогда, еслибъ желали привести всѣ правдивые доводы, которыми Дар-
винъ доказываетъ вредъ и пагубу кровосмѣшенія у животныхъ. Отсы-
лаемъ интересующихся этимъ вопросомъ къ оригинальнымъ сочиненіямъ
Дарвина, Рейха, Тэйлора и другихъ. Всѣ факты, приведенные Дарвиномъ,
достаточно ясны, чтобы опровергнуть опрометчивое мнѣніе Эстерлена, что
кровосмѣшеніе между животными служитъ для улучшенія породы *)
Эстерленъ весьма компетентный судья въ дѣлѣ медицинской статистики,
но что касается вопроса объ улучшеніи животныхъ, о воздѣлываніи
растеній, то онъ грудной младенецъ предъ такимъ колоссомъ ума и зна-
нія, какъ Дарвинъ, и его мнѣніе въ этомъ случаѣ теряетъ для насъ
всякую доказательную силу. А потому мы относимся съ полнымъ недо-
вѣріемъ къ его слишкомъ поспѣшнымъ выводамъ, будто бракъ между
здоровыми и близкими родственниками не можетъ причинить особеннаго

*) Oesterlen. Medicinische Statistik. Стр. 198 и 200.

вреда. Эстерленъ въ своей эксцентричности доходитъ до того, чт маетъ, что браки между здоровыми родственниками цѣлесообразнѣе, между чужими. Какъ гигіенистъ, онъ зашелъ здѣсь слишкомъ дал черезчуръ утрируетъ понятіе о здоровьѣ. Положительныя данныя бранныя Буденомъ, Рейхомъ, Дэви, Олльe и другими, опровергают положительно. Эстерленъ въ силу всего этого долженъ-бы сознаться, Дарвинъ несравненно шире и глубже его понимаетъ разумныя и ес венныя требованія подбора.

Къ счастію для человѣчества, многіе, даже самые (хотя далеко не дикіе, народы и древнѣйшіе предшественники наши чувствовали как инстинктивное отвращеніе къ кровосмѣшенію, и это отвращеніе у мн народовъ получило силу религіознаго закона. Мы приведемъ нѣкот примѣры изъ Тэйлора и Рейха. Древніе римляне строго воспрещали между кровными родственниками и, по увѣренію Тацита, кровосмѣ между родителями и дѣтьми наказывали смертью (Рейхъ, стр. 16). У ковъ вообще также были запрещены браки между ближайшими родст никами, но спартанцы допускали браки между дѣтьми отъ одной ма но отъ разныхъ отцовъ. Гомеръ упоминаетъ даже о бракахъ между бр ями и сестрами, что съ теченіемъ времени, по Валерію Максиму, с шенно вывелось, но браки между двоюродными братьями и сестрами, теткам и племянниками, дядями и племянницами, къ сожалѣнію, в допускались (Рейхъ, стр. 22). По Діодору Сицилійскому, бракъ у древ египтянъ между ближайшими кровными вовсе не былъ запрещенъ, какъ у нихъ братъ могъ жениться на сестрѣ (Рейхъ, стр. 33). Гер разсказываетъ, что персы никогда не имѣли привычки жениться н страхъ, но жестокій Камбизъ влюбился въ родную сестру и, выслу приговоръ своихъ судей, что хотя нѣтъ закона, повелѣвающаго жениться на сестрѣ, за то есть законъ, разрѣшающій деспоту д все, что ему угодно, Камбизъ женился на родной сестрѣ, да въ пр взялъ себѣ въ жены еще и вторую сестру (Рейхъ, стр. 36). Нѣкот древніе народы доводили эти запрещенія до положительнаго абсурда. въ Индіи считается незаконнымъ поклоннику Брамы жениться на щинѣ, носящей одно съ нимъ родовое имя или Готра (въ буквал значеніи «коровье стойло»), т. е. запрещалось вступать въ бракъ ственникамъ по мужской линіи, границы котораго неопредѣленны. В дексѣ Ману этотъ законъ прилагается къ тремъ первымъ кастамъ, запрещается также до извѣстныхъ широкихъ границъ бракъ между

ственниками по женской линіи. Китайскій народъ дѣлится на множество классовъ или родовъ; каждый отличается именемъ, которое носятъ всѣ его члены и которое соотвѣтствуетъ прозвищу или, лучше сказать, нашей фамиліи, потому что жена принимаетъ фамилію мужа; фамилія же эта переходитъ по наслѣдству къ сыновьямъ и дочерямъ. Число этихъ фамилій ограничено. Дэвисъ думаетъ, что ихъ не болѣе ста, другіе же писатели насчитываютъ ихъ триста и даже тысячу, что на 400 милліоновъ жителей все-таки капля въ морѣ. Тѣмъ болѣе, что китайскій законъ настолько глупъ, что мужчина не можетъ жениться на женщинѣ одной съ нимъ фамиліи, хотя бы межъ ними не было и тѣни родства самаго отдаленнаго, такъ что родство по мужской линіи, какъ бы оно ни было далеко, составляетъ абсолютное препятствіе къ браку. Это строгое запрещеніе вступать въ бракъ потомкамъ мужской вѣтви ведетъ свое происхожденіе съ самыхъ древнихъ временъ, потому что китайцы относятъ его къ мифическимъ временамъ императора Фуги, который раздѣлилъ народъ на 100 семействъ, далъ каждому особенное имя и запретилъ жениться мужчинѣ на женщинѣ одного и того же имени, родственница она ему или нѣтъ; этотъ законъ и теперь еще въ силѣ. Въ Сіамѣ седьмая степень кровнаго родства—тотъ предѣлъ, до котораго бракъ запрещается, исключая императора, который можетъ жениться на своей сестрѣ, также какъ у инковъ цари могли жениться на своихъ сестрахъ и даже на дочеряхъ. У дэйяковъ на островѣ Борнео воспрещается бракъ лицъ, находящихся между собою во второмъ колѣнѣ родства. А лица, вступающія въ бракъ и находящіяся въ третьемъ колѣнѣ родства, подвергаются штрафу, состоящему изъ мѣры кукурузы, имѣющей тамъ значительную цѣнность. Марсденъ говоритъ, что на островѣ Суматрѣ дѣти двухъ братьевъ не могутъ вступать въ бракъ; между тѣмъ какъ сынъ сестры можетъ жениться на дочери брата, но на оборотъ не допускается. На томъ же островѣ баттасы считаютъ гнуснымъ преступленіемъ бракъ между лицами одного и того-же племени и наказываютъ виновныхъ обыкновеннымъ у нихъ наказаніемъ, т. е. рубятъ ихъ живыми и ѣдятъ ихъ мясо, изжаренное или сырое съ солью и съ краснымъ перцемъ. Причина, почему они смотрятъ на такіе браки, какъ на преступленіе, заключается въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, мужчина и женщина имѣли общихъ предковъ.

У татарской расы въ Азіи и въ Европѣ мы находимъ подобныя же ограниченія. Остяки считаютъ грѣхомъ бракъ лицъ, носящихъ одно и то же фамильное имя, такъ что мужчина не долженъ брать жену изъ своего

собственнаго племени. Тунгусы не допускаютъ бракъ въ третьемъ колѣнѣ. Самоѣды при женитьбѣ избѣгаютъ всякихъ степеней родства до того, что мужчина никогда не женится на дѣвушкѣ, происходящей изъ одного съ нимъ семейства, какъ бы ни было далеко ихъ родство. Лапландцы никогда не допускаютъ браковъ между кровными родственниками (Тэйлоръ. Доисторическій бытъ человѣчества, стр. 379 и слѣд.). У монголовъ бракъ съ женщиною, состоящею въ кровномъ родствѣ съ мужской линіей, строго воспрещался, а родство съ жениной линіей никогда не служило препятствіемъ: сплошь и рядомъ дозволялось жениться на двухъ-трехъ сестрахъ, браки между дѣтьми братьевъ и сестеръ также допускались; мужчины одной фамиліи женятся на женщинахъ другой, но, въ свою очередь, принадлежащихъ одной и той же фамиліи. Среди негровъ на западномъ берегу Африки браки воспрещены только между родителями и дѣтьми и между братьями и сестрами, всякое же другое родство не служитъ препятствіемъ для брака. Готтентоты также не допускаютъ браковъ между близкими родственниками. За то у племени дамага нѣкоторыя жены еженедѣльно мѣняютъ мужей (Рейхъ). Между неграми на восточномъ берегу никто не можетъ соединиться бракомъ съ родственникомъ или родственницей отца или матери вплоть до седьмой степени. Это у богосовъ. У жителей Австраліи также встрѣчаются запретительные законы относительно брака, но они далеко не однообразны. Австралійцы раздѣлены на отдѣльныя семейства и каждый человѣкъ, кромѣ собственнаго имени, носитъ еще фамильное имя — родъ прозвища. Дѣти принимаютъ фамильное имя отъ матери, и мужчина не можетъ жениться на женщинѣ одного съ нимъ имени, такъ что здѣсь запрещеніе распространяется лишь на родство по женской линіи (Тэйлоръ). Въ Америкѣ также встрѣчается рѣзко выдающійся обычай вступать въ бракъ внѣ своего рода. Какъ австралійскія, такъ и индѣйскія племена представляютъ поразительное сходство въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія раздѣлены обыкновенно на роды, носящіе имя животнаго, медвѣдя, волка, оленя, и вотъ у нихъ бракъ воспрещенъ между лицами одного и того же племени. Такъ, у ирокезовъ отецъ и его дѣти никогда не могутъ принадлежать къ одному съ нимъ роду, потому что потомство идетъ во всѣхъ случаяхъ по женской линіи. Каждый народъ дѣлится на 8 племенъ въ два ряда, по четыре въ каждомъ:

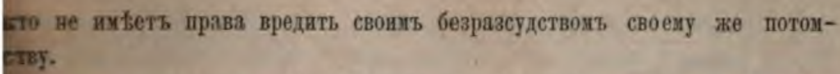
1. Волкъ, медвѣдь, бобръ, черепаха.
2. Олень, бекасъ, цапля, соколъ.

Прежде волкъ не могъ вступать въ бракъ съ медвѣдемъ, бобромъ или

черепахой, считаясь роднымъ ихъ братомъ, но онъ могъ вступать въ бракъ со вторымъ рядомъ: съ оленемъ, бекасомъ, цаплей. Позже допускался уже бракъ и во всякомъ другомъ племени перваго или втораго ряда, кромѣ собственнаго (Тэйлоръ). Изъ приведенныхъ фактовъ легко убѣдиться, что, съ одной стороны, кровосмѣшеніе нерѣдко имѣло и имѣетъ мѣсто у разныхъ народовъ, съ другой стороны, брачное понятіе слишкомъ запутано и затемнено разными племенными причудами и предразсудками. Тѣмъ не менѣе почти вездѣ замѣтно стремленіе избѣгнуть кровосмѣшенія. Тэйлоръ того мнѣнія, что простой опытъ вѣковъ могъ убѣдить дикарей, какъ велико зло отъ кровосмѣшенія, и что это главнымъ образомъ и заставило ихъ прибѣгнуть къ разнаго рода ограниченіямъ и запрещеніямъ. Но объясненіе Дарвина несравненно ближе къ истинѣ. Такъ какъ дѣти отъ родителей, чуждыхъ всякаго родства, обыкновенно сильнѣе, развитѣе и плодовитѣе, чѣмъ дѣти отъ близкихъ и кровныхъ родственниковъ, то особи, предпочитавшія чужія семейства, силою естественнаго подбора размножались быстрѣе другихъ, вытѣсняли остальныхъ, болѣе слабыхъ, и, такимъ образомъ, это инстинктивное побужденіе, поощряемое естественнымъ подборомъ, сдѣлалось господствующимъ. Понятно, что перевѣсъ господствующихъ бракосочетаній скорѣе могъ оттолкнуть дикарей отъ кровосмѣшенія, чѣмъ разсужденія о дурныхъ его послѣдствіяхъ.

Вредъ отъ браковъ между слишкомъ близкими родственниками у цивилизованныхъ народовъ подтверждается многими весьма серьезными наблюдателями. Мы не считаемъ лишнимъ распространиться объ этомъ вопросѣ подробнѣе потому, что намъ лично извѣстны многіе примѣры бракосочетаній между двоюродными братьями и сестрами, между дядями и племянницами, особенно среди евреевъ и гдѣ притомъ мужчины принадлежатъ къ лучшей интеллигенціи. Какъ медикамъ, этимъ личностямъ трижды непростительна такая физіологическая грѣховность. Леопольдъ Олле удивлялся и долго не могъ себѣ объяснить причины, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прорѣзываніе зубовъ у дѣтей совершается довольно поздно, именно на третьемъ или четвертомъ году, и только тогда для него явленіе это стало ясно, когда онъ узналъ и провѣрилъ, что среди жителей весьма часты браки между близкими кровными. Фрэнсисъ Дэви собралъ 121 случай бракосочетаній между близкими родственниками. Изъ этого числа 22 брака были совершенно безплодны, у другихъ было нѣсколько выкидышей, у семнадцати были неправильные роды, въ нѣкоторыхъ семействахъ дѣти были съ излишними пальцами и такихъ случаевъ изъ 121 брака было 17.

Изъ 82 случаевъ кровныхъ браковъ было 5 случаевъ косолапости. 1859 г. Хазаренъ представилъ данныя о вліяніи кровосмѣшенія на исхожденіе глухонѣмоты. Изъ 39 дѣтей отъ роду глухонѣмыхъ 6 про дило отъ кровныхъ родителей, одинъ изъ этихъ мальчиковъ имѣлъ д а другой трехъ глухонѣмыхъ братьевъ; всего, слѣдовательно, 11 глух мыхъ. Изъ 27 глухонѣмыхъ дѣвочекъ девять принадлежали бракамъ к наго родства; одна имѣла одного, другая двухъ глухонѣмыхъ братье три дѣвочки каждая по глухонѣмой сестрѣ; у одной дѣвочки братъ б идіотъ и глухонѣмой — всего, слѣдовательно, шестнадцать глухонѣм Гоу сообщаетъ свѣденія о 17 бракахъ между близкими родственни Они произвели на мрачный для нихъ свѣтъ 95 дѣтей; изъ этого ч было 44 идіота, 12 золотушныхъ, одно глухое, одинъ карликъ и лиш сноснаго тѣлосложенія. Будену принадлежитъ честь, что онъ въ новѣ время выступилъ съ самыми сильными и неопровержимыми аргумен противъ кровосмѣшенія и противъ браковъ между близкими родными. лично изслѣдовалъ вопросъ въ обширнѣйшемъ значеніи слова, собралъ что имѣется въ литературѣ по данному предмету, и пришелъ къ слѣ щимъ заключеніямъ: 1) Число браковъ между близкими родными во Ф ціи составляетъ 2 процента всѣхъ бракосочетаній и изъ 100 отъ глухонѣмыхъ происходили отъ браковъ между близкими родственника Ліонѣ около 25, въ Парижѣ 28 и въ Бордо 30. 2) По степени ро возрастаетъ число глухонѣмыхъ; чѣмъ ближе между собою родствен вступающіе въ бракъ, тѣмъ больше шансовъ на производство глухонѣ 3) Чѣмъ больше гражданской и религіозной терпимости въ бракосо ніяхъ между близкими родными, тѣмъ больше пропорція глухонѣмыхъ Берлинѣ на 10,000 католиковъ 3, на 10,000 протестантовъ 6, на 10 евреевъ 27 глухонѣмыхъ. 4) Въ 1840 г. въ Іовѣ въ Соединенныхъ Ш тахъ на 10,000 бѣлыхъ считалось 2 процента, а на 10,000 рабовъ мительная и ужасающая цифра—212 глухонѣмыхъ, потому что рабы т смѣшивались во всѣхъ степеняхъ родства (Рейхъ, стр. 526 и слѣд.). *ковы плоды неестественнаго подбора!* Но довольно фактовъ. Всѣ данныя должны убѣдить всякаго въ несомнѣнности того великаго за природы, которымъ обогатилъ науку Дарвинъ и по которому скрещив не близко родственныхъ между собой особей въ высшей степени пол и даже необходимо, а тѣсное кровосмѣшеніе въ высшей степени вредно (винъ, т. II, стр. 157). Имѣющій уши слышати, да слышитъ. Коне каждый вправѣ располагать своимъ организмомъ, какъ хочетъ, но

кто не имѣетъ права вредить своимъ безразсудствомъ своему же потомству.

Вникая въ смыслъ ученія Дарвина поглубже, насъ невольно поражаетъ одно весьма важное обстоятельство. Изъ его ученія явствуетъ, какъ божій день, что подборъ въ природѣ своимъ могуществомъ обязанъ способности органической матеріи или органическимъ тканямъ видоизмѣняться до безконечности и, видоизмѣняясь, проявлять новыя свойства и новыя качества, которыми органическія ткани наивозможно лучше являются примѣненными къ внѣшнимъ условіямъ существованія, оказываются, стало быть, улучшенными, усовершенствованными, прогрессивными. Этимъ путемъ Дарвинъ смѣло могъ придти къ тому убѣжденію, что китъ и мышь «одной стервы мясо», одного поля ягода, одного общаго происхожденія, что ихъ одна мать родила и что различіемъ своимъ они обязаны лишь измѣнчивости органическихъ тканей, разъединившей ихъ силою судебъ и теченіемъ времени. «Конечно, говоритъ Дарвинъ, такое воззрѣніе должно каждаго повергнуть въ нѣмое изумленіе. Но это изумленіе пройдетъ, если мы поглубже всмотримся и проникнемся убѣжденіемъ, что безчисленныя существа втеченіи почти безконечнаго времени были способны измѣняться во всѣхъ чертахъ своего строенія; причемъ каждое измѣненіе, полезное такъ или иначе организму, тщательно сохранялось, а малѣйше вредное уклоненіе безжалостно истреблялось.»

Продолжительное же накопленіе полезныхъ измѣненій силою подбора и породило то разнообразіе прекрасно приспособленныхъ, превосходно организованныхъ тварей, которыми переполненъ существующій міръ. На этомъ основаніи Дарвинъ и считаетъ подборъ самой дѣятельной причиной, самой существенной силой, создавшей и усовершенствовавшей существующіе организмы. Ну а будетъ ли этому когда нибудь конецъ? Есть ли предѣлъ прогрессу? Ну это мы увидимъ. Какъ знать, что будетъ дальше? Но все, что мы видѣли до сихъ поръ, не даетъ намъ права отрицательно покачивать головой и располагаетъ насъ вѣрить въ возможность лучшаго будущаго. Лучше желать прогресса и придерживаться принципа vouloir c'est pouvoir. Это насъ нѣсколько разбудитъ отъ вѣковой спячки, отшатнетъ отъ прадѣдовской лѣни. А для того повторимъ съ читателемъ: чего же требуетъ отъ насъ лично и для нашей пользы подборъ? А онъ требуетъ многаго. Такъ какъ ни одно міровое событіе въ жизни человѣчества не совершилось безъ страсти, то созданіе себѣ подобныхъ требуетъ извѣстной доли страсти. Люди, являющіеся на свѣтъ божій вслѣдствіе обязанности,

никуда негодны, излишнее бремя для самихъ себя и причиняютъ излишніе хлопоты природѣ убирать ихъ со сцены жизни. Такимъ образомъ, мы считаемъ любовь, взаимную привязанность могущественнѣйшимъ контролемъ подбора. Не упуская никоимъ образомъ изъ виду экономической и гигіенической стороны вопроса, мы ставимъ неизбѣжнымъ условіемъ прогресса въ дѣлѣ подбора скрещиванье чуждыхъ породъ и абсолютное отрѣшеніе отъ малѣйшей доли кровосмѣшенія. При такой постановкѣ вопроса должны исчезнуть всѣ сомнѣнія, потому что эти разумныя требованія подбора исключаютъ всякую тѣнь возможности проституціи и съ негодованіемъ отварачиваются отъ такихъ явленій, какъ гаремный развратъ, какъ аристократическіе замкнутые браки и т. п. А потому дадимъ же больше простора великому закону природы и чудотворной силѣ ея—подбору.

БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ.

I.

«Вѣкъ прожить—не поле перейти».

ьтурное развитіе и успѣхи цивилизаціи въ кратковременную исто-
ую эпоху породили въ человѣкѣ заслуженное и вполнѣ справедли-
знаніе превосходства его надъ всѣми остальными животными. Науч-
зысканія послѣднихъ временъ и тщательное изученіе быта человѣ-
во времени и пространствѣ свидѣтельствуютъ, съ одной стороны,
епенномъ ходѣ его умственнаго совершенствованія, съ другой, по-
надежду на великое будущее человѣчества и указываютъ пути, по
ымъ оно шло доселѣ и по которымъ оно *должно* идти дальше, для
кенія достойной своей участи. Отъ колыбели безпомощное, безъ вся-
средствъ и знаній, въ крайней нуждѣ и нищетѣ, человѣчество вы-
на своихъ плечахъ много горя, вытерпѣло самую тяжкую борьбу съ
ающей природой и вышло побѣдителемъ, единственно благодаря силѣ
ума, энергіи и настойчивости своей дѣятельности. Родившись подъ
тымъ небомъ и не имѣя чѣмъ прикрыть свою наготу, кромѣ древес-
листа, кто могъ предвидѣть тогда, что нѣкогда настанетъ время,
золотой вѣкъ, когда этотъ безпомощный пасынокъ природы ста-
нѣжится на шелковыхъ коврахъ, въ великолѣпныхъ палатахъ и среди
грандіозной обстановки, что съ нею можетъ соперничать одинъ лишь
небесный. Зародившись при самыхъ благопріятныхъ климатическихъ
іяхъ, но все-таки въ весьма непривлекательной формѣ, человѣкъ про-
всѣ климаты, обратилъ весь земной шаръ въ свое постоянное мѣ-
тельство и, устыдившись сходства съ обезьяной, рѣшился преобра-

зиться въ Аполлона Бельведерскаго, имѣя постоянно въ виду превзойти красотой и этотъ идеалъ. Въ первобытномъ, дикомъ состоянiи онъ долженъ былъ каждый глотокъ пищи брать съ бою, каждую пядь земли завоевывать отъ многочисленныхъ соперниковъ съ опасностью собственной жизни, на каждомъ шагу силою отстаивать свое существованiе, отбиваясь отъ множества враговъ, и лишь такимъ тяжелымъ путемъ испытанiй исподволь дойти до современнаго положенiя. Весь этотъ сложный процессъ событiй и явленiй Дарвинъ называетъ *борьбой за существованiе*. Подробности этого процесса, въ высшей степени любопытныя, сокрыты отъ насъ и погребены въ глубокую пучину протекшихъ вѣковъ. Остались одни полутемные намеки, по которымъ проницательный умъ Дарвина заключилъ о важности и силѣ этого процесса и обобщилъ его въ великiй мiровой законъ, въ «борьбу за существованiе».

Существовать—многосложная и трудная задача. Возьмите жизнь большинства, возьмите жизнь нашего крестьянина. Чтобъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ своего организма, чтобъ доставить возможность совершать всѣ свои физiологическiя отправленiя, онъ долженъ безпрестанно трудиться, неустанно работать. Чуть онъ замѣшкается или предастся отдыху, его непремѣнно перегонитъ сосѣдъ, то же поспѣшающiй на пиръ природы. А потому каждый долженъ быть всегда готовымъ къ борьбѣ со всякаго рода конкурентами и препятствiями, ожидающими его въ жизни. Чтобы прокормить себя и свою семью, крестьянинъ долженъ впродолженiи нашего короткаго лѣта запастись пищей на цѣлый годъ; для этого онъ долженъ оберегать свое поле, какъ зенницу ока, онъ долженъ засѣять его такими злаками, которые количествомъ и качествомъ выдержали бы борьбу съ соперничествующими травами, съ зерноядными птицами, со множествомъ неблагопрiятныхъ атмосферныхъ влiянiй. Вѣчно въ положенiи Робинзона Крузе на пустынномъ островѣ, онъ напрягаетъ свои умственныя силы и прибѣгаетъ ко всѣмъ возможнымъ хитростямъ, чтобы поймать того или другого звѣрька, убить ту или другую птицу, также претендующихъ на жизнь, оспаривающихъ у него драгоцѣнное зерно. Чтобы предохранить себя отъ всевозможныхъ климатическихъ невзгодъ, отъ ужасовъ нашихъ суровыхъ зимъ, онъ долженъ срубить избу, постоянно поддерживать въ ней температуру, хотя на половину соотвѣтствующую температурѣ нашего тѣла; онъ долженъ отапливать свой собственный организмъ обильнымъ количестомъ углеводородистой пищи, почему онъ вынужденъ вести вѣчную борьбу со множествомъ животныхъ, отнимая у нихъ шерсть на производство сво-

ихъ согрѣвающихъ тканей, сдирая съ нихъ шкуру, питаясь ихъ жиромъ и мясомъ. Сколько ума и хитрости онъ долженъ былъ употребить въ дѣло, чтобы обратить такую массу хищныхъ животныхъ въ рабство, себѣ на служеніе, сдѣлать ихъ домашними, ручными. Но за то трудъ его удвоился; онъ долженъ запасти пищу на цѣлый годъ не только себѣ, но и всѣмъ животнымъ, его окружающимъ; поле его дѣятельности раздвинулось, работа увеличилась, борьба сдѣлалась сложнѣе, настойчивѣе, энергія возвысилась, но благосостояніе его отъ этого не поднялось. Среди безпрерывной борьбы за существованіе ему, этому бѣдному работнику, одолѣвавшему природу только съ помощью мускульнаго труда, досталось послѣднее мѣсто на пиру жизни. Всѣ, кто успѣлъ обогнать его въ развитіи умственныхъ способностей или захватить власть и матеріяльную силу въ свои руки, сдѣлались его опекателями. Свой братъ эксплуататоръ и кулакъ вѣчно покушаются на его трудъ, на его заработокъ и свободу. Чтобы не заглохнуть въ своемъ одиночествѣ, онъ долженъ былъ завести сношенія съ своимъ сосѣдомъ, съ такимъ же неустрашимымъ и неутомимымъ борцомъ за свое существованіе, а это заставило его опять употребить немалый трудъ, чтобы проложить дороги, соорудить мосты, укрѣпить плотины, гати, остановить потоки въ ихъ теченіи, ведя безпрерывную борьбу съ природой, которая *также* не слишкомъ дружелюбно глядитъ, какъ это кропотливое и мизерное животное посягаетъ на существующій у нея порядокъ вещей.

Но, завязавъ сношенія съ сосѣдями и обмѣниваясь съ ними взаимными одолженіями, онъ сталъ въ новое положеніе, вступилъ въ новыя обязательства. Онъ долженъ вѣчно помнить, что на клочокъ земли, его питающій, постоянно найдется масса претендентовъ, отъ которыхъ ему придется отбиваться всею силою своихъ мускульныхъ фибръ. — Вотъ почему онъ вынужденъ кормить трудами рукъ своихъ громадное войско, сложную и дорогую администрацію, заботливо опекающую его житейскую неразвитость и нерѣдко подчиняющую его своему полнѣйшему произволу. Но за то трудъ его снова увеличивается, прежняго клочка земли уже не хватаетъ на удовлетвореніе этихъ важныхъ условій существованія и онъ вынужденъ расширить предѣлы своей дѣятельности: вмѣсто одного клочка, онъ долженъ воздѣлывать два клочка. Но онъ членъ общины, связанный своими личными интересами съ интересами той страны, которой онъ принадлежитъ. Поэтому кромѣ охраны и защиты своего собственнаго очага и клочка земли онъ долженъ еще охранять предѣлы той страны,

съ которой связано его существованіе. Для этого онъ долженъ пожер
вать своимъ работникомъ въ пользу войска, защищающаго его отъ вн
нихъ враговъ, содержать это войско и оплачивать своими трудовыми
пѣйками не только его дѣйствительныя услуги, но нерѣдко и эфемер
славу.

Какая сложная и трудная задача — «существовать».

Возьмите теперь жизнь нашего меньшинства — ничтожной доли
интеллигенціи. Ихъ борьба за свое существованіе также трудна и
тельна; пути для разрѣшенія ихъ сложной задачи еще болѣе терн
Употребляя въ дѣло и пуская въ обращеніе свой мозговой трудъ, он
вершенно солидарны въ интересахъ со всѣмъ классомъ работающаго
Это совершенно понятная физіологическая связь. Какъ въ нашемъ
низмѣ все существованіе обезпечивается мышечнымъ трудомъ, котор
гулируется трудомъ мозговымъ, такъ и въ общественномъ организмѣ и
лигенція или мозговой трудъ необходимъ для регулированія всей
скульной рабочей силы общественнаго организма. Сознавая это, инт
генція должна направить всѣ свои стремленія для охраненія интер
рабочаго класса и вотъ почему она должна вести постоянную и ож
ченную борьбу со всѣмъ, что враждебно интересамъ рабочаго люд
всѣмъ, что эксплуатируетъ и поѣдаетъ его трудъ, сидитъ паразито
его общественной шеѣ. Не желая существовать даромъ и поѣдать
хлѣбъ, свободные отъ всей сложности борьбы, которую должны вести
мускульнаго труда съ окружающею природою и съ тою аномаліей
женія, въ которое ихъ поставила ложная соціальная обстановка, снабж
всѣми ингредіентами, нужными для питанія, одѣванія, согрѣванія,
движенія и выработанными трудами рукъ рабочаго люда, люди ин
генціи должны за пользованіе чужимъ добромъ вознаградить своихъ
мителей соотвѣтственной мозговой платой, а потому они должны н
гать всѣ свои умственныя и нравственныя силы для охраненія и
совъ рабочаго класса, должны не жалѣть себя въ честной борьб
благо своихъ кормителей и поителей. Незанятые борьбой за свое
ріяльное существованіе, цѣликомъ взваленное на плечи рабочей
люди интеллигенціи должны отдаться всѣмъ существомъ своимъ, не
силъ своихъ, умственной и нравственной борьбѣ за каждый шагъ,
ланный на пути къ благополучію народа. Не надо забывать, что
счастіи и силѣ — счастіе и сила всей страны. Если придержи
принципа, что все, что существуетъ, разумно и законно, если этимъ

помъ оправдывать рутину и зло, то всякій протестъ противъ существу-
щаго зла, въ какой бы рѣзкой формѣ онъ ни проявлялся со стороны
интеллигенціи, долженъ быть оправданъ разумнымъ и законнымъ основа-
ніемъ. Къ стыду человѣчества, это далеко не такъ. Къ сожалѣнію, тем-
ная, задерживающая и тормозящая сила вездѣ такъ велика, такъ упорно
держится за свои излюбленные предразсудки и традиціи, что больше чѣмъ
половина силъ и труда людей мыслящихъ уходитъ не на созданіе новаго,
лучшаго порядка жизни, а на борьбу съ старымъ и отжившимъ.
Массѣ вообще свойственны косность, неподвижность, застой; человѣкъ—
животное, умѣющее мириться со всякимъ положеніемъ; иной разъ засидишься
въ казематѣ до того, что, свыкнувшись съ нимъ, не хочешь съ нимъ рас-
статься. Чтобы не дать массамъ заснуть и окаменѣть, люди интеллигенціи
должны будить и вызывать въ нихъ постоянныя стремленія къ лучшему.
Если установленныя формы быта приняты разъ навсегда, какъ что-то за-
конченное, неприкосновенное, непогрѣшимое, то это значитъ обречь массу
на вѣчный застой, ввергнуть ее въ непоколебимый, мертвящій китаизмъ,
отказать ей въ развитіи своихъ экономическихъ и интеллектуальныхъ силъ
и насильно тянутъ ее въ бездну вырожденія и уничтоженія. Вѣрные та-
кому взгляду, люди интеллигенціи, невольно увлекаемые физіологическимъ
призваніемъ, органической необходимостью, стремятся къ постояннымъ пре-
образованіямъ, къ плодотворному движенію... Это своего рода умственный
виталпзмъ, котораго нельзя остановить никакими преградами и преслѣдо-
ваніями. Отсюда вовсе не вытекаетъ, чтобъ эти честные и разумные піо-
неры мысли проповѣдывали какое-то «кулачное право» или усматривали
такое право въ ученіи Дарвина, въ его борьбѣ за существованіе. Во всей
природѣ мы видимъ постоянное движеніе. Даже океанъ, казавшійся доселѣ
чѣмъ-то самымъ неподвижнымъ, обнаружилъ въ своихъ нѣдрахъ такое мо-
гущественное движеніе, какого никогда не подозрѣвали и которое оказа-
лось источникомъ и причиной цвѣтущаго преуспѣянія органической жизни
на землѣ. Жизнь всего человѣчества въ основныхъ своихъ проявленіяхъ
уподобляется, на нашъ взглядъ, вѣчному движенію гольфъ-стрема. Выз-
ванный неравномѣрнымъ распредѣленіемъ тепла на земномъ шарѣ, гольфъ-
стремъ въ то же время разноситъ пріобрѣтенное въ одномъ мѣстѣ тепло въ
другія болѣе холодныя, и такимъ образомъ поддерживаетъ равновѣсіе въ
природѣ и творитъ органическую жизнь. Борьба за существованіе имѣетъ
своею конечною цѣлью лишь равновѣсіе въ природѣ и достигаетъ этой
цѣли лишь постояннымъ передвиженіемъ матеріи. Природа совершенно рав-

нодушна къ тому, будетъ ли существовать животное въ той или
формѣ, или вовсе не будетъ существовать; ей дѣла нѣтъ до того,
ли прозябать на извѣстномъ пространствѣ земли десять березъ, ко
до того завербуютъ всѣ питательные соки этого ограниченнаго
земли, что не дадутъ ходу никакому другому растенію, ей лишь б
хранить вѣчно двигающуюся матерію въ равновѣсіи, а тамъ ей все
проявитъ ли себя матерія въ формѣ того или другого растенія,
формѣ того или другого животнаго. Этимъ самымъ природа слагае
себя всякую заботу и попеченіе о жизни всѣхъ органическихъ сущ
«Живите себѣ, говоритъ она, какъ сами знаете, хоть пожирайте
друга». Ну, признаться и мало стѣсненій на этотъ счетъ. Кто
гораздъ, а ужь всякій норовитъ попользоваться на счетъ другихъ. И с
въ самомъ дѣлѣ хлопотъ природѣ со всѣхъ сторонъ. Вѣдь никакъ
всѣхъ не угодитъ. Возсылаются мольбы, чтобъ въ маѣ не было дождя,
можно будетъ хорошенько погулять и насладиться чистымъ воздухо
полѣ и въ саду. И дѣйствительно, во весь мѣсяцъ ни капли дож
за то какія ужасныя послѣдствія. Хлѣба не взошли, травы повы
не стало корму, скотъ голодаетъ, насталъ лютый моръ, хищный
сталъ рыскать ближе къ человѣческому жилью и болѣе дерзокъ въ
слѣдованіи своихъ жертвъ: кто оплошалъ, зазѣвался — погибаетъ;
хлѣбъ, овощи, мясо, молоко, масло, все вздорожало; грозитъ сильн
лодъ, увеличилось число преступленій противъ собственности; упадок
соціальнаго строя. Какая страшная цѣпь зависимостей отъ одного
дождя! Но вотъ пошелъ дождь. Тогда-то начинается ожесточ
борьба; каждая травка-муравка силится по возможности больше в
влаги и питательныхъ соковъ. На всѣхъ-то, конечно, не хватитъ
успѣлъ во время запастись, будетъ жить; остальныя непремѣнно
дутъ; первыя, значитъ, выдержали борьбу съ засухой, одолѣли, поб
и пережили тяжелое время. А все-таки и ихъ немного, не хватитъ
кормить весь скотъ; кое-что продали, кое-что заложили и съѣли; и
немного собрали и скота меньше стало; на кладбищѣ частенько пр
лось рыться и хоронить лишнихъ ѣдоковъ, оплошавшихъ въ борьб
дожди пойдутъ, будетъ урожай, прибавится скота и хлѣба и семьи.
читъ, травка борется съ засухой, насѣкомыя съ травкой, птички
сѣкомымъ; кошка съ птичкой; китаецъ съ кошкой; съ китайцемъ
никъ мандаринъ; мандарина сосутъ и сводятъ въ могилу глисты; гл
поѣдаетъ свинья; свинью пожираютъ трихины: трихинъ поѣдаютъ

шей пожираетъ кошка и такъ далѣе до безконечности. Все это борьба существованіе.

Вотъ растенія всѣ въ полномъ цвѣту; вдругъ сильный вѣтеръ; снесло цвѣточную пыль; растенія не оплодотворились; ни ягодъ, ни плодовъ; еще бѣда, что нечѣмъ будетъ намъ полакомиться, но вотъ бѣда, что нѣкоторымъ насѣкомымъ некуда спрятаться, нечѣмъ питаться и на ихъ мѣсто ведутся другія, болѣе вредныя, которыя поѣдятъ листья на всѣхъ деревьяхъ и попортятъ ихъ до того, что они пропадутъ, засохнутъ. Пѣвчія пташки, любившія питаться ягодками, не заведутъ здѣсь своихъ гнѣздышекъ и, порыскавъ по свѣту, сдѣлаются добычей разныхъ хищниковъ. Послѣднихъ разведется такое множество, что житья не станетъ отъ нихъ всѣмъ нашимъ домашнимъ птицамъ; ни цыплятъ, ни яицъ, ни даже куринаго бульону для больнаго. Какая мучительная борьба произошла единственно оттого, что подулъ неблагопріятный вѣтеръ! Та же борьба и въ жизни людской.

Отсюда, слѣдовательно, легко дойти до заключенія, что каждый заботся о собственномъ благѣ, хотя бы для того пришлось истребить все мѣшающее для достиженія цѣли. Отсюда, такимъ образомъ, іезуитскій принципъ, позволяющій употребить всѣ средства для достиженія предначертанной цѣли, найдетъ свое полное оправданіе. Отсюда, значитъ, прямой илогическій выводъ, что хоть пожирай другъ друга, лишь бы мнѣ было хорошо, лишь бы *я* вышелъ цѣлымъ изъ борьбы. И такой выводъ, такое заключеніе будетъ крайне ошибочно, крайне неразумно, наконецъ, крайне непрактично.

Мы выше указали, что природа предоставила всякому заботиться о самомъ себѣ по своему крайнему разумѣнію; что ея главная забота —равновѣсіе матеріи и что она совершенно равнодушна къ тому, проявитъ ли матерія свое существованіе въ той или другой растительной формѣ, въ той или въ другой животной сферѣ. Всматриваясь глубже въ жизнь растительнаго и животнаго міровъ, мы можемъ легко придти къ убѣжденію, что растенія несравненно большую борьбу ведутъ съ окружающими ихъ космическими условіями, чѣмъ отдѣльныя особи, отдѣльные индивидуумы растительныхъ видовъ между собою, и что успѣхъ ихъ борьбы часто зависитъ отъ совмѣстной и дружной работы, отъ ассоціаціи труда *). Направляясь далѣе, мы беремъ себѣ право думать, что и весь животный міръ ведетъ гораздо сильнѣйшую борьбу съ растительнымъ міромъ, чѣмъ

*) Кто не вспомнитъ при этомъ объ удѣльной системѣ.

отдѣльные индивидуумы или отдѣльныя группы индивидуумовъ меж
бою. Такъ, львы между собою ведутъ несравненно меньшую борьбу,
съ травоядными животными, которыя, въ свою очередь, почти во
воюютъ между собою, и вся дѣятельность ихъ уходитъ на борьбу
стеніями. Видъ нападаетъ на видъ, родъ на родъ; но члены одного
же вида для своего благоденствія должны дѣйствовать съобща, ассо
свои силы и трудъ. Мы хотѣли этимъ сказать, что и человѣчеств
обходимо соблюсти логическую послѣдовательность природы и устр
всѣ свои силы на исключительную борьбу съ растительнымъ и живо
міромъ, эксплуатируя самымъ разнообразнымъ и могущественнымъ
тіемъ культуры и цивилизаціи и придерживаясь при этомъ самаго
ственнаго принципа—ассоціаціи труда. Тогда всякая борьба между о
ными индивидуумами или отдѣльными группами индивидуумовъ может
лишь вредна и по меньшей мѣрѣ непрактична. Такъ мы понимаемъ
ніе Дарвина и его законъ борьбы за существованіе. Такова задач
торую мы хотѣли бы здѣсь разобрать на основаніи ученія велика
туралиста. И если бы намъ удалось ее разрѣшить въ этомъ духѣ
этомъ направленіи, то... цѣль наша была бы достигнута.

Еще недалеко то время, когда Мильнъ-Эдвардсъ утверждалъ, что
рода создаетъ живыя существа «по вдохновенію», что она творила
ритъ живыя существа, повинуясь даже «разнообразнымъ вдохновенія
Вздумалось ей создать длинноногую цаплю, или безхвостую собак
безрогую корову, сейчасъ и готово все къ вашимъ услугамъ; захотѣ
позабавиться и слѣпила неуклюжаго слона, а чтобъ послѣдній не
вался въ своей силѣ, приставила къ нему докучливую муху. Какъ
и смѣшонъ долженъ былъ быть всякій въ глазахъ Мильнъ-Эдвардс
сталъ бы утверждать, что природа способна превратить муху въ
Онъ высказалъ бы тогда вамъ свое убѣжденіе въ такихъ словахъ: «
независимо отъ совершенно различныхъ основныхъ типовъ, по кот
природа образуетъ животное царство, есть еще извѣстное число вто
пенныхъ типовъ; и было бы равно несправедливо сказать, что, напри
млекопитающее есть усовершенствованная рыба, какъ несправедливо
ютъ позвоночное усовершенствованнымъ слизнякомъ или кольчецомъ. М
питающее и рыба происходятъ отъ одного общаго первичнаго типа и
организмъ, образованный по этому общему типу, готовится принять ос

---

*) См. его введеніе въ общую зоологію.

ый отпечатокъ, то въ немъ незамѣтно еще ни характера рыбы, ни млекопитающаго; принявши же одну изъ этихъ второстепенныхъ формъ, онъ уже никогда не переходитъ въ другую при своемъ развитіи. Итакъ, разнообразіе зоологическихъ типовъ, какъ первичныхъ, такъ и второстепенныхъ, есть, по моему мнѣнію, результатъ, добытый наукою; и въ настоящее время меньше, чѣмъ когда либо, позволительно считать все животное царство такимъ, какъ будто оно представляетъ развитіе одного и того же животнаго, въ которомъ только образовательная дѣятельность какъ бы задерживалась въ различные періоды жизни зародыша. Съ какой бы точки зрѣнія ни изучали этотъ вопросъ, вездѣ очевидно, что все животное царство не составляетъ линейнаго ряда, идущаго отъ монады или губки до человѣка, и что превращенія высшихъ организмовъ, на пути ихъ развитія, никакъ не представляютъ звѣньевъ этой воображаемой цѣпи» *). Такъ сбивчиво и неудобопонятно было ученіе о твореніи организмовъ до Дарвина. Благо еще, что Мильнъ-Эдвардсъ допускалъ въ природѣ *стремленіе къ экономіи*, а то вѣдь Богъ знаетъ, куда могла зайти творческая сила. Созидая все по вдохновенію, она преспокойно могла бы остановиться на какомъ нибудь ничтожномъ существѣ и не пойдти дальше. Какая ей была надобность идти дальше? Ну, а еслибъ ей пришла фантазія ограничиться одною какою нибудь инфузоріей и баста; нѣтъ вдохновенія, говоритъ она, и потому конецъ моему творчеству. Что тогда? Тогда было бы ужасно. Одна такая инфузорія могла бы наполнить весь земной шаръ въ самое короткое время, потому что изъ одной инфузоріи впродолженіи четырехъ недѣль, при помощи дѣленія, можетъ произойти 268,445,415 особей, а въ какія нибудь 30 лѣтъ одна инфузорія способна произвести такое несмѣтное потомство, что ему мало будетъ всего земного шара со всѣми его океанами, морями и островами. Или, вотъ природа вдохновилась и создала глупѣйшую корненожку, это маленькое, ничтожное твореньице, способное на великія дѣла. Дайте ему волю и оно заполонитъ вселенную, потому что весь земной шаръ для него слишкомъ ничтожная арена. Оно и такъ построило чуть не цѣлую треть его. Д'Орбиньи находитъ въ одномъ унцѣ песку съ острова Кубы до 3,840,000 скорлупокъ корненожекъ. Известковыя Альпы, мѣловые утесы Англіи, известняки парижскаго басейна, берега Средиземнаго моря, береговыя горы Азіи вплоть до Гималая—все это гран-

*) Мильнъ-Эдвардсъ. Введеніе въ общую зоологію. Стр. 84.

діозныя постройки корненожки. Судите сами, гдѣ могутъ остановиться такіе дѣятельные зодчіе и какова сила ихъ размноженія! *).

Мильнъ-Эдвардсъ говоритъ, что «при внимательномъ изученіи животнаго міра тотчасъ можно замѣтить, что природа, такъ щедро выполняя законъ *разнообразія организмовъ* (т. е. законъ вдохновенія!) не прибѣгала, однакожъ, ко *всевозможнымъ физіологическимъ сочетаніямъ* (нашъ курсивъ. Къ чему же она прибѣгала, m-r Мильнъ-Эдвардсъ?). Напротивъ того, она всегда была скупа на нововведенія (и не допускала ихъ, какъ всѣ отсталые, одряхлѣвшіе ученые). Можно сказать, что, прежде чѣмъ прибѣгать къ новымъ средствамъ, она исчерпываетъ каждое изъ тѣхъ, которыми уже пользовалась, и сколько она щедра на разнообразіе въ своихъ созданіяхъ, столько же оказывается экономною на средства, употребляемыя ею для того, чтобы разнообразить свои творенія» **). Въ чемъ же заключается эта экономія природы? Объ этомъ Мильнъ-Эдвардсъ умалчиваетъ или упоминаетъ лишь вскользь, прибѣгая къ разнымъ поэтическимъ и метафизическимъ построеніямъ, недостойнымъ естествоиспытателя. Прямой и положительный отвѣтъ на этотъ интересный вопросъ намъ даетъ Дарвинъ своимъ ученіемъ о борьбѣ за существованіе. И въ самомъ дѣлѣ, разсматривая строеніе инфузоріи и имѣя въ виду приведенную нами выше способность ея къ быстрому и чрезмѣрному размноженію, насъ невольно поражаетъ вопросъ: почему же инфузорія не наполняетъ собою весь міръ? Какъ извѣстно, инфузорія состоитъ изъ клѣточки, одной единственной безъ всякихъ дальнѣйшихъ формъ. Она питается, такъ сказать, всею своею поверхностью, у нея нѣтъ никакихъ специальныхъ органовъ, а потому нѣтъ никакихъ специальныхъ отправленій, которыя оправдывали бы въ нашихъ глазахъ ея право на названіе животнаго, и все-таки она животное питающееся, движущееся, размножающееся. Чѣмъ же руководствуется инфузорія въ своихъ соціальныхъ тенденціяхъ? Почему она не размножается до безконечности и не наполняетъ собою весь міръ, всю вселенную? Неужели она придерживается совѣтовъ Мальтуса и воздерживается отъ брачной жизни, чтобъ не наплодить слишкомъ много дѣтей? Нѣтъ, она съ теоріей Мальтуса незнакома и не вѣритъ его политико экономическому воздержанію. Она, правда, повинуется закону его, но по зависящимъ отъ нея причинамъ. Организмъ ея, правда, такъ устроенъ, что она можетъ кушать

---

*) Подробности объ этомъ см. Микроскопическій міръ, Егера.

**) Мильнъ-Эдвардсъ. Введеніе въ зоологію стр. 11.

кой частью тѣла ни случится, всякая часть ея организма служитъ ей мъ, желудкомъ и т. д. Согласитесь, что это завидное удобство, но горе томъ, что пищи мало, ее нужно отыскивать; она лишена возможности личивать производительность окружающей ее среды и чрезмѣрное ея пространеніе останавливается, задерживается недостаткомъ питательнаго ріяла. Смѣемъ васъ увѣрить, любезный читатель, что еслибъ инфузо- имѣла двѣ руки, какъ вы, и голову, наполненную мозгами, она лучше требила бы ихъ въ дѣло, чѣмъ многіе изъ нашихъ собратій, и приду- бы средства и пути, какъ увеличить запасы своей пищи; да, она ла бы всю органическую матерію; помилуйте, ей нуженъ свѣтъ, безъ раго могутъ обойтись многіе другіе, а не тьма, ей нужна влага, немножко оты—и она тутъ какъ тутъ. Гдѣ же на бѣломъ свѣтѣ всего этого ъ? Да она тогда рѣшительно вытѣснила бы всѣхъ, да она просто не бы вамъ родиться на божій свѣтъ. Итакъ, всѣ утверждаютъ, что тѣйшія существа были первыми по происхожденію. Все добытое чело- ескимъ знаніемъ говоритъ въ пользу этого положенія. Если намъ не ите, спросите хоть Густава Егера, написавшаго «Микроскопическій ». Такъ вотъ въ чемъ экономія. Пищи не хватаетъ и ума не прило- ь, какъ ее добыть. Случится пища подъ рукой и ладно: живетъ, пи- тся, распложается, не придерживаясь никакихъ экономическихъ теорій, ъ пищи — дохнетъ, сохнетъ, пропадаетъ, и не пойдетъ искать ее за девять земель. Это одно горе. Другое горе не лучше. На всякомъ шагу въ опасности отъ своихъ враговъ и конкурентовъ; какъ ни мало у ъ природнаго смысла и такта, онѣ все-таки между собою поладили войнъ не затѣваютъ, не затѣвали и никогда не намѣрены затѣвать. у Богъ послалъ пищи, тотъ поѣлъ, сытъ и доволенъ; не отнимаетъ нъ у другого куска хлѣба. Горе у нихъ извнѣ. Разныя корненожки, етчатки и коловратки нападаютъ на нихъ, пожираютъ ихъ, истре- ютъ ихъ потому что питаются ими, живутъ на ихъ счетъ. Такимъ азомъ, тутъ двѣ бѣды: экономія пищи и болѣе сильный врагъ. Не ть бы человѣку на свѣтѣ, еслибъ у него было такихъ два страшныхъ га.

Интересно здѣсь еще то обстоятельство, что инфузорія понятія не ѣетъ о томъ, что такое климатъ, и не обращаетъ никакого вниманія на евозможные климаты. Она къ нимъ относится совершенно равнодушно. ыла бы пища и немножко теплоты—и ей привольно жить подъ всѣми ши- тами и долготами земного шара. Стихія ея—вода. Если она въ борьбѣ

съ какимъ нибудь изъ климатическихъ условій, такъ только съ темпера рой. Есть теплота и влага, она является, а наступила сухость или грозилъ холодъ, она исчезаетъ. Согласитесь, жизнь не легка. Вѣчная висимость отъ случая, отъ достатка или недостатка пищи, отъ при ствія или отсутствія теплоты и влаги. И сама не зѣвай, а то прямо падешь на съѣденіе лютому врагу и ни капли смыслу, ни малѣйш умѣнья, какъ пособить, какъ помочь горю. Борьба за такое жалкое су ствованіе необычайно трудна.

Мы остановимъ здѣсь вниманіе читателя на нѣсколько мгновеній. нашемъ разсказѣ мы попросимъ читателя обратить свое вниманіе на обстоятельства. Во-первыхъ, на ничтожную зависимость инфузорій отъ сложности условій, которыя человѣкъ привыкъ называть климатомъ. этимъ хотимъ сказать, что, по ученію Дарвина, борьба за существов съ климатическими условіями вообще чрезвычайно ограничена и второ пенна, что климатъ имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ пищѣ. сколько климатъ благопріятствуетъ развитію пищи въ количествѣ и к ствѣ, настолько же онъ споспѣшествуетъ жизни и наоборотъ.

Другое обстоятельство, невольно бросающееся въ глаза, заключается томъ, что каждый человѣкъ привыкъ всѣ свои конкретныя понятія о емъ собственномъ организмѣ переносить на всѣ живыя существа. Д глубокіе ученые не могутъ отрѣшиться отъ этихъ предвзятыхъ взгляд а мы имѣемъ дерзость аппелировать къ здравому смыслу нашихъ чит лей, неослѣпленныхъ никакими теоріями и системами, и просить ихъ рѣшиться отъ многихъ предразсудковъ, внесенныхъ въ науку преж изслѣдователями. Такъ, каждый человѣкъ привыкъ къ тому, что у сидитъ голова на плечахъ, что у него пара глазъ, ушей, что у него цѣ пищеварительный аппаратъ съ драгоцѣннѣйшимъ любимцемъ всей поч нѣйшей публики—съ желудкомъ, въ которомъ Ванъ-Гельмонтъ помѣс своего Архея и т. д. Привыкши къ этимъ неизбѣжнымъ условіямъ с организма, человѣкъ никакъ не можетъ допустить жизни безъ какой будь изъ этихъ частей. Подумайте, какъ въ самомъ дѣлѣ обойтись желудка или безъ глазъ, безъ ушей, а тѣмъ болѣе безъ головы? Уму постижимо. А между тѣмъ это такъ часто бываетъ, и животное жи Чтобы жить на свѣтѣ, непремѣнно надо ѣсть, стало быть, желудокъ женъ во что бы ни стало и притомъ желудокъ обособленный, специ ный, гдѣ бы могъ свободно помѣститься Архей и отправлять свою обя ность. Не тутъ-то было. По изслѣдованіямъ Николе, оказывается, ч

ѣкоторыхъ животныхъ, стоящихъ на самой низшей ступени развитія, ѣтъ никакого желудка, какъ мы его понимаемъ, а дѣло происходитъ такъ. се равно какая нибудь часть тѣла такого животнаго приходитъ въ толкновеніе съ постороннимъ тѣломъ, съ кускомъ пищи. Въ этомъ мѣстѣ а поверхности организма образуется родъ пузырька; пузырекъ, сплющиаясь въ центрѣ, образуетъ ямочку, болѣе или менѣе глубокую, въ котоую и погружается приставшій кусокъ пищи. Тогда-то начинается пищеареніе, работа кипитъ; еще такъ недавно обыкновенная внѣшняя поверхость теперь стала желудкомъ, и ничего, дѣло идетъ на ладъ. Кончилось ищевареніе, годное всосалось, негодное отпало; желудокъ исчезъ какъ ни ъ чемъ не бывало; онъ образовался совершенно случайно и существовалъ ишь временно. Присутствіе пищи вызвало его; какъ только миновала надобность въ немъ, онъ исчезъ и слѣдъ его простылъ. Спустя нѣсколько ремени таже исторія повторится въ другой части тѣла и все по прежнему удетъ обстоять благополучно.

Или вотъ другой случай. Изъ опытовъ Трамбле мы узнаемъ весьма интересную вещь. Конечно, каждый читатель очень хорошо знаетъ, что кожа кожей, а желудокъ желудкомъ. Смѣшно было бы, еслибъ мы человѣку, страдающему разстройствомъ желудка сказали: «ну, если, любезный, у тебя желудокъ не варитъ, такъ ѣшь кожей.» Каково посмотрѣлъ бы на насъ такой паціентъ! А между тѣмъ есть же такіе счастливцы на свѣтѣ, которые нисколько этимъ не стѣсняются. Взялъ Трамбле гидру, накормилъ ее и убѣдился, что у нея желудокъ—обыкновенный просторный мѣшокъ, бездонная бочка. Въ сердцахъ Трамбле взялъ эту гидру и выворотилъ ее шиворотъ на выворотъ, такъ что внутренняя поверхность (т. е. желудокъ) сдѣлалась внѣшнею (т. е. кожей), а внѣшняя поверхность превратилась во внутреннюю, и что же вы думаете? поручили ей заняться пищевареніемъ и кожа исправно сослужила службу желудка. Помните, читатель, какъ господа Гексли да Спенсеръ утверждали, что отправленіе предшествуетъ организаціи? Послѣ этого вѣрь имъ. По ихъ мнѣнію, пищевареніе предшествуетъ желудку и, конечно, только желудку, а тутъ понадобилось, такъ и кожа превратилась въ желудокъ.

Далѣе, никто, конечно, не сомнѣвается въ важности для насъ глаза и уха. Что мы безъ нихъ? Вся наша наука—ихъ дѣло, ихъ достояніе. Глазъ и ухо намъ до того дороги, что мы желали бы ихъ видѣть въ каждомъ божьемъ созданьи; и мы чувствуемъ самое сильное сожалѣніе и сострада- къ обиженному этими органами. Человѣкъ вѣдь сострадателенъ къ

меньшимъ братьямъ! Съ такимъ душевнымъ настроеніемъ ученые столкнулись съ маленькимъ животнымъ изъ семейства Ребровика (Aenophora), и нашли у него на тѣлѣ маленькую бородавочку съ желтымъ или краснымъ пятномъ на концѣ. То ли это глазъ, то ли это ухо, то ли это ни се ни то,—Богъ его вѣдаетъ. Шишка эта привела въ недоумѣніе и поставила въ тупикъ многихъ ученыхъ: и Мильнъ-Эдварса, и Бурмейстера *). А все потому, что надо же возложить на это животное наши конкретныя понятія. Вотъ вамъ еще одно доказательство, на-сколько отправленіе предшествуетъ организаціи. Животное этой шишкой преспокойно совершаетъ всѣ тѣ отправленія, которыя мы привыкли видѣть обособленными въ цѣлой серіи органовъ, и съ нашей стороны величайшая ошибка мѣрить другихъ своимъ аршиномъ. Напротивъ того, каждое животное живетъ по-своему и сообразно своимъ органамъ, своей конструкціи. Жизнь—понятіе условное, относительное. Каждое существо отстаиваетъ ее сообразно своимъ потребностямъ и сообразно этимъ потребностямъ совершается и борьба за нее.

Поэтому какъ ни мизерна жизнь этого ничтожнаго созданьица—инфузоріи, все же въ ней проглядываетъ сильное стремленіе размножиться до безконечности и наполнить собою весь міръ. И этимъ стремленіемъ природа надѣлила всѣхъ своихъ организованныхъ дѣтей отъ мала до велика, какъ растенія, такъ и животныхъ, предоставивъ каждому извѣстную долю ума, которымъ каждый изъ нихъ руководствуется насколько возможно лучше. Оплошалъ—самого себя и вини, не сваливай на другихъ. Стремленіе это въ любомъ существѣ до того велико и сильно, что, не будь на то Господня воля, каждая тварь въ относительно короткое время завербовала бы весь земной шаръ. Въ доказательство этого можно привести множество весьма крупныхъ и осязательныхъ фактовъ. Такъ, по открытіи Америки, а потомъ и въ Австраліи европейцы завезли туда по нѣскольку экземпляровъ рогатаго скота и лошадей; и чтоже? Въ самое короткое время животныя эти расплодились тамъ въ огромномъ множествѣ, бродятъ тамъ по обширнымъ лугамъ многочисленными стадами, многія изъ нихъ даже одичали и теперь намъ Америка и Австралія присылаютъ мясной экстрактъ, шкуры, сало и тому подобное. Триста лѣтъ тому назадъ ввезли нѣсколько лошадей испанской породы въ Южную Америку и вотъ тамъ теперь, по вычисленію Гумбольдта, въ пампасахъ Лаплаты свободно бродитъ болѣе

---

*) Бурмейстеръ. Зоономическія письма. Стр. 170.

иллiоновъ лошадей. А рогатый скотъ до того размножился тамъ что ежегодно оттуда вывозятъ до 30,000 шкуръ. Даже животныя предпочитаютъ свободу Америки европейской неволѣ. На обширныхъ равнинахъ той же Лаплаты мало-по-малу исчезли прежнiе виды растенiй, которыхъ вытѣснили новыя растенiя, ввезенныя туда изъ Европы.

Такимъ стремленiемъ къ размноженiю нѣкоторыя животныя намъ особенно даютъ себя чувствовать. Сущее наказанiе для непривычнаго человѣка русская изба въ отдаленныхъ нашихъ захолустьяхъ. Переночевать въ русской избѣ подчасъ нѣтъ никакой возможности. Если не васъ лично, то ваши вещи изгрызутъ легiоны мышей или крысъ, которыхъ самка обыкновенно плодится отъ трехъ до шести разъ въ годъ и заразъ приноситъ не менѣе 4 или 6 дѣтенышей. При такомъ способѣ размноженiя отъ одной пары въ нѣсколько лѣтъ можетъ образоваться потомство, которому мало будетъ мѣста не то что въ избѣ, или въ селѣ, а на всемъ земномъ шарѣ. Кого изъ иностранцевъ не поразитъ то несмѣтное множество клоповъ и таракановъ, которыми кишитъ любая русская изба отъ Кавказа до Алтая, отъ Амура и до Днѣпра. Мы знаемъ за положительно вѣрное, что въ нѣкоторыхъ домахъ въ Чердыни рѣдкiй день подается къ столу супъ, изъ котораго не пришлось бы вытащить одного или двухъ разваренныхъ таракановъ. Намъ нерѣдко приходилось посѣщать квартиры, гдѣ стѣны, у которыхъ стоитъ кровать, испещрены кровавыми пятнами отъ убитыхъ клоповъ, — слѣды ожесточенной борьбы за сонъ несчастнаго квартиранта съ ненавистнымъ животнымъ. Мы видѣли въ одной изъ провинцiальныхъ больницъ одного умопомѣшаннаго съ длинными густыми волосами, изъ которыхъ каждый былъ усаженъ гирляндами вшей, сидѣвшихъ рядами, какъ четки, и другого нищаго, усѣяннаго съ головы до ногъ вшами, какъ звѣзды небесныя въ темную осеннюю ночь на небосклонѣ. Одинъ чесоточный клещъ можетъ заразить и покрыть цѣлый прiютъ дѣтей своимъ несмѣтнымъ потомствомъ. Слонъ животное очень медленно размножающееся. Онъ такъ счастливъ, что начинаетъ плодиться лишь въ самомъ зрѣломъ возрастѣ, когда ему минетъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 30 и въ плодовитости его перещеголяетъ всякая букашка. Куча дѣтей для него была бы невыносимой обузой и скромность его въ этомъ отношенiи достойна похвалы и подражанiя. Слонъ обыкновенно плодится отъ 30-ти-лѣтняго возраста до 90 лѣтъ. Этотъ перiодъ немногимъ больше перiода жизни какого нибудь Канта, этого слона среди людей, прожившаго ровно 80 лѣтъ, и хотя Кантъ не оставилъ по себѣ никакого другого потомства, кромѣ «Критики чистаго

разума», но слонъ за этотъ періодъ времени произвелъ бы шахі ребятъ. Несмотря на такое медленное и умѣренное размноженіе, вс при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ какія нибудь 500 лѣтъ могъ бы размножиться до 15 милліоновъ особей.

Плодовитость человѣка также бываетъ подчасъ поразительна. ромъ Господь Богъ обѣщалъ Израилю, что потомство его сильно р дится и численностью своею будетъ равняться песку на берегу мор Евреевъ и до сихъ поръ не покидаетъ надежда на исполненіе этог щанія, въ силу чего остальнымъ народамъ, конечно, пришлось бы жатъ сильную борьбу за существованіе. Впрочемъ, до этого очень да Народонаселеніе любой страны при благопріятныхъ условіяхъ мо удвоиться каждые 25 лѣтъ и тогда чрезъ нѣсколько тысячелѣті бы гораздо тѣснѣе на земномъ шарѣ, чѣмъ это воображалъ себѣ плюевъ объ Англіи, и боксъ былъ бы тогда неизбѣжно въ ходу. П соръ Флоринскій приводитъ два интересныхъ случая человѣческо довитости. «Въ запискахъ В. А. Нащокина подъ 1755 годомъ раз вается слѣдующій фактъ: шуйскаго уѣзда у крестьянина Якова лова съ первою женою 21 брюхо, въ томъ числѣ 4 четверни, 7 ней, 10 двойней, всего 57 человѣкъ; съ другой женой 7 брюхъ, двойнѣ, въ томъ числѣ одна тройня, итого 15 человѣкъ. Всѣхъ бы человѣка, а вышеописанный крестьянинъ имѣетъ отъ роду 70 Другой фактъ: того же шуйскаго уѣзда крестьянинъ Федоръ Васи женатый два раза, имѣлъ отъ обоихъ браковъ 87 дѣтей. Первая же 27 родахъ имѣла: четыре раза по 4 (16), семь разъ по 3 (21), надцать разъ по 2 (32), всего 69. Вторая жена два раза родила т шесть разъ двойни, а всего 18. Васильеву было тогда 75 лѣтъ, дѣтей были живы 83. Случаи эти замѣчательны, между прочимъ, что были въ одной и той же мѣстности, въ шуйскомъ уѣздѣ (См. п Флоринскаго, Усовершенствов. и вырожд. человѣч. рода, стр. 65). тря на примѣры такой плодовитости, распространеніе человѣчества еще не достигло той цифры и той густоты, чтобъ можно было опа какихъ нибудь дурныхъ послѣдствій въ самомъ отдаленномъ буду Въ доказательство этого мы приведемъ нѣкоторыя любопытныя изъ статистики Гауснера. Сенскій департаментъ Франціи имѣетъ 22 жителей на одну квадратную милю, а Мидльсекширъ 169,112 жи 1 кв. милю. Чтобъ дойти до такой цифры населенія по всему з шару мало тысячелѣтій. Но это крайности. Неаполитанская про

ржитъ 41,663 жит. на 1 кв. м.; женевскій кантонъ 16,074; восточ- Фландрія 14,530; сѣверная Голландія 11,676; базельскій кантонъ)33, западная Фландрія 10,501. Цифры эти доказываютъ, что если примемъ нормой среднее населеніе въ 10,000 жителей на одну квадную милю, то это весьма умѣренная и даже желательная норма. Мы аемъ эту цифру потому умѣренною, что какая нибудь Бельгія имѣ- около 10,000 жителей на одну квадр. милю и производитъ 40,620 олитровъ хлѣба на одну квадрат. милю — количество слишкомъ достаюе для прокормленія съ избыткомъ такой массы людей. Принимая)00 жителей на 1 квадр. милю за среднюю норму, мы легко убѣя, что одна какая нибудь Бразилія можетъ пріютить у себя страш- массу людей. Бразилія, какъ извѣстно, содержитъ 151,973 кв. . Полагая по 10,000 жителей на кв. милю, получимъ для Бразиліи 19,730,000. Одна Бразилія, слѣд., можетъ свободно и теперь вмѣ- въ себѣ все современное человѣчество. Соединенные штаты Сѣвер- Америки имѣютъ пространство въ 166,936 кв. м. Мы охотно помѣ- бы туда все человѣчество, такъ какъ оно могло бы тамъ разсеся въ количествѣ 8,000 на кв. милю, что не было бы особенно енительно для этой плодородной страны, и густотой населенія она лась бы тогда развѣ Ломбардіи, имѣющей 8,024 жит. на кв. м. Россія житъ 369,878 кв. миль. Полагая по 10,000 жит. на кв. милю, того, чтобъ заселить эту необъятную страну бельгійской или ломкой густотой, потребуется масса людей, втрое превышающая все ное нынѣ существующее человѣчество. Между тѣмъ Европа, кото- считается самою густо-населенною частью свѣта, имѣетъ всего по 5 жителей на одну кв. м. Она дѣйствительно несравненно населеностальныхъ частей свѣта. Въ Азіи приходится 1,020 на кв. м.; въ кѣ всего по 183; въ Америкѣ по 106; а въ Австраліи всего какихъ ь 15 человѣкъ на кв. м. Чтобы на всемъ земномъ шарѣ дойти до енія въ 10,000 жителей на каждую кв. м., понадобится такая масса , цифру которой мы боимся привести здѣсь, потому что отъ нея зарябитъ въ глазахъ читателя. Отсюда ясно, что человѣчество еще можетъ безъ всякихъ опасеній размножаться въ волю, тѣмъ болѣе, акихъ чрезмѣрныхъ крайностей не допуститъ сама природа или сила . Зависимость человѣчества, съ одной стороны, отъ количества и тва пищи, съ другой, отъ сложной комбинаціи соціальныхъ усло- е допуститъ до этихъ чрезмѣрныхъ крайностей. Въ этомъ насъ убѣж-

даютъ факты изъ жизни животныхъ и растеній. Такъ, напримѣръ, остр св. Елены, извѣстный въ исторіи человѣчества тѣмъ, что пріютил себя человѣка, которому мало было всего свѣта и тѣсно во всей Е пѣ,—этотъ островъ еще въ XVI столѣтіи весь былъ покрытъ лѣс Европейцы завезли съ собой туда козъ и свиней. Животныя эти ра лись тамъ очень обильно, объѣли всѣ молодыя деревья и до того ис били растительность, что чрезъ два столѣтія тамъ уже нисколько было лѣсу, такъ что не изъ чего было заказать гробъ Наполеону. Т посягательство на растительный міръ сильно отозвалось на животн одни изъ нихъ стали уменьшаться въ числѣ, другія совсѣмъ на исчезать. Такъ, тамъ теперь находятъ ископаемыхъ моллюсковъ, кот нигдѣ больше не встрѣчаются и которые, вѣроятно, исчезли вслѣд истребленіемъ прежней растительности. «На островъ Жуанъ-Фернан въ Хилійскомъ морѣ моряки высадили козъ и послѣднія быстро ра жились. Испанцы, чтобы помѣшать охотиться здѣсь флибустьерамъ и гимъ мореплавателямъ, водворили здѣсь собакъ для уничтоженія Результатомъ этого было то, что собаки, охотясь за козами, быстро личились въ числѣ особей и совершенно истребили козъ, а потомъ собакъ, въ свою очередь, стало быстро уменьшаться» *).

Въ холмскомъ уѣздѣ псковской губерніи замѣчено въ послѣднее в что число умирающихъ тамъ превышаетъ число рождающихся. Такъ, 1866 г. умерло на 72 человѣка больше, чѣмъ родилось; въ 18 эта цифра возрасла уже до 263; а въ слѣдующемъ 1868 году вдругъ достигла 1726. Наконецъ, втеченіи одной первой половины года умерло больше, чѣмъ родилось, на 1112 человѣкъ. Эти печал цифры тѣмъ болѣе любопытны, что вѣрность ихъ не подлежитъ ни ма шему сомнѣнію, такъ какъ онѣ позаимствованы изъ реферата, пре вленнаго президентомъ общества псковскихъ врачей.

Альпійскія области Франціи въ послѣднее время потерпѣли значи ное уменьшеніе народонаселенія. Маршъ приводитъ цитату политико-нома Бланки, который утверждаетъ, что «вся горная часть альпійс областей являетъ признаки такого оскудѣнія, которое не имѣетъ подобнаго и представляетъ мѣстами невыразимо ужасающій видъ с шенно безплодной пустыни. Истребленіе лѣсовъ лишило тысячи мѣс

*) Ролле. Ученіе Дарвина. Стр. 136.

ей воды и топлива. Между Греноблемъ и Бріансономъ, въ долинѣ Ро-
ншъ, многія селенія терпятъ такой недостатокъ въ лѣсѣ, что вынуж-
ны для печенія хлѣба употреблять вмѣсто топлива высушенный на
лнцѣ коровій навозъ. Мало того, даже и это топливо они имѣютъ въ
комъ недостаткѣ, что вынуждены печь хлѣбъ заразъ на цѣлый годъ
хлѣбъ до того твердѣетъ, что потомъ его рубятъ топоромъ. Бланки
дѣлъ хлѣбъ въ сентябрѣ, который при немъ же былъ испеченъ еще
январѣ» *). Вслѣдствіе истребленія лѣсовъ тамъ стали исчезать
стительность и особенно кормовыя травы, что повлекло за собою истре-
еніе скота, такъ что теперь тамъ трудно встрѣтить лошадь или рога-
ю скотину, а затѣмъ стало уменьшаться и людское населеніе. Такъ,
донесенію префекта нижнеальпійскаго департамента, населеніе умень-
шилось тутъ на 5,000 человѣкъ въ пятилѣтній періодъ, съ 1846 по
851 г. Съ другой стороны, мы представимъ фактъ необыкновеннаго уве-
личенія народонаселенія. До отдѣленія Сѣверо-Американскихъ штатовъ
тъ метрополіи, т. е. до конца прошлаго столѣтія тамъ обитало всего
ва съ половиною милліона людей, а съ тѣхъ поръ до настоящаго вре-
мени число жителей возрасло тамъ до 32 милліоновъ и возрастаетъ съ
каждымъ днемъ. При равенствѣ другихъ условій, мы ничѣмъ инымъ не
имѣемъ себѣ права объяснить этотъ фактъ, какъ только особенностью
ихъ соціальнаго быта, такъ какъ климатическія и всякія космическія
условія, само собою разумѣется, не могли измѣниться въ такое короткое
время.

Изъ этихъ немногихъ и краткихъ намековъ, подобныхъ которымъ мож-
но привести тысячи, читатель легко могъ убѣдиться, какая тѣсная зави-
симость между общими и частными явленіями всего органическаго міра.
Читатель не могъ не замѣтить, какъ сильно стремленіе всякой твари раз-
множиться до безконечности и какъ каждая тварь зорко слѣдитъ за всѣмъ
окружающимъ и не упуститъ ни малѣйшаго случая, ни малѣйшаго, даже
самаго маловажнаго обстоятельства, которымъ она могла бы съ выгодою
воспользоваться для своего распространенія, на завоеваніе доли господ-
ства, на укрѣпленіе своего рода и потомства на лонѣ природы, на тор-
жество своей династіи на тронѣ своего отечества. Несмотря на бездну
препятствій для достиженія этой узко-эгоистической цѣли, каждая тварь

*) Маршъ. Человѣкъ и природа. Стр. 254.

ищетъ ослабить хоть одно какое нибудь препятствіе и, если это ей уда
она тотчасъ же подвигается впередъ на пути прогресса для возвели
своего рода и племени. И чѣмъ сложнѣе борьба, чѣмъ запутаннѣе за
тѣмъ больше прилагаетъ она стараній, тѣмъ упорнѣе напрягаетъ он
свои усилія для одержанія побѣды. Чѣмъ ниже тварь, чѣмъ меньше
шансовъ на счастливый исходъ нескончаемой борьбы, тѣмъ сильнѣе ея п
витость. Изъ десятковъ и сотень тысячъ сѣмячекъ, личинокъ, яичекъ хоть
да не пропадетъ и сохранитъ въ цѣлости фамильный типъ. Извѣстно,
всѣ знатные роды заботятся, чтобы непремѣнно оставить по себѣ му
поколѣніе, прямого наслѣдника своего рода, имени, имущества и ра
рода заслугъ. И чѣмъ знатнѣе, родовитѣе, именитѣе тотъ или д
тузъ, тѣмъ сильнѣе въ немъ потребность и стремленіе увѣковѣчить
длиннымъ рядомъ поколѣній. И чѣмъ сильнѣе видъ того или другого
вотнаго, тѣмъ больше въ немъ возрастаетъ страсть къ расположенію
завоеванію исключительнаго господства. И чѣмъ выгоднѣе монополія
привилегія, тѣмъ сильнѣе держатся за нее обладающіе ею; тѣмъ уп
отстаиваютъ ее заинтересованные въ ней. Трудно понять и почти н
можно сообразить, какъ можетъ справиться природа съ такою кучей
занностей, добровольно ею самой на себя возложенныхъ; сколько
воли и такта нужно имѣть, чтобы выйти ликующею, ясною, свѣтло
такого хаоса столкновеній, изъ такой сложной комбинаціи запута
положеній. Самъ Дарвинъ отказывается обозначить вполнѣ и съ ма
тической точностью тѣ пути, которыя она избирала и избираетъ для
веденія своихъ идей, для стройнаго веденія своего хозяйства, для
вращенія борьбы за существованіе въ дивную гармонію и равновѣсіе
міра. Не можетъ она на всѣхъ угодить, не можетъ она одинаково со
ми ладить; больно и тяжело ей выслушивать стоны и жалобы обижен
Она внимаетъ лишь голосу торжествующихъ. Но не даетъ она зазн
и послѣднимъ. Каждый радъ бы завладѣть всѣмъ міромъ; каждому
сдѣлать свое господство преобладающимъ и подавить, поработить, п
нить себѣ все остальное; но природа не любитъ такого исключител
деспотизма и ведетъ къ истребленію такихъ тунеядцевъ, которые
жаютъ на чужой спинѣ. Нѣкоторые муравьи похищаютъ особей др
вида и превращаютъ ихъ въ рабовъ, которыхъ обязанность — кор
своихъ господъ и выносить ихъ на прогулку. Но муравей-господинъ
лѣваетъ съ голоду, хотя бы возлѣ него тутъ же лежалъ бы кормъ,
нѣтъ раба, который бы его покормилъ, и потому этотъ родъ мурав

ко размножается и на каждомъ шагу гибнетъ отъ недостатка самостоятельной дѣятельности.

Дарвинъ говоритъ, что для насъ темны и запутаны тѣ преграды, которыя останавливаютъ стремленія и порывы всякой твари размножаться безконечности. Для него, повидимому, недостаточенъ тотъ общій міровой законъ, который онъ провелъ по всему органическому міру и обобщилъ борьбу за существованіе. Онъ какъ будто отказывается объяснить намъ условія жизненной процедуры такой простой, но столь наглядной и вообще значущей причиной. Даже наука о человѣкѣ, повидимому, столь хорошо изученномъ и притомъ лучше всякаго другого животнаго, не даетъ точнаго отвѣта на этотъ сложный вопросъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ микрокосмъ творенія, такъ охотно хвастающійся своимъ великимъ и неотъемлемымъ достояніемъ — умомъ и своимъ несомнѣннымъ превосходствомъ надъ всѣми остальными тварями, однакожъ, немногимъ превзошелъ остальные виды животныхъ въ уничтоженіи преградъ и препятствій для своего распространенія и болѣе обезпеченнаго существованія. Онъ даже хорошенько не знаетъ, какія преграды дѣйствительно мѣшаютъ его непреодолимому стремленію къ большему умноженію и лучшему обезпеченію своего существованія.

Но если наука не выяснила намъ этого окончательно и вполнѣ, то приблизительно вѣрно намъ это обозначилъ Дарвинъ своимъ ученіемъ о борьбѣ за существованіе, которое у него распадается на зависимость органическихъ тварей отъ окружающихъ условій, отъ такъ называемаго климата, и на зависимость отъ наличнаго количества пищи, откуда вытекаетъ зависимость однихъ отъ другихъ, господство и соподчиненность однихъ другимъ; средства къ достиженію этихъ цѣлей и результаты ими добытые. Мы коснемся этихъ вопросовъ по мѣрѣ силъ и возможности.

II.

Гумбольдтъ опредѣляетъ климатъ въ слѣдующихъ словахъ: «собраніе атмосферическихъ условій, которыя производятъ чувствительное впечатлѣніе на наши органы; это именно: температура, влажность, давленіе атмосферы, опредѣляемое барометромъ; тишина атмосферы, вѣтры, болѣе или

менѣе сильная напряженность атмосфернаго электричества, чистота во-
духа или присутствіе тѣхъ или другихъ смертоносныхъ міазмъ и, наконец
степень чистоты и прозрачности неба». Все это, конечно, преимуществен
по отношенію къ человѣку, а не ко всѣмъ тварямъ вообще. Изъ всѣ
этихъ условій главнѣйшую роль по отношенію ко всему органическому мі
играетъ температура, присутствіе или отсутствіе теплоты. Постоянный и
чрезмѣрный холодъ уничтожаетъ или вовсе не допускаетъ никакой орг
нической жизни. Но и крайняя теплота, при отсутствіи всякой влаги, так
мѣшаетъ органической жизни, какъ это видно въ абсолютныхъ пустыня
Но за то вездѣ, гдѣ только есть немножко теплоты и влаги, та
начинаетъ развиваться жизнь и надо признаться, что чѣмъ больше то
и другого, чѣмъ разнообразнѣе ихъ комбинація и взаимная смѣняемост
тѣмъ роскошнѣе жизнь, тѣмъ богаче и отраднѣе ея разнообраз
Такимъ образомъ, мы можемъ формулировать это положеніе такъ: г
господствуетъ крайняя температура, тамъ органической жизни нѣт
а стало быть, нѣтъ никакой борьбы или такая ничтожная, что о
ней и говорить не стоитъ. Тамъ же, гдѣ показалась органическая жиз
тамъ уже завязалась борьба и притомъ борьба со стихіями. Чѣмъ мены
средствъ у растенія или животнаго отстоять свое существованіе, огра
себя искуственно отъ крайнихъ и рѣзкихъ насилій атмосферы, тѣмъ
его считаемъ ниже, несовершеннѣе, ничтожнѣе. Собственно говоря, да
человѣкъ, какъ и всякая инфузорія, цѣликомъ зависитъ отъ атмосфер
ни инфузорія, ни человѣкъ не могутъ перенести извѣстнаго предѣла т
плоты, но разница межъ ними лишь та, что инфузорія сама по себѣ л
шена способности защищать свою теплоту и является лишь тамъ, гд
уготована для нея теплота; человѣкъ же обладаетъ всѣми возможн
средствами искуственно создавать для себя какую угодно теплоту. Трав
былинка засыхаетъ, умираетъ съ наступленіемъ холода и оживаетъ с
появленіемъ тепла. Дерево обладаетъ способностью выдержать напоръ не
благопріятныхъ атмосферныхъ вліяній, и въ этомъ вся ихъ разница. Та
кимъ образомъ, Дарвинъ полагаетъ, что крайній холодъ и крайняя засух
суть несомнѣнныя препятствія, мѣшающія произвольному размноженію ра
стительныхъ и животныхъ организмовъ.

Нужно сознаться, что Дарвину слѣдуетъ высказать большое спасибо за
потраченный имъ трудъ и знанія на то, чтобъ ограничить то преувели
ченное значеніе климата, которое до него господствовало. Не только обык
новенная публика, но даже большая часть ученыхъ приписывали климат

мое разнообразное вліяніе. Каждая мѣстность считалась родиной и отечествомъ исключительно ей одной свойственныхъ растеній, животныхъ и даже человѣка. Распространеніе того или другого вида растеній или животныхъ обусловливалось чуть не одними лишь климатическими условіями. Численность и внѣшнія формы, тотъ или другой цвѣтъ, живучесть, физическія и физіологическія свойства организаціи, какъ то: тѣлосложеніе, ростъ, наступленіе періода зрѣлости, большая или меньшая плодовитость, продолжительность жизни—все это приписывалось климату безъ всякаго разбора. Отсюда пошли еще дальше. Наши братья-медики взвалили на климатъ чуть не всѣ болѣзни. Потомъ степень цивилизаціи и культуры, соціальное устройство, развитіе и процвѣтаніе науки и особенно искуствъ, наконецъ, разныя историческія событія, религія и нравственность, появленіе или отсутствіе великихъ людей — все это старались объяснить тѣмъ или другимъ климатомъ. Все это считалось прочно установленною въ наукѣ и несомнѣнною истиною. Хотя и прежде проявлялись сомнѣнія въ безусловной вѣрности этихъ рутинныхъ взглядовъ, но никто ихъ не пошатнулъ и не потрясъ такъ мощно, какъ Дарвинъ. Онъ первый высказалъ такъ утвердительно и прямо тотъ взглядъ, что климатъ имѣетъ лишь преимущественное вліяніе по отношенію къ пищѣ. Даже тамъ, говоритъ онъ, гдѣ дѣйствуетъ, непримѣръ, крайній холодъ, его прямому и непосредственно гибельному вліянію подвергаются лишь самые слабые субъекты, которые не накопили жиру, не запаслись пищей. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что четвероногія животныя иногда рождаются безъ волосъ и существуютъ цѣлыя породы животныхъ, но нельзя еще заключить, что явленіе это вызвано вліяніемъ жаркаго климата. Жаръ подъ тропиками нерѣдко бываетъ причиной того, что овцы теряютъ свое руно; съ другой стороны, холодъ и сырость вызываютъ усиленный ростъ волосъ; но весьма вѣроятно, что эти перемѣны ничто иное, какъ усиленный процессъ обычнаго линянія, а кто, спрашиваетъ Дарвинъ, можетъ и возьмется рѣшить, насколько это линяніе или густой мѣхъ арктическихъ животныхъ, или ихъ бѣлый цвѣтъ зависятъ отъ непосредственнаго вліянія суроваго климата и насколько отъ сохраненія наиболѣе приспособленныхъ недѣлимыхъ втеченіи многихъ поколѣній?» *). Разведите въ любомъ мѣстѣ какія нибудь экзотическія садовыя растенія и они непремѣнно заглохнутъ; ихъ выживутъ туземныя

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя. Стр. 450.

растенія, и вы охотно поддадитесь обману, увѣритесь, что эти раст несвойственны нашему климату, не выносятъ его, и потому пропада Но тѣ же самыя растенія, посаженныя или посѣянныя въ хорошо роженномъ мѣстѣ, защищенныя въ хорошо содержащемся саду отъ ж ныхъ и другихъ дикихъ растеній, преспокойно вынесутъ нашъ клима будутъ процвѣтать въ немъ, какъ у себя дома. Культура смѣется климатомъ! Или посадите у себя въ саду нѣсколько кустовъ пшеницы, отлично примутся, заколосятся, наберутъ семянъ и готовы созрѣть, вы ничего не получите, потому что стаи птицъ на перерывъ огра вашу пшеницу и съѣдятъ до единаго зернышка; вы опять подумаете, вашъ климатъ не благопріятствуетъ развитію и процвѣтанію арн или кубанки или другихъ сортовъ пшеницы, и горько ошибетесь. Со вашъ былъ несравненно практичнѣе васъ; онъ засѣялъ тою же пшен цѣлое огромное поле и для этой цѣли взялъ отборныя зерна и хо обработалъ землю, предварительно удобривъ ее. У него великолѣпные ды. Хотя и налетали разныя враждебныя птицы, хотя онѣ и полы лись чужою собственностью, но количество сѣмянъ на-столько прев дило потребность непрошенныхъ гостей, что почти незамѣтна был предосудительная дѣятельность. Дружная ассоціація огромнаго колич колосьевъ спасла ихъ отъ хищныхъ враговъ, и въ борьбѣ за существованіе съ птицами они вышли побѣдителями, единственно б даря значительной своей численности и степени культуры. Только путемъ они въ состояніи спасти свой родъ отъ одичанія и отъ ок тельнаго истребленія. Иначе не сдобровать имъ. Ихъ давно вытѣснил дикія орды варваровъ, враждующихъ со всякой культурой. Какъ ви климатъ здѣсь не принимался во вниманіе вовсе. Его вліяніе могло развѣ только косвенное.

Теккерей гдѣ-то говоритъ, что иногда самое пустое обстоятельство, к нибудь бездѣлица можетъ имѣть нескончаемое вліяніе на всю жизнь и на вить ее вовсе не туда, куда она пошла бы, не будь этого казуса. Такъ ставьте себѣ, еслибъ кто нибудь изъ родственниковъ въ шутку перепу бы мать Дарвина въ то время, какъ она была беременна. Это потрясл ее, она преждевременно родила бы слабаго и хилого ребенка—поди и жди его ученія еще цѣлое столѣтіе. Пожалуйста, не выводите от что мы вѣримъ въ случай или въ предопредѣленіе вещей; нискол Напротивъ того, мы положительно убѣждены въ законной и причи связи всѣхъ явленій. Всякому извѣстно, что въ любомъ городѣ жи

ѣ людей и кошки; всѣмъ, конечно, извѣстно, что кошекъ держатъ ловли мышей. Но кошки обжорливы и не довольствуются городскими ами, а потому они отправляются на поиски въ поле, гдѣ истребля- полевыхъ мышей. Тамъ, гдѣ совершается эта охота, эта война, вы ете очень много шмелиныхъ гнѣздъ, потому что злѣйшіе ихъ враги— выя мыши — житья не знаютъ отъ еще болѣе злѣйшихъ непріяте- — кошекъ. Слѣдствіемъ этого, однако, бываетъ то, что шмели раз- жаются въ огромномъ количествѣ. Они очень любятъ красный кле- ь и наслаждаются его нектаромъ, конечно, не даромъ, потому что въ годарность за эту сладость они содѣйствуютъ его оплодотворенію, ю быть, и обширному распространенію. Коровы поѣдаютъ этотъ кле- ъ, вы получаете хорошіе сливки и у васъ краснощекіе ребята. Такъ ста эта запутанность отношеній! Согласитесь, однакожъ, что климатъ ъ не причемъ и его участіе во всемъ этомъ процессѣ лишь второ- пенное.

Что климатъ нельзя считать исключительно обусловливающей силой, которой зависитъ жизнь и существованіе растенія или животнаго, рвинъ приводитъ такое соображеніе. Почти въ каждомъ англійскомъ дствѣ пользуются общей извѣстностью до 200 растеній; всѣ они под- гались втеченіи огромнаго періода времени значительнымъ разницамъ климатѣ и почвѣ, что, однакожъ, не мѣшаетъ имъ до того быть оди- овыми, точно ихъ одна мать родила. Съ другой стороны, извѣстны оія птицы, насѣкомыя, животныя и растенія, которыя распространены обширнымъ частямъ свѣта и, однако же, сохраняютъ совершенно оди- ковые признаки и мало заботятся о различіи въ климатѣ *).

Мы выше сказали, что изъ всѣхъ климатическихъ условій важнѣйшую ь играетъ температура и вліяніе ея на плодовитость растеній кажется споримою и притомъ несравненно значительнѣе, чѣмъ на плодовитость отныхъ. Но тѣмъ не менѣе нельзя считать это условіе обсолютно змѣннымъ. Такъ, Дарвинъ приводитъ въ примѣръ растеніе (Zephyran- candide), которое родомъ изъ умѣренно теплыхъ береговъ Лаплаты, оно засѣвается само собою въ горячихъ сухихъ мѣстностяхъ, близь мы, а въ Іоркширѣ противустоитъ сильнѣйшимъ морозамъ. Дарвинъ ъ видѣлъ, какъ собирали сѣмена изъ стручковъ, покрытыхъ снѣгомъ

*) Дарвинъ. Прируч. животн. Стр. 312.

впродолженіи трехъ недѣль. Другое растеніе (Berberis Wallic
знойныхъ индѣйскихъ горъ, не боится самыхъ сильныхъ морозовъ и
его вызрѣваютъ впродолженіи нашего холоднаго лѣта *).

Изъ этихъ немногихъ данныхъ читатель можетъ убѣдиться, ч
ченіе климата не безусловно во всѣхъ проявленіяхъ растительной
вотной жизни, и вліяніе его подчасъ отодвигается совершенно на
планъ, уступая мѣсто другимъ, болѣе существеннымъ условіямъ. М
ничились этими немногими указаніями значенія климата по отноше
растеніямъ и животнымъ, чтобы заняться разсмотрѣніемъ климати
условій по отношенію къ человѣку, который насъ, конечно, боль
интересуетъ.

Было время въ наукѣ, которое по справедливости можно, на ос
О. Конта, назвать мистическимъ періодомъ ея. Въ это-то время
ствовало понятіе, что каждый животный организмъ вообще, и ч
въ особенности, есть такое тѣло, которое внутри себя содерж
условія своего существованія и притомъ именно въ такой формѣ,
кой оно существуетъ. На организмъ тогда смотрѣли, какъ на что
вершенно обособленное, независимое ни отъ кого и ни отъ чего. Ор
самъ по себѣ былъ самостоятельнымъ цѣлымъ, безъ малѣйшей
мости отъ окружающихъ условій, единственно завися отъ какой-
извѣстной силы. Этотъ аскетизмъ имѣлъ своихъ горячихъ поборн
въ жизни, и въ наукѣ. Мысль эта и до сихъ поръ составляетъ
извѣстнаго процента тупоумныхъ головъ. Недавно на вселенскомъ
въ Римѣ, одинъ изъ епископовъ утверждалъ, что оспопрививаніе п
волѣ божіей, и возставалъ противъ этой полезнѣйшей гигіеническо
Понятно, что такая идея, какъ вполнѣ ложная и вредная, долго н
держаться въ наукѣ и уступила мѣсто другой крайности: организм
поставленъ въ безусловную и безконечную зависимость только отъ
ней среды, поддерживающей его существованіе. Организмъ самъ
въ глазахъ ученыхъ потерялъ всякое самостоятельное значеніе; он
лался лишь выраженіемъ внѣшней космической среды безъ всякаго
на самобытность. Всѣ измѣненія его организаціи, все разнообра
видоизмѣненій объяснялось исключительно лишь воздѣйствіемъ
внѣшнихъ космическихъ вліяній.

*) Дарвинъ. Прируч. живот. Стр. 180.

Само собою понятно, что наука, вступивъ въ позитивный періодъ, олжна была отрѣшиться отъ этихъ двухъ крайностей. Правда, истина ыла, какъ и всегда, въ срединѣ: организмъ немыслимъ безъ среды, но нъ самъ по себѣ кое-что значитъ. Знаменитый физіологъ Клодъ Бернаръ сильно вступился за права организма, и будь у него точка опоры, мѣй онъ за что ухватиться, онъ бы не прочь обратиться къ старому ченію о полнѣйшей независимости организма отъ всей окружающей среды, ромѣ воли Божіей. Въ своихъ лекціяхъ онъ постоянно проводитъ ту ысль, что для живыхъ существъ необходимо принять двѣ совершенно азличныя среды 1) *космическую* или *внѣшнюю среду*, окружающую сякій живой организмъ, и 2) *органическую или внутреннюю среду* самого *организма*. «Эта идея, высказанная въ первый разъ нами, принята уже многими физіологами. У животныхъ низшей организаціи нѣтъ, можно сказать, явственной органической среды; такъ, инфузоріи восприимаютъ вліянія внѣшней среды непосредственно отъ тѣхъ жидкостей, въ которыхъ онѣ находятся; онѣ живутъ въ водѣ и питаются въ ней чрезвычайно просто. Это въ нѣкоторомъ родѣ свободные органическіе элементы, живущіе въ непосредственномъ соприкосновеніи съ внѣшними средами: поэтому они лишены въ нѣкоторомъ родѣ внутренней среды, хотя и имѣютъ довольно сложную организацію и ихъ вовсе нельзя считать за простыя клѣточки». «Въ отношеніи растеній вообще можно еще довольствоваться разсматриваніемъ одной внѣшней среды. Но чѣмъ животное стоитъ выше въ ряду существъ, тѣмъ болѣе организація его усложняется: его гистологическіе элементы становятся нѣжнѣе или тоньше и уже не могутъ жить непосредственно во внѣшней средѣ. Въ этомъ случаѣ бываетъ одно изъ двухъ: или животное создаетъ себѣ свою собственную среду внутренно, или же внѣдряется въ организмы другихъ животныхъ и тамъ себѣ устраиваетъ среду, становясь паразитомъ; таковы кровяныя инфузоріи, глисты, разные кишечные черви вообще» *)

Далѣе, въ своемъ введеніи къ изученію опытной медицины, Клодъ Бернаръ говоритъ: «Условія нашей космической среды вообще управляютъ минеральными явленіями, совершающимися на поверхности земли; но организованныя существа содержатъ въ себѣ особыя условія своихъ жизненныхъ явленій и по мѣрѣ того, какъ организмъ или, лучше сказать, живая

---

*) Клодъ Бернаръ. Свойства живыхъ тканей. Стр. 34.

машина совершенствуется въ силу того, что организованные ея элем
становятся болѣе нѣжными, эта машина создаетъ спеціальныя усл
органической среды, которая все болѣе и болѣе изолируется отъ с
космической. Мы, такимъ образомъ, приходимъ опять къ тому подра
ленію, которое я установилъ съ давнихъ поръ и которое считаю в
плодотворнымъ, т. е. что въ физіологіи нужно разсматривать двѣ с
среду *макрокосмическую*, общую, и среду *микрокосмическую*, час
для каждаго живого существа; *послѣдняя болѣе или менѣе незави
отъ первой, смотря по степени совершенства организма.* Впро
легко понять то, что мы видимъ здѣсь въ живой машинѣ, потому чт
же самое бываетъ и въ машинахъ, создаваемыхъ человѣкомъ. Такъ,
матическія измѣненія не оказываютъ никакого измѣненія на ходъ па
машины, хотя всякому извѣстно, что внутри этой машины есть ст
условія температуры, давленія и влажности, которыя математически у
ляютъ ея движеніями. Итакъ, даже въ мертвыхъ машинахъ мы тоже
бы различать среду макрокосмическую и среду микрокосмическую. *Во
комъ случаѣ, совершенствованіе машины будетъ заключать
томъ, чтобы привести ее въ болѣе и болѣе свободное и неза
мое состояніе*, такъ, чтобы она все менѣе и менѣе подвергалась
ніямъ внѣшней среды. Человѣческая машина будетъ тѣмъ болѣе с
шенна, чѣмъ лучше она будетъ отражать отъ себя вліянія вн
среды» *).

Даже при совершеніи многихъ химическихъ процессовъ въ неорга
ской природѣ, климатическія условія не имѣютъ ровно никакого зна
Когда вы соединяете кислоту съ основаніемъ для того, чтобы пол
среднее тѣло или соль, вы мало заботитесь о состояніи атмосферы
справляетесь съ погодой. Смѣшно было бы утверждать, что рѣшені
дебныхъ процессовъ въ кассаціонныхъ департаментахъ зависитъ отъ
матическихъ измѣненій въ воздухѣ, отъ давленія барометра.

Взглядъ, высказанный Клодъ-Бернаромъ, мы считаемъ безусловно
нымъ въ наукѣ, и мы ни на іоту не намѣрены отступать отъ этого
диваго принципа. Но это нисколько не измѣняетъ нашу вѣру въ
щество внѣшней среды. Suum cuique—всякому свое. Организмъ дѣй
тельно есть выраженіе внѣшней среды, но, разъ сформировавшис

---

*) Ук. Стр. 126.

ь становится средой, имѣющей свои самобытные, независимые законы кенiй, бытiя, развитiя. Одно другому нисколько не противорѣ- и мы закончимъ этотъ споръ заявленiемъ Дарвина, которое, по на- мнѣнiю, должно быть несокрушимымъ принципомъ бiологiи. «Хотя, ритъ онъ, каждое измѣненiе въ строенiи вызывается посредственно непосредственно какой либо перемѣной въ окружающихъ условiяхъ, ы не должны забывать, что результаты (этихъ измѣненiй) опредѣля- главнымъ образомъ природою (характеромъ, свойствомъ) организма, ергающагося измѣненiю. Различные организмы, находящiеся въ одина- хъ условiяхъ, измѣняются различнымъ образомъ, между тѣмъ какъ ко сродные организмы при несходныхъ условiяхъ измѣняются почти аковымъ образомъ» *).

тавъ на эту точку зрѣнiя и желая остаться вполнѣ вѣрными выра- нымъ здѣсь принципамъ, мы принуждены сознаться, что считаемъ кли- ическiя условiя самыми отдаленными, общими причинами физiологиче- хъ отправленiй человѣческаго организма, между тѣмъ какъ бiологиче- иъ условiямъ придаемъ первенствующее значенiе. Чтобы убѣдить чи- еля, что наше мнѣнiе не голословное, а составлено и провѣрено нѣко- ыми положительными данными, мы приведемъ нѣсколько достовѣрныхъ товъ, говорящихъ въ пользу нашего положенiя. Источникомъ для этой и намъ послужатъ: 1) Сочиненiе Фоассака: О влiянiи климатовъ на овѣка и физическихъ дѣятелей на нравственность (De L'influence climats sur l'homme et des agents physiques sur le moral), капи- ьное произведенiе въ двухъ большихъ томахъ; 2) Вайтца: Антропологiя обытныхъ народовъ; 3) Будена: Очеркъ медицинской географiи и ста- тики, Traité de Geographie et de Statistique medicales; и 4) О нiи климата на человѣка, Оппенгеймера **). Признаемся откровенно, ни одно изъ указанныхъ здѣсь сочиненiй не удовлетворяетъ по ин- есующему насъ здѣсь вопросу. Всѣ они не соотвѣтствуютъ современ- ъ требованiямъ науки. Сочиненiе Фоассака, какъ спецiальное, должно о бы особенно быть пригоднымъ для нашей цѣли, тѣмъ болѣе, что от- ы объ немъ въ иностранной литературѣ болѣе или менѣе лестны. Тѣмъ енѣе сочиненiе это отсталое, устарѣлое и не выдерживаетъ даже сни-

---

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя. Стр. 450.

**) См. Общепонятныя естественно-научныя, гигiеническiя и медицинскiя со- ненiя.

сходительной критики. Было бы непріятно, еслибъ это сочиненіе появилось въ русскомъ переводѣ. По крайней мѣрѣ, Петербургъ уступилъ бы это занятіе Москвѣ, которая угощаетъ насъ Микрокосмомъ, Лотце; Медицина страстей, Дескюре, и тому подобными. Въ сочиненіи Фоассака все можно найти, кромѣ того, что отъ него требуется, именно вліянія климата на человѣка. Оно полно самыхъ странныхъ противорѣчій. Мы намѣрены воспользоваться этими противорѣчіями не столько для того, чтобы доказать несостоятельность этого сочиненія, сколько для того, чтобы оправдать въ глазахъ читателя принципы, приводимые Клодъ-Бернаромъ и Дарвиномъ. Отъ каждаго естественно научнаго сочиненія, отъ всякой теоріи мы желали бы прежде всего логической послѣдовательности закону, связи причины съ дѣйствіемъ. Но этого намъ не скоро дождаться. Установилось убѣжденіе, что каждая часть земного шара имѣетъ ей исключительно свойственный человѣческій типъ, соотвѣтственную расу. Европѣ принадлежитъ кавказская раса, Азіи—монгольская, Африкѣ—негры, Америкѣ—краснокожіе индѣйцы, Океаніи и Австраліи—малайцы. Прекрасно. Но индо-германская раса вышла изъ Азіи, а семитическое племя—также отрасль кавказскаго племени—и до сихъ поръ преимущественно живетъ въ Азіи. Финляндцы, лапландцы и венгры принадлежатъ монгольскому племени, но тѣмъ не менѣе, они искони вѣковъ живутъ наряду съ кавказскимъ племенемъ въ Европѣ и не подверглись никакимъ измѣненіямъ. Кто же теперь изъ естествоиспытателей, знакомыхъ съ ученіемъ Дарвина, возьметъ на себя смѣлость сказать, что эти расы произошли въ силу климатическихъ условій, а не въ силу естественнаго подбора и борьбы за существованіе и разныхъ условій соціальнаго быта? Мы желали бы встрѣтиться съ такимъ смѣльчакомъ. Но пока мы сильно сомнѣваемся, чтобы климатъ, при высказанныхъ нами противорѣчивыхъ фактахъ, имѣлъ преобладающее вліяніе на образованіе расъ.

Вліяніе климата на тѣлосложеніе и ростъ человѣка (taille) казалось несомнѣннымъ. Въ этомъ согласны всѣ климатологи, путешественники и даже антропологи. Помилуйте, стоитъ взглянуть, съ одной стороны, на лапландцевъ, самоѣдовъ, эскимосовъ, съ другой—на жителей Огненной Земли, чтобы убѣдиться, что холодъ придушилъ лапландцевъ, сдѣлалъ ихъ приземистыми и, несмотря на то, что ихъ раздѣляетъ огромное пространство, эти народцы до того сходны по внѣшности, что изъ нихъ смѣло можно было составить особую породу людей—«гиперборейскую».

«Всѣ эти народы, говоритъ Вайтцъ, имѣютъ низкій ростъ, сложеніе

тно, массивно, и такъ какъ родство нѣкоторыхъ изъ этихъ народовъ ьма отдаленно, а иногда и вовсе не можетъ быть доказано, то необхо- о видѣть въ этомъ слѣдствіе уравнивающаго вліянія одинаковаго кли- а». Совершенно справедливо. Фоассакъ вполнѣ убѣжденъ, что ростъ и осложеніе человѣка вполнѣ обусловливаются климатомъ, и все его со- еніе направлено къ тому, чтобы доказать, что всѣ расовыя отличія вѣка суть произведенія климата. Прекрасно. Но рядомъ съ лапланд- и живутъ шведы и норвежцы, «замѣчательные по своему высокому ту и мужественной силѣ своихъ формъ.» (Фоассакъ. Т. I, стр. 362). омъ съ жителями Огненной Земли живутъ патагонцы, самое рослое люд- е племя. «Существованіе такой коренастой породы людей и такого вы- аго роста, среди племенъ, вполнѣ обиженныхъ и менѣе одаренныхъ, до- ьно странное явленіе. Еслибъ мы лучше знали исторію и нравы пата- цевъ, мы, конечно, узнали бы, что они происходятъ отъ высокорослыхъ дковъ *); что они постоянно скрещивались между собою **); что они, етъ быть, изгоняли изъ своего племени малорослыхъ субъектовъ ***). этому присоединилась, вѣроятно, возможность имѣть обильную пищу, орую они себѣ, вѣроятно, добывали безъ тяжелаго труда, задерживаю- о ростъ. Прибавимъ, что мѣстность, которую они обитаютъ, между 40 0 гр. шир., вполнѣ благопріятствуетъ развитію роста: немножко умѣ- ный, даже нѣсколько суровый холодъ столь же полезенъ для здоровья, лько содѣйствуетъ сохраненію расы» ****).

Лапландцы рѣдко достигаютъ роста въ 5 футовъ. Эскимосы, камчадалы амоѣды тоже немногимъ выше. Но египтяне, по изслѣдованіямъ Воль- , бываютъ не больше 5 футовъ. Отсюда крайній холодъ и тропическій ръ, вообще южный климатъ не благопріятствуютъ росту. Нѣтъ! И это равда. Различныя племена Кавказа отличаются не только красотою, но ысокимъ ростомъ и статной осанкой. Древніе фракійцы, жившіе въ истой и холодной мѣстности, славились своимъ высокимъ ростомъ и гор- осанкой. Сѣверные народы Европы и Азіи: готы, сарматы, вандалы, и чрезвычайно рослый и дюжій народъ. Даже и теперь якуты, въ Си- и, которыхъ жизнь не особенно красна, имѣютъ ростъ выше средняго.

*) Законъ наслѣдственности, Дарвинъ.
**) Законъ подбора, Дарвинъ.
***) Законъ подбора, Дарвинъ.
****) Фоассакъ. Т. I, стр. 370.

Народы, живущіе въ такихъ краяхъ, чрезвычайно разнообразны по отношенію къ росту. Персы выше грековъ, почему Ксеркъ смотритъ на нихъ съ презрѣніемъ, считая ихъ неспособными противустать ему. Путешественники рисуютъ намъ арабовъ, какъ людей средняго роста, худощавыхъ и изсушенныхъ солнечнымъ зноемъ. Но Альберъ Рошъ изслѣдовалъ могущественное вліяніе пищи на темпераментъ и конструкцію тѣла народовъ, блуждающихъ по берегамъ Краснаго моря, на арабовъ Синая и на эфіопскія племена Африки. Молочная и вообще скудная пища развиваютъ нервный темпераментъ; люди такого сорта малы ростомъ и хилы. Растительная пища съ небольшой примѣсью мяса производитъ также нервный темпераментъ и средній ростъ. Хорошая же растительная и животная пища рука объ руку продуктируютъ сангвинически-нервный темпераментъ и, благодаря такой пищѣ, люди высокорослы, крѣпки и сильны. Еврейское племя одно изъ самыхъ замѣчательныхъ на Востокѣ; несмотря на то, что оно разсѣяно по всему земному шару, и несмотря на всѣ превратности судьбы, которыя ему пришлось испытать, оно сохранилось, какъ одно изъ самыхъ красивыхъ, и среди этого племени часто встрѣчаются личности необыкновенной силы и самаго красиваго, высокаго и стройнаго роста. Народы Индіи представляютъ чрезвычайное разнообразіе; одни очень маленькіе, другіе высокаго роста. Между народцами, подвластными Англіи, одни, какъ бенгалы, ниже европейцевъ, другіе, какъ сипаи, выше. Монгольская раса считается обыкновенно, безъ положительныхъ на то доказательствъ, ниже ростомъ бѣлой расы, между тѣмъ какъ въ ней встрѣчается такое же разнообразіе, какъ и среди другихъ. Такъ, несмотря на полнѣйшее сходство между японцами и китайцами, первые и меньше ростомъ и не такъ красивы, какъ послѣдніе.

На сѣверѣ Африки арабы сохранили характеръ своей первобытной породы. Мавры большого росту и хорошо сложены. Нигриція населена различными племенами, изъ коихъ однихъ рабство низвело на степень животнаго; другія ведутъ не столь бѣдственную жизнь. Рядомъ съ тощими ордами живутъ негры Конго, которые замѣчательны по своему колоссальному росту. Готтентоты вполнѣ равняются своимъ ростомъ съ европейцами.

Туземцы безчисленныхъ острововъ Океаніи подъ тропиками и въ умѣренномъ поясѣ, по отношенію къ росту, представляютъ смѣсь различныхъ величинъ, зависящихъ отъ разныхъ причинъ. Жители Явы ростомъ выше средняго. Дикари Новой Зеландіи по росту сравниваются съ самыми высокорослыми европейцами. Они очень ловки и сильны; во всемъ, что они

дѣлаютъ, замѣтны сила, ловкость и проворство, выходящія изъ ряду обыкновенныхъ.

Особенно бросаются въ глаза жители острова Таити и Новой Каледоніи. Тамъ встрѣчаются во множествѣ субъекты самаго высокаго роста, двухъ метровъ и даже выше. Это тѣмъ болѣе удивительно, что Новая Каледонія безплодная страна, непроизводящая почти ни одного питательнаго растенія; несмотря на это, люди, тамъ обитающіе, выше ростомъ, сильнѣе, крѣпче, чѣмъ на Новыхъ Гебридахъ, которыхъ почва несравненно производительнѣе. *Слѣдовательно, не въ климатѣ и даже не въ пищѣ нужно искать исключительно причину разнообразія и различія въ ростѣ*; онъ, т. е. ростъ, зависитъ также и отъ происхожденія первобытной расы, какъ это лучше всего доказываетъ Новая Каледонія (Фоассакъ. T. I, стр. 367). На островѣ Таити, напротивъ того, ростъ, повидимому, зависитъ отъ обилія пищи, потому что островитяне превосходятъ даже европейцевъ стройностью и фигурой; тамъ вовсе не рѣдкость встрѣтить людей самаго большого роста, сильныхъ и отлично сложенныхъ. Предводители ихъ и начальники до того превосходятъ изящными формами своихъ подчиненныхъ, низшій классъ, что кажется, будто они другой породы. Но они пожираютъ чудовищное количество питательной и водяной пищи. Та же разница господствуетъ и среди прекраснаго пола, коего ростъ въ высшемъ классѣ несравненно превосходитъ ростъ низшаго класса общества. Въ тридцати миляхъ отъ Таити, къ сѣверу, возвышается маленькій островъ Гюагейнъ, коего туземцы еще выше ростомъ и еще сильнѣе, а женщины очень красивы.

По открытіи Америки, испанцы были поражены, увидѣвъ ту отличительную расу людей, которая населяетъ Новый Свѣтъ. Туземцы мѣдно-краснаго цвѣта съ черными и длинными волосами, безъ бороды и усовъ, съ пугливой и скромной физіономіей, черты лица у нихъ правильны, но странны; роста средняго, части тѣла пропорціональны и характеристичны слабостью сложенія. Чему приписать такую слабость? Безъ всякаго сомнѣнія, они ею обязаны недостаточному питанію (они даже не знали употребленія соли), апатіи, безпечности и неимовѣрному отвращенію къ труду. Первые, пытавшіеся отдаться труду, пали жертвой усталости и горя.

Всѣ эти данныя, казалось бы, должны убѣдить всякаго, что, по отношенію къ росту, климатическія условія могутъ считаться лишь самыми отдаленными общими причинами. Мы это подтвердимъ еще нѣкоторыми фактами изъ того же самаго Фоассака. Виллерме и Кетле замѣтили, вер-

вый во Франціи, а второй въ Бельгіи, что жители городовъ выше ростомъ, чѣмъ сельское населеніе. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи, какъ-то: Indre, Dordogne, Loire-et-Cher дознано, что ростъ населенія уменьшается вездѣ тамъ, гдѣ царитъ всеобщая нищета. Въ пустынныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ прозябаютъ рожь, греча и просо, и гдѣ жители не пьютъ вина, тамъ обитаетъ малорослое и рахитическое населеніе. По донесеніямъ префектовъ, вполнѣ согласнымъ, легко убѣдиться, что мѣстности богатыя пищей и довольствомъ доставляютъ въ армію самыхъ рослыхъ и дюжихъ людей, и напротивъ того, наибольшее число малорослыхъ встрѣчается въ мѣстностяхъ болотистыхъ, мануфактурныхъ, съ скуднымъ питаніемъ и богатыхъ нищетой.

Фоассакъ приводитъ интересную цитату Брюль-Крамера, который говоритъ, что «населеніе пермской, казанской и вятской губерній значительно уменьшилось въ ростѣ со временъ царя Ивана Васильевича, въ царствованіе коего обитатели этихъ странъ стали пить водку. Какъ ни полезна водка въ умѣренныхъ дозахъ для поддержанія здоровья, но тѣ крайности, въ которыя впадаютъ нѣкоторые народы, могутъ лишь задерживать развитіе роста, между тѣмъ какъ хорошая, обильная и питательная пища, молоко и вода, какъ питье, даютъ совершенно другіе результаты».

Такимъ образомъ, пища и трудъ имѣютъ преимущественное вліяніе на ростъ, и послѣ этого нечего удивляться, что народы сѣвера, обыкновенно хорошіе ѣдоки, выше ростомъ, чѣмъ греки, испанцы и итальянцы, которыхъ воздержность и умѣренность вошли въ пословицу и обычныя ихъ привычки. Во время своего путешествія по Сербіи, Вольней замѣтилъ рѣзкую разницу между шейками, незнающими нужды и недостатка ни въ чемъ, и между бѣдными ихъ подданными, которымъ едва хватаетъ 6 унцій пищи въ день. Первые, конечно, отличаются высокимъ ростомъ, хорошимъ видомъ и необыкновенной силой. Напротивъ того, фабричное населеніе и люди, проводящіе жизнь въ копяхъ каменнаго угля, значительно уменьшаются въ ростѣ. Это замѣтно, какъ во Франціи, такъ въ особенности въ Бельгіи. Всѣ эти данныя даютъ намъ полнѣйшее право утверждать, что ростъ, тѣлосложеніе, статность фигуры зависятъ прежде всего отъ пищи, благосостоянія, соціальнаго быта, отъ расы, отъ подбора, отъ борьбы за существованіе и меньше всего подлежатъ вліянію климата.

Черный цвѣтъ негра считался и считается несомнѣннымъ продуктомъ тропическаго климата. Конечно, у насъ самихъ лѣтомъ, чуть солнце пригрѣетъ, дѣлается загаръ. Понятное дѣло, что такое продолжительное и

тенсивное дѣйствіе тропическаго солнца должно превратить загаръ въ ный цвѣтъ кожи негра. Но если это такъ, то почему же это прямое непосредственное дѣйствіе климата выпало лишь на долю негра и поу народы, живущіе подъ тропиками въ Остъ-Индіи, южной Америкѣ и части въ самой Африкѣ, вовсе не принадлежатъ къ неграмъ и далеко отличаются чернымъ цвѣтомъ кожи? Воля ваша, а тутъ что-то дру: противорѣчіе это, конечно, бросалось многимъ въ глаза и многіе стались иначе разъяснить это явленіе. Такъ, Фоассакъ силился доказать, черный цвѣтъ кожи негра преимущественно зависитъ отъ его пищи, тоящей главнымъ образомъ изъ растительныхъ веществъ, содержащихъ равненно больше кислорода, чѣмъ животныя вещества. Если объяснять роту негра вліяніемъ тропическаго климата, то необходимо допустить, о полярныя страны должны имѣть діаметрально противуположное вліяе, именно, народы, обитающіе на сѣверѣ, должны отличаться особенной лизной; но, въ такомъ случаѣ, чѣмъ прикажете объяснить то интересе явленіе, что многіе полярные народы какъ разъ замѣчательны весьма ными цвѣтомъ кожи и особенно волосъ? Всѣ такія противорѣчія прили Годрона къ заключенію, «что климатъ можетъ лишь весьма поверхстно измѣнять растенія и животныя и поэтому мало содѣйствуетъ проленію разнообразія человѣческихъ расъ; по его мнѣнію, измѣненія эти орѣе вызываются разнообразіемъ пищи и образомъ жизни, потому что стенія и животныя, переселенныя въ другой климатъ, или остаются зъ всякихъ измѣненій, или же вымираютъ: волкъ и лисица водятся отъ ркаго до холоднаго пояса и сохраняютъ всѣ свои признаки почти безъ акаго измѣненія. Одичавшія въ Америкѣ лошади нисколько не отлиаются отъ крымскихъ и украинскихъ (Вайтцъ, Т. I. Стр. 41). Евреевъ сто приводили въ примѣръ того, что климатъ можетъ производить совѣтственныя измѣненія въ организаціи. Черные, смуглые и бѣлокожіе реи, брюнеты и блондины, указывали на зависимость еврейскаго племи отъ климатическихъ условій, но строжайшія изслѣдованія еврейскихъ ныхъ, особенно доктора Ашера, доказали, что эти типы у евреевъ сутествовали искони вѣковъ въ самой Палестинѣ, и что различія, харакризующія евреевъ, разбросанныхъ теперь вездѣ и повсюду, произошли тъ первоначальныхъ племенныхъ особенностей, а вовсе не отъ климата *).

*) К. Фогтъ. Челов. Стр. 378.

Цвѣтъ волосъ и глазъ, именно зрачка, считался неотъемлемою при
ностью климата, но между тѣмъ весьма многочисленны случаи у
въ этомъ отношеніи. Рыжіе волосы часто встрѣчаются у негров
товъ, также у папуасовъ въ Южномъ океанѣ, на Таити, въ Новой
діи и на другихъ островахъ, у эскимосовъ, у эстовъ, у вотяковъ,
совъ и арабовъ въ Зембо. На Тиморѣ встрѣчаются всѣ средніе
въ цвѣтѣ кожи отъ темножелтаго до чернаго, и отъ красноваты
кихъ до короткихъ курчавыхъ волосъ папуасовъ. У негровъ к
бушменовъ встрѣчаются какъ рыжіе волосы, такъ и глаза ра
цвѣтовъ. Брюсъ и другіе видѣли кабиловъ съ голубыми глаза
жими волосами. Уэльсъ видѣлъ на Таити примѣры волосъ кор
краснаго и даже льняного цвѣта. Пикарингъ и другіе естествои
поэтому неправы, если они рѣшаются утверждать, что рыжіе
ного цвѣта волосы, а также голубые глаза встрѣчаются исклю
у бѣлой расы. Что касается цвѣта кожи, то между пегуенчами
чаются индѣйцы поразительно бѣлаго цвѣта, совершенно тако
нѣмецкіе земледѣльцы. Бороаносы, принадлежащіе къ арауканамъ,
такой свѣтлый цвѣтъ кожи, что Молини по наружности и цвѣту
ваетъ ихъ съ сѣверными европейцами *). Читатель насъ прости
мы будемъ дальше цитировать Вайтца. Вайтцъ—это непроходим
фактовъ, и потому мы вынуждены по преимуществу имъ пользова
нагляднаго и болѣе рельефнаго подтвержденія нашей идеи. Онъ г
что многіе часто указывали на то обстоятельство, что цвѣтъ ко
не находится въ самой тѣсной зависимости отъ географической
мѣстъ и средней годовой температуры. Относительно населенія
это доказалъ А. Гумбольдтъ: самые темнокожіе народы, встрѣча
этой части свѣта, вовсе не принадлежатъ къ жителямъ экваторі
странъ. Тоже самое должно сказать о полинезійскихъ народахъ,
рыхъ Бичи замѣтилъ, что болѣе темные обитаютъ на вулкан
островахъ, а болѣе свѣтлые на коралловыхъ. Жители острововъ
скихъ, Мореплавателей, Товарищества и Дружбы представляютъ р
тѣнковъ отъ свѣтлаго до темнаго цвѣта, но еще темнѣе жител
Зеландіи, острововъ Сандвичевыхъ и жители острововъ Остеръ. П
наковой широтой съ полинезійцами и отчасти въ очень недалеко

*) Вайтцъ. Т. I, стр. 244 и 245.

тояніи отъ нихъ живетъ множество народовъ, имѣющихъ грязноватый, ...нокоричневый цвѣтъ; между ними нѣкоторые, напр., жители Ванъ-Ди...новой Земли, темнѣе новоголландцевъ, живущихъ ближе къ экватору. ...сѣ *эти и другіе подобные факты даютъ поводъ (и право) ду...мть, что цвѣтъ кожи зависитъ не столько отъ климатическихъ ...ловій, сколько отъ происхожденія.* Тоже самое нужно сказать о ...ѣтѣ и свойствахъ волосъ и радужной оболочки *). Только въ бѣлой ...сѣ встрѣчаются народы съ розоватымъ оттѣнкомъ, свѣтлой радужной ...лочкой и бѣлокурыми волосами, и въ этомъ, конечно, должно видѣть ...нѣйшее доказательство, что племенныя особенности имѣютъ здѣсь не...авненно болѣе сильное вліяніе, чѣмъ климатъ. Гумбольдтъ собралъ мно...ство примѣровъ, доказывающихъ, что цвѣтъ кожи зависитъ больше отъ ...оисхожденія, чѣмъ отъ климата. Такъ, мехиканцы, напр., гораздо тем...ѣе обитателей самыхъ жаркихъ странъ южной Америки; гванкасы, жи...щіе у истоковъ Ориноко, значительно свѣтлѣе окружающихъ ихъ индѣй...ихъ народовъ, хотя, повидимому, живутъ при совершенно одинаковыхъ ...ѣшнихъ условіяхъ. Нецивилизованные народы сохраняютъ свой типъ, ...ѣтъ кожи и волосъ безъ всякаго измѣненія. Такъ, фулахи, народъ осо...го происхожденія, живя среди негровъ, вполнѣ сохранили свои племен...ыя особенности. Буркгардъ могъ узнать еще потомковъ боснійскихъ сол...тъ, сосланныхъ султаномъ Селимомъ въ 1420 г. и поселившихся въ ...убіи. Онъ узналъ ихъ по свѣтлокоричневому цвѣту и чертамъ лица, ...личавшимъ сѣверное происхожденіе. Рафаловичъ также утверждаетъ, что ...ъ узналъ ихъ по ихъ свѣтлому цвѣту кожи. Мы выше упомянули, какъ ...реи, разсѣянные по всему свѣту и подвергаясь втеченіи тысячелѣтій ...евозможнымъ климатическимъ перемѣнамъ и разнымъ другимъ невзго...амъ, все-таки сохранили свой типъ почти въ первобытной чистотѣ и ...ритомъ до такой степени, что Мильнъ-Эдвардсъ, увидѣвъ египетскую ...атакомбу, вскрикнулъ: «вотъ еврей»! указывая на изображенія племенъ, ...ывшихъ подвластными Фараонамъ. Все это доказываетъ, что прирожден...ая племенная особенность можетъ измѣняться лишь медленно и послѣ ...ногихъ поколѣній, и притомъ не подъ вліяніемъ одного лишь климата.

Хотя у индусовъ во всѣхъ кастахъ встрѣчаются свѣтлыя и темныя ...соби самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, но вообще низшіе классы по

*) Вайтцъ. Т. I, стр. 46.

большей части имѣютъ цвѣтъ болѣе темный, тогда какъ брамины болѣе свѣтлый, такъ что въ сравненіи съ прочимъ населеніемъ они кажутся бѣлыми. Женщины и дѣвушки арабскаго племени гассани въ восточной Африкѣ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы сохранить свѣтлый цвѣтъ кожи и потому онѣ настолько отличаются отъ мужчинъ, имѣющихъ темнокоричневый цвѣтъ, что это дало поводъ усомниться въ ихъ племенномъ сродствѣ. Особенно поразительныя различія въ цвѣтѣ кожи и волосъ замѣчаются у финскихъ народовъ, и притомъ эти различія нельзя объяснить смѣшеніемъ: темноволосые, темнаго цвѣта лопари и вогулы стоятъ въ близкомъ родствѣ съ бѣлокурыми, свѣтлокожими финнами, черноволосыми, но свѣтлокожими венгерцами и рыжими остяками. Л. фонъ-Будъ прямо объясняетъ это явленіе тѣмъ, «что финны достаточно ограждены отъ климатическихъ вліяній хорошей пищей, теплой одеждой, жилищами; между тѣмъ какъ малорослые, физически плохо развитые лопари подвергаются всѣмъ невзгодамъ окружающей ихъ атмосферы».

Во многихъ случаяхъ мы видимъ значительную и поразительную разницу въ цвѣтѣ кожи и не можемъ ее объяснить ни разностью въ типѣ, ни происхожденіемъ, но такое противорѣчіе, кажется, лучше всего объяснить образомъ жизни различныхъ народовъ, а именно тѣмъ, въ какой мѣрѣ они обладаютъ средствами, способностью и умѣньемъ защищаться отъ вліянія климата. Это особенно бросается въ глаза тамъ, гдѣ жаркій климатъ сопровождается сильными и частыми измѣненіями температуры и сухостью или влажностью воздуха. Поэтому беззащитность противъ климатическихъ вліяній, слѣдовательно, больше всего содѣйствуетъ тому, что кожа дѣлается темнѣе. На Сандвичевыхъ островахъ замѣчено, что знатный классъ представляетъ болѣе свѣтлый оттѣнокъ въ цвѣтѣ кожи, чѣмъ низшій.» Нельзя сказать, чтобы эти факты окончательно рѣшали вопросъ и чтобъ не было противорѣчій. Такъ, «у нѣкоторыхъ народовъ цвѣтъ кожи мужчинъ и женщинъ различенъ, хотя нельзя допустить ни разницы въ происхожденіи, ни разницы въ мѣрахъ, принимаемыхъ ими для защиты отъ вліяній погоды. Тоже замѣчается у туземцевъ средняго Пилькомайо, у которыхъ женщины также бѣлы, какъ испанки, у короадосовъ и пурисовъ, у которыхъ мужчины имѣютъ гораздо болѣе темный цвѣтъ, тогда какъ цвѣтъ женщинъ почти желтоватый съ явственнымъ румянцемъ на щекахъ. Такіе факты остаются пока безъ объясненія (и доказываютъ, что не слѣдуетъ торопиться взваливать все на климатъ), но они нисколько не уменьшаютъ значенія того общаго правила, что цвѣтъ кожи, какъ и

наружный видъ, главнымъ образомъ, зависятъ отъ образа жизни, удобствъ, отъ обилія средствъ или отъ недостатка и трудностей ихъ. Все это тѣсно связано съ достаточной или недостаточной отъ зноя, холода и сырости. Всѣ расы даютъ намъ на это самыя ельныя подтвержденія. А это заставляетъ насъ считать климатиліянія отдаленными общими причинами, измѣняющими физиологитроеніе человѣческаго организма, и даже неимѣющими особеннаго по отношенію къ благосостоянію массъ. Правда, иной разъ фиеское строеніе организма настолько измѣняется и притомъ, по всей эсти, въ силу климатическихъ условій, что это невольно бросается , но все-таки такое измѣненіе не имѣетъ дальнѣйшей важности. ппенгеймеръ *) говоритъ, что «если сравнить англичанина съ амеиъ, то увидимъ поразительную разницу между ними, хотя эти люди лемени. Въ американцѣ бросаются въ глаза блѣдный, темноватый ица, ровность и вялость чертъ. Сравнительно съ англичаниномъ, иецъ худъ; у него жесткіе и торчащіе волосы и поразительно шея; поэтому въ англійскихъ каррикатурахъ американцы изобрасъ журавлиной шеей и съ гривой. Эта грива, въ противуположность стымъ волосамъ англичанъ, есть очевидное приближеніе къ амеимъ индѣйцамъ». Дарвинъ говоритъ, что это измѣненіе нельзя приподбору, который не могъ подѣйствовать на нихъ въ столь копромежутокъ времени. «Эти особенности, говоритъ Вайтцъ, весьма иво объясняютъ, съ одной стороны, изсушающими западными вѣтеподствующими въ Соединенныхъ Штатахъ, вліяніе которыхъ такъ что хотя тамъ падаетъ вдвое больше дождя, чѣмъ въ Европѣ, засухи нерѣдко дѣйствуютъ гибельно на успѣхъ жатвы; съ дрироны, имѣетъ вліяніе и безпрерывная дѣятельность янки, его больонность къ спиртнымъ напиткамъ, подъ вліяніемъ которыхъ онъ приходитъ въ изступленіе. Тѣмъ-же объясняется и его раздражиъ». Замѣтимъ при этомъ, что различія эти преимущественно лѣваются на низшемъ рабочемъ людѣ, чѣмъ на богатомъ и зажи классѣ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы тамъ ни было, эти ничтожныя ія не помѣшали переселенцамъ достигнуть первенствующаго могуна земномъ шарѣ; между тѣмъ, какъ индѣйцы, обитавшіе тамъ

ценонятныя естественно-научныя, гигіеническія и медицинскія сочиненія.

со временъ незапамятныхъ, не могли подняться выше уровня дикаре
это совершенно понятно. Въ странѣ инковъ умственное образованіе
доступно лишь дѣтямъ знатныхъ дворянъ, народу же было строж
запрещено доставлять возможность образованія, чтобъ народъ не во
дился и не потрясъ бы основы государства» *).

Наступленіе полового развитія, плодовитость и средняя продолжи
ность жизни всегда считались въ полнѣйшей зависимости отъ кли
но и эти предположенія оказались въ высшей степени шаткими и н
ющими прочнаго основанія. И здѣсь пища, образъ жизни, передача
слѣдственныхъ особенностей, расовыя отличія и степень цивилиза
культуры оказываютъ преобладающее вліяніе и отодвигаютъ значені
мата на задней планъ. Такъ, у негровъ и монголовъ, живущихъ въ о
широтахъ и при одинаковомъ климатѣ съ европейцами, возмужалост
ступаетъ раньше, чѣмъ у послѣднихъ, что зависитъ скорѣе всего
образа жизни. Относительно плодовитости Кетле утверждаетъ, что с
и югъ представляются одинаково благопріятными для плодовитост
его мнѣнію, хотя въ южныхъ странахъ Европы плодовитость больше,
въ сѣверныхъ, но при этомъ другія обстоятельства всегда переж
вліянія климата.

Фоассакъ и Вайтцъ одинаково согласны въ томъ, что климатъ не
замѣтнаго вліянія на физіологическое отправленіе легкихъ и сердца. С
теплота тѣла и число дыхательныхъ движеній не представляютъ
ной разницы подъ тропиками и въ полярныхъ странахъ. Хотя нѣк
и утверждали, что теплота тѣла въ жаркомъ поясѣ на 2 или 3° м
а другіе, что на Цейлонѣ она больше чѣмъ на 2°, но это, однако
подтвердилось. Гмелинъ, Россъ и Парри не нашли подъ 74° с. ш.
кихъ отступленій въ этомъ отношеніи. Точно также не подтвердили
вѣйшими наблюденіями и указанія на болѣе быстрый *пульсъ* у ж
южныхъ странъ. Зрѣлость дѣвушекъ многихъ индѣйскихъ народов
ступаетъ довольно поздно, именно около 18 или 20 года, а на
онѣ уже теряютъ способность родить. Но это, впрочемъ, не соста
явленія общаго всей американской расѣ, потому что у потоват
зрѣлость женщинъ наступаетъ на 14 тоду, а у сіусовъ на 15 или
у делаваровъ и ирокезовъ дѣвушки выходятъ замужъ обыкновенно

*) Вайтцъ. Т. IV. Стр. 418.

ду. Въ жаркомъ поясѣ Америки браки также заключаются очень рано— гда дѣвушкѣ еще только 10—13 лѣтъ, а въ древней Мехикѣ дѣвушки ходили замужъ только въ 16 или 18 лѣтъ, а мужчины въ 20 или 22 а, а въ древнемъ царствѣ инковъ законъ назначилъ для дѣвушекъ растъ въ 18 или 20 лѣтъ, а для мужчинъ 24 года. У монголовъ, мыковъ, самоѣдовъ, лопарей, камчадаловъ, якутовъ, остяковъ, несмотря холодный климатъ, зрѣлость дѣвушекъ наступаетъ на 12 или 13 году, о существенно зависитъ отъ животной пищи этихъ народовъ и отъ силь- й жары въ ихъ жилищахъ. Въ жаркомъ поясѣ, на островахъ Фиджи, ступаетъ зрѣлость дѣвушекъ на 14 году, а у мальчиковъ на 17 или году. Въ тотъ же періодъ, то есть въ 14 лѣтъ наступаетъ зрѣлость вицъ въ Парижѣ, Тулонѣ, Марсели и Ліонѣ, по Будену, что и побу- ло его прибавить, что вопросъ о зрѣлости дѣвушекъ долженъ разсма- иваться кромѣ климата и съ точки зрѣнія расы и національности уденъ, т. I, стр. 393). Мы сами знаемъ дѣвицъ въ пермской губерніи ъ привиллегированнаго класса общества, у которыхъ регулы наступали 11 лѣтъ.

Обширными статистическими изслѣдованіями доказано, что въ европей- ихъ странахъ отношеніе мужскихъ рожденій къ женскимъ равняется, какъ 06:100, и почти во всѣхъ климатахъ существуетъ подобный перевѣсъ льчиковъ надъ дѣвочками.

Сила давленія руками также составляетъ расовую особенность и никакъ можетъ быть поставлена въ зависимость отъ климата. Во время кру- свѣтнаго путешествія австрійскаго фрегата Новара, Шерцеръ и Шварцъ, вшіе на немъ, испытали силу динамометромъ у разныхъ народовъ, ими слѣдованныхъ. Новозеландцы, по ихъ наблюденію, занимали въ этомъ ношеніи первое мѣсто и заявили силу давленія въ 88_{20} килогр. Можно ы подумать, что такая дикая сила и есть удѣлъ дикарей, но далеко не сѣхъ. Другіе оказались несравненно слабѣе: мадурцы вытянули всего 30_{27} килогр.—почти треть въ сравненіи съ новозеландцами. Между этими двумя крайностями оказались: одинъ дикарь съ острова Стюарта обнаружилъ силу въ 56_{47} килогр.; бугійцы вытянули 50_{23} килогр.; потомъ амбоинцы вытянули 48_{69}; никобары — 48_{4}; сонды — 46_{76}; австралійцы — 46_{16}; яванцы — 45_{25}; и, наконецъ, китайцы вытянули лишь всего 41_{28}. Отсюда оказывается, что полинезійцы были крѣпче остальныхъ дикарей; малайцы крѣпче китайцевъ, а австралійцы крѣпче тѣхъ и другихъ.. По изслѣдо- ваніямъ Гайморда, португальцы, въ числѣ 11 человѣкъ, заявили силу въ

54 килогр., французы—въ 60, а англичане въ 65 килогр. Ясно, мускульная сила чисто расовая особенность, зависящая отъ соціал положенія и меньше всего отъ климата.

Было высказано мнѣніе, что средняя продолжительность жизни больше въ умѣренномъ поясѣ, и что затѣмъ она уменьшается по нап ленію къ жаркому. Но это подлежитъ большому сомнѣнію. По кра мѣрѣ, слѣдующіе факты должны пошатнуть вѣроятность этого пред женія. Даже въ Австраліи, въ которой чаще, чѣмъ гдѣ либо прихо бороться съ внѣшними условіями, даже и тамъ встрѣчаются не 70-лѣтніе старики. Не допускали также, чтобы сѣверо-американскіе инд доживали до глубокой старости, но теперь это всѣми признано въ несомнѣнныхъ фактовъ. Америко Веспучи видѣлъ вмѣстѣ сына, отца, прадѣда и прапрадѣда. Лери, посѣтившій Бразилію, видѣлъ туземц которые доживаютъ до 100 и даже до 120 лѣтъ, а Пигафетти утв даетъ, что они достигаютъ даже до 140 лѣтъ! Принцъ Максъ ви индѣйца, который могъ вспомнить о томъ, что случилось за 107 Стивенсонъ, на основаніи церковныхъ книгъ, приводитъ такіе же при для Перу. Подъ тропиками люди съ темною кожею, негры и инд особенно способны достигать глубокой старости. По словамъ Пеш только цвѣтнокожіе и индѣйцы достигаютъ глубокой старости.

Лихтенштейнъ приводитъ примѣры малайцевъ, достигающихъ на Доброй Надежды до 120 лѣтняго возраста. Между туземцами Ф пинскихъ острововъ столѣтніе старики нерѣдки, а 80-лѣтніе вы ваютъ на работахъ почти такую же силу, какъ мужчины сре лѣтъ. Фоассакъ собралъ примѣры долголѣтія у полинезійцевъ и у нег глубокая старость которыхъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. женщина на мысѣ Костль-Кэстль видѣла свое потомство въ *пятом* колѣніи. На островѣ св. Фомы негры доживали до 100 лѣтъ, и 6 Въ Соединенныхъ Штатахъ 80 и 100-лѣтніе старики встрѣчаются раздо чаще у свободныхъ цвѣтнокожихъ, и еще чаще у негровъ, даже у бѣлыхъ. Изъ 3 милліоновъ 1,400 имѣло болѣе 100 лѣтъ, 20 милліоновъ бѣлыхъ этого возраста достигли только 800. На ос Кубѣ, у негровъ, находящихся въ рабствѣ, сѣдые волосы и другіе знаки старости появляются поздно и одинъ изъ 900 доживаетъ до лѣтъ. Между готтентотами также встрѣчаются случаи очень глу старости: Муди упоминаетъ объ одномъ готтентотѣ, который, судя п

споминаніямъ о прежнихъ губернаторахъ колоніи, долженъ былъ имѣтч е менѣе 150 лѣтъ.

Въ подтвержденіе того, на сколько правъ Дарвинъ, утверждающій, что зличные организмы, поставленные въ одинаковыя условія, измѣняются зличнымъ образомъ, и что измѣненія эти, слѣдовательно, больше завитъ отъ свойства самаго организма, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій;—въ оказательство этого вполнѣ вѣрнаго физіологическаго принципа мы придемъ пару фактовъ, нелишенныхъ интереса.

Извѣстно, какая суровая зима бываетъ въ пермской губерніи и осоенно въ сѣверныхъ ея уѣздахъ; извѣстно, что въ пермскую губернію въ послѣдніе годы было переселено около 1,000 человѣкъ поляковъ. Насъ всегда поражало, что они переносили суровую пермскую зиму съ большею стойкостью и гораздо меньше кутались, чѣмъ мѣстные обыватели. Въ то время, какъ мѣстный житель надѣвалъ двѣ бараньи шубы, теплыя чулки и пимы, теплую шапку, рукавицы и т. д., полякъ въ 35° мороза пробѣгалъ улицы города въ ватномъ пальтишкѣ, въ плоскихъ лѣтнихъ калошахъ и т. д., и всегда былъ бодръ, свѣжъ и несравненно рѣже простуживался, чѣмъ мѣстные жители.

Еще болѣе компетентный наблюдатель сдѣлалъ такое же наблюденіе. Знаменитый хирургъ Ларрей, главный врачъ еще болѣе знаменитаго хирурга—Наполеона I, былъ очевидцемъ гибельнаго отступленія французовъ въ 1812 г. изъ Россіи, и самъ испыталъ всѣ прелести тогдашней суровой зимы. Заимствуемъ у Будена слѣдующее мѣсто изъ описанія этого отступленія. «Я замѣтилъ, говоритъ Ларрей, что пр.и равенствѣ прочихъ условій, сангвиническіе и пылкіе темпераменты лучше противустояли дѣйствію этого успокоивающаго агента (т. е. холода), чѣмъ лимфатики: такимъ образомъ, смерть щадила больше людей изъ южныхъ странъ Европы, чѣмъ изъ сѣверныхъ и влажныхъ, какъ-то: голландцевъ, гановерцевъ, пруссаковъ и другихъ нѣмецкихъ народовъ. Сами русскіе, судя по отчетамъ санитарныхъ врачей, оставшихся въ Вильнѣ, больше потеряли людей, чѣмъ французы, говоря относительно, и въ силу одной этой причины. Три тысячи лучшихъ солдатъ гвардіи, всѣ родомъ изъ южныхъ провинцій Франціи, бодро вынесли всѣ превратности этого отступленія». «Старики Россіи и Польши увѣряли насъ, что они никогда не видѣли такой продолжительной и суровой зимы. Я замѣтилъ, что брюнеты и субъекты желчно-сангвиническаго темперамента, почти всѣ изъ южныхъ странъ Европы, лучше противились холоду и терпѣливѣе сносили его, чѣмъ блон-

дины и субъекты флегматическаго темперамента, что совершенно про-
рѣчитъ общепринятому мнѣнію. Санитарные врачи, остававшіеся въ Ва
увѣряли меня, что холодъ похитилъ несравненно больше жертвъ въ
ной арміи (говоря относительно), чѣмъ французовъ, хотя союзная
имѣла несравненно больше средствъ предохранить себя отъ дѣйствія
всесокрушающаго элемента, чѣмъ несчастные мои соотечественники,
рые, ограбленные до нитки казаками и вынужденные переходить съ
на мѣсто чуть не нагишомъ, съумѣли, однакожъ, вынести всѣ вліяні
дяной атмосферы и, благодаря своей энергіи, храбрости и смышле
спаслись отъ окончательнаго замерзанія». «Итакъ, французы, португа
испанцы, итальянцы одни наименѣе пострадали отъ этихъ жест
невзгодъ; новое доказательство, опровергающее мнѣніе автора П
des Lois; новое подтвержденіе, что уроженцы южныхъ странъ и
больше энергіи и обладаютъ большею способностью сопротивленія
ствію холода, чѣмъ народы сѣвера. Судя по донесеніямъ, многихъ в
и хирурговъ, раздѣлявшихъ участь нашихъ солдатъ и сосланныхъ в
съ ними въ Сибирь, почти всѣ наши союзники, уроженцы Германі
новера и Голландіи, всѣ вымерли; нѣкоторыя русскія войска (имен
заки) и поляки лучше перенесли всѣ эти бѣдствія, но послѣдніе п
въ физическомъ отношеніи большое сходство съ южными наро
«Докторъ Mestivier, долго проживавшій въ Москвѣ, увѣрялъ нас
одни лишь французы могутъ безнаказанно прогуливаться по ул
этого города въ самый сильный холодъ въ простомъ рединготѣ
сюртука; между тѣмъ, какъ мѣстные жители съ трудомъ выносятъ
ніе суроваго холода, хотя и кутаются въ теплыя шубы» (Буденъ.
стр. 405—407).

Все вышеприведенное, такимъ образомъ, несомнѣнно утверждаетъ
что различные организмы при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ н
ются различнымъ образомъ, и что могущественнѣйшее орудіе клим
температура, далеко не одинаково дѣйствуетъ на различные орга
Далѣе, изъ этого краткаго очерка физіологическаго значенія мы
димъ къ тому убѣжденію, что человѣкъ, собственно говоря, такъ о
зованъ, что онъ можетъ благоденствовать во всѣхъ возможныхъ
тахъ, что всѣ физіологическіе процессы и отправленія совершаются
одинаково подъ всѣми широтами и вопреки разнообразію климатич
условій; что его ростъ, тѣлосложеніе, наружный видъ, цвѣтъ кожи
лосъ, темпераментъ, мышечная сила, кровообращеніе, дыханіе, п

лость, температура тѣла и долголѣтіе—всѣ эти явленія физіологиче-й жизни и анатомическаго строенія организма во всемъ ихъ разнооб-іи не соотвѣтствуютъ и не гармонируютъ съ климатическимъ разнооб-іемъ, а если и находятся въ зависимости отъ климата, то какъ отъ ой отдаленной общей причины, легко и удобно видоизмѣняемой до конечности степенью и разнообразіемъ прочихъ внѣшнихъ условій, какъ- пищей, или вообще питаніемъ, внѣшней обстановкой, благосостояніемъ, іальнымъ бытомъ, умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, силою льтуры и цивилизаціей.

Вопросъ объ акклиматизаціи, въ силу ученія Дарвина, долженъ также тупить въ новую фазу развитія. Вопросъ этотъ претерпѣлъ множество мѣненій въ своемъ историческомъ развитіи. Долго держались ученія ргава, который утверждалъ, что ни одно животное, снабженное легкими, можетъ жить въ атмосферѣ, которой температура равняется темпера-рѣ крови. Потомъ господствовало мнѣніе, защищаемое преимущественно alte Brun'омъ, что человѣкъ—животное космополитическое, умѣющее оиваться со всякимъ климатомъ. Противъ этого мнѣнія, слишкомъ от-завшагося крайностью, возсталъ цѣлый сонмъ наблюдателей, во главѣ ихъ стоялъ съ цѣлымъ арсеналомъ несомнѣнныхъ фактовъ знаменитый денъ. Онъ говоритъ, что человѣкъ, какимъ мы его знаемъ теперь, не жетъ считаться космополитомъ и что способность его акклиматизиро-ться, въ сущности ограниченная, видоизмѣняется замѣтнымъ образомъ связи и зависимости отъ расы; однѣ изъ расъ могутъ безнаказанно реселяться на болѣе или менѣе значительное разстояніе отъ мѣста оисхожденія и отъ родной почвы, другія, напротивъ, слишкомъ плотно ивязаны къ весьма ограниченному району. Мы хорошо знаемъ, что это нѣніе слишкомъ противорѣчитъ господствовавшимъ доселѣ теоріямъ, но мъ не менѣе нужно согласиться, что это мнѣніе высказано на осно-ніи самыхъ положительныхъ доводовъ и въ силу рѣшительныхъ фак-въ. Пора, чтобъ медицина, общественная гигіена и политическая эко-мія приняли участіе въ рѣшеніи этого вопроса, чтобы уменьшить зло. Буденъ былъ правъ, что такъ сильно возсталъ противъ насильствен-ыхъ теорій. Одна колонизація Алжира стоила Франціи не мало жертвъ еще больше денегъ. Плантаторское изнасилованіе Африки, откуда вы-озились тысячи негровъ во всѣ мѣста Америки, также старались оправ-ывать самою мягкою и гибкою натурой примѣняться ко всѣмъ клима-амъ и даже къ рабскому положенію. Все это, конечно, должно было

вызвать протестъ со стороны людей науки и гуманности. Но въ рѣше
этого вопроса необходима крайняя осторожность. Насколько факты го-
рятъ противъ способности человѣка къ акклиматизаціи, настолько и
они говорятъ и въ пользу этого предположенія.

Исторія до сихъ поръ показываетъ, говоритъ Оппенгеймеръ, что оби-
татели умѣреннаго пояса, особенно англичане, нѣмцы и французы, не вы-
держиваютъ долгаго пребыванія въ тропическихъ странахъ. Они тамъ ни-
гдѣ не могли основать государства, способнаго къ культурѣ, которое могло
бы существовать безъ постоянныхъ сношеній съ метрополіей, безъ посто-
янныхъ переселеній изъ нея. Мы видимъ это въ Индіи, въ централь
Америкѣ, въ Африкѣ и другихъ мѣстахъ. То же показываетъ и древняя
исторія. Галлы, переселившіеся въ Ломбардію и Малую Азію и прежде на-
водившіе ужасъ даже на римлянъ, выродились въ этихъ странахъ и бе-
слѣдно вымерли. Могущественное царство вандаловъ въ Африкѣ послѣ не-
продолжительнаго существованія исчезло изъ исторіи. Несмотря на чре-
вычайныя усилія, на огромныя средства, пожертвованныя римлянами на
колонизацію ихъ африканской провинціи—той самой страны, которую те-
перь хотятъ колонизовать французы, — эта провинція не пережила паде-
нія Рима и теперь только развалины напоминаютъ о великомъ органиа-
торскомъ талантѣ римлянъ. Потомъ Египетъ. Нѣтъ страны, которая бы
видѣла столько чужеземныхъ завоеваній и новыхъ колоній, какъ древняя
почва Египта. Эфіопы и индѣйцы, арабы и персы, греки и римляне, ве-
неціянцы и турки, англичане и французы—всѣ или долго владѣли Еги-
томъ, или основывали въ немъ колоніи. Всѣ чужеземные властители окру-
жали себя многочисленнымъ иноземнымъ населеніемъ. И отъ всѣхъ этихъ на-
родовъ не осталось ничего, кромѣ воспоминанія; всѣхъ поглотила почва Егип-
та. Нынѣшніе обитатели его, копты и феллахи, суть такой же расы люди, какъ
и тѣ, которыхъ мы находимъ въ великолѣпныхъ гробницахъ Египта, ко-
торыхъ изображали на гранитѣ пирамидъ его художники, 150 столѣтій
тому назадъ.

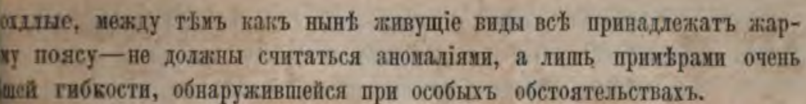
Голландцы начали устраивать колоніи на Мысѣ Доброй Надежды въ
1652 г., и они ничего не щадили для поддержанія этихъ колоній. И
что же? Въ 1830 г., спустя 188 лѣтъ, послѣ неимовѣрныхъ усилій
и затратъ, на Мысѣ насчитывали не болѣе 100,000 свободныхъ жите-
лей. Англія израсходовала болѣе милліарда, чтобы устроить поселенія
европейцевъ въ Сіерра-Леоне, и эта колонія насчитываетъ теперь едва
сотню бѣлыхъ, изъ коихъ и двадцатая доля не родилась на африкан

кой почвѣ (Буденъ). Но мы слишкомъ мало вѣримъ въ воинскія колоніи, въ colonie soldatesque, и эти крайности обязаны не одному лишь климату, а другимъ, можетъ быть, болѣе важнымъ обстоятельствамъ. Въ доказательство этого мы приведемъ слѣдующіе факты и соображенія. Американская раса живетъ подъ всѣми широтами Новаго Свѣта, несмотря на всевозможныя климатическія различія; каждый съ нами согласится, что индо-германское племя, родомъ изъ Азіи, исподоволь перешло въ Европу и расселилось до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ ея, мало-по-малу своившись со всѣмъ разнообразіемъ европейскихъ климатовъ и несмотря на рѣзкую противуположность съ климатомъ первобытной своей страны; далѣе, европейцы en masse переплыли величайшее препятствіе — океанъ, и разбрелись по всѣмъ закоулкамъ Америки, все болѣе и болѣе колонизируя ее. Это породило даже убѣжденіе, что къ акклиматизаціи болѣе всего способна бѣлая раса и этимъ старались доказать превосходство этой расы надъ всѣми остальными расами; но если это имѣетъ сколько нибудь достовѣрную силу, то развѣ относительно жителей умѣреннаго пояса. Дѣйствительно, нецивилизованный дикарь не можетъ выносить въ такой же степени перемѣну климата, какъ цивилизованный европеецъ, потому что во многихъ подобныхъ случаяхъ первобытный человѣкъ погибаетъ отъ недостатка средствъ защиты противъ вредныхъ вліяній. Напротивъ, европеецъ, въ силу умѣнья приспособиться къ измѣнившимся обстоятельствамъ, въ силу умѣренности и примѣненія всего своего образа жизни, обезпечиваетъ себя отъ всѣхъ вредныхъ климатическихъ вліяній, на которыя первобытный человѣкъ не обратилъ даже должнаго вниманія. Наконецъ, не можетъ не броситься въ глаза всякому безпристрастному наблюдателю, что есть расы, которыя пользуются особенными привилегіями въ отношеніи климата. Избранный народъ божій—какъ бы баловень климатическій. Въ самомъ дѣлѣ, евреи пользуются чуть не монополіей космополитизма, по выраженію Будена. Въ то время, какъ французы, мавры, арабы и негры соперничаютъ между собою въ скорости вымиранія въ Алжиріи, евреи постоянно тамъ возрастаютъ въ большомъ числѣ, и хотя у нихъ смертность довольно значительна, но никогда она не превышаетъ числа рожденій. Въ Африкѣ, говоритъ Буденъ, евреи встрѣчаются, начиная отъ Варварійскихъ владѣній до мыса Доброй Надежды и отъ береговъ Чернаго моря вплоть до Атлантическаго океана. Въ Алжиріи евреи несмотря на скученность въ тѣсныхъ, зловонныхъ, мрачныхъ и подчасъ подземныхъ жилищахъ, отличаются, однакожъ, необыкновенной живучестью

и далеко оставляютъ за собою въ этомъ отношенiи всѣ остальныя нар
ности.

Въ 1639 г. Давидъ Насци, португальскiй еврей, выпросилъ у анг
ской компанiи право устроить еврейскую колонiю въ Кайенѣ. Но со
мени завоеванiя Кайены французами, въ 1664 г., евреи удалились
Суринамъ, гдѣ число ихъ быстро возрастаетъ. Теперь евреи живутъ
Канады до Бразилiи и число ихъ въ Америкѣ простирается до 20,0
да въ Австралiи ихъ найдется тысячи двѣ. Въ Азiи евреевъ легко на
отъ береговъ Сирiи и Малой Азiи до восточныхъ предѣловъ Китая и
юга на сѣверъ, отъ южной оконечности Индiи до Барабинской степи
Томска. Моисей Пассва, португальскiй еврей изъ Амстердама, посѣтил
Кохину въ 1686 г., по возвращенiи въ Европу, издалъ сочиненiе,
которомъ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующiя подробности: въ 4
г. отъ сотворенiя мiра, послѣ вторичнаго разрушенiя храма Титомъ,
70 до 80,000 евреевъ проникли въ Малабаръ, гдѣ царь Херамъ
римовъ далъ имъ городъ Кранганоръ, который они послѣдствiи вы
дены были оставить, чтобы удалиться въ Кохину. Хотя солнце Кох
пропекло ихъ до того, что они сдѣлались почти мулатами, они счи
для себя безчестьемъ сближаться съ евреями-неграми, которые прои
дили отъ рабовъ, бывшихъ въ услуженiи у евреевъ Крангаиора.

Всѣ эти данныя въ концѣ концовъ даютъ намъ смѣлость отнес
съ полною вѣрою къ ученiю Дарвина, который по долгомъ размыш
и въ силу неопровержимыхъ фактовъ вправѣ утверждать, что «ак
матизацiя должна совершаться легко втеченiи длиннаго ряда поколѣн
Каждый при этомъ долженъ исподоволь примѣняться посредствомъ с
вѣтственной одежды и пищи къ уменьшенной потерѣ тепла лѣтом
зимой, если не хочетъ, чтобы тѣло его потерпѣло вредъ и чтобы
его ослабъ. Одни англичане, которые нигдѣ не могутъ отказаться
мясной пищи и спиртныхъ напитковъ, выносятъ хуже всѣхъ троп
скiй климатъ; между тѣмъ, какъ болѣе осторожные испанцы и порту
цы гораздо лучше выносятъ всякiя климатическiя крайности; Дар
поэтому склоненъ разсматривать приспособленiе къ какому либо от
ному климату, какъ качество, легко прививающееся къ значительной в
денной гибкости склада, свойственной большей части животныхъ.
этой точки зрѣнiя способность человѣка и его домашнихъ живот
переносить самые разнообразные климаты, и такiе факты, какъ сп
ность вымершихъ видовъ слона и носорога переносить климаты с

олдные, между тѣмъ какъ нынѣ живущіе виды всѣ принадлежатъ жарму поясу—не должны считаться аномаліями, а лишь примѣрами очень шей гибкости, обнаружившейся при особыхъ обстоятельствахъ.

Есть малороссійская пословица—«на вербѣ груши». Пословица эта порала свое ироническое значеніе, потому что на вербѣ дѣйствительно моть рости груши. Культурой дойдутъ до того, что на Шпицбергенѣ буть прозябать виноградъ. Силою подбора и борьбой за существованіе ловѣкъ разовьетъ свою способность къ акклиматизаціи до вполнѣ желаего космополитизма.

Вліяніе климата на происхожденіе болѣзней мы желали бы ограничить ными тѣсными предѣлами. Медики до того привыкли во всемъ обвинять имать, что публика вслѣдъ за ними совершенно успокоивается на этомъ удто бы неизбѣжномъ злѣ. И медики и публика въ этомъ отношеніи соршенно оправдываютъ нѣмецкую поговорку, что «изъ-за лѣсу деревьевъ видно». Вмѣсто того, чтобы изучить на самомъ дѣлѣ значеніе климаческихъ условій въ причиненіи болѣзней, педантизмъ ученыхъ безъ вся й логической провѣрки утрируетъ вліяніе климата уже слишкомъ и присятъ этимъ величайшій вредъ, такъ какъ этимъ отнимается всякое стреленіе устранять настоящія причины человѣческихъ страданій. Этого мало; той же ложной теоріи была построена убійственная система соціальго рабства и умственнаго застоя многихъ расъ. Плантаторъ, благодаря той теоріи, съ спокойною совѣстію выжималъ послѣдній сокъ изъ негра, бѣжденный, что негръ заранѣе приготовленъ природой для рабства, что имать его страны низвелъ его на степень вьючнаго животнаго. То же умали и о расахъ холодныхъ полярныхъ странъ. На что имъ образованіе культура, когда холодъ разъ навсегда сковалъ ихъ умственныя силы. ля эксплуататора политическаго и экономическаго—эта теорія настоящій ладъ. Значеніе климата, какъ прямое и непосредственное причиненіе болѣзней, — слишкомъ серьезный вопросъ, и мы уже разсмотрѣли его ъ статьѣ о «Причинахъ болѣзней». Здѣсь мы можемъ коснуться этого вороса лишь мимоходомъ, по отношенію связи съ другими проявленіями климатическихъ вліяній на человѣческій организмъ. Лично мы *пока* пришли ъ тому убѣжденію, что и въ патологическомъ отношеніи, какъ сила, вызывающая страданія, климатъ тоже имѣетъ лишь второстепенное значеніе и можетъ быть разсматриваемъ, какъ отдаленная, общая причина. Непосредственное же его вліяніе довольно слабо и легко устраняется другими, болѣе близкими условіями.

Изъ всѣхъ климатическихъ условій самыми главными и первенствующими мы считаемъ тѣ, которыхъ человѣкъ не въ силахъ видоизмѣнить ни на одну іоту: таковы температура, степень влажности, барометрическое давленіе, вѣтры. Тѣ же условія, которыя легко устранимы силою культуры, мы уже не можемъ причислять къ климатическимъ условіямъ. Во власти человѣка и его соціальной обстановки селиться въ такихъ мѣстахъ и дѣлать ихъ для себя безвредными и удобными; а потому болотистая мѣстность (въ строгомъ смыслѣ слова), производящая міазмы и причиняющая тѣмъ разныя болѣзни, не можетъ въ строгомъ смыслѣ слова быть отнесена къ климатическимъ условіямъ sine qua non, а есть лишь недостатокъ культуры, недостатокъ соціальнаго строя, что въ нашихъ глазахъ играетъ несравненно болѣе важную роль, чѣмъ всевозможныя климатическія условія. Мы это подтвердимъ нѣсколькими фактами.

Мы вполнѣ и совершенно раздѣляемъ тотъ взглядъ, что человѣчество вообще можетъ быть подраздѣлено на двѣ категоріи людей: на людей брюшныхъ органовъ, обитающихъ въ болѣе теплыхъ краяхъ, и на людей грудныхъ органовъ, обитающихъ въ болѣе холодныхъ странахъ. Тѣ и другіе суть продукты мѣстныхъ физическихъ и космическихъ условій и внезапная перемѣна мѣстности для тѣхъ и другихъ отзывается гибельно на ихъ физическомъ здоровьѣ и притомъ въ противуположномъ направленіи. Такъ, народы грудныхъ органовъ, попадая въ страны теплыя, тропическія, заболѣваютъ и вымираютъ преимущественно отъ болѣзней брюшныхъ органовъ, именно отъ болѣзней печени, кишекъ и т. д.; и наоборотъ, народы брюшныхъ органовъ, какъ, напр., негры, попадая въ сѣверныя, холодныя страны, заболѣваютъ и вымираютъ отъ болѣзней легкихъ, особенно отъ чахотки. Фактъ этотъ слишкомъ осязателенъ, чтобы не признавать его очевидность. Но это имѣетъ мѣсто лишь при такихъ внезапныхъ, крутыхъ, рѣзкихъ и слишкомъ противуположныхъ перемѣнахъ, и если въ этомъ видѣть силу климата, то бѣда еще невелика.

Новѣйшія наблюденія показали, что самые могущественнѣйшіе бичи человѣчества, истребляющіе его en masse, суть порожденія особенныхъ паразитовъ, которые проявляются при всѣхъ возможныхъ климатахъ и могутъ быть устранены силою культуры. Полюбуйтесь, читатель, какой списокъ недуговъ — порожденіе нашего неразумія и соціальнаго убожества. Корь, оспа, скарлатина, коклюшъ, рожа, крупъ, сибирская язва, гриппъ, чесотка, холера, тифъ, чума и лихорадка — все это причиняется паразитами, гибельное дѣйствіе которыхъ цивилизація смягчаетъ и можетъ со-

шенно уничтожить и избавить человѣчество отъ этихъ лютыхъ вра-ъ. Мы приведемъ этому хотя одно крупное доказательство. Въ Віаред-, въ графствѣ Лукка, говоритъ Виллерме, мѣстные жители, разсѣянные ольшими группами и живя въ сильно жалкомъ убожествѣ и нищетѣ, егодно подвергались самымъ безжалостнымъ нападеніямъ перемежающейся хорадки и притомъ почти въ одно и то же время. Въ 1741 году до-дались, однакожъ, устроить шлюзы, которыхъ подвижные клапаны до-скали спускъ воды изъ болотъ въ озера и препятствовали наводненіямъ и разливахъ, такъ что страна не заливалась водой. Это маленькое но-введеніе имѣло, однакожъ, самое благотворное послѣдствіе: болота исчезли, вмѣстѣ съ ними и лихорадка. Словомъ, округъ Віареджіо принадлежитъ перь къ числу самыхъ здоровыхъ, самыхъ промышленныхъ и самыхъ бо-тыхъ мѣстностей Тосканы, и часть тѣхъ семействъ, которыхъ глупые редки погибли отъ дѣйствія aria cattiva *), отъ котораго они были без-льны защищать себя, теперь преспокойно благоденствуютъ и проявляютъ вѣдомую дотолѣ степень физической силы и нравственнаго образованія. Та-ва сила цивилизаціи и культуры! Тѣмъ же путемъ будутъ устранены и угіе истребители-враги рода человѣческаго.

Мы всегда были того убѣжденія, что на происхожденіе болѣзней на-колько имѣетъ вліяніе климатъ, настолько же, если не больше еще, ліяетъ и самая организація субъекта. Мы приведемъ тому самый нтересный и самый замѣчательный фактъ, заимствованный Дарви-омъ изъ лекцій Труссо. Послѣдній передаетъ слѣдующій разсказъ изъ оей практики. «Я лечилъ двухъ братьевъ-близнецовъ, столь между со-бою похожихъ, что не было никакой возможности отличить одного отъ другого, особенно когда они бывали вмѣстѣ. Это физическое сходство про-стиралось еще дальше: они имѣли, извините за выраженіе, еще большее сходство патологическое, и притомъ замѣчательное. Такъ, одинъ изъ нихъ въ Парижѣ заболѣлъ ревматическимъ воспаленіемъ глазъ и, когда я его увидѣлъ, онъ мнѣ сказалъ: «мой братъ, конечно, болѣнъ такимъ же вос-паленіемъ глазъ, какъ и я». Такъ какъ я этому удивился, то онъ спу-стя нѣсколько дней показалъ мнѣ письмо брата изъ Вѣны, который ему писалъ: «у меня мое воспаленіе глазъ, у тебя должно быть теперь твое». Какъ это ни странно, но это такъ, это вѣрно, это несомнѣнно: мнѣ это

*) Болотныя испаренія въ тосканскихъ мареммахъ.

не разсказали, а я это видѣлъ и видѣлъ еще другіе подобные с
чаи. Эти близнецы были также очень удушливы. Уроженцы Марсе
однакожъ, никакъ не могли оставаться въ своемъ *родномъ* город
ихъ часто влекли собственные интересы, безъ того, чтобы не п
нуться сильному припадку; въ Парижѣ же они никогда не подве
этому припадку. Еще лучше, стоило имъ переѣхать въ Тулонъ, чт
бавится отъ мучительнаго недуга, испытываемаго въ родномъ горо
тешествуя по своимъ дѣламъ и посѣщая различныя страны, он
тили, что нѣкоторыя мѣстности вліяютъ на нихъ гибельно, а в
гихъ они были свободны отъ всякихъ припадковъ» *).

Есть цѣлая серія такъ-называемыхъ эндемическихъ болѣзней,
хожденіе которыхъ приписывается исключительно мѣстнымъ кли
скимъ условіямъ. Даже самъ Дарвинъ на нихъ нѣсколько напирае
впрочемъ, оговаривается. Онъ говоритъ, что въ болѣзняхъ, ограни
щихся только нѣкоторыми племенами, самую важную роль играет
женіе племени, а послѣднее опредѣлилось неизвѣстными причина
примѣръ онъ приводитъ колтунъ (Plica polonica), отъ котораго так
страдаютъ поляки, между тѣмъ какъ нѣмцы и русскіе не подве
ему. Насколько этотъ примѣръ самъ по себѣ несостоятеленъ и
въ заблужденіе, доказываетъ то, что колтунъ вовсе не считается бо
а лишь порожденіемъ нечистоты, неопрятности и т. п. Гиршъ собра
не цѣлую библіотеку объ этой болѣзни, и на основаніи безпристра
наблюденій все-таки пришелъ къ тому убѣжденію, что колтунъ п
ніе суевѣрія, глупости, въ силу чего нѣкоторые глупцы переста
сать волосы и искуственно создаютъ себѣ мерзость на головѣ для
ненія оной же, обрѣтающейся въ самой головѣ **).

Къ совершенно другимъ заключеніямъ мы придемъ, если обрати
вниманіе на соціальную сторону вопроса. Тутъ намъ открывается
обширное поле для наблюденій, что даже странно, почему врачи н
тятъ своей дѣятельности преимущественно въ эту сторону. Кто н
рялъ своего остроумія, чтобъ обругать климатъ Петербурга и вы
его причиной всѣхъ возникающихъ въ немъ болѣзней? Но что та
тербургскій климатъ въ сравненіи съ тѣми язвами, которыя подгот

*) Дарвинъ. Прирученныя животныя. Т. II, стр. 274.
**) Hirsch. Historisch.-geographische Pattologie. T. II, стр. 542.

бѣ тамъ человѣкъ собственными руками? Со дня основанія Петербурга до настоящаго времени тамъ похоронено 2 милліона труповъ, которые превосходно гніютъ и производятъ такую aria cattiva, по сравненію съ которой всякія климатическія невзгоды—ничто. И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ долѣе продлится такое положеніе кладбищъ въ Петербургѣ, тѣмъ сильнѣе будутъ дѣйствовать тамъ вредныя испаренія, а окончательнымъ виновникомъ останется неисправимый климатъ.

Медицинская статистика и историко-географическое описаніе болѣзней, какъ плодотворно обработанное Эстерленомъ, Буденомъ, Гиршомъ, убѣждаютъ насъ, что бѣдность, соціальное убожество, нищета, невѣжество, людская глупость, разнообразная до безконечности, далѣе пьянство, сифилисъ и другіе нравственные недуги соціальнаго быта — такіе могущественные дѣятели и причиняютъ такую массу физическихъ болѣзней, что, право, намъ стыдно убаюкивать себя всякими климатическими небылицами и сидѣть сложа руки при видѣ того, какъ соціальное зло пожираетъ общественный организмъ. Всѣ формы чахотки и бугорчатки, всѣ виды золотухи, безкровія, малокровія, рака, скорбута, рахитизма — все это результатъ убожества, нищеты или извращенной цивилизаціи, излишества, роскоши, праздности, обжорства, мракобѣсія и самодурства.

Озираясь кругомъ и сводя счеты всѣмъ этимъ разнообразнымъ страданіямъ человѣческаго организма, мы видимъ въ нихъ лишь видоизмѣненное проявленіе одной общей могущественной причины—«борьбы за существованіе», которую природа избрала орудіемъ для достиженія своихъ великихъ цѣлей — усовершенствованія человѣческаго организма и гармоніи въ распредѣленіи органическихъ существъ, недопускающей излишества и преобладающей крайности. Въ рукахъ разумнѣйшей твари, во власти человѣка руководить этой силой и употребить ее себѣ на пользу, а не во вредъ, чѣмъ онъ и докажетъ свое превосходство надъ всѣми остальными животными.

Вліяніе климатическихъ, теллурическихъ и вообще космическихъ условій на умственную, нравственную, религіозную и политическую стороны человѣка представляетъ такой хаосъ противорѣчій, что, собственно говоря, этого здѣсь и не слѣдовало бы касаться, какъ вопроса неидущаго къ дѣлу и, по меньшей мѣрѣ, неумѣстнаго въ виду борьбы за существованіе, потому что толкованіе этого вопроса—чистѣйшій сумбуръ. Начиная съ Монтескье и оканчивая Фоассакомъ, который посвятилъ этому вопросу весь второй томъ,—всѣ изслѣдователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ, до сихъ поръ,

по крайней мѣрѣ, не пришли, по нашему убѣжденію, ни къ одному сколько нибудь вѣрному и опредѣленному положенію. Всѣ ихъ толкованія темны, сбивчивы и запутаны. Разобрать Фоассака — мало отдѣльной статьи и дѣло не стоитъ труда; мы безъ смѣху не могли читать многія его страницы; наше терпѣніе истощалось на каждой страницѣ и мы удивлялись терпѣнію, хватившему на то, чтобъ написать цѣлый томъ и ничего умнаго не сказать. На это нужно также умѣнье и талантъ.

Самыя кровожадныя и дикія животныя водятся въ тропическомъ климатѣ, говоритъ Фоассакъ, именно тигръ, левъ, пантера, крокодилъ, шакалъ и т. д., а въ холодномъ климатѣ ихъ нѣтъ; отсюда слѣдуетъ, что и самые дикіе, самые жестокіе и самые негостепріимные народы также живутъ въ тропическомъ или жаркомъ климатѣ, а самые цивилизованные въ умѣренномъ. Но бѣлый медвѣдь и сѣрый волкъ, всевозможныя гадюки, кажись, уживаются же на самомъ отдаленномъ сѣверѣ, и народы, обитающіе въ сѣверномъ, умѣренномъ и холодномъ поясѣ, тоже не всѣ заслуживаютъ названія цивилизованныхъ; какая же тутъ связь съ климатомъ? Если считать климатъ такимъ могущественнымъ дѣятелемъ въ отношеніи умственной и нравственной жизни народовъ, и если приводить въ доказательство того, что именно климатъ Европы наиболѣе располагаетъ къ совершенствованію человѣка во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, то почему же это не составляетъ удѣла всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Европѣ. Вѣдь, строго говоря, только два племени, романское и англосаксонское, могутъ быть названы творцами прогресса, цивилизаціи и культуры, но кромѣ этихъ двухъ племенъ еще многія другія обитаютъ въ Европѣ, которыя до сихъ поръ не заявили себя ни однимъ міровымъ событіемъ, ни однимъ историческимъ фактомъ, который облегчилъ бы тягостное существованіе человѣчества.

Либеральный Монтескье воображалъ, что умѣренный или даже холодный климатъ требуетъ и располагаетъ къ свободѣ, а жаркій и тропическій обусловливаетъ деспотизмъ. Этого не снесъ даже Фоассакъ и говоритъ, что «достаточно бросить взоры на глобусъ, чтобы убѣдиться, насколько принципы Монтескье ошибочны и противорѣчатъ дѣйствительности. Заключенная въ самую тѣсную рамку, Европа, вопреки разнообразію климатовъ, представляетъ намъ всѣ формы правленія, отъ самыхъ абсолютныхъ монархій до самыхъ просвѣщенныхъ и свободныхъ республикъ. На крайнемъ ея сѣверѣ и на всемъ югѣ, съ запада и съ востока, вездѣ можно натолкнуться на самыя противуположныя формы правленія».

Появленіе великихъ людей въ такомъ множествѣ въ древней Греціи Фоссакъ приписываетъ особенно счастливому ея климату; но если такъ, то почему же ихъ нѣтъ теперь тамъ, и почему они теперь тамъ вовсе не появляются: вѣдь климатическія-то благопріятства не измѣнились тамъ нисколько.

Ослѣпленіе этими теоріями доходитъ до поразительнаго абсурда, и отъ него не свободны даже самые лучшіе люди. Такъ, напримѣръ, Рейхъ говоритъ: «Судя вообще, гористыя мѣстности отличаются высокою степенью здоровья и процвѣтанія своихъ обитателей, преимущественно въ силу чистоты и сухости воздуха, и такъ мало содержатъ въ себѣ физическихъ и нравственныхъ причинъ для возникновенія болѣзней, что нигдѣ человѣкъ такъ хорошо не благоденствуетъ, какъ именно въ горахъ. Благороднѣйшія созданія, самые здоровые люди, самые почтеннѣйшіе возрасты, относительно величайшая чистота нравовъ и полнѣйшее развитіе индивидуальности встрѣчаются намъ въ горахъ». Прибавимъ къ этому выраженіе Молешота: «гдѣ сыръ, тамъ свобода», и читатель легко догадается, что рѣчь идетъ, вѣроятно, о Швейцаріи. Но если читатель когда нибудь бывалъ на Уралѣ, если онъ пожилъ хотя нѣсколько въ пермской губерніи, которая цѣликомъ расположена на уральскихъ горахъ, то намъ совершенно будутъ понятны его улыбка и сомнѣніе при чтеніи этого панегирика горамъ.

Вліяніе климата на темпераментъ и характеръ народовъ часто преувеличивали въ такой же степени, какъ и вліяніе его на физическую организацію. Такъ, жаркій климатъ усиливаетъ будто бы въ высокой степени чувствительность, располагаетъ вообще къ страстности, чувственности, мстительности, легкомыслію и непостоянству, боязливости и лѣни; между тѣмъ какъ холодный климатъ вызываетъ противуположныя свойства въ характерѣ. Но такія явленія, съ одной стороны, непостоянны и индивидуальны, а съ другой стороны, имѣютъ совершенно мѣстный характеръ. Не всегда люди, живущіе подъ яснымъ небомъ, бываютъ веселѣе и болѣе склонны къ играмъ и танцамъ, чѣмъ жители странъ, часто покрываемыхъ туманомъ и облаками. Въ южной и сѣверной Америкѣ, а также въ Южномъ океанѣ люди необщительные и угрюмые живутъ при весьма сходныхъ климатическихъ условіяхъ съ людьми веселыми и общительными. Тогда какъ египтяне и индусы представляются терпѣливыми, спокойными и безстрастными, эскимосы и чукчи по большей части обладаютъ натурой легкораздражительной, веселой и подвижной. Нынѣшній чиліецъ не имѣетъ той страстности и непостоянства, какую предразсудокъ европейскаго сѣвера

приписываетъ жителямъ юга. Всю эту ветошь давно пора оставить
травчатымъ поэтамъ и ихъ лирической болтовнѣ.

Въ предложенной статьѣ мы старались доказать, что климатъ по
шенію къ человѣку играетъ лишь роль отдаленной общей причины
физическое, умственное и нравственное его развитіе менѣе всего за
отъ того или другого климата. При этомъ мы имѣли въ виду подго
читателя къ принятію того взгляда, что борьба за существованіе сво
главнымъ образомъ, на добываніе себѣ пищи въ обширномъ зн
слова и на завоеваніе мѣста среди многочисленныхъ соперниковъ и со
По отношенію къ этимъ требованіямъ климатъ играетъ самую в
роль. Разсмотрѣніе этого вопроса составитъ предметъ нашей пос
статьи. Напомнимъ лишь читателю, что цѣль наша доказать необход
борьбы съ животнымъ и растительнымъ міромъ и ассоціаціи съ сос
что этимъ человѣкъ, главнымъ образомъ, и долженъ отличаться о
тальныхъ тварей, вѣчно между собою враждующихъ. Во всей обширно
риторіи природы совершается постоянная борьба. Въ каждомъ бол
отдѣлѣ животныхъ она отдѣлила особую касту, которой предос
право пожирать остальныхъ. Такимъ образомъ, она создала хищны
сѣкомыхъ, хищныхъ пресмыкающихся, хищныхъ птицъ, хищныхъ р
хищныхъ млекопитающихъ. Нѣтъ минуты покоя, не проходитъ мгн
чтобъ одно животное не пожирало другое. Во главѣ всей этой драмы
ной траги-комическихъ сценъ, стоитъ человѣкъ, который ничего н
дитъ живого. Все сокрушается подъ его могучей рукой, вооруженн
побѣдимымъ орудіемъ разума. Онъ можетъ убивать, чтобы питаться
вправѣ убивать, чтобы одѣться и обуться, онъ вправѣ убивать, чтоб
щищаться, онъ, пожалуй, можетъ убивать для того, чтобы развлечь
поохотиться, онъ долженъ убивать, чтобы поучиться; но онъ не до
убивать ради убійства; онъ долженъ пощадить своего брата и рук
руку съ нимъ долженъ работать, чтобы побороть враждующія съ
силы природы.

Вопросъ о пищѣ

ВЪ БОРЬБѢ ЗА СУЩЕСТВОВАНІЕ.

«Я только тогда стану уважать науки, когда увижу повара въ числѣ членовъ академіи наукъ».

Брилья-Саваренъ.

I.

Философія прошлаго столѣтія въ лицѣ Гельвеція выработала тотъ взглядъ, что главнымъ мотивомъ и руководителемъ человѣческихъ поступковъ вездѣ и всегда было чувство самосохраненія или, точнѣе, эгоизмъ. Самыя возвышенныя и благородныя стремленія, самые честные порывы души вытекаютъ изъ этого всемірнаго чувства, приводящаго все живое въ движеніе и всему дающаго стимулъ жизни. Нашъ реальный вѣкъ посмотрѣлъ на этотъ вопросъ еще болѣе позитивно и рѣшилъ, что главный и сильнѣйшій двигатель всѣхъ человѣческихъ побужденій есть неугомонное и ничѣмъ неукротимое чувство голода. Голодъ, съ точки зрѣнія физіологіи и вообще всей естественно-испытательной школы, есть главный Архимедовъ рычагъ, двигающій всю сложную машину соціальнаго строя человѣчества. Конечно, кто же другой, какъ не голодъ, заставляетъ человѣка проводить цѣлые дни и ночи въ преслѣдованіи того или другого животнаго, чтобы воспользоваться его шкурой, мясомъ, жилами, кровью, рогами и саломъ; кто другой, какъ не голодъ, побуждаетъ человѣка убивать свое подчасъ атлетическое здоровье въ сѣверныхъ суровыхъ тундрахъ, въ такъ называемой тайгѣ, чтобы добыть презрѣннаго металла; только голодъ отправляетъ его въ подземныя копи, въ мрачныя пещеры, чтобы изъ нѣдръ земли вытащить драгоцѣнную руду, залогъ цивилизаціи. Голодъ держитъ поселянина въ открытомъ полѣ и заставляетъ его въ потѣ лица

подъ палящимъ зноемъ вырывать у земли питательное зерно. Голодъ гонитъ бѣдняка далеко отъ родного пепелища, держитъ его въ чужой, одинокой и неприютной средѣ; голодъ приковываетъ мастерового къ фабрикѣ и заводу, гдѣ онъ терпитъ отъ нечистоты, отъ скудости, отъ сифилиса и водки. Голодъ вынуждаетъ человѣка торговать своею совѣстью, убѣжденіями, а то и собственнымъ тѣломъ. Голодъ снабжаетъ наши суды обильнымъ дѣлопроизводствомъ и множествомъ преступниковъ. Голодъ приковываетъ несчастнаго труженика, вѣчно голоднаго чиновника, всю жизнь свою съ согбенной спиной проливающаго чернила изъ-за жалкаго и скуднаго куска хлѣба. Голодъ гонитъ нашу бѣдную молодежь *обоего пола* во всѣ школы и университеты, чтобы она могла пріобрѣсти знанія и ими купить себѣ право на существованіе. Однимъ словомъ, голодъ — могущественнѣйшее орудіе всеобъемлющей силы природы: борьбы за существованіе.

Но если голодъ имѣетъ такое могущественное вліяніе на индивидуальную жизнь и на весь соціальный строй человѣчества, то, съ другой стороны, обиліе пищи или полный достатокъ ея совершенно измѣняютъ сущность картины и приводятъ борьбу за существованіе къ совершенно противуположнымъ результатамъ.

Намъ теперь хотѣлось бы разсмотрѣть зависимость пищи отъ климатическихъ условій, съ одной стороны, и отъ культуры, съ другой; далѣе вытекающую отсюда зависимость человѣка отъ количества и качества пищи и обратно и, наконецъ, результаты этой зависимости, этой борьбы.

Нѣтъ сомнѣнія, что атмосферный воздухъ есть главный источникъ, изъ котораго все живое черпаетъ необходимые элементы своего существованія. Растительный міръ былъ бы немыслимъ безъ атмосферы, которая доставляетъ ему все его насущное питаніе. Но растительный міръ есть ни больше и ни меньше, какъ лишь метаморфоза, преобразованіе неорганической матеріи въ органическую ткань. И только съ появленіемъ на землѣ этой метаморфозы, этого прообразованія, сдѣлалась возможною животная жизнь, хотя бы и первобытная, низшая, самая простая. Euglen'ы и другія инфузоріи, хотя и не имѣютъ ни рта, ни пищепріемнаго, ни пищеварительнаго аппарата въ общепринятомъ смыслѣ, питаются, однакожъ, на поверхности стоящихъ водъ растеніями, пришедшими въ гніеніе. Такимъ образомъ, растенія служатъ основною пищей многихъ другихъ животныхъ. Но зоофагія, пожираніе животныхъ, обнаруживается уже съ самаго начала появленія животной жизни, и хотя каждый классъ животныхъ имѣетъ своихъ канибаловъ, хотя и самъ человѣкъ не свободенъ отъ упрека въ не-

ной антропофагіи, тѣмъ не менѣе можно положительно утверждать, растеній была бы невозможна животная жизнь. Не будь на свѣтѣ всѣ животныя должны были бы быть плодоядными, взаимно ли бы другъ друга, и такъ какъ животное чѣмъ грубѣе, тѣмъ сытнѣе, то животныя совершенно исчезли бы.

процессъ преобразованія неорганической матеріи снова въ расти- а потомъ въ животную, сдѣлалъ впослѣдствіи возможныхъ по- человѣка на землѣ, для существованія котораго необходима, какъ ная, такъ и животная пища. Мы досконально не знаемъ, чѣмъ первые люди, мы лишь догадываемся, что первобытный обитатель какой нибудь неандерталецъ или анжіецъ, сей остальной изъ стан ших низкопоставленныхъ предковъ, жившій бокъ о бокъ съ пе- медвѣдемъ и мамонтомъ, уже зналъ употребленіе огня и жарилъ своеобразномъ очагѣ. Онъ питался преимущественно говядиной, частью, впрочемъ, въ сыромъ видѣ. Онъ разбивалъ трубчатыя черепа большихъ животныхъ, чтобы оттуда достать мозгъ въ свое твіе.

о намъ извѣстно, кажется очень вѣроятнымъ, что еслибъ весь аръ былъ плотно населенъ живыми существами, то и тогда хва- достаточно кислороду и атмосфернаго воздуха для окисленія всей ови, циркулирующей во всей животной организаціи; такъ что изъ- обстоятельства не можетъ быть борьбы, и потому-то этотъ един- родъ пищи, вѣроятно, и не обложенъ никакими налогами и вся- доставлено свободно глотать этотъ неуловимый, безпошлинный и зный ингредіентъ. Изъ-за всего же остального во всемъ органи- мірѣ вѣчная борьба. Правда, чѣмъ ниже поставлены органическія тѣмъ проще и ограниченнѣе ихъ питательный матеріалъ, а по- ъ проще и самая борьба. Растенія питаются лишь воздухомъ и мыя же простыя животныя, какъ и растенія, питаются тоже ной лишь водой; но здѣсь все-таки борьба уже нѣсколько сложнѣе вается въ опредѣленныхъ границахъ количествомъ доступной пищи, ространствомъ и болѣе сильнымъ врагомъ. Выше организованныя я, рыбы и амфибіи распадаются уже на преимущественно или ельно травоядныхъ и на преимущественно или исключительно пло- . Понятно, что здѣсь борьба все болѣе и болѣе усложняется. ообразнѣе питаніе птицъ и самая разнообразная пища состав- ѣлъ млекопитающихъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ кошка, собака,

обезьяна, пользуются пищей и объѣдками со стола человѣка, почему о становятся ручными. Но никто не ведетъ такой ожесточенной борьбы за пищи со всѣмъ окружающимъ животнымъ и растительнымъ мір какъ человѣкъ; оттого-то человѣкъ по справедливости и названъ жи нымъ всеяднымъ. Совершенно напрасно ставятъ въ этомъ отношені одну доску и свинью; во-первыхъ, свинья пожираетъ такія гадости, которыхъ отвернется самый голодный человѣкъ *), и во-вторыхъ, ни животное не умѣетъ такъ разнообразить пищу, какъ человѣкъ, въ ч особенно и заключается сущность всеядности. Мы хотимъ здѣсь предста краткій очеркъ питательныхъ веществъ и борьбы изъ-за нихъ, кото ведетъ человѣкъ на различныхъ пунктахъ земного шара и при различн обстоятельствахъ. Все нами здѣсь приведенное заимствовано нами обширныхъ сочиненій Клемма: «Allgemeine Cultur-Geschichte der Mens heit», Вайтца: «Anthropologie der Naturvölker и Фоассака: De L'i fluence des Climats sur l'Homme.

Буддистская легенда гласитъ, что люди, разставшись съ небесн мѣстожительствомъ и воплотившись въ земную оболочку, первонача питались исключительно растительной пищей и лишь впослѣдствіи, въ ріодъ грѣхопаденія, стали питаться и животною пищей. Мнѣніе это ликомъ перешло и въ буддистскую вѣру, а потомъ и въ другія рели Питаться исключительно растительной пищей сдѣлалось догматомъ мно религіозныхъ сектъ, а потомъ проповѣдывалось особой школой съ спятившихъ ученыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ вегетаріанцевъ. Но о и изслѣдованія ученыхъ совершенно этому противорѣчатъ, потому ч самыхъ дикихъ нашихъ собратій и на первыхъ ступеняхъ человѣче культуры мы встрѣчаемъ именно мясную пищу преобладающею, гос ствующею. Босіесманъ или ботокудъ пожираютъ все, что имъ попада на глаза. Тотъ и другой охотно истребляютъ всякихъ животныхъ, не дятъ даже насѣкомыхъ, гнѣздящихся въ ихъ волосахъ; они ведутъ бо и истребляютъ муравьевъ, червей, саранчу, мягкотѣлыхъ и ракообразн словомъ, все, чѣмъ они въ силахъ овладѣть. Муравьевъ онъ набираетъ лонъ ротъ, они ползаютъ по лицу его; раковины онъ поджариваетъ огнѣ въ скорлупѣ; птицъ и млекопитающихъ онъ нѣсколько разрыхля

*) Впрочемъ, мы въ этомъ сомнѣваемся и ниже покажемъ, что человѣкъ этомъ случаѣ не уступитъ первенства никакой свиньѣ.

ния. Когда же у нихъ истощается запасъ мяса, то лишь тогда они бѣгаютъ къ ягодамъ, плодамъ и кореньямъ. Обитатели полярныхъ нъ, бѣдныхъ растительной пищей, преимущественно питаются жирны- животными сѣверныхъ морей и лишь изрѣдка употребляютъ кой-какія ды, какъ приправу. Это-то стремленіе, эта потребность въ животной щѣ и держитъ этихъ народовъ такъ долго въ охотничьемъ быту и въ тояніи рыболововъ. Даже у номадовъ самая существенная пища все- ки мясная и молоко входитъ въ составъ ея, какъ главный и господ- ствующій элементъ.

При этомъ нужно замѣтить, что въ естественномъ состояніи человѣкъ аснѣйшій обжора. Онъ ѣстъ во все время, лишь бы было что поѣсть, глотаетъ до тѣхъ поръ, пока не утолитъ голодъ на нѣсколько дней, ка не набьетъ желудка туго и притомъ столько, сколько влѣзетъ, и ни- гда не оставляетъ въ своемъ желудкѣ мѣста для городничаго. Какъ удной ребенокъ не умѣетъ распредѣлить свой аппетитъ въ опредѣленно значенные часы, такъ и дикарь, живущій охотой и рыбной ловлей, не аетъ обѣденнаго часа, и въ его глазахъ Наполеонъ, обѣдавшій лишь 7 часовъ пополудни, былъ бы самымъ страннымъ и непонятнымъ явле- мъ, человѣкомъ, нисколько неумѣющимъ пользоваться своимъ хорошимъ ложеніемъ, такъ какъ вмѣсто того, чтобы вдоволь жрать цѣлый день, ъ занятъ былъ богъ вѣсть какими пустяками. Вольтеръ говаривалъ, что ъ отдалъ бы цѣлый вѣкъ славы за одинъ день хорошаго пищеваренія. ля этого ему стоило лишь сдѣлаться ботокудомъ или якутомъ.

Когда человѣкъ становится номадомъ, онъ долженъ уже нѣсколько больше гулировать свой аппетитъ, потому что онъ можетъ доить свои стада шь въ опредѣленное время. Въ еще большую зависимость становится мледѣлецъ, котораго жатва зависитъ отъ естественнаго хода временъ да.

Самые старинные любимцы изъ растительнаго міра у дикарей были годы, плоды, сильно пахучія травы, сочные стебли, коренья, луковицы, гурцы и тыквы, стручки и хлѣбные плоды; словомъ, все, что природа добровольно производитъ и предоставляетъ человѣку въ пищу безъ особен- наго труда, безъ всякаго приготовленія. Злаки являются уже достоя- ніемъ лишь осѣдлыхъ народовъ, на высшей степени культуры, и всѣ зем- ледѣльческіе народы смотрятъ на нихъ, какъ на лучшій даръ неба.

Жаренье на огнѣ самый первобытный, изстари знакомый способъ, при- готовленія пищи, встрѣчаемый у дикарей всѣхъ поясовъ; затѣмъ слѣдуетъ

печенье въ земляныхъ ямахъ — обычай, извѣстный въ сѣверной Амери
и на островахъ Океаніи; наконецъ, появляется приварокъ въ сосудахъ
глины, камня или металла. На сѣверѣ еще до сихъ поръ существуе
обычай приготовленія пищи посредствомъ варки въ деревянныхъ сосуда
въ которыхъ вода согрѣвается раскаленными камнями.

Голодъ у первобытнаго дикаря не знаетъ пощады, борьба за свое су
ществованіе изощряетъ его мозги и потребляетъ весь наличный запасъ е
умственныхъ силъ единственно на добычу пищи. Природа первобытны
лѣсовъ доставляетъ ему ее подчасъ въ большомъ обиліи и въ доволь
разнообразномъ видѣ. Лѣсной обитатель (Jndios da motto) южно-амер
канскихъ лѣсовъ страшно обжорливъ и ненасытенъ; онъ знаетъ одну
страсть — жрать, и такъ какъ главную часть пищи онъ вынужденъ
бывать въ лѣсу, то все живущее здѣсь подчинено ему, это его собственно
а потому всѣ его помышленія, вся его дѣятельность направлены въ од
сторону. Въ постоянной охотѣ и въ рыбной ловлѣ онъ не знаетъ уст
лости, не боится никакихъ препятствій. Стоитъ посмотрѣть на это
дитя пророды, на эту красу творенія, на это enfant terrible, когда о
занятъ своею исключительной идеей — убить животное для поддержан
собственнаго своего существованія. За минуту веселый и игривый,
вдругъ преобразовывается: молча, какъ нѣмой, легкой поступью пр
рается онъ по лѣсу, чтобы не нарушить покоя ни одного изъ его
численныхъ обитателей. Онъ слишкомъ сосредоточился на цѣли своего пр
пріятія, чтобъ подумать о чемъ нибудь другомъ. Всѣ чувства его
тризованы, въ полномъ отправленіи и на сторожѣ. Вѣрно разсчитанн
взглядъ тихо и безмолвно отправляетъ маленькую ядовитую стрѣлку,
венно убивающую жертву. Добыча готова, борьба совершилась, жизнь с
сена и куплена множествомъ чужихъ жизней. Такой образъ жизни
митъ его мало-по-малу съ нравами и обычаями лѣсныхъ обитателей, и
изощренный и опытный умъ перехитритъ теперь всѣ коварства и ухищре
низшихъ тварей; по присутствію одного звѣря онъ судитъ о близкомъ
сѣдствѣ другого, зная a priori ихъ взаимныя отношенія. Чириканье
сѣкомыхъ, жужжанье пчелъ, щебетанье птичекъ не вводятъ его уже
обманъ, не заглушаютъ голоса того звѣря, котораго онъ преслѣдуетъ,
зорко слѣдитъ за нимъ, преслѣдуетъ его по пятамъ, несмотря на всѣ пр
пятствія, и, наконецъ, настигаетъ его. Или, вотъ онъ вскарабкался
высокоствольное и широковѣтвистое дерево и, притаившись въ листвѣ д
весной, съ неимовѣрнымъ искуствомъ подражаетъ голосу звѣрей, такъ ч

ѣдніе во множествѣ стекаются къ нему и падаютъ жертвами его не-
ятнаго аппетита. Таковы его побѣдоносныя орудія въ жестокой борьбѣ
существованіе. Нагруженный добычею и разными другими запасами, ко-
ыми въ обиліи его снабжаетъ первобытный лѣсъ, возвращается онъ
ромъ домой, вполнѣ счастливый тѣмъ, что природа его создала.
Странное дѣло! Этотъ дикарь знаетъ политическую экономію; онъ отстаи-
тъ раздѣленіе труда; въ его глазахъ женщина — рабочая сила. Она,
ясь отъ рукъ его, должна принять участіе въ его борьбѣ съ окру-
ющими животными. А потому онъ отправляется на охоту не одинъ, но
ьшею частью въ сопровожденіи своей жены. Она подбираетъ стрѣлы,
живаетъ ихъ, носитъ за нимъ добычу и всячески помогаетъ ему. Но
мъ не ограничиваются его политико-экономическія стремленія и понятія,
да потребуютъ того обстоятельства, онъ прибѣгаетъ къ ассоціаціи.
ьшое дикое животное или стадо свиней ботокуды стараются окружить
ой массой опытныхъ стрѣлковъ, подъ предводительствомъ самаго искус-
о изъ нихъ; тогда они стараются какъ можно быстрѣе вонзить въ
о животнаго возможно большее количество стрѣлъ, чтобы сильнымъ
вотеченіемъ уложить его на мѣстѣ, потому что стрѣла не скоро уби-
тъ. У нихъ-то, т. е. у ботокудовъ, никто не сидитъ безъ дѣла, не ѣстъ
омъ чужое, даже дѣти постоянно заняты рыбной ловлей: для того у
ъ особенно приспособленныя стрѣлы, которыми они убиваютъ рыбъ,
лекаемыхъ толченымъ корнемъ какого-то дерева.
За то эти лѣсные индѣйцы далеко неприхотливы и неразборчивы на
щу. Все, что попадаетъ на зубъ, все идетъ въ прокъ: не брезгаютъ
акой тварью, никакой животиной.
Дикій кабанъ для нихъ отмѣнная дичь, а обезьяна — самый лакомый
съ. Ботокуды охотно пожираютъ нѣкоторыхъ животныхъ кошачьей по-
ды, не пренебрегаютъ и муравьѣдомъ. Змѣй они вообще ненавидятъ и
ираютъ, убиваютъ ихъ, какъ вредныхъ животныхъ, но очень цѣнятъ
ъ, добываемый отъ боа. Классъ насѣкомыхъ доставляетъ имъ довольно
ихъ личинокъ, обрѣтающихся въ деревьяхъ. Въ стволѣ Barrigudo
дятъ они личинки величиною въ палецъ. Острыми колючками пробу-
ваютъ они мягкое дерево, вынимаютъ оттуда насѣкомыхъ, нанизы-
тъ ихъ по нѣскольку на остріе палки, поджариваютъ и ѣдятъ. Они
о умѣютъ отыскивать яйца птицъ въ гнѣздахъ, устроенныхъ въ зе-
. Борьба за существованіе доходитъ у нихъ до поразительнаго эго-
а. Большихъ муравьевъ они поджариваютъ, а въ отношеніи малень-

кихъ они себѣ и труда не даютъ доставать ихъ. Прямо встав палку въ гнѣздо и муравьи по палкѣ взбираются къ нимъ пря ротъ.

Не менѣе обильна питательными веществами окружающая ихъ первобытныхъ лѣсовъ. Здѣсь ростетъ множество душистыхъ плодовъ. р сорты кокосовой пальмы доставляютъ во множествѣ орѣхи. Чтобы д ядро кокоса, они употребляютъ длинныя трубчатыя кости съ заостр концомъ. Не менѣе любятъ они разныя шишки древесныя, вьющіяся стенія, стволы, стручки, бобы и другіе плоды и тщательно отыск медъ, которымъ очень любятъ лакомиться.

Но самое страшное пристрастіе у нихъ къ глинѣ. Встрѣчаются ви которые охотно пожираютъ какой-то родъ зеленой глины. На вопр причинѣ такого страннаго аппетита, они даютъ отвѣтъ, что ощу особенно пріятное удовольствіе, когда они обременяютъ желудокъ шей дозой этой неудобоваримой пищи.

Хозяйствомъ завѣдуетъ жена. Всѣхъ животныхъ, идущихъ на ѣд токуды передаютъ женамъ, которыя обжигаютъ на нихъ шерсть и щаютъ ихъ—пріемъ, казалось бы, нѣсколько лишній и неэкономн желудка, нестѣсняющагося переваривать даже глину. Натыкавъ на животину, поджариваютъ ее на огнѣ. Неуспѣло еще животное обжа какъ они уже схватываютъ его, разрываютъ его руками и зубами mauvais ton) и проглатываютъ цѣлые куски полусырыми и за кровью. Странно, что, несмотря на это, они никогда не страдаютъ н леніемъ подъ ложечкой, ни катарромъ желудка, ни сибирскими зап Любопытно, какъ они цѣнятъ свой трудъ; экономія во всемъ! Вы кишки они не выбрасываютъ, но протягиваютъ ихъ межъ сжатыми цами, чтобы ихъ опорожнить отъ излишней, но весьма умѣстной п вы (какъ далеко они ушли отъ свиньи) и тогда уже жарятъ ихъ и Головныя кости они до того обгладываютъ, что раскусываютъ и в ваютъ самыя толстыя изъ нихъ. Даже кожу анти они съѣдаютъ, что отъ всего животнаго остаются лишь самыя толстыя кости.

Самый обыкновенный напитокъ человѣка подъ всѣми широтами — чевая или рѣчная вода. Ту же воду пьютъ и обитатели южно-аме скихъ лѣсовъ. Иному охотнику, долго странствующему и бродяще непроходимымъ лѣсамъ, не попадается на глаза ни стоячей, ни т воды; тогда онъ отламываетъ среднія листья куста бромеліи и на въ ней хорошую воду, которая скопляется тутъ отъ росы и дожд

долго не дождитъ, то вода въ такомъ кустѣ, конечно, портится, вится черною и грязною; въ ней заводятся головастики, или молоя лягушки или лягушечья икра. Все это, однако, въ глазахъ дикаря олько не умаляетъ достоинства воды; онъ находитъ ее гораздо питаѣе. Не думайте, однакожъ, чтобы индѣйцы первобытныхъ лѣсовъ и люди безъ всякаго вкуса или не были бы пристрастны къ услади и увеселительнымъ напиткамъ. Чтобы вести борьбу съ такою природой, какая ихъ окружаетъ, нужно подчасъ имѣть и возбуждій напитокъ, чтобы поднять и поддержать энергію на трудную борь Съ этой-то цѣлью они приготовляютъ особенный напитокъ Kawi. этого прежде всего, конечно, нуженъ сосудъ. Они срѣзываютъ толй стволъ дерева Bombax, выдалбливаютъ въ немъ всю его внутрен, оставляя дно. Такимъ образомъ, они получаютъ бочку въ 2 или фута глубиною. Пока мужчины заняты этой работой, бабы жуютъ а маиса, бататы и мандіоку и выплевываютъ все это въ бочку. ая пережеванная белиберда, смѣшанная съ теплой водой, переходитъ броженіе и, по прошествіи 12 или 16 часовъ, напитокъ готовъ. Если выпить побольше, то онъ охмѣляетъ. Такъ, на самой низкой сте культуры уже встрѣчается потребность въ возбуждающихъ напитъ, которые играютъ такую важную роль даже у самыхъ цивилизоихъ народовъ (Клеммъ, Allgemeine Cultur Geschichte der Mensch. T. I. Стр. 238—246).

Такую же трудную борьбу за свое жалкое существованіе ведутъ и стралійцы. Чуждые земледѣлія и скотоводства, завися, такъ сказать, отъ ая, они чрезвычайно обжорливы и могутъ проглотить огромныя количества и, лишь бы имъ попалось съѣстное въ руки. Если же ихъ прижметъ да, то они поневолѣ умѣютъ сносить и голодъ. Страна мало предлаъ имъ питательныхъ веществъ, оттого они больше обращаются къ ю, чтобы отъ него попользоваться чѣмъ Богъ пошлетъ. Потому-то и очень мало разборчивы; что ни попадетъ съѣдобнаго изъ растиаго и животнаго міра, они все охотно пожираютъ. Такъ, однажды айно былъ выброшенъ на берегъ дохлый китъ. Это было для нихъ имъ торжествомъ и они имъ усердно занялись. Каждый отрывалъ громному куску и, слегка поджаривъ, и то лишь сверху, быстро проивалъ мясо почти сырымъ. Вообще они все ѣдятъ почти сырымъ, рыбу, такъ и мясо. Они также поджариваютъ разные корни, въ числѣ и корень папоротника. И эти дикари отказываются отвѣдать

вропейскія блюда, когда имъ предлагаютъ ихъ, и матери насильно
маютъ у дѣтей сахаръ, даже вырывая его изо рта. Обѣдаютъ о
венно цѣлыми семьями. Изъ плодовъ они особенно любятъ дикую
ягоду и какую-то крону, нѣчто на видъ подобное ананасу, что, одн
у французскихъ матросовъ возбуждало сильнѣйшую рвоту. Коллинс
ряетъ, что австралійцы пожираютъ не только всякаго рода рыбу
червей, личинокъ и всякую дрянь. Нѣкоторые составляютъ себѣ
гретъ изъ папоротника, муравьевъ и муравьиныхъ личинокъ — бл
столь дорогое, какъ на обѣдѣ по поводу столѣтняго юбилея англі
клуба. Опосумъ, птицы, медъ также служатъ имъ пищей. Рыбы и
образныя — самая существенная ихъ пища. Подчасъ черепаха яв
самымъ лакомымъ кускомъ. Само собою понятно, что если подъ
есть что нибудь другое, то они тогда отворачиваются отъ акулы и
въ противномъ случаѣ не брезгаютъ и этимъ. Кэнгуру, опосумъ,
рица, змѣя, жуки, бабочки, словомъ, всякая самая отвратительная т
все падаетъ жертвой неугомонной борьбы дикаго австралійца за ег
ное существованіе, въ странѣ убогой, лишенной всякой производител
и культуры.

Растительный міръ даетъ имъ весьма немногое. Нѣтъ у нихъ ни ч
лимона къ чаю; нѣтъ у нихъ сочной дыни, нашихъ превосходныхъ яблок
хитительныхъ грушъ; они вынуждены довольствоваться корнемъ папор
листьями и побѣгами разныхъ растеній. У нихъ, правда, есть пальма, и
капустная. А лучшее ихъ лакомство—плоды и сѣмена пандана. Стр
удивительно, но тѣмъ не менѣе они научились нѣкоторые плоды вза
мачивать въ водѣ, чтобы удалить изъ нихъ ядъ и сдѣлать ихъ, такимъ
зомъ, съѣдобными. Они высасываютъ медъ изъ растеній и погло
смолы, вытекающія изъ акацій, они даже пожираютъ кору нѣкот
деревьевъ, какъ жители чердынскаго края подчасъ питаются пи
корой или жители Олонецкой губерніи—мякиной.

У австралійцевъ нѣтъ и слѣда повареннаго искуства, рыбу и
полуподжаренныя и пропитанныя кровью, они разрываютъ зубами и
стро проглатываютъ. Они не знакомы ни съ вертеломъ южно-аме
цевъ, ни съ вареньемъ въ горшкахъ.

Единственный ихъ напитокъ вода. Лѣтомъ они роютъ ямы, куд
каетъ дождевая вода, которую они потомъ всасываютъ чрезъ поср
трубчатыхъ птичьихъ костей или растительныхъ полыхъ стволовъ.

итки, въ родѣ kawi южно-американцевъ, имъ совершенно незнако-
*).

аселеніе Новой Голландіи считается еще менѣе цивилизованнымъ, чѣмъ
обытное население Америки. На всемъ обширномъ пространствѣ этой
и прозябаетъ одна жалкая раса людей, которая не знаетъ никакой
ьтуры. Эти люди питаются тамъ рыбой, самой ничтожной дичью и
колькими растеніями, кой-гдѣ встрѣчающимися на ихъ скудной почвѣ.
возеландцы также питаются рыбой и раковинами, которыя бабы
раютъ у подошвы скалъ: а внутри страны они охотно пожираютъ и
съ; со свиньями они, благодаря Эдвардсону, познакомились весьма
вно. Изъ растеній они употребляютъ въ пищу иньямъ, пататы и
нь папоротника. На островахъ Полинезіи, расположенныхъ между
иками, произрастаютъ хлѣбное и кокосовое дерево. То и другое, вмѣ-
съ продуктами охоты и рыбной ловли, доставляетъ всѣ предметы
ебленія. На островахъ Маркизскихъ, Товарищества и другихъ, откры-
Бугенвилемъ, самыя употребительныя растенія суть иньямъ, бананы
кокосовой орѣхъ. Эти островитяне ѣдятъ также свиней, всякую дичь,
, раковины; простой народъ ѣстъ даже крысъ. (Фоассакъ. Т. II.
217—219). На нѣкоторыхъ островахъ Оксана обжорство туземцевъ
то поражало мореплавателей. Капитанъ Кукъ разсказываетъ, что
тяне поглощаютъ чудовищныя количества пищи въ одинъ разъ. Онъ
лъ человѣка, который заразъ съѣлъ три большія рыбы, три боль-
ъ плода хлѣбнаго дерева, изъ коихъ каждый былъ больше двухъ
аковъ, 14 или 15 банановъ и столько же другихъ плодовъ. Таитяне,
вленные обѣдать вмѣстѣ съ матросами, пожрали чудовищную порцію
ины, которую они нашли восхитительной. По словамъ Кука, эти
оды знаютъ лишь одно занятіе: ѣсть и спать (Фоассакъ Т. I. Стр. 211).
битатели первобытныхъ лѣсовъ Южной Америки считаются, такимъ
зомъ, самымъ низшимъ населеніемъ человѣчества. Нѣсколько выше ихъ
тъ охотничьи племена всего новаго материка. Принадлежащіе сюда
ьекты отличаются неимовѣрнымъ, колоссальнымъ аппетитомъ, подоб-
ъ аппетиту плодоядныхъ животныхъ. Такъ, Добрицгоферъ разсказы-
тъ, что одинъ кваранинъ съѣлъ въ нѣсколько часовъ цѣлаго теленка.
асъ говядины, приготовленный на три дня при отправленіи въ дорогу,
аетъ въ первый же день. Патеръ Охсъ приводитъ самые интерес-

Клеммъ, C. G. T. I. Стр. 306—308.

ные разсказы, до чего обжорливы его новообращенные индѣйцы въ Но Испаніи. Такъ, одинъ, занимая должность повара у котла, въ котор варилась получетверть быка, изрѣзаннаго въ куски, мало-по-малу оттуда вытащилъ и сожралъ.

Два проголодавшіеся сѣверо-американца съѣдаютъ за одинъ пріе цѣлаго оленя. Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ американцы пр почитаютъ мясную пищу всякой другой. Борьба здѣсь идетъ не на ж вотъ, а на смерть. Все живое, что попадаетъ въ руки, становится ж вой самой ожесточенной борьбы, а потому всякія насѣкомыя, ч амфибіи, рыбы, птицы, млекопитающія, все это пожирается: муравьи, гады, крысы, кошки, самого тигра не щадятъ. Борьба заходитъ дальше... На Сѣверѣ, какъ и на Югѣ, человѣкъ пожираетъ человѣ Но объ этомъ когда нибудь послѣ.

Первобытные обитатели Америки очень лѣнивы и малѣйшій трудъ нихъ очень тягостенъ. Но жить нужно и хочется, а потому они прі ваютъ себѣ пищу, добыча которой не причиняла бы имъ ни малѣйш труда. Большіе красные муравьи въ Суринамѣ считаются тамъ са несносной и вредной карой, потому что производятъ самыя бѣдствен опустошенія въ поляхъ, засѣянныхъ Коссаби. Но какъ только индѣ узнаютъ объ ихъ появленіи въ октябрѣ, то собирается и старъ и и ловятъ толстопузыхъ муравьевъ, нагруженныхъ яйцами. Они отры имъ брюхо, величиною съ лѣсной орѣхъ, и съѣдаютъ его сырымъ слагка поджареннымъ. Говорятъ, что это очень вкусно. То же дѣла и абинонезы. Майонгконги длинными палками взрываютъ землю на бер воды, отыскиваютъ въ ней большихъ червей, спрятанныхъ въ тинѣ, об ваютъ ихъ (какая деликатность!) и тутъ же съѣдаютъ. Прекрасный отличается особенной деликатностью, и чувство гостепріимства у очень развито. Чѣмъ угостить дорогую сосѣдку, какъ не самою жи вошью, попавшею межъ пальцами во время интимной бесѣды? До го сильна вражда въ первобытномъ человѣкѣ ко всему живому, безпощадно преслѣдуетъ онъ всякую жизнь въ борьбѣ за сво ственную.

Добыча мясной пищи, предпочитаемой американцами, создала изъ самыхъ искусныхъ, смѣлыхъ и счастливыхъ охотниковъ. Охота потому имущественное и главное ихъ занятіе и доставляетъ имъ сущест часть пищи. Съ разсвѣтомъ охотникъ уже на ногахъ и отправляет тощакъ, ничего неѣвши, вѣрный своему основному принципу, что

...чшій побудитель къ дѣятельности. Онъ возвращается приблизительно ...оло 2 часовъ пополудни, и то если ему удалось убить оленя, медвѣдя, ...ся или какую нибудь другую дичину, отдыхаетъ часа 2 и въ 4 часа ...ова отправляется. Въ дождливую погоду онъ остается цѣлый день на ...отѣ. Впрочемъ, сѣверо-американскіе индѣйцы не брезгаютъ и падалью, ...тя бы мясо такихъ животныхъ уже перешло въ гніеніе и разложеніе. ...котаны колятъ также отжирѣвшихъ собакъ.

По берегамъ большихъ рѣкъ, особенно на Югѣ, рыбная ловля преобла...етъ и охота, значитъ, на второмъ планѣ. При этомъ туземцы также ...наруживаютъ такую ловкость и смѣтливость, которая не разъ изумляла ...ростодушныхъ въ этомъ отношеніи европейцевъ. По самымъ ничтожнымъ ...римѣтамъ они узнаютъ присутствіе рыбы, и прежде чѣмъ европеецъ ус...ѣетъ разглядѣть указанный предметъ, мѣткая стрѣла уже вонзилась въ ...ѣло рыбы, которая корчится въ смертельныхъ судорогахъ на поверхно...ти воды. Случилось какое нибудь препятствіе, мѣшающее прямому направ...енію стрѣлы, индѣецъ этимъ не останавливается; разсчитаннымъ глазо...ѣромъ, болѣе вѣрнымъ, чѣмъ отошедшій въ вѣчность московскій глазо...ѣръ, онъ отправляетъ стрѣлу дугой по воздуху и не даетъ промаху. ...тправляясь по водѣ въ челнокѣ, они ассоціируются не больше двухъ: ...динъ, вооруженный лукомъ и стрѣлами, стоитъ неподвижно впереди, дру...гой сзади гребетъ. Что бы ни случилось, они не произносятъ ни слова. ...ся душа поглощена одной заботой: добыть пищу. Какъ только передній ...то нибудь замѣтитъ, онъ знáкомъ сообщаетъ другому направленіе, тотъ гре...бетъ изо всѣхъ силъ по данному знаку и при этомъ ни малѣйшаго шуму. По ...анному знаку, кормчій не правитъ вовсе и челнокъ самъ подвигается ...впередъ въ данномъ направленіи. Получивъ первую стрѣлу, рыба морской ...вишь сильно протестуетъ противъ насилія, бьетъ по водѣ все вокругъ и ны...ряетъ. Рыболовъ терпѣливо ждетъ, пока его стрѣла, торчащая въ тѣлѣ ...рыбы, снова не выплыветъ на поверхность воды; тогда онъ посылаетъ ...торую стрѣлу. Протестъ усиливается, рыба снова ныряетъ и снова, осла...бленная, всплываетъ, причемъ она получаетъ рѣшительный третій убій...ственный ударъ.

Племена пайяквасъ и вилеласъ ловятъ рыбу маленькими сѣтями, кото...рыми они обвиваютъ себя, какъ передникомъ. Опоясанные такимъ обра...зомъ, они бросаются съ берега въ воду. Завидя на днѣ рыбу, они пла...ваютъ по ея слѣдамъ, настигаютъ ее, обвиваютъ сѣтью и вытаскиваютъ ...а берегъ.

Хотя мясо самая существенная и любимѣйшая пища американскихъ и...родцевъ, но борьба для поддержанія своего существованія у нихъ нѣсколько сложнѣе, почему они прибѣгаютъ къ питательнымъ веществамъ изъ растительнаго міра, и вслѣдствіе этого у нихъ даже встрѣчается земледѣліе и разведеніе растеній. Но все-таки это лишь побочное подспорье, а въ сущности они остаются охотниками.

Въ Суринамѣ корень коссабо служитъ дѣйствительно питательнымъ веществомъ. Изъ него даже особеннымъ образомъ приготовляется мука, изъ которой потомъ пекутъ родъ лепешекъ. Хотя и сѣверо-американскіе туземцы преимущественно питаются мясомъ, но тѣмъ не менѣе они нерѣдко, а въ особенности въ случаѣ нужды, питаются картофелемъ, бобами, огурцами, дынями, тыквами, также капустой и рѣпой, этимъ любимымъ лакомствомъ многочисленныхъ обитателей пермской губерніи, для которыхъ она замѣняетъ всякіе яблоки, груши и ананасы. Въ крайности американцамъ приходится иногда питаться и древесной корой, которую они приправляютъ рыбьимъ жиромъ (Клеммъ. Т. II. Стр. 12—34).

Мы знаемъ два путешествія, имѣвшихъ и имѣющихъ громадное значеніе въ наукѣ. Одно совершилось на кораблѣ Бигль и породило міровое ученіе Дарвина, охватившее весь ученый міръ, другое совершило кругосвѣтное плаваніе на австрійскомъ фрегатѣ Новара и дало намъ драгоцѣнный матеріялъ по части антропологіи и этнологіи. Передъ нами два тома трудовъ Шерцера и Шварца, измѣренія тѣла, обработанныя Вейсбахомъ, и этнографія, обработанная Фридрихомъ Мюллеромъ. Такіе капитальные труды свойственны лишь нѣмецкому уму и его непоколебимой настойчивости. Заимствуемъ изъ послѣдняго сочиненія нѣкоторыя данныя относительно интересующаго насъ вопроса, надѣясь впослѣдствіи познакомить поподробнѣе нашихъ читателей съ этими капитальными трудами.

Питательныя вещества сѣверо-американскимъ аборигенамъ доставляетъ преимущественно животный міръ. Мясо сушатъ, коптятъ или варятъ, сырымъ его ѣдятъ лишь тогда, когда голодъ ужь больно приспичитъ, если коли тутъ же, подъ рукой, нѣтъ огня. При томъ же мясо никогда не солятъ и не прибѣгаютъ ни къ какимъ приправамъ. И только тогда, если охота ужь больно неудачна, прибѣгаютъ къ растительной пищѣ, которую все же доставляютъ лишь дикорастущія травы, потому что земледѣліе совершенно чуждо аборигенамъ Сѣверной Америки.

На зиму дѣлается запасъ, какъ мяса, такъ и нѣкоторыхъ растеній; все это сохраняется въ хорошо закрытыхъ ямахъ. Охотничья жизнь до того

жко вкоренилась въ душу и сердце сѣверо-американскаго аборигена,
несмотря на знакомство съ культурой домашнихъ животныхъ и рас-
й, которыми старый свѣтъ такъ щедро подѣлился съ новымъ, онъ и
тъ не хочетъ прибѣгнуть къ скотоводству или земледѣлію и искать
ихъ источникъ своего питанія и благосостоянія. Онъ не воспитываетъ
дно изъ нашихъ домашнихъ животныхъ. Даже лошадь, которая ему
осить столько пользы на охотѣ, и ту онъ не разводитъ, а беретъ ее
ю.
рячихъ напитковъ до знакомства съ бѣлыми американцы не знали.
азательствомъ тому служитъ, говоритъ Клеммъ, что они до прибытія
пейцевъ не умѣли приготовлять ничего хмѣльного. Бѣлые цивилиза-
плѣнили простодушныхъ дикарей прелестями водки и рома. Только
и привилось къ нимъ. Обычаи ихъ отъ этого нисколько не измѣни-
къ лучшему. По прежнему при ѣдѣ мужчины сидятъ отдѣльно отъ
щинъ. Послѣднимъ мѣсто вмѣстѣ съ дѣтьми и собаками.
предѣленныхъ часовъ для ѣды у аборигеновъ Сѣверной Америки нѣтъ.
тъ тогда, когда есть что передъ глазами, и лишь обнаружится ощу-
е голода, сейчасъ же ѣдятъ. Дикарь же ощущаетъ голодъ всегда.
скоро охота была удачна, то и обѣдъ хорошъ, и огонь до тѣхъ поръ
тъ подъ горшкомъ, пока тамъ что нибудь еще есть; въ противномъ
аѣ, умѣютъ ограничиваться малымъ. Вообще они могутъ пожирать не-
ятное количество пищи, а въ случаѣ нужды они успокоиваютъ голодъ
мымъ скуднымъ кускомъ. Отсюда возникли самыя противорѣчивыя мнѣ-
объ ихъ желудочныхъ потребностяхъ. Между тѣмъ какъ одни про-
али, что они самые ненасытные обжоры, другіе превозносятъ ихъ умѣ-
ость *). Такъ, Фоассакъ говоритъ, что хотя испанцы самый трезвый
ѣренный народъ въ Европѣ, однако же, спутники Христофора Колумба
зались островитянамъ самыми обжорливыми людьми, до того амери-
и довольствуются малымъ. Ясно, что сразу-то и не разобрали, кто кого
щеголяетъ въ обжорствѣ. Намъ всякій разъ пріятно уличить Фоассака
ки.
такъ, охота самое главное занятіе и преимущественный источникъ пи-
американскихъ дикарей. Они преслѣдуютъ всякую дичь по неизмѣ-
мъ пространствамъ и на самомъ дальнемъ разстояніи, причемъ обна-

Reise der Oesterreichischen Fregate Novara. Ethnographie von F. Muller.
1868. S. 181.

руживаютъ изумительную смѣтливость и ловкость. Кромѣ того, образъ охотника — высшій ихъ идеалъ; они видятъ въ этомъ выраженіе силы и храбрости и считаютъ это самымъ благороднымъ занятіемъ, достойнымъ высокаго призванія мужчины. Какой-то англійскій офицеръ въ шутливомъ тонѣ просилъ руки дочери одного изъ индѣйскихъ военачальниковъ. Тотъ, считая его купцомъ, пожалъ плечами и, удивленный, сказалъ: «Тебѣ мою дочь? Да вѣдь ты не умѣешь охотиться!» Однажды Кеннеди былъ очень счастливъ на охотѣ; индѣецъ, глядя на множество убитыхъ имъ ланей, спросилъ его: «кто этотъ счастливецъ?» «Я», отвѣтилъ Кеннеди. Тогда индѣецъ, обратившись къ своимъ товарищамъ, сказалъ: «вотъ настоящій человѣкъ» (Фоассакъ, Т. I. стр. 215).

Обитатели полярныхъ странъ отличаются такимъ же колоссальнымъ аппетитомъ и такою же необъятною вмѣстимостью желудка, какъ и остальные дикари. Парри увѣряетъ, что онъ неоднократно видѣлъ, какъ одинъ эскимосъ заразъ съѣдалъ до 5 фунтовъ говядины. Они всегда предпочитаютъ животную пищу растительной, и скудность ихъ убогой родины, съ ея ничтожными растеніями, не въ состояніи пополнить для нихъ недостатокъ мясной пищи. Потому они неохотно ѣдятъ растенія; гренландцы даже отказываются отъ столь цѣлебной ложечной травы, предохраняющей отъ скорбута. Внутренность ихъ страны не представляетъ удобнаго поля для борьбы за существованіе, потому что тамъ нѣтъ никакой растительности, нѣтъ поэтому животныхъ, нѣтъ, слѣдовательно, и людей. Они поэтому держатся лишь морского берега и ведутъ борьбу съ моремъ и его обитателями. Единственное животное, которое гренландцы преслѣдуютъ и которое пожираютъ съ большимъ наслажденіемъ, сѣверный олень, но и он водится въ такомъ маломъ количествѣ, что гдѣ его застигнутъ, тутъ же и съѣдаютъ. Оттого они больше воюютъ съ морскими животными; отсюда тюлени, моржи, рыбы и всякія морскія птицы падаютъ жертвой ихъ неугомонной борьбы. Вдобавокъ они не очень уважаютъ куропатокъ и зайцевъ. Мясо они рѣдко ѣдятъ сырымъ. Впрочемъ, какъ только убьютъ какое нибудь большое животное, они тотчасъ же съѣдаютъ по куску сырой говядины или сала и запиваютъ еще теплой и дымящейся кровью. Увѣряютъ, что сырая оленина очень питательна и вкусна.

Но самый существенный питательный матеріалъ полярнымъ обитателямъ доставляетъ тюлень. Гренландцы даже сберегаютъ его про запасъ: лѣтомъ прикрываютъ густымъ слоемъ травы, а зимою зарываютъ его въ снѣгъ. Такую промерзлую или полусгнившую тюленину, называемую Miki

ни поѣдаютъ также охотно, какъ мы свою дичь или свою ветчину. Вся-кое мясо они варятъ безъ соли въ морской водѣ или же изрѣзываютъ въ полосы, сушатъ и ѣдятъ. Маленькія сушеныя сельди замѣняютъ гренланд-цамъ обыденный хлѣбъ. Убивъ тюленя, они поспѣшно закрываютъ рану, чтобы остановить истеченіе крови, которую они собираютъ въ комки и сохраняютъ для приготовленія суповъ. Внутренность тоже не выбрасы-ваютъ. Изъ кишекъ и брюшины они приготовляютъ себѣ занавѣски, кое-какое платье и вставляютъ вмѣсто стеколъ въ окна, а то просто выжмутъ пальцами и поѣдаютъ.

О вкусахъ давно перестали спорить. Еще Фридрихъ Великій любилъ супъ съ assa foetida и каждый разъ окружающимъ приводилъ латинскую по-говорку. При этомъ онъ до того хорошо былъ воспитанъ въ классицизмѣ, что каждый разъ дѣлалъ грамматическую ошибку: de gustibus non dis-putandibus est.

Вскрывъ желудокъ убитаго оленя, сѣверяне тщательно вынимаютъ изъ него всю оставшуюся тамъ дрянь, которую они называютъ Nerukak (съѣдобное), и изъ этого приготовляютъ самое деликатное блюдо, которымъ угощаютъ лишь самыхъ дорогихъ друзей. Они высасываютъ жиръ изъ кожи морскихъ птицъ, а сало, остающееся на кожѣ, содранной съ тюленя, они соскабливаютъ ножомъ и приготовляютъ изъ него для себя очень любимый кусокъ.

Сушеныя сельди они заѣдаютъ ломтями сала, въ салѣ же пряжутъ рыбу, предварительно разжевывая его и выплевывая въ котелъ.

Все это даетъ право вывести такое заключеніе, что сѣверяне въ при-готовленіи пищи, какъ и во всемъ другомъ, очень грязны. Рѣдко вымы-ваютъ котелъ, и еслибъ собака не вылизала своимъ языкомъ этотъ сосудъ, то онъ никогда не опорожнивался бы дочиста. Впрочемъ, мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, цивилизованныхъ домахъ тоже подается чай въ грязныхъ и немытыхъ стаканахъ, съ еще болѣе грязными блюд-цами. Свареную пищу дикари выливаютъ въ деревянныя чашки и ѣдятъ костяными или деревянными ложками, сырую же пищу они располагаютъ просто на землѣ или на старой кожѣ, тоже не отличающейся безукориз-ненной чистотой. Рыбу берутъ прямо руками изъ чашки, птицъ разрыва-ютъ зубами, кусокъ мяса держатъ въ зубахъ и быстро отрѣзываютъ но-жомъ у самаго носа. Языкъ замѣняетъ имъ салфетку, имъ они облизыва-ютъ свои руки, и ножъ, которымъ соскабливаютъ жиръ, оставшійся на губахъ. Не любятъ они, чтобъ у нихъ что нибудь пропадало даромъ: кол

сильно вспотѣютъ, то они весь потъ сгребаютъ въ свою единственную помойную яму—прямо въ ротъ. Какъ люди деликатные, они хорошо понимають всѣ правила savoir vivre. Желая на славу угостить европейца, они предварительно облизываютъ языкомъ кусокъ говядины, который хотятъ ему предложить, и если европеецъ отказывается отъ такой излишней внимательности, то они считаютъ его самымъ грубымъ и неблагодарнымъ человѣкомъ. Подите же... спорьте тутъ о вкусахъ.

Ѣдятъ, когда голодны, но вечеромъ, возвратившись съ моря, собираются въ компанію и ѣдятъ сообща, приглашая къ трапезѣ всѣхъ безразлично. Мужчины ѣдятъ отдѣльно, а женщины тоже себя не забываютъ нисколько, и такъ какъ все, что мужъ добываетъ, у нихъ подъ рукой, то въ отсутствіе мужей подруги соберутся и задаютъ пиръ-горой. Для нихъ величайшая радость, когда дѣти набьютъ брюхо до того туго, что катаются по полу, чтобы продвинуть содержимое и сдѣлать возможнымъ дальнѣйшее жранье. За то они никогда не помышляютъ о завтрашнемъ днѣ. Когда у нихъ заготовлено всего вдоволь, то кутежу и жранью нѣтъ конца, въ полной увѣренности, что и завтрашній день море снабдитъ ихъ тѣмъ же. Когда же наступаютъ сильные холода и нѣтъ возможности охотиться за тюленями, то старыя подошвы, приправленныя рыбьимъ жиромъ — единственное подчасъ средство, къ которому они прибѣгаютъ, чтобъ поддержать ту жалкую жизнь, которую они влачатъ весь свой вѣкъ.

Долго они питали отвращеніе къ свининѣ; ненависть эта основывалась на общемъ свойствѣ пожирать всякую дрянь. Они вовсе не любили и всегда чуждались горячихъ напитковъ, называя ихъ бѣшеной водой; но тѣмъ не менѣе скоро научились пить и пили бы еще чаще, еслибъ имъ позволяли финансовыя средства. Подчасъ они прибѣгаютъ къ разнаго рода хитростямъ, притворяются больными, чтобы вымолить у европейскихъ пріятелей глотокъ вина *).

Безъ особеннаго сожалѣнія разстанемся теперь съ первобытными обитателями новаго свѣта и познакомимся съ неменѣе интересными аборигенами стараго свѣта. Начнемъ съ Азіи, но не съ той, которая была колыбелью человѣческаго рода, а съ совершенно противуположной, холодной и сырой. Тунгузы, якуты, остяки, камчадалы и т. д.. своимъ волчьимъ аппетитомъ готовы посоперничать съ кѣмъ угодно и никоимъ образомъ не уступятъ

*) Клеммъ. Т. II, стр. 255—258.

кому въ этомъ отношеніи первенства. Тутъ борьба за существованіе не личается особенной простотой. Сѣверная полоса стараго свѣта, большую сть года спящая подъ ледянымъ покровомъ, очень бѣдна растительно-тью, поэтому здѣсь и животныхъ очень мало. Преобладаетъ лишь мохъ, торымъ вскармливается олень. Но какъ мху, такъ и оленей такая огра-ниченная доза, что ее хватаетъ лишь на самое малочисленное населеніе, по пространству, на которомъ оспариваютъ свое существованіе весьма многіе представители животнаго міра. Оттого эти народы ѣдятъ не въ значенное а priori время, а каждый разъ, какъ только достанутъ что нибудь съѣстное. Кохранъ далъ одному пятилѣтнему мальчику три саль-ныя свѣчки, фунта два мерзлаго масла и большой кусокъ желтаго мыла. Все это было поглощено съ большою жадностью въ самое короткое время. Тунгусы самый безпардонный народъ въ этомъ случаѣ. Убивъ оленя, они пожираютъ его цѣликомъ вмѣстѣ съ кишками, отнюдь не выбрасывая со-держимое кишокъ, а напротивъ того, смѣшиваютъ это содержимое съ кровью и жиромъ и приготовляютъ себѣ, такимъ образомъ, весьма неблаго-устойную кашу. Одинъ якутъ въ 24 часа съѣдалъ заднюю четверть большого быка или полпуда жиру, что онъ въ добавокъ запивалъ такимъ количествомъ растопленнаго масла. Сарычевъ, желая испытать аппетитъ того дикаря, велѣлъ смѣшать ржаную муку съ 3 фунтами масла и ве-лѣлъ взвѣсить эту густую смѣсь. Она содержала 28 фунтовъ. Хотя об-ра уже было позавтракалъ, но тѣмъ не менѣе онъ усѣлся и, не дви-гаясь съ мѣста, все сожралъ. У него вздуло брюхо, которое походило на набитый мѣшокъ; но онъ отъ того не чувствовалъ ни малѣйшаго вреда не испытывалъ ни малѣйшей непріятности, напротивъ, онъ готовъ былъ другой же день также плотно поѣсть.

Такимъ образомъ, главная и существенная пища полярныхъ народовъ стоитъ изъ элементовъ, доставляемыхъ преимущественно животными. Это—ихъ насущная ѣда. Сырое мясо ѣдятъ одни лишь самоѣды, осталь-ные же народцы рѣдко употребляютъ его сырымъ, а вареннымъ или под-жареннымъ на огнѣ. Лапландцы вывѣшиваютъ зимою мясо на воздухъ, при-чемъ оно высушивается и предохраняется отъ гніенія, такъ сохраняютъ его до весны. Такимъ образомъ поступаютъ и въ Якутскѣ. Мясо раз-рѣзываютъ на большіе ломти, вывѣшиваютъ въ воздухъ, гдѣ отъ совокупнаго дѣйствія солнца и мороза, оно вялится и становится сухимъ. Но трудно бываетъ подъ конецъ распознать происхожденіе этого продукта, оно просыхаетъ насквозь и превращается въ твердую волокнистую

массу, бѣлую, какъ глина. Для употребленія отрѣзываютъ каждый разъ тоненькіе ломтики, очень пріятные на вкусъ, такъ что морозъ и воздухъ поневолѣ приходится признать такимъ же хорошимъ дѣятелемъ, какъ и жаренье.

Но въ большинствѣ случаевъ, полярные народы приготовляютъ свою пищу въ котлѣ у огня, такъ что желѣзные котлы у нихъ въ большомъ употребленіи. Такъ, лапландцы и тунгусы варятъ оленину. Самоѣды приготовляютъ, такимъ образомъ, мясо собакъ, медвѣдей, горностаевъ, разныхъ сортовъ птицъ и рыбъ. Обыкновенно мясо варятъ безъ соли, иногда съ кореньями. Впрочемъ, эти народцы ѣдятъ всякое мясо, исключая змѣй, ящерицъ, лягушекъ, насѣкомыхъ и червей. Животныя эти свободны отъ борьбы за свое существованіе съ сѣвернымъ человѣкомъ. Онъ, впрочемъ, не брезгаетъ ни падалью, ни полуистлѣвшимъ мясомъ; для тунгусовъ даже особенное лакомство послѣдъ или дѣтское мѣсто разрѣшившихся женщинъ, поджаренное или свареное.

Весьма охотно пьютъ кровь животныхъ. Тунгусы наполняютъ кровью выворoченныя кишки и варятъ ихъ; или же изрубаютъ мелко всѣ внутренности и при варкѣ поливаютъ ихъ кровью. При этихъ мясныхъ блюдахъ лапландцы, какъ и азіятскіе номады, вмѣсто хлѣба, ѣдятъ родъ муки, приготовленной изъ сушеной и толченой рыбы. Значитъ, мясо съ мясомъ. Жиръ, костный мозгъ оленій и мозги, какъ драгоцѣнное лакомство, поѣдаютъ въ сыромъ видѣ. Въ такомъ же большомъ почетѣ глаза разныхъ животныхъ. Также охотно ѣдятъ яйца всевозможныхъ птицъ.

Молоко, также какъ и мясо, принадлежитъ къ самымъ существеннымъ элементамъ питанія. Оно употребляется или сырымъ, какъ питье, или приготовляется на всевозможные лады. Самый простой способъ приготовленія молока у лапландцевъ. Они сливаютъ оленье молоко, надоенное ранней осенью, въ большіе сосуды, замораживаютъ его или даютъ ему свернуться и разрѣзываютъ его въ куски, какъ сыръ. Такіе куски имѣютъ вдобавокъ значеніе монеты. Въ сыромъ видѣ оленье молоко очень жирно, весьма пріятно на вкусъ и очень питательно, такъ что его нельзя сразу много потребить. Поэтому лапландцы очень экономны съ нимъ и берегутъ его во всю зиму. Такъ у нихъ молоко превращается въ твердый бѣлый сыръ такого противнаго вкуса, что нужно быть лапландцемъ, чтобы питаться имъ. Лапландцы не добываютъ изъ оленьяго молока масла, такъ какъ оно у нихъ все уходитъ на приготовленіе этого отвратительнаго сыра; но другіе полярные народы, какъ, напримѣръ, якуты, которые содержатъ

рогатый скотъ, добываютъ масло въ большомъ количествѣ. Эрманъ утверждаетъ, что якутское масло имѣетъ пріятный кисловатый вкусъ и якуты ѣдятъ его зимою безъ хлѣба большими кусками, и растопленное оно даже имѣетъ охмѣляющее свойство, если его выпить въ большомъ количествѣ.

Подобно американскимъ дикарямъ, полярные номады потребляютъ тѣ немногія растенія, которыя предлагаетъ имъ скудная почва. Лапландцы употребляютъ внутреннюю часть пихтовой коры, какъ приправу, также и сосновую смолу. Тунгусы прохлаждаются лѣтомъ смолою лиственницы. Растеніе дягиль у нихъ въ большомъ употребленіи, также какъ щавель. Лапландцы пожираютъ всякія ягоды и плоды, какіе встрѣчаются на ихъ убогой родинѣ.

Всѣ тунгускія блюда для европейскаго вкуса отвратительны отчасти сами по себѣ, отчасти по способу приготовленія. Но отвратительнѣе всего, разумѣется, поджаренное дѣтское мѣсто разрѣшившихся тунгусокъ, которое они называютъ силама. Свареное оно называется эдехаль, считается большимъ лакомствомъ, почему мать сама и пробуетъ его. Все приготовляется въ одномъ и томъ же котлѣ, изъ котораго остатки и объѣдки никогда не выбрасываются. Если же больно много накопилось всякой всячины, то они вымываютъ котелъ кускомъ мѣха, который разъ сто уже былъ въ этомъ употребленіи, а въ антрактахъ валялся въ дѣтской зыбкѣ.

Пьютъ воду, сыворотку, березовый сокъ. Хмѣльныхъ напитковъ, повидимому, у нихъ нѣтъ. Юкагиры, тунгусы, остяки и якуты очень любятъ мухоморъ; они съѣдаютъ отъ одного до четырехъ грибовъ и употребляютъ мочу поѣвшихъ мухомора, какъ хмѣльной напитокъ. Отъ него они приходятъ въ состояніе возбужденія, дрожатъ, фантазія розыгрывается, валяются на спинѣ, поютъ пѣсенки, мечтаютъ о любви, а шаманы, напившись такой мочи, становятся ясновидящими. (Клеммъ. Т. III, стр. 10—24).

Пища калмыковъ также животная, но гораздо болѣе разнообразная. Сырого мяса не ѣдятъ. Его варятъ въ котлѣ безъ соли и въ безукоризненной чистотѣ ихъ никакъ нельзя упрекнуть, потому что въ котлѣ плаваютъ волосы, приставшіе къ мясу отъ войлока, на которомъ оно лежало, и всякая другая дрянь. Монголъ вообще бережливѣе и менѣе обжорливъ, чѣмъ его сѣверный сосѣдъ, а потому все, что содержитъ малѣйшее питательное вещество, тщательно подбирается и сохраняется. На томъ же основаніи посуду никогда не чистятъ; объѣдки во всякомъ случаѣ пригодятся.

Они очень дорожатъ своими стадами и рѣдко рѣшаются заколоть животное изъ своего стада; за то они съ остервенѣніемъ преслѣдуютъ всякое степное животное: сурокъ, сусликъ, бобръ, барсукъ, выдра и рысь больше всего испытываютъ на себѣ всю силу борьбы за существованіе своего безпощаднаго врага—степного дикаря. За то соболи, ласочка, лисица, волкъ и хищныя птицы свободны отъ преслѣдованія человѣка и сами заняты борьбой за свое существованіе. Дикій кабанъ, лошадь, дикая коза, козуля не обезпечены въ своей жизни и служатъ на поддержаніе существованія болѣе могущественнаго властителя—всепожирающаго человѣка, который не брезгаетъ здѣсь даже падалью и послѣдомъ только-что разрѣшившихся животныхъ. Они ѣдятъ верблюжину, но чаще всего баранину или всякое другое животное, какъ только оно захвораетъ. Кромѣ того все, что произрастаетъ въ степи, съѣдобно, всякія коренья и травы тщательно собираются и употребляются въ пищу или какъ приправа.

Молоко составляетъ чуть ли не самый любимый предметъ питанія. Его никогда не пьютъ свѣжимъ, парнымъ, несвареннымъ. Также неохотно калмыкъ пьетъ свѣжую воду, а непремѣнно отварную, что также въ большомъ уваженіи и по всей пермской губерніи. Самымъ пріятнымъ молокомъ считается верблюжье; оно гораздо жиже и, закисая, пріобрѣтаетъ пріятный кисловатый вкусъ. Это здоровый, прохладительный и даже нѣсколько охмѣляющій напитокъ. Наконецъ, сюда же принадлежитъ и всѣмъ извѣстный кумысъ. Растительный міръ доставляетъ весьма ограниченный матеріялъ для потребленія. У калмыковъ, бурятъ, тунгусовъ наибольшею извѣстностью пользуются сладкій корень и особенно китайскій чай. Калмыки еще нѣсколько умѣрены въ чаепитіи, но у бурятъ и другихъ монголовъ чайный котелокъ, что называется, почти не снимается съ огня и они готовы продать послѣднее, чтобы купить плитку кирпичнаго чаю *).

Отъ этой естественной нищеты, отъ этой первобытной и жалкой скудости мы теперь перейдемъ къ совершенно противуположной картинѣ. До сихъ поръ мы видѣли, какъ человѣкъ на огромномъ пространствѣ ведетъ борьбу почти ежеминутно съ немногочисленными животными для своего прокормленія. Онъ самъ не производитъ пищи, не увеличиваетъ ее ни количественно, ни качественно; онъ какъ бы въ борьбѣ съ каждымъ животнымъ отдѣльно и выходитъ на борьбу одинъ на одинъ; оттого численность

---

*) Клеммъ. Т. Ш, стр. 145—151.

не соотвѣтствуетъ пространству, имъ занимаемому, она ничтожна [...]внительно съ тою, какою она могла бы быть при другихъ болѣе благо[...]ятныхъ обстоятельствахъ. Если мы теперь обратимся къ Китаю, то [...]дъ нами предстанетъ совершенно противуположное зрѣлище. Здѣсь мы [...]димъ массу людскую, почти исключительно обратившую всѣ свои силы [...] культурную обработку земли и на усиленную добычу пищи. Оттого [...]сь борьба за существованіе съ животнымъ міромъ менѣе рѣзка и осо[...]но налегаетъ на растительный міръ. Правильная пропорція раститель[...] и животной пищи даетъ здѣсь возможность существованія многочи[...]енному населенію и весьма почтенной долѣ благосостоянія.

Шерцеръ, Фоассакъ и Клеммъ согласно свидѣтельствуютъ, что пища [...]итайцевъ весьма разнообразна и вполнѣ соотвѣтствуетъ большему или [...]ньшему благосостоянію. Рабочій классъ радъ всему, что удобо-пожира[...]о, не пренебрегая даже тѣми насѣкомыми, какія водятся въ человѣче[...]омъ платьѣ. Всякая падаль и мясо, выбрасываемое какъ испорченное, [...]одитъ среди рабочаго класса своихъ голодныхъ потребителей. Бѣдные [...]тели горъ Линъ-игань-фу добываютъ мягкую и жирную глину, кото[...] служитъ имъ ежедневной пищей. Другіе бѣдняки ѣдятъ даже гипсъ, [...]шиваемый съ стручковыми плодами. Важнѣйшую и самую главную часть [...]и китайцы добываютъ изъ растительнаго царства. На первомъ планѣ [...]ихъ рисъ; это повседневный хлѣбъ, какъ богатаго, такъ и бѣднаго. [...]аецъ безъ рису буквально жить не можетъ, онъ не можетъ составить [...] понятія о благосостояніи безъ рису; онъ вѣрить не хочетъ, что есть [...] свѣтѣ страны, гдѣ не ѣдятъ рису. Другое любимое растеніе у нихъ [...]ая-то бѣлая капуста. Все съѣдобное изъ животной сферы для нихъ [...]годно, идетъ въ употребленіе; китаецъ не знаетъ отвращенія отъ всего [...]о, что возбуждаетъ тошноту европейца. Не только такую дрянь, какъ [...]девые черви, гусеницы, тухлыя яйца, но и всякую падаль китаецъ по[...]аетъ съ удовольствіемъ. Понятно, что послѣ этого мясо кошекъ, со[...]ъ, крысъ—просто изысканныя блюда китайскаго стола. Должно быть, [...] собаки въ давнишнемъ употребленіи у китайцевъ, потому что эти жи[...]ныя очень боязливы и улепетываютъ, лишь только издали завидятъ [...]ника. Въ большіе праздники китайцы себѣ позволяютъ дичь. Довольно [...]анно, что они почти вовсе не употребляютъ бычачьяго мяса. Шерцеръ [...]писываетъ это вліянію буддизма. Клеммъ же говоритъ, что этотъ пред[...]судокъ у нихъ далеко не религіознаго происхожденія. Китайцы счита[...]ь просто непростительнымъ проступкомъ лишать жизни бѣдное живот-

ное, которое всю жизнь служило человѣку и улучшало его сельское зяйство. Имъ совѣстно изъ кожи такого почтеннаго животнаго сшить башмаки. Баранины, ягнятъ и козловъ почти тоже не употребляютъ пищу, да ихъ тамъ и очень мало. Китайцы до того дорожатъ своими лями, что они боятся держать вблизи полей животныхъ, которыя мо лишь повредить ихъ полевому хозяйству и могутъ попортить сады. За достаткомъ свиней и собакъ, хорошо, если попадется змѣя, крыса или нибудь въ этомъ родѣ. Всякая рыба, сушеная, соленая или свѣжая, т икра, раковины, раки—все это въ большомъ употребленіи. Всѣ стихіи ставляютъ китайцу обильную пищу.

Бѣдное населеніе ѣстъ раза три въ день въ опредѣленное время. не сложна, проста. Главнымъ образомъ рисъ, приправленный кое-чѣмъ въ добавокъ какая нибудь дрянь. Тѣмъ разнообразнѣе, сложнѣе и у ченнѣе пища людей состоятельныхъ, богатыхъ. За столомъ сидятъ до 6 совъ, подается безконечный рядъ блюдъ, до нѣсколькихъ сотъ. Бл очень маленькія, кушанья мелко изрубленныя и съ разными пикантн приправами. Китаецъ вовсе не знаетъ молочнаго хозяйства и не имѣ коровьяго масла, а потому всѣ жиры замѣняются преимущественно к ровымъ масломъ, которое, однако же, очень чисто, не имѣетъ такого тивнаго вкуса, какъ наше, и не производитъ тѣхъ неприличныхъ посл ствій, которыя не позволяютъ въ порядочной гостиной произносить с названіе этого масла.

Предметы животной пищи обыкновенно подвергаются соленію и со няются въ такомъ видѣ на долго. Потребленіе этого рода пищи въ Ки очень распространено. Многіе предпочитаютъ ихъ свѣжей пищѣ. Особен любовью пользуются, т. е. особенныя преслѣдованія терпятъ рыбы, к рыми кишатъ рѣки и омывающее Китай море. При этомъ разложені отвратительнѣйшій запахъ вовсе не противны китайцамъ; напротивъ, такіе гастрономы, которые предпочитаютъ старый залежавшійся, завя шійся товаръ всякому другому. Рѣки и пруды переполнены также утк разведеніемъ которыхъ занимается множество посвященныхъ. Лучшихъ у изрѣзаютъ, солятъ и подвергаютъ сушкѣ втеченіи каждой зимы. Какъ пи употребляются повсемѣстно чай и водка, приготовленная изъ рису, т называемый самтшу. Сперва размачиваютъ рисъ нѣсколько дней въ в потомъ прибавляется смѣсь рисовой муки, солодковаго корня, анисо сѣмянъ и чесноку. Этимъ возбуждается броженіе. Потомъ настой очищ и получаютъ довольно крѣпкую водку. Даже самые бѣдные классы

ьютъ воды, потому что она на самомъ дѣлѣ большею частью весьма нероша. Максимовъ, въ своемъ сочиненіи «На востокѣ», увѣряетъ, что же въ Россіи понятія не имѣютъ о томъ, что такое хорошій чай, какимъ пьютъ въ Китаѣ. То же подтверждаетъ Шерцеръ. Его тамъ пьютъ зъ сахару, безъ сливокъ, безъ всякихъ прибавленій. Даже рисовую водку, вѣтомъ и вкусомъ нѣсколько напоминающую слабое вино, пьютъ согрѣтою. Шерцеръ говоритъ, что хотя въ Китаѣ ростутъ разные сорты винограда, но изъ него нигдѣ не приготовляютъ вина. Клеммъ объясняетъ это всеобщимъ отвращеніемъ къ холоднымъ напиткамъ, которые они считаютъ естественными и вредными, потому что, какъ глубокомысленно заключаютъ китайцы, кровь и другія жидкости человѣческаго тѣла теплы. На сѣверѣ китайской имперіи приготовляется какая-то водка изъ баранины, вѣроятно, татарскаго изобрѣтенія. Кумысъ тоже кое-гдѣ въ употребленіи.

Обѣдъ подается въ сосудахъ, имѣющихъ форму чашекъ. Столъ никогда не покрывается скатертью, какъ у насъ. Вообще китаецъ, не смотря на всю свою роскошь и богатство, далекъ отъ пониманія чистоты. Мелко изрѣзанную пищу поѣдаютъ посредствомъ двухъ палочекъ, которыми китаецъ управляетъ артистически. Во все время обѣда и долго послѣ него постоянно раздаются громкія отрыжки. Въ глазахъ китайца тутъ ничего нѣтъ неприличнаго; напротивъ, онъ это считаетъ за признакъ хорошаго пищеваренія и что желудокъ ублаготворенъ.

Въ большихъ городахъ, гдѣ сосредоточено много рабочаго люда, существуетъ множество гостинницъ, гдѣ приготовленная пища продается за самую умѣренную цѣну. Самое дорогое лакомство, не имѣющее смыслу, корень *жинзенъ*, т. е. человѣческая жизнь. Корень этотъ, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, продавался на вѣсъ золота и ему приписывались особенныя цѣлебныя свойства. Къ самымъ любимымъ возбуждающимъ средствамъ принадлежитъ табакъ и особенно опіумъ. Несмотря на всѣ запрещенія, куреніе опіума усиливается и это страшное зло все болѣе и болѣе распространяется. Интересно именно то, что тѣ особенно, которымъ поручено наблюдать за строгимъ исполненіемъ закона, запрещающаго куреніе опіума, какъ разъ первые и преступаютъ его. Преслѣдованіе—мать прозелитизма. Это намъ напоминаетъ случай во Франціи съ куреніемъ табаку. Докторъ богословія Виганъ, по повелѣнію Людовика XIV, произносилъ высокоторжественную и поучительную проповѣдь о вредѣ куренія и нюханія табаку и до того увлекся собственнымъ краснорѣчіемъ, что окончательно забылся, вынулъ драгоцѣнную табакерку и самъ нюхнулъ табаку. Не даромъ сло-

жилась малороссійская поговорка, «что нипъ людей карае, а сам
робе». Курятъ табакъ буквально всѣ, и женщины, и дѣти, котор
дители пріучаютъ къ этому съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Они считаютъ
презервативой отъ всякихъ недуговъ. Изъ Индіи проникъ сюда обыч
вать бетель, что послѣ обѣда будто бы содѣйствуетъ хорошему пищев

Китайцы, какъ извѣстно, принадлежатъ къ монгольской расѣ,
вся вела и ведетъ преимущественно жизнь номадовъ, но китаецъ
чительно земледѣлецъ. Ему незнакомо скотоводство въ большихъ
рахъ. Каждый клочекъ плодородной земли посвященъ воздѣлыванію
тельныхъ злаковъ и почти нигдѣ не видно пастбищъ съ душистой
зеленью. Но такое воздѣлываніе земли необходимо, неизбѣжно, чтоб
кормить то множество людей, которое населяетъ Китай. Китаецъ
гаетъ ко всевозможнымъ средствамъ раціональнаго хозяйства, чтоб
личить производительность почвы, и ограничиваетъ до наивозможна
нимума ту часть земли, которая предназначена для другихъ цѣлей.
дороги и улицы рѣдки и очень узки, а сама почва орошается безч
нымъ множествомъ каналовъ и водопроводовъ. Кладбища устроиваю
каменистыхъ, безплодныхъ и гористыхъ мѣстностяхъ. Парки, сады
занимающіе у насъ такое громадное пространство и придающіе
красоты нашимъ ландшафтамъ, въ глазахъ китайца совершенно
роскошь, какъ самая непроизводительная вещь. Въ Китаѣ поэтому
слимы такія явленія, какъ въ Англіи, гдѣ какой нибудь герцогъ
лэндъ содержитъ исключительно для охоты обширные лѣса, по ко
онъ рыскаетъ, какъ дикій маорисъ, по мѣткому сравненію оратора Г

Рисъ въ Китаѣ также воздѣлывается, какъ и на Явѣ, но еще
раздо большимъ стараніемъ. Есть его два сорта, бѣлый рисъ, лучшій
и красноватый, не столь хорошій. Собираютъ его два раза въ год
маютъ двѣ жатвы, первую въ іюнѣ, вторую въ ноябрѣ. Втеченіи зи
начиная съ ноября, разводятъ капусту и другія садовыя растенія.
принадлежитъ и картофель. Но картофель разводится лишь для пот
нія чужестранцевъ. Китаецъ его не любитъ, и хотя онъ уже давно с
познакомился, но не хочетъ усвоить себѣ эту дешевую пищу гл
образомъ потому, что картофель введенъ рыжеволосыми варварами

---

*) Шерцеръ-Мюллеръ. Etnographie, Стр. 159—161. Фоассакъ. De l'in
des Climats. T. I. стр. 223. Густавъ Клеммъ. Allgemeine Cultur Gesc
T. VI. Стр. 8—18.

Японцы, сравнительно съ европейцами, ѣдятъ очень мало. Главные элементы пищи составляютъ рисъ, рыбы, травы, корни, плоды, грибы, раковины всякихъ сортовъ, горохъ и бобы. Мясо свиней, оленей, медвѣдей и зайцевъ ѣдятъ лишь нѣкоторыя секты. Дичь и птицы очень дороги. Простой народъ живетъ очень умѣренно и японецъ ограничивается на весь день горстью риса и кускомъ рыбы, что въ одинъ разъ укладывается въ ротъ, а потомъ онъ пробавляется какой нибудь травкой или корнемъ, ибо ни одно растеніе не остается у нихъ безъ употребленія; или онъ отыскиваетъ разныя раковины и приготовляетъ изъ нихъ весьма душистую и питательную муку. Здѣсь уже не видно той роскоши и обилія стола, какимъ щеголяютъ китайцы. Клеммъ цитируетъ записки русскаго путешественника Головнина, который утверждаетъ, что тѣмъ же самымъ кормили въ Японіи плѣнныхъ русскихъ. Ѣдятъ три раза въ день, утромъ въ полдень и вечеромъ. Въ большомъ употребленіи у японцевъ рыбья уха и супы изъ раковинъ. Любимѣйшая пища мясо кита и сивучье; рыбы и яйца также любимы.

Какъ въ Китаѣ, такъ и въ Японіи самый употребительный напитокъ чай; изъ рису также приготовляется родъ водки, очень любимый японцами. Они охотно пьютъ крѣпкіе напитки, но напиться днемъ пьянымъ считается большимъ стыдомъ, а по окончаніи всѣхъ дѣлъ, вечеромъ, разрѣшается пить въ волю и наслаждаться табакомъ... *).

Самая умѣренная борьба за существованіе совершается въ странѣ, гдѣ, по преданію, впервые народился человѣкъ, гдѣ, по всей справедливости, могъ быть рай земной. Обитатели Востока очень умѣренны и питаются преимущественно растительной пищей. Бедуинъ *можетъ* ограничиться какой нибудь парой финиковъ, небольшимъ количествомъ своего національнаго блюда — *пилава*, кусочкомъ хлѣба и нѣсколькими глотками воды. Бедуины пекутъ свой хлѣбъ въ минуту надобности и даже въ большихъ городахъ хлѣбъ приготовляется лишь на одинъ день. Большею частью хлѣбъ пшеничный или изъ дурра, плоскій, какъ лепешка, и рѣдко хорошо испеченный. Но преимущественно ѣдятъ рисъ, молоко, масло, хаймакъ или сметану и садовые плоды. Мясо рѣдко въ употребленіи (Ниже мы объяснимъ почему). Изъ малой Азіи въ Аравію доставляется копченое мясо, потребляемое все-таки турками, а не арабами. Изъ Египта туда достав-

---

*) Клеммъ. Т. VI. Стр. 512.

ляется рисъ, пшеница, пшено, бобы, горохъ, чечевица и дурра. Изъ Е[illegible] доставляется также и масло, употребляемое арабами для приготов[illegible] рыбы. Обыкновенные смертные на завтракъ употребляютъ только-что [illegible] печи вынутый горячій хлѣбъ и смазываютъ его смѣсью меда и [illegible] Арабы очень охотно ѣдятъ всякое тѣсто, но предварительно смазыв[illegible] его непремѣнно медомъ. Саранча, нанизанная на нитки, поджаренна[illegible] горячихъ угольяхъ или сваренная, въ большомъ употребленіи. Затѣмъ гоцѣннѣйшіе южные плоды: апельсины, померанцы, лимоны, бананы, ар[illegible] виноградъ — все это тамъ въ большомъ изобиліи. Мы здѣсь кстати [illegible]мѣтимъ, что для насъ вовсе не доказательство, что тотъ или другой [illegible]дуинъ можетъ обойтись самой скудной пищей. Кромѣ того, что ему [illegible]матъ это дѣйствительно позволяетъ, мы, однакоже, видимъ, что пищ[illegible] Антонія выпадаетъ лишь на долю людей нужды, а мало-мальски со[illegible]тельный человѣкъ и тамъ не отказывается отъ хорошаго пилава, пр[illegible]товленнаго изъ жирной баранины или такой же курицы съ рисо[illegible] обильнымъ прибавленіемъ хорошаго коровьяго масла, пьетъ при этомъ [illegible]локо, ѣстъ сыръ съ хорошимъ пшеничнымъ хлѣбомъ, прохлаждается [illegible]ликолѣпнѣйшими плодами и захлебываетъ все это нѣсколькими чаш[illegible] кофе. Хороша умѣренность! Оно, конечно, ничто въ сравненіи съ эс[illegible]сомъ или тунгусомъ, поѣдающимъ заразъ чуть не цѣлаго быка, но [illegible]дите на такое благородное содержаніе нашего мужика хоть архангел[illegible] губерніи, такъ чего и желать больше.

Персіяне отличаются такою же умѣренностью, что, впрочемъ, [illegible] объясняется ихъ сидячимъ и спокойнымъ образомъ жизни (Клеммъ). Т[illegible] же, обитающіе въ нѣсколько болѣе прохладномъ климатѣ, и ѣдятъ бол[illegible] именно мясо и всякія овощи. Баранъ, ягненокъ, коза и пѣтухъ гла[illegible] жертвы борьбы за существованіе въ Персіи. Персіянинъ завтракаетъ [illegible] или двѣ чашки кофе съ небольшимъ кускомъ хлѣба. Между 10-мъ и 1[illegible] часомъ обѣдаютъ, и обѣдъ состоитъ изъ разныхъ плодовъ, молоч[illegible] блюдъ и варенья. Круглый годъ у нихъ дыни, впродолженіи восьми [illegible]сяцевъ — виноградъ. Также у нихъ постоянно имѣется сыръ, простоква[illegible] и всякія варенья. Ужинъ приготовляется изъ овощей, вареныхъ пло[illegible] а также жаркого, яицъ и непремѣнно пилава, который они ѣдятъ [illegible]дый день.

Какъ въ Китаѣ, такъ почти и во всей остальной Азіи рисъ самая [illegible] пространенная пища, а въ Индіи онъ положительно замѣняетъ х[illegible] Мнѣніе, нами выше высказанное, именно, что на Востокѣ только бѣд[illegible]

казывается отъ хорошаго стола, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, о бѣдные люди тамъ не пренебрегаютъ, вопреки запрещеніямъ корана, же падалью. Всякую дохлятину на Востокѣ бѣдный человѣкъ подбиетъ и приготовляетъ изъ нея особенное кушанье (гм!), извѣстное подъ ваніемъ гариссей. Всякую дохлую скотину, лошадь, верблюда, лошака и осла покупаютъ у владѣльца, варятъ мясо съ рожью и приготовютъ какую-то размазню. Тоже самое дѣлаютъ и съ бараниной. Думаемъ, о на подобныя блюда можетъ именно рѣшиться крайняя нужда, бѣдность, щета, и о хваленой умѣренности и воздержаніи не можетъ быть и рѣчи. Еще одно доказательство, что и на Востокѣ человѣкъ далеко не прочь иться хорошей пищей, а не великопостничать. Именно въ Сиріи и Месопотаміи говядина очень хороша и дешева; на рынокъ ежедневно доставляется множество козловъ, барановъ и широкохвостыхъ овецъ. Быковъ и воловъ колятъ во множествѣ и также доставляютъ въ городъ, такъ о тамъ гораздо больше потребляется говядины, чѣмъ въ Аравіи и Перс по той простой причинѣ, что она доступнѣе потребителю средней ... Жители Арменіи даже свинину ѣдятъ, но тайно. У турокъ и у сіянъ рѣдко подается на столъ рыба; большая часть ограничиваетъ ю мясную пищу курами и бараниной. На всемъ Востокѣ въ большомъ требленіи всевозможныя сахарныя печенья, торты; обитатели Востока льшіе лакомки, любятъ конфекты, варенья, свѣжіе и сушеные плоды, правленные медомъ, сахаромъ и особенно манной.

Не забудемъ при этомъ, что на Востокѣ очень дорогъ горючій матеалъ, почти вовсе недоступный бѣдному человѣку, такъ что пища на дому готовляется, какъ и слѣдовало ожидать, въ самыхъ именитыхъ и богатѣйшихъ домахъ. Но за то тамъ вездѣ имѣются во множествѣ харчевни трактиры, гдѣ бѣдный человѣкъ можетъ достать за свой скудный грошъ ... до теплаго кушанья. Должно быть, однакожъ, что мѣстные жители не ... удовольствія и не изъ умѣренности прибѣгаютъ къ разнымъ суррогатамъ ... Такъ, въ сирійской пустынѣ въ большомъ употребленіи у бедуиновъ ...наго рода грибы. Въ Мединѣ *низшій классъ* втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ вмѣсто финиковъ питается плодомъ лотоса или *небебъ*, а въ Три... женщины пожираютъ какую-то пепельно-сѣрую землю *малунъ*. За ... зажиточные господа пьютъ щербетъ, приготовленный изъ самыхъ ароматныхъ плодовъ, цвѣтовъ, сахару, соковъ и эфирныхъ маслъ; ихъ вкусъ ...аждается драгоцѣннѣйшими вареньями, желе, компотами. Сераль на это ...титъ ежегодно огромныя суммы. Далѣе, несмотря на всевозможныя за-

прещенія корана и правительства, на всемъ Востокѣ, а особенно в
сіи, сильно распространены алкогольные напитки. Все это вовсе
воритъ въ пользу преувеличенной умѣренности и не свидѣтель
объ особенномъ воздержаніи. Должно быть, что арабы, вопреки
не мало заинтересованы виномъ, такъ какъ у нихъ для него 132 на

Чтобы окончательно подорвать кредитъ восточнаго цѣломудрія в
шеніи питанія и уменьшить довѣріе къ слишкомъ преувеличеннымъ
ламъ чрезмѣрнаго, будто бы, воздержанія, мы прибавимъ, что, к
Китаѣ чай, такъ на всемъ Востокѣ потребленіе божественнаго и
душеспасительнаго кофе, доходитъ чуть не до пьянства. И тутъ
ни малѣйшей утрировки. Подумайте сами, тамъ вовсе не рѣдкость,
иной кофепійца выпилъ втеченіи дня отъ 20 до 30 чашекъ кофе
вамъ и медленный ядъ, отравлявшій Вольтера вплоть до 80 лѣ
это, положимъ, богатый обжора выпиваетъ столько, а то и самый б
рабочій не отказываетъ себѣ въ 3-хъ или 4-хъ чашкахъ. Понятн
ничего другого ѣсть не захочется въ такой благодатной странѣ.
бавокъ тамъ кофе пьютъ безъ сахара и сливокъ, но за то цѣл
вмѣстѣ съ гущей, т. е. всѣ бѣлковинныя составныя части кофе. Во
чему тамъ въ любомъ городѣ столько же кофеенъ, сколько у насъ
ковъ, и притомъ тамъ эти питательные напитки продаются лишь р
вочно, но никакъ не *на выносъ*.

Мы не знаемъ, на-сколько вѣрны данныя, сообщаемыя Фоассако
тому что онъ не указываетъ источниковъ, откуда онъ черпалъ сво
денія, а потому оставляемъ на его отвѣтственности, будто арабы въ
ѣдятъ иногда сырое мясо. Это положительно извѣстно относительно
синцевъ, которые потому такъ часто страдаютъ солитеромъ. Вѣроят
во всякомъ случаѣ, что мясо въ большомъ уваженіи у арабовъ, ина
не стали бы колоть ягненка лишь для самаго высокаго и знатнаго
Да и ветхозавѣтныя жертвоприношенія, наиболѣе пріятныя Богу, вс
заключались въ закланіи агнца. Бедуинъ, правда, можетъ ограни
весьма малой дозой пищи, но за то онъ иной разъ цѣликомъ безна
проглатываетъ цѣлаго ягненка или съ удовольствіемъ выпиваетъ
чашку топленаго масла. Все это доказываетъ, что воздержаніе
плодъ нищеты и необходимости, а достатокъ и благосостояніе од
вездѣ любятъ хорошо поѣсть *).

*) Фоассакъ. Т. I, стр. 221. Клеммъ. Т. VII, стр. 12—29.

Индія — страна богатая чрезвычайнымъ разнообразіемъ произведеній, ...жители ея заимствуютъ свою пищу преимущественно изъ растительнаго ...ра. Отличительное ихъ свойство — умѣренность. Нравы ея обитателей, ...санные Геродотомъ, остаются до сихъ поръ такими же. Геродотъ, одна...ъ, разсказываетъ, что и среди индѣйцевъ пища вовсе не была исклю...тельно растительною: одни питались рыбою, другіе пожирали даже сырое ...о, еще другіе убивали даже больныхъ и родителей, чтобы полакомиться ...овѣческимъ мясомъ, прежде чѣмъ болѣзнь или старость сдѣлаютъ ихъ ...одными для этой цѣли. Были и такіе, которые не убивали животныхъ, ...итались лишь зернами, травами и плодами. Въ наше время тамъ, къ ...стью, канибализмъ уже почти вовсе не встрѣчается, хотя Макортней ...ряетъ, что въ неурожайные и голодные годы въ Кохинхинѣ появляется ... продажѣ человѣческое мясо. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Индія—та ...агодатная страна, въ которой царствуетъ по преимуществу раститель...сть; здѣсь природа проявляетъ всю свою красоту и необычайную рос...шь; тутъ свободно ростутъ сахарный тростникъ, кокосы, бананы, ман...ое дерево и множество другихъ великолѣпнѣйшихъ плодовъ. Жители ...обавляются этими плодами, добавляя къ этому рисъ, чай и немножко ...ыбы. Рисовыя поля почти безъ всякаго удобренія даютъ въ изобиліи ...ьма питательное и мягкое зерно. Но мы при этомъ замѣтимъ, что со...тельный классъ въ Индіи и брамины питаются очень хорошо и вовсе ... отказываются отъ жирнаго пилава, и что подавленный низшій классъ ...нужденъ ограничиваться одной лишь рисовой кашей безъ всякой другой ...мѣси. Англичане, тамъ господствующіе, нисколько себѣ не отказываютъ ... самыхъ изысканныхъ блюдахъ и щеголяютъ роскошью стола, на кото...ъ мясная и вообще животная пища преобладаетъ не меньше раститель...ой. За то они тамъ и господствуютъ надъ голоднымъ индусомъ. Мы ниже ...ъяснимъ это поподробнѣе.

Нигдѣ, быть можетъ, борьба за существованіе непосредственно изъ-за ...щи не обнаруживается такъ рельефно, какъ среди невѣжественныхъ и ...кихъ ордъ, населяющихъ Африку. Питаніе—ихъ самая существенная ...бота, и часто ведутъ они самыя кровопролитныя войны изъ-за обла...нія ручейкомъ или плодоноснымъ полемъ. Африканцы или, собственно ...воря, негры также обжорливы, какъ вообще всѣ первобытные народы. ...ни ѣдятъ все, что имѣетъ хотя малѣйшій видъ съѣдобнаго, но мясную ...ищу предпочитаютъ всему остальному. Нѣкоторые путешественники увѣ...ряютъ, что негры способны ограничиваться довольно скуднымъ обѣдомъ,

состоящимъ изъ какой нибудь похлебки, приготовленной изъ мяса или во
чей рыбы, что даже самые состоятельные люди иногда соблюдаютъ у
ренность, но это лишь тогда, когда имъ приходится тратить всѣ рас
на свой столъ; въ гостяхъ же они вовсе не стѣсняются и готовы наб
брюхо такъ, что имъ это хватитъ на цѣлыхъ три дня. Такою же у
ренностью отличаются и негры конго, то есть тогда, когда нечего жр
въ противномъ случаѣ, ничѣмъ не насытишь ихъ волчьяго аппет
Негры тамбо тоже ѣдятъ все, что попадется; разводятъ свиней и пт
но молока и яицъ они не любятъ.

Южныя племена кафровъ также ѣдятъ всякое мясо, даже полусгн
шее и протухлое; особенно же любятъ мясо слоновъ, носороговъ, гиі
Марутши и матшаппи не только все ѣдятъ, но они считаютъ престу
ніемъ и неприличіемъ оставить что нибудь изъ поданнаго на столъ. Б
хоане больше питаются молокомъ, сывороткой и сыромъ, но тѣмъ
менѣе они убиваютъ всѣхъ хищныхъ животныхъ, встрѣчающихся имъ
пути, и пожираютъ ихъ цѣликомъ, ничего не оставляя собакамъ.

Большинство этихъ народовъ питается дичью, которою изобилуютъ вѣ
вые лѣса; они во множествѣ истребляютъ буйволовъ, зебру, гну, жи
фовъ, антилопъ и носороговъ. Во время засухи туземцы подчасъ выну
дены питаться саранчей и лягушками. Тамошнія лягушки, по слова
Ливингстона, громадны; сваренная, она вкусомъ напоминаетъ цыпле
саранча отзывается на вкусъ травой; сваренная, она отвратительна
поджаренная, она, по словамъ Фоассака, вкуснѣе, чѣмъ французскіе ц
веты или морскіе раки. Плѣнныхъ они не ѣдятъ, но вымѣниваютъ и
на всякую другую пищу.

Обитатели Сіерра-Леоне отыскиваютъ на верхушкахъ пальмовыхъ д
ревьевъ червей, толщиною въ палецъ, поджариваютъ ихъ въ паль
вомъ маслѣ и наслаждаются ими, какъ самымъ необыкновеннымъ ла
ствомъ. Живущіе на берегу моря ведутъ борьбу съ его обитател
устрицы и рыбы у нихъ въ большомъ ходу. Рыбу или варятъ, или т
кутъ въ деревянныхъ ступахъ и потомъ сушатъ на солнцѣ. Къ сѣ
отъ Сенегаліи это большое лакомство. Также ѣдятъ тамъ и ящер
Кромѣ магометанъ, всѣ остальные народы Африки безъ различія пот
бляютъ животныхъ млекопитающихъ, хотя бы мясо ихъ перешло въ р
ложеніе или подверглось гніенію. Въ Анголѣ ловятъ крысъ. Главная пи
кафровъ, говоритъ Шерцеръ (стр. 105), состоитъ изъ створожившаг

а (ama-si), сыворотку отдаютъ дѣтямъ, а оставшійся творогъ смѣ-
ютъ съ масломъ и приготовляютъ довольно сытное кушанье.
ъ злаковъ особенно воздѣлываютъ кафрскую рожь (Sorghum sac-
sum) и маисъ. Сперва выжигаютъ на полѣ траву и всякіе кустар-
потомъ высѣваютъ сѣмя и углубляютъ его въ землю. Кафръ обык-
но ѣстъ разъ въ сутки, вечеромъ, за часъ до отхода ко сну; вте-
же дня онъ пробавляется однимъ лишь молокомъ.
бопытно еще то, что кафры питаютъ какой-то страхъ къ нѣко-
ъ животнымъ. Такъ, они ни за что не станутъ ѣсть мясо домаш-
виньи, а дикаго кабана весьма охотно ѣдятъ. Куриныя яйца также
дятъ, между тѣмъ какъ обитатели внутреннихъ странъ очень ихъ
ъ. Такимъ же образомъ, они совѣстятся кушать слоновое мясо,
у-де, что слонъ по уму близокъ къ человѣку.
ща готтентотовъ заимствуется изъ ихъ собственнаго стада. Правда,
они ѣдятъ рѣдко. Но ради праздника закалываютъ барана, а то и
быковъ. Думаемъ, что ни одинъ готтентотъ не отказался бы, чтобы
о каждый день былъ праздникъ. Они разводятъ особенную породу
съ курдюками или жирными хвостами, вѣсомъ отъ 5 до 7 фунтовъ.
аемый изъ курдюковъ жиръ чистъ, вкусенъ, на открытомъ воздухѣ,
обыкновенной температурѣ, не сгущается и по всѣмъ качествамъ
итъ на густое прованское масло.
и готтентотъ не занимается скотоводствомъ, онъ предается охотѣ,
ъ онъ не знаетъ пощады. Все живое падаетъ жертвой его борьбы.
о зайца не ѣстъ, потому что, по мнѣнію готтентота, это животное
ршенное и является подчасъ посланникомъ неба къ тому, кого раз-
нное божество хочетъ наказать. Свинину также не ѣдятъ. У босіе-
въ обругать кого свиньей также оскорбительно, какъ и у насъ. Зани-
я земледѣліемъ готтентоту не позволяетъ его лѣнивая натура; за
нъ выкапываетъ дикорастущіе коренья и питается ими. Мясо онъ
ъ или, лучше сказать, печетъ въ золѣ, безъ всякой приправы и
чи. Особеннымъ же лакомствомъ считается топленый жиръ, кото-
оттентоты хлебаютъ съ наслажденіемъ и безъ всякаго прибавленія.
нтоты въ случаѣ нужды и крайности пожираютъ и всякую старую
Если погода долго задерживаетъ ихъ у себя дома, такъ что они
утъ отправиться въ поле за пищей, то они берутъ кожаные свои
толкутъ ихъ межъ двухъ камней и съѣдаютъ. Попадись имъ въ
ремя старая подошва, брошенная европейцемъ, и она пойдетъ на

приготовленіе бульона. Негры бертати ѣдятъ даже сырое мясо, как печенку, сердце, почки и баранину. Маручи и бамбара ѣдятъ осо для этой цѣли откармливаемыхъ собакъ. Тѣ-же бамбара приготов себѣ навары изъ мышей.

Замѣчательно, что южно-африканскіе народы обезпечиваютъ свое ствованіе именно извѣстной формой ассоціаціи. Для охоты за д животными и всякой тварью они соединяются въ нѣсколько сотъ вѣкъ. Они оцѣпляютъ опредѣленное пространство лѣса, сгоняют дичь въ одно мѣсто и, такимъ образомъ, втеченіи какого нибудь дня, они убьютъ нѣсколько сотъ антилопъ, зайцевъ, дикихъ обезьянъ. Помимо охоты важнѣйшее занятіе всѣхъ южно-африка народовъ заключается въ скотоводствѣ, особенно разведеніи рогатаго Рогатый скотъ составляетъ существенное богатство готтентотовъ, каф бетюановъ и остальныхъ неосѣдлыхъ африканцевъ: это лучшее их благосостоянія. Кромѣ скотоводства у этихъ народовъ встрѣ зачатки земледѣлія. Они очень любятъ нѣкоторые коренья и злаки, рыми добавляютъ свою потребность питанія, неограничивающуюся комъ и говядиной. У нихъ тоже господствуетъ нѣкоторая доля раз нія труда. На женщинъ возложена обязанность отыскать и отрыть ко которые имъ замѣняютъ хлѣбъ. Съ особенной, для этой цѣли пред ченной палкой жены таскаются по полю, выкапываютъ коренья, раютъ нужный горючій матеріялъ и приготовляютъ необходимое на день кушанье. Изъ всего этого видно, что Вайтцъ вправѣ былъ ск что негръ не брезгунъ и обращаетъ больше вниманія на количество, на качество пищи. Вотъ почему онъ любитъ полусгнившую рыбу, мясо, которое для нашего вкуса уже становится противнымъ, всл начавшагося разложенія, для нихъ пріобрѣтаетъ особенную цѣн Лучшій ихъ напитокъ—пальмовое вино *).

Такимъ образомъ, всѣ обитатели большей части Африки являют мыми значительными потребителями животной пищи, и борьба существованіе съ животнымъ міромъ тамъ и сямъ умѣряется развѣ лишь религіозными предразсудками и другими нераціональными пре деніями разнаго рода.

Мы теперь напомнимъ въ немногихъ словахъ, чѣмъ питались

*) Клеммъ. Т. III, стр. 221 и слѣд.—Вайтцъ. Т. II. Стр. 85.

гиптяне, греки и римляне, чтобы закончить нашъ краткій очеркъ питанія человѣчества. Пища древнихъ египтянъ была весьма различна и соотвѣтствовала большему или меньшему благосостоянію. Пастушескій и земледѣльческій классъ предпочиталъ животную пищу, между тѣмъ какъ средній классъ питался преимущественно растительной пищей. Для бѣднаго класса рыба всегда была большимъ подспорьемъ. Изъ птицъ больше всего уважали перепела и утку, которые подчасъ употреблялись сырыми. Пища же болѣе состоятельныхъ и высшихъ классовъ была не только разнообразнѣе и питательнѣе, но еще искуснѣе и вкуснѣе приготовлена. На долю священства, какъ и вездѣ, выпадала львиная часть. Любимѣйшее блюдо всегда состояло изъ говядины или гуся и предназначалось жрецамъ. Эти основные элементы пищи разнообразились до безконечности всевозможными приправами, плодами, овощами, такъ что кухонное искусство стояло у нихъ на высокой степени развитія. Мясо приготовлялось въ большихъ кострюляхъ и при этомъ соблюдалась рѣдкая чистота. Тоже самое нужно сказать о разныхъ пастетахъ и разнаго рода печеньяхъ. Чѣмъ именитѣе и состоятельнѣе фамилія *), тѣмъ, значитъ, лучше было питаніе; хлѣбъ господствующаго класса всегда приготовлялся изъ лучшихъ сортовъ маиса и пшеницы, и мы затрудняемся рѣшить, потому ли онъ лучше питался, что былъ господствующимъ, или потому именно и былъ господствующимъ, что лучше питался. Мы лично убѣждены въ послѣднемъ. Египтане больше всего любили козлиное мясо. Пища древнихъ галловъ преимущественно состояла изъ молока и говядины, особенно свиное мясо, свѣжее или соленое, было въ большомъ употребленіи. Они всегда владѣли большими стадами свиней и овецъ, питаясь на ихъ счетъ. Вина и масла не производитъ ихъ страна, а потому они себѣ приготовляютъ напитокъ изъ ячменя и приправляютъ его медомъ. Вино все-таки, тѣмъ не менѣе, любили и пили, и подчасъ до того домогались его, что вымѣнивали собственнаго ребенка на вино.

Въ древней Греціи преобладала растительная пища. Аркадяне въ былое время питались преимущественно плодомъ особеннаго рода дуба quercus edulis, который росъ на горахъ, въ долинахъ же не встрѣчается, и даетъ сладкій плодъ. Въ остальной части страны росли пшеница и ячмень; изъ нихъ пекли хлѣбъ, который, во всякомъ случаѣ, составлялъ

*) Клеммъ. Т. V, стр. 259.

основу обѣда. Хлѣбъ приготовлялся на подобіе лепешекъ. Ими пок
вали столъ, вокругъ котораго возлегали мужчины, опираясь на л
руку, а правою отправляли въ ротъ всякія яства, говядину, х
плоды и т. д. Они отрывали отъ хлѣба большіе ломти, замѣняли
ложки, набирали ими жидкіе соусы и кашу, потомъ бросали подъ
въ удовольствіе собакамъ. Ножъ, вилка, ложка для нихъ тогда е
существовали. Въ самое отдаленное время мужчины сидѣли за отдѣль
столомъ, а горничныя или рабы подавали имъ мясо и хлѣбъ, но
больше въ Грецію стали проникать азіятскіе обычаи, тѣмъ больше
дило въ обыкновеніе возлежать. Чувство приличія и чистоты треб
чтобъ передъ и послѣ ѣды умывать руки, что дѣлаютъ всѣ наб
евреи и теперь. Кромѣ хлѣба въ древней Греціи потреблялись всѣ
ные плоды и лучшія овощи. Къ числу самыхъ важныхъ растеній,
шихъ самую важную роль въ Греціи въ соціальномъ отношеніи
спорно, принадлежатъ оливковое дерево и виноградная лоза. Изъ
ныхъ особенно холили свиней, которыхъ откармливали всякой вся
и хребетъ которыхъ считался лучшимъ лакомствомъ. Лучшія свиньи
лись тогда на Афонѣ; къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о те
нихъ ихъ преемникахъ, живущихъ тамъ. Гомеръ упоминаетъ о пя
нихъ свиньяхъ, откормленныхъ на убой. Откуда же взялось убѣ
что Моисей запретилъ свинину потому-де, что на Востокѣ вре
питаться? Вѣдь питались же ею греки? Въ Эпирѣ водились такія
что пастухъ долженъ былъ доить ихъ стоя. По всей Греціи во
ствѣ разводили овецъ превосходной расы. Изъ дичи особенно
зайца. Изъ птицъ дроздъ былъ въ употребленіи, остальныя пт
особенно были въ ходу. Тоже и рыба. Сперва, во времена Гоме
пищѣ господствовала простота, потомъ, мало-по-малу, вкралась ро
но никогда у грековъ не доходило до обжорства. Прибавимъ,
Греціи, въ эпоху развитія торговли, существовали гостинницы.

Въ Римѣ въ самой глубокой древности земледѣліе было основой
ствованія, а потому и преобладала растительная пища. Пекли хлѣ
подобіе греческихъ. Его было нѣсколько сортовъ: пшеничный, яч
и всевозможныя печенья. Кромѣ того, въ большомъ употребленіи у
лянъ были салатъ и капуста разнообразнѣйшихъ сортовъ и разныхъ
готовленій; далѣе, горохъ, лукъ, фрукты, оливы и т. д. Изъ
наго міра — устрицы, раковины, улитки, которыхъ нарочно отк
вали. Изъ птицъ — куры, утки, гуси, послѣ павлины, перепела,

и бекасъ, а еще послѣ — соловьиные языки. Изъ млекопитающихъ любимѣйшее животное былъ кабанъ. Во времена императоровъ на откармливаніе всѣхъ этихъ животныхъ и самихъ императоровъ тратились огромныя суммы. Заяцъ, козуля, баранъ, козелъ, кроликъ, все это были любимыя кушанья. Въ первыя времена историческаго существованія Рима господствовала полнѣйшая простота во всемъ и относительно пищи, но впослѣдствіи роскошь стола превзошла всякое вѣроятіе и самыя изысканныя лакомства и яства доставлялись со всѣхъ концовъ обширной имперіи, и на все это тратились баснословныя суммы, но народъ часто и сильно голодалъ въ виду этой безумной роскоши; можетъ быть, потому и палъ Римъ (Клеммъ. Т. VIII. Стр. 22, 25, 61, 337 и слѣд.)

II.

Ученіе о пищѣ, преподанное намъ Мажанди, Либихомъ, Льюисомъ, Молешотомъ, Вирховымъ, чуть ли не по собственному сознанію послѣднихъ, еще не вступило въ окончательную фазу и не высказало рѣшительныхъ принциповъ. Дуализмъ, господствовавшій долгое время въ философіи и въ наукѣ, нашелъ себѣ право гражданства и въ ученіи о пищѣ. Мажанди именно первый заикнулся, а Либихъ выступилъ ярымъ пропагандистомъ, что вся наша пища распадается на два господствующихъ класса, на пищу питательную, по преимуществу, или пластическую, и пищу дыхательную или тепло-производящую. Какъ химикъ, Либихъ раздѣлилъ пищу съ своей исключительной логической точки зрѣнія на азотистую или питательную и углеводородистую или дыхательную. Ученіе это разомъ охватило весь ученый міръ и, нужно сказать правду, несмотря на всевозможныя опроверженія многихъ частностей, ученіе это въ основномъ своемъ принципѣ стоитъ и теперь почти непоколебимымъ. По крайней мѣрѣ, Вирховъ и докторъ Жюль Сиръ, о прекрасномъ трудѣ котораго мы ниже скажемъ, вполнѣ раздѣляютъ это ученіе. Либихъ утверждалъ, что пищей стоитъ лишь называть тѣ вещества, которыя содержатъ азотъ, входящій въ составъ нашихъ животныхъ тканей, и которыя, слѣдовательно, одни способны возстановить потраченныя наши силы, убыль и расходъ нашихъ органическихъ тканей. Тѣ же вещества, которыя не

содержатъ азота, но богаты лишь углеродомъ и водородомъ, какъ крахмальныя, жирныя и сахарныя вещества, пребываютъ въ организмѣ лишь временно, производятъ въ немъ тепло и удаляются тѣмъ или другимъ путемъ, но главнымъ образомъ легкими. Такимъ образомъ, организмъ уподоблялся печкѣ, въ которой сгораетъ топливо, легкія—дымовой трубѣ, которую необходимо постоянно держать открытою, чтобы не сдѣлалось смертельнаго угара, а стѣнки печки, согрѣтыя и теплыя — самъ организмъ. Важность этого ученія сама собою очевидна. Ученые и экономисты ухватились за него обѣими руками. Съ вѣсами въ рукахъ, химикъ опредѣлялъ количество азота и углерода въ томъ или другомъ родѣ пищи и, такимъ образомъ, произносилъ приговоръ ея годности или негодности или степень ея полезности для питанія нашего организма. Насколько это ученіе было важно во всѣхъ отношеніяхъ, яснѣе всего видно изъ того, что не только спеціалисты по химіи и физіологіи, но даже такіе философы и ученые, какъ Бокль, усвоили это ученіе. Бокль даже основалъ на этомъ ученіи свою знаменитую теорію распредѣленія богатствъ, и зависимость цивилизаціи онъ привелъ въ соглашеніе съ этимъ могущественнымъ физическимъ дѣятелемъ. Бокль до того самъ былъ увлеченъ этимъ ученіемъ, что всякаго, нераздѣлявшаго взглядовъ Либиха, онъ готовъ былъ признать закоснѣлымъ невѣждой и человѣкомъ отсталымъ. Насъ могутъ упрекнуть въ томъ же и въ тѣхъ же выраженіяхъ, но мы рѣшительно объявляемъ себя сторонникомъ нѣсколько видоизмѣненнаго ученія Либиха и Бокля. Мы постараемся оправдать себя въ глазахъ читателя.

Противъ этого ученія никто не вступалъ въ споръ съ такою горячностію, какъ пресловутый Льюисъ въ своей физіологіи обыденной жизни. Разбивая одну частность за другою, онъ всѣ усилія употребилъ, чтобы ниспровергнуть это ученіе въ принципѣ. И надо сказать правду, это ему удалось, въ извѣстной мѣрѣ и на нѣкоторое время. Очень просто. Либихъ до того абсолютно разграничилъ пищу на двѣ категоріи, что такому смѣлому и бойкому уму, какъ Льюисъ, нетерпящему ничего абсолютнаго, не трудно было подмѣтить слабыя стороны ученія Либиха и доказать ихъ несостоятельность. Льюисъ главнымъ образомъ оскорбился тѣмъ, что Либихъ-химикъ позволилъ себѣ вторгнуться въ чужую область, въ его физіологическую территорію. Какъ химикъ, Либихъ безусловно правъ, а въ физіологію не мѣшайся, не твоего ума дѣло. И дѣйствительно, впослѣдствіи было доказано, что оба рода пищи заслуживаютъ одинаковое названіе, но только въ различной степени. Пластическая пища, какъ ока-

лось, лишь по *преимуществу* пластическая, но она въ то же время положительно *можетъ* играть роль дыхательной; а дыхательная тоже лишь по преимуществу таковая, но что и она также входитъ въ составъ нашихъ тканей и въ извѣстной мѣрѣ также *можетъ* быть названа пластической.

Такимъ образомъ, Льюисъ, отвергая химическую теорію Либиха и отнимая у химіи право рѣшать этотъ вопросъ, вызвался разрѣшить намъ этотъ вопросъ физіологически. Вы думаете, онъ выполнилъ свое обѣщаніе? Вовсе нѣтъ. На первой же страницѣ онъ самъ сталъ въ тупикъ. Намъ, конечно, извѣстно, что отомаки въ Америкѣ впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ питаются (хорошее питаніе!) какою-то жирною, желѣзистою глиною, которой они съѣдаютъ по фунту въ день и больше. Хотя глина и обладаетъ пластическими свойствами, когда ею приходится обмазать избу, хотя изъ нея и можно вылѣпить самыя красивыя пластическія вещицы, но эти свойства важны развѣ въ художественномъ и гончарномъ отношеніи, относительно же нашего организма глина не имѣетъ никакихъ питательныхъ свойствъ, ни дыхательныхъ, ни пластическихъ; тѣмъ не менѣе люди питаются ею впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Что же физіологія смотритъ на это равнодушно, и какъ же объясняетъ на это купно съ Льюисомъ. А никакъ не объясняетъ, отказывается объяснить, не можетъ, не въ силахъ объяснить ничего. Она признаетъ фактъ существующимъ, неподлежащимъ сомнѣнію, и хотя онъ вполнѣ подлежитъ исключительному ея вѣденію, но тѣмъ не менѣе она ничего не можетъ съ нимъ подѣлать. Да, но вѣдь эти отомаки, ѣдящіе глину, — стыдъ, срамъ для физіологіи, они бѣльмо на глазу всѣхъ ученыхъ; они рушатъ всѣ наши теоріи о питаніи, они совершенно разстраиваютъ гармонію, царившую въ ученомъ мірѣ, и Льюисъ, несмотря на всѣ свои физіологическія нравоученія, которыми онъ пытался проучить Либиха, не добрелъ ни до какихъ положительныхъ результатовъ въ разъясненіи физіологическаго значенія пищи. Такъ, мы видимъ, что лучшіе наши естествоиспытатели снова возвращаются къ этому ученію. Такъ, Вирховъ говоритъ, что, благодаря Либиху, научное знаніе питательныхъ веществъ стало понятнѣе публикѣ. И хотя Вирховъ не раздѣляетъ строго химическаго взгляда Либиха, но остался ему вѣренъ въ смыслѣ физіологическомъ; онъ признаетъ видоизмѣненный физіологическій принципъ Либиха. Онъ, дѣйствительно, ушелъ нѣсколько дальше и, вмѣсто дыхательной и пластической пищи, онъ раздѣляетъ пищу на *согрѣвательную* и *питательную*, хотя

и не допускаетъ рѣзкаго разграниченія между этими двумя родами потому что рѣзкаго разграниченія и невозможно допустить, потому физіологія и гигіена не разрѣшили намъ до сихъ поръ нѣкоторыхъ обыденныхъ вопросовъ, потому что во многихъ еще царитъ неприл путаница. Ученые физіологи и гигіенисты еще до сихъ поръ не со лись, что лучше—черный или бѣлый хлѣбъ. Рекламъ утверждает необходимо ѣсть преимущественно черный хлѣбъ, чтобъ побольш работы желудку, Вирховъ сильно противъ этого возстаетъ. Одни о ваютъ преимущество растительной пищи (вегетаріанцы); другіе тр непремѣнно животную пищу. Какъ тутъ быть? Ясно одно, что и логія не могла намъ до сихъ поръ разрѣшить этотъ вопросъ во его подробностяхъ, и что ей еще долго придется потрудиться на достойномъ полѣ, имѣющемъ несомнѣнно первостепенное значеніе, мическое и соціальное значеніе пищи не подлежатъ сомнѣнію. Ф составъ пищи, способъ ея добыванія, количество и качество ея мѣнно обусловливаютъ характеръ цѣлаго общества, цѣлаго народа, вляютъ его благосостояніемъ, выражаютъ степень культуры и дв его цивилизаціей, прогрессомъ. Наконецъ, пищей опредѣляется хар и результаты борьбы за существованіе. Мы поэтому подольше вимся на этомъ вопросѣ.

Предъ нами новѣйшій трактатъ о пищѣ доктора Жюля Сира, торомъ онъ разсматриваетъ пищу въ физіологическомъ, патологичес терапевтическомъ отношеніяхъ. Въ этомъ трактатѣ собраны всѣ данн сающіяся этого вопроса, въ строго критической формѣ, всѣ послѣдніе р таты науки по этому предмету. Ни ученіе о пищѣ Молешота, ни нутыя нами статьи Льюиса, Вирхова, не могутъ сравниться съ этим нымъ законченнымъ сочиненіемъ. Конечно, очень желательно б видѣть эту книгу въ русскомъ переводѣ, но не иначе, какъ въ прим къ Россіи, къ русскому народу, а то мы сколько ни имѣемъ до сих книгъ и статей популярныхъ и ученыхъ по части физіологіи, гигіены и тики, никто еще не взялъ себѣ труда досконально сказать намъ, именно пищу долженъ употреблять русскій народъ, находящійся въ чительныхъ климатическихъ условіяхъ; растительную или животную долженъ онъ предпочесть, чтобы выносить тяжкую борьбу съ его окружающей природой, чтобы выдержать борьбу за свое существов окружающими народами. Дѣло это далеко нелегкое и требуетъ обширныхъ коллективныхъ трудовъ. Думаемъ, что Traité de l'alim

ои доктора Жюля Сира можетъ дать намъ на это нѣкоторыя не безпо-зныя указанія. Мы поэтому и будемъ его придерживаться въ дальнѣй-емъ нашемъ изложеніи. А priori замѣтимъ, что онъ большой поклон-икъ Либиха, но, какъ французъ, онъ вѣренъ ему съ практической точки рѣнія и менѣе съ теоретической. Докторъ Жюль Сиръ называетъ пищей акое вещество, которое, попавъ въ пищеварительный аппаратъ и пре-рпѣвъ спеціальную переработку или просто усвоившись, служитъ къ воз-тановленію потерь организма и содѣйствуетъ его развитію. Слѣдовательно, мнѣнію Сира, воду и соль, жиръ, крахмалъ, хлѣбъ и мясо совершенно праведливо должно признать за пищу и притомъ, такъ или иначе, пита-льную. Если вода составляетъ 70% нашего организма, то она такая е важная составная часть пищи, какъ и хлѣбъ. Пищевыя вещества, пере-дящія въ плоть и кровь нашего тѣла, онъ раздѣляетъ на три группы:) бѣлковинныя или *азотистыя*; 2) *жиры*; 3) *сахаръ* и *крахмалъ*. азсуждая такимъ образомъ, докторъ Сиръ утверждаетъ, что въ нашемъ рганизмѣ совершаются два процесса: возстановленіе потраченныхъ тканей отапливаніе, а потому онъ дѣлитъ пищу на азотистую или пластическую безазотистую или дыхательную. Онъ очень хорошо знаетъ, что бѣлко-инныя вещества, или азотистая пища, способны превращаться въ нашемъ рганизмѣ въ жирныя вещества и выполнять ихъ роль топлива, но, тѣмъ е менѣе, онъ признаетъ, что каждый отдѣлъ пищи имѣетъ спеціальное наченіе и исполняетъ свою роль по преимуществу, а потому принципъ дѣленія пищи на дыхательную и пластическую въ основаніи онъ признаетъ ѣрнымъ, но не обсолютно.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что ученіе Либиха не всѣми отвергнуто, что, напротивъ того, изъ химической лабораторіи оно перешло въ свою вторую фазу развитія, въ физіологическую лабораторію. Смѣло можемъ надѣяться, что оно перейдетъ въ свою послѣднюю фазу развитія и займетъ должное мѣсто въ соціологіи. Такъ оно и слѣдуетъ, если быть послѣдовательнымъ съ точки зрѣнія О. Конта: за химіей слѣдуетъ физіологія, а онѣ обѣ слу-жатъ къ разъясненію законовъ соціологіи, которая, конечно, должна осно-вываться на первыхъ двухъ.

Мы больше не будемъ вдаваться въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этого во-проса; наше дѣло разсмотрѣть значеніе пищи съ точки зрѣнія біологиче-ской, строго основанной на химіи и физіологіи. Вотъ съ этой точки зрѣнія намъ кажется весьма возможнымъ и логическимъ раздѣлить пищу также на два большихъ отдѣла, изъ коихъ каждый имѣетъ свое особенное, пре-

имущественное специальное значеніе: 1) на *пищу жирообразовател* дающую жиръ и 2) на *пищу силообразовательную*, дающую мы нервы и прочія благородныя ткани нашему организму. Къ первой к носимъ крахмалъ, картофель, сахаръ, всякія овощи, сало, жиры, конфекты, печенья, всевозможныя лакомства; ко второй мы относимъ во всѣхъ его видахъ, и хлѣбъ, въ лучшей его формѣ. Первая — предметъ роскоши, изобилія, чрезмѣрнаго достатка и ведетъ къ ожи вторая даетъ возможность трудиться и возстановляетъ потраченну бочую силу. Мы пояснимъ нашъ взглядъ однимъ частнымъ, индиви нымъ фактомъ и потомъ представимъ нѣсколько общихъ наблюденій Льюисъ, такъ и другіе противники либиховскаго ученія, вѣроятно, изумились, когда сдѣлалось извѣстнымъ излеченіе Бэнтинга отъ ту особымъ методомъ, который съ тѣхъ поръ извѣстенъ подъ его име который теперь пріобрѣлъ небывалую популярность. Извѣстно, что Бэнтингу было 66 лѣтъ, онъ былъ въ объемѣ больше 5 футовъ и 250 фунтовъ. Цѣлыя 20 лѣтъ онъ лечился постоянно и всевозможным собами и совершенно безуспѣшно. Случайно наткнулся онъ на врача Г можетъ быть, потомка знаменитаго Гарвея, который его вылечилъ роткое время безъ всякихъ лекарствъ, единственно регулировавъ ег и предписавъ ему особенный родъ питанія. Когда онъ выздоровѣлъ, онъ представился англійской королевѣ и при этомъ сбросилъ съ себя оди стюмъ за другимъ, которые ему пришлось сшить по мѣрѣ ожирѣнія. онъ вылечился, вѣсъ его уменьшился на 146 фунтовъ, а объемъ его шился на 12 дюймовъ. Это было достигнуто тѣмъ, что ему совер была запрещена всякая пища, состоящая изъ масла, жира, молок хара и картофеля. Ему также запрещено было пить пиво и пред ѣсть какъ можно меньше хлѣба; словомъ, воспрещена была всякая малистая, жирная и сахаръ содержащая пища. За то ему было раз сколько угодно мяса, чаю и кофе, но безъ сахара и сливокъ. Мы имѣли случай провѣрить на опытѣ этотъ фактъ. Мы лечили одного ника, который вѣсилъ 5 пудовъ и 13 фунтовъ; по истеченіи мѣся уже вѣсилъ 4 пуда 33 фунта; слѣдовательно, втеченіи одного мѣсяц всякаго посторонняго лекарства и оставаясь совершенно здоровымъ, терялъ 20 фунтовъ, единственно благодаря тому обстоятельству, запретили ему всякую жирообразовательную пищу. Фактъ этотъ теперь несомнѣненъ, что мы беремъ на себя смѣлость настаивать вильномъ раздѣленіи нами пищи. Понятно само собою, что дѣленіе

бсолютное и не выдерживаетъ строго-физіологической критики. А развѣ химическое и физіологическое раздѣленіе пищи выдерживаетъ строгую критику и абсолютно? Конечно, и тамъ есть прочныя основанія, и мы нашему взгляду представили и представимъ научныя основанія.

Наше дѣленіе пищи совершенно соотвѣтствуетъ раціональному дѣленію пищи профессора Гексли, который, какъ извѣстно, дѣлитъ ее на *существенную* или бѣлковинную, или азотистую, и *несущественную* или жиры и крахмалъ. Какъ ни раціонально это дѣленіе, тѣмъ не менѣе и оно вполнѣ условное, относительное, потому что и та, и другая пища бываетъ существенною или несущественною, въ извѣстной мѣрѣ, для того или другого народа, смотря по климату, въ которомъ онъ живетъ. И въ этомъ отношеніи извѣстная поговорка «что русскому здорово, то нѣмцу смерть» имѣетъ свою долю правды. Жирообразовательная пища, исключительно или преимущественно употребляемая, ведетъ къ самымъ плачевнымъ, къ самымъ гибельнымъ результатамъ. Такъ, извѣстно, что англійскій докторъ Штаркъ хотѣлъ на себѣ испытать питательность сахара и втеченіи трехъ недѣль исключительно питался однимъ сахаромъ и, разумѣется, палъ жертвой своего страннаго любопытства. Но даже въ растеніяхъ жиры играютъ важную физіологическую роль. По мнѣнію доктора Сира, жиры и въ растеніяхъ играютъ ту же роль, какъ и въ животномъ и человѣческомъ организмѣ. Жирныя вещества преимущественно скопляются въ сѣменахъ растеній. Если мы при этомъ вспомнимъ, что прозябаніе, всходъ сѣмянъ, сопровождается значительнымъ отдѣленіемъ теплоты, то это дастъ намъ право предполагать, что присутствіе въ сѣмени жировъ назначено для отдѣленія теплоты. Мы очень хорошо знаемъ, что въ растительной пищѣ преобладаютъ жирообразователи, а потому исключительное или преимущественное питаніе растительной пищей имѣетъ свои серьезныя неудобства. Мы придерживаемся того безусловно-вѣрнаго физіологическаго принципа, что для каждаго человѣка отдѣльно и для цѣлаго народа та пища должна считаться наилучшею, которая, при возможно меньшемъ объемѣ, наивозможно скорѣе и удобнѣе претворяется и возстановляетъ потери организма. Положимъ, что и въ этомъ отношеніи формула эта допускаетъ серьезныя возраженія, видоизмѣняясь сообразно климатамъ, но въ основаніи она будетъ вѣрна. Мы видѣли выше, что большинство человѣчества на всѣхъ ступеняхъ историческаго и соціальнаго развитія имѣетъ пристрастіе все-таки въ животной пищѣ. Согласитесь сами, что если нѣкоторые народцы не оставляютъ въ покоѣ ни одно животное, даже вошь на головѣ, если они подчасъ по-

ѣдаютъ послѣднюю подошву стараго башмака, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такіе субъекты предпочли бы всѣмъ такимъ гадостямъ хорошій кусокъ говядины, въ видѣ англійскаго ростбифа или бифстекса. Ясно, что имъ не позволяетъ этого ихъ крайняя бѣдность, то экономическое убожество, которое отличаетъ народы умственно отсталые и политически неразвитые. Мы не можемъ указать ни одного народа на земномъ шарѣ, который въ полномъ своемъ составѣ придерживался бы этого физіологическаго принципа, т. е. употреблялъ бы наиболѣе питательную пищу, при возможно меньшемъ объемѣ. Но почти у каждаго цивилизованнаго народа есть особый классъ людей, который болѣе или менѣе придерживается этого діэтетическаго правила. Это самый счастливый классъ людей. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ борьбѣ за существованіе этотъ классъ одержалъ верхъ надъ всѣми остальными классами, а потому и господствуетъ надъ ними. Этотъ классъ пользуется наибольшимъ благоденствіемъ, самымъ лучшимъ физическимъ здоровьемъ, наибольшею продолжительностью жизни, наименьшею смертностью. Это классъ достаточныхъ людей. Остальные же классы вынуждены для своего питанія употреблять такую комбинацію растительныхъ и животныхъ веществъ, что значительная доля ихъ никуда не годится, лишь обременяетъ желудокъ и весь пищеварительный аппаратъ излишнимъ бременемъ, утруждаетъ организмъ переработкой этого груза, изъ котораго лишь часть идетъ на питаніе организма, но питаніе это недостаточно: организмъ претерпѣваетъ если не желудочный, то системный, тканевой голодъ, и, раньше или позже, падаетъ жертвой недостаточнаго питанія. Желая вполнѣ и неизмѣнно оставаться вѣрнымъ этому физіологическому принципу, мы должны согласиться разъ навсегда и признать, что нормой человѣческаго питанія должно быть опредѣленное количество лучшей говядины, minimum $^3/_4$ фунта, и вдвое большее количество самаго лучшаго бѣлаго хлѣба. И это непремѣнное условіе хорошаго питанія. Мы говоримъ два фунта самаго лучшаго бѣлаго хлѣба, но Рекламъ утверждаетъ, что черный хлѣбъ лучше, и положительно ошибается. Онъ думаетъ, что черный хлѣбъ будетъ дѣйствовать, какъ стимулъ, возбуждающій къ большему отдѣленію желудочнаго сока слизистой оболочкой желудка, но это совершенно лишняя работа, лишняя трата силъ. Вѣдь это, право, нѣсколько смѣшно; къ чему заставлять организмъ тратить свои силы понапрасну, когда можно достигнуть той же цѣли съ гораздо меньшей затратой силъ, скорѣе и съ несравненно большимъ удобствомъ. Хорошій бѣлый хлѣбъ представляетъ собою чистѣйшую бѣлковину, клейковину и крахмалъ.

все это легко измѣняется дѣйствіемъ слюны и желудочнаго сока, безъ особенныхъ усилій, и переходитъ, такъ сказать, чуть не цѣликомъ въ вашу плоть и кровь. Въ черномъ хлѣбѣ значительная примѣсь отрубей, клѣтчатки и такое количество крахмала, что вашему желудку справиться со всѣмъ этимъ гораздо труднѣе. Спрашивается, къ чему же это? Слѣдовательно, если средства вамъ позволяютъ, вы навѣрное предпочтете бѣлый хлѣбъ черному. Знаменитый профессоръ Вирховъ много содѣйствовалъ къ ниспроверженію этого предразсудка, этого слишкомъ распространившагося заблужденія. «Часто говорятъ, справедливо разсуждаетъ профессоръ Вирховъ, что желудокъ требуетъ работы; поэтому не слѣдуетъ наполнять его слишкомъ деликатной пищей. Говорятъ, что черный хлѣбъ будто бы лучше бѣлаго; свѣжіе плоды будто бы лучше вареныхъ; сырое мясо будто бы здоровѣе варенаго или жаренаго. Только одного мы не слыхали, чтобъ сырой картофель предпочитался вареному или жареному. Это предположеніе зависитъ отъ незнанія. Всѣ эти пищевыя вещества содержатъ въ себѣ безусловно непереваримыя составныя части. Черный хлѣбъ содержитъ ихъ болѣе, чѣмъ бѣлый и поэтому въ чувствительномъ желудкѣ онъ легко возбуждаетъ отягощеніе, въ то время, какъ на крѣпкій желудокъ онъ дѣйствуетъ, какъ вещество производящее мѣстное раздраженіе. Это раздраженіе можетъ, конечно, вызвать сильнѣйшее отдѣленіе желудочнаго сока, которое, при одновременномъ потребленіи мяса, бѣлка, сыру, можетъ имѣть нѣкоторое благотворное вліяніе, вслѣдствіе болѣе сильнаго растворенія и разложенія этихъ послѣднихъ веществъ; затѣмъ также и въ кишечномъ каналѣ деревянистыя части могутъ обусловливать усиленіе червеобразнаго движенія и этимъ ускорить удаленіе изъ тѣла непереваримыхъ веществъ. Въ этомъ отношеніи нельзя отрицать, что усиленная «работа желудка» полезна. Но ясно, что большая часть этой работы излишня, если потребуется меньше деревянистыхъ частей, и что понадобится меньше желудочнаго сока, если только вещества приготовлены и разжеваны надлежащимъ образомъ. Цѣль, которая здѣсь имѣется въ виду, вовсе не работа желудка, а питаніе, и поэтому для этой цѣли гораздо соотвѣтственнѣе не задавать желудку излишней ненадлежащей работы безъ всякой внѣшней нужды; внутренней потребности къ тому нѣтъ никакой, коль скоро мы живемъ разумно» *). Мы привели эти слова профессора Вирхова для того, чтобы

*) Вирховъ. Питательныя и непитательныя вещества. Общепонят. гигіенич. сочиненія, Доктора Ловцова. Стр. 16.

доказать, что здѣсь вовсе дѣло не идетъ о вкусахъ того или другог
рода, или того или другого лица. Вопросъ безапеляціонно въ польз
лаго хлѣба и споровъ здѣсь быть больше не можетъ. Пушкинъ разс
ваетъ, что онъ встрѣтилъ на Кавказѣ какихъ-то плѣнныхъ черке
которые жаловались ему, что ихъ морятъ голодомъ, потому что не д
бѣлаго хлѣба, а только черный. Потомъ онъ встрѣтился съ своимъ
телемъ въ Петербургѣ, какимъ-то графомъ Нулинымъ, только-что во
тившимся изъ-за границы и проклинавшимъ Парижъ за то, что онъ
чуть не умеръ съ голоду, потому что не могъ достать ни кусочка че
хлѣба. Это вовсе не доказываетъ различія вкусовъ, это лишь доказыв
насколько цивилизованнѣе былъ дикій черкесъ цивилизованнаго д
графа Нулина.

Много странныхъ и непонятныхъ явленій въ природѣ. Всѣмъ,
нечно, извѣстно, что хлѣбъ добывается исключительно крестьян
руками, что они влагаютъ въ землю нѣсколько мѣсяцевъ самаго
лаго неусыпнаго труда; поэтому казалось, что имъ бы первымъ и
шій кусокъ бѣлаго хлѣба, а между тѣмъ выходитъ совершенно на
ротъ. Крестьянамъ достается худшій и самый скудный пай, а л
бѣлый хлѣбъ какъ разъ достается тѣмъ, кто меньше всего объ нем
заботился. Отчего бы это такъ? Всѣмъ, конечно, извѣстно, что луч
единственные у насъ звѣроловы — крестьяне, что лисица, соболь, ку
бобръ и всякій другой пушной звѣрь преслѣдуется неутомимымъ вр
и борцомъ за свое жалкое существованіе — крестьяниномъ. Казалось
бы и лучшая шуба. Но нѣтъ! онъ долженъ себя считать счастливѣй
если у него есть нагольный бараній тулупъ, не то онъ прикрывается
кими нибудь лохмотьями. Лучшіе же мѣха, имъ добытые, прикры
какъ разъ тѣ тѣла, на которыхъ слой жира такой толщины, что н
проберетъ никакой морозъ. Отчего же все это? Мы здѣсь видимъ б
за существованіе, борьбу труда съ своимъ могучимъ врагомъ — ка
ломъ, и пока первый не вытѣснитъ, не одолѣетъ послѣдняго врага
не быть добру на свѣтѣ.

Нечего, слѣдовательно, утверждать, что мужики привыкли къ че
хлѣбу и сами его предпочитаютъ. Неправда! мы сами имѣли случай
однократно убѣдиться, какъ въ Малороссіи, такъ и въ пермской губ
что крестьянинъ смотритъ на кусокъ бѣлаго хлѣба, какъ на лако
какъ на пряникъ, и всегда предпочелъ бы бѣлый хлѣбъ черному, е
ему это позволило его состояніе, еслибъ.... «Главнѣйшіе злаки, уп

ные человѣкомъ для своего питанія, говоритъ докторъ Жюль Сиръ, по ности и значенію могутъ быть представлены въ слѣдующемъ порядкѣ: ница, маисъ, рисъ, ячмень, рожь и овесъ.» Отсюда мы видимъ, что ніе современные физіологи ставятъ рожь немногимъ выше овса, коимъ асъ преимущественно кормятъ лошадей, а по отношенію къ пшеницѣ ь занимаетъ чуть не послѣднее мѣсто. Потому-то у крестьянина такое ое тѣло, а у привилегированнаго сословія такое бѣлое, атласное бладное тѣло, что первый питается рожью, а второй пшеницей. «Челоь есть то, что онъ ѣстъ», говоритъ Фейербахъ. «Хотя, говоритъ докъ Жюль Сиръ, всѣ эти злаки употребляются въ одной и той же странѣ, римѣръ, во Франціи, но преобладаніе того или другого элемента въ пищѣ ываетъ на особенность почвы и климата. Такъ, ячмень преимущественно ребляется на сѣверѣ; пшеница и овесъ въ умѣренномъ поясѣ, а маисъ исъ въ болѣе южномъ.» Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобъ пшеу нельзя было разводить и употреблять по всей Франціи, да, пожалуй всей Европѣ.

Важность злаковъ, какъ пищи, основывается на ихъ богатствѣ питаными составными частями въ связи съ относительной дешевизной, енно если сравнить ихъ цѣнность съ дороговизной мяса. Великая польза зависитъ также отъ значительнаго количества углерода, который въ содержится (отъ 40 до 50 на 100), и который служитъ лучшимъ олненіемъ къ мясу — пищѣ азотистой по преимуществу: отсюда вытеъ та разумная привычка, которая научила людей соединять съ гоной хлѣбъ, или какой нибудь другой матеріалъ, богатый углеродомъ, ъ, напримѣръ, рисъ или картофель. Мучнистые бобы также могли бы жить суррогатомъ хлѣба, замѣнять его, потому что они дѣйствительно же богаты углеродомъ, какъ и хлѣбъ, но за то они имѣютъ то больнеудобство, что они отличаются крайнею неудобоваримостью.» *).

Такимъ образомъ, пшеничный хлѣбъ — фундаментальная пища въ связи лучшей говядиной; рисъ же, картофель, бобы и т. д. самые плохіе ѣстители, самые дурные суррогаты, допускаемые и терпимые лишь въ у крайности и соціальнаго убожества. «Словомъ, хлѣбъ самая драѣйшая пища, говоритъ далѣе докторъ Жюль Сиръ, потому что, при начительномъ объемѣ, онъ заключаетъ въ себѣ значительное количество

) Д-ръ Жюль Сиръ. Стр. 65.

питательныхъ и легко усвоиваемыхъ элементовъ, потому что въ немъ
и азотистые элементы, и жиры, и вещества, превращающіяся въ саха
соли, словомъ, это совершеннѣйшая пища, драгоцѣнная еще потому,
она по своей невысокой цѣнѣ доступна всѣмъ. По сравненію съ гов
ной хлѣбъ при одинаковомъ вѣсѣ содержитъ въ три раза меньше аз
тыхъ элементовъ, но за то въ четыре раза больше углерода, что
ставляетъ немаловажное вознагражденіе *).

Наконецъ, потребленіе хлѣба обширнѣе и распространеннѣе потреб
мяса; потребленіе это даже соотвѣтствуетъ нѣсколько суммѣ труда,
трачиваемаго населеніемъ: такъ, въ Парижѣ среднее потребленіе ежед
каждымъ обитателемъ простирается до 425 граммовъ (или немногимъ б
фунта); въ округѣ Сюо среднее потребленіе равняется 456 граммамъ,
округѣ Сен-Дени, въ которомъ обитаетъ несравненно больше земле
цевъ, чѣмъ въ названныхъ мѣстахъ, среднее потребленіе составляет
граммовъ». Столь же существенный, если еще не больше, столь же
ный ингредіентъ пищи представляетъ мясо. Выраженіе: мясо даетъ
составляетъ глубокую физіологическую правду. Мы видѣли, какъ
шинство человѣчества прибѣгаетъ преимущественно къ животной
Дикари въ этомъ отношеніи гораздо практичнѣе древняго греческаг
лософа Діогена. Животное, принесенное имъ въ жертву въ храмѣ
какъ извѣстно, онъ досталъ изъ собственнаго звѣринца, пребыва
на его головѣ. Дикари же приносятъ въ жертву этихъ животныхъ
ему собственному желудку, потому что оно все-таки мясо. «Совер
справедливо, говоритъ докторъ Жюль Сиръ, занимаетъ мясо первос
ное мѣсто въ пищѣ человѣка; самое плодотворное питательное
ство — его удобоваримость, аналогичность въ составѣ съ человѣч
тѣломъ, животная обработка, какую получили уже его главныя с
ныя части, легкость добыванія его во всѣхъ странахъ, все это, безс
говоритъ въ пользу мяса; вотъ почему мясо—основа, самая существ
часть истинно-возстанавливающей пищи». «Мѣра потребленія мяса,
вполнѣ можетъ служить указаніемъ благосостоянія страны, — очень
лична въ различныхъ областяхъ Франціи: она почти въ прямой зав
сти отъ густоты населенія и отъ развитія торговли и промышлен
но эта мѣра далеко не въ связи съ суммою труда, потрачиваемаго

*) Жюль Сиръ. Стр. 72.

ымъ людомъ, что, однакожъ, должно было бы имѣть мѣсто. Такимъ образомъ, въ большихъ центрахъ населенія, какъ Парижъ, Ліонъ, Руанъ и Лиль, среднее потребленіе мяса каждымъ обитателемъ очень значительно, между тѣмъ какъ въ большинствѣ окрестныхъ селеній, подчасъ на значительномъ пространствѣ, это среднее потребленіе падаетъ весьма низко. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне ѣдятъ мясо только по воскресеньямъ; въ другихъ мѣстахъ—лишь по большимъ праздникамъ; еще въ другихъ—разъ или два за цѣлый годъ: къ тому же имъ достается развѣ кусокъ свиного мяса». Въ Парижѣ, такимъ образомъ, годовое потребленіе простирается отъ 74 до 75 килограммовъ на каждаго жителя или 182 русскихъ фунта, въ городахъ отъ 53 до 54 килограм., а въ селахъ отъ 5 до 6 килограммовъ или нѣсколько больше 13 фунтовъ. Отсюда видно, сколько еще нужно прогресса (и борьбы за существованіе, скажемъ мы вмѣстѣ съ Дарвиномъ) для того, чтобы наши работники и полевые труженики пользовались тѣмъ существеннымъ и неизбѣжнымъ для здоровья питаніемъ, котораго требуетъ постоянный и суровый трудъ ихъ горемычной жизни» *).

Отсюда, на основаніи вышеприведеннаго, мы въ правѣ остановиться на томъ заключеніи, что бѣлый хлѣбъ и мясо составляютъ неизбѣжныя условія хорошаго питанія, что они должны, въ извѣстной опредѣленной пропорціи, быть въ соединеніи, для правильнаго питанія, и не могутъ и *не должны* пополнять одно другое. Хлѣбъ и говядина; говядина и хлѣбъ, условіе sine qua non питанія. Одно другое замѣнить не можетъ. Нельзя, никакъ нельзя утверждать, что все равно, употреблять ли говядину, безъ хлѣба, лишь бы побольше, или одинъ хлѣбъ безъ говядины, лишь бы побольше. Нѣтъ, это будетъ нарушеніе физіологической потребности организма. Такимъ образомъ, хлѣбъ и мясо составляютъ суть питанія. Это основной фондъ пищи. Это—послѣднее слово науки, кто бы что ни говорилъ противъ этого. Думаемъ, что противники этой истины только потому такъ тупо разсуждаютъ, что, вѣроятно, дурно питаются; въ противномъ случаѣ, они были бы разумнѣе.

Но мясо мясу рознь. По степени питательности и удобоваримости докторъ Сиръ распредѣляетъ различные роды мяса въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) бычачья говядина; 2) баранина; 3) цыпленокъ; 4) свинина и 5) на-

---

*) Жюль Сиръ. Стр. 35—37.

конецъ, телятина. Такимъ образомъ, столь дорогая телятина, за которою такъ гонятся аристократическіе желудки, по степени питательности и удобоваримости занимаетъ послѣднее мѣсто. Мы поэтому желаемъ обратить здѣсь вниманіе читателя на это обстоятельство и посовѣтовать ему никогда въ руки не брать телятины и особенно не пичкать ею своихъ дѣтей, а всегда предпочитать говядину и притомъ непремѣнно жареную, а никакъ не вареную. Всевозможные супы, бульоны, либиховы мясные экстракты и тому подобная дребедень пусть будетъ достояніемъ желудковъ, обрѣтающихся у людей праздныхъ, проводящихъ жизнь въ бездѣйствіи, безъ движенія, безъ всякаго физическаго и умственнаго труда; все это можетъ быть кормомъ, фуражемъ людей тунеядствующихъ; для человѣка же трудового, проводящаго жизнь за физической или умственной работой, необходима говядина и говядина по преимуществу. Профессоръ Вирховъ говоритъ, что «при вареніи мяса, т. е. при приготовленіи мясного отварнаго бульона, мясныя волокна, вслѣдствіе свертыванія въ нихъ бѣлка, отвердѣваютъ и уплотняются, почему они труднѣе перевариваются или весьма часто становятся даже совсѣмъ непереваримыми. «Поэтому, продолжаетъ профессоръ Вирховъ, совѣтую людямъ средняго и низшаго класса народа, у которыхъ мясо, варимое для приготовленія бульона, часто составляетъ единственное мясное блюдо за столомъ, оставить столь нехозяйственное приготовленіе ихъ кушанья, такъ какъ получаемый бульонъ есть болѣе предметъ наслажденія, чѣмъ пища, и оставшееся мясо теряетъ большую часть своей питательности. Это мясо по своимъ свойствамъ походитъ на крутыя яйца, бѣлокъ которыхъ есть самое тяжелое испытаніе для чувствительнаго желудка. Именно животныя пищевыя вещества почти всегда дѣлаются хуже отъ несоотвѣтственнаго приготовленія» *).

Итакъ, нормой питанія для каждаго индивидуума отдѣльно и вообще для цѣлаго народа мы ставимъ опредѣленную комбинацію не тѣхъ или другихъ растительныхъ или животныхъ веществъ, а только хорошаго бѣлаго хлѣба и лучшихъ сортовъ говядины. Комбинація эта можетъ колебаться, смотря по климату и времени года, она можетъ колебаться соотвѣтственно тому или другому классу общества; но въ основаніи своемъ она непоколебима, незыблена. Этой нормой и отступленіями отъ нея опредѣляется степень цивилизаціи, благосостоянія и долговѣчности народа.

---

*) Вирховъ. I. C. Стр. 19.

ества, класса, индивидуума. Всѣ опыты, какіе доселѣ производились этомъ направленіи надъ цѣлыми классами общества или надъ цѣлыми дами и нарушали эту норму или производили большія отступленія отъ этой инаціи,—имѣли самое пагубное вліяніе на физическую, умственную и нравную стороны людей, подвергшихся этимъ опытамъ. И не только человѣкъ, даже весьма немногія животныя безнаказанно переносятъ питаніе одною ю нибудь исключительной пищей. Такъ, пробовали кормить собакъ сахаъ, или камедью, или оливковымъ масломъ, или коровьимъ масломъ, или жаломъ, причемъ въ питье шла одна вода, и собаки выносили такое жалпитаніе лишь самый ограниченный срокъ времени—отъ 30 до 40 дней. аки околѣвали отъ слишкомъ постной пищи. При вскрытіи легко было диться въ чрезмѣрномъ уменьшеніи объема мускуловъ и въ совершенъ отсутствіи жира. Такіе же опыты дѣлали Тидеманъ и Гмелинъ съ ями и пришли къ тѣмъ же результатамъ. Такія же послѣдствія дали ты, совершенно противуположные. Исключительное питаніе азотистой цей, напримѣръ, чистымъ бѣлкомъ, также вело къ вымиранію. Даже тоянное кормленіе одною какою нибудь пищей, хотя бы она содержала тистые и безазотистые элементы, неизбѣжно потрясаетъ организацію отнаго. Такъ, собаки, кормимыя однѣ исключительно крутыми яйцами, ія бѣлымъ хлѣбомъ и водой, жили не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Даже я ничтожная тварь, какъ кроликъ, и тотъ не выноситъ кормленія ючительно однимъ какимъ нибудь веществомъ. Кормимые одной лишь ковью, или сырымъ картофелемъ, или ячменемъ, они вскорѣ убира- со сцены житейскаго пира, между тѣмъ какъ другіе, болѣе счастли-, кормимые день однимъ веществомъ, а другой день другимъ или каждый тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, жили себѣ долго и увеличивались въ вѣсѣ. въ древности было множество сектъ, придерживавшихся исключительно тительной пищи. Порфирій сильно настаивалъ на воздержаніи отъ живой пищи, но подобныя тенденціи имѣли самыя гибельныя послѣдствія. вда, исключительное питаніе мясомъ хотя и имѣетъ свои хорошія сто-ы, но въ то же время имѣетъ такія колоссальныя въ соціальномъ отеніи неудобства, что желать его въ исключительной формѣ было бы міемъ. Спору нѣтъ, что индѣйскія племена сѣверной и южной Америки ичаются сильною мускулатурой и необыкновенной силой движенія; не лежитъ сомнѣнію, что татары и калмыки, альпійскіе пастухи и жители ой Шотландіи пользуются необыкновенной физической силой и завидъ развитіемъ мышцъ. Всѣмъ этимъ они, конечно, обязаны скотовод-

ству и преимущественному питанію мясомъ. Но охотничьимъ и рыбо
нымъ племенамъ нужны обширныя охотничьи и рыболовныя простра
для того, чтобы обезпечить существованіе даже небольшому числу л
Едва тысячи влачатъ скудное, недоступное никакому прогрессу суще
ваніе на пространствѣ, которое при земледѣліи дало бы милліонамъ л
не только всѣ потребности и удобства тѣлеснаго существованія, но в
можность духовнаго развитія. Вотъ въ чемъ заключается неудобство
достатокъ исключительно мясной пищи. При такой пищѣ человѣкъ,
сказать, въ зависимости отъ случая, попадется ли ему на охотѣ ч
будь для дневного пропитанія, а завтрашній день обезпечить онъ
вовсе не можетъ. Еще меньше онъ можетъ запастись пищей на болѣ
должительное время, какъ, напримѣръ, на зиму. Такое ограниченіе пищ
житъ человѣка въ разрозненномъ и кочующемъ состояніи; борьба
существованіе съ животнымъ міромъ, такъ сказать, непосредственна.
населеніе такого сорта не можетъ увеличиться въ численности и
на самой низкой степени культуры, какъ это видимъ у всѣхъ ди
арктическаго пояса. И хотя скотоводство поднимаетъ нѣсколько бл
стояніе человѣка и отодвигаетъ его отъ первобытнаго дикаго сост
на значительное разстояніе, но и здѣсь слишкомъ высока завис
человѣка отъ ограниченнаго количества и однообразія пищи. Еще
въ этомъ отношеніи народцы, питающіеся исключительно рыбою, ка
пландцы, самоѣды, гренландцы и камчадалы. Они даже не имѣютъ
привиллегій, какими пользуются мясомъ питающіеся дикари, пото
они отличаются необыкновенною слабостью мускуловъ и находятся в
большей зависимости отъ еще болѣе обманчивой и ненадежной
какъ море и рѣки.

Исключительное потребленіе растительной пищи, какъ мы сказали,
несвойственно человѣку, и мы хотимъ опровергнуть то постоянное и г
ствующее заблужденіе, что вотъ-де такой-то народъ живетъ же иск
тельно такой-то пищей и здоровъ. Такъ, намъ приводятъ въ пр
несчастнаго итальянскаго лаццарони, который сытъ себѣ нѣсколькими
каронами и цѣлый день веселъ и поетъ, но при этомъ проповѣдник
исключительной пищи совершенно упускаютъ изъ вида, что именно т
рода пища и располагаетъ его къ лѣни и бездѣйствію. Обыкновенн
любятъ ставить намъ въ примѣръ индусовъ, удовлетворяющихся го
риса и якобы благодушествующихъ при такомъ способѣ питанія, н
первыхъ, тамъ, въ Индіи, охота и мясная пища вышли изъ употреб

равнительно въ недавнее время въ силу разныхъ религіозныхъ воззрѣній, во-вторыхъ, этимъ объясняется безсиліе ихъ физическаго строенія, слабость мускуловъ. Такъ какъ они употребляютъ преимущественно растительную пищу, состоящую изъ риса и овощей, и такъ какъ эти ингредіенты представляютъ очень мало вознагражденій для веществъ, выдѣленныхъ кровью, то этимъ объясняется недостаточное питаніе ихъ организма и вслѣдствіе того не только мускулы дѣлаются у нихъ безсильными, но и мозгъ получаетъ скудное питаніе. Отсюда намъ понятно, почему индусы отличаются, какъ многіе другіе тропическіе народы, такою нерѣшительностью и недостаткомъ самостоятельности. Отсюда намъ далѣе ясно, какъ божій день, почему 140 милліоновъ индѣйцевъ, питающихся рисомъ и живущихъ въ полуголодь, повинуются нѣсколькимъ тысячамъ хорошо упитанныхъ мясомъ и хлѣбомъ англичанъ. Правда, растительная пища укрощаетъ нравы и брамины объ этомъ очень заботились, когда вводили правила питанія, но сами-то они продолжали хорошо питаться, и потому остались господствующимъ, привиллегированнымъ классомъ, народъ же они обезсилили и истощили до того, что онъ сдѣлался рабомъ чужеземнаго властелина. Слава Богу, и спасибо право, что еще не ставятъ намъ въ примѣръ несчастную Ирландію, болѣе другихъ европейскихъ странъ испытывающую всю сладость картофеля. Конечно, картофель съ говядиной еще куда ни шло. Но исключительное потребленіе одного картофеля превратило эту страну въ самое печальное жилище нищеты. И, конечно, никогда бы Англія не властвовала надъ зеленымъ островомъ, еслибъ они обмѣнялись пищей, еслибъ Англія посылала свои стада и пшеничный хлѣбъ въ Ирландію и получила бы взамѣнъ всего этого картофель. «Бѣдная бѣлковыми веществами кровь, образованная изъ картофеля, не можетъ дать мускуламъ силу наживать мозгъ. Бѣдная Ирландія! Бѣдность ея, въ свою очередь, порождаетъ нищету. Ирландія не можетъ остаться побѣдительницею въ борьбѣ съ своимъ гордымъ сосѣдомъ, котораго прекрасныя стада доказываютъ силу хозяевъ. Она не можетъ побѣдить, потому что пища ея народа порождаетъ не одушевленіе, а отчаяніе» *).

Намъ скажутъ, что Ирландія находится въ бѣдственномъ положеніи, именно потому, что растительная ея пища не соотвѣтствуетъ ея климатическимъ условіямъ. И дѣйствительно, всѣ утверждаютъ, что чѣмъ ближе

*) Молешотъ. Ученіе о пищѣ. Стр. 103.

къ сѣверу, тѣмъ больше увеличивается потребленіе мясной пищи, а потребленіе растительной уменьшается. Правда и то, что единственное занятіе всѣхъ сибирскихъ инородцевъ — добываніе животной пищи. Якуты пожираютъ во множествѣ быковъ и лошадей и пьютъ коровье и кобылье молоко. А лучшее лакомство для нихъ кусокъ жиру или сала. Отсюда поспѣшили вывести заключеніе, что животная пища неизбѣжна въ странахъ, примыкающихъ къ сѣверу, а растительная, напротивъ, приличествуетъ южнымъ странамъ. Но мы представимъ и этому противорѣчивые факты. Въ Бразиліи основа пищи—мясо, бычачья говядина, свѣжая, соленая или сушеная. Даже весьма мало тамъ употребляютъ хлѣба. Къ тому же тамъ пьютъ кофе и чай, вся эта пища преимущественно азотистая. Въ Сенегалѣ пища почти исключительно животная, и тамъ изобилуетъ дичь и рыба.

Изъ этого сравнительнаго обзора необходимо слѣдуетъ, что исключительное потребленіе той или другой пищи вовсе не свойственно человѣческому организму, что ни климатъ, ни условія соціальнаго быта не требуютъ такой исключительной пищи, что, напротивъ, такое исключительное питаніе влечетъ за собою физіологическій и соціальный вредъ; что, далѣе, человѣкъ долженъ для своего физіологическаго и соціальнаго блага питаться непремѣнно смѣшанной пищей, что онъ для своего общественнаго и гражданскаго преуспѣянія долженъ соединять земледѣліе съ скотоводствомъ, которыя потребуютъ отъ него осѣдлости и дадутъ ему средства для прогресса, для самаго цвѣтущаго развитія культуры.

Повторяемъ, хотя этотъ споръ затѣянъ въ самой глубокой древности, но только настоящее развитіе науки рѣшило этотъ вопросъ настолько положительно, что здѣсь болѣе нѣтъ мѣста сомнѣнію. Вспомнимъ, что еще такъ недавно Ж. Ж. Руссо въ своей системѣ воспитанія требовалъ для человѣка непремѣнно растительной пищи, вспомнимъ, что вслѣдъ за нимъ Гельвецій настаивалъ на исключительномъ потребленіи животной пищи. Все это было такъ недавно, и теперь эти крайнія мнѣнія уступили самому положительному принципу въ необходимости смѣшанной пищи. И то, что прежде казалось дѣломъ вкуса, теперь отвергнуто. Полагали, что въ выборѣ пищи каждый человѣкъ и каждый народъ можетъ руководствоваться собственнымъ вкусомъ. Наука теперь возвела ученіе о пищѣ на степень положительнаго и несомнѣннаго закона, нарушеніе котораго влечетъ за собою физіологическую или соціальную кару.

Но, поставивъ нормой питанія смѣшанную пищу, въ которой должны преобладать хлѣбъ и говядина, мы прибавимъ, что комбинація эта огра-

чивается временемъ года, климатомъ и степенью физическаго или умственнаго труда. Такъ, зимою обыкновенно больше ѣдятъ и охотнѣе ѣдятъ со и вещества жирныя и сахарныя; лѣтомъ меньше говядины, но больше сладостей, плодовъ, зелени. Тоже на сѣверѣ необходимо больше говядины жиру, чѣмъ на югѣ. Все это понятно само собою.

Мы теперь обратимся къ вопросу, въ какомъ размѣрѣ должна быть потребляема та или другая пища различными классами общества. Мы выше видѣли, что профессоръ Гексли нормой питанія для каждаго идивидуума ставилъ два фунта хлѣба (конечно, бѣлаго) и три четверти фунта говядины. Изъ таблицъ, приведенныхъ докторомъ Ж. Сиромъ, видно, что нѣкоторые рабочіе въ Англіи и Франціи потребляютъ отъ 300 до 400 килограммовъ хлѣба и при этомъ отъ 20 до 60 килограммовъ говядины, одно другому нисколько не мѣшаетъ. Напротивъ того, когда при постройкѣ желѣзной дороги во Франціи работали англійскіе мастеровые, то нихъ несравненно успѣшнѣе шло дѣло, чѣмъ у французскихъ рабочихъ, потому что первые питались говядиной и хлѣбомъ, между тѣмъ какъ послѣдніе довольствовались супами и зеленью. Французскіе инженеры, замѣтивъ это, улучшили раціоны и тогда работа пошла успѣшнѣе и въ такой же степени, какъ и у англійскихъ. На основаніи соотношенія физическихъ силъ явленіе это вполнѣ понятно и естественно.

Отсюда мы приходимъ къ тому заключенію, что люди физическаго или умственнаго труда должны ежедневно потреблять, какъ minimum, два фунта бѣлаго хлѣба и, по крайней мѣрѣ, три четверти фунта лучшей говядины, люди же, ничѣмъ незанятые, могутъ питаться чернымъ хлѣбомъ телятиной и всякими другими сластями. Что и люди умственнаго труда должны также потреблять такую пищу, доказываютъ опыты Біассона, который убѣдился, что вслѣдъ за мозговой работой увеличивается отдѣленіе фосфорно-кислыхъ солей, и мнѣніе Молешота, столь осмѣянное профанами, что безъ фосфора нѣтъ мысли, теперь подтверждено прямыми и непосредственными опытами. Придерживаясь вышеозначенной нормы, каждый англичанинъ долженъ потреблять ежегодно, какъ minimum, 273 фунта говядины или 112 килограммовъ и 730 фунтовъ или около 300 килограммовъ хлѣба, но, по статистикѣ Гауснера, мы знаемъ, что каждый англичанинъ среднимъ числомъ потребляетъ лишь 93 килограмма говядины и 250 килограммовъ хлѣба; слѣдовательно, каждому англичанину среднимъ числомъ недостаетъ необходимой, неизбѣжной пищи именно 19 килограммовъ мяса и 50 килограммовъ хлѣба. Но если мы примемъ во вниманіе, что это среднее

потребленіе, что богатый и зажиточный людъ въ Англіи съѣдаетъ
этой нормы, то на долю рабочаго класса придется еще меньше. Во
гдѣ борьба за существованіе! Мы знаемъ, что Россія находится в
бенныхъ климатическихъ условіяхъ, что народъ ея проводитъ отъ
мѣсяцевъ въ суровомъ холодѣ и лишь отъ 4 до 6 мѣсяцевъ среди
умѣренной или относительной теплоты. Понятное дѣло, что если по
на каждаго русскаго фунтъ мяса въ день и два фунта хлѣба, то эт
разъ будетъ соотвѣтствовать его физіологическимъ потребностямъ,
вливаемымъ суровымъ климатомъ. Это составитъ втеченіи года 365
товъ говядины и 730 фунтовъ хлѣба. Но изъ статистики Гаусн
узнаемъ, что въ Россіи каждому обитателю на долю среднимъ ч
приходится 11 килограммовъ говядины или 26 фунтовъ и 210 кил
мовъ или 511 фунтовъ хлѣба. Слѣдовательно, каждому русскому недо
339 фунтовъ говядины и 219 фунтовъ хлѣба. Но мы не вѣримъ
статистикамъ; статистика должна придерживаться правилъ мате
складывать вещи однородныя, а не разнородныя; она показала бы
что потребляетъ крестьянское сословіе отдѣльно, и что привиллег
ное сословіе отдѣльно. Тогда мы убѣдились бы, что количество (п
чество ужь и говорить нечего) потребляемыхъ крестьянскимъ сословіе
вядины и хлѣба еще ниже этой цифры.

Дарвинъ, въ своей теоріи борьбы за существованіе, говоритъ, ч
личное количество пищи, для каждаго вида, разумѣется, полагаетъ к
предѣлъ, до котораго онъ можетъ размножиться». Человѣкъ потому
право увеличивать производительность обитаемой имъ почвы и прев
всѣми зависящими отъ него мѣрами подчиненную ему матерію въ
тельный для себя матеріялъ. Онъ говоритъ, что мы поэтому вправ
водить рогатый скотъ и истреблять съ цѣлью питанія елико во
больше, потому что «въ естественномъ состояніи ихъ непремѣнно п
бы столько же тѣмъ или другимъ путемъ» въ борьбѣ за существов
другими животными. Нечего, слѣдовательно, стѣсняться въ этомъ
шеніи. Такимъ образомъ, теорія Дарвина согласна съ знаменитым
ніемъ Мальтуса, но, по нашему мнѣнію, только вполовину. Правда,
можетъ быть сомнѣнія, что число людей въ каждой странѣ соотвѣтс
количеству пищи, которымъ располагаетъ масса населенія, но не
чтобъ продуктивность земли совершалась лишь въ арифметической
грессіи. Такъ, мы знаемъ, что въ Бельгіи получаютъ 14 гектол
хлѣба съ одного гектара земли, а въ Россіи только 6, и мы уже

зали, что Россія одна въ состояніи была бы прокормить втрое большее сло людей, чѣмъ теперь обитаетъ ихъ на всемъ земномъ шарѣ. Но теперь ссія производитъ лишь 89,000,000 гектолитровъ пшеницы, а какая будь Франція на пространствѣ 10,000 кв. миль съ 35 милліонами людей ъ Россіи до 80) производитъ 110,000,000 гектолитровъ пшеницы. За Россія производитъ 163,000,000 гектолитровъ ржи, а Франція лишь ,000,000. Принимая въ гектолитрѣ $168^3/_4$ фунтовъ или 4 пуда $8^3/_4$ нта, мы получимъ, что Россія производитъ 42,336,000,000 фунтовъ ѣба. Полагая далѣе, что на каждаго человѣка ежедневно нужно два нта, и на 70 милліоновъ жителей понадобится 51,100,000,000 фунъ или 1,270,000,000 пудовъ, мы убѣдимся, что намъ все-таки недоетъ 270 милліоновъ пудовъ. Но такой дефицитъ еще бы ничего; онъ былъ сносенъ. Мы же видѣли, что каждому русскому недостаетъ 214 фунъ хлѣба или всей Россіи 15,260,000,000 фунтовъ. Куда же дѣвается чти треть производимаго ею хлѣба? Треть производимаго страною хлѣба етъ на приготовленіе водки и на вывозъ въ другія страны. Отсюда, коно, понятно, почему такъ велика смертность и бѣдность русскаго нада, почему онъ такъ угнетенъ самою жестокою борьбою за свое сущеованіе съ окружающимъ міромъ. Климатъ его страны даетъ ему возность добывать пищу лишь въ самое короткое время года и тѣмъ мымъ сильно ограничивать, какъ увеличеніе его численности, такъ и наленіе богатствъ. Между тѣмъ обиліе и достатокъ пищи играютъ перствующую роль въ обезпеченіи побѣды въ борьбѣ за существованіе. арвинъ говоритъ, что «всѣ наши домашнія животныя, почти безъ исклюнія, пріученныя издавна къ привольной и обильной пищѣ и избавленныя ъ труда добыванія ея, гораздо плодовитѣе, чѣмъ соотвѣтствующія имъ кія животныя. Извѣстно, какъ часто размножаются собаки и кошки и къ много дѣтенышей они даютъ въ каждомъ пометѣ. Дикіе кролики, къ говорятъ, размножаются четыре раза въ годъ и производятъ отъ 4 о 8 дѣтенышей. Домашніе кролики размножаются 6 или 7 разъ въ годъ даютъ каждый разъ отъ 4 до 11 молодыхъ. Хорьки, живущіе обыкенно въ такомъ тѣсномъ заключеніи, гораздо плодовитѣе, чѣмъ ихъ кіе родичи. Дикая свинья замѣчательно плодородна, такъ какъ она часто зножается дважды въ годъ и даетъ каждый разъ отъ 4 до 8, а инода даже до 12 поросятъ въ одномъ пометѣ, но домашнія свиньи размноются постоянно 2 раза въ годъ и стали бы размножаться еще чаще, сли бы имъ это позволяли; при этомъ свинья, дающая менѣе 8 поро-

сятъ, считается уже плохой, и чѣмъ скорѣе ее откормятъ на убой, т
лучше. Количество пищи вліяетъ на плодовитость даже того же са
индивидуума, какъ, напр., овцы, которая рѣдко производитъ на го
больше одного ягненка заразъ; переселяясь же на низменныя пастбища, о
часто она родитъ двухъ. Развитіе это, повидимому, не зависитъ отъ хо
возвышенныхъ странъ, а отъ пищи и ея обилія, такъ какъ овцы и др
домашнія животныя, какъ говорятъ, чрезвычайно плодовиты въ Лапланд
(Дарвинъ. Прируч. живот. Т. II, стр. 119). Отсюда мы вправѣ за
чить, что увеличенный ростъ, склонность жирѣть и развитіе физичес
мышечныхъ и умственныхъ силъ, ранняя зрѣлость и плодовитость з
сятъ преимущественно отъ обилія пищи. Кромѣ того обиліе и добр
чественность пищи имѣютъ еще то великое достоинство, что съ улу
ніемъ питанія рабочаго сословія, онъ улучшаетъ обработку земли и
личиваетъ ея производительность, такъ что тутъ прогрессъ безгранич
и успѣхи культуры даже не могутъ быть предвидѣны во всей их
ротѣ. Этимъ и подобными доводами Кэри совершенно опровергъ у
Мальтуса. Онъ доказалъ, что въ раннемъ періодѣ общественности,
земли при Плантагенетахъ давалъ не больше 6 или 7 бушелей пшен
между тѣмъ какъ теперь тотъ же акръ земли даетъ отъ 30 до 50
шелей пшеницы, а сборъ другихъ продуктовъ доходитъ до сотенъ.
больше улучшается пища и увеличивается въ количествѣ, тѣмъ б
увеличивается народонаселеніе, и чѣмъ больше увеличивается населе
правильно ассоціируется, тѣмъ больше увеличивается количество и
самое качество пищи. «Во дни Плантагенета и Ланкастера, гов
Кэри, когда народонаселеніе Англіи было не болѣе 2 милліоновъ,
земли давалъ всего 6 бушелей пшеницы, и несмотря на незначите
число лицъ, требовавшихъ пищи, голодъ случался весьма часто и въ
ной степени. Въ наше же время до 18 милліоновъ жителей занимаю
же самое пространство земли и получаютъ пищу въ значительно боль
количествѣ и лучшаго качества».

«Обратившись къ Франціи, мы видимъ въ ней какъ разъ то же с
Въ 1760 г. народонаселеніе равнялось 21 мил., а все количество
чаемаго хлѣба простиралось до 94,500,000 гектолитровъ; между тѣм
1840 г. число жителей возрасло до 34 мил., а производство хлѣба
182,516,000 гектолитровъ, что составляетъ на каждаго человѣка до
больше противъ прежняго, причемъ самое зерно лучшаго качества;
тѣмъ пространство земли, пригодной для воздѣлыванія хлѣбныхъ рас

ли увеличилось» *). Отсюда мы видимъ, что отъ самого человѣка сситъ увеличивать производительность земли, улучшать свой бытъ, сошенствовать свое размноженіе и обезпечивать себя въ борьбѣ за сутвованіе, которая должна быть направлена, главнымъ образомъ, на изводство, на эксплуатацію животнаго и растительнаго міра. Въ проиномъ случаѣ, вымираніе, рабство, обезсиленіе, нищета духа не заметъ себя проявить подчасъ въ ужасающихъ, непоправимыхъ размѣрахъ. ъ уменьшеніемъ народонаселенія и ослабленіемъ движенія въ обществѣ, оритъ тотъ же Кэри, увеличивается трудность добыванія пищи и эта удность возрастаетъ съ уменьшеніемъ числа субъектовъ, требующихъ . Голодъ въ Индіи чаще случается въ настоящее время, чѣмъ столѣтіе ну назадъ, когда народонаселеніе было гораздо многочисленнѣе и склонсть къ совокупной дѣятельности существовала въ странѣ повсемѣстно. ращая наши взоры къ прошлому, мы всюду видимъ то же самое. Доины Ефрата нѣкогда имѣли милліоны людей, которые кормились съ изтокомъ; но съ исчезновеніемъ ихъ прекратилось движеніе, и ея немногіе чующіе обитатели съ трудомъ добываютъ въ настоящее время средства поддержкѣ своего существованія. Когда африканская провинція была сто населена, ея жители добывали достаточное количество пищи; теперешніе ея немногіе обитатели погибаютъ отъ недостатка въ ней. То же мое было въ Аттикѣ, въ Греціи, въ Малой Азіи, въ Египтѣ. Ассоціація совокупная дѣятельность необходимы для человѣка, чтобы онъ могъ пріобрѣсти господство надъ различными силами, существующими въ природѣ» **).

Европа уже давно пришла къ сознанію этихъ незыблемыхъ истинъ и прогрессъ ея въ этомъ отношеніи несомнѣненъ. Она теперь лучше насъ питается и кооперативныя силы ея грозятъ сдѣлаться всемогущими. Если мы будемъ продолжать такъ дурно питаться, а Европа постоянно будетъ прогрессировать въ этомъ отношеніи, она обратитъ Россію въ свою кладовую и населеніе ея подчинитъ себѣ, какъ горсть англичанъ держитъ въ рукахъ ще болѣе многочисленное населеніе Индіи въ 140 милліоновъ людей. Дарвинъ также предлагаетъ въ своемъ ученіи радикальную мѣру противъ таго зла. Онъ говоритъ, что если мы хотимъ получить хорошую жатву,

*) Кэри. Соціальная наука. Стр. 87.
**) Кэри, ibid. Стр. 86.

необходимо засѣять лучшей пшеницей обширное поле, тогда хотя
дутъ налетать на это поле зерноядныя птицы во множествѣ, но онѣ
чинятъ незначительный вредъ обширному и плодородному полю. К
посадитъ въ саду нѣсколько кустовъ пшеницы, тотъ не соберетъ з
потому что залетныя птицы все съѣдятъ. Культура и цивилизація у
въ Россіи—это нѣсколько европейскихъ кустовъ въ дикорастущемъ
пущенномъ саду и перелетныя птицы раньше или позже пообщиплют
кусты. Хотите упрочить свое существованіо и выдержать борьбу съ
пейскимъ натискомъ, поощряйте и увеличивайте благосостояніе массъ.
винъ, правда, говоритъ, что борьба за существованіе сильнѣе всего
индивидуумами одного вида; это, конечно, вполнѣ справедливо относит
всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, но въ томъ-то и долж
ключаться отличіе человѣка отъ прочихъ животныхъ, что онъ сило
можетъ заправлять своими стремленіями и дать имъ направленіе, до
ное его, какъ существа, по преимуществу разумнаго. Если животное
детъ борьбу самолично, то человѣкъ долженъ ее вести въ формѣ ассо
и культурно. Придерживаясь этого пути, онъ прогрессируетъ; отступа
него, онъ регрессируетъ. Побѣда же всегда будетъ на сторонѣ болѣе
свѣщеннаго, разумнаго, цивилизованнаго народа. Помоги намъ, судьб
служить это имя не только de jure, но и de facto. Кто не идетъ
редъ, идетъ назадъ. Итакъ, впередъ...

ПОСЛѢДСТВІЯ БОРЬБЫ.

Когда мы окидываемъ взоромъ à vol d'oiseau людское населеніе земли, мъ невольно бросается въ глаза весьма странное и крайне неравномѣр- распредѣленіе племенъ и народовъ. Насъ поражаютъ неусидчивость, постоянство и вѣчное стремленіе къ передвиженію всѣхъ націй и народ- стей. Всматриваясь глубже въ жизнь человѣчества, мы легко убѣждаемся, о на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ ни одного клочка, о которомъ съ досто- рностью можно было бы утверждать, что такой-то народъ здѣсь именно лся, выросъ, возмужалъ и окрѣпъ, не двигаясь, не шевелясь съ мѣста. кого клочка нѣтъ. Всѣ сидятъ не на своихъ мѣстахъ. Впродолженіи численнаго ряда вѣковъ, еще въ доисторическое время, одни народы вы- сняли другихъ и, въ свою очередь, были отодвигаемы другими пришель- ами. Нѣтъ народа, который могъ бы похвастать своимъ первобытнымъ стожительствомъ. Всѣ захватили чужія мѣста. Всѣ стремятся захватить *учшія* мѣста; каждому хочется жить тамъ, гдѣ удобнѣе, а потому онъ снитъ сосѣда. Откуда эта неусидчивость и непостоянство? Откуда это ѣчное стремленіе впередъ и впередъ? Это.... это борьба за *лучшее* суще- твованіе. Борьба совершается еще и теперь, на нашихъ глазахъ. Но еще ельефнѣе, еще осязательнѣе выступаютъ предъ нами послѣдствія нескон- меной борьбы за такое существованіе; теперь предъ нами именно резуль- аты этой вѣчной борьбы и тѣ могучіе элементы, которые могутъ и долж- ы служить намъ ручательствомъ за дальнѣйшій успѣхъ, за торжество обѣды.

Изъ статистическихъ и этнографическихъ данныхъ легко придти къ тому аключенію, что численность народа, племени, расы какъ бы соотвѣт- ствуетъ степени культуры и цивилизаціи. Народы, стоящіе на самой низ- ой ступени культуры, отличаются и крайнею малочисленностью. Сѣверо-

азіятскихъ дикарей всего какихъ нибудь 40,000; готтентотовъ всего нибудь 50,000; австралійцевъ не болѣе 80,000; папуасовъ едва л дется болѣе полутора или двухъ милліоновъ. Если нѣсколько дальш средне-африканскіе народы, то и ихъ численность доходитъ только милліоновъ. Первобытные обитатели Америки въ лучшіе дни своей не поражали своею многочисленностью, а теперь число ихъ прости всего до 12 милліоновъ. Не дальше ихъ ушли кафры, которыхъ ч ность не превосходитъ и 18 милліоновъ. Малайцевъ, правда, 28 милліоновъ и африканскихъ негровъ вообще до 130 милліоновъ. За культура этихъ народовъ нѣсколько выше первобытныхъ дикарей. Во народы, вмѣстѣ взятые, не превосходятъ среднее-азіятскую расу, чающуюся наибольшею численностью въ 550 милліоновъ, и далеко паютъ бѣлой расѣ, насчитывающей до 547 милліоновъ человѣкъ двѣ расы именно и стоятъ во главѣ современнаго движенія чел ства. Откуда и почему такое неравномѣрное распредѣленіе? Мы въ видимъ послѣдствія борьбы за существованіе. Слѣдовательно, эти п ствія бываютъ двоякаго рода: прогрессивныя и регрессивныя. Чѣмъ с была борьба народа за его существованіе и чѣмъ она была успѣшнѣе, тѣ многочисленнѣе, тѣмъ выше его благосостояніе, тѣмъ лучшее занимае географическое положеніе, тѣмъ лучшею владѣетъ онъ культурою, распространеннѣе его цивилизація; и наоборотъ, чѣмъ менѣе ус была борьба, тѣмъ народъ малочисленнѣе, тѣмъ ниже его благосос тѣмъ худшею владѣетъ онъ культурою, тѣмъ менѣе можетъ онъ литься своимъ географическимъ положеніемъ, тѣмъ онъ бѣднѣе и не нѣе. Такимъ образомъ, многочисленность, благосостояніе, высокая с культуры, цивилизація и процвѣтаніе науки суть послѣдствія прогр наго начала; напротивъ того, малочисленность, нищета, вымираніе, жденіе, каннибализмъ, низкая степень культуры, отсутствіе даже зача науки—послѣдствія регрессивныя.

Въ жизни каждаго народнаго организма старались отыскать ана съ индивидуальною жизнью отдѣльнаго человѣка. Дрэперъ въ своей И умственнаго развитія Европы *), которая, за исключеніемъ нѣскол страницъ, могла бы правильнѣе называться исторіей невѣжественнаго

*) Исторія индуктивныхъ наукъ Уэвелля несравненно больше удовлетвор этой цѣли.

ія Европы, силился доказать, что въ жизни каждаго народа легко от-
ить цѣлый рядъ возрастовъ, что каждый народъ рождается, проводитъ
тство, шалитъ въ юности, мыслитъ въ зрѣломъ возрастѣ, дряхлѣетъ
старости и наконецъ сходитъ со сцены. Если что можно сказать отно-
тельно этого взгляда, то лишь одно, что такъ дѣйствительно было до
съ поръ съ нѣкоторыми, но никакъ не со всѣми народами. Видѣть же
этой аналогіи какой нибудь несомнѣнный физіологическій законъ насъ
ожительно ничто не уполномочиваетъ: предполагать, что такъ оно всегда
детъ съ каждымъ народомъ, мы не беремъ на себя права. Напротивъ того,
ллективная жизнь народовъ совершается по такимъ законамъ, которые
сколько нейдутъ въ параллель съ индивидуальною жизнью человѣка, и
ли въ жизни тѣхъ и другихъ нужно отыскивать аналогіи и возво-
ть ихъ въ принципы, то мы натолкнемся каждый разъ на такія про-
ворѣчія, которыя примирить нѣтъ никакой возможности. Наконецъ, такія
лкованія убійственны для прогресса и отъ нихъ несетъ китаизмомъ. А
вѣримъ въ прогрессъ; мы вѣримъ, что съ каждой исторической эпохой
ловѣчество пріобрѣтаетъ новыя средства и отыскиваетъ новые пути къ
льнѣйшему совершенствованію, къ прогрессивному развитію, которому
тъ предѣла. Прогрессъ вовсе не старческая опытность, дряхлая и без-
бая, а вѣчно свѣжая, цвѣтущая молодость. Тѣмъ-то и отличается на-
дный организмъ отъ индивидуальнаго, что въ него постоянно вносятся
вые, свѣжіе, бодрые элементы, которые, наскоро усвоивъ опытъ вѣковъ,
останавливаются на этомъ, а идутъ впередъ безъ оглядки, и мы не
димъ никакой надобности, чтобъ такое движеніе, такое состояніе когда
будь прекратилось.

Тоже самое мы должны сказать о взглядѣ Гервинуса на историческое
звитіе и его законъ. Въ своемъ «Введеніи въ исторію XIX вѣка», Гер-
нусъ проводитъ идею историческаго развитія и доказываетъ, что во
ей исторіи человѣчества замѣтенъ правильный прогрессъ свободы, кото-
я сперва принадлежитъ лишь нѣсколькимъ личностямъ, потомъ распро-
раняется на большее число и наконецъ достается многимъ. Отсюда со-
ршается поворотъ въ обратную сторону и свобода снова достается въ
дѣлъ немногимъ. Можетъ быть, что такъ было до сихъ поръ. Но мы
аемъ еще одну новую форму соціальнаго строя, при которой свобода
тановится достояніемъ не отборнаго множества, а собственностью всѣхъ
каждаго. Эта форма, правда, еще не выработалась окончательно, а по-
ому историки не могутъ еще произнести своего приговора надъ этой фор-

21*

мой соціальнаго строя, но что таковъ будетъ дальнѣйшій ходъ этого строя—легко предвидѣть. Онъ вверхъ дномъ опрокинетъ всѣ апріористическія и обветшалыя теоріи глубокомысленныхъ историковъ.

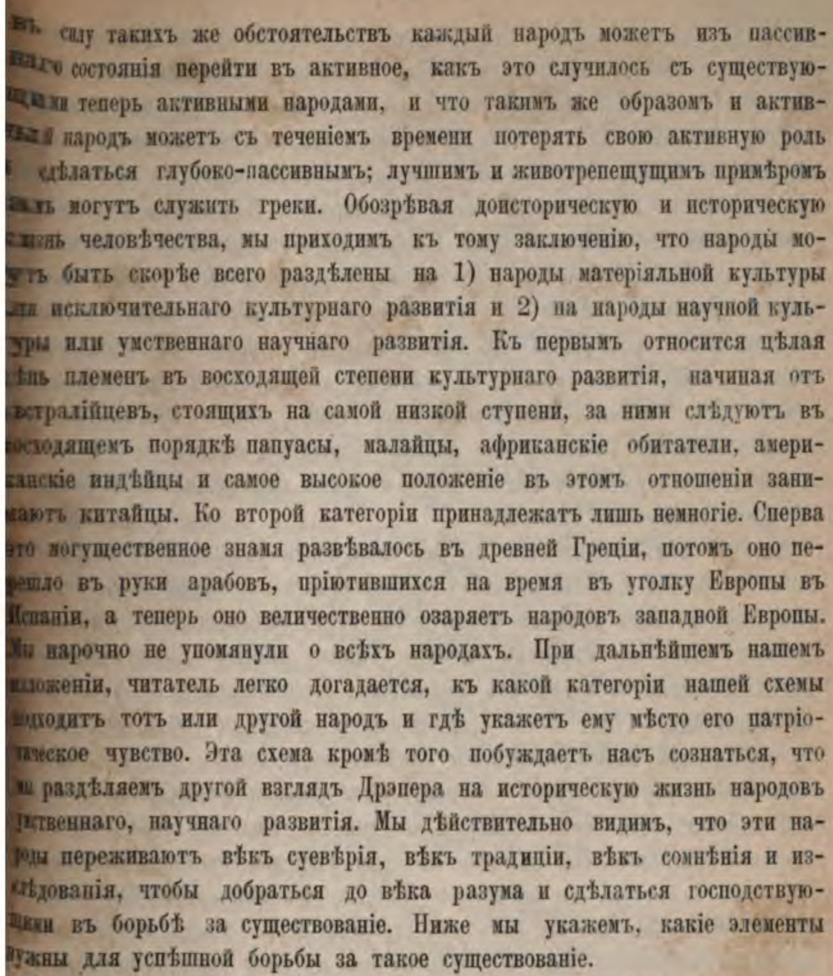
Оставляя въ сторонѣ ученіе Каруса, который дѣлитъ человѣчество на дневные и почные народы, на утреннія и вечернія племена, мы нѣсколько остановимся на взглядѣ Клемма, который въ силу своей дѣйствительно громадной учености, тщательнаго изученія своего предмета и необыкновенной начитанности глубоко убѣжденъ, что все человѣчество представляетъ одно цѣльное существо, распадающееся на двѣ соотвѣтственныя половины, на *мужскую* и *женскую вѣтвь*, на *активную* и *пассивную отрасль*. Мы вполнѣ готовы принять этотъ взглядъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ; мы совершенно расположены принять это подраздѣленіе, но Клеммъ предлагаетъ его такъ рѣшительно и почти абсолютно, что мы не можемъ безусловно съ нимъ согласиться. Клеммъ готовъ утверждать, что если народъ родился пассивнымъ, то быть ему вѣчно такимъ и сдѣлаться активнымъ онъ и думать не смѣй. Уже изъ одного чувства уваженія къ себѣ такой взглядъ для насъ оскорбителенъ, потому что Клеммъ относитъ къ пассивной половинѣ и все славянское племя. Притомъ Клеммъ слишкомъ тѣсно связываетъ свое дѣленіе съ географическими и этнографическими условіями. Онъ относитъ къ активной расѣ однихъ лишь персовъ, арабовъ, грековъ, римлянъ и германцевъ, а всѣхъ остальныхъ народовъ къ пассивной расѣ. Но что же такого активнаго въ персахъ? и чѣмъ персы выше теперешнихъ обитателей Индіи и Китая? Положимъ, что Клеммъ совершенно справедливо считаетъ всю монгольско-финскую расу пассивною, но венгры и финляндцы доказываютъ, что они вполнѣ способны сдѣлаться активными и заявляютъ себя и теперь въ этомъ отношеніи несравненно замѣтнѣе нѣкогда активныхъ грековъ, которыхъ активность давнымъ давно канула въ вѣчность, несмотря на всѣ самыя благопріятныя географическія и всякія космическія условія. Такимъ образомъ мы раздѣляемъ взглядъ Клемма и согласны съ нимъ въ томъ, что человѣчество теперь состоитъ изъ двухъ довольно неодинаковыхъ половинъ активной и пассивной. По нашему крайнему разумѣнію, главное и преимущественное отличіе однихъ отъ другихъ заключается именно въ томъ, что народы активные, кромѣ самобытной культуры, главнымъ образомъ творцы и двигатели науки, въ ихъ рукахъ—знамя прогресса. Совокупность этихъ элементовъ мы охарактеризуемъ общимъ именемъ: европеизмъ. Народы пассивные хотя и достигали подчасъ самостоятельной культуры, но культура

граничивается чисто-матеріяльными стремленіями, не нося въ себѣ
ихъ стимуловъ прогресса. Достигнувъ извѣстнаго предѣла культуры,
а ней успокоиваются и не чувствуютъ потребности идти дальше.
ъ съ культурой и рука объ руку съ цвѣтущимъ ея состояніемъ въ
развивается невозмутимое самодурство и обломовщина становится
ствующею чертою характера. Они способны цѣлые вѣка, тысячелѣ-
гоять на одной точкѣ пассивнѣйшаго самоуслажденія. Такое состоя-
характеризуемъ общимъ именемъ китаизма. Спору нѣтъ, что мы
шаемъ и не разсматриваемъ вопроса абсолютно. Напротивъ того,
ложительно убѣждены, что нѣтъ ни одного народа, который вполнѣ
ствлялъ бы въ себѣ европеизмъ во всей его чистотѣ безъ малѣйшей
си китаизма, какъ нѣтъ народа, въ которомъ не просвѣчивала-бы
искра божія, хотя бы одна черта европеизма. Но въ активныхъ на-
ь именно преобладаетъ европеизмъ и хотя запасъ китаизма, унаслѣ-
ный вѣками, и довольно значителенъ, но въ томъ-то и сила евро-
, въ томъ-то его и преимущество, что онъ ведетъ отчаянную борьбу
таизмомъ, вытѣсняетъ его и непремѣнно вытѣснитъ, одержитъ верхъ
нимъ на всѣхъ пунктахъ земного шара и по всѣмъ отраслямъ че-
еской дѣятельности. Борьба между этими двумя элементами ведется
и вѣковъ, и торжествующій европеизмъ, почувствовавъ всю прелесть
оды побѣды, становится съ каждымъ днемъ все смѣлѣе и сдѣлѣе и
а его несомнѣнна. Посмотрите, кто господствуетъ на всемъ бѣломъ
. Европеизмъ водрузилъ свое знамя на всѣхъ точкахъ земного шара.
страны, гдѣ европеизмъ не устроилъ бы своей колоніи. Метрополія
еизма — центральная нервная система — непоколебимо царитъ на всемъ
ѣ нашего материка. Каждая европейская колонія — а гдѣ ея теперь
? — это нервный узелъ, завѣдывающій обширною человѣческою про-
ею, не рабски подчиненный своему президенту, а лишь связанный съ
взаимными интересами прогресса. И дѣйствительно, вся Америка
колонія европеизма, также какъ и вся Австралія и вся Океанія.
а сила борьбы за лучшую и прогрессивную жизнь, которую отстаи-
европеизмъ. Невольно ему все подчиняется. Въ его рукахъ свѣточъ
нимъ слѣдуютъ всѣ. Пассивные народы не могутъ похвалиться та-
всемірнымъ господствомъ. У нихъ нѣтъ колоній. Они сидятъ на мѣ-
подолгу, неохотно двигаются и до того свыкаются съ мѣстными
іями, до того становятся, такъ сказать, собственностью мѣстныхъ об-
ельствъ, что малѣйшее передвиженіе для нихъ гибельно. Они, правда,

способны подмѣчать явленія окружающей природы и пускаются на изобрѣтенія для удовлетворенія своихъ немногосложныхъ потребностей, но на извѣстной степени останавливаются, нейдутъ дальше, удовлетворяются малымъ. У нихъ есть письмена, но нѣтъ литературы, они знакомы съ передвиженіемъ небесныхъ свѣтилъ, но у нихъ нѣтъ астрономіи; они строятъ корабли, но у нихъ нѣтъ мореплаванія, они умѣютъ приготовлять разныя соли и кислоты, но у нихъ нѣтъ химіи; они умѣютъ лечить своихъ больныхъ, но у нихъ нѣтъ медицины; они знакомы съ искусствомъ книгопечатанія и съ порохомъ, но и эти искуства стоятъ у нихъ на самой низкой степени развитія. Пассивные народы имѣютъ, правда, законы, но у нихъ нѣтъ понятія объ естественномъ правѣ; они обладаютъ массою отрывочныхъ знаній, межъ ними обращается множество нравственныхъ и всякихъ другихъ правилъ, но у нихъ нѣтъ ни философіи, ни науки. Ученикъ строго заучиваетъ все преподанное учителемъ и свято хранитъ усвоенную мудрость. Онъ не позволитъ себѣ анализировать ее, обнаружить въ ней недостатки, исправить ихъ, пойти дальше. Это запрещаетъ ему уваженіе къ старшимъ; онъ вѣренъ традиціи предковъ и свято ненарушимо передаетъ сообщенное ему въ слѣдующія руки. Онъ смотритъ на себя лишь какъ на временный сосудъ, а не какъ на живой источникъ знаній.

Пассивные народы ничего не созидаютъ, а лишь подражаютъ. Ихъ культура и искуство, частная и общественная жизнь, разъ установившись, не выходятъ болѣе изъ обычной колеи. Социальный ихъ строй—вѣрнѣйшая копія ихъ семейнаго устройства. Религію свою они тщательно сохраняютъ до тѣхъ поръ, пока какой нибудь завоеватель не навяжетъ имъ новой, которой они опять-таки остаются вѣрны, пока внѣшнія обстоятельства не измѣнятся. Такъ, пассивные народы Индіи также охотно исповѣдывали буддискую вѣру, какъ браминскую, и также легко перешли въ магометанство.

Отличительная черта ихъ характера,—тупое терпѣніе и умѣнье обжиться, свыкнуться со всякимъ положеніемъ. Мы въ одной изъ предыдущихъ статей своихъ высказали, что въ интересѣ прогресса — постоянное недовольство установленнымъ ходомъ вещей. Это благо народовъ активныхъ и ему совершенно чужды народы пассивные. Таково дѣйствительно отличіе народовъ активныхъ отъ пассивныхъ. Но изъ этого ничего не слѣдуетъ. Мы знаемъ, что на сцену исторіи народы активные выступили, говоря относительно, лишь недавно и стали таковыми лишь въ силу стеченія разныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, а потому мы глубоко убѣждены, что

въ силу такихъ же обстоятельствъ каждый народъ можетъ изъ пассивнаго состоянія перейти въ активное, какъ это случилось съ существующими теперь активными народами, и что такимъ же образомъ и активный народъ можетъ съ теченіемъ времени потерять свою активную роль и сдѣлаться глубоко-пассивнымъ; лучшимъ и животрепещущимъ примѣромъ могутъ служить греки. Обозрѣвая доисторическую и историческую жизнь человѣчества, мы приходимъ къ тому заключенію, что народы могутъ быть скорѣе всего раздѣлены на 1) народы матеріяльной культуры или исключительнаго культурнаго развитія и 2) на народы научной культуры или умственнаго научнаго развитія. Къ первымъ относится цѣлая цѣпь племенъ въ восходящей степени культурнаго развитія, начиная отъ австралійцевъ, стоящихъ на самой низкой ступени, за ними слѣдуютъ въ восходящемъ порядкѣ папуасы, малайцы, африканскіе обитатели, американскіе индѣйцы и самое высокое положеніе въ этомъ отношеніи занимаютъ китайцы. Ко второй категоріи принадлежатъ лишь немногіе. Сперва это могущественное знамя развѣвалось въ древней Греціи, потомъ оно перешло въ руки арабовъ, пріютившихся на время въ уголку Европы въ Испаніи, а теперь оно величественно озаряетъ народовъ западной Европы. Мы нарочно не упомянули о всѣхъ народахъ. При дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи, читатель легко догадается, къ какой категоріи нашей схемы подходитъ тотъ или другой народъ и гдѣ укажетъ ему мѣсто его патріотическое чувство. Эта схема кромѣ того побуждаетъ насъ сознаться, что мы раздѣляемъ другой взглядъ Дрэпера на историческую жизнь народовъ умственнаго, научнаго развитія. Мы дѣйствительно видимъ, что эти народы переживаютъ вѣкъ суевѣрія, вѣкъ традиціи, вѣкъ сомнѣнія и изслѣдованія, чтобы добраться до вѣка разума и сдѣлаться господствующими въ борьбѣ за существованіе. Ниже мы укажемъ, какіе элементы нужны для успѣшной борьбы за такое существованіе.

На памяти читателей свѣжо еще то время, когда всю образованную публику Европы охватило знаменитое ученіе Карла Риттера, который утверждалъ, что степень цивилизаціи, культуры и просвѣщенія находится въ тѣсной и непремѣнной зависимости отъ размѣровъ береговой линіи страны, обитаемой народомъ. Какъ ни односторонен этотъ взглядъ, тѣмъ не менѣе онъ и до сихъ поръ сохраняетъ свое почтенное мѣсто въ наукѣ. Мы положительно считаемъ его однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ, фигурирующихъ въ судьбѣ народовъ. Но придавать ему господствующее значеніе былого времени значитъ впадать въ крайность и подвергать себя

грубому и непростительному заблужденію. Положимъ, что крайнее и листое развитіе береговой линіи Греціи дало ей возможность дости высшей степени культуры, доставило ей средства и пути накопить гатства, положить начала чуть не всѣмъ наукамъ и создать лучшую ф соціальнаго строя, какую только видѣлъ древній міръ. Но та же говая линія не помѣшала ей пасть безвозвратно. Положимъ, что пр ходное очертаніе береговой линіи Европы много содѣйствовало ея вс ческому развитію, но своимъ благосостояніемъ, самобытной культурой, тущимъ развитіемъ науки и готовящимся соціальнымъ строемъ Е обязана не ей лишь одной. Древняя Италія не уступала въ этомъ шеніи древней Греціи, но она не достигла того мірового значенія, играла той міровой общечеловѣческой роли, какая выпала на Греціи. Германія почти вовсе лишена береговой линіи, но это мѣшаетъ занимать самое видное мѣсто въ семьѣ образованныхъ и бог будущимъ развитіемъ народовъ.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы все-таки считаемъ извилистую бер линію за весьма важный элементъ историческаго и соціальнаго ра человѣчества, хотя крайняя форма вовсе этому не благопріятствуетъ, это ясно видно на островахъ Океаніи. Такимъ образомъ, мы прин береговую линію за одинъ изъ элементовъ, ограничивающихъ успѣх способствующихъ борьбѣ за существованіе, смотря по обстоятельс Въ предыдущей нашей статьѣ мы видѣли, какъ важно значеніе п какъ сильно успѣхъ борьбы зависитъ отъ мѣстной флоры и фауны производительности земли зависитъ численность людского населенія томъ его благосостояніе, которое, въ свою очередь, обусловливаетъ и степень культуры. До извѣстнаго предѣла человѣкъ грубо зависи окружающей природы. Но вотъ онъ сталъ на ноги. Отъ его личной э зависитъ дальнѣйшій ходъ его судьбы. Онъ, въ свою очередь, порабо природу, извлекаетъ изъ нея возможно большую силу, побуждаетъ наивозможно большей продуктивной дѣятельности, создаетъ культуру новится творцемъ науки и устроиваетъ соціальный бытъ. Это три щественныхъ орудія, обезпечивающихъ успѣхъ борьбы за существо Культура, наука и соціальный строй—вотъ тѣ элементы, которые человѣку силу и возможность одержать побѣду надъ окружающей п дой. Эти элементы не только обезпечиваютъ человѣку его существо но, разъ овладѣвъ ими, человѣкъ распространяетъ свое господство своими менѣе сильными сосѣдями, подчиняетъ себѣ чуть не весь

порабощаетъ всѣхъ тѣхъ, кто не владѣетъ этими элементами; онъ властелинъ міра и творецъ исторіи. Но эта завидная доля достается лишь тѣмъ, кто обладаетъ высшимъ развитіемъ всѣхъ этихъ трехъ элементовъ. Пусть одинъ изъ этихъ элементовъ ослабѣлъ или не соотвѣтствуетъ потребностямъ времени, застрялъ на одномъ мѣстѣ и не подвигается впередъ, чуть лишь это случилось,—пѣсенка спѣта; народъ сходитъ съ исторической сцены, падаетъ, погибаетъ. Народъ можетъ достигнуть высокой степени культуры, остановиться на ней, не пойдти дальше, не добрести до науки и до могущественнаго развитія соціальнаго строя и прожить цѣлыя тысячелѣтія въ такомъ положеніи; но тогда онъ въ ежеминутной опасности потерять почву подъ ногами; не сегодня, такъ завтра онъ можетъ сдѣлаться рабомъ, кормильцемъ, колоніей своего могущественнаго врага, владѣющаго всѣми необходимыми для борьбы элементами. Такъ, вся Индія съ своими ста сорока милліонами—лишь жалкая колонія, рабыня могучаго британца. Народъ можетъ имѣть полное развитіе культуры въ своемъ привиллегированномъ сословіи, онъ можетъ позаимствоваться немножко наукой отъ богатаго сосѣда, но бѣдствовать въ соціальномъ отношеніи. Онъ отпразднуетъ свое тысячелѣтнее существованіе, но не можетъ похвалиться самобытной культурой, не можетъ указать, что именно внесъ онъ въ общую сокровищницу науки. Онъ жалокъ соціальнымъ строемъ, а потому онъ въ вѣчной зависимости отъ сосѣдей въ культурномъ и умственномъ отношеніяхъ, и въ соціальномъ отношеніи онъ играетъ второстепенную роль. Онъ не зналъ исторической міровой роли и, пока онъ не сдѣлается самостоятельнымъ властелиномъ всѣхъ трехъ элементовъ, не видать ему исторической роли, какъ своихъ ушей.

О культурномъ развитіи у насъ еще существуетъ болѣе или менѣе опредѣленное понятіе, но о научномъ и соціальномъ самыя противуположныя, самыя неопредѣленныя и сбивчивыя представленія. Пусть развитой человѣкъ какъ нибудь устроитъ свою жизнь не такъ, какъ всѣ остальные, на него всѣ готовы тыкать пальцами и прокричать, что это значитъ возвратиться въ первобытное дикое состояніе.

Дикій австраліецъ проводитъ всю свою жизнь въ совершенной наготѣ, въ холодное же время года онъ прикрывается чѣмъ нибудь, накинетъ на себя какую нибудь шкуру животнаго. Онъ тщательно старается прикрыть свою спину и оставляетъ обнаженными передніе органы. Онъ любитъ украшать свою голову зубами, рыбьими костями, птичьими перьями или хвостомъ какого нибудь Динго. Онъ не щадитъ своего тѣла и, не смотря на

мучительную боль, царапаетъ свою кожу, изрѣзываетъ ее во всѣхъ направленіяхъ, натираетъ охрой, разрисовываетъ себя разными красками. Онъ просверливаетъ свою носовую перегородку и вколачиваетъ туда куски дерева, кости. Онъ убираетъ свою шею и руки ожерельями и браслетами изъ костей и раковинъ.

Дикій папуасъ тоже большею частію голый, но любитъ убирать свою голову, придумываетъ особенную прическу. Онъ сплетаетъ волосы въ маленькія косички и вплетаетъ въ нихъ разныя погремушки изъ костей, также какъ цвѣтныя перья. Носъ, уши, ротъ, шею и руки онъ украшаетъ разными кольцами, повязками, перьями и подпиливаетъ, заостряетъ свои собственные зубы. Тоже самое дѣлаетъ малаецъ.

Яванецъ ушелъ дальше. Жена его зачесываетъ свои красивые волосы назадъ и украшаетъ ихъ благоухающими цвѣтами. Мужчины связываютъ свои волосы въ узелъ и прикрываютъ ихъ цвѣтнымъ платкомъ. Женщины носятъ длинныя красивыя серьги изъ серебра и золота. Мужчины носятъ серебряныя и мѣдныя кольца на пальцахъ. Лучшее украшеніе яванца — кинжалъ у пояса и табакерка съ бетелемъ; при разныхъ церемоніяхъ и празднествахъ украшенія его еще болѣе цѣнныя и разнообразныя.

Кафръ—большой любитель всѣхъ возможныхъ украшеній. Кольца, браслеты и цѣпи для него кладъ. Первыя приготовляются изъ разныхъ металловъ, а цѣпи изъ раковинъ. Иной просто гнется подъ бременемъ этихъ украшеній. Къ этому присоединяются различные амулеты изъ дерева, кореньевъ, зубовъ, роговъ и другихъ вещей, безъ чего не встрѣтишь ни одного франта. Любимое украшеніе у нихъ—воловій хвостъ, который прикрѣпляется къ колѣну и виситъ вдоль голени. Мы недавно прочли въ газетѣ, что нѣкоторыя обитательницы Европы придумали еще лучшее употребленіе коровьихъ хвостовъ. Онѣ себѣ подѣлали изъ нихъ шиньоны. Волосы свои женщина-Кафръ украшаетъ страусовыми перьями, уши свои пробуравливаетъ и всаживаетъ туда куски слоновой кости. Мужчины же употребляютъ эти искуственныя отверстія съ болѣе практическою цѣлью. Они сохраняютъ въ нихъ свои табакерки. Почти тоже самое можно сказать о готтентотахъ.

Практическій китаецъ не знаетъ никакихъ модныхъ покроевъ въ платьѣ. Онъ и здѣсь, какъ и во всемъ, сохраняетъ вѣчное постоянство, оставаясь вѣренъ рутинѣ. Онъ мѣняетъ платье лишь соотвѣтственно времени года. И даже въ этомъ инниціатива принадлежитъ правительству. Императоръ съ своимъ дворомъ сброситъ лѣтнее платье и надѣнетъ зимнее. Тогда

тогда, перемѣняетъ платье весь высокопоставленный классъ и за уже народъ. Рубашку китаецъ никогда не моетъ и носитъ ее до поръ, пока она не износится вся, тогда онъ надѣваетъ другую. Къ ке онъ никогда не купается, полагая, что всякія ванны, бани, ку- вредны и противны Богу. Понятіе о чистотѣ и божествѣ у нихъ относительное. Мужчины сплетаютъ свои волосы въ длинную косу; ины украшаютъ ихъ цвѣтами и булавками. Цвѣтъ платья у жен- непремѣнно или зеленый, или розовый, мужчины носятъ платье чер- голубого и фіолетоваго цвѣта. Смѣнить эти цвѣта — Боже упаси. ій цвѣтъ означаетъ императорскій домъ и никто другой не смѣетъ ся въ этотъ цвѣтъ.

мѣ маленькихъ ножекъ китаянокъ интересенъ еще обычай отращивать ногти лѣвой руки до уродливыхъ размѣровъ. Это привилегія высшаго а и означаетъ, что смертный сей не принадлежитъ къ рабочему у. Конечно, «быть можно дѣльнымъ человѣкомъ и думать о красѣ і»; но о китайцѣ именно это сказать трудно. Чтобы не попортить ногти, онъ помѣщаетъ ихъ въ бамбуковый футляръ. Всякія золотыя енія и вышиванія въ большомъ почетѣ.

ково состояніе матеріяльной культуры отъ первобытной ступени австра- до высоко-поставленнаго китайца. Вездѣ мы видимъ стремленіе че- а заявить себя хоть сколько нибудь своею внѣшностью, если нѣтъ жности проявить свои внутреннія достоинства. Тотъ же китаизмъ, ю, господствуетъ во всей своей силѣ и по всей Европѣ. И здѣсь украшенія, тѣже кольца, серьги, брошки, ожерелья, браслеты, шинь- тому под. Но вотъ предъ вами образованный и развитый евро- и такая же европеянка. Они оба одѣты просто, удобно и комфор- но. Покрой ихъ платья и свойства ткани соотвѣтствуютъ потреб- ъ гигіены; они не носятъ никакихъ украшеній, они считаютъ серьги, , брелоки, браслеты принадлежностію дикарей. Они стригутъ свои и держатъ ихъ въ чистотѣ. Мы имѣемъ нѣсколько знакомыхъ дамъ щъ, которыя не носятъ никогда никакихъ украшеній, никакихъ никакихъ колецъ, никакихъ шиньоновъ. Онѣ отрѣшились отъ этого ства въ силу своего умственнаго развитія, въ силу научныхъ знаній. о, какая непроходимая бездна между первобытнымъ дикаремъ и та- бразованнымъ и развитымъ европейцемъ.

ѣ значеніе семейства, какъ основы общества, не выступаетъ такъ ю, какъ въ Китаѣ. Каждый китаецъ постоянно мечтаетъ о томъ,

чтобъ возможно скорѣе устроить себѣ семейное гнѣздо и въ немъ сосредоточить всѣ свои интересы, всю свою житейскую мудрость. сами сильно хлопочутъ и заботятся объ этомъ, прежде чѣмъ дѣти достичь зрѣлаго возраста. Сватанье совершается прежде, чѣмъ д думаютъ даже, и безъ всякаго взаимнаго знакомства, чрезъ п всякихъ свахъ. Потомъ въ назначенный день совершается свадьб вождаемая множествомъ церемоній, пиршествъ, обрядовъ, торжес

Тоже самое мы видимъ повсюду въ Европѣ. Еврейская, м ская и христіанская религія, господствующія въ Европѣ и въ А таютъ бракъ религіознымъ или соціальнымъ фактомъ, обязател своему нравственному значенію для обѣихъ сторонъ. Этихъ вовсе нѣтъ въ животномъ и чисто-случайномъ сожительствѣ дик

Австраліецъ не знаетъ никакой религіи въ общепринятомъ слова. Онъ не имѣетъ понятія о какомъ нибудь единомъ высше ствѣ; у него нѣтъ ни жрецовъ, ни духовенства, ни храмовъ. Онъ полонъ глубокаго суевѣрія и вѣритъ въ колдовство, въ волшебс шебникъ замѣняетъ ему жреца, шамана и врача. Онъ боит духовъ, которые ночью и во время бури постоянно осаждаютъ этому австраліецъ никогда не бросаетъ во время грозы своей х ночью боится выйти. Понятно, какъ далеко отсюда до орган религіи.

Папуасы стоятъ въ этомъ отношеніи уже нѣсколько выше. есть нѣсколько зданій особенной архитектуры; это несомнѣнно х нихъ находятся фигуры различнаго изображенія съ религіозным ніемъ. Мѣстами у папуасовъ встрѣчается идея о высшемъ существ рое обитаетъ гдѣ-то въ облакахъ. Идея эта, впрочемъ, не имѣе кой практической важности, потому что этому существу не п никакихъ жертвъ и въ минуту нужды къ нему не обращаются за его не призываютъ и ни о чемъ не просятъ. Другія племена, жащія этой расѣ, обожаютъ солнце и горы и клянутся подч немъ этихъ предметовъ. До сихъ поръ даже неизвѣстно, есть ли асовъ жрецы и волшебники. Скорѣе всего, что нѣтъ.

Религія маорисовъ уже довольно сложная и представляетъ запутанную систему. Она состоитъ въ почитаніи безчисленнаго м духовъ и божествъ. Можно сказать, что религія маорисовъ предс своего рода мифологію. Такая систематическая религія, конечно, къ возникновенію касты жрецовъ, которые въ то же время исп

ъ волшебниковъ и врачей. Эти жрецы (tohunga) имѣютъ большое влія- на народъ. Они предсказываютъ будущность и безъ ихъ совѣта мао- ъ не предприметъ никакого дѣла. Впрочемъ, это нисколько не мѣша- ь правовѣрному маорису во время сраженія убивать жреца и послѣ нскихъ трудовъ своихъ маорисъ охотно лакомится жирнымъ мясомъ его духовнаго отца. Въ касту жрецовъ могутъ вступать лишь сыновья нно-начальниковъ. Когда юноша достигнетъ возраста, пригоднаго для тупленія въ жреческую касту, тогда старѣйшій дѣдъ семьи соверша- ь надъ нимъ обрядъ посвященія.

Нѣчто подобное представляетъ собою религія яванцевъ. Религія кафровъ имѣетъ опредѣленной и ясной конструкціи. Сомнительно, чтобъ они ли понятіе о вѣчномъ, свободномъ и всемогущемъ существѣ; по край- мѣрѣ, въ ихъ языкѣ нѣтъ и слѣда такого понятія. За то они рабо- нно поклоняются душамъ усопшихъ, которымъ приписываютъ большую у и вліяніе на живущихъ. Поэтому они часто приносятъ имъ въ тву разныхъ животныхъ, которыхъ желчь считается особенно цѣлеб- . Ею окропляютъ присутствующихъ и даютъ ее отвѣдать немножко. чный пузырь считается поэтому весьма цѣннымъ амулетомъ и его тъ то на головѣ, то на рукѣ. Отъ нападенія злыхъ духовъ защи- ются всевозможными амулетами, которые состоятъ изъ кореньевъ, кус- ъ дерева, волосъ и костей разныхъ животныхъ. Чѣмъ цѣлебнѣе рас- іе, чѣмъ животное свирѣпѣе, тѣмъ лучше амулетъ. Встрѣчаются субъ- ы, буквально обвѣшанные такими амулетами. Вѣра въ ихъ силу и лебное дѣйствіе такъ глубоко вкоренилась, что если кафръ и обра- тся къ миссіонеру съ довѣріемъ и получаетъ отъ него раціональное арство отъ болѣзни, все-таки не можетъ воздержаться отъ амулетовъ е подмѣшать его въ лекарство. Жрецы и здѣсь играютъ главнымъ омъ роль чудотворцевъ, докторовъ, волшебниковъ. Самое названіе обозначаетъ искустника, умѣющаго обращаться съ сверхъ-естествен- и существами.

лигіозныя понятія готтентотовъ слишкомъ неопредѣленны и, пови- му, ограничиваются почитаніемъ и обожаніемъ душъ усопшихъ. Оттого страшно боятся мертвецовъ. Хижину, въ которой кто либо умеръ, емѣнно сломаютъ и никто не посмѣетъ себѣ построить другую изъ же дерева. Проходя мимо могилы, ни одинъ готтентотъ не пройдетъ того, чтобы на нее не бросить камня или древесную вѣтвь, оттого ѣкоторыхъ мѣстахъ образуются огромные холмы. При этомъ готтен-

тотъ произноситъ имя гайтшеиипъ — единственная божественн ность, въ которую вѣруетъ готтентотъ; вѣроятнѣе, однакожъ, ч этимъ словомъ вообще разумѣютъ душу покойника. Жрецовъ у н нѣтъ, если только не считать жрецами врачей.

У американскихъ дикарей мы видимъ новыя варіаціи на [ту-ж тему.

Отсюда, однакожъ, вовсе не такъ далекъ переходъ до болѣе о ванныхъ формъ разныхъ религій. Религія шакья-муни, какъ и имѣетъ наибольшее число приверженцевъ и число ея поклонник тается сотнями милліоновъ, такъ что она въ этомъ отношені сходитъ всѣ остальныя религіи. Организація буддизма хотя и римо выше всѣхъ этихъ первобытныхъ вѣрованій, но суть-то ея не составляетъ собственности исповѣдающихъ, которые въ сущнос не дальше первобытныхъ понятій о божествѣ.

Религія Конфуція и браманизмъ соперничаютъ въ организаціи дизмомъ и имѣютъ также немаловажную массу поклонниковъ. высшею организаціею все-таки отличаются религіи цивилизован родовъ, какъ еврейская, магометанская и особенно христіанска скающая необходимость прогресса, высокой соціальной любви, въ рукахъ такой бездушной и своекорыстной касты, какъ... кат духовенство, обращается въ орудіе застоя и политической смерти

Дикій австраліецъ понятія не имѣетъ о государственномъ ственномъ управленіи. У него нѣтъ верховнаго владыки. Не имѣя по кой собственности, онъ не нуждается въ министрѣ финансовъ; не им тія даже о грамотѣ, онъ не нуждается въ органахъ просвѣщені какъ онъ никогда и ни съ кѣмъ не переписывается и не сносится, него было бы совершенно лишнее устройство почтъ и телеграфовъ. онъ и безъ нихъ. Не ведя ни съ кѣмъ никакой торговли, онъ, ко нуждается и въ министрѣ торговли. Всѣ эти обязанности у австралій жены на одного лишь волшебника, который пользуется у него шимъ вліяніемъ. Встрѣчаются даже кой-какіе старшины, ком нѣсколькими семействами, но господство и власть этихъ счас слишкомъ скоропреходяща и крайне ограничена. Только тотъ з силу или власть, кто обладаетъ средствами, чтобы быть или другому страшнымъ.

У папуасовъ нѣсколько семействъ соединяются воедино и живу внями, называемыми Кампонгъ. Въ такой деревнѣ мѣстами имѣет

извѣстнымъ авторитетомъ, но значеніе его слишкомъ непрочно и
дежно. Ему не приносятъ никакой дани, не платятъ никакихъ пода-
онъ не отличается отъ остальныхъ жителей никакими украшеніями,
бутами, доспѣхами, ни болѣе конфортабельнымъ жильемъ.
тъ этой первобытной формы соціальной жизни перейдемъ къ малай-
ь, которые несомнѣнно стоятъ нѣсколько выше. Члены одной семьи
утъ совмѣстно въ нѣсколькихъ хижинахъ и управляются верховнымъ
ой. Нѣсколько семействъ составляютъ общину, во главѣ которой сто-
начальникъ. Такой начальникъ проявляетъ уже опредѣленную власть
ь членами общины, какъ въ мирное, такъ и въ военное время; но не
чаетъ никакой дани и жизнь его ничѣмъ не отличается отъ жизни
льныхъ членовъ общины. Онъ носитъ тоже самое платье и совер-
тъ тѣже работы, что и остальные; онъ собственноручно правитъ
юмъ и собственноручно снимаетъ плоды съ деревьевъ. Но въ разго-
ѣ каждый относится къ нему съ извѣстной долей почитанія и никто
забываетъ при обращеніи къ нему проговорить весь его титулъ.
бщины совершенно независимы одна отъ другой и только въ рѣдкихъ
чаяхъ нѣсколько общинъ соединяются воедино и становятся подъ
вленіе верховнаго военно-начальника. Въ случаѣ надобности главы
йствъ и начальники общинъ разбираютъ дѣло по стариннымъ ветхо-
ѣтнымъ постановленіямъ и обычаямъ. Всевозможные проступки подле-
ъ ихъ судебному разбирательству, причемъ они обнаруживаютъ до-
ьно разумныя понятія о человѣческихъ отношеніяхъ. Убійство и нару-
іе супружеской вѣрности наказываютъ изувѣченіемъ глазъ, носа или
й. Нѣкоторые проступки стараются наказать нравственно, пристыдить
овнаго; ему связываютъ руки и ноги и обиженный влачитъ его, какъ
ью, назначенную на убой.
Для обсужденія общественныхъ дѣлъ, обстоятельствъ и предпріятій,
ины собираются на площади, усаженной хлѣбными деревьями. Главы
йствъ составляютъ тогда парламентъ, а начальники и военно-началь-
ь молча слушаютъ ихъ дебаты и пренія. Такое собраніе длится ино-
день и ночь, потому что проходятъ цѣлые часы, пока исполнятъ
ходимыя при этомъ формальности. Такъ, наприм., когда кто хочетъ
зать рѣчь, то всѣ имѣющіе право говорить заявляютъ объ этомъ,
акъ какъ они изъ вѣжливости одинъ другому предоставляютъ это
о, то кончается все-таки тѣмъ, что начинаетъ говорить первый
явшій объ этомъ. Этотъ начинаетъ свою рѣчь, — онъ держитъ при

этомъ въ рукахъ опахало, чтобъ отгонять мухъ, — не съ какимъ предисловіемъ, а съ спеціальнымъ обращеніемъ ко всѣмъ присут щимъ, причемъ онъ, конечно, не забываетъ пространно продекла вать достоинства и титулы своихъ согражданъ. Періоды рѣчи пр сятся не съ пониженіемъ, какъ у насъ, а съ повышеніемъ голоса. что послѣднія слова выбрасываются съ особеннымъ напряжені силой.

Еще ступенью выше соціальный строй маорисовъ. Все населеніе дается на свободныхъ и рабовъ. Конечно, не въ этомъ заключается шее развитіе, а въ томъ, что и между первыми есть благородны начальники (rangotira) и обыкновенные смертные. Но дворянское инство достается не въ силу рожденія, а пріобрѣтается личною добл и личными заслугами, и каждый свободный гражданинъ, который даетъ нужными физическими и нравственными качествами и хорош дѣетъ даромъ слова при обсужденіи въ собраніяхъ общественныхъ каждый такой гражданинъ можетъ достигнуть высокаго положенія роднаго или начальника-ранготира. Но власть и вліяніе такого ли простираются далѣе своего округа, общины или племени. Ему не никакихъ податей и не оказываютъ никакихъ королевскихъ почест европейскомъ или, лучше сказать, въ китайскомъ смыслѣ слова. Ес онъ потомокъ знаменитаго рода или героя, прославленнаго цѣлымъ поколѣній, то онъ можетъ претендовать на болѣе высокое значеніе. всѣ военно-плѣнные, пощаженные милосердіемъ побѣдителя. Вся жиз абсолютно зависитъ отъ господина. Отецъ семейства—неограниченны ститель не только рабовъ, но и жены и дѣтей. Но если онъ причи послѣднимъ какія нибудь жестокости, то его ждетъ возмездіе со ст родственниковъ, потому что, по понятіямъ маорисовъ, каждый инд скорѣе принадлежность своего племени, чѣмъ семейства. Въ этомъ шеніи они неизмѣримо выше многихъ такъ-называемыхъ цивилизова обществъ, въ которыхъ общіе интересы приносятся въ жертву сем принципу.

Государственное устройство маорисовъ, какъ и вообще всѣхъ пол цевъ —демократически патріархальное. Всѣ общественныя дѣла, касаю рода, обсуждаются народнымъ собраніемъ и здѣсь *каждый свобо мужъ* (но не рабъ и не женщина) имѣетъ право голоса и право дать. Собранія большею частью бурныя; каждый воинъ заботится пріобрѣсти славу хорошаго или даже знаменитаго оратора.

Частные ссоры и споры разбираются въ присутствіи старшины, но только въ мелочахъ. Когда же задѣта честь маориса, то онъ, даже не исповѣдуя еврейской вѣры, пускаетъ въ ходъ принципъ Моисея: «Око за око, зубъ за зубъ!» Если кто въ дракѣ убитъ, то духъ убитаго требуетъ мести, требуетъ, чтобы врагъ или одинъ изъ его родственниковъ былъ также убитъ. Если кто взятъ въ плѣнъ, убитъ, сваренъ и съѣденъ, то законъ мести требуетъ, чтобы такую же процедуру совершили и съ тѣломъ врага или одного изъ его родственниковъ. Если кто палъ жертвой коварнаго убійства, то такое злодѣяніе не будетъ забыто и прощено ни въ третьемъ ни въ четвертомъ поколѣніи. На смертномъ одрѣ, съ задыхающимся хрипѣніемъ отецъ завѣщаетъ сыну неумолимую месть и наказываетъ ему не успокоиться, пока не овладѣетъ онъ врагомъ. И когда наступитъ желанный моментъ, когда несчастный попался въ руки, то мало того, что его съѣдятъ, но и кости его обращаются въ домашнюю утварь, а глаза его старѣйшій семейства съѣдаетъ въ сыромъ видѣ.

Маленькія обиды вознаграждаются всякими бездѣлицами. Интересно слѣдующее. Воровство и обманъ въ глазахъ маориса вовсе не грѣхъ, тѣмъ паче преступленіе. Однажды благородный ранготира попался въ воровствѣ на мѣстѣ преступленія. Европейскій путешественникъ, поймавшій его и совершенно потерявшій изъ виду все то, что дѣлается у него дома, въ Европѣ, спросилъ его, какъ это онъ не боится Бога и страха наказанія отъ боговъ. Тотъ, нисколько не смутившись такимъ вопросомъ, гордо отвѣтилъ: «О, нѣтъ! когда боги странствовали по землѣ, они занимались тѣмъ же ремесломъ, и родители очень рады, когда они видятъ, что ихъ дѣти удачно подражаютъ имъ!» Почти тоже самое можно сказать о соціальномъ строѣ кафровъ, готтентотовъ и другихъ африканскихъ народовъ.

Постепенное развитіе соціальнаго строя намъ пріятно прослѣдить crescendo. А потому отъ маорисовъ перейдемъ къ японцамъ. Японское общество распадается на два сословія: на дворянство и мѣщанство или простыхъ гражданъ. Дворянство чисто-родовое основываетъ свое происхожденіе на родствѣ съ княжескимъ домомъ. Это многоразвѣтвленное княжеское родство доставляетъ обильный запасъ для выбора чиновниковъ, которыхъ царствующій князь самъ всюду назначаетъ. Чиновники, смотря по важности занимаемаго ими мѣста, имѣютъ особые титулы, которымъ подобаетъ опредѣленный свойственный почетъ и особые знаки уваженія. Японецъ долженъ все твердо знать и помнить. Боже упаси, если онъ, вмѣсто ваше

превосходительство, обмолвится и скажетъ — ваше благородіе. Чинов
ство представляетъ, такимъ образомъ, довольно сложную члено-сост
іерархію такого утонченнаго строенія, деликатнѣе котораго трудно
думать въ деспотическомъ государствѣ. Ниже поставленный, словомъ
чиненный чиновникъ долженъ приближаться къ высшему съ глубочай
подобострастіемъ и заговаривать съ нимъ самою изысканной рѣчью,
сокимъ слогомъ. Высшій, конечно, не уронитъ себя въ глазахъ низ
отвѣтитъ ему обыкновеннымъ «ты».

Японцы—самый церемонный народъ. Въ обществѣ не только соблю
всякія формальности въ отношеніяхъ высшаго къ низшему, но и въ
шеніяхъ къ младшему старшаго. Такъ, въ обычаѣ, что сынъ, долго
дѣвшій отца своего, узрѣвши его, возлюбленнаго родителя, на рад
цѣлуетъ ему не руку—это по-еврейски—а ногу. Тоже дѣлаютъ и
стоящіе чиновники, когда они хотятъ заявить свое почтеніе старши
новникамъ. Въ присутствіи высокопоставленнаго лица всѣ нахо
тутъ должны присѣсть на полу, скорчившись, согнувшись въ три
подтверждать все, что онъ ни скажетъ. Князю докладывать не
какъ ползкомъ, и въ этомъ скрюченномъ положеніи остаются подан
тѣхъ поръ, пока находятся передъ очами владыки. Такимъ образомъ,
ское правленіе просто деспотическое; король не только владѣетъ
землею, но и располагаетъ жизнью всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ
нѣйшею собственностью.

Отъ этихъ зачаточныхъ и примитивныхъ формъ соціальнаго бы
перейдемъ къ многосложной и ветхой основной формѣ китайскаго го
ственнаго строя, въ которомъ дѣтское съ разумнымъ и полезное съ
нымъ до того перепутано, что нужно быть преемственнымъ плодомъ
ряда китайскихъ поколѣній, чтобъ не задохнуться въ этой атмосф
мириться съ ея разнообразными явленіями. Семейная форма — основно
ментъ государственнаго китайскаго строя. Какъ въ семьѣ, такъ и
сударствѣ глава проявляетъ полнѣйшую абсолютную власть. Это
безгранично, но за то и обязанности, возложенныя на главу, так
лики. Отецъ не только долженъ заботиться о пропитаніи своего д
но и о воспитаніи его. Онъ отвѣчаетъ за всѣ его поступки, даже
когда дитя уже отъ него нисколько не зависитъ, вышло изъ под
опеки. За совершенное преступленіе отвѣчаетъ не только преступни
и все его семейство подвергается наказанію. А за какой нибудь т
проступокъ наказываютъ даже и всѣхъ сосѣдей. Это лучше всего под

слѣдующимъ примѣромъ. Какой-то негодяй вмѣстѣ съ женой прико-
ь свою старуху мать. Когда это сдѣлалось извѣстнымъ императору
кинѣ, то онъ приказалъ обоихъ преступниковъ наказать смертью.
ли преступной женщины (вѣроятно, у мужа не было таковыхъ въ
ъ) подверглись палочнымъ ударамъ и заклеймены клеймами, началь-
уѣзда лишилось своихъ мѣстъ; ученые этого околодка на три года
ись права дѣлать публичныя испытанія; домъ, въ которомъ случился
былъ срытъ до основанія и самое событіе опубликовано въ вящее
ніе всѣмъ подданнымъ.

если родителей наказываютъ за прегрѣшенія дѣтей, то за то, съ
стороны, ихъ всячески награждаютъ за всякое отличіе дѣтей. Шерръ
ей исторіи литературы рѣшительно ошибается, утверждая, что въ
, однимъ словомъ—tout comme chez nous. Напротивъ, тамъ очень
совершенно наоборотъ. Между тѣмъ какъ у насъ пріобрѣтенныя
и переходятъ въ наслѣдство дѣтямъ, у китайцевъ совсѣмъ наобо-
родителей часто въ гробу возводятъ въ чиновное достоинство за
и дѣтей. Притязанія же дѣтей на заслуги родителей не имѣютъ тамъ
никакого значенія.

же обязанности и та же отвѣтственность, какую мы видимъ въ взаим-
отношеніяхъ семьи, господствуютъ и между представителями госу-
а. Императоръ олицетворяетъ собою отца отечества, ему подобаетъ
же благоговѣніе и такое же довѣріе. Смерть императора оплакиваютъ
какъ и смерть отца, всякое преступленіе противъ него наказывается,
преступленіе противъ отца.

ператоръ, какъ глава страны, подобно отцу въ кругу своей семьи,
ъ не только *права*, но и *обязанности*, и послѣднія подчасъ до-
серьезны. По ученію Конфуція, основой всякаго правленія служитъ
еніе самимъ собой. Только тогда, когда человѣкъ преисполненъ мира
анности, онъ вправѣ завѣдывать семьей. Только лишь тотъ, кто это
разумѣетъ, достоинъ господствовать надъ обществомъ, стоять во
государства.

ъ это простое устройство, опирающееся на естественныхъ началахъ,
о главною причиною, что китайское государство пережило всѣ бури
смотря на смѣну династій, стоитъ невредимо и непоколебимо. Китаецъ
итъ на императора не какъ на монарха, а какъ на отца родного.
азахъ китайца императоръ олицетвореніе всего добраго, благого, онъ
йшій и ученѣйшій мужъ всей страны. За то никакая династія и

никакіе династическіе интересы его не прельщаютъ и не восторга
Отсюда понятно, отчего во все время историческаго существованія К
такъ часто мѣнялись династіи, изъ коихъ каждая, овладѣвъ престол
всегда находила во всѣхъ жителяхъ обширной Срединной имперіи са
вѣрныхъ и послушныхъ подданныхъ.

Китайскій государственный строй вовсе не соотвѣтствуетъ нашимъ
пейскимъ понятіямъ; подобно семейному положенію, онъ крайне ограни
Какъ всякій стоящій внѣ семьи не раздѣляетъ ни правъ, ни обязанн
ея, такъ всякій индивидъ, непринадлежащій государству, не можетъ
зоваться ни правами страны, ни нести обязанности мѣстнаго гражда
Въ то время какъ въ обращеніи съ своимъ требуется дружеская,
вѣтливая вѣжливость и честность считается непремѣнною обязанно
въ отношеніи чужестранца китаецъ враждебенъ и не только обманъ д
лителенъ, но правительство внушаетъ ненависть и отвращеніе къ ры
варварамъ.

При такой всесторонней опекѣ правительства, которое смотритъ на
даго подданнаго, какъ на дитя, легко было бы подумать, что народу
прещено всякое свободное проявленіе, котораго правительство боится
огня. Но не тутъ-то было. Народу не только дозволены сборища и сх
но онъ можетъ на нихъ заявлять о своемъ довольствѣ или недоволь
смѣненнымъ или вновь назначеннымъ чиновникомъ. Изъявленіе благ
ности или даже подарокъ дорого цѣнится китайскимъ чиновникомъ и
само правительство смотритъ на это благосклонно. Это лучшее док
тельство, что чиновникъ отправлялъ свою службу согласно съ роди
скимъ наставленіемъ и волей императора и ко благу народа. Напро
того, чиновникъ, прогнанный возмутившимся народомъ, не встрѣчаетъ
рошаго пріема у двора въ Пекинѣ, потому что правительство убѣж
что такой случай имѣлъ свои разумные и основные доводы. Здѣсь извѣ
пословица: «натянешь слишкомъ лукъ, онъ непремѣнно лопнетъ».

Достойно всякаго удивленія и еще болѣе подражанія, что въ Ки
гдѣ такъ много печатается, нѣтъ никакой цензуры и никакихъ пре
рительныхъ законовъ о печати. Правда, что иной разъ заврaвшагося
туна просто, безъ дальнихъ разговоровъ, отдуютъ бамбуковыми пал

Въ силу патріархальныхъ отношеній, на которыхъ зиждется китай
государственное устройство, старости и опытности оказывается особе
благоговѣніе. Но интересно то, что выше и того и другого стоитъ зна
Только знаніе, но никакъ не происхожденіе, не богатство, тамъ вы

читается; только знаніемъ пріобрѣтаются тамъ мѣста и отличія, при-ющія человѣку форму благороднаго достоинства. Доживемъ ли мы когда будь до такого китаизма?

Наслѣдственнаго дворянства въ Китаѣ вовсе нѣтъ. Даже члены импе-торской фамиліи не пользуются со стороны государства никакими пред-птеніями. Аристократію тамъ составляютъ не они, а ученые, занимаю-е высшія мѣста въ государствѣ. Императорскій принцъ безъ всякой госу-рственной должности равняется нулю и на него никто не обращаетъ какого вниманія.

Ученое сословіе Китая, самое почетное изъ всѣхъ, вербуетъ своихъ чле-въ изъ всѣхъ слоевъ общества, отъ богатѣйшихъ до бѣднѣйшихъ. Во-ще оно не пользуется тамъ слишкомъ временными благами и стремленія й его жизни больше отличаются своею скромностью и простотой. Вслѣд-віе этого богатство, которое вообще въ глазахъ общества не составляетъ обеннаго достоинства, не добывается тамъ съ такою жадностью, какъ другихъ странахъ, и европейская роскошь тамъ чрезвычайно рѣдкое леніе. Отсюда, однакожъ, понятно, почему въ Китаѣ такое равномѣрное спредѣленіе собственности и благосостоянія, такъ бросавшееся въ глаза имъ путешественникамъ. Отсутствіе привиллегированной касты, созидае-й унаслѣдованіемъ титуловъ и заслугъ, даетъ въ Китаѣ плодотворнѣй-е результаты. Это постановленіе будитъ талантъ, внушаетъ ему энергію. редавать въ наслѣдство чиновныя достоинства и всякіе титулы закономъ рого запрещено. Законъ гласитъ, что если кто кому предлагаетъ какое будь наслѣдственное достоинство, то оба наказываются смертью.

Такое отсутствіе наслѣдственнаго дворянства и отсутствіе стремленія пить богатства, къ которому относятся безъ всякаго уваженія, — вотъ а фактора, на которыхъ покоится прочность китайскаго строя. При та-мъ строѣ никому нѣтъ надобности и возможности располагать въ свою рону или пріобрѣтать приверженцевъ; почему тамъ дѣйствительно и нѣтъ какихъ партій и революціи происходятъ тамъ съ величайшимъ трудомъ. торія Китая намъ доказываетъ, что всякіе треволненія и перевороты, трясавшіе страну, почти всегда происходили извнѣ, а не извнутри госу-рства.

Таковъ въ немногихъ чертахъ строй Китая. Если мы отсюда пожелаемъ рейти къ наиболѣе высокой формѣ соціальнаго развитія, то намъ стоитъ шь назвать Сѣверо-Американскіе Штаты, чтобы сразу дать понять чи-телю, что мы подъ этимъ разумѣемъ. Тамъ во главѣ 30 милліоннаго

населенія стоитъ частный человѣкъ, выборное лицо на жалованьи. также. какъ австраліецъ своему старшинѣ, не воздаютъ никакихъ поче Онъ ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ гражданъ, такъ какъ он одно время и президентъ и портной или кузнецъ. Тамъ каждый г имѣетъ свое строго законное назначеніе и гражданинъ, отдавъ свой г знаетъ досконально его потребленіе и получаетъ отчетъ въ его требленіи.

Тамъ существуетъ свободная ассоціація; тамъ повсюду разлито все благосостояніе, тамъ распространено элементарное образованіе, можетъ какъ нигдѣ. Однимъ словомъ, весь народъ состоитъ тамъ изъ свобод Правда, Америка лишь недавно сбросила рабство; но все это она шаетъ преемственнымъ и естественнымъ путемъ развитія сама и бу ея, конечно, впереди. Спрашивается, есть ли что нибудь общаго австралійцемъ, незнающимъ никакихъ другихъ властей, кромѣ своего скаго старосты, и сѣверо-американцемъ, свободнымъ гражданиномъ ве республики, видящемъ въ своемъ президентѣ лишь временнаго блюсти общаго блага. Мы нарочно привели эти формы соціальнаго и культу развитія потому, что очень хорошо знаемъ, что большинство публи видитъ никакой разницы между первобытнымъ австралійцемъ и м щимъ европейцемъ, отвергающимъ власть, какъ орудіе насилія. австралійскимъ дикаремъ, неимѣющимъ никакихъ религіозныхъ поняті современнымъ позитивистомъ.

Но кромѣ этой цѣли мы еще имѣли въ виду другую, приводя рядъ очерковъ. Мы хотѣли отъ этихъ немногихъ данныхъ перейти к которымъ предварительнымъ обобщеніямъ, важнымъ въ вопросѣ борь существованіе. Изъ этихъ немногихъ данныхъ мы уже легко можемъ трѣть, что чѣмъ ниже народъ въ культурномъ и соціальномъ раз тѣмъ онъ ничтожнѣе въ общей экономіи народной жизни, тѣмъ обезпечена его жизнь, тѣмъ менѣе онъ можетъ быть увѣренъ въ ус борьбы за существованіе. Возьмите, напримѣръ, что такое австраліец папуасъ съ этой точки зрѣнія. Онъ долженъ бояться всѣхъ и каж Австралійцевъ всего 80,000. Папуасовъ же до 2 милліоновъ. Явись пуасы на мѣстожительство австралійцевъ и первые вытѣснятъ послѣд въ самое короткое время. Быть народомъ въ такомъ ничтожномъ и не имѣть за пазухой ничего своего—значитъ ежеминутно подвергат свое существованіе величайшей опасности. Остальное человѣчество въ мгновеніе ока можетъ уничтожить такой народъ.

айцевъ до 30 милліоновъ. Эти, конечно, уже крѣпче стоятъ на но-
Имъ нечего бояться ни австралійцевъ, ни папуасовъ, ни готтенто-
ни кафровъ, ни американскихъ индѣйцевъ. Но малайцы ничтожны
у китайцевъ. Китайцы своимъ натискомъ, своей высокой культурой
ихъ раздавить и очистить для себя ихъ поле. У малайцевъ, слѣ-
льно, меньше враговъ, чѣмъ у папуасовъ, ихъ жизнь обезпеченѣе;
за существованіе вѣрнѣе. Еще въ лучшемъ положеніи, конечно,
ы. Это безстрашные властители Азіи. Напротивъ, китайцы своею
исленностью, силою своей культуры и соціальнымъ строемъ не только
ли себя отъ остальныхъ народовъ Азіи, но внушаютъ имъ должное
іе къ себѣ и страхъ. Но не только Китай, а даже вся Азія, не-
на свое многолюдство, просто пигмей сравнительно съ маленькой
й. Она безмолвная рабыня Европы, ея всепокорнѣйшая данница.
ая треть ея въ рукахъ Россіи. Южная треть ея въ полнѣйшей и
й зависимости Англіи. А срединная имперія развѣ теперь смѣетъ
ть свои ворота и не пускать къ себѣ европейцевъ? Развѣ она спо-
у себя дома? Развѣ она обезпечена, что не сегодня, такъ завтра
тавятъ сдѣлать вовсе не такъ, какъ она хочетъ, а какъ это хочется
? Развѣ она гарантирована, что не сегодня, такъ завтра Европа
ется къ малѣйшей бездѣлицѣ, разобьетъ ее на голову и станетъ у
зяйничать, какъ у себя дома? Чѣмъ же Европа-то взяла? Чему
язана своимъ всемірнымъ могуществомъ? Европа, конечно, не боится
никого и никого не боится только лишь одна Европа. Она не
больше тамерлановскихъ нашествій. Она одна не боится внѣшнихъ
ателей и всѣмъ этимъ обязана дружному союзу трехъ могуществен-
элементовъ, составляющихъ всю суть въ исторической жизни: само-
й и независимой культурѣ, высшему процвѣтанію науки и усовер-
ованной формѣ соціальнаго быта. Такой правильной и счастливой
іи этихъ трехъ элементовъ съ богатѣйшимъ запасомъ на блестящее
е міръ еще не видалъ и всѣ мѣрки, какими до сихъ поръ мѣрили
ческую жизнь народовъ, къ ней не идутъ, не подходятъ. Оттого
на не боится никого и задаетъ страхъ всѣмъ! Оттого она непобѣ-
въ борьбѣ за существованіе со всѣми остальными народами.

учившись всѣми этими фактами, мы теперь обратимся къ главной
нашей статьи, къ разъясненію послѣдствій великаго закона борь-
существованіе.

II.

Чтобы представить постепенную картину развитія человѣчества, въ связи съ теоріею Дарвина, отъ самыхъ низшихъ, зачаточныхъ формъ общественной жизни и до высшаго проявленія ея на европейскомъ континентѣ, мы будемъ руководствоваться превосходнымъ сочиненіемъ Шерцеръ-Мюллера. Это одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей современной этнографіи, разъясняющій послѣдствія борьбы за существованіе въ простомъ и наглядномъ изображеніи народовъ, населяющихъ земной шаръ— отъ дикого австралійца и до цивилизованнаго европейца. Мы начнемъ съ перваго.

Австралія занимаетъ 150,000 кв. миль. Она лежитъ среди безпредѣльнаго океана. Береговая линія ея очень мало извилиста и не имѣетъ почти ни одной глубоко врѣзавшейся бухты. Большихъ рѣкъ вовсе нѣтъ, а мелкія ея рѣчонки питаются исключительно дождевой водой, такъ что когда долгое время нѣтъ дождя, то онѣ совершенно высыхаютъ. Внутренность ея, мѣстами гористая, представляетъ однообразную и безплодную пустыню безъ всякой растительности и животной жизни. Понятно, кажется, что тамъ немыслимо пребываніе человѣка. Оттого-то тамъ людское населеніе и встрѣчается лишь вдоль морского берега. Климатъ, собственно говоря, превосходный и соотвѣтствуетъ то южной Европѣ, то сѣверной Африкѣ; конечно, внутренность страны въ климатическомъ отношеніи поспоритъ развѣ съ одной Сахарой. Количество дождя очень значительно, почти такое же, какъ въ Англіи, но распредѣленіе его крайне неравномѣрно. То впродолженіи лѣта вся страна высыхаетъ, подъ вліяніемъ жгучаго зноя, какъ самая безплодная пустыня, то зимою вдругъ превращается, подъ вліяніемъ дождей, въ сырую, буквально затопленную страну. Таковъ характеръ страны. Природа, слѣдовательно, сама отказала Австраліи въ роскошной производительности. Въ ней нѣтъ ни одного ручного животнаго, подобно нашимъ; природа отняла у нея всякую возможность скотоводства и земледѣлія. Самыя крупныя млекопитающія тамъ—кэнгуру и опосумъ. Затѣмъ тамъ водится травоядный вомба, динго или дикая собака, нѣкоторыя породы кошекъ, да еще утконосъ. Морской берегъ и рѣки богаты рыбой, черепахами и разными мягкотѣлыми. Туземцы не брезгаютъ и яще-

ами. Гдѣ есть лѣса, тамъ водится множество птицъ. Въ Австраліи мы
димъ бѣлаго орла и черпаго лебедя. Эму, нѣчто подобное страусу,
да 6 футовъ величиною, содержитъ много жира и потому за нею ча-
охотятся.

акъ бѣдна Австралія животными, такъ она бѣдна и полезными чело-
у растеніями. Въ ней нѣтъ ничего подобнаго нашимъ злакамъ или
риканскому маису. Теперь намъ будутъ совершенно понятны послѣдствія
ьбы дикаго австралійца за его жалкое существованіе. Нигдѣ, быть
етъ, рельефнѣе не видна зависимость культуры и соціальнаго быта
окружающей природы, какъ именно здѣсь, въ Австраліи. На всемъ
пространствѣ ѣсть нечего. Скотоводствомъ и земледѣліемъ заняться
ъ никакой физической возможности, остается ограничиваться скудной
той и рыбной ловлей. Понятно, чтобъ прокормиться здѣсь, человѣку
но огромное пространство да и охота невсегда удается и добыча оспа-
ется разными дикими животными. Поэтому ростъ и физическое разви-
австралійца находятся въ сильной зависимости отъ пропорціи пищи,
рою онъ располагаетъ. Такимъ образомъ, на морскомъ берегу и вдоль
ь, гдѣ, слѣдовательно, имѣется болѣе обильный источникъ пищи,
ѣчаются рослые и крѣпкіе индивиды, между тѣмъ какъ въ сухихъ
анныхъ мѣстностяхъ внутренней страны обитаетъ самое жалкое подобіе
вѣческаго существа. Австраліецъ вынужденъ ѣсть все, что ни попа-
я ему подъ руку. Единственное побужденіе, которое руководитъ всей
жизнью—чувство голода. Удовлетворивъ этому чувству, онъ ложится
ь. Всѣ его помышленія сосредоточены на ѣдѣ и вся жизнь протекаетъ
ѣдѣ и спаньѣ, въ голодѣ и охотѣ. Забота о завтрашнемъ днѣ ему
ршенно чужда. Удалась охота, онъ все сожретъ и никогда не поду-
ъ о томъ, чтобъ оставить запасъ на завтрашній день для себя и для
хъ. Онъ съѣдаетъ все за одинъ разъ и съ нимъ ѣдятъ всѣ, находя-
я вблизи. До чего вся жизнь его тѣсно связана съ вопросомъ о пищѣ,
зываетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что бракосочетаніе и оплодотво-
е совершаются у него въ теплое время года, когда природа достав-
тъ ему наивозможно большее количество пищи. Животность его въ
мъ отношеніи до того поразительна, что половыя отправленія его со-
шаются преимущественно въ этотъ періодъ года.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что дикій австраліецъ не властелинъ
роды, а самый жалкій ея рабъ. Несмотря на довольно благопріятный
имать, количество пищи, скудной и малопитательной, ограничиваетъ

размноженіе австралійца. Относительно легкая добыча ея не возбу въ немъ ни умственнаго, ни мускульнаго напряженія силъ. Въ слѣдованіи своей добычи, въ борьбѣ за существованіе съ ными животными онъ еще проявляетъ достаточную силу ума и с вости и хорошо приспособился къ этому. Но, кромѣ этого первоб міросозерцанія, онъ не выработалъ себѣ ни одной болѣе или менѣ дотворной соціальной формы, ничего похожаго на жизнь цивилизов человѣка. И потому, когда удовлетворено имъ чувство голода, австр ни о чемъ больше не думаетъ и предается самымъ неистовымъ пор тѣлодвиженій. Цѣлыя ночи онъ проводитъ въ глубокопассивномъ и номъ состояніи, въ такомъ безсмысленномъ прыганьи и танцованьи единственное психическое проявленіе его сытой, животной жизни. Соглас что это самое жалкое и недостойное послѣдствіе первобытной борьбы за существованіе. Трудно предполагать, чтобъ населеніе А ліи не было первобытнымъ. *) Такимъ оно, вѣроятно, и было съ начала, когда его мать природа на свѣтъ божій родила; тѣмъ что австраліецъ немногимъ, да едва ли чѣмъ и отличается отъ дерталя или анжійца. По измѣреніямъ Шерцеръ-Шварцъ-Вейсбаха тальный трудъ, которымъ мы обязаны путешествію на фрегатѣ Но австраліецъ больше другихъ народовъ приближается къ обезьянѣ широкимъ носомъ, большимъ ртомъ, длинною рукою и особенно пр чіемъ въ связи съ тонкой голенью и широкою ступней. Правда, Вей основываясь на измѣреніяхъ Шерцеръ-Шварца, пришелъ къ тому чёнію, что ни одинъ народъ на бѣломъ свѣтѣ не свободенъ отъ грѣха, но тѣмъ не менѣе австраліецъ перещеголялъ въ этомъ отно многихъ другихъ.

Въ силу всѣхъ этихъ условій австралійцы представляютъ положит регрессивное послѣдствіе борьбы за существованіе, потому что они б къ вымиранію, къ исчезновенію съ лица земли. Еслибъ даже къ и не являлись европейцы, то, раньше или позже, ихъ вытѣсни какіе нибудь малайцы, несравненно выше ихъ стоящіе въ культу отношеніи. Теперь же судьба ихъ рѣшена. Имъ суждено сойти со с Георгъ Герландъ, тщательно обработавшій этотъ вопросъ, прямо ритъ, что на югѣ Австраліи, Кинлэндѣ и на Викторіи населеніе б

*) Хотя австралійцы и совершали безпрерывныя передвиженія.

меньшается въ числѣ, что племена, прежде имѣвшія сотни представителей, теперь едва насчитываютъ ихъ десятки. *) Конецъ ихъ существованія несомнѣненъ. Ихъ хватило лишь на борьбу съ окружающими ихъ животными, но когда имъ пришлось встрѣтиться лицомъ къ лицу съ народами, стоящими выше ихъ въ соціальномъ и умственномъ отношеніи, то участь ихъ была рѣшена безвозвратно.

Безпримѣсное населеніе папуасовъ встрѣчается лишь въ Новой Гвинеи. Страна эта занимаетъ около 13,000 кв. миль; очень гориста; берега ея скалисты; рѣчки ничтожны, такъ что нѣтъ ни одной, которая вела бы во внутренность страны. Ее окружаетъ множество маленькихъ островковъ, съ которыми обитатели поддерживаютъ сношенія. Климатъ довольно хорошій. Интересно слѣдующее обстоятельство. Малая ширина острова и обиліе густыхъ лѣсовъ поддерживаетъ на всемъ островѣ постоянное испареніе, что, по увѣренію всѣхъ путешественниковъ, не совсѣмъ пріятно, потому что островъ покрытъ почти постояннымъ туманомъ. **) Слѣдствіемъ это бываютъ частыя грозы, сопровождаемыя обильными дождями. Но эта масса воды, въ связи съ благодатной теплотой, придаетъ растительности необыкновенную роскошь, а животной жизни особенный блестящій колоритъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и въ Австраліи, нѣтъ ни одного домашняго животнаго. Тѣ же кэнгуру, да еще какой-то родъ свиней. Лѣса кишатъ пернатыми. Но попугаи и райскія птицы не могутъ замѣнить нашей домашней птицы. Страна обилуетъ пресмыкающимися, разными породами змѣй и крокодилами, которые, конечно, лишь ухудшаютъ борьбу за существованіе. Особеннаго вниманія заслуживаетъ морское животное, такъ называемая голотурія, которая доставляетъ такъ называемый *трепонгъ*, чрезвычайно цѣнный предметъ потребленія для Китая. На минуту остановимся. Мы снова вспомнимъ здѣсь ученіе Карла Риттера о береговой линіи. Какъ въ Австраліи, такъ и въ Новой Гвинеи, она достаточно развита, но въ культурномъ отношеніи обѣ стороны значительно разнятся. Изъ предыдущаго и послѣдующаго изложенія читатель убѣдится, какую громадную роль въ судьбѣ человѣка играютъ домашнія животныя. Смѣшно сказать, но это положительная истина, что

---

*) Uber das aussterben der Naturvölker von Georg Gerland. стр. 5.

**) Это, однако, не мѣшаетъ папуасу быть самаго веселаго и беззаботнаго настроенія души и прямо противорѣчитъ тому, будто угрюмый англичанинъ обязанъ своимъ сплиномъ преимущественно туманамъ Англіи.

тамъ, гдѣ нѣтъ домашнихъ животныхъ, невозможна высшая культура, хотя бы тутъ береговая линія была самой лучшей. Въ Новой Гвинеѣ мы видимъ такое же интересное явленіе. Она имѣетъ одно, повидимому, ничтожное преимущество предъ Австраліей, именно она доставляетъ трепонгъ, которому глупые китайцы приписываютъ дѣйствіе, возбуждающее страсти. Но этотъ трепонгъ привлекъ съ незапамятныхъ временъ малайцевъ въ Новую Гвинею и былъ причиною того, что туда были занесены нѣкоторые элементы культуры. Ничтожное обстоятельство сопровождается иногда громадными послѣдствіями.

Хотя растительность Новой Гвинеи очаровательна и великолѣпна, но въ ней нѣтъ ни одного полезнаго растенія, подобно нашимъ хлѣбнымъ злакамъ, рису или маису другихъ странъ. Но все же она имѣетъ нѣкоторое преимущество предъ Австраліей, такъ какъ здѣсь ростутъ нѣсколько породъ пальмъ, изъ коихъ одна даетъ извѣстное саго. Нѣкоторыя деревья доставляютъ хорошій и прочный матеріялъ для кораблестроенія. Во всемъ остальномъ растительность Новой Гвинеи очень похожа на растительность Южной Америки; она, правда, роскошна и восхитительна, услаждаетъ взоръ и веселитъ духъ, но слабый абориrенъ Новой Гвинеи, безъ всякой поддержки и не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одного полезнаго животнаго, встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія въ борьбѣ за свое существованіе съ окружающей его природой. Роскошная растительность подавляетъ его.

При какой обстановкѣ жизнь затруднительна и ограничивается охотой и рыбной ловлей. Пища не обильна и потому фигура папуаса средняго роста и выраженіе лица свидѣтельствуетъ о его внутренней дикости. Изобрѣтательность папуаса, какъ и австралійца, находится въ первобытномъ зачаточномъ состояніи. Они обладаютъ клѣточкой культуры. Все ихъ оружіе, всѣ снаряды приготовляются изъ дерева и много-много что изъ камня, какъ топоръ и ножъ изъ кварца съ деревянною рукояткой. Для этой же цѣли служатъ имъ заостренныя кости разныхъ животныхъ и рыбъ.

Племя папуасовъ было прежде значительно распространено на обширномъ пространствѣ. Они прежде населяли большіе острова Суматру, Борнео, Целебесъ и острова Филиппинской группы. Но имъ пришлось испытать всѣ невыгоды низкой степени культуры и плохого соціальнаго развитія. Малайцы, первоначальное мѣстожительство которыхъ положительно было на восточномъ берегу азіятскаго материка и на близьлежащихъ островахъ, *въ силу борьбы* за существованіе вытѣснили все племя папуасовъ изъ

островов Сунда и Филипинской группы. Они положительно уничтожили все первобытное черное населеніе этихъ мѣстностей. На маленькихъ островахъ первобытное черное населеніе папуасовъ совершенно исчезло и только на немногихъ островахъ послѣдніе остатки этого племени влачатъ и до сихъ поръ свое жалкое существованіе.

Многіе изслѣдователи сдѣлали то интересное наблюденіе, что на континентахъ или на большихъ островахъ никогда не происходитъ смѣшенія различныхъ расъ: до того велико отвращеніе, какое внушаетъ низкостоящее племя болѣе цивилизованному народу. Доказательствомъ тому служатъ, напр., кафры по отношенію къ готтентотамъ въ южной Африкѣ, негры по отношенію къ бѣлымъ на материкѣ и, наконецъ, малайцы по отношенію къ папуасамъ на большихъ островахъ индѣйскаго архипелага. Но на маленькихъ островахъ это явленіе не имѣетъ мѣста; тамъ первобытная и рѣзкая противуположность скоро забывается и наступаетъ смѣшеніе. На островахъ Южнаго Океана малайцы поселились въ самой ничтожной долѣ, а потому и были поглощены папуасами, какъ большее поглощаетъ меньшее, но превосходство малайцевъ надъ папуасами въ культурномъ отношеніи и тутъ рѣзко проявилось въ томъ, что папуасы потеряли свой природный языкъ и обмѣняли свою рѣчь на языкъ болѣе развитыхъ малайцевъ. Таковы послѣдствія, и притомъ регрессивныя, борьбы папуасовъ за существованіе, съ болѣе культивированными малайцами. Малайская раса, какъ въ отношеніи языка, такъ и въ культурно-историческомъ отношеніи распадается на два большихъ отдѣла, именно: на восточную и западную вѣтвь, на малайцевъ собственно и на полинезійцевъ и мелонезійцевъ. Малайцы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, говорятъ хорошо развитымъ языкомъ, выработавшимъ довольно значительную литературу; послѣдніе имѣютъ весьма бѣдныя нарѣчія, недостигшія литературнаго развитія. Первые, отчасти самостоятельно, отчасти усвоивъ чуждые элементы, доросли до довольно высокой культуры, послѣдніе не перешли за предѣлы первобытной формы существованія.

Малайцы встрѣчаются теперь осѣдлыми на всѣхъ большихъ островахъ индѣйскаго архипелага, а именно на Суматрѣ, Борнео, Целебесѣ, Джилоло, Филипинахъ — это теперешняя ихъ резиденція. Но во внутренности этихъ островов встрѣчается человѣческая разновидность, отличная отъ малайцевъ. Эта раса черна и съ курчавыми волосами, слѣдовательно вполнѣ отличается отъ оливковой, малайской расы, имѣющей гладкіе волосы. Эта черная раса встрѣчается также во внутренности острова Фор-

мозы и въ горахъ Малаки. Но это не первобытная родина и не
начальное мѣстопребываніе малайской расы. Послѣ цѣлаго ряда тщ
ныхъ изысканій Шерцеръ-Мюллеръ пришелъ къ тому несомнѣнному
ченію, что первобытная родина, колыбель малайской расы, была
сточная часть азіятскаго материка и что отсюда эта раса двинулась
на острова индѣйскаго архипелага, вплоть до острова Бура, а
пробралась на острова группы Самоа и Тонга и добрела до ост
южнаго моря. Родина ихъ не представляла ничего такого дурного,
ставило бы ихъ бросить ее. Тутъ, конечно, были весьма важны при
побудившія ихъ двинуться съ мѣста, и всѣ эти причины сводятся на
на борьбу за существованіе. Стало тѣсно жить другой болѣе
расѣ — среднеазійской или монгольской; та двинулась. Не устояли
туземцы отъ натиска и сошли съ своего мѣста. Но пришлось за
не пустопорожнія мѣста. Вѣдь на всѣхъ этихъ островахъ было же
леніе, черное, курчавое. Разыгрывалась кровопролитнѣйшая борьба
ществованіе. Пришлось черныхъ аборигеновъ загнать во внутрь ст
въ неприступныя горы, взять съ бою новыя мѣста, какъ нибудь ус
и какъ нибудь обезпечить свое существованіе отъ преслѣдованія
ственнаго врага, напиравшаго изъ средины Азіи.

Если мы теперь спросимъ, какія причины побудили малайскую
предпринять такія отдаленныя передвиженія, то сама страна, ст
разныхъ обстоятельствъ и характеръ расы дадутъ намъ на это у
творительный отвѣтъ. Разсматривая страну, въ которой поселилис
лайцы, легко убѣдиться, что она вся состоитъ изъ острововъ. Нис
поэтому не будетъ преувеличено, если мы назовемъ малайскую расу
островною. Малайцы настоящіе островитяне. У нихъ до того велика
вязанность къ морю, что даже и тогда, когда они покидаютъ свои о
и поселяются на континентѣ, они все-таки придерживаются исключи
морского берега.

Первобытная исторія почти всѣхъ народовъ передаетъ намъ за
вѣрное тотъ фактъ, что, какъ скоро населенію при крайнемъ разм
становится тѣсно жить, отдѣльныя части его принуждены выселит
искать себѣ новое отечество. Понятно, что такое предпріятіе никог
бываетъ добровольнымъ, потому что никто охотно не разстается съ
родиной и сказать послѣднее прости странѣ родной больно сердцу
вѣка, хотя бы самаго дикаго. Но когда грозитъ бѣда, когда го
нужда и кровавые раздоры выступаютъ на сцену, то хотя бы простра

ли и было достаточно просторно, все-таки цѣлый рядъ поколѣній вы-
жденъ переселиться. Такъ малайцы были тѣснимы и переходили съ
рова на островъ, пока безпредѣльное море не остановило ихъ дальнѣй-
о шествія. Но страна, которую имъ пришлось занять, была не безъ
невъ; напротивъ, тамъ искони вѣковъ обитала первобытная раса. Приш-
ь, слѣдовательно, отдѣлаться отъ туземныхъ обитателей силою, очистить
ѣ мѣсто съ оружіемъ въ рукахъ и защищать отъ всякихъ нападеній
аконно захваченную мѣстность. Случалось, впрочемъ, и такъ: слабѣе
ъ — его истребляютъ, какъ дикаго звѣря, при равныхъ же силахъ—
его дѣлать — надо миръ заключить и чрезъ нѣсколько поколѣній вза-
ая ненависть забывается, сглаживается. Бывало и такъ, что и врагъ
одолѣвалъ; приходилось уступить превосходству первобытныхъ обита-
ей; возвратиться вспять тоже нельзя, а потому волей-неволей нужно
ать новой почвы гдѣ нибудь подальше. Въ такомъ именно положеніи
и тѣ малайцы, которые въ незначительномъ числѣ овладѣли остро-
и Самоа и Тонга, гдѣ они встрѣтили дружный и сильнѣйшій отпоръ со
оны своихъ непримиримыхъ враговъ—папуасовъ. Интересно слѣдующее
дположеніе Мюллера, нелишенное вѣроятія. Преслѣдуемые врагами, нѣ-
орые бѣглецы съ островов Самоа и Тонга направились къ востоку,
— къ острову Танги, другіе къ Маркизамъ. Послѣ нѣсколькихъ
ъ естественно явилось стремленіе къ новымъ предпріятіямъ, но, съ
ой стороны, возникало желаніе снова взглянуть на родину. Среди от-
таго океана, въ легкихъ ладьяхъ, безъ всякихъ знаній, безъ компаса,
ь не заплутаться въ дорогѣ? Тутъ вѣтеръ принялъ другое направле-
, и экспедиція, снаряженная наскоро, вмѣсто того, чтобы попасть на
ну, могла очутиться на невѣдомомъ берегу. Впрочемъ, запасъ въ
стныхъ припасахъ и животныхъ былъ, и экспедиція была застра-
на отъ голодной смерти. Чего уже тутъ возвращаться? Объ этомъ и
ть было нечего; пусть будетъ, какъ богъ дастъ, и остались жить на
ихъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ заселились Сандви-
 острова и Ново-Зеландія.
ъ этимъ двумъ побудительнымъ причинамъ, именно, бѣгству отъ не-
теля и потерѣ дороги, въ силу господствующего направленія вѣтра,
оединяется еще третья — особенность самого характера малайской
. Полинезійцы распадаются на множество клановъ, которые управ-
тся собственными военачальниками и которые находятся въ вѣчной
дѣ между собою, если имъ не грозитъ внѣшній врагъ. Но малаецъ к

особенно полинезіецъ весьма опасный врагъ; онъ фанатически и слѣп
навидитъ и ему ничего не стоитъ, захвативъ врага въ свои руки,
что покончить съ нимъ, а просто сожрать его. Онъ тогда предается
бальству съ животной страстью. Нѣтъ сомнѣнія, что такая ожесточ
и хищная ненависть врага заставляла многихъ покидать страну пре
и ввѣрять свою судьбу утлому и шаткому челноку. Когда лютый
дикаго врага грозитъ вѣрной смертью, то спокойная зыбь тихаго мор
же можетъ обѣщать спасеніе близкихъ сердцу! Какъ трудно подчас
стается возможность сохранить свое существованіе въ борьбѣ съ
сильнымъ врагомъ и опасными встрѣчами.

Острова, обитаемые малайцами, именно: Филиппины, Суматра, Б
Ява, Целебесъ, гористы и мѣстами съ вулканами. Всѣ эти острова,
Борнео, вытянуты въ длину, такъ что внутренняя полоса не сли
удалена отъ берега. Ихъ орошаютъ рѣки, береговая линія превос
развита и богата бухтами. Почва плодородна и чрезвычайно приспосо
къ воздѣлыванью многихъ тропическихъ растеній.

Климатъ, собственно говоря, почти тропическій и въ такомъ с
слѣдовало бы ожидать крайне высокой температуры, но, съ одной сто
морскіе вѣтры, съ другой, присутствіе высокихъ горъ значительно умѣр
температуру и потому климатъ самый благопріятный. Особенно Нова
ландія, наиболѣе отдаленная отъ экватора, по своей средней темпер
можетъ быть сравнена съ южной Европой.

Основныя черты малайскаго характера — твердость и замкнутость.
лаецъ легко становится фанатикомъ и тогда онъ дикъ, необузданъ,
вожаденъ. Если онъ раздраженъ, то его уже неудовлетворяетъ смерть
онъ долженъ его съѣсть, чтобы успокоить жажду мести. Это неуст
мый морякъ; въ легкой ладьѣ, въ которую нашъ братъ сухопутный
някъ побоялся бы стать ногой, онъ безстрашно пускается въ отк
море и часто предпринимаетъ отдаленныя путешествія. Между тѣмъ
австраліецъ и папуасъ ни за какія блага въ мірѣ не бросятъ с
родной, малаецъ съ радостью готовъ воспользоваться всякимъ удо
случаемъ, чтобы посмотрѣть на чужія страны и узнать другихъ л
Онъ обладаетъ большимъ даромъ наблюдательности, легко восприни
многое, любитъ позаимствоваться, быстро схватываетъ и усвоиваетъ
обычаи и привычки, проявляетъ большую наклонность къ торговлѣ
любитъ, чтобъ его эксплуатировали.

Въ силу такого направленія характера въ малайцѣ слишкомъ

шиты чувства, пригодныя для семейной жизни. Семейныя узы здѣсь шиком слабы: дѣтоубійство довольно часто; старые и безпомощные роели и родственники подвергаются жестокому обращенію. Власть родией надъ дѣтьми ничтожна. Проституція въ большомъ ходу и ради наы родители просто торгуютъ дѣтьми.

Стремленіе къ пріобрѣтенію—самая сильная страсть, наполняющая душу айца. Страсть эта побуждаетъ его съ самою беззастѣнчивою безсовѣстлью совершать всякія преступленія, воровство, обманъ и т. д. И хотя идетъ на встрѣчу врагу съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ смерти, тѣмъ менѣе скорѣе предпочтетъ пустить въ него ядовитую стрѣлу или уготь его заостреннымъ бамбуковымъ коломъ. Виды на добычу и страсть наживѣ единственная причина ихъ кровавыхъ распрей. На островахъ йскаго архипелага морское разбойничество считается самымъ почетъ рыцарскимъ занятіемъ. Чрезвычайно интересно, что всѣ эти милыя ты характера нисколько не мѣшаютъ малайцу быть человѣкомъ крайне игіознымъ, что обнаруживается во множествѣ обычаевъ и разныхъ реіозныхъ сказаніяхъ.

Вообще нравственыя качества малайцевъ немаловажны. Скученные на ольшихъ островахъ, имѣя подъ рукой лишь немногихъ домашнихъ жиныхъ, какъ-то свинью, курицу и собаку, малайцы безъ всякаго побуленія извнѣ, единственно, стало быть, благодаря хорошей береговой ли, этому незначительному числу домашнихъ животныхъ и личной энергіи характеру, все-таки дожили до извѣстной степени культуры, которая, алуй, нисколько не уступитъ первобытной культурѣ нашихъ индо-герскихъ предковъ.

Маорисами называютъ туземныхъ обитателей Новой Зеландіи. Этотъ пресный островъ содержитъ до 5,000 кв. миль. Вдоль всего острова тяся гора, которая по высотѣ не уступитъ европейскимъ Альпамъ и пота вѣчнымъ снѣгомъ. Съ горъ ниспадаютъ прелестные ручьи съ велиственными водопадами; мѣстами встрѣчаются обширныя и богатѣйшія ныя озера. Климатъ Ново-Зеландіи можно уподобить климату южной анціи и Италіи съ тою лишь разницей, что климатъ Ново-Зеландіи еще ше, потому что еще постояннѣе, благодаря островному положенію стра. Климатъ поэтому самый здоровый и въ этомъ отношеніи не уступитъ дерѣ.

Несмотря, однакожъ, на такой благорастворенный климатъ, фауна на во-Зеландіи очень бѣдна, даже бѣднѣе австралійской. Даже собака и

та не туземна, а завезена маорисами въ Ново-Зеландію изъ ихъ
мѣстожительства. За то Ново-Зеландія нѣсколько богаче птицами
шая моа достигала тамъ 8 футовъ вышины, судя по находимымъ с
Тамъ много породъ попугаевъ, куриныхъ птицъ, утокъ и много
птицъ. Также богата она рыбами.

Флора Ново-Зеландіи во всемъ сходна съ флорой Австраліи,
менѣе Ново-Зеландія заслуживаетъ, чтобъ на нее смотрѣли, как
вершенно обособленную ботаническую провинцію. Она особенно б
поротниками и кустарниками, но бѣдна травами и цвѣтами. Кор
поротника питались прежніе маорисы, а теперь они питаются пл
ревьевъ и ягодами. Прежніе маорисы завезли съ собой сюда тык
кій картофель, называемый кумара. Но наибольшее значеніе въ
номъ отношеніи имѣетъ ново-зеландскій лѣсной ленъ (korari). О
пространства Ново-Зеландіи покрыты этимъ льномъ, который до
маорису матеріялъ для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ его п
стей. Когда ленъ цвѣтетъ, туземцы извлекаютъ изъ него пре
медъ, сохраняемый въ выдолбленныхъ тыквахъ. Маорисъ любитъ и
пользу изъ всего.

Типъ Маориса—вѣрный сколокъ полинезійца, но съ нѣкотор
неніями, происшедшими отъ климатическаго вліянія. Тѣло его не
развито и не такъ мускулисто, какъ у другихъ островитянъ,
жилисто и угловато—результатъ скудной и недостаточной пищи
наго труда. Впрочемъ, встрѣчаются маорисы, въ буквальномъ смысл
атлеты. Цвѣтъ кожи маориса на нѣсколько градусовъ темнѣе, чѣ
у племенъ, живущихъ еще ближе къ экватору. Глазъ у него м
черный и необыкновенно подвижной. Носъ большой, почти орли
это придаетъ лицу маориса какое-то необыкновенно дикое и вои
выраженіе, что еще болѣе усиливается особенностью татуировки.
образомъ, маориса легко отличить среди другихъ полинезійцевъ и
гура его напоминаетъ нѣсколько сѣверо-американскаго индѣйца. Т
и замкнутость характера, свойственныя вообще полинезійцамъ, въ
достигаютъ высшей степени развитія. Маорисъ —земледѣлецъ; он
жденъ съ крайнимъ усиліемъ извлекать изъ почвы ту скудную п
торую ему такъ скупо предоставила не мать, а мачиха-природа.
напряженный трудъ наполняетъ его душу, подобно древнему ри
гордостью, сознаніемъ собственнаго достоинства и питаетъ въ н
воинственныя наклонности. Онъ такой же храбрый воинъ, какъ и

ный морякъ. Обиды и оскорбленія онъ съ трудомъ забываетъ; терпѣ- выжидаетъ онъ благопріятнаго момента, чтобы отомстить. И вотъ ть-то маорисъ душевными своими качествами превосходитъ всѣхъ сво- соплеменниковъ, потому что нужда и трудъ научили его быть дѣя- нымъ и энергичнымъ. Онъ любитъ пѣніе и легко владѣетъ даромъ а. Проявленія его поэтическаго таланта немаловажны, какъ по внут- нему содержанію, такъ и по формѣ.

рубая жестокость и дикость проявляются въ немъ во всей своей силѣ; дѣ канибализмъ не былъ такъ часто въ ходу, какъ въ Ново-Зеландіи, игдѣ войны не велись съ такимъ ожесточеніемъ и остервенѣніемъ. асть къ наживѣ со всѣми пороками очень сильна въ маорисѣ и онъ только не стыдится воровства и грабежа, а говоритъ объ этомъ со- шенно откровенно; обманъ и вымогательство здѣсь—просто обыденный чай.

Какое ничтожество папуасъ или австраліецъ сравнительно съ этимъ энер- ескимъ, полуцивилизованнымъ дикаремъ! И что удивительнаго, что, съ вленіемъ такихъ маорисовъ на любомъ изъ острововъ Южнаго Океана, обытное южное населеніе исчезало, какъ дымъ отъ вѣтра. Маорисы ютъ свою собственную своеобразную литературу. Волшебными сказками коротаютъ длинные вечера и пересыпаютъ эти разсказы хитроспле- ными бесѣдами и забористыми пословицами. Не меньше у него волшеб- ъ наговоровъ и пѣсенъ легкаго содержанія. Трудъ и работа спорится ь звуки хоровой пѣсни; молодежь напѣваетъ другъ другу въ вечерней инѣ любовь и взаимность, и когда онъ отправляется на поле битвы, восторженными своими пѣснями онъ возбуждаетъ въ себѣ отвагу и не- рашимую храбрость. Понятно, такой народъ выдержитъ борьбу даже болѣе значительнымъ соперникомъ, а слабѣйшаго онъ задавитъ, сокру- ъ, безжалостно истребивъ все, мѣшающее его напряженной борьбѣ за существованіе. Если въ немъ работаетъ чувство собственнаго достоин- , если въ немъ воинственность такъ же развита, какъ и стремленіе славѣ знаменитаго оратора, то слово и дѣло у него не станутъ рас- иться; такому народу немного нужно, чтобы подвинуться впередъ. Все е его стоящее, разумѣется, попятится отъ него въ борьбѣ за суще- ваніе, но тѣмъ сильнѣе долженъ быть врагъ, желающій его отодви- ь, вытѣснить.

Перцеръ-Мюллеръ проводитъ ту мысль, что народы и племена разли- тся между собою опредѣленными способностями и качествами, которыми

они одарены первобытно въ различной степени. Въ этомъ насъ убѣжд
вся исторія человѣчества, его антропологія и этнографія. Мы впо
раздѣляемъ этотъ взглядъ, мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, ч
такъ оно дѣйствительно было до сихъ поръ, но мы никакъ не можемъ с
гласиться съ тѣмъ, что вотъ-молъ такой-то народъ можетъ дойти до
кого-то предѣла и дальше—стой, «его же не прейдеши». Слишкомъ н
чтожны тѣ физіологическіе опыты, которые до сихъ поръ производи
надъ людьми, чтобъ рѣшить этотъ вопросъ такъ опредѣленно и не
скать возможности самыхъ рѣзкихъ измѣненій. Правда, макъ растетъ в
всюду въ Европѣ, растетъ и въ Индіи, но европейскій макъ не да
опіума; правда, что чай хорошъ только въ Китаѣ; правда, что хин
корка добывается только въ Америкѣ, но правда и то, что картоф
распространился по всему свѣту. Исторія намъ даетъ такіе крупные фа
индивидуальныхъ особенностей и превосходства одной расы надъ дру
что съ ними ничего не подѣлаешь, но мы не видимъ, почему всякій др
гой народъ, поставленный въ благопріятныя условія, не можетъ достигну
самыхъ высокихъ ступеней развитія. Яванецъ представляетъ намъ рѣз
примѣръ того, что человѣкъ способенъ себѣ усвоить извѣстную степень
форму матеріальной культуры, можетъ даже произвести довольно богат
хотя и своеобразную литературу, все это, конечно, въ силу могуществен
наго посторонняго вліянія; но въ то же время яванецъ свидѣтельству
о томъ, что онъ не одаренъ отъ природы выдающимся самобытнымъ тв
чествомъ и потому дальше подражанія иностранному не пошелъ. Яван
достигъ той точки, которой способенъ былъ достигнуть малаецъ при с
дѣйствіи всѣхъ благопріятныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельст
но самому подвинуться дальше онъ не съумѣлъ, по крайней мѣрѣ до сих
поръ. Островъ Ява имѣетъ довольно хорошій климатъ. Фауна яванск
чрезвычайно разнообразна и богата всякими тварями. Кромѣ тигра, л
опарда и другихъ дикихъ животныхъ лѣса яванскіе обилуютъ оленя
обезьянами и лѣсными свиньями. Рѣки кишатъ рыбою, но также и кр
кодилами. Изъ птицъ въ лѣсахъ водятся куры, фазаны, цапли, попуга
а павлинъ—постоянный спутникъ тоже. Изъ насѣкомыхъ особеннаго вни
манія, конечно, заслуживаетъ пчела, доставляющая въ обиліи медъ и
воскъ. Самое главное домашнее животное, необходимое для обработки пол
въ томъ краѣ,—буйволъ. Индѣйцы ввели его тамъ вмѣстѣ съ воздѣлыва
ніемъ риса; тамъ есть также нѣсколько породъ рогатаго скота, тоже вв
зеннаго изъ Индіи; переселенный туда изъ Европы недолговѣченъ. Там

ся также и лошадь, преимущественно индѣйскаго происхожденія.
и овца хорошо сохраняются на Явѣ, также какъ завезенная туда
цами черная свинья. Почти въ каждомъ домѣ есть собака и кошка.
домашней птицы тамъ водится гусь, утка и курица.

анская флора также чрезвычайно разнообразна. Преимуществуютъ
го рода пальмы, затѣмъ высокоствольные дубы и каштаны даютъ
олѣпную тѣнь; то, что у насъ съ такимъ трудомъ сохраняется въ
шнѣйшихъ оранжереяхъ, тамъ прозябаетъ подъ открытымъ небомъ.
вое дерево, мирты, акаціи, рododендры украшаютъ этотъ островъ по-
стно.

мъ воздѣлывается мѣстами рисъ, а мѣстами маисъ. Тамъ всякая зе-
шпинатъ, дыни, огурцы. Тамъ огромныя пространства покрыты ин-
сахарнымъ тростникомъ и табакомъ.

ревни всѣ окружены цвѣтущими садами плодовыхъ деревьевъ, между
рыми фигурируютъ пизангъ, хлѣбное дерево, гранатовая яблоня, ко-
ая пальма. Присоединимъ сюда еще драгоцѣнный хлопчатникъ и не-
кное для яванца бамбуковое дерево. Мало того, здѣсь воздѣлываютъ
чай. Европа—это щедрая распространительница благъ цивилизаціи,
попользовавшись отъ Америки картофелемъ, надѣлила имъ и Яву,
придачу къ нему прибавила капусту, бобы, сельдерей, горохъ и
ие другіе питательные плоды.

залось бы, чѣмъ же эта страна не рай земной. И почему тутъ-то
о и не проявиться всему хорошему, великому, человѣческому? Есть
законныя причины, глубоко коренящіяся какъ въ климатическихъ
іяхъ, такъ въ особенности и въ соціальномъ строѣ. Обиліе пищи,
но, имѣетъ свои благодѣтельныя послѣдствія; росту яванецъ сред-
тѣло его хорошо упитано, грудь хорошо развита. Молодыя особы
тъ довольно привлекательную внѣшность; многія изъ нихъ удовлетво-
бы даже европейскимъ понятіямъ о красотѣ. Но это длится лишь
ѣхъ поръ, пока формы округлены и полны; но когда организмъ съ
пленіемъ юношескаго возраста становится жилистѣе и жостче, воз-
аются страсти у обоихъ половъ и начинаютъ проявляться преврат-
обыкновенія, тогда все рѣзче обрисовывается неотесанная фигура ма-
ой конструкціи. Вообще мужчины превосходятъ женщинъ въ красотѣ;
ѣднія подчасъ до безобразія отвратительны.

огія черты личнаго характера яванца дадутъ намъ нѣкоторый от-
на нашъ вопросъ, почему онъ стоитъ на извѣстной точкѣ и не

идетъ дальше. Все поведеніе яванца выказываетъ въ немъ человѣка
средоточеннаго, ушедшаго въ самого себя, который, повидимому, не
нимаетъ никакого участія во всемъ внѣшнемъ мірѣ. Никогда онъ се
позволитъ никакихъ увлеченій; онъ не любитъ сильныхъ проявлені
дости, онъ не привыкъ обнаруживать удивленіе; онъ вѣчно жестокъ и
держенъ.

Въ обществѣ онъ очень внимателенъ и почти боязливъ. Онъ посто
тревожится, чтобъ никого не оскорбить, потому что онъ самъ обижа
отъ малѣйшаго вздора. Обращеніе его полно собственнаго достоинст
не имѣетъ расположенности шутить и острить. Онъ почти никогда
смѣется; когда онъ одинъ, то онъ сидитъ себѣ молча, никогда не у
шишь его пѣсни или чтобы онъ разговаривалъ самъ съ собою.

Яванецъ безгранично любитъ родную страну, отцовскую землю, та
какъ обычаи и нравы предковъ, такъ что въ этомъ отношеніи его о
трудно побудить къ какимъ нибудь нововведеніямъ. Умѣренный въ об
новенной жизни, онъ крайнѣ легкомысленъ въ пиршествѣ и готовъ
величайшей безпечностью поставить все свое состояніе на карту. П
дѣло идетъ объ удовлетвореніи необходимымъ жизненнымъ потребност
онъ очень дѣятеленъ, но чуть у него малѣйшій излишекъ, какъ онъ с
новится лѣнивымъ и апатичнымъ. Къ тому же онъ очень легковѣре
и дѣтски простодушенъ. Онъ можетъ цѣлыя ночи провести въ игрѣ
куклами и любой фанатикъ, съумѣвшій задѣть его за живое, возбуд
въ немъ слабую струнку, можетъ имъ забавляться, какъ мячикомъ. К
солдатъ, онъ настолько храбръ, насколько онъ беретъ себѣ примѣръ
другихъ; но коль скоро въ немъ разгорѣлись страсти, онъ неустраш
глядитъ смерти прямо въ лицо.

Высшія общественныя добродѣтели, какъ-то: дружба, привязанно
благодарность, сознаніе своей полезности и самоуваженіе мало развит
яванцевъ.

Естественная привязанность не простирается у него дальше семьи; я
нецъ поэтому хорошій отецъ семейства, но въ нравственномъ отнош
самая обыденная посредственность. Къ высокопоставленнымъ лицамъ
относится съ крайнимъ почтеніемъ; особенно предъ тѣми, кто задѣетъ т
своею пышностью и великолѣпіемъ, онъ держитъ себя рабски, уничиж
холопски; съ низшими онъ столько же высокомѣренъ, сколько и жест

Воспріимчивость и вообще мозговыя способности яванца довольно з
чительны, но далѣе переимчивости они не идутъ и похожи въ этомъ

...нія на неразвитыхъ дѣтей. Какъ только яванецъ усвоилъ себѣ высшее образованіе, онъ бросается въ крайности и любитъ заявлять себя личностью. Его тогда радуетъ всякій внѣшній блескъ, онъ становится ...имъ и кончаетъ тѣмъ, что впадаетъ въ необузданность и распутство. Это особенно замѣтно на яванскихъ принцахъ. Почти всѣ путешественники, пришедшіе съ ними въ прикосновеніе, рисуютъ ихъ, какъ безнравственныхъ, сладострастныхъ развратниковъ; такія-то личности стараются ...тать пыль въ глаза своимъ подданнымъ своею суетностью и жестокостью.

Понятное дѣло, что съ такимъ характеромъ и съ такимъ общественнымъ настроеніемъ далеко не уйдешь. И яванцы, несмотря на свою старинную культуру, литературу и самобытное письмо и грамоту, въ отношеніи образованія остались далеко назади. Образованіе обыкновеннаго ...ртнаго тамъ очень ограничено, и хотя яванцы имѣютъ свою собственную грамоту, но изъ нихъ рѣдко кто умѣетъ читать и писать. Туземныя учрежденія для народнаго образованія слишкомъ неудовлетворительны. Все преподаваніе въ рукахъ мѣстнаго духовенства, которое въ большинствѣ случаевъ не имѣетъ само даже элементарныхъ познаній. На обязанности духовенства возложена работа первоначальнаго обученія дѣтей; но духовенство какъ разъ преподаетъ именно то, что меньше всего пригодно; напримѣръ, заставляетъ дѣтей читать коранъ, съ языкомъ котораго не только дѣти, но и сами учителя незнакомы. На родномъ языкѣ они ничего не узнаютъ отъ своихъ духовныхъ наставниковъ; чтенію и письму развѣ научитъ какой нибудь писецъ королевской службы. Не слишкомъ выше народныхъ школъ стоятъ духовныя семинаріи. Тутъ имъ толкуютъ о коранѣ и о разныхъ теологическихъ матеріяхъ, разумѣется, настолько, насколько учителя сами въ этомъ смыслятъ; а о болѣе важныхъ вещахъ ...и остаются въ блаженномъ невѣжествѣ, какъ самый простодушный ...карь.

Малайское племя вообще и яванцы представляютъ намъ весьма интересное и поучительное явленіе въ культурно-историческомъ значеніи. Климатъ превосходный, продуктивность страны не оставляетъ ничего лучшаго желать и все-таки они дальше азбуки культуры не ушли. Несмотря на все богатство климата и страны, они не могли подняться на степень самобытнаго творчества, они не доросли до созданія науки, они не додумались до лучшихъ формъ соціальнаго строя. Культура ихъ, правда, богатѣйшая, но все это у нихъ наплывное. И спросите-ка на милость, кто

у нихъ не побывалъ? Первые пришли къ нимъ индѣйцы, которы
тогда стояли несравненно выше малайцевъ. Они первые дали толч
развитію малайской и яванской культуры. Столкновеніе это не мо
подѣйствовать на нихъ самымъ благодѣтельнымъ образомъ, пото
большинство индѣйцевъ переженилось на малайскихъ или яванских
щинахъ, такъ что по берегамъ Явы, Суматры и Малаки встрѣчаетс
рядочная помѣсь малайской съ индѣйской кровью. Затѣмъ къ нимъ
были китайцы, но такъ какъ послѣдніе принадлежали рабочему и
разованному классу, то вліяніе ихъ на туземцевъ незамѣтно. Тѣмъ
щественнѣе должно было быть арабское вліяніе. Арабы появились
въ 13 вѣкѣ, а въ 14 и 15 магометанство пустило здѣсь самые г
корни. Мѣстные арабы даже завладѣли здѣсь престолами и под
своему господству часть туземцевъ. Въ концѣ концовъ явились сюд
пейцы: испанцы, голландцы и англичане. Каждый изъ нихъ могъ
про себя «omnia mea mecum porto». Испанцы—тѣ принесли св
толицизмъ, а голландцы и англичане больше по части торговли. Ка
бы, что тутъ-то, при столькихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ,
цамъ предстояла высокая цивилизація. Но, во первыхъ, всѣ эт
шельцы являлись сюда съ чисто-эгоистическою цѣлью, и дальнѣйше
витіе туземцевъ было вовсе не въ ихъ интересѣ. Во вторыхъ—и
мое главное—сама окружающая природа этому мѣшала. Мы видѣл
австралійцы и папуасы, несмотря на превосходство и великолѣпіе
обитаемой ими страны, не могли подняться на степень сколько
значительной культуры потому, что у нихъ не было и нѣтъ возмо
завести домашнихъ животныхъ. Какая, подумаешь, бездѣлица, а
роль играетъ эта бездѣлица въ культурѣ! Но малайцы уже на э
ловаться не могутъ. Природа ихъ надѣлила всѣмъ нужнымъ. Они
и добрались до опредѣленной степени культуры и дальше идти не
потому что съ самаго начала ихъ появленія на всѣхъ этихъ ос
природа, слишкомъ щедрая, давала имъ слишкомъ много при ничт
трудѣ съ ихъ стороны. Гдѣ природа даетъ слишкомъ много, тамъ
располагаетъ къ напряженному и усиленному труду; извѣстная доля
необходима для поощренія прогресса. Малайцы, слѣдовательно, скор
гутъ жаловаться на излишнюю щедрость и крайнюю роскошь окр
щей ихъ природы, что при легкомъ удовлетвореніи всѣмъ своимъ
ностямъ располагало ихъ къ лѣни и апатіи. Притомъ же они съ
начала явились сюда народомъ тѣснимымъ и отодвигаемымъ болѣе

ъ сосѣдомъ—азіятскими племенами. Лишенные своей первобытной терріи, они растратили свой небольшой запасъ энергіи въ борьбѣ съ ужающими обстоятельствами, и когда попали въ мѣсто, гдѣ нашли ное обезпеченіе существованія безъ особеннаго труда, они и руки слои и предались азіятскому кейфу. Китаизмъ характера, пассивность наы проявились тогда во всей своей силѣ. Въ этомъ положеніи застали индѣйцы, и они не задумались поддаться ихъ вліянію, затѣмъ явиь могучіе и цивилизованные магометане. Понятно, что имъ не стоило акого труда подчинить ихъ себѣ. Европейцы же обо всемъ этомъ вовсе заботились. Были бы барыши.

Малайцы вообще и яванцы въ особенности, въ борьбѣ за существованіе окружающею природой, являютъ собою послѣдствіе прогрессивное, но ихъ подвести подъ европейскую мѣрку, они—ничтожество, рабы евроізма и въ борьбѣ съ нимъ всегда заявятъ себя послѣдствіемъ регресснымъ.

Намъ бы теперь слѣдовало перейти къ той группѣ человѣчества, коая вытѣснила малайцевъ. Это намъ слѣдовало бы сдѣлать ради послѣательности. Но въ такомъ случаѣ намъ пришлось бы потомъ снова вращаться къ первобытнымъ народамъ. Мы поэтому будемъ продолжать рить о послѣднихъ. У насъ нѣсколько пойдетъ idem per idem, да его дѣлать. Необходимо побольше привести доказательствъ для разъенія и оправданія главной идеи.

Африка—страна искони вѣковъ совершенно своеобразная и изолирован. Она произвела нѣсколько породъ людей, держала ихъ всегда въ аниченномъ количествѣ, довольствовалась малымъ, не переполнялась огда излишкомъ, и потому не вытѣсняла никого, не отправляла никуда акихъ колоній; обитатели ея вертѣлись въ своей собственной сферѣ, принимали никакого участія въ обще-человѣческомъ движеніи, а поу она осталась позади и стоитъ тутъ неподвижно, покорною данницею опы, пассивною поставщицею рабовъ. Читатель, конечно, не сомнѣтся, что будущія судьбы Африки и ея дикаго населенія въ рукахъ илизованной Европы. Какъ мы ни хитри, а надо сознаться, что будь рика, Австралія и всякая другая страна болѣе удобообитаема для евроица, она давнымъ давно обратилась бы въ какіе нибудь американскіе аты. И то Европа выдѣлывала съ Африкой, что только ни вздумаетъ. ая въ Африкѣ есть гдѣ разгуляться на волѣ, но Европѣ вздумалось убавить немножко ея населенія и она перетащила нѣсколько милліоновъ

его въ Америку и продала тамъ въ рабство, потомъ, сконфузившись, остановила свое постыдное дѣло и, какъ бы въ возмездіе, новѣйшіе европейцы или американцы вознаградили негровъ тѣмъ, что устроили имъ маленькую республику, лучшій плодъ всего своего историческаго развитія. И все-таки Африка пока мало подвигается. Мы обѣщаемъ читателю разобрать этотъ вопросъ въ отдѣльной статьѣ. Всего за одинъ разъ не перескажешь.

Африка — то безплодна и пустынна, то поражаетъ богатствомъ своей производительности. И то и другое съ точки зрѣнія современной этнографіи мѣшало высшему развитію культуры, а потому не дало возможности наукѣ зародиться и задержало культуру на первобытной формѣ соціальнаго строя. Въ силу всего этого первобытное населеніе Африки сидѣло себѣ преспокойно на своемъ мѣстѣ и просидѣло бы такимъ образомъ до скончанія вѣка, еслибъ тутъ не вмѣшались сосѣди и разные непрошеные гости. Сперва борьба за существованіе была, такъ сказать, мелочная, индивидуальная, шла въ разбродъ, но потомъ она стала проявляться en masse. Такъ какъ насъ главнымъ образомъ здѣсь именно это и интересуетъ, то мы передадимъ словами Шерцера разсказъ о той передрягѣ, которая выпала на долю Африки.

Африка обладаетъ самою плохою береговою линіею; она бѣдна большими рѣками, кромѣ Нила, которому поэтому и суждена была другая жизнь. Почва ея то не даетъ ничего, то даетъ слишкомъ много. Горъ большихъ нѣтъ и т. д. Все это располагало ея населеніе къ лѣни, къ бездѣятельности или много-много что къ дѣятельности, удовлетворяющей первымъ потребностямъ, какъ скотоводство и слабое земледѣліе. Оттого всѣ народы ея стояли на самой низкой степени развитія матеріальной культуры. Читатель, конечно, помнитъ, что мы строго различаемъ три элемента: культуру, науку и соціальный строй. При такомъ положеніи, когда болѣе сильному сосѣду стало жить тѣсно, онъ не замедлитъ двинуться и притиснуть такихъ замѣшкавшихся тунеядцевъ.

На этотъ разъ жить стало тѣсно высокоазійской монгольской расѣ и, что побудило ее двинуться съ мѣста, объясняется оченъ просто. Большею частью эта раса представляла собою номадовъ, которые вели жизнь кочевую и которымъ для прокормленія своихъ стадъ необходимы огромныя пространства земли. Съ увеличеніемъ народонаселенія, конечно, необходимо было расширить предѣлы своихъ пастбищъ. Въ такомъ разѣ сосѣда просто вытуриваютъ и пастухъ, награбивъ добычу, находитъ въ этомъ свою

ятность: онъ тогда становится воиномъ и ведетъ войну ради добычи и абежа.

Когда, такимъ образомъ, сдѣлалось тѣсно монголамъ, они поприжали сетовъ и оттѣснили ихъ; тѣ, въ свою очередь, заставили податься впедъ хамитовъ; послѣдніе же должны были убраться по-добру, по-здорову всѣмъ изъ Азіи, перейти чрезъ проливъ къ сѣверу и къ сѣверовостоку фрики. Тогда-то взбаломутилось все африканское населеніе и пошло тѣсть другъ друга, произошло колоссальное передвиженіе всѣхъ первобытыхъ ея обитателей. Въ силу всего того можно положительно утверждать, о первобытныя четыре расы Африки, именно: 1) негры, 2) фула и нуба,) кафры и 4) готтентоты сидятъ не на своихъ мѣстахъ, что занимаемая ми теперь страна не первобытная ихъ родина и что мы ихъ застаемъ шь на тѣхъ мѣстахъ, которыя они завоевали послѣ самаго упорнаго и овольно продолжительнаго боя за свое существованіе. Готтентоты, которые еперь прижались въ самомъ крайнемъ уголку Африки, прежде простирали вое господство далеко къ сѣверу, какъ это легко видно по остаткамъ одственныхъ съ ними племенъ и по ихъ вліянію, замѣтному на кафрахъ. еперь они — развалины прежней сильной расы и такое же крупное регрессивное послѣдствіе борьбы за существованіе въ Африкѣ, какъ австраійцы на своей территоріи. Кафры *) переселились въ свое теперешнее мѣстожительство съ отдалённаго сѣвера, гдѣ они долгое время жили въ сосѣдствѣ съ хамитами. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ ихъ языкъ, въ которомъ слышится множество разнообразныхъ звуковъ, напоминающихъ хамитскіе идеалы. Какъ видно, кафры первоначально двинулись вдоль восточной окраины, пока не наткнулись на готтентотовъ, преградившихъ имъ дальнѣйшее движеніе; потомъ, получивъ второй толчокъ отъ племени галла, они двинулись съ востока на западъ поперегъ материка.

Отечествомъ фула и нуба также можно считать сѣверо-востокъ Африки. Отсюда они были оттиснуты напиравшими хамитами, и такъ какъ дорога къ югу была уже занята кафрами, то имъ пришлось держаться западнаго движенія. Здѣсь они вторглись въ негритянскую массу, среди которой они и до сихъ поръ существуютъ.

Когда монголы изъ средней Азіи тронулись съ своихъ мѣстъ и под-

---

*) Мюллеръ утверждаетъ, что правильнѣе писать кафръ чрезъ одно ф, что значаетъ невѣрующій.

винули семитовъ, а эти послѣдніе хамитовъ, то семиты, какъ болѣе воинственное племя, прорвали поселенія хамитовъ въ западной Азіи и заставили ихъ распасться на двѣ вѣтви, на азіятскую, которая двинулась къ востоку и заняла территорію между Тигромъ и Ефратомъ, и африканскую, которая двинулась къ Африкѣ и по Африкѣ.

Піонерами африканской вѣтви хамитовъ были ливійцы, потомъ эфіопскія племена. За ними уже послѣдовали египтяне. Такъ какъ появленіе египтянъ на сценѣ исторіи обыкновенно относятъ ко времени 7 или 8000 лѣтъ до Р. Х., то начало африканскаго движенія приходится отодвинуть за 10,000 лѣтъ до Р. Х.

Таково было передвиженіе африканскихъ обитателей и таковы безразличныя послѣдствія ихъ взаимной долговременной борьбы за существованіе. Природа ихъ страны дала имъ возможность дойти до извѣстнаго предѣла культуры, далѣе которой у нихъ не хватило ни личной энергіи, ни внѣшнихъ побужденій. Послѣдствіе это еще болѣе выяснится нѣкоторыми индивидуальными чертами особенности ихъ характера. Основная черта негритянскаго характера — крайняя раздражительность и воспріимчивость; но за то въ немъ очень рѣдко проявляется самобытная дѣятельность духа. Онъ одаренъ отъ природы самой живой необузданной фантазіей. Но его личная энергія очень невелика. Онъ работаетъ лишь тогда, когда его побуждаетъ къ тому крайняя нужда или посторонняя сила. Онъ до того склоненъ ничего не дѣлать, что подчасъ самъ себя лишаетъ жизни, лишь бы избѣгнуть необходимости работать. При хорошемъ обращеніи онъ преданъ и привязывается, какъ дитя, при дурномъ же онъ мстителенъ.

Его умственныя способности довольно посредственны. Онъ быстро схватываетъ и легко подражаетъ, но до самобытнаго творчества ему далеко. Негритянскія дѣти дѣлаютъ поэтому самые быстрые изумительные успѣхи въ томъ возрастѣ, въ которомъ наиболѣе дѣятельна память, но отстаютъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, когда на сцену выступаетъ разумъ.

Судить объ умственныхъ способностяхъ негра по его культурѣ было бы поспѣшно. Во-первыхъ, фауна и флора его страны слишкомъ щедро надѣлили его всѣмъ нужнымъ для него безъ особеннаго труда съ его стороны, во-вторыхъ, онъ втеченіи тысячелѣтій приходилъ въ посредственное и непосредственное соприкосновеніе съ болѣе развитыми народами, такъ что скорѣе всего можно приписать его культурную дѣятельность необыкновенному таланту его къ подражанію, а не собственно умственному проявленію. Ибо даже тамъ, гдѣ ему приходится заявить самоличную у-

венную дѣятельность, онъ теряетъ даже свою обычную способность къ подражанію. Такъ, ему никогда до сихъ поръ не удалось сдѣлать слона ручнымъ, хотя онъ очень хорошо знаетъ, насколько это удалось другимъ народамъ. Необузданная чувственность ведетъ его къ жестокости, которая проявляется въ немъ даже въ религіозной формѣ въ видѣ человѣческихъ жертвоприношеній. Слѣдствіемъ этого полнѣйшее отсутствіе всякихъ общественныхъ доблестей. Негръ обыкновенно большой воръ и безстыдный лгунъ: лицемѣріе и притворство его обыденныя свойства. Его соціальный строй — самый грубый деспотизмъ. Рабство съ его развращающими послѣдствіями процвѣтаетъ у него въ полномъ блескѣ. Изъ всѣхъ занятій и ремеслъ негръ посвящаетъ себя развѣ ручному мастерству: землю онъ обработываетъ руками рабовъ, а скотоводство ему совсѣмъ чуждо.

Фула и нуба нѣсколько болѣе одарены, чѣмъ негры, что отчасти можно приписать исламизму. Отличительной чертой ихъ характера можно назвать привязанность къ занятію скотоводствомъ. Это народъ по преимуществу пастушескій. Въ силу этого патріархальный элементъ сильнѣе выступаетъ въ проявленіяхъ ихъ жизни. Управленіе, вѣроятно, у нихъ прежде было демократически-патріархальное и потомъ перешло въ теократію. Они занимаются не только скотоводствомъ, но и земледѣліемъ, которое у нихъ въ такомъ почетѣ, что ему посвящаютъ свой трудъ лишь свободные, между тѣмъ какъ ремесла находятся въ рукахъ рабовъ.

Кафры отличаются своею необыкновенной любовью къ скотоводству, которое до того почтенно, что имъ исключительно занимаются мужчины. Да и пища-то ихъ большею частью молочная. Кромѣ скотоводства они не брезгаютъ и земледѣліемъ, но послѣднее менѣе почтенно, а потому оно и предоставлено бабамъ. Кафры существенно отличаются отъ негровъ тѣмъ, что у нихъ нѣтъ рабства и каждый кафръ находится въ совершенно свободномъ отношеніи къ своему главѣ. Несмотря на почтеніе, которое они оказываютъ военачальнику, и несмотря на строгую дисциплину во время войны, каждый кафръ имѣетъ право въ собраніи свободно заявлять свое мнѣніе и даже подвергать анализу и критиковать дѣйствія и распоряженія начальства. Кафры отличаются необыкновенной храбростью, но они не кровожадны и потому довольствуются подчиненіемъ врага и завладѣніемъ его собственностью. Они всегда объявляютъ, что идутъ войной, и ихъ обращеніе съ врагомъ вполнѣ рыцарское. Какъ послѣдствіе храбрости—ихъ энергія и умѣренность. Кафръ не любитъ такъ предаваться лѣни и кейфу, какъ негръ, и возбуждающіе напитки не

въ его вкусѣ. Все это ведетъ къ тому, что у кафра развито чу справедливости и искреннее душевное чувство честности. Воровство, обыкновенное у малайцевъ и негровъ, почти никогда не встрѣч среди кафровъ, неподвергавшихся чужому вліянію.

Когда европейцы впервые появились на мысѣ Доброй Надежды, тентоты были скотоводами и все ихъ богатство состояло въ огро стадахъ рогатаго скота. Когда же бѣлые пришельцы поприжали и того, что они стали нуждаться въ средствахъ къ существованію низошли на степень охотниковъ. Земледѣліемъ они, повидимому, ни не занимались, да и теперь оно у нихъ очень рѣдко въ ходу. Г тотъ отличается крайне слабою энергіею и чрезмѣрною лѣностью. голодъ не можетъ принудить его къ труду; онъ предпочитаетъ лечь и проспитъ чувство голода. Рука объ руку съ лѣнью въ немъ еще на страсть къ горячимъ напиткамъ, потомъ они самые страстные верженцы куренія, къ чему служитъ дикая конопля, одна или въ неніи съ табакомъ. Разъ отвѣдавъ спиртуозныхъ напитковъ, готте до того къ нимъ пристращается, что становится отъявленнымъ п цей. Интересно отношеніе готтентота къ животному міру. Онъ обо многихъ животныхъ, относится къ нимъ съ особеннымъ участіемъ ражаетъ свою привязанность къ нимъ въ безчисленномъ множ басень.

Такимъ образомъ, вся Африка представляетъ первобытную страну, хое развитіе ея береговой линіи, крайняя пустыня съ одной сторон другой, роскошная щедрость природы безъ всякаго почти труда это держало населеніе въ неподвижности и дозволяло ему подняться ко на извѣстную ступень культуры, но эта обстановка помѣшала канскимъ обитателямъ дойти до самобытной культуры, и потому у не могла возникнуть наука, и соціальный строй ихъ остался въ точной формѣ. Такимъ образомъ, вся Африка съ антропологической зрѣнія представляетъ послѣдствіе регрессивное въ борьбѣ съ азіат народами, натиску которыхъ они уступили сразу. Особенно готте безвозвратно стремятся къ вырожденію. Негры держатся лишь мн сленностью; одни лишь кафры подаютъ надежду на то, что они бы заявить себя прогрессивными въ общемъ движеніи. Такимъ обр вся борьба за существованіе у африканскихъ народовъ уходила на б съ окружающею природою, такъ что имъ некогда было и средст хватало подняться надъ ней, надъ природою, почему они и ост

али въ сравненіи съ другими народами и уступили имъ при первомъ лкновеніи.

Предъ нами Америка. Мало того: предъ нами Новый Свѣтъ. Еслибъ умбъ въ минуту открытія Америки почувствовалъ всю цѣну своего рытія и предвидѣлъ всѣ благія его послѣдствія для всего человѣче-, то онъ не вынесъ бы восторга, онъ умеръ бы отъ радости и счастья, еловѣчество не опозорило бы себя тѣмъ, что надѣло на него цѣпи. этими цѣпями человѣчество уже не могло спасти своего невѣжества, ому что съ этого именно момента, послѣ тысячелѣтняго мрака, начи-тся великое возрожденіе человѣческой мысли, которому предѣла мы видимъ впереди.

Америка! Въ этомъ словѣ слышится что-то такое хорошее, чего нигдѣ ьше нѣтъ. Все человѣчество надѣется, что именно Америка осуще-итъ всѣ лучшія мечты, всѣ завѣтныя желанія и стремленія лучшихъ зей человѣчества. Но мы должны отличать Америку первобытную отъ гой—новой Америки, которая есть лишь дальнѣйшее и усовершен-ованное развитіе европеизма.

И въ самомъ дѣлѣ ни одна страна не представляетъ намъ такого ѣчательнаго явленія, какъ Америка. Вѣдь этотъ материкъ существо-ъ же отъ вѣка; вѣдь на немъ жило же огромное множество людей ольно разнообразныхъ, хотя и не разновидныхъ; вѣдь часть этихъ дей достигла же извѣстной степени умственной культуры; почему же масса людская не доросла сама до тѣхъ соціальныхъ формъ и до могущества, какого достигла на той же самой почвѣ европейская грація? Этотъ вопросъ намъ блистательно разрѣшаетъ Шерцеръ-Мюл-ъ съ точки зрѣнія Дарвина, силою борьбы за существованіе. Послѣ ательнаго сравненія всѣхъ внѣшнихъ особенностей и внутреннихъ свойствъ ригеновъ этого длиннѣйшаго материка, этнографія пришла къ тому омнѣнному убѣжденію, что всю эту страну, отъ самой южной ея точки самой сѣверной, населяетъ одна раса людская, которая физически и твенно представляетъ собою совершенно обособленный типъ, отличный всѣхъ другихъ, но одинаковый, за ничтожными уклоненіями, по всему странству этого благословеннаго материка. Говоря вообще, первобыт-й американецъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ системѣ человѣче-ихъ расъ, какъ это могло бы казаться съ перваго раза. Многія отра-и этой расы дожили до немаловажной культуры, а что остальныя стоя-на такой низкой степени развитія при первомъ прибытіи европей-

цевъ, объясняется не только тѣмъ, что они дѣйствительно менѣе з
репы, но и особенностью строенія самой страны и весьма ограничен
фауной и флорой этой части свѣта. Въ Америкѣ очень мало дол
которыя прорѣзывали бы большія рѣки и въ которыхъ можно было
развести самыя полезныя животныя и растенія, необходимыя человѣ
какъ для содѣйствія въ его трудахъ, такъ и для поддержанія существ
ванія. Тамъ, гдѣ природа устроила такія долины, какъ въ Мексикѣ
въ Перу, тамъ дѣйствительно человѣкъ въ своей борьбѣ преодолѣлъ пр
роду и создалъ довольно богатую культуру. Мы должны воздать пол
уваженіе и не можетъ отказать даже въ удивленіи этой развитой ку
турѣ, потому что для достиженія ея туземному человѣку не было
откуда помощи, потому что въ Америкѣ нѣтъ ни одного домашняго ж
вотнаго, которое можно было бы сравнить съ нашей коровой или лошад
въ ней также нѣтъ того обилія полезныхъ злаковъ, которыми такъ бо
старый свѣтъ, потому что одинъ маисъ, единственное американское хл
ное растеніе,—пигмей съ нашими хлѣбными злаками. И въ то пр
какъ Европа при помощи своихъ дюжихъ домашнихъ животныхъ мож
разнообразить и увеличивать продуктивность своей страны, слабый ам
канецъ лишенъ возможности побороть дикую растительность и рас
стить непроходимыя дебри, чтобы сколько нибудь обезопасить свое су
ствованіе. Дурно питаемый, ограниченный въ средствахъ, какъ онъ
набраться мужества и энергіи, и вотъ почему вся жизнь его была по
щена на борьбу съ окружающей природой и на удовлетвореніе сам
первыхъ потребностей безъ малѣйшихъ размышленій. Трудно, слѣд
тельно, отыскать страну въ которой строеніе и свойственныя ей е
ственныя произведенія рѣзче проявляютъ свое вліяніе на человѣка,
это видно въ Америкѣ. Америка—совершенно обособленный отъ дру
частей свѣта материкъ, который по формѣ распадается на два пр
говатыхъ треугольника. Пространство его равняется 743,819 кв.
Сѣверная часть пространствомъ превосходитъ южную всего на
пятую, а береговая линія первой вдвое больше второй. Сѣверная имѣ
береговую линію въ 6,000 миль, а южная около 3,400 м. Берего
линія наиболѣе развита на восточной сторонѣ континента и наиме
на западной. Къ восточной какъ-разъ и примыкаютъ многіе острова.
Америку прорѣзываетъ длинная цѣпь горъ, которая придерживается зап
ной стороны, а мѣстами образуетъ плоскія возвышенности (plateau
какъ въ Перу и въ Мексикѣ. Восточная полоса Америки обилуетъ

х, сливающимися въ большія рѣки и озера. За то и болотъ не мало, въ особенности тамъ, гдѣ встрѣчается помѣха стоку водъ. По климату Америка такъ же разнообразна, какъ и старый свѣтъ. Средина ея принадлежитъ тропическому климату; сѣверъ и югъ принадлежатъ умѣренному, крайній сѣверъ въ рукахъ холоднаго климата. Интересно еще то обстоятельство, что температура въ Америкѣ сравнительно ниже температуры мѣстностей стараго свѣта, лежащихъ подъ одинаковымъ градусомъ широты.

Разсматривая флору и фауну Америки именно съ той точки зрѣнія, съ которой мы хотѣли бы опредѣлить ея значеніе на развитіе культуры, мы должны назвать ихъ бѣдными. Тамъ нѣтъ ни одного животнаго, которое можно бы сопоставить съ нашею лошадью или коровой. Самое сильное и самое большое изъ тамошнихъ животныхъ, бизона, нѣтъ возможности сдѣлать ручнымъ и онъ составляетъ лишь предметъ охоты на лугахъ Сѣверной Америки. Лама и альпака—слабыя животныя, которыя сравнятся развѣ съ нашей козой и ягненкомъ. Изъ домашнихъ птицъ можно развѣ упомянуть объ индѣйскомъ пѣтухѣ. Отсюда мы видимъ, что сама природа отказала американцу въ средствахъ вести кочевую жизнь номадовъ и была слишкомъ скупа на пособія для приведенія земледѣлія въ цвѣтущее состояніе. Значеніе послѣдняго слишкомъ бросается въ глаза всякому безпристрастному наблюдателю, если онъ обратитъ вниманіе, что мѣстная флора дала лишь растеніе, маисъ, сколько нибудь соотвѣтствующее нашимъ хлѣбнымъ растеніямъ. Какъ хотите, а какой-то злой рокъ подшутилъ надъ Америкой: это просто игра судьбы, что въ тѣхъ именно мѣстахъ, въ которыхъ и положеніе, и климатъ позволяли человѣку развиться до высокаго положенія, какъ разъ недоставало самаго драгоцѣннаго металла,—не золота, конечно (Америка имъ такъ была богата, что готова была завалить имъ бездонную пропасть жадности испанца), ей недоставало желѣза.

Читатель нашъ помнитъ, что мы отрицали, по ученію К. Риттера, слишкомъ большое значеніе береговой линіи, и Америка какъ нельзя больше подтверждаетъ справедливость этого взгляда. Береговая линія ея был превосходна и ей она отчасти обязана теперешнимъ благосостояніемъ, но безъ домашнихъ животныхъ и безъ желѣза береговая линія не приносила той пользы, какую она оказала Америкѣ при помощи этихъ элементовъ, внесенныхъ въ нее европейской культурой.

Послѣ всего этого читателю будетъ понятно, почему американецъ уступаетъ въ культурномъ отношеніи другимъ расамъ. Природа дозволила ему

лишь сдѣлаться охотникомъ и рыболовомъ и всячески затрудняла ему
ступъ къ высшей культурѣ; природа къ нему относилась даже ску
чѣмъ къ малайцу, негру и готтентоту и только немногимъ была къ
милостивѣй, чѣмъ къ австралійцу и папуасу. Но тамъ, гдѣ приро
слишкомъ жестоко съ нимъ обращалась, гдѣ она ему позволяла хоть ск
нибудь преодолѣть себя, тамъ онъ вышелъ изъ первобытнаго дикаго
стоянія и заявилъ себя человѣкомъ въ извѣстной мѣрѣ цивилизован
Поэтому мексиканецъ и перуанецъ въ глазахъ антропологовъ зани
высшее мѣсто, чѣмъ яванецъ, или утопающій въ излишествѣ негръ,
даже кафръ, неразстающійся съ своими стадами и кочевкой. Но п
бытный американецъ, не смотря на самыя благопріятныя климати
условія, не могъ подняться выше въ культурномъ и соціальномъ отно
и европеецъ, явившись туда во всеоружіи своей культуры и науки и
довольный всѣмъ соціальнымъ строемъ тогдашней Европы, съумѣлъ въ
роткое время достигнуть небывалаго развитія. Такимъ образомъ, все п
бытное населеніе Америки въ виду европеизма не выдержитъ борьб
падетъ, какъ регрессивное послѣдствіе борьбы за существованіе.

Мы теперь обратимся къ совершенно другому явленію. Мы видѣл
сихъ поръ одно изъ двухъ: или природа такъ скудна, что человѣкъ
могалъ въ борьбѣ съ нею и не могъ выйти изъ своего первобытнаго
женія, или природа своею роскошью, своимъ излишествомъ окончат
подавляетъ его и вѣчно держитъ его въ безвыходномъ неподвижном
ложеніи. Мы теперь обратимся къ народу, который съумѣлъ подчи
природу себѣ и мастерски овладѣть ея силами; въ силу этого онъ
нялся на такую высокую степень культуры, что еслибъ она была н
ною цѣлью человѣческихъ стремленій, то, быть можетъ, народъ этот
правѣ былъ бы остановиться. Онъ дѣйствительно достигъ несокруши
первенства среди огромной массы народовъ, но за то стоитъ такъ н
движно, что въ борьбѣ за существованіе съ другими народами, обла
щими главными тремя элементами: культурой, наукой и соціальнымъ стро
онъ ничтоженъ до того, что, несмотря на свою многочисленность и к
сальность, онъ долженъ пасть отъ натиска европеизма. До того вре
застой! До того справедливо положеніе, что кто не идетъ впередъ, т
идетъ назадъ! До того необходимо, если не двигать человѣчество, т
крайней мѣрѣ двигаться рука объ руку съ нимъ, не отставать отъ н
Не будь у насъ предъ глазами Европы съ ея идеаломъ въ будущемъ, в
нѣйшее осуществленіе котораго заключается въ полной гармоніи высо

звитія названныхъ нами трехъ элементовъ, не будь у насъ этого мѣ-
ла, этого критеріума прогресса, можно было бы тогда согласиться, что
ія представляетъ самое прогрессивное послѣдствіе борьбы за существо-
ніе. Но въ виду этого идеала Азія—нуль.

Вѣдь кромѣ Мексики и Перу, этихъ двухъ цивилизованныхъ странъ
ерики (конечно, въ китайскомъ смыслѣ слова, а не европейскомъ), всѣ
роды, которые мы до сихъ поръ разсматривали, по всей справедливости
гутъ быть названы первобытными. Всѣ эти народы болѣе или менѣе
тались на первобытной ступени человѣческаго развитія и не доросли,
дожили до соціальнаго строя съ особенными прочными формами быта
съ высшей культурой.

Этому препятствовали въ большинствѣ случаевъ почва, климатъ и окру-
ающая фауна и флора. Въ такомъ положеніи мы нашли австралійца,
ериканца, обитателей Южнаго моря и отчасти африканца.

Тамъ, гдѣ почвенныя условія благопріятствовали возстановленію куль-
ры, какъ въ Мексикѣ и въ Перу, тамъ отсутствіе самыхъ полезныхъ и
обходимыхъ домашнихъ животныхъ и желѣза, какъ самаго важнаго ме-
лла для производства всякихъ, а въ особенности земледѣльческихъ, орудій
позволяло зародиться такой цивилизаціи, такой культурѣ, которая
на въ себѣ носила бы зародыши прогресса, начала дальнѣйшаго само-
ятельнаго развитія.

Мы теперь намѣрены обратиться къ народамъ, которые осуществили въ
бѣ многое, чего не успѣли достигнуть первобытные ихъ братья. Народы
и обладаютъ основными началами самой высокой культуры и составля-
тъ своею жизнью содержаніе всей натуры человѣчества. Эти народы уже
мъ замѣчательны, что изъ своего дому—великаго континента, вмѣщаю-
аго въ себѣ Европу и Азію,—они мало по малу распространяютъ свое
сподство и значеніе по всему земному шару. Обѣ части свѣта, Европа
Азія, строго говоря, составляютъ одно неразрывное цѣлое. Правда, какъ
физическомъ отношеніи, такъ и въ бытовомъ житейскомъ отношеніи
жду обѣими частями громадная разница, ихъ дѣйствительно и раздѣ-
етъ длинный и высокій кряжъ горъ, въ существованіи которыхъ чита-
ля скорѣе всего можетъ убѣдить невольный обитатель и постоянный
евидецъ, пишущій эти строки. Но взаимные переходы въ обѣ стороны,
обѣ направленія до того постепенны и незамѣтны, что ихъ смѣло можно
инять за одно большое цѣлое. Жители Урала тяготѣютъ болѣе къ пра-

родительницѣ нашей — къ Азіи и рѣзкаго перехода или стремленія къ европеизму въ себѣ не ощущаютъ.

Разсматривая внимательнѣе эту массу земель, колыбель человѣчества, исторіи, науки и культуры, мы видимъ, съ одной стороны, довольно бѣдное и разнообразное развитіе береговой линіи, съ другой стороны, богатѣйшія долины, прорѣзываемыя могучими судоходными рѣками. Рѣки эти берутъ свое начало въ длинныхъ, высокихъ, покрытыхъ лѣсами горахъ, въ нѣдрахъ которыхъ хранятся богатѣйшія сокровища всевозможныхъ металловъ—кладъ и двигатель цивилизаціи.

Растительный и животный міръ этой половины свѣта совершенно отличенъ отъ остальныхъ частей свѣта. Въ то время какъ въ Австраліи и въ Америкѣ вовсе нѣтъ животныхъ, пригодныхъ для домашняго обихода, для прирученія и для земледѣльческихъ работъ, здѣсь сгруппированы всѣ самыя полезныя животныя и растенія. Словомъ, здѣсь сосредоточены всѣ условія для развитія и процвѣтанія высшей культуры. Мы Европы и не коснемся, какъ предмета слишкомъ знакомаго намъ, а изъ азіятскихъ народовъ мы остановимся лишь на одномъ Китаѣ, какъ на высшей формѣ матеріяльной культуры, до которой достигъ человѣкъ въ этой части свѣта. Кромѣ того изъ всѣхъ народовъ монгольской расы Китай, какъ по численности народонаселенія, такъ и по вліянію своему силою культуры на все остальное населеніе Азіи, занимаетъ первое мѣсто. Ту роль, какую играла Греція въ древнемъ мірѣ и современный Западъ въ исторіи и судьбѣ теперешняго человѣчества, ту же роль играетъ Китай среди азіятскихъ народовъ. Китаецъ—высшее развитіе своей, но только своей, расы. Онъ достигъ предѣла, до котораго азіятецъ можетъ развиться. За то китаецъ въ своемъ околодкѣ играетъ уже первенствующую роль, онъ создалъ самостоятельную культуру безъ всякаго содѣйствія или участія со стороны другихъ народовъ и распространилъ свое вліяніе и подчинилъ господству своей культуры несравненно большую массу людей, чѣмъ всякій другой народъ.

Для объясненія этого мы приведемъ нѣсколько подробностей. Весь Китай состоитъ изъ трехъ большихъ долинъ, окаймленныхъ высокими горами и прорѣзанныхъ тремя большими рѣками. Пространство между Янгъ-тсе-кіанг'омъ и Гоангъ-го имѣетъ вполнѣ характеръ глубокой долины и есть собственно настоящая колыбель китайской культуры и цивилизаціи. Отъ природы плодородная и обильная водами, страна эта орошается множествомъ каналовъ и представляетъ, такимъ образомъ, необъятное цвѣтущее

. Климатъ Китая очень благопріятенъ. Только благодаря своему по-
нію на крайнемъ востокѣ этого великаго материка, климатъ Китая
олько разнится отъ европейскихъ странъ, лежащихъ съ нимъ подъ
ми и тѣми же градусами широты. На югѣ господствуетъ тропическій
атъ, распадающійся на сухое и дождливое время года. Сухое время
обусловливается сѣверовосточнымъ вѣтромъ (музимъ) и длится отъ
бря по апрѣль: дождливое время года длится отъ апрѣля по октябрь
условливается юго-западнымъ вѣтромъ (музимъ), который приноситъ
обою постоянный дождь. Выше 35° начинается умѣренный климатъ;
атмосферическіе осадки причиняютъ измѣнчивость погоды. Такимъ
зомъ, въ Китаѣ четыре времени года. Изъ нихъ зима отличается силь-
ъ холодомъ, а лѣто, напротивъ, необыкновеннымъ зноемъ. Ни одна
на на всемъ свѣтѣ не можетъ похвалиться такимъ богатствомъ полез-
ъ растеній и животныхъ, какъ Китай. Примыкая, по своему положе-
къ тропическому и умѣренному климату, онъ соединяетъ въ себѣ
укты того и другого. Очень можетъ быть, что Китай единственная
на въ мірѣ, которая ни въ комъ не нуждается, можетъ сама удовле-
ить всѣмъ потребностямъ своихъ обитатателей, не только обыденнымъ,
аже изысканнымъ требованіямъ роскоши. Въ этой-то матеріяльной
висимости Китая отъ другихъ странъ и коренится главная причина его
дашней замкнутости; онъ всегда избѣгалъ всякія попытки ознакомиться
другими культурами, полный сознанія своей собственной самостоятель-
и, что еще больше питало въ немъ духъ независимости. Въ южныхъ
сахъ Китая также, какъ на островѣ Формозѣ, преобладаетъ тропи-
ая фауна, имѣющая здѣсь своими представителями обезьянъ и попу-
ъ, потому что другихъ дикихъ животныхъ въ Китаѣ нѣтъ. Съ неза-
тныхъ временъ тамъ болѣе не встрѣтишь ни льва, ни тигра; культура
ршенно истребила ихъ, исключая развѣ лѣсовъ Юн-нанъ, гдѣ иногда
ваютъ бенгальскаго тигра. Англичане хвастаютъ, что на ихъ крошеч-
ъ островѣ нѣтъ волковъ и медвѣдей. Какъ ничтожно это сравнительно
подвигами китайцевъ, истребившихъ на своей обширной территоріи по-
всѣхъ дикихъ звѣрей. Слоны, встрѣчающіеся на югѣ Китая, по-
ютъ туда изъ Бирмы. И только въ гористыхъ лѣсахъ отдаленнаго за-
плутаетъ медвѣдь. Олень, заяцъ, антилопа, дикій кабанъ составляютъ
метъ охоты; на югѣ дикая кошка считается лакомствомъ; ее сперва
шенько откармливаютъ, а потомъ уже ѣдятъ. Къ домашнимъ живот-
ъ принадлежитъ лошадь маленькаго, невзрачнаго вида; но она крѣпка

и костлява. На нее очень мало обращают вниманія въ Китаѣ, н что тамъ превалируютъ водяныя сообщенія и потому еще, что ки чужды воинственнаго духа. За то тамъ въ большомъ употребленіи и мулъ; послѣдній цѣнится даже выше лошади. Для обработки земл житъ буйволъ, голый, безъ шерсти, чернаго цвѣта и ростомъ меньше н скаго. На сѣверѣ около Пекина одногорбый верблюдъ или дромадер требляется, какъ вьючное животное. Корова и быкъ тамъ въ мен употребленіи, чѣмъ коза и овца, но самое важное домашнее жи Китая—свинья, чрезвычайно замѣчательная по своей породистости. очень короткія ножки и громадное тѣло. Этимъ, конечно, она обязан тельному уходу за ней втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ, что, съ друго роны, указываетъ на ту громадную пользу, которую она приноситъ ки въ его домашнемъ быту. Собака также употребляется въ пищу, поч предварительно откармливаютъ рисомъ. Крысы, которыми буквально к берега рѣкъ и каналовъ, также пожираются китайцами.

Въ такой же мѣрѣ Китай изобилуетъ птицами. Пруды, озера и кишатъ гусями и утками. Интересенъ способъ охоты, которымъ ки ухитрился ловить ихъ. Дѣло очень просто. Онъ надѣваетъ на голову а самъ весь погружается въ воду. Ясно, что плаваетъ тыква, а таецъ. Такъ приближается онъ къ птицамъ, для которыхъ плав тыква вовсе не новость. Онъ схватываетъ каждую за ножку и погру ее въ воду.

Нѣкогда былъ въ Китаѣ и крокодилъ, но китаецъ въ борьбѣ за ствованіе совсѣмъ истребилъ его. Тамъ много черепахъ, которыми пи бѣдное населеніе.

Китай очень богатъ рыбами. Единственный естествоиспытатель Екатеринбурга—нѣмецъ портной—и тотъ завелъ у себя акваріумъ держитъ золотыя рыбки, особенность Китая, которою онъ такъ гор Между насѣкомыми, конечно, слѣдуетъ упомянуть о шелковичномъ че другая собственность Китая, конечно, еще болѣе полезная. Культ употребленіе шелка въ Китаѣ ведется искони вѣковъ. Потому-то в вое платье тамъ искони любимое платье и, по своей общедоступност большомъ употребленіи.

Также и настолько же богатъ Китай и флорой, какъ фауной. Т пальма, и винная ягода, и хлѣбное дерево, но объ нихъ не сли заботятся. Фрукты ихъ хуже нашихъ. Гораздо важнѣе бамбуковое д *Оно, во-*первыхъ, даетъ превосходную тѣнь, и во-вторыхъ, въ рукахъ

тельства оно играетъ роль скипетра, и имъ бьютъ всѣхъ и каждаго, то бы въ чемъ ни провинился.

Изъ хлѣбныхъ злаковъ первое мѣсто занимаетъ рисъ, затѣмъ пшеница, мень, овесъ и просо, и всевозможная зелень, на перечисленіе которой надобилось бы нѣсколько страницъ.

Но два растенія составляютъ особенный свойственный одному лишь Кию кладъ. Одно служитъ для возбужденія нервной системы до сердцеенія—это чай, а другое для очищенія желудка—это ревень. Одно возждаетъ, а другое слабитъ все человѣчество. Съумѣй воспользоваться тимъ китаецъ, онъ завербовалъ бы весь міръ. Полезность и распространенсть этихъ двухъ растеній по всему міру достаточно извѣстны; менѣе, онечно, извѣстно, какую массу денегъ они собираютъ со всего свѣта и колько серебра они доставляютъ срединной имперіи.

Всѣ извѣстные металлы разрабатываются въ Китаѣ искони вѣковъ и анимаютъ не мало рукъ. Важно въ этомъ отношеніи замѣтить, что каменый уголь тамъ встрѣчается въ огромнѣйшихъ залежахъ и давнымъ давно отребляется, какъ горючій матеріалъ, и все-таки китаизмъ не допустилъ хъ додуматься до изобрѣтенія Уатта.

Послѣ всего этого, чего-жъ нѣтъ въ этой странѣ? Чего недоставало этому роду, чтобы сдѣлаться могущественнѣйшимъ господиномъ всего міра? Что становило его шествіе по пути цивилизаціи и прогресса? Почему застрялъ нъ на одномъ мѣстѣ и стоитъ здѣсь неподвижно, точно окаменѣлая глыба ли гранитная скала подъ памятникомъ Петра Великаго? Вѣдь при таомъ разнообразномъ богатствѣ всѣхъ естественныхъ произведеній, додуайся китаецъ до пара, до желѣзныхъ дорогъ, до электричества и телерафовъ, онъ бы тогда.... онъ бы и тогда стоялъ бы на томъ же мѣстѣ, отому что не въ нихъ сила, потому что можно имѣть десятки тысячъ верстъ елеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, сидѣть бокъ о бокъ съ Европой, усвоивать сѣ продукты ея культуры и простоять на одномъ мѣстѣ тысячи лѣтъ.

Отличительная черта китайца—безусловная преданность традиціи, отсутвіе всякаго критическаго отношенія къ преданію, утвержденному вѣками. итаецъ боится нововведеній, какъ ереси, какъ чумы, и, разъ застывъ ъ своей неподвижной политической формѣ, не чувствуетъ въ себѣ ни силъ, желанія выйдти изъ него. Семейная жизнь его, построенная на груъ деспотизмѣ, обезличила женщину, убила нравственную энергію дѣтей поглотила въ себѣ всѣ элементы соціальной жизни. Въ Китаѣ нѣтъ бщества, а есть только семья; нѣтъ коллективной жизни, а только инди-

видуальная, разрозненная и скованная патріархальными несокрушимыми обычаями. Къ этому присоединяется у китайца рутинное самодовольство, какая-то влюбленность въ себя, основанная на отрицаніи всего чужого, не китайскаго. Общество, въ которомъ онъ живетъ, покоится на тѣхъ же незыблемыхъ началахъ, на какихъ его видѣли протекшія тысячелѣтія: наука, которую онъ изучаетъ, приводитъ въ сущности къ однимъ и тѣмъ же ветхозавѣтнымъ результатамъ, такъ какъ она ограничивается изученіемъ и разъясненіемъ старины; открытія, вызываемыя потребностями высшей культуры, остались въ первоначальной своей формѣ, безъ всякаго улучшенія и развитія. Китаецъ все существующее считаетъ совершенствомъ; онъ далекъ отъ всякаго анализа окружающихъ его явленій, и рисовать себѣ планы на будущее, хотя бы на самое блестящее, онъ не любитъ. Изъ всѣхъ народовъ земного шара китаецъ по преимуществу практикъ, которымъ руководитъ опытъ и преданіе. Онъ прилеженъ, умѣренъ, трудолюбивъ, трезвъ и всегда ровнаго и одинаковаго настроенія. Онъ думаетъ лишь объ обыденныхъ вещахъ; внѣ этого круга онъ ничего знать, ни понимать не хочетъ. Поэтому онъ изучаетъ лишь тѣ знанія и искусства, которыя касаются обыденной жизни. Заниматься умозрительными размышленіями, теоріями, отдаться отвлеченнымъ понятіямъ, толкованіямъ и разсужденіямъ китаецъ считаетъ величайшею глупостью.

Такое практическое направленіе, располагающее къ всестороннему общенію съ людьми, затѣмъ примѣсь нѣкоторой доли флегматическаго темперамента и съ дѣтства тщательно направленное въ эту сторону воспитаніе,—все это ведетъ къ тому, что въ китайцѣ исчезаетъ всякій слѣдъ грубости, и изъ него формируется человѣкъ, отличающійся самыми тонкими и пріятными манерами. Китаецъ сознаетъ свою образованность, онъ гордится ею, на европейца онъ смотритъ какъ на грубаго, необразованнаго варвара и не упускаетъ случая каждый разъ дать ему почувствовать свое превосходство.

Многіе мыслители сдѣлали весьма справедливое наблюденіе, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ народное образованіе повсемѣстно распространено, состояніе наукъ не соотвѣтствуетъ той же степени распредѣленія грамотности. Что касается общаго образованія, китайцы, можетъ быть, перещеголяютъ любое европейское государство, но о наукѣ собственно тутъ не можетъ быть и рѣчи, и никакой параллели здѣсь проводить нельзя. Всѣ открытія и изобрѣтенія, сдѣланныя китайцами, не суть плоды научнаго подготовленія и умственнаго изслѣдованія, а скорѣе результатъ практическихъ пріемовъ и

ировки. Вся такъ-называемая философія Китая есть ничто иное, какъ порядочная куча опытныхъ правилъ и нравственныхъ сентенцій патріархальнаго характера. Теоретическаго знанія у китайцевъ нѣтъ. Такъ, итайцы открыли зрительныя стекла безъ малѣйшаго понятія объ оптикѣ. приготовляются изъ горнаго хрусталя, очень грубой работы, и поедствомъ снурковъ, къ которымъ привѣшены маленькія гирьки, прикѣпляются къ ушамъ. Химическія открытія китайцевъ сравняются развѣ знаніями средневѣковыхъ алхимиковъ или дѣлъ мастеровъ среднихъ вѣвъ. Математическія и астрономическія познанія еще хуже.

Хотя они слыхали о Пифагоровомъ ученіи, но все еще, какъ и русскіе, отребляютъ счеты. По части астрономіи, какъ и по части физической ографіи, учителями ихъ были сперва арабы, а потомъ іезуиты. Но эти вѣ отрасли не заслуживаютъ названія науки по той мизерности, котою онѣ удовлетворяютъ китайцевъ, потому что эти знанія пріобрѣтены ощупью, рядомъ вѣковыхъ опытовъ. Что касается ихъ соціальнаго троя, то китаецъ вполнѣ осуществилъ высшую форму патріархальнаго еспотизма въ строжайшемъ смыслѣ слова: какъ глава семейства, такъ и лава общины, а тѣмъ болѣе глава государства непогрѣшимы. Всѣ ихъ чрежденія патріархальны, и въ силу этихъ учрежденій все унаслѣдованое отъ отцовъ и праотцовъ пользуется чрезмѣрнымъ почитаніемъ, считается ненарушимою святостью. Все, о чемъ думали предки, и все, что они дѣлали, должно быть разумно и хорошо, потому что они были опытны. Все это знать и согласно всему этому жить — величайшая мудрость и добродѣтель. Понятно, что такая система не допускаетъ ни малѣйшаго проявленія индивидуализма, а отсюда и вытекаетъ самая главная причина несостоятельности китаизма и полнѣйшее отсутствіе въ немъ самостоятельности. Ему преграждены всѣ пути къ свободному движенію, къ проявленію своего я въ обществѣ. Вездѣ ему предварительно должны быть указаны пути, по которымъ онъ можетъ и вправѣ двигаться. Слѣдствіемъ этого, конечно, одинъ лишь внѣшній формализмъ безъ всякаго внутренняго содержанія и рабскій образъ мыслей, который въ немъ воспитывается съ дня рожденія. Китаецъ, такимъ образомъ, отвратительнѣйшій и упорнѣйшій реакціонеръ и рутинеръ. Но за то индивидуальная обособленность интересовъ не поверхностно къ нему привита, а неразрывно срослась съ его плотью и кровью. Онъ, правда, въ мелочахъ достигъ безпримѣрнаго совершенства, но его застой и консерватизмъ не позволяютъ ему ни шагу впередъ, ни іоты прогресса.

Такъ какъ китайцемъ исключительно руководитъ холодный разсчетъ, всѣ высшія соціальныя чувства совершенно ему чужды. Холодный ра[illegible] докъ во всемъ отыскиваетъ цѣлесообразность и полезность. Вся его [illegible] эзія и вся религія крѣпко пригвождены къ землѣ. Ему противны обоб[illegible] нія. Онъ уменъ, когда дѣло касается его личныхъ интересовъ, но глупъ, какъ сновидѣніе, когда дѣло касается общечеловѣческаго бл[illegible] стремленій и интересовъ. Таковъ китаизмъ въ полномъ своемъ блескѣ [illegible] полномъ своемъ развитіи.

Отсюда мы видимъ, что Китай хотя и достигъ самой высокой куль[illegible] но до науки онъ не доросъ, а соціальный его строй остался въ пе[illegible] бытной ветхозавѣтной формѣ; ему, слѣдовательно, недоставало двухъ [illegible] нѣйшихъ элементовъ, какъ для исторической роли, такъ, конечно, и [illegible] всемірнаго владычества. Онъ остался позади другихъ. И если он[illegible] борьбѣ съ окружающею его природою и со всѣми сосѣдними наро[illegible] вышелъ полнѣйшимъ побѣдителемъ, то въ борьбѣ съ европеизмомъ [illegible] падетъ ницъ предъ нимъ и всегда останется побѣжденнымъ. Только [illegible] графическое положеніе и многочисленность населенія обезпечиваютъ [illegible] самостоятельность существованія; но въ сущности онъ рабъ Европы [illegible] будущій всепокорнѣйшій слуга. И таковъ исходъ всякаго китаизм[illegible] борьбѣ съ европеизмомъ. Таковы вездѣ регрессивныя послѣдствія [illegible] гдѣ нѣтъ полнѣйшаго простора для самобытной культуры, для само[illegible] тельнаго возникновенія и процвѣтанія науки и для полнѣйшаго ра[illegible] лучшаго соціальнаго строя, который формируетъ сильную индивидуал[illegible] личность среди высокоразвитой общественной жизни.

Намъ теперь осталось бросить безпристрастный взглядъ на Европ[illegible] мы здѣсь долго останавливаться не будемъ. Изъ всего предыдущаг[illegible] татель легко самъ можетъ вывести заключеніе о ея превосходствѣ [illegible] мѣрахъ, какими она достигла этого превосходства. Нѣтъ сомнѣнія [illegible] мы не только не первобытные обитатели Европы, но самые поздн[illegible] пришельцы ея. Кто такіе были ея первобытные обитатели — рѣ[illegible] трудно. Если принять неандертальца и анжійца за представителей [illegible] митивнаго населенія Европы, что очень вѣроятно, то смѣло можно [illegible] ждать, что это были дикари, нисколько нестоявшіе выше теперешн[illegible] обитателей Австраліи; скорѣе—они, вѣроятно, были еще ниже. Они [illegible] сперва съ пещерахъ, одѣвались въ звѣриныя шкуры, были людоѣ[illegible] понятія не имѣли ни о божествѣ, ни о какой либо гражданственности [illegible] были дикари въ худшемъ значеніи слова. Тѣ, которые жили въ скал[illegible]

постройкахъ или нагромоздили кухонные объѣдки, были уже, конечно, нѣсколько цивилизованнѣе и ихъ можно поставить на одну ногу съ теперешними папуасами. Этихъ-то туземныхъ аборигеновъ, едва начавшихъ отчаянную борьбу съ окружающею природою за свое жалкое существованіе, застали врасплохъ народы монгольско-финскаго происхожденія, которые, ведя кочевую пастушескую жизнь, стали вслѣдствіе сильнаго размноженія чувствовать тѣсноту въ своемъ отечествѣ, обнимавшемъ цѣлыхъ двѣ трети Азіи. А потому послѣдніе двинулись на западъ изъ Азіи и въ борьбѣ за существованіе истребили первобытныхъ обитателей Европы, такъ что теперь почти не осталось никакихъ слѣдовъ ихъ существованія. Новые пришельцы, вытѣснившіе аборигеновъ, кромѣ численности, должны были быть выше туземцевъ и въ культурномъ отношеніи, хотя и нельзя сказать, чтобы особенно превосходили ихъ. Они также были очень грязны и невѣжественны, жили въ лачугахъ, гдѣ устланный камышомъ полъ считался роскошью, питались жалкой пищей изъ бобовъ, гороха, кореньевъ и даже древесной корой; одѣвались въ шкуры животныхъ. Вся ихъ религія — было одно лишь суевѣріе; гражданственность едва зарождалась. Таковы были не совсѣмъ привлекательные пришельцы, смѣнившіе въ борьбѣ за существованіе первобытныхъ дикарей суровой и еще негостепріимной тогда Европы. Но монгольская раса кромѣ того, что съ одной стороны пришла въ Европу и истребила ея аборигеновъ, двинулась еще и въ другую сторону и привела въ движеніе всю бѣлую и кавказскую расу. Эта раса въ первоначальной своей формѣ вовсе не имѣла еще того характера, какой выяснился въ ней теперь. Теперь эта раса высшее развитіе человѣчества, какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Физически теперешній европеецъ изъ всѣхъ націй совершенно и вполнѣ оправдываетъ идеалъ человѣка; онъ проявляетъ наибольшее развитіе мускульныхъ и умственныхъ силъ и обладаетъ наибольшею способностью къ акклиматизаціи. Эта раса положила начало исторіи, наукѣ и соціальному прогрессу. Но этого она достигла не вдругъ, а самымъ тяжелымъ и медленнымъ путемъ и притомъ не въ полномъ своемъ составѣ, а только избранными представителями. Цѣлые отдѣлы этой расы также погибли въ неумолимой борьбѣ за существованіе. Такъ, извѣстно, что первоначально эта раса распадалась на пять большихъ народныхъ массъ. Изъ нихъ—баски, вѣроятно, прошли всю Европу и, тѣснимые послѣдующими пришельцами, оставили лишь жалкіе слѣды своего прежняго существованія, а теперещ-

ніе обитатели Кавказа были притиснуты и отодвинуты въ сторону, чтобъ не мѣшали могучему движенію болѣе сильныхъ претендентовъ.

Основной стволъ средиземной расы далъ три большія вѣтви, а именно: хамитовъ, семитовъ и индо-германцевъ. Раздвигая свои предѣлы, средне-азіяты пошевелили съ мѣста первыхъ хамитовъ. Тѣ двинулись къ Африкѣ, и остатки ихъ мы теперь находимъ въ египтянахъ. Въ проявленіи своей жизнедѣятельности они немногимъ превзошли свой прототипъ—китайцевъ. Подобно послѣднимъ, хамиты также погружены въ достиженіе матеріальныхъ благъ. Они, правда, основываютъ большія государства и создаютъ колоссальныя постройки. Но они—утилитаристы въ узкомъ значеніи слова и въ нихъ нѣтъ творческаго духа. Индивидуальность, самый могущественный элементъ высшаго и свободнаго развитія, въ нихъ никогда не прорывалась, не возникала и ни въ чемъ не заявлялась. Оттого ихъ оттѣснили преслѣдовавшіе ихъ по пятамъ семиты. Въ послѣднихъ, напротивъ того, стремленіе къ индивидуальному развитію до того сильно, что они отъ этого впадали въ дрругую крайность и распались на множество отдѣльныхъ, независимыхъ племенъ, которыя другъ друга знать не хотѣли. Субъективность — ихъ отличительная черта. Они слишкомъ витаютъ въ сферѣ безтѣлесныхъ видѣній, чтобы удостоить своего вниманія мірскія житейскія дрязги. А потому они живутъ подъ открытымъ небомъ, въ легкихъ палаткахъ, и не интересуются ни архитектурой, ни пластикой. Настроеніе ихъ лирическое. Они уносятся въ высшія области и создаютъ религіи. Но такъ далеко не уйдешь. Такія двѣ крайности, какъ хамиты и семиты, должны были питать другъ къ другу непримиримую ненависть и хотя послѣдніе и играли самую видную роль въ исторіи, но должны были уступить мѣсто и первенство индо-германскому племени, которое соединило въ себѣ и уравновѣсило обѣ эти крайности. Въ народахъ индо-германскихъ сдружилась объективность хамитовъ съ субъективностью семитовъ. Они вышли послѣдними изъ Азіи, побороли всѣ финско-монгольскія племена, загнали въ трущобы басковъ и основали могущественныя историческія государства, въ которыхъ индивидуальность выступаетъ во всей своей красѣ. Вмѣсто грубыхъ колоссальныхъ работъ хамитовъ, греки и римляне преобразовываютъ эти безсмысленные продукты въ изящныя произведенія искуствъ. Субъективное міровоззрѣніе семитовъ индо-германцы превращаютъ въ объективную философію и реальную науку.

Вѣрные своему принципу, по которому слѣдуетъ строго отличать *культуру, науку* и соціальный строй, полагая, что только гармоническое раз-

тіе этихъ трехъ элементовъ ведетъ къ прогрессивнымъ послѣдствіямъ борьбѣ за существованіе, мы думаемъ, что исторія начинается лишь ѣ, гдѣ впервые появились эти три элемента, сперва въ зародышѣ, а омъ развились въ стройное цѣлое. Уклоненіе и отступленіе отъ этого нципа и было причиною ранней гибели разныхъ историческихъ народъ. Съ этой точки зрѣнія мы приходимъ къ тому заключенію, что разтрѣнные нами народы, начиная отъ австралійцевъ и папуасовъ и оканая китайцами и египтянами, представляютъ намъ лишь постепенное витіе одного элемента, именно культуры, между тѣмъ какъ остальные элемента—соціальный строй и наука—сдѣлались удѣломъ только негихъ народовъ, достигшихъ высшей цивилизаціи, какую мы видимъ ерь.

Гакимъ образомъ, по нашему мнѣнію, исторія начинается лишь въ ціи. Кромѣ самостоятельной культуры, здѣсь впервые возникла наука— га наука, которая, какъ говоритъ Берне, «бывъ взрощена посредствомъ оживанья и заперта въ теплицѣ, не привлекаетъ ничьихъ взоровъ, а наука, которая растетъ подъ открытымъ небомъ и сквозь вѣтви котовѣетъ свѣжее дыханіе общественной жизни». Здѣсь же возникъ и соціальный строй, дальнѣйшее и идеальное развитіе котораго намъ цаетъ современный европеизмъ. Здѣсь именно возникли, развились и вѣли свобода и гражданственность. Оттого Греціи принадлежитъ пальма енства въ исторіи; оттого вліяніе ея чувствуется и до сихъ поръ. Но великія блага были удѣломъ немногихъ. Въ Греціи впервые явились одные граждане; но въ Греціи же образованіе и свобода, какъ это транно, основывались на рабствѣ. Рабство исказило грековъ; они смои на всѣ остальные народы, какъ на варваровъ, и обращались съ , какъ съ варварами, какъ съ рабами. Деспотически превознося́сь всѣми остальными, они требовали уничиженія и рабской покорности остальныхъ.

и любили свободу, но они любили ее лишь для себя. Они для себя хотѣли воли. Они одни хотѣли быть господами и притомъ съ усло-, чтобъ остальные были рабы. Они любили науки и искусства, но ли ихъ для себя и требовали невѣжества отъ другихъ. И вотъ пооони пали, и пали безвозвратно. Всѣ условія для всемірнаго влады-а были на ихъ сторонѣ. Лучшія береговыя линіи, превосходная почва, образіе полезныхъ животныхъ и растеній, личная энергія и духъ ества — все это создало изъ нихъ перв ый народъ древняго міра, все

это и сдѣлало ихъ образцомъ такого совершенства, отъ котораго не м
жетъ отдѣлаться и современный европеизмъ. Но соціальный ихъ ст
былъ благомъ какого-то исключительнаго и привиллегированнаго ме
шинства; слѣдовательно, греки не владѣли въ совершенствѣ всѣми тр
элементами, необходимыми для полнаго торжества въ борьбѣ за сущест
ваніе, и пали въ состязаніи съ народами, требовавшими и себѣ тѣхъ
элементовъ, тѣхъ же благъ.

Еще больше и еще рѣзче оправдываетъ этотъ взглядъ император
Римъ. Мы совершенно отдѣляемъ Италію, взявшую на себя иниціат
въ дѣлѣ возрожденія наукъ и искуствъ, отъ древней римской респуб
имперіи свѣтской и духовной. Во все время древняго и средняго пер
Римъ въ нашихъ глазахъ нисколько не является даже продолжате
греческой культуры или науки, а тѣмъ менѣе соціальнаго строя. Это
было повтореніе монгольскаго китаизма, тамерлановской ордынщины:
было господство военнаго деспотизма, окончившееся такимъ же бле
тельнымъ паденіемъ, какимъ закончили свое существованіе восточ
монархіи.

Греки, дважды достигшіе высшаго и самаго цвѣтущаго развитія св
въ Аѳинахъ, а потомъ въ Александріи, передали свѣточъ науки и ис
прямо изъ рукъ въ руки арабамъ, которые продержали его во все вр
средневѣковаго европейскаго варварства въ скромномъ и самомъ отд
номъ уголкѣ Европы, откуда свѣтъ потомъ перешелъ на весь юго-за
европейскаго материка. Но арабы въ Испаніи представляли то же с
зрѣлище, какое мы видѣли въ древней Греціи. И здѣсь наука и богат
были достояніемъ лишь отборнаго меньшинства. Ихъ соціальный ст
вѣрный отчасти народной особенности отрѣшаться отъ общечеловѣчес
интересовъ и предаваться внутреннему созерцанію, личному благосост
и довольству, изолировалъ ихъ до того, что они не имѣли замѣтнаго в
нія на остальное человѣчество. Они слишкомъ были слабы въ средст
чтобы претендовать на всемірное господство, и довольствовались т
что сами наслаждались житейскими благами. Они, слѣдовательно, не
дѣли въ полной силѣ всѣми тремя элементами и поневолѣ должны
уступить напору европейскаго населенія, которое жаждало позна
ваться тѣми благами, которыми они исключительно одни владѣли.

Европа поняла эти недостатки прежняго соціальнаго строя и т
всячески старается избѣгнуть ошибки былыхъ цивилизацій. Мы т
видимъ Европу раздѣленную на двѣ половины: на западную и восто

падной Европѣ мы видимъ два элемента — культуру и науку до-
ими самаго цвѣтущаго преуспѣянія, и третій элементъ, соціальный
готовымъ осуществить всѣ завѣтныя желанія человѣчества, такъ
блуждавшаго во мракѣ. И когда этотъ третій элементъ будетъ со-
ствовать первымъ двумъ, европеизмъ достигнетъ высшей формы че-
ескаго развитія, какого доселѣ еще не бывало. Все къ тому идетъ. Съ
имъ днемъ все болѣе и болѣе глохнутъ завоевательныя стремленія и
ароды обратили свое вниманіе на свое внутреннее развитіе, на рас-
аненіе благосостоянія въ массахъ. И только при такихъ условіяхъ
ѣ нечего бояться соперничества и конкуренціи. Въ томъ широкомъ
стороннемъ развитіи культуры и науки, какого она достигла, ее не-
кто либо догонитъ, а тѣмъ менѣе превзойдетъ, ни даже Америка,
ая въ этомъ отношеніи все-таки пока еще лишь ученица Европы;
ціальномъ же отношеніи ее можетъ опередить Америка и, если Европа
ъ медлить соотвѣтственнымъ и необходимымъ развитіемъ соціальнаго
, съ нею повторится прежняя исторія: ее тогда постигнетъ участь
ей Греціи, Рима и арабовъ; славянское племя, воспользовавшись
ымъ моментомъ, когда населеніе Европы слишкомъ станетъ убывать
лу эмиграціи недовольныхъ въ Америку, сокрушитъ европеизмъ. Но
о этого-то и не случится, потому что европеизмъ созналъ всю мощь
силы и значенія въ стройномъ и гармоническомъ сочетаніи назван-
нами трехъ элементовъ, широкое развитіе которыхъ приняло теперь
алые размѣры.

зюмируя вкратцѣ все нами вышесказанное, повторимъ словами Шер-
-Мюллера, что борьба за существованіе представляетъ слѣдующія
развитія и постепенности.

ѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ подчиненъ тѣмъ же законамъ развитія,
и родственныя съ нимъ высшіе организмы, хотя исторія этого но-
аго плода творенія не слишкомъ отдаленна. Только новѣйшее время
на себя трудъ разоблачить доисторическій бытъ человѣка по иско-
ымъ остаткамъ. Этимъ, правда, можно будетъ достигнуть разъясненія
ріяльной стороны культурнаго развитія, но нравственное и умственное
итіе и форма, въ которой оно проявилось, для насъ безвозвратно по-
ны. Ничѣмъ инымъ такъ наглядно и рельефно не разъясняется пол-
іее разнообразіе и относительная неизмѣняемость расовыхъ типовъ,
борьбой за существованіе.

рирода не довольствуется никогда полумѣрами. Она неумолимо тре-

буетъ, чтобы каждое существо само разрѣшало дилемму, само вы одно изъ двухъ: погибать или совершенствоваться и идти впередъ. Т сильнѣйшій, какъ въ физическомъ, такъ особенно въ умственномъ и ственномъ отношеніи имѣетъ право на существованіе, торжествуетъ слабѣйшимъ, который исчезаетъ или ассимилируется побѣдителемъ. законъ одинаковъ для всѣхъ организмовъ, отъ высшаго до низш исключеній онъ не знаетъ.

Пламенная борьба за существованіе, которую искони вѣковъ веду живыя существа, сохранила для насъ чуть не въ первобытной фор совые остатки, вѣроятно, нѣкогда большихъ народныхъ организмовъ остатки, эта низшая форма человѣческаго бытія — австраліецъ. Су это немногимъ превзошло животное; существо это никакихъ другихъ ностей не имѣетъ, кромѣ животныхъ. Австраліецъ, какъ и животно тается большею частію лишь случайно найденною пищею; жилье его убогое. Онъ во всемъ тупъ и его шевелятъ лишь животныя потреб голодъ, жажда и половой инстинктъ.

Выше нѣсколько папуасъ. Онъ уже собираетъ пищу, разводитъ ныхъ, даже касается обработки земли, но все это въ зародышѣ. Св жину онъ устраиваетъ обыкновенно на берегу и она очень напом свайныя постройки, найденныя на озерахъ средней Европы. Онъ у сколько бодрѣе духомъ и любитъ находить удовольствіе и въ други щахъ, кромѣ удовлетворенія животныхъ потребностей. Суевѣріе его болѣе опредѣленную форму; онъ настолько ушелъ въ искуствѣ, что выточить себѣ идола изъ дерева и построить ему храмъ.

Еще выше малаецъ. Здѣсь уже есть намеки на удовлетвореніе то нравственныхъ потребностей. Здѣсь есть признаки зародышной альной жизни. Племена управляются военноначальниками. Есть законы ковѣченные обычаемъ и нравами. Строятъ суда, на которыхъ пус въ море. Религіозныя понятія яснѣе выражены и облечены въ ле ную форму. Радость и горе поются въ пѣсняхъ, изустно передава изъ рода въ родъ. Вліяніе военноначальника опирается уже не на лишь грубую силу, но и на даръ слова.

Еще выше негръ. Его жилища массивны и цѣлесообразнѣе; зем больше въ ходу. Прогрессъ здѣсь преимущественно проявляется въ кахъ промышленности и торговли. Негръ устраиваетъ большіе го сосредоточивается въ большихъ организованныхъ государствахъ. О только любитъ выражать свои мимолетныя душевныя настроенія в

, но высказываетъ свои умозаключенія въ пословицахъ и загад-
.

ериканскій индѣецъ, вообще говоря, охотникъ и рыболовъ, а потому
въ этомъ отношеніи ниже негра и даже малайца. Но если принять
иманіе, что таковъ американецъ лишь тамъ, гдѣ онъ отъ природы
обставленъ самымъ дурнымъ образомъ и лишенъ всякихъ вспомога-
ныхъ средствъ, а тамъ, гдѣ явилась возможность, онъ достигъ высо-
развитія культуры, какъ въ Мексикѣ и Перу, то американца при
тся поставить выше негра, потому что колоссальныя постройки этихъ
торическихъ народовъ Америки превосходятъ все, что негръ создалъ
томъ отношеніи.

ыше американскаго индѣйца стоитъ обитатель Азіи. Хотя народы этой
большею частью номады и составили себѣ славу тѣмъ, что неодно-
но потрясали міръ страшными войнами, оставляя по себѣ груды раз-
нъ и человѣческихъ костей, но двумъ народамъ этой расы по спра-
вости принадлежитъ почетное мѣсто въ исторіи культуры. Это именно
й и Японія. Оба они шли путемъ мирнаго развитія и въ отношеніи
ріяльной культуры опередили всѣхъ своихъ ближайшихъ соперниковъ.
донаселеніе ихъ считается сотнями милліоновъ; пролетаріатъ и бѣдность
е поражаютъ, чѣмъ въ Европѣ.

о высшее развитіе своего идеала человѣчество осуществило въ евро-
кой расѣ. Въ первое время своего выступленія на сцену исторіи въ
хамитовъ эта раса еще ничѣмъ не отличалась отъ Китая. И
ко съ появленіемъ сперва семитовъ, а потомъ индо-германцевъ эта раса
агаетъ пути свободному проявленію высокой культуры, ломаетъ всѣ
рады, созданныя временемъ и пространствомъ, и подчиняетъ все на
встрѣчающееся своему могучему вліянію. Въ силу своего умственнаго
бладанія эта раса разноситъ блага своей цивилизаціи по всѣмъ час-
свѣта и вездѣ становится во главѣ народовъ, способныхъ прогрес-
вать. Но путь прогресса, пройденный этой расой, еще далеко не кон-
; ему собственно и конца не предвидится. И пока общество состоитъ
господъ и рабовъ, ученыхъ и непросвѣщенныхъ, до тѣхъ поръ чело-
не можетъ разсчитывать на вѣрный успѣхъ въ борьбѣ за суще-
ваніе.

сеобщее благосостояніе и повсемѣстное образованіе у народа, незна-
го рабства, а состоящаго изъ свободныхъ и одинаково довольныхъ
ей, живущаго на почвѣ, которая даетъ *не* слишкомъ много, и въ та-

комъ климатѣ, который требуетъ обильной и существенной пищи
тѣ элементы, которые вполнѣ и совершенно обезпечиваютъ несо
успѣхъ и полнѣйшую побѣду въ борьбѣ за существованіе. Все
отсталое и глупо-самодовольное должно рано или поздно уступи
мѣсто на «пиру природы» народу умственно-сильному, идущему
въ соціальномъ развитіи. Горе тому народу, который не пойметъ в
великаго закона борьбы и, неприготовленный къ ней, вступитъ в
заніе съ сильнѣйшимъ народомъ. — Слабѣйшему непремѣнная гибел
ному великое будущее и безпредѣльное совершенствованіе своег
ствованія.

РАЗВИТІЕ И ПОРЧА.

> Если порода человѣческая можетъ быть усовершенствована, то средства для этого надо искать въ медицинѣ.
>
> *Декартъ.*

I.

Въ виду совершающихся и совершившихся на Западѣ событій грустно взяться за перо... Сердце обливается кровью при взглядѣ на это безбрежное море человѣческихъ слезъ и крови, убійствъ и страданій, на эти груды развалинъ, подъ которыми безслѣдно погибали тысячи молодыхъ и здоровыхъ силъ; на эту страшную нищету и грязь, какъ потокъ, разлившіяся по слѣдамъ побѣдителя, на эти кучи тѣлъ, изорванныхъ и обожженныхъ ядрами и картечью, и валявшихся по нѣскольку дней на полѣ битвы. Кто бы могъ подумать, что наше поколѣніе, отъ всей души желавшее мира и прогресса, сдѣлается свидѣтелемъ такого отвратительнаго, глубоко-развращающаго зрѣлища? А между тѣмъ оно осуждено не только все это видѣть, но и во всемъ этомъ участвовать.

Мы какъ-то высказали, что завоевательныя стремленія отжили свое время на западѣ Европы и теперь не отрекаемся отъ этого взгляда, отъ этого убѣжденія. Но мы должны сознаться, что отъ этихъ стремленій отказались навсегда народы, чувствующіе инстинктивно, что только мирное развитіе ведетъ къ благосостоянію, — но не властители ихъ, подобные Наполеону III. Если война нужна честолюбію, личному эгоизму и династическимъ интересамъ Наполеоновъ и Бисмарковъ, то она становится величайшимъ бѣдствіемъ для народовъ, и самымъ разрушеніемъ своимъ доказываетъ всю нелѣпость своего принципа. Война убиваетъ самую вой-

ну въ настоящей безпощадной борьбѣ двухъ лучшихъ народов… ропы.

Что же привело западную Европу къ этой ужасной катастро… этимъ грознымъ явленіямъ, нанесшимъ жестокій ударъ сердцу ч… чества? Публика обыкновенно видитъ одни голые факты и способ… дить лишь о крупныхъ явленіяхъ. Она вѣрить не хочетъ, она … мать не можетъ, что всѣ эти крупныя явленія слагаются изъ … мелкихъ фактовъ, изъ микроскопическихъ атомовъ будничной ж… повседневной дѣйствительности. Публика во всемъ любитъ какіе-то … лизмы, перевороты, ужасы. Она вамъ легко повѣритъ, что все сов… по какому-то чуду, по какому-то капризу судебъ. И потому дл… зованія земли, напримѣръ, ей нужны потопы и безпредѣльные … расплавленной матеріи; она никакъ не хочетъ вѣрить, чтобъ обра… земли совершилось исподоволь и потихоньку силою тѣхъ-же самыхъ … цессовъ, какіе совершаются и теперь на нашихъ глазахъ. Вотъ … для нея такой глубокій мыслитель, какъ Ляйэлль, вовсе неинте… господинъ, потому что онъ передаетъ разсказъ землеобразовані… слишкомъ просто, безъ всякихъ прикрасъ, какъ самую обыкн… исторію ежедневно совершающагося передъ нами творчества. Вотъ … для нея имѣетъ весьма мало интереса такое ученіе, какъ Дарвин… рый всѣ соціальныя и біологическія явленія обозначаетъ парой … сводитъ всю жизнь къ одному всеобъемлющему закону борьбы з… ствованіе, въ силу естественнаго подбора. Въ самомъ дѣлѣ, какъ … просто у этихъ великихъ естествоиспытателей, а между тѣмъ н… пріученъ во всемъ видѣть какую-то таинственность и случайност… ожидать свыше и ничего не приписывать самому себѣ. Публику … убѣдить въ томъ, что все зависитъ отъ нея самой, но намъ нео… убѣждать ее въ этомъ, и мы вѣримъ, что, она получая одинъ … скій урокъ за другимъ, наконецъ убѣдится въ важности мелочной … обстановки, согласится съ тѣмъ, что крупныя явленія составля… обходимый результатъ обыденныхъ событій. Объ этихъ-то событі… мелкихъ житейскихъ фактахъ мы и намѣрены говорить здѣсь.

Съ нѣкотораго времени въ Европѣ рѣзко обозначилась особая … людей, которыхъ мы назовемъ идеальными реалистами или реальны… алистами. Реалистами мы ихъ называемъ потому, что они очень … жизнь и притомъ жизнь хорошую: они стремятся къ тому, чтобы … *полную* возможность удовлетворять всѣмъ своимъ физіологическимъ …

стямъ. Потребности эти довольно сложны и разнообразны. Этимъ людямъ нужна хорошая пища, хорошая одежда, хорошее житье. Имъ нуженъ необременительный и неизсушающій трудъ и достаточный отдыхъ послѣ труда. Имъ нужна любовь и другія возвышенныя чувства. Богатые ими, они любятъ проявлять ихъ открыто, не стѣсняясь, предъ лицомъ всего міра. Но кромѣ этихъ чисто-матеріяльныхъ потребностей, у нихъ есть еще другія, моральныя, интеллектуальныя и соціальныя. Они любятъ общество людей одинаковыхъ, подобныхъ имъ; они любятъ науку и ея благотворныя послѣдствія; они любятъ свободу и хотятъ быть лучшими ея представителями и, гдѣ нужно, ея защитниками и праводниками. Они стремятся къ тому, чтобы личность ихъ была неприкосновенна и чтобы собственность ихъ, пріобрѣтенная ими честнымъ трудомъ, была обезпечена отъ всякихъ посягательствъ. Они любятъ обычаи и нравы своей страны и требуютъ, чтобъ ихъ уважали, какъ они уважаютъ обычаи и нравы другихъ странъ. Они не терпятъ никакой исключительности, замкнутости, не допускаютъ никакой нетерпимости и не любятъ національной заносчивости. Они уважаютъ правду и громко ее высказываютъ. Они свободны отъ всякихъ предразсудковъ и горячо желаютъ, чтобъ и другіе были свободны отъ нихъ. Они любятъ полнѣйшую самостоятельность и независимость. Они зависимы только отъ личнаго труда и силы собственной энергіи.

Повидимому, это страшные эгоисты, но въ сущности далеко нѣтъ. Тѣмъто и отличается эта порода людей, что они всю свою жизнь изъ всѣхъ силъ бьются, чтобъ личное ихъ счастіе было счастіемъ всѣхъ и каждаго. Вотъ почему, несмотря на свои реалистическія тенденціи, это самые отчаянные идеалисты, живущіе не столько настоящимъ, сколько будущимъ, прокладывая къ нему новые пути и переходные мостики. Зная цѣну жизни, они ежеминутно готовы рисковать ею за общее благо человѣчества. Они хотятъ, чтобъ у всѣхъ былъ обезпеченный кусокъ хлѣба и пріятный трудъ, обставленный свободой и всѣми удобствами, однимъ словомъ, трудъ не подневольный и каторжный. Ясно, что они страшные, непримиримые враги всѣхъ злоупотребленій въ экономической сферѣ. Они требуютъ полнаго простора любви и потому глубоко и искренно ненавидятъ всѣхъ тѣхъ, кто посягаетъ на святость сердечныхъ отношеній. Они извлекли науку изъ монастырскихъ келій, сняли съ нея университетскія привилегіи, такъ долго и тщательно охраняемыя профессорскими синими тетрадками, и вывели ее на свѣтъ, сдѣлали доступною

для народа и примѣнимою къ жизни. Они искренно любятъ свобод видятъ ее въ неприкосновенности, святости всякой отдѣльной личн и въ полнѣйшей обезпеченности и ненарушимости всякой индивидуал трудовой собственности. Они ненавидятъ ложь во всѣхъ ея разно ныхъ проявленіяхъ и любятъ разоблачать ее всюду, гдѣ они замѣч господство ея и вредъ. Это удивительные чудаки.

Такимъ образомъ, у этихъ людей образовался свой кодексъ идей, у деній, понятій, отъ которыхъ они не хотятъ отступать ни подъ ка видомъ. Предъ ними вѣчно носится какой-то недосягаемый идеалъ общаго благосостоянія и счастья и, надо правду сказать, только бл даря этимъ людямъ достиженіе этого идеала все больше подвигаетс редъ, хотя полнѣйшее его осуществленіе не предвидится даже въ ленномъ будущемъ. Такъ называемые практическіе люди давнымъ д твердятъ имъ объ этомъ, давнымъ давно толкуютъ имъ, что «ихъ алъ общественнаго благосостоянія—мечта»; но эти неугомонные ид сты пламенно вѣрятъ въ свою мечту и никакъ не хотятъ сойти съ пинки, съ такимъ трудомъ проложенной ими въ мрачномъ и непр момъ лѣсу человѣческой безтолковщины. Набивши туго карманъ и б сухіе и черствые эгоисты никакъ не могутъ взять въ толкъ, что идеальные реалисты не могутъ сидѣть сложа руки, быть довольными и койными только потому, что сами всегда сыты, и оставаться равно ными зрителями голода другихъ.

Составивъ себѣ такимъ образомъ извѣстный складъ идей, стремленій, п тій, эти идеальные реалисты сгруппировали все это въ одно стройное гарм ческое цѣлое, которое они называютъ *убѣжденіями*. Это ихъ критерій, с торымъ они подходятъ къ каждому встрѣчному, имъ они сондируютъ вся съ кѣмъ имъ приходится столкнуться въ жизни. Это у нихъ термометръ, к рый они постоянно носятъ въ своемъ сердцѣ и, при встрѣчѣ съ кѣмъ бы т было, измѣряютъ, къ какому градусу тепла или холода подходитъ из дуемый ими субъектъ, и странно видѣть, какъ быстро и скоро они у ютъ всякаго и вѣрно оцѣниваютъ другъ друга. Подчасъ люди э сорта, никогда въ жизни невидѣвшіе другъ друга, ни разу неговор шіе ни о чемъ, питаютъ другъ къ другу самую нѣжную привязанн только потому, что они догадываются о солидарности своихъ ин чувствъ. При встрѣчѣ или письменно между ними устанавливается с тѣсная дружба. Едва увидѣвшись и пустивъ въ ходъ свой нравствен *термометръ*, они черезъ полчаса—какъ родные братья, какъ будто вѣ

али знакомы. Они сразу понимаютъ другъ друга... Это тѣ умствен-
ныя *симпатіи*, которыя дѣлаются въ наше время связующимъ звѣномъ
между мыслящими людьми всего земного шара.

Есть на свѣтѣ нація, небогатая числомъ, но богатая особенными интим-
ными отношеніями, въ которыхъ эта нація окрѣпла путемъ историческаго
храненія своихъ традицій. Эта нація — евреи. Они разсѣяны и разбро-
саны по всему лицу земному и часто являются изолированными едини-
цами или кучками среди другихъ народовъ, но межъ ними лежитъ вѣч-
ная и неразрывная связь. Они вездѣ узнаютъ другъ друга, хотя никто
другой не отличитъ ихъ отъ окружающей массы, потому что у нихъ нѣтъ
никакихъ внѣшнихъ знаковъ, по которымъ ихъ можно было бы сразу
распознать. Гдѣ только есть евреи, тамъ вновь прибывшій, хотя-бы онъ
былъ съ самыхъ отдаленныхъ краевъ, изъ противуположныхъ странъ свѣ-
та, принимается какъ родной. Это свой братъ. Онъ смѣло разсчитываетъ
на полнѣйшую внимательность и гостепріимство. Нуждается онъ, онъ мо-
жетъ надѣяться на посильную помощь. Во всякомъ случаѣ его встрѣтятъ
привѣтъ и непритворное радушіе. Но этого мало. Пожилъ онъ сколько
нибудь въ новой средѣ и предъ нимъ нѣтъ никакихъ тайнъ, даже семей-
ныхъ. Живетъ еврей въ какой-нибудь сибирской губерніи, въ Хивѣ, въ
Индіи, живетъ десятками лѣтъ, и онъ и на сотую долю такъ близко не
сойдется съ иноплеменниками, среди которыхъ онъ живетъ, какъ близко
сойдется въ день съ своимъ единовѣрцемъ, заброшеннымъ изъ-за три-
девяти земель. Такова сила *идеи*, исторически связавшая еврейскую
расу, несмотря на всѣ гоненія и разъединеніе, какія она испытала на
пути своего скитанія по землѣ.

Еврей, живущій въ Россіи, смотритъ на еврея, живущаго во Франціи,
въ Англіи, Австріи, Пруссіи, какъ на родного брата, какъ на самаго
близкаго ему человѣка, къ которому онъ вправѣ обратиться со всякою
надобностью, за малѣйшей бездѣлицей.

Таковы же въ сущности отношенія и межъ нашими идеальными реали-
стами. Они также разбросаны изолированными единицами, если не по
всему земному шару, то, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ цивилизованныхъ
государствахъ. Они также связаны неразрывными узами, хотя въ боль-
шинствѣ случаетъ знаютъ другъ друга лишь только по имени, а иногда
совсѣмъ не знаютъ. Не думайте, чтобъ они составляли обособленную пар-
тію съ извѣстнымъ оттѣнкомъ, съ тѣмъ или другимъ направленіемъ. Во-
обще имъ не нужно никакихъ цвѣтовъ, ни краснаго, ни бѣлаго, ни трехцвѣт-

наго. Это просто здравомыслящіе люди, встрѣчаемые во всѣхъ сл во всѣхъ сферахъ общества. Они вовсе не держатъ себя особнякомъ заражены неприступною гордостью, а напротивъ того, готовы в вездѣ изслѣдовать нужды людскія и указать пути къ облегчені Напрасно старались-бы вы отыскать ихъ въ толпѣ. Они ничѣмъ чаются по своей внѣшности. Еще труднѣе обозначить ихъ и опр ихъ число въ странѣ, потому что имъ не ведется счетъ; статисти еще пока не занимается. Это не цехъ, имѣющій свое особенное не званіе, отличающееся какими-либо привилегіями. Это не каста, словіе. вносящее подати и записанное подъ ту или другую рубри не принадлежатъ тому или другому сословію — дворянству, куп мѣщанству или крестьянству. У нихъ также нѣтъ ни чиновъ, новъ, ихъ можно встрѣтить подъ всякой рубрикой и единственн чительная черта ихъ — тѣ принципы, которые ихъ неразрывно связ тѣ убѣжденія, которыми они проникнуты до глубины души. И вот изъ нихъ можетъ сидѣть въ Лондонѣ, другой въ Парижѣ, третій лугѣ, четвертый въ Шенкурскѣ, пятый въ Иркутскѣ и всѣ он собою братья. всѣ они солидарны между собою въ главныхъ о принципахъ. Это тѣ люди, которыхъ мы привыкли называть *раз* и *честными* людьми. Это тѣ люди, которые составляютъ славу и ніе страны. На ихъ слово можно положиться, на ихъ довѣріе м вѣчать полнымъ довѣріемъ. Они требуютъ въ житейскихъ отн одного гуманнаго правила: «дѣлай другому то, чего желаешь Если мы съ вами, читатель, согласимся понимать подъ словомъ и честность одно и тоже; если изъ всего предъидущаго мы согла вами, что разумѣть подъ этимъ терминомъ, если мы съ вами теперь руководствоваться этомъ терминомъ и будемъ относиться чески къ изслѣдуемой нами личности, то легко распознаемъ ту замаскированную дрянность, которая только прикрывается имене людей. Отсюда намъ будетъ ясно, что не все то золото, что что не все, что трактуетъ объ возвышенныхъ стремленіяхъ, дѣйст люди этой категоріи. Читатель легко впадетъ въ ошибку, если пр намъ свое личное заблужденіе, будто мы всякаго профессора, в щаго на кафедрѣ, или всякаго литератора, разсыпающаго пес шуру своего краснорѣчія на убогихъ страницахъ нашихъ газетъ, *за людей* дѣйствительно преданныхъ дѣлу прегресса. Далеко н *съ вами*, читатель, строго отличимъ людей фразы отъ людей дѣла.

ыхъ общему благу и глубоко проникнутыхъ сознаніемъ своихъ ъ стремленій, неподкупной правотой.

торымъ образомъ довольно странны и оригинальны отношенія меж-ьми описываемой нами породы. Они дѣйствительно скорѣе всего ежатъ всему человѣчеству, а не отдѣльной націи, и потому хотя и родились въ средѣ различныхъ, даже враждебныхъ между со-цій, имъ до этого нѣтъ никакого дѣла, они видятъ другъ въ другѣ ъ, кровныхъ по убѣжденію и по духу стремленій. И вотъ если ъ нихъ встрѣтятся, хотя-бы совершенно случайно, они въ самое е время становятся самыми близкими знакомыми, душа у нихъ пашку, у нихъ нѣтъ болѣе никакихъ тайнъ, они говорятъ между акимъ-то особеннымъ, имъ однимъ лишь понятнымъ языкомъ, они я одинаковымъ событіямъ и печалятся одинаковыми печалями. общественное и соціальное явленіе они близко принимаютъ къ Ихъ дѣло — когда мужикъ бьетъ бабу; имъ не спится, если они голодное дитя у исхудалой груди матери или у несчастнаго отца, не можетъ помочь своему голодному сыну. Жизнь ихъ полна тре-есмотря на то, что они ищутъ и больше всего любятъ покой. Ихъ совсѣмъ особенныя, ихъ печали—горе людское.

эти интересуются тѣмъ, что совершается вокругъ нихъ, и во всемъ товы принять самое живое участіе; эти люди всегда и во всемъ честные и они ярые противники даже пассивной честности; и по-ни вносятъ во все новые элементы. Они, по выраженію Берне, не вносятъ новый свѣтъ въ старую тьму, но и освѣщаютъ и оза-старымъ свѣтомъ новую тьму, которая, несмотря на всю силу тва свѣта, все снова и снова нарождается. Вотъ почему люди атегоріи носятъ названіе людей современнаго направленія и самое еніе называется современнымъ. Дѣйствительно, люди этого закала были и будутъ, но всякое новое время приноситъ съ собою новыя ости и усовершенствованныя формы развитія. Никто, конечно, не сомнѣваться, что прусская армія теперь самая воинственная и е соотвѣтствуетъ всѣмъ грубымъ требованіямъ милитаризма, никто етъ сомнѣваться, что эта армія неизмѣримо превосходитъ армію дра Македонскаго, но было время, когда и армія Александра Ма-аго первенствовала въ свѣтѣ и не знала никакихъ соперницъ. овлетворяла всѣмъ тогдашнимъ требованіямъ военнаго искусства.

Но еслибы ей пришлось теперь встрѣтиться съ прусской арміей Мольтке, она оказалась-бы полнѣйшимъ ничтожествомъ.

Люди описываемой нами категоріи всегда существовали, но они всегда заявляли общественныя потребности лишь своего времени и всегда стояли во главѣ прогрессивнаго движенія и въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ, что мѣшало прогрессу, что стояло особнякомъ или тянуло назадъ; отсюда намъ понятна та вѣчная борьба, которая свирѣпствуетъ между людьми, отстаивающими *идею свободы*, и людьми, охраняющими *идею права*, какъ это такъ мѣтко обозначилъ нашъ русскій публицистъ Дмитрій Глинка.

Нельзя сказать, чтобъ эти люди были какимъ-то безукоризненнымъ совершенствомъ и чтобъ всѣ они были безъ крупныхъ недостатковъ. Понятное дѣло, люди все-таки вездѣ люди. Къ числу самыхъ выдающихся ихъ недостатковъ принадлежитъ, безспорно, тотъ инстинктъ, которымъ они вездѣ узнаютъ чуждую имъ сферу. Ихъ беретъ тоска, когда они попадаютъ не въ свою сферу, имъ тошно и скучно, гдѣ царитъ офиціальное веселье и господствуетъ духъ бонтоннаго приличія. Они не выносятъ запаха разлагающихся труповъ и общественной гнили. Поэтому какой-нибудь сорокалѣтній мужчина предпочтетъ разумную бесѣду съ какимъ-нибудь 17-лѣтнимъ гимназистомъ или первокурснымъ студентомъ, чѣмъ пойдетъ на званный обѣдъ, или въ великосвѣтскую гостиную, гдѣ кромѣ болтовни и сплетней ничего не услышитъ. Вотъ почему среди людей этой породы встрѣчаются такія несообразности, какъ дружба и какая-то загадочная привязанность, смѣшанная съ глубокимъ чувствомъ уваженія между старикомъ и юношей, изъ коихъ послѣдній годится первому, по крайней мѣрѣ, во внуки. Этимъ лишь можно себѣ объяснить ту непростительную любовь иного профессора къ студентамъ и обратно, которая теперь стала такою исключительною рѣдкостью.

Еще укажу на одну черту изъ жизни этихъ людей. Она насъ очень интересуетъ. Мы хотимъ указать на отношенія этихъ людей къ женщинамъ. Если мужчина этой категоріи встрѣтитъ женщину одинаковыхъ убѣжденій, между ними, конечно, устанавливаются самыя искреннія и прочныя отношенія. Ихъ можетъ, пожалуй, соединить и любовь. Такая любовь, конечно, верхъ всякаго блаженства и кто испыталъ ее, тотъ позналъ всю сладость жизни и на смертномъ одрѣ не покается, что пожилъ на свѣтѣ. Но если юноша этой категоріи встрѣтитъ молодую, еще неопытную дѣвушку, онъ сочтетъ себя самымъ счастливымъ человѣкомъ въ мірѣ, если ему удастся

[в]озбудить въ ней хотя-бы малѣйшую долю симпатіи своимъ сладкимъ гре[з]амъ, своимъ честнымъ стремленіямъ. Онъ тогда мечтаетъ о соотвѣтственномъ развитіи своей будущей подруги, онъ восторгается малѣйшимъ проявленіемъ пониманія его восторженныхъ увлеченій, онъ не надышется успѣхами ея умственнаго развитія. Ему ничего больше не нужно. Пусть она не особенно хороша, пусть она не обладаетъ никакими особенностями, бросающимися въ глаза,—не безпокойтесь, не станетъ онъ справляться о ея приданомъ; онъ желаетъ видѣть въ ней друга и помощника своей дѣятельности, своихъ убѣжденій.

Таковы эти люди, честные и развитые въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Таковъ складъ ихъ физіологической и психологической организаціи. Такова несокрушимая сила, которую имъ даетъ любовь къ человѣчеству и къ его поступательному движенію. И дѣло прогресса и усовершенствованія не можетъ обойтись безъ нихъ. Они — неизбѣжное явленіе природы и ихъ не вывести никакимъ персидскимъ порошкомъ, потому что [они] непоколебимы въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. «Лучше, во сто кратъ [лу]чше, говоритъ Вильямъ Томасъ Торнтонъ *), —будемъ до скончанія вѣка [ра]сходовать свой умъ на неосуществимыя, идеальныя химеры, на достиже[ніе] недостижимаго, на излеченіе неизлечимаго,—лучше, такимъ образомъ, [ра]сходовать на тщетныя усилія всю нашу энергію, поддерживая въ себѣ [ис]кру благороднаго сочувствія къ человѣчеству, чѣмъ отчаяваться помочь [др]угимъ, думать только о себѣ, подавлять въ сердцѣ всякій честный по[ры]въ и пользоваться насколько лишь возможно тѣмъ счастьемъ, которое [вы]падаетъ на нашу долю, не видя и не слыша ни стона, ни вопля ни[ще]ты вокругъ насъ».

Вотъ что говорятъ эти неисправимые идеалисты въ самой матеріалистической странѣ Европы, въ Англіи, которая не уступитъ въ матеріализмѣ даже классическому Китаю. Мы не беремся съ ними спорить.

Таковъ въ немногихъ чертахъ характеръ лучшихъ людей современной [ку]льтуры, накопившихъ этотъ матеріалъ послѣ столькихъ человѣческихъ [ус]илій. И чѣмъ больше у народа такихъ людей, чѣмъ больше народъ про[из]водитъ такихъ личностей, какъ Солонъ, Аристидъ, Периклъ, какъ Воль[те]ръ, Мирабо и Лафайетъ, какъ Брайтъ, Дарвинъ и Милль, какъ Іоганнъ

*) Трудъ. Его ложныя требованія и законныя права, его настоящее положе[ні]е и возможная будущность. Стр. 37.

Гусъ, Саванаролла и Галилей, какъ Берне и Лассаль, какъ Вашингтонъ и Линкольнъ, Гарибальди и Петръ Великій; чѣмъ постояннѣе послѣдовательнымъ рядомъ поколѣній они заявляютъ свое существованіе и потребность своего времени, тѣмъ этотъ народъ выше въ міровомъ общечеловѣческомъ значеніи, тѣмъ дальше онъ ушелъ по пути прогресса и цивилизаціи, тѣмъ могущественнѣе его вліяніе на судьбы человѣчества, тѣмъ самъ народъ счастливѣе. Мы судимъ о народѣ по числу замѣчательныхъ въ немъ людей, по степени распространенія и усвоенія массами идей, убѣжденій, стремленій, выработанныхъ умомъ этихъ людей и имѣющихъ общечеловѣческое примѣненіе. Тотъ народъ, говоримъ мы, великъ, у котораго много талантливыхъ, геніальныхъ, у котораго вообще много хорошихъ людей. Научныя знанія, вырабатываемыя и хранимыя въ міровыхъ кладовыхъ этихъ людей, соціальныя ихъ стремленія и убѣжденія, имѣющія въ виду лишь общественную пользу, нравственныя ихъ понятія, превратившіяся въ какой-то общественный культъ, все это, вмѣстѣ взятое, въ одно цѣлое сгруппированное, составляетъ то, что мы называемъ *національной идеей*, исторически выработанной. Только тотъ народъ, который заявилъ и выработалъ такую идею, имѣетъ значеніе въ исторіи. Идея— это могущественнѣйшая связь цѣлаго народа; сперва народъ ее вырабатываетъ, а потомъ уже живетъ и существуетъ въ силу своей идеи ради идеи. Греки существуютъ до сихъ поръ, но тѣ греки, которые выработали свою историческую идею, давнымъ-давно исчезли и оставили намъ въ воспоминаніе о себѣ лишь одну идею свою. Греки жили и блаженствовали только тогда, когда у нихъ была идея, для которой они работали, ради которой существовали. Исчезли великіе греки и вмѣстѣ съ ними исчезли ихъ идеи, потому что идеи новыхъ народовъ настолько-же превзошли греческую идею, насколько сами народы новой цивилизаціи превзошли народовъ старой цивилизаціи. Древность намъ оставила еще одинъ народъ, котораго сохранила овладѣвшая имъ идея и солидарность его великой традиціи. Народъ этотъ прошелъ сквозь всѣ геологическія формаціи исторіи, неоднократно застывалъ въ ледяномъ періодѣ страшныхъ преслѣдованій и каждый разъ возвращался къ жизни, какъ только его пригрѣвало солнце человѣческаго милосердія и теплые лучи человѣческаго состраданія. Народъ этотъ потерялъ все: территорію, языкъ, политическое значеніе, неоднократно былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, исторически-пріобрѣтенныхъ, и сосланъ на прозябаніе во всѣ страны міра, подъ строжайшій надзоръ *самой* худшей изъ полицій—народнаго невѣжества и фанатизма—и то

тутъ какъ тутъ, единственно благодаря своей идеѣ. У этого народа
о много великихъ людей, составляющихъ и теперь славу и гордость
хъ высшихъ цивилизованныхъ народовъ; этой кучкой великихъ людей
работаны идеи, исповѣдуемыя теперь лучшими людьми цивилизованнаго
а; понятно, послѣ этого, что такая идея способна была сохранить этотъ
одъ, несмотря на всѣ потопы человѣческой злости, на всѣ вулканы
вѣрія и католическаго мракобѣсія. Такова сила идеи! За то печальна,
скорбна жизнь народа, неимѣющаго за пазухой никакой согрѣвающей
ще мысли, пусто и безсодержательно существованіе народа, нехраня-
о за душой *никакой идеи*. Народъ долженъ имѣть идею, въ против-
ъ случаѣ это не народъ, а масса людей, у которой нѣтъ будущности.
Такъ мы себѣ рисуемъ идеалъ индивидуальнаго и соціальнаго развитія.
о собою разумѣется, что идеалъ этотъ въ полномъ своемъ совершен-
ѣ и во всей своей красѣ проявляется не вездѣ, не всегда и не въ
ждомъ данномъ субъектѣ. Не всякому народу и не всѣмъ народамъ одно-
менно суждено достигать до такой высоты и до полнаго осуществленія
го идеала. Здѣсь, напротивъ того, въ человѣческой семьѣ народовъ
ѣтна и положительно неоспорима такая-же градація, какую мы видимъ
томически въ органическомъ развитіи любой индивидуальной жизни. Мы
ѣемъ предъ собою образцы самой высокой формы развитія человѣка; но
всѣ люди, составляющіе тотъ или другой народъ, достигаютъ этихъ
азцовыхъ формъ. Образцы эти служатъ лишь лучшимъ выраженіемъ идеи
ллективнаго развитія, разлитаго далеко не въ одинаковой пропорціи во
й массѣ самаго цивилизованнаго народа, заправляющаго даже рулемъ
торіи. Въ самомъ цивилизованномъ народѣ встрѣчаются, какъ это очень
рошо извѣстно, всѣ фазы физическаго и умственнаго развитія отъ са-
хъ низкихъ формъ, отъ зародышевыхъ зачатковъ, до самыхъ высокихъ
рмъ, до усовершенствованныхъ образцовъ. Каждый индивидуумъ, правда,
жетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дойти до образцовыхъ формъ
звитія, но было-бы странно требовать этого теперь-же отъ всѣхъ и
ждаго при существующемъ порядкѣ вещей. Мы просимъ читателя обра-
ть свое вниманіе на это положеніе, потому что ниже намъ придется
звратиться къ нему. Мы говоримъ, что образцовыхъ формъ развитія до-
игаютъ лишь немногіе любимцы и избранники судьбы. Ихъ-то мы и на-
ваемъ *нормальными людьми*, а форму ихъ развитія считаемъ *нормой*
звитія. Прекрасно. Но остальные люди, входящіе въ составъ народа и
мѣряемые тѣмъ-же масштабомъ, не достигаютъ полной мѣры и для уровня

образцовыхъ формъ не годятся. Изъ этого, однако-же, вовсе не слѣдуетъ, чтобъ остальные были ненормальными или уродливыми. Они лишь въ большей или меньшей мѣрѣ недостигшіе нормы, хотя каждый изъ нихъ носитъ въ себѣ, быть можетъ, и не одну крупицу божественнаго огня. Это самый естественный ходъ органическаго развитія жизни и историческаго или соціальнаго формулированія массъ. Понятно, что чѣмъ меньше такихъ недоразвитыхъ юныхъ, незрѣлыхъ, неусовершенствованныхъ формъ, тѣмъ народъ стоитъ выше въ общей экономіи развитія, и наоборотъ. Этими двумя формами индивидуальнаго и соціальнаго развитія, однакоже, не исчерпывается весь складъ общественнаго строя. Ими лишь обусловливается нормальный ходъ развитія отъ зачаточныхъ, низшихъ формъ, до высшихъ образцовыхъ. Но есть и третья форма, вовсе невыгодная для преуспѣянія первыхъ двухъ формъ. Все, что мѣшаетъ правильному развитію первыхъ двухъ формъ, все, что тормозитъ и задерживаетъ органическій ихъ ростъ и другіе жизненные процессы, все, что вредитъ этимъ двумъ факторамъ и правильному проявленію ихъ развитія—все это принадлежитъ къ третьей категоріи и составляетъ уже дѣйствительно анормальное явленіе, уклоненіе отъ установленной нами нормы, искаженіе этого усовершенствованнаго типа, дегенерацію человѣка, народа, расы, вырожденіе индивидуальное и общественное.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ эти три группы, всѣ эти три формы чрезвычайно оригинальны и каждая изъ нихъ представляетъ совершенно особенный обособленный типъ, около котораго они группируются, какъ около центра. Типъ, обозначенный нами нормальнымъ, займетъ средину въ нашей схемѣ, типъ развивающійся займетъ восходящее, а вырождающійся—нисходящее направленіе. Типы эти, несмотря на то, что они по сущности своей вполнѣ однородны, по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, именно національномъ, въ высшей степени разнообразны. Или, лучше сказать, разнообразное проявленіе индивидуальныхъ особенностей этихъ трехъ типовъ и составляетъ отличительныя черты національностей или расъ. Дѣло науки обобщить эти типическія отличія, изслѣдовать причины ихъ зарожденія, разъяснить ихъ взаимныя отношенія, указать на причины задержки развитія, на мѣры и средства къ устраненію препятствій, мѣшающихъ правильному ихъ соотношенію. Дѣло литературы представлять намъ эти типы въ свойственныхъ имъ конкретныхъ формахъ, изображать частныя ихъ отношенія и вліянія ихъ взаимодѣйствія. Литература должна насъ *знакомить* съ индивидуальными и соціальными видоизмѣненіями этихъ ти-

ъ, составляющими особенность и отличіе одного народа отъ другого. может быть фотографически вѣрна дѣйствительности, она также въ вѣ рисовать намъ идеальныя формы, могущія служить національными зцами. Частная жизнь во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ обоенныхъ нами трехъ типическихъ группъ соціальнаго развитія должна постояннымъ предметомъ литературы. Литература, слѣдовательно, аетъ свое содержаніе изъ готовыхъ источниковъ, изъ имѣющагося въ рукахъ обильнаго матеріяла, или она создаетъ, на основаніи отрицаныхъ данныхъ, идеальные образы, достойные быть образцами, выращими хотя-бы въ идеальной формѣ лучшія и современныя стремленія дной жизни. Смотря по характеру и наклонностямъ, тотъ или другой ставитель литературы можетъ избрать прѣдметомъ своихъ изображеній фотографическихъ снимковъ одну изъ обозначенныхъ нами трехъ группъ іальнаго развитія.

исуя намъ типы средней группы, названной нами нормальной, литеура даетъ намъ понятіе о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ въ нномъ смыслѣ слова, во всѣхъ частныхъ проявленіяхъ его жизни и тельности. Изображенія типовъ подростающей группы, идущей по восщему направленію, укажутъ намъ, съ одной стороны, на недостатки витія, на слабое и зачаточное проявленіе имѣющихся въ виду идеаъ, а съ другой стороны, намѣтятъ намъ тѣ пути, по которымъ подтающая группа должна идти для достиженія лучшихъ формъ развитія. актеристическія описанія типовъ третьей группы, идущей по нисхоему направленію, дѣйствуютъ на насъ въ обратномъ, отрицательномъ слѣ. Они даютъ намъ понятіе о томъ, каковъ человѣкъ не долженъ ъ, а потому изображенія этой группы представляютъ намъ типы, онившіеся отъ нормы, исказившіе нормальный типъ; это—вырожденіе, енерація человѣка. Ни одна литература не имѣетъ, такъ сказать, ва исключительно заниматься одной изъ этихъ группъ, безъ всякой зи съ остальными. Каждая литература обязана откровенно высказать, она считаетъ образцомъ, совершенствомъ типа, въ чемъ она видитъ недостатки, на кого она возлагаетъ свои надежды для достиженія хъ образцовыхъ формъ и отъ чего она съ негодованіемъ отворачивается, ъ отъ недостойнаго искаженія нормальнаго типа. Умѣнье и способность вить всѣ оттѣнки и самыя характеристическія стороны господствуюхъ трехъ типовъ со всевозможными переливами цвѣтовъ и всѣ переныя колебанія изъ одной группы въ другую, указываютъ на высокое

развитіе и міровое значеніе самой литературы. Но та литература, к
не выработала себѣ образцовъ или не съумѣла отыскать ихъ въ
дѣйствительности, или умышленно упускаетъ ихъ изъ виду въ сил
ныхъ обстоятельствъ, или съ предвзятою цѣлью, — та литература,
рая находитъ удовольствіе искажать смыслъ современнаго напра
осмѣивать и изображать въ карикатурной формѣ нормальные тип
литература, которая любитъ утверждать, что рисуемыя ею карри
суть именно взлелѣянные и обожаемые публикой образцы, — такая
ратура въ высшей степени ложна и всегда остается далеко позад
ствительной жизни.

Русская литература, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, д
поръ не сказала намъ прямо и откровенно, что она считаетъ свои
лами, своими лучшими упованіями. Но въ этомъ нельзя безуслов
нять нашу литературу, потому что у нея на рукахъ было много д
дѣла — изображенія тѣхъ сторонъ дѣйствительной жизни, котор
рывали отъ глазъ общества его будущіе идеалы. У нея было крѣ
право, произволъ и хищничество стараго суда, постоянныя реакці
ства и т. п., съ которыми она боролась, откладывая свое полож
творчество до болѣе благопріятной минуты. Въ то время, какъ ж
вала намъ такихъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, Петръ Великій, Ра
Новиковъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ, и др. литература рисовала н
кихъ-то эксцентриковъ, въ родѣ Базарова, или разныхъ мазурик
ровъ и мошенниковъ, въ родѣ Марковъ Волоховыхъ, и выдавала и
каррикатуры за дѣйствительныхъ представителей современнаго напр
за любимые типы для подростающихъ поколѣній. Въ то время, ка
университетская молодежь всѣхъ русскихъ университетовъ зачит
лучшими произведеніями европейскаго ума, заучивала наизусть поэ
произведенія немногихъ нашихъ поэтовъ, проникались до глуби
самыми честными стремленіями, наша темная литература увѣрял
что русская молодежь, научившись лишь въ университетахъ не у
чужой собственности, отправлялась красть яблоки въ чужомъ
Такое непониманіе современной дѣйствительности поражаетъ сво
потою или свидѣтельствуетъ о затаенной гнусности и пошлости вс
изъ котораго вытекаютъ подобныя побужденія искажать дѣйствите
Въ томъ-то и горе, что эти ветхіе духомъ люди слишкомъ субъ
и не могутъ возвыситься и подняться до объективнаго понима
духа, который витаетъ вокругъ нихъ, не касаясь ихъ, обходя их

скихъ поколѣній, въ каждую данную эпоху называемыхъ молодежью, ченіи нѣсколькихъ десятилѣтій постоянно слышитъ себѣ укоры и поеки отъ недоумѣвающихъ представителей литературы, отстающей позади зни, попреки—въ вымышленныхъ ихъ собственною фантазіей порокахъ. то самое время, какъ лучшая молодежь распиналась, прося лишь честго труда, помимо всякой подачки, на нее взводила клеветы, писала, тиняла и посылала доносы классическая литература, поступившая на купъ къ разнымъ темнымъ сикофантамъ *). Оттого всякое положитель творчество нашей литературы, всякая попытка нарисовать идеалъ наи жизни встрѣчалась недовѣрчиво и сопровождалась воемъ и инсинуами. Оттого-то вся русская интеллигентная молодежь не видѣла для хъ образцовъ ни въ Базаровыхъ, ни въ Маркахъ Волоховыхъ, ни въ ъ импотентныхъ гражданскимъ безсиліемъ творцахъ, а обожала своихъ кировъ, идеализировала, увлекалась и восторгалась такими личностями, къ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ и нѣкоторые немногіе другіе! доразумѣніе выходило общее и самое жалкое!

Но дѣло литературы—не наше дѣло. А потому, попросивъ извиненія у тателя за это невольное отступленіе, мы возвратимся къ дѣлу науки. ы сказали, что индивидуальное и соціальное развитіе представляетъ намъ и господствующихъ типа, три могущественныхъ элемента, изъ которыхъ агается общество или цѣлый народъ. Высшій элементъ мы назвали норльнымъ, главнымъ, усовершенствованнымъ типомъ развитія; этотъ высшій ементъ опирается на благосостояніе массы, на почву неразвитыхъ, незцвѣтшихъ силъ, но подлежащихъ развитію, и въ разрѣзъ съ этими умя элементами идетъ и вѣчно враждуетъ третій элементъ, элементъ рожденія, порчи, дегенераціи. Мы далѣе сказали, что отъ различной мбинаціи этихъ трехъ элементовъ зависитъ, какъ соціальное, такъ и торическое значеніе народа. Само собою понятно, что чѣмъ больше въ родѣ представителей высшаго элемента, тѣмъ его историческое значеніе общественное положеніе выше. Самый ходъ историческаго развитія нада зависитъ отъ того, насколько преобладаетъ въ немъ тотъ или друй элементъ. Народъ, только лишь выступающій на сцену исторіи, неминѣнно будетъ цѣликомъ состоять изъ самой неразвитой массы; но по

*) Сикофантъ — человѣкъ, готовый представить обвиненіе противъ всякаго стрѣчнаго.

мѣрѣ того, какъ въ немъ начинаетъ все больше и больше форм
высшій элементъ индивидуальнаго и соціальнаго развитія, элемен
лектуальный, тѣмъ рѣзче и яснѣе обозначается его важность и
ческая роль. Если-же этотъ элементъ начинаетъ уступать свое
мѣсто третьему элементу, дегенерирующему народъ, значеніе его
и самъ народъ сходитъ со сцены. Народъ можетъ прожить цѣло
лѣтіе, въ немъ могутъ господствовать лишь крайніе два элемен
чемъ неразвитая масса прямо и непосредственно переходитъ въ дег
такъ что интеллектуальный элементъ болтается между нимъ, как
лишнее, ему отводится послѣднее мѣсто и онъ имѣетъ лишь зн
таго колеса въ колесницѣ—такой народъ не знаетъ историческ
существованіе его безцѣльно, безсодержательно. Въ наше врем
лежитъ никакому сомнѣнію, что интеллектуальное развитіе н
быть привилегіею только одной части общества, оно должно ра
между всѣми равномѣрно, иначе развитіе однихъ будетъ соверш
счетъ дегенераціи другихъ. Признавая превосходство интеллекту
моральнаго элемента, наука должна указать намъ на все то, что
полному процвѣтанію этого элемента, должна указать на прич
явленія порчи, на условія, способствующія вырожденію, и на
какъ устранить эту порчу, сдѣлать невозможнымъ вырожденіе. Н
высказывать желаніе, чтобъ каждое общество состояло лишь и
элементовъ; не будемъ настолько утопичны, чтобы домогаться
наго искорененія элемента порчи и вырожденія; удовольствуемся
если наука укажетъ намъ пути и предоставитъ въ наше рас
средства къ тому, чтобы довести элементъ вырожденія до во
minimum'а. Такова, значитъ, задача науки, такова-же и задача
наго общественнаго развитія. Въ теперешней Англіи, напримѣръ
димъ три господствующія политическія силы: власть королевск
аристократіи, въ лицѣ палаты лордовъ, и власть народную,
палаты общинъ. Было время, когда королевская власть въ Анг
первенствующую роль и господствовала исключительно. Съ течені
мени часть ея прерогативъ перешла въ руки парламента и па
довъ, вмѣстѣ съ короной, подѣлили между собою власть надъ
Во все это время сила народной власти еще лежала въ зар
по мѣрѣ того, какъ палата общинъ выигрывала въ значеніи нас
вилегій первыхъ двухъ силъ, благосостояніе края и историческое
страны возростали въ соотвѣтственной пропорціи. И это не с

актъ, не исключительное явленіе, а общій характеръ нашего вѣка. вездѣ такъ или иначе расчищается почва для народной дѣятельности, для коллективной работы массами. Отсюда мы видимъ, что наука вездѣ себѣ вѣрна. Мы, такимъ образомъ, дошли до того момента, когда мы олжны объяснить читателю, что-же все, до сихъ поръ сказанное, имѣетъ бщаго съ медициной.

До сихъ поръ со временъ самого Гипократа на медицину и врачей смотрѣли, какъ на людей, у которыхъ имѣется какой-то таинственный талисманъ, лекарство — для изцѣленія болѣзней, постигающихъ человѣка богъ вѣсть почему. Врачамъ слѣдовало знать, какая болѣзнь у больного какое лекарство потрафить въ данномъ случаѣ. Они за это получали риличный гонораръ, а во все остальное вмѣшиваться не было уже дѣломъ ъ ума, ихъ специальности. Большинство врачей и теперь выполняютъ у жалкую роль, и большинство публики и теперь иначе не относится къ медицинѣ, ни къ врачамъ. Часто и теперь въ публикѣ раздаются жалобы на медицину и посылаются упреки врачамъ за то, что они до хъ поръ не пріискали средствъ ни противъ чахотки, ни противъ рака. ъ этомъ упрекѣ прямо слышится сожалѣніе, что при несовершенствѣ медицины, т. е. при неумѣньи ея своимъ волшебнымъ талисманомъ устранять слѣдствія цѣлаго ряда лѣтъ грѣховности, нельзя предаваться никакимъ лишествамъ безнаказанно, нельзя дать волю своимъ необузданнымъ растямъ, нельзя жить всласть. Но почему-же, спросимъ мы, вся юриспруденція, начиная съ законовъ Ману, Зороастра, Солона и Ликурга, ключая сюда-же и римское право, — почему, несмотря на Томазіуса, нтама, Митермайера, на безчисленное множество судовъ разныхъ инстанй, на рѣдкую плодовитость палатъ, присяжныхъ адвокатовъ, слѣдователей т. д., почему число преступленій не уменьшилось и не уменьшается, лагодаря уголовнымъ кодексамъ? Почему, напротивъ того, уменьшается исло преступленій по мѣрѣ распространенія грамотности, образованія, освѣщенія и лучшаго экономическаго состоянія? А потому, что дѣло довъ преслѣдовать и наказывать совершившіеся факты, а дѣло общества не допускать до этихъ фактовъ. Дѣло медицины, въ узкомъ значеніи ова, есть, было и будетъ залечивать и замазывать раны, а дѣло общества и новой медицины, въ обширномъ значеніи этого слова, не допускать до явленія болѣзней. И вотъ лучшая часть общества стала сознавать ажность значенія общественной медицины или такъ-называемой гигіены, имѣющей цѣлью опять-таки смотрѣть за чистотой и порядкомъ въ домѣ

на улицѣ, въ школѣ, въ театрѣ и т. д. Казалось, чего-же больше? Но дѣло науки этимъ не ограничилось, медицина пошла дальше. Она стала вмѣшиваться въ брачныя дѣла, въ семейныя отношенія. Хотя это было верхомъ дерзости и нахальства соваться не въ свою область, но медицина и тутъ не успокоилась. Она стала проникать въ разныя другія сферы, стала заглядывать въ общественныя отношенія и въ экономическія условія народа. Словомъ, медицина приняла направленіе высоко-гуманное, и представители этого направленія сдѣлались врачами-публицистами. Этимъ врачамъ-публицистамъ положительно дѣло до всего; но имъ дѣло до всего съ своей особенной, такъ-сказать, специфической точки зрѣнія. Имъ, например, нѣтъ дѣла до того, какой политики придерживается Наполеонъ или Бисмаркъ, но они утверждаютъ, что такая-то политика, тормазитъ свободу, губитъ людей, дѣлаетъ ихъ больными; образованные, чувствительные и впечатлительные люди страдаютъ нравственно отъ извѣстныхъ дурныхъ отношеній въ обществѣ, заболѣваютъ разными нервными и психическими болѣзнями, которыя имъ приходится лечить. Отъ нихъ требуютъ излеченія, а у нихъ противъ этихъ болѣзней нѣтъ никакихъ лекарствъ, никакихъ средствъ кромѣ устраненія самыхъ отношеній, вызвавшихъ болѣзнь. Однимъ словомъ, вся медицина, цѣликомъ взятая, превратилась въ прикладную часть общественной науки. Мы представимъ читателю образчикъ такого врача-публициста. Это докторъ Эдуардъ Рейхъ. Посмотрите, сколько сочиненій этотъ человѣкъ написалъ въ новомъ направленіи. Онъ затронулъ и разработалъ съ соціально-медицинской точки зрѣнія всѣ современные вопросы. Онъ предварительно ознакомился со всѣми отраслями знанія, прочелъ все, что есть лучшаго въ древней классической и новыхъ европейскихъ литературахъ по всѣмъ отраслямъ знанія науки, и издалъ цѣлый рядъ сочиненій, трактующихъ о всѣхъ соціальныхъ недугахъ человѣчества, причемъ онъ указываетъ на самыя вѣрныя и непогрѣшимыя средства къ исцѣленію этихъ недуговъ. Признаемся откровенно предъ нашими читателями, что мы избрали его своимъ менторомъ, несмотря на то, что нѣкоторые патентованные ученые смотрятъ на него какъ на компилятора и позволяютъ себѣ утверждать, что Рейхъ отъ себя ничего новаго не сказалъ. Совершенно наоборотъ. Все, что Рейхъ написалъ и все, что онъ сказалъ, все ново съ начала и до конца. Возьмите любое изъ его сочиненій, — каждое изъ нихъ дышетъ новизной, каждое изъ нихъ проникнуто глубокою правдою, честною любовью къ человѣчеству, искреннимъ уваженіемъ къ его возвышеннымъ стремленіямъ

творнымъ участіемъ къ его нуждамъ и потребностямъ и глубокимъ ствомъ отвращенія и презрѣнія ко всему недостойному общественнаго овѣка. Такой взглядъ на вещи, какъ у Рейха, такое отношеніе къ дѣлу къ у него, всегда будутъ новы и вѣчно современны. Это самый разви-, честный и безпристрастный знатокъ человѣческой жизни, къ которой относится съ замѣчательною философскою трезвостью. Притомъ сочи-нія его написаны самымъ живымъ, увлекательнымъ языкомъ, безъ вся-аффектаціи, безъ принужденія. Но главное его достоинство — это то, онъ совершенно чуждъ кухонной нѣмецкой философіи; натура его не тофельнаго свойства, такъ онъ васъ въ очію убѣждаетъ, что во всѣхъ нихъ страданіяхъ «ларчикъ-то просто открывается». Вотъ чѣмъ намъ ъ дорогъ Рейхъ и его сочиненія. Не его, правда, дѣло лечить больного рописывать рецепты, но его дѣло указывать на болѣзни и предлагать та-совѣты что, если-бы была возможность исполнять ихъ въ точности, то и-бы невозможны многія и многія явленія, эпидемически истребляющія вѣчество. Не касаясь другихъ его сочиненій, мы теперь укажемъ на его произведенія, какъ на плодъ его обширной начитанности, ориги-ьности взгляда и плодотворности его тенденцій. — Это именно «Ueber Entartung des Menschen, ihre Ursachen und Verhütung» и вто-«Moralischen und Sociale Hygiene». Оба эти сочиненія находятся ду собой въ тѣсной связи; съ содержаніемъ ихъ мы преимущественно мѣемъ въ виду познакомить нашихъ читателей. Уже самое заглавіе ываетъ, о чемъ трактуетъ Рейхъ. Казалось-бы, какимъ образомъ мо-ь подлежать вѣденію врача такія вещи, какъ «нравственные поступки», расти», «духовная жизнь», «воспитаніе», «религія и нравственность», Рейхъ беретъ на себя смѣлость трактовать о такихъ вопросахъ и, стран-дѣло, его сужденія объ этихъ предметахъ вамъ кажутся болѣе пра-ьными, болѣе полезными, вѣрными дѣйствительности и болѣе логичны-чѣмъ безчисленное множество сочиненій, трактующихъ о тѣхъ-же пред-ахъ, но съ другихъ точекъ зрѣнія, съ апріорическими тенденціями. хъ въ своихъ изслѣдованіяхъ строго придерживается метода позитив-о и судитъ обо всемъ a posteriori. Но вы жестоко ошибетесь, если, читавъ заглавіе его сочиненій, понадѣетесь найти у него какія-нибудь афизическія бредни; напротивъ того, вы натолкнетесь лишь на самыя ическія и раціональныя разоблаченія всего того, что предъ вами такъ тельно скрываютъ люди профессіи подъ фирмой какихъ-то недося-мыхъ отвлеченностей, будто-бы недоступныхъ нашему пониманію. Вы ихъ

его сочиненія о вырожденіи ясно поймете, какъ дважды два четыр
онъ считаетъ честнымъ, развитымъ, нормальнымъ человѣкомъ въ ф
скомъ и нравственномъ отношеніи; вы поймете, кто его идеалъ, кто
женіе, вырожденіе того идеала, который онъ рисуетъ, и какія с
пригодны для устраненія порчи.

Прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ сущности интересующаго насъ
вопроса, мы опасаемся, что читатель можетъ насъ остановить
серьезнымъ возраженіемъ. Онъ можетъ насъ спросить: изъ-за како
гополучія мы такъ хлопочемъ, и что особеннаго тутъ нашли въ в
деніи? Что, въ самомъ дѣлѣ, за бѣда, что нѣсколько человѣкъ испор
Вѣдь это, наконецъ, смѣшно. Всегда были воры и мошенники, ду
обскуранты, калѣки и всевозможные выродки, но тѣмъ не менѣе
останавливало общаго развитія народа, не задерживало хода истор
могли-бы отвѣтить на эти возраженія ссылкой на авторитеты и р
цитатами, чтобы выгородить себя изъ-подъ отвѣтственности предъ
телемъ. Но мы желаемъ убѣдить читателя совершенно въ другомъ в
на этотъ вопросъ, и вотъ почему мы такъ хлопочемъ объ этомъ.
написалъ о вырожденіи довольно объемистый томъ; такой-же объеми
виду и почтенный по содержанію томъ написалъ другой серьезный у
французъ Морель. Оба они разбираютъ вопросъ по ниточкамъ и пу
въ такія подробности, въ такія мелочи, въ такіе, повидимому, п
что ума не приложишь, какъ это имъ охота пришла заниматься
обыденными пустяками и придавать имъ какое-нибудь серьезное зн
Рейхъ видитъ причину вырожденія въ дурной общественной обст
человѣка. Кромѣ болѣзней, зависящихъ отъ климатическихъ невзго
разныхъ діэтетическихъ погрѣшностей, порождающихъ вырожденіе,
главнымъ образомъ обращаетъ наше вниманіе на недостатки гиг
скихъ условій, на воспитаніе, на политическія и соціальныя погрѣ
порождающія вырожденіе. Отсюда читатель легко можетъ уже закл
что нѣкоторыя болѣзни и людскія страданія происходятъ не толь
простуды, отъ сквозного вѣтра, отъ дурного глаза, но и отъ
обстоятельствъ, которымъ онъ никакъ прежде не предполагалъ прип
особенную важность. Предметъ этотъ охватываетъ всю домашнюю,
ную, экономическую и соціальную обстановку человѣка; во всемъ
Рейхъ старается опредѣлить — что вредитъ физическому и соці
развитію человѣка и какими мѣрами устранить эту порчу. Такимъ
зомъ, дѣятельность врача-публициста довольно обширна и плодо

ря на новизну этого направленія, эта дѣятельность обѣщаетъ намъ больше пользы, чѣмъ всякая другая врачебная дѣятельность. Мы хорошо понимаемъ, что найдутся скептики, которые при этомъ со-ьно покачаютъ головой, самоуслаждаясь тѣмъ, что изъ всего этого не выйдетъ. Мы все-таки думаемъ иначе. Конечно, и мы не ждемъ, такъ сразу и передѣлается. Но много-ли сразу-то передѣлалось? гой стороны, мало-ли такихъ вещей, которыя чуть не вчера еще сь невозможными, сегодня-же удивляются, какъ это раньше не до-ь взяться за это. Давно-ли даже сѣверо-американцы считали для емыслимымъ сидѣть рядомъ въ вагонѣ съ негромъ, и что сказалъ-риканецъ плантаторъ южныхъ штатовъ нѣсколько лѣтъ тому на-если-бъ его увѣряли, что настанетъ время, когда негръ будетъ чле-конгресса? Какими глазами посмотрѣлъ-бы на васъ любой изъ без-наго множества помѣщиковъ, если-бы вы ему сказали лѣтъ 20 тому , что онъ не будетъ имѣть права сѣчь своихъ крестьянъ? Не на-ли бы вы, лѣтъ 10 тому назадъ, глубокаго оскорбленія любому изъ ь чиновниковъ, если-бъ вы ему намекнули, что его дочь можетъ сдѣ-докторомъ медицины? И все это совершилось. Мы также глубоко ены, что всѣ стремленія современной соціальной медицины осущест-лишь чрезъ нѣсколько поколѣній, органическимъ развитіемъ. Это , что многія нелѣпости, въ принципѣ сознанныя несостоятельными ившія свой вѣкъ, продолжаютъ существовать и продержутся еще дол-емя, потому что люди, на нихъ выросшіе и воспитавшіеся, слишкомъ интересованы и отстаиваютъ ихъ со всею силою своей отсталости оницаемости мозговъ. Поэтому всякое новое стремленіе должно выж-вое время, и тогда оно вступаетъ въ свои права и въ свое полное леніе. Такъ лучшіе педагоги нашихъ народныхъ школъ никакъ не убѣдить нашего мужика, что его сына можно научить грамотѣ, не ая каждый разъ къ розгамъ, палкѣ и всякаго рода тѣлеснымъ истя-ь. Очень просто. Онъ самъ, если знаетъ грамоту, научился по этой ѣ и всякую другую считаетъ непригодною. И тутъ нечего спорить съ разувѣрять его въ противномъ. Пусть его останется при своемъ ніи. Все дѣло заключается лишь въ томъ, чтобы онъ отпустилъ сына олу, гдѣ онъ научится грамотѣ по новой системѣ, неприбѣгающей язаніямъ. Сынъ, выросши, уже будетъ питать полное довѣріе въ и ея усовершенствованной формѣ преподаванія. Только этого и было. Того-же самаго нужно, того-же самаго вправѣ ожидать и

современная общественная медицина. Такимъ образомъ, мы видимъ медицина оставила свои прежнія тѣсныя рамки и, такъ-сказать, р лась; она рвется изъ рукъ спеціалистовъ и хочетъ сдѣлаться общ стояніемъ, по крайней мѣрѣ, людей образованныхъ. Такое широк мѣненіе она впервые получила въ рукахъ Рейха.

Несмотря, однакожъ, на наше полное уваженіе къ таланту и Рейха, мы не можемъ не указать на нѣкоторые его недостатки, и пробѣлы. Какъ-то онъ ужь слишкомъ обобщаетъ явленіе выраз весьма мало представляетъ конкретныхъ сужденій и фактовъ. Он вдается въ обобщенія, что совершенно забываетъ о частностяхъ. Рейхъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ слишкомъ обилуетъ цитат безчисленнаго множества прочитанныхъ имъ сочиненій. У него рѣдк ница безъ какой-нибудь цитаты: это нѣсколько затрудняетъ чте ложимъ, что это дѣлаетъ честь его начитанности, выбору и подб товъ, умѣнью ихъ сопоставить и обобщить, но онъ могъ-бы все лучше сказать отъ себя лично и дѣло отъ этого нисколько не пр бы. Еще чувствительнѣе этотъ упрекъ окажется, если мы замѣт въ немъ мало замѣтно строгаго анализа цитируемыхъ авторовъ, относится къ нимъ не всегда критически. Это весьма важный токъ въ Рейхѣ. Часто онъ цитируетъ, напр., Дескюре, медицину сочиненіе въ высшей степени посредственное, безъ всякой научно и безъ всякаго внутренняго достоинства,—какой-то наборъ факт часъ довольно интересныхъ, но тѣмъ не менѣе приличныхъ бо беллетристики, для романовъ и повѣстей. Всѣ эти недостатки ещ чемъ, ничего. Мы намѣрены указать еще на болѣе крупный пр произведеніи Рейха, да и не одного Рейха, касательно этого предме Рейхъ и еще болѣе Морель довольно смутно понимаютъ явленіе нія и не даютъ научнаго точнаго, систематическаго опредѣленія. они смотрятъ на это явленіе, какъ на явленіе, стоящее особняко на изолированный продуктъ извѣстныхъ соціальныхъ погрѣшносте ненiй, и хотя они оба и придаютъ этому явленію важное соціал ченіе, но далеко не столь глубокое и характерное, какое оно им самомъ дѣлѣ. Положимъ, Морель еще не могъ взглянуть на это метъ съ точки зрѣнія современной біологіи, потому что сочиненіе лось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, до появленія въ свѣтъ ученія Несравненно менѣе это простительно Рейху, который выступилъ с *трудомъ* передъ публикой, уже послѣ ученія Дарвина, передъ

раздо болѣе требовательной и взыскательной по всѣмъ вопросамъ, касаю-щихся біологіи. Рейхъ ни словомъ не упоминаетъ объ ученіи Дарвина; онъ, дѣйствительно, нисколько имъ не руководствовался; но это такое важное ученіе, что трактовать о вопросѣ вырожденія и игнорировать Дарвина—значитъ идти ощупью и лишать свой предметъ главнаго интереса. Нако-нецъ, мы должны прибавить, что Рейхъ лишь лучшій представитель со-временнаго направленія общественной медицины, но далеко не исключитель-ный. Онъ предъ собою имѣлъ хорошіе готовые образцы, спеціальные труды по разнымъ общественно-медицинскимъ вопросамъ, какъ, напр., сочиненія Bergeret, лучшихъ современныхъ психіатровъ и т. п. Онъ только сгруппи-ровалъ все это въ одну стройную богатую содержаніемъ книгу. И въ этомъ отношеніи мы ему отдаемъ полное преимущество. Теперь мы перейдемъ къ изложенію занимающаго насъ предмета.

II. *)

Понятіе о совершенствѣ той или другой породы животныхъ, той или другой расы людской самое относительное, условное. Тѣмъ не менѣе, Дарвинъ даетъ намъ для правильнаго анализа и вѣрной оцѣнки этого вопроса въ каждомъ конкретномъ случаѣ весьма хорошій и очень удо-влетворительный критерій. На основаніи фактовъ подмѣченныхъ и про-вѣренныхъ имъ и другими, онъ предлагаетъ вамъ сдѣлать опытъ въ томъ случаѣ, если вы хотите убѣдиться въ совершенствѣ организаціи. Поло-

*) Для нашей статьи мы пользовались слѣдующими источниками:
1) *Дарвинъ.* О происхожденіи видовъ. 2) *Дарвинъ.* Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. 3) Ernst Haeckel. Generalle Morphologie der orga-nismen 2 B. 1866. 4) Reich. Ueber die Entartung des Menschen, ihre Ursac-hen und Verhütung. 5) Ed. Reich. System der Hygiene. Moralische und socia-le Hygiene. 6) Morel. Traité des Dégénérescences physiques, intelectuelles et morale de l'espèce humaine. 7) Dr. Georg Gerland. Ueber das Aussterben der Naturvölker. 1868 8) Bergeret. De l'abus des boissons alcooliques. 9) Bergeret. Des fraudes dans l'accomplissement des fonctions génératrices, dangers et inconveniens pour les individus, la famille et la société. 10) *Риль.* Четвертое сословіе или пролетаріатъ, перев. Ландау. 1867. 11) *Н. Флеровскій.* Положе-ніе рабочаго класса въ Россіи. 12) Профессоръ *В.* Флоринскій. Усовершен-

жимъ, вы вздумали удостовѣриться, чья организація выше и совершеннѣе, что крѣпче и, такъ сказать, породистѣе, англійская пшеница или австралійская. Для этого стоитъ вамъ предоставить имъ полное соперничество на нашемъ полѣ и вы вскорѣ убѣдитесь, что ваша англійская пшеница вытѣснитъ австралійскую вонъ и не дастъ ей никакого ходу. Что-же это доказываетъ? Не больше и не меньше, какъ лишь то, что англійская пшеница силою естественнаго подбора до того усовершенствовалась, до того примѣнилась ко всякимъ внѣшнимъ условіямъ, что въ борьбѣ за свою жизнь она пріобрѣла непреодолимыя преимущества, привилегію жить, существовать и размножаться на счетъ всякихъ другихъ родовъ пшеницы. Мы тогда говоримъ, что англійская пшеница выше австралійской, усовершенствованнѣе и лучше. Она умѣетъ постоять за себя и выдержать борьбу съ любой пшеницей. Дѣло слѣдовательно, въ какихъ-нибудь преимуществахъ, но замѣтьте, въ преимуществахъ органическихъ, настоящихъ, жизненныхъ, а не ложныхъ, писанныхъ на бумагѣ. Дарвинъ, напримѣръ, строитъ такое предположеніе. Если-бы, говоритъ онъ, всѣ растенія и животныя Великобританіи силою судебъ вдругъ перенеслись въ Новую Зеландію, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что великобританскіе уроженцы, какъ существа съ здоровой организаціей, устроились-бы на новомъ мѣстожительствѣ по возможности комфортабельнѣе, пообжились-бы и вытурили-бы вонъ всѣхъ туземныхъ обитателей растительнаго и животнаго міра. Они, конечно, оказались-бы все-таки человѣчнѣе людей, потому что люди навѣрное обратили-бы туземныхъ жителей въ рабство и заставили-бы ихъ служить себѣ до скончанія вѣка.

ствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. 13) De Neufville. Lebensdauer und Todesursachen 22 verschiedener Stände und Gewerbe. 14) *Краффтъ-Эббингъ*. Болѣзненныя настроенія души, ихъ распознаваніе и оцѣнка въ судебныхъ случаяхъ. Перев. Чацкина. 15) *Др. Лоранъ*. О притворномъ умопомѣшательствѣ. 16) *П. Павловъ*. Очеркъ сравнительной хозяйственной статистики Россіи. 17) *Дескюре*. Медицина страстей. 18) *Вирховъ*. Целлулярная патологія. 19) *Дмитрій Глинка*. Наука о человѣческомъ обществѣ. 20) *Вильямъ Томасъ Торнтонъ*. Трудъ. Его ложныя требованія и пр. 21) «Архивъ судебной медицины» и другіе журналы за послѣдніе годы. Считаемъ долгомъ замѣтить, что указаніе на источники не означаетъ еще, чтобъ мы вполнѣ раздѣляли взгляды и убѣжденія автора. Мы только отъ него беремъ факты и ф[illegible] тамъ-же, гдѣ мы дѣйствительно раздѣляемъ взгляды и убѣжденія автора, [illegible] *его отдѣльно* цитируемъ.

стенія-же и животныя вполнѣ удовлетворились-бы, если-бъ они просто огнали прежнихъ жильцовъ и расположились на ихъ пригрѣтомъ мѣ-ѣчкѣ. Какъ хочешь, а волей неволей повинуйся закону личныхъ орга-ческихъ преимуществъ. На этомъ законѣ зиждется все ученіе Дарвина его несокрушимымъ естественнымъ подборомъ; на немъ опирается вся рьба за существованіе и съ нимъ ничего не подѣлаешь. Провѣримъ-же отъ опытъ, какъ повѣряютъ сложеніе вычитаніемъ и вычитаніе сло-ніемъ. Переселите всѣ новозеландскія растенія и животныхъ въ Ве-кобританію и предоставьте имъ полную свободу. Будьте спокойны, изъ ого ничего не выйдетъ. Гордая англійская флора и фауна, сознавая ое аристократическое происхожденіе и благородную породистость, не зволятъ мизернымъ пришельцамъ важничать, имъ головы не дадутъ днять. Они не посмѣютъ вступить въ споръ и, поживъ немного време-, уступятъ, увидя свое жалкое ничтожество, завянутъ, выродятся и, конецъ, вымрутъ. Англійская флора и фауна не прибѣгнутъ ни къ кому насилію, не позволятъ себѣ ни малѣйшей несправедливости; онѣ танутся все время въ предѣлахъ самаго утонченнаго приличія, даже несутся съ сожалѣніемъ къ новымъ гостямъ; онѣ будутъ обращаться ь иноземцами, какъ Гудсонъ Лоу съ Наполеономъ I на островѣ св. лены, а все ходу не дадутъ. Гордыя своею не физической, а нравствен-ой побѣдой, англійская флора и фауна смѣло могутъ претендовать на мя улучшенной породы. «Мы чище, мы лучше, а потому взяли верхъ». это неоспоримая правда. И этимъ безапелляціонно рѣшается споръ, то лучше, кто выше. Къ величайшему нашему сожалѣнію, нельзя дѣлать одобныхъ опытовъ съ людской массой, а-то можно было-бы очень на-лядно доказать справедливость этого закона. Взяли-бы, напримѣръ, ан-личанъ и переселили ихъ въ Новую Зеландію: спустя нѣкоторое время редъ нами было-бы интересное зрѣлище. Новозеландія превратилась-бы ъ Англію, такъ-что трудно было-бы узнать прежнюю Зеландію. Ни дного туземнаго обитателя не осталось-бы въ живыхъ. Все туземное счезло-бы, всосалось-бы англійскимъ населеніемъ. Провѣрьте опытъ, пересе-ите жителей Новой Зеландіи въ Англію; такая внезапная и обильная примѣсь начала, конечно, была-бы замѣтна, но мало-по-малу терялась-бы изъ иду, сглаживалась и, наконецъ, совсѣмъ изчезла. Новозеландцы просто перемерли-бы до единаго въ Великобританіи и англичане остались-бы англичанами, если не лучше, потому что они все-таки воспользовались-бы кое-чѣмъ, извлекли-бы какую-нибудь пользу. Мы все-таки настаива-

емъ на томъ, что англичане не прибѣгли-бы ни къ какимъ насиліямъ. Вырѣзать цѣлое племя вовсе не штука, но этого не нужно. Естественнымъ ходомъ событій, — своимъ нравственнымъ превосходствомъ, своею энергичностью, подвижностью, лучшимъ проявленіемъ и примѣненіемъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, англичане пришли-бы къ тому-же результату въ борьбѣ за жизнь съ новозеландцами, къ какому пришли-бы папуасы, напр., въ борьбѣ съ новозеландцами, если-бы первые перерѣзали послѣднихъ и просто перебили-бы ихъ. Вотъ почему мы и говоримъ, что англичане болѣе усовершенствованная порода людей, болѣе цивилизованная, что она выше, лучше многихъ другихъ людскихъ породъ. Дѣло значитъ въ преимуществахъ. «Такъ если все дѣло въ преимуществахъ, думаетъ, можетъ быть, читатель, то стоитъ лишь дать какимъ-нибудь бушменамъ всевозможныя права и преимущества, чтобъ ихъ сравнять съ американцами и уничтожить всякую между ними разницу». Помните, читатель, это далеко не такъ легко совершается, какъ вамъ это кажется. Преимущества эти лежатъ глубже и ихъ сразу дать нельзя. Эти преимущества при благопріятныхъ обстоятельствахъ пріобрѣтаются постепенно, органическимъ путемъ развитія, въ цѣломъ непрерывномъ ряду поколѣній. Возьмите англо-саксонца или американца и бушмена. Какая колоссальная разница, какая вѣковая непроходимая бездна! Первый искони вѣковъ баловень природы, послѣдній—загнанный, заброшенный пасынокъ ея. Первый съ молокомъ матери всасываетъ самыя возвышенныя понятія, знанія, стремленія; американецъ со дня рожденія уже обезпеченъ въ своемъ превосходствѣ; онъ сознаетъ свое высокое происхожденіе; онъ знаетъ, что онъ самъ себѣ господинъ, что надъ нимъ нѣтъ гнетущей его деспотической власти. Шутка сказать! Его съ малыхъ лѣтъ учатъ понимать, цѣнить свободу, пользоваться ея благами и умѣнью отстаивать ее. При всей своей свободѣ онъ исповѣдуетъ религію, которая можетъ лишь сдѣлать одно: укрѣпить въ немъ всѣ возвышенныя понятія о свободѣ, любви, добродѣтели. Этотъ человѣкъ собственнымъ путемъ развитія дошелъ до того, что заставилъ самое солнце быть у него въ услуженіи, приказавъ ему рисовать съ себя портреты. Онъ одухотворилъ паръ и мысль свою воплотилъ въ металлическую проволоку съ кислотой. Ему, наконецъ, надоѣло шляться по землѣ, и онъ носится въ воздухѣ уже не мысленно, а на самомъ дѣлѣ.

Что-же въ это время бушменъ? Рабъ всего окружающаго. Ему не *найтись въ новой* средѣ; ему не примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ;

ему не придумать ничего для улучшенія своего положенія. Еще въ утробѣ матери онъ чувствуетъ, что онъ рабъ, потому-что мать его самое жалкое существо на свѣтѣ. И едва показался онъ на свѣтъ, какъ его жизнь и вся обстановка начинаетъ школить и приготовлять изъ него только раба. Во всю жизнь онъ не только не слышитъ ни одного слова о свободѣ, мимо его уха не только не проносится ни одно возвышенное понятіе, но онъ не сталкивается ни съ однимъ предметомъ, который навелъ-бы его на какое-нибудь размышленіе. Онъ чуждъ всему хорошему, созданному цивилизаціей, а когда вы его вытащите изъ его сферы и помѣстите въ самомъ центрѣ лучшей цивилизаціи, ему неловко, и онъ спѣшитъ отдѣлаться отъ новыхъ впечатлѣній, къ которымъ его неразвитая организація не приготовлена. Намъ случалось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ. Дѣло идетъ о какомъ-нибудь вопросѣ, затрогивающемъ интересы нашихъ крестьянъ. Крѣпостная зависимость до того ихъ притупила, что они оказывались буквально органически неспособными понимать самыя простыя отношенія. Хотя съ ними говорили самымъ доступнымъ языкомъ, вкладывали въ ротъ и разжевывали имъ самыя простыя понятія, но они недоумѣвали и хлопали глазами. Они, правда, воспринимали впечатлѣнія; мозги ихъ реагировали и заявляли воспринятіе, но оно касалось ихъ поверхностно, не уходило въ глубь, потому что у нихъ не выработалось для этого подходящихъ элементовъ. Съ другой стороны, тутъ-же препирался какой-нибудь спеціалистъ технической сферы, человѣкъ, никогда неприходившій въ столкновеніе съ общественными интересами и крестьянскимъ бытомъ, но человѣкъ, много читавшій, еще больше думавшій, упражнявшій свой умъ разнообразной философской гимнастикой. Онъ сразу схватывалъ сущность предмета и вопроса, излагалъ его уже отъ себя въ самыхъ ясныхъ, обдуманныхъ выраженіяхъ. Мало того. Ясно видно было, что, разбирая вопросъ, онъ получалъ пріятныя мозговыя ощущенія, а потому принималъ самый предметъ до того близко къ сердцу, что отстаивалъ его, какъ свои личные интересы, какъ собственный мозговой процессъ, какъ пріятную ему, дорогую мозговую работу. Вотъ какъ важны преимущества! Что-же изъ всего этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ вотъ что: кто желаетъ, чтобъ народъ по возможности больше имѣлъ преимуществъ въ борьбѣ за существованіе съ другими народами и съ окружающей природой, долженъ хлопотать о скорѣйшемъ устраненіи всѣхъ препятствій, мѣшающихъ пріобрѣтенію и органическому развитію этихъ преимуществъ. Не-то задавятъ; не успѣешь оглянуться, какъ пруссаки подойдутъ къ

самому Парижу и обложатъ его со всѣхъ сторонъ... Это урокъ, назидательный не для однихъ французовъ.

Стало быть, все дѣло заключается въ преимуществахъ, но въ преимуществахъ, какъ физическихъ, такъ, особенно, въ интеллектуальныхъ, нравственныхъ, мозговыхъ, органически развитыхъ. Дарвинъ поэтому говоритъ, что эти преимущества пріобрѣтаются путемъ естественнаго подбора въ борьбѣ съ соперниками. Все, что пріобрѣтетъ какія-нибудь существенныя преимущества, переживетъ и одержитъ верхъ; все слабое *вырождается* и, наконецъ, *вымираетъ*. Такимъ образомъ, мы будемъ различать эти два явленія, эти два грустныя послѣдствія борьбы за жизнь. Мы будемъ отличать вырожденіе отъ вымиранія, которыя какъ Рейхъ, такъ и Морель смѣшиваютъ между собою. Ни Рейхъ, ни Морель не даютъ яснаго понятія о вырожденіи и вымираніи. Морель говоритъ: „l'idée la plus claire, que nous puissions nous former de la dégénérescence de l'éspèce humaine, est de nous la représenter, comme une déviation maladive d'un type primitif» *). Морель, слѣдовательно, смотритъ на вопросъ съ чисто-патологической точки зрѣнія. По Морелю, человѣкъ, родившійся кривымъ на одинъ глазъ или окривѣвшій отъ какой-нибудь болѣзни, какъ уклонившійся отъ типа, будетъ уже вырожденіе. Это было-бы слишкомъ грустно. Микроцефализмъ, какъ извѣстно, не есть болѣзненное уклоненіе отъ типа, а задержанное развитіе; по Морелю, всякое задержанное развитіе будетъ вырожденіемъ, а по нашему мнѣнію, отнюдь нѣтъ. Все, что не подходитъ къ идеальному типу Мореля, будетъ представлять болѣзненное уклоненіе, и будетъ вырожденіемъ. Но это далеко не вѣрно. Нужно, по нашему мнѣнію, строго отличать недоразвитіе, норму развитія и уклоненіе отъ развитія. Это Морель совершенно упустилъ изъ виду. Кажется, однакожъ, что онъ нѣсколько вѣрнѣе смотритъ на низшія племена—и на исчезновеніе, вѣроятно, смотритъ, какъ на вымираніе, а не какъ на вырожденіе, потому что первоначальный типъ для каждой расы людской совершенно особенный. Конечно, нормальный типъ бушмена ниже и во всемъ уступаетъ нормальному типу европейца, но у каждаго изъ нихъ свой нормальный типъ и свои уклоненія. Между нормальнымъ типомъ готентота и европейца вся разница въ степени развитія, но типъ бушмена никоимъ образомъ

---

*) Morel, l. c., стр. 5. Самое ясное понятіе, которое мы можемъ себѣ составить о вырожденіи, состоитъ въ томъ, что вырожденіе есть болѣзненное уклоненіе отъ первоначальнаго типа.

не составляетъ болѣзненнаго уклоненія отъ нормальнаго типа европейца; все равно, какъ мужикъ не составляетъ болѣзненнаго уклоненія отъ нормальнаго типа своего народа, а лишь низшую фазу развитія.

Еще неопредѣленнѣе и запутаннѣе вопросъ поставленъ у Рейха. Онъ называетъ вырожденіемъ—смертность отъ тифа, холеры и другихъ міазматическихъ болѣзней, или самыя эти болѣзни, какъ что-то обособленное, составляютъ у него источникъ вырожденія. Мы-же думаемъ, что отъ такихъ эпидемій народъ вымираетъ, а не вырождается. Это большая разница. Народъ, правда, можетъ имѣть преимущества и относительно этихъ эпидемій, а потому меньше отъ нихъ страдать, въ меньшемъ числѣ вымирать, но испортить, выродить такой народъ эти эпидеміи не могутъ.

Кажется, что мы будемъ ближе къ истинѣ, если поставимъ вопросъ нѣсколько иначе. Но для этого намъ необходимо познакомить читателя съ нѣкоторыми скучными подробностями, обобщенными въ стройное ученіе знаменитымъ реформаторомъ медицины Вирховомъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Читатель нашъ извинитъ насъ, если мы выскажемъ желаніе поставить понятіе о вырожденіи на строго-научную почву, придать ему научный характеръ и провести въ немъ научный принципъ. Съ этой цѣлью мы просимъ читателя вспомнить, что тѣло человѣка состоитъ изъ нѣсколькихъ обособленныхъ тканей, имѣющихъ каждая свое спеціальное назначеніе. Такъ, напримѣръ, жирная ткань, слегка прикрытая бѣлой атласной кожей, служитъ для округленія формъ и придаетъ особенную прелесть женщинѣ цивилизованнаго общества. Она защищаетъ теплоту, вырабатываемую органическими процессами тѣла, и вообще играетъ очень полезную роль въ экономіи нашего организма. Безъ нея было-бы намъ и холодно, и жостко, и больно. Но при такихъ достоинствахъ, она страдаетъ однимъ большимъ недостаткомъ: она очень мало чувствительна, даже подчасъ совершенно безчувственна. Недаромъ говорятъ о тучныхъ и эгоистическихъ людяхъ, что они заплыли жиромъ. Дѣйствительно, очень некрасиво, неудобно и нехорошо, если эта ткань проявляется въ излишествѣ или суется туда, гдѣ ей вовсе не мѣсто. Жиръ,—такъ жиръ и есть, и отъ него не жди ни чувствительности нервной ткани, ни эластичности, упругости, гибкости и растяжимости мышечной ткани. Хорошо, слѣдовательно, когда жирная ткань въ приличной дозѣ является на приличномъ и подобающемъ ей мѣстѣ, когда она прикрываетъ мышечную ткань. Мышечная ткань, какъ видите, обладаетъ совершенно противоположными свойствами. Она—выраженіе силы и энергіи. Вездѣ, гдѣ организмъ проявляетъ какое-нибудь движеніе, дѣя-

изобилуетъ поэтому массою выраженій, имѣющихъ лишь отдаленну
правды. «Человѣкъ безъ сердца», «человѣкъ добраго сердца», «серд
«быть въ сердцахъ»—все это доказываетъ, что человѣчество по
всѣ чувства въ одной точкѣ — въ сердцѣ. И все это лишь пото
сердце всегда умѣло пользоваться незаслуженною славою. Не быв
когда въ дѣлѣ, оно получало георгіевскіе кресты и ордена за
которыхъ никогда не совершало. Оно лишь умѣло во время откл
на всѣ наши душевныя потребности и воззванія, и этимъ своимъ
ствомъ оно преимущественно обязано тому, что цѣликомъ организов
образцовой мышечной ткани. Свойства нервной ткани достаточно и
всѣмъ и каждому, чтобъ объ нихъ распространяться. Довольно сказ
всѣ наши душевныя отправленія, всѣ впечатлѣнія, вся умственная
ственная жизнь коренятся главнымъ образомъ въ ней. Всѣ наши
знанія, убѣжденія, всѣ чувства и страсти суть постоянное отп
этой благороднѣйшей ткани. Между нею и жирной тканью такая-
ница, какъ между небомъ и землей. Что мы были-бы безъ нервной
Да если въ насъ есть разница индивидуальная, половая, націо
расовая, то вся она преимущественно заключается въ количествѣ
ствѣ этой драгоцѣнной ткани. Признаться сказать, природа таки
скупенька въ распредѣленіи этой ткани. Ну что-бы, кажется, н

жиромъ; монахъ изнуренный постомъ и молитвами до того, что на десять пудовъ сала; можно также встрѣтить эту ткань въ сосѣд- съ такой раздобрѣвшей мускулатурой, что куда ни сядетъ такой ...ектъ, всякій стулъ подъ нимъ ломается, никакой диванъ не выноситъ дубовой конструкціи, но вы никогда не встрѣтите человѣка, заплыв- мозгами или какой-нибудь крайній избытокъ ихъ. Замѣтьте, какъ ...рода экономно и бережливо расходуетъ этотъ матеріалъ. Тамъ, гдѣ ...ной ткани она накладетъ цѣлыми пудами, да для поддержки ея отпу-...тъ подобающую дозу мышцъ, туда она проводитъ тонкую нервную ни-...ку, нѣжную и чувствительную и, несмотря на то, ниточка-то всему ...ъ голова. Безъ нея никто ни съ мѣста. Жиръ не встрепенется, мышца подвинется, пока эта нервная ниточка, тонкая, какъ волосокъ, не со-...дитъ имъ жизненной влаги, не прильетъ сюда волшебнаго соку. Но ...ѣе всѣхъ природа обидѣла центръ нервной ткани—мозги. Она втиснула въ самыя узкія рамки, заковала въ твердую, какъ камень, броню, ...жила китайскою стѣной костяной ткани, изъ которой построила са-... неподатливый ящикъ, который лишь съ большимъ трудомъ и то въ ...одые годы немножко раздается, чтобъ позволить разростись и раздаться ...атымъ со всѣхъ сторонъ мозгамъ. Да, костяная ткань самая рутинная ...нь. Она, правда, служитъ самой прочной опорой организма. Но за то ... отличается наибольшею неподвижностью, неуступчивостью и проч-...тью состава, такъ-что не сразу ее прошибешь, потому что въ составъ ...стной ткани входитъ известь, та самая известь, которою штукатурятъ ... и изъ которой приготовляютъ цементъ. Положимъ, что для фунда-...нта очень пригодны всякаго рода щебень и другихъ породъ камни, но ...чѣмъ костная ткань такъ насильственно задерживаетъ развитіе мозговъ, ...часъ просто обидно и оскорбительно. Обидно и оскорбительно это въ ...обенности потому, что тѣмъ самымъ отнимается у мозговъ всякая спо-...бность протестовать противъ такого насилія, и тогда, волей-неволей, ...кая голова представляетъ самый типичный мѣдный лобъ...

Такимъ образомъ, главныя ткани, составляющія организмъ, будутъ— ...ирная, мышечная, нервная, костяная. Все это еще ничего. Все это ...къ слѣдуетъ. Но вотъ въ чемъ бѣда, когда одна изъ этихъ тка-... является не на своемъ мѣстѣ, или замѣняетъ одна другую, или ...образуется одна въ другую. Это изъ рукъ вонъ плохо. Вообразите себѣ, ...шечная ткань можетъ вдругъ перейти въ жирную. Положимъ жиръ ...цъ нужная и почтенная. Но все хорошо на своемъ мѣстѣ. А-то вдругъ

мышечная ткань изчезаетъ, а на ея мѣстѣ является жиръ. Бл
мышечное волокно замѣняется жирнымъ веществомъ. Это ужасн
ните, какая трудная многосложная работа у сердца; но если въ
его намѣсто мышечныхъ волоконъ окажется кусокъ жиру, т
дѣятельность угасаетъ. Оно уже не можетъ такъ сочувствоват
каться на всѣ ваши душевныя впечатлѣнія. Дряблое и еле-
оно равнодушно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ прежде вызы
усиленное біеніе. Можетъ дойти до того, что вы не чувствуете
сутствія; вамъ кажется, что у васъ нѣтъ сердца. Тоска, од
ленье и невыносимая, скучная безчувственность. Такое сердце
счастья, потому-что не знаетъ любви. Такія-же непріятныя п
влечетъ за собой неумѣстное или излишнее появленіе жира и в
мѣстахъ, въ другихъ органахъ, какъ, напримѣръ, въ печени, въ
въ почкахъ и т. д. Но хуже всего, когда благородная и нѣж
мозга вытѣсняется какимъ-нибудь кускомъ жира. Это задержив
говые процессы. Подумайте, какъ можетъ мыслить, чувствовать,
такой субъектъ, у котораго если не весь, то хоть часть мозга
жиромъ или саломъ. Навѣрное у такого господина самыя саль
тія обо всемъ.

Далѣе. Читатель очень хорошо знаетъ употребленіе крахмала.
приготовляютъ очень вкусный кисель, которымъ крахмалятъ ки
дамскія юбки; имъ склеиваютъ бумаги и лощатъ мужскіе мани
ротнички *). Все это очень хорошо. Но то не хорошо, неприли
кстати, когда человѣкъ подъ ребрами у себя носитъ вмѣсто п
сокъ крахмалу. А такое несчастіе бываетъ иногда и такое несч
зывается amyloid по Вирхову. Такому крахмальному перерожде
рое всегда легче открыть послѣ смерти посредствомъ іода, чѣ
при жизни, подвергается не одна печень, а и другіе благородн
какъ селезенка, почки и даже часто мозги.

Затѣмъ также неумѣстно является иногда ненормальный избытокъ
Судите сами, что за удовольствіе вдругъ ни съ того, ни съ се
катурить известкой мозги, а между тѣмъ, это случается. По
такіе мозги скорѣе годятся для цемента, чѣмъ для отправленія

*) Кромѣ того крахмалъ служитъ лучшимъ реактивомъ на іодъ,
лѣйшее присутствіе іода узнается посредствомъ крахмала, который
окрашивается въ прекрасный фіолетовый цвѣтъ.

ныхъ качествъ и свойствъ, но что прикажете дѣлать такому несчастному человѣку? Ему остается одно: мириться до поры до времени съ своимъ сквернымъ положеніемъ. Изъ такой извести дѣлаются въ мозгу наросты, образуются въ полости черепа очень красивые сталактиты, какъ въ какой-нибудь пещерѣ; такіе-же наросты формируются на костяхъ, или известь внѣдряется въ стѣнки большихъ и малыхъ кровеносныхъ сосудовъ, въ артеріи, отчего эти артеріи становятся жесткими, хрупкими, ломкими и продыравливаются. Такой-же процессъ можетъ имѣть мѣсто въ самомъ сердцѣ, и такому сердцу остается развѣ въ гробъ смотрѣть, а не мечтать о жизни, о любви. Всѣ подобные процессы имѣютъ еще то неудобство, что они поставили медицину въ тупикъ. Медицина смотрѣла на нихъ, смотрѣла, изучала и изслѣдовала и, наконецъ,—отвернулась, сознавъ полнѣйшее безсиліе бороться съ ними. Мы нетолько не умѣемъ ихъ лечить, остановить, заставить мышечную ткань, преобразованную въ жирную, снова обратиться въ мышечную,—не только всего этого не умѣемъ, мы даже не умѣемъ во время распознать ихъ хорошенько. Они просто неизлечимы, скажемъ больше — нелечимы вовсе. Вирховъ называетъ всѣ эти процессы *регрессивнымъ метаморфозомъ*, а мы считаемъ ихъ просто *вырожденіемъ*.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Просимъ терпѣнія у читателя. Просимъ его простить намъ, что мы забыли ему напимнить о крови, самой важной жизненной влагѣ, омывающей всѣ наши ткани. Кровь, какъ извѣстно, состоитъ изъ разныхъ шариковъ — красныхъ, бѣлыхъ, разныхъ солей; она содержитъ желѣзо и т. п. Тѣ болѣзнетворныя причины, которыя непоправимо измѣняютъ главныя составныя части крови, которыя на всю жизнь отравляютъ этотъ животворящій сокъ и отнимаютъ у нея ея драгоцѣнныя физіологическія свойства, нарушаютъ ея органическія отправленія, также ведутъ къ *вырожденію*.

Мы попросимъ читателя сообразить еще слѣдующее. Всѣмъ, конечно, извѣстно, что каждый органъ въ нашемъ тѣлѣ долженъ имѣть соотвѣтственные размѣры. Но если какой-нибудь органъ выходитъ изъ границъ своей нормы и своими размѣрами отодвигаетъ другіе такіе-же важные органы, то это весьма плачевное искаженіе нормы. Прибавимъ, что ни одинъ органъ въ нашемъ тѣлѣ такъ не способенъ къ различнымъ крайностямъ, какъ сердце. То оно вдругъ увеличится въ своихъ размѣрахъ, гипертрофируется до того, что это ни на что не похоже, или нѣтъ, виноватъ: *говорятъ, что оно* тогда похоже на бычачье сердце; его такъ и

называютъ: Cor bovinum. То оно умаляется, сжимается и становится какимъ-то ничтожествомъ, атрофируется. Его тогда смѣло можно назвать «низкимъ сердцемъ». Наконецъ, оно способно такъ истончиться, что даже можетъ лопнуть. Его называютъ тогда аневризмомъ. Вѣрьте, читатель, если вамъ кто жалуется, что у него съ горя сердце распухло. Оно дѣйствительно пухнетъ отъ горя. Мы обо всемъ этомъ раскажемъ послѣ; теперь-же замѣтимъ, что и эти всѣ явленія мы относимъ къ вырожденію. Намъ необходимо сдѣлать еще одну крайне важную оговорку. Всѣ ти страданія, причины которыхъ преимущественно кроются въ соціальныхъ условіяхъ быта человѣчества, мы только тогда назовемъ *вырожденіемъ*, когда они, поразивъ организмъ, мало того, что уносятъ его въ могилу, но еще передаются наслѣдственно и притомъ такъ сильно подчасъ, что, въ концѣ концовъ, генерація, пораженная общимъ наслѣдственнымъ недугомъ, совершенно прекращается. Слѣдовательно, наслѣдственная передача этихъ болѣзненныхъ процессовъ—вотъ гдѣ то великое зло, которое особенно нужно имѣть всѣмъ въ виду. Не бѣда, если въ какой-нибудь странѣ развращающая зараза какого-нибудь деспота испортитъ одно поколѣніе: горе лишь тогда, когда этотъ міазматическій духъ воплотится и передастся наслѣдственно: наполеоновскій духъ не скоро выкуришь во Франціи.

Вотъ мы и стали на строго-научную, анатомическую почву, о которой намъ Рейхъ и Морель не сказали ни единаго слова. Вы не думайте, чтобъ это были пустяки, препирательство въ словахъ. Вовсе нѣтъ. Намъ, напримѣръ, говорятъ, что пьянство ведетъ къ вырожденію. Это намъ говорятъ всѣ, въ особенности Рейхъ и Морель. Читатель можетъ испугаться до того, что побоится выпить рюмку водки предъ обѣдомъ, или-же, выслушавъ разсказъ какого-нибудь забулдыги, что онъ во всю жизнь пьетъ по нѣскольку рюмокъ, подумаетъ, что «вовсе не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ», и пустится въ этотъ омутъ на томъ простомъ основаніи, что «пить—умрешь и не пить—все равно умрешь; такъ ужь лучше пить». Поэтому нужно какъ-нибудь привести все это въ должныя границы. Ниже мы постараемся обозначить эти границы, выходить за которыя значитъ посягать какъ на свое собственное здоровье, такъ особенно на здоровье своего потомства въ цѣломъ ряду поколѣній.

Повторяемъ, что нашъ взглядъ намъ кажется научно вѣрнымъ въ отношеніи вырожденія.

Мы поэтому не послѣдуемъ за Рейхомъ и не сочтемъ вырожденіемъ эпидемическія болѣзни, какъ тифъ, холеру, дифтеритъ и тому подобныя,

потому-что эти болѣзни, во-первыхъ, не передаются наслѣдственно, во-вторыхъ, дѣйствуютъ до того быстро, что не вызываютъ указанныхъ нами видоизмѣненій въ тканяхъ, а развѣ поражаютъ цѣлыя системы органовъ. Притомъ иногда, несмотря на значительную степень развитія этихъ болѣзненныхъ процессовъ, порожденныхъ міазмами, случается все-таки, что человѣкъ выздоравливаетъ,—конечно, не благодаря нашему леченію, а развѣ вопреки нашему старанію. Лихорадочная міазма, какъ извѣстно, самая пустая болѣзнь, до того пустая, что у евреевъ сложилась даже пословица, что лихорадка не болѣзнь, какъ курица не птица и прапорщикъ не офицеръ. Нѣсколько гранъ хины умерщвляетъ эту міазму, и организмъ выздоравливаетъ большею частью до того радикально, что не остается никакихъ слѣдовъ болѣзни. Но если эта міазма гнѣздится въ какой-нибудь мѣстности постоянно, если она все снова и снова поражаетъ одинъ и тотъ-же субъектъ, то организмъ страдаетъ уже глубже, кровь его бѣднѣетъ составными частями и портится, органы его претерпѣваютъ одно изъ указанныхъ нами измѣненій, страданіе въ той или другой видоизмѣненной формѣ передается потомству и семья вырождается, чахнетъ. То же самое и относительно другихъ болѣзней. Такимъ образомъ, эпидеміи ведутъ къ вымиранію, а не къ вырожденію. Изъ этого читатель можетъ убѣдиться, что въ вопросѣ о вырожденіи намъ необходимо держаться какихъ-нибудь научныхъ основъ, а не то придется чуть не всѣхъ людей отнести къ вырождающимся, потому что трудно-же, на самомъ дѣлѣ, отыскать человѣка, котораго хоть разъ въ жизни не стошнило и не вырвало—, или придется каждому автору, по своему произволу, выбирать ту или другую серію болѣзней и называть ихъ вырожденіемъ. Если-же мы станемъ на ту научную строго опредѣленную почву, то легко убѣдимся, что людей вырожденія хотя и довольно много, но все-же не всѣ сюда подходятъ, потому-что вообще вырожденіе вещь очень гадкая и быть выродкомъ далеко не лестно.

Есть еще одна сторона весьма печальная въ этомъ дѣлѣ. Это именно то, что люди, такъ физически искалѣченные и испорченные, повреждены и нравстненно. Мы ихъ смѣло объявляемъ невмѣняемыми. Какъ нравственнымъ путемъ можетъ быть одаренъ человѣкъ, у котораго въ головѣ вмѣсто мозга какой-нибудь разбавленный спиртомъ жиръ или замаскированная черепомъ известь? Что можетъ придумать дѣльнаго или совершить хорошаго субъектъ, который отъ продолжительнаго питья спиртуозныхъ напитковъ носитъ подъ сердцемъ если не глиняную, такъ крахмальную печень?

Читателю, конечно, тетерь ясно, какой процессъ мы называемъ вырожденіемъ, въ физическомъ и анатомо-патологическомъ смыслѣ. Болѣе подробно мы его коснемся при изложеніи частностей. Мы, конечно, сами убѣждены въ вѣрности нашего взгляда, хотя сомнѣваемся, что не встрѣтимъ возраженій; впрочемъ, мы отъ души желали-бы выслушать ихъ въ интересѣ самого дѣла.

Такъ мы изложили предъ читателемъ наше понятіе объ образцовой, нормальной формѣ развитія въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи. Мы указали, какими принципами дышатъ люди высокаго развитія, но должны сознаться, что такое неустановившееся общество, какъ наше, положительно кишитъ множествомъ субъектовъ, представляющихъ собою явное искаженіе этихъ принциповъ. Но еще больше такихъ, которые въ силу перерожденія своихъ органическихъ тканей, въ силу регрессивнаго метаморфоза своихъ главныхъ жизненныхъ органовъ, тормозятъ всякое благородное стремленіе, задерживаютъ развитіе массъ, и ихъ-то мы въ особенности относимъ къ категоріи вырождающихся.

Итакъ, чѣмъ въ народѣ больше такихъ субъектовъ, чѣмъ больше у него причинъ, продолжающихъ эти преобразованія и перерожденія тканей нашего организма, чѣмъ болѣе у него нравственно-попорченныхъ субъектовъ, чѣмъ меньше у такого народа *преимуществъ* для борьбы за индивидуальное и соціальное существованіе, тѣмъ меньше у него шансовъ на историческую роль и завидную будущность, тѣмъ кратковременнѣе будетъ его политическая роль. Всѣ средства, какія намъ предлагаютъ Рейхъ и другіе публицисты для устраненія этихъ несчастій и золъ мы сводимъ въ одну силу, въ умѣнье руководствоваться естественнымъ подборомъ. Сила эта настолько-же общеміровая, насколько соціальная, общественная, человѣческая, слѣдовательно, въ извѣстныхъ рукахъ можетъ быть разумною.

Анатомо-патологическій взглядъ нашъ на вырожденіе сдѣлается еще яснѣе и выступитъ еще рельефнѣе, когда мы подробнѣе коснемся явленія вымиранія, къ которому намъ теперь слѣдуетъ перейти. Вѣдь собственно говоря, все вымираетъ, но въ научномъ смыслѣ слова *вымираніемъ* называютъ явленіе, когда цѣлое племя растеній, животныхъ или людей вымираетъ такъ, что не остается никакихъ слѣдовъ его, иначе говоря, совершенно изчезаетъ съ лица земли. Это, конечно, не то, что обыкновенное умираніе, за которымъ слѣдуетъ скорѣе усовершенствованное потомство, а не уничтоженіе рода. Самымъ характеристическимъ и интереснымъ для

…ъ видомъ вымиранія является, конечно, изчезаніе первобытныхъ пле…ъ. Изчезаніе этихъ пасынковъ природы докажетъ намъ въ очію, что …ѣзни истребленія значительно разнятся отъ болѣзней вырожденія. Этой …збѣжной участи вымиранія подвергался и подвергается, какъ извѣстно, …динъ человѣкъ, а все растительное и животное царство. Вѣдь все, …ерь на землѣ живущее, есть лишь видоизмѣненное потомство давно из…нувшихъ формъ животной и растительной жизни. Куда дѣвались всѣ …отопные курьезы, сдѣлавшiеся теперь такими драгоцѣнными *рарете…ми*, что достать какой-нибудь экземплярикъ чуть не счастье и радость … иного палеонтолога. Мы знаемъ изъ геологіи, что въ силурійской сис…ѣ даже нѣтъ никакихъ представителей наземныхъ животныхъ и рас…ій, а встрѣчаются изрѣдка лишь остатки обитателей моря. Первые-же …дставители наземныхъ растеній впервые являются въ девонской фор…іи. Папоротники, хвощи, плауны девонской и каменноугольной формаціи, …ставляющіе теперь неисчерпаемое богатство самыхъ цивилизованныхъ …анъ стараго и новаго свѣта, служащіе самымъ могучимъ двигателемъ …мышленности и культуры, — эти растительные великаны, отличавшіеся …ссивностью и громадностью, изчезли, какъ дымъ отъ вѣтру, и какъ …мъ все-таки не теряется въ общей экономіи природы, такъ эти моги…ны растительности, почернѣвшіе, какъ муміи, сохранившіеся въ подзем…ыхъ кладовыхъ безъ бальзамировки, обогощаютъ современное знаніе сво…и трупами. Несравненно меньше пользы приносятъ человѣку окаменѣлые …татки изчезнувшихъ формъ животной жизни. Они интересны развѣ сво…и превращеніями. Дѣйствительно, было-бы очень интересно присутство…ть при томъ, какъ разныя рыбы превращались въ гадовъ и какъ они …мѣняли статскій чинъ жабръ на военный мундиръ, болѣе всего идущій …гкимъ. Долго пришлось однакожъ разнымъ лабиринтодонтамъ, архіоза…амъ, плезіозаврамъ и ихтіозаврамъ бороться съ обстоятельствами, чтобы …ончательно убѣдиться въ своей совершенной негодности при измѣнив…ихся соціальныхъ условіяхъ міра. Всѣ эти земноводныя амфибіи изчезли … перемѣною обстоятельствъ также быстро, какъ напускной либерализмъ …шихъ пресмыкающихся англомановъ. Такой-же участи подверглись цѣлые …иды флоръ и фаунъ вторичной и третичной эпохи. Долго, конечно, бу…утъ дожидаться совершенно безнадежнаго воскресенія мертвыхъ, какъ …ерен пришествія Мессіи, всѣ эти птеродактилы, динотеріи, мастодонты, …ноплотеріи, et tutti quanti. И не подлежитъ сомнѣнію, что теченіе вре…енъ унесетъ въ своемъ круговоротѣ и всѣхъ потомковъ ихъ.

Если-бъ намъ пришлось очутиться въ огромной залѣ, гдѣ нашимъ г замъ представилась-бы картина всѣхъ вымершихъ видовъ растеній и вотныхъ, въ послѣдовательномъ ряду поколѣній, въ формѣ самыхъ шихъ образчиковъ окаменелостей изъ всѣхъ геологическихъ эпохъ, мы этому зрѣлищу отнеслись-бы совершенно объективно, съ ничтожной субъективнаго удовольствія, что видимъ эту градацію преобразованій. совершенно другое чувство возбудилъ-бы въ насъ обзоръ и осмотръ менъ, изчезнувшихъ съ лица земли, или обозрѣніе тѣхъ жалкихъ ковъ, которые теперь еще влачатъ свое грустное существованіе. Ка неловко, непріятно смотрѣть на это изчезаніе, на это неминуемое раніе и сознавать себя хотя-бы невольнымъ участникомъ въ этомъ токомъ процессѣ. Право, даже и здѣсь цивилизація наша тяжко грѣ и не можетъ оправдать себя безсмысленной и слишкомъ ужъ эгои ской оговоркой, что это «неизбѣжное зло». Мы рады случаю указат цивилизація могла-бы и себѣ и этимъ жалкимъ племенамъ принест раздо больше пользы, если-бъ она отнеслась къ нимъ нѣсколько гу и по больше-бы вникла въ свои собственные интересы. Пора-же, нецъ, цивилизованнымъ народамъ сознать свое настоящее призваніе. чтобъ они передали своимъ обиженнымъ братьямъ истинные настоящіе цивилизаціи и показать имъ, чѣмъ, на самомъ дѣлѣ, жизнь цивили наго лучше жизни дикаря. А то, судите сами, что выдѣлываютъ, истребляютъ культурные народы своихъ первобытныхъ родичей.

Въ Азіи вымираютъ или совершенно вымерли камчадалы и пр истребленіе шло до того быстро, что Лангсдорфъ нашелъ совершенн люденными тѣ мѣста, которыя экспедиція Кука и Лаперуза остави вольно населенными. Когда Лаперузъ въ 1787 г. сосчиталъ на по ровѣ 4000 жителей, то онъ включилъ въ это число и русскихъ п ленцевъ. Спутникъ Кука въ 1780 году полагалъ, по словамъ посел гося въ Камчаткѣ офицера, что всѣхъ камчадаловъ, считая и курил всего до 3,000. Сами камчадалы разсказывали, что туземцы соедин съ пребывающими русскими, а потому ихъ все больше и больше убы Спутникъ Лаперуза Лессенъ утверждаетъ, что едва четвертая доля чадаловъ осталась въ живыхъ, а онъ посѣтилъ Камчатку, когда не шло еще и столѣтія послѣ перваго нашествія на нее русскихъ. участь постигла якутовъ и юкагировъ въ Сибири, алеутовъ и други ственныя имъ племена на островахъ бывшей Сѣверо-Американской паніи, потому-что всѣ они гибли, какъ и камчадалы подъ несокруши

четомъ русскихъ переселенцевъ. Лангсдорфъ нашелъ на Лосьихъ островахъ всего 300 мужчинъ, между тѣмъ какъ въ 1796 г. ихъ было еще 1300, а въ 1783 году ихъ было до 3000. Да и какъ имъ было не исчезнуть, когда какой-нибудь Нагиба Степановъ скальпировалъ несчастныхъ бурятъ не хуже любого американскаго дикаря. Самое названіе или прозвище, которое онъ носитъ, указываетъ на его цивилизаторское ремесло. Нагнетъ, бывало, Степановъ тонкую высокоствольную сосеньку, привяжетъ къ ней косу бурята и отпуститъ дерево... А Соловьевъ, бывало, поставитъ цѣлый рядъ алеутовъ, приложитъ дуло ружья къ уху флангового и выстрѣлитъ, чтобы убѣдиться, сколько головъ пронижетъ его пуля! Не поздоровится отъ такихъ физіологическихъ опытовъ! (См. Archiv für Anthropologie von Ecker und Zindenschmidt. Erster Band. 2 Heft. 1866. Schaffhausen. Стр. 190).

Еще ужаснѣе вымираніе и истребленіе первобытныхъ обитателей Америки. Въ одной Сѣверной Америкѣ въ день ея открытія Колумбомъ насчитывалось до 16 милліоновъ жителей; теперь ихъ тамъ не болѣе двухъ милліоновъ. Въ 1864 г. число индѣйцевъ въ Соединенныхъ штатахъ равнялась 275,000; а въ 1860 ихъ было около 294,431; если сообразить, что въ 1841 ихъ было до 342,058 душъ, то убѣдишься, что въ какихъ-нибудь 23 года погибло до 70,000 человѣческихъ жизней. Еще меньшія цифры даетъ намъ Бемъ, а именно, 268,000 въ Соединенныхъ штатахъ и 155,000 независимыхъ индѣйцевъ въ Британской Америкѣ. Большая часть Южной Америки, посѣщенной Д'Орбиньи, содержитъ, по его увѣренію, 1,685,127 индѣйцевъ. Но Бемъ и этому противорѣчитъ. По Бему, въ Бразиліи 500,000 независимыхъ индѣйцевъ, а въ трехъ Гвіанахъ 9,770; Венецуэлѣ 52,400; новой Гренадѣ 126,009; Эскуадорѣ 200,000; Перу 400,000; Боливіи 245,000; Чили — 10,000; Аргентинской республикѣ 40,000; Патагоніи и Огненной землѣ 30,000; всего 1,613,170: и это на всю Южную Америку! Но таково, по меньшей мѣрѣ, было число жителей одного Чили во время открытія Америки. Центральная Америка имѣла еще въ 1806 г. $2^1/_2$ милліона чистокровныхъ аборигеновъ, и число это постоянно возрастало, но во время открытія Америки народонаселеніе въ городѣ Тенухтитланѣ, древней столицѣ Мехики и въ близь лежащемъ Тецкуко равнялось, по меньшей мѣрѣ, милліону и страна была покрыта большими и густо-населенными городами. Вымираніе здѣсь идетъ быстрыми шагами. Такъ фонъ-Чуди приводитъ тому слѣдующее доказательство: Калаліи, аракуанское племя, еще въ 1787 г. насчитывавшее до 500 че-

ловѣкъ, истаяло до того быстро, что въ короткое время его о
всего 26 человѣкъ.

Въ Африкѣ особенное наше вниманіе въ этомъ отношеніи заслуж
готентоты. Прежде, во время оно, въ эпоху давно минувшихъ д
племя, которое Из. Жофруа Сентъ-Илеръ считаетъ основнымъ четв
расовымъ типомъ, простиралось далеко въ глубь Южной Африки и
далось на множество отдѣльныхъ племенъ; теперь-же это племя жи
клочкѣ своей прежней территоріи, какъ деревня Карнакъ, занимает
малый клочокъ прежняго древняго храма въ Фивахъ, и это племя
велось до того, что осталось какое-то отрепье въ образѣ трехъ ж
стадъ корона, номака и грика, которыхъ число съ каждымъ днемъ
жаетъ убывать. Здѣсь не мѣшаетъ также упомянуть и о кафрахъ,
что въ Британской Кафраріи населеніе въ 1857 г. уменьшилось болѣе,
половину: въ началѣ этого злосчастнаго года ихъ было 104,721
душа, а въ концѣ того-же года ихъ оставалось всего 52,186
товъ.

Намъ теперь остается взглянуть на пустынную Австралію и прек
Океанію, гдѣ во многихъ мѣстахъ туземное населеніе крайне быстр
заетъ, особенно въ Новой Голландіи. Но тутъ та бѣда, что очень
установить какія-нибудь числа, потому что племена эти въ посто
передвиженіи, такъ-что всякія числовыя данныя подвержены бо
сомнѣнію. Вандименова земля сдѣлалась гробницею всего туземнаго
ленія, которое по основаніи тамъ англійской колоніи для преступ
пало жертвой самаго кроваваго преслѣдованія со стороны воровъ и
никовъ, выброшенныхъ англійскимъ обществомъ. Одинъ изъ такихъ
гналъ однажды передъ собою женщину, мужа которой онъ убилъ,
сивъ ей на спину его голову. Лѣтъ 50 тому назадъ тамъ прозяба
до 6000 аборигеновъ. Число ихъ до того быстро уменьшалось,
1830 г. колонисты составили планъ всѣхъ дикарей сосредоточить н
островѣ Тасманіи, въ надеждѣ сохранить ихъ отъ конечнаго выми
Но опытъ не удался: въ 1833 г. ихъ было уже всего 54, а въ 1
епископъ Никсонъ сосчиталъ всего 16. Англійское управленіе донос
1860 г., что изъ 10 племенъ въ Вандименовой землѣ въ живыхъ
14 особъ, 9 женщинъ и 5 мужчинъ.

Изъ нихъ были четыре семейныя, но бездѣтныя пары. Въ 186
жило всего еще 8: одинъ мужчина и 7 женщинъ. Въ 1864 г. на
никѣ у губернатора присутствовалъ послѣдній тасманіецъ съ 3 ж

ная газета даже поспѣшила приготовить имъ приличную эпитафію *).
ли не такъ быстро, то все-же и меланезійцы все больше и больше
шаются числомъ въ первобытныхъ мѣстахъ своего жительства. Такъ,
имѣръ, изчезаетъ населеніе небольшихъ островов вблизи Новой Гвинеи;
по Д'Урвалю вымираютъ обитатели Ваникоро; то-же дѣлается съ
лями новыхъ Гебридовъ; такъ населеніе Аннотума въ 1860 г. имѣло
3 душъ и изъ нихъ эпидемія кори истребила 1000 человѣкъ въ одинъ
ъ.

ъ Микронезіи населеніе маріановъ, которое во время прибытія испан-
въ 1668 г., по меньшей мѣрѣ, состояло если не изъ 100,000, то на-
ое изъ 80,000, совершенно вымерло. Уже въ 1720 г. на островахъ
алось до 2,000 жителей. Понапи имѣлъ еще недавно до 15,000
лей, теперь нѣтъ и 5,000, а островъ Кузай имѣлъ въ 1852 году
300, а теперь едва 700 человѣкъ.

ъ Полинезіи на островѣ Таити во времена Кука счастливо наслажда-
жизнью отъ 15 до 16,000 человѣкъ. То-же число насчиталъ и Виль-
въ 1797 г., но уже въ 1803 г. Турнболь засталъ всего небольше
0. Если показаніе Турнболя даже нѣсколько и преувеличено, все-же
одлежитъ сомнѣнію, что населеніе острова со времени столкновенія съ
ейцами быстро уменьшалось въ числѣ, такъ-что теперь во всякомъ
ѣ не осталось и половины. То-же повторилось и на другихъ остро-
Товарищества и это грустное явленіе вымиранія продолжается тамъ
сихъ поръ въ тѣхъ-же размѣрахъ.

а Лаванаи, одномъ изъ Австралійскихъ островов, населеніе въ 1822
ралось до 1,200 человѣкъ; въ 1830 году изъ этой цифры при-
ь вычеркнуть 0, такъ-какъ жителей всего уже было 120; а въ
г. осталось еле 100 человѣкъ. Ванкуверъ нашелъ на островѣ Рапо
795 г. до 1500 обитателей, а Мэренгутъ въ 1834 году насчиталъ
300 и это число постоянно убывало.

-же явленія совершаются и на островѣ Гаваи, гдѣ народонаселеніе
832 по 1836 годъ уменьшилось съ 130,000 на 102,000 душъ, слѣ-
тельно въ какихъ-нибудь четыре года изъ 130,000 людей умерло
00! Какъ вамъ покажется, читатель, это число? Неправда-ли, ужас-
? Сосчитайте, 28,000 на 130,000 въ 4 года. Слѣд. въ одинъ годъ

Archiv für Anthropologie Schaffhausen B. II. H. II стр. 184.

на 130,000 умерло 7,000 или одинъ изъ 20! Этотъ итогъ прямо ведетъ къ вырожденію, что замѣчается въ нѣкоторыхъ и России. Въ пермской губерніи умираетъ одинъ изъ 18, въ Перми одинъ изъ 14! Все-таки населеніе острова Гаваи страш потому-что во времена Кука тамъ жило до 400,000 человѣкъ, въ тамъ насчитывали до 142,000, а въ 1850 оставалось толь Такимъ образомъ, въ 78 лѣтъ населеніе уменьшилось на цѣл число рожденій относилось къ числу смертностей какъ 1: 3! идетъ впередъ и шагаетъ быстро, ибо цензъ 1860 г. опред 67,084 души.

То-же явленіе и на архипелагѣ Маркезасъ, гдѣ населеніе 22,000. Такъ Нукагива въ какихъ-нибудь 6 лѣтъ потеряла населенія, которое вымерло ни больше, ни меньше какъ тольк На Новой Зеландіи уменьшеніе народонаселенія въ послѣдніе стигаетъ до 19 или 20 процентовъ; въ 1770 г. было до 100 зеландцевъ, изъ которыхъ въ 1850 году оставалось всего 56,

На островѣ Самоа народонаселеніе, состоявшее изъ 37,000, т убываетъ. По донесеніямъ миссіонеровъ въ 10 лѣтъ уменьшені селенія на одномъ лишь островѣ простиралось до 400 человѣ 4,000 осталось 3,600.

На островѣ Энгано, маленькомъ островкѣ къ югу отъ Сума паге, родственное полинезійцамъ, быстро вымираетъ, по увѣреніи который нашелъ на этомъ островкѣ крайне незначительное чис именно всего пять.

Роковой законъ, повидимому, тяготитъ надъ насчастными пе народами! Неужели это неизбѣжная участь, которая неминуемо стигнуть патріархальныя племена? Неужели это несокрушимая зимая воля судебъ? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, бѣлая раса всюду вытѣснитъ все цвѣтное населеніе земли въ силу своихъ н пріобрѣтенныхъ прерогативъ?

Какими-же преимуществами обладаетъ цивилизованный человѣ тельно съ первобытнымъ дикаремъ въ борьбѣ за свою жизнь? О образными и весьма серьезными. Они самымъ рельефнымъ обр значаются при изложеніи отсутствія этихъ преимуществъ у пе народовъ. Изъ этого отсутствія читатель однакожъ убѣдится, ч стараются доказать, будто «невольничество есть лучшій исхо можетъ желать цвѣтной человѣкъ при столкновеніи съ бѣлым

ивъ того, скорѣе готовы допустить, что для цвѣтного человѣка, мо-
ъ быть, лучше всего было-бы, если-бъ онъ никогда вовсе и не прихо-
ь въ столкновеніе съ бѣлымъ. Какъ хотите, а счастіе—понятіе слиш-
ь относительное. Положимъ, что чѣмъ больше человѣкъ духовно и
ственно развитъ, тѣмъ у него подъ рукою больше возможностей на-
ждаться жизнью, но кому-же это выпадетъ на долю? Скажите на ми-
ь, гдѣ тѣ счасливцы, которые постояннно въ жизни видѣли-бы осу-
твленіе своихъ честныхъ стремленій? Первобытныя племена до столкно-
ія съ бѣлымъ человѣкомъ имѣли, по крайней мѣрѣ, то великое благо,
они почти никогда не хворали, не знали никакихъ эпидемій. Легко
зать, быть свободнымъ отъ всякихъ эпидемій! Да есть-ли вообще на
тѣ худшее рабство, какимъ сковываютъ человѣка эти бичи человѣче-
, эти Аттилы съ ихъ полчищами, воплощенные въ образѣ тифа, хо-
ы, дифтерита и т. д. Надо видѣть, въ какое ничтожество превращается
овѣкъ, застигнутый холерою, чтобы понять тотъ негодующій крикъ,
орый вырвался изъ груди Берне, когда онъ соглашался допустить на-
ствіе любой конституціи, даже гессенской, лишь-бы не допустить до
olera morbus. Такимъ образомъ, съ обратной стороны цивилизаціи,
сены къ дикимъ племенамъ эпидеміи. Утѣшайте себя, что цивилизація
мѣетъ отдѣлаться отъ нихъ. Отъ этого нисколько не легче сотнямъ и
сячамъ безвременно отправляющихся теперь на тотъ свѣтъ. Жди тамъ
, пока цивилизація догадается искоренить занесенную ею заразу. По-
трите, какой страхъ нагнали европейцы на бѣдныхъ дикарей только
силу этихъ эпидемій. Туземцы Никобарскихъ островов убѣждены, что
кокосовые орѣхи должны попадать съ деревьевъ, какъ только миссіо-
ъ, носящій на лбу слѣды папской непогрѣшимости, ступитъ ногой на
землю, дохнетъ своимъ тлетворнымъ дыханіемъ на ихъ островъ. Въ
пии, какъ-только вдали покажется корабль, тотчасъ народъ обра-
ется въ бѣгство и жрецы молятъ боговъ о помощи и объ избавленіи
рошенныхъ гостей. Герландъ положительно утверждаетъ, что до зна-
ства съ европейцами маріане, микронезійцы, полинезійцы, отчасти также
озеландцы, новоголландцы, готентоты и американцы почти понятія не
о томъ, что такое болѣзнь, особенно эпидемическая.

ужь если разъ навсегда человѣчеству суждено было познакомиться
...деміями гражданскаго и военнаго вѣдомства, если печальная сторона
вилизаціи влекла за собою это дурное послѣдствіе, то, по крайней мѣрѣ,
вилизованный человѣкъ имѣетъ за то преимущество быть сильнѣе и

лучше противостоитъ всѣмъ тяжкимъ ударамъ этихъ карающихъ
скорѣе можетъ оправиться, если не индивидуально, то, по крайней
соціально. Первобытный-же дикарь пасуетъ совсѣмъ въ борьбѣ с
невзгодами. Чуди по этому поводу говоритъ: это весьма замѣчат
интересное явленіе. Индѣйскія племена, пораженныя и истребле
кой-нибудь войной или эпидеміей, не могутъ уже оправиться; ост
кого племени влачатъ еще нѣсколько десятковъ лѣтъ самую не
долю и, наконецъ, совсѣмъ вымираютъ. У нихъ уже не возвращает
ше естественное и прогрессивное приращеніе и умноженіе, какъ о
мѣсто у нихъ-же до громового удара или какъ оно имѣетъ мѣст
гихъ народовъ, живущихъ при такихъ-же физическихъ условіяхъ
витость женщины быстро упадаетъ и это, конечно, одна изъ могу
нѣйшихъ причинъ, ведущихъ къ вымиранію.

Дарвинъ слышалъ въ Шропширѣ, что здоровыя овцы, перевез
кораблѣ въ другое отдаленное мѣсто и заключенныя въ одинъ
другими овцами, заражаютъ тѣмъ не менѣе послѣднихъ до того,
постепенно вымираютъ. Дарвинъ поэтому думаетъ, что какъ
такъ и человѣкъ, могутъ съ собою носить цѣлый запасъ бол
элементовъ, какъ большинство нашихъ профессоровъ и патентован
ныхъ вѣчно носятъ съ собою неисчерпаемый запасъ скуки и з
ненные элементы, скрытые, повидимому, въ здоровыхъ организм
являютъ свое ядовитое дѣйствіе, какъ только произойдетъ ст
съ другой расой. Это мнѣніе Дарвина имѣетъ свою неоспори
правды и выдерживаетъ вполнѣ медицинскую критику, хотя Г
не хочетъ съ этимъ согласиться. Впрочемъ, самъ-же Герландъ да
мнѣнію самую положительную поддержку и право претендовать
нѣйшую вѣроятность. Разница между цивилизованнымъ европейц
каремъ по отношенію къ этимъ вліяніямъ будетъ лишь въ сте
тиводѣйствія. Разсматривая исторію заразительныхъ болѣзней, св
вавшихъ среди цивилизованныхъ народовъ, мы легко убѣдимся, ч
вновь возникающая эпидемія или зараза въ первое время дѣйству
жестоко и крайне опустошительно, какъ, напримѣръ, чума, черн
оспа, холера и т. д. Потомъ онѣ мало-по-малу унимаются и
Но оспу сдѣлали безвредною только тогда, когда нашли возможн
вить человѣческому организму менѣе опасную форму болѣзни,
ствующій ядъ. Отсюда ясно, что человѣческій организмъ тѣмъ
чивѣе и тѣмъ впечатлительнѣе къ міазмамъ и всякаго рода бол

ъ вліяніямъ, чѣмъ болѣе онъ былъ далекъ и чуждъ ему дотолѣ. Если организмъ уязвленъ хотя-бы ничтожной долей яда, какъ при оспопри-аніи и тѣмъ самымъ расположенъ претерпѣть вліяніе этого яда, какъ освоившись съ его характеромъ, тогда, значитъ, такой организмъ пріѣлъ способность противостоять такой болѣзни. Организмъ уже больше боится дѣйствія этого яда, какъ пострадавшій за свободу не опатся вторично подпасть опалѣ. Такія эпидеміи мало-по-малу теряютъ силѣ и изчезаютъ, потому что выжившіе освоиваются все больше и ьше съ постояннымъ вдыханіемъ заразительнаго воздуха. Нельзя ска-ь, чтобы организмъ навсегда освоился съ такимъ ядомъ и окончательно быкъ къ нему. Лучшимъ подтвержденіемъ этого служитъ оспа, которая буетъ повторительнаго привитія. Наше время было свидѣтелемъ двухъ ашныхъ каръ, постигшихъ лучшій городъ въ мірѣ — Парижъ — этотъ dez-vous всѣхъ народовъ. Упущенія въ оспопрививаніи имѣли послѣд-іемъ, что она въ 1870 году также истребляла бѣдныхъ парижанъ, ъ теперь ихъ истребляютъ пруссаки, «мои бульдогоподобные соотече-енники», какъ выразился о нихъ Карлъ Фогтъ. Постигни такая оспа ой-нибудь многолюдный городъ дикарей въ Африкѣ или Америкѣ, и ъ не осталось-бы ни одной души. Парижане-же давно успѣли опра-ься. Они даже забыли про оспу и въ полномъ своемъ составѣ высту-и противъ болѣе ненавистнаго врага. Такимъ образомъ, цивилизованный опеецъ, самъ того не замѣчая и не сознавая, постоянно приходитъ въ кновеніе со всевозможными міазмами и вредоносными матеріями и при-ъ несравненно чаще, чѣмъ первобытный дикарь, живущій подъ откры-мъ небомъ. Онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ и путемъ наслѣдственности прародителей пріобрѣтаетъ способность приспособляться и въ силу лич-привычки и наслѣдственнаго приспособленія можетъ гораздо больше тивостоять всѣмъ вреднымъ вліяніямъ. Дикарь этого не имѣетъ и въ мъ великое преимущество цивилизованнаго европейца. Множество не-стныхъ случаевъ, постигшихъ цвѣтныхъ вельможъ, попавшихъ въ Ев-у, вполнѣ это подтверждаетъ. Такъ Лиголиго, сынъ Тамегамеа I, и его руга умерли отъ кори самаго злокачественнаго свойства, несмотря на возможную заботливость о нихъ, во время пребыванія ихъ въ Англіи. нцъ Либу, привезенный въ Англію Вильсономъ въ концѣ прошлаго лѣтія, вскорѣ послѣ прибытія погибъ отъ той-же болѣзни. Теперь намъ ается понятнымъ предположеніе Дарвина. Совершенно здоровые евро-йцы могутъ завести *съ собою* безсознательно такой запасъ міазмовъ,

что, при столкновеніи съ цвѣтными племенами, міазмы эти обнаружи свое присутствіе, поражаютъ неподготовленныхъ туземцевъ, которые, т образомъ, падаютъ жертвой неумышленнаго злодѣянія европейцевъ, тѣмъ какъ послѣдніе остаются совершенно невредимыми. Отсюда ясн въ возникновеніи такихъ эпидемій ничего нѣтъ загадочнаго. Являет отдаленной странѣ корабль, экипажъ его, какъ чичиковскій Пет несомнѣнно обладаетъ такой характеристической атмосферой, что в легко могутъ обитать всевозможные міазмы, не только микроскопич свойства, но видимые даже и невооруженнымъ глазомъ. Стоитъ т экипажу высадиться на новую землю, чтобы снабдить гостепріимныт зяевъ всевозможными заражающими сюрпризами. Мы такимъ-же обр объясняемъ себѣ поразительную смертность, господствующую подча Петербургѣ. Наши журналы и газеты заявили тотъ фактъ, что в тербургѣ преимущественно сильно мрутъ бѣдные рабочіе пришельц шутку названные пролетаріями, между тѣмъ какъ постоянные жител тербурга не представляютъ большой смертности, а, напротивъ того, зуются довольно продолжительною жизнью. Заявивъ этотъ фактъ, ж листика давала ему самое разнообразное объясненіе. Но самымъ вѣр намъ кажется именно то, что пришельцы воспріимчивѣе къ міазм заразамъ, гнѣздящимся на какомъ-нибудь сѣнномъ рынкѣ, между какъ туземцы вполнѣ освоились съ ними. Какъ здоровый экипажъ ко можетъ надѣлить всякими заразительными болѣзнями совершенно з выхъ дикарей, такъ петербургскіе аборигены могутъ заразить новыхъ шельцевъ, сами не терпя отъ нихъ.

Итакъ, крайняя воспріимчивость дикарей къ міазмамъ и другимъ зительнымъ болѣзнямъ, которыя доставляютъ имъ цивилизованные б совершенно невольно, и самая ничтожная способность противодѣйств этимъ заразамъ — вотъ одна изъ могущественныхъ причинъ выми первобытныхъ народовъ, и съ другой стороны—одно изъ драгоцѣннѣй преимуществъ культурныхъ народовъ въ борьбѣ за свою жизнь.

Ничего нѣтъ хуже, когда греческія божества живутъ въ согласіи правляютъ свою службу сообща, потому-что каждое изъ нихъ спо напакостить человѣку такъ, что во весь вѣкъ отъ него будетъ со Особенно солоно дикарямъ, когда классическое воспитаніе ихъ начин съ греческой мифологіи. Еще не такъ страшенъ Марсъ, но если дѣйствуетъ заодно съ Венерой, бѣднымъ дикарямъ просто нѣтъ жит

Вездѣ въ Африкѣ, въ Америкѣ, въ Австраліи, на островахъ Оке

дѣ, гдѣ являлись европейцы, сифились въ образѣ Венеры производилъ ашное опустошеніе. Но нигдѣ, быть можетъ, сифилисъ такъ энерги-ки не распространялся, какъ среди полинезійцевъ, потому-что полнѣй-я непринужденность и просторъ половыхъ отношеній содѣйствовалъ ой быстрой передачѣ этой кары сладострастія. На островѣ Полинезіи илисъ царитъ изъ конца въ конецъ. Но больше всего досталось на ю Таити и Гаваи. На островѣ Таити сифилисъ вошелъ до того въ у, что рѣдкое семейство осталось пощаженнымъ и не имѣть сифилиса ъ считается чуть не признакомъ дурного тона. Полнѣйшее пренебре-ніе этой болѣзнью, съ одной стороны, съ другой—самое дурное леченіе вели къ тому, что отъ одной этой болѣзни народъ умиралъ массами, наступленіемъ первыхъ холодовъ. Тоже повторилось и въ Новой Гол-ндіи. Не меньше досталось алеутамъ и камчадаламъ, у которыхъ уже къ засталъ эту болѣзнь въ полномъ развитіи. Русскіе промышленники, ргующіе пушнымъ товаромъ, предупредили экспедицію Кука и доказали у, что они достойные его соперники въ распространеніи сифилизаціи... ложимъ, что алеуты и камчадалы сами очень распутны и слишкомъ даны всѣмъ порокамъ, тѣмъ не менѣе торговля пушнымъ товаромъ ошлась имъ довольно дорого и немало ихъ поплатилось жизнью за зна-мство съ русскими. Несравненно свирѣпѣе неистовствовала оспа, самый укротимый Аттила первобытныхъ народовъ. Особенно она дала себя ать Америкѣ, въ сѣверной части которой она впервые появилась въ 1630 ду. Девять десятыхъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ пали ея жертвой. анданы въ 1837 году вымерли почти до единаго. Одно племя (Schwarz-ssе) изтаяло до того, что изъ 30 или 40,000 не осталось и 1,000. й же участи подверглись и другія сѣверо-американскія племена: мине-ры, куманхи, риккари. Изъ племени омага, аборигеновъ области Орегона, мерло около двухъ третей, и половина калифорнійцевъ послѣдовала ихъ римѣру. Также сильно свирѣпствовала оспа и среди племенъ Южной ерики, среди индѣйцевъ Парагвая, среди пуэиховъ, карибовъ, араука-въ; въ Перу, въ Гвіанѣ, на Норононѣ, вездѣ она стерла съ лица земли лыя племена. Съ неменьшею жестокостью истребляла она бѣдныя и ыя племена Бразиліи, которыя сильно отъ нея пострадали. Столько-же терпѣли отъ оспы и болѣе культивированные народы Америки.

Въ Мехикѣ оспа, завезенная негромъ-рабомъ, впервые проявилась въ 20 г., и тогда же уложила въ могилу почти половину мехиканцевъ. На тильскихъ островахъ она явилась нѣсколько раньше 1517 г. и совсѣмъ

ихъ обезлюдила. Вездѣ въ Америкѣ опустошенія оспы до того были свирѣпы, что мертвецы оставались безъ похоронъ, потому что не было рукъ для ихъ погребенія. Отсюда понятно, почему индѣйцы съ появленіемъ оспы въ отчаяніи сожигаютъ свои хижины, дѣтей убиваютъ и убѣгаютъ въ пустыню, или почему чилійцы сожигаютъ веранду со всѣми больными, тамъ находящимися. Очень раціональная мѣра для прекращенія эпидеміи! Вайтцъ и Герландъ согласно свидѣтельствуютъ, что эта эпидемія поглотила больше жертвъ, чѣмъ война и водка вмѣстѣ взятыя; отъ нея одной если не половина, то двѣ трети первобытнаго населенія Америки на-вѣки устранили поле борьбы новымъ счастливцамъ улучшенной породы, той породѣ, которую уже ничто не донимаетъ, ни оспа, ни сифилисъ, ни водка.

Но не одна Америка удостоилась такого вниманія и посѣщенія оспы. Въ 1767 году русскій солдатъ занесъ эту заразу къ камчадаламъ, которые ей не особенно, должно быть, обрадовались, потому что болѣе 20,000 камчадаловъ, курильцевъ и коряковъ предпочли отправиться на тотъ свѣтъ. Народъ вымиралъ цѣлыми деревнями и спутники Кука нашли множество деревень совершенно обезлюденными. Въ одной деревнѣ, въ которой до эпидеміи было 360 жителей, эпидемія сократила на 36 душъ. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ эпидемій въ 1800, въ 1801 г. и т. д., которыя похитили до 5,000 камчадаловъ. Въ силу такихъ невзгодъ населеніе Камчатки до того быстро исчезло, что въ маленькихъ крѣпостцахъ, гдѣ прежде прозябало человѣкъ 40, оставалось всего 8 или 10.

Въ Новой Голландіи оспа впервые обнаружилась въ 1789 году и опустошила весь Кумберландъ, а въ 1830 году она опустошила всю восточную часть Австраліи. Шерцеръ и Шварцъ разсказываютъ, какая страшная оспенная эпидемія свирѣпствовала на островѣ Понапи: какой-то англійскій матросъ занесъ ее и до 3,000 туземцевъ легли костьми. Еще то хорошо, что ихъ осталось 2,000. На островѣ Гаваи вымерли отъ оспы въ 1853 году отъ 5 до 6,000 человѣкъ.

Готтентоты, по крайней мѣрѣ, въ сосѣдствѣ съ городомъ Капштадтомъ, поубавились значительно въ числѣ, единственно благодаря оспѣ.

Кромѣ оспы столь же гибельными оказались для дикарей и другія эпидеміи, какъ корь и краснуха, именно въ Бразиліи, Гвіанѣ, въ странѣ москитовъ, въ Новой Голландіи. Еще опаснѣе оказались различныя лихорадки, отъ которыхъ жестоко пострадали орегонскіе индѣйцы, а чинуки въ 1823 году, изъ 10,000 сократились до 500 человѣкъ. Все это къ тому же совершалось съ такою поспѣшностью, что оставшіеся въ живыхъ

успѣвали хоронить мертвыхъ. Вотъ они хваленые и сладкіе плоды цивилизаціи. А еще находятся такіе либералы, которые упрекаютъ дикарей въ безчувственности и неблагодарности. Есть и такіе, которые считаютъ лучшее для нихъ какое-то утонченное невольничество!

Но, скажетъ читатель, вѣдь недалеко то время, когда и въ Европѣ люди гибли тысячами. Вѣдь повальныя болѣзни, поражавшія европейское человѣчество, расправлялись съ нимъ также жестокосердо, какъ теперь съ дикарями. Совершенно справедливо. То было время, когда европейское человѣчество было немногимъ лучше дикарей. То было время, когда «всѣми оставленный больной лежалъ одинъ съ своими муками. Родные боялись приблизиться къ нему, врачъ страшился вступить въ его жилище и даже священникъ лишь со страхомъ причащалъ его. Со стонами, разрывавшими сердце, призывали дѣти родителей, отцы и матери — сыновей и дочерей, одинъ супругъ другого. Но напрасно! Даже и до труповъ родные прикасались лишь потому, что никто не соглашался исполнять послѣднія обязанности за деньги. Ни голосъ герольда, ни звукъ трубы, ни звонъ колоколовъ, ни похоронное богослуженіе, — ничто не могло собрать родныхъ и знакомыхъ на обрядъ погребенія. Трупы самыхъ знатныхъ и высокихъ особъ относились въ могилы самыми бѣдными и низко-поставленными людьми, потому что невыразимый страхъ отталкивалъ отъ гроба ихъ друзей и товарищей». Такая эпидемія, такая черная смерть неистовствовала во всей Европѣ и истребила четверть ея тогдашняго населенія, которое всего-то равнялось 100 милліонамъ. Въ другихъ же мѣстахъ отъ нея погибла не то что половина, а даже двѣ трети населенія. Но съ тѣхъ поръ сила эпидемій стала ослабѣвать. Хотя и появлялись повальныя болѣзни, но такой ужасающей смертности не повторялось. Теперь даже въ Европѣ сдѣлалось менѣе возможнымъ возниковеніе такихъ заразъ, какъ холера и чума, которыя надолго еще останутся неотъемлемою привилегіею невѣжественнаго и варварскаго востока. Такая перемѣна въ лучшемъ санитарномъ положеніи Европы сдѣлалась возможной съ тѣхъ поръ, какъ медицина, изъ рукъ жрецовъ и изъ нѣдръ монастырскихъ келій, вышла на свѣтъ божій и попала въ руки образованныхъ врачей. Да, это было могучимъ движеніемъ прогресса, когда врачъ сталъ предлагать больному касторовое масло вмѣсто католическаго требника, и вотъ почему собственно врачи и попали въ атеисты. На насъ до сихъ поръ съ ужасомъ все еще смотрятъ купеческое, мѣщанское и духовное сословія, когда мы въ такихъ болѣзняхъ, какъ чахотка, катарры желудка и кишекъ, предлагаемъ боль-

ному пить молоко, несмотря ни на какой постъ, хотя бы и великій. Духовенство насъ просто упрекаетъ въ этомъ и утверждаетъ, что медицина идетъ въ разрѣзъ съ религіей. Мы часто удивлялись такому грубому непониманію истиннаго смысла религіи. Мы ставили въ примѣръ евреевъ, которые больше всѣхъ народовъ земного шара фанатически вѣрны своей религіи, и которые разрѣшаютъ для больного дѣлать все, что только нужно, не стѣсняясь никакими религіозными предписаніями. Вотъ почему мы убѣждены, что редакція «Эпидеміологическаго Листка» совершенно права, когда она утверждаетъ, что «врачи были первыми апостолами цивилизаціи». И вотъ почему мы выбрали эпиграфомъ нашей статьи слова Декарта. Но читатель впадетъ въ непростительную ошибку, если припишетъ намъ какое-то чванство, самохвальство или зазнаваніе. Мы просимъ его понимать насъ иначе. Мы считаемъ *всѣхъ людей*, знакомыхъ съ естественно-научными знаніями, совершенно равноправными съ лучшими, образованнѣйшими врачами и только въ людяхъ высокаго естественно-научнаго образованія и видимъ все спасенье и, можетъ быть, даже больше, чѣмъ въ сотняхъ врачей мазью-марателей, микстуро-кормителей, пилюле-душителей, крово-пускателей, банко-ставителей, пьявокъ-поителей, мушко-вредителей и всякой гадости мѣсителей. Не ихъ мы разумѣемъ, а защитниковъ соціальной медицины, представителей и проводниковъ общественной гигіены, этой лучшей отрасли человѣческаго знанія, этого лучшаго вида цивилизаціи, этого громаднаго преимущества цивилизованнаго европейца сравнительно съ дикаремъ. А чтобъ убѣдить читателя, насколько важно это преимущество, мы разскажемъ читателю, какъ обращаются первобытные народы съ своими паціентами.

Мы снова и снова обращаемся съ покорнѣйшей просьбою къ нашему читателю, чтобъ онъ ни на одну минуту не оставлялъ воображаемаго нами идеала развитого человѣка, изображеннаго нами на первыхъ страницахъ этой статьи. Это условіе—sine qua non—пониманія и уразумѣнія нашихъ толкованій. Имѣя въ виду этотъ идеалъ, читатель нашъ легко пойметъ, что люди этого закала, какъ совершенно свободные отъ всякихъ предразсудковъ, тѣмъ самымъ имѣютъ больше шансовъ на хорошую жизнь. Люди же неразвитые и ложно-цивилизованные, т. е. усвоившіе лишь темныя стороны цивилизаціи, недалеко ушли отъ дикарей во многихъ и многихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, какія страшныя эпидеміи поражаютъ первобытныхъ дикарей и какъ послѣдніе знаютъ лишь одинъ исходъ всѣмъ этимъ невзгодамъ—смерть. Но значительной долей своего несчастія дикари обя-

ины своему непроходимому невѣжеству и тому извращенію всякаго человѣческаго смысла, съ какимъ они обращаются съ больными. Такъ въ Америкѣ туземцы употребляли противъ оспы паровыя бани и непосредственно вслѣдъ за этимъ холодныя обмыванія. Тоже самое дѣлаютъ надъ собой обитатели Полинезіи и Новой Голландіи. Понятно, что это ведетъ съ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Когда-же этихъ дикарей поражаетъ новая невѣдомая дотолѣ болѣзнь, то они совершенно теряютъ голову и недоумѣваютъ, за что прежде взяться. Въ такихъ стѣсненныхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ грубый человѣкъ прибѣгаетъ къ единственному утѣшительному средству—къ колдовству. Ново-голландцы въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ къ жрецамъ. У этихъ, конечно, всегда готовы всякія снадобья. Они заклинаютъ злой духъ, сидящій въ больномъ, или чары, постигшія его, причемъ они съ разными хитростями извлекаютъ будто-бы изъ больного камень, обыкновенно кусокъ кварцу, въ которомъ заключалось зло, околдовавшее больного и тѣмъ, понятное дѣло, освобождаютъ его отъ напасти. Не напоминаетъ-ли все это читателю нашъ крестьянскій бытъ съ его запариваніями въ баняхъ больныхъ дѣтей, натираніями рѣдечнымъ сокомъ, всякаго рода шептаніями отъ *изурочья*, *дурного глазу*, *порчи*, *околдованья* и т. д. Такъ-какъ, по мнѣнію дикарей, всякая болѣзнь—результатъ волшебства и состоитъ главнымъ образомъ въ отвлеченіи души изъ ея обычнаго мѣстожительства, помѣщеннаго, по ихъ удостовѣренію, въ почечномъ жирѣ (что не подлежитъ нималѣйшему сомнѣнію), то потому стараются достать этотъ жиръ отъ тайнаго чудодѣя. Нисколько не стѣсняясь, этотъ жиръ вырѣзываютъ у мнимаго чародѣя и натираютъ имъ больного. Не-то стараются высосать болѣзнь изъ пораженнаго органа или устранить кровопусканіемъ, или-же выживаютъ злой духъ изъ организма больного, для чего его мнутъ, колотятъ, бьютъ, трясутъ и выдѣлываютъ надъ нимъ все, что только вздумается.

Это искуство врачеванія одинаково у всѣхъ первобытныхъ народовъ. На островахъ Фиджи опасные больные считаются уже преждевременно умершими, почему ихъ поспѣшно снаряжаютъ въ путь на тотъ свѣтъ и выставляютъ на показъ. На протестъ съ ихъ стороны не обращаютъ никакого вниманія, напротивъ того, имъ не оказываютъ никакого состраданія, потому что считаютъ ихъ зловредными для здоровыхъ. То-же самое и въ Меланезіи. Тамъ зачастую больныхъ просто убиваютъ безъ дальнихъ разговоровъ. На Гебридахъ немедленно убиваютъ всѣхъ больныхъ, впадающихъ въ бредъ, изъ опасенія, чтобы они не заразили здоровыхъ. Въ нѣ-

которыхъ мѣстахъ Меланезіи больные также себѣ на умѣ. Они очень хорошо знаютъ, что тамъ тотчасъ-же убиваютъ всѣхъ, перестающихъ ѣсть, а потому они отправляются на морской берегъ и, пока есть возможность, ѣдятъ всякую всячину. Благо, непривыкать стать. Вообще тамошніе больные очень хитрый народъ. Они перевязываютъ больные члены, чтобы поймать на мѣстѣ преступленія дьявольское наважденіе, причинившее болѣзнь.

На той-же ступени развитія стоитъ врачебное искуство въ Полинезіи. И здѣсь больныхъ или убиваютъ, или на нихъ не обращаютъ никакого вниманія. Больному предоставляютъ право самому о себѣ заботиться, и онъ отправляется въ одиночество, въ ближайшій лѣсъ, откуда онъ возвращается здоровый, если дикіе звѣри не предупредятъ болѣзнь скорѣйшимъ прекращеніемъ его мученій. Въ Нукагивѣ трудно-больнымъ затыкаютъ ротъ и носъ, чтобы не выпустить духъ; также поступаютъ насосы въ Южной Америкѣ. Въ Тонго все леченіе заключается въ томъ, что больного тащатъ изъ одного храма въ другой, чтобы умилостивить боговъ и жрецовъ; чѣмъ кто сильнѣе боленъ, тѣмъ дольше таскаютъ его, что, конечно, скорѣе всего содѣйствуетъ вѣрной смерти. Въ Таити и вообще въ Полинезіи приносятъ въ жертву дѣтей и рабовъ, чтобы вымолить жизнь какому-нибудь знатному дураку. Тамъ вообще на всякую болѣзнь смотрятъ, какъ на гнѣвъ божій, а потому считается величайшимъ грѣхомъ принимать какія-нибудь лекарства, къ которымъ они питаютъ величайшее отвращеніе. Какъ-только на Таити кто-нибудь серьезно заболѣлъ, его чуждаются всѣ, какъ родные, такъ и всѣ сосѣди: больной, безпомощный, оставляется на произволъ судьбы. Такое пренебреженіе священнѣйшими обязанностями отзывается на дикаряхъ самымъ плачевнымъ образомъ, потому-что лишеніе всякой врачебной помощи и всякаго ухода имѣетъ одинъ результатъ—смерть.

Тотъ же дикій взглядъ на врачеваніе—по всей Америкѣ. Мехиканцы, напримѣръ, хотя и смекаютъ кое-что по части хирургіи и знаютъ цѣлебное дѣйствіе нѣкоторыхъ снадобій, все-же всѣ свои надежды возлагаютъ на колдовство и суевѣріе. Жители Калифорніи стараются устранить болѣзнь тѣмъ, что они надуваютъ, или высасываютъ больные члены, или приносятъ въ жертву и калѣчатъ другихъ! Высасываніе, вдуваніе, растираніе считается на Таити за самыя дѣйствительныя средства. Здѣсь даже мѣстные врачи прибѣгаютъ къ тѣмъ-же церемоніямъ, къ какимъ до-сихъ поръ прибѣгаютъ и новоголландцы: они высасываютъ изо рта больного камень и вмѣстѣ съ

мъ причину и корень болѣзни. Тяжко больныхъ выгоняютъ, какъ въ кронезіи, или задушаютъ, какъ въ Нукагивѣ. Въ Перу все врачеваніе главымъ образомъ основывалось на волшебствѣ, хотя тамъ были знакомы съ овопусканіями и прибѣгали даже къ слабительному, этому могучему таману врачей. По всей сѣверной Америкѣ у всѣхъ первобытныхъ пленъ врачи тѣ-же колдуны; больной — значитъ одержимъ бѣсомъ, а помy вся расправа съ злымъ духомъ: его нужно высосать, выплевать или якими тѣлесными истязаніями выпроводить вонъ.

Странно, что почти по всей Америкѣ такъ сильно распространены павыя бани и употребляются противъ всѣхъ болѣзней, особенно у мехицевъ, у древнихъ астековъ. Мы были-бы очень обижены, если-бы насъ подозрили, что мы въ этомъ видимъ племенное родство съ славянами.

Въ такихъ-же уморительныхъ (въ прямомъ значеніи слова) размѣрахъ ю леченіе у алеутовъ.

Готентоты также смотрятъ на всѣ болѣзни, какъ на порожденіе дьяа, злыхъ духовъ и колдуновъ, а потому и леченіе соотвѣтствуетъ этому рварскому воззрѣнію на предметъ. Впрочемъ, заклиная нечистую силу, лдунъ или колдунья при этомъ впихиваютъ въ ротъ больному аллопатискую дозу какого-нибудь снадобья, какъ наши гемеопаты, въ случаѣ добности, бросаютъ свои теоріи и закатываютъ больнымъ пріемы, котомъ позавидовалъ-бы любой аллопатъ. Достойно удивленія, что и здѣсь вторяется та-же церемонія съ извлеченіемъ изъ больного если не камня, кости изъ полости рта, носа, уха. Тяжко-больныхъ, старыхъ и безпощныхъ готентоты выбрасываютъ; умирающихъ толкаютъ и трясутъ, чтобы пугнуть и выжить демона болѣзни. Умирающаго осыпаютъ попреками, чѣмъ онъ своею смертью огорчаетъ родственниковъ, умоляютъ его остаться и не уходить туда, откуда ужь никто не приходитъ.

Есть у дикарей очень хорошій обычай, которымъ не мѣшало-бы позаимствоваться цивилизованнымъ европейцамъ. Если колдуну не удастся леченіе, то онъ подвергается большой опасности. Окружающіе, если не бьютъ, то, по меньшей мѣрѣ, преизрядно вздуютъ его. И это повсемѣстно, акъ въ Америкѣ, такъ и въ Африкѣ. Какой-то князекъ, страдавшій воспаленіемъ глазъ, долго подвергался всякимъ опытамъ колдуновъ. Наконецъ, рпѣніе его лопнуло, и онъ приказалъ ихъ всѣхъ извести, потому что ъ былъ глубоко убѣжденъ, что они могли, но не хотѣли его вылечить. якій несчастный исходъ болѣзни считается проявленіемъ болѣе могучаго лдовства, а потому колдуну отпускается и сильнѣйшій ударъ.

Введись у насъ такой обычай, какъ быстро поубавилось-бы разныхъ врачей-шарлатановъ!

Отсюда мы видимъ, что отсутствіе суевѣрія и предразсудковъ, умѣнье раціонально предостеречь себя отъ всякихъ міазмъ и во время принять мѣры къ устраненію своихъ болѣзней—великое преимущество цивилизованнаго человѣка въ сравненіи съ дикаремъ и самое могущественное подспорье въ борьбѣ за существованіе. Чѣмъ, слѣдовательно, въ народѣ больше людей цивилизованныхъ и развитыхъ, отрѣшенныхъ отъ міазмъ суевѣрія и гнили предразсудковъ, чѣмъ больше разлито въ массѣ народной простыхъ естественныхъ знаній и умѣнья эксплуатировать въ свою пользу природу, чѣмъ больше народъ умѣетъ охранять себя и противодѣйствовать вреднымъ космическимъ вліяніямъ, тѣмъ больше у него шансовъ стать выше, тѣмъ больше у него преимуществъ въ отстаиваньи своего существованія. А потому, кто противится распространенію въ народѣ образованія и элементарныхъ естественно-научныхъ знаній, тотъ врагъ своему народу, врагъ его настоящему преуспѣянію, врагъ его будущности, тормазъ его историческаго и соціальнаго развитія.

Мы рѣшились представить цѣлый систематическій рядъ преимуществъ, которыми обладаетъ культированный человѣкъ сравнительно съ дикаремъ, чтобы нагляднѣе обозначить предъ читателемъ всю важность этихъ преимуществъ, такъ-какъ въ нихъ заключается та плодотворная сила, которой европеецъ обязанъ своимъ современнымъ положеніемъ. Какъ часто мы слышимъ, что мужикъ ко всему привыкъ; само собою разумѣется, привыкъ ко всему дурному, а не къ хорошему, котораго онъ во всю жизнь, можетъ быть, ни разу не увидитъ, ни разу не ощутитъ. Неменьше возбуждаетъ въ насъ удивленія и то, какъ это, не смотря на отсутствіе всякой заботливости о своемъ физическомъ здоровьи, мужикъ все-же здраствуетъ, и съ дуру похваляется: «что русскому здорово, то нѣмцу смерть». И дѣйствительно, съ одной стороны привычка, съ другой вѣковое унаслѣдованіе этихъ привычекъ даетъ этимъ людямъ возможность переносить многое такое, что приводитъ насъ въ содроганіе и отъ чего у насъ мурашки бѣгаютъ по кожѣ. Еще большей славой въ этомъ отношеніи пользуются дикари. Такъ обитатели Огненной земли, эти самыя жалкія и тупыя существа нашей планеты, преспокойно наслаждаются жизнью, по увѣренію Дарвина, ничего лучшаго не желаютъ, какъ прозябать въ своемъ отвратительномъ климатѣ, подъ открытымъ небомъ, совершенно нагіе, спать на голой и мокрой (для легкости) землѣ, питаться самою скудною пищей,

рую достаютъ съ величайшимъ трудомъ. Эскимосы чувствуютъ себя хорошо въ своихъ снѣжныхъ пустыняхъ и ледяныхъ палаццо, новоландцы какъ-то умудряются существовать въ своихъ безплодныхъ сте- безплодныхъ до того, что хоть шаромъ покати, а жены ихъ свыкся-же съ жизнью полной вѣчнаго труда и тяготы; онѣ привыкаютъ самому жестокому обращенію, къ какому лишь способенъ привыкнуть вѣческій организмъ. Все это такъ. Но оборотная сторона картины ко не казиста. Не ждите здѣсь ни приращенія народанаселенія, ни ущаго и полнаго здоровья и полнаго физическаго развитія. Хотя льныя личности и встрѣчаются довольно здоровыя, но масса самая кая, сухопарая, поджарая: самое жалкое существованіе! Прибавьте къ что здѣсь-то подборъ и борьба за жизнь въ полномъ разгулѣ. Все ое, хилое быстро исчезаетъ, очищая мѣсто самымъ окрѣпшимъ органамъ, прошедшимъ огонь, воду и мѣдныя трубы. Эти-то окрѣпшіе оризмы, уцѣлѣвшіе отъ общаго погрома въ соціальной борьбѣ за свою нь, и представляются намъ тѣми закаленными натурами, здоровью коихъ мы удивляемся. Но чего это стоитъ имъ!

Впрочемъ, не одни лишь хилыя дѣти вымираютъ. Смертность дѣтей во- велика у народовъ, обставленныхъ неблагопріятными экономиче- и гигіеническими условіями, что мы видимъ на собственныхъ своихъ ихъ. Дѣтей у насъ умираетъ почти на половину, а есть и такіе медвѣжьи углы, гдѣ населеніе каждогодно терпитъ рѣшительную убыль, благодаря бѣдности и невѣжеству народа.

Обитатели Огненной земли, лишенные всякихъ средствъ защиты, подвергаютъ своихъ нагихъ дѣтей всѣмъ невзгодамъ своего суроваго климата. Почти всѣ индѣйцы Сѣверной и Южной Америки ведутъ теперь скитальческую жизнь; злосчастныя матери, привязавъ дѣтей къ дощечкѣ, таскаютъ ихъ съ собою по непроходимымъ дебрямъ первобытныхъ лѣсовъ и своими пеленаніями задерживаютъ ихъ естественное развитіе. Но невсегда до того доходитъ. Уже при самомъ появленіи на свѣтъ божій погибаетъ множество дѣтей. Повсюду господствуетъ обычай, что беременная незадолго до родовъ удаляется въ лѣсъ, одиноко, безъ чьей-либо помощи, рожаетъ, перевязываетъ и отрѣзываетъ пуповину, вслѣдъ за этимъ омываетъ и ребенка непремѣнно холодной водой и тогда уже возвращается во- си, но не для того, чтобы принимать велико-свѣтскіе поздравитель- визиты (до того-ли ей!), а снова запречь себя въ ярмо вѣчнаго и рительнаго труда. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ случаяхъ мать-

природа была искусная акушерка. При разныхъ косыхъ и кривыхъ
женіяхъ, при разныхъ неблагопріятныхъ столкновеніяхъ, она учи
такіе промахи, что сотни дѣтей падаютъ жертвами ея опрометчи
хотя она и привилегированная акушерка. Что остается на первых
рахъ въ живыхъ, то гибнетъ отъ самыхъ курьезныхъ способовъ вск
ванія. Хотя мать и кормитъ своихъ дѣтей собственной грудью, н
нихъ не хватаетъ молока, потому-что въ обычаѣ вмѣстѣ съ дѣтьм
кармливать разныхъ животныхъ, обезьянъ, собакъ, двуутробокъ и
На Таити и Гаваи свирѣпствуетъ сильная смертность дѣтей, по пр
недостатка ухода и вслѣдствіе насильственныхъ сдавливаній г
Очень интересенъ пріемъ на островѣ Тобо. Тамъ дѣти по рожде
свѣтъ тотчасъ-же получаютъ ту-же самую пищу, какой питаются взр
и хоть тресни, а они должны ѣсть. Понятно, что большинство с
рѣшается треснуть, чѣмъ питаться несвоевременной пищей.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой Гвинеи родильницѣ льютъ на
холодную воду безпрерывною струей и съ появленіемъ на свѣтъ млад
обоихъ купаютъ въ холодной водѣ, потомъ подвергаютъ обоихъ си
жару у пылающаго огня, вслѣдъ за тѣмъ снова поливаютъ холодно
дой и т. д. Будь у нихъ съ чего сойти съума, навѣрное всѣ сош
отъ такого усердія, между тѣмъ, какъ у нихъ тѣ дѣти и женщины
таются самыми здоровыми, которыя выдержали эту адскую пытк
дольше и при болѣе высокой температурѣ. «Ахъ, какъ все это смѣ
подумаетъ читатель. А какъ вы думаете, гдѣ у насъ рождается бол
ство великороссіянъ восточной полосы? Въ банѣ, непремѣнно въ
Пишущему эти строки не разъ приходилось возиться съ трудными р
въ баняхъ даже у мѣщанъ и крестьянъ болѣе состоятельныхъ.

Въ другой мѣстности той-же Гвинеи туземка положила только-чт
дившееся дитя на горячій песокъ и продолжала тутъ-же свою р
Когда-же подошли любопытные, она зарыла младенца въ песок
самую шею и продолжала свою работу. Вотъ и уходъ за дѣтьми! В
общественная гигіена!

Я разъ былъ свидѣтелемъ такой сцены въ Малороссіи. Трое с
женщина не могла разрѣшиться мертвымъ младенцемъ съ выпавшей
кой. Село было недалеко отъ города и я очутился, *по истеченіи т*
сутокъ, въ крестьянской избѣ, переполненной представительницами
ской интеллигенціи, повитухами, знахарками и т. п. которыя въ трое с
перепробовали всѣ способы и истощили все свое искуство. Вынувъ

о младенца и, передавъ окружающему люду, я хотѣлъ удалиться, къ былъ остановленъ единодушнымъ заявленіемъ присутствовать при гребеніи младенца *тутъ-же на порогѣ избы*, потому-что священникъ разрѣшилъ хоронить такого субъекта на кладбищѣ, какъ не очищен-го отъ первороднаго грѣха! Какъ видите, мы не далеко ушли съ на-ими преимуществами...

Но нигдѣ такъ дѣти не мрутъ, какъ въ Новой Голландіи. Тамъ изъ тырехъ дѣтей едва одно достигаетъ трехлѣтняго возраста. Какъ только ъ родился, его завертываютъ въ кожу опоссума, всюду таскаютъ съ бой, оставляютъ близко у огня и вообще обращаются съ нимъ какъ-льзя хуже. Это вѣчное шатанье—неизбѣжная причина страшной смерт-ости дѣтей. «По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ трудность пріобрѣтенія ищи, говоритъ Дарвинъ,—возрастаетъ и страсть къ перекочевкѣ, чѣмъ племя и удерживается in statu quo безъ всякихъ приращеній, хотя и е подвергается прямо голодной смерти». Къ тому-же жены туземцевъ скармливаютъ животныхъ въ одно время съ дѣтьми вовсе не изъ удоволь-ствія, а по крайней нуждѣ. При той рѣдкости дичи, которая тамъ попа-дается, собака самое драгоцѣнное животное. Ею дорожатъ, потому-что она кормилица цѣлой семьи. Все, что при ея помощи пріобрѣтается, съѣдается икъ, что ей и крошки не достанется, а потому мать семейства должна кормить своимъ молокомъ щенятъ, будущихъ питателей семьи.

Не меньшей, конечно, важности, въ соціальномъ отношеніи, то траги-ческое положеніе и то жестокосердое обращеніе, которому подвергаются нщины у первобытныхъ дикарей. Посмотрите, напримѣръ, что онѣ вы-ятъ въ Новой Голландіи. Бѣдныя женщины, неинтересныя даже въ тересномъ положеніи, должны слѣдовать по пятамъ за своимъ повели-лемъ и господиномъ, за безжалостнымъ мужемъ, со всѣмъ своимъ убо-гъ скарбомъ, съ парой ребятъ на спинѣ. А онъ шествуетъ впереди, ъ ноши, кромѣ охотничьихъ снастей. Гдѣ стойка, тамъ женщины должны яться всѣмъ: разбить палатку или воздвигнуть жилье, развести огонь, рва отыскать коренья и раковины, потомъ все это сварить, пригото-ъ все нужное для мужа и дѣтей. Малѣйшее упущеніе и верховный ея судья администраторъ творитъ надъ нею судъ и тутъ-же приводитъ въ ис-лненіе безъапелляціонный приговоръ, надѣливъ супругу пинками и ко-тушками. Лучшая пища достается на долю мужа и сыновьямъ; а объ-ки собакамъ или женѣ. И такова ихъ доля изо-дня въ день. Къ не-астью, половая зрѣлость ихъ наступаетъ довольно рано, и въ 11 или

12 лѣтъ онѣ уже выходятъ замужъ. Къ тому-же онѣ слишкомъ пр
жительно кормятъ ребятъ, подчасъ до 3 лѣтъ, иногда даже больше
или 6 лѣтъ. Все это слишкомъ гибельно отзывается на средней пр
жительности жизни этихъ несчастныхъ страдалицъ, этихъ безгла
матерей. Если къ тому прибавить, что тамъ новорожденныхъ дѣв
прямо истребляютъ, то намъ вполнѣ будетъ ясно, почему тамъ б
мужчинъ, чѣмъ женщинъ, въ отношеніи, какъ 1 къ 3. Такое-же
женіе женщинъ у дикарей Америки. Неудивительно послѣ этого, что
тели собственными руками убиваютъ своихъ дѣвочекъ, чтобы из
ихъ отъ ожидаемой тяжкой участи. Инымъ-же женщинамъ обуза
до того надоѣдаетъ и до того становится поперегъ горла, что онѣ
дятъ для себя лучшимъ средствомъ избавленія — самоубійство. Во
другихъ странахъ, обитаемыхъ дикарями, мы видимъ лишь варіа
ту-же тему. Значитъ это вовсе не фраза, что чѣмъ соціальное пол
женщины выше, тѣмъ дальше ушелъ народъ по пути цивилизаціи.-
семейному и общественному положенію женщины смѣло можно су
степени нравственнаго и умственнаго развитія общества. Бѣлинскій
шенно правъ, что «мѣркою достоинства женщины долженъ служить
чина, котораго она любитъ»; но относительно дикарей нужно нѣс
другое положеніе. Тамъ мѣркою достоинства женщины служитъ му
который ловче умѣетъ стрѣлять дичь и доставать пищу: о любви
рѣчи быть не можетъ. Неужели положеніе Бѣлинскаго требуетъ и
мѣненія лишь относительно дикарей? Не думаемъ... Да, хорошее,
ченное соціальное положеніе женщины — такое громадное преиму
цивилизованнаго европейца въ борьбѣ за существованіе, что ему
есть что-нибудь равное по важности и достоинству...

Преимущества цивилизованнаго человѣка неисчислимы. Всякая
его соціальнаго положенія носитъ на себѣ отпечатокъ увѣковѣ
опытомъ практичности, о которой первобытный дикарь не имѣ
малѣйшаго понятія, потому-что онъ знаетъ лишь интересы минуты
слѣдуетъ лишь минутную цѣль. Онъ не имѣетъ никакихъ видовъ
дущемъ. Вся обстановка его носитъ характеръ случайности. Онъ н
ко не разборчивъ въ пищѣ; онъ ѣстъ все, что попадаетъ под
Читатель изъ прежнихъ нашихъ статей знакомъ уже, какъ и чѣ
таются эти натуральныя дѣти природы, какъ они не пренебр
никакой гадостью и пожираютъ рѣшительно все, что съѣдомо.
нужно лишь прибавить нѣкоторыя черты, касающіяся этого пр

рь, пришедши въ ярость, уничтожаетъ все живое, встрѣчающееся на пути. Онъ истребляетъ животныхъ ради наслажденія и удовольствія: онъ убиваетъ ихъ цѣлыми массами, но не съѣстъ и сотой доли убитыхъ имъ звѣрей и все остальное бросаетъ; онъ и не думаетъ сдѣлать -нибудь запасы; онъ ни любитъ заботиться о завтрашнемъ днѣ. сть все уничтожать поддерживаетъ въ немъ постоянно духъ кровоюсти и коварства. Оттого у нихъ зачастую однимъ разомъ густо, а имъ—пусто. То они объѣдаются и утопаютъ въ довольствѣ, то терпятъ страшную нужду и голодъ. А когда голодъ насталъ, они не умѣютъ себѣ помочь, потому-что до сихъ поръ не завели у себя обществъ отворительности и вообще никакихъ филантропическихъ комитетовъ. дъ, такимъ образомъ, истребляетъ ихъ массами. Есть еще одна а, которая отличаетъ дикаря отъ цивилизованнаго человѣка. Это исленныя запрещенія разнаго рода пищи, большею частью лучъ сортовъ ея и это, конечно, не спроста, а на строго-религіозномъ ваніи. Почти по всей Америкѣ, въ Полинезіи и Австраліи, въ Новой ландіи женщинамъ, юношамъ и мальчикамъ воспрещается, что назыся, самая отборная лучшая пища, которою предоставлено лишь польться взрослымъ мужчинамъ, а подчасъ однимъ лишь старикамъ. Что- Увѣрьте нашего еврея, что поросенокъ съ хрѣномъ и со сметаной ъ вкусное блюдо. Посмотрите, сколько запрещеній у такого масти древностью и закаленнаго въ бою съ невзгодами народа, какъ евреи. ей не можетъ ѣсть никакой рыбы, непокрытой чешуей: еврей не етъ права жарить котлетку въ коровьемъ маслѣ; набожный еврей ни что не выпьетъ чаю со сливками тотчасъ послѣ мясного обѣда, еврею ьзя кушать сыру голландскаго или швейцарскаго, ни икры, ни колы, никакой дичи, убитой на лету; ему нельзя пить вина, приготоннаго всякимъ иновѣрцемъ; ему строго-на-строго запрещены раки бы, устрицы и черносливъ, въ которомъ завелись личинки насѣкоъ. Однажды умиралъ еврей и передъ самою смертью попросилъ рмить его такимъ попорченнымъ черносливомъ. На вопросъ окружаюъ, къ чему онъ учиняетъ грѣхъ въ минуту смерти, онъ отвѣтство-, что для него это обстоятельство будетъ полезно на томъ свѣтѣ. терпѣвая наказанія за свои прегрѣшенія, онъ узнаетъ, что мученія кончаются уже именно при наказаніи за черносливъ, потому-что это етъ послѣдній грѣхъ. Вообще евреямъ запрещено все, что есть луч-

II.

и мы представимъ самую низшую ступень человѣческаго существо- на которой едва замѣтны слѣды жизни, похожей на жизнь евро- и затѣмъ поднимемся до самаго высшаго уровня цивилизованнаго то намъ прежде всего бросится въ глаза громадная разница въ іяльномъ благосостояніи несчастнаго дикаря и развитого европейца. азница такъ велика, какъ велико разстояніе отъ безобразной, холод- зловонной юрты до кристальнаго дворца Лондона. Собственно, въ и состоитъ главное преимущество цивилизаціи. Она увеличиваетъ тва нашей жизни, даетъ намъ лучшія и болѣе легкія средства для ы съ окружающимъ міромъ и, дѣйствуя на матеріяльную сторону жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ и нравственный ея уровень. между-прочимъ облагораживаетъ отношенія между полами. Это такое ственное преимущество культурно-историческихъ народовъ сравнительно дикарями, что оцѣнить его сразу, по одному какому-нибудь благо- ому послѣдствію, было-бы крайне ошибочно и невѣрно. Кромѣ исчи- ыхъ нами выше преимуществъ, улучшенное положеніе женщины у изованныхъ народовъ ведетъ за собою болѣе или менѣе нормальную витость, между тѣмъ какъ забитая и загнанная женщина дикаря ется крайнимъ безплодіемъ, что уже само по себѣ составляетъ одну эгущественнѣйшихъ причинъ вымиранія первобытныхъ племенъ. Это е довольно рѣзко обозначается въ Полинезіи, на Марканзасѣ, въ на Таити, среди маорисовъ, а также въ Меланезіи, въ новой эдіи и даже въ Америкѣ. Явленіе это до того рѣзко бросилось въ естествоиспытателямъ и путешественникамъ, что многіе изъ нихъ его за особенность, исключительно свойственную низшимъ расамъ, о-то присущее ихъ организаціи, ихъ натурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, до- о странно, что у ботокудовъ, у макузи, у большинства бразиліян- племенъ, также-какъ у большинства сѣверо-американскихъ индѣй- жены имѣютъ очень мало дѣтей или вовсе ихъ не имѣютъ. Та- крайнюю безплодность причиняетъ, съ одной стороны, слишкомъ про- тельное кормленіе грудью дѣтей, съ другой,—нужда, рабская пода-

шаго въ современной гастрономіи. Не даромъ Вольтеръ сказалъ, что
ская религія не религія, а несчастье.

Каждый дикарь считаетъ себя подъ протекціей какого-нибудь
наго и никогда не позволитъ себѣ убить это животное, хотя
умиралъ съ голоду. Еврею можно раздавить паука, но *божія* к
пользуется симпатіей. Во многихъ мѣстахъ животныя считаются
начальниками племенъ и потому строго запрещено касаться и
Африкѣ у бетчуановъ, каждое изолированное племя имѣетъ свое
ное protégé. Такое животное для племени святыня; за нимъ нельзя
титься, его нельзя оскорблять. Когда одно племя хочетъ узнать,
животному поклоняются другое, то они спрашиваютъ другъ друга
вы танцуете?» Такимъ образомъ, есть франты, которые у дикарей
цуютъ льва, а у насъ разыгрываютъ роль льва, другіе танцуютъ
яну, и у насъ то-же исполняютъ эту трудную обязанность. Вс
предразсудки и суевѣрія, кромѣ смѣшной стороны, имѣютъ весьма
чальную, именно—они значительно уменьшаютъ и безъ того скудное
таніе дикарей. Понятно, насколько жизнь цивилизованнаго человѣка
обезпечена въ своемъ существованіи. Понятно, насколько люди,
ные отъ такихъ заблужденій, менѣе зависимы отъ всѣхъ случай

Нечего прибавлять, до чего вредны тѣсныя, неуклюжія, убогія
ща дикарей, въ которыхъ кишатъ миріады насѣкомыхъ и гнѣздится
мефитическая грязь,—гдѣ, несмотря на то, толпятся массы л
спятъ тамъ, какъ сельди въ бочкѣ. У иныхъ вовсе нѣтъ никакой
ты отъ непогоды, другіе роютъ себѣ норы въ землѣ и прикрываю
листьями. Что до ихъ костюмовъ, то объ нихъ и говорить не
какъ о вещи едва существующей. Все нами вышесказанное дос
характеризуетъ, съ одной стороны, жалкое положеніе дикарей
безсиліе стать выше, увеличиться въ числѣ; съ другой стороны,
зываетъ, какими громадными преимуществами обладаютъ люди
заціи. Неизбѣжное слѣдствіе жалкаго и убогаго соціальнаго пол
дикарей—вымираніе; результатъ преимуществъ цивилизаціи и умѣ
спользоваться этими преимуществами—прогрессивное развитіе. Въ
за существованіе всѣ шансы на сторонѣ преимуществъ, и чѣмъ б
число людей обладаетъ этими преимуществами, тѣмъ народъ с
тѣмъ надежнѣе его борьба.

II.

Если мы представимъ самую низшую ступень человѣческаго существованія, на которой едва замѣтны слѣды жизни, похожей на жизнь европейца, и затѣмъ поднимемся до самаго высшаго уровня цивилизованнаго быта, то намъ прежде всего бросится въ глаза громадная разница въ матеріяльномъ благосостояніи несчастнаго дикаря и развитого европейца. Эта разница такъ велика, какъ велико разстояніе отъ безобразной, холодной и зловонной юрты до кристальнаго дворца Лондона. Собственно, въ этомъ и состоитъ главное преимущество цивилизаціи. Она увеличиваетъ удобства нашей жизни, даетъ намъ лучшія и болѣе легкія средства для борьбы съ окружающимъ міромъ и, дѣйствуя на матеріяльную сторону нашей жизни, вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаетъ и нравственный ея уровень. Она между-прочимъ облагораживаетъ отношенія между полами. Это такое существенное преимущество культурно-историческихъ народовъ сравнительно съ дикарями, что оцѣнить его сразу, по одному какому-нибудь благотворному послѣдствію, было-бы крайне ошибочно и невѣрно. Кромѣ исчисленныхъ нами выше преимуществъ, улучшенное положеніе женщины у цивилизованныхъ народовъ ведетъ за собою болѣе или менѣе нормальную плодовитость, между тѣмъ какъ забитая и загнанная женщина дикаря отличается крайнимъ безплодіемъ, что уже само по себѣ составляетъ одну изъ могущественнѣйшихъ причинъ вымиранія первобытныхъ племенъ. Это явленіе довольно рѣзко обозначается въ Полинезіи, на Марканзасѣ, въ Гаваѣ, на Таити, среди маорисовъ, а также въ Меланезіи, въ новой Галландіи и даже въ Америкѣ. Явленіе это до того рѣзко бросилось въ глаза естествоиспытателямъ и путешественникамъ, что многіе изъ нихъ почли его за особенность, исключительно свойственную низшимъ расамъ, за что-то присущее ихъ организаціи, ихъ натурѣ. Въ самомъ дѣлѣ, довольно странно, что у ботокудовъ, у макузи, у большинства бразиліянскихъ племенъ, также-какъ у большинства сѣверо-американскихъ индѣйцевъ жены имѣютъ очень мало дѣтей или вовсе ихъ не имѣютъ. Такую крайнюю безплодность причиняетъ, съ одной стороны, слишкомъ продолжительное *кормленіе* грудью дѣтей, съ другой,—нужда, рабская пода-

вленность и вѣчное обремененіе непосильными трудами истощаютъ ихъ с
быя силы и кладутъ преждевременный конецъ ихъ жалкому существо
нію. Кромѣ того многія племена совершаютъ свои браки въ одномъ
томъ-же племени, а такъ-какъ нѣкоторыя изъ нихъ ограничиваются ч
не одной фамиліей, то можно безъ преувеличенія сказать, что они со
шаютъ свои браки въ одномъ семействѣ. Но такое кровное и родств
ное сближеніе неминуемо ведетъ къ уменьшенной плодовитости, а ст
быть и къ вымиранію, какъ это замѣчено, по увѣренію Чуди, у бо
кудовъ.

Слишкомъ ранніе браки — другое обстоятельство, располагающее
безплодію, особенно у племенъ, страдающихъ недостаткомъ женщи
Такъ въ Гвіанѣ за недостаткомъ женщинъ браки совершаются даже
наступленія половой зрѣлости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ избытокъ му
щинъ и недостатокъ женщинъ, напримѣръ, въ Новой Голландіи, им
послѣдствіемъ тотъ странный и весьма пагубный обычай, что молоды
дѣвушекъ отдавали тамъ за-мужъ за стариковъ и только послѣ сме
послѣднихъ, когда сами женщины уже переступали за первую молодо
ихъ снова бракосочетали съ юношами. То-же было у ирокезовъ.

Что въ этой безплодности женщинъ играетъ существенную роль жал
положеніе слабаго пола, доказывается тѣмъ, что явленіе это совершен
измѣняется къ лучшему тамъ, гдѣ положеніе женщинъ улучшено. Т
новозеландки съ европейцами и ботокудянки съ бѣлыми, а также,
очень важно, *съ неграми* даютъ очень обильный приплодъ. Это ничѣ
инымъ не можетъ быть объяснено такъ вѣрно, какъ болѣе спокойн
жизнью съ извѣстнымъ довольствомъ, какимъ пользуются женщины, с
диняясь съ иноплеменниками. Утверждать, что это послѣдствіе помѣси
высшей расой, было бы неосновательно, потому-что негры не выше
токудовъ, между тѣмъ фактъ плодовитости все-таки остается и пр
въ своей силѣ.

Любовь или привязанность къ дѣтямъ, безспорно, самое безкорыст
чувство, равномѣрно распредѣленное во всемъ животномъ царствѣ.
чѣмъ отличается это чувство у человѣка, вполнѣ развитого и образов
наго, отъ привязанности къ дѣтямъ, выражаемой дикарями? Дикарь л
битъ и воспитываетъ своего ребенка только въ личномъ интересѣ,
удовлетворенія своего самаго грубаго эгоистическаго чувства, и пот
только личнымъ интересомъ руководится онъ при воспитаніи и вскарм
ваніи своихъ дѣтей. Человѣкъ образованный и развитой любитъ и ч

ваетъ своихъ дѣтей въ интересѣ цѣлаго общества, съ соціальною ю, для пользы своей страны. Это — непроходимая бездна... То чеческое общество, которое выработало такой гражданскій взглядъ на й, стоитъ на незмѣримо-высокой степени развитія, и основы его соьнаго быта несокрушимы. Первые проблески такого строя замѣтны ь въ Греціи въ лучшую пору ея историческаго развитія, но во всей й силѣ принципъ этотъ вырабатывается новымъ свѣтомъ, представляихъ наилучшую высшую форму соціальнаго строя, какой когда-либо ѣлъ міръ. Но дикарь выражаетъ это чувство совсѣмъ иначе. Онъ расажается своими дѣтьми, смотря по обстоятельствамъ. Онъ ихъ, правда, бить со всею силою животной привязанности; но если они ему почемуо мѣшаютъ, онъ спѣшитъ отъ нихъ отдѣлаться тѣмъ или другимъ пуъ. Такъ готентоты придерживаются стариннаго обычая, въ силу кото- о они зарываютъ живьемъ грудныхъ дѣтей, какъ-скоро мать умерла. и являются на скверный людской свѣтъ двойни, то одно дитя непрено падаетъ жертвой. Бушмены, при семейныхъ ссорахъ, во время го-, который такъ часто посѣщаетъ ихъ, или при столкновеніи съ вра-, спѣшатъ избавиться отъ лишней обузы — дѣтей. Они это дѣлаютъ да просто изъ мести, когда одинъ изъ супруговъ хочетъ насолить ому. Это намъ напоминаетъ случай, какъ одна женщина отрѣзала себѣ , чтобы отомстить мужу и напакостить ему тѣмъ, что всѣ станутъ нимъ трунить, что у него безносая жена. Какъ-только бушменъ видитъ затрудненіе въ прокормленіи себя и дѣтей, онъ ихъ истребъ. Тамъ, гдѣ безпомощныя дѣти вызываютъ малѣйшее умственное физическое напряженіе дикаря, къ чему онъ нисколько не привыкъ, ь-какъ это вовсе не въ его натурѣ, тамъ дикарь видитъ въ дѣтяхъ ѣху своей жизни и устраняетъ эту помѣху самымъ звѣрскимъ способомъ. При такомъ взглядѣ на дѣтей ничего нѣтъ удивительнаго, что дикарь ается задушить это злосчастное созданіе еще въ утробѣ матери, а поу искуственный выкидышъ сильно распространенъ между всѣми дикаи вообще. Явленіе это, конечно, имѣетъ всевозможныя варіяціи. Атоки просто заботятся о выкидышѣ. Гуана большую часть дѣвочекъ убитъ при самомъ актѣ рожденія или зарываютъ ихъ живыми въ землю, ъ-что вскармливаютъ едва половину рождающихся дѣтей. У племени и существовалъ обычай, что новорожденнаго ребенка клали на порогъ если отецъ поднималъ его, то это означало, что онъ признаетъ его ниъ. Въ противномъ случаѣ ребенка убивали. Можно себѣ вообразить,

сколько дѣтей истребляло такое самодурство дикарей! Племя гуай просто изчезло съ лица земли, благодаря тому, что оно все собиралос щадить лишь послѣднее дитя; а такъ-какъ очень трудно разсчитат кое будетъ послѣднее, то оно довело себя до того, что изчезло съ земли. Основаніемъ такому обычаю, по увѣренію индіянокъ, послуж предположеніе, что отъ правильныхъ и современныхъ родовъ онѣ рѣются и дурнѣютъ, а имъ, видите-ли, необходимо сохранить свою соту. Въ сущности-же дѣло вовсе не въ томъ. Такъ-какъ они вѣчн дяжничаютъ и нерѣдко сами мрутъ съ голода, то для нихъ дѣйств но невозможно прокормить больше одного ребенка. А потому, какъ такая матрона чувствуетъ себя въ тягости (а не въ благословенн ложеніи), она ложится на землю, а окружающія ее бабы отпуска такіе сильные удары въ животъ, что вскорѣ показывается кровь, тѣмъ несчастный плодъ. Какъ назвать эту акушерскую операцію? ея такой-же, какъ послѣ цезарскаго сѣченія, потому-что боль тутъ-же умираетъ, а если какая и останется въ живыхъ, то о жизнь хирѣетъ и чахнетъ.

Карибы всегда убиваютъ одно дитя при появленіи на свѣтъ д съ одной стороны рожать двойни считается неприличіемъ — чело крыса, не кошка, не двуутробка, на самомъ дѣлѣ, чтобы сразу по нѣскольку экземпляровъ. Съ другой стороны, кто знаетъ, не ютъ-ли двойни супружескую невѣрность. Слабыя и уродливыя дѣти первобытныхъ спартанцевъ вовсе нетерпимы, а потому ихъ истр тотчасъ, чтобы избавиться отъ излишней обязанности возиться с Прекрасный полъ этихъ племенъ имѣетъ самыя разнообразныя травъ, чтобы произвести выкидышъ; притомъ въ различныхъ мѣст эта операція совершается въ различное время, смотря по тому, считается цѣлесообразнѣе для красоты и здоровья. Даже у куль народовъ Америки господствовалъ тотъ-же обычай. Мехиканцы с на двойни, какъ на вѣрный признакъ, означающій смерть отца или а потому старались предотвратить этотъ приговоръ судьбы смерть изъ дѣтей. Въ Перу двойни также считались дурнымъ предзнамен для родителей, почему тамъ спѣшили умилостивить судьбу или пр тельнымъ постомъ, или умерщвленіемъ одного ребенка. Дорійскія ж убивали дѣтей, чтобы сохранить свою красоту.

Тѣ-же обычаи свирѣпствуютъ въ Новой Голландіи. Кромѣ пр причинъ дѣтоубійства, здѣсь замѣчательны слѣдующія. Трудные

причиняющіе сильную боль, служатъ яснымъ доказательствомъ, что плодъ одержимъ злымъ духомъ, а потому такихъ субъектовъ немедленно убиваютъ. Той-же участи подвергаются всѣ дѣти, происходящія отъ европейскихъ родителей, если послѣдніе бросаютъ мать на произволъ судьбы. И вообще дѣти, рожденныя отъ иноплеменниковъ, особенно мальчики, немедленно истребляются, дѣвочки-же и безъ того истребляются. Такъ, каждая мать считаетъ своимъ долгомъ убить если не вторую, такъ, по крайней мѣрѣ, третью дѣвочку. Случается даже и такъ, что родители за лучшее предпочитаютъ сожрать своихъ новорожденныхъ дѣтей. Какъ при такихъ обстоятельствахъ ожидать приращенія и увеличенія народонаселенія? Какого ждать добра отъ такихъ всесокрушающихъ міровоззрѣній? Какія преимущества можетъ противоставить такой народъ въ борьбѣ за существованіе при столкновеніи съ цивилизованнымъ народомъ и какъ ему не вымирать, когда собственная умственная тупость является его первымъ и самымъ страшнымъ врагомъ.

Но нигдѣ нѣтъ такого систематическаго истребленія дѣтей, какъ на островахъ Океаніи вообще. Такъ, въ Микронезіи ни одна мать не можетъ возрастить больше трехъ дѣтей: всѣхъ остальныхъ она должна истребить. На всѣхъ этихъ островахъ мѣстное правительство заботится о предупрежденіи чрезмѣрнаго размноженія населенія и съ этой цѣлью принимаетъ мѣры, чтобы тѣмъ или другимъ путемъ устранить излишекъ. Здѣсь, значитъ, законъ Мальтуса практикуется de facto и господствуетъ во всей своей силѣ. Такая предусмотрительность нашла себѣ подражаніе, если не въ количественномъ отношеніи, то, по меньшей мѣрѣ, въ качественномъ въ системѣ наполеоновскаго растлѣванія и гнета; эта система зорко слѣдила, чтобы въ странѣ не было избытка и излишка людей интеллигентныхъ, развитыхъ и всегда старалась удалить ихъ во всевозможныя Кайены. Этимъ, конечно, достигалась та-же цѣль, какъ и въ Микронезіи. Какъ въ Микронезіи нельзя было опасаться избытка лишнихъ ртовъ, такъ въ наполеоновской Франціи спокойно можно было спать, пока разные Пьетри удаляли излишекъ слишкомъ пылкихъ и мыслящихъ головъ.

На Таити дѣтоубійство до того въ ходу, что объ немъ говорятъ нисколько не стѣсняясь, какъ о самой обыденной вещи и, по меньшей мѣрѣ, двѣ трети дѣтей истребляется съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Первые дѣти до третьяго включительно обыкновенно умерщвляются, двойни тоже самое и ужь непремѣнно. Отсюда, съ одной стороны, роды быстро слѣдуютъ одни за другими, съ другой стороны, вовсе не рѣдкость встрѣтить женщину,

которая обагрила свои руки кровью 4, 6, 8, 10 и даже большаго числа дѣтей, за то нельзя встрѣтить ни одной почти, которая была-бы свободна отъ этой неумышленной жестокости. Тамъ была ассоціація Ареонсъ, члены которой обязаны были строго подчиняться закону, предписывавшему истребленіе всѣхъ дѣтей, и кто преступалъ этотъ законъ — немедленно былъ исключаемъ изъ общества. Какъ исключеніе, дозволялось лишь господствующимъ князьямъ оставить въ живыхъ первенца-сына, а знатнѣйшіе члены обязаны были старшее въ родѣ дитя и всѣхъ дѣвочекъ непремѣнно умерщвлять. На островахъ Товарищества два путешественника Вилліамъ и Беннетъ хотѣли освѣдомиться, какъ сильно распространено тамъ дѣтоубійство. Сидя въ комнатѣ, въ которой тутъ случайно сошлось нѣсколько женщинъ, они обратились къ нимъ съ вопросомъ, сколько дѣтей каждая изъ нихъ истребила на своемъ вѣку, и получили слѣдующій отвѣтъ: одна убила 9 дѣтей, другая 7, третья 5; всѣ трое вмѣстѣ 21 дитя! Одна особа, умирая, созналась, что она доконала 16; а какой-то знатный начальникъ удовлетворился лишь 19 дѣтоубійствами. И все это дѣлается изъ опасенія, чтобы не дать разростись народонаселенію на островѣ, гдѣ отецъ, вскармливающій четырехъ дѣтей, считался бы самымъ несчастнымъ страдальцемъ, до крайности обремененнымъ непомѣрной нуждой.

Способъ умерщвленія дѣтей отличается необыкновеннымъ разнообразіемъ. Какъ хотите, а изобрѣтательность людская на гадости также талантлива, какъ и на хорошія дѣла, если на первыя не больше, чѣмъ на послѣднія. Дѣтямъ накладываютъ на ротъ мокрую тряпку или сжимаютъ гортань пальцами, или просверливаютъ голову заостреннымъ бамбукомъ еще въ утробѣ матери, или въ минуту появленія на свѣтъ,—или, наконецъ, зарываютъ живыми въ землю, причемъ самая земля не касается ребенка непосредственно, а изъ нея образуютъ сводъ. Все это еще ничего. Но вотъ болѣе утонченная манера, достойная незабвенной инквизиціи: новорожденному ломаютъ пополамъ конечные суставы на пальцахъ рукъ и ногъ и, если младенецъ настолько упоренъ, что не соглашается испустить духъ отъ этой операціи, то ее совершаютъ дальше надъ мыщелками. Если и послѣ этого смерть не беретъ, то очередь за локтевымъ и колѣннымъ суставами. Если ребенокъ все-таки упорствуетъ и продолжаетъ жить, то, понятное дѣло, ничего больше не остается дѣлать, какъ задушить его. И все это дѣлается съ самымъ благочестивымъ намѣреніемъ. Какъ инквизиція сотнями сожигала еретиковъ во славу Божію, такъ и дикари совершаютъ эту чудовищную жестокость единственно изъ высокаго уваженія къ

душѣ ребенка; ибо души умерщвляемыхъ, воображаемыя въ образѣ стрекозы, все-таки считаются священными и пользуются уваженіемъ. Почти въ каждой деревнѣ, какъ въ любой европейской тюрьмѣ палачи, находятся сейчасъ же охотники, избирающіе дѣтоубійство своимъ спеціальнымъ ремесломъ. Вотъ что странно. Въ случаѣ, если не найдется такого мастера и ребенокъ проживетъ хотя бы четверть часа, то его уже убить никакъ нельзя и тогда онъ становится нѣжно любимымъ своими родителями дѣтищемъ. Чѣмъ это лучше, чѣмъ это уступитъ круповскимъ пушкамъ, митральезамъ, игольчатымъ ружьямъ, бомбамъ, начиненнымъ нитроглицериномъ, и другими изобрѣтеніями, придуманными, благодаря цивилизованнымъ дикарямъ, для истребленія рода человѣческаго? И откуда такая заносчивость у quasi-цивилизованныхъ дикарей, гордящихся этими богопротивными изобрѣтеніями и щеголяющихъ этими безчеловѣчными жестокостями? И кто больше заслуживаетъ названія дикаря, — отаитянинъ, ломающій суставы новорожденнаго ребенка, или пруссакъ, толкающій въ пылающій огонь безсильную старуху? предоставляемъ судить читателю.

Одно изъ капитальнѣйшихъ преимуществъ, которыми цивилизація и культура наградили образованнаго человѣка, заключается, по нашему крайнему разумѣнію, въ томъ, что онъ цѣнитъ свою жизнь, дорожитъ своимъ здоровьемъ и съ такимъ же уваженіемъ относится къ жизни и здоровью другихъ. Дикарь ни во что не ставитъ свое тѣло, у него жизнь — копейка, здоровье — предметъ, нестоющій особеннаго вниманія. Такъ же грубо смотритъ онъ на жизнь и здоровье другихъ людей, а потому человѣческія жертвоприношенія, канибализмъ и самыя истребительныя войны, сопровождаемыя всевозможными варварскими пріемами, считаются у дикарей дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Такъ, во Флоридѣ при смерти господина умерщвляли всѣхъ его женъ и всю прислугу, чтобъ она ему служила на томъ свѣтѣ, гдѣ она ему тоже понадобится для тѣхъ же цѣлей, какія выполняла на землѣ. Тамъ же приносили въ жертву солнцу перворoднаго сына. Жертвоприношенія дѣтей были довольно часты въ Виргиніи, въ Новой Англіи, у племени сіу. У карибовъ, при смерти военноначальниковъ, нѣсколько женъ хоронили вмѣстѣ съ нимъ живыми, а знатныхъ господъ сопровождалъ на тотъ свѣтъ непремѣнно одинъ изъ его рабовъ, котораго также живого зарывали въ землю. Все это цвѣточки; посмотримъ на ягодки. Человѣческія жертвоприношенія, которыхъ требовала религія культурныхъ народовъ Америки, превосходятъ всякое вѣроятіе, и происхожденіе этого обычая теряется въ самой допотопной древности. Насъ

въ этомъ случаѣ даже нисколько не утѣшаетъ, что явленіе это вытекаетъ изъ самой глубокой религіозности и не основывается на жестокости. Людямъ вовсе оттого не легче, что та или другая колоссальная гадость опирается на такую же колоссальную глупость. Этимъ лишь объясняются, но нисколько не оправдываются, всѣ человѣческія заблужденія. Утѣшительно развѣ лишь то, что съ успѣхомъ цивилизаціи глупости людскія уменьшаются въ количествѣ и размѣрахъ. Такъ индо-германскія племена и семиты во время оно также отличались этой дикой набожностью и истребляли другъ друга во имя религіи. Теперь, по крайней мѣрѣ, это исчезло изъ ихъ народныхъ обычаевъ. Жертвоприношенія людей въ древней Мехикѣ были ужасны. Во время открытія Америки епископъ Зумаррага насчитывалъ до 20,000 жертвъ ежегодно; въ главномъ городѣ и его окрестностяхъ ежегодно приносилось въ жертву 2,500. Овіедо утверждаетъ, что Монтезума ежегодно приносилъ въ жертву до 5,000; при какомъ-то праздникѣ въ городѣ Тласкала ежегодно падало 800 жертвъ. Въ случаѣ какого-нибудь общественнаго несчастья, напримѣръ, засухи, неурожая, число жертвъ увеличивалось. Освященіе главнаго храма въ Теноттитланѣ, по словамъ Торквемады, стоило 62,344 жизней, а по другимъ источникамъ до 80,000 жизней. Изъ череповъ этихъ жертвъ устраивались пирамиды и такая пирамида въ главномъ мехиканскомъ храмѣ содержала 136,000 череповъ. Кромѣ того, каждый маленькій праздничекъ требовалъ хоть нѣсколько жертвъ, а большой многихъ и очень многихъ. Смерть знатной особы была въ тоже время смертью для всѣхъ его женъ и рабовъ, потому что на 4, 20, 40 и 80 день совершались по немъ тризны, стоившія жизни десяткамъ людей. Въ Гватемалѣ квихи и въ Никарагуѣ толтеки также были щедры на человѣческія жертвоприношенія, какъ и мехиканцы. Въ Дохіи при смерти властелина любимыя имъ жены отравлялись.

Въ Перу для жертвоприношенія употреблялись военноплѣнные и притомъ въ особенно-торжественныхъ случаяхъ. Но при смерти любого инка до 1,000 женъ и рабовъ добровольно лишали себя жизни, чтобы и на томъ свѣтѣ служить своему господину. Это платоническое холопство совершенно въ правахъ невѣжественной и суевѣрной толпы, на какой бы соціальной ступени она ни стояла. Больше-же всего здѣсь доставалось на долю несчастныхъ дѣтей. Какъ только заболѣвалъ какой-нибудь знатный баринъ, тогда немедленно приносили въ жертву божеству одного изъ его дѣтей, въ полной увѣренности, что божество удовлетворится этой замѣной, за-

..тителемъ, подставой. При выступленіи въ походъ, при заболѣваніи ..дыки и при его миропомазаніи приносились въ жертву мальчики, рѣже ..вочки, въ возрастѣ отъ 4 до 10 лѣтъ и въ числѣ отъ 200 до 1,000. ..койнику отъ одного уха до другого проводили кровавую полосу изъ ..ови жертвы; все это дѣлалось въ угоду божеству, которое особенно лю.. ..ло дѣтей. Это доказывается тѣмъ, что дѣти охотно шли на встрѣчу ..ерти: ихъ увѣряли, конечно, что имъ достается лучшая доля. Такое ..стематическое истребленіе дѣтей лучше всего доказываетъ, съ какимъ ..небреженіемъ относится дикарь къ своей и чужой жизни и до какого ..вращенія всякаго здраваго смысла можетъ довести человѣка одолѣваю.. ..ая глупость.

Но нигдѣ въ такихъ размѣрахъ не совершались человѣческія жертво..ношенія, какъ на островахъ Фиджи. Совершеннолѣтіе любого изъ сы..вей военноначальниковъ празднуется особымъ торжествомъ. Однажды для ..кого празднества былъ уничтоженъ цѣлый городъ, всѣ жители умерщ..лены, собраны въ кучу, на нее наложили слой рабовъ и сверхъ всего ..того усѣлся новопосвященный виновникъ торжества. Всѣ претерпѣвшіе ..раблекрушеніе и приставшіе къ ихъ берегу должны быть убиты. Это ..ъ неоспоримое вѣрованіе, и кто этого не сдѣлаетъ, самъ можетъ пре..рпѣть кораблекрушеніе. Состарѣвшіеся родители погребаются заживо ..оими дѣтьми, а больныя дѣти своими родителями, и это по личной ини..ціативѣ и по собственному желанію жертвы, потому что всѣ онѣ глубоко ..вѣрены, что послѣ такого рода смерти сразу онѣ переселяются въ иную, ..чшую жизнь. Вотъ причина, почему такой обычай практикуется съ чув..ствомъ искренней привязанности, и отсюда, конечно, понятно, что очень ..ало людей умираетъ своею естественною смертью. Надъ могилой и при ..хоронныхъ процессіахъ воеводъ человѣческія жертвы также обыкновенны, ..къ и многочисленны, причемъ первенство оспариваютъ любимыя жены ..болѣе преданные рабы. Мать, любимый сынъ которой умеръ, отправ..ется вслѣдъ за нимъ въ могилу; другъ сопровождаетъ друга. Глупыя ..ртвы до того увѣрены въ возмездіи на томъ свѣтѣ, что онѣ торопятся ..къ можно скорѣе покончить съ жизнью, а потому жены сами налагаютъ .. себя руки, если никто не хочетъ оказать имъ этой услуги. Приведемъ ..ѣдующій, весьма интересный, случай: какой-то островитянинъ Фиджи .. силу какого-то состраданія не задавилъ своего плѣнника и отказалъ ..оему божеству въ этой жертвѣ, и что-же? божество приснилось ему, ..озно укоряло его въ такомъ ужасномъ упущеніи и до того терзало его,

что несчастный островитянинъ чуть не впалъ въ бѣшенство. О, часто люди свои болѣзненныя, разстроенныя фантазіи принимаютъ велѣнія свыше, и какъ часто люди въ самыхъ важныхъ своихъ се и общественныхъ дѣлахъ руководствуются разными предчувствіями, видѣніями, грезами и ложными ощущеніями.

При закладкѣ и освященіи домовъ и разныхъ зданій, храмовъ и рень, считалось непремѣннымъ условіемъ человѣческое жертвопри Обычай этотъ былъ распространенъ по всему свѣту. Древніе строго соблюдали этотъ обрядъ. Финикійскіе города считались за ванными отъ непріятеля, когда у всѣхъ городскихъ воротъ за людей. У индо-германскихъ племенъ обычай этотъ былъ въ ходу, и слѣды его до сихъ поръ замѣтны: такъ, въ южномъ самое маленькое дитя дома погружается босикомъ въ холодную вод чтобы ее задержать. Тотъ-же обычай имѣлъ мѣсто и у слав кельтовъ, гдѣ до сихъ поръ употребляютъ разныхъ животныхъ кланіе. Это доказываетъ, что животныя здѣсь заступили мѣсто нихъ человѣческихъ жертвоприношеній. То-же значеніе, по всей ности, имѣетъ то множество череповъ, которыми украшены входы рецъ, городскія ворота и общественныя площади въ Дагомеѣ и мейскаго короля. Особенно-же этотъ обычай доведенъ до чрез на островахъ Фиджи. Тамъ всякую вновь отстроенную ладью не спустить въ море по тѣлу живыхъ рабовъ, чтобы застраховать бурь и несчастій. Въ каждомъ, вновь строющемся, зданіи каждый чтобы онъ прочно держался, долженъ обхватить рабъ и заживо быть схороненъ, задавленъ, на что всегда можно найти охотни надеждѣ на хорошее вознагражденіе въ царствѣ тѣней. Въ Новой діи средній столбъ зданія всегда долженъ былъ покоиться н кучѣ труповъ. Тотъ-же обычай и въ южной Америкѣ: дворецъ опирался на груду дѣвичьихъ труповъ, а фундаментъ и столбы питаны человѣческою кровью. Въ Малороссіи, при постройкѣ дом чіе вырѣзываютъ изъ дерева изображеніе гуся или утки и укр это изображеніе въ верхушкѣ лѣсовъ, окружающихъ зданіе. Нѣт нія, что это символъ прежнихъ жертвоприношеній. Всѣ эти человѣческія жертвоприношенія служатъ одною изъ могуществен причинъ вымиранія первобытныхъ народовъ и доказываютъ, стороны, какъ ничтожна жизнь людская въ глазахъ дикихъ и другой стороны, громадны преимущества въ этомъ отношеніи

родовъ цивилизованныхъ. Незнаешь, чему скорѣе удивляться, тому-ли, что рвобытныя племена вымираютъ, или, вѣрнѣе, тому, какъ они при тахъ условіяхъ давнымъ-давно не изчезли съ лица земли безслѣдно. Искувенный выкидышъ, дѣтоубійство и жертвоприношенія, казалось-бы, доэточно свидѣтельствуютъ, какъ мало цѣнитъ дикарь человѣческую изнь и какъ ничтожны въ его глазахъ именно тѣ отношенія, которыми вилизованный человѣкъ больше всего дорожитъ. Однако, въ жизни карей есть явленія, которыя еще рельефнѣе характеризуютъ, какъ гру и ограниченны ихъ понятія о жизни. Это именно война и особенно долоѣдство, канибализмъ. Но война—понятіе весьма условное. Читатель, акомый съ холодомъ военныхъ событій современной прусско-французой рѣзни, впадетъ въ грубую ошибку, если онъ подумаетъ, что дика также запасаются разными Шаспо и истребляютъ другъ друга по ѣмъ правиламъ тактики и стратегіи. Тотъ способъ войны, котораго идерживаются современные представители высшей цивилизаціи, выстуиющіе въ открытое поле и подвергающіе свою жизнь очевидной опасноі, въ глазахъ первобытнаго человѣка—величайшая глупость. Все искуво военнаго дикаря, по его понятіямъ, состоитъ лишь въ умѣньи подеречь врага, внезапно на него напасть или устроить засаду, почему ъ старается проявить не храбрость, а быстроту, лукавство, хитрость, вагу или смѣлость. Но за-то у нихъ война нескончаема, потому что ѣчно найдется не одинъ поводъ къ войнѣ; то у нихъ возникаютъ споры зъ-за границъ, то кипитъ въ нихъ чувство мести изъ-за кровной обиды, о они въ большинствѣ случаевъ становятся самымъ безсознательнымъ, лѣпымъ орудіемъ борьбы за существованіе, выражаемой непримиримой одовой ненавистью и національной враждой. Все это ежеминутно даетъ мъ все новую и новую пищу къ самой ненасытной кровожадности. Такъ ѣверо-американскіе дикари очень воинственны и всю жизнь свою посвяцаютъ дѣлу взаимнаго истребленія безъ всякой благовидной причины, езъ малѣйшаго осмысленнаго повода. Но этотъ скрытный, можно скаать, трусливый способъ войны ведетъ къ самымъ гибельнымъ послѣдтвіямъ. Они ведутъ кровопролитнѣйшія войны, потому что неприготоленный, обезоруженный дикарь при внезапномъ нападеніи совершенно еряется и тогда врагъ не знаетъ пощады. Жены, дѣти, и старъ и ладъ—все падаетъ подъ жестокими и безпощадными ударами врага, оторому необходимо какъ можно больше скальповъ *), такъ какъ эта

*) Кожа, содранная съ головы.

добыча считается величайшею воинскою доблестью. Въ Виргиніи, особенно у гуроновъ, женъ и дѣтей сперва обращали въ рабство, но если война затягивалась и обѣ стороны ожесточались, то побѣдитель забывалъ всякое чувство состраданія и кровопролитіе обыкновенно продолжалось до тѣхъ поръ, пока рука не отказывалась больше служить отъ истощенія физической силы. Да... но этого рода война имѣла для дикарей всегда самое роковое значеніе; она всегда угрожала существованію цѣлыхъ народовъ и всегда была самою могущественною и самою непосредственною причиною вымиранія. Этимъ однимъ путемъ положительно изчезли съ лица земли цѣлыя племена сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Если къ этому присоединить еще людоѣдство, которое, хотя у сѣверо-американскихъ дикарей не было слишкомъ распространено, тѣмъ не менѣе значительно проявлялось, то намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, что вымираніе дикихъ племенъ—явленіе слишкомъ обыкновенное и не имѣетъ въ себѣ ровно ничего загадочнаго. Тутъ даже ненужно такъ-называемаго «дуновенія цивилизаціи», чтобы истребить населеніе цѣлыхъ полосъ земли. И дѣйствительно многія племена изчезли и изчезаютъ безслѣдно, особенно если истребленіе ихъ опирается на религіозный принципъ. Такъ у многихъ сѣверо-американскихъ племенъ существовали цѣлыя общества, которыя питались человѣческимъ мясомъ для пріобрѣтенія какихъ-то воображаемыхъ, сверхъестественныхъ силъ. Другія племена ограничивались тѣмъ, что добывали лишь сердце пораженнаго ими плѣннаго врага и съѣдали или изъ мести, или въ надеждѣ, что сила и храбрость врага перейдетъ къ тому, кто сожретъ это сердце. Такъ, цивилизованный дикарь мечтаетъ, что съ пріобрѣтеніемъ профессорской кафедры онъ сдѣлается обладателемъ потребныхъ для этого качества и свойствъ.

Еще сильнѣе свирѣпствовала война и еще болѣе было распространено людоѣдство въ южной Америкѣ. Здѣсь-то и жило то отвратительное племя, которое свое названіе канибалы передало самому гнусному явленію, извѣстному съ тѣхъ поръ подъ именемъ канибализма. Первоначальное мѣсто ихъ жительства были Антильскіе острова. Отсюда, по разсказамъ Колумба, они дѣлали опустошительные набѣги на сосѣднія страны, проникали подчасъ довольно далеко въ глубь материка, чтобы достать себѣ женъ, а мужчинъ они убивали и пожирали также, какъ и дѣтей, прижитыхъ съ плѣнными женщинами. Даже жены ихъ были страшно воинственны и до того самостоятельно дрались съ врагами, что сказаніе объ амазонкахъ, такъ часто повторяющееся въ сѣверной части

ной Америки, вѣроятно, обязано своимъ происхожденіемъ этимъ необык-енным женщинамъ.

Если мы теперь обратимъ вниманіе на то, что племя туни было безум-храбро и воинственно и что оно также, какъ и гуарана, питалось овѣческимъ мясомъ, если сообразимъ, что почти всѣ южно-американ- племена отличались неимовѣрною храбростью и были между собою постоянной и вѣчной войнѣ, такъ-какъ они всѣ были канибалами, обенно-же племена гуайкурусъ, тобосъ, абиноны, патагонцы и жители енной земли,—если сообразимъ, что всѣ эти племена занимались истре-еніемъ мужчинъ, женъ-же и дѣтей обращали въ рабство, то намъ бу-тъ совершенно ясно, почему численность этихъ племенъ значительно еньшалась и теперь продолжаетъ уменьшаться. Сильное людоѣдство сподствовало и въ Мехикѣ. Рабы и военно-плѣнные, принесенные въ ртву, вслѣдъ затѣмъ были пожираемы, а у племени опитолиссъ чело-ческое мясо открыто продавалось на рынкѣ. Этотъ обычай до того ъ былъ въ обыкновеніи, что объ этомъ говорили также просто, какъ асъ о баранинѣ. Воображаемъ положеніе испанцевъ, когда дикари ска- и имъ, что ихъ мясо горькаго вкуса!

Еще интереснѣе военное искуство и людоѣдство на островахъ Океаніи ъ Австраліи. Собственно говоря, въ Австраліи битвы не отличаются имъ кровопролитіемъ, какъ недавняя прусско-французская рѣзня. Тамъ кновенно сойдутся двѣ враждебныя партіи, въ 200 человѣкъ каждая, сначала долго и сильно ругаютъ одна другую на чемъ свѣтъ стоитъ; омъ онѣ наступаютъ другъ на друга и начинаютъ метать свои копья, а кого-нибудь не поранятъ. Тотъ поднимаетъ ужаснѣйшій крикъ, и да битва прекращается. Подумайте, какую тоску и скуку нагналъ-бы ой способъ войны на французовъ и пруссаковъ, считающихъ себя съ далеко ушедшими въ цивилизаціи и такъ неизмѣримо выше стоя-ми австралійскихъ дикарей. Послѣдніе, однакожъ, не уступятъ пер-ъ ни въ мужествѣ и храбрости, ни въ силѣ и стойкости, а въ умѣньи еносить физическую боль и всякія лишенія дикаря эти поспорятъ съ бымъ цивилизованнымъ народомъ Европы. При всеобщей враждебности ѣхъ племенъ между собою въ Австраліи, при постоянныхъ войнахъ изъ- самыхъ пустыхъ поводовъ, и при томъ способѣ вести войну, котораго и придерживаются, стараясь напасть на спящихъ и безоружныхъ, ни-го нѣтъ удивительнаго, что войны у нихъ безконечны, ибо они нико- а не могутъ вполнѣ утолить свою жажду мести. Понятно, что все это,

вмѣстѣ взятое, не можетъ не имѣть самаго пагубнаго вліянія какъ на ихъ численность, такъ и на существованіе ихъ вообще. И нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти войны—одна изъ могущественныхъ причинъ ихъ вымиранія.

Еще хуже эти отношенія въ Меланезіи. На островѣ Тана свирѣпствуетъ вѣчная вражда между отдѣльными племенами и всякое частное оскорбленіе влечетъ за собой общественную войну и ненасытнѣйшій каннибализмъ: убитыхъ враговъ рѣжутъ въ куски, варятъ ихъ мясо съ кореньями ямсъ, цвѣтныхъ они всегда предпочитаютъ бѣлымъ (противны на вкусъ, должно быть) и, въ знакъ особаго расположенія къ друзьямъ и знакомымъ, разсылаютъ имъ отдѣльныя порціи. На островахъ Эрроманго и Маре до того неистовствовала война и людоѣдство, что даже не щадили ближайшихъ родственниковъ. Только-бы попались въ плѣнъ,—ихъ тотчасъ же убиваютъ и жрутъ. На островѣ Луизіада, по увѣренію лучшаго знатока этихъ острововъ, Марздена, господствуетъ самый грубый каннибализмъ. Тамъ пожираютъ и друга, и недруга, само собою разумѣется, умершихъ также, какъ и убитыхъ. Обитатели острова Изабелла—отчаянные воины и самые грубые людоѣды. Нѣкоторыя племена Новой Гвинеи убиваютъ всякаго, кто имъ попадается подъ руку, чтобы добыть, по возможности, больше головъ, потому что считается большимъ подвигомъ имѣть ихъ побольше,—и вотъ, въ силу этой одной грубой причины и исключительно для одной этой цѣли тамъ возникаютъ самыя упорныя и самыя кровопролитнѣйшія войны. Нужно-ли еще что-нибудь таинственное или загадочное для объясненія вымиранія первобытныхъ племенъ?

Каждое явленіе въ природѣ какъ-будто за правило себѣ поставило имѣть различныя степени, начиная отъ maximum'а и доходя до minimum'а. Взаимное истребленіе и людоѣдство также варьируютъ въ различной формѣ, но нигдѣ эти явленія не достигали такихъ формъ и не дошли до такихъ крайностей, какъ на островахъ Фиджи. Тамъ жизнь человѣческая потеряла всякую цѣнность, какъ товаръ совершенно вышедшій изъ употребленія и неимѣющій никакого запроса на мірскомъ рынкѣ. Тамъ вѣчная война: кто-нибудь съ кѣмъ-нибудь да воюетъ, кто-нибудь кого-нибудь да преслѣдуетъ, и ужь, конечно, никоимъ образомъ не на животъ, а на смерть. Ложь, коварство, обманъ, предательство и измѣна какъ будто тамъ и родились, выросли и воспитались до такой рѣдкой виртуозности, что довѣріе и безопасность тамъ немыслимы. не смѣютъ обнаружить такъ и тѣни своего существованія. Вотъ почему тамъ никто не смѣетъ выйти

оружія изъ опасенія внезапнаго и коварнаго нападенія; даже самые
жайшіе родственники не смѣютъ полагаться другъ на друга: до того
ь необходимо быть осмотрительнымъ. И это, конечно, не безъ самой
вательной причины, потому-что при своихъ нападеніяхъ они не знаютъ
малѣйшей пощады: все падаетъ подъ ихъ ударами, такъ что цѣлыя
сти опустошаются и вымираютъ. При такомъ звѣрскомъ настроеніи,
его нѣтъ мудренаго, что людоѣдство процвѣтаетъ тамъ такъ, какъ
дѣ больше на всемъ бѣломъ и черномъ свѣтѣ. Въ глазахъ тамошнихъ
рей вовсе нѣтъ людей, а водятся лишь двѣ свиньи: настоящая свинья
длинная свинья»; это—человѣкъ. На всякомъ праздникѣ, на любомъ
етѣ самое лакомое блюдо—человѣческое мясо. И племя, которое за-
ъ такой пиръ, не останавливается ничѣмъ; въ случаѣ надобности они
раютъ собственныхъ дѣтей; всѣ же враги, попавшіе въ плѣнъ, всѣ,
рпѣвшіе кораблекрушеніе, безусловно съѣдаются. Въ случаѣ крайно-
чтобы добыть искомое мясо, первый встрѣчный безоружный субъектъ
народа становится этой жертвой; такъ однажды 16 женщинъ были
аны и съѣдены. И стоитъ лишь такому пирующему племени не по-
ъ этого драгоцѣннаго лакомства всѣмъ союзнымъ племенамъ и друзь-
, чтобы изъ-за этого возбудить самую мстительную войну. Изжарен-
еще стараются предварительно разукрасить. Ему даютъ дубину въ
и, намазываютъ лицо красной краской и надѣваютъ на голову парикъ.
ѣрьте, что еслибы у него были рога, то они навѣрное покрыли-бы
позолотой. Бабы же собираются вокругъ, издѣваются надъ трупомъ
ыкидываютъ самые безстыжіе па, танцуя и отплясывая самый дикій
ническій канканъ. Способъ приготовленія человѣческаго мяса очень
нообразенъ. Однажды умеръ сынъ одного изъ военоначальниковъ. Отецъ,
акивая невозвратимую потерю сына, вопилъ: «онъ былъ такъ храбръ!
вало онъ озлится на своихъ женъ, и тогда онъ немедленно убивалъ и
иралъ ихъ». На одномъ такомъ банкетѣ кровожадные фиджи со-
али 200 военно-плѣнныхъ враговъ. Кто умираетъ естественной смертью,
о, собственно говоря, не ѣдятъ, однакожъ случается и такъ, что вскры-
отъ могилы и пожираютъ трупы. Но и этого мало; звѣрство ихъ не
анавливается ни передъ чѣмъ. Эти Шейлоки отрѣзываютъ по куску
а отъ живого врага и съѣдаютъ его въ его-же глазахъ! Положимъ,
основой этого канибализма сначала была звѣрская ненависть, жажда
ти, подчасъ хвастовство или намѣреніе усвоить себѣ свойства и каче-
а пожираемаго; но теперь тамъ единственная причина людоѣдства —

просто пристрастіе къ человѣческому мясу, какъ къ вкусному лак
блюду, которое они теперь предпочитаютъ рѣшительно всякому дру
А потому они никогда не ѣдятъ его сырымъ, и вилка для этого
совершенно особенная: ею запрещено кушать что-нибудь другое (
Съ барабаннымъ боемъ приглашаютъ они своихъ единомышленни
сотоварищей, а женщинъ, рабовъ и нѣкоторыхъ жрецовъ вовсе не
скаютъ до такихъ пирушекъ. Они, конечно, оправдываютъ все это
что это они дѣлаютъ во имя божества, которое, по ихъ понятіямъ,
канибалъ *); они увѣряютъ, что они посвящаютъ всѣ эти блюда
божеству, которое, конечно, отказывается жрать добытую ими
тогда лишь позволяютъ они себѣ съѣсть все это. Не выбросить-ж
самомъ дѣлѣ, такой лакомый кусокъ! Но чего нельзя оправдат
путемъ? И какъ, на самомъ дѣлѣ, этимъ путемъ не оправдать всѣ
гадости, когда имъ оправдывается людоѣдство?

Эта страшная страсть къ людоѣдству поддерживается еще самым
нымъ тщеславіемъ. Для дикаря обладать черепомъ убитаго врага
равно, что для маршала Наполеона заполучить орденъ почетнаго
и вотъ почему дикари съ такимъ неистовствомъ преслѣдуютъ сво
чтожную и жалкую цѣль. Отъ души жалѣемъ, что этотъ обычай
у цивилизованныхъ народовъ, хотя символы его сохранились до-днес
овладѣть шпагой врага почти тоже значитъ, что заручиться
дикаря.

Войны дикарей имѣютъ еще то пагубное послѣдствіе, что вс
истребленіемъ людей обыкновенно слѣдуетъ опустошеніе до тла
Поля, засѣянныя разными злаками и питательными кореньями, разо
до послѣдняго зерна, кокосовыя пальмы и хлѣбныя деревья срубаю
единаго, жилища сожигаются, всякія пожитки увозятся, уничтожа
словомъ, раззореніе полное, повсемѣстное, и послѣ этого страна на
годы превращается въ пустыню. Но не то-же ли самое мы видѣли
на поляхъ тѣхъ двухъ великихъ народовъ, которые хвастаются тѣ
они стоятъ во главѣ высшей цивилизаціи, въ чемъ, конечно, не
быть никакого сомнѣнія? Но если мы видимъ такія явленія сред
рей на разныхъ Фиджи et tutti quanti, то мы тамъ не видимъ
верситетовъ и академій, ни желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, ни
наукъ и искуствъ, ни культуры и цивилизаціи.

---

*) Правъ Вольней, говоря, что дикари создаютъ себѣ боговъ по своему
и подобію.

Но довольно этихъ ужасовъ и омерзительныхъ сторонъ человѣка: отвернемся отъ нихъ съ такимъ-же отвращеніемъ, какъ отъ всего гнуснаго и недостойнаго людей; отвернемся отъ этихъ проявленій дикой жизни, называемыхъ человѣческими жертвоприношеніями, дѣтоубійствомъ, людоѣдствомъ и прусско-французской рѣзней. Но намъ необходимо, хотя еще разъ, обернуться и взглянуть на все пройденное, чтобы къ нему не возвращаться больше. Читателю теперь должно быть ясно явленіе *вымиранія*, которое совершенно отлично отъ явленія *вырожденія*, что будетъ предметомъ дальнѣйшаго нашего изслѣдованія. Мы теперь повторимъ вкратцѣ, что вымираніе есть неизбѣжный результатъ цѣлой группы причинъ, работающихъ заодно, неминуемымъ слѣдствіемъ которыхъ должно быть исчезаніе цѣлыхъ племенъ. Слишкомъ большая воспріимчивость дикарей къ міазмамъ, болѣзни, возникающія невольно при столкновеніи первобытныхъ народовъ съ цивилизованными европейцами, опустошительныя эпидеміи, неистово свирѣпствовавшія среди дикарей и завезенныя къ нимъ представителями цивилизаціи, полнѣйшее пренебреженіе и самое безчеловѣчное обращеніе съ больными, полнѣйшая безпечность дикаря и отсутствіе всякой заботы о завтрашнемъ днѣ, безпардонное распутство и обычный развратъ, затѣмъ безплодіе, искуственный выкидышъ и непомѣрное дѣтоубійство, наконецъ, человѣческія жертвоприношенія, войны и людоѣдство — комплектъ всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ взятыхъ—агрегатъ такихъ явленій. — Чего-же еще нужно, чтобъ народъ вымиралъ массами? Поставьте самый цивилизованный, самый крѣпкій, исторически развитой народъ въ такія-же условія быта и онъ также станетъ вымирать, какъ любое племя дикарей. Нѣтъ! хуже и скорѣе вымретъ. Мы смѣло можемъ утверждать, что никакой цивилизованной народъ не устоялъ-бы и не вынесъ-бы и десятой доли тѣхъ невзгодъ, какія выноситъ дикарь. Изнѣженное европейское общество моглобы погибнуть и отъ несравненно слабѣйшихъ причинъ. Дикарей, по крайней мѣрѣ, спасаетъ полнѣйшее отсутствіе психическихъ или душевныхъ страданій. Дикари, такъ сказать, страдаютъ лишь физически, а не морально. Они вымираютъ лишь отъ физическихъ непосредственныхъ ударовъ; имъ чужды моральныя и интеллектуальныя страданія — удѣлъ народовъ культуры и высшей цивилизаціи. Посмотрите, что стало съ Франціей, avec cette grande nation, въ какихъ-нибудь два года, когда пришлось ей испытать рядъ пораженій. Мы не позволимъ себѣ назвать ее въ настоящую минуту *деморализованной:* пусть такъ думаетъ близорукое филистерство; но она пала духомъ, она убита горемъ; ея нравственныя и

интеллектульныя страданія ужасны. Ее побилъ не Бисмаркъ и игольчатое ружье, а глубокая, психическая скорбь, душевная боль, какую причиняетъ безнадежная любовь, оскорбленное самолюбіе, глубоко искренній патріотизмъ изгнаннаго въ ссылку мученика своихъ несокрушимыхъ убѣжденій...

Такова картина вымиранія первобытныхъ племенъ; таковы ея ужасающія причины, таковъ неизбѣжный ходъ ихъ быта! И неужели они такъ-таки всѣ и пропадутъ безслѣдно? Неужели ничто не способно спасти ихъ и отвратить этотъ безжалостный результатъ? Неужели цивилизація со всѣми своими средствами... Позвольте—мы еще ничего не сказали о томъ, какъ поступала съ ними цивилизація — мы скоро возвратимся къ этому вопросу—а пока намъ нужно сказать, въ чемъ-же преимущества собственно цивилизованныхъ народовъ сравнительно съ дикарями. Вѣдь большинство явленій, если не всѣ, описанныхъ нами изъ быта дикарей, встрѣчается также и у самыхъ цивилизованныхъ народовъ; такъ въ чемъ-же собственно преимущества послѣднихъ передъ первыми? Вопросъ вполнѣ раціональный, хотя и несовсѣмъ вѣрно поставленный. Правда, людоѣдства и человѣческихъ жертвоприношеній у цивилизованныхъ народовъ нѣтъ больше; но войны, истребительныя и опустошительныя войны, до сихъ поръ тиранизируютъ человѣчество, а эпидеміи, нищета и бѣдность, искуственные выкидыши, дѣтоубійство, пьянство и развратъ—все это слишкомъ знакомо цивилизованнымъ народамъ, чтобъ игнорировать эти явленія и махнуть на нихъ рукой. Если-же нѣтъ людоѣдства и человѣческихъ жертвоприношеній, то давно-ли европейское общество освободилось отъ пытокъ, инквизиціи, auto-dafé и сожиганій на кострахъ разныхъ вѣдьмъ и волшебницъ. Отсылаемъ читателя за подробностями, отъ которыхъ у него мурашки побѣгутъ по тѣлу, къ Лекки *), и которыя ему вполнѣ докажутъ, что жестокости европейскихъ народовъ до недавняго прошлаго во многомъ похожи на грубые пріемы дикарей. Но громадныя преимущества цивилизованныхъ народовъ, сравнительно съ дикарями, въ борьбѣ за существованіе заключаются именно въ томъ, что всѣ эти явленія у дикарей составляютъ господствующій элементъ, явленія эти у нихъ слишкомъ общи, обыденны и обыкновенны, между тѣмъ, какъ у людей и народовъ цивилизованныхъ эти явленія слишкомъ исключительны, рѣдки и составляютъ

*) Geschichte des Ursprunges und Einflusses der Aufklaerung Europa. Стр. 101—107.

ементъ ненормальный. Величайшее преимущество, которымъ, по нашему айнему разумѣнію, владѣетъ цивилизованный народъ предъ дикаремъ, —протестъ и протестъ активный, а не пассивный. Цивилизація, проѣщеніе, прогрессъ народа начинается лишь съ того момента, когда въ мъ зарождается критика и протестъ противъ существующаго зла. Возжденіе Европы началось именно такимъ образомъ. Протестъ — могущевеннѣйшее орудіе, двигающее прогрессъ и цивилизацію. Первобытные роды не знаютъ протеста, и у нихъ нѣтъ протестующихъ, у нихъ нѣтъ звитыхъ людей, негодующихъ на ихъ грубую дикую жизнь и ищущихъ чшихъ формъ существованія. Всѣ явленія своей жизни они считаютъ рмальными. У нихъ нѣтъ развитыхъ людей, выдающихся изъ общей ссы и способныхъ анализировать явленія своей жизни. Оттого они вѣчно ходятся in statu quo. Отсюда ихъ безусловная неподвижность и вѣчный стой. Этимъ громаднымъ преимуществомъ владѣютъ лишь культурные и вилизованные народы, и этой силѣ они обязаны всѣми успѣхами прогсса. Почти не одно явленіе изъ описанной нами жизни дикарей не трѣтило съ ихъ стороны никакого протеста, никакого противодѣйствія, жду тѣмъ, какъ каждый шагъ въ жизни цивилизованныхъ народовъ двергается глубокому анализу, и малѣйшее уклоненіе отъ выработанной чшими умами нормы встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ и неумолкаемый простъ. Такая рѣзня и звѣрская жестокость, какими заявили себя отстале и отживающіе элементы нѣмецкой націи, принадлежатъ, правда, къ леніямъ той-же дикой, неразумной и недостойной цивилизаціи жизни, за-то все, что есть образованнаго, развитого, честнаго, разумнаго въ вропѣ и Америкѣ, громко и съ болью сердца *протестуетъ* противъ ой бойни, гнушается главными виновниками этого народнаго бѣдствія. акимъ образомъ, мы видимъ, что многія явленія изъ жизни дикарей повряются у цивилизованныхъ народовъ, и такъ-какъ одинаковыя явленія мѣютъ всегда одинаковыя послѣдствія, то очень естественно, что тѣ-же ричины могутъ довести любой цивилизованный народъ до вымиранія и, онечно, доводятъ, если въ средѣ его не явится протеста, если онъ залаговременно не приметъ мѣръ къ устраненію угрожающей ему опасности, ъ предупрежденію преждевременной смерти. Даже дикари иногда прихоятъ сами къ сознанію царюющаго среди нихъ зла и готовы остановить то. Такъ извѣстно, что людоѣдство прежде было несравненно шире распространено и мѣстами прекратилось по личной инициативѣ, безъ всякаго постороннято вмѣшательства какихъ-бы то ни было миссіонеровъ, безъ

вліянія христіанства, которое тоже несомнѣнно привело въ нѣкотор… другихъ мѣстахъ къ прекращенію этого отвратительнаго явленія. К… только въ народѣ зародилось сознаніе, что такое-то явленіе компро… руетъ его человѣческое достоинство, и сознаніе это старается при… активную форму, то не подлежитъ сомнѣнію, что такое явленіе исчез… Но пока протестъ замкнутъ въ самомъ себѣ и не выходитъ наружу… своей пассивной рамки, до тѣхъ поръ онъ не имѣетъ никакого зна… Такъ, напримѣръ, и среди народовъ европейскихъ въ извѣстной… можетъ долгое время жить протестъ безъ всякаго значенія, пото… сама масса слишкомъ пассивна и не имѣетъ активныхъ, развитыхъ… дей, готовыхъ заявить протестъ. Такое явленіе возможно у народа… щаго почти всею своею массою на самой зародышевой ступени ра… Таковы, напримѣръ, наши раскольники.

Поэтому, хотя протестъ и есть самое капитальное преимуществ… кимъ владѣетъ цивилизованный человѣкъ, но такое значеніе онъ… рѣтаетъ лишь тогда, когда онъ выраженъ въ активной формѣ. … этомъ отношеніи народы Запада имѣютъ свое неоспоримое преимущ… и вотъ почему народамъ запада далеко до вымиранія, хотя у … повторяются многія явленія, напоминающія жизнь дикарей.

Итакъ, жестокія эпидеміи одинаково постигаютъ какъ дикарей, … цивилизованныхъ народовъ; но дикари совершенно безсильны проти… и безропотно подчиняются этому бѣдствію; цивилизованные-же … особенно-же цивилизованное общество принимаетъ противъ нихъ … энергическія мѣры, *предупреждаетъ* и *предохраняетъ* себя от… ленія и развитія эпидеміи. Цивилизованное общество выработало … общественную гигіену и въ этомъ его громадное преимущество. … нищета и невѣжество одинаково посѣщаютъ какъ дикарей, такъ и … лизованныхъ народовъ; но первые безпомощны и зависятъ отъ … вторые ищутъ самыхъ радикальныхъ мѣръ противъ такихъ обществ… бѣдъ и находятъ ихъ — и вотъ другое капитальное преимущество … лизаціи. Дѣтоубійство, искуственный выкидышъ, безплодіе, разв… распутство также свойственны дикарямъ, какъ и народамъ, гордым… цивилизаціею; но первые до того сжились съ этими явленіями, ч… кажутся имъ самыми естественными, между тѣмъ какъ цивилизаці… гически противодѣйствуетъ всѣмъ такимъ общественнымъ бѣдствія… опять-таки громадное преимущество цивилизаціи. Наконецъ, войны … гибельны какъ для дикарей, такъ и для народовъ цивилизаціи, …

смотрятъ на войну какъ на одно изъ условій самаго существованія,
у-тѣмъ, какъ всякая война вызываетъ теперь въ цивилизованныхъ
кахъ стараго и новаго свѣта самый негодующій протестъ и глубокое
щеніе къ торжеству грубой силы. Слѣдовательно, чѣмъ народъ имѣетъ
іе такихъ преимуществъ, чѣмъ больше въ немъ негодующихъ элемен-
чѣмъ энергичнѣе его протестъ противъ существующихъ безпоряд-
чѣмъ больше въ немъ представителей умственнаго и нравственнаго
тія, тѣмъ этотъ народъ сильнѣе въ борьбѣ за существованіе, тѣмъ
цественнѣе его историческое значеніе, тѣмъ прочнѣе его соціальное
кеніе, тѣмъ счастливѣе онъ.

имъ закончимъ обзоръ вымиранія вообще, но факты, нами представ-
ые, касаются также вопроса о будущности первобытныхъ племенъ, ко-
мъ намъ здѣсь слѣдуетъ заняться для большей ясности самаго яв-
вымиранія. Вопросъ этотъ, однакожъ, требуетъ предварительнаго
комленія съ тѣми пріемами цивилизаціи, какіе употреблялись въ от-
ніи первобытныхъ дикарей. Обращеніе бѣлыхъ людей съ цвѣтными
снитъ намъ кое-что. Самое постыдное пятно, загрязнившее циви-
цію — это эксплуатація дикихъ племенъ европейцами. Цѣлые вѣка
пейцы выдѣлывали съ дикарями всякія безобразія, какія только спо-
а придумать преступная и развратная фантазія, руководимая необуз-
ными страстями, и эти-же эксплуататоры остались правы, вышли сухи
воды, а дикари кругомъ виноваты, потому будто-бы, что не съумѣли
ить плодовъ цивилизаціи, такъ щедро предлагаемыхъ этимъ пасынкамъ
оды. Чтобы убѣдиться, насколько между собою солидарны народы
пейской цивилизаціи, стоитъ посмотрѣть, какъ они всѣ одинаково
азсудно поступали съ первобытными племенами во всѣхъ частяхъ
а. Насъ здѣсь еще не столько интересуетъ физическое истребленіе ди-
й европейцами, сколько та нравственная порча, которую внесли ев-
йцы въ бытъ дикарей и которая окончательно и безвозвратно погу-
и ихъ. Намъ извѣстно, что готтентоты уже до знакомства съ европей-
и представляли собой народъ, шедшій къ паденію и начинавшій вы-
ать. Сосѣдніе народы сжали ихъ со всѣхъ сторонъ; имъ не было
ьи; ихъ стѣснили въ самую жалкую кучу и порядкомъ поубавили въ
тѣ. Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что съ ними выдѣлы-
и голландцы, явившіеся на мысъ Доброй Надежды въ 1652 году.
жде всего они забрали у нихъ столько земли, сколько имъ понадоби-
ь, а понадобилось имъ очень много, потому что, какъ люди благород-

наго происхожденія и высокой породы, они были очень лѣнивы, воз
вали каждый разъ все новыя и новыя земли и предпочли заня
скотоводствомъ, а не земледѣліемъ. Затѣмъ вовсе некстати законъ
тилъ обращать готтентотовъ въ рабство, но развѣ нельзя обойти за
И вотъ ихъ обратили въ служителей и такъ-какъ ихъ нельзя был
давать, какъ рабовъ, то съ ними обращались въ тысячу разъ хуже,
съ рабами. Но 1796 году судьба послала спасеніе: англичане, «эти
ные, по словамъ Расплюева, мореплаватели», вытѣснили голландцев
няли ихъ мѣсто на мысѣ Доброй Надежды. Сначала національн
суетность сильно гнушалась недостойными поступками голландцев
мало-по-малу они стали имъ подражать во всемъ. Недаромъ, ко
дикари Океаніи считаютъ человѣка «длинной свиньей», — европей
этомъ отношеніи нисколько не лучше, потому-что голландцы иначе
зывали готтентотовъ, какъ «чернымъ скотомъ». У одного голланд
хворалъ лихорадкой «черный скотъ», бывшій у него въ услуженіи
лѣзнь приняла дурной оборотъ; боэръ повѣсилъ носъ. Его старали
шить. «Да чортъ съ нимъ, сказалъ боэръ: мнѣ лишь-бы найти д
погонщика для продажи масла, а тамъ чортъ съ нимъ и съ его ду
И это вовсе не исключительный случай, а общее воззрѣніе и господ
щее отношеніе. А до чего простиралось истребленіе какихъ-нибудь
меновъ, можно судить уже потому, что одинъ весьма почтенный гос
въ какихъ-нибудь 6 лѣтъ полонилъ и убилъ 3,200 бушменовъ, а
участвовалъ въ одномъ походѣ, стоившемъ 2,700 бушменамъ жизни
сонъ зналъ одного колониста, который втеченіи 30 лѣтъ принялъ
въ 32 такихъ хищническихъ набѣгахъ, изъ коихъ каждый обходи
200 бушменовъ. Съ завоеваніемъ мыса англичанами система эта
была прекратиться, но боэры до того привыкли къ этимъ набѣгам
ихъ ужь никакъ нельзя было отучить отъ нея и, по всей вѣроят
бушменамъ отъ англійскаго управленія досталось еще хуже, чѣм
голландскаго. Наконецъ, боэрамъ надоѣли всѣ эти ненавистныя анг
постановленія, и они въ числѣ 5,000 переселились въ Портъ Н
гдѣ они свободно и безцеремонно могли продолжать свое омерзительн
силіе. Знаете, читатель, какъ такого рода поступки называются?
бѣжная смерть отъ «дуновенія высокой культуры!» Вотъ до како
стыдства доходятъ люди, заинтересованные въ порабощеніи других
дей. Что-же удивительнаго, что готтентоты питаютъ теперь къ ев
цамъ самую непримиримую ненависть, такъ-что едва-ли возможно

будь на нихъ вліяніе. Мудрено-ли, что теперь готтентоты стали гру-е, лѣнивѣе и нравственно испорченнѣе, чѣмъ они были до знакомства превосходительными и высокоблагородными европейскими барышниками. нь ужь странно вводили христіанство голландцы среди готтентотовъ. многихъ храмахъ гласили надписи: «собакамъ и готтентотамъ входъ рещается». Всѣми силами боэры старались не допустить распростра-ія христіанской вѣры среди дикарей; они запретили своимъ рабамъ и дѣтямъ принимать крещеніе и подъ страхомъ смертной казни запре-ли имъ даже произносить имя миссіи и ея резиденціи. Голландская панія всѣ усилія употребила, чтобы выжить моравскихъ братьевъ изъ ды готтентотовъ, потому что они имѣли слишкомъ большое вліяніе на слѣднихъ. Въ 1831 г. случилось даже такъ, что готтентоты руководи-е миссіонерами, удалились и устроили поселеніе на Kot-River, гдѣ скоро достигли цвѣтущаго состоянія; и что-же? Съ большимъ тру-ъ удалось не допустить боэровъ до окончательнаго разрушенія этой оніи, и то силою. Двѣсти лѣтъ, какъ готтентоты живутъ въ такихъ кахъ, и все-таки еще не исчезли!

Можно отдать честь и справедливость европейцамъ, что они очень ьшіе мастера на гуртовыя убійства. Они смѣло могутъ похвалиться, это искуство доведено у нихъ до высочайшей степени совершенства стоитъ превыше всѣхъ прочихъ искуствъ. Притомъ они ни одному богу къ вѣрно не служатъ, какъ Марсу, и остаются всегда и вездѣ послѣ-ательны, потому-то они съ одинаковымъ рвеніемъ истребляютъ другъ уга также, какъ и всякія чужеземныя племена. Послушаемъ, какъ они умѣли расправиться съ американскими дикарями. Нужно замѣтить, что дѣйцы сѣверной Америки очень привѣтливо встрѣтили европейцевъ, а ропейцы первые постарались разрушить добрыя отношенія. Изъ-за ка-го-то пустого предлога они напали на племя пеко; 700 человѣкъ пало внезапномъ и неожиданномъ нападеніи, остальныхъ они разсѣяли, требили, продали въ рабство. Англичане и испанцы первые придумали сѣверной Америкѣ «благородную охоту» на рабовъ. Даже благочестивые ритане, которыхъ ханжество также противно, какъ противно набожному рею свиное сало, и тѣ молили и благодарили Господа Бога за то, что ъ ниспослалъ сильную и истребительную эпидемію, обезлюдившую страну переморившую индѣйцевъ сотнями. Всякій удачный походъ христіанъ отивъ индѣйцевъ, сопровождавшійся всякими жестокостями и стоившій зни тысячамъ индѣйцевъ, эти благочестивые мужи считали признакомъ

божьей благодати, и на всякую неудачу смотрѣли, какъ на гнѣвъ б
какъ на кару за ихъ собственные грѣхи. Удивительная логика б
честія! Часто подумывали, какъ-бы совсѣмъ истребить индѣйцевъ.
этого, конечно, ничего нѣтъ мудренаго, что еще въ нашемъ XIX сто
правительству Соединенныхъ штатовъ былъ представленъ проектъ в
роятно, не одинъ, какъ совсѣмъ искоренить индѣйцевъ. И какъ ихъ
реняли-то! Англичане долго сомнѣвались и колебались, совмѣстно-ли
съ христіанскимъ ученіемъ и съ человѣколюбіемъ сожигать враговъ жи
Но такъ или иначе, а они вполнѣ достигли цѣли, потому-что многія
ныя племена съ корнемъ уничтожены европейцами.

Еще хуже заявили себя европейцы въ южной Америкѣ. Тутъ от
лись испанцы, достойные подданные Филиппа II, во владѣніяхъ кот
хотя солнце никогда не заходило, но подданные никогда не видѣл
свѣтлымъ и чистымъ, не привѣтствовали съ радостью, а смотрѣли н
лишь сквозь черныя тучи фанатизма, преслѣдованія, мракобѣсія
вѣчномъ страхѣ за жизнь свою. Законъ запрещалъ *обращать* дѣт
рабство, но онъ не запрещалъ держать готовыхъ рабовъ. Законъ гла
вы имѣете право держать у себя только тѣхъ рабовъ, которые был
бами у туземныхъ владѣтелей и вамъ проданы, какъ рабы. Ка
чего-же больше? И испанцы отлично воспользовались этимъ постано
емъ. Вотъ они отправляются въ походъ и лавируютъ такъ, чтобы
въ плѣнъ военачальника, котораго они принуждаютъ выкупать свою
боду продажей всѣхъ своихъ рабовъ. Мѣстное управленіе признавал
куплю совершенно законною. Если же, бывало, найдется такой ду
который самъ добровольно покорится, то испанцы подъ его покрови
ствомъ нападали на его враговъ, чтобы ихъ обратить въ рабство.
этого вытекаетъ та мораль, что какъ-бы законъ ни былъ хитер
такъ-какъ онъ придуманъ людьми, то не можетъ быть, чтобъ не на
людей еще хитрѣе, которые съумѣли-бы обойти его. Въ большомъ
новеніи было обрѣзаніе ушей и носа. Испанцы были опытные хирур
этой части и вообще очень находчивый народъ. Такъ, законъ запре
слишкомъ обременять вьючныхъ животныхъ. Ну что же? Это послу
удобнѣйшимъ случаемъ обратить самихъ индѣйцевъ въ вьючныхъ ж
ныхъ. Ими, конечно, затыкали всѣ дыры: рудокопныя работы, вс
машнія черныя услуги — все возлагалось на индѣйцевъ; а похи
женщинъ тамъ совершалось систематически чуть не каждый день. Но
дѣйцы были на-столько глупы и неблагодарны, что были не дово

ми милыми пріемами своихъ высокихъ посѣтителей и массами возставали. ропейцамъ того только и нужно было: индѣйцевъ крошили, какъ капусту, я они подчасъ не давали спуску и своимъ эксплуататорамъ.

Та-жа исторія повторялась и въ Бразиліи. Сначала, какъ водится, туцамъ наобѣщали всѣ блага свободы, потомъ стали смотрѣть сквозь ьцы на «благородную охоту» за людьми, а тамъ и разрѣшили ее, поу нельзя-же иначе, и дошли до того, что въ 3 года съ 1628 по 1630 Ріо-де-Жанейро было продано 60,000 индѣйцевъ въ рабство. Всѣ они и изъ Парагвая. Это вызвало кровопролитнѣйшую распрю, въ которой, дно сказать, кто кого перещеголялъ въ одичалости и звѣрствѣ—европы дикарей, или дикари европейцевъ. Скорѣе первые. Къ счастью, попѣли святые отцы іезуиты. Они воспротивились такому напрасному литію крови и окончательному порабощенію туземцевъ. Они всячески потали закрѣпостить индѣйцевъ для своего ордена и такъ-какъ прикрывали эту цѣль всякими благовидностями, то имъ ровно ничего далось. Даже и теперь положеніе индѣйцевъ не лучше подъ владычеюмъ бразильцевъ или португальцевъ, потому-что изъ всѣхъ европейихъ народовъ португальцы безчеловѣчнѣе и безбожнѣе всѣхъ обращаь съ индѣйцами Америки.

Для большаго успѣха охоты воспитали особую породу кровожадныхъ акъ, которыя помогали своимъ столь-же кровожаднымъ охотникамъ вырывать непріятельскій лагерь. Офицеры соперничали между собою таки собаками, а какой-то лейтенантъ Антоніо Перейра (да сохранитъ исрія это великое имя!) кормилъ своихъ собакъ однимъ лишь мясомъ дѣйцевъ, чтобы воспитать и развить въ нихъ безошибочный нюхъ. Когсъ введеніемъ болѣе приспособленныхъ къ труду негровъ въ индѣйцахъ оказывалось надобности, то экспедиція имѣла цѣлью не плѣнъ безпоныхъ людей, а по возможности болѣе гуртовое истребленіе ихъ. Для стиженія этой цѣли — возможно большаго истребленія, они оставляли лѣсу платье людей, умершихъ въ оспѣ или скарлатинѣ, въ надеждѣ, индѣйцы присвоятъ себѣ это платье и между ними появятся опустотельныя эпидеміи. И надежды ихъ рѣдко обманывали. Точь-въ-точь такъ ступали англичане въ сѣверной Америкѣ. О достойное соревнованіе! Еще перь, по увѣренію Чуди, въ Бразиліи встрѣчаются личности, для котоихъ охота на индѣйцевъ — величайшее наслажденіе и еще недавно кай-то комендантъ напалъ на альдею, индѣйскую деревню, за какое-то еступленіе и, въ знакъ тріумфа, принесъ съ собою *триста* ушей. Тамъ

и до сихъ поръ водятся самые закоренѣлые фанатики, которыхъ девизъ «истребить альдею». Это ихъ единственная мечта, которая ихъ вдохновляетъ, чаруетъ. Такъ недавно снарядилась тамъ съ этою цѣлью экспедиція. Ночью окружили обреченную на жертву альдею и едва начало свѣтать, они напали на спящихъ, такъ-что съ восходомъ солнца дымились лишь окровавленные и разтерзанные трупы. Читатель, вы не подумайте, что мы передаемъ вамъ эпизодъ изъ современной прусско-французской бойни. Бѣдные индѣйцы, не подозрѣвая и не предчувствуя угрожавшей имъ гибели, спятъ себѣ беззаботнымъ сномъ, и вотъ являются европейцы, овладѣваютъ предварительно всѣмъ оружіемъ индѣйцевъ и отправляютъ ихъ спать вѣчнымъ, непробуднымъ сномъ. Въ живыхъ оставляютъ лишь дѣтей и женщинъ, которыхъ продаютъ въ рабство. И въ большинствѣ случаевъ, единственная причина, побуждающая напасть и уничтожить беззащитную альдею — страсть къ добычѣ, захватить дѣтей, продать въ рабство и выручить деньги. Все это творится въ конституціонной Бразиліи противъ природныхъ обитателей страны!

Такой же участи подверглись храбрые араукаины, которые втеченіи 200-лѣтней ожесточенной борьбы отстаиваютъ у испанцевъ свою независимость. Храбрые араукаины теперь почти совсѣмъ одичали. Напрасно было бы искать въ нихъ прежнихъ храбрецовъ и мужественныхъ воиновъ. Неистовыя жестокости европейцевъ и вѣчная война исказили это благородное племя и низвели его на степень самыхъ грубыхъ дикарей. Пусть же вся тяжесть этого безстыдства падетъ на главныхъ виновниковъ этой несправедливости, на европейцевъ!

Какъ обращались съ ними испанцы,— лучшимъ примѣромъ можетъ послужить слѣдующій разсказъ очевидца. Маіоръ Родригецъ преслѣдовалъ какое-то небольшое племя индѣйцевъ. Долго онъ искалъ это племя, которое тщательно укрывалось отъ вражескихъ преслѣдованій. Наконецъ, ему удалось поймать изъ этого племени одну женщину съ сыномъ и маленькой дочкою. Никакія угрозы и никакія обѣщанія не могли побудить эту несчастную выдать своихъ. Тогда заставили сына стать на колѣни и разстрѣляли его въ глазахъ матери и сестры. Тѣмъ не менѣе женщина оставалась непоколебимою. Тогда и ей приказали стать на колѣни, чтобы умереть; малолѣтняя дочь не выдержала, взмолилась и обѣщала открыть убѣжище отца и братьевъ. Мать бросилась на нее и хотѣла ее задушить, разгнѣванная, но ее оторвали отъ дѣвочки, отправились по указанному ею направленію, а мать все продолжала осыпать ее самыми адскими про-

ми за трусость и измѣну. Несчастная мать должна была быть сви-
ницей избіенія всѣхъ членовъ ея семейства и сама послѣдняя ис-
а духъ, проклиная прощальнымъ взглядомъ всю Европу съ ея ци-
ціей, съ ея гнусной ложью и съ ея безчеловѣчною и звѣрскою же-
тью. И это опять-таки далеко не единственный и исключительный
, а явленіе, которое совершается сплошь и рядомъ. Послѣ этого
отятъ увѣрить, что невольничество есть лучшій исходъ, какого мо-
желать цвѣтной человѣкъ при столкновеніи съ бѣлымъ. И это на-
ся «дуновеніемъ высокой культуры», которую не могутъ претворить,
ь, впитать, вынести дикари. Къ сожалѣнію, эти жертвы европей-
ксплуатаціи не могутъ утѣшить себя даже тѣмъ, что между истин-
представителями европейской цивилизаціи и ея заднимъ, скотнымъ
ъ разныхъ барышниковъ и маіоровъ, въ родѣ Родригеца, лежитъ
пропасть.

окуды также терпѣли сильное гоненіе отъ европейцевъ; іезуиты за
ступились и давай ихъ обращать въ христіанство. Но способъ, ко-
они производили крещеніе и какимъ домогались его, былъ для ди-
самымъ тяжелымъ испытаніемъ. Они ихъ нагоняли, ловили и, при
немъ сопротивленіи, запирали въ карцеры, гдѣ держали ихъ до тѣхъ
пока дикари не соглашались принять крещеніе. Хотя испанскіе за-
запрещали такой способъ обращенія, но тѣмъ не менѣе онъ былъ
номъ ходу.

Калифорніи тоже очень оригинально обращали іезуиты индѣйцевъ
стіанство. Если, бывало, кто изъ туземцевъ противится новому уче-
о заключаютъ въ тюрьму и морятъ голодомъ нѣсколько дней, по-
оказываютъ ему кусокъ мяса, чтобы ему дать понятіе о томъ, ка-
рошее житье его ожидаетъ у миссіонеровъ и этимъ путемъ его за-
ли обратиться въ христіанство. Пойманныхъ бѣглецовъ пороли и
алками, чему подвергали даже женщинъ, и привѣшивали имъ тя-
желѣзные шесты, чтобъ отнять у нихъ возможность къ бѣгству.
иты обыкновенно служили благочестивымъ отцамъ миссіонерамъ, какъ
поэтому нисколько не удивительно, что туземцы употребляли всѣ
а, чтобы избавиться предлагаемой имъ религіи и навязываемой ев-
кой культуры. Но лучшимъ средствомъ избѣгнуть того и другого
ась для нихъ смерть. Они въ миссіяхъ умирали en masse. Болѣзни
е выводились и смертность съ каждымъ годомъ возрастала. Въ
году окрестили 7701 индѣйца; изъ нихъ въ короткое время умерло

2388. Въ 1813 году окрестили 57,328 и изъ нихъ умерло 37,437. Но это еще было милостиво, потому что, когда миссіи въ Калифорніи были упразднены въ силу измѣнившихся политическихъ событій, положеніе туземцевъ значительно ухудшилось. Начались страшнѣйшія охоты на рабовъ или просто травля людей; ихъ рубили, гдѣ только настигали, безъ различія пола и возраста. Одинъ испанскій генералъ научилъ военному строю калифорнійцевъ и образовалъ изъ нихъ солдатъ; но, убѣдившись, что они очень наметались въ военномъ дѣлѣ, онъ испугался ихъ и велѣлъ всѣхъ изрубить. Читая эти описанія, какъ прикажете поступать: смѣяться или плакать? А развѣ Наполеонъ III не трусилъ своихъ собственныхъ солдатъ.

Но хуже всего европейцы дали себя знать культурнымъ народамъ Америки, съ которыми впервые они познакомились. Завоеваніе Мехики стоило гораздо большаго числа людей, чѣмъ сколько ихъ пожертвовано было богамъ во все время существованія мехиканскаго государства. Кортесъ и его послѣдователи не давали пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ. Кортесъ раздѣлилъ всѣхъ мехиканцевъ между испанскими завоевателями и роздалъ ихъ въ качествѣ прислуги, такъ что какъ высшая аристократія, такъ и простонародье должно было выполнять для своихъ новыхъ господъ самыя тяжелыя работы, что съ непривычки дѣйствовало на нихъ самымъ пагубнымъ образомъ. Кто не повиновался или кто отказывался вносить подати изъ-за какихъ бы то ни было причинъ, продавался въ рабство. Но налоги были вообще очень тяжкіе и взыскивались съ необыкновенною строгостью. Многіе туземцы съ отчаянія лишали себя жизни, другіе отказывались производить потомство или прибѣгали къ искусственнымъ выкидышамъ, чтобы избавить своихъ дѣтей отъ невыносимо-тяжкаго ига. Къ тому же были разрушены всѣ водопроводы, вслѣдствіе чего страна обратилась въ пустыню. Ко всему этому вскорѣ присоединилась святая инквизиція, которая дѣйствовала такъ ревностно, что сожигала по 100 еретиковъ заразъ,—словомъ, на несчастныхъ мехиканцевъ сразу обрушилась такая бездна несчастій, что едва ли какой-нибудь народъ въ свѣтѣ въ состояніи былъ бы вынести такое тлетворное «дуновеніе высокой культуры», и они вымирали массами. Ужъ если чему удивляться, такъ скорѣе тому, что, несмотря на такую цивилизацію, народъ до сихъ поръ сохранилъ еще остатки своего прежняго существованія. Та-же исторія повторилась и въ Перу, чему ручательствомъ служитъ одно имя Пизарро. И эта процедура вѣдь длилась не день и не годъ, а цѣлые два, три вѣка. Есть чѣмъ похвастать европейцамъ!

Трудно сказать, кому изъ европейскихъ народовъ принадлежитъ пальма ервенства въ дѣлѣ распространенія описанной нами цивилизаціи и въ адѣленіи дикарей «дуновеніемъ высокой культуры». Голландцы, англичане, спанцы, португальцы и французы не уступятъ въ этомъ отношеніи другъ ругу ни одного лавроваго листочка изъ своей славы. Но къ прискорбію русскіе не безъ грѣха. Камчадаламъ и алеутамъ выпало первымъ на олю воспринять плоды цивилизаціи изъ рукъ именитыхъ русскихъ воиновъ разныхъ промышленниковъ. Атласовъ, открывшій Камчатку въ 1699 г. назначенный правителемъ края въ 1706 году, до того свирѣпствовалъ о ввѣренномъ ему краѣ, что его собственные подчиненные, казаки, возтали противъ него и завладѣли полуостровомъ. Но несчастнымъ камчаадаламъ отъ этого не стало лучше. «Спинѣ одинаково больно, кто не держитъ кнутъ», говоритъ геніальнѣйшій русскій публицистъ, и казаки, разъ привыкшіе къ убійствамъ и крови, звѣрски деспотствовали среди камчадаловъ. Исторія этого полуострова, со дня открытія его и до 1731 года, есть рядъ злодѣйствъ, убійствъ, возстаній и неистовыхъ кровопролитій. Наконецъ, терпѣніе камчадаловъ лопнуло, и они возстали на всемъ пространствѣ полуострова, какъ одинъ человѣкъ. И вотъ, несмотря на то, что камчадалы дикари, они однакожъ настолько были разумны, что успѣли составить на всемъ полуостровѣ заговоръ и сохранили его въ глубокой тайнѣ, такъ что такой прыти никто отъ нихъ не ожидалъ, и Берингъ, бывшій тогда тамъ съ войсками, никакъ не подозрѣвалъ, чтобы они были способны на такія энергическія предпріятія. Заговоръ, однакожъ, охватилъ весь полуостровъ и былъ до того хорошо организованъ, что съ удаленіемъ Беринга всѣ русскіе съ женами и дѣтьми были истреблены или взяты въ плѣнъ. Но Берингъ какъ-то возвратился, и тогда расплата была коротка...

Почти вся Океанія въ различной степени подверглась той-же участи. Въ Меланезіи, напримѣръ, мѣстному населенію много вреда причинили торговцы сандальнымъ деревомъ, обыкновенно англійскіе или американскіе капитаны, которые прибѣгали къ самымъ омерзительнымъ и гнуснѣйшимъ насиліямъ, чтобы добыть нужнаго товару. Присвоивая себѣ это дерево въ собственность вездѣ, гдѣ они только находили его, они естественнымъ образомъ вызывали туземцевъ на бой. Разъ, во время такой схватки, туземцы скрылись въ пещеру въ близь лежащей горѣ; матросы настигли ихъ, зажгли огонь у входа въ пещеру и задушили дымомъ всѣхъ укрывшихся въ пещерѣ.

Въ Новой Голландіи образованные англичане поступали съ туземцами самымъ варварскимъ образомъ. Полнѣйшее своеволіе—единственное явленіе, съ которымъ могли хорошенько ознакомиться туземцы. Наймутъ его на работу,—и въ большинствѣ случаевъ ничего не платятъ, или, во всякомъ случаѣ, несравненно меньше, чѣмъ европейскому работнику. Понятно, что туземцы предпочитаютъ нищенствовать и шататься безъ дѣла, чѣмъ работать даромъ. Вездѣ и во всемъ англичане обращались съ ними, какъ съ дикими животными, а потому они съ отвращеніемъ смотрѣли на прививаемую имъ культуру, хотя они довольно способны воспринять ее и развиваться. Лордъ Грей разсказываетъ случай, какъ одинъ туземецъ, получившій хорошее европейское образованіе и проявившій извѣстную долю дарованія, плюнулъ на все и возвратился къ своимъ въ дикіе первобытные лѣса. Кто-же позволитъ себѣ порицать его? Среди своихъ онъ нашелъ семью, почести, пріобрѣлъ имущество, а въ колоніи его презирали, онъ былъ голъ, одинокъ, ничто. «И я бы такъ поступилъ», говоритъ лордъ Грей.

Туземцы Тасманіи, которые были еще миролюбивѣе новоголландцевъ, уже не существуютъ болѣе. Это—дѣло европейскихъ рукъ.

Но болѣе всего вредили народамъ Океаніи колоніи преступниковъ. Тутъ европейцы строго придерживались малороссійской пословицы «ось тоби небоже, що мыни негоже». Все, что выплевывало европейское общество, отправлялось туда цивилизовать дикарей. Какъ это подчасъ совершалось, можетъ пояснить слѣдующій примѣръ. Преступникъ вручаетъ туземцу заряженное ружье и уговариваетъ его, чтобы онъ выстрѣлилъ самъ себѣ въ ухо, если хочетъ испытать пріятное ощущеніе, чтобы склонить къ этому, онъ сначала выстрѣливаетъ незаряженнымъ ружьемъ себѣ въ ухо. Понятное дѣло, что тасманіецъ застрѣлился и палъ самой жалкой жертвой самаго гнуснаго обмана со стороны представителя европейской цивилизаціи.

Когда колонія туда прибыла, то одинъ офицеръ вздумалъ позабавиться и угостить картечью мирныхъ чадъ очаровательной природы. Неистовства долго длились, наконецъ, мирныя дѣти не вынесли и возстали, чтобы пасть безвозвратно. Великій англичанинъ Дарвинъ съ горечью сознаетъ, что вся вина въ ихъ вымираніи всею своею тяжестью падаетъ на его соотечественниковъ. Нигдѣ истребленіе туземныхъ обитателей не совершалось съ такою жестокостью и нигдѣ ихъ такъ систематически не докопали до послѣдняго, какъ въ Тасманіи. Несмываемое пятно на XIX-мъ вѣкѣ. Вѣчный

прекъ ему! Все нами здѣсь приведенное, казалось, должно бы убѣдить каждаго, что нечего обвинять первобытныхъ народовъ въ неспособности усвоивать себѣ плоды цивилизаціи. Не они чуждались культуры, а культура всегда и вездѣ отшатывалась отъ нихъ!

До сихъ поръ мы описывали прямые и непосредственные удары, которые причиняли европейцы первобытнымъ племенамъ, но мы не коснулись вреднаго вліянія безнравственности мнимой европейской цивилизаціи. Понадобились-бы цѣлые фоліанты, чтобы описать послѣдствія той нравственной порчи, которую вносили европейцы въ жизнь и соціальный бытъ дикарей. И вліяніе этой нравственной порчи неизмѣримо хуже и глубже поражало, чѣмъ физическія страданія. Послѣднія дѣйствовали, какъ острая болѣзнь, которая, разъ поразивъ организмъ, оставляетъ его въ покоѣ; первыя бередили организмъ хронически, отравляя всѣ соки его, какъ злокачественная язва, какъ разъѣдающій ракъ, какъ венерическая зараза.

Всѣ жестокости и злодѣйства, которыми надѣляли европейцы первобытныхъ народовъ, еще пол-бѣды, но нравственное растлѣніе, привитое къ нимъ, едва ли излечимо. Были моменты въ исторіи, когда человѣческое общество подвергалось страшному истребленію, но оно совершалось въ силу нравственной идеи и потому ударъ былъ временный, безъ дурныхъ послѣдствій, и какъ только ударъ миновалъ, общество быстро оправлялось, уходило впередъ и становилось еще могущественнѣе прежняго. Какъ часто упрекали французскую революцію или Петра Великаго въ кровопролитіи и при этомъ упускали изъ виду, что эти ужасныя кровопролитія имѣли всегда временный характеръ и были лишь минутнымъ несчастьемъ, но они не портили нравственно массы народной на нѣсколько поколѣній, между тѣмъ, какъ благодѣтельныя послѣдствія такихъ историческихъ явленій, какъ французскій переворотъ XVIII вѣка или Петръ Великій, чувствуются до сихъ поръ чуть не въ каждомъ уголку земного шара. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы цѣль оправдывала средства или чтобы мы оправдывали эти явленія исторической необходимостью; мы только констатируемъ фактъ и говоримъ, что изъ двухъ золъ все-же лучше выбрать меньшее. Какой-нибудь Наполеонъ, можетъ быть, меньше истребилъ людей, чѣмъ французская революція, но онъ нравственно растлилъ, можетъ быть, не одно поколѣніе. Но когда эти два фактора соединяются вмѣстѣ — и физическое истребленіе и нравственное растлѣніе, тутъ ужь ничего не подѣлаешь. Остается одно — пропадать, хоть будь семи пядей во лбу. У первобытныхъ же народовъ не то что семи пядей, а лба-то

совсѣмъ подчасъ нѣтъ. Гдѣ же имъ было бороться съ такими мог
силами, и что оставалось имъ дѣлать, какъ не вымирать, вымир
вымирать...

Несправедливость, оказанная европейцами первобытнымъ племенам
и потому заслуживаетъ строжайшаго порицанія, что она въ высшей
пени вредна самимъ-же европейцамъ, и, конечно, никто не станет
верждать, что истребленіе первобытныхъ племенъ можетъ принести
пейцамъ какую-бы то ни было пользу. Европейцы, еслибъ они да
ставили себѣ задачей распространеніе цивилизаціи, не должны бы
упускать изъ виду, что природа не любитъ однообразій, и насиль
вязывать другимъ свое выработанное вѣками—значитъ стремиться
сти всѣхъ и все къ одному уровню, сравнять все, что, по меньшей
невозможно и немыслимо. Цивилизація, какъ плодъ высшаго развитія
турныхъ народовъ, есть та могущественная сила, которая сближает
дей, бывшихъ, въ естественномъ состояніи, во враждебныхъ отнош
Она группируетъ въ органическое цѣлое разрозненные элементы
даетъ человѣческому обществу прочность и независимость, дѣлает
можнымъ, что огромное количество спящихъ силъ становится своб
Освободившіяся силы и влекутъ общество къ высшему развитію. Ц
зація, слѣдовательно, одна даетъ возможность раскрыть, проявить
наружить дѣятельность человѣческаго духа. Но такую дѣятельнос
различной степени и разнообразной формѣ или въ большей или м
мѣрѣ, способенъ проявить каждый народъ. А потому главная задач
лизованныхъ народовъ въ отношеніи нецивилизованныхъ состоитъ в
томъ, чтобы имъ передать хорошія стороны цивилизаціи, а не ист
ихъ самыми могущественными средствами, какими надѣлила ихъ ц
зація. Цивилизованные народы должны при этомъ постоянно им
виду, что ничто такъ не вредитъ развитію, какъ возвратъ въ ди
стояніе, потому-что это нравственное паденіе слѣдуетъ, съ возраст
скоростью, обыкновеннымъ законамъ паденія. Грубое обращеніе с
рями прямо повлекло европейцевъ назадъ, и продолжительное вар
истребленіе дикарей имѣло своимъ первымъ послѣдствіемъ нравс
паденіе самихъ европейцевъ. Цѣлые отдѣлы образованныхъ народ
силу причиненной дикарямъ несправедливости и благодаря своей л
и любостяжанію, впали въ крайнее варварство или остановились в
витіи. Такъ голландцы на мысѣ Доброй Надежды, испанцы, порту
и отчасти англичане въ Америкѣ потеряли значеніе цивилизованны

цовъ и значительно приблизились къ тѣмъ, которыми они прежде такъ гшались. Вѣчное проливаніе крови и постоянныя убійства сдѣлали ихъ внодушными къ человѣческимъ страданіямъ и наполнили ихъ душу звѣрю жестокостью. Съ другой стороны разнообразіе окружающей насъ прицы не допускаетъ однообразія въ цивилизаціи. Разнообразныя способти и свойства дикарей продуктированы втеченіи вѣковъ естественными ловіями каждой страны и имѣютъ вездѣ свое незамѣтное значеніе и вновѣсное достоинство, которымъ скорѣе слѣдуетъ пользоваться, а не пренебрегать. На всемъ земномъ шарѣ происходитъ работа: кому суждено, объ у него преобладала физическая работа, — кому умственный трудъ стался въ преимущественный удѣлъ; у одного производительнѣе умственй трудъ, у другого физическій, а у иного оба рода работы въ полной рмоніи. Но пока suum cuique. Крайнимъ температурамъ тропическихъ полярныхъ странъ суждено проявить преобладающую продуктивность теріяльныхъ силъ, умѣренному же поясу—интеллектуальныхъ силъ. Выкая степень развитія интеллектуальныхъ силъ едва ли возможна подъ опиками, гдѣ крайняя температура дѣйствуетъ разслабляющимъ обрамъ какъ на туземцевъ, такъ и на европейцевъ. Но такъ-какъ европеецъ е-таки сразу нигдѣ не можетъ аклиматизироваться, то въ личномъ инресѣ европейца, чтобъ ему туземецъ былъ всегда и во всемъ помощнимъ и другомъ. На-сколько было бы лучше для всѣхъ колоній, еслибъ мѣсто кровопролитій, туземцы нашли въ переселенцахъ наставниковъ, а реселенцы въ туземцахъ помощниковъ и интеллигентныхъ рабочихъ. Отда понятно, насколько практичнѣй для европейца заботиться о сохраненіи и развитіи туземныхъ племенъ.

Хорошее знакомство съ окружающей природой, которымъ обладаютъ тественныя племена,—такой кладъ, которымъ никакъ не слѣдуетъ пребрегать. Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ создали такую богатую и оригильную культуру, что разрушеніе ея навсегда останется невозградимою терей для человѣчества. Даже мехиканская мораль достигла такой чиоты, что многіе ея принципы едва ли уступятъ христіанскимъ. Во всямъ случаѣ, въ интересѣ цивилизаціи имѣть самые разнообразные центры льтуры. Человѣчество отъ того можетъ лишь выиграть. Различіе культуръ ѣетъ ту неоспоримую выгоду, что ихъ взаимное столкновеніе, соревноніе, соперничество, конкуренція, самостоятельное творчество обогащаютъ разнообразятъ человѣческій интеллектъ до безконечности, а это, въ концѣ нцовъ, приводитъ лишь къ стройному и разнообразному въ однообразіи.

А потому все, что осталось отъ первобытныхъ племенъ (а осталось гораздо больше, чѣмъ думаетъ читатель) должно быть пощажено. Борьба за существованіе и естественный подборъ сдѣлаютъ свое дѣло безъ насильственнаго вмѣшательства человѣка. Нечего его торопить и через-чуръ ему споспѣшествовать. Сильнѣйшіе и безъ того побѣдятъ слабѣйшихъ; они распространятъ свое могущество и, во всякомъ случаѣ, будутъ господствующими. Но это сдѣлается само собою, безъ опіума, безъ огня и меча, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Средство въ рукахъ людей, но цивилизованные народы должны выказать свое превосходство надъ первобытными племенами не въ физической, все уничтожающей и все сокрушающей силѣ: превосходство ихъ должно выражаться въ умственномъ и нравственномъ совершенствѣ. Вотъ единственное орудіе, которое вправѣ цивилизованные народы пустить въ ходъ въ своей борьбѣ за жизнь съ дикими народами.

Что-же нужно сдѣлать, чтобъ поднять духъ первобытныхъ народовъ и не дать имъ погибнуть окончательно? А все то, что нужно сдѣлать вообще для спасенія каждаго народа. Хотите поднять духъ этихъ народовъ? — Вызовите въ нихъ чувство собственнаго достоинства, устраните навязанные имъ такъ щедро пороки и подѣйствуйте на ихъ хорошую сторону, оживляя и укрѣпляя ее. Необходимо ихъ прежде сдѣлать людьми, а потомъ уже христіанами, говоритъ Герландъ. Для этого необходимо обезпечить ихъ естественныя права, признать неприкосновенною ихъ собственность, ту почву, на которой они живутъ, и строго слѣдить за тѣмъ, чтобы колонисты не причиняли имъ ни малѣйшей несправедливости, — иначе говоря, поставить на мѣстѣ всерастлѣвающаго принципа эксплуатаціи и анархіи принципъ человѣческой и соціальной солидарности. Понятное дѣло, что такихъ людей, какъ лордъ Грей, немного найдется, но все-же государства, владѣющія колоніями, могутъ установить такое управленіе, которое гарантировало бы туземцамъ свободу и право на жизнь. Но до сихъ поръ англійскіе и вообще европейскіе матросы руководствовались лишь однимъ правомъ, — правомъ насилія, правомъ кулака. Преступленія, совершаемыя ими, остаются безнаказанными, между тѣмъ какъ малѣйшее преступленіе со стороны туземцевъ въ отношеніи европейцевъ наказывается съ строжайшею жестокостью. Такая несправедливость явно свидѣтельствуетъ о нравственной несостоятельности самихъ европейцевъ и одинаково вредна какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Какое понятіе могутъ себѣ составить цвѣтные люди о нравственности бѣлыхъ, когда имъ приходится

ыть свидѣтелями слѣдующей катастрофы. На одномъ изъ острововъ Микронезіи какой-то купецъ продалъ огнестрѣльное оружіе враждебному племени. Король велѣлъ его убить. Тогда весною 1867 г. прибылъ англійскій военный корабль «Персеусъ» подъ начальствомъ капитана Стивенса, чтобъ потребовать возмездія. Изслѣдовавъ дѣло, Стивенсъ убѣдился, что купецъ поступилъ безчестно, продавая оружіе врагамъ; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился строго наказать (для примѣра, значитъ) виновныхъ и потребовалъ казни короля. Островитяне, угрожаемые непобѣдимою армадою военнаго корабля, рѣшились не сопротивляться, но просили, чтобы приговоръ надъ королемъ, по крайней мѣрѣ, исполнили матросы корабля, но на это Стивенсъ никакъ не хотѣлъ согласиться. «Островитяне сами должны его казнить». И островитяне сами казнили своего короля. Но этого мало. Островитяне провозгласили своимъ королемъ самого капитана. Стивенсъ возложилъ на свою главу корону и поспѣшилъ de facto доказать, что онъ вполнѣ достоинъ своего предшественника и умѣетъ пользоваться своимъ правомъ, какъ слѣдуетъ. Тотчасъ онъ издалъ декретъ, которымъ всѣмъ подданнымъ повелѣно было доставить на бортъ корабля куръ, яицъ, плодовъ и всего, чего можно было достать. Все было немедленно и безпрекословно исполнено. Конечно, все это королю досталось безъ всякой платы, хотя нѣкоторыхъ подданныхъ, особенно усердныхъ, импровизированное величество и вознаградило всякими бездѣлушками, ножиками, ножницами и т. п. Собравъ дань, король удалился, предоставивъ туземцамъ выбрать себѣ короля по своему вкусу.—Это постыдное дѣло совершилось на глазахъ всей образованной Европы, подъ эгидой англійскаго флага, и всѣ газеты передавали этотъ фактъ, какъ забавный анекдотъ, какъ молодецкую штуку! Такъ поступать значитъ оскорблять чувство справедливости и гуманности. И это дѣлаетъ не Нагиба Степановъ, а представитель пресловутой поборницы человѣческихъ правъ Англіи, и во имя справедливости. И такой пошлый поступокъ приводитъ въ восторгъ всю европейскую публику! Пока будутъ имѣть мѣсто такія явленія, до тѣхъ поръ первобытнымъ племенамъ нечего ждать добра, до тѣхъ поръ и европейцамъ нечего хвастать, что они въ нравственномъ отношеніи ушли дальше дикарей.

Правительства и общества развитыхъ людей должны употребить всѣ свои силы, чтобы искоренить всѣ эти несправедливости. Такія улучшенныя отношенія поднимутъ нравственность самихъ европейцевъ, подвинутъ ихъ дальше на пути прогресса, и тогда цивилизація принесетъ всему чело-

вѣчеству несмѣтное благо. Мы нисколько не впадемъ въ преу
если скажемъ вмѣстѣ съ Герландомъ, что все сдѣланное вт
для нравственнаго возвеличенія бѣлыхъ въ той-же мѣрѣ отрази
цвѣтныхъ.

Позитивная философія, устами de Pomprey утверждаетъ *), чт
сентиментальнымъ людямъ непріятна та истина, что chaque p
généralement que le gouvernement qu'il mérite». De Pomper
насъ причислить къ сентиментальнымъ людямъ, но приведенные на
и обобщенія даютъ намъ право придти къ другому заключенію.
ждены, что нѣтъ на всемъ земномъ шарѣ ни одного народа, к
заслуживалъ-бы лучшаго соціально-политическаго строя, чѣмъ
торый онъ имѣетъ. Данныя, нами приведенныя, всѣ прямо гов
пользу этого положенія.

---

*) La Philosophie positive. 1870. № 5. Стр. 277.

О ВЫРОЖДЕНІИ.

Sublata causa, tollitur effectus.
Съ удаленіемъ причины изчезаетъ и слѣдствіе.

I.

Присматриваясь къ явленіямъ обыденной жизни, наблюдателю невольно бросается въ глаза то разнообразіе испорченныхъ характеровъ и организацій, которыми отличается современное человѣчество. Публика привыкла смотрѣть на всѣ эти явленія разнообразія, какъ на простую случайность; ей непріятно и больно выслушивать отъ людей науки объясненіе причинъ этихъ явленій, потому-что такого рода объясненія указываютъ на недостатокъ ея пониманія и нарушаютъ то обычное міросозерцаніе, которое привыкло отъ всего отдѣлываться непосредственнымъ чувствомъ или вѣрой въ традицію. Приходится отказаться отъ многихъ привычекъ, обусловливаемыхъ самыми запутанными отношеніями соціальнаго положенія. Притомъ всегда легче и лучше сваливать вину на разныя отвлеченныя силы, удобнѣе прикрываться причудливостію случая, чѣмъ прямо смотрѣть на вещи, проникать въ суть ихъ и быть господиномъ обстоятельствъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣчество вообще очень чувствительно къ своимъ интересамъ, но ему въ большинствѣ случаевъ недостаетъ умѣнья взяться за свое собственное дѣло. И вотъ почему только немногимъ выпало на долю идти путемъ развитія и совершенствованія; большинство же ими отстаетъ, или уклоняется отъ прямого пути. Всегда и вездѣ передъ человѣчествомъ лежали два пути — прогрессивный путь усовершенствованія и регрессивный путь искаженія, порчи, вырожденія. По первому пути

слѣдовало всегда ничтожное меньшинство; второй же путь до сих
считался неизбѣжнымъ, предопредѣленнымъ: никакъ вѣрить не хотѣ
онъ результатъ извѣстныхъ условій, удобно и просто видоизмѣн
ему покорялись добровольно съ такою готовностью, что было прост
и оскорбительно для сознанія человѣческаго достоинства. Наше ж
тѣмъ отличается, что оно вполнѣ раціонально анализируетъ раз
явленій, опредѣляетъ и выясняетъ причинную ихъ связь. Это полож
лучшая сторона науки. Судите сами. Масса фактовъ, подмѣченны
блюдателями, привела къ извѣстнаго рода обобщеніямъ. Обобщені
возможность руководствоваться тѣми или другими принципами въ к
конкретномъ случаѣ. Одни люди пользуются во всю жизнь хороши
ровьемъ, правильнымъ и нормальнымъ отправленіемъ всѣхъ своих
ологическихъ функцій, производятъ на свѣтъ здоровое и счастли
томство; другіе хирѣютъ всю жизнь, не знаютъ ни одного счастлив
покоя и благополучія и производятъ на свѣтъ самое чахлое по
кое-какъ прозябающее, или не производятъ вовсе никакого потомст
категорія людей (это, конечно, преобладающее большинство), к
объясняетъ все это случаемъ или предопредѣленіемъ, страдаетъ н
домъ шагу отъ своего собственнаго невѣжества, принимаемаго за в
бѣдствуетъ среди условій и обстоятельствъ, которыя, при лучшемъ у
она могла-бы употребить въ свою собственную пользу и воспольз
ихъ выгодами. Напротивъ того, тѣ люди, которые доискиваются во
разумныхъ основаній, находятся на настоящемъ пути къ достиже
ланной цѣли, т. е. хорошей жизни.

Вся наука, цѣликомъ взятая, выработала одинъ великій всеобъе
законъ, охватывающій всѣ явленія окружающей насъ природы и
какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ и въ будущемъ.
этотъ не знаетъ исключеній. Онъ также не терпитъ никакихъ возр
Онъ господствуетъ во всей природѣ, начиная колоссальными явлен
кончая мельчайшими подробностями. Абсолютное господство его пр
непоколебимо. Законъ этотъ — законъ связи причины и слѣдствія
стремленія и всѣ упованія науки сводятся на разъясненіе разнообр
шихъ сторонъ и явленій этого міроваго закона. И если-бы этотъ
вытѣснилъ въ умахъ людей всѣ другія ошибочныя мнѣнія и замѣн
собою всѣ ложныя людскія понятія, человѣчество достигло бы кр
формъ счастья и благоденствія. Поэтому наука адресуется съ одн
корнѣйшей просьбой къ человѣчеству — разъяснять явленія, отыс

хъ причины, выбирать хорошія и устранять дурныя и, такимъ образомъ, и измѣнять себя, совершенствоваться.

Убѣдились, что организація человѣческая—продуктъ извѣстныхъ условій. Условія эти разнообразятъ человѣческую организацію. Но это разнообразіе все-таки двоякое,—хорошее и дурное. Хорошія условія представляютъ намъ такую людскую организацію, которая физически и интеллектуально вполнѣ благоденствуетъ и, такъ-сказать, безупречна. Положимъ, что это идеалъ, но онъ возможенъ въ большей или меньшей степени. Все-же не особенная исключительная рѣдкость физически и интеллектуально здоровый человѣкъ. Процентъ ихъ не великъ, но не настолько, какъ это утверждаютъ пессимисты. Онъ кажется незначительнымъ въ силу присущаго человѣчеству стремленія къ еще большему совершенствованію и слѣд. въ силу недовольства, неудовлетворенности настоящимъ, хотя оно неизмѣримо лучше прошлаго. Но гораздо большее число людей физически и интеллектуально несостоятельныхъ, искалѣченныхъ, искаженныхъ, обезображенныхъ такъ-называемой судьбой, то есть, неблагопріятными обстоятельствами жизни. Любое европейское общество отъ Нордкапа до Гибралтара и отъ Уральскаго хребта до береговъ Атлантическаго океана кишитъ безчисленнымъ множествомъ золотушныхъ, сифилитиковъ, кретиновъ, глухонѣмыхъ чахоточныхъ, подагриковъ, эпилептиковъ, идіотовъ, сумасшедшихъ, ипохондриковъ, истеричныхъ, нервныхъ и проч. и проч. Явленіе это нехорошее. Чѣмъ больше такихъ субъектовъ въ народѣ, тѣмъ хуже для него, тѣмъ меньше у него наличныхъ, физическихъ и интеллектуальныхъ силъ, отъ совокупности которыхъ зависитъ его прогрессивное развитіе и его счастье. Сумму этихъ явленій наука называетъ вырожденіемъ. Она указываетъ намъ на причины этихъ явленій и предлагаетъ мѣры къ ихъ устраненію.

Итакъ, кто всю жизнь хвораетъ золотухой или сифилисомъ, чахоткой, подагрой, эпилепсіей, сумасшествіемъ, ипохондріей, истерикой, кто передаетъ это жалкое достояніе въ наслѣдство своему потомству или настолько исковерканъ этими болѣзнями, что не можетъ оставлять по себѣ потомства, — кто родился на свѣтъ людской глухонѣмымъ, идіотомъ, кретиномъ, — кто получилъ одностороннее воспитаніе такого рода, что незнакомъ ни съ чѣмъ, что выходитъ изъ круга его узкой рамки, его ограниченной спеціальности, — кто грубо преданъ своимъ страстямъ и живетъ лишь въ угоду своей утробѣ, — кто рабски подчиняется обстоятельствамъ, хотя-бы для того ему пришлось торговать своею совѣстью, — кто нравственно искаженъ до того, что ежеминутно готовъ мѣнять свои убѣжде-

нія, ежеминутно оскорбляетъ самыя простыя понятія о чести и, наконецъ, доводитъ себя до самоубійства, какъ Дельво и Прево-Парадоль, — кто отстаиваетъ рабство въ какой-бы то ни было формѣ и защищаетъ разныя отжившія привилегіи, — кто самъ пріучилъ свою спину и душу рабски примѣняться къ обстоятельствамъ и вездѣ на каждомъ поприщѣ общественной и государственной жизни являться лишь тормазомъ вводимыхъ улучшеній и охранителемъ рутины, — тотъ, значитъ, уклоняется отъ нормальнаго типа, тотъ вырождается.

Быть вырожденіемъ весьма непріятная вещь. Всю жизнь сознавать себя физическимъ и нравственнымъ ничтожествомъ... что можетъ быть печальнѣе этого! Всю жизнь хирѣть той или другой неизлѣчимой болѣзнью, быть въ тягость самому себѣ, вѣчной обузой для всѣхъ окружающихъ, «упрекомъ Богу на землѣ», видѣть свое потомство физически и нравственно обиженнымъ, видѣть въ немъ живой укоръ своимъ погрѣшностямъ, своей глупой и развратной жизни, видѣть въ немъ самый печальный результатъ всей жизнедѣятельности, а съ другой стороны тутъ-же казниться успѣхами и превосходствомъ сосѣда... что можетъ быть ужаснѣе этого?

Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣчеству врождено стремленіе къ лучшему. Представьте самому закоренѣлому преступнику описаніе его собственной жизни и характеристики нравственнаго совершенства какого-нибудь Гарибальди... не можетъ быть никакого сомнѣнія, что каждый человѣкъ предпочтетъ скорѣе быть какимъ-нибудь Гарибальди, но немного найдется такихъ субъектовъ, которые желали-бы быть Тропманами, Шиповскими, разными Дельво, Базэнами, на которыхъ лежатъ грѣхи и преступленія цѣлыхъ поколѣній.

Откуда-же такая разница въ людяхъ? Неужели такъ-таки и суждено однимъ быть хорошими, а другимъ уродами? Мы не думаемъ. Мы лишь убѣждены въ томъ, что тому и другому явленію служатъ причинами опредѣленныя условія и что во власти людей руководствоваться этими условіями. Люди имѣютъ полную возможность и полное право избрать тѣ или другія условія, но имъ недостаетъ знанія и умѣнья.

Существуетъ также громадный предразсудокъ въ обществѣ, что люди, выдающіеся своими интеллектуальными качествами и замѣчательными нравственными достоинствами, отличаются хилымъ физическимъ здоровьемъ и болѣзненнымъ тѣлосложеніемъ. Многіе смотрятъ на это также, какъ на неизбѣжное явленіе, вопреки положительному увѣренію латинскаго тезиса, что in corpore sano—mens sana. Правда, это правило имѣетъ

жество такихъ кажущихся исключенiй, что можно усомниться въ справедливости его.

акъ Аристотеля рисуютъ тощимъ, сухощавымъ и очень мизернымъ съ . Эразмъ былъ очень небольшого роста и слабаго здоровья. Линней ъ самое деликатное тѣлосложенiе, что не мѣшало ему предпринимать я трудныя путешествiя и самыя тяжелыя работы. Въ своихъ изысiяхъ по естественнымъ наукамъ, онъ переносилъ жажду, голодъ, ужасы зни и самыя крайнiя температуры. Попе былъ маленькаго роста и а болѣзненъ. Декартъ и Лагарпъ также не могли похвастать своимъ вьемъ. Патрiархъ науки въ началѣ нашего столѣтiя, А. Гумбольдтъ, самаго нѣжнаго тѣлосложенiя, въ дѣтствѣ и молодости постоянно ълъ и не подавалъ никакихъ надеждъ на продолжительное существо-, а тѣмъ менѣе на какое-нибудь выдающееся умственное развитiе. ъ былъ очень слабаго здоровья и разъ даже сходилъ съума. Бѣлинбылъ въ высшей степени чахоточный и умеръ рано отъ задушившей дышки. Добролюбовъ умеръ 26 лѣтъ и не отличался особеннымъ вьемъ. Писаревъ также сходилъ съума и необыкновенно былъ нервенъ. то тѣмъ хуже. Это только доказываетъ, что человѣчество очень много ряло, что всѣ эти люди были такого болѣзненнаго тѣлосложенiя. Нѣтъ нiя, что будь они физически здоровѣе и лучше развиты, проживи дольше, они были-бы свободны отъ нѣкоторыхъ крайностей, они соз--бы еще болѣе полезныя творенiя, высказали-бы еще больше благоыхъ идей, принесли бы человѣчеству еще больше пользы. А что хое физическое здоровье нисколько не мѣшаетъ высокой степени интелуальнаго развитiя, доказываютъ слѣдующiе факты. Историки рисуютъ рона, какъ человѣка высокаго роста, мужественнаго. Арiостъ, Тассъ, ль-Анджело, Леонардо и Винчи были хорошо сложены, крѣпкаго тѣоженiя, способнаго переносить разныя невзгоды. Боссюэтъ, Корнель, еръ, Расинъ, лордъ Байронъ, Гете отличались красивымъ тѣлосложе-, высокимъ ростомъ и мужественностью. Вашингтонъ былъ predно сложенъ. Кантъ прожилъ лѣтъ 80 и почти не зналъ, что е болѣзнь. То-же самое Спиноза. Дарвинъ дожилъ уже теперь глубокой старости и не особенно жалуется на свое здоровье, неря на то, что ему приходилось объѣхать полмiра, иной разъ верна черепахѣ. Кто не знаетъ чудака дѣдушку Крылова, пользовався отмѣннымъ здоровьемъ? Но самымъ вопiющимъ опроверженiемъ ложвзгляда, что хорошее интеллектуальное развитiе не уживается съ до-

родствомъ, служитъ безцѣнный ученый Карлъ Фогтъ, своимъ брюшкомъ напоминающій скорѣе русскаго купца, отжирѣвшаго на палатахъ, чѣмъ нѣмецкаго ученаго, неутомимаго въ своихъ ученыхъ изысканіяхъ и неподражаемаго своимъ юморомъ и отсутствіемъ педантизма. Посмотрите на него въ его путешествіи на сѣверъ... какъ онъ умѣлъ самое серьезное дѣло обставить простотой и безъискуственностью, заинтересовать всѣхъ содержаніемъ и дѣльностію предпріятія и своимъ юморомъ возбудить и поддержать энергію всѣхъ окружающихъ! Отсюда мы все-таки вправѣ придти къ тому заключенію, что самыя блестящія умственныя способности, что большинство геніальныхъ проявленій есть удѣлъ людей съ хорошимъ физическимъ здоровьемъ и встрѣчается преимущественно у людей, физически хорошо развитыхъ, стройной организаціи и красиваго роста.

Было-бы также непростительной ошибкой по одному какому-нибудь виду вырождающихся уродовъ судить о состояніи цѣлой націи. Народъ можетъ имѣть весьма ограниченное число умственныхъ и физическихъ уродовъ, но въ то-же время еще меньше интеллектуально-развитыхъ личностей; такой народъ въ соціальномъ отношеніи будетъ гораздо ниже того народа, у котораго хотя число уродовъ и довольно значительно, но значеніе ихъ въ соціальномъ отношеніи слишкомъ ничтожно и далеко уступаетъ въ преобладаніи интеллектуально-развитому классу. Извѣстно, насколько богата кретинами Швейцарія и нѣкоторыя другія европейскія мѣстности; извѣстно, что зобатыхъ и кретиновъ также очень много въ уральскихъ и алтайскихъ мѣстностяхъ, но никто не станетъ утверждать, что швейцарскій народъ въ соціальномъ отношеніи ниже какой-нибудь Испаніи, гдѣ кретиновъ очень мало. Такъ, по Гауснеру, въ австрійской имперіи 18,000 кретиновъ, а въ Норвегіи 800; во Франціи и Швейцаріи по 16,000 кретиновъ, а въ Швеціи и Саксоніи по 1,600. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что Франція или Швейцарія ниже Швеціи и Саксоніи. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, большее или меньшее число такихъ уродовъ, въ концѣ концовъ, указываетъ на степень соціальнаго положенія. Такъ по тому-же Гауснеру, въ кантонѣ Валлисѣ, въ Швейцаріи, одинъ кретинъ приходится на 23 жителя, а въ кантонѣ Граубинденѣ на 43 человѣка. Далѣе число кретиновъ пропорціонально расположено въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Савойѣ одинъ на 56; въ Швейцаріи вообще одинъ на 158; въ Вюртембергѣ одинъ на 350, въ Баваріи одинъ на 850; въ Саксоніи одинъ на 1,390; въ Норвегіи одинъ на 1,900; въ Австріи одинъ на 1,950; во Франціи одинъ на 2,460; въ Италіи одинъ на 7,500; въ Великобританіи

...нъ на 11,200 и въ Испаніи одинъ на 13,300. Такимъ образомъ, въ ...тонѣ Валлисѣ въ 850 разъ больше кретиновъ, чѣмъ въ Испаніи. Во ...й-же западной Европѣ ихъ 37,000 субъектовъ.

Какъ-бы то ни было, но это очень «больныя мѣста» Европы и ука...ютъ на дурное положеніе нѣкоторыхъ сторонъ ея соціальнаго быта. ... всякомъ случаѣ было-бы несравненно отраднѣе не встрѣчаться съ та... печальными фактами, наводящими уныніе на самые спокойные ха...ктеры, неотличающіеся особенной сентиментальностью. Вѣроятно, очень ...чально зрѣлище, когда приходится обозрѣвать цѣлыя массы вырожда...хся людей, что даже Карлъ Фогтъ разчувствовался при видѣ лепроз...хъ во время своего путешествія по Норвегіи. Ему пришлось въ Бергенѣ ...сѣтить госпиталь для больныхъ проказою, и вотъ какое впечатлѣніе на ...го произвели эти больные. «Видъ этихъ больныхъ по истинѣ ужасенъ, ... несмотря на то, что между нами нѣкоторые были какъ-бы застрахованы ...укой и дипломомъ отъ подобныхъ впечатлѣній, мы не могли удержаться ...ъ содроганья, выйдя на чистый воздухъ изъ этихъ ужасныхъ сферъ. ...ще не рѣшенъ вопросъ, какимъ образомъ голодъ, нищета, тяжелый трудъ ... бурю и непогоду, гадкая пища и пренебреженіе ко всякой заботливо...и о чистотѣ *) производятъ въ этихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ такую ...жасную болѣзнь; но извѣстно, что эта эпидемія проявляется въ чрезвы...айныхъ размѣрахъ и что, можетъ быть, до 100,000 человѣкъ на протя...женіи всего берега, вплоть до самаго Дронтгейма, больны ею. Эта болѣзнь, ...оторую считаютъ за истинную проказу, за lepra среднихъ вѣковъ, не ...разительна; но она зачастую свирѣпствуетъ въ семействѣ до тѣхъ поръ, ...ка не передушитъ всѣхъ его членовъ. И, къ несчастью, она проявляется ...быкновенно въ такомъ возрастѣ, когда люди, которые имѣли ее уже въ ...рови, произвели потомство и передали ее своимъ дѣтямъ» **). Такія стра...ицы можно прочесть въ любой исторіи соціальнаго положенія всякаго ...рода и эти явленія, конечно, принадлежатъ къ самымъ мрачнымъ. Они ...дѣтельствуютъ о соціальной грѣховности и указываютъ на тѣ ужас...ыя послѣдствія, какія влечетъ за собою соціальное убожество. Понятно,

*) Странно! Чего-же еще нужно Фогту? Неужели онъ доискивается конеч...хъ причинъ? Казалось-бы достаточно знать, что всѣ эти условія произво...ятъ проказу, чтобы убѣдиться, куда слѣдуетъ направить свою дѣятельность ...отивъ этого зла!

**) К. Фогтъ, Путешествіе на сѣверъ, стр. 54.

что чѣмъ больше такихъ явленій у извѣстнаго народа, тѣмъ печальнѣе его положеніе, тѣмъ меньше обезпеченъ онъ въ соціальномъ и политическомъ отношеніи, тѣмъ менѣе онъ состоятеленъ. Но одно такое явленіе, какъ оно ни компрометируетъ націю, не можетъ считаться вѣрнымъ ручательствомъ близкаго паденія и окончательнаго вырожденія или вымиранія самой націи. Тѣ-же норвежцы, у которыхъ цѣлая сотня тысячъ людей подвержена неминуемому вырожденію въ силу соціальныхъ недостатковъ, въ остальныхъ своихъ частяхъ представляютъ самое отрадное явленіе, достойное подражанія. И только благодаря тому, что хорошіе элементы интеллектуальнаго и соціальнаго развитія преобладаютъ въ ней, нація здорова во всѣхъ отношеніяхъ и находится на пути прогресса и совершенствованія, вопреки самымъ невыгоднымъ климатическимъ, теллурическимъ и космическимъ условіямъ. Извѣстно, какая жалкая каменистая и безплодная почва Норвегіи, какъ суровъ ея климатъ, какъ бѣдна продуктивность ея страны, но тѣмъ не менѣе благосостояніе ея въ большинствѣ случаевъ въ благопріятныхъ отношеніяхъ, что легко измѣряется ея незначительной смертностью, которую Гаусперъ опредѣляетъ чуть-ли не меньшей, чѣмъ во всей остальной Европѣ. Именно въ Норвегіи умираетъ одинъ на 53,6, между тѣмъ какъ въ Россіи, напримѣръ, умираетъ одинъ на 29,6. И это нисколько не мудрено, потому-что тамъ большинство населенія пользуется такими соціальными преимуществами, въ которыхъ имъ не стыдно позавидовать любому европейскому народу. Особенно благопріятствуетъ хорошему существованію этого народа то обстоятельство, что эти соціальныя преимущества равномѣрно распредѣлены во всѣхъ слояхъ общества. «Цивилизованный классъ, говоритъ Карлъ Фогтъ, — стоящій надъ низшими слоями, сталъ до того сходенъ вездѣ, что различается весьма мало въ разныхъ странахъ. Норвежцы, съ которыми намъ пришлось столкнуться, наиболѣе походили по языку, нравамъ и обычаямъ на сѣверныхъ германцевъ, съ которыми они по-преимуществу сносятся. Это высокообразованные, обходительные, въ высшей степени вѣжливые люди, говорящіе часто на нѣсколькихъ языкахъ, закончившіе свое образованіе за-границей и питающіе безграничную любовь къ своей родинѣ и ея свободной конституціи» *).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что съ понятіемъ вырожденія, особенно тамъ, гдѣ дѣло касается цѣлаго народа, нужно быть очень осторожнымъ,

---

*) К. Фогтъ, Путешествіе на Сѣверъ, стр. 251.

ы излишней утрировкой не впасть въ крайность. Читателю теперь , что разумѣетъ наука въ общихъ чертахъ подъ словомъ вырожденіе. здѣсь снова нѣсколько расходимся съ Рейхомъ. Рейхъ до того обоб-гъ явленія вырожденія, что читатель легко можетъ подумать, будто ій человѣкъ, страдающій хотя самой слабой формой золотухи, уже по-іее или погибающее созданіе, самый жалкій субъектъ, обреченный лишь зырожденіе и вымираніе и ни на что другое не пригодный. По мнѣнію са, приходится допустить, что кто хоть разъ въ жизни имѣлъ малѣй-соприкосновеніе съ Венерой, подлежитъ изгнанію, какъ нечестивецъ, міра непорочныхъ. Онъ доходитъ до такихъ крайностей, что считаетъ :аго, страдающаго геморроемъ или подагрой, физическимъ, а можетъ ь, и нравственнымъ уродомъ. Словомъ, по мнѣнію Рейха, изъ всей внѣш-и внутренней обстановки человѣка нѣтъ ни одного обстоятельства, ни то фактора, который не уродовалъ-бы человѣка. Мы не раздѣляемъ о взгляда и постараемся доказать читателю, что только самыя рѣзкія райнія условія, вредныя человѣческой организаціи, способны уродовать доводить до вырожденія. Рейхъ далѣе выставляетъ формами выро-ія чуть не большинство встрѣчающихся въ общежитіи болѣзней и и всѣ профессіи, отправляемыя людьми. Мы отказываемся придержи-ся того способа изложенія, а прямо отнесемъ всѣ формы вырожденія двумъ главнымъ господствующимъ причинамъ — физическимъ и обще-ннымъ или такъ называемымъ нравственнымъ. Сперва мы разсмотримъ ческія условія вырожденія, и-то лишь наиболѣе выдающіяся, и за-ь прослѣдимъ общественныя.

изическія причины, обусловливающія вырожденіе, по нашему крайнему мѣнію, довольно ограничены. Онѣ сводятся на нѣкоторые яды, про-кительное или излишнее употребленіе которыхъ дѣйствительно иска-гъ человѣка во всѣхъ его частяхъ. Что-же касается, напримѣръ, ой пищи, голода, нищеты, разныхъ профессій и ремеслъ, работы и тій съ разными вредными веществами на фабрикахъ и заводахъ (все Рейхъ также считаетъ физическими условіями, причиняющими вырож-), то мы ихъ относимъ всѣ къ соціальнымъ условіямъ. Итакъ, по ему мнѣнію, яды суть могущественнѣйшій факторъ, производящій вы-деніе. Изъ нихъ на первомъ планѣ алкоголь, которымъ мы здѣсь спе-ьно и займемся.

причинахъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ, «о пьянствѣ, о соціальномъ недугѣ» мы уже имѣли случай говорить въ другомъ

мѣстѣ. Здѣсь мы постараемся представить читателю картину индивидуальнаго страданія отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ и тѣ послѣдствія, которыя влечетъ за собой это излишество въ конкретныхъ случаяхъ.

Изъ предыдущей нашей статьи читатели уже знаютъ, что мы называемъ вырожденіемъ, главнымъ образомъ, такое измѣненіе въ нашемъ организмѣ, когда вмѣсто одной ткани является совершенно не кстати другая, вмѣсто мышечной — жировая, когда печень или другой органъ превращается въ кусокъ жиру или крахмала, когда известь является тамъ, гдѣ ей вовсе не слѣдуетъ быть. Теперь мы должны прибавить, что ни одно вещество, ни одинъ ядъ не производитъ этихъ измѣненій въ нашемъ организмѣ такъ быстро, такъ настойчиво и такъ постоянно, какъ алкоголь и вообще спиртные напитки. Новѣйшія работы, сдѣланныя въ нашей медико-хирургической академіи сперва докторомъ Сердечнымъ, а потомъ главнѣйше профессоромъ Забѣлинымъ, совершенно подтверждаютъ нашъ взглядъ на значеніе алкоголя, какъ фактора вырожденія. Часто матери обращаются къ врачу съ вопросомъ, можно-ли мнѣ употреблять вино или другіе спиртные напитки во время кормленія дѣтей грудью, и врачи также часто разрѣшаютъ имъ умѣренное употребленіе этихъ напитковъ. Но изъ превосходныхъ опытовъ профессора Забѣлина ясно слѣдуетъ, что матери или кормилицы, а также и врачи, грубо ошибаются въ этомъ случаѣ и приносятъ своимъ дѣтямъ величайшій вредъ. Не менѣе рѣдко можно встрѣтить дѣтей, страдающихъ англійскою болѣзнью, то-есть, пораженіемъ костей и употребляющихъ, какъ укрѣпительное, по совѣту врача, спиртные напитки, особенно хорошее старое вино. Но по изслѣдованіямъ профессора Забѣлина оказывается за положительно вѣрное, что въ молокѣ животныхъ, а стало быть, и человѣка, значительно увеличивается количество жира, извести и казеина. Стоитъ хоть разъ дать животному незначительную дозу водки, чтобы молоко обогатилось жиромъ и казеиномъ и притомъ на нѣсколько дней *). Отсюда мы видимъ, что алкоголь существеннымъ образомъ измѣняетъ составъ молока, единственной пищи ребенка, и измѣненіе это именно такого рода, что жиръ является въ излишнемъ, противъ нормальнаго требованія, количествѣ. Такое молоко уже негодится для питанія ребенка; его навѣрное станетъ рвать или слабить; пищевареніе его раз-

---

*) Журналъ для нормальной и патологической гистологіи. Мартъ и Сентябрь 1870 г.

строится, а затѣмъ и самое питаніе. Далѣе. Еще раньше изъ работъ доктора Сердечнаго наука убѣдилась, что спиртъ усиливаетъ выдѣленіе известковыхъ солей. Работы-же профессора Забѣлина ясно доказали, что подъ вліяніемъ спирта значительно измѣняется строеніе костей, именно органическія части увеличиваются въ количествѣ, а неорганическія уменьшаются. Читателю извѣстно, что основа нашихъ костей — известь, которая придаетъ нашимъ костямъ прочность, крѣпость и силу, и вотъ эта-то главная составная часть костей подъ вліяніемъ спирта начинаетъ изчезать, а на ея мѣсто является паразитный и на все готовый жиръ, и притомъ вдвое больше противъ прежняго. Жиру, правда, обыкновенно, въ костяхъ находится около 4%, но тогда онъ былъ совершенно умѣстенъ. Онъ сглаживалъ излишнюю жесткость костей, но подъ вліяніемъ спирта количество его возрастаетъ до 9%. Такимъ образомъ, отъ дѣйствія спирта страдаетъ наша прочность, стойкость и крѣпость: шутка-ли, въ самомъ дѣлѣ, когда костная ткань претерпѣваетъ такое страшное видоизмѣненіе и замѣняется жиромъ! Въ заключеніе своихъ работъ профессоръ Забѣлинъ говоритъ, «что подъ вліяніемъ спирта, а слѣдовательно и спиртныхъ напитковъ, съ одной стороны, разрушается прежняя костная ткань, а съ другой стороны, замедляется образованіе новой костной ткани, подъ вліяніемъ-же обоихъ этихъ условій стѣнки костей истончаются и кости пьяницъ, сравнительно съ нормальными, дѣлаются болѣе хрупкими и болѣе ломкими. Впродолженіи нашей работы мы два раза наблюдали у собакъ-пьяницъ переломы костей подъ вліяніемъ такихъ насилій, отъ которыхъ нормальныя кости не переламываются. Наша работа, такимъ образомъ, вполнѣ объясняетъ, почему у людей-пьяницъ легко происходятъ переломы костей, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается понятнымъ, почему сростаніе кости послѣ перелома и образованіе новой костной ткани послѣ резекцій у тѣхъ-же пьяницъ-людей происходитъ туже, чѣмъ у трезвыхъ. Результаты нашей работы такъ просты и понятны, что ихъ значеніе для хирургіи вообще и въ частности для полевой хирургіи само собою понятно. Хирурги, въ виду возможно лучшихъ результатовъ, должны строжайше запрещать употребленіе водки и спиртныхъ напитковъ больнымъ съ переломами костей и послѣ резекціи. Врачи женскихъ и дѣтскимъ болѣзней въ свою очередь должны строго слѣдить за тѣмъ, чтобы кормилицы и беременныя женщины не употребляли спиртныхъ напитковъ» *).

*) Тамъ-же, стр. 136—137.

Вотъ для читателя первое научное положительное доказательство с
ведливости нашего взгляда на вырожденіе и его причины. Женщина,
мящая грудью ребенка или носящая его еще въ своей утробѣ, при
къ спиртнымъ напиткамъ приноситъ двоякій вредъ—себѣ и будущ
ловѣку. У нея самой происходитъ болѣзненное измѣненіе костей, а у
ея образующійся утробный скелетъ не можетъ уже получать норм
правильнаго развитія. Дѣти, рождающіяся отъ такихъ женщинъ и
тающіяся молокомъ кормилицъ, злоупотребляющихъ спиртными нап
непремѣнно будутъ страдать разстройствомъ питанія, и, смотря по о
тельствамъ, такое разстройство питанія приметъ различныя формы,
рыя врачи, съ разрѣшенія своихъ священнодѣйствующихъ жрецовъ,
тятъ различными именами и названіями, золотухой, англійской бо
рахитизмомъ, труднымъ прорѣзываніемъ зубовъ, катарами желудка
шекъ, голодной водянкой et cetera, et cetera. «Въ прошломъ году
ритъ профессоръ Забѣлинъ, — мы имѣли случай наблюдать разви
бовъ у дѣтей, кормилицы которыхъ пили водку сами и давали ее
съ цѣлію успокоить ихъ и усыпить, и въ этихъ случаяхъ мы за
замедленіе въ развитіи зубовъ сравнительно съ нормальнымъ и кро
въ одномъ случаѣ костоѣду въ развившихся уже зубахъ» *). Такихъ т
работъ по части алкоголя, какъ работы профессора Забѣлина, въ
собственно говоря, очень мало. Пусть-же онѣ послужатъ намъ ру
щей нитью въ дальнѣйшемъ изложеніе. Мы теперь смѣло утвер
что алкоголь и его дѣйствіе въ извѣстныхъ случаяхъ прямо вед
вырожденію цѣлыхъ семействъ, цѣлыхъ массъ народныхъ и что сл
развитое пьянство есть величайшее народное бѣдствіе. Прочитанны
по этой части сочиненія и собственныя наблюденія втеченіи десяти
практики привели насъ къ этому несомнѣнному убѣжденію.

Ядовитое дѣйствіе алкоголя на животный или человѣческій орг
характеризуется цѣлымъ рядомъ явленій, извѣстныхъ въ наукѣ
именемъ *хроническаго алкоголизма*. Такъ назвалъ это состояніе
компетентный въ этомъ дѣлѣ человѣкъ, шведскій врачъ Магнус
Индивидуальность организаціи и различныя внѣшнія обстоятельства
ловливаютъ разнообразіе явленій этого болѣзненнаго процесса. В
домъ индивидуумѣ, преданномъ или постоянному употребленію спи

---

*) Тамъ-же.

итковъ въ излишнемъ количествѣ или временному пристрастію къ нимъ, можемъ различить троякаго рода патологію: болѣзненныя явленія со роны крови, болѣзненныя страданія нервной системы и болѣзненныя ленія внутреннихъ и всѣхъ другихъ органовъ. Встрѣчается или одременнное и равномѣрное проявленіе всѣхъ этихъ трехъ группъ падковъ, или преобладаніе одной изъ этихъ группъ. До изстной поры и времени спиртные напитки, какъ быстроиспаряющійся и кратковременно пребывающій въ организмѣ, ограничиваютъ свое дное дѣйствіе на организмъ легко поправимыми бѣдствіями. Животныя ъ вліяніемъ спирта теряютъ въ вѣсѣ; организмъ не можетъ усвоить ныя ему питательныя вещества, но зло еще невелико. «Разъ напиться ымъ», говорятъ, не велика бѣда. Можетъ быть... кто знаетъ! Вопросъ ъ трудно рѣшить сразу. Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Опредѣлить ентъ, когда именно спиртные напитки становятся положительно и неѣнно вредными организму, теперь почти возможно, стоитъ лишь обиться къ хорошему спеціалисту-химику, чтобъ онъ изслѣдовалъ выдѣія организма. Но несомнѣнно, что этотъ моментъ неодинаковъ для отьныхъ индивидуумовъ. Мы считаемъ явленіемъ уже ненормальнымъ, да человѣкъ не можетъ сѣсть за обѣдъ безъ того, чтобы не выпить ки водки. Это значитъ, что нервы желудка привыкли уже къ обычу раздраженію, безъ котораго они не могутъ возбудить надлежащимъ азомъ слизистую оболочку съ ея железками для выдѣленія требуемой зи и потребнаго желудочнаго сока. Отсюда только одинъ шагъ къ ническому катару желудка, одинъ шагъ къ самой серьезной болѣзни.

Каждый пріемъ спиртныхъ напитковъ усиливаетъ два могущественныхъ цесса: кровеобращеніе и дыханіе, вслѣдствіе чего увеличивается поглоіе кислорода легкими. Послѣдній однакожъ не соединяется всею своей массою съ углеродомъ крови, а только отчасти, остальная-же часть иняется съ самымъ алкоголемъ. Венозная кровь процессомъ дыханія вся переходитъ въ артеріальную, и въ организмѣ обнаруживается преаданіе избытковъ венозной крови. Въ силу этого факта мозги и вся вная система съ одной стороны находятся долгое время въ возбужденъ состояніи: дѣятельность мозга усиливается; ткань мозговая въ больъ потребленіи; но, съ другой стороны, мозгъ и вся нервная система получаютъ надлежащаго питанія, страдаютъ отъ *дурного* питанія. , такъ сказать, первая гроза ядовитаго алкоголя. Затѣмъ слѣдуетъ ерожденіе важнѣйшихъ органовъ жизни и измѣненіе ихъ дѣятельности,

съ одной стороны, вслѣдствіе продолжающагося мѣстнаго воздѣйс
нихъ спиртныхъ напитковъ, съ другой стороны, въ силу измѣнен
чества крови, обѣднѣвшей главными ея составными частями, котор
нялись другими веществами, менѣе пригодными, какъ вода и жир

Очень часто намъ приходилось имѣть дѣло съ такими субъе
которыхъ, повидимому, не произошло еще никакихъ перерожден
новъ, но которые вслѣдствіе той или другой соціальной обстанов
стращались къ водкѣ до того, что сами уже никоимъ образомъ
отдѣлаться отъ желанія выпить, несмотря на всѣ усилія. Они то
щались къ намъ съ просьбой: «Помогите, ради Христа! ра
пить, да не могу». Мы объясняли себѣ это состояніе усиленн
бужденіемъ нервовъ слизистой оболочки желудка, причемъ, ко
могло быть и рѣчи о какой-бы то ни было свободѣ воли. Больн
го рода представляли иногда довольно курьезные случаи. Съ
взгляда не трудно было догадаться, въ чемъ дѣло, съ какою
пришелъ паціентъ. Первыхъ нѣсколько словъ, первое движеніе
степень и форму его страданія. Разъ къ намъ вошла пара супр
мужъ, не говоря ни слова, прямо бухъ въ ноги. Вы, вѣроятно,
лечиться отъ вина?—«Именно! Помогите!» Въ другой разъ нам
тился какой-то длинный господинъ, нѣкій сельскій засѣдатель д
происхожденія. Онъ обратился къ намъ съ витіеватой фразой:
гаю къ стопамъ вашего в—ія!» Довольно! Вы, вѣроятно, страд
вина?—«Совершенно справедливо!»

Такія сцены знакомы всякому врачу, за которымъ молва упро
товность и искуство лечить отъ пьянства. Мы здѣсь, поэтому
предмета вырожденія намѣрены представить нѣсколько характе
скихъ чертъ пьянства и указать, на страшное разнообразіе э
дивидуальнаго страданія. Вотъ уже лѣтъ восемъ, какъ мы вст
ся съ этимъ недугомъ въ одномъ углу восточной полосы Росс
всѣ наши замѣчанія, что этотъ недугъ слишкомъ глубоко въ
организмъ народа, намъ всегда отвѣчали, что единственный и н
ный виновникъ этого зла—суровой климатъ. Признаемся, что это
женіе долгое время отнимало у насъ смѣлость противорѣчить это
ренившемуся предразсудку. Но предъ нами сочиненіе Bergeret:
bus des boissons alcooliques. Никто, конечно, не станетъ спори
климатъ Франціи чуть-ли не самый лучшій въ цѣлой Европѣ. Та
и понятія не имѣютъ о какихъ-бы то ни было трескучихъ мороз

тній зной умѣряется океаномъ. Казалось, и желать нельзя лучшаго имата; казалось-бы, что тутъ-то и помину не можетъ быть о пьянѣ. Но кто прочтетъ книгу Бержере, легко убѣдится, что картина, ь рисуемая, живо напоминаетъ нашъ грязный кабакъ и едва ли усту-тъ всероссійскому пьянству. Мы положительно были убѣждены, что ько народы сѣвера, русскіе, шведы, сѣверо-германцы—большіе пьяни-, что называютъ нѣмцы Trunkenbolde, а южные народы совершенно бодны отъ этого порока. Оказывается изъ безпристрастнаго описанія жере, что французы такіе-же отчаянные пьяницы, какъ и мы грѣш-. И вотъ мы проведемъ паралель: представимъ образчики личныхъ людeній и въ pendant къ нимъ замѣчанія Бержере изъ его «Incon-ients de l'ivrognerie».

Предварительно нужно замѣтить, что нѣтъ ни одного органа въ на-мъ тѣлѣ, ни одной ткани, ни одной фибры, ни одной жилки, которая терпѣла-бы отъ излишняго употребленія алкоголя, не теряла-бы су-твенныя свои свойства, получая въ замѣнъ непригодныя и болѣзнен-я свойства. Мало того: чѣмъ важнѣе органъ нашего тѣла, чѣмъ слож-е его физіологическое отправленіе, чѣмъ выше, благороднѣе, нужнѣе значеніе въ экономіи нашего организма, тѣмъ сильнѣе, рѣзче, глуб-объемистѣе страдаетъ онъ отъ алкоголя. Это до того положительно рно, что многолѣтній опытъ далъ Бержере право вывести изъ своихъ людeній весьма характеристическій и интересный законъ. Онъ гово-тъ, что «спиртное возбужденіе проявляетъ преимущественно свое дѣй-іе на тотъ органъ тѣла, который переноситъ наибольшую сумму труда усталости, въ силу соціальнаго положенія или привычекъ пьяницы. тъ на эту-то точку организма зло, какъ предвѣстникъ смерти, и на-авитъ всю свою дѣятельность, ведущую къ полнѣйшему разстройству sorganisation). Говоря иными словами, алкоголь разстраиваетъ луч-ю сторону человѣка, оскорбляетъ ту часть его, которою онъ сопри-сается съ внѣшнимъ міромъ. Какая страшная кара! Но такъ-какъ, оря вообще, кровь и нервная система здѣсь все-таки самыя выдаю-ся и самыя важныя части нашего организма, то онѣ первыя и ско-е всего подвергаются всѣмъ зловреднымъ послѣдствіямъ ядовитаго дѣй-вія алкоголя.

Тѣмъ не менѣе однакожъ въ большинствѣ случаевъ всякому специ-льному разстройству предшествуетъ болѣе общее пораженіе. И такое стояніе организма, при которомъ еще нѣтъ органическихъ перерожде-

ній, а только чрезмѣрное пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, называется все-таки уже хроническимъ страданіемъ, хроническимъ отравленіемъ, хроническимъ алкоголизмомъ. Мы различаемъ двѣ формы этого состоянія. Первый видъ состоитъ въ чрезмѣрномъ раздраженіи нервовъ слизистой оболочки желудка и въ недостаточномъ питаніи всего организма; вслѣдствіе этого является непреодолимое желаніе *выпить* и притомъ каждый день и притомъ чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе, но не до опьянѣнія, а только для заглушенія чувства раздраженія, «заморить червяка», какъ выражаются субъекты этого рода. Аппетитъ еще пока у нихъ сохранился, всѣ отправленія организма совершаются еще, повидимому, въ болѣе или менѣе удовлетворительной формѣ; сонъ еще бываетъ и успокоиваетъ возбужденное состояніе мозга: патологія этого состоянія еще пока ограничивается двумя выдающимися явленіями—раздраженіемъ нервовъ желудка (соматически) и недостаткомъ воли преодолѣть болѣзненное пристрастіе (психически *).

Другая форма хроническаго алкоголизма или *запой* заключается во временномъ, періодически повторяющемся пристрастіи къ вину. Человѣкъ, въ силу разныхъ побужденій, вдругъ начинаетъ пить горькую безъ мѣры, «разрѣшилъ», какъ выражаются тогда—пьетъ съ утра до вечера, или съ вечера до утра—не спитъ, не ѣстъ ничего, ничѣмъ не занимается, запирается въ отдѣльную комнату, забываетъ все окружающее и пьетъ втеченіи извѣстнаго времени, пьетъ до рвоты, до одуренія, до «чертиковъ», или вдругъ сразу прерываетъ запой, водка становится ему противной и даже запахъ ея невыносимъ. Проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ, полгода, годъ, втеченіи которыхъ субъектъ ведетъ трезвую жизнь, и вдругъ снова рецидивъ и снова тѣ-же явленія и, въ концѣ концовъ, неизбѣжный трагическій исходъ...

Къ этимъ общимъ явленіямъ, раньше или позже, присоединяются выдающіяся формы страданія; дѣйствія алкоголя, выбравъ слабую струну, лучшую сторону человѣка, ее преимущественно и поражаютъ. Прослѣдимъ эти отдѣльныя формы. На первомъ планѣ у насъ кровь и ея система, и потомъ мозгъ и нервная система.

Не подлежитъ сомнѣнію, что первенствующую роль въ организмѣ чело-

*) Слова «соматическій и психическій» мы употребляетъ просто какъ термины, не придавая имъ особеннаго спеціальнаго значенія, ибо невозможно, немыслимо, нелѣпо отдѣлять одно отъ другого.

вѣка играетъ нервная система. Всѣ проявленія ея дѣятельности—наша жизнь. Сравнительно съ нею кровь и кровеносная система выполняютъ соподчиненную роль; это менѣе активный дѣятель. Тѣмъ не менѣе значеніе его громадно. Весь организмъ нашъ—губка, состоящая изъ сплетеній самыхъ тончайшихъ сѣтей кровеносныхъ сосудовъ. По нимъ-то кровь, воспринявъ спиртной ядъ, разноситъ его по всѣмъ уголкамъ и во всѣ концы нашего тѣла и сама она скорѣе всего подвергается вредному дѣйствію алкоголя. Составъ ея быстро мѣняется. Очень интересно въ этомъ отношеніи наблюденіе Бушарда. Онъ утверждаетъ, что большинство животныхъ питаетъ отвращеніе къ спиртнымъ напиткамъ, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, кроликъ быстро умираетъ отъ самой умѣренной дозы. Но есть и такія, которыя охотно отыскиваютъ пищу, напитанную водкой. Таковъ въ особенности пѣтухъ. Бушарда дѣлалъ опыты надъ старымъ пѣтухомъ, который очень любилъ лакомиться хлѣбомъ, напитаннымъ водкой. Онъ глоталъ куски съ жадностью и быстро пьянѣлъ. Замѣчательно здѣсь именно то, что гребешокъ его мѣнялся въ цвѣтѣ. Обыкновенно красный, гребешокъ вдругъ чернѣлъ; значитъ артеріальная кровь, въ немъ заключавшаяся, быстро превращалась въ венозную. Этимъ, конечно, легко объяснить себѣ внезапную смерть многихъ опившихся виномъ, которая происходила такимъ образомъ отъ удушенія.

Затѣмъ мы сказали, что составъ крови отъ спиртныхъ напитковъ быстро мѣняется. Главныя составныя части, какъ кровяные шарики, уменьшаются въ количествѣ и теряютъ въ качествѣ, кровь изобилуетъ водой; оттого такая наклонность у этихъ людей къ водянкамъ, чѣмъ вполнѣ оправдывается латинская поговорка: qui vivit in vino, morietur in aqua (кто жилъ виномъ, умретъ отъ воды).

Само собою понятно, что человѣкъ съ такою испорченною кровью — самое жалкое существо; онъ теряетъ способность мыслить, жить нормальной жизнью; онъ не можетъ быть отвѣтственъ за всѣ свои дѣйствія, отъ него нельзя ожидать ни здравыхъ сужденій, ни честнаго исполненія своихъ семейныхъ и соціальныхъ обязанностей; онъ негоденъ ни для какой соціальной функціи, и онъ самый лучшій образчикъ вырожденія. Онъ едва-ли способенъ производить на свѣтъ потомство, и если являются у него дѣти, то они навѣрное будутъ страдать золотухой или англійской болѣзнью, или чахоткой, или глухонѣмотой, или идіотизмомъ, впадутъ въ сумасшедствіе, такъ или иначе, раньше или позже вымрутъ, выродятся, не оставивъ по себѣ слѣдовъ существованія своего рода, своего предка. Дураки станутъ

разсуждать, отчего-де мальчикъ плохо учится въ школѣ, въ гимназіи, станутъ оставлять его безъ обѣда, будутъ запирать въ карцеръ, стращать разными наказаніями, колоть глаза товарищами, а дѣло объясняется очень просто, отецъ или дѣдъ этого мальчика имѣли привычку выпить, испортили свою кровь и передали въ наслѣдство своему потомку самое слабое развитіе мозговъ и нервной системы. Однажды Діогенъ встрѣтилъ какого-то дурака и сказалъ ему: «Тебя отецъ твой породилъ въ пьяномъ видѣ!».

Сердце человѣческое особенно сильно страдаетъ отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ. Оно постоянно находится въ сильномъ возбужденіи; дѣятельность его возбуждена, почему пульсъ такого человѣка всегда отличается необыкновенной быстротой и жесткостью. Это сильное возбужденіе и усиленная дѣятельность сердца располагаетъ его къ цѣлому ряду самыхъ серьезныхъ страданій, которыя, кромѣ того, что сводятъ въ могилу самого паціента, передаются наслѣдственно всему потомству и ведутъ прямо и непосредственно къ вырожденію. Здѣсь именно беретъ свое начало цѣлая серія такъ-называемыхъ органическихъ пороковъ сердца. Смотря по обстоятельствамъ, по индивидуальности организаціи является или аневризмъ, или утолщеніе стѣнокъ сердца (такъ-называемая гипертрофія), или жировое перерожденіе сердечныхъ стѣнокъ. Докторъ Вуазенъ, говоритъ Бержере, вскрывая трупы пьяницъ, неоднократно находилъ жировое перерожденіе (dégénérescence graisseuse) стѣнокъ сердца. А самъ Бержере видѣлъ такое множество случаевъ смерти этого рода отъ излишествъ вина, что онъ затрудняется въ выборѣ примѣра. «Сколько несчастныхъ умерли на моихъ глазахъ отъ сжатія сердца тѣмъ неумолимымъ стѣсненіемъ, на жестокія схватки котораго Мирабо такъ трогательно жаловался, умирая». Бержере приводитъ слѣдующее интересное въ этомъ отношеніи наблюденіе (ч. 1): «Я видѣлъ, говоритъ онъ, — какъ одинъ молодой человѣкъ 26 лѣтъ внезапно палъ жертвой отъ жестокаго воспаленія сердечныхъ оболочекъ; воспаленіе было до того сильно, что произошло внезапное изліяніе жидкости вокругъ сердца, которое, казалось, утопало въ этой неумѣстной ваннѣ. Молодой человѣкъ этотъ провелъ свою жизнь въ кофейняхъ; какъ человѣкъ богатый, онъ постоянно былъ окруженъ толпой паразитовъ, которые лестью побуждали его пить. Сперва этотъ образъ жизни привелъ его къ тому, что все его тѣло съ головы до пятокъ покрылось бутонами и прыщами. Несмотря на все это, вопреки настоятельнымъ увѣщаніямъ врача, онъ продолжалъ свой прежній образъ

жизни. Съ наступленіемъ холодовъ у него появился сухой кашель. Въ январѣ я его засталъ въ постели, сидящимъ. Онъ прижималъ руками сердце и каждый разъ вскрикивалъ: *Я задыхаюсь, я задыхаюсь!* Лицо его было искажено, покрыто холоднымъ потомъ, пульсъ убійственный, нитевидный. Сердце не можетъ больше ударять о стѣнки груди; оно погружено въ такую массу жидкости, что даже трудно разслышать его удары и въ какіе-нибудь три дня юноша вынесъ страшнѣйшія муки сердечной тоски, боли, удушья, пока смерть не прекратила его мученій».

Изъ многихъ случаевъ страданія сердца мы здѣсь представимъ одинъ, довольно характерный. Мелкій чиновникъ, лѣтъ 50, выше средняго роста, довольно хорошо сложенъ, малороссъ. Получилъ онъ воспитаніе въ одномъ изъ низшихъ учебныхъ заведеній, кое-что читалъ, отъ природы далеко не глупъ, даже выдается изъ своего сословія смѣлостью взглядовъ и мнѣній. До послѣдняго времени онъ отличался привязанностью къ своему семейству, заявляя это на каждомъ шагу. Въ описываемое время онъ нѣсколько пополнѣлъ, ожирѣлъ, обрюзгъ; характеръ его значительно измѣнился. Одѣвается въ высшей степени небрежно и чрезвычайно оригинально, никогда не имѣетъ при себѣ носового платка, ежеминутно плюетъ, харкаетъ, сморкается и обтирается то полой, то рукавомъ, часто страдаетъ хрипотой. Внезапно и совершенно неожиданно для окружающихъ подбѣгаетъ онъ къ сосуду съ какою-бы то ни было жидкостью, будь то вода, квасъ, уксусъ, чай, наливаетъ на руку и смачиваетъ грудь въ сторонѣ сердца. Страдаетъ усиленнымъ сердцебіеніемъ и думаетъ облегчить это страданіе, смачивая грудь какою-нибудь холодной примочкой. По утрамъ его нерѣдко рветъ. Подчасъ онъ уносится въ область безтѣлесныхъ видѣній, мечтаетъ, фантазируетъ, — вѣчно ругается съ женой и видитъ въ ней своего злобнаго и опаснѣйшаго врага, ревнуетъ ее, старуху, ко всякому встрѣчному и проклинаетъ всѣхъ женщинъ. Этотъ господинъ чрезвычайно быстро мѣняетъ свое расположеніе духа. Любя сильно музыку и пѣніе, онъ отыскиваетъ какого-нибудь странствующаго виртуоза, заставляетъ его сыграть что-нибудь, самъ запоетъ, пустится въ присядку и вдругъ ни съ того, ни съ сего зарыдаетъ горькими слезами. Черезъ минуту онъ снова пляшетъ, цѣлуется, бранится, ставитъ себя выше всѣхъ на свѣтѣ и въ тоже время это—преестественнѣйшій трусъ. Онъ пьетъ по нѣскольку рюмокъ въ день, хотя пьянѣетъ отъ двухъ-трехъ. На предложеніе врача, на мольбы семьи полечиться и бросить привычку пить онъ отвѣчаетъ безпощадною бранью. Онъ неимовѣрно упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ, не терпитъ противорѣчій,

притворяется равнодушнымъ къ религіи, подчасъ либеральничаетъ; ему все враждебно, все надоѣло, а потому онъ утверждаетъ, что хочетъ уморить себя медленнымъ ядомъ. У него нѣсколько дочерей и ни одного сына, хотя онъ постоянно высказываетъ желаніе имѣть именно сына. Одинъ мальчикъ родился-было, но вскорѣ умеръ. Представьте себѣ семейную жизнь въ такомъ домѣ; представьте себѣ его служебную дѣятельность, а онъ представитель администраціи, блюститель закона; на его обязанности забота о сотняхъ людей, заключенныхъ въ тюрьму; онъ вершитель судебъ многихъ несчастныхъ... И это далеко не исключительный случай. Одинъ акцизный надзиратель сообщилъ намъ слѣдующее, весьма интересное наблюденіе. Въ огромномъ зданіи, вмѣщавшемъ въ себѣ губернскія присутственныя мѣста, пріютилось до 200 чиновниковъ. Изъ этого числа въ былое время блаженной памяти откуповъ человѣкъ 30 выдавались сизыми носами, въ оборванныхъ засаленныхъ сюртучишкахъ; по всей ихъ невзрачной наружности легко было догадаться, что они горячіе поклонники еще болѣе горячихъ напитковъ. Прежній откупъ былъ ихъ матерью-поительницею. Со введеніемъ же новой акцизной системы въ 1863 г. сизые носы стали быстро рѣдѣть и потомъ совсѣмъ изчезли. Мать-поительница — откупъ поилъ ихъ водой, подправленной сомнительнымъ спиртомъ. И они не вынесли дешевки, не пережили новой системы. Теперь въ томъ-же зданіи народилась и образовалась новая формація пьяницъ, приспособившихъ свои организмы къ новой акцизной, болѣе крѣпкой водкѣ, и — то, конечно, на время. Ихъ ожидаетъ та-же участь, какъ и ихъ предшественниковъ...

Часто у людей, повидимому, совершенно здоровыхъ, происходитъ внезапная смерть вслѣдствіе створаживанія крови въ самомъ сердцѣ и образованія изъ нея свертка, закупоривающаго полость и отверстіе сердца. Такіе случаи особенно часты у людей, преданныхъ гастрономіи. Такой случай сообщаетъ Бержере. Богатый собственникъ, большой гастрономъ и любитель хорошихъ крѣпкихъ винъ, отличался необыкновенною дородностью и, повидимому, наслаждался самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ, такъ-что своею тучностью онъ возбуждалъ зависть людей, менѣе его упитанныхъ. Нѣсколько дней сряду онъ все жаловался семейнымъ, что испытываетъ какое-то непріятное ощущеніе въ сторонѣ сердца, но все-таки это было такое ничтожное обстоятельство, что оно никакъ не могло нарушать его аппетитъ и обычныя привычки. Совершивъ довольно продолжительную прогулку, онъ возвратился домой и, сидя неподалеку отъ камина, предался успокоенію, какъ вдругъ схватился рукою въ сторонѣ сердца, хотѣлъ

вскрикнуть, но голосъ замеръ на его устахъ: онъ былъ мертвъ. Такая внезапная кончина возбудила подозрѣніе правительства, и Бержере сдѣлалъ вскрытіе, причемъ оказалось, что въ сердцѣ были слѣды воспаленія и огромный свертокъ крови, который совершенно наполнялъ полость сердца и присталъ къ его стѣнкамъ. Сначала произошло воспаленіе; отъ этого образовались маленькіе свертки; эти, въ свою очередь, произвели большіе; послѣдніе образовали большой свертокъ, который, закупоривъ одно изъ главныхъ отверстій сердца, внезапно остановилъ процессъ кровеобращенія и жизнь прекратилась также мгновенно, какъ будто отъ удара кинжаломъ.

— Я видѣлъ, говоритъ Бержере, — всѣхъ членовъ одного семейства, преданнаго пьянству, отца, мать и дѣтей всѣхъ возрастовъ, страдающихъ завалами железъ вокругъ шеи. Множество такихъ наблюденій привели Бержере къ тому убѣжденію, что злоупотребленіе спиртными напитками располагаетъ къ всеобщему ожирѣнію всѣхъ тканей; жиръ просто вытѣсняетъ мышечную ткань и производитъ полнѣйшее жировое перерожденіе (dégénérescence graisseuse). Я видѣлъ пьяницъ, говоритъ онъ,—которыхъ излишество жира лишало всякаго движенія; нервы и мускулы потеряли всякую энергію и жизненность; все было погружено въ жиръ; душа вертѣлась въ этомъ жировомъ омутѣ, какъ ложка меда въ бочкѣ дегтя; умственныя отправленія и чувствительность проявлялась довольно тускло. Эти бестіи, возбуждавшія сожалѣніе, или скорѣе презрѣніе, были осуждены на вѣчное прозябаніе въ креслахъ и представляли собою ничто иное, какъ мѣшки для пищеваренія.

«Я видѣлъ, говоритъ далѣе Бержере,—дѣвицъ и молодыхъ женщинъ хорошенькихъ, но подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ преждевременно разжирѣвшихъ, точно 45-ти-лѣтнія бабы».

Всѣ эти наблюденія Бержере для насъ чрезвычайно цѣнны и дороги. Они намъ указываютъ на степень и форму распространенія пьянства во Франціи; они намъ объясняютъ тупоуміе раздобрѣвшихъ и разжирѣвшихъ буржуа, почему имъ такъ пріятенъ былъ и необходимъ наполеоновскій режимъ; почему они такъ легко поддавались бонапартовскому обаянію, которое цѣлымъ рядомъ развращающихъ вліяній обратило ихъ въ бездушное свиное сало. Вотъ гдѣ кроются отчасти успѣхи бонапартизма и та масса униженій, которыя претерпѣваетъ современная Франція. Въ самомъ дѣлѣ, какого патріотизма, какого пониманія интересовъ свободы можно ожидать отъ такихъ людей, заплывшихъ жиромъ, отъ людей жирового вырожденія?!

Бонапартизмъ держался во Франціи не интеллигенціей, не патріотизмомъ, не сознаніемъ соціальнаго значенія Франціи, а опаиваніемъ солдатъ и буржуа, ихъ вырожденіемъ, онъ держался буржуазнымъ жиромъ.

Наши легкія живутъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ сердцемъ и алкоголь, разносимый кровью, прежде всего заявляетъ себя въ легкихъ, отъ того дыханіе пьяницъ такъ отвратительно и отъ нихъ такъ сильно несетъ сивухой. Легочная ткань очень нѣжна, воспріимчива и впечатлительна; ее спасаетъ лишь то, что она процессомъ выдыханія спѣшитъ по возможности скорѣе отдѣлаться отъ присутствія вреднаго вещества, но она не въ силахъ преодолѣть постоянное оскорбленіе, а потому всѣ болѣзни легкихъ, начиная отъ простого катарра, воспаленія, и оканчивая злѣйшей чахоткой, бываетъ прямымъ и подчасъ непосредственнымъ послѣдствіемъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ, что, конечно, ведетъ къ вырожденію цѣлыхъ семействъ. Мы представимъ здѣсь осязательный примѣръ изъ нашей практики. Купецъ, виноторговецъ, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, около 30 лѣтъ отъ роду, женатъ лѣтъ 8. Онъ довольно худощавъ, постоянно сидитъ въ своемъ винномъ погребѣ и довольно часто освѣдомляется о содержимомъ въ бочкахъ, пробуя то изъ одной, то изъ другой, какъ онъ самъ намъ сознался. Онъ обращался къ намъ съ просьбой полечить его отъ солитера, умалчивая о главномъ своемъ недугѣ. Но солитера по всѣмъ справкамъ не оказалось. Съѣздивъ на ярмарку, на которой порядочно торговалъ, а потому порядкомъ покутилъ, онъ возвратился съ сильнымъ пораженіемъ легкихъ, которыя съ тѣхъ поръ уже не поправлялись. Несмотря на всѣ увѣщанія, больной продолжалъ оставаться въ своемъ погребѣ. У него обнаружилось сильнѣйшее легочное кровотеченіе, неунимавшееся впродолженіи трехъ дней. Потомъ болѣзнь потянулась обычнымъ путемъ. Чахотка, разъ сказавшись, проходила послѣдовательно всѣ фазы своего скоротечнаго развитія. Полтора года страдалецъ былъ мученикомъ невыносимѣйшихъ страданій и, наконецъ, умеръ, истощенный, обезсиленный. Замѣтимъ здѣсь главнымъ образомъ слѣдующее обстоятельство. Въ первые годы супружества онъ произвелъ на свѣтъ всего двухъ дѣтей. Меньшая дѣвочка внезапно заболѣла разстройствомъ нервной системы, конвульсіями и т. д. и умерла. Старшій ребенокъ, мальчикъ, глядѣлъ какимъ-то идіотомъ. Будучи четырехъ лѣтъ, онъ почти не умѣлъ говорить, съ трудомъ ходилъ, былъ чрезвычайно блѣденъ, видимо страдалъ дурнымъ питаніемъ мозга и вдругъ внезапно свернулся въ нѣсколько часовъ. Вотъ весь результатъ существованія цѣлой семьи. Такія

упныя явленія вырожденія и порчи если и не особенно часты, то и не ишкомъ большая рѣдкость. Мы видѣли нѣсколько такихъ примѣровъ, а олько мы не видѣли въ томъ околодкѣ, въ которомъ пришлось вертъся? И эти явленія имѣютъ мѣсто не только у насъ, но и во Франціи въ Германіи. Объ этомъ пусть намъ разскажетъ Бержере и Рейхъ. Іегочная чахотка, говоритъ Бержере,—часто бываетъ результатомъ вакческихъ крайностей. Люди, сколько-нибудь къ ней расположенные по ей организаціи или въ силу наслѣдственной передачи, быстро заболѣютъ ею отъ излишествъ въ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Но я дѣлъ людей очень здоровыхъ и родившихся отъ совершенно здоровыхъ дителей. Они также впадали въ чахотку и несчастнымъ родителямъ прилось переживать своихъ безпутныхъ дѣтей. Особенно быстро умирали моихъ глазахъ преждевременной смертью тѣ субъекты, которымъ доилось утруждать свою грудь съ утра до вечера въ произношеніи рѣ, въ крикахъ, въ пѣніи. Я видѣлъ двухъ адвокатовъ, павшихъ ртвой легочной чахотки въ не очень пожиломъ возрастѣ. Они ждый день подвергали свои легкія тяжелымъ испытаніямъ: одинъ въ вокатурѣ, гдѣ искуственное возбужденіе увлекало его до того, что онъ рывался, чтобы выиграть дѣло, а другой постоянно посѣщалъ кофейни, тинницы, клубы, политическія сборища, гдѣ онъ горланилъ въ честь ной и нераздѣльной республики. Многословіе, которое вытекало струей ь ихъ устъ, поддерживалось и возбуждалось обильными возліяніями. Ихъ кія, хотя очень крѣпкія, не могли устоять противъ такихъ потрясеній оба они умерли отъ легочной чахотки. Одинъ изъ нихъ собщилъ заву своей женѣ, дородной и здоровой женщинѣ, родители которой проли до глубокой старости, между тѣмъ какъ дочь ихъ погибла отъ неѣренности въ винѣ своего мужа. Но вовсе не нужно, чтобы къ злоупоебленію спиртными напитками присоединились усиленныя напряженія уди и обильныя словоизверженія для достиженія этой роковой цѣли, тоть, легочной чахотки. Для этого достаточно, чтобы человѣкъ, злоупоебляющій виномъ, предавался оживленной бесѣдѣ. Такъ я видѣлъ, какъ ъ этой болѣзни умирали люди до того крѣпкіе, что, повидимому, казась, ничто не могло расположить ихъ захворать этой болѣзнью. Таковъ лъ военный служака геркулесовскаго тѣлосложенія и многіе другіе. ромѣ того, нужно замѣтить, что словоизверженіе играетъ здѣсь все-таки оростепенную роль. И не всегда оно именно вызываетъ легочную чатку у пьяницъ. Я лечилъ очень много пьяницъ, которые заболѣвали и

умирали отъ легочной чахотки, хотя они совершенно оставляли въ покоѣ свои легкія и никогда ихъ ничѣмъ другимъ не тревожили. Легочная чахотка, въ большинствѣ случаевъ, есть результатъ развитія въ легкихъ маленькихъ узелковъ, которые медики называютъ *туберкулами*; послѣдніе появляются отъ всякаго рода причинъ, ослабляющихъ организмъ и измѣняющихъ составъ крови. Алкогольное отравленіе одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ, производящихъ такія глубокія и непоправимыя пораженія организма, передаваемыя въ цѣломъ ряду поколѣній.»

А отъ насъ, врачей, требуютъ лекарства, порошковъ, микстуръ, пилюль для излеченія легочной чахотки. Попробуйте-ка заикнуться въ обществѣ, что съ уменьшеніемъ числа кабаковъ и особенно винныхъ погребовъ уменьшатся всякія чахотки, васъ сочтутъ чуть не съ сумасшедшимъ.

Рейхъ, богатый цитатами вообще, собралъ наблюденія многаго множества ученыхъ и врачей, единогласно утверждающихъ, что пьянство ведетъ къ легочной чахоткѣ въ ужасающихъ размѣрахъ. По изслѣдованіямъ Нейссона, цитируемаго Эстерленомъ, изъ 357 умершихъ отъ пьянства, 82 субъекта впали въ чахотку, отъ которой вскорѣ и умерли, такъ что 22 процента умершихъ пьяницъ были доведены водкой до легочной чахотки. Дѣти людей, преданныхъ пьянству, чаще всего погибаютъ отъ чахотки. Многочисленныя данныя привели Рейха къ тому заключенію, что наклонность къ пьянству преимущественно проявляется у тѣхъ молодыхъ людей, которые лишены столь необходимаго для нихъ гуманнаго обращенія и которыхъ не знакомятъ ни съ какими другими благородными и частными соціальными вопросами и интересами. Къ пьянству и обжорству скоро присоединяется распутство и развратъ, и все это вмѣстѣ подкапываетъ самое крѣпкое здоровье, вслѣдствіе чего гаснутъ цѣлыя семейства, которыя безъ того прожили-бы цѣлыя столѣтія.

Бываетъ и наоборотъ; бываетъ, что самый порядочный человѣкъ становится пьяницей и впадаетъ въ чахотку вслѣдствіе безвыходнаго положенія, въ которое его подчасъ ставитъ тяжелое положеніе ссыльнаго. Такіе примѣры можно было нерѣдко встрѣтить въ средѣ сосланныхъ поляковъ. Мы знали одного юношу, который вышелъ изъ университета кандидатомъ, и попавши въ ссылку, былъ красой и гордостью польскаго общества; молодъ, красивъ, образованъ, энергиченъ, полонъ жизни и самыхъ восторженныхъ надеждъ. Но въ нѣсколько лѣтъ скука и полнѣйшая бездѣятельность сдѣлали изъ этого человѣка самаго жалкаго пьяницу, такъ что присутствіе его возбуждало и горе, и отчаяніе въ знавшихъ его прежде

ъ. Потомъ онъ закашлялъ... Вотъ карьера множества молодыхъ людей, ченныхъ невзгодами на возрастѣ своей жизни.

чно мы видѣли самыя гибельныя послѣдствія пьянства для легкихъ. олько человѣкъ на нашихъ глазахъ окончили жизнь въ сильной чаѣ. Мы видѣли примѣры, какъ престарѣлые родители переживали своcыновей, погибающихъ отъ пьянства и послѣдствія его — чахотки. и поручиться можно, что безъ этой гибельной причины они не залиа-бы чахоткой. Мы положительно убѣждены, что если у нихъ даже ла расположенность къ ней, то все-же злоупотребленіе спиртными тками вызвало это страданіе, по крайней мѣрѣ, ускорило развитіе его крушило преждевременно несчастныхъ страдальцевъ.

остоянно повторяющійся пріемъ спиртныхъ напитковъ, усиливая кроащеніе, приводитъ въ возбужденное движеніе сердце, что обусловлиъ постоянный и усиленный приливъ крови къ печени и увеличиваетъ бъемъ. Печень, какъ центръ воротной системы, и безъ того обидая венозною кровью, получаетъ кромѣ того отъ сердца кровь, не нѣ окисленную, и потому претерпѣваетъ различныя измѣненія, харак- которыхъ выражается въ увеличеніи ея размѣровъ, въ постоянныхъ ивахъ, въ ожирѣніи, въ крахмальномъ перерожденіи ея тканей. Поо, что подобные органическіе пороки могутъ перейти по наслѣдству... екты, страдающіе этой формой хроническаго пьянства, обыкновенно ются на давленіе и боль въ правомъ боку, печень у нихъ увеличепри ощупываніи легко убѣдиться въ увеличенныхъ ея размѣрахъ и величенной чувствительности. Они не могутъ спать на лѣвомъ боку, му что увеличенная печень прижимаетъ остальныя внутренности и зводитъ давленіе, какъ постороннее тѣло. При этомъ они часто чувютъ тошноту, изжогу, имѣютъ непріятныя кислыя отрыжки, дурной ъ во рту, отсутствіе аппетита, усиленную жажду. Цвѣтъ кожи у нихъ няется и кожа принимаетъ зеленоватый оттѣнокъ. Къ этому нерѣдко оединяется сильнѣйшая желтуха со всѣми ея послѣдствіями. Форма и ень страданія печени довольно разнообразны; оно то ограничивается мъ лишь приливомъ, желтухой, что все проходитъ при остановленномъ потребленіи водкой, то принимаетъ болѣе серьезный характеръ. Дѣся воспаленіе, и чаще всего исподоволь подкрадывается жировое, сальили крахмальное перерожденіе печени. Болѣзни этого рода очень часто ѣчаются въ Англіи, гдѣ они носятъ названіе *водочной печени* (Gin-

drinkers-liver). Почти всѣ субъекты, страдающіе печенью отъ вин долговѣчны и исходъ всегда смертельный.

Случаи этого рода очень часты. Такъ мы видѣли одного купца, вавшаго хлѣбомъ. Десять лѣтъ сряду онъ пилъ запоемъ и немало Нѣсколько разъ втеченіи этого запоя съ нимъ приключалась бѣ рячка. Часто онъ чувствовалъ какую-то неловкость въ правомъ находилъ, что ему лучше всего помогаетъ выпивка; наконецъ, онъ о сильную боль. Его всего вздуло, потомъ онъ самъ сильно исху только выдавался животъ, точно барабанъ. Впродолженіи трехъ онъ сильно страдалъ, сильно мучился самой жестокой коликой в Этотъ несчастный, безъ мѣры пившій втеченіи 10 лѣтъ, требов что-бы ни стало исцѣленія въ самое короткое время и просилъ спа ныхъ порошковъ, пилюль, капель. Онъ умеръ, проклиная медицину чей, непріискавшихъ противоядія отъ отравы, десятки лѣтъ подт шей его организмъ. Несмотря на то, что онъ два раза былъ жена умеръ *бездѣтнымъ* и затѣмъ родъ его пресѣкся. Такова сила вы нія и порчи отъ вина, направляющаго свою дѣятельность на пе это далеко не рѣдкій экземпляръ.

Сельскій священникъ, атлетическаго здоровья, довольно статный сивый мужчина, лѣтъ 30, былъ преданъ злоупотребленію спиртны питками. Онъ могъ выпить неимовѣрное количество водки, чѣмъ з нѣкотораго рода шикъ; онъ очень растолстѣлъ, страдалъ безсо разными видѣніями и довелъ себя до того, что совершенно разсла зически и нравственно. У него обнаружилась сильная боль въ боку данія его сдѣлались непрерывными и почти не прекращались, н на временное воздержаніе отъ горячихъ напитковъ. Душевное его н ніе сдѣлалось очень тягостнымъ; онъ постоянно грустилъ. Благос его, и безъ того незавидное, пришло въ совершенный упадокъ, ч больше разстраивало больного и побуждало его къ редицивамъ. Д сряду больной жаловался на тяжесть головы—«все мнѣ голову обн на какое-то отуманѣніе, два года исподволь совершалось у него з перерожденіе печени, и, наконецъ, онъ умеръ, истощенный, въ бр цвѣтѣ лѣтъ, въ крайней бѣдности, оставивъ на произволъ судь счастную вдову и шестилѣтняго мальчика. Стоитъ обратить в на то обстоятельство, что хотя онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ съ у него былъ всего одинъ ребенокъ, плодъ первыхъ дней супружеской когда онъ еще не былъ подверженъ погубившему его пороку. Но

жи пристрастія къ горячимъ напиткамъ, онъ сдѣлался безплоднымъ, не-отря на завидное физическое развитіе.

Молодой купецъ, разорившійся наслѣдникъ богатаго купеческаго семей-ва, окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ въ Петербургѣ; съ пре-зіей на образованіе, тихаго, кроткаго нрава. Отецъ и дядя его умерли ъ вина. Самъ страдаетъ жировымъ перерожденіемъ печени. Мы не могли биться, каковы были его интеллектуальныя способности въ молодости, въ послѣдній годъ умственныя его отправленія были очень слабы и раничены. Человѣкъ этотъ буквально ничего не дѣлалъ, никогда ничего читалъ и только занятъ былъ тѣмъ, чтобъ какъ-нибудь да выпить. ѣсколько разъ онъ допивался до чортиковъ, состояніе это проходило, льной поправлялся нѣсколько, оставлялъ на время водку, но спустя ѣсколько мѣсяцевъ снова предавался гибельному напитку. Подъ конецъ ъ пилъ нѣсколько дней къ ряду безостановочно. Онъ весь обрюзгъ, об-ружился обычный бредъ и послѣ короткой агоніи наступила будто-бы езапная смерть. Этотъ господинъ, пока не былъ знакомъ съ мертвящей агой, произвелъ на свѣтъ двухъ славныхъ бойкихъ мальчиковъ, но съ ѣхъ поръ производительность его прекратилась, хотя онъ и прожилъ съ чень хорошей женщиной еще нѣсколько лѣтъ.

Ни одна болѣзнь, кажется, не считалась настолько принадлежностью ропическаго климата, какъ эти страданія печени. Вышеприведенные нами лучаи доказываютъ, насколько это мнѣніе преувеличено. Очень вѣроятно, то подъ тропиками болѣзни печени встрѣчаются чаще, но онѣ и тамъ мѣютъ гораздо меньше общаго съ климатомъ, чѣмъ съ дурными наклон-остями людей; и тамъ климатическія условія играютъ лишь второстепен-ую роль; въ большинствѣ случаевъ эти болѣзни и тамъ зависятъ отъ злишняго употребленія спиртныхъ напитковъ.

«Самая частая болѣзнь печени, какую я встрѣчалъ у пьяницъ, гово-итъ Бержере,—есть особенное ея видоизмѣненіе, называемое циразъ. При той болѣзни печень какъ-бы сожжена, изсушена дѣйствіемъ алкоголя, ань ея вялая, объемъ ея уменьшенъ, она сморщена, имѣетъ волокни-ую плотность и хруститъ подъ ножомъ. Я видѣлъ, какъ три обжоры ерли одинъ вслѣдъ за другимъ въ самое короткое время, съ небольшими ромежутками, еще въ среднемъ возрастѣ, хотя они всѣ трое были очень ѣпкаго тѣлосложенія. Пристрастіе къ выпивкѣ и къ лакомому куску лизило и соединило этимъ трехъ собутыльниковъ вокругъ одного стола аждый божій день. Сеансъ всегда начинался съ утра и длился на цѣ-

лый день до самаго вечера; я посѣтилъ ихъ поочередно у смертнаго одра, они всѣ умерли одной и той-же болѣзнью, вышеупомянутымъ пораженіемъ печени, и эта болѣзнь сопровождалась самыми страшными страданіями, изъ коихъ самое тягостное, быть можетъ, состояло въ полнѣйшемъ отвращеніи ко всякаго рода пищѣ и питью. Всѣ трое погасли одинаковымъ манеромъ; долго чахли и, наконецъ, утонули въ собственной своей водянкѣ».

Вотъ рѣзкій примѣръ того, какъ вѣрно одинаковыя причины производятъ одинаковыя послѣдствія.

Вообще, отношенія спиртныхъ напитковъ къ печени слишкомъ враждебны. Конечно, нѣтъ худа безъ добра, и человѣкъ подчасъ умѣетъ утилизировать самыя эксцентрическія явленія природы. Такъ, человѣкъ воспользовался этимъ особымъ дѣйствіемъ алкоголя и употребляетъ его для увеличенія печени и ожирѣнія ея, насколько возможно, у птицъ, чтобы получить вкусные страсбургскіе пироги. Для этого торговцы подмѣшиваютъ въ пищу птицамъ извѣстную дозу спиртныхъ напитковъ. Но человѣкъ можетъ это дѣлать съ гусемъ, а самъ онъ не гусь, чтобы превращать свою печень въ кусокъ сала. Не даромъ же, на самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ обидѣлся, когда Иванъ Никифоровичъ назвалъ его гусакомъ.

Такое жировое перерожденіе печени можетъ охватить весь этотъ органъ, какъ это покажетъ намъ слѣдующій казусъ, приведенный Бержере: «На дняхъ я имѣлъ случай убѣдиться въ ядовитомъ дѣйствіи алкоголя. Слесарь, который уже нѣсколько лѣтъ работалъ у насъ въ домѣ, хотя и слылъ большимъ любителемъ водки, но не былъ особенно горькимъ пьяницей, но года два тому назадъ захворалъ бѣлой горячкой, отъ которой, впрочемъ, скоро оправился. Теперь онъ умеръ 42 лѣтъ и умеръ положительно голодной смертью, потому что желудокъ и печень были поражены ракомъ, пища не могла проходить и онъ просто-на-просто умеръ съ голоду, хотя и имѣлъ чѣмъ питаться. Взвѣсили печень этого несчастнаго. Она вѣсила 11 фунтовъ и 2 унца, между тѣмъ, у здороваго человѣка въ полномъ его развитіи, она вѣситъ 4 и никакъ не болѣе 5 фунтовъ. Докторъ Петерсъ константируетъ фактъ такого увеличенія у людей, преданныхъ злоупотребленію ромомъ и водкой въ 70 случаяхъ, которые онъ наблюдалъ. У старыхъ пьяницъ онъ находилъ печень вѣсомъ отъ 10 до 12 фунтовъ. Женщина, 30 лѣтъ, слишкомъ преданная пьянству, поступила въ Hôtel-Dieu и въ одинъ пріемъ выпила шесть бутылокъ вина и водки на 15 сантимовъ. Спустя нѣсколько часовъ она умираетъ, при

рытіи печень оказалась такихъ громадныхъ размѣровъ, что она высту-
а на нѣсколько пальцевъ изъ подъ реберъ и это жировое перерожде-
(dégénérescence graisseuse) одинаково поразило, какъ почки, такъ
сердце».

Иной разъ пораженіе печени у людей пьющихъ ограничивается умень-
шымъ отдѣленіемъ желчи, особенно у такихъ субъектовъ, которые под-
глись какимъ-нибудь внезапнымъ нравственнымъ потрясеніямъ, какъ
бокая печаль или страхъ. Желчь тогда остается въ крови и произво-
тъ желтуху и почти всѣ пьяницы, страдающіе печенью, часто подвер-
ются разлитію желчи или желтухѣ.

«И вовсе нѣтъ особенной надобности доводить злоупотребленіе спирт-
ми напитками до какихъ-нибудь крайностей, чтобы вызвать сильныя
раженія печени. Даже незначительное количество спиртныхъ напитковъ
собно вызвать самыя серьезныя пораженія печени, если оно дѣйствуетъ
одно съ нравственными условіями. Съ другой стороны, какъ часто слу-
ется, что люди, подавленные глубокой скорбью или горькими разочаро-
іями, ищутъ утѣшенія и забвенія на днѣ бутылки».

Слѣдующее наблюденіе превосходно характеризируетъ французскіе нравы
олько же, сколько самого автора наблюденія.

Мужчина, лѣтъ 40; самыя блестящія надежды встрѣтили его въ мо-
дости. Высокое умственное развитіе, богатое наслѣдство, счастливая и
гатая женитьба, красивыя дѣти, словомъ—все ему улыбалось. Но онъ
ѣлъ несчастье сблизиться самыми тѣсными отношеніями съ политической
ртіей. Сознавая, что въ наше время, снѣдаемое столькими революціями,
ждый хорошій гражданинъ долженъ быть прежде всего французъ, онъ
шой и тѣломъ привязался къ своей политической партіи; доктрины ея
ѣлались для него политическимъ евангеліемъ, онъ сталъ самымъ фана-
ческимъ пропагандистомъ и постоянно утверждалъ одно, «что внѣ этого
тъ спасенія». Вдругъ революція въ нѣсколько дней уничтожила всѣ его
люзіи. Онъ сталъ преувеличивать послѣдствія, какія принесетъ ему и
семейству эта перемѣна, и считалъ все погибшимъ. Обычная веселость
исчезла. Онъ сталъ задумчивъ и угрюмъ. Вотъ онъ и пошелъ отыски-
ть общество, запилъ и совершенно забылъ свои прежнія трезвыя по-
ебности и привычки. Онъ не напивался до-пьяна, но каждый вечеръ
ылъ нѣсколько на веселѣ, и въ то время приходилъ въ свое прежнее
рошее расположеніе духа. Утромъ же, особенно натощакъ, имъ снова
владѣвали печальныя думы. Онъ сдѣлался нетерпѣливымъ, раздражитель-

нымъ, приходилъ въ ярость изъ-за пустѣйшаго повода, изъ-за журнальной статьи, противорѣчившей его идеямъ. Аппетитъ его сдѣлался очень капризнымъ; то онъ впродолженіи нѣсколькихъ дней питался одной солониной, то онъ къ пищѣ прибавлялъ множество пряностей и все это заливалъ крѣпкими винами. Онъ утверждалъ, что пищевареніе у него не совершается безъ содѣйствія винъ; но, кажется, что онъ скорѣе старался потопить въ нихъ дурное настроеніе, свое горе. Вотъ, однажды, у него открылась сильнѣйшая рвота кровью. Онъ очень похудѣлъ. Кожа пожелтѣла, -- лучшее доказательство, что печень поражена. Пищевареніе отказывается служить, больной получилъ такое отвращеніе ко всякой пищѣ, что уже не хотѣлъ больше принимать никакой. Тогда онъ впалъ въ совершенное отчаяніе, прерываемое припадками гнѣва изъ-за малѣйшей бедѣлицы. Что за уныніе, что за душевное мученіе, когда онъ видитъ пропасть, собственными руками приготовленную, когда онъ вдругъ подумаетъ, что вотъ приближается моментъ и ему придется оставить любимую жену и краснощекихъ ребятъ! Ахъ! какъ онъ долженъ былъ оплакивать заблужденія своихъ слѣпыхъ собесѣдниковъ, къ политическимъ страстямъ которыхъ онъ присталъ! Въ тѣ немногія минуты, когда лучъ надежды озарялъ его убитую горемъ душу, онъ клялся совершенно бросить эти ужасныя привычки, лишь бы ему только выздоровѣть. Тогда-то онъ заведетъ совершенно иной, новый, лучшій образъ жизни. Онъ не будетъ больше читать журналовъ и газетъ, — нѣтъ, ну ихъ совсѣмъ! Онъ забудетъ весь міръ и всѣ его глупости. Онъ мечталъ только о сладостяхъ семейнаго очага, о святыхъ радостяхъ семьи. Увы! тщетныя мечты! Онъ умеръ отъ крайней степени истощенія...»

Какой рѣзкій контрастъ между нашими наблюденіями и наблюденіями, дѣлаемыми во Франціи какимъ-нибудь ученымъ Бержере. Мы видѣли спившагося съ кругу чиновника, промотавшаго казенныя деньги, или изъ-за ревности; мы видѣли пьянствующаго до положенія ризъ дьячка или попа, единственно въ силу своего безотраднаго положенія въ сельской средѣ; мы видѣли толстобрюхаго купца, разжирѣвшаго отъ вина, какъ бочка, только потому, что среди обилія, его окружавшаго, ему ничего больше не оставалось дѣлать; мы видѣли несчастнаго доктора, котораго заѣла такъ-называемая среда; мы видѣли безчисленное множество пившихъ съ голоду, холоду и дурной обстановки. Но мы не видѣли ни одного, кто пилъ-бы изъ-за политическихъ убѣжденій. Такія явленія, слѣдовательно, возможны пока во Франціи, но никакъ не въ нашихъ захолустьяхъ... Такъ,

согласны, пьянство можетъ довести человѣка до такого несчастнаго положенія, какъ описываемый Бержере субъектъ. Въ этомъ мы видимъ лишь подтвержденіе нашей идеи, что соціальная обстановка—единственно-главная причина, порождающая пьянство, этотъ соціальный недугъ. Такъ; но что хотѣлъ этимъ сказать самъ Бержере? Что онъ разумѣлъ подъ словами: «un bon citoyen doit être français avant tout». Хочетъ-ли онъ этимъ сказать, что хорошій гражданинъ не долженъ вмѣшиваться ни въ какія политическія дѣла? Какъ бонапартистъ, онъ не видитъ зла въ такихъ событіяхъ, какъ coup d'état 2 декабря, побудившій, можетъ быть, не одного честнаго человѣка броситься въ крайность и взяться за горькую чашу. Онъ видитъ зло не въ общественной деморализаціи, а какъ-будто въ чтеніи журналовъ и газетъ, въ посѣщеніи политическихъ кружковъ. Описываемый имъ субъектъ былъ богатъ, обезпеченъ, семьянинъ, имѣлъ хорошенькую жену и краснощекихъ ребятъ, но ему всего этого мало, потому-что образованный и честный человѣкъ не можетъ ограничиться своимъ семейнымъ счастьемъ; онъ поэтому былъ человѣкъ глубокихъ политическихъ убѣжденій и стремленій — и пораженіе этихъ стремленій какимъ-нибудь coup d'état для него было невыносимо и оно ударился въ крайность, чтобы заглушить свои честныя и разумныя требованія. Въ чемъ-же зло? Въ этихъ разумныхъ требованіяхъ или въ такихъ событіяхъ, какъ coup d'état? Больной, правда, подъ конецъ раскаялся въ своихъ прежнихъ увлеченіяхъ; онъ видѣлъ уже все счастіе лишь въ семейныхъ радостяхъ у домашняго очага. Но что-же тутъ мудренаго и удивительнаго? Конечно, лучше замкнуться въ своей берлогѣ и дѣлить свои радости и горе съ единственнымъ другомъ—женой, и восхищаться воспитаніемъ своихъ милыхъ крошекъ,—слова нѣтъ, что это лучше, чѣмъ проводить время въ грязныхъ кабакахъ и пропивать тамъ свое здоровье, трудъ и имущество. Но Бержере упустилъ изъ виду, что это желаніе проявилось уже у человѣка больного, искаженнаго, искалѣченнаго соціальными условіями. Пока этотъ человѣкъ былъ молодъ, полонъ силъ и энергіи, пока онъ былъ въ здравомъ умѣ и владѣлъ всѣми своими интеллектуальными способностями, семейное счастіе его не могло удовлетворить въ виду соціальныхъ бѣдствій; но когда онъ преждевременно одряхлѣлъ, истратилъ всѣ свои умственныя и нравственныя силы на кабачное бездѣлье, потопилъ свою душу въ винѣ, больной, разслабленный, истощенный, выжившій изъ ума и сердца... чего оставалось ему больше желать, какъ не физическаго здоровья, которое одно могло возвратить ему хотя-бы семей-

ное спокойствіе и довольство. Нѣтъ, г. Бержере, такихъ людей калѣчатъ не журналы, не политическіе кружки, а такія страшныя государственныя преступленія, какъ coup d'état, и послѣдующая затѣмъ политическая деморализація.

Послѣ этого очерка страданій крови и органовъ, находящихся въ тѣсной съ нею зависимости, мы перейдемъ къ другой отрасли, самой могучей и самой важной, къ нервной системѣ. Нервная система, какъ извѣстно, президентъ федеративной республики нашего организма. Какъ нѣтъ ни одной частицы въ нашемъ организмѣ, въ которой не было-бы сѣти кровеносныхъ и питательныхъ сосудовъ, такъ нѣтъ ни одной доли, куда не проникала-бы хотя одна вѣточка того роскошнаго дерева, котораго корни—мозги. Несмотря на это, каждая часть нашего организма живетъ своею самостоятельною, независимою жизнью и заправляется своимъ самостоятельнымъ нервнымъ представителемъ. Самовольничать такой нервный агентъ никоемъ образомъ не можетъ. Нервная ниточка сидитъ въ мышцѣ; такая нервная ниточка можетъ побудить мышцу къ движенію и притомъ въ опредѣленной мѣрѣ, выше которой мышца уже не повинуется; такъ въ слюнной и молочной железкѣ сидитъ по нервному стволику, и эти нервные дѣятели могутъ побудить одну железу выдѣлить слюну, а другую выдѣлять молоко, но опять-таки въ опредѣленномъ количествѣ, нужномъ для общихъ интересовъ организма. Превышать своей дѣятельности, усиливать поборы, нарушать принципы взаимнаго обезпеченія и содѣйствія никто тутъ не можетъ. Такой агентъ сносится съ центральнымъ депо—съ мозгами, лишь какъ мѣстный представитель мѣстныхъ интересовъ, которыхъ центральная власть не можетъ измѣнять. Всякая непріятность, какая постигаетъ хотя-бы самую отдаленную провинцію нашего организма, чувствительнѣе всего отзывается на центральной власти. Потому она и имѣетъ агентовъ вездѣ, чтобъ узнать какъ-можно скорѣе о мѣстныхъ нуждахъ и принять противъ нихъ мѣры. Но своеволія со стороны центральнаго органа никакого быть не можетъ. Онъ только управляетъ, но не царствуетъ и управляетъ-то лишь въ качествѣ предсѣдателя, но никакъ не съ диктаторской властью. Его, правда, нельзя смѣнить и на его мѣсто назначить новаго; съ нимъ также нельзя прекратить сношеній, но и онъ никого смѣнить не можетъ и онъ ни съ кѣмъ не можетъ прекратить сношеній безъ явнаго ущерба себѣ-же. Взаимные интересы всѣхъ отдѣльныхъ провинцій съ центральнымъ органомъ до того тѣсно связаны, что центральная власть только тогда и счастлива и вполнѣ спокойна

когда удовлетворены всѣ мѣстные интересы отдѣльныхъ провинцій. Притомъ центральная власть въ высшей степени—коллегіальное учрежденіе, состоящее главнымъ образомъ изъ трехъ департаментовъ. Одинъ департаментъ завѣдуетъ движеніемъ всѣхъ родовъ организма, другой завѣдуетъ чувствительностью, третій отправляетъ самую трудную обязанность превыше всѣхъ другихъ обязанностей—интеллигенцію, разумъ. Такимъ образомъ, въ центральномъ органѣ три спеціальности: онъ—гнѣздо мысли; чрезъ посредство проводниковъ или нервныхъ нитей онъ наблюдаетъ за правильнымъ отправленіемъ движенія и онъ-же воспринимаетъ всѣ ощущенія, какія только ни получитъ организмъ во всѣхъ своихъ частяхъ чрезъ посредство окончаній тѣхъ же проводниковъ, тѣхъ-же нервныхъ нитей. Несмотря на полную солидарность и на постоянное и дружное согласіе этихъ трехъ департаментовъ, каждый изъ нихъ опять-таки совершенно независимъ и самостоятеленъ. Вообразите, что ничто такъ не доказываетъ справедливости нашихъ словъ, какъ злѣйшій врагъ нервнаго органа—алкоголь или спиртные напитки. Алкоголь выдѣлываетъ ужасы съ нашей нервной системой и никто такъ сильно не страдаетъ отъ него, какъ она. Алкоголь совершенно разстраиваетъ всѣ взаимныя отношенія отдѣльныхъ частей нервной системы. Алкоголь можетъ поразить интеллигенцію человѣка, прогнать царя изъ его головы, отнять у него разумъ, не задѣвъ остальныхъ департаментовъ; онъ можетъ насъ связать по рукамъ и ногамъ, свалить, отнять всякую возможность движенія и тѣмъ упразднить цѣлый департаментъ, если не навсегда, такъ навремя; онъ можетъ лишить насъ чувствительности, слышите-ли?! сдѣлать насъ безчувственными и неспособными воспринимать лучшія ощущенія, даже ощущенія любви. Онъ можетъ совершенно исказить, извратить нашу волю, наши желанія, всѣ наши стремленія, убѣжденія, идеи, возвышенныя понятія; онъ можетъ заглушить въ насъ совѣсть, знанія, наши способности, таланты; онъ можетъ убить въ насъ чувства собственнаго достоинства и превратить насъ въ «дрянь и тряпку».

Такимъ образомъ, ни одинъ органъ въ нашемъ тѣлѣ столько не терпитъ отъ ядовитаго дѣйствія алкоголя, какъ наша милая и драгоцѣнная нервная система. Отъ постояннаго и безпрерывно повторяющагося орошенія мозга и вообще всей нервной системы кровью, содержащею спиртныя вещества, вся нервная система страдаетъ двояко: съ одной стороны, отъ частаго и ненужнаго возбужденія мозговыя ткани теряютъ въ веществѣ и силѣ въ значительной мѣрѣ. Это составляло-бы полъ-бѣды,

если бы эта драгоцѣнная убыль вознаграждалась соотвѣтствующими ингредіентами, но въ томъ-то и горе, что нервная система съ другой стороны не получаетъ должнаго питанія въ силу обѣдненія крови бѣлковинными веществами и въ силу присутствія въ ней углеводородовъ, какъ продуктовъ спиртового броженія, которые вдобавокъ еще и гибельно дѣйствуютъ на мозгъ. Далѣе мы знаемъ, что отъ повторяющагося и постояннаго прилива питаніе мозга все болѣе и болѣе нарушается, вслѣдствіе чего происходитъ атрофія (отощаніе, исхуданіе) мозга. Изъ прекрасныхъ-же опытовъ Кусмауля и Теннера мы знаемъ, что у животныхъ послѣ сильныхъ потерь крови всегда наступаютъ судорожныя сокращенія всѣхъ мышцъ, напоминающія собой припадки падучей болѣзни. Лишая мозгъ артеріальной крови, также легко вызвать сильныя судороги въ видѣ падучей вслѣдствіе внезапно прерваннаго питанія. Кромѣ того постоянные приливы крови къ мозгу, обусловливаемые алкоголемъ, причиняютъ въ мозгу воспаленія, кровоизліянія, разрывы сосудовъ, размягченіе мозга, его жировое перерожденіе, отвердѣніе и многія другія страшныя послѣдствія. Къ несчастью, нѣтъ въ нашемъ тѣлѣ ни одного еще такого органа, котораго органическія поврежденія и видоизмѣненія обладали-бы такою отчаянною способностью и страстью передаваться наслѣдственно, какъ страданія мозга и нервной системы вообще. Вотъ почему пораженія нервной системы больше всего ведутъ къ полному вырожденію, къ вырожденію цѣлыхъ семействъ, расъ, племенъ. Едва-ли мечомъ можно такъ успѣшно и вѣрно извести народъ, какъ алкоголемъ. Мы здѣсь разсмотримъ лишь самыя выдающіяся формы вырожденія, къ которымъ ведутъ злоупотребленія спиртными напитками.

Раньше всего у многихъ пьяницъ обнаруживается разстройство въ органахъ движенія. Человѣкъ не въ силахъ руководить и управлять движеніями рукъ или ногъ. Появляется дрожаніе преимущественно рукъ. Дрожаніе это намъ до того знакомо, что у насъ даже составилось нѣкотораго рода предубѣжденіе, что оно неизбѣжно встрѣчается у всякаго пьяницы. А потому мы каждаго больного, подозрѣваемаго въ излишнемъ употребленіи спиртныхъ напитковъ, просимъ положить свои руки плашмя на нашу руку и мы рѣдко обманываемся въ своемъ предчувствіи. Легкое колебаніе пальцевъ и вообще всей руки всегда обличало даже тщательно скрываемый недугъ. Мы принимаемъ это за вѣрный признакъ того, что нервная система уже сильно страдаетъ. Такъ къ намъ однажды обратился чиновникъ, занимавшій должность казначея, стройный, красивый мужчина

лѣтъ 30, изъ семинаристовъ, и большой охотникъ выпить. Его служебная обязанность требуетъ отъ него постояннаго употребленіи рукъ для письмоводства и счетоводства. Но руки его до того дрожатъ, что перо выдѣлываетъ Богъ вѣсть какія каракульки и счеты выходятъ невѣрными. Мы убѣждены, что онъ передалъ-бы въ наслѣдство своимъ дѣтямъ такое-же разстройство нервовъ движенія, еслибы не былъ бездѣтнымъ, хотя онъ и женатъ уже нѣсколько лѣтъ на молодой и здоровой женщинѣ.

Интересный случай дрожанія ногъ наблюдалъ Бержере. Онъ разсказываетъ объ одномъ горькомъ пьяницѣ, у котораго ноги до того дрожали, что онъ нѣсколько разъ падалъ со всѣхъ ступенекъ, отправляясь въ свой погребъ. Наконецъ, частое паденіе ему надоѣло и онъ ухитрился спускаться туда на спинѣ. Въ такомъ странномъ положеніи его засталъ Бержере, которому онъ тогда сознался: «послушайте, тамъ сидитъ дьяволъ, который все меня туда тянетъ; тамъ, видите-ли, маленькій боченокъ съ водкой, который не даетъ мнѣ покою, и я не перестаю о немъ думать; если я не въ состояніи буду отправляться туда, я непремѣнно тотчасъ умру!» И дѣйствительно онъ вскорѣ умеръ.

Но самое страшное разстройство нервовъ движенія, причиняемаго алкоголемъ и передаваемаго наслѣдственно, представляетъ намъ падучая болѣзнь. Паціенты этого рода производили на насъ въ высшей степени потрясающее впечатлѣніе. Страдающіе этой болѣзнью отличаются блѣдностью, одутловатостью, слабостью всей мышечной системы, легкою возбуждаемостью и раздражительностью. Періодически отъ времени до времени больной впадаетъ въ безсознательное состояніе, падаетъ, и съ нимъ начинаются судороги всѣхъ членовъ, лица, языка, глазъ. Все это сопровождается хрипѣніемъ, пѣной у рта и такой приступъ длится нѣсколько минутъ. Мы замѣтили рѣзкую разницу между дѣтьми и взрослыми, страдающими падучей отъ другихъ причинъ и тѣми, которые страдаютъ падучей отъ пьянства. Первые послѣ приступа представляютъ страдальческій видъ и своимъ состояніемъ возбуждаютъ къ себѣ сожалѣніе. Вторые встаютъ послѣ приступа какъ ни въ чемъ не бывало и имъ какъ-будто совѣстно за то, что они страдаютъ такою болѣзнью.

Однажды мы пріѣхали на станцію рано утромъ, лѣтней порой. Смотрителя не было въ комнатѣ и мы отправились отыскивать его. Выйдя въ переднюю, мы увидили его на полу въ сильнѣйшихъ судорогахъ, съ подергиваніями всѣхъ мышцъ рукъ и ногъ. Нѣсколько мгновеній длилось это непріятное зрѣлище, послѣ чего смотритель всталъ и отправился распо-

рядиться насчетъ лошадей. Намъ показалось страннымъ его спокойное настроеніе послѣ такого страшнаго припадка, но хозяинъ станціи объяснилъ намъ, что смотритель—горькой пьяница, что ему совѣстно стало нашего присуствія, а потому онъ и поспѣшилъ поскорѣе отъ насъ отдѣлаться.

Другой случай, видѣнный нами, еще ужаснѣе. Волостной писарь, очень богатый, дюжій, коренастый мужикъ съ туго-набитой мошной — плодами эксплуатаціи одной изъ богатѣйшихъ волостей, пріѣхалъ къ намъ полечиться отъ пьянства. Нѣсколько разъ мы навѣщали его и состояніе его здоровья, повидимому, улучшалось. Спустя нѣсколько дней во время нашего посѣщенія онъ вдругъ зашатался, упалъ и съ нимъ сдѣлались сильнѣйшія судороги рукъ и ногъ. Пѣна бьетъ изо рта сперва бѣлая, потомъ красная отъ примѣси крови; онъ искусалъ себѣ весь языкъ; глаза закатились и вспухли; онъ страшно скрежеталъ зубами, мѣтался во всѣ стороны, издавалъ пронзительные крики; храпъ, стонъ и фырканье—все это перемѣшалось. Его такъ сильно било и подбрасывало, что онъ нѣсколько разъ измѣрялъ всѣмъ своимъ корпусомъ всю комнату, несмотря на усиленныя старанія окружающихъ удержать и успокоить его. Нѣсколько минутъ длился этотъ приступъ и произвелъ на насъ самое грустное впечатлѣніе. Никогда еще мы не видѣли человѣка въ такомъ жалкомъ, обезображенномъ видѣ, оскорбляющемъ человѣческое достоинство. Казалось-бы, что любой пьяница, присутствуя при такомъ зрѣлищѣ, навсегда отрекся-бы отъ того ужаснаго яда, разумѣется, если-бы это зависѣло отъ него. Послѣ этого больной нашъ 11 мѣсяцевъ ничего не пилъ и кончилъ тѣмъ, что снова запилъ. Онъ умеръ, не оставивъ по себѣ дѣтей.

Вестфаль въ своей статьѣ объ эпилепсіи у пьяницъ говоритъ, что изъ всѣхъ больныхъ, которыхъ онъ лечилъ отъ бѣлой горячки, цѣлая треть, около 30%, прежде уже страдали приступами падучей болѣзни. На основаніи собранныхъ данныхъ Вестфаль приходитъ къ тому заключенію, что хроническое пьянство главная причина падучей у пьяницъ, но никакъ не наоборотъ, потому-что больные, лечившіеся отъ пьянства, не страдали падучей въ юношескомъ и дѣтскомъ возрастѣ, въ которомъ, главнымъ образомъ, и проявляется эта страшная болѣзнь.

Такимъ образомъ, спиртные напитки съ одной стороны производятъ такое ядовитое дѣйствіе на нервную систему, что субъекты сами заболѣваютъ падучей болѣзнью, съ другой стороны, если злоупотребляющіе спиртными напитками сами и не заболѣваютъ, то они производятъ на свѣтъ

потомство (если оно является), которое очень часто страдаетъ па-
болѣзнью. Болѣзнь-же эта считается неизлечимою и, такимъ обра-
то одна изъ формъ вырожденія.
висимо отъ падучей, пьяницы страдаютъ еще другой формой судо-
такъ-называемыми конвульсіями, которыя могутъ постигнуть боль-
ю всякое время и отъ всякой бездѣлицы. Малѣйшее раздраженіе,
іе пальца перочиннымъ ножикомъ можетъ вызвать неимовѣрное кон-
ное возбужденіе, доказывающее, какъ сильно повреждена нервная
. Такъ мы были свидѣтелемъ слѣдующаго случая. Волостной пи-
реднихъ лѣтъ имѣлъ привычку выпить, но не особенно часто. Въ
нее время, лишившись службы, сильно запилъ и еще сильнѣе осла-
По совѣту врача, онъ остановилъ свою неумѣренность, и, повиди-
сталъ поправляться. Спустя нѣсколько дней, сидѣлъ онъ однажды
и переписывалъ бумаги, вдругъ ему сдѣлалось дурно, потемнѣло
захъ, онъ упалъ безъ крика и шума и тогда наступили судороги
тѣла. Приступъ длился съ полчаса, потомъ судороги мало-по-малу
но больной долго не могъ придти въ себя, ничего не сознавалъ.
его было аспидно-синее, глаза впалые, ушли въ орбиты, дыханіе
енное, конечности холодныя, на лбу выступилъ холодный потъ. А
еще вой и плачъ окружающихъ, полумракъ и нищета квартиры,
никъ съ крестомъ, еще нѣсколько мгновеній и... человѣка не ста-
Но вопреки нашимъ ожиданіямъ, больной сталъ приходить въ себя,
ько оправился, заговорилъ невнятно и несвязно, никого не узнавалъ,
малъ ничего, что-то бормоталъ безсмысленное и только послѣ до-
томительнаго ожиданія пришелъ въ сознаніе. Повтореніе этихъ
овъ конвульсій ведутъ неминуемо къ смерти.
видѣли, какъ одинъ коренастый, здоровый мастеровой, привыкшій
ишнему употребленію водки, въ дракѣ вывихнулъ палецъ; хотя вы-
немедленно былъ вправленъ, у него все-таки сдѣлался антоновъ
въ пальцѣ, а на другой день оказался столбнякъ, отъ котораго
вой втеченіи сутокъ умеръ. Такъ сильно разстройство первовъ дви-
причиняемое ядовитымъ дѣйствіемъ алкоголя. Замѣчательно, что во
такихъ случаяхъ чувствительность и умственныя способности оста-
какъ-бы менѣе задѣтыми.
гда ядовитое дѣйствіе алкоголя сосредоточивается преимущественно
нномъ мозгу, главномъ органѣ движенія и чувствительности, и тогда
одятъ разнаго рода параличи; отнимаются ноги, прекращается вся-

кая возможность движенія, чувствительность теряется и такіе жалкіе субъекты влачатъ самую плачевную жизнь, несносную для нихъ самихъ и еще болѣе для окружающихъ.

Еще ужаснѣе страданіе собственнаго мозга, причиняемыя преимущественно и почти исключительно хроническимъ отравленіемъ алкоголемъ. Самою выдающеюся формой, наичаще встрѣчающейся, можно назвать бѣлую горячку или хмѣльникъ (delirium tremens). Почти всякій хроническій алкоголистъ раньше или позже впадетъ въ это состояніе, что называется, «допивается до чортиковъ». Состояніе это характеризуется главнымъ образомъ двумя явленіями: полнѣйшей безсонницей и сильнѣйшимъ бредомъ. Бредъ этотъ бываетъ двухъ родовъ: или буйный, возбужденный, неистовый; или, напротивъ того, совершенно спокойный, умѣренный; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ говорливость и рѣчистость этихъ субъектовъ безконечна. Бредъ вертится преимущественно на галюцинаціяхъ органа зрѣнія. Смотря по профессіи, каждый почти больной витаетъ въ своемъ спеціальномъ мірѣ фантазій, имѣетъ свой особенный родъ бреда. Священникъ бредитъ предметами, достойными его почтеннаго сана; купецъ занятъ свойственной ему сферой дѣятельности; чиновникъ — служебными достопримѣчательностями; но всѣ одинаково бредятъ разными видѣніями: то они видятъ чудовищныхъ животныхъ, то разныхъ разбойниковъ, воровъ, всѣхъ обитателей ада, а главное чортиковъ. Больные не узнаютъ никого изъ родныхъ, не узнаютъ окружающей обстановки, домашняго своего очага, видятъ себя въ иномъ мірѣ, въ чужомъ мѣстѣ, въ рукахъ враждебныхъ имъ силъ. Иной разъ бредъ во все время болѣзни вертится на одномъ какомъ-нибудь предметѣ, который преслѣдуетъ свою жертву и отъ котораго больной не въ силахъ отдѣлаться, несмотря на всѣ его старанія. Вотъ онъ заглянулъ въ окно, въ это проклятое окно, и тамъ-то онъ сразу увидѣлъ и узналъ всю бездну золъ, для него приготовленныхъ, и съ ужасомъ, съ крикомъ отскочилъ отъ окна, прячется куда-нибудь, не смѣя глазъ поднять, пальцемъ шевельнуть. Но бѣсовское любопытство подстрекаетъ его снова заглянуть въ окно, не ушли-ли уже, не удалились-ли его враги и тогда опять повторяется прежняя сцена. Заглянетъ-ли въ уголъ комнаты и тамъ тоже пропасть ужасающихъ видѣній. Повернется и посмотритъ назадъ, но и тамъ за спиной у него не меньше страстей. Куда дѣваться несчастному страдальцу? Страхъ обуялъ его до послѣдней степени. Онъ весь дрожитъ, холодный потъ выступаетъ по немъ, онъ рвется впередъ, какъ-бы уйти изъ этого ада и тутъ-то ничему нѣтъ

ды: онъ всѣхъ бьетъ, дерется, буйствуетъ, ломаетъ все, неистовст-
ь... Къ вечеру все это усиливается, бредъ длится во всю ночь; весь
на ногахъ, никакія увѣщанія не могутъ угомонить страдальца и такая
ія тянется иногда нѣсколько дней и чаще всего оканчивается смертью.
инъ богатый купецъ, среднихъ лѣтъ мужчина, велъ обширную тор-
и ежегодно отправлялся въ Киргизскую степь, гдѣ торговалъ бара-
и занимался топленіемъ сала. Послѣ постояннаго ежедневнаго зло-
ребленія водкой, однажды вечеромъ онъ сталъ забываться и пугаться.
встрѣчи съ нами свалился съ ногъ. При первомъ свиданіи разсуж-
еще нѣсколько здраво, но тотчасъ-же своротилъ съ пути здраваго
а и понесъ разную дребедень. На вопросы давалъ не совсѣмъ удов-
рительные отвѣты и вовсе не кстати. Бредъ обнаруживался тотчасъ
ился 8 дней. Во все это время почти нисколько не принималъ пищи
сколько ночей сряду не спалъ, несмотря на усиленные пріемы опіума
рфія, несмотря на холодныя примочки, не обращая вниманія на всѣ
карательной нашей медицины. Бредъ все вертѣлся на предметахъ
изской степи: больной постоянно торговался съ киргизами, ругалъ
обманывалъ ихъ, видѣлъ предъ собою барановъ, степь, кумысъ и
Три, четыре человѣка съ трудомъ удерживали его въ постели и всѣ
нія оставались тщетными, чтобы удержать на головѣ его холодную
очку. Онъ никого не узнавалъ изъ окружающихъ, былъ совершенно
душенъ къ своимъ семейнымъ, къ своимъ торговымъ интересамъ. На-
ніе бреда во все время было скорѣе шутливое, веселое, забавное.
ики хотя и появлялись на сценѣ, но не внушали больному того
а, о которомъ безъ содроганія не могутъ вспомнить другіе уже от-
вшіеся отъ этой болѣзни. Наконецъ, какъ-то на восьмой день, боль-
заснулъ и проспалъ 15 часовъ. Проснувшись, онъ чувствовалъ себя
олько лучше, но еще не вполнѣ. За то и проспалъ ровно сутки, послѣ
пришелъ нѣсколько въ себя, неимовѣрно радуясь вмѣстѣ съ своей
й счастливому освобожденію отъ такой страшной катастрофы.
атъ этого субъекта также страдалъ хроническимъ отравленіемъ алко-
ъ и время отъ времени «разрѣшалъ». Тогда въ городкѣ начинался
никъ, все оживлялось. Возьметъ этотъ господинъ извозчика, найметъ
анку, разъѣзжаетъ съ ней по городу, разыгрываетъ подъ окнами,
тъ у всѣхъ «водочки», разсказываетъ разныя небылицы, бредитъ на
но никого не задѣваетъ, а, напротивъ, всѣхъ смѣшитъ и забавляетъ;
сѣхъ кабакахъ онъ старый знакомый, кредитъ полный и въ такомъ

полусумасшедшемъ состояніи онъ проводилъ по нѣскольку недѣль, сам собою, по прекращеніи кредита и отъ недостатка вина, не ост вится, не вытрезвится. Послѣ нѣсколькихъ такихъ рецидивовъ, повто шихся иногда раза два втеченіи года, онъ окончилъ жизнь самоуб вомъ, оставивъ бездѣтную вдову. Просимъ читателя обратить свое маніе на то обстоятельство, что большинство представленныхъ нами ектовъ были самые плохіе производители потомства...

Исходъ бѣлой горячки очень разнообразенъ. Такъ, однажды веч позвали насъ къ купцу, который, лишившись нѣсколько дней тому н жены, запилъ съ горя. Онъ пилъ всего нѣсколько дней. Прибывъ къ ному, мы застали тамъ священника, исполнявшаго свою обязанность. ной сидѣлъ у стѣны на корточкахъ, съ улыбкой на устахъ, глядѣлъ то неопредѣленно, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на присутс щихъ и что-то тихонько бормоталъ подъ носъ, рисуя на воздухѣ ф указательнымъ пальцемъ. Онъ былъ совершенно спокоенъ, трезвы блѣденъ, ушелъ въ себя, въ какой-то ему одному подвѣдомственный фантазій. Мы и не рѣшились сразу вывести его изъ такого блаже состоянія и приняли лишь мѣры, чтобы вызвать сонъ. Вмѣстѣ съ щенникомъ, постояннымъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, мы были убѣж что на другой день застанемъ больного въ лучшемъ положеніи, но рѣшительно поражены, когда на другой день узнали, что его уже въ живыхъ и что онъ до того торопился на тотъ свѣтъ, что не дож даже лекарствъ. Такъ быстро и убійственно бываетъ подчасъ дѣйствіе голя, такъ гибеленъ бываетъ исходъ этой формы пораженія нашего орга

Внезапная смерть у пьяницъ, по мнѣнію Бержере, самое обыкно явленіе, потому-что приливы крови къ мозгу до того подчасъ сильны они обусловливаютъ разрывы мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ и кровои ніе. Юстиція неоднократно командировала Бержере производить вск труповъ этихъ несчастныхъ, которыхъ смерть постигала въ публич мѣстѣ или гдѣ-нибудь въ полѣ, вдали отъ всякой помощи и отъ вс жилья. Такая внезапная смерть не всегда была обязана своимъ по ніемъ исключительно отравленію алкоголемъ, а также часто смерть исходила просто отъ сильнаго паденія или отъ удара при паденіи въ номъ видѣ. Такъ, случалось, что одинъ убивалъ себя объ стѣну, д попадалъ въ какую-нибудь пропасть, а третій, шествуя по кривому попадалъ въ быстро текущій ручей и утопалъ въ немъ, что называ какъ въ ложкѣ воды...

такая внезапная смерть называется ударомъ. Большею частью она про-
дитъ отъ того, что кровеносные сосуды мозга претерпѣваютъ жировое
звестковое перерожденіе, отчего они дѣлаются легко разрываемыми, и
аи такой смерти довольно часты. Городъ Чердынь, напримѣръ, такой
ый уголокъ, что тамъ цѣлый рядъ врачей окончилъ свое земное суще-
ваніе отъ пьянства. Такъ мы знали врача, очень интереснаго въ слу-
номъ отношеніи. Выпущенный изъ 4-го курса университета во время
мской войны, онъ былъ отправленъ подъ Севастополь. Тамъ онъ на-
ся пить и за какія-то каверзы былъ переведенъ на службу въ противо-
ожный уголъ земного шара—въ Березовъ, тобольской губерніи, а потому
утверждалъ, что знаетъ вкусъ водки по всей россійской имперіи, и
она вездѣ такая мерзость, что собственно говоря, ее не стоитъ пить.
Березовѣ пристрастіе къ вину естественно должно было лишь усилиться.
уда онъ переѣхалъ въ Курганъ, откуда попалъ на службу въ Чердынь,
орый немногимъ уступитъ Березову. Живя въ Чердынѣ, врачъ дѣлалъ
лько одно—пилъ; онъ страдалъ постоянной безсонницей, видѣніями, дро-
ніемъ всего тѣла, особенно рукъ и ногъ, самъ лечился опіумомъ, ко-
ый принимался имъ подчасъ въ огромныхъ дозахъ и, такимъ образомъ,
илъ себѣ полнѣйшее разстройство организма, обнаружившееся страда-
ми сердца и мозга. Состояніе это побуждало его лишь усилить пріемъ
ртныхъ напитковъ. Никакія просьбы, увѣщанія, никакіе доводы не
ли остановить его. Нѣсколько разъ съ нимъ повторялась бѣлая го-
ка и въ одно прекрасное утро его нашли мертвымъ въ постели, умер-
ъ отъ удара, отъ разрыва кровеносныхъ сосудовъ. Онъ не только не
вилъ по себѣ никакого потомства, но пребывалъ въ такой крайней
дности, что нечѣмъ было его похорить. Положеніе врачей въ этихъ отда-
ныхъ трущобахъ необъятнаго нашего отечества по истинѣ ужасно и,
ется, что смерть все-таки лучшій исходъ для этихъ людей.

Но ударъ—преимущество, свойственное образованнымъ людямъ, преиму-
тво богачей, ведущихъ сидячій образъ жизни. Въ Пруссіи по Гауснеру,
% всѣхъ умирающихъ умираетъ отъ удара, или 1 на 570 жителей
раетъ этой формой смерти. Въ Бельгіи 4% всѣхъ смертныхъ слу-
ъ приходится на эту болѣзнь или 1 на 900 жителей умираетъ этимъ:

Въ Лондонѣ 10% всѣхъ смертей или 1 на 383 умираетъ отъ удара.
» Берлинѣ 10% — — — 1 — 373 — —
» Парижѣ 8% — — — 1 — 426 — —

Такимъ образомъ, въ Лондонѣ и въ Берлинѣ въ три раза больше ныхъ случаевъ отъ удара, чѣмъ, напр., въ Бельгіи.

Разрывы кровеносныхъ сосудовъ въ мозгу, кровоизліяніе и жир известковое перерожденіе сосудовъ или самой ткани мозговой ведет еще къ другой формѣ страданія не менѣе ужасной, къ размягчені Страданіе это хотя встрѣчается рѣже, но представляетъ собою чайно характеристическій пріемъ процесса вырожденія. Мы видѣл такой весьма оригинальный экземпляръ. Отставной кавказскій пол былъ нѣкогда живой, энергическій, взбалмошный, неустрашимый гуляка. Въ описываемое нами время это былъ плотный, крѣпкій ку лѣтъ 50. Часто страдалъ онъ болью въ правомъ боку. Походка сколько странная, какъ-будто одна половина тѣла слабѣе другой повинуется велѣніямъ воли, а потому казалось, что прихрамываетъ сказать, всей правой стороной. Зрѣніе весьма оригинальное. При триваніи какого-нибудь предмета больной ставитъ голову въ кос направленіи и направляетъ на предметъ лѣвый глазъ такъ, чтоб правый не мѣшалъ. Въ разговорахъ отъ малѣйшаго вздора онъ при въ ярость, причемъ у него не хватаетъ силъ выговорить и высказа мысль, запинается, сердится, стучитъ по столу. Рѣчь у него за тельна и какъ-бы внезапно обрывается на словѣ. Но самое инте что онъ по цѣлымъ ночамъ одѣтый расхаживаетъ по своимъ пар комнатамъ и почти вовсе не спитъ. Изрѣдка лишь заснетъ на предъ разсвѣтомъ или послѣ обѣда. Опіумъ не только не усыпляе но прогоняетъ сонъ... И онъ всю ночь бродитъ одинъ одинешен своему дому и выкуриваетъ сигару за сигарой. Какъ человѣкъ обр ный и знакомый съ нѣмецкой философіей, онъ, на всѣ предложені сить вредную привычку, отвѣчаетъ самыми оригинальными метафизи соображеніями, и возраженія его, съ точки зрѣнія его разстроенны говъ, совершенно нормальны и естественны. Состояніе это длило сколько лѣтъ и, разумѣется, окончилось смертью. Онъ былъ дваж натъ. Отъ первой жены у него было двое дѣтей, замѣчательно хо людей. Вторично онъ былъ женатъ на красавицѣ, молодой и здоров щинѣ, замѣчательнаго ума и развитія, и хотя они оба сошлись въ дыхъ лѣтахъ и прожили довольно долго, но дѣтей у него отъ брака не было. Онъ все это время уже пилъ...

Бержере утверждаетъ, что спиртныя излишества вызываютъ час палительное состояніе мозговъ. Болѣзнь эта проявляется преимущес

, когда къ этому привычному раздраженію мозговъ алкоголемъ, присоединяется какое-нибудь сильное возбужденіе, порождаемое обстоятельствами. Такъ, онъ видѣлъ, что болѣзнь эта свирѣпствовала почти эпидемически на Юрѣ въ 1848 г. въ силу революціоннаго движенія. Бержере ...лъ молодую женщину, пораженную такимъ воспаленіемъ. Ей все ...щились баррикады, пушки, стрѣльба и потоки крови. Братъ этой жен... тоже былъ заключенъ въ домъ умалишенныхъ, потому-что онъ на ...ахъ пропагандировалъ соціалистическій крестовый походъ и оскорблялъ ...го, кто не хотѣлъ приставать къ его партіи. Оба они были преданы ...ству.

...ковы формы пораженія мозга и нервной системы въ силу хроническаго ...леніи алкоголемъ въ такъ-называемомъ соматическомъ отношеніи. Чи... легко могъ убѣдиться, что ни одинъ изъ представленныхъ нами ...пляровъ не былъ въ нормальномъ состояніи ума, тѣмъ не менѣе не ...житъ сомнѣнію, что преобладали въ каждомъ изъ нихъ физіологиче... ненормальности со стороны тѣла. Мы теперь коснемся другой серіи ...даній, гдѣ преобладаютъ душевныя явленія. Мы, конечно, очень далеки ...того пониманія душевныхъ болѣзней, которое проповѣдуетъ отъявлен... профанъ въ медицинѣ, докторъ Германъ Ульрици въ своемъ толстомъ ...неніи «Leib und Seele», въ которомъ онъ утверждаетъ, что всѣ ду...ныя болѣзни суть лишь болѣзни нервныя, а душа тутъ, молъ, ровно ...причемъ, удаляется въ уголъ и какъ бы говоритъ, что «ея дѣло — ...она». Напротивъ того, считая пьянство цѣликомъ взятое за соціаль... недугъ, мы смотримъ на весь процессъ хроническаго пьянства, какъ ...страданіе тѣла, убѣждены, что именно этотъ процессъ со всѣмъ его ...разнообразіемъ какъ нельзя лучше можетъ служить вѣрнѣйшей аргу...таціей полнѣйшей зависимости всего нашего душевнаго отправленія отъ ...оваго или болѣзненнаго состоянія нашего органическаго субстрата, то ...мозговъ. Одна рюмка водки уже приводитъ всю нашу душевную дѣя...ность въ ненормальную дѣятельность.

II.

...и читатель приметъ на себя трудъ свести къ одному выводу все, ...казано нами о потрясающемъ дѣйствіе алкоголя на нашъ организмъ,

то онъ пойметъ, что всѣ болѣзненныя явленія, указанныя нами, п щественно поражаютъ физическую сторону организма. Теперь мы говорить о душевныхъ болѣзняхъ, порождаемыхъ пьянствомъ.

Мы уже прежде замѣтили, что не раздѣляемъ мнѣнія Рейха и М утверждающихъ, что всякая душевная болѣзнь есть уже явленіе денія. Мнѣніе это слишкомъ утрировано и не выдерживаетъ серьезно тики. Душевная болѣзнь можетъ быть такимъ-же скоропроходящимъ даніемъ, неоставляющимъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, какъ и разстр желудка, а съ точки зрѣнія Рейха, слишкомъ обобщающаго процес шевныхъ страданій, придется каждаго такого субъекта причислить тегоріи вырождающихся. Такой взглядъ слишкомъ неутѣшителенъ, ренъ и подаетъ поводъ къ самымъ ложнымъ заключеніямъ, подрыва значеніе самой теоріи. Вообще Рейхъ слишкомъ утрируетъ процес рожденія и не придалъ ему научной основы, на которой теорія мо непоколебимо покоиться. По Рейху, пожалуй, выйдетъ, что какой- Контъ или Писаревъ, разъ страдавшіе въ жизни душевнымъ разстрой принадлежатъ къ выродившимся.

Съ нашей точки зрѣнія, далеко не согласной съ мнѣніемъ Рейха, тѣ формы душевныхъ болѣзней можно и должно причислить къ яв вырожденія, которыя произошли въ силу органическихъ видоизмѣне шихъ тканей, передаваемыхъ притомъ наслѣдственно. Такія во именно и порождаетъ алкоголь.

Итакъ, душевная болѣзнь сама по себѣ не есть еще вырожденіе, думаетъ Рейхъ и Морель, а вырожденіемъ будетъ лишь такая ду болѣзнь, которая произошла вслѣдствіе органическаго видоизмѣненія рерожденія преимущественно мозговой ткани. Къ несчастію человѣч излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ распространяетъ своё в вліяніе на нервную систему такъ широко и проникаетъ до того гл что у человѣка искажается и его душевное отправленіе и притомъ разъ въ такой силѣ, что душевное страданіе оказывается уже пр дающимъ, преимущественнымъ, рельефнѣе всего бросающимся въ глаз формы душевныхъ болѣзней, несмотря на все ихъ разнообразіе, быть обязаны своимъ происхожденіемъ одному лишь злоупотребленію ными напитками. За положительно-вѣрное можно утверждать, что ютъ случаи, и далеко не рѣдкіе, что не будь этого излишняго у бленія, не было-бы душевной болѣзни. А потому, оставляя въ с индивидуальность и другія побочныя обстоятельства, мы утверждаем

ство влечетъ за собою всѣ формы душевныхъ болѣзней. Отъ индиви-
ьности-же и другихъ посторонних условій зависитъ уже разнообразіе
а или другая форма душевной болѣзни. Такъ, извѣстно, что бѣлая
чка отъ пива или отъ англійскаго джина, или отъ русской водки
етъ каждая свою характеристику. Однихъ пьянство доводитъ до пол-
шаго сумасшествія, другихъ до меланхоліи, ипохондріи, третьихъ ввер-
ъ въ слабоуміе, безсмысліе, идіотизмъ. «Изъ всѣхъ формъ хрониче-
о сумасшествія, говоритъ Гризингеръ *),—пьянство, повидимому, имѣ-
преимущественно вліяніе на развитіе параличнаго слабоумія. Сверхъ
очень обыкновенны также невполнѣ развитыя формы, судить о кото-
ъ въ судебномъ отношеніи очень трудно. Эти слабыя, хроническія ду-
ныя аномаліи пьяницъ отличаются замѣчательнымъ душевнымъ приту-
іемъ, отсутствіемъ чувства долга и вообще всѣхъ высшихъ ощуще-
—сознанія совѣсти, чувства истины, пониженіемъ всего нравственнаго
вня и въ особенности ослабленіемъ памяти. При этомъ часто встрѣ-
тся легкія или сильно-развитыя галлюцинаціи. Сверхъ этого замѣ-
тся многія другія, болѣе или менѣе, сильныя аномаліи нервныхъ от-
вленій,—дрожаніе рукъ и языка, притупленіе чувства осязанія и зрѣ-
слабость половыхъ органовъ, мурашки и судороги въ ногахъ, голо-
руженіе, иногда припадки падучей болѣзни, и раньше или позже боль-
доходитъ до истощенія, ведущаго непосредственно къ смерти. Въ по-
ствѣ пьяницъ часто встрѣчается ранняя смерть отъ конвульсій, глу-
ъ и слабоуміе, малость черепа, или въ позднѣйшемъ возрастѣ та-же
асть къ пьянству, наклонность къ сумасшествію и преступленію».

Статистическія таблицы домовъ умалишенныхъ указываютъ на пьян-
, какъ на одну изъ самыхъ выдающихся причинъ, порождающихъ
евныя болѣзни. Голлоранъ изъ 747 случаевъ нашелъ у $^1/_5$ этого
а пьянство причиною болѣзни. Причардъ и Эскироль приписываютъ
Англіи этой причинѣ даже половину всѣхъ душевныхъ болѣзней; въ
48 г. Уэбстеръ нашелъ эту причину уже у $^1/_8$—$^1/_9$ всего числа боль-
ъ въ Бедламѣ (704 больныхъ). Мориссонъ нашелъ ее въ Бедламѣ
е почти у $^1/_8$ и въ томъ числѣ навѣрно было немало случаевъ бѣлой
ячки. Въ настоящее время нигдѣ, повидимому, пьянство не составляетъ
ь сильной и частной причины душевныхъ болѣзней, какъ въ Аме-

*) Гризингеръ Душевныя болѣзни, стр. 199—200.

рикѣ. Решъ замѣтилъ, что $^1/_3$ умалишенныхъ въ пенсильванскомъ госпиталѣ заболѣла отъ пьянства, а новѣйшія статистическія таблицы нѣкоторыхъ американскихъ заведеній даютъ еще большее отношеніе (Грангеръ). Во Франціи въ домахъ умалишенныхъ для лицъ средняго класса число умалишенныхъ вслѣдствіе излишества въ винѣ чрезвычайно значительно. Съ 1828 по 1835 годъ въ больницу Шарантонъ поступили 1,557 умалишенныхъ, изъ нихъ 134 обязаны были этой болѣзнью излишнему употребленію алкоголя. Генеральная статистика Франціи за 185? годъ показываетъ, что изъ 32,876 больныхъ разстройствомъ разсудка, пользовавшихся въ общественныхъ и частныхъ больницахъ 1,502 погубили себя пьянствомъ. Въ большихъ центрахъ населенія число заболѣвающихъ душевными болѣзнями отъ вина несравненно больше, чѣмъ въ деревняхъ и селахъ.

Въ пріютахъ, посвященныхъ бѣдному и убогому классу, вліяніе этой причины еще болѣе замѣтно. Изъ 1,079 сумасшедшихъ, лечившихся въ Бисетрѣ, съ 1808 по 1813, алкоголь погубилъ 126. Въ томъ-же Бисетрѣ Марсе за періодъ съ 1856 по 1861 гг. нашелъ 915 пьяницъ, потерявшихъ разсудокъ. Всѣхъ-же тамъ за это время оказалось 4,770. Тотъ-же наблюдатель констатировалъ тотъ фактъ, что каждый годъ приноситъ приращеніе и втеченіи 10 лѣтъ число больныхъ удвоилось. Въ Англіи, по Виллону, половина сумасшедшихъ обязана своимъ сумасшествіемъ горячимъ напиткамъ. Въ Берлинѣ, по Касперу, треть умалишенныхъ отъ той же причины. По Нельсону, мозговыя страданія у пьяницъ составляютъ $^1/_{36}$, а у трезвыхъ $^1/_{104}$ (Бержере).

Представленныя данныя должны убѣдить читателя, что вырожденіе въ формѣ душевныхъ страданій, вслѣдствіе спиртныхъ напитковъ, играетъ не послѣднюю роль. И форма эта очень печальная. Намъ случилось видѣть хотя немногіе, но довольно рѣзкіе экземпляры. Притомъ мы были лишены возможности долго наблюдать этихъ субъектовъ, потому-что, по существующимъ узаконеніямъ, больные этого рода не оставляются въ уѣздныхъ городахъ, а препровождаются въ губернскую больницу. Одинъ случай особенно врѣзался въ нашей памяти. Выгнанный изъ службы чиновникъ представлялъ собою тонкаго, худощаваго, высокаго роста мужчину лѣтъ 50. Онъ былъ изъ семинаристовъ. Въ домѣ его была величайшая нищета. Послѣ нѣсколькихъ приступовъ бѣлой горячки онъ впалъ въ неистовое помѣшательство. Раздѣвается до нага, голый расхаживаетъ по избѣ, несмотря на присутствіе взрослыхъ дѣвицъ, воспитываемыхъ въ

ротъ, бьетъ посуду, стекла, ломаетъ мебель, бредитъ, кричитъ, поетъ ковныя пѣсни и псалмы, бранитъ всѣхъ и все, и самыя нѣжныя стаія семьи унять его остаются напрасными. Такой приступъ длится два, часа. Потомъ онъ успокоивается мало-по-малу, молча засядетъ въ лъ или приляжетъ на полу, кой-чѣмъ прикрывшись. Во всѣхъ его иженіяхъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ нѣтъ никакой опредѣленной цѣли, тъ осмысленнаго желанія; ясно, что онъ не владѣетъ собой, что онъ винуется всякой мимолетной идеѣ, проскальзывающей въ его мозгу. У о нѣтъ воли, нѣтъ стремленій. Окружающіе предметы, чрезъ посредство гана зрѣнія, вызываютъ въ его мозгу необузданное и дикое настроеніе. тъ онъ пришелъ въ возбужденное состояніе и тогда-то онъ проявляетъ свойственную ему прежде звѣрскую дикость и побужденіе все уничтотъ и разрушать, необращая ни малѣйшаго вниманія на мольбы и ласки счастной семьи. Лицо его, обросшее сѣдой бородой въ видѣ немытой тины, блѣдно, истощено, исхудало; глаза его дико сверкаютъ, выраніе то тупое, то злое. Вдругъ онъ зальется самымъ громкимъ смѣхомъ, пріятнымъ, отвратительнымъ смѣхомъ, ничего не выражающимъ. Но тъ возбужденное состояніе прошло; тогда наступаетъ какая-то подаенность, забитость, пришибленность. Теперь съ нимъ все можно сдѣть. Онъ слабъ и покоренъ, какъ ребенокъ. Такъ чередовались припад- долго; такъ тянулась жизнь, медленно приближавшая роковой... нѣтъ, агодѣтельный исходъ въ смерти. Къ счастью, этотъ субъектъ не остаиъ по себѣ потомства.

Другой случай неменѣе характеристиченъ. Купеческій приказчикъ богаго ярославскаго торговаго дома, плотный, здоровый мужчина, пріѣхалъ ярмарку съ товаромъ. Вдоволь и всячески покутивши на ярмаркѣ, ъ провелъ нѣсколько ночей въ безпрерывной оргіи безъ сна, и вдругъ дчиненные его замѣтили, что онъ вмѣсто одного товара отпускаетъ угой, лучшій, не беретъ денегъ, даритъ всѣмъ подарки, заговаривается. на другой-же день сказалось вполнѣ развитое помѣшательство. Пріѣвшаго къ нему исправника онъ немедленно назначилъ генералъ-губерторомъ въ Іерусалимъ, прибывшаго къ нему врача назначилъ своимъ йбъ-медикомъ, наградилъ орденомъ и назначилъ главнымъ врачомъ всѣхъ спиталей и богадѣленъ. Онъ вѣчно занятъ самыми важными дѣлами и стоянно суетится, пишетъ длинные проекты (причемъ на бумагѣ выхоітъ, конечно, какія-то каракульки), рисуетъ планы дворцовъ, храмовъ, льницъ. Всякаго посѣтителя онъ встрѣчаетъ съ подобающею важностью,

едва удостоиваетъ поклона, каждому повелительно отдаетъ приказанія, причемъ, конечно, никто не смѣетъ ему прекословить, но другихъ удостоиваетъ рукопожатія или улыбки, вообще-же настроеніе добродушное, полушутливое. Отправленный въ домъ умалишенныхъ, онъ впалъ въ слабоуміе,—исходъ, граничащій съ непогрѣшимою смертью.

Алкоголь производитъ совершенное искаженіе нравственнаго чувства: люди, преданные спиртнымъ напиткамъ, могутъ въ своей безнравственности дойти до самаго возмутительнаго цинизма; они теряютъ всякую деликатность, лишаются чувства собственнаго достоинства и теряютъ всякое уваженіе къ чужой собственности. Такъ Бержере разсказываетъ объ одномъ такомъ чудакѣ, который въ гостяхъ, въ чужомъ домѣ или въ магазинахъ замѣтитъ-бывало хорошенькую вещь и непремѣнно стащитъ, боязливо спрячетъ въ карманъ, какъ дурно воспитанный ребенокъ. Бержере указываетъ на другого горькаго пьяницу, который хвасталъ предъ нимъ, что онъ *артистъ по карманной части*, съ такимъ цинизмомъ и съ такою наглостью, какъ это вообще свойственно людямъ, потерявшимъ всякое сознаніе о чести и неимѣющимъ и тѣни нравственнаго чутья.

Бержере приводитъ слѣдующій разсказъ, свидѣтельствующій до чего можетъ дойти страсть къ пьянству и до какого цинизма и плутовства доходятъ аферисты, ставящіе на карту чужую жизнь. Страхованіе жизни и имущества на западѣ Европы и особенно въ Швеціи даютъ поводъ къ самымъ разнообразнымъ спекуляціямъ. Тамъ можно застраховать не только свою жизнь или своихъ близкихъ родныхъ, но даже людей совершенно постороннихъ, разумѣется, съ ихъ согласія. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался въ маленькомъ городѣ Карлскронѣ купецъ Францъ Свенсонъ, возымѣвшій желаніе какою-нибудь спекуляціею получше разбогатѣть. Съ этой цѣлью онъ отыскалъ какого-то почетнаго моряка солдата Гофштета. Послѣдній имѣлъ въ жизни одно лишь желаніе—пить, и онъ, дѣйствительно, охотно отдалъ-бы свою жизнь лишь-бы имѣть возможность въ послѣдніе дни жизни пить какъ можно больше. Свенсонъ зналъ хорошо эту страсть Гофштета, отправился къ нему и предсталъ предъ нимъ съ стаканомъ водки въ одной рукѣ и съ золотомъ въ другой. У пьяницы Гофштета глаза заблистали радостно и больше направлены были на вино, чѣмъ на деньги. Свенсонъ подалъ ему стаканъ; тотъ съ жадностью поднесъ его къ губамъ. Свенсонъ остановилъ и предложилъ ему, съ своей стороны, средства—пить теперь постоянно много, но съ однимъ условіемъ

ь: жизнь его отнынѣ принадлежитъ ему, Свенсону. Онъ можетъ пить, лько хочетъ, но только до извѣстнаго срока, а по окончаніи этого ка онъ долженъ умереть, прекратить свою жизнь или пить столько, бъ водка сама прекратила жизнь его по окончаніи срока. Гофштетъ его этого не понималъ; онъ понималъ лишь одно—пить. Но онъ все-и нѣсколько мгновеній колебался, а потомъ рѣшился: вѣдь онъ, мо-ъ быть, станетъ еще пить мѣсяца три или полгода, а тамъ что Богъ тъ. Онъ соглашается на эти убійственныя условія, и контрактъ за-эченъ. Свенсонъ страхуетъ жизнь Гофштета за хорошую сумму, потому-съ виду Гофштетъ—здоровый, дюжій мужчина: страховыя конторы утъ введены въ обманъ, а тамъ Гофштетъ довершитъ себя и Свен-ъ заберетъ денежки къ себѣ въ карманъ. Сказано, сдѣлано. Въ двухъ цествахъ застрахована жизнь Гофштета: въ англійскомъ обществѣ Мен-ъ за 8,000 фунтовъ и во французскомъ обществѣ Ла-Патернель за 00 франковъ. Страховку за первый годъ Свенсонъ заплатилъ 184 нка. Онъ было-хотѣлъ застраховать еще въ двухъ компаніяхъ, но ему удалось. Тогда Свенсонъ взялся за Гофштета. Онъ слѣдилъ за каж-мъ шагомъ его, ежеминутно напоминалъ ему объ условіяхъ и о данномъ щаніи; онъ поитъ его водкой, даетъ ему денегъ, чтобъ тотъ самъ ъ; онъ слѣдитъ и радуется, какъ вино беретъ свое, какъ организмъ раетъ, но онъ хочетъ ускорить процессъ, поскорѣе покончить съ этимъ учнымъ занятіемъ. Узнавши, что Гофштетъ боленъ, Свенсонъ отпра-лся къ нему и сталъ упрекать его, что онъ не настолько боленъ, на-олько слѣдуетъ, что онъ не держитъ слова, не исполняетъ своего обѣ-нія, что онъ не въ полномъ безчувствіи отъ пьянства. Бѣдный Гофш-тъ сталъ оправдываться, что онъ радъ стараться, что онъ дѣлаетъ е, что отъ него зависитъ, что онъ потому невполнѣ пьянъ, что оста-лся въ постели и некому было сходить за виномъ, что силы ему измѣ-ли, что онъ и такъ совсѣмъ изсохъ. Свенсонъ настаиваетъ и удаляется, тавивъ ему еще два талера, однако, его посѣщенія стали чаще, тре-ванія настойчивѣе и бѣдный Гофштетъ взмолился, нельзя-ли какъ оста-ть это предпріятіе. Не тутъ-то было. Не того хотѣлось Свенсону. ъ даетъ денегъ Гофштету еще чаще, настаиваетъ, требуетъ, и Гофш-тъ волей-неволей вынужденъ былъ умереть, спустя нѣсколько мѣсяцевъ слѣ заключенія контракта, въ страшныхъ мученіяхъ. Тогда-то возли-валъ Свенсонъ. Онъ объявилъ въ компанію Менторъ о смерти Гофш-та и получилъ свои деньги; потомъ онъ обратился въ Патернель, но

послѣдняя затѣяла съ нимъ процессъ. Французскій трибуналъ объявилъ незаконнымъ такой контрактъ и заклеймилъ позоромъ, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, такой постыдный торгъ, гдѣ одинъ человѣкъ продалъ свою жизнь, въ самомъ дѣлѣ, какому-то дьяволу, день и ночь подливавшему ядовитый напитокъ своей жертвѣ, чтобы скорѣе заполучить его душу... или деньги.

Мы уже выше сказали, что у Рейха слишкомъ перепутаны понятія о вырожденіи и вымираніи. Такъ онъ считаетъ тифъ, холеру и другія эпидеміи условіями вырожденія, между тѣмъ какъ мы ихъ относимъ къ самымъ обыкновеннымъ явленіямъ вымиранія, въ чемъ, конечно, большая разница. Холера или тифъ хотя и причиняютъ страшныя опустошенія, но это болѣзни, не передаваемыя наслѣдственно; онѣ не портятъ людей цѣлыми поколѣніями; онѣ не подаютъ собою дурного примѣра окружающимъ; онѣ не оскорбляютъ нравственнаго чувства и порокомъ ихъ назвать нельзя. Человѣкъ, самой высокой нравственности и благороднѣйшихъ, честнѣйшихъ правилъ, можетъ заболѣть холерой, тифомъ или кровавымъ поносомъ, прохворать нѣсколько недѣль, выздоровѣть и снова возвратиться къ отправленію своей честной и полезной дѣятельности, нисколько не измѣнившись ни въ физическомъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Правда, если эти болѣзни свирѣпствуютъ эпидемически, онѣ могутъ навремя убить духъ народа, ввергнуть его въ нищету; народъ впадаетъ въ уныніе, теряетъ бодрость, можетъ, пожалуй, придти въ отчаяніе, но то-же самое можно сказать о всякомъ общественномъ несчастьи, о пожарахъ, о войнахъ, наводненіяхъ. Иванъ Грозный истреблялъ людей тысячами, но онъ не оставилъ по себѣ системы безнравственности, не исказилъ цѣлаго ряда поколѣній, не понизилъ нравственнаго уровня своихъ современниковъ, не повредилъ принципамъ чести и нравственности. Совсѣмъ другое дѣло какой-нибудь Наполеонъ III, который, можетъ быть, не истребилъ и десятой части того, сколько погубилъ Грозный, но Наполеонъ возвелъ свои безнравственныя стремленія въ систему, въ принципъ и заставилъ массу людей усвоить себѣ его принципы и тѣмъ погубилъ, можетъ быть, не одно поколѣніе. Такимъ образомъ, мы отвергаемъ мнѣніе Рейха, утверждающаго, что эпидеміи вырождаютъ людей и исключаемъ цѣлую серію приводимыхъ имъ условій вырожденія.

Далѣе Рейхъ называетъ самоубійство также причиною вырожденія. Рейхъ смотритъ на всякое самоубійство, какъ на болѣзненное явленіе, и не допускаетъ, чтобы человѣкъ, въ минуту наложенія на себя рукъ, былъ у-

твенно здоровъ. Здѣсь мы дойдемъ до положенія доктора Крупова, что всь міръ—домъ умалишенныхъ и что всѣ люди, въ немъ живущіе сумасшедшіе. Во-первыхъ, мнѣніе это слишкомъ парадоксально и далеко не доказано, да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, доказать такую штуку, что человѣкъ, лишающій себя жизни, въ минуту совершенія этого акта, никакъ въ здоровомъ умѣ; вѣдь этого никогда не доказать. Во-вторыхъ, еслибъ то было и такъ, то мы не считали-бы самоубійство явленіемъ вырожденія, а лишь явленіемъ вымиранія. Совсѣмъ другое дѣло, если мы посмотримъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія побудительныхъ условій; тогда для насъ будетъ несомнѣнно, что излишнее употребленіе алкоголя можетъ исказить человѣка до того, что онъ не только себя лишитъ жизни, но и передастъ эту наклонность потомству. Въ такомъ вопросѣ, какъ вырожденіе, очень трудно сразу установить принципъ Аристотеля: «сказать все, что слѣдуетъ, сказать только то, что слѣдуетъ, и сказать, какъ слѣдуетъ». Чѣмъ инымъ прикажете объяснить то обстоятельство, что нѣкоторые самоубійцы лишаютъ себя жизни какъ-разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ убили себя ихъ родители, дѣды и дяди, какъ не тѣмъ стеченіемъ одинаковыхъ условій и обстоятельствъ, которыя поставили потомка въ тоже положеніе и развили въ немъ ту-же наклонность, какъ и въ его предшественникѣ. Такую запутанность отношеній можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ излишество и злоупотребленіе спиртными напитками. Порожденіе такой наклонности въ силу алкоголя уже явно свидѣтельствуетъ, что организмъ жестоко поврежденъ и такое явленіе есть уже несомнѣнное явленіе вырожденія. Съ этой точки зрѣнія мы только и можемъ допустить, что самоубійство—явленіе искаженія нравственнаго сознанія, порча организма и общественная язва, оскорбительная для человѣчества. Исторія видѣла уже на своемъ вѣку такія неприличныя и недостойныя зрѣлища, свирѣпствовавшія чуть не эпидемически. Римляне, въ эпоху ихъ паденія, были отвратительныя пьяницы и самоубійство не только было въ моду, но даже было въ большомъ почетѣ. Повѣсы и забулдыги этой эпохи нарочно устраивали самыя безпутныя оргіи и завершали финалъ самоубійствомъ, увѣнчанные цвѣтами, чтобы поэтичнѣе умереть. Напрасное усиліе! Смерть не гармонируетъ съ поэзіей и распутство, порокъ и безстыдство никогда не будутъ ея удѣломъ. Кто знаетъ, пьянство-ли распространилось вслѣдствіе нравственнаго упадка римлянъ или, наоборотъ, пьянство повлекло за собою нравственное паденіе. Мы держимся второго.

Въ 1829 году въ Лондонѣ совершилось 200 самоубійствъ вслѣдствіе

пьянства. Касперъ утверждаетъ, что четвертая доля самоубійцъ, посягнувшихъ на свою жизнь въ Берлинѣ, были горькіе пьяницы. Изъ 4,495 самоубійствъ, прослѣженныхъ Ренауденомъ, 530 индивидовъ лишили себя жизни вслѣдствіе привычки къ пьянству. Въ сѣверныхъ странахъ, говоритъ Бержере,—пьянство чуть-ли не самая главная причина, ведущая къ самоубійству, но въ Россіи самоубійствъ меньше, чѣмъ въ другихъ странахъ Сѣвера, хотя нельзя того-же сказать о пьянствѣ.

Нѣкогда спартанцы опаивали своихъ рабовъ спиртными напитками, чтобы на нихъ показать своимъ дѣтямъ примѣръ того, до какой гнусности можетъ дойти человѣкъ, преданный пьянству, и тѣмъ внушить имъ отвращеніе къ вину. Теперь не прибѣгаютъ къ этой благодѣтельной мѣрѣ по очень простой причинѣ, что въ ней нѣтъ никакой надобности, такъ-какъ примѣры и образчики пьянства можно встрѣтить чуть не на каждомъ шагу. Недаромъ также Ликургъ строго-на-строго запретилъ новобрачнымъ пить вино въ день бракосочитанія. Онъ очень хорошо зналъ, что у людей, преданныхъ злоупотребленію спиртными напитками, всегда очень мало дѣтей; и дѣствительно, рѣдко можно встрѣтить пьяницу, у котораго было-бы больше одного или двухъ дѣтей, и притомъ чаще всего дѣвочки. Наблюденія, сдѣланныя въ Швеціи и Норвегіи, въ странахъ, по преимуществу преданныхъ пьянству, привели къ тому заключенію, что тамъ чрезвычайно часто родятся уроды. Такъ Вельпо разъ представилъ французской академіи безголоваго ребенка, порожденнаго въ пьяномъ образѣ. Такимъ образомъ, вино убиваетъ въ зародышѣ до двухъ третей такихъ индивидовъ, которые безъ того родились-бы на свѣтъ, а потому, что-бы пьяница ни производилъ, пропадаетъ даромъ. Тѣ-же, которые родятся, приносятъ съ собою обильный запасъ будущихъ страданій; жизнь ихъ — цѣпь мученій: или они умираютъ преждевременно, или наполняютъ собою больницы и всякія богадѣльни и пріюты. Таблицы смертности въ Лондонѣ показываютъ, что половина дѣтей, рождающихся въ этомъ городѣ, умираетъ раньше трехъ лѣтъ отъ роду, между тѣмъ какъ у квакеровъ, въ этой благочестивой сектѣ, извѣстной своею строгой умѣренностью, половина доживаетъ до 47 лѣтъ (Бержере).

Въ 1720 г. всѣ были поражены необыкновеннымъ уменьшеніемъ рожденій въ Лондонѣ. Правительство назначило по этому вопросу слѣдствіе, которое доказало, что пьянство—главная причина этого явленія. Такимъ образомъ, пьянство не только губитъ нравственно и физически одну личность, не только отнимаетъ у личности всякую интеллигенцію, но оно по-

жительно искажаетъ расу. Въ одной Франціи и теперь болѣе 100,000 (!) ъектовъ, способныхъ произвести на свѣтъ лишь эпилептиковъ, дураковъ идіотовъ, слабоумныхъ, потому-что они на любомъ перекресткѣ, чуть у каждаго угла, могутъ найти удобное мѣсто, чтобы отравить себя и свое потомство спиртнымъ ядомъ. Бержере разсказываетъ, что онъ лъ одного господина, нѣсколько разъ сходившаго съума не потому ько, что онъ былъ дважды женатъ, но потому, что страшно злоупотлялъ спиртными напитками. Отъ первой жены у него было 16 дѣтей, коихъ 15 умерли раньше года въ конвульсіяхъ, а оставшійся въ жиъ страдаетъ падучей болѣзнью. Съ другой женой онъ имѣлъ 8 дѣтей, коихъ 7 умерло въ конвульсіяхъ, а оставшійся въ живыхъ страдаетъ отухой.

Липпихъ нашелъ, что каждый пьяница, по крайней мѣрѣ, на три четти сокращаетъ срокъ своей жизни, что чѣмъ моложе субъектъ, преющійся пьянству, тѣмъ быстрѣе сокращается его жизнь и чѣмъ дольше овѣкъ предается этому пристрастію, тѣмъ скорѣе онъ теряетъ способть оставлять по себѣ потомство. Женщины еще скорѣе мужчинъ теютъ эту способность; отъ такихъ субъектовъ обыкновенно дѣвочекъ росся больше, чѣмъ мальчиковъ, и большинство дѣтей страдаетъ всѣми можными дѣтскими болѣзнями на радость и благо дѣтскихъ врачей. ь всего этого въ-очію слѣдуетъ, что въ странахъ, гдѣ пьянство свиіствуетъ эпидемически, народонаселеніе не только не возрастаетъ, а нативъ того, должно уменьшаться, и что множество болѣзней и всякаго а страданій, появляющихся въ другихъ странахъ, какъ исключеніе, ъ рѣдкость, — въ странахъ, преданныхъ пьянству, встрѣчаются уже ез-чуръ часто и больше всего содѣйствуютъ физическому и нравственну растлѣнію народа. Липпихъ доказываетъ, что въ городѣ Лайбонѣ, Иллиріи, гдѣ, еслибъ не было пьянства, ежегодно прибавлялось-бы, крайней мѣрѣ, 176 людей, — теперь, напротивъ того, число жителей годно уменьшается на 59 и городъ совершенно вымеръ-бы, если-бы ль не пополнялась незаконнорожденными дѣтьми. Пожалуйста, читаь, не думайте, что мы станемъ предлагать, какъ самую спасительную у противъ пьянства, производство незаконнорожденныхъ дѣтей.—Такимъ азомъ, мы въ правѣ утверждать, что алкоголь—могущественнѣйшій ядъ, авляющій нашъ организмъ въ самыхъ важныхъ и жизненныхъ его отвленіяхъ. Мы видимъ въ немъ сильнѣйшаго дѣятеля, порождающаго и равляющаго процессомъ вырожденія человѣчества. Намъ теперь инте-

ресно бросить бѣглый взглядъ на распространеніе этой дегенерирующей силы во времени и пространствѣ. Мы того мнѣнія, что человѣчество худшими изъ своихъ темныхъ дѣлъ обязано ничему иному, какъ пьянству, подъ вліяніемъ котораго издавна совершались самыя гнусныя дѣла; спиртные-же напитки такъ-же древни, какъ родъ человѣческій, и неумѣренность, невоздержаніе и разныя пристрастія родились на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Но тѣмъ не менѣе излишество иногда доводило отдѣльныя личности до самыхъ мерзкихъ поступковъ, доводило знаменитости до недостойной смерти отъ пьянства, доводило цѣлые народы до уничтоженія, до порабощенія, до историческаго и соціальнаго паденія. Историкъ Юстинъ разсказываетъ, что лидяне были очень энергическій, дѣятельный, могущественный народъ, имѣвшій обширную промышленность, и что Киру удалось ихъ совершенно поработить только потому, что онъ съумѣлъ развратить ихъ множествомъ кабаковъ и распутствомъ въ нихъ. Исторія не можетъ простить и не проститъ Александру Великому, который хотя и покорилъ множество народовъ, но настолько не владѣлъ собою, что въ пьяномъ видѣ убилъ друга своего дѣтства, Клита. Но въ Греціи не было особеннаго пьянства; она никогда не предавалась систематически этому пороку: оттого-то въ ней процвѣтало высшее умственное и поэтическое развитіе, оттого она знала лучшія формы соціальнаго развитія; оттого она такъ безупречна въ своемъ историческомъ существованіи; оттого человѣчество ей обязано многимъ хорошимъ, но ничѣмъ дурнымъ; оттого въ ней не было завоевательныхъ стремленій, и если она пала, то не въ силу своего нравственнаго паденія, а вслѣдствіе тѣхъ соціальныхъ ошибокъ, съ которыми не умѣла справиться. Что касается римлянъ, то они подавали большія надежды, пока были трезвы и умѣрены, пока еще не знали спиртныхъ напитковъ; но когда Варрусъ ввелъ въ Италію виноградную лозу и способъ приготовленія вина, онъ этимъ положилъ начало будущаго паденія и позорной жизни Рима. «Политическая исторія народовъ, говоритъ Жоли, — достаточный опытъ того, что неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ грозитъ не только существованію отдѣльной личности и отдѣльному семейству, но подрываетъ и подкапываетъ существованіе цѣлыхъ народовъ. Нація, незнающая удержу въ питіяхъ, приближается къ своему паденію; Римъ служитъ лучшимъ доказательствомъ. Римъ, повидимому, не имѣлъ надобности ни въ винѣ, ни въ алкоголѣ, чтобъ стать могущественнѣйшимъ народомъ древности. Основатели Рима, его консулы, его первые полководцы, его арміи нѣсколько вѣковъ не знали и не вѣ-

или ни вина, ни водки, ни абсенту, ни табаку, хотя и распространили мское могущество на весь тогдашній историческій міръ. Трезвость была рисуща ихъ нравамъ; она жила въ ихъ крови, какъ одна изъ главнѣйихъ добродѣтелей, какъ необходимое условіе для гражданскаго блага. все его могущество, все его величіе пало подъ ударами распутства и знузданной неумѣренности.

Должно полагать, что злоупотребленіе спиртными напитками было такъ сильно распространено въ Аравіи, такъ-какъ Магометъ совсѣмъ запрелъ своимъ послѣдователямъ употребленіе вина и самъ своимъ величіемъ значеніемъ отчасти обязанъ своей безукоризненной трезвости, которой признавалъ въ немъ лишь Матвѣй Парижскій, знаменитѣйшій историкъ III вѣка, выдумавшій сказку о томъ, какъ Магометъ, пьяный, упалъ на возную кучу, гдѣ цѣлое стадо свиней будто-бы задушило его, почему усульмане съ тѣхъ поръ и не ѣдятъ свинины.

Средніе вѣка также настолько ознакомились съ пьянствомъ, что импеаторъ Карлъ Великій указомъ запретилъ поощреніе его т. е. пьянства. о извѣстно, какъ ничтожно значеніе указовъ въ такихъ увлеченіяхъ. акъ-разъ вскорѣ за такимъ указомъ въ XIII вѣкѣ Раймундъ Луллъ открылъ алкоголь и тѣмъ положилъ начало новой эры пьянства. Сперва о считали ядомъ, потомъ употребляли лишь какъ лекарство, наконецъ, убѣдились, что алкоголь возстановляетъ ослабѣвшія силы, и хотя лкоголь унизили до смѣшенія съ обыкновенной водой, но за-то этой смѣси али громкое и похвальное названіе жизненной воды (l'eau-de-vie). Въ той-то новой формѣ алкоголь быстро сталъ расходиться, и съ 1678 года о уже публично продавали во Франціи. Но только въ началѣ нашего еликаго XIX вѣка излишество и неумѣренное употребленіе алкогольныхъ апитковъ распространилось по всему лицу земному и въ этомъ отношеніи овершенно уравняло въ правахъ самыхъ цивилизованныхъ народовъ и рубѣйшихъ дикарей.

Тѣмъ не менѣе и здѣсь видна градація. Пальма первенства въ этомъ перничествѣ принадлежитъ, безспорно, народамъ Сѣвера и странамъ иперборейскимъ.

Въ Швеціи приготовляется до 200 милліоновъ литровъ вина и почти се это количество выпивается на мѣстѣ. Очень легко разчислить распредѣленіе. Въ Швеціи до 3 милліоновъ жителей. Если исключить дѣтей, енщинъ и людей, ведущихъ воздержанную жизнь, мы получимъ minimum $^1/_2$ милліона людей, изъ коихъ каждый ежегодно выпиваетъ отъ 80 до

100 литровъ водки (100 литровъ равняется 8 русскимъ ведрамъ). Вѣдь это весьма почтенная доза, если сообразить, что во всей Европѣ на каждаго жителя среднимъ числомъ приходятся всего 10 литровъ, — менѣе одного ведра. Понятно, почему шведскій король Оскаръ увѣрялъ, что онъ охотно отдастъ лучшій цвѣтокъ изъ своей короны, чтобы освободить Швецію отъ нашествія алкоголя. И немудренно! Вѣдь если такъ будутъ продолжать пить, то пропьютъ всѣ цвѣтки изъ его короны.

Въ Россіи, по увѣренію Бержере, потребленіе алкоголя еще больше, но онъ ошибается, потому что, по Гауснеру, въ Россіи выкуривается ежегодно «абсолютно» больше, чѣмъ въ остальной Европѣ, именно 16,360,000 гектолитровъ, и «относительно» далеко не больше, потому что въ Россіи на каждаго потребителя приходится всего 25 литровъ водки. Тѣмъ не менѣе пьянство у насъ сильно свирѣпствуетъ. Тотъ же Бержере цитируетъ какого-то Тургенева, утверждающаго, что въ Россіи ежегодно 100,000 человѣкъ умираетъ исключительно отъ пьянства. Прошло то блаженное время, когда въ Россіи, по словамъ Канкрина, было, что кабакъ, то баталіонъ, теперь же, что солдатъ, то кабакъ.

Въ Англіи пьянство ежегодно убиваетъ среднимъ числомъ до 100,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 24,000 женщинъ. За-то половина умопомѣшательствъ и три четверти преступленій принадлежатъ къ числу тѣхъ же потребителей и внесены въ одни и тѣ же списки, только подъ другую рубрику. Изслѣдованіе показало, что четыре главныхъ продавца водки въ Лондонѣ принимаютъ ежегодно до 275,000 посѣтителей. Прибавимъ, что Лондонъ больше другихъ городовъ потребляетъ пива.

Въ Германіи до 40,000 человѣкъ падаетъ ежегодно жертвами пьянства. Прусскій король, Фридрихъ-Вильгельмъ, ревнуя о солдатской трезвости, выразился, что онъ считалъ бы счастливѣйшимъ событіемъ своей жизни и своего царствованія, еслибъ потребленіе водки въ его государствѣ дошло до нуля. Но на что же купилъ бы онъ тогда круповскія пушки?

Въ Сѣверо-Германскомъ союзѣ теперь ежегодно потребляется 400 милліоновъ литровъ водки, среднимъ числомъ десять литровъ на человѣка. Удивительно, съ какимъ рвеніемъ берлинцы бросились исполнять желаніе короля: тамъ теперь на четыре дома непремѣнно распивочная продажа.

Не менѣе оказывается этого рвенія къ спиртнымъ напиткамъ и во Франціи, и надо отдать ей честь: какъ и во всемъ, Франція прогрессируетъ и въ этомъ отношеніи ежегодно все больше и больше. До французской революціи въ 1788 тамъ выпивали всего 200,000 гектолитровъ

алкоголя, слѣдовательно, не вино разгорячило французовъ и вызвало революцію. Скорѣе наоборотъ. Въ 1840 году выпито 1,000,000 гектолитровъ, а въ 1863 году количество это возрасло до 3 милліоновъ. Парижанинъ 1770 года выпивалъ всего ежегодно 8 литровъ водки, теперь онъ выпиваетъ 30. Но за-то ни одинъ городъ въ свѣтѣ не выпиваетъ столько абсенту, сколько Парижъ.

Вотъ уже 20 лѣтъ, какъ въ Парижъ ввозится и оплачивается милліонъ гектолитровъ вина, а выпивается, между тѣмъ, полтора милліона. Но это чудо объясняется тѣмъ, что Сена катитъ свои воды въ Парижъ безпошлино и безъ уплаты акциза.

Такимъ образомъ, въ Парижѣ, въ этомъ элегантномъ городѣ каждый житель потребляетъ отъ 2 до 3 литровъ вина ежедневно. Если при этомъ принять во вниманіе число людей вовсе непьющихъ или почти ничего не пьющихъ, то число преданныхъ излишеству будетъ просто ужасно.

Виллерме вычислилъ, что втеченіи 6 лѣтъ, съ 1834 по 1841, изъ 45,609 случайныхъ смертей, 1,622 обязаны излишеству въ винѣ. Особенно въ промышленныхъ и фабричныхъ городахъ, по увѣренію Николля, злоупотребленіе спиртными напитками превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ Амьенѣ, по Жюль-Симону, ежедневно продается 80,000 рюмокъ вина, что стоитъ 4,000 франковъ. На эти деньги можно было бы купить 3,500 килограммовъ говядины и 12 тысячъ килограммовъ хлѣба. Въ Руанѣ, по увѣренію того же писателя, втеченіи одного года потреблено 5 милліоновъ литровъ водки. Трудно рѣшить, это ли пьянство довело французовъ до Наполеона III и Гаусмана, или Гаусманъ и Наполеонъ III довели французовъ до такого пьянства. Какъ хотите, а тутъ и французскій народъ не безъ грѣха... По увѣренію Бержере, Америка превосходитъ всѣхъ въ въ искуствѣ злоупотреблять спиртными напитками. Эвере, посланникъ въ Вашингтонѣ, представилъ слѣдующія данныя: втеченіи десяти лѣтъ алкоголь, стоилъ націи 600,000,000 долларовъ, 2) погубилъ 300,000 жителей, 3) отправилъ 100,000 дѣтей въ нищенскіе пріюты, 4) заключилъ 150,000 человѣкъ въ темницу, 5) свелъ съ ума до 2,000 человѣкъ, 6) учинилъ 1,500 убійствъ, 7) совершилъ до 1,000 самоубійствъ, 8) сжегъ имущества на 10,000,000 долларовъ, 9) оставилъ 200,000 вдовъ и 10) бросилъ на произволъ судьбы 1,000,000 сиротъ. Мы поэтому вправѣ сказать, вмѣстѣ съ неисправимымъ мечтателемъ Рейхомъ, что пьянство больше приноситъ вреда человѣчеству, больше его опустошаетъ, чѣмъ даже войны и эпидеміи.

Мы представили читателю нѣсколько скучныхъ подробностей, но онѣ были неизбѣжны для того, чтобы дать понятіе о томъ, что такое вырожденіе, въ какихъ формахъ выражается главнымъ образомъ этотъ процессъ, какими явленіями соціальнаго свойства онъ сопровождается, къ какимъ послѣдствіямъ онъ приводитъ и какіе размѣры онъ подчасъ принимаетъ. Мы для этой цѣли выбрали самый выдающійся и самый характеристическій элементъ, обусловливающій процессъ вырожденія,—алкоголь. Но это лишь одна страница изъ обширной исторіи этого процесса. Соціальныя и моральныя причины вырожденія также важны и дѣйствительны. Исторію ихъ мы изложимъ впослѣдствіи. Намъ теперь остается сказать нѣсколько словъ о мѣрахъ, предохраняющихъ и недопускающихъ до излишества, до вырожденія. Что вредное и пагубное вліяніе спиртныхъ напитковъ бросалось человѣчеству въ глаза во все время его историческаго существованія, доказываютъ тѣ строгія карательныя мѣры, къ какимъ прибѣгали разныя правительства въ прежнія времена. Эти же карательныя мѣры въ то же время доказываютъ полное ихъ безсиліе и ничтожество, когда они направлены не на причину, а на послѣдствіе. Мы знаемъ народъ, котораго судьба исторически такъ сложилась, что онъ не зналъ пьянства и отличался природною трезвостью; оттого законъ его ничего не упоминаетъ о пьянствѣ и не предлагаетъ никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ этого зла. Странно! Несмотря на то, что народъ этотъ, въ Россіи, напримѣръ, завѣдуетъ чуть не всей винной торговлей, онъ менѣе всего предается пьянству и до такой степени питаетъ отвращеніе къ этому пороку, что между евреями и теперь очень мало пьяницъ. Мы это объясняемъ ничѣмъ инымъ, какъ только органической индивидуальной особенностью націи.

У другихъ народовъ карательныя мѣры не привели къ желаемому результату. У римлянъ, напримѣръ, пьянство жестоко наказывали. Мужчинамъ запрещено было пить раньше вступленія въ бракъ, а женщинамъ совершенно было запрещено. Запрещеніе это было до того строго, что мужъ имѣлъ право убить свою пьяную жену. И только во время жертвоприношеній женщинамъ дозволено было отвѣдать вина. Законы Дракона наказывали пьянство смертною казнью. Законы Салона назначали смертную казнь архонту, если послѣдній являлся въ пьяномъ образѣ. Питтакъ, царь митиленскій, налагалъ двойное наказаніе на того, кто совершалъ преступленіе въ пьяномъ видѣ. Селевкъ, царь локрійскій, позволялъ употреблять вино только больнымъ по предписанію врача, другимъ запрещалъ подъ

комъ смертной казни. Во Франціи Францискъ I издалъ законъ, по кому всякій пьяница въ первый разъ былъ заключаемъ въ тюрьму на ъ и на воду, во второй разъ его сѣкли, въ третій разъ сѣкли пуб-, а въ случаѣ повторенія—его изгоняли изъ государства, отрѣзавъ варительно уши. Папа Инокентій III строго наказывалъ духовныхъ, нныхъ пьянству, и лишалъ ихъ приходовъ. Указъ герцога Браунгскаго 1631 года предписывалъ кабачникамъ отпускать посѣтителишь опредѣленное количество водки и строго запрещалъ напиватьь кабакѣ. За нарушеніе этого постановленія налагалось 20 талеровъ фу.

Германіи чуть не въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ свои постанія противъ пьянства. Военный уставъ въ Виртембергѣ, объявленный 818 году, содержитъ слѣдующія постановленія: пьянство наказывается юченіемъ въ тюрьму на хлѣбъ и на воду; если пьянство превраси въ привычку, то оно наказывается заключеніемъ въ тюрьму на ь годъ. Офицеръ, преданный пьянству, навсегда отрѣшается отъ ности.

Швеціи противъ пьянства очень строгіе законы и очень строго няются, что однакожъ не мѣшаетъ чрезмѣрному распространенію пьянства. Если кто появится въ публичномъ мѣстѣ пьянымъ, то онъ ервый разъ платитъ штрафу 15 франковъ, во второй разъ 30, въ й и четвертый разъ денежная пеня еще больше, но кромѣ того онъ тъ право на выборы и избирательный голосъ, и его выставляютъ у наго столба предъ приходской церковью въ ближайшее воскресенье; ятый разъ его заключаютъ въ тюрьму и подвергаютъ тяжелому труду олженіи 6 мѣсяцевъ, въ шестой разъ его заключаютъ въ тюрьмѣ на ѣсяцевъ съ обязательствомъ тяжкаго труда. Самый законъ доказы-, какъ онъ безсиленъ остановить пьяницу, какъ-скоро его прихо- наказывать за пьянство шесть разъ. Духовное лицо, обвиняемое въ твѣ, лишается тамъ своихъ бенефицій; чиновникъ за это отрѣшается должности. Въ преступленіи пьянство никогда не служитъ смягчатъ обстоятельствомъ. Человѣкъ, умершій отъ пьянства, лишается понія на общественномъ кладбищѣ. Въ Швейцаріи спившіеся съ кругу ицы лишаются гражданскихъ правъ. Даже въ Соединенныхъ штатахъ ество людей, преданныхъ пьянству, берется въ опеку. Каноническое о тоже предписываетъ отказывать въ христіанскомъ погребеніи тѣмъ, всю жизнь предавался пьянству и умеръ скоропостижно отъ опьяне-

нія. Въ Римѣ всякій, кто валяется пьянымъ на улицѣ, немедленно заключается въ тюрьму. Въ Россіи было заведено обычаемъ, чтобы мужчины и женщины, найденные пьяными на улицѣ, мели улицу нѣсколько дней. Въ Англіи пьянство считается проступкомъ и пьяница наказывается штрафомъ въ 40 шиллинговъ или заключается въ тюрьму на нѣсколько дней. Въ Лондонѣ и Миддльсексѣ, не считая Сити, въ одномъ 1842 году было задержано, такимъ образомъ, 12,288 пьяницъ, въ томъ числѣ 4,350 женщинъ. Въ 1857 году англійская и валлійская полиція арестовала 75,859 лицъ, найденныхъ пьяными на улицахъ, а именно 54,982 мужчинъ и 20,877 женщинъ.

Разнообразіе и многочисленность законодательныхъ и карательныхъ мѣръ все-таки не могли остановить зла; гораздо дѣйствительнѣе тѣ мѣры, которыя были направлены противъ причинъ, порождавшихъ и порождающихъ самое зло. Мы уже раньше указали на причины пьянства въ своей статьѣ «Пьянство, какъ соціальный недугъ». Здѣсь мы только вкратцѣ упомянемъ, что всего дѣйствительнѣе противъ пьянства. Для этого необходимо съ одной стороны возбудить и воспитать въ народѣ стремленіе къ высшимъ интересамъ человѣчества, но это возможно только тогда, когда большинство народа обезпечено въ своихъ насущныхъ потребностяхъ, а не чахнетъ въ нищетѣ и невѣжествѣ. А потому благосостояніе и образованіе— единственныя мѣры противъ пьянства и его деморализующаго вліянія. Благостояніе и образованіе, взаимно обусловливая другъ друга и взаимно содѣйствуя одно другому, прогрессируя и развиваясь, могутъ всегда прекратить и искоренить какъ пьянство, такъ и вырожденіе, имъ причиняемое. «Фраза!» скажетъ утомленный читатель. — Нѣтъ, не фраза, милый скептикъ нашъ. Мы вамъ приведемъ нѣкоторыя доказательства.

«Извѣстно, говоритъ Гризингеръ,—что чрезмѣрное употребленіе спиртныхъ напитковъ въ послѣднее время въ Англіи значительно уменьшилось, а соотвѣтственно этому пьянство стало входить въ меньшей степени въ списки причинъ, порождающихъ умопомѣшательство. Въ Англіи мнѣ говорили очень компетентные люди, что этотъ *благопріятный результатъ должно приписать не обществамъ трезвости, а законамъ о хлѣбѣ*».

Торнтонъ въ своемъ «Трудѣ» говоритъ, описывая промышленныя товарищества: «Гиске, владѣлецъ обширныхъ маслобоенъ въ Сенъ-Дени, раздаетъ служащимъ у него сотнѣ рабочихъ 5% чистой прибыли, распредѣляемыхъ сообразно получаемому жалованью. До принятія этой мѣры

-могіе рабочіе, по его словамъ, напивались по нѣскольку разъ въ недѣлю, -смотря на всѣ его увѣщанія и наказанія; но теперь онъ вполнѣ оту-лъ ихъ отъ этого, подвергая рабочаго немедленному удаленію съ завода пьянство въ будни. Среднимъ числомъ доля каждаго въ чистой при-ыли равняется шестинедѣльному заработку и вознагражденіе это слиш-мъ значительно, чтобы рабочій сталъ рисковать имъ ради будничной -пивки» *). Въ каменоломняхъ Бригса и К°. прежде свирѣпствовало -чаянное пьянство, которое вело къ вѣчнымъ раздорамъ между хозяевами рабочими. Бригсъ удѣляетъ рабочимъ извѣстный процентъ отъ своего -рыша, и вотъ это маленькое обстоятельство привело къ слѣдующему -зультату. «Преміи, говоритъ Торнтонъ, — выплачиваются цѣликомъ въ -нцѣ каждаго года. Послѣ перваго раздѣла трое углекоповъ пропили свои -еміи, но эти трое составляютъ единственное исключеніе изъ тысячи лю-й, предававшихся въ прежнее время подобному-же безобразію... Деньги, -торыя прежде пропивались рабочими, теперь употребляются ими на вос-таніе дѣтей, посѣщающихъ школу въ значительно большемъ числѣ, или приобрѣтеніе мебели, нерѣдко даже такой роскоши, какъ фортепіано. -громная разница замѣтна въ ихъ обращеніи съ хозяевами. Наше мѣс-чко, говоритъ Бригсъ, превратилось изъ разсадника борьбы и злобы -жду хозяевами и рабочими въ образецъ мира и согласія» **). Такое -ѣренное поднятіе благосостоянія и образованія совершаетъ съ людьми -кую дивную метаморфозу. Улучшеніе быта превращаетъ гнѣздо пьянства вырожденія въ обитель добра, довольства и человѣчности. Нужно-ли -го прибавлять?

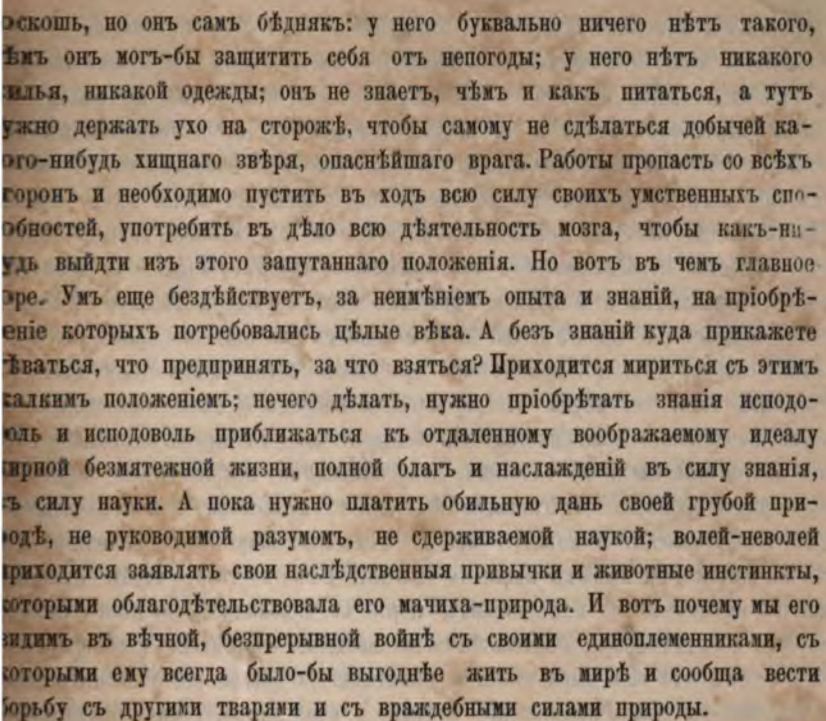
Все, нами сказанное, приводитъ къ тому заключенію, что чѣмъ народъ -мѣетъ меньше элементовъ и причинъ вырожденія, тѣмъ болѣе у него -шансовъ на успѣшную побѣду въ борьбѣ за существованіе и наоборотъ; -ѣмъ меньше у него причинъ вырожденія, тѣмъ больше у него преиму-ществъ на прогрессивное развитіе и процвѣтаніе. Законъ Дарвина тутъ -ѣренъ, какъ дважды два четыре. Но читатель пусть не сочтетъ меня -тъявленнымъ врагомъ спиртныхъ напитковъ. Цивилизація имѣетъ свои -лабыя, тѣневыя стороны, но изъ-за нихъ смѣшно было-бы отказаться -тъ цивилизаціи вообще. Для сѣверныхъ народовъ вообще, а для русскаго

*) Торнтонъ, стр. 324.
**) Торнтонъ, стр. 330.

въ особенности, отличающихся своею инертностью, апатичностью, извѣстная доля возбужденія просто необходима и пока ничѣмъ незамѣнима. Рѣчь, стало-быть, идетъ не о томъ, что нужно вовсе отказаться отъ воды и вина, а о томъ, что злоупотребленіе ими ведетъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ. А потому русскую пословицу «пей-умрешь, не пей-умрешь» лучше всего видоизмѣнить такъ: лучше пить и *не* умереть.

III.

Воинственный азартъ, охватившій недавно нѣкую долю европейскаго человѣчества, не можетъ и не долженъ нарушить мирнаго теченія науки и ея миролюбиваго направленія. Напротивъ того война со всѣми ея ужасными послѣдствіями служитъ самымъ осязательнымъ подтвержденіемъ тѣхъ фактовъ, на которые мы указали выше, а именно порчи человѣчества въ соціальномъ и нравственномъ отношеніи. Наука тутъ не при чемъ. Не ея вина, что человѣчество не хочетъ пользоваться ея наставленіями и уроками. Наука осудила и осуждаетъ войну, какъ недостойное человѣка орудіе борьбы за существованіе. Орудіемъ этой борьбы она признаетъ лишь одинъ разумъ и соперничество въ его развитіи. Только культурѣ своихъ мозговъ и развитію своего разума человѣчество обязано своимъ высокимъ положеніемъ въ ряду органическихъ существъ. По природѣ своей грубое и дикое животное — человѣкъ, благодаря исключительно своему уму, своимъ благороднымъ инстинктамъ, вознесся изъ ничтожества на степень царственнаго владыки окружающей природы. Мы знаемъ человѣка еще въ томъ первобытномъ видѣ, когда онъ меньше всего заслуживалъ это благородное названіе. Онъ тогда еще ничего не зналъ. Тогда онъ представлялъ собою безпомощное созданіе, растерявшееся въ embarras des richesses — окружавшей его роскоши природы. Онъ не могъ сразу найтись и не зналъ, за что прежде взяться. У него ничего не было. Природа ему ничего не дала кромѣ обильнаго матеріяла. Ему самому пришлось создать свою многостороннюю и разнообразную культуру, свой соціальный бытъ, свою всеобъемлющую дѣятельность. Когда онъ явился на свѣтъ, какъ Крузое на необитаемый островъ, у него, что называется, не было нитки своей. Все приходилось изобрѣтать и придумать самому. Его окружаетъ цвѣтущая

эскошь, но онъ самъ бѣднякъ: у него буквально ничего нѣтъ такого, ѣмъ онъ могъ-бы защитить себя отъ непогоды; у него нѣтъ никакого илья, никакой одежды; онъ не знаетъ, чѣмъ и какъ питаться, а тутъ ужно держать ухо на сторожѣ, чтобы самому не сдѣлаться добычей ка- эго-нибудь хищнаго звѣря, опаснѣйшаго врага. Работы пропасть со всѣхъ торонъ и необходимо пустить въ ходъ всю силу своихъ умственныхъ спо- эбностей, употребить въ дѣло всю дѣятельность мозга, чтобы какъ-ни- удь выйдти изъ этого запутаннаго положенія. Но вотъ въ чемъ главное эре. Умъ еще бездѣйствуетъ, за неимѣніемъ опыта и знаній, на пріобрѣ- еніе которыхъ потребовались цѣлые вѣка. А безъ знаній куда прикажете ѣваться, что предпринять, за что взяться? Приходится мириться съ этимъ алкимъ положеніемъ; нечего дѣлать, нужно пріобрѣтать знанія исподо- оль и исподоволь приближаться къ отдаленному воображаемому идеалу ирной безмятежной жизни, полной благъ и наслажденій въ силу знанія, ъ силу науки. А пока нужно платить обильную дань своей грубой при- одѣ, не руководимой разумомъ, не сдерживаемой наукой; волей-неволей риходится заявлять свои наслѣдственныя привычки и животные инстинкты, оторыми облагодѣтельствовала его мачиха-природа. И вотъ почему мы его идимъ въ вѣчной, безпрерывной войнѣ съ своими единоплеменниками, съ оторыми ему всегда было-бы выгоднѣе жить въ мирѣ и сообща вести орьбу съ другими тварями и съ враждебными силами природы.

Съ тѣхъ поръ и до настоящей минуты мы видимъ этотъ крайній не- римиримый дуализмъ, между крайними представителями котораго ровно ичего нѣтъ общаго. Съ одной стороны, разумъ, увѣнчанный всѣми вы- сокими достоинствами, благими прелестями науки, съ другой стороны, жи- вотное варварство съ его грубыми пріемами и гибельными послѣдстіями. И въ то время, какъ разумъ служитъ однимъ путеводной звѣздой на труд- номъ и скользкомъ пути жизни, другіе, лишенные этого руководителя, все еще проявляютъ дикость и грубость, достойную первобытныхъ эпохъ.

Намъ могутъ возразить, что наука еще не даетъ намъ отвѣта на всѣ вопросы, что многое остается еще до сихъ поръ загадочнымъ, таинствен- нымъ, что разумъ еще не все можетъ намъ разъяснить, что мы не знаемъ и никогда не будемъ знать «начало всѣхъ началъ», что, наконецъ, вели- чайшій мудрецъ древности утверждалъ, что онъ знаетъ только то, что онъ ничего не знаетъ. Казалось-бы, что все это очень печально, тѣмъ болѣе, что такой приговоръ произнесъ древнему знанію Сократъ, а всему нашему современному знанію сдѣлалъ такой-же комплиментъ знаменитый

европейскій историкъ Бокль. Въ сущности-же дѣло вовсе не обстоитъ такъ печально, какъ это кажется съ перваго раза. Во-первыхъ, нужно очень и очень много знать для того, чтобъ знать, что мы ничего не знаемъ, а во-вторыхъ, это положеніе не только практически, но и теоретически невполнѣ вѣрно. Что касается практической стороны вопроса, то мы смѣло утверждаемъ, что наука всегда опережаетъ жизнь на сотни лѣтъ. Развѣ человѣчество все уже примѣнило къ себѣ, что выработала наука? Развѣ человѣчество отрѣшилось отъ той страшной массы суевѣрій, предразсудковъ, невѣжества и фанатизма, давнымъ давно осужденныхъ наукой? Развѣ девять десятыхъ человѣчества не пребываютъ въ томъ-же мракѣ невѣдѣнія и варварства, въ какомъ оно пребывало сотни лѣтъ тому назадъ? Что изъ того, что наука быстро шагаетъ впередъ и вѣчно остается удѣломъ ничтожнаго меньшинства? На каждомъ шагу въ жизни сталкиваешься съ обстоятельствами и условіями, доказывающими непроходимую бездну и бездонную пропасть, отдѣляющую науку и ея представителей отъ остальной темной массы. А потому упреки, дѣлаемые наукѣ, съ практической точки зрѣнія не имѣютъ никакого смысла. Вмѣсто того, чтобъ ставить наукѣ на видъ, что она до сихъ поръ не докопалась до всей «сути», лучше обратить свою дѣятельность на введеніе, примѣненіе и распространеніе того, что она выработала положительнаго. Жизнь всего человѣчества сдѣлалась-бы тогда несравненно сноснѣе и счастливѣе. Темная масса людская пріобрѣла бы научныя знанія, проникнувшись научными убѣжденіями сразу отдѣлалась-бы тогда отъ неимовѣрной массы совершенно непроизводительныхъ расходовъ въ деньгахъ и крови человѣческой, растрачиваемыхъ для поддержанія отжившихъ нелѣпостей и несправедливостей, давнымъ давно потерявшихъ кредитъ въ глазахъ людей мыслящихъ и честныхъ.

Достойно вниманія, что такіе попреки достаются наукѣ какъ разъ отъ людей, менѣе всего заинтересованныхъ въ раскрытіи и обнаруженіи ея истинъ. Ихъ пугаютъ ея смѣлые взгляды и рѣзкіе выводы. Они страшатся пышнаго ея процвѣтанія, пуще огня, потому-что за научной занавѣсой мерещится имъ гроза, могущая слишкомъ безцеремонно задѣть ихъ мелкіе близорукіе интересы и подорвать ихъ шаткое соціальное положеніе. Не истина и наука, а ложь и несправедливость въ интересѣ этихъ людей; потому-то они такъ крѣпко отстаиваютъ свои личныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ общечеловѣческими интересами, съ общечеловѣческимъ благомъ.

Впрочемъ, это—слабость, присущая вообще человѣку. Слишкомъ мы субъ-

эктивны и намъ трудно отрѣшиться отъ своихъ личныхъ ощущеній и разсматривать себя объективно. Человѣкъ любитъ намеки любви, любитъ догадываться, что къ нему питаютъ взаимную привязанность, и пока тянется это загадочное, таинственное отношеніе, душа его дрожитъ въ ожиданіи разрѣшающейся загадки. Когда же истина обнаружится и нѣтъ болѣе загадки, онъ успокоивается и, свыкнувшись съ фактомъ, становится къ нему равнодушнымъ. Правда, говорятъ, скучна и ничего нѣтъ легче на свѣтѣ, какъ лгать. Жить во лжи и ложью для многихъ людей насущная незамѣнимая потребность и потому наука, непотворствующая ихъ лживымъ понятіямъ, наука, непризнающая ихъ эгоистическихъ, узкихъ интересовъ, наука, отказывающаяся служить ихъ мелкому самолюбію, отказывающаяся льстить ихъ изнѣженнымъ, разслабленнымъ чувствованіямъ и нервамъ, такая наука невыгодна, скучна, непріятна.

Когда мы слышимъ сѣтованія людей науки, людей заинтересованныхъ въ преуспѣяніи ея на совершенство и недостатки требуемой отъ нея абсолютной непогрѣшимости, мы это понимаемъ. Мы понимаемъ, что руководило Сократомъ, когда онъ утверждалъ, что онъ ничего не знаетъ. Мы понимаемъ, что ощущалъ, чувствовалъ и испытывалъ Бокль, повторявшій эту фразу. Но когда мы слышимъ такіе-же нападки на науку со стороны людей, нисколько несочувствующихъ успѣхамъ ея и злорадствующихъ ея несовершенству въ абсолютномъ смыслѣ слова, насъ коробитъ это лицемѣріе и ложь. Мы понимаемъ и этихъ людей и знаемъ, какія цѣли имѣютъ они при этомъ въ виду, а потому и видимъ въ ихъ посягательствѣ лишь грубое оскорбленіе еще болѣе грубыхъ варваровъ. Когда мы читаемъ въ газетахъ, что поступки Гамбеты порицаетъ какой-нибудь Кератри, столь-же заинтересованной въ дѣлѣ спасенія своей дорогой родины, мы его понимаемъ и извиняемъ ему, но когда мы то-же самое слышимъ отъ какого-нибудь разжирѣвшаго Обломова, неумѣющаго ударить палецъ о палецъ, неумѣющаго справиться съ самыми обыденными формами окружающей его тины пошлостей, когда мы слышимъ такіе либеральные возгласы отъ нашихъ провинціяльныхъ политикановъ, наше чувство возмущается до глубины души и слово негодованія замираетъ на нашихъ устахъ. Но что-же они, эти фарисействующіе судьи науки, сдѣлали для нея, чтобы упрекать ее въ безсиліи и ничтожествѣ? Они требуютъ отъ нея немедленныхъ практическихъ результатовъ и всей своей практической жизнію осуждаютъ ее на бездѣйствіе и молчаніе.

Съ теоретической-же точки зрѣнія наука еще меньше заслуживаетъ

упрековъ и порицаній. Тутъ мы видимъ поистинѣ изумительные подвиги мозгового творчества, если мы только въ состояніи представить тѣ безчисленныя метаморфозы человѣчества, которыми оно пришло отъ пещернаго дикаря до современнаго европейца. Но на это нужно было время. Міровыя истины науки являются плодомъ цѣлаго ряда вѣковъ мозговой работы, передаваемой преемственно. Уже древніе ученые и мыслители предчувствовали, что въ природѣ ничто не пропадаетъ. Старый Лукрецій былъ убѣжденъ въ томъ, что ex nihilo nihil fit. Но это метафизическое воззрѣніе ни на чемъ научномъ не основывалось. Ни одинъ ученый или мыслитель древности не въ состояніи былъ доказать это фактически. Каждый вправѣ былъ отвергать это голословное предположеніе, построенное à priori. Допускать это, вѣрить этому могъ только умъ слишкомъ хорошо развитый философскими размышленіями, но даже и такой умъ все-таки сталкивался съ обстоятельствами, которыя заставляли его относиться скептически къ такому философскому, но никакъ не научному, воззрѣнію. Но отвергая такое апріористическое предположеніе, тѣмъ самымъ давали самый широкій просторъ какому-то безграничному произволу въ природѣ. Цѣлые міры могли возникать по волшебному мановенію любого поэта; воображеніе давало мѣсто чудесамъ самой причудливой фантазіи; вся вселенная была переполнена всевозможными невѣдомыми и невидимыми существами, которыя по своему произволу могли располагать судьбой человѣка, его ближайшихъ родныхъ, цѣлыхъ государствъ. Каждое событіе непремѣнно имѣло въ природѣ своего таинственнаго виновника, добраго или злого, смотря по обстоятельствамъ. И это длилось во все время древнихъ и среднихъ эпохъ. Какой-нибудь Гоббсъ, страшный вольнодумецъ и замѣчательный мыслитель XVII вѣка, боялся ночью оставаться въ потьмахъ [illegible] одинъ. Не боясь Бога, онъ боялся чертей...

Но уже въ концѣ XVII столѣтія наука положила навсегда конецъ всѣмъ этимъ бреднямъ. Трудами безсмертнаго Лавуазье наука произнесла смертный приговоръ всѣмъ вымысламъ болѣзненной фантазіи и разстроенныхъ мозговъ. Неговоря уже о другихъ капитальныхъ работахъ этого великаго химика, положившаго начало новому направленію въ наукѣ, Лавуазье заслужилъ неувядаемую, безсмертную славу двумя великими открытіями въ наукѣ. До него всѣ химическіе процессы, а слѣдовательно и многіе физіологическіе процессы приписывались какому-то постороннему посреднику—Флогистону. Свѣча горитъ—Флогистонъ значитъ совершаетъ это чудо и уходитъ куда-то. Ножъ заржавѣлъ — тотъ-же Флогистонъ совершилъ эту

интересную метаморфозу. Лавуазье сокрушилъ, уничтожилъ этого мнимаго дѣятеля и флогистоновская теорія рухнула, какъ бонапартовская система подъ Седаномъ. Съ вѣсами въ рукахъ Лавуазье доказалъ, что ржавчина на желѣзѣ — кислородъ воздуха и съ тѣхъ поръ химія вообще и зависящія отъ нея естественныя знанія стали на прочную математическую почву. Но это не все; не въ томъ великая заслуга безсмертнаго Лавуазье. Онъ первый доказалъ, что въ природѣ ничто не пропадаетъ и доказалъ это до того положительно, что въ этомъ нѣтъ больше сомнѣнія. Каждый можетъ собственнымъ опытомъ убѣдиться въ непреложности этой научной истины. Понятное дѣло, пораженіе должно было быть ужасное. Какъ такъ ничто не пропадаетъ и ничто ни откуда не является? Этого быть не можетъ. Вотъ хоть дымъ — не Тургенева, конечно, а тотъ, который вылетаетъ въ трубу, — вѣдь онъ изчезаетъ безвозвратно? Нѣтъ! говоритъ Лавуазье: это неправда, и опытъ тутъ-же подъ рукой. Лавуазье беретъ кусокъ дерева, сожигаетъ его въ закрытомъ сосудѣ, взвѣшиваетъ полученный такимъ образомъ дымъ и опредѣляетъ его составныя части и, о ужасъ! вѣсъ дыма не только не меньше вѣса сожженнаго куска дерева, но даже больше и равняется вѣсу дерева вмѣстѣ съ вѣсомъ изчезнувшаго кислорода. Дымъ оказался состоящимъ изъ остальныхъ частей нашей атмосферы, въ которую онъ и перешелъ. Ничего тутъ никому не прибавилось, ничто не изчезло, ничто не улетучилось: дерево перешло только въ новыя химическія комбинаціи, изъ которыхъ оно прежде состояло. Измѣнилась лишь форма существованія дерева и ничего сверхъестественнаго тутъ не случилось, ничего необыкновеннаго не произошло. Этотъ простой опытъ, который каждый желающій можетъ повторить въ любой лабораторіи, привелъ Лавуазье и всѣхъ его послѣдователей къ переработкѣ всей химіи и зависящихъ отъ нея отраслей знанія на новыхъ началахъ, и все это, въ концѣ концовъ, привело этихъ ученыхъ къ тому несокрушимому заключенію, что матерія неуничтожаема. Если бъ кто-нибудь изъ нашихъ читателей выдумалъ уничтожить малѣйшую былинку, то онъ могъ бы употребить для того всѣ средства, какими владѣетъ все человѣчество, вкупѣ взятое, и тогда-бы онъ не достигъ этой цѣли. Бисмаркъ хотѣлъ уничтожить всю Францію, а мы васъ увѣряемъ, читатель, что все человѣчество не въ состояніи уничтожить ни малѣйшей былинки. Матерія, наполняющая вселенную, не уничтожается, не пропадаетъ, а только измѣняетъ свои разнообразныя до безконечности формы. Это абсолютная истина, недопускающая никакихъ возраженій, никакихъ опроверженій. Такихъ капи-

тальныхъ истинъ наука имѣетъ немного, но на основаніи этой истины она пришла къ великимъ результатамъ въ области улучшеній и прогресса соціальной жизни. Какъ-же это однакожъ! Францію уничтожить можно, а микроскопическую былинку нельзя? Какая бездна противорѣчій! Нисколько! Мы увѣрены, что читатель убѣжденъ въ этой истинѣ: въ противномъ случаѣ мы просимъ его бросить дальнѣйшее чтеніе нашей статьи. Безсмертный Лавуазье! Ты такъ-же безсмертенъ, какъ и матерія, изъ которой ты былъ созданъ, и если-бы человѣчество постигло такое великое горе и невообразимое несчастье, что твоя славная родина была-бы уничтожена, то безсмертную славу твою не уничтожить никакимъ Бисмаркамъ, пока существуетъ наука, пока не померкнетъ человѣческій умъ. Твое имя вѣчно будетъ дорого человѣчеству и наука навсегда обязана тебѣ однимъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній, однимъ изъ самыхъ великихъ обобщеній.

IV.

Но что-же такое матерія? Не безпокойтесь, читатель, метафизика давно отжила свое время и отошла въ вѣчность. Мы не станемъ раскапывать подземныя трущобы мирнаго кладбища, на которомъ такъ безмятежно покоятся всѣ метафизическія системы; мы не станемъ рыться въ архивной пыли метафизическихъ кладовыхъ, чтобъ отыскать тамъ опредѣленіе матеріи. Мы прямо, и категорически отвѣтимъ на этотъ вопросъ: матерія— все сущетвующее, доступное нашимъ внѣшнимъ чувствамъ.

Но это-то опредѣленіе какъ-разъ на руку метафизикѣ. Съ самодовольной улыбкой поглядываетъ она на насъ и покачиваетъ своей дряхлой головой. Это опредѣленіе, говоритъ она, доказываетъ, что мы не знаемъ, что такое матерія. Кантъ, самъ великій Кантъ сказалъ, что мы не знаемъ вещей самихъ по себѣ (an sich), а что мы только знаемъ тѣ явленія, которыми характеризуются предметы и вообще вся матерія; еще хуже— что мы только знаемъ наши личныя ощущенія, воспринимаемыя нами, что наши знанія результатъ впечатлѣній, производимыхъ на наши внѣшнія чувства явленіями матеріи. И мы совершенно согласны съ этимъ.

Итакъ, мы знаемъ лишь явленія природы. Совокупность всѣхъ явленій,

вмѣстѣ взятыхъ, мы называемъ силой, и говоримъ, что все существующее составляетъ матерію и всѣ явленія, вмѣстѣ взятыя, составляютъ лишь одну общую силу. Предъ нами горитъ стеариновая свѣчка, и мы утверждаемъ, что предъ нами опредѣленное количество матеріи, дающее опредѣленное количество силы въ видѣ свѣта и въ формѣ теплоты. Свѣчка сгорѣла, т. е. опредѣленное количество стеарина и фитиля перешло въ такое-же опредѣленное количество кислорода, водорода и углерода, и этотъ переходъ, этотъ процессъ совершился въ сопровожденіи двухъ наиболѣе выдающихся явленій свѣта и теплоты, которыя намъ, собственно-говоря, и были нужны, и мы получили ихъ въ опредѣленномъ количествѣ, что доказывается тѣмъ, что свѣчка сгорѣла и нужно зажечь другую. Мы только-что получили депешу по телеграфу и съ этой цѣлью отправились посмотрѣть на апаратъ, дающій эту оригинальную силу — электричество, и предъ нами опредѣленное количество матеріи, дающее извѣстную силу въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. Составъ въ банкѣ изчезаетъ, и элекричество больше не является: надо прибавить матеріи, чтобъ получить эту причудливую силу. Мы видимъ человѣка во всѣхъ его разнообразныхъ положеніяхъ, со всѣми его сложными движеніями и утверждаемъ, что онъ есть также опредѣленное количество матеріи, заявляющее соотвѣтственное количество жизни или силы. Куда ни повернемся, на чемъ бы ни остановили нашихъ взглядовъ, къ чему бы ни прикоснулись, вездѣ и всюду мы признаемъ присутствіе матеріи, характеризуемой тѣмъ или другимъ видомъ силы. И насколько разнообразна матерія и ея различныя комбинаціи, настолько-же разнообразны силы и ихъ проявленія. Но взятые вмѣстѣ, всѣ виды матеріи сливаются въ одну общую массу — въ матерію вообще и всѣ виды силы сливаются въ одну общую силу. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобы мы признавали здѣсь какой-то дуализмъ, какую-то враждебную двойственность, разобщенность; мы всѣмъ этимъ вовсе не хотимъ сказать, что матерія сама по себѣ, а сила сама по себѣ. Напротивъ того, мы признаемъ ихъ едиными и нераздѣльными. Да не то что *мы* признаемъ; вовсе не въ этомъ дѣло. Мы положительно утверждаемъ, что никто никогда не былъ въ состояніи доказать что-нибудь противное и что никто никогда не сможетъ опровергнуть ту положительную научную истину, что нѣтъ матеріи безъ силы и нѣтъ силы безъ матеріи. Одно безъ другого невозможно, не существуетъ, немыслимо; одно безъ другого нелѣпость, ложь, клевета на природу и недостойное, незаслуженное оскорбленіе науки. Мало того. Разъ навсегда нужно рѣшить одно изъ двухъ: или вся наука, цѣ-

ликомъ взятая, и вся философія, на ней построенная, — непростительная ложь, или въ основаніи ея лежитъ та несокрушимая, абсолютная истина, что матерія — сила, и сила — матерія, что это одно нераздѣльное цѣлое и что внѣ матеріи нѣтъ силы и внѣ силы нѣтъ матеріи. Призвавъ это, мы пойдемъ дальше. Въ противномъ случаѣ намъ нужно отрѣшиться отъ всего, рѣшительно отъ всего, значитъ и отъ самихъ себя...

Только настоящему поколѣнію мыслящихъ людей мы обязаны тѣмъ убѣжденіемъ, что всякій видъ силы не изчезаетъ въ природѣ, а переходитъ лишь въ другой видъ, что всѣ силы легко переходятъ одна въ другую и одна отъ другой проистекаютъ. Свѣтъ порождаетъ теплоту, электричество порождаетъ свѣтъ, движеніе порождаетъ свѣтъ, порождаетъ теплоту, свѣтъ и теплота порождаютъ движеніе, движеніе порождаетъ электричество и vice versa. Одна отъ другой происходитъ и одна въ другую переходитъ. Ничто не теряется, не пропадаетъ даромъ, не изчезаетъ безъ вѣсти; все сохранно въ общей сокровищницѣ природы. И на все у нея экономія. Нигдѣ она не тратитъ ничего лишняго: все разсчитано, размѣрено, взвѣшено, — не такъ, какъ у насъ съ вами, читатель, вѣчно занятыхъ тѣмъ, какъ бы свести концы съ концами и никогда недостигающихъ этой блаженной цѣли. Предъ вами апаратъ для разложенія воды посредствомъ электричества. Въ банкѣ у васъ купоросъ и кислота; отъ банки у васъ проведена проволока къ сосуду съ водой, и вотъ, по мѣрѣ того, какъ въ банкѣ совершается химическій процесъ, эта сила даетъ вамъ электрическій токъ, новую силу, которая, въ свою очередь, совершаетъ новый химическій процессъ, разлагаетъ воду на ея составныя части, и Грове вамъ доказываетъ, что количество разложенной воды равняется количеству химическаго процесса, совершившагося въ вашей банкѣ. До того всѣ эти силы между собою солидарны, тѣсно между собою связаны и даже дружны. Вы сверлите кусокъ метала, чтобы обратить его въ смертоносную пушку, это недостойное изобрѣтеніе грубой человѣческой природы, и пока вы сверлите металъ, окружающая его вода нагрѣвается чуть не до точки кипѣнія. Ясно, что усиленное движеніе, называемое здѣсь треніемъ, перешло въ теплоту. Посредствомъ этого процесса дикари добываютъ огонь: они трутъ два куска дерева одинъ о другой, пока дерево не загорится. Такова общность силъ. Прочтите-ка хорошенько «Соотношеніе силъ Грове», да, впрочемъ, вы, вѣроятно, давно читали эту, тяжелымъ, правда, языкомъ написанную, книжку и вѣрите въ нее столько-же, сколько и пишущій эти строки. Но за то мы теперь увѣрены, что читатель вполнѣ и без-

єкословно съ нами согласится, что какъ матерія, такъ и сила неуни-
ожаемы и одна безъ другой немыслимы.

Теперь у насъ въ рукахъ абсолютная, основная, строго-научная истина, іобрѣтенная путемъ опыта и самовѣрнѣйшимъ методомъ a posteriori. демъ-же держаться этой истины крѣпко, твердо и непоколебимо, потомуо малѣйшее уклоненіе въ сторону отъ этой истины — и мы безвозврат- погибли со всей нашей наукой, со всей нашей юной, недавно народивейся философіей. Но, опираясь на эту истину, мы пойдемъ дальше. Мы намѣрены на этомъ остановиться, сложить руки и успокоиться; напровъ, мы постараемся лишь быть послѣдовательными. Итакъ, еще разъ вторяемъ, что никакая сила немыслима безъ матеріи, или, короче, всяая сила безусловно, абсолютно вещественна. Но если это такъ, то незбѣжнымъ слѣдствіемъ непремѣнно будетъ то заключеніе, что опредѣленому количеству матеріи соотвѣтствуетъ опредѣленное-же количество илы, — ни больше, ни меньше, ни одной іоты, то-есть всякое опредѣенное количество матеріи *даетъ* опредѣленное количество силы, и всякое оличество силы неизбѣжно зависитъ отъ опредѣленнаго количества маеріи. Такимъ образомъ, опредѣленное количество пара тащитъ опредѣленое количество тяжестей и больше соотвѣтственнаго количества тяжестей аръ не подвинетъ ни одного фунта, ни одного лота. Опредѣленное колиество мѣднаго купороса съ кислотой даетъ опредѣленное количество теграфическихъ депешъ и больше этого не даетъ ни одной искры, ни дной буквы, ни малѣйшей тѣни электрическаго тока; опредѣленное коичество дровъ даетъ опредѣленное количество тепла и свѣта; опредѣленое количество сѣна и овса или вообще корму даетъ опредѣленное колиество лошадиныхъ силъ, то-есть, мускульной работы; опредѣленное колиество животной жизни соотвѣтствуетъ опредѣленному количеству потребленной матеріи и т. д. Все это — результатъ новѣйшихъ изслѣдованій, бросающій яркій свѣтъ не только въ область естествознанія, но и общественныхъ отношеній человѣка, какъ мы это увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи.

V.

Съ самой глубокой древности и до настоящаго времени вся интеллектуальная или умственная дѣятельность человѣка приписывалась и теперь приписывается исключительно головѣ. И теперь постоянно слышится выраженіе, подтверждающее эту мысль: «дѣятельная голова», «умная голова». Евреи говорятъ (Goischer Kopf), что равнозначительно съ выраженіемъ «ослиная или лошадиная голова». «Большая голова», «великая голова» должны быть понимаемы не только въ переносносномъ, но и въ буквальномъ смыслѣ. Все это доказываетъ, что наблюденіе и опытъ привели людей къ тому заключенію, что степень умственныхъ способностей соотвѣтствуетъ количеству мозга; что чѣмъ человѣкъ умнѣе, находчивѣе, остроумнѣе и мудрѣе, тѣмъ у него больше мозгу, и наоборотъ, большая голова или, что то-же, большое количество мозга предполагало такую-же массу ума, геніальность умственныхъ способностей, таланты или какіе-нибудь особые дары, по мѣткому народному замѣчанію, что большому кораблю— большое и плаваніе.

Но рядомъ съ этимъ наблюденіемъ шло другое діаметрально-противоположное. — Вся психическая дѣятельность человѣка считалась совершенно изолированнымъ явленіемъ, неимѣвшимъ ничего общаго съ физіологіей мысли. Ученые всѣхъ вѣковъ и народовъ, каждый знаменитый философъ, всякій свѣдущій анатомъ или физіологъ напрягалъ всѣ свои усилія, чтобы пріискать нашей душѣ приличное помѣщеніе въ нашемъ тѣлѣ. При этомъ руководствовались самымъ простымъ принципомъ. Какой-то царь, столкнувшись случайно съ бѣднымъ крестьяниномъ, обѣщалъ осчасливить его, если онъ разрѣшитъ ему загадку, гдѣ находится середина земли. Крестьянинъ послѣ долгихъ размышленій сказалъ царю, что середина земли именно то мѣсто, на которомъ онъ стоитъ. «Какъ такъ?» спросилъ царь.—Потрудитесь смѣрить землю и вы убѣдитесь въ этомъ. Также находчивы были ученые сыщики въ розысканіи мѣстожительства души. Діогенъ помѣстилъ ее подъ ложечкой, Эмпедоклъ въ крови, а Парменидъ въ желудкѣ. Индѣйскіе ученые избрали ея резиденціей пупъ, а стоики — сердце. Все это показалось очень смѣшнымъ философамъ и ученымъ анатомамъ, а потому они поспѣшили исправить ошибку своихъ предшественниковъ и ук-

лись ихъ близорукости, которая не позволила имъ догадаться, что душа обитаетъ въ царственныхъ палатахъ, именно въ такой-то части мозга. Одному казалось приличнѣе всего усадить ее на вароліевомъ мосту, другой тиснулъ ее въ мозговую перегородку, третій удостоилъ ее опираться въ водѣ—не небесномъ, а такъ называется одна частица мозга; — Вилисъ удѣлилъ ей мѣсто въ полосатыхъ тѣлахъ, Земмерингъ былъ глубоко убѣжденъ, что она витаетъ въ мнимыхъ испареніяхъ черепной полости; Беэрганъ, можетъ быть, ближе другихъ подошелъ къ истинѣ, такъ-какъ онъ приписывалъ психическое отправленіе преимущественно сѣрому веществу, но оригинальнѣе всѣхъ поступилъ великій философъ Декартъ, который усадилъ душу въ мокротной, какой-то ничтожной железкѣ верхомъ на турецкомъ сѣдлѣ. И теперь еще встрѣчаются ученые дебаты по поводу этого вопроса, которому современная физіологія дала другое направленіе и изъ абстрактныхъ иллюзій перенесла его въ область дѣйствительныхъ предметовъ.

Долго потомъ разные ученые возились съ этой задачей и не знали, гдѣ отвести мѣсто душѣ въ нашемъ организмѣ. То ее заставляли играть на мозгахъ, какъ на инструментѣ, что очень понравилось великому маэстро Фихте; то ей поручали быть лишь исправнымъ машинистомъ при электрическомъ апаратѣ, составленномъ изъ нѣсколькихъ мозговыхъ батарей. Гушке въ своемъ тяжеловѣсномъ сочиненіи, которое мы съ большимъ трудомъ осилили, безъ всякихъ шутокъ увѣряетъ, что мозги представляютъ собой самый блестящій электрическій снарядъ. Для этого онъ нашелъ въ мозгу вещества, соотвѣтствующія гальванической батареѣ Грове. Дѣло было въ 1854 году. Гушке былъ-бы, конечно, въ большомъ затрудненіи передѣлать мозги въ новый гальваническій апаратъ, изобрѣтенный въ этомъ году Бунзеномъ и очень упрощенный. А какой-то антропологъ Гагенъ (Hagen), лѣтъ 30 тому назадъ, въ эпоху свирѣпствованія эфирной теоріи, клялся и божился, что въ мозгу и нервахъ непремѣнно существуетъ мозговой и нервный эфиръ, но что онъ не психическаго свойства, а только выполняетъ динамическія отправленія нервной системы.

Было-бы грѣшно и непростительно насмѣхаться надъ всѣми этими примитивными попытками разъяснить такой важный, такой сложный, такой загадочный и таинственный вопросъ. Это только доказываетъ, насколько интересовалъ этотъ вопросъ человѣчество во всѣ времена его историческаго развитія. Наука прежнихъ временъ была слишкомъ бѣдна положительными данными, чтобы дать сколько-нибудь удовлетворительный отвѣтъ

на томительную жажду, въ которой изнывали лучшіе умы, мучимы
ланіемъ разсѣчь этотъ Гордіевъ узелъ физіологіи. И до сихъ поръ
знаменитые авторитеты, въ виду всего несмѣтнаго богатства на
отрѣшились отъ разныхъ двусмысленныхъ толкованій и неопредѣле
невыясненныхъ отношеній къ этому вопросу. Спору нѣтъ, что вопрос
не дожилъ еще до своего Александра Македонскаго, но все-же не
и непростительно *великому* Гризингеру, когда онъ лицемѣрно про
шаетъ, что психическій или нервный дѣятель не имѣетъ себѣ нич
добнаго во всемъ остальномъ мірѣ и что онъ, такъ-же, какъ и Л
можетъ разрѣшить, что такое мыслящее вещество или невещес
дѣятель. Не значитъ-ли это искать начало всѣхъ началъ? Не зна
это забираться въ непроходимыя дебри метафизики?

Случалось-ли вамъ, читатель, хоть разъ въ жизни испытывать
неопредѣленнаго положенія? Это несносное, мучительное состояніе. В
вещи сложены въ чемоданы и уложены въ экипажъ; разные уз
припасами на дорогу прилажены каждый на своемъ мѣстѣ, всѣ п
рожности приняты, чтобъ экипажъ выдержалъ всѣ случайности пу
шади запряжены, но ямщикъ куда-то запропастился и его ни
могутъ найти. Кажется, что онъ, вѣроятно, зашелъ въ кухню,
пошелъ-ли онъ выпить, вы сами, кажется, гдѣ-то видѣли его и н
вспомнить, гдѣ именно. Вы начинаете сердиться, съ досады грызе
чуть не до крови; сакъ-вояжъ вашъ давно виситъ чрезъ плечо;
сѣсть и такъ-бы поѣхать и понестись на всѣхъ рысяхъ, но ямщи
какъ-нѣтъ...

Или вы попали по волѣ слѣпого божества—судьбы въ отдален
бернію широчайшей имперіи и не знаете срока своему тоскливом
честву. Душа ваша рвется туда... Тамъ вы расправили-бы свои
раскрыли бы свои силы, взялись-бы за дѣло, вы построили-бы, п
бы себя къ великой машинѣ народнаго преуспѣянія, но вы свя
рукамъ и ногамъ, вамъ недостаетъ ни силъ, ни желанія, ни с
движенія къ цѣли, которая кажется такъ близка, такъ осязател

Психическій отдѣлъ физіологіи во всеоружіи снаряженъ въ пут
пажъ его переполненъ самыми положительными данными; быстро
шади, фыркая, нетерпѣливо бьютъ копытомъ землю и ждутъ смѣ
ницу. Вотъ онъ не сегодня, завтра явится и вы безпрепятственно
по знакомымъ вамъ путямъ сообщенія психологіи съ остальными о
знанія. Потерпите еще немножко и возница явится...

Говорятъ, что чѣмъ больше человѣкъ богатѣетъ, тѣмъ онъ становится хуже, портится. Чѣмъ больше человѣчество пріобрѣтало знаній, чѣмъ больше оно распутывало взаимныя отношенія силъ окружающей природы и эксплуатировало ихъ въ свою пользу, тѣмъ больше оно возносилось въ своемъ величіи, тѣмъ больше оно ослѣплялось своимъ могуществомъ и стало смотрѣть на себя какъ на что-то обособленное въ природѣ, какъ на распорядителя судебъ природы, которая такъ-таки вся создана исключительно къ его услугамъ. Но человѣкъ далеко не вершитель судебъ природы и нигдѣ онъ не нарушилъ, не измѣнилъ ни на одну іоту законовъ всемогущей природы. Онъ только направилъ дѣятельность нѣкоторой доли силъ въ свою сторону и въ этомъ отношеніи онъ не выше мизернаго и кровопотливаго муравья, который также пользуется силами природы, по своему крайнему разумѣнію. Правда, вся культура, соціальный бытъ и вся наука есть дѣло рукъ человѣка. Правда, что человѣкъ ничего этого не нашелъ готовымъ въ природѣ и все это соорудилъ самъ; но онъ положительно и математически вѣрно настолько соорудилъ, насколько онъ самъ продуктъ окружающей природы и окружающихъ обстоятельствъ и условій. *Количество добытаго производства, несмотря на все его разнообразіе, строго-математически соотвѣтствуетъ количеству находящагося въ обращеніи мозгового капитала.*

Нисколько поэтому не удивительно, что количество мозга и вообще вѣсъ всей нервной системы обращалъ на себя преимущественное вниманіе всѣхъ естествоиспытателей. Невольно бросалось въ глаза, что люди, наиболѣе одаренные интеллектуальными способностями, талантами,—однимъ словомъ, люди выдающіеся, геніальные отличаются и большими размѣрами черепа и большимъ количествомъ мозговой или нервной массы. Такъ всякому было понятно, что лордъ Байронъ потому именно былъ такой необыкновенный талантъ, что у него оказалось 2,238 граммовъ мозгу; англичане гордятся своимъ Кромвелемъ сколько потому, что они обязаны ему упроченіемъ своей политической свободы, столько и потому, что они этимъ обязаны его огромному мозгу въ 2,233 грамма. Потому-то сравнительная анатомія организаціи черепа и заключающейся въ немъ драгоцѣнной матеріи возбуждаетъ въ наше время такой громадный интересъ. Слишкомъ эта драгоцѣнна ткань, чтобъ не придавать значенія самомалѣйшему атому ея. Читатели, конечно, не заподозрятъ насъ въ телеологической отсталости, если мы ради фигуральности скажемъ, что природа потратила много старанія и выказала особенную заботливость въ обереганіи этой драгоцѣнной ткани. Ни

одинъ органъ нашего тѣла такъ тщательно не застрахованъ отъ вн[illegible] нихъ поврежденій и вліяній, какъ головной мозгъ. Черепъ — плотны[illegible] прочный ящикъ и въ немъ сидятъ мозги, какъ русская красавиц[illegible] своемъ теремѣ. А позвонки, дружно сцѣпившись своими отростками, [illegible] ставили между собою самую тѣсную коалицію и раздались лишь насто[illegible] чтобъ помѣстить въ своей средѣ длинную и блестящую косу своей к[illegible] савицы — спинной мозгъ. Что въ сравненіи съ ними какія-нибудь то[illegible] ребра, оберегающія легкія и сердце! Остальныя-же внутренности, к[illegible] печень и желудокъ, не особенно чувствительные къ своимъ интересам[illegible] застраховали себя у общества костей и потому общество оставило [illegible] почти безъ всякой защиты. Впрочемъ, нельзя не упрекнуть это обще[illegible] въ излишнемъ рвеніи при исполненіи возложенной на нихъ обязанн[illegible] Слишкомъ узко понимаютъ они свое назначеніе. Излишнее усердіе вс[illegible] вредно. Соединившись зубчатыми краями, кости черепа не позвол[illegible] подчасъ мозгамъ разростаться на свободѣ, раздвинуть свои предѣл[illegible] оттого они подчасъ превращаютъ человѣка просто въ идіота. Слиш[illegible] рьяная общественная опека надъ индивидуальнымъ развитіемъ не в[illegible] никогда къ добру и доводитъ индивидовъ до порчи, вырождаетъ ихъ.

Какія-же данныя у насъ для того, чтобъ утверждать, что колич[illegible] интеллектуальныхъ силъ соотвѣтствуетъ количеству мозговой или не[illegible] ткани? Этихъ данныхъ у насъ бездна и всякія возраженія и прот[illegible] рѣчія, высказываемыя противъ этой несомнѣнной истины, имѣютъ [illegible] кажущуюся вѣроятность и не выдерживаютъ строгой критики. Мы [illegible] гласны принять къ свѣденію тѣ факты, которые, повидимому, гов[illegible] не въ нашу пользу, лишь-бы они не задѣвали нашего основного прин[illegible] нашей научной теоріи, что количество силы соотвѣтствуетъ колич[illegible] матеріи, и тогда мы попросимъ подвергнуть тщательному переизслѣ[illegible] нію мнимые и противорѣчивые факты. Такъ, мы убѣждены, что въ [illegible] ной цѣпи животнаго міра сохраняется строгая параллель между ко[illegible] ствомъ обладаемой животнымъ нервной массы и проявленіемъ интел[illegible] альныхъ силъ. Мы твердо убѣждены, что чѣмъ животное умнѣе, [illegible] большимъ количествомъ извѣстной доли мозга оно обладаетъ. Проси[illegible] забывать этого. Мозги и нервная ткань вообще вовсе не служатъ [illegible] одной исключительной цѣли, напротивъ того, дѣятельность ихъ чр[illegible] чайно разнообразна. Мы поэтому не беремъ на себя права утвер[illegible] безъ предварительнаго соглашенія, что чѣмъ у животнаго больше [illegible] тѣмъ оно и умнѣе. Необходимо прежде условиться, что понимать [illegible]

овомъ умъ, мысль, инстинктъ и т. п. Все это до того затемняетъ во-юсъ и спутываетъ дѣло, что выбраться изъ этого лабиринта *теперь* ѣтъ никакой возможности.

Что изъ того, что французскій ученый Коленъ взвѣшивалъ мозги живот-ыхъ и опредѣлилъ или повторилъ старую сказку, что нѣкоторыя птич-, пропорціонально ихъ росту имѣютъ большій вѣсъ мозга, чѣмъ чело-ѣкъ и что, поэтому, распредѣлять животныхъ въ психологическомъ отно-еніи по вѣсу мозговъ было-бы ошибочно. Сказалъ-ли намъ Коленъ, что ъ разумѣетъ подъ словомъ мысль, умъ и т. д.? Сказалъ-ли онъ, когда ъ опредѣлялъ и взвѣшивалъ эти *невѣсомыя жидкости*, называемыя теллектуальными способностями? Если-бы эти предубѣжденные ученые въ оихъ многоопытныхъ изслѣдованіяхъ руководствовались логическимъ прин-помъ, выраженнымъ въ формулѣ закона связи причины съ слѣдстві-ъ, если-бъ они имѣли въ виду тотъ несокрушимый принципъ, что вся-я сила вещественна, то они не спѣшили-бы своими заключительными ѣшеніями и приговорами, а имѣя подъ рукой всѣ средства, старались-ы разъяснить противорѣчивые факты, на зло подвертывающіеся имъ подъ ки, и на всякія недоразумѣнія пока отвѣчали-бы скромнымъ и чест-ымъ: «не знаю». Такъ уже Гушке въ своемъ строго-научномъ сочиненіи казалъ, что у животныхъ млекопитающихъ и въ особенности у птицъ еобладаетъ количество мозжечка и заднихъ принадлежностей мозга, авнительно съ человѣкомъ. Нечего, стало быть, спѣшить съ обобщені-ми, ничего незначущими. Мы не настолько увлечены своимъ убѣждені-ъ, чтобъ видѣть именно то, что намъ хочется тамъ, гдѣ этого нѣтъ. оэтому мы не сомнѣваемся въ справедливости такихъ указаній, какъ ергманна, который нашелъ у одного пятидесятилѣтняго идіота 1,428 аммовъ мозга и у другого какого-то дурака даже 1,755 граммовъ. Но то знаетъ, что такое кровяные приливы, изліянія, эксудаты, затверде-ія и какъ они измѣняютъ составъ и вѣсъ мозга, тотъ будетъ осторо-енъ въ своихъ заключеніяхъ. За-то цѣлая масса ученыхъ вполнѣ убѣ-илась, что у большинства идіотовъ и идіотокъ (есть и такія) вѣсъ озга падаетъ ниже 500 граммовъ и не превышаетъ 1,000. Представьте ебѣ, читатель, что человѣческій зародышъ по отношенію къ росту имѣ-тъ большій вѣсъ мозга, чѣмъ взрослый человѣкъ, и это приводятъ вамъ ъ доказательство, что количество мозга не можетъ служить мѣриломъ нтеллектуальныхъ способностей. Но если мы примемъ во вниманіе вѣсъ ой или другой мозговой части и при этомъ не упустимъ изъ виду одно

изъ главныхъ условій—строеніе и количественный составъ мозга, то легко и скоро убѣдимся, что всѣ эти возраженія не имѣютъ за собой ни одного серьезнаго научнаго положенія. Мы нарочно напираемъ на выраженіе: количественный перевѣсъ и количественный составъ; мы даже нарочно опускаемъ выраженіе *качественный*, потому что не признаемъ никакой качественной разницы, никакой качественной градаціи, а только количественную. Въ этомъ отношеніи мы являемся горячими поклонниками Геккеля, отвергающаго всякую качественную градацію мозговой организаціи. Да, это положительная правда, но намъ необходимо условиться въ пониманіи этихъ выраженій. Мы убѣждены, что всякое качество, въ концѣ концовъ, сводится на количество. Такъ, напримѣръ, водянистые и сухіе мозги представляютъ самую рѣзкую характерную разницу въ *качественномъ* отношеніи. Но что-же это значитъ? Въ концѣ концовъ, это все-таки значитъ, что одни мозги содержатъ большее *количество* воды, чѣмъ другіе. Такъ, присутствіе фосфора въ мозгу есть несомнѣнное *качество* мозговъ. Но это опять-таки значитъ, что одни мозги разнятся отъ другихъ содержаніемъ большаго или меньшаго *количества* фосфора. И такъ далѣе въ томъ-же родѣ. И вотъ намъ говорятъ, что мозги утробнаго младенца по вѣсу пропорціонально тяжелѣе мозговъ взрослаго человѣка, а потому-де судить по вѣсу мозговъ о степени ума—вздоръ... Неужели? Но мозги утробнаго младенца содержатъ въ десять разъ большее *количество* воды, чѣмъ мозги взрослаго, и ваше опроверженіе полетѣло въ прахъ и разсѣялось, аки дымъ отъ вѣтру. Все это насъ наводитъ на то, чтобы быть осторожнѣе въ своихъ вычисленіяхъ и не вдаваться въ обманъ, какъ это часто случается съ статистикой. Необходимо строго придерживаться перваго правила арифметики и сравнивать между собою вещи однородныя, не складывать вилки съ ножами по полдюжинѣ, чтобъ въ итогѣ получить 12.

Очень важный недостатокъ, которымъ страдаетъ большинство врачей, заключается въ ихъ совершенномъ невѣжествѣ по части химіи. Этимъ-же недостаткомъ страдаютъ также и многіе антропологи и анатомы. И этотъ недостатокъ чувствительно отзывается на нашихъ выводахъ. Такъ изслѣдователи мозгового вопроса совершенно упускаютъ изъ виду изомерію, наиболѣе важное ученіе новѣйшей химіи. Извѣстно, что въ составъ нѣкоторыхъ веществъ кислородъ, водородъ и углеродъ входятъ въ совершенно одинаковыхъ пропорціяхъ. Три вещи, совершенно различныя по своимъ химическимъ свойствамъ, оказываются состоящими изъ однихъ и

тѣхъ-же 48 частей углерода, 10 частей водорода и 16 частей кислорода. Слѣдовательно, тутъ, повидимому, качественный анализъ не соотвѣтствуетъ количественному, и наша теорія невѣрна? Думаемъ, что это не такъ. Химія это явленіе объясняетъ различіемъ въ статическомъ расположеніи частицъ. Хотя во всѣхъ трехъ веществахъ одинаковое количество углерода, водорода и кислорода, но это показалось въ окончательномъ разложеніи; въ томъ-же состояніи, въ которомъ мы эти вещи разсматриваемъ въ настоящую минуту, въ знакомой нашимъ ощущеніямъ формѣ, оказывается, что въ одной вещи преобладаетъ соединеніе и химическое сближеніе большаго количества атомовъ кислорода съ водородомъ, а въ другой вещи преобладаетъ соединеніе большаго количества атомовъ кислорода съ углеродомъ. И тутъ все-таки качество сводится на количество и ничѣмъ инымъ изомерія не можетъ быть объяснена. То-же самое явленіе повторяется съ мозгомъ. Мы это говоримъ à priori и убѣждены, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ ученые не упустятъ этого обстоятельства изъ виду. Такимъ образомъ, химія на нашей сторонѣ, а потому безпристрастная оцѣнка научныхъ фактовъ и критическій разборъ возраженій даютъ намъ смѣлость и право утверждать, что главнымъ мѣриломъ интеллектуальныхъ процессовъ есть лишь одинъ сравнительно-количественный анализъ. Постараемся остаться ему вѣрными до конца.

Чтобы насъ не упрекнули въ излишнемъ пристрастіи, мы приведемъ нѣкоторые факты, говорящіе, повидимому, противъ насъ самихъ, и постараемся ихъ объяснить. Гольцъ втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлалъ опыты надъ животными и убѣдился во многихъ очень интересныхъ явленіяхъ. Такъ, животное, лишенное большихъ полушарій мозга, все еще совершало разнаго рода движенія, которыя свидѣтельствовали объ извѣстной долѣ разсчитанности или соразмѣрности съ внѣшними условіями. Другія животныя только по отнятіи зрительныхъ бугровъ (thalami optici) и четверохолмія теряли способность сохранять равновѣсіе. Далѣе другія животныя, по лишеніи всѣхъ тѣхъ частей и мозжечка, уже не заявляли никакихъ попытокъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ внѣшнихъ раздраженій. Всѣ эти опыты привели Гольца къ тому убѣжденію, что душа животнаго довольно сложное отправленіе и не ограничено однимъ какимъ-либо отдѣломъ мозга, что поврежденіямъ душевнаго органа соотвѣтствуютъ извѣстныя опредѣленныя поврежденія души, а другія отправленія ея остаются неприкосновенными.

Опыты съ мозжечкомъ не привели еще изслѣдователей къ окончатель-

нымъ заключеніямъ. Въ то время, какъ одни, именно Гольцъ, Лудвигъ и Шифъ, отвергаютъ мнѣніе Флюранса, что мозжечокъ есть центръ, заправляющій движеніями, другіе, какъ Будге, видятъ въ мозжечкѣ органъ, завѣдующій чувствомъ равновѣсія въ тѣлѣ. Работы эти производятся, въ большинствѣ случаевъ, надъ лягушками и голубями. Даже эти животныя не особенно легко переносятъ эти опыты, быстро умираютъ, прежде чѣмъ ученые успѣютъ придти къ какимъ-нибудь безпорнымъ мнѣніямъ, и своею смертью протестуютъ за жестокое обращеніе съ своими мозгами и силою этихъ явленій подтверждаютъ, что нельзя безнаказанно обращаться такъ безбожно даже съ душою послѣдняго животнаго.

Множество опытовъ надъ отдѣльными частями мозга прежнихъ и новыхъ изслѣдователей указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что каждая отдѣльная часть мозга имѣетъ свое обособленное спеціальное отправленіе, занимаетъ извѣстную должность у души. Теперь уже найдено, что такая-то часть мозга завѣдуетъ рѣчью, а такая-то памятью и все это предвѣщаетъ, что мозговая френологія имѣетъ свою великую будущность. Въ силу этого вовсе не покажется странностію или противорѣчіемъ, что у нѣкоторыхъ животныхъ пропорціональнаго роста больше той или другой доли мозга, вовсе не нужной человѣку, утратившей для него свое прежнее значеніе, доживающей свой вѣкъ въ отставкѣ, какъ что-то рудиментарное. Никто не станетъ спорить, что есть сходство между нашими мозгами и мозгами высшаго порядка обезьянъ. Стоитъ прочесть въ бюлетеняхъ французскаго антропологическаго общества тщательныя работы знаменитѣйшаго французскаго антрополога Брокà, чтобы вполнѣ убѣдиться въ полнѣйшемъ сходствѣ мозговъ у тѣхъ и другихъ. Форма если не та-же, то почти та-же; извилины тѣ-же, складки тѣ-же; симетрія та-же; словомъ все то-же. Ричардъ Овенъ, Граціоле разбиты на голову и должны сложить оружіе. Сходство въ анатомическомъ расположеніи частей полное и конецъ всякимъ спорамъ, но... (опять-таки но) по отношенію къ вѣсу и по отношенію къ силѣ, какъ выражается Брока, разница громадная. Самый меньшій мозгъ женщины превышаетъ самый большій обезьяній мозгъ, какъ 3 къ 2.

Такимъ образомъ, количество мозга вездѣ является преобладающимъ элементомъ. Форма и вмѣстимость черепа всѣхъ извѣстныхъ племенъ и количество содержащагося въ ихъ черепѣ мозга уступаетъ во всѣхъ отношеніяхъ европейскому мозгу. Это фактъ неподлежащій сомнѣнію, и хотя Вайтцъ, сильно протестуетъ противъ такого рода аргументовъ, неговоря-

щихъ въ его пользу, но тѣмъ не менѣе и онъ не можетъ не признаться, что есть рѣзкая разница между европейскими мозгами и мозгами цвѣтныхъ племенъ. А если есть разница, то она замѣтнѣе всего именно въ количественномъ отношеніи. Онъ, правда, утверждаетъ, что и между европейскими народами встрѣчаются головы не съ большимъ содержаніемъ мозга, чѣмъ у иного дикаря, и потому не соглашается съ изслѣдованіями Гушке, Мортона и другихъ. И мы не станемъ съ нимъ спорить по этому поводу. Мы вполнѣ съ нимъ согласны, что и среди европейскихъ обитателей еще очень много дикарей. Но противорѣчіе это безсильно, чтобы опровергнуть общій фактъ или средній выводъ и мы принимаемъ этотъ фактъ, этотъ выводъ за несомнѣнное свидѣтельство превосходства одного племени надъ другимъ и утверждаемъ, что чѣмъ большимъ количествомъ мозга обладаетъ народъ, тѣмъ онъ могущественнѣе и сильнѣе въ борьбѣ за существованіе; что народы съ меньшимъ количествомъ мозга, при столкновеніи съ болѣе одаренными, непремѣнно вымираютъ и оказываются слабосильными, ничтожными въ борьбѣ за жизнь съ болѣе смышлеными, съ болѣе опытными въ искуствѣ вести борьбу. Такъ-какъ вся культура, цѣликомъ взятая, вся цивилизація, вся наука, весь соціальный бытъ есть лишь продуктъ умственной работы, то совершенно естественно и понятно, что чѣмъ у народа больше ума, тѣмъ онъ можетъ дальше уйти по пути прогресса и, наоборотъ, чѣмъ дальше онъ стремится и уходитъ по пути прогресса, тѣмъ сильнѣе могутъ развиться его мозги, даже въ количественномъ отношеніи. Это также подтверждено многочисленными наблюденіями и изслѣдованіями. Черепа, вырытые изъ могилъ разныхъ историческихъ эпохъ, представляютъ собою различіе въ объемѣ и вмѣстимости. Изслѣдованія этого рода слишкомъ еще бѣдны числомъ, но смѣло можно поручиться, что еслибъ была возможность достать побольше такихъ коллекцій череповъ изъ разныхъ эпохъ, легко было-бы прослѣдить по нимъ постепенное развитіе мозговъ въ количественномъ отношеніи, которое, нѣтъ сомнѣнія, шло рука объ руку съ успѣхами цивилизаціи, и то подвигалось впередъ, то останавливалось на время для отдыха, то опять возобновляло свое прежнее движеніе впередъ.

Но больше всего возникало споровъ, когда дѣло касалось различія мозговъ по поламъ. Всѣ анатомы и антропологи, и особенно Гушке и въ послѣдніе годы Вейсбахъ, многочисленными взвѣшиваніями силились доказать, что такъ или иначе, а у мужчинъ количество мозга больше, чѣмъ у женщинъ. Поль Жанэ въ Revue des deux Mondes уже нѣсколько разъ про-

тивъ этого протестовалъ и увѣрялъ, что это только мужчины такъ-себѣ изъ пристрастія къ своему полу клеплютъ на женщинъ и что если-бы женщины занимались анатоміей, то онѣ навѣрное пришли-бы къ противуположнымъ результатамъ. Предположеніе это Поля Жанэ до сихъ поръ, однакожъ, не подтвердилось и онъ самъ, ни разу въ жизни невидѣвшій ни одного мозга ни мужского, ни женскаго, не взялъ на себя труда провѣрить эту клевету. А потому мы пока должны держаться этой клеветы и утверждать, что какъ въ строеніи черепа, такъ и въ количествѣ мозга между мужчиной и женщиной такъ или иначе, а есть рѣзкая разница. Стоитъ посмотрѣть на два такихъ черепа, чтобы сразу убѣдиться въ несомнѣнности характернаго различія. Въ то время какъ у женщинъ всегда отвѣсный лобъ, плоское темя и отвѣсный затылокъ, такъ-что если смотрѣть на женскую головку въ профиль, на правильный типъ ея, то вы непремѣнно замѣтите какъ-бы четыреугольникъ, состоящій изъ рѣзкихъ линій съ еле-округленными углами. Между тѣмъ мужская голова имѣетъ полукруглый лобъ, возвышенное темя и полукруглый затылокъ, такъ-что мужская голова больше всего приближается къ шару. Возьмите дамскую шляпку и мужскую фуражку и вы тотчасъ убѣдитесь, что дамская шляпка имѣетъ форму овала, яйцевидное очертаніе, а мужская фуражка представляетъ всегда круглую форму. Уже одно это достаточно свидѣтельствуетъ, что есть разница и далеко немаловажная, и такъ-какъ при всѣхъ другихъ одинаковыхъ условіяхъ форма шара наиболѣе вмѣстительна, то несомнѣнно, что мужская голова должна содержать больше мозгу, чѣмъ женская. Позвольте, однакожъ... Мы опять увлеклись, мы опять удалились отъ нашего правила, мы опять стали складывать вилки съ ножами и потому, если сейчасъ-же не объяснимся, навѣрное впадемъ въ самую грубую ошибку. Уже Гушке раньше всѣхъ, а потомъ лучше всѣхъ Вейсбахъ, при всѣхъ разнообразныхъ изслѣдованіяхъ и взвѣшиваніяхъ мозговъ, невольно обратили вниманіе на то обстоятельство, что различныя части мозговъ представляютъ далеко не одинаковое количественное отношеніе у мужчинъ и женщинъ. Прежде всего они замѣтили, что, говоря вообще, женскіе мозги достигаютъ своего полнаго количественнаго развитія несравненно раньше, чѣмъ у мужчинъ, именно около 20-ти-лѣтняго возраста, между тѣмъ какъ мужскіе достигаютъ того-же полнаго количественнаго развитія гораздо позже, именно въ возрастѣ до 30 лѣтъ. Съ этого-же момента начинается какъ-бы поворотъ и количественный перевѣсъ какъ-бы видоизмѣняется. До извѣстнаго возраста, неодинаковаго для мужчинъ и жен-

щинъ, ростъ мозговъ совершается по всѣмъ отдѣламъ какъ-бы равномѣрно, потомъ съ момента полнаго физическаго и полового развитія наступаетъ характеристическое разногласіе въ развитіи. Большой мозгъ мужчинъ продолжаетъ идти впередъ и развивается количественно чуть не до глубокой старости, а мозжечокъ, вароліевъ мостъ и продолговатый мозгъ или всѣ задніе апартаменты отстаютъ въ количественномъ развитіи, даже уменьшаются въ вѣсѣ. Такъ это дѣло происходитъ у мужчинъ. Женщины-же представляютъ въ этомъ отношеніи діаметрально-противуположное явленіе. Мозги женщинъ достигаютъ полнаго количественнаго развитія около двадцатилѣтняго возраста, остаются долгое время in statu quo и потомъ начинаютъ терять въ вѣсѣ. Но мозжечокъ, вароліевъ мостъ и продолговатый мозгъ идутъ у нихъ crescendo и увеличиваются въ вѣсѣ, а большой мозгъ или полушарія, напротивъ, уменьшаются. Не знаемъ, насколько можно вѣрить Гушке, но онъ увѣряетъ, что и въ извилинахъ мозговыхъ также замѣчается рѣзкая разница, правда, не совсѣмъ лестная для нашего брата. По мнѣнію Гушке, мозговыя извилины мужскихъ мозговъ напоминаютъ собою такія-же извилины плотоядныхъ животныхъ, и картина этихъ извилинъ имѣетъ поразительное сходство съ картиною извилинъ хищныхъ животныхъ. Мозговыя-же извилины женскихъ мозговъ, тонкія и нѣжныя, изображаютъ рисунокъ, полный сходства съ мозговыми извилинами животныхъ травоядныхъ. Итакъ, въ вѣсѣ, въ формѣ и въ характерѣ развитія, говоря абсолютно, между мужскими и женскими мозгами большая разница.

Соотвѣтственно этому анатомическому разграниченію и различію, физіологи и антропологи утверждаютъ, что есть такая-же разница и въ характеристикѣ отправленій, какъ интеллектуальныхъ, такъ и психическихъ, между мужчиной и женщиной. У мужчинъ преобладаетъ разумъ, у женщинъ — чувство. Мужчина руководствуется основными началами, принципами, женщина знаетъ лишь логику чувства. Поэтому будто-бы наука и искуство—собственность мужского элемента, а у женщинъ все это на второмъ планѣ. Женщинѣ свойственны любовь, благочестіе, религіозность; мужчинѣ—свобода, истина и стремленіе къ идеальному. Старая нѣмецкая поговорка, имѣющая неоспоримую долю правды, гласитъ, что мужчина стремится къ свободѣ, а женщина охраняетъ нравы и семейный очагъ. Сознаніе мужчины коренится въ его разсудкѣ, сознаніе женщины—въ ея чувствѣ. Женщина все видитъ въ личности, на личности сосредоточивается все ея вниманіе; мужчина увлекается идеей, любовью къ отечеству, пра-

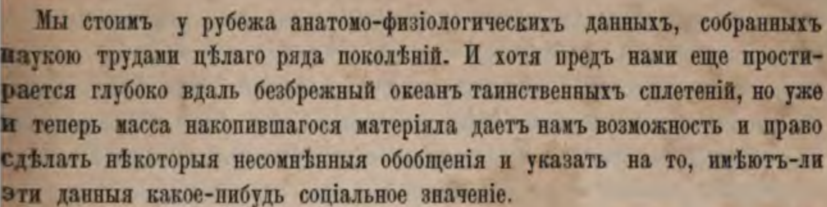
вомъ, наукой, искуствомъ, религіей. Мужчина разсматриваетъ вещи глубже, шире и рѣзче, онъ любитъ изслѣдовать предметъ основательнѣе, судитъ безпристрастнѣе, желаетъ энергичнѣе и поступаетъ прямо, не озираясь. Женщина болѣе поверхностна, близорука, обращаетъ преимущественное свое вниманіе на внѣшность; сужденіе ея, поэтому, болѣе пристрастное, поверхностное, воля ея слабѣе и поступки ея безъ энергіи. Мужской духъ серьезнѣе, характеръ его активный, прямой, дышетъ величіемъ, но за то грубѣе, неуклюжѣе, скептичнѣе. Женщина пассивно-нѣжнѣе, мягче, легкомысленнѣе, сдержаннѣе, терпѣливѣе. Она любитъ принимать участіе, не выдвигаться, она скромнѣе, скрытнѣе, но за то легче возбуждается. Она даетъ больше воли своимъ страстямъ, она чувственнѣе, болтливѣе, боязливѣе и ее легче обмануть.

Принимаемъ все это за научную правду и просимъ читателя не дѣлать намъ, до поры до времени, никакихъ возраженій, никакихъ противорѣчій. Надѣемся, что оправдаемъ себя въ глазахъ читателя, въ этой, можетъ быть, слишкомъ рѣзкой характеристикѣ прекраснаго пола.

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ балахнинское земское собраніе рѣшило, что въ принципѣ *женщина тоже человѣкъ*, мы строго рѣшились держаться этого принципа. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые простынеобразные органы нашей печати порѣшили между собою въ принципѣ считать еврея тоже за человѣка, мы строго рѣшились придерживаться и этого принципа. Съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторые толстые наши журналы, въ припадкѣ либерализма, условились допустить въ принципѣ, что и у негра есть душа, мы хотя и колебались согласиться съ этимъ вполнѣ, но все-же уступили необходимости. Одно еще насъ затрудняетъ: считать-ли человѣка совершенно изолированнымъ существомъ, поставленнымъ внѣ всякой связи съ безконечнымъ міромъ другихъ животныхъ или согласиться съ великимъ ученіемъ Дарвина, что въ цѣпи органическихъ существъ нѣтъ никакихъ скачковъ и перерывовъ; слѣдовательно и человѣкъ не есть что-либо исключительное и отдѣльное.

Но прежде, чѣмъ мы подойдемъ къ разрѣшенію этого вопроса, бросимъ *взглядъ* на пройденное нами поле фактовъ.

Мы стоимъ у рубежа анатомо-физіологическихъ данныхъ, собранныхъ наукою трудами цѣлаго ряда поколѣній. И хотя предъ нами еще простирается глубоко вдаль безбрежный океанъ таинственныхъ сплетеній, но уже и теперь масса накопившагося матеріяла даетъ намъ возможность и право сдѣлать нѣкоторыя несомнѣнныя обобщенія и указать на то, имѣютъ-ли эти данныя какое-нибудь соціальное значеніе.

Первое и самое крупное обобщеніе, къ которому насъ привело изученіе предмета, самый серьезный выводъ, вытекающій, какъ результатъ нашего пониманія, заключается въ томъ, что главное мѣрило всѣхъ интеллектуальныхъ отправленій есть количество нервной массы или мозговой ткани. Всѣ различія, какія представляются при поверхностномъ взглядѣ на предметъ, въ концѣ концовъ, сводятся на этотъ-же принципъ. Такъ, мы вполнѣ признаемъ, что между мужчиной и женщиной лежитъ рѣзкая разница и эта разница, кромѣ всего прочаго, главнымъ образомъ коренится въ количественномъ отношеніи. Изъ этого, однако, нельзя сдѣлать никакихъ компрометирующихъ прекрасный полъ выводовъ. Напротивъ того, количественная разница есть, но не такая, какъ обыкновенно думаютъ объ этомъ. Если у мужчинъ преобладаетъ количество такъ-называемыхъ большихъ полушарій мозга, за то у женщины преобладаетъ количество мозга, заключающагося въ формѣ мозжечка, вароліева моста и продолговатаго. Надѣемся, что никто не станетъ сомнѣваться въ доброкачественности этихъ частей мозга и въ важности ихъ физіологическихъ отправленій. Вотъ почему мы утверждаемъ, что еслибъ положить на торговые вѣсы и на вѣсы правосудія массу отправленій, совершаемыхъ мозгами мужчины, и массу отправленій, совершаемыхъ мозгами женщины, то въ результатѣ получимъ полнѣйшее равновѣсіе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, излагая въ «Архивѣ судебной медицины» тогдашнее состояніе антропологіи, мы выразились тогда, что на основаніи имѣвшихся подъ руками у насъ данныхъ мы должны были признать, что мужчина *пока* выше женщины. Публично каемся въ этомъ поспѣшномъ нашемъ заключеніи и беремъ свое слово назадъ. На основаніи представленныхъ нами здѣсь данныхъ, мы беремъ на себя смѣлость утверждать совершенно другое. *Если мужчина пока выше женщины, то женщина пока выше мужчины...*

Если соціальныя отношенія и соціальная обстановка дала возможность извѣстному проценту мужчинъ выдвинуться впередъ и стать высоко въ разныхъ извѣстныхъ отношеніяхъ; если историческій ходъ развитія доста-

вилъ небольшой долѣ мужского элемента возможность заявить себя особенно замѣтно въ извѣстномъ отношеніи, то другія условія привели къ тому, что и извѣстный процентъ женщинъ направилъ свою дѣятельность въ другую сторону и многія изъ нихъ заявили себя такъ-же блистательно въ другихъ отношеніяхъ. Все значитъ зависитъ отъ окружающихъ условій и стеченія разныхъ обстоятельствъ. Условія, породившія даровитыхъ и геніальныхъ мужчинъ, воспитавшія и развившія изъ нихъ знаменитостей на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, такія-же условія, если это только нужно, совершатъ такое-же невиданное чудо и надъ женщинами. Освободите только ихъ отъ своей опеки и дайте имъ въ руки тѣ-же средства, какими вы владѣли впродолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій и вы скоро убѣдитесь, что одинаковыя условія имѣютъ одинаковыя послѣдствія; вы убѣдитесь, что средства развитія одинаковы для всѣхъ людей безъ изъятія, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, какъ для бѣлыхъ, такъ и для цвѣтныхъ. Средство это—энергія, свобода и интеллектуальное упражненіе.

Мы, слѣдовательно, того убѣжденія, что какъ не было на всемъ свѣтѣ ни одной женщины, которая достигла-бы образцоваго развитія свойствъ и качествъ, характеризующихъ и отличающихъ мужчинъ, такъ не было на всемъ свѣтѣ ни одного мужчины, который достигъ-бы цвѣтущаго развитія свойствъ и качествъ, отличающихъ женщинъ. Ясно, что оба лучше и оба другъ друга стоятъ.

Мы отдаемъ должную дань благоговѣнія, почитанія, уваженія всѣмъ великимъ людямъ, принесшимъ своею жизнью неоцѣненную пользу человѣчеству, но мы положительно убѣждены въ томъ, что вся ихъ заслуга заключается въ хорошемъ умственномъ развитіи ихъ въ силу стеченія разныхъ благопріятныхъ условій, но таковыя условія всегда могутъ совершить это чудо надъ каждымъ субъектомъ. Это совершенная правда, что изъ дурака нельзя сдѣлать умнаго, но не подлежитъ сомнѣнію и то, что всякаго дурака можно сдѣлать менѣе глупымъ. Это разъ. Но хуже всего то, что людей, родившихся на свѣтъ божій со всѣми мозговыми атрибутами, для того, чтобы впослѣдствіи развиться въ умныхъ людей, часто дѣлаютъ дураками, подлецами, идіотами. И въ этомъ главное горе, вотъ противъ чего человѣчество вправѣ протестовать.

Такимъ образомъ, питая самое искреннее и глубокое уваженіе къ передовымъ умамъ, чувствуя всю важность и значеніе великихъ людей, мы тѣмъ не менѣе не настолько ослѣплены, чтобы не понимать, чему они

обязаны своимъ развитіемъ, всѣмъ своимъ существованіемъ и своею соціальною ролью. Только стеченіе благопріятныхъ условій помогло имъ изъ ...наго человѣческаго болота выглянуть на свѣтъ божій и себя въ немъ показать лучезарными свѣтилами. Вотъ почему мы отказываемся преклоняться предъ ними и восхвалять ихъ. Мы скорѣе желаемъ изучить, раскрыть, обнаружить тѣ условія, которыя ихъ сдѣлали такими, уразумѣть смыслъ этихъ условій и попытаться, нельзя-ли примѣнить эти условія, если не къ цѣлымъ народамъ вообще, то хоть къ большимъ группамъ людскимъ. Если эти высокоразвитые люди обязаны своимъ превосходствомъ ...ственному развитію, т. е. хорошей искуственной обработкѣ своего мозга, то почему-же этому обстоятельству не сдѣлаться удѣломъ большей массы людей? Вы скажете, что на это есть крупныя препятствія. Нельзя-ли ихъ узнать и нельзя-ли ихъ устранить? Мы очень благодарны судьбѣ, что намъ довелось дожить до Боклей, Дарвиновъ, Миллей, Гарибальди, но вѣдь они не съ неба-же упали и если они обладаютъ дѣйствительно сильно-развитымъ интеллектомъ, то вѣдь это случилось въ силу цѣлаго ряда условій, которыя не особенно трудно изучить и сдѣлать доступными большинству, а не избранному меньшинству. Вотъ почему намъ, собственно говоря, дороги эти условія, люди-же для насъ цѣнны лишь по отношенію къ этимъ условіямъ. Вотъ почему мы скорѣе готовы восторгаться этими условіями, а потомъ уже этими личностями, какъ оправданіемъ и подтвержденіемъ этихъ условій; вотъ почему мы, наконецъ, наотрѣзъ отказываемся *хвалить* этихъ людей, разсматривая ихъ лишь какъ неизбѣжный результатъ извѣстныхъ условій, въ созданіи которыхъ они, быть можетъ, вовсе неповинны. Дѣло, значитъ, опять въ условіяхъ, которыя мы ставимъ на первый планъ, а самыя личности отодвигаемъ на второй, даже на третій планъ. Мы далеко не намѣрены восторгаться тѣмъ, что у того или другого народа за какое-нибудь тысячелѣтіе явилось десятка два способныхъ людей; насъ интересуетъ то, есть-ли у этого народа средства, выработалъ-ли онъ условія, пригодныя для развитія мозговой интеллигенціи цѣлыхъ массъ.

Но если мы отказываемся преклоняться предъ отдѣльными геніальными и высокоразвитыми личностями, то еще меньше мы расположены *порицать* умственную немощь и невѣжество, какъ неизбѣжный результатъ окружающихъ условій. Тутъ мы окончательно не въ правѣ заявлять себя какими-бы то ни было моралистами и сыпать цвѣтами краснорѣчія противъ существующаго зла. Одно, что мы должны дѣлать, это помнить разъ на-

всегда законъ связи причины съ слѣдствіемъ, а потому всѣ усилія направлять на изученіе причинъ и обстоятельствъ, заставляющихъ человѣка быть дурнымъ и уклоняться отъ нашего идеала, отъ нашей нормы. Вся наша дѣятельность должна быть направлена именно къ тому, чтобы, изучивъ условія вырожденія и уклоненія отъ правильнаго и соціальнаго типа, принять всевозможныя мѣры къ устраненію этихъ условій. Нечего намъ хвастаться своимъ превосходствомъ и ставить себя въ примѣръ другимъ. Если мы дѣйствительно хороши, то въ этомъ нѣтъ никакой заслуги. Обстоятельства такъ сложились, что мы вышли хорошими и всякій другой на нашемъ мѣстѣ не былъ-бы хуже насъ.

Уже въ глубокой древности, одинъ изъ ея величайшихъ мудрецовъ Гилель, жившій лѣтъ за 50 до Р. Х. и основавшій свою знаменитую школу, училъ своихъ учениковъ не зазнаваться и углубляться въ таинственный смыслъ запутанныхъ отношеній. Между многочисленными его изреченіями, два принципа особенно достойны того, чтобы человѣчество никогда не забывало ихъ. Онъ говорилъ: «не довѣряй самому себѣ до дня твоей смерти» и «не осуждай своего ближняго, пока самъ не былъ въ его положеніи». Мы не знаемъ ничего выше этой строгой и высоко-гуманной морали и готовы держать съ кѣмъ-угодно пари, готовы побожиться всѣмъ для насъ святымъ, что вся наука, цѣликомъ взятая, не только не идетъ въ разрѣзъ съ истинностью этого нравственнаго принципа, а напротивъ, всѣмъ своимъ существомъ вполнѣ оправдываетъ его.

Не есть-ли, на самомъ дѣлѣ, верхъ нелѣпости осуждать человѣка за то, что у него нѣсколько гранъ, драхмъ или даже унцій меньше мозгу, чѣмъ у другого? Чѣмъ, скажите, ради здраваго смысла, виноватъ человѣкъ, что у него количественный составъ мозговъ не таковъ, какъ у другого? Виноватъ-ли кто, что его количественный составъ мозга не получилъ надлежащей обработки. Если-же онъ въ этомъ нисколько не виноватъ, если онъ лично не могъ участвовать въ выборѣ себѣ той или другой мозговой доли, если къ тому-же и вся жизнь такъ сложилась, что умъ его не могъ усовершенствоваться, не встрѣчалъ средствъ къ развитію, то чѣмъ такой субъектъ виноватъ, что мозговыя его отправленія ниже мозговыхъ отправленій отборныхъ счастливцевъ—великихъ умовъ? Въ правѣ-ли мы претендовать на человѣка за то, что онъ глупѣе насъ? Ни коимъ образомъ. Человѣкъ не можетъ быть отвѣтственъ за то, что его умъ совершаетъ свои интеллектуальныя отправленія такъ, а не иначе, а потому его умственное убожество не можетъ быть ему поставлено въ вину.

VIII.

[ы] постоянно жалуемся на грубость и невѣжество массы, на отсутствіе [люд]ей, вездѣ и всюду вы услышите, что «нѣтъ *людей*»; во всей Европѣ [те]рь кричатъ, что въ цѣлой Франціи нѣтъ ни одного *человѣка*, спо[соб]наго стать въ уровень съ критическими обстоятельствами страны, а [никт]о не хотятъ подумать, что при данныхъ условіяхъ ихъ и быть [не] можетъ. Не съ неба-же они свалятся, если не заботятся создать ихъ. [Откуда]-же имъ, въ самомъ дѣлѣ, взяться? Подумайте и сообразите слѣдую[щее] сопоставленіе цифръ. Вся Европа тратитъ ежегодно на всякую вся[чин]у кровныхъ 10,000 милліоновъ франковъ. Изъ этого количества де[нег]ъ только 145,000,000 франковъ идетъ на развитіе ума, а 2,500 [мил]ліоновъ расходуется на развитіе мышечной системы въ ущербъ мозговой. [Как]ъ-же вы хотите, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ [у на]съ на каждомъ шагу нарождались геніи. Притомъ-же вѣдь вы хотите [имен]но такихъ геніевъ, такихъ *людей*, которые не только вамъ не мѣ[ша]ли-бы достигать вашихъ цѣлей, а напротивъ того, помогали-бы всѣми [сил]ами своего ума и оправдывали-бы всѣ ваши поступки и всю вашу [дѣя]тельность той или другой «исторической необходимостью» или «неиз[бѣ]жнымъ зломъ». Тѣ-же, которые хотя на волосъ задѣнутъ ваши узкіе [инт]ересы и замолвятъ хотя-бы одно слово въ пользу истины, тѣ для васъ, [кон]ечно, непригодны и вы постараетесь какъ можно менѣе ихъ слушать, [как]ъ можно менѣе дать имъ говорить. А между тѣмъ, геніальныхъ лю[дей], людей сильнаго закала, отлитыхъ изъ цѣннаго метала, создаетъ при[воль]ная сфера дѣятельности, широкое общественное движеніе и страстная [жа]жда истины. Мы недоумѣваемъ, почему это нѣтъ у насъ земскихъ дѣя[те]лей, которые-бы указали намъ искренно и откровенно на наши жгучія [нуж]ды, помогли-бы уяснить намъ наше положеніе и найдти выходъ изъ [нег]о. Но развѣ въ муравьиной кучѣ являлись когда-нибудь дѣятели? И [во]тъ эти земскія люди, эта надежда наша, копошаться въ мелкихъ оби[ден]ныхъ интересахъ, воображая, что они занимаются дѣломъ. Да и въ [так]ой сферѣ они плаваютъ мелко. Они не умѣютъ помочь ни себѣ, ни [сос]ѣму сосѣду, чтобы онъ какъ-нибудь поправилъ свою деревянную лачугу, [кр]ытую соломой, и сдѣлать ее, такимъ образомъ, менѣе опасною для са-

михъ себя, на это у нихъ не хватаетъ ни смѣтливости, ни сердц, тѣмъ менѣе ума. И вотъ, почтенные земскіе люди, у васъ въ одномъ руге, населенномъ массой 100,000 людей, какая-нибудь одна несчаст гимназія. За то у васъ въ этомъ-же округѣ 16 человѣкъ судебныхъ с дователей; у каждаго изъ нихъ въ рукахъ по нѣсколько сотъ дѣл изъ нихъ каждый стоитъ minimum тысячи двѣ въ годъ, принимая вниманіе всякіе неписанные расходы. Сдѣлайте перестановку этихъ р ходовъ и мы ручаемся, что вы не раскаетесь въ послѣдствіяхъ.

Никто не подвергался и не подвергается такимъ несправедливымъ падкамъ со стороны людей, какъ мозгъ и нервная система. Отъ нихъ стоянно требуютъ какого-то идеальнаго совершенства. Пусть сердце, кія или печень выкинутъ какую угодно штуку, ихъ никто не подверг отвѣтственности, съ нихъ никто ничего не взыщетъ, ихъ просто ста лечить. Мозги-же должны быть всегда и вѣчно безукоризненны и н грѣшимы, а они, какъ на зло, всегда и вѣчно грѣшатъ и заблужда Ни одному органу нашего тѣла нѣтъ никакихъ предписаній, какъ должны совершать свои отправленія. Уму-же постоянно составляютъ лые кодексы правилъ, какъ онъ долженъ себя вести, держаться пр но, совершать свои отправленія. И все это нисколько не ведетъ къ Вѣчные хлопоты съ мозгами поистинѣ изумительны и нельзя сказать, результаты были особенно утѣшительны; а все потому, что отъ него буютъ невозможнаго; все потому, что всякій мѣритъ другого по мѣркѣ и требуетъ отъ другого, чтобы онъ былъ такимъ-же, какъ самъ. Никто не хочетъ принять во вниманіе, что мозги больше, чѣмъ кій другой органъ, подвержены всевозможнымъ случайностямъ. Тотъ, во всей своей жизни меньше всего былъ великъ и, измѣряемый мас бомъ здраваго смысла и высокой морали, больше всего былъ смѣш кстати сознался, что отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. носительно мозговъ переходъ этотъ еще меньше, еще незамѣтнѣе. Чу ходячей фразой теперь стало, что между крайнею геніальностью и сшествіемъ разница неуловима, неощутительна; переходъ близокъ и, сказать, родственъ. Притомъ геніальность и сумасшествіе вѣдь к условныя понятія. Вѣдь только неопытная въ административномъ ствѣ древность могла допустить, чтобы чудакъ и оригиналъ Д шлялся публично и благоглуповствовалъ на глазахъ всѣхъ открыто. наше время его едва-ли удостоили-бы званія философа, и любой о дочный надзиратель указалъ бы ему самое приличное для него мѣст

и не въ психіатрическомъ заведеніи, то просто въ кутузкѣ. Сказка съ ›окритомъ очень возможная вещь и чуть ли не ежедневно повторяется сихъ поръ въ полномъ разгарѣ европейской цивилизаціи. Жители го-а Абдеры, принявшіе Демокрита за сумасшедшаго, разбрелись теперь по му земному шару, но они не призываютъ больше Гиппократовъ, кото-, конечно, изумились бы здравымъ понятіямъ Демокрита и безстыд-у безсмыслію абердянъ. Гиппократы имъ не нужны, они слишкомъ вѣ-ъ въ свой собственный авторитетъ, а потому сами справляются съ Де-ритами, которыхъ ненавидятъ до глубины души. Какже послѣ этого можны Демокриты и ихъ послѣдователи? И неужели человѣчество въ ъ не нуждается? Еще какъ! Оно очень нуждается, какъ въ Демокри-ъ, такъ и въ Гиппократахъ, совершенно солидарныхъ съ Демокри-и...

Опытъ доказываетъ намъ ясно всю шаткость мозговыхъ отправленій, быкновенную зависимость мозговой дѣятельности отъ нормальнаго или ѣзненнаго состоянія другихъ органовъ нашего тѣла и крайнюю нѣж-ть этой загадочной ткани, указывающую, какъ бережно нужно съ нею ащаться. Даже самая отдаленная древность была въ этомъ отношеніи нь практична и не разъ, вѣроятно, имѣла случай убѣдиться, что нѣтъ икаго ума безъ примѣси глупости (nullum magnum ingenium sine xtura dementiae). Наше же время еще чаще могло провѣрить истин-ть этого положенія и притомъ на самыхъ выдающихся экземплярахъ іальнаго творчества. Стоитъ вспомнить умопомраченіе Ньютона, безсмыс-Канта, сумасшествіе О. Конта и нелѣпыя произведенія въ моменты савшей ихъ умственной дѣятельности. Мы судимъ о людяхъ лишь по имъ-нибудь крайнимъ поступкамъ, выходящимъ изъ ряду вонъ, но мел-обыденныя житейскія дрязги совершенно ускользаютъ отъ нашего вни-нія, отъ нашей наблюдательности, а въ нихъ иногда кроется причина ыхъ страшныхъ событій. Спросите психологію, конечно, современную, зіологическую, и она, положа руку на сердце, увѣритъ васъ, что у са-го геніальнаго ученаго трудное пищевареніе разстраиваетъ всѣ умствен-я, всѣ психически-интеллектуальныя отправленія на цѣлые дни, недѣли, сяцы и годы. Всѣ мысли такого субъекта приходятъ въ совершенный порядокъ, онъ забываетъ самыя гуманныя, возвышенныя идеи, которыя адолго передъ тѣмъ могли занимать его воображеніе, и въ такіе мо-нты человѣкъ, съ виду совершенно здоровый и принимаемый всѣми за аго здравомыслящаго, можетъ совершить самое ужасное злодѣйство, мо-

жетъ потерять сраженіе, погубить тысячи людей въ безразсудномъ п
пріятіи, подписать самыя жестокія и безчеловѣчныя приказанія: въ т
минуты человѣкъ способенъ нанести тяжелыя оскорбленія людямъ на
лѣе къ нему близкимъ и привязаннымъ; и спустя нѣсколько времени
кается во всемъ этомъ только потому, что у него совершилось хор
отправленіе желудка. Мы были бы очень обижены, еслибъ читатель
нялъ это съ нашей стороны за шутку. Какія тутъ шутки, когда
крови людской проливались изъ-за того только, что у седанскаго
страдала лѣвая сторона печени!?

Вы скажете, что это теперь принимается во вниманіе при разбир
ствѣ уголовныхъ и всякихъ другихъ процессовъ. Но гдѣ же тотъ врач
торый отличитъ болѣзненное состояніе отъ здороваго въ минуту со
нія преступленія? Гиппократъ утверждалъ, что чувство голода, кото
подчасъ испытываемъ не безъ нѣкотораго удовольствія, весьма опасн
лѣзнь, къ счастью, радикально облегчаемая на время самымъ спас
нымъ средствомъ,—хорошей пищей. Какой же научно-образованный
витый врачъ возьметъ на себя право и смѣлость утверждать, что
вѣкъ совершилъ тотъ или другой поступокъ въ здравомъ состояні
развѣ это мыслимо, чтобы человѣкъ въ здравомъ умѣ могъ соверши
нибудь ненормальное?

Возбужденность и легкая воспріимчивость мозговой ткани хар
зуется довольно часто самымъ рѣзкимъ и быстрымъ переходомъ изъ
состоянія въ другое и этимъ, къ величайшему счастью, человѣчест
зано чуть не исключительно цивилизаціи. Дикарямъ и вообще пе
нымъ народамъ не съ чего съума сходить и у нихъ дѣйствительно
ніе это довольно рѣдко, да и встрѣчается ли оно еще въ европ
смыслѣ слова—далеко не рѣшенный вопросъ. Между тѣмъ,—нечего
таить,—чѣмъ цивилизація и умственная дѣятельность народа выш
больше встрѣчается у него умопомѣшательство. Въ торговыхъ ц
западной Европы умопомѣшательства среди евреевъ встрѣчаются
ненно чаще, чѣмъ у католиковъ и у протестантовъ. Всякія полит
событія въ западной Европѣ всегда увеличиваютъ число умопомѣшат
въ довольно крупныхъ и чувствительныхъ размѣрахъ. Движеніе 18
удесятерило число умопомѣшательствъ по изслѣдованіямъ Берже
странахъ, гдѣ женщины играютъ болѣе активную, чѣмъ пассивную
число умопомѣшанныхъ женщинъ больше числа умопомѣшанныхъ
чинъ. Явленіе это имѣло неоднократно мѣсто во Франціи. Кромѣ

о изъ-за этого смѣшно было бы отказаться отъ благъ цивилизаціи и едпочесть первобытное дикое состояніе, мы просимъ главнымъ обраъ подумать о томъ, что явленіе это не можетъ же быть внезапнымъ слѣдствіемъ внезапнаго событія. Напротивъ того, оно всегда является слѣдствіемъ, подготовленнымъ впродолженіи довольно длиннаго періода емени, въ силу накипѣвшаго неудовольствія и долго скрываемой злодня.

Слишкомъ раннее возбужденіе мозговой дѣятельности у дѣтей ведетъ въ нерикѣ къ весьма частымъ умопомѣшательствамъ. Но вѣдь умопомѣшаіьство послѣдній актъ той печальной трагедіи, которая разыгрывается льшинствомъ публики во всевозможныхъ варіяціяхъ, и уловить отличиільные признаки этихъ неуловимыхъ состояній положительная наука рѣительно отказывается. Все это ясно доказываетъ, что нѣсколько тысяілѣтій взаимныхъ отношеній и постоянной связи между собой не дали, днакожъ, человѣчеству необходимой сноровки для безошибочной оцѣнки иственной дѣятельности. Напротивъ того, человѣчество (даже самое раумное) на каждомъ шагу попадаетъ въ просакъ, и несмотря на то, ю безъ оглядки стремится впередъ, потому что остановиться хоть на ремя, одуматься, провѣрить свои поступки нѣтъ отдыха, да и стыдно. И тъ почему оно въ неизбѣжномъ perpetuum mobile вѣчнаго laissez faire, issez passer... Такимъ образомъ, въ области психическихъ явленій педъ нами лежитъ еще безбрежное море нерѣшенныхъ вопросовъ и проемъ величайшей важности и практической пользы. Начиная съ того, что ы еще не знаемъ, гдѣ оканчивается здоровая дѣятельность мозга и нанаются болѣзненные его симптомы, мы не знаемъ также тѣхъ положиільныхъ средствъ, которыя необходимы для предотвращенія психическаго азстройства. Мы лечимъ его ощупью и наши палліативы по своему доэинству могутъ сравниться развѣ съ гомеопатіей въ медицинѣ. Что же ь силахъ оказать какая-нибудь гомеопатія съ своими микроскопическими озами при нашихъ телескопическихъ бѣдствіяхъ? Разумѣется, ровно ниего.

IX.

Читатель помнитъ изъ первой нашей статьи, что мы дѣлимъ чел
ство на три группы: на людей, превосходящихъ всѣхъ остальныхъ
умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, на людей вовсе не раз
и на людей вырожденія, нравственно и умственно испорченныхъ. П
что такое явленіе не можетъ быть случайнымъ. Но мы въ высше
пени несправедливы. Узнавши хорошенько людей, названныхъ нам
мальными, мы требуемъ, чтобъ и остальные были такими-же и, ес
осмѣливаются не исполнять нашего желанія, мы ихъ всячески ко
морализируемъ вотъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ на тему: испра
бѣдные люди, и усовершенствуйтесь. Но проповѣдь наша остается
ной; голодное брюхо, какъ при царѣ Псамметихѣ, направляло руку
къ чужой собственности, такъ направляетъ ее и теперь; какъ тог
дили и наказывали вора, такъ наказываютъ его и нынѣ, а во
остается воромъ и не слушаетъ нашихъ поученій. Такъ будемъ-же
довательны. Изучимъ причины и условія, которыя благопріятствов
рожденію нашихъ идеаловъ и кумировъ и подробно проанализируем
мѣшаетъ другимъ людямъ сдѣлаться такими-же хорошими, что побу
ихъ впадать въ порчу, въ дегенерацію. Согласитесь, что какъ сум
ской глупости, такъ и сумма человѣческаго ума имѣютъ одинъ и т
субстратъ — мозги. Какъ та, такъ и другой зависятъ, въ концѣ к
отъ системы направленія. Взвѣсьте умственную дѣятельность какого-
Наполеона III и Гарибальди и чашки вѣсовъ уравновѣсятся. Но
пошелъ по одному пути, другой по другому. Разница въ томъ, что
руководствуется ложными знаніями и выходитъ Наполеономъ, а друго
водствуется истинными знаніями и выходитъ Гарибальди. Вотъ а
омега нашихъ убѣжденій. Человѣкъ не является на свѣтъ съ готов
ностью, тѣмъ меньше съ готовымъ умомъ. Голова его, по обветшал
раженію, непочатая книга съ чистыми страницами и классическ
реальная система впишетъ въ эти страницы свое содержаніе, — со
этому содержанію онъ и будетъ дѣйствовать. Мы, поэтому, повт
что наотрѣзъ отказываемся восторгаться его умомъ или карать е
ность, но мы за то всею силою своей души станемъ отстаивать пре

тво одной системы надъ другой. Только въ условіяхъ той или другой системы мы видимъ, съ одной стороны, все зло, вырождающее людей, съ другой стороны, все благо, споспѣшествующее ихъ нравственному, психически-интеллектуальному развитію. Только до нихъ мы имѣемъ дѣло.

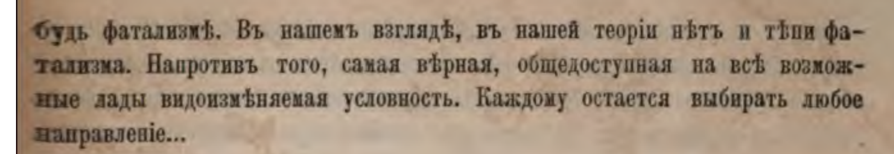
Согласившись, что правильно развитая интеллектуальная дѣятельность и образцовое отправленіе ея есть безусловное требованіе той формы, которую мы называемъ нормальною, мы должны считать ее тѣмъ идеаломъ, къ которому нужно стремиться всѣми силами. И потому всѣ обстоятельства, способствующія къ такому развитію, пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ особенную цѣнность. Напротивъ того, обстоятельства и условія, тормозящія и недопускающія до такого развитія, возбуждаютъ справедливое негодованіе съ нашей стороны и стремленіе парализировать вліяніе этихъ условій. Для того, чтобы человѣкъ по возможности нормальнѣе прожилъ свой вѣкъ, необходимо стараться, чтобы его мозги достигли опредѣленнаго количественнаго развитія, чтобы вещества, входящія въ его составъ, были въ опредѣленной количественной пропорціи, чтобы онъ получалъ хорошее питаніе, и потому необходимо, чтобы кровь, къ нему приливающая, имѣла правильный, нормальный количественный составъ, чтобы все окружающее возбуждало его дѣятельность въ опредѣленной, въ соразмѣрной количественной постепенности. Если-же всѣ эти условія не будутъ соблюдены или будутъ примѣняемы въ самой слабой зачаточной формѣ, интеллектуальная сила останется на всю жизнь *въ связанномъ* состояніи. Это выраженіе нисколько не утрировано. Предъ вами количество пороху извѣстнаго объема, вамъ стоитъ приблизить искру и порохъ даетъ вамъ опредѣленное количество силы и извѣстное количество дѣйствія, — разорвать огромную скалу; но пока вы не приблизили искры, сила пороха остается въ связанномъ состояніи. Если-же вы предварительно станете смачивать порохъ водой, оставите его на открытомъ воздухѣ и къ нему примѣшается всякая дрянь, то даже сильнѣйшій внѣшній огонь не воспламенитъ его и онъ не дастъ вамъ ничего изъ той силы, которую далъ-бы при другихъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Мы положительно того убѣжденія, что большинство людей имѣетъ совершенно одинаковыя способности къ развитію, но они не получили надлежащаго направленія и силы ихъ инертны, мертвы. Таково большинство людей, неполучившихъ научнаго образованія, такъ-называемая темная масса, люди недоразвившіеся, люди, которые при другихъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, достигли-бы, вѣроятно, самыхъ высокихъ ступеней раз-

витія. За примѣрами ходить не далеко. Бѣдный мужикъ, Ломоносовъ, благодаря тому, что кое-какъ выбился изъ своей темной среды и попалъ заграницу, сдѣлался единственнымъ представителемъ русской интеллигенціи или, лучше сказать, европейской. Безъ особенно благопріятныхъ условій такіе люди, какъ Петръ Великій, какъ Радищевъ, какъ Новиковъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ и многіе другіе, не достигли-бы той степени умственнаго развитія, которое возвело ихъ на степень историческихъ дѣятелей, оставившихъ по себѣ свѣтлыя черты на нашей жизни. Если, поэтому, мы восторгаемся и питаемъ особенную симпатію къ этимъ личностямъ, то логическая послѣдовательность требуетъ отъ насъ узнать условія, при которыхъ совершилась эта чудная метаморфоза, намъ необходимо изучить средства, которыя сформировали этихъ людей, и поставить въ такія-же условія если не всю массу, то по возможности большее число людей.

Но за то мы, съ другой стороны, должны явиться ярыми ненавистниками и даже ожесточенными преслѣдователями всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ и условій, которыя извращаютъ, дегенерируютъ умственныя и нравственныя силы человѣка или направляютъ ихъ въ другую ложную сторону. Въ первой нашей статьѣ мы высказали, что русская литература не выработала намъ идеаловъ соціальнаго положенія въ конкретной формѣ и это мнѣніе наше мы считаемъ совершенно вѣрнымъ. Но за то русская литература на другомъ поприщѣ оказала такіе блистательные успѣхи, обнаружила такую гигантскую силу развитія, которой она если не превзойдетъ, то, по меньшей мѣрѣ, не уступитъ ни одной европейской литературѣ. Мы разумѣемъ ея мастерское описаніе людей порчи, людей вырожденія. Съ легкой руки Гоголя и по настоящее время большинство русскихъ писателей рисуютъ намъ художнической кистью самые образцовые типы тупоумія. Что такое, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти Чичиковы, Плюшкины, Рудины, Обломовы, Адуевы, на что ушла вся дѣятельность Островскаго, Ф. Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, Щедрина и всѣхъ ихъ болѣе или менѣе удачныхъ подражателей, какъ не на изображеніе людей вырожденія, какъ не на обрисовку, какъ не на постановку предъ глазами читателя той сцены дѣятельности, которая способна порождать лишь моральное и соціальное вырожденіе. И вся эта mise en scène соціальнаго убожества выполнена русской литературой безукоризненно. Заслуга, конечно, чисто-отрицательная, но въ сущности можетъ имѣть не безполезныя послѣдствія.

Мы, кажется, достаточно ясно изложили свой взглядъ на интересующій насъ вопросъ и надѣемся, что никто не заподозритъ насъ въ какомъ-ни-

будь фатализмѣ. Въ нашемъ взглядѣ, въ нашей теоріи нѣтъ и тѣни фатализма. Напротивъ того, самая вѣрная, общедоступная на всѣ возможные лады видоизмѣняемая условность. Каждому остается выбирать любое направленіе...

X.

Что-же дѣлаетъ людей развитыми, нормальными? Мы вполнѣ убѣждены, что каждый изъ нашихъ читателей и самъ понимаетъ и знаетъ тѣ условія, которыя ведутъ къ правильному и всестороннему развитію ума и къ нормальному отправленію связанныхъ съ нимъ силъ. Надѣемся, что никто съ нами не вступитъ въ споръ, если мы скажемъ, что самыя пригодныя для того условія суть реальныя знанія, и социальный строй, покоящійся на реальныхъ началахъ, на умственномъ и нравственномъ превосходствѣ человѣка.

Для насъ, впрочемъ, здѣсь гораздо важнѣе указать на тѣ моральныя и соціальныя условія, которыя задерживаютъ или парализируютъ міровыя силы, и на тѣ обстоятельства, которыя неминуемо влекутъ за собою вырожденіе.

Мы предварительно должны оговориться, что ни родъ человѣческій, вообще взятый, ни отдѣльный народъ въ полномъ своемъ составѣ, цѣликомъ взятый, не вырождается. Въ каждомъ народѣ находятся въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ элементы вырожденія и чѣмъ больше такихъ элементовъ, и чѣмъ дольше эти элементы составляютъ преобладающій типъ, тѣмъ этотъ народъ ближе къ паденію. Вырожденіе, слѣдовательно, какъ физическое, такъ и соціальное, составляетъ могущественнѣйшее средство историческаго паденія, прозябанія и, наконецъ, вымиранія народа. Греки до сихъ поръ существуютъ, евреи также, персы тоже, римляне преобразились въ другихъ народовъ и всѣ эти народы потеряли свое историческое и политическое значеніе только благодаря соціальному вырожденію, какъ своему собственному, такъ и вырожденію иноплеменнаго завоевателя.

Отсюда ясно, что война одна изъ могущественнѣйшихъ причинъ вырожденія. Существо, котораго вся нервная система направлена къ тому,

чтобы убить другого; существо, мозги котораго питаются лишь одними стремленіями истребленія себѣ подобныхъ, желаніемъ раззорять, разрушать все, что создано вѣковой цивилизаціей другихъ, не можетъ быть названо нормальнымъ существомъ. Существо, вся жизнь котораго посвящена упражненіямъ мышечной системы, въ ущербъ мозговой, тѣмъ самымъ тормозитъ правильное развитіе своего ума. Изслѣдованія Біассона доказали, что люди, преимущественно упражняющіе свою мышечную систему, выдѣляютъ изъ организма въ избыткѣ хлористыя соли, какъ продуктъ быстраго обмѣна, тѣ-же люди, которые преимущественно упражняютъ свой умъ, выдѣляютъ изъ своего организма фосфорно-кислыя соли, какъ продуктъ мозговой работы. Люди, преданные войнѣ, не продуктируютъ мозговой работы, не выдѣляютъ фосфора, не производятъ обмѣна этого вещества, и потому они могутъ быть причислены къ нашей нормальной группѣ людей развитыхъ. И вотъ почему среди нихъ являются субъекты, которые цѣлуютъ свой карабинъ послѣ каждаго смертельнаго удара мнимаго врага и систематически отмѣчаютъ на немъ число убитыхъ жертвъ. Воспитывая въ въ себѣ одну лишь кровожадность, страсть къ истребленію, раззоренію, опустошенію, такой субъектъ являетъ собою полнѣйшій типъ самаго прискорбнаго вырожденія. Субъектъ, ставящій цѣлью своей жизни истребленіе другихъ и ослѣпленный до того, что видитъ въ этомъ свою славу, честь, достоинство и заслугу, развѣ можетъ быть названъ здоровымъ? Недавняя рѣзня даетъ намъ достаточно матеріяла, чтобы убѣдиться, до какого звѣрства, до какого одичанія и жалкаго, непонятнаго ослѣпленія можетъ дойти человѣкъ, руководимый кровожадными инстинктами и лишенный мозговой способности обсудить всю нелѣпость, всю грѣховность, всю безнравственность своихъ поступковъ. Война можетъ считаться продуктомъ неразвитыхъ мозговъ, лишенныхъ всѣхъ средствъ научнаго образованія, ее нельзя причислять къ явленіямъ цивилизаціи. Какъ наука, такъ и цивилизація въ конечномъ своемъ выводѣ осуждаютъ войну, какъ явленіе свойственное первобытнымъ эпохамъ грубой человѣческой природы. Война лишь пользуется орудіями и средствами науки и цивилизаціи. Она узурпируетъ цивилизаціей для достиженія своихъ цѣлей, идущихъ въ разрѣзъ съ интересами науки и цивилизаціи.

Тѣ впадаютъ въ самый грубый обманъ, которые думаютъ, что такое вліяніе имѣетъ война лишь на побѣжденныхъ, но никакъ не на побѣдителей. Это самый страшный и самый вредный предразсудокъ. Допустить это — значило-бы допустить и оправдать вѣчную войну. Тогда каждый

народъ былъ-бы въ правѣ употребить всѣ свои наличныя силы, чтобы покорить своихъ сосѣдей и достигнуть высшаго историческаго и соціальнаго счастья. Но физіологія и исторія учатъ насъ совершенно противному. Никто такъ страшно и сильно не вырождается, какъ побѣдитель; побѣжденный, напротивъ того, иногда скорѣе оправляется. Побѣда переполняетъ душу побѣдителя высокомѣріемъ, заносчивостью, кровожадностью и страстью все больше и больше проливать человѣческую кровь; побѣжденный напрягаетъ всѣ свои душевныя силы на то, чтобы сильнѣе проявить месть, коварство, злобу, ненависть и безпредѣльный обманъ. Спарта, вмѣстѣ съ похлебкой впитавшая въ свою плоть и кровь самые кровожадные инстинкты и воинственную отвагу, лучше сдѣлала-бы, еслибы усвоила себѣ цивилизацію и просвѣщеніе образованныхъ афинянъ; и гибель послѣднихъ не принесла побѣдоноснымъ спартанцамъ никакой пользы, кромѣ гнусной системы воспитанія, кончившейся современнымъ вырожденіемъ и полнѣйшимъ паденіемъ всей Греціи. Маститый Римъ, запустившій свои орлиные когти въ тѣло дряхлаго тогдашняго міра, упоенный своею мнимою славою самаго воинственнаго народа, не зналъ историческаго и соціальнаго счастья. Поработивъ весь міръ, онъ никогда не стоялъ во главѣ цивилизаціи, не внесъ въ общую сокровищницу науки ничего общечеловѣческаго, мірового; не направилъ своей дѣятельности на развитіе народныхъ силъ, всю жизнь свою посвятилъ развитію мышечной системы и силы кулака и былъ постояннымъ свидѣтелемъ впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ своего собственнаго разложенія, вырожденія, историческаго и соціальнаго упадка. Римъ выродился, Римъ палъ, оставивъ одно лишь воспоминаніе о грубой варварской силѣ, не возбудивъ ни въ комъ ни малѣйшаго сожалѣнія.

Ближайшая преемница Рима — Франція долго ставила цѣлью своего историческаго существованія и соціальнаго назначенія традиціонный культъ римской воинственной отваги и славы. Война долгое время была ея господствующимъ ремесломъ и потому она долгое время оставалась страною полнѣйшаго варварства и деспотизма, кончившагося страшной катастрофой. Вдругъ великая революція измѣнила ея судьбы и указала ей другое направленіе... Общими усиліями ея геніальныхъ людей, ея смѣлыхъ реформаторовъ ей указанъ былъ другой путь — мирнаго соціальнаго развитія и умственнаго труда. Она увлеклась этимъ стремленіемъ со всею пылкостью благороднаго энтузіазма и предъ нею заблестѣло въ будущемъ завидное величіе. Этимъ моментомъ воспользовался маленькій капралъ и

увѣрилъ ее, что оправдаетъ ея идеалъ и осуществитъ ея свободу. Не капраломъ увлеклась Франція, а своимъ идеаломъ осчастливить свободой весь міръ. Обвинять въ этомъ Францію — значитъ обвинять самихъ себя въ нашихъ лучшихъ, но обманутыхъ увлеченіяхъ. Какъ часто мужчина увлекается женщиной, въ которой онъ видитъ свой любимый идеалъ, неоправданный впослѣдствіи даже приблизительно. Виноватъ-ли такой мужчина, увлекшійся своимъ мнимымъ идеаломъ женщины? Виновата-ли Франція, увлекшаяся не капраломъ, а его обѣщаніями осуществить ея завѣтные идеалы.

Если и виновата, то лишь отчасти, и вотъ она казнится теперь своимъ воинственнымъ вырожденіемъ. Теперь она видитъ, какъ бонапартовская система выродила ея лучшихъ сыновъ въ ослабѣвшую нравственно и физически націю, и только новая форма соціальной жизни способна спасти ее и пособить ея нравственному и соціальному возрожденію.

Америка представляетъ намъ здоровый организмъ, свободный отъ элементовъ военнаго вырожденія. Она сознала тотъ великій историческій принципъ, что чѣмъ больше народъ направляетъ свои физическія и умственныя силы на внѣшнія завоеванія, тѣмъ больше онъ теряетъ во внутреннемъ развитіи; она убѣдилась, что никакими военными контрибуціями не залечишь народныхъ язвъ; она позаботилась о распространеніи благосостоянія и полезныхъ знаній въ массахъ; она поняла всю необходимость мирнаго соціальнаго развитія и индивидуальнаго усовершенствованія: она не имѣетъ постоянныхъ армій... Сочтите, во что обошлась человѣчеству недавняя рѣзня (сколько тысячъ милліоновъ франковъ) и подумайте о томъ, какія вышли-бы послѣдствія, еслибы всѣ эти народныя, трудовыя, потомъ добытыя деньги были-бы употреблены на школы и университеты, а не на взаимное истребленіе...

Если-же нельзя обойтись безъ войны, то, нечего дѣлать, остается допустить вырожденіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и другія гибельныя его послѣдствія. На одно изъ такихъ послѣдствій мы не можемъ не обратить вниманіе читателя. Долгое время, впродолженіи кровопролитныхъ войнъ, довольствовались обыкновенно ложными донесеніями и отчетами о числѣ убитыхъ и раненыхъ. При этомъ всегда умалчивали о появленіи разныхъ эпидемій, слѣдовавшихъ за войнами, и если упоминали объ нихъ, то какъ-то вскользь, не обнаруживая при этомъ числа умершихъ отъ этихъ эпидемій и всегда старались скрыть связь этихъ эпидемій съ войнами. Но мало-по-малу правда выступила наружу и оказалось, что число

убитыхъ на войнѣ значительно уступаетъ числу умершихъ такъ себѣ, ради войны. Такъ, война 1866 года первая можетъ служить разительнымъ доказательствомъ того, что повальныя болѣзни, которыми сопровождаются походы, дѣйствуютъ гораздо губительнѣе оружія. Австрійскій центральный статистическій комитетъ сообщаетъ рядъ чиселъ, которыя свидѣтельствуютъ, какъ сильно пострадали германскія и славянскія провинціи Австріи отъ эпидемій въ 1866 г. Въ 1865 г., отъ одной холеры умерло лишь 422 человѣка, а отъ другихъ эпидемій, дѣйствовавшихъ заодно съ холерой, умерло 10,283 человѣка. Но война не любитъ такихъ мизерныхъ цифръ. Что-же это за война, когда она ограничится какимъ-нибудь однимъ десяткомъ тысячъ жертвъ. Война, такъ война и есть, а потому война 1866 г., показала себя самымъ достойнымъ образомъ и уложила сразу 196,711 человѣкъ, изъ коихъ 165,292 удостоились чести умереть отъ холеры. Цифры, представленныя статистическимъ комитетомъ, показываютъ, что отъ повальной болѣзни и отъ холеры больше всего пострадали тѣ провинціи, которыя были осуждены служить стоянкою христолюбивому воинству, именно Богемія, Моравія, Галиція и Буковина. Упрекнуть войну, что она всю свою разнообразную дѣятельность направляетъ въ одну точку, въ одну мѣстность было-бы несправедливо. Она умѣетъ систематически распредѣлять свои занятія, чтобы по возможности больше насолить человѣчеству. Съ этою цѣлью она командируетъ эпидемическія болѣзни не въ мѣстности, гдѣ происходятъ сраженія (зачѣмъ-же бить въ два кнута), а въ тѣ, гдѣ происходитъ стоянка или передвиженіе войскъ. Въ Венгріи въ 1866 году умерло отъ одной холеры 69,628 человѣкъ, такъ-что во всей австро-венгерской имперіи (этого уродца, съ одной головой, но съ двумя ножками) умерло только отъ одной холеры 235,000 человѣкъ. Военныя эпидеміи причинили, такимъ образомъ, Австріи убытку въ четверть милліона людей въ одинъ годъ. Люди эти, благодаря хорошему урожаю, не терпѣли недостатка въ пищѣ и преспокойно могли бы остаться въ живыхъ, даже, по разсчету Мальтуса, еслибы война не рѣшила покончить съ ними заранѣе, помимо всякихъ экономическихъ разсчетовъ. Прибавьте къ этому число заболѣвшихъ, которое, конечно, было, по крайней мѣрѣ, вдвое больше числа умершихъ, и сообразите тогда, какое громадное число страданій, личныхъ и семейныхъ несчастій, какую потерю рабочихъ силъ причинила война, длившаяся всего нѣсколько недѣль.

Но что-же въ сравненіи съ такой легкой прогулкой такая грандіозная война, которую недавно вели Франція и Пруссія, съ такимъ каннибальскимъ

достоинствомъ? Мало того, что сраженія длились цѣлыми недѣлями и живыя не успѣвали хоронить мертвыхъ; мало того, что цѣлыя провинціи, большіе города превращены въ сплошныя больницы и запружены больными, неизбѣжными спутниками Марса — тифомъ, холерой; мало того, что лошади соперничали съ людьми въ стремленіи умирать массами отъ разныхъ эпизоотій; пруссаки, хвастающіеся своей цивилизаціей, не научились даже какъ слѣдуетъ хоронить своихъ мертвыхъ и зарываютъ ихъ въ землю такъ небрежно, что ноги мертвецовъ торчатъ изъ земли. Посмотримъ, что запоютъ ревнители войны послѣ! Вѣдь въ Европѣ недолго дождаться черной смерти изъ-за этихъ подвиговъ. Если уже и теперь чуть не третья доля изъ привилегированнаго класса въ Берлинѣ въ траурѣ, то что-же будетъ дальше? Вся Франція въ траурѣ, лучшая часть Германіи въ траурѣ, свобода въ траурѣ и кровь человѣческая, сливаясь съ ручьями слезъ матерей, отцовъ, невѣстъ, сестеръ, превратилась въ огненное море скорби, страданій и ничѣмъ непоправимое горе, въ ничѣмъ незалечимую рану...

XI.

Но ни одна эпидемія, сопровождающая войну, не можетъ сравниться съ эпидеміей голода, нищеты и раззоренія, какъ неизбѣжнаго послѣдствія войны. Голодъ и нищета такое-же могущественное орудіе вырожденія, какъ и война. Люди, голодные или получающіе недостаточное количество пищи, или питающіеся дурною пищей, какъ-то картофелемъ, пихтовой корой, неудобоваримой глиной, не представляютъ собой нормальнаго человѣка. Такіе люди страдаютъ малокровіемъ, недостаткомъ желѣза въ крови и изобиліемъ воды; всегда обремененный кишечный каналъ такихъ людей, вынужденный съ трудомъ извлекать питательные соки изъ растительной и неудобоваримой пищи, чрезвычайно удлиняется, отчего у нихъ дѣлается большой животъ, какъ у животныхъ травоядныхъ; но главное, мозги ихъ не получаютъ надлежащаго питанія, кровь, къ нимъ приливающая, бѣдна лучшими своими составными частями; оттого мозги ихъ не могутъ развиваться въ количественномъ отношеніи и потому теряютъ способность отправлять здраво и нормально интеллектуальныя обязанности, не могутъ

овлетворительно исполнять свою службу ни организму, ни обществу. роцессъ вырожденія находитъ среди такихъ людей самую обильную пищу самую широкую дѣятельность. Умъ такихъ людей отличается самою слаою воспріимчивостью, а потому полнѣйшею безсодержательностью, тугостью тупостью отправленій; ясно, что такіе люди менѣе всего виноваты въ воихъ физическихъ и интеллектуальныхъ недостаткахъ, въ своей полнѣйей соціальной апатіи и равнодушіи къ себѣ и къ другимъ. Какъ, въ амомъ дѣлѣ, требовать отъ голоднаго или дурно-питающагося человѣка, тобы онъ понималъ вещи такъ-же ясно и разумно, какъ и сытый и хоошо питающійся субъектъ? Мы въ своихъ статьяхъ представили множетво фактовъ изъ жизни первобытныхъ народовъ, достаточно свидѣтельтвующихъ, что то племя находится на самой низкой ступени умственнаго азвитія, которое испытываетъ всякаго рода лишенія и прозябаетъ въ езвыходной матеріяльной нуждѣ. Напротивъ того, съ поднятіемъ благоостоянія, по мѣрѣ улучшенія питанія, возрастаетъ физическое и умственое развитіе. И въ самыхъ цивилизованныхъ государствахъ, въ самыхъ роскошныхъ центрахъ европейскаго богатства бокъ-о-бокъ проживаетъ амая мелкая бѣдность, копошится самый отчаянный людъ, неразстающійся ъ самымъ мучительнымъ чувствомъ голода. Средняя продолжительность ихъ жизни, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ меньше, чѣмъ жизнь людей, живущихъ въ другихъ условіяхъ. Мы еще и до сихъ поръ не можемъ нать, какими бѣдствіями будетъ сопровождаться послѣдняя война для вропы, но она уже запустила свои голодные зубы въ тѣло Франціи; татистика давнымъ давно доказала, что число преступленій идетъ въ тѣсной неразрывной связи съ урожаемъ, съ цѣною на хлѣбъ. И вотъ мы, горые своимъ величіемъ, не найдемся, какъ помочь этому горю, какъ накорить бѣдное населеніе опустошенной страны. Мы устраиваемъ благотворительныя общества, развлеченія которыхъ обходятся въ 100 разъ дороже, чѣмъ тѣ ничтожныя крохи, которыя они удѣляютъ неимущимъ, находящимся на хорошемъ счету. Мы не говоримъ о столицѣ; потому что мы не знаемъ ее; но провинція, копирующая столицу, на нашихъ глазахъ во всемъ такая жалкая пародія... А потому, получая извѣстія изъ провинціи, всегда относитесь къ нимъ скептически и вы рѣдко ошибетесь. Въ провинціи существуетъ благотворительное общество,—знайте, что, въ большинствѣ случаевъ, это очень милая пародія; въ провинціи театръ,— сквернѣйшая пародія, въ правинціи встрѣчается и напускной аристократизмъ, но это отвратительнѣйшая пародія, въ провинціи тоже толкуютъ

о какомъ-то общественномъ мнѣніи, которымъ всякій руководствуется по-своему, потому что это ни больше, ни меньше, какъ пародія. И такъ-какъ провинція больше всего заботится о томъ, чтобъ пародировать столицу, а не о самой сути, то въ провинціи тупость и безпомощность увеличиваютъ процентъ вырожденія съ необыкновенною настойчивостью и не скоро уступятъ здравому пониманію человѣческихъ отношеній.

Голодъ и нищета удѣлъ большихъ массъ людскихъ, цѣлыхъ провинцій; голодаетъ и нищенствуетъ цѣлая Ирландія, цѣлыя области Норвегіи, десятки лѣтъ голодалъ Римъ и все кричалъ «хлѣба»; и этотъ крикъ сталъ особенно раздаваться послѣ войны и гражданскихъ междоусобій. Съ одной стороны тріумфы, а съ другой оборванная и нищая толпа, бѣгущая за колесницами своихъ вождей, украшаютъ улицы Рима. Но по мѣрѣ того, какъ увеличивалась нищета, увеличивались и болѣзни.

Голодъ и нищета, дѣйствуя за одно, порождаетъ самыя разнообразныя физическія и нравственныя страданія. Здѣсь берутъ свое начало золотуха, ракъ, чахотка, англійская болѣзнь, вовсе несоставляющая особенную и исключительную принадлежность англійской націи и ревниво оспариваемая другими націями, здѣсь уютно гнѣздится французская болѣзнь, давнымъ давно сдѣлавшаяся общечеловѣческимъ достояніемъ. Но величайшее бѣдствіе, причиняемое голодомъ и нищетою, это — рабство духа, которое сокрушило всю силу римскаго общества и выродило его въ массу рабовъ и деспотовъ. Деспотизмъ цезарей преслѣдуетъ свои личные, исключительные, эгоистическіе интересы, смотритъ на весь народъ, ему подвластный, какъ на свою полную собственность и эксплуатируетъ всѣ силы народныя въ свою исключительную пользу. Народъ служитъ для него лишь средствомъ для достиженія его узкихъ цѣлей. Чтобы отвлечь вниманіе народа отъ его внутреннихъ бѣдствій, римскій деспотизмъ забавляетъ его слабыя мозговыя отправленія мишурой воинской славы и навязываетъ народу войну и военное ремесло, какъ самое почетное занятіе. Лучшія молодыя физическія и умственныя силы истощаются въ безпомощной и пагубной борьбѣ съ массою однихъ лишь неимовѣрныхъ бѣдствій. Римскій деспотизмъ, такимъ образомъ, вооруженный всѣми доступными для него средствами, работалъ изъ всѣхъ силъ на гибель и вырожденіе народа, сознательно и безсознательно — всячески помогалъ и всѣми мѣрами содѣйствовалъ процесу вырожденія. Деспотизмъ временъ римскихъ цезарей представляетъ намъ самый поучительный примѣръ того, какъ энергически и быстро народъ, находящійся на верху своего физическаго и кулачнаго могущества,

въ самое короткое время безвозвратно падаетъ, разлагается и вырождается до того, что горсть иноземныхъ враговъ дѣлаетъ его своимъ рабомъ. Отъ крайняго деспотизма до крайняго порабощенія иноземнымъ завоевателемъ одинъ только шагъ, самый легкій и ничтожный переходъ. Бонапартовскій деспотизмъ даетъ намъ другой, не менѣе замѣчательный и еще болѣе поучительный примѣръ, какъ первоклассная европейская нація, самая воинственная и ультра-дисциплинированая, наиболѣе покрытая побѣдными лаврами, въ самое короткое время, въ нѣсколько дней, съ быстротой урагана, лишается всѣхъ своихъ войскъ и крѣпостей. Бонапартовскій деспотизмъ въ очію доказалъ, до чего милитаризмъ парализируетъ отправленія ума. во всей образцовой арміи Франціи нѣтъ ни *одного* сколько-нибудь *дѣльнаго человѣка*. И только стряхнувъ съ себя ярмо бонапартовскаго деспотизма, воспрянетъ благородная французская нація, развернетъ свои могучія соціальныя силы, свои образцовыя интеллигентныя способности. Только тогда она снова сдѣлается путеводительницей европейскихъ народовъ на поприщѣ политическаго улучшенія быта народовъ. Деспотизмъ, угнетавшій ее втеченіи двадцати лѣтъ, проникъ всюду и отпечатлѣлъ свое тлетворное вліяніе на самыя лучшія и высшія инстанціи французскаго ума, доказательствомъ чего можетъ служить Дарвинъ, отвергнутый парижскою академіею, выжившей изъ ума и предпочитающей ему какихъ-то мозговыхъ кастратовъ. Бонапартовскій деспотизмъ своимъ блистательныхъ паденіемъ лучше всего доказалъ свою полнѣйшую несообразительность.

Америка не опьяняется гашишемъ воинской славы, не гонится за мишурными его почестями; не хвастаетъ орудіями истребленія, и, странно, не боится иноплеменнаго нашествія; она спокойна въ своемъ величіи и непобѣдима своимъ гражданскимъ благосостояніемъ, равномѣрнымъ распредѣленіемъ довольства, развитіемъ своихъ физическихъ и интеллигентныхъ силъ, полной гарантіей индивидуальной и соціальной собственности, неприкосновенностью своихъ правъ и безграничною преданностью всѣхъ гражданъ учрежденіямъ, обезпечивающимъ индивидуальную и соціальную свободу. Америка, поэтому, чужда и непричастна процессу вырожденія, причиняемаго войной.

XII.

Вѣроятно, будущій историкъ не поскупится на темныя краски для изображенія этого въ высшей степени грустнаго момента Франціи, который она пережила и переживаетъ теперь. Это будетъ наглядная картина вырожденія одной изъ лучшихъ націй Европы. И какъ это было искусно приготовлено, какъ это паукъ ловко сплеталъ и раскидывалъ свои сѣти, эксплуатируя всѣ гнусныя страсти и убивая лучшіе инстинкты въ народѣ. Въ этомъ случаѣ ему сослужила свою службу наемная, рабская литература, торговавшая своимъ голосомъ. Самостоятельное мнѣніе, независимый взглядъ на вещи сдѣлались болѣе невозможны. А отсюда вытекаютъ два большихъ зла, имѣющихъ прямое и непосредственное вліяніе на міровое развитіе и ведущее посредственно или непосредственно къ вырожденію. Съ одной стороны, наполеоновская литература пріобрѣтаетъ самое сильное одностороннее направленіе и считаетъ себя непогрѣшимой во всемъ, такъ-какъ она не встрѣчаетъ никакихъ возраженій и противорѣчій. Впадая въ крайность, односторонняя литература теряетъ довѣріе въ публикѣ и сама становится непригодною для своей высокой цѣли—служить воспитательнымъ элементомъ грядущихъ поколѣній. Такое направленіе, въ концѣ концовъ, привело ее къ тому, что она стала органическимъ міровымъ порокомъ общества, жалкимъ по содержанію и формѣ. Съ другой стороны, оно порождало тайную литературу, пріобрѣтающую несомнѣнный успѣхъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько формой. Эта тайная литература подрывала всякое довѣріе къ офиціальной литературѣ, всякое ея слово считалось святыней въ глазахъ ея почитателей и вело къ тому, что самыя нелѣпыя мнѣнія ея встрѣчали полнѣйшій отголосокъ въ умахъ и сердцахъ людей, неимѣющихъ возможности провѣрить проповѣдуемыя ею убѣжденія и взгляды. Люди, воспитанные на произведеніяхъ такой литературы, становятся фанатиками ея ученія и уже не въ силахъ отрѣшиться отъ разъ усвоенныхъ понятій. Такъ или иначе, а послѣдствія всего этого мы видимъ на теперешней Франціи. Придавленность литературы во все время наполеоновскаго гнета служитъ лучшимъ доказательствомъ, до чего казенная и офиціальная литература, оплачиваемая субсидіями, можетъ довести одну изъ первоклассныхъ европейскихъ лите-

ратуръ. Такого извращенія вкуса, искаженія понятій, изчезновенія всякихъ талантовъ не представляетъ ни одна свободно-мыслящая и свободно-дышащая человѣческая литература, даже въ худшую пору существованія. Геній Франціи, изгоняемый и преслѣдуемый систематическимъ гнетомъ, скрылся на время до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ и уступилъ мѣсто достойнымъ представителямъ вырожденія, порчи, нравственнаго уродства и мозговой тупости, доведенной до идіотизма, кретинизма и микроцефализма.

Америка не испытала подобнаго порядка вещей. Она предоставляетъ полный просторъ интеллигенціи и нѣтъ страны на свѣтѣ, гдѣ было-бы такое равномѣрное и такое повсемѣстное развитіе знаній въ массѣ, какъ въ Америкѣ. Она, правда, не можетъ пока похвалиться міровою общечеловѣческою геніальностью; но это только потому, что она представляетъ собою юную, нарождающуюся почву, полную жизненныхъ силъ, съ богатыми задатками и съ большими обѣщаніями въ близкомъ и отдаленномъ будущемъ. Хотя и въ ней встрѣчаются самыя крайнія эксцентричности, но что тамъ исключеніе, то въ другихъ странахъ правило, и потомъ тамъ свобода въ обмѣнѣ мыслей и въ обсужденіи всякихъ вопросовъ не позволяетъ никакой крайности пустить корни, а здравый смыслъ массы, контролируя всякое явленіе, пропускаетъ мимо ушей все, нейдущее къ дѣлу.

Не менѣе наполеоновскаго гнета содѣйствуетъ вырожденію и общественный деспотизмъ, встрѣчающійся въ европейскихъ обществахъ. Рутина нравовъ, обычаевъ, установленныхъ приличій, перепутанность и запутанность общественныхъ отношеній — все это даетъ обществу страшную власть надъ каждой отдѣльной личностью, которую общество порабощаетъ своимъ установленнымъ принципамъ. Это, пожалуй, самый худшій деспотизмъ. Отличительная черта человѣческой натуры заключается въ томъ, что она любитъ уживаться съ окружающей обстановкой и находитъ ее совершенно нормальною. Отсюда одинъ только шагъ и то самый маленькій, можно сказать, воробьиный шагъ къ вырожденію. Умъ перестаетъ думать, отправленія его притупляются, ткань мозговая не возобновляется, въ ней не совершается никакого обмѣна веществъ, почему она остается или in statu-quo или атрофируется, переполняется содержаніемъ жира, вмѣсто фосфора, и страдаетъ неспособностью воспринимать впечатлѣнія, притупленностью къ внѣшнимъ ощущеніямъ. Умъ тутъ на подъемъ; для него трудно понимать что-нибудь новое. Это самые рутинные тяжкодумы. Скептическіе намеки на ненормальность окружающей ихъ обстановки произво-

дятъ на нихъ самое непріятное впечатлѣніе и отравляютъ ихъ невозмутимое самоуслажденіе. Мозговая муть не озаряется болѣе ни одной электрической искрой разумнаго сознанія, оттого скептицизмъ, критическое отношеніе къ дѣйствительности и всякія нововведенія такими умами въ высшей степени нетерпимы. За то они мало-по-малу усвоиваютъ болѣзненную раздражительность, доводящую ихъ до самыхъ трагическихъ приключеній. Такъ, многіе помѣщики, въ минуту объявленія имъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ, мгновенно умирали отъ удара въ мозгъ. Такъ, другіе прибѣгаютъ къ самоубійству, когда имъ приходится разставаться съ образомъ жизни, хотя-бы и нелѣпымъ, но излюбленнымъ, или когда вдругъ раскрывается и обнаруживается ложное ихъ положеніе въ обществѣ. Иные впадаютъ въ ипохондрію, меланхолію и даже умопомѣшательство отъ внезапныхъ перемѣнъ соціальнаго быта, отъ прогрессивныхъ реформъ, грозящихъ видоизмѣнить обычное теченіе ихъ жизни и вынуждающихъ ихъ отказаться отъ усвоенныхъ привычекъ.

Общественный деспотизмъ сильнѣе всего проявляется въ такъ-называемомъ общественномъ мнѣніи. Многіе сомнѣваются въ его существованіи, но это непростительная ошибка. Правда, необходимо различно понимать это установленіе. Люди солидарные между собою въ какомъ-нибудь отношеніи непремѣнно скованы собственнымъ мнѣніемъ, которое человѣкъ, стоящій внѣ этого круга, не ставитъ ни въ грошъ. Такъ въ большихъ городахъ пермской губерніи мелкой руки торговцы и имъ подобныя личности ни за что не сядутъ на извощика, потому что имъ *совѣстно* не имѣть своей лошади. Въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ оренбургской губерніи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, члены рекрутскаго присутствія составили кружку и вручили ее врачу, который по окончаніи набора долженъ былъ раздѣлить собранную сумму; но врачъ, собравъ деньги, улучилъ удобную минуту и улизнулъ съ деньгами, не удѣливъ никому ни гроша. Всѣ совершенно справедливо называли его отъявленнымъ подлецомъ и общество относилось къ нему съ полнымъ негодованіемъ. Такъ или иначе, но это общественное мнѣніе. Можетъ случиться, что среди такого общества живетъ человѣкъ, нисколько непридерживающійся установленныхъ обычаевъ, его общество клеймитъ всячески, но онъ сознательно пренебрегаетъ мнѣніемъ такого общества только потому, что онъ членъ другого общества людей, онъ сотрудникъ журнала и дорожитъ лишь мнѣніемъ людей своей партіи и прежде всего своимъ собственнымъ. Такъ мы понимаемъ общественное мнѣніе. Обыкновенно-же общественное мнѣ-

ніе крайне деспотически обращается со всякою индивидуальною личностью. Малѣйшее отступленіе отъ общепринятыхъ условій влечетъ за собою страшную кару. Мы видѣли очень часто дѣвицъ изъ высшаго круга, оставшихся безъ жениха, только потому, что боялись идти наперекоръ мнѣнію. Не находя въ своей сферѣ соотвѣтственной пары и случайно столкнувшись съ лицами другой сферы, онѣ сгорали желаніемъ сойтись съ ними соціально, какъ сливались онѣ сердечно; но *приличіе* этого не позволяло. Что оставалось дѣлать такимъ старымъ дѣвицамъ? Страдать и какъ можно скорѣе умирать. Мы видѣли сами скоротечныя чахотки, упорныя нервы страданія, неизлечимыя болѣзни матки, крайнюю болѣзненную впечатлительность, самую страшную разслабленность нервовъ, чувствъ, аневризмы и другіе пороки сердца. Соціальный деспотизмъ всею своею силою преимущественно обрушивается на прекрасный, но слабый полъ, и вырождаетъ его въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и въ широкихъ размѣрахъ.

Соціальный деспотизмъ старыхъ европейскихъ обществъ даетъ себя знать на каждомъ шагу. Старый Римъ пережилъ соціальный деспотизмъ самаго высокаго сорта, отмѣнной пробы, и передалъ въ наслѣдство западно-европейскому обществу не одну допотопную окаменѣлую форму быта.

Америка не носитъ на себѣ узъ соціальнаго деспотизма. Представляя собою аггрегатъ или, лучше сказать, винигретъ различныхъ національностей, она несчитаетъ себя принадлежащею исключительно той или другой націи, а напротивъ, считаетъ себя общенаціональною или общечеловѣческою. Поэтому Америка признаетъ всего двѣ націи: къ первой принадлежатъ всѣ порядочные и честные люди съ извѣстнымъ умственнымъ развитіемъ и солидарные въ общечеловѣческихъ стремленіяхъ и интересахъ; ко второй все остальное. Тамъ нѣтъ сословій и сословныхъ интересовъ, а потому тамъ нѣтъ мѣста кастическому деспотизму. Тамъ немыслимо господство цехового деспотизма. Какъ смѣсь національностей, ей чуждъ узкій національный квасной патріотизмъ, а потому она не имѣетъ подъ рукой ни одной порабощенной націи, обреченной ею на закланіе; у нея нѣтъ подавленныхъ ирландцевъ, пришибленныхъ алжирцевъ, придушенныхъ славянъ, вѣчно нуждающихся въ уравненіи правъ евреевъ. Америка, поэтому, не знаетъ и не допускаетъ у себя вырожденія отъ соціальнаго, кастическаго, цехового деспотизма.

Кастическія привилегіи, односторонность промышленности, — всѣ эти разнообразныя уродливости соціальной жизни ведутъ къ самымъ характерныхъ

тернымъ типамъ вырожденія, къ самому оригинальному общественному убожеству.

Вотъ, напримѣръ, группа, эксплуатирующая мѣстную природу и гребущая золото лопатами. Она заявляетъ себя только карманными достоинствами. Съ одной стороны, люди этой группы умѣютъ проявить одну лишь крайнюю рабскую покорность, съ другой стороны, въ своемъ кругу, въ семейной сферѣ это безукоризненные типы самодурства, олицетворенные Титы Титычи, рабы и отчаянные деспоты въ одно и то-же время. Тутъ гнѣздится рутина во всѣхъ ея видахъ и фазахъ. Ни одной живой мысли, ни одного признака соціальнаго прогресса, изуродованіе понятій, стремленій или возмутительная пассивность сала.

И вотъ огромная масса людей, гдѣ въ буквальномъ значеніи слова нѣтъ ни одного человѣка, способнаго понятно и дѣльно высказать какое-нибудь мнѣніе по какому-нибудь возникающему вопросу о современныхъ реформахъ. Нѣтъ ни одного человѣка, который съумѣлъ бы что-нибудь написать, что-нибудь сообразить. Всѣ члены связаны между собою полнѣйшимъ разъединеніемъ, самыми ложными отношеніями. Безхарактерность, ложь, отсутствіе всякой инициативы, оскорбительное для человѣческаго достоинства неумѣнье взяться за малѣйшее предпріятіе, если случай не натолкнетъ на что-нибудь, какая-то апатія во всемъ, безстрастность, переходящая внезапно въ отчаянный разгулъ, распутство, холодность, вертвенность и пассивность при взаимныхъ столкновеніяхъ,—вотъ что характеризуетъ этихъ людей вырожденія. Правда, что иногда не тотъ, такъ другой, ударится въ исключительную сторону и предъ вами явится какъ бы мономанъ, помѣшавшійся на предметахъ и знакахъ внѣшняго отличія: онъ передъ вами выкажетъ чисто-притворную, напускную радость по поводу какого-нибудь отраднаго событія, или иной передъ вами явится кваснымъ патріотомъ, или квасным, кислощейнымъ либераломъ и все это напускное, и аристократизмъ, и либерализмъ, и уваженіе къ свободѣ. Все это ложь, тоска, скука, бездѣлье, отсутствіе шевелящихъ интересовъ, все это самое безотрадное недоразвитіе, задержка и односторонность мозговой массы. Такая группа людей представляетъ собою замѣчательный примѣръ разложенія и выводитъ на сцену одни лишь типы вырожденія, печальнаго, недостойнаго, исторически-обусловленнаго вырожденія...

Мы нарочно опускаемъ многое множество соціальныхъ условій вырожденія, потому что статья наша и безъ того черезъ-чуръ разрослась противъ нашего ожиданія. Мы только скажемъ, что воспитаніе одно могло-бы

служить хорошей темой для ознакомленія съ процессомъ вырожденія, но ли судьбѣ угодно будетъ мы возвратимся къ этому вопросу.

Мы имѣли намѣреніе познакомить читателя съ процессомъ вырожденія › отвлеченной и конкретной формѣ и, резюмируя вкратцѣ все нами сказанное, напомнимъ читателю, что два народа изъ исторической жизни человѣчества представляютъ намъ два самыхъ характеристическихъ конкретныхъ типа: одинъ всесторонняго процесса вырожденія, а другой типъ явленія діаметрально-противоположнаго. Рабское общество древняго Рима — ный характеристическій конкретный типъ процесса вырожденія. Америка ный здоровый народный организмъ въ физическомъ, интеллектуальномъ соціальномъ отношеніи.

Какая же причина такого противоположнаго явленія въ человѣческой зни? Въ общихъ словахъ, причина эта заключается въ томъ, что человѣчество вообще движется по направленіямъ наименьшаго сопротивленія. ъ представлялъ человѣчеству наименьшее сопротивленіе только въ худо сторону и все туда ушло и погибло; Америка даетъ широкій просторъ женію человѣчества и представляетъ наименьшее сопротивленіе лишь хорошую сторону, а потому она и пойдетъ по добру, по здорову этимъ дѣленнымъ путемъ. Намъ не мѣшало бы оглядываться въ эту сторону. Россія—лишь наканунѣ исторической роли.

Полное римскихъ традицій, западно-европейское общество, говоря относительно, лишь недавно вступило на путь прогресса, но большая часть жизни уходитъ на борьбу съ отжившими традиціями.

ПО ОБѢ СТОРОНЫ УРАЛА.

Не доѣзжая до Екатеринбурга, въ 35-ти верстахъ отъ этого лу
города Уральскаго склона, влѣво отъ большой дороги, ведущей въ
отдаленныя захолустья Сибири, стоитъ одиноко въ лѣсу высокій мрам
четырехугольный столбъ. По бокамъ этого столба надпись гласитъ ла
чески: съ одной стороны—*Европа*, съ другой—*Азія*. Этотъ столбъ
чаетъ границу, раздѣляющую эти двѣ части свѣта. Вы можете пр
нѣсколько сотъ верстъ во всѣ стороны отъ этого столба, и ничего,
этого столба не найдете, чѣмъ-бы отличалась тутъ Европа отъ Азі
же мѣстность, та же обстановка, тѣ же люди, тѣ же нравы и обыч
словомъ, все одно и то же на огромномъ пространствѣ шести тысячъ
ратныхъ миль, входящихъ въ составъ великой пермской губерніи, и
славной Біарміи.

Удивительно хороша вся мѣстность Урала. Кто родился въ живо
Малороссіи и пригляделся къ склонамъ Карпатскихъ горъ, тотъ, пр
равнины Россіи, съ радостью встрѣчаетъ горную мѣстность Урала.
ная отъ Перми, на пространствѣ пяти или шести-сотъ верстъ, бе
дорога вьется змѣей и вы безпрерывно то поднимаетесь на высо
крутую гору, то спускаетесь въ живописную долину. Все это покры
стымъ, вѣчно-зеленымъ лѣсомъ, въ которомъ невольно привлекаютъ
вниманіе то пирамидальная лиственница, то роскошная береза. Д
подчасъ до того красивы, что такъ и хотѣлось бы снять съ нихъ
графію. Между крутыхъ горъ, среди зеленыхъ долинъ, у подошвы
сальныхъ и обрывистыхъ скалъ быстро протекаютъ по каменистому
небольшіе ручьи и рѣчки, сливающіеся въ значительныя рѣки, какъ

имѣръ, Чусовая. Вся мѣстность холмиста и почти вся каменистая. Мѣ-
тами она усѣяна огромными каменными глыбами самыхъ разнообразныхъ и
ричудливыхъ формъ, что придаетъ мѣстности очень оригинальный и при-
екательный видъ. Глазъ вашъ постоянно переходитъ отъ одной картины
ь другой и вниманіе ваше устаетъ отъ этого вѣчно-смѣющагося калей-
оскопа живой, разнообразной природы. Вотъ передъ вами чудная кар-
ина и вы думаете: «какъ-бы тутъ было хорошо пожить!» И дѣйстви-
ельно, не успѣли вы объ этомъ подумать, какъ передъ вами вдругъ раз-
ертывается огромное село съ красивою и высокою церковью посрединѣ
ли какой нибудь богатый заводъ. Поѣхали дальше или взяли въ сторо-
у—и если не тутъ, такъ тамъ передъ вами открывается какое-нибудь огром-
ое озеро, обильное рыбой и по берегамъ усѣянное пригнувшимися къ
емлѣ и полуразвалившимися хижинами. Не удовлетворились вы этимъ —
оѣзжайте еще дальше, и передъ вами явится еще что-нибудь новое, не-
жиданное; или какая-нибудь высокая, теряющаяся въ облакахъ скала,
ъ родѣ Полюдова камня, тяжелая и дикая, какъ стихъ Державина, или
многолюдный, красивый городъ Екатеринбургъ, снабженный всѣми атрибу-
тами европейскаго комфорта и внѣшней цивилизаціи. Если вы эстетикъ,
здѣшняя природа вознаградитъ вашу самую прихотливую фантазію, и если
вы владѣете карандашемъ, смѣло отправляйтесь на Уралъ, потому что вы
тамъ найдете богатѣйшій и неисчерпаемый матеріялъ для художественнаго
возсозданія природы на бумагѣ или полотнѣ. Съ трудомъ оторвавшись
отъ очень привлекательнаго и стройнаго Екатеринбурга, возьмите нѣсколько
въ сторону отъ большого сибирскаго тракта и подвиньтесь верстъ на пол-
тораста къ югу. Вы не раскаятесь. Здѣсь вы найдете богатѣйшіе Каш-
тымскіе заводы. Это какой-то волшебный, очаровательный уголокъ. По до-
рогѣ къ этимъ заводамъ тянется цѣлая система озеръ и вы подвигаетесь
параллельно цѣлой цѣпи холмовъ, окаймляющихъ горизонтъ. Наконецъ, вы
очутились въ самомъ заводѣ, гдѣ возвышается барскій замокъ—громадное
строеніе во вкусѣ «умной старины» и по берегу озера роскошныя дачи.
Великолѣпныя бесѣдки украшаютъ всякій выдающійся холмикъ; онѣ со-
единены чистенькими дорожками, вдоль которыхъ тянется бахрома изъ са-
мыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ; тамъ и сямъ журчитъ ручеекъ, черезъ ко-
торые перекинутъ красивый мостикъ. Съ вершины любого холма передъ
вами цѣлый лабиринтъ дорожекъ ведущихъ въ самыя роскошныя оранже-
реи, гдѣ собраны многія экзотическія растенія и гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ уже
зрѣютъ ананасъ, французская слива, шпанская вишня, персикъ и дозрѣ-

ваетъ виноградъ. Среди такой роскошной природы любовь сама собой напрашивается. Здѣсь нельзя не любить... Такъ хорошо кругомъ. А что можетъ сравниться съ прелестью свѣтлыхъ ночей на крайнемъ сѣверѣ Урала, въ Чердынѣ, впродолженіи всего весенняго періода? Воздухъ чистъ, прозраченъ; свѣтло такъ, что вы во всю ночь можете смѣло читать книгу, сидя у окна. Но никакая книга нейдетъ на умъ въ эти очаровательныя ночи. Васъ тянетъ на просторъ, гулять и дышать — дышать какъ можно глубже: такъ здѣсь дышется легко и привольно. Это не петербургскіе сумерки, плаксивые и слезливые; это — прозра́чные, свѣтлые, безупречные сумерки, полные оживляющей свѣжести. Впрочемъ, не засматривайтесь и не засиживайтесь долго на одномъ мѣстѣ на Уралѣ. Если вы провели весну на крайнемъ сѣверѣ, посвятите лѣто восточной сторонѣ Урала и проведите хоть одну ночь въ тагильскихъ ущельяхъ, когда надъ Ураломъ разражается гроза. Оглушительные раскаты грома и яркое, ослѣпительное сіяніе молніи не дастъ вамъ успокоиться ни на одну минуту и продержитъ всю ночь ваши нервы въ какомъ-то напряженномъ, наэлектризованномъ состояніи. Вотъ вдали послышался громовой ударъ и, не умолкая, онъ становится все ближе и ближе, волнуясь и переливаясь все сильнѣе и сильнѣе, и точно вотъ-вотъ передъ вами раскроется бездна, готовая поглотить и васъ, и все окружающее. Я не люблю грозы: въ ней слышится какой-то безсмысленный деспотизмъ и оскорбительный произволъ природы. Непріятно сознавать свое ничтожество въ виду подавляющаго васъ явленія.

Больше всего на Уралѣ непріятно поражаетъ южнаго уроженца то коротенькое лѣто, которое какъ-то незамѣтно проскользнетъ, не давъ собою ни полюбоваться, ни погрѣться подъ его живительнымъ солнцемъ. И вотъ только-что, подъ вліяніемъ этого, какъ-будто случайно заглянувшаго сюда солнца, успѣла развернуться и принарядиться въ свой брачный костюмъ природа, какъ наступаетъ скучная осень съ своими туманными, какъ философія Канта, ночами и длинная, суровая зима. Очень холодно на Уралѣ: не то что или звѣрь какой, а даже ртуть стынетъ и замерзаетъ въ стеклянныхъ жилахъ Реомюра. Но не очень-то сѣтуйте на тамошнюю зиму. Концессій на уральскую желѣзную дорогу еще нѣтъ и дрова тамъ пока еще очень дешевы, не то что въ Харьковѣ или въ Одессѣ, гдѣ они скоро будутъ продаваться на вѣсъ коровьяго масла. Звѣриныя шкуры тамъ тоже недороги. Водки тамъ, благодаря неусыпной заботливости Альфонса Фомича Козелло-Поклевскаго, вволю: можете отогрѣвать себя сколько уго-

ю, и будьте увѣрены, что нисколько не обидите этимъ почтеннаго Коелло-Поклевскаго... Но все-таки уральская зима даетъ себя чувствовать, особенно новичку, непривыкшему къ сорока-градусному морозу. Безпредѣльныя пространства всего сѣвера заносятся глубокими снѣгами аршина на три, вровень съ крышами домовъ, такъ что людскія сообщенія совершаются по узенькимъ тропинкамъ, скорѣе похожимъ на слѣдъ дикаго звѣря, чѣмъ на пути цивилизованнаго человѣка. Сибирская пурга по цѣлымъ недѣлямъ иногда завываетъ и до того сглаживаетъ слѣды дорогъ, что хоть пролагай новые пути. Подчасъ просто беретъ отчаяніе — возможна ли цивилизація и какая нибудь культура при такихъ трескучихъ морозахъ и такомъ неистовомъ холодѣ, доходящемъ до 40 и болѣе градусовъ. Но сильный холодъ продолжается мѣсяца два — декабрь и январь. Въ остальное же время, даже при сильномъ морозѣ, бываетъ такая тишина, что просто любо. Солнце ярко свѣтитъ и грѣетъ, и вы удивляетесь, какъ это не цвѣтутъ розы на снѣгу. Но вотъ настали лунныя ночи. Лунная, морозная ночь на Уралѣ полна волшебныхъ картинъ и какой-то очаровательной таинственности. Высокія горы, покрытыя точно лебяжьимъ пухомъ, искрятся на своихъ вершинахъ милліонами огней подъ вліяніемъ луннаго свѣта, а высокоствольныя деревья живописными группами обрисовываются на этомъ бѣломъ фонѣ, какъ-будто они поставлены, въ качествѣ почетнаго караула, оберегать покой и тишину угомонившейся природы. Таинственныя тѣни, причудливая группировка горъ, холмовъ и камней валуновъ—и вамъ чудится, точно вы видите ледяныя горы ледовитаго океана, такъ мастерски описанныя художественною кистью американца Кэна. Да, Уралъ и зимою не теряетъ своего грандіознаго и оригинальнаго типа.

II.

Такъ хороша природа Урала. Но не однѣ красоты природы представляютъ отличительную черту и привлекательную сторону Урала. Поэзія тамъ разлита повсюду рука объ руку съ неисчерпаемымъ богатствомъ естественныхъ произведеній. Но тамошній человѣкъ вовсе не такой горячій поклонникъ поэзіи, чтобы ради нея одной сталъ мириться со многими не-

удобствами крайняго сѣвера. Напротивъ, житель Урала въ высокой степени утилитаристъ и только необычайное богатство края и относительно легкая возможность эксплуатировать его природу привлекаютъ сюда массу людей. Богатство же этого полудикаго и едва тронутаго человѣкомъ края поистинѣ изумительно. Гдѣ-бы тутъ человѣкъ ни поселился—къ его услугамъ широкое и разнообразное поприще для плодотворной дѣятельности. Если-бы Уралъ, съ площадью, надъ которой онъ господствуетъ и ограничиваемой съ одной стороны бассейномъ Камы, съ другой — притоками Оби,— если-бы эта полоса земли составляла отдѣльное цѣлое государство, на пространствѣ равномъ Пруссіи или Италіи, то мы вполнѣ увѣрены, что этотъ край могъ-бы жить совершенно самостоятельною и независимою жизнью и притомъ въ тысячу разъ лучше и скорѣе, чѣмъ всякое другое пространство европейской Россіи такихъ-же размѣровъ. Но этимъ еще не все сказано. Мало того, что край этотъ могъ-бы жить самъ и удовлетворять всѣмъ насущнымъ потребностямъ своего населенія, но онъ могъ-бы прокормить такую-же массу людей другихъ странъ, если-бъ былъ поставленъ въ другія условія соціальнаго быта, если-бы въ населеніи этого края была возбуждена интеллектуальная дѣятельность и стремленіе къ соціальному прогрессу...

Чтобы дать читателю приблизительное понятіе о богатствѣ тамошняго края, мы коснемся слегка самыхъ выдающихся сторонъ, потому-что сколько-нибудь подробное описаніе наполнило-бы цѣлую книгу. Сразу даже трудно найтись въ этомъ обширномъ embarras de richesse. Богатства эти кроются преимущественно въ землѣ, и какъ хищнически ни распоряжается ими человѣкъ, какъ онъ ни попираетъ своими ногами бисеръ—они попрежнему неистощимы.

Если-бы для жителей Урала отрѣзаны были всѣ пути сообщенія съ остальнымъ міромъ, если-бы онъ предоставленъ былъ только самому себѣ, то его жизнь была-бы обезпечена вполнѣ. Въ его распоряженіи была-бы главная сила современной цивилизаціи — разнообразные металлы; онъ могъ-бы, съ помощію ихъ, вооружить стальными ружьями милліоны людей, изрѣзать весь край желѣзными дорогами и снабдить все населеніе всевозможною утварью, начиная отъ гвоздика и оканчивая плугомъ; если-бы въ добавокъ ко всему этому пришла ему фантазія покрыть всѣ дома металлическими крышами, украсить всѣ улицы во всѣхъ городахъ изящными фонарными столбами, замѣнить всѣ телеграфные столбы красивыми монументами, если-бы, наконецъ, ему вздумалось превратить всѣ деревян-

шая свои постройки въ чугунъ и желѣзо, то и тогда всѣмъ его потребностямъ и затѣямъ удовлетворила бы одна какая нибудь гора Благодать или Магнитная, а не то что всѣ желѣзнорудные источники Урала. Одна гора Благодать таитъ въ своихъ нѣдрахъ несмѣтныя богатства. Представьте себѣ апельсинъ; кожицу его кто-то ковырнулъ пальцемъ. Апельсинъ отъ этого, конечно, мало пострадалъ. Такова гора Благодать и такъ ничтожно то количество металла, которое изъ нея выковырялъ житель Урала за цѣлое столѣтіе. Чугунно-литейныя произведенія Каштымскихъ заводовъ, при сколько-нибудь добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, могли бы поспорить съ лучшими англійскими произведеніями этого рода. На пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ тянется цѣлый рядъ богатѣйшихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ, которыхъ произведенія достигаютъ даже Америки; каштымскіе, верхъисетскіе, невянскіе, нижне-тагильскіе заводы, изъ коихъ каждый составлялъ бы въ рукахъ интеллигентнаго и экономически-разумнаго населенія настоящій кладъ, въ состояніи были бы обогатить своими металлами всю Европу.

Рядомъ съ этимъ желѣзнымъ богатствомъ идетъ мѣдь. Она, правда, достается нѣсколько труднѣе желѣза. Чтобы ее заполучить, необходимо рыться подъ землею на глубинѣ 80 сажень въ самыхъ страшныхъ каторжныхъ норахъ, въ самой удушливой и сырой атмосферѣ, при какой-то адской обстановкѣ. Стоитъ хоть разъ въ жизни спуститься въ яму мѣднаго рудника въ Нижнемъ Тагилѣ на глубину 80 сажень подъ землей, чтобы знать, что это за ужасный трудъ и какъ скаредно онъ оплачивается заводчикомъ кулакомъ. Но и здѣсь, въ этой преисподней Урала, напоминающей дантовскій адъ, человѣкъ копошится съ ранняго утра и до поздней ночи и вытаскиваетъ оттуда десятки тысячъ пудовъ мѣди—и самоваръ, за которымъ мы такъ любимъ разсуждать о нашемъ неудержимомъ прогрессѣ, обходится человѣчеству не въ одну жизнь. Такое-же, казеннымъ путемъ слишкомъ быстро исчерпываемое богатство, представляютъ турьинскіе рудники богословскихъ заводовъ. Фроловскій рудникъ дѣйствительно можетъ быть названъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ чудесъ подземнаго міра. Когда мы осматривали этотъ рудникъ, мѣстный начальникъ, горный инженеръ, былъ настолько любезенъ, что освѣтилъ главную пещеру множествомъ сальныхъ свѣчъ и, если бы наше воображеніе было поэтически настроено, простительно было бы подумать, что мы очутились въ подземномъ заколдованномъ жилищѣ фей. Трудно впрочемъ утверждать, гдѣ удобнѣе жить въ Богословскѣ,—въ мрачномъ подземельѣ или на поверх-

ности земли: до того тамъ коротко лѣто и такъ сурова зима, до того страна бѣдна питательными продуктами; но такъ-такъ все начальство живетъ наверху, а горнорабочіе вѣчно проводятъ время подъ землей, то, на основаніи этого, можно заключить, что на поверхности все же лучше, чѣмъ подъ землей.

Нѣтъ сомнѣнія, что желѣзо и мѣдь—могущественнѣйшія орудія культуры и цивилизаціи, но и презрѣнный металлъ имѣетъ свое высокое достоинство, которое по преимуществу и привлекаетъ огромную массу людей, желающихъ поживиться чужимъ трудомъ. Уралъ — это русская Калифорнія. Было время—и оно отъ насъ не такъ далеко,—когда на Уралѣ золото гребли лопатами. Стоитъ посмотрѣть на тѣ величественные замки, которые воздвигнуты въ разныхъ мѣстахъ Урала, особенно въ Екатеринбургѣ, разными золотопромышленниками, стоитъ посмотрѣть на внутреннее убранство, на роскошь и богатство внутри жилищъ этихъ денежныхъ тузовъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ пріятно имѣть дѣло съ золотомъ. И если вся эта азіятская роскошь и не отличается изяществомъ вкуса, если она только и существуетъ для виду, если внѣ парадныхъ залъ вездѣ видна грязь и чисто-русское разгильдяйство, то все же богатство и роскошь пріемныхъ покоевъ разжившагося золотопромышленника свидѣтельствуютъ о томъ, какъ легко было разбогатѣть здѣсь тому, кто не брезгалъ никакими средствами наживы. Богатые золотые пріиски весьма нерѣдки на Уралѣ и сотни пудовъ Уралъ ежегодно отправляетъ въ столицу. Но Уралъ такъ богатъ золотомъ, что онъ давнымъ-давно могъ бы купить повелѣвающую имъ метрополію, держать ее на откупѣ или построить себѣ свою собственную... Сила золота всѣмъ извѣстна и понятна. Но этой волшебной силой Уралъ одаренъ на всемъ своемъ протяженіи, во всю свою длину. Притяженіе этой силы такъ магически-сильно, что на всемъ Уралѣ трудно отыскать уголокъ, гдѣ бы она не имѣла своихъ старателей *). Глядя на эту силу и проникаясь наглядными и очевидными доказательствами, что золото играетъ могущественную роль въ дѣлѣ культуры, трудно отрѣшиться отъ его прельщающаго блеска и ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что человѣчество его возводитъ въ культъ и поклоняется ему, какъ божеству. Но у алтаря этого божества гордо выступаютъ лишь немногіе счастливцы, быстро, впрочемъ, смѣняющіе

*) Такъ называются мелкіе промыватели или искатели золота.

другъ друга, а у преддверія храма вѣчно толпится масса алчущихъ и жаждущихъ, такъ тутъ безслѣдно и погибающихъ. Мы того убѣжденія, что если мѣстные тузы выгребутъ все легко-доступное золото руками въ конецъ раззоренныхъ рудокоповъ, то со временемъ какіе-нибудь трудолюбивые и неутомимые китайцы накинутся на брошенныя ямы и еще втеченіи цѣлаго вѣка станутъ заливать золотомъ ненасытную и алчную глотку человѣчества. Притомъ же золото здѣсь рѣдко дается въ руки одно; напротивъ того, довольно часто въ сообществѣ съ серебромъ и платиной. Словомъ, благородныхъ металловъ здѣсь довольно для удовлетворенія самыхъ изысканныхъ потребностей роскоши и для самаго широкаго политико-экономическаго обмѣна.

Разнообразію металловъ не уступитъ на Уралѣ и разнообразіе драгоцѣнныхъ камней и вообще минераловъ. Если бы Уралъ населяли обворожительныя красавицы въ несмѣтномъ количествѣ, то и тогда не было бы никакого затрудненія украсить ихъ уши, шеи и руки разноцвѣтными каменьями, и тогда алмазы, топазы, аметисты, изумруды, аквамарины, всевозможные шерлыерлы и всякіе горные хрустали могли бы придать воображаемымъ нами красавицамъ самую вѣскую цѣнность. Дѣйствительно, обиліе драгоцѣнныхъ камней на Уралѣ баснословное. Если бы разыгралась фантазія какого-нибудь мѣстнаго самодура, то онъ могъ бы себѣ воздвигнуть пирамиду изъ бронзы и одну сторону своего дворца облѣпить восхитительнымъ малахитомъ, другую бѣлоснѣжнымъ мраморомъ, третью малиновымъ орлецомъ, четвертую яшмами всевозможныхъ цвѣтовъ; въ то же время убрать всѣ палаты вазами, статуями, барельефами, изваяніями изъ смѣси драгоцѣнныхъ металловъ, золотистыхъ топазовъ, бериловъ, халцедоновъ, сердоликовъ и проч. и проч. Но еслибъ иному образованному европейцу пришла охота поучиться геологіи и на дѣлѣ осмотрѣть расположеніе пластовъ первозданныхъ породъ, еслибъ кому захотѣлось устроить себѣ хорошій минералогическій кабинетъ, если бы кому-нибудь понадобилось заняться научно, то, признаемся, трудно пріискать болѣе удобное мѣсто на обширной Руси, гдѣ былъ бы такой богатый минералогическій и геологическій кабинетъ подъ открытымъ небомъ, какой представляетъ Уралъ съ своими гранитами, базальтами, гнейсами, шпатами и т. д. Войдите въ любой магазинъ Екатеринбурга, гдѣ производится торговля каменьями, и глаза ваши разбѣгутся во всѣ стороны, вамъ трудно будетъ фиксировать свое вниманіе на одномъ предметѣ: до того разнообразны, красивы и привлекательны всѣ эти статуэтки, пресъ-папье, печати и дру-

ѳія бездѣлушки, съ разнообразными гранями и довольно изящныхъ формъ. Но при покупкѣ какихъ-нибудь цѣнныхъ вещей нужно быть крайне осторожнымъ, потому что легенда гласитъ, будто бы отца и патріарха минералогіи, великаго Гумбольдта, надули и всунули ему вмѣсто алмаза кусокъ стекла. Однажды мы видѣли въ Екатеринбургѣ близь гранильной фабрики огромную глыбу очень красиваго камня ордеца, величиною съ домъ. Изъ этой глыбы готовились выдолбить вазы, которыя должны были превзойти красотою все до сихъ поръ существующее по этой части въ эрмитажѣ. Чтобы извлечь изъ нѣдръ земли всѣ эти драгоцѣнности и сдѣлать ихъ годными къ употребленію, потребно огромное количество горючаго матеріяла. Трудно вообразить себѣ страну, которая была бы такъ богата лѣсомъ, какъ былъ богатъ Уралъ обширными и непроходимыми лѣсами еще полвѣка тому назадъ. И хотя значительная доля его теперь истреблена самымъ хищническимъ манеромъ, но все-таки его еще такъ много, что хватитъ на долго. Во всякомъ случаѣ нигдѣ въ Россіи лѣсъ такъ не дешевъ, какъ на Уралѣ, особенно въ сѣверной его части, кромѣ развѣ пустынныхъ дебрей архангельской губерніи. Но потребность въ лѣсѣ на Уралѣ для его обширнаго производства очень велика, а между тѣмъ онъ мѣстами начинаетъ исчезать; впрочемъ, Уралу въ этомъ отношеніи меньше всего грозитъ опасность, потому что онъ вездѣ хранитъ въ нѣдрахъ своихъ, какъ опытная хозяйка, богатѣйшіе запасы каменнаго угля. Луньевскія залежи Всеволожскихъ служатъ лучшими представителями этого подземнаго сокровища и двигателя цивилизаціи.

Всѣмъ этимъ мы однако же далеко не исчерпали описанія минералогическаго богатства Урала. Природа какъ нарочно надѣлила этого счастливца всѣми благами міра и лишь экономически распредѣлила эти блага такъ, чтобы все было у него подъ рукой и одно другому не мѣшало. Въ одномъ углу металлы, въ другомъ драгоцѣнные камни, въ третьемъ каменный уголь, а въ четвертомъ — превосходная соль, — камская соль. Усолье, Ленва, Дедюхино ежегодно доставляютъ милліоны пудовъ соли и такъ-какъ лучшія мѣсторожденія ея расположены па берегу Камы, по которой существуетъ пароходное сообщеніе, то распространеніе этого цѣннаго продукта чрезвычайно легко и весь Уралъ снабженъ солью въ изобиліи. Безъ преувеличенія можно сказать, что трудно себѣ представить такого нищаго на Уралѣ, который нуждался бы въ соли. Одно Усолье, очень красивое, живописное, богатое и довольно большое селеніе въ состояніи

выработать и снабдить солью въ 10 разъ большее населеніе, чѣмъ теперешнее населеніе Урала.

Итакъ, резюмируя вкратцѣ ископаемое и минеральное богатство Урала, мы находимъ въ немъ самыхъ благородныхъ и самыхъ мощныхъ представителей и двигателей культуры, а именно золото, серебро, платину, мѣдь, желѣзо, каменный уголь, драгоцѣннѣйшіе камни, алмазы, изумруды, тяжеловѣсы, топазы и превосходную соль. Чего же больше Уралу?

III.

Сильный холодъ, господствующій на всемъ Уралѣ и особенно на сѣверѣ, можно было-бы, по всей справедливости, считать за самый непобѣдимый тормазъ цивилизаціи и за самую непріятную помѣху къ распространенію просвѣщенія. Дѣйствительно, подчасъ холодъ тамъ ужасенъ. Въ сѣверной части Урала зима настаетъ уже въ концѣ сентября и прекращается только въ концѣ апрѣля. Бываетъ такъ, что втеченіи цѣлаго лѣта ни одного теплаго дня. Морозы доходятъ до 35 и до 40 градусовъ. Такой холодъ способенъ парализировать всякую дѣятельность... Но тутъ-же съ боку всѣ средства защиты отъ холода. Весь Уралъ покрытъ густыми, вѣковыми лѣсами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лѣсъ дѣйствительно истребленъ, но за-то въ другихъ мѣстахъ сохранились великолѣпнѣйшія корабельныя рощи, тщательно сохраняемыя, — на бумагѣ преимущественно. Обиліе лѣса даетъ возможность тамошнему человѣку почти не обращать вниманія на холодъ, какихъ-бы крайнихъ градусовъ онъ ни достигалъ. Лѣсъ служитъ тамъ превосходнымъ строевымъ матеріяломъ, такъ-что у многихъ крестьянъ въ селахъ стоятъ избы несравненно лучше, обширнѣе и комфортобельнѣе устроенныя, чѣмъ у иного малороссійскаго помѣщика. На Уралѣ встрѣчаются огромныя селенія, превосходно обстроенныя изъ лѣсу, тутъ-же подъ рукой растущаго. Эти-то лѣса предаютъ Уралу во многихъ отношеніяхъ важное значеніе. Съ одной стороны они защищаютъ людскія селенія отъ сѣверо-восточныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, постоянно обдувающихъ Уралъ, съ другой — они задерживаютъ нѣсколько влагу и дождевыя капли и тѣмъ предохраняютъ эту гористую страну отъ внезапныхъ наводненій и не даютъ горнымъ ручьямъ превращаться въ

бурные потоки. Въ то же время они служатъ неисчерпаемымъ источникомъ цѣлой системы мелкихъ рѣчекъ, прудовъ, озеръ, чрезвычайно важныхъ для устройства фабрикъ, заводовъ, мельницъ и другихъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ заведеній. Лѣсъ, правда, во многихъ мѣстахъ сильно расхищенъ, но есть мѣстности, гдѣ онъ еще не тронутъ. Мы нисколько не сомнѣваемся, что съ истребленіемъ лѣса на Уралѣ тамъ прекратится всякая дѣятельность и всякая жизнь, но до этого, говорятъ, еще далеко и притомъ нѣтъ сомнѣнія, что это, хотя отчасти, но возможно предупредить. Лѣсъ—одна изъ самыхъ важныхъ жизненныхъ стихій Урала: кромѣ строевого матеріяла и превосходнаго дешеваго топлива мѣстное населеніе выдѣлываетъ изъ дерева всю хозяйственную посуду на всѣ домашнія потребы, такъ-что объ Уралѣ, столь изобилующемъ желѣзомъ, нельзя сказать, что онъ живетъ исключительно въ желѣзномъ періодѣ. Напротивъ того, большая его часть положительно находится еще въ деревянномъ періодѣ. Вовсе не рѣдкость въ отдаленныхъ трущобахъ встрѣтить избу, гдѣ и въ поминѣ нѣтъ ни одного гвоздя, хотя онъ на Уралѣ очень дешево стоитъ и достать его въ любомъ торговомъ пунктѣ нѣтъ другихъ препятствій, кромѣ денежныхъ.

Выгоды лѣсныя на Уралѣ очень разнообразны. Гдѣ лѣсъ, тамъ и ягода. Обиліе ея тамъ просто изумительно. Извѣстно, что на Уралѣ, особенно въ сѣверной ея части, по всей такъ-называемой пермской губерніи вовсе нѣтъ плодовыхъ деревьевъ. Тамъ не растутъ и не зрѣютъ ни яблоки, ни груши, ни сливы, ни персики, виноградъ тамъ немыслимъ. Все это если и привозится, то все-таки въ довольно жалкомъ видѣ, такъ-что уроженцу южныхъ губерній, выросшему въ фруктовомъ саду, какъ-то странно и неловко на Уралѣ. Но это отсутствіе плодовъ вполнѣ вознаграждается необыкновеннымъ обиліемъ всевозможныхъ ягодъ, которыя тамъ собираются чуть не возами. Ягоды ѣдятъ съ іюня и до конца глубокой осени. Не успѣютъ однѣ сойти, какъ на смѣну являются другія и притомъ продаются баснословно дешево. Сперва является самая сочная земляника, потомъ малина, смородина, голубица, княженика, черника, морошка и, наконецъ, брусника. Все это въ такомъ изобиліи, что если-бъ населеніе Урала было въ 10 разъ больше противъ теперешняго, то и тогда не хватило-бы рукъ, чтобы собрать все это за одно лѣто. Изъ ягодъ приготовляютъ превосходныя наливки, варенья, сушатъ нѣкоторыя породы, какъ, напр., малину и чернику; дѣлаютъ изъ нея самые вкусные пироги, словомъ, всему населенію Урала есть чѣмъ полакомиться во все коротень-

кое лѣто. На южныхъ склонахъ Урала на небольшомъ деревцѣ ростетъ самая невзрачная и не особенно вкусная вишня. Послѣдователи Дарвина навѣрное поспорили-бы изъ-за этой вишни: причислить-ли ее къ вырожденію нашей сочной, красивой, шпанской вишни или считать ее дикимъ прародителемъ, первобытнымъ прототипомъ нашей вишни, изъ которой, силою культуры, развилась наша благородная ягода.

Какъ ни страннымъ покажется съ перваго взгляда, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что лѣсъ доставляетъ значительную долю пищи жителю Урала. Бываютъ годы, когда въ лѣсахъ Урала не оберетесь всякаго рода грибовъ, которыми жители запасаются не на одинъ годъ и которыя составляютъ фондъ питанія на цѣлую треть года, то-есть во все время постовъ, строго соблюдаемыхъ на Уралѣ. Въ 1866 году въ чердынскихъ лѣсахъ былъ большой урожай на грибы и мы видѣли, какъ большинство городскихъ жителей отправлялось съ утра въ лѣсъ по грибы и по нѣскольку разъ возвращалось домой съ переполненными возами. Подчасъ, за неимѣніемъ ничего другого, жители нѣкоторыхъ крайнихъ пунктовъ Урала питаются просто пихтовой корой. Какъ лакомство ранней весной служитъ заболонь сосны — отвратительная гадость. Многіе жуютъ еще какую-то мерзѣйшую смолку.

Понятно, что все-таки плохими ингредіентами сытъ не будешъ, и если человѣкъ живетъ здѣсь въ проголодь, то не потому, чтобы природа отказывала ему въ удовлетвореніи, — этого нельзя сказать даже объ отдаленномъ сѣверѣ Урала. Средняя-же полоса Урала и особенно южная по своему плодородію не уступитъ и Малороссіи. Уже одно то, что по обѣимъ сторонамъ Урала такой-же черноземъ, какъ въ Малороссіи, доказываетъ, что здѣсь производительность земли можетъ быть очень удовлетворительна. Черноземъ Урала отличается еще тѣмъ отъ малороссійскаго, что онъ очень мягокъ, за-то и не глубокъ, и въ то время какъ въ Малороссіи потребно нѣсколько паръ воловъ, чтобы взрывать землю плугомъ, въ пермской губерніи крестьянинъ одной лошаденкой и какой-то мизерной сохой обрабатываетъ свою пашню и все-таки получаетъ среднимъ числомъ самъ 6, а иногда и самъ 10. Качествомъ своимъ какъ рожь, такъ и пшеница также едва-ли уступятъ малороссійскимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пермской губерніи дозрѣваетъ пшеница-кубанка, изъ которой приготовляется превосходная мука, имѣющая полное право претендовать на такое-же уваженіе, какимъ пользуется казанская по всему приволжью. Вообще можно сказать, что Уралъ, начиная отъ южныхъ его склоновъ и

вплоть до Чердыни и Верхотурья, смѣло можетъ прокармливаться своимъ собственнымъ хлѣбомъ, нисколько не нуждаясь въ постороннемъ подвозѣ, разумѣется, при лучшихъ способахъ обработки и лучшихъ средствахъ сообщенія. Даже чердынскій край, бѣдный хлѣбомъ, все-таки можетъ питаться, хотя скудно, собственной пшеницей, которая тамъ еще дозрѣваетъ, и недостатокъ ея пополняется ячменемъ и особенно картофелемъ, который такъ хорошо произростаетъ. Въ итогѣ, слѣдовательно, средняя и южная часть Урала принадлежатъ къ весьма хлѣбороднымъ мѣстностямъ. Многіе горные заводы находятся въ этомъ отношеніи въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Извѣстно, что большая часть Россіи страдаетъ именно тѣмъ, что сельское населеніе имѣетъ весьма ограниченный кругъ дѣятельности, во многихъ мѣстностяхъ оно круглый годъ занято однимъ какимъ-нибудь дѣломъ, напримѣръ, хлѣбопашествомъ. Это однообразіе, монотонность, и самые пріемы механическаго труда — пріемы рутинные, съ орудіями чуть не каменнаго періода, вредно дѣйствуютъ и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи. Введите машины и разныя земледѣльческія орудія въ такія мѣстности и сократите, такимъ образомъ, трудъ и экономизируйте время крестьянина, но позаботьтесь непремѣнно въ то-же время и о томъ, чтобы наполнить досужее время его какимъ-нибудь ремесломъ. Уралъ и въ этомъ отношеніи находится въ особенно благопріятныхъ условіяхъ. Трудно на Уралѣ пріискать мѣсто, гдѣ нельзя было-бы открыть какого-нибудь ископаемаго продукта для обработки и вотъ крестьянинъ всю зиму копаетъ руду или превосходную бѣлую глину, или рубитъ лѣсъ, или работаетъ на заводѣ, а лѣто онъ проводитъ на своей собственной пашнѣ или на сѣнокосѣ. Словомъ, двѣ трети Урала представляютъ возможность устраивать сложное хозяйство. И хозяйство это свободно можетъ распредѣляться между обоими полами довольно равномѣрно, потому-что огородничество и превосходный ленъ наполняютъ все время женщинъ. Меня, въ качествѣ практикующаго врача, часто дарили мѣстныя Дульцинеи длинными предлинными полотенцами съ кружевами собственнаго издѣлія отмѣнной доброты. Работа превосходная, просто вѣрить трудно, что это издѣліе крестьянскихъ рукъ, на нашемъ первобытномъ станкѣ. Кружева особенно тщательно обработаны съ разными узорами и испещрены красной ниткой. Все это свидѣтельствуетъ, по меньшей мѣрѣ, о необычайномъ терпѣніи и о возможности довести это дѣло до извѣстной степени совершенства. Если крестьянинъ излишекъ добытаго имъ хлѣбнаго зерна сбываетъ на приготовленіе спирта, столь неумѣренно потребляемаго на Уралѣ,

то жена его все свое досужее время употребляетъ на ручныя работы и даже въ селахъ не рѣдко можно встрѣтить искусныхъ мастерицъ, проводящихъ время за пяльцами. Вообще-же у женщины работы очень много. Какъ и вездѣ на Руси она обшиваетъ всю семью, и все огородничество, которое на Уралѣ неизмѣримо выше и лучше развито, чѣмъ въ низовьяхъ Волги (не въ обиду будь сказано Самарѣ),—все огородничество находится здѣсь на рукахъ женщины. Въ послѣднее время огородничество еще больше подвинулось впередъ, благодаря особенной любви къ этой отрасли хозяйства попавшихъ сюда поляковъ.

Питаніе человѣка на сѣверѣ и особенно въ такой гористой мѣстности какъ Уралъ, само-собою разумѣется, не можетъ ограничиваться одной растительной пищей и требуетъ еще животной вообще, да въ добавокъ отчасти и жирной. Обоимъ этимъ требованіямъ Уралъ удовлетворяетъ довольно разнообразно. Съ одной стороны, лѣса на Уралѣ изобилуютъ разнообразной дичью, которая тамъ продается подчасъ баснословно дешево, съ другой стороны,—рѣки, берущія свое начало у подошвы Урала, изобилуютъ рыбой. Притомъ Уралъ живетъ въ сосѣдствѣ съ богатѣйшими источниками рыбнаго и животнаго промысла. Печора снабжаетъ весь уральскій край превосходною семгой, которая въ Чердынѣ, напримѣръ, продается по 10 коп. фунтъ и отличается необыкновенной свѣжестью и вкусомъ. Притомъже Обь доставляетъ жителямъ Урала очень вкусныхъ моксуновъ, нельму, сырковъ, не говоря уже о стерляди, осетрахъ и бѣлорыбицѣ. Всего этого довольно. Правда, можно замѣтить, что эта рыба все-таки относительно дорога и не всякому доступна. И это замѣчаніе совершенно справедливо. Но рядомъ съ этой рыбой доставляется сушеная и мерзлая рыба въ огромнѣйшемъ количествѣ. Какъ на пристаняхъ Волги расположены сажени дровъ, такъ на рынкахъ Урала можно встрѣтить воздвигнутые костры сушеныхъ карасей и всякой другой мелкой рыбы. Этой рыбой земледѣлецъ тамъ запасается на все время полевыхъ работъ и для него эта пища въ полѣ, гдѣ достать ничего другого нельзя, и во время постовъ—хорошее и спасительное подспорье. Кто-же имѣетъ средства и желаетъ питаться мясной пищей, не встрѣтитъ въ ней недостатка на Уралѣ. Во-первыхъ, на Уралѣ превосходныя пастбища и своего собственнаго скота у него не мало, а во-вторыхъ, къ Уралу прилегаютъ богатѣйшія скотомъ киргизскія степи, откуда ежегодно пригоняются сотни тысячъ головъ рогатаго скота, коровъ, быковъ и барановъ. Часть этого скота идетъ въ пищу человѣку, другая часть идетъ преимущественно на приготовленіе

сала, а шкуры служатъ для приготовленія шубъ или идутъ на выдѣлку кожъ. Словомъ, и по этой части Уралъ имѣетъ полнѣйшій достатокъ и хорошо могъ-бы питаться самъ и другихъ могъ-бы надѣлить хорошей пищей. Обиліе дичи и сосѣдство скотопромышленныхъ киргизовъ объясняетъ, почему на Уралѣ такъ плохо развито домашнее птицеводство. Домашняя утка и гусь, если и встрѣчаются, никуда не годятся и непріятны на вкусъ. Куръ также очень мало и ихъ держатъ только для добыванія яицъ. Поэтому большинство больныхъ предпочитаетъ даже уху изъ окуней или карасей куриному супу.

Питаніе человѣка въ холодное время года идетъ удовлетворительно лишь тогда, когда оно обезпечиваетъ сохраненіе въ нашемъ организмѣ теплоты, а потому кромѣ удобоваримой и питательной пищи въ нормальномъ количествѣ организмъ нашъ нуждается въ мѣхахъ и въ этомъ отношеніи Уралъ— благодатный уголокъ. Въ лѣсахъ Урала кишитъ пушной звѣрь. На сѣверѣ обитаетъ незамѣнимый олень, изъ шкуры котораго мѣстные жители шьютъ себѣ малицу или рубашку шерстью внизъ и совикъ или рубашку шерстью вверхъ и надѣваютъ одну сверхъ другой. На ногахъ такіе-же сапоги, и никакой холодъ не проникаетъ сквозь эту теплую шкуру. Тамъ-же водится пѣсецъ; превосходный, теплый, пушистый и мягкій мѣхъ его идетъ подъ оленью шубу, и кто запасся такимъ сокровищемъ, совершенно гарантированъ отъ всякаго холода и отъ всякой сибирской пурги (мятели). На сѣверѣ Урала, какъ мужчина такъ и женщина одинаково одѣваются въ оленьи мѣха, но кто пощеголеватѣе, тотъ можетъ прибѣгнуть къ красивой бѣлкѣ, горностаю, которые тамъ ловятся десятками тысячъ. Также, хотя и не въ такомъ обиліи, но все-же въ большомъ изобиліи по всему Уралу добывается лисица, соболь, выдра, медвѣдь и волкъ. Словомъ, въ этомъ отношеніи Уралъ ни въ комъ не нуждается и представляетъ богатое разнообразіе.

Пути сообщенія по Уралу несравненно удовлетворительнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи. Главныя почтовыя дороги, какъ тамъ ни кричатъ о нихъ, все-таки довольно сносны и возятъ по нимъ быстро и скоро. Мнѣ разъ случилось проѣхать 92 версты въ $4^1/_2$ часа. Зимой дорога еще лучше и зимнее сообщеніе по всему Уралу рѣшительно нигдѣ не встрѣчаетъ препятствій, такъ-что въ торговомъ отношеніи, для обмѣна, Уралъ открытъ со всѣхъ сторонъ. Чуть не къ самой подошвѣ его подбирается Кама, а Чусовая прямо у ногъ его и весной въ половодье по Чусовой спускаются и отправляются огромные караваны барокъ и другихъ вост-

нъ, тутъ-же въ лѣсахъ Урала построенныхъ и тутъ-же добромъ Урала
агруженныхъ и отсылаются онѣ Камой въ Волгу къ Нижнему и вплоть
Астрахани. А зимнимъ путемъ со всѣхъ концовъ Азіи и отдаленнѣй-
ихъ мѣстностей Россіи народъ десятками тысячъ стекается въ Ирбить,
дну изъ самыхъ значительнѣйшихъ ярмарокъ въ Россіи, первую послѣ
акарьевской въ Нижнемъ. Стоитъ побывать на этой ярмаркѣ, чтобы
бѣдиться, какъ дружелюбно и радушно здѣсь обмѣниваются своими про-
зведеніями Парижъ и Лондонъ съ Китаемъ и Сартами. Хотя и несравненно
еньше, но все-таки большее значеніе имѣетъ другая ярмарка въ 26 вер-
тахъ отъ Шадринска—Крестовская, которой обороты простираются до 5
илліоновъ руб. Прибавимъ къ этому, что съ одной стороны къ Уралу
римыкаетъ Печорскій край, весьма выгодный въ торговомъ отношеніи, а
ъ противоположной стороны почти къ самому Уралу прилегаютъ обшир-
ыя киргизскія степи, способныя прокормить животной пищей, по мень-
іей мѣрѣ, втрое большее населеніе, чѣмъ уральское.

Изъ этого краткаго и бѣглаго очерка ясно, какъ щедра природа Урала.
Климатическія и почвенныя условія Урала какъ разъ таковы, что рас-
олагаютъ живущаго тамъ человѣка къ накопленію огромнаго богатства.
Климатъ Урала особенно въ сѣверныхъ его частяхъ дѣйствительно под-
асъ суровъ, зима, правда, нѣсколько продолжительна, день зимній коро-
окъ, но эти условія и обстоятельства не прерываютъ работу тамошняго
аботника. Напротивъ того, во всякое время года, онъ можетъ тамъ
айдти соотвѣтственное занятіе и довольно прибыльное. Если онъ все
ѣто проводитъ въ полѣ, то зиму можетъ работать въ лѣсу, въ рудни-
ахъ, на заводахъ, и фабрикахъ. Словомъ, богатство почвы такъ велико,
то климатъ не можетъ служить преградой для ея эксплуатаціи и для ея
разработки. Суровость погоды и недостаточность свѣта въ зимнее время
не только не служатъ тамъ помѣхой для продолженія работы внѣ дома,
а напротивъ того располагаютъ къ ней, потому что рудничныя, фабрич-
ныя и заводскія работы совершаются и день и ночь при искуственномъ
полумракѣ.

Климатическія условія Урала могутъ, правда, съ перваго раза показаться
тормазомъ для цивилизаціи, потому что питаніе при такихъ условіяхъ
должно быть очень удовлетворительно и пища должна состоять преимуще-
ственно изъ углеродистыхъ и азотистыхъ веществъ, но приведенныя нами
данныя вполнѣ свидѣтельствуютъ, что Уралъ въ этомъ отношеніи ни въ
какомъ случаѣ не терпитъ нетостатка: тамъ очень много свиней, доста-

точно скота, чтобы имѣть вдоволь масла, говядины и мяса, при самомъ разнообразномъ выборѣ; рыбы сколько душѣ угодно; словомъ, пища на Уралѣ въ избыткѣ и, при лучшихъ условіяхъ обработки земли, Уралъ могъ бы легко прокормить вдесятеро большее населеніе. Приэтомъ добываніе тамъ пищи совершается непремѣнно съ затратой извѣстной весьма почтенной дозы труда и ни одинъ родъ пищи легко не дается; такъ-что обезпеченіе питанія необходимо должно поддерживать энергію тамошняго человѣка въ извѣстномъ напряженномъ состояніи. Уралъ—не тропическая страна, гдѣ безъ всякаго труда человѣкъ можетъ быть круглый годъ сытымъ, и не полярная пустыня, гдѣ всякій трудъ былъ-бы напрасенъ. Напротивъ, на Уралѣ всякое малѣйшее проявленіе труда можетъ дать достаточное вознагражденіе.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія климатической и по отношенію къ пищѣ, Уралъ представляетъ самое удобное поприще для человѣческой дѣятельности и для цвѣтущаго развитія культуры и цивилизаціи. Скажемъ больше: богатства Урала такъ разнообразны и обширны, что отъ него такъ и хочется требовать и ожидать накопленія знаній и разнообразнаго примѣненія ихъ, хоть сколько нибудь соотвѣтственнаго его богатству. Ни климатъ, ни условія питанія, ни степень богатства нисколько не мѣшали проявленію на Уралѣ культуры, цивилизаціи, знаній, науки.

Видъ уральской природы чрезвычайно благотворный. Природа тамъ такъ скромна, уютна. Описанныя нами выше красоты Урала не подавляютъ воображеніе тамошняго обитателя. Тамъ нѣтъ особенно грозныхъ явленій. Жизнь пріуральскаго человѣка со стороны природы въ высшей степени обезпечена. Горы Уральскія не особенно высоки и повсюду общедоступны: въ ихъ красивыхъ ущельяхъ берутъ начало рѣки, обильныя водами и рыбой и легко отдающіяся въ руки искуства. Съ ними можно подѣлать что угодно—до того онѣ тихи и кротки нравомъ. Нѣтъ безконечныхъ степей, нѣтъ такихъ непроходимыхъ лѣсовъ, куда не могла-бы проникнуть административная власть въ лицѣ лѣсничаго или исправника, нѣтъ дикихъ и хищныхъ звѣрей, которые угрожали-бы опасностью селиться, нѣтъ ни ураґановъ, ни землетрясеній, дѣлающихъ невѣрною почву подъ ногами; нѣтъ наводненій, которыхъ нельзя было-бы предупредить; нѣтъ снѣжныхъ лавинъ, разрушающихъ селенія людскія на своемъ пути. Здѣсь не возникали никогда никакія моровыя язвы и эпидеміи, здѣсь не было опустошительныхъ набѣговъ, страна никогда не терпѣла политическихъ гоненій, здѣсь не было чужеземнаго ига. Вся природа окружающая говоритъ человѣку,

что онъ здѣсь силенъ, что онъ здѣсь полный господинъ и распорядитель, снабженный всѣмъ нужнымъ, чтобы вести успѣшную борьбу съ окружающей природой. Дѣятельность здѣшняго человѣка со стороны природы ничѣмъ не стѣснена и вполнѣ гарантирована отъ морскихъ бурь, отъ внезапныхъ потрясеній. Успокоительный тонъ природы, отсутствіе всякихъ подавляющихъ духъ явленій и скопленіе богатства, располагаютъ человѣка къ спокойному анализу и даютъ право разсчитывать на возникновеніе здѣсь обобщеній — науки. Такимъ образомъ, «видъ природы» на Уралѣ самый благотворный, и съ этой стороны нѣтъ и не было никакихъ препятствій къ проявленію всего того, что подобныя условія вызывали въ другихъ частяхъ свѣта. Мы положительно убѣждены, что такихъ 6 тысячъ квадратныхъ миль, какія представляетъ Уралъ въ одной пермской губерніи, нигдѣ больше нельзя встрѣтить въ Россіи. Только развѣ на европейскомъ Западѣ можно встрѣтить такія мѣстности, гдѣ на шести тысячахъ квадратныхъ миляхъ сгруппированы въ такомъ обиліи естественныя богатства природы, и будь Уралъ со всѣхъ сторонъ окруженъ китайской стѣною, онъ смѣло могъ-бы жить собственной жизнью, не нуждаясь ни въ комъ, создавая свою собственную цивилизацію, самобытную культуру, свой особый типъ человѣка. Читатель, подготовленный ученіемъ Бокля и его теоретическими взглядами на вліяніе природы и воздѣйствіе ея на человѣка, вправѣ ожидать отъ Урала самого блестящаго будущаго, если явятся къ нему на помощь лучшія соціальныя условія; потому-что прогрессъ зависитъ не отъ однихъ лишь щедротъ природы, а еще и отъ другихъ условій, играющихъ не менѣе важную роль въ дѣлѣ цивилизаціи.

IV.

Прогрессивное развитіе какой-нибудь страны зависитъ отъ весьма сложнаго сочиненія условій. Въ разное время великіе ученые ставили это развитіе въ зависимость отъ различныхъ вліяній. Одни, увлеченные значеніемъ природы, находили эту зависимость единственно въ непосредственной связи съ климатическими условіями, другіе усматривали всю суть прогресса въ зависимости отъ пищи. Бокль первый свелъ прогрессъ на зависимость отъ четырехъ элементовъ: климата, пищи, почвы и въ особенности «вида при-

роды». Мы видѣли, что эти условія на Уралѣ самыя благопріятныя, что климатъ, пища, почва и въ особенности «видъ природы» вполнѣ удовлетворительны для развитія самостоятельной жизни, совершенно благопріятны для поддержанія прогресса. Почему-же его тамъ нѣтъ даже въ помине? Потому-что одни эти условія недостаточны и не гарантируютъ прогресса. Значитъ, для этого нужны еще какія-то другія, болѣе важныя условія. Мы признаемъ преимущественное значеніе лишь за общественными условіями. Нигдѣ такъ Бокль не вѣренъ истинѣ, какъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ, именно: 1) что прогрессъ пропорціоналенъ накопленію знаній, и 2) единственный дѣйствительный прогрессъ зависитъ не отъ щедрости природы, *но отъ энергіи человѣка*. Вотъ этихъ-то двухъ элементовъ нѣтъ и не было на Уралѣ, потому-то тамъ прогресса нѣтъ и не было и онъ тамъ немыслимъ, невозможенъ до появленія, до полнаго господства этихъ двухъ элементовъ. На Уралѣ не только нѣтъ накопленія знаній, но полное отсутствіе всякой интеллектуальной жизни и дѣятельности. Среди роскоши природы и при исключительномъ embarras de richesse на всемъ пространствѣ Урала стоятъ двѣ классическія гимназіи и больше ничего! Вотъ они, плоды классицизма на Уралѣ! Рельефнѣе всего они видны здѣсь. Уралъ такъ счастливъ отъ природы, что онъ могъ-бы быть образцомъ гигіенической обстановки человѣка, а между тѣмъ мы видимъ здѣсь лишь образцы самой крайней антигигіены. На самомъ крайнемъ сѣверѣ, гдѣ человѣкъ живетъ по 8 мѣсяцевъ взаперти, въ четырехъ стѣнахъ, гдѣ онъ долженъ дышать согрѣтымъ искуственно воздухомъ, онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воздухъ былъ у него всегда испорченный, чтобы онъ какъ можно скорѣе заражался. На Уралѣ нѣтъ домовъ съ форточками, и вы можете зайти въ любую избу, въ любой мѣщанскій или купеческій домъ, и васъ поражаетъ густота и тяжесть атмосферы и какой-то прокислый, особенно непріятный промозглый запахъ. Вы спрашиваете, еле дыша: что-же это такое? И вамъ отвѣчаютъ: это значитъ *«жилымъ пахнетъ!»* Жилымъ?! Между тѣмъ, какъ вамъ это кажется чуть не мертвечиной. И дѣйствительно, этотъ мертвящій воздухъ мертвитъ несчастное населеніе: достаточно, что нигдѣ больше въ Европѣ нѣтъ такой необыкновенно-большой смертности, какъ на Уралѣ, и мы приписываемъ главную причину этой необыкновенной смертности и неимовѣрной болѣзненности этого края главнымъ образомъ испорченному воздуху. Вы можете зайти въ любой домъ на Уралѣ, начиная отъ роскошнаго палаццо главнаго начальника уральскихъ заводовъ въ Екатеринбургѣ и оканчивая послѣднимъ мѣщанскимъ

домишкомъ въ Красноуфимскѣ, этомъ жалкомъ городѣ развалинъ,—и вездѣ васъ встрѣтитъ самый негостепріимный, отвратительный запахъ гніенія фекальныхъ массъ, которыя хранятся здѣсь чуть не вѣками. Весной и осенью на всѣхъ улицахъ городовъ происходитъ такое броженіе газовъ и міазмовъ, что здоровыя, нормальныя легкія задыхаются. Ни одинъ органъ нашего тѣла такъ сильно и такъ часто не страдаетъ на Уралѣ, какъ легкія... Въ самой чертѣ городской находятся салотопни, скотобойни и въ верстѣ отъ Екатеринбурга, т. е. отъ главныхъ его улицъ, отъ архіерейскаго дома и женскаго монастыря, происходитъ такое зловонное гніеніе животныхъ веществъ, что мы скорѣе удивляемся присутствію жителей въ городѣ, чѣмъ скромнымъ эпидеміямъ тифа, проявляющимся тамъ зачастую. Словомъ, человѣкъ на Уралѣ употребилъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы въ конецъ раззорить, испортить, и заразить драгоцѣннѣйшій элементъ дыханія и слѣд. жизни—воздухъ. Всѣ дома на Уралѣ такъ устроены, что они скорѣе похожи на фонари по числу оконъ, чѣмъ на человѣческое жилье. На всемъ Уралѣ нѣтъ дома, гдѣ можно было-бы поставить кровать такъ, чтобы она не приходилась къ окну или къ печкѣ, или къ холодной наружной стѣнѣ и, если вы не желаете умереть въ ней, то вы должны поставить ее среди комнаты. Проклятыя подполья во всѣхъ домахъ служатъ постояннымъ резервуаромъ ревматическихъ страданій уральскаго населенія. Затѣмъ идетъ пища и питье. Если въ одномъ мѣстѣ задаются луколовскіе обѣды, за то въ другомъ ограничиваются какимъ-нибудь вонючимъ сигомъ. Нѣтъ падали на свѣтѣ, отъ которой-бы такъ разило, какъ отъ вонючаго сига, а между тѣмъ, онъ составляетъ любимое блюдо многихъ любителей этой рыбы. Одинъ гастрономъ увѣрялъ насъ, что ему всегда подавали зажаренный сигъ съ двумя курительными свѣчками... Мы не говоримъ о томъ, что нищета и бѣдность доводятъ мѣстами народъ до того, что цѣлыя селенія питаются чуть не круглый годъ грибами или пихтовой корой. Это—особая статья, но мы говоримъ о томъ, что и болѣе зажиточное населеніе питается Богъ-вѣсть чѣмъ и Богъ-вѣсть какъ. Начиная съ колыбели, мы нигдѣ не видали и не слыхали о такомъ обширномъ и общепринятомъ способѣ вскармливать дѣтей рожками и соской, какъ на всемъ Уралѣ, а потому тамъ смертность дѣтей превосходитъ всякое вѣроятіе. Г-жа Марія Манасеина пришла-бы тамъ въ ужасъ и негодованіе въ самыхъ аристократическихъ домахъ и на каждомъ шагу. Мы знали купеческія семейства, гдѣ на свѣтъ было произведено больше десятка дѣтей, а въ живыхъ не осталось ни одного. Какъ пьютъ на

Уралѣ, читатель можетъ справиться у тамошняго богатѣйшаго откупщика Альфонса Фомича Козелло-Поклевскаго, у котораго по обѣимъ сторонамъ Урала 14 винокуренныхъ заводовъ и который довелъ монополію до такихъ утонченныхъ способовъ, какіе и не снились старымъ откупамъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе, до безконечности. Цѣлые томы могли-бы мы исписать, какъ анти-гигіенична вся обстановка человѣка на Уралѣ и до какихъ типовъ вырожденія доводитъ тамъ эта нераціональная жизнь. Мы знали на Уралѣ цѣлую семью аристократовъ, члены которой были лишь изрѣдка вполнѣ счастливы, именно только въ тотъ день, когда у нихъ случалось хорошее отправленіе желудка. Такова гигіеническая обстановка Урала. Но никто не врагъ себѣ, никто не губитъ себя намѣренно. Поэтому главная причина этой антигигіенической обстановки лежитъ отчасти въ бѣдности населенія и больше всего — въ его глубокомъ невѣжествѣ. Въ немъ, только въ немъ, надо искать объясненія того непонятнаго равнодушія, съ которымъ человѣкъ относится къ своему здоровью, къ жизни и вообще ко всѣмъ существеннымъ интересамъ своего личнаго существованія. Но такъ-какъ интеллектуальная наша дѣятельность сильно вліяетъ на мышечную, то за отсутствіемъ образованія и его благотворныхъ стимуловъ и физическій трудъ не имѣетъ здѣсь ни достаточной энергіи, ни осмысленнаго стремленія. На Уралѣ энергія человѣка, этотъ главный рычагъ цивилизаціи, этотъ единственный двигатель прогресса, — была искони вѣковъ подавлена тѣми нераціональными условіями, которыя были созданы крѣпостнымъ правомъ и его эксплуатирующимъ гнетомъ. Все тамошнее рабочее населеніе втеченіи нѣсколькихъ вѣковъ проработало не въ свою, а въ чужую пользу, въ чужія руки, въ чужой карманъ и весь трудъ, вѣками имъ добытый, прожитъ внѣ Урала, гдѣ-нибудь въ Венеціи, Палермо или въ Парижѣ. Оттого на пространствѣ 6,000 квадратныхъ миль, занимаемыхъ пермской губерніей, на пространствѣ, равномъ Италіи, Великобританіи, чуть не всей Германіи или Франціи, живетъ двух-милліонное населеніе и еле-еле прокармливается, потому-что весь заработокъ уходитъ куда-то, уплываетъ зачѣмъ-то. Какъ-же тутъ увеличиваться населенію, какъ-же тутъ быть прогрессу? И пока на Уралѣ не появится самый стремительный наплывъ свѣжаго элемента, способнаго и готоваго служить интересамъ края, пока не исчезнетъ старый порядокъ, недающій никому поднять ни головы, ни руки, пока не явится самая свободная дѣятельность и ассоціація, до тѣхъ поръ не видать Уралу прогресса, какъ своихъ ушей. «Ладно! и безъ него поживемъ»! — Неправда! Уралъ съ каж-

дымъ днемъ больше и больше раззоряется. Лѣса его не сегодня, такъ завтра могутъ быть истреблены, богатства его минеральныя, хищнически расхищаемыя, изсякнутъ и населеніе еще больше обѣднѣетъ. А между тѣмъ Уралъ—золотое поприще для народной дѣятельности. Оставивъ въ сторонѣ исторически-соціальные недостатки этого края, тамошній человѣкъ, говоря вообще, хорошъ, гостепріименъ, хлѣбосоленъ, воспріимчивъ, впечатлителенъ, любознателенъ, податливъ ко всему прогрессивному, легко и охотно усвоиваетъ все хорошее, лучше, современное. Край благодатный, полный труда и труда благодарнаго, край полный всѣхъ элементовъ, готовыхъ сдѣлаться элементами прогресса, науки, развитія и счастія. Людямъ жаждущимъ плодотворной дѣятельности, людямъ, готовымъ служить развитію и счастію своей страны, людямъ, которымъ дорого благо своего народа, понимающимъ его нужды, желающимъ облегчить его страданія, въ комъ жива искра божія, въ комъ есть чувство состраданія къ рабочему люду, въ комъ бьется благородное сердце, въ комъ родилась сознательная связь съ своимъ народомъ, кто ищетъ, кромѣ своего, и чужого блага, кто счастливъ счастіемъ другихъ, — всѣмъ такимъ людямъ стоитъ и слѣдуетъ идти на Уралъ, въ эту обѣтованную землю разнообразнѣйшаго примѣненія могучихъ силъ человѣка, всѣмъ такимъ людямъ необходимо идти на Уралъ на упорную борьбу съ предразсудками края, а съ окружающей природой борьба уже начата, чуть не закончена могучей, терпѣливой и выносливой силой бѣднаго русскаго рабочаго. Идите туда и посмотрите, какъ молчаливо и спокойно онъ тамъ работаетъ на 80 саженяхъ глубины подъ землей, по колѣни въ водѣ, по шею въ грязи, съ кускомъ черстваго хлѣба за пазухой; посмотрите, какъ онъ чуть не зубами обгрызаетъ вершину Благодати, какъ мучительно онъ извлекаетъ золото, мраморъ, малахитъ и драгоцѣнные каменья, — посмотрите на все это и вы убѣдитесь, что съ такимъ устойчивымъ и упорнымъ трудомъ можно скалы превращать въ золотыя нивы и непроходимыя болота въ цвѣтущіе луга. Идите туда, люди стремленій, потому что такъ всего много, но не достаетъ тамъ ума и знанія. Идите туда работать и наслаждаться, потому что это край славнаго будущаго. Стыдъ тому, кто усумнится, что всѣ благія начинанія привьются гдѣ либо лучше, чѣмъ на славномъ, трижды прекрасномъ Уралѣ.

Идите и вы не раскаятесь!

V.

Но если на Уралѣ есть надъ чѣмъ поработать въ гигіеническомъ и нравственномъ отношеніи, есть за что положить силы ради блага этого обширнаго края, то еще больше найдется работы для прогрессивной дѣятельности въ соціальномъ отношеніи.

Уралъ былъ заселенъ людьми искони вѣковъ. Разныя археологическія, нумизматическія и всякаго рода изысканія во очію доказываютъ, что здѣсь жила когда-то какая-то чудь, что здѣсь было царство *чудаковъ*. Когда-то на Уралѣ было будто-бы большое государство, нѣкая Біармія, имѣвшая торговыя сношенія даже съ Индіей. Такъ или иначе, но новгородцы въ самой отдаленной древности, попавши сюда, застали здѣсь организованную жизнь, потому что эти самые чудаки занимались даже разработкою руды и добывали желѣзо и мѣдь. Такимъ образомъ, русскіе, появившись здѣсь въ XI вѣкѣ, имѣли передъ собой уже подготовленную для дѣятельности почву. Они, конечно, и стремились къ достиженію этой цѣли, но нѣсколько отличными путями. Изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что Уралъ населяло искони вѣковъ финское племя; съ XI вѣка стали появляться здѣсь русскіе, а потомъ съ боку присоединилось татарское племя. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что здѣсь совершилось скрещиванье этихъ трехъ породъ въ довольно крупныхъ размѣрахъ, и такъ какъ господствующей и преобладающей массой было русское племя, поглотившее и поглощавшее другія племена, то эта помѣсь не могла не отозваться на русскихъ самымъ благотворнымъ образомъ, съ точки зрѣнія антропологической. Словомъ, съ этой стороны мы видимъ самыя подходящія условія для развитія края.

Но колонизація Урала русскими шла тихо и медленно. Съ самаго начала появленія на Уралѣ русскихъ переселенцевъ уже слышны были жалобы. Эти переселенцы были большею частію народъ отпѣтый, которому нечего было терять. Они являлись сюда съ единственной цѣлью наживаться и грабить, а потому первобытное туземное населеніе сильно терпѣло и страдало отъ русскихъ колонизаторовъ. Тѣмъ не менѣе край покорился наплыву пришлого элемента и хотя съ теченіемъ времени антропологическое населеніе видоизмѣнилось и вмѣсто вогуловъ, вотяковъ, зы-

рянъ, пермяковъ очутились на Уралѣ огромныя поселенія, состоящія изъ русскаго элемента, но заведенные разъ порядки сохранились на долго, если не навсегда. Когда впослѣдствіи Москва стала посылать въ Пермь своихъ воеводъ, то она обязывала ихъ доставлять великому князю опредѣленный доходъ съ управляемой страны, нисколько не заботясь о томъ, какими средствами добывался этотъ доходъ. Такимъ образомъ, цѣлыя области отдавались воеводамъ, какъ жалованье, *на кормленіе*. Странно было-бы ожидать, чтобы воеводы были какими-то идеальными представителями гуманности и добродѣтели. Они смотрѣли на области, какъ на средство къ наживѣ, и страшно обогащались, прибѣгая въ своихъ вымогательствахъ къ самымъ крайнимъ жестокостямъ и притѣсненіямъ.

Въ такомъ положеніи застала Уралъ исторія временъ Петра Великаго, со времени котораго собственно и начинается настоящая жизнь на Уралѣ, потому что этотъ великій прогрессистъ положилъ на Уралѣ прочное начало горному дѣлу и тѣмъ указалъ ему на его существенное значеніе.

Но рядомъ съ этимъ быстро, форсированнымъ маршемъ подвинулось впередъ крѣпостное право и самый неблагодарный трудъ, какъ неизбѣжный результатъ крѣпостной кабалы. Уралъ сдѣлался центромъ, куда стремилось все, что постигало искуство эксплуатаціи. Это была не свободная колонизація, гдѣ добровольный трудъ шелъ на обогащеніе рабочаго и даже не капиталъ, пущенный въ ходъ и обращеніе. Нѣтъ, это было насильственное переселеніе огромнаго числа людей, насильственное навязыванье этимъ людямъ совершенно чуждаго имъ труда, потому что большинство заводовъ населено людьми, насильственно туда загнанными, и притомъ часть ихъ нихъ по набору изъ сосѣднихъ областей. Такимъ образомъ, трудъ былъ поставленъ въ самыя неблагопріятныя условія подневольнаго и почти ничѣмъ невознаграждаемаго труда. Поэтому на Уралѣ съ самаго начала установилось совершенно иное экономическое начало: съ одной стороны безконечный трудъ безъ всякаго вознагражденія, съ другой — полнѣйшая эксплуатація этого труда въ безусловную пользу привиллегированнаго сословія. Это привиллегированное сословіе было съ самаго начала и осталось до сихъ поръ крайне немногочисленнымъ. Чтобы обезпечить за нимъ всѣ права и привилегіи, естественно понадобилась сложная администрація, содержаніе которой съ каждымъ днемъ увеличивалось и ложилось новымъ ярмомъ на рабочій классъ. Привилегированный классъ распоряжался дѣдѣлами издали; онъ почти не жилъ на Уралѣ и имѣлъ здѣсь своихъ безцеремонныхъ представителей въ разнаго рода управляющихъ, большею

частію изъ отставного чиновничества. Искони вѣковъ наплывное, пришлое, оно являлось сюда какъ-бы на время, съ единственной цѣлью нажиться и пожить, и дѣйствительно, нигдѣ чиновничество не жило такъ привольно и роскошно, какъ на Уралѣ. Уму непостижимо, какъ оно быстро богатѣло здѣсь. Явившійся наканунѣ нищимъ, просыпался на другой день богачемъ, и если онъ оставался нѣсколько лѣтъ на одномъ мѣстѣ, то наживалъ громадное состояніе и жилъ и поживалъ, какъ крупный собственникъ. И вовсе не было рѣдкостью и исключительнымъ явленіемъ въ золотомъ вѣдомствѣ, что чиновникъ, получавшій 400 руб. жалованья, проживалъ minimum десять тысячъ въ годъ. Прослужитъ чиновникъ два-три года, какъ бы ни было ничтожно занимаемое имъ мѣсто, но вотъ у него уже домъ, размѣрами и цѣнностію соотвѣтствующій его положенію, его сану. Умеръ онъ, и послѣ него остается семья, снабженная на долгіе годы и капиталомъ, и жилищемъ, и всякимъ добромъ. Въ Чердынѣ многіе годы служилъ исправникъ, который собиралъ съ народа двойныя подати, и когда онъ умеръ, то амбары его до-того были переполнены всякимъ скарбомъ, что наслѣдники лишь въ послѣдніе годы стали покупать сахаръ, чай, мыло, хотя онъ умеръ лѣтъ 30 тому назадъ. Такъ безцеремонно обирался народъ. Кто служилъ въ золотомъ вѣдомствѣ, тотъ рѣдко бросалъ службу, не наживъ прежде состоянія, что дѣлало его самымъ почтеннымъ членомъ общества. Нечего и говорить, что купечество шло тѣмъ же путемъ. Просто стыдно и совѣстно описывать и передавать, къ какимъ хитростямъ прибѣгало оно, чтобы обмѣривать и обвѣшивать трудъ крестьянина. Явилась особенная, дотолѣ небывалая и только этому краю свойственная, система [кулачества, небрезговавшая никакими средствами наживы. Такъ въ одномъ городѣ по большому сибирскому тракту, легенда гласитъ, что самый богатый и выдающійся содержатель огромнѣйшаго постоялаго двора убилъ собственноручно какого-то проѣжающаго и ограбилъ его; другой богатый купецъ, будучи прикащикомъ, обворовалъ хозяина и сталъ именитымъ гражданиномъ; третій воспользовался припрятанными деньгами промотавшагося купца и самъ сталъ богачемъ, четвертый... и такъ далѣе... легенда перебираетъ чуть не всѣхъ крупныхъ тузовъ. Понятно, что въ глазахъ такихъ кулаковъ чиновникъ-взяточникъ вовсе не представлялъ ужаса или чего нибудь неестественнаго. Явленіе слишкомъ обыкновенное, обыденное, даже нужное, неизбѣжное. Чиновникъ не взяточникъ, чиновникъ — честный человѣкъ былъ опаснымъ человѣкомъ, отъ котораго необходимо было избавиться, отдѣлаться, во что бы

го ни стало. Лѣсничій очень хорошо зналъ, сколько дохода у исправника, а исправникъ подтрунивалъ надъ лѣсничимъ, зачѣмъ онъ такъ много проживаетъ. Каждый въ своемъ вѣдомствѣ былъ полный властитель и дѣйствовалъ по давно-заведенному порядку. Въ каждомъ уѣздѣ самая выдающаяся личность, конечно, исправникъ. Это — сила. До послѣдняго времени онъ былъ полнымъ хозяиномъ своего уѣзда и не зналъ надъ собой никого, кромѣ губернатора, который отъ него требовалъ главнымъ образомъ двухъ вещей: правильнаго взиманія податей, чтобы не было недоимокъ, и чтобъ по дорогѣ можно было проѣхать, не увязнувъ въ болотѣ. Все остальное было предоставлено его личному усмотрѣнію. До какихъ размѣровъ иногда доходило это личное усмотрѣніе и произволъ — это показала сенаторская ревизія 1870 года.

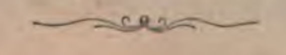
Такимъ образомъ, съ одной стороны, такъ легко и случайно пріобрѣтаемое богатство, возвышающее человѣка въ глазахъ общества, какими бы средствами оно ни было пріобрѣтено;—съ другой постоянное стремленіе только къ удовлетворенію своихъ личныхъ интересовъ, къ личному благополучію, какъ бы дорого оно ни обходилось другимъ,—не могли, конечно, развить тѣхъ гуманныхъ общественныхъ чувствъ, которыя составляютъ то, что мы обыкновенно называемъ общественною совѣстію. Стюартъ Милль гдѣ-то замѣтѣлъ, что она, эта общественная совѣсть, улучшается только по мѣрѣ того соціальнаго прогресса, который совершается въ общественномъ мнѣніи. Чѣмъ оно выше и чѣмъ судъ его строже относится къ окружающимъ мерзостямъ, чѣмъ оно чутче и внимательнѣе контролируетъ поступки гражданъ, чѣмъ оно просвѣщеннѣе и гуманнѣе, тѣмъ менѣе шансовъ на то, чтобы злоупотребленіе оставалось безнаказаннымъ. Оно клеймитъ своимъ стоустымъ приговоромъ и предаетъ позору всякую вопіющую несправедливость, всякую нравственную ложь. И въ этомъ отношеніи оно въ тысячу разъ оказывается дѣйствительнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ всякія ревизіи и административныя внушенія. Оно не подслушиваетъ и все знаетъ; оно не шпіонитъ и все предвидитъ; оно не вторгается въ чужую совѣсть, не насилуетъ чужихъ убѣжденій, и все-таки руководитъ ими и освѣщаетъ ихъ. Но чтобы поднять до такого уровня общественное мнѣніе, нужно, во первыхъ, создать самое общество, которое-бы состояло не изъ табуннаго кружка, а изъ людей развитыхъ и жило вполнѣ солидарною жизнію; во вторыхъ, нужно, чтобы камертонъ этого мнѣнія находился въ рукахъ не лѣсничихъ и исправниковъ, получавшихъ 400 р. жалованья, а проживавшихъ по 10,000 въ годъ, не кулаковъ, навод-

няющихъ Уралъ съ единственною цѣлью набить свой карманъ, а того умнаго, образованнаго и трудолюбиваго класса, вліяніе котораго стояло-бы во главѣ общественнаго движенія. А есть ли такой классъ на Уралѣ и пользуется ли онъ хоть какимъ нибудь вліяніемъ? Увы! его нѣтъ и въ поминѣ; человѣку развитому, съ честными, современными стремленіями на Уралѣ какъ будто нѣтъ мѣста. Его положеніе тамъ почти немыслимо. Онъ, рано или поздно, долженъ уступить, или замолчать. Да его вовсе тамъ и не нужно. Къ чему онъ тамъ, когда вовсе не то нужно, не то требуется? Положимъ, вы выразитесь о комъ-нибудь, что онъ очень образованный и честный человѣкъ; вы этимъ жестоко ему повредите. Его станутъ остерегаться и чуждаться, развѣ только онъ съумѣетъ прикрыть свое настоящее настроеніе и явится такимъ пустымъ, безсодержательнымъ, какъ и всѣ остальные. Кому тутъ нужна чья-нибудь честность, благородныя убѣжденія, какія-то гуманныя стремленія! Никто никогда объ этомъ не думаетъ, никто объ этомъ не заботится, никто объ этомъ даже не помышляетъ. Представте себѣ, если-бъ кто-нибуть изъ образованныхъ европейцевъ очутился среди папуасовъ, маорисовъ или ботокудовъ и вздумалъ-бы предъ ними излагать ученіе Дарвина или разсуждать о женскомъ вопросѣ, о трудѣ и т. п., то какъ онъ былъ-бы принятъ? Онъ былъ-бы такъ-же смѣшонъ, какъ ораторъ, проповѣдующій между взяточниками о безкорыстіи или между кулаками о великодушіи къ ближнему. Въ такомъ-же положеніи былъ-бы всякій, кто вздумалъ-бы на Уралѣ разговаривать о чемъ-нибудь имѣющемъ существенное, прогрессивное значеніе. Ясно, что среда тамъ такого рода, что туда нужны лишь люди извѣстнаго свойства, и только передъ ними лежитъ открытая дорога. А потому на Уралѣ нѣтъ и не было группы людей, заинтересованныхъ прогрессивнымъ развитіемъ края, и образованныхъ людей въ истинномъ, современномъ значеніи слова можно встрѣтить лишь какъ самое рѣдкое исключеніе. Тамъ только изрѣдка натолкнешься на человѣка, который-бы зналъ какой-нибудь европейскій языкъ, еще меньше такихъ, которые говорили-бы, и несравненно меньше такихъ, которые читали-бы на иностранныхъ языкахъ какія-нибудь серьезныя сочиненія. Образованіе самое поверхностное, микроскопическое, въ самой ничтожной гомеопатической дозѣ. Въ Екатеринбургѣ, центрѣ горной дѣятельности, есть классическая гимназія, въ которой преподается такая роскошь, какъ латинскій и греческій языки,—и это среди населенія, неимѣющаго самыхъ элементарныхъ понятій о томъ, какъ сдѣлать получше и полегче свой плугъ

или какъ обставить себя поудобнѣе въ домашнемъ быту. Людей науки, людей иниціативы, людей прогресса, людей живой энергической дѣятельности, людей высшей интеллигенціи тамъ самая ничтожная крупица и они до того растворены на Уралѣ, какъ ложка меду въ бочкѣ дегтю. Вотъ почему тамъ нѣтъ и не было никакой жизни, никакого стремленія впередъ; вотъ почему Уралъ, несмотря на свое исключительное и рѣдкое богатство, на необыкновенную щедрость своей природы, не внесъ ничего ни въ науку, ни въ литературу, ни даже въ искуство, не участвовалъ въ общемъ соціальномъ движеніи русской жизни. Вотъ почему, при всемъ богатствѣ матеріяльныхъ средствъ, которыми его надѣлила природа, онъ не создалъ ничего самостоятельнаго, *своего*, оригинальнаго, прочнаго, чего-нибудь образцоваго впродолженіи всего своего многовѣковаго существованія. Могутъ замѣтить, что и другіе... Но Уралъ не то, Уралъ—не другіе; потому, кому много дается, съ того много и спрашивается. Уралу природа дала не только многое, а дала все и онъ со всѣми своими сокровищами ничего не сдѣлалъ, потому-что если у него и встрѣчается кое-гдѣ что-нибудь выдающееся изъ ряду, то это продуктъ Петербурга, пересаженный на несвойственную ему почву. Ясно, что такое общество не есть химически-связанное цѣлое, а искуственная смѣсь разнородныхъ элементовъ, идущихъ врозь, неимѣющихъ ничего общаго, незаинтересованныхъ ничѣмъ общественнымъ. На сколько я знаю Уралъ, изучаемый мною втеченіи 10 лѣтъ, онъ представляетъ собою самую рутинную среду, которую подвинуть на что-нибудь прогрессивное будетъ стоить самыхъ неимовѣрныхъ усилій. Это чувствуетъ тамъ каждый образованный человѣкъ, взятый, какъ единица. И борьба каждой подобной единицы съ этой средой была-бы совершенно безполезнымъ дѣломъ... До какой степени общественная совѣсть стоитъ не высоко, это лучше всего можно видѣть на какой-то платонической любви къ доносамъ. Я жилъ въ одномъ городѣ, гдѣ трудно было поручиться, хотя-бы за одного изъ мѣстной чиновной аристократіи и демократіи, который-бы не сдѣлалъ *ложнаго* доноса. Ни за кого нельзя было поручиться, что не сдѣлаетъ *ложнаго* доноса не только на кого-нибудь изъ постороннихъ, но даже изъ людей близкихъ и даже родныхъ. Человѣческая алчность ухитрилась и тутъ сдѣлать изъ кляузы и доноса источникъ наживы. Это было-бы только омерзительно, еслибъ не было опасно...

Таковъ тамъ мужчина. Немногимъ лучше женщина на Уралѣ. Не говоря уже о томъ, что на Уралѣ очень мало красивыхъ женщинъ, общест-

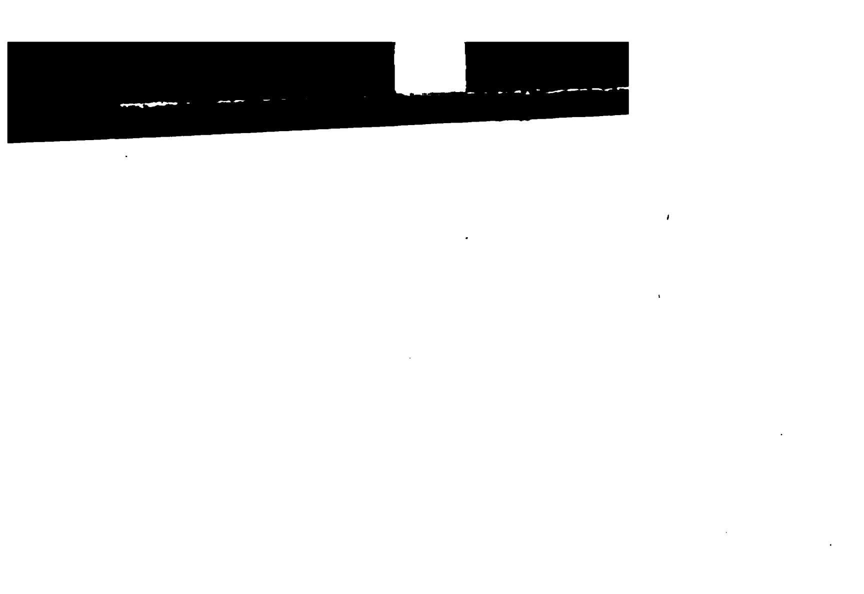
венное ихъ значенiе равняется нулю. Во всякомъ обществѣ женщина можетъ играть одну изъ двухъ ролей: или она является главнымъ проводникомъ прогресса, лучшимъ орудiемъ и двигателемъ всего современнаго, лучшей охраной общественныхъ идеаловъ и надеждъ,—или она является упорнымъ тормазомъ развитiя, заступницей и охранительницей всего рутиннаго, отсталаго и отжившаго. Эта послѣдняя роль и принадлежитъ женщинѣ этого края. Если и есть зачатки чего-то новаго, мечтающаго объ общественной дѣятельности, о благѣ своей меньшой братiи, то эти зачатки слишкомъ ничтожны, чтобы считать ихъ за дѣйствительный фактъ. Всякое другое человѣческое чувство, кромѣ материнскаго, всякая дѣятельность, выходящая изъ круга домашней насѣдки и кухарки, считается смѣшной и нѣтъ того осла, который-бы не лягнулъ такую женщину за ея робкiй и инстинктивный порывъ къ самостоятельной жизни. Даже на образованiе женщины смотритъ патрiархальный Уралъ съ какой-то иронiей Скалозуба и съ недовѣрiемъ инсинуатора. Поэтому на Уралѣ нѣтъ женщинъ труда и прогресса въ силу принципа, нѣтъ женщинъ, заинтересованныхъ общественнымъ благомъ; нѣтъ женщинъ, одушевляемыхъ какой-нибудь идеей и одушевляющихъ общество какимъ-нибудь стремленiемъ. Образованiе ихъ еще мизернѣе, кругъ понятiй еще ограниченнѣе, сфера знанiй самая ограниченная, узкая, гомеопатическая, и ни тѣни пониманiя своего соцiальнаго назначенiя. Пассивность, апатiя, разслабленные нервы и самые обыденные интересы—ихъ характеристическая черта. Было-бы преступленiемъ съ нашей стороны не упомянуть о двухъ, трехъ исключенiяхъ, въ которыхъ, по меньшей мѣрѣ, шевелилось сочувствiе ко всему современному, но эти исключенiя, чувствуя свое одиночество, походили на алмазъ, брошенный въ навозную кучу, и скромный голосъ ихъ терялся въ общемъ хорѣ дисгармонiи и нестройной разноголосицы, со всѣхъ сторонъ раздававшейся вокругъ нихъ и заглушавшей ихъ силой господствующаго табуннаго мнѣнiя. Намъ нечего подсказывать читателю, какъ необходимы этому краю люди прогрессивные, способные будить общественную совѣсть и развивать сознанiе. И чѣмъ ихъ болѣе тутъ будетъ, чѣмъ ихъ влiянiе будетъ независимѣе и сильнѣе, тѣмъ лучше будетъ для этого богатаго края. Нигдѣ поприще для разумной общественной дѣятельности не можетъ быть болѣе широкимъ, какъ здѣсь,—въ этой первобытной странѣ отсталости и рутины.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Пьянство, какъ соціальный недугъ	1— 41
Источники болѣзней	42— 75
Безпредѣльность гигіены	76—113
Всеобщее оплодотвореніе или пангенезисъ Дарвина	114—167
Подборъ въ природѣ	168—204
Борьба за существованіе	205—260
Вопросъ о пищѣ въ борьбѣ за существованіе.	261—320
Послѣдствія борьбы.	321—386
Развитіе и порча	387—482
О вырожденіи	483—593
По обѣ стороны Урала	594—622

RA 425 .P6 C.1
Voprosy obshchestvennoi gigien
Stanford Unive
3 6105 03
CECIL H. GREEN
STANFORD UNIVERS
STANFORD, CALIFORN
(650) 723-
greencirc@stan
All books are subj
DATE DU